

Борис Докторов

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Историко-биографические
поиски

ТОМ 8

Беседы с социологами
V - VII поколений

Часть 1

Так начиналась российская
постсоветская социология

2016

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г
Д635

Докторов Б.З.
Д635 Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. Том 8 Беседы с социологами V–VII поколений, ч. 1 Так начиналась российская постсоветская социология М.: ЦСПиМ, 2016. – 1157 с.

ISBN 978-5-906001-46-7.

В девятитомнике доктора философских наук, профессора Б.З. Докторов обсуждаются результаты его историко-научного анализа становления современной российской социологии. Оригинальность и новизна данной работы определяется установкой автора на освещение прошлого и настоящего отечественной социологии на базе воспоминаний и суждений тех, кто формировал ее основы и внес значительный вклад в ее развитие. А в последние годы – и тех, кто в настоящее время активно работает в социологии и готовит новые поколения социологов.

Том 1 – «Биографии и история» – является методологическим введением ко всему проекту. Одновременно в нем представлены теоретико-эмпирические выводы проведенного исследования.

Материалы Томов 2, 4, 7 и 8 (в двух частях) – «Беседы с социологами семи поколений» – образуют эмпирическую базу исследования и придают особую значимость проделанной работе. Это – 143 глубинных биографических интервью, которые были проведены автором в 2005–2016 годах с российскими социологами разных возрастных групп.

Тома 3 и 5 содержат историко-методологические работы Б.З. Докторов, статьи о жизни и творчестве социологов, чьи гражданские позиции особенно близки автору. Также, в них представлены его автобиографические материалы

Том 6 – включает в себя книги Б.З. Докторов о Б.А. Грушине и В.А. Ядове, ярких представителей первого поколения российских социологов.

Том 9 – впервые знакомит российского читателя с биографией и творчеством историка, философа и социолога науки Б.Г. Кузнецова и содержит пространное автобиографическое интервью Б.З. Докторов.

Книга может быть полезной широкому кругу социологов-исследователей, университетских преподавателей, аспирантов и студентов, специализирующимся в области истории российской социологии. Вместе с тем, она адресована и более широкому кругу читателей, интересующихся социологией и историей нашей страны.

УДК 316.1/.2(47+57)
ББК 60.5(2)г

ISBN 978-5-906001-46-7

© Докторов Б. З., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
------------------	---

Поколение V

Барбаков О. М.. Это то, что мы обозначаем одним емким словом – “состоялось”.....	9
Безуглова М. С. Мы выстояли в самый тяжелый период и потом неуклонно и быстро стали набирать обороты	23
Бляхер Л. Е. Испуганный этой перспективой, я кинулся читать учебник Ядова	40
Гельман В. Я. Я получил эту роль – мне выпал счастливый билет	59
Залесский П. К. Август 91-го помог мне сменить карьеру военного на профессию социолога	103
Звоновский В. Б. 4 февраля 1991 года я стал социологом.....	128
Карпенко О. В. Так или иначе, свой велосипед я изобрела	153
Леонтьева Э. О.. Ощущение радости от хорошо проведенного занятия – это моё самое большое счастье в профессии.....	178
Лурье С. В. Я действительно была кошкой, гуляющей сама по себе	200
Масловский М. В. Меня интересовало использование идей Вебера для объяснения социально-исторических процессов	219
Милехин А. В. В 1987 году мы с партнерами открыли, я думаю, первый в СССР социологический кооператив.....	240
Никулин А. М. Я странник междисциплинарных направлений, и не только аграрных.....	257
Олимпиева И. Б. Я – социолог во втором поколении.....	287
Рождественская Е. Ю. Проговаривая свою жизнь, мы наделяем ее смыслом	308
Романов П. В. На социологию меня вывела судьба, видно, как-то удалось услышать ее тихий голос.....	330
Романович Н. А. А когда пообещала, то уже обратной дороги не было.....	344

Тартаковская И. Н. Я вдруг ощутила, что как бы попала из мира необходимости в мир свободы.....	386
Хайруллина Н. Г. Уже 25 лет я совмещаю два любимых дела: занимаюсь социологией и преподаю.	413
Ярская-Смирнова Е. Р. Бросить вызов сложившимся определениям, границам научных дисциплин.....	445
Ярулин И. Ф. Новые тексты, новые люди толкали на переосмысление	471

Поколение VI

Абрамов Р. Н. До поездки в ИС РАН я почти не видел «живых» социологов.	488
Алесина А. И. Я человек, воспитанный стаей социологов, с этим все понятно.	541
Амбарова П. А. Смотри на мир и время реалистично, думай оптимистично	556
Багирова А. П. Скорее нас учила сама университетская атмосфера.	579
Баскакова Ю. М. Работа «фабричного» исследователя может быть не менее сложной и увлекательной, чем работа исследователя академического	598
Вахштайн В. С. Мы были “морем молодых”, которые “ выползли из тьмы”	613
Волкова О. А. Мне очень повезло с людьми, с которыми я встречалась по мере освоения профессии	666
Говорухин Г. Э. Профессиональная социологическая площадка Дальнего Востока уже в целом очерчена.	686
Григоричев К. В. Не скажу, что год работы в роли “муниципального служащего” был совсем бесполезен.....	707
Засыпкин В. П . В итоге, поскитавшись во Франции около трех месяцев, я вернулся в Сургут	738
Лушников Д. А. Это была судьба, прячущаяся за цепочкой случайностей	762
Мамонов М. В. Меня интересовала, прежде всего, электоральная действительность.....	775
Нартова Н. А. То, что они горели социологией, горели своей работой, горели нами, очень вдохновляло.	790
Паутова Л. А. Я с радостью ожидаю изменений	802
Подвойский Д. Г. ...Я живу в 114-м году XX века	817

Сорокин Г. Г. Я – преподаватель. Наукой занимаюсь в свободное от работы время.....	885
Троцук И. В. В “текстах” я ощущаю себя максимально комфортно	900
Устинова О. В.. Если наша государственная политика будет опираться на экономическое стимулирование рождаемости, то вскоре она потерпит полный крах.	931
Фарахутдинов Ш. Ф. Мой выбор был зрелым, я все равно встал бы на этот путь.....	954
Федоров В. В . Эффективность личных опросов в России непрерывно падает, полстерам пора переходить к новым методам исследования	977

Поколение VII

Абрамовский А. Л. Мне повезло родиться на рубеже эпох.	997
Бондаренко В. А. Забавно, я всегда и везде самая младшая.....	1012
Гаврилюк Т. В. Все свои курсовые работы, диплом и диссертацию я посвятила субкультурной проблематике	1026
Димке Д. В. Исследования – одно из самых интересных занятий на свете.	1037
Дмитриева А. В. Никакая смена ниши деятельности, места работы не смогут меня сейчас переубедить в том, что я социолог.....	1056
Кондаков А. А. “Западная” академическая культура царила в классе.....	1066
Кононенко Р. В. Этнография, фольклор стали моей жизнью.	1085
Мавлетова А. М. Мечтаю, что когда-нибудь будет построена репрезентативная онлайн-панель в России	1095
Макушева М. О. Большая часть моих проектов действительно связана с Ямалом	1112
Романова Е. П. Когда мне было семь или шесть лет, мой папа посадил меня на стол и сказал: “пообещай мне, что ты станешь социологом”	1128
Тыканова Е. В. ...мое исследование «качнулось» от изучения дискурсивных легитимаций участников конфликтов к рассмотрению их практик.....	1142

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие к Тому 7 начиналось словами: «Том 7 – прямое продолжение материалов, приведенных в Томах 2 и 4». Сказать так же о настоящем томе – невозможно, если только не акцентировать тот факт, что все интервью с российскими социологами, собранные в этой книге, проведены по электронной почте. Однако, если говорить не о технологии сбора историко-социологического материала, но о специфике биографической информации, представленной во всех предыдущих томах, и в Томе 8 (обеих частях), то здесь мы имеем принципиальную разницу. Обратимся к Таблице 1, в которой дано распределение 146 интервью, проведенных со 143 социологами всех семи поколений. Количество интервью на три больше числа социологов, чьи биографии представлены в книге, потому, что с В. А. Ядовым (поколение I), А. Н. Алексеевым и Я. И. Гилинским (поколение II) было проведено по два интервью.

Таблица 1

Поколенческая структура интервью, собранных в томах 2,4, 7 и 8

Тома	Поколение / временные (годы) концы поколенческих интервалов							Итого
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
	1923-1934	конец 20-х-1934	1935-1946	1947-1958	1959-1970	1971-1982	1983-1994	
Том 2	6	10	16	12	-			44
Том 4	3	4	5	3	2			17
Том 7		1	9	23				33
Том 8, части 1, 2					20	21	11	52
Итого:	9	15	30	38	22	21	11	146

Еще впереди проведение детального анализа процессов становления, образования всех социологических поколений, но в порядке первого приближения имеет смысл говорить о трех подходах к описанию наших профессионально-возрастных когорт. Во-первых, можно говорить о социо-хронологической специфике поколений, во-вторых, о модели, или траектории, вхождения в социологию, и, в-третьих, о доминантных функциях (или ролях) поколений в становлении и развитии социологии (Таблица 2). В такой 3-х мерной системе координат каждое из названных направлений анализа может трактоваться как координатная ось аналитического пространства, в котором могут изучаться и отдельные поколения и их изменчивость, подвижность.

Первые четыре строки Таблицы 2 приводились в Таблице 2 Предисловия к Тому 7, в котором собрано множество интервью с социологами первых четырех поколений. Их биографии, пути в социологию, сама их профессиональная деятельность изучаются мною уже несколько лет, однако я далеко не уверен, что в процессе дальнейшего анализа собранной информации я смогу сохранить названия всех типологических групп старших когорт нашей поколенческой пирамиды.

Заметно сложнее определить названия типологических групп социологов V-VII поколений (три следующие строки Таблицы 2), т.е. вошедших в социологию в постсоветское время. Поколение V, старшие представители которого начали входить в социологию в середине 1980-х, образует первое постсоветское поколение нашего сообщества.

Три оси типологического пространства анализа социологических поколений

Поколение	Социо-хронологическое имя поколения	Вхождение в социологию	Доминантная функция (роль) поколения
I	«Шестидесятники» (первая волна)	Им суждено было начать	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	«Шестидесятники» (вторая волна)	Первые ученики первых учителей	Расширение предметного поля исследований
III	Военное	Призванные помогать	Развитие эмпирических методов
IV	Первое послевоенное	Спасенные перестройкой	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	Первое постсоветское		Обогащение парадигматики и методологии
VI	Первое поколение XXI века		Определение характера постсоветской российской социологии
VII	Активные участники глобального социологического сообщества		Вхождение в глобальное социологическое сообщество

Я еще не изучал траектории вхождения в социологию исследователей V-VII поколений, потому три последние клетки второго столбца Таблицы 2 пока не заполнены. Насколько мне сегодня известны направления, парадигматика и методы работы социологов V поколения, доминантная функция деятельности этой группы – освоение теоретических подходов и методов, которые активно развивались западными социологами в годы, когда советские социологи не могли регулярно сотрудничать с их зарубежными коллегами, и адаптировать весь этот новый опыт для изучения российской проблематики. Другими словами, их главная роль – обогащение парадигматики и методологии доперестроечной российской социологии.

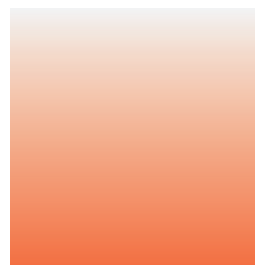
Не следует торопить события и вводить социо-хронологические имена двух последних, самых молодых поколений российских социологов. Обе эти генерации – еще в становлении, в поисках «себя». Старшие представители VI когорты входили в социологию в начале 1990-х, младшие – в начале 2000-х годов, для большинства из них время активной научной и преподавательской работы продлится до конца первой трети – середины нынешнего века. Таким образом, поколение VI можно – в первом приближении – обозначить как первое российское поколение XXI века. На мой взгляд, им – конечно, с их старшими коллегами – и предстоит задать характер постсоветской российской социологии первой половины текущего столетия.

И совсем смутно проступает «лицо» и функции деятельности социологов VII, но, допуская, эта когорта будет рассматривать себя одновременно и в качестве российских социологов, и как составную часть глобального социологического сообщества.

И теперь можно еще раз – см. Предисловие к Тому 7 – отметить, что историко-биографическое исследование, нацеленное на изучение становления современной советской (послевоенной) социологии, через введение конструкции поколений и изучения этих профессионально-возрастных образований приобрело и черты футурологического проекта. В моем понимании, такое «самообогащение» содержание проводимого исследования – одно из доказательств его научной значимости.

Поколение V

Интервью с Олегом Михайловичем БАРБАКОВЫМ

«ЭТО ТО, ЧТО МЫ ОБОЗНАЧАЕМ ОДНИМ ЕМКИМ СЛОВОМ – “СОСТОЯЛОСЬ”»

Барбаков О. М. – окончил геологический факультет Тюменского нефтегазового университета (1981 г.), доктор социологических наук (2001 г.), профессор, создатель (1997 г.) и заведующий кафедрой Бизнес-информатики и математики Тюменского государственного нефтегазового университета .

Основные области научного интереса: системный анализ, информационные системы в управлении, в менеджменте, маркетинге, электронный маркетинг

Интервью состоялось: май-июнь 2015 г.

Конец первого полугодия 2015 года. В галереи моих собеседников 120 фотографий. Завершается работа еще с десятком интервью, уже просматриваются первоочередные задачи анализа собранной информации. Одна из таких – исследование факторов, воздействие которых определило приход человека в социологию. Специфика становления и развития социологии в СССР заключается – в отличии от многих других наук – в том, что, во-первых, на протяжении трех десятилетий социология была запрещена, объявлена буржуазной лженаукой. Во-вторых, даже после того, как в стране начали проводиться социологические исследования, действовала Советская социологическая ассоциация, сотрудничавшая с Международной ассоциацией социологов, публиковались книги отечественных социологов и делались переводы западной литературы, в структуре Академии наук существовал головной институт, работало множество лабораторий в университетах страны, существовала отраслевая и заводская социология и т.д, но социология не была официально признана в качестве самостоятельной науки и стране не велась целенаправленная подготовка кадров.

Из истории известно, что в СССР в списке запрещенных, вредных, реакционных наук находилась не только социология, но также психология, кибернетика, генетика и ряд других научных направлений. Однако под воздействием группы обстоятельств, в частности – необходимости повышения военной и пищевой безопасности страны, уже в середине 1950-х заметную государственную поддержку получили исследования в области вычислительной техники и автоматизации производства, а в конце 50-х, несмотря на огромное влияние Т. Д. Лысенко на развитие биологии, ограниченные исследования в области генетики возобновились. Почему только социология осталась непризнанной? Ответ один: власти боялись того, что результаты социологических исследований вскроют не соответствие реальной жизни людей и картины жизни советского общества, предлагавшуюся идеологией, СМИ.

Таким образом, традиционная схема вхождения в науку, сложившаяся столетиями, здесь не действовала. Как обычно все происходит? В ребенке, подростке, старшекласснике постепенно формируется представление о мире науки, из книг, общения с родителями, друзьями, учителями он узнает о том, какие есть науки и направления интеллектуальной деятельности. Вырабатываются его предпочтения, молодой человек начинает активно заниматься теми или иными предметами, скажем, физикой или математикой, русским или иностранными языками, техникой и так далее. Но если в информационном пространстве нет чего-либо, то как человек узнает об этом. Именно так было с социологией, она долго отсутствовала в советском информационном пространстве, о ее существовании знали, помнили лишь очень немногие философы, психологи, писатели, историки, узнавшие о ней в первые два-три десятилетия 20 века. Многие помнили о социологии, но не считали необходимым, даже возможным на эту тему говорить.

Как и почему в СССР на рубеже 1950-х – 1960-х возникла социология и появились первые послевоенные социологи? Согласно моему пониманию, то не было возрождение дореволюционной и ранней советской социологии, то было – второе рождение социологии в СССР. Определяющим социально-политическим фактором произошедшего стала «оттепель». Основную часть тех, кто образовал два первых поколения советских / российских социологов, составляют исследователи, родившиеся в интервале 1923–1934 гг., т.е. не воевавшие, но с пониманием следившие за событиями войны, пережившие оккупацию, блокаду, эвакуацию, получавшие с фронта «треугольники» и «похоронки» и позже воспринявшие дух XX съезда КПСС. В годы обучения в университетах и институтах они либо слышали, что социология – буржуазная наука, либо вообще ничего не знали о существовании такой науки. На их профессиональный выбор не могли влиять ни родители, ни друзья, ни учителя.

Но они становились социологами осознанно, делали свой выбор, руководствуясь своими гражданскими взглядами, политическими воззрениями, желая, думая, мечтая улучшить социализм. Они были – «шестидесятниками», и многие оставались ими до конца своих дней.

Другими словами, в социологию шли 30-летние ученые, критически, но одновременно созидательно относившиеся к окружавшему их социальному миру, видевшие в марксизме-ленинизме теоретическую основу улучшения социальных отношений на всех уровнях общественного устройства.

Третье поколение, это исследователи родившиеся в интервале 1935–1946 гг., входило в социологию разными путями, но прежде всего – по приглашению социологов первого поколения. В этой когорте были обществоведы, но также – математики (надо было обрабатывать информацию), филологи (для переводов и анализа зарубежной литературы). При этом для значительной части «новичков» приход в социологию не был результатом осознанного, направленного поиска. Просто так получилось.

В формировании четвертого поколения (годы рождения: 1947–1958) просматривается множество встречавшихся ранее обстоятельств, но есть и принципиально новые: влияние вузовских преподавателей, знакомство с первыми советскими книгами по социологии и прямое влияние семьи. Так, среди опрошенных мною представителей IV поколения трое – дети социологов I поколения: А. М. Руткевич, Е. А. Здравомыслова и Н. В. Ядов. Мать А. М. Демидова, кандидат философских наук, преподавала научный коммунизм в Ленинградском институте культуры и была знакома с одним из первых советских социологов А. Г. Харчевым. Дети социологов II поколения являются А. В. Лисовский и А. Ф. Филиппов (интервью с ними мне не удалось провести).

И в целом, социологические династии, или преемственность профессии «социолог» внутри семьи, стало обыденностью нашего профессионального сообщества. Обратимся к фото-галерее моих собеседников http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207; здесь те, с кем уже проведены интервью; и здесь немало «семейных» портретов.

В. А. Ядов и его сын Н. В. Ядов, к тому же – воспоминания Владимира Александровича о его покойной жене Л. Н. Лесохиной; есть интервью с А. Г. Здравомысловым, его дочерью Е. А. Здравомысловой и ее мужем – В. М. Воронковым; весьма интересен случай: В. Н. Ярцева-Смирнова, ее дочь – Е. Р. Ярцева-Смирнова и внук – Р. В. Кононенко; представлено также интервью с покойным мужем Е. Р. Ярцевой-Смирновой П. В. Романовым и его дочерью – Е. П. Романовой. Есть еще три пары «мать-дочь»: М. А. Алесина и А. И. Алесина, В. В. Гаврилюк и Т. В. Гаврилюк, а также И. А. Григорьева и А. В. Дмитриева. Проведены интервью с социологами, родители которых тоже социологи: А. М. Руткевичем (сыном М. Н. Руткевича), И. Н. Тартаковской (дочерью Н. М. Тартаковского), А. Ф. Филипповым (он рассказал не о себе, но об отце – Ф. Р. Филиппове). Мне также известно, что по стопам значительной части социологов, портреты которых представлены в галерее, пошли их дети. Среди них: Е. И. Башкирова, Ю. Р. Вишневский, Р. С. Могилевский, Г. В. Осипов, Г. И. Саганенко, Б. Г. Тукумцев, Л. Н. Федотова, Н. Г. Хайруллина, Ф. Э. Шереги.

Так же проведенные интервью показывают обусловленность прихода в социологию представителей разных поколений их общественно-политической активностью. К примеру: Б. М. Фирсов окончил электротехнический институт, стал радио-физиком и, проработав много лет в комсомоле и партии, пришел в социологию. В целом так же складывались пути в социологию Г. Г. Татаровой, Б. Г. Тукумцева. М. К. Горшков окончил медицинский вуз, но затем комсомольская работа привела его в социологию, Ж. Т. Тощенко стал социологом, окончив исторический факультет и отработав ряд лет на ответственных партийных должностях. А. В. Тихонов, получив диплом инженера по автоматике и теле-

механике в Ленинградской лесотехнической академии, был избран секретарём по идеологии Выборгского райкома комсомола г. Ленинграда. Позже, когда его стали обвинять в создании антисоветской организации «из числа идейно незрелой молодёжи», его выручали и помогали прежде всего отсидевшие срок в сталинских лагерях ветераны комсомола. Кроме того, смело и решительно действовал О. И. Шкаратан, он уговорил ректора ЛФЭИ им. Вознесенского взять Тихонова в его Межинститутскую социологическую лабораторию. Д. П. Гавра, обучаясь в Политехническом институте, увлекся общественной работой и, получив высшее образование и «пройдя через Комсомол» и освобожденную партийную работу, стал сначала экономистом, а затем – социологом. Тот же институт закончил В. Я. Гельман, но ветры Перестройки «принесли» его в политологию. Примерно такой же путь прошел выпускник Куйбышевского авиационного института В. Б. Звоновский.

Размещенное ниже интервью с Олегом Михайловичем Барбаковым, представляющим старшую страту V поколения социологов, не только знакомит нас с его долгой и непростой дорогой в социологию, но конкретизирует обозначенные выше две «силы», задающие движение человека в это профессиональное сообщество. Во-первых, Олег – из социологической семьи, его мама – профессор Клара Григорьевна Барбакова (II поколение социологов) – одна из основателей Тюменской социологии. Но он не сразу пошел в социологи. Закончил геологоразведочный факультет Тюменского индустриального института, работал на Тюменском Севере, вернулся в Тюмень, занимался бизнесом, уехал на пять лет в Израиль, занимался программированием и информатикой, вернулся в Тюмень и лишь тогда, прислушавшись к советам мамы, защитил кандидатскую диссертацию по политической социологии. А позже подготовил докторскую диссертацию на стыке социологии управления и информационных технологий.

О роли общественной активности в становлении Олегом Барбаковым социологом он сам однозначно сказал:

«Моя работа была на стыке геофизики и программирования: я совместно с сотрудниками создавал программные комплексы обработки геофизических данных и построения геологических карт месторождений полезных ископаемых. Но до социологии было еще очень далеко. Может быть истоки ее в моей жизни следует искать в том факте, что именно в ЗапСибНИГНИ я занялся активной общественной работой, стал заместителем секретаря комсомола нашего отделения института по идеологической работе (наверное, не случайно я так люблю политическую социологию!). В те годы мы с друзьями встали у истоков зарождения движения МЖК (молодежных жилых комплексов) в г. Тюмени. Я был заместителем начальника штаба МЖК Главка «Главтюменьгеологии», встречался с легендой нашей отечественной геологии, Фарман Курбан Оглы Салмановым – начальником Главка, он активно помогал нам – комсомольцам – в этом начинании. В 1986 году я ушел в первый отряд МЖК г. Тюмени, созданный для строительства жилого комплекса МЖК и проработал там полтора года формовщиком, стропальщиком, бетонщиком, мастером, совмещая эти профессии с работой по совместительству программистом в ЗапСибНИГНИ, участвуя в общественной работе отряда и являясь заместителем секретаря комсомольской

организации по идеологии. В отряде МЖК я вступил в члены КПСС, заработал грыжу, но получил квартиру (работая в научно-исследовательском институте я бы получил ее лет через 20). Кроме этого, создавая и участвуя в движении МЖК, мы верили, что формируем прообраз коммунистического будущего – комплекс передовых активных строителей нового общества, где все проблемы жизнедеятельности человека будут решены: материальные социальные, моральные, нравственные. Мы пытались создавать у себя ценностные ориентации и ценности коммунизма, каким мы его себе представляли».

Вот так все сплелось в жизни Барбакова, сложился, я бы сказал, идеальный, эталонный пример совместного влияния двух сильных факторов становления социологом: семейный и общественно-политическая активность.

Барбаков О. М.: «Это то, что мы обозначаем одним емким словом — “состоялось”»

Олег, мы давно знаем друг друга, пока была здорова твоя мама — Клара Григорьевна Барбакова, мы дружили, прекрасно помню я и твоего отца, Михаила Михайловича Барбакова... но наш разговор будет касаться прежде всего твоей жизни.

В каком году твоя семья приехала в Тюмень? Ты завершал школу в Тюмени?

До 1965 года моя семья жила в Казани: я, Хаин Олег Владимирович, мой папа, Хаин Владимир Сергеевич, моя мама, Хаина Креина Григорьевна. В 1965 году моего отца пригласили заведовать кафедрой химии в Тюменском индустриальном институте, который был создан в 1963 году на базе филиала Уральского политехнического института. В нем катастрофически не хватало остепенённых ученых — преподавателей, а мой отец в Казани защитил кандидатскую диссертацию по химии. Моя мама в Казани работала учителем истории, и ей предложили пойти ассистентом на кафедру философии. В 1966 году я пошел в школу № 7 г. Тюмени, в этом же году родился мой брат Марк, который живет сейчас в США. В 1967 году меня перевели в школу № 25 из-за того, что мы переехали на новую квартиру, которая была рядом с единственным тогда корпусом Тюменского индустриального института (ТИИ) (сейчас 12 корпусов в нашем университете), где я и проучился до окончания школы - до 1976 года.

В 1974 году моя мама вышла замуж за Барбакова Михаила Михайловича, тогда он работал деканом транспортного факультета ТИИ. В 1976 году Михаил Михайлович усыновил нас с Марком, мы стали Барбаковыми. Что интересно, мы называли его папой, не смотря на то, что позднее при встрече с Хаиным Владимиром Сергеевичем, я и его называл папой. Так и получилось, что у меня было два папы, но оба уже умерли.

Я так понял, что все 11 лет ты проучился в Тюмени. Какие воспоминания о школьных годах у тебя? Что нравилось, что не нравилось? Чем ты занимался помимо школы?

Правильно, я учился в тюменских школах, но 10 лет, а не 11, как сейчас учатся российские ученики. Воспоминания о школьных годах у меня самые прекрасные, я с большим удовольствием вспоминаю о школе, чем об институте. Нас было три друга, достаточно творческих личностей, чтобы нам было интересно и в школьной учебе, и в общении помимо классных часов. Да и с другими одноклассниками мы были товарищами. Особенно близок мне был мой друг Саша Горшкалев, сейчас он известный в Тюмени бизнесмен, у него большая строительная фирма. А в 7 классе мы с ним написали фантастический роман, учительница по русскому языку и литературе была в шоке, и не смогла даже его прокомментировать, только проверила ошибки. Мы участвовали в художественной самодеятельности, играли трех мушкетеров, писали стихи, путешествовали на велосипедах, строили огромные крепости из пластилина, ходили в спортивные кружки разных видов спорта: волейбол, футбол, легкая атлетика, настольный

теннис. И при этом не забывали учиться, хотя и не были отличниками, например, у меня в аттестате о среднем образовании всего одна пятерка – по физкультуре, остальные у меня были четверки. Но так как класс у нас был с математическим уклоном, до сих пор у меня сохранилась любовь к математике. «Школьные годы чудесные...» – это про меня и моих друзей. Кстати, мы до сих пор играем в настольный теннис с Горшкалевым по выходным (47 лет дружбы!).

Если ты с другом писали фантастику и стихи, то и читали. Кто из фантастов был вашим кумиром? Чья поэзия привлекала?

Нашими кумирами были братья Стругацкие, Айзек Азимов, Кир Булычев, Иван Ефремов, А. Беляев, Жюль Верн. Поэзией очень увлекался мой друг Саша Горшкалев, он даже поступил на филологический факультет Тюменского государственного университета. Я любил А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блок, А. Ахматову, Б. Ахмадуллину (это от мамы), Б. Пастернак, О. Мандельштам. К стыду своему, в последние годы (в отличии от своего друга) я стихов не читаю. Иногда сыну вспоминаю некоторые детские стихи.

Привлекала ли тебя общественная работа, ты был активным в комсомольской жизни школы?

В школе меня не особенно привлекала общественная работа, хотя никогда не отказывался от пионерских и комсомольских поручений. Но каким-то отдельным направлением общественной работы не занимался, это пришло позже, уже после института.

Какие были планы на продолжение образования? Куда ты поступил?

Особых планов по высшему образованию не было, одно знал точно, мне всегда нравилась математика, и я хотел, чтобы получаемая мною специальность была связана с ней. Мама уговорила меня поступить на экономический факультет Тюменского индустриального института, я пошел сдавать документы в приемную комиссию вместе со своим одноклассником, но на центральной площади г. Тюмени около ТИИ мы остановились возле небольшой компании, там в это время тусовалось много абитуриентов и студентов. И там нас за тридцать минут убедили поступить на геологоразведочный факультет, специальность геофизические методы исследования скважин. С одной стороны, там было достаточно математики при проведении занятий, а с другой, романтика, горы, походы, палатки, гитара, путешествия... Мама была в шоке, но смирилась, узнав, что геофизика – это серьезная наука, и в нашем нефтегазоносном крае у нее большое будущее. Так я попал на геологоразведочный факультет Тюменского индустриального института. Это был 1976 год.

По-моему, в те годы слово «геология» было одним из самых романтических и поэтичных слов... сколько поэтов прошло через геологические партии? Но как проходило освоение профессии? Тебе нравилось учиться? Что интересовало в первую очередь?

Правильно отмечено, романтика трудовых будней, вот что в первую очередь привлекло в профессии «геолог». Ну и специализация: геофизика – элитная часть геологии, все это заинтересовало в те 30 минут, когда меня отговорили поступать на экономику. Ну и песни, они тоже оказали воздействие на мою, тогда

«неокрепшую душу»: авторов Городницкого А. Высоцкого В. и др. Вспоминаю 1976-1977 годы, когда учился на 1-2 курсах ТИИ. Мама и Михаил Михайлович Барбаков, мой отчим, постоянно ездили в командировки на достаточно длительные сроки. А тут студенческие компании, спартакиады, фестивали, новые знакомства, девушки. На учебу совершенно не хватало времени, готовился к занятиям по ночам. Что удивительно, в отличие от школы успевал все, учился на пятерки, за все пять лет была одна тройка по геодезии, которую потом пересдал. Получал повышенную стипендию, и как результат, в конце обучения - диплом с отличием. А какие великолепные практики у нас были! После первого курса общую геологическую практику я проходил в настоящей геологической партии на приполярном Урале, которая продолжалась пять месяцев. Жили в палатках, в горах, сплавливались по горным рекам на плотках, переходы со стоянки на стоянку осуществлялись на лошадях. Романтика! После 2 курса практика была там же, но уже геофизическая, ходили с радиометром, прибором для измерения естественной радиоактивности горных пород, по результатам измерения строили карты. Затем пошли специализированные практики по направлению геофизических методов поисков и разведки месторождений полезных ископаемых, в городе Нижневартовске. Теоретические знания, получаемые в институте, подкреплялись освоением практических навыков на практике. Так проходило освоение профессии.

Учиться мне нравилось, учился с удовольствием, особенно, привлекали дисциплины математики и информатики для обработки результатов исследований в геофизике. Занимался наукой, на пятом курсе подрабатывал в научно-исследовательском институте лаборантом. Правда пришлось еще подрабатывать и сторожем в ТИИ, так как женился в 18 лет и в семье появился ребенок. Так что получается, что в то время у меня присутствовал достаточно широкий диапазон интересов: получение знаний, участие в самодеятельности, занятия спортом, освоение профессии, участие в научно-исследовательской деятельности, любовь и дети.

Да, такое было время... Итак, начало 80-х, институт завершен. Что дальше?

Вспоминая то время, я только сейчас понимаю, какое множество альтернатив развития событий и своей собственной жизни у меня было. По распределению выпускников Тюменского индустриального института им. Ленинского комсомола на рабочие места (тогда был утвержденный список рабочих мест для выпускников) в списке я стоял в первых рядах как получивший диплом с отличием. Предложений было много: от аспирантуры, научно-исследовательских институтов до трудоустройства на Крайнем Севере Тюменской области – работа в геофизических партиях на месторождениях Самотлор, Заполярья и т.п. Я выбрал аспирантуру снова благодаря уговорам мамы (надо признать, что с самого детства она имела на меня огромное влияние, правда, в самый последний момент я плавно уходил от этого влияния и делал все по-своему). Но проучившись в аспирантуре 5 месяцев, я сбежал в город Нижневартовск, практически без документов с одним дипломом и устроился в геофизическую партию контроля и разработки нефтяных месторождений инженером-геофизиком. Там я женился во второй раз. Проработав на буровых один год, я вернулся в г. Тюмень, у меня родилась дочь, и за два года я сменил несколько мест

работы: Тюменский геофизический трест, экономический отдел одного из подразделений Газпрома, лаборатория Тюменского индустриального института. Никак не мог понять, что же я хочу от своей жизни. И только в 1984 году пришел в Западносибирский научно-исследовательский геологоразведочный нефтяной институт (ЗапСибНИГНИ) и устроился там научным сотрудником, несколько переквалифицировавшись.

Моя работа была на стыке геофизики и программирования: я совместно с сотрудниками создавал программные комплексы обработки геофизических данных и построения геологических карт месторождений полезных ископаемых. Но до социологии было еще очень далеко. Может быть истоки ее в моей жизни следует искать в том факте, что именно в ЗапСибНИГНИ я занялся активной общественной работой, я стал заместителем секретаря комсомола нашего отделения института по идеологической работе (наверное, не случайно я так люблю политическую социологию!). В те годы мы с друзьями встали у истоков зарождения движения МЖК (молодежных жилых комплексов) в г. Тюмени. Я был заместителем начальника штаба МЖК Главка «Главтюменьгеологии», встречался с легендой нашей отечественной геологии, Фарман Курбан Оглы Салмановым – начальником главка, он активно помогал нам – комсомольцам – в этом начинании. В 1986 году я ушел в первый отряд МЖК г. Тюмени, созданный для строительства жилого комплекса МЖК и проработал там полтора года формовщиком, стропальщиком, бетонщиком, мастером, совмещая эти профессии с работой по совместительству программистом в ЗапСибНИГНИ, участвуя в общественной работе отряда и являясь заместителем секретаря комсомольской организации по идеологии. В отряде МЖК я вступил в члены КПСС, заработал грыжу, но получил квартиру (работая в научно-исследовательском институте я бы получил ее лет через 20). Кроме этого, создавая и участвуя в движении МЖК, мы верили, что формируем прообраз коммунистического будущего – комплекс передовых активных строителей нового общества, где все проблемы жизнедеятельности человека будут решены: материальные социальные, моральные, нравственные. Мы пытались создавать у себя ценностные ориентации и ценности коммунизма, каким мы его себе представляли. К сожалению, этот эксперимент, как и многочисленные эксперименты советского прошлого не удался. Начинались 90-годы двадцатого столетия, на смену пришли другие интересы и ориентиры. Я вернулся в ЗапСибНИГНИ, продолжил писать кандидатскую диссертацию по геофизике и программированию, которую начал до поступления в отряд МЖК.

В 1990 году мой друг Александр Горшкалев, я уже о нем писал, тогда уже успешный бизнесмен, пригласил меня заместителем директора по информационным технологиям в возглавляемый им Фонд социальных изобретений г. Тюмени. Какими только проектами мы не занимались! Наш фонд был первой фирмой, которая поставила в г. Тюмень первые американские персональные компьютеры. Мы создавали школы обучения английскому языку, внедряли новые образовательные технологии, реализовывали строительные и риэлтерские технологии. В рамках функционирования фонда исполнялись и социальные проекты. Так, например, мы были инициаторами совместно с гл. редактором газеты «Тюменский курьер» Гольдбергом Р.С. проекта «Книга расстрелянных», где были опубликованы данные о всех расстрелянных людях в сталинское время. А в 1991 году я уехал в государство Израиль.

Олег, последняя фраза даже здесь звучит неожиданно... Что произошло в твоей жизни, что ты столь резко поменял ее ход? Ты хоть завершил диссертацию? Как тебя приняла «Земля обетованная»?

Я прекратил писать диссертацию, когда ушел в Фонд социальных изобретений, именно тогда я начал менять ход своей жизни, ушел зарабатывать деньги для того, чтобы эмигрировать в Государство Израиль. Конечно, серьезно я не воспринимал эмиграцию в том ракурсе, что навсегда покину Россию. Там у меня оставалась мама, родные места – город Тюмень. Просто захотелось посмотреть мир, а по-иному не получалось, тогда за границу вход был воспрещен. Поэтому, заработав деньги на выезд, в 1991 году (а в Москве происходил путч!) я выехал в Государство Израиль на постоянное место жительства, в город Ашкелон, там у нас оказались родственники. «Земля обетованная» приняла мою семью по-разному (я тогда был женат второй раз и у меня росла дочь от этого брака). Моя жена категорически не восприняла Израиль как место жительства и все время проживания там грезил о России. Дочь органично вошла в израильскую жизнь, ей было 8 лет, когда мы туда приехали. Я тоже достаточно легко вписался в тамошнюю действительность: полгода учил иврит, подрабатывал вместе с женой, разнося рекламные проспекты, а затем устроился на работу слесарем на завод по производству подсолнечного масла. Пришлось «пахать», но затем помогли родственники и устроили меня на завод со станками с числовым программным управлением тоже слесарем. С работой тогда в Израиле было туго, слишком много «олим ходашим» (эмигрантов) из России приехало на свою «доисторическую родину». Параллельно с работой я поступил на курсы программистов, и так как я достаточно свободно изъяснялся на иврите, вскоре меня перевели программистом на станки с числовым программным управлением. На полгода позже в Израиль эмигрировал мой родной брат Марк с семьей, мы все переехали в город Бат-Ям. Так как Марк был кандидатом экономических наук, а я достаточно много занимался наукой в России, вместе еще с одним другом Аркадием Цитриным (кандидатом физико-математических наук и поэтом одновременно) мы подали втроем просьбу о получении научной стипендии для каждого.

Просьба была удовлетворена, мы получили стипендию на три года в 1993 году, что дало нам возможность достаточно безбедно жить без дополнительных работ. Но так было скучно, поэтому мы, во-первых, оформили заявку на грант от Государства Израиль на изобретение Аркадия Цитрина на массажное устройство для водителей (три компаньона: я Аркадий и Марк), получили деньги на строительство завода по производству этих устройств. Правда сам завод в секторе Газа уже строили не мы, поэтому и из этих денег мы ничего не получили. Но зато сам процесс обоснования Гранта был великолепен! Во-вторых, мы основали бизнес учебного туризма, к нам приезжали по две – три группы в году из России в Израиль на месяц, и мы проводили обучение, семинары, экскурсии с ними, организовывали проживание и питание. Мама к нам тоже приезжала и посылала своих студентов, также, как и Тюменский государственный нефтегазовый университет (ректор Карнаухов Н.Н.). И так продолжалось до 1996 года, когда я, будучи не только гражданином России, но и гражданином Израиля защитил в России кандидатскую диссертацию по политической социологии.

Снова мама сумела меня убедить, что, если я собираюсь вернуться в Россию, а это желание к 1996 году окрепло и приобрело вид целенаправленного стремления, защита диссертации необходима, если я хочу преподавать. А я хотел! В процессе организации учебного туризма в Израиле мы читали лекции, проводили деловые игры, и мне все больше нравилось быть в тендеме: преподаватель – студент. Диссертация у меня была на стыке двух направлений: социологии и информационных технологий (я же был программистом), а любовь к социологии привила мне мама. Затем я вернулся в Россию, мой брат Марк уехал в США, а Аркадий Цитрин, наш компаньон позже эмигрировал в Канаду. «Разбросало нас по свету, много лет тому назад...»!

Таким образом, в Израиле ты прожил пять лет и вернулся уже не геологом, а социологом-политологом и информатищиком... очень неплохо. И чем ты решил заняться в России? Информатищики, тем более – с Западным опытом, по-моему, ценились на вес золота...

Я вернулся с западным опытом, но я хотел преподавать в вузе, там тоже был необходим западный опыт. И я пошел в Тюменский государственный нефтегазовый университет, взяли меня сначала ассистентом на кафедру «Маркетинга и муниципального управления», где заведующей была моя мама. Пройдя путь до доцента, читая дисциплину «маркетинг», я понял, что при использовании своего зарубежного опыта, знаний информационных технологий и социологии, я могу несколько больше, чем только преподавать. Именно тогда я встретил женщину (я ушел из второй семьи сразу же после приезда в Россию), Наталью Цищору, свою будущую жену, которая полностью поддержала все мои будущие начинания. Я вышел с инициативой к ректору ТюмГНГУ Карнаухову Н.Н. о создании новой кафедры «Математики и информатики» со спецификой преподавания математических и информационных дисциплин на экономических специальностях университета. Меня поддержали, и кафедра была создана, и я был назначен заведующим кафедрой. Это был 1997 год. Кроме руководства кафедрой, я преподавал дисциплины информационного профиля в ТюмГНГУ и ТГАМЭУиП, мамином институте, начал писать докторскую диссертацию на стыке социологии управления и информационных технологий, занимался наукой. На кафедре мы с сотрудниками и преподавателями открыли новую специальность «Математические методы в экономике» в 1998 году. И тогда я понял, что это мое дело, что, когда с огромным энтузиазмом идешь на работу и с ним же возвращаешься домой, это и есть счастье, это и есть полноценная жизнь, это то, что мы обозначаем одним емким словом – «состоялось»!

Я много лет работал в Институте социально-экономических проблем АН СССР, дружил с замечательным ученым и человеком Борисом Львовичем Овсиевичем, слушал доклады Николая Николаевича Воробьева и его учеников по теоретико-игровым методам в экономике и понимаю, насколько сложна и многогранна тема «Математические методы в экономике». Чем конкретно занимается твоя кафедра, кого вы готовите?

Изначально, моя кафедра называлась «Математики и информатики», преподаватели вели курсы математического и информационного профиля для экономических специальностей ТюмГНГУ, и было нас всего 10 человек.

До сегодняшнего дня кафедра еще два раза меняла свое название, после открытия новой специальности, она стала называться кафедрой «Математические методы в экономике» и кроме обслуживания экономического направления подготовки организовывала обучение студентов на одноименной специальности «Математические методы в экономике». На кафедре было 11 выпусков специалистов экономистов-математиков. В 2011 году в рамках коренного преобразования системы высшего образования в России, когда была внедрена новая многоуровневая система обучения в вузах, мы на кафедре открыли новое направление (бакалавриат, магистратура) «бизнес-информатика». В третий раз кафедра поменяла свое название в 2014 году в рамках структурных преобразований в ТюмГНГУ и стала называться кафедрой бизнес-информатики и математики. Сегодня это 50 преподавателей и сотрудников, которые ведут занятия по дисциплинам математического и информационного профиля у всех специальностей и направлений ТюмГНГУ, организуют обучение студентов бакалавриата и магистратуры по направлению «бизнес-информатики». Кроме этого, я являюсь научным руководителем аспирантов и соискателей по специальности «Социология управления». Таким образом, на кафедре мы готовим бакалавров и магистров широкого профиля – аналитиков со знанием математики, информационных технологий, экономики и специалистов высшей квалификации в области социологии. Поэтому и достаточно разнообразна кафедральная научно-исследовательская работа в областях управления регионом, кадровой политики, социального прогнозирования, применения информационных технологий и математического аппарата в экономике, социологии и политике, разработки автоматизированных информационных систем при постановке и решении управленческих задач.

Фактически, это – исследовательский институт, интересно и неожиданно. Наверное, вы выполняете большой объем заказных исследований и не только для нефтегазовой индустрии. Пожалуйста, назови несколько результатов прикладного характера, которые сейчас тебе кажутся наиболее значимыми?

С какими вузами, исследовательскими институтами России и зарубежья вы сотрудничаете?

Еще в рамках защиты докторской диссертации, тема которой звучала следующим образом «Система управления регионом: детерминанты, информационные технологии, модели», я разработал новое теоретическое и методологическое направление в решении актуальных проблем управления регионами – информационное, которое представляет собой новое научное направление в рамках социологии управления, названное мною информационной регионологией. Это направление призвано решать, по ее концепции, целям и задачам, эффективно региональные проблемы, способствовать оптимальному развитию регионов в рамках всей страны. А так как оптимальное развитие регионов включает в себя все аспекты общественной деятельности людей, то мои аспиранты и соискатели (на сегодня у меня более 20 защитившихся кандидатов и 2 доктора наук) проводят совместно со мной вместе исследования различной направленности. Так, например, исследования в области российской банковской сферы, социальной политики РФ, информационного обеспечения различных сторон процесса управления, негосударственного пенсионного обеспечения и др. В 2004 году я совместно с коллегами выиграл грант Губернатора Тюменской области

на проведение исследований и написание монографии по вопросам организации системы управления городом. Также в 2004 году участвовал в Гранте, выигранном совместно Тюменским государственным нефтегазовым университетом и институтом социально-политических исследований РАН по проблемам управления Тюменским регионом. В 2005 году совместно с коллегами выиграл грант Губернатора Тюменской области на проведение исследований и написание монографии по вопросам организации независимого центра изучения общественного мнения. В 2008-2010г.г. участвовал вместе с мамой в разработке Программы Администрации Тюменской области, Совета ректоров Тюменской области - КАДРЫ 2010: Профессиональное образование в Тюменской области; в социологическом исследовании на тему «Изучение общественного мнения по вопросам социально-экономического развития села» (вместе с Белоножкой М. Л.), заказчик Тюменская областная Дума, в 2012 г. и некоторых других. Сотрудничаем мы тесно с Институтом социологии Российской академии наук, кстати сейчас в г. Тюмени создан его филиал на базе Тюменской областной думы, директор Юдашкин В.А., ты его хорошо знаешь.

Кроме этого, я член двух диссертационных советов: социологического и экономического, и через них мы тоже сотрудничаем с социологами многих регионов России (они нам поставляют соискателей на защиту диссертаций, так как во многих городах России закрыты социологические и экономические советы), в частности, Новосибирск, Иркутск и др. После того как мама прекратила работать, к сожалению, у нас были утеряны контакты с зарубежными вузами, есть, правда, связи с Казахстаном, но на уровне их публикаций в нашем сборнике «Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии», который моя кафедра издает каждый год. Еще мы проводим каждый год, начиная с 2009 года, Международную научно-практическую конференцию «Проблемы формирования единого пространства социально-экономического развития стран СНГ».

Да, Олег, очень здорово, рад, что ты нашел свою нишу, синтезировал различный опыт... была бы Клара Григорьевна здорова, радовалась бы этому... а кто-либо из твоих детей пошел по социологической тропе?

К моему сожалению пока никто из старших детей не пошел по нашим с мамой социологическим стопам. Григорий, старший сын от первого брака, кандидат юридических наук, правда работает преподавателем в двух вузах, в нашем ТюмГНГУ и Строительном университете, преподает правовые дисциплины. Кроме этого, у него с друзьями своя юридическая фирма. Кира, дочь от второго брака, живет с мужем в Москве, работает начальником управления персоналом совместной российско-американской фирмы в области нано-технологий (закончила экономический факультет в мамином институте). Старший сын от третьего брака, Илья, ему 15 лет, четко ориентирован на профессиональный футбол (с 6 лет занимается профессионально в мини-футбольном клубе города Тюмени), несмотря на то, что у него 1 взрослый разряд по шахматам, играл с чемпионом мира Карповым А. в сеансе одновременной игры, в 4-м классе был 5-м по результатам математической олимпиады в Тюменской области (правда

по футболу он уже кандидат в мастера спорта). Младший сын, Семен, возраст 11 лет, пока не определился, хотя тоже играет профессионально в футбол и дополнительно занимается шахматами. Время покажет!

Интервью с Мариной Станиславовной БЕЗУГЛОВОЙ

«МЫ ВЫСТОЯЛИ В САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ПЕРИОД И ПОТОМ НЕУКЛОННО И БЫСТРО СТАЛИ НАБИРАТЬ ОБОРОТЫ»

Безуглова М. С. – окончила 1-й Московский медицинский институт им. Сеченова (1987 г.), кандидат медицинских наук (1991 г.). Заместитель Генерального Директора ГфК Россия; Руководитель направления исследований фармацевтического и медицинского рынков региона Центральная и Восточная Европа, Ближний Восток и Африка. Основные области исследования: фармацевтический, финансовый, автомобильный рынки, а также рынки технологий, розничной торговли, товаров длительного пользования. Интервью состоялось: февраль – май 2015 г.

В рамках развиваемой мною концепции поколений Марина Безуглова относится к пятой когорте советских / российских социологов, т. е. тех, кто родился в различные периоды 60-х (1959 – 1970 гг.). В конце 2010-х, когда я задумывался о названиях поколений отечественных социологов, у меня фактически не было интервью представителями V поколения, и я не мог выделить определяющие его черты. С учетом самых общих характеристик социально политической ситуации в СССР оно было названо «постоттепельным». Позже мне показалось интересным найти названия поколений, принимающие во внимание специфику задач, решение которых возлагается на каждую из этих профессионально-возрастных общностей историей развития российской социологии. Получился такой ряд: I поколение – «Конституирование социологии как самостоятельной науки», II поколение – «Расширение предметного поля исследований», III поколение – «Развитие эмпирических методов», IV – поколение – «Сохранение достигнутого, испытание нового» и V поколение – «Обогащение парадигматики и методологии».

Сейчас конец мая 2015 года, в моей коллекции — около 120 интервью, из них 17 — с представителями V поколения; уже есть основания для теоретико-эмпирического анализа; обозначу самые общие наблюдения. Первое: хотя среди кандидатов и докторов наук есть обладатели степеней по социологическим наукам, практически нет тех, чье базовое образование — социология. Второе: это сообщество весьма дисперсно по направленности профессиональной деятельности: социологи-исследователи, преподаватели, полстеры, исследователи рынка, политологи. Ничего подобного не было — не могло быть — даже в IV поколении. Третье: приход в социологию представителей V поколения продиктован различного рода личными размышлениями, порожденными событиями, духом перестройки, хотя внешне «подключение» к социологии (в широком понимании) нередко смотрится как нечто случайное, не подготовленное обстоятельствами, логикой юношеской социализации и студенческих лет. Четвертое: карьера немалой части моих собеседников, представляющих рассматриваемое поколение, сложилась успешно благодаря помощи зарубежных фондов и отдельных иностранных ученых российским социологам. В начале 90-х возникла еще одна площадка для быстрого и эффективного освоения молодыми социологами достижений Западной науки в изучении населения и его многочисленных страт, групп. В частности, я имею в виду рождавшиеся тогда исследовательские компании с российским и иностранным капиталом. Прежде всего такие организации начинали активно работать в области изучения общественного мнения, рынка, аудиометрии.

Судя по рассказу Марины Безугловой, на нее распространяются все указанные положения. По образованию она — медик, пришла в исследование рынка уже будучи кандидатом медицинских наук. Ее образование и опыт исследований в эпидемиологии оказались релевантными тем задачам, которые ей пришлось решать на первых порах. В школьные и студенческие годы, состоя в Комсомоле, она старалась держаться подальше от идеологии. В годы перестройки, пишет Марина: «общество воодушевилось и политизировалось, и я вместе с ним». В начале 90-х, наблюдая развитие рынка и возникновение новых возможностей для приложения собственных сил, ей захотелось поменять собственную жизнь. Ее внимание привлекли иностранные компании, в которых были вакансии, связанные с медициной. Так она оказалась в компании Russian Market Research Company, где искали консультанта в отдел маркетинговых исследований на фармацевтическом рынке.

Прошли годы, Марина Безуглова — заместитель генерального директора GfK-Россия, руководитель исследований фармацевтического и медицинского рынков Центральной и Восточной Европы, Ближнего Востока и Африки GfK Group.

Безуглова М. С.: «Мы выстояли в самый тяжелый период и потом неуклонно и быстро стали набирать обороты»

Марина, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. К примеру, мои интервью с петербургскими социологами Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Еленой Эмильевной Смирновой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личные миры...

Вы знаете историю своей нечастой фамилии — Безуглова, каково ее происхождение? Насколько вообще Вы знаком с прошлым своей родительской семьи?

Моя нечастая фамилия Безуглова является фамилией по мужу. А моя девическая фамилия Чернова, полученная от отца, входит в первую сотню русских фамилий по распространенности. Судя по литературе, фамилия известна с XVII века и происходит из центральных и северо-восточных областей древнерусского государства. У меня не было возможности проследить так глубоко историю семьи, но точно знаю, что мои ближайшие предки действительно были родом из центрального региона России.

Мой дед по линии отца, Владимир Павлович Чернов, родом из города Юрьеvec Ивановской области. Он работал агрономом в разных районах Ивановской области, а перед войной перебрался с семьей в город Иваново, где служил начальником областного сортового управления. Дед погиб во время Великой Отечественной Войны: сначала был ранен под Харьковом, а потом пропал без вести под Сталинградом в 1943 году. Я с ним не была знакома, а сведения о его семье получила от бабушки. Удивительно, что мне ничего неизвестно о родителях деда, зато мне рассказывали обо всех его братьях и сестрах. Его брат Николай Чернов работал в Москве инженером-конструктором на авиационном заводе, сестра Александра была экономистом в городе Фурманов, братья Иван и Борис были военными строителями. Один из них участвовал в строительстве космодрома Байконур. Информацию позже я нашла и в Интернете — Иван Павлович Чернов был участником подготовки и запуска первого искусственного спутника земли.

Мои прабабушка и прадедушка со стороны мамы жили в деревне Ивановской области. Как рассказывала бабушка, их семья была из «зажиточных крестьян». Ее рассказы о дореволюционной жизни деревни были удивительными — можно было заслушаться описаниями быта и обрядов, о том, как широко отмечались праздники в деревне. Когда я читала роман Ивана Шмелева «Лето Господне», его светлые и радостные истории удивительно напоминали мне тот мир, тот же уклад жизни, который я почерпнула от своей бабушки. Конечно же, ее семья не избежала насильственной коллективизации, когда все, что было в наличии, включая домашний скот, отбиралось в пользу коллективного хозяйства. А потом этот экспроприированный домашний скот массово погибал из-за неготовности колхозов к ведению животноводства. И это ведь была для крестьянских семей и эмоциональная драма, не говоря уже о том, что в скором времени наступил просто голод, который гнал людей в города в поисках работы. Моя

бабушка тоже уехала в город Иваново, поступила работать на фабрику, а вскоре родилась моя мама. Бабушка была удивительно светлым, жертвенным человеком, щедро делилась своей любовью со всеми окружающими людьми. Я рада, что мое детство прошло рядом с ней, и она еще успела поучаствовать в воспитании моего старшего сына.

Про деда со стороны мамы мне известно немного, знаю, что он воевал во время советско-финской войны и не вернулся с нее. Это была так называемая «зимняя» война, холода стояли суровые. Дед служил в подразделении лыжников, вследствие тяжелой простуды заболел пневмонией, от которой так и не вылечился (сейчас кажется удивительным, что в те времена еще не было антибиотиков, антибиотикотерапия появилась только в Великую Отечественную войну!).

Таким образом, мои мама и отец родом из города Иваново, где оба поступили в Энергетический Институт, там познакомились, поженились, а по окончании ВУЗа с дипломом инженеров отправились по распределению работать, сначала в город Калининград, а потом через несколько лет в Астраханскую область, где папа работал главным инженером Тепловой Электростанции. Там же я и родилась. Когда мне было 5 лет, отцу предложили работу в Москве, главным энергетиком в Министерстве целлюлозно-бумажной промышленности СССР. И с пяти лет я стала жить в Москве, где и пошла в школу.

В каком году Вы пошли в школу? Это была обычная школа или языковая, математическая...? Как шло учение: что лучше, что хуже?

В школу я пошла в 1971 году, это была обычная общеобразовательная школа, которая давала классическое традиционное образование — все предметы были одинаково важны, и обучение обеспечивало вполне крепкие знания в рамках школьной программы. Но одной школой дело не ограничивалось. С шести лет я начала заниматься в секции фигурного катания, а с семи лет также поступила в музыкальную школу по классу фортепиано. Поэтому мои дни были серьезно загружены, если не сказать — перегружены. После школы бабушка меня вела в музыкальную школу, потом на фигурное катание. К урокам, помнится, приступала поздно вечером. Но в этом особой проблемы не было — училась я очень легко, на одни пятерки, не сильно утруждаясь при том. Так случилось, что к школе я умела бегло читать, хорошо считать, и на уроках, где складывали буквы в слова или складывали два плюс два — я отчаянно скучала. У меня и дальше осталось это ощущение, что очное преподавание происходит в более медленном темпе, чем мне хотелось бы усваивать материал, поэтому со школы и по сей день я больше люблю получать знания и образование путем самостоятельного чтения и обучения.

На определенном этапе занятий в двух школах и спортивной секции (примерно в третьем классе) пришлось выбирать между спортом и музыкой — так как везде надо было все более и более серьезно трудиться, а времени не хватало уже физически. В результате пришлось оставить фигурное катание — я не слишком печалилась, фигуристки из меня все равно бы не получилось, как мне кажется. Не хватало мне куража и смелости для этого вида спорта. Но жаль было расставаться с хореографией (которая была частью спортивной подготовки) — на этих занятиях у меня успехов было больше, и, в общем, на всю жизнь я сохранила любовь к танцу.

Из школьных предметов все шло ровно — и гуманитарные, и математические давались легко (я так и училась на одни пятерки все десять лет). Наверное, более всего я была увлечена уроками литературы и физики — исключительно потому, что преподаватели были необыкновенные, давали предмет много шире школьной программы, ну и мне это все было очень интересно, потому что там надо было какие-то усилия предпринимать реальные.

Музыкальную школу мне захотелось бросить где-то в классе шестом. Я хорошо осознавала, что профессионально заниматься музыкой не буду, а к этому времени уже надо было серьезно готовиться к урокам — играть по несколько часов в день на пианино, чего я не хотела и не делала. В результате и успехи у меня были весьма скромные: училась я на четверки, что по моим меркам было из рук вон плохо. Но бросить обучение мне не дали родители, внушив, что всегда необходимо заканчивать начатое. В результате я согласилась, предварительно достигнув компромисса, что буду периодически пропускать занятия, и готовиться к урокам без фанатизма, вернее, почти не готовиться. Кстати, позже я была вполне довольна, что получила полноценное музыкальное образование, весьма удовлетворительно играла на пианино, пела, аккомпанируя себе. И это умение существенно расширило мои интересы и возможности проведения досуга — в старших классах школы я выступала на разных «огоньках», аккомпанировала классу на конкурсах песни, а в институте занималась в музыкальном театре и даже немного сочиняла музыку.

В старших классах я как-то поняла, что мне интересны естественные науки, медицина, поэтому активно занялась биологией, химией дополнительно, вне школьных рамок. Занималась на курсах подготовки в МГУ, посещала школу «химика» и «биолога» в педагогическом институте. А на учебно-производственную практику записалась на медицинское дело (практику мы проходили в больницах в статусе санитарок). Но абсолютно точно понимала, что медицина мне интересна скорее как наука, с точки зрения ее теоретического осмысления, а не как ремесло лечения. Потом увлеклась микробиологией, и в результате решила поступать в медицинский институт на санитарно-гигиенический факультет (ныне медико-профилактический факультет).

Все очень живо, интересно, но два момента школьных лет выпали. Вы заканчивали школу в предперестроечные годы; значит успели быть в комсомоле. Интересовала ли Вас общественная работа? И еще, не припомните, что Вы, Ваши друзья тогда читали, какие книги, каких авторов...?

Действительно, как-то совсем забыла упомянуть про общественную жизнь. Видимо, это ответ на вопрос относительно ее важности. Хотя, безусловно, в те времена девушка обязана была быть «комсомолкой, спортсменкой...». И я, конечно же, тоже была: в младших классах командиром «звездочки», в пионерском возрасте — председателем совета отряда, а в старших классах — комсоргом. Эта позиция была достаточно далека от идеологии, и в основном заключалась в организации класса для внеклассных мероприятий — подготовка на конкурс песни, конкурс чтецов, подготовка стенгазеты или какие-то еще мероприятия, все даже не припомню. Но точно помню, что мы часто выигрывали всякие конкурсы, и это мне нравилось. При творческом подходе к делу, все это было довольно весело и необременительно. Когда меня выдвигали в Комитет

комсомола школы, я всегда находила аргументы против, то есть умела сдерживать натиск общественной жизни, чтобы держаться подальше от идеологической составляющей и оставлять пространство для личной жизни.

Что мы читали в школе? Мне кажется, все. Конечно, читали и штудировали всю классику в рамках школьной программы и шире. В средних классах, как все дети, читали Александра Дюма, исторические романы Мориса Дрюона. В старших классах культовым писателем стал Булгаков – в первую очередь, «Мастер и Маргарита», но не только – «Белая гвардия», «Роковые яйца», «Собачье сердце», «Театральный роман», докторские рассказы – читали все. Из запрещенного и «самиздатовского» помню «Лолиту» Набокова, «Доктор Живаго» Пастернака.

Невозможно не вспомнить, что подростково-юношеский период, конечно, был связан с поэзией – мы и в школе немало стоящего проходили, и сами читали: Блока и поэтов Серебряного века, всех даже перечислить невозможно. А из любимых – Ахматова и Цветаева. Хотя и современников тоже читали – Евтушенко, Вознесенского, Высоцкого (последнего больше слушали). Не знаю, является ли это моим индивидуальным опытом, или так вся страна тогда жила – я много лет читала все выпуски журнала Юность, позже Новый мир. Там была бездна всего интересного – печатался Василий Аксенов, Владимир Войнович, Галина Щербакова, Юрий Нагибин и другие. А один из любимых «самиздатовских» того времени – Сергей Довлатов. Солженицына стали читать позже, уже в перестроечное время. С книгами, пожалуй, надо уже остановиться – потому что продолжать и перечислять могу долго.

В какой медицинский институт Вы поступали? Успешно? Чем запомнились первые годы? И новая студенческая жизнь, и перестроечные реалии... Время было горячее...

Я решила поступать в 1-й Московский Медицинский Институт им. Сеченова (позже Медицинская академия, а потом Университет, кажется). Поступала безальтернативно только в этот вуз – потому что мне именно туда надо было. Готова была не поступить и пойти поработать санитаркой, сколько понадобится. Но в глубине души все же надеялась на успех, несмотря на предостережения – что в медицинский институт просто так, «с улицы», никто не поступает. Но мне казалось, что я столько знаю по химии, биологии и физике сверх школьной программы, что меня просто обязаны принять. И надо сказать, на экзаменах я впервые столкнулась с суровой правдой жизни – никто не собирался восхищаться моими знаниями или сообразительностью, меня интенсивно валили, до тех пор, пока не споткнусь на чем-нибудь. Как только спотыкалась, мне радостно ставили четверку вместо пятерки и выпроваживали. А на химии, которую я знала лучше всего, поставили три балла. Ну, ничего, пережила. Поскольку валили многих, и двоек был целый океан, я поступила, правда на предельном минимальном балле. Как потом выяснилось, в моей студенческой группе я хуже всех сдала вступительные экзамены. Но это уже было не важно. В дальнейшей учебе все шесть лет я училась на одни пятерки, и была всего одна четверка на экзамене по военно-медицинской подготовке на пятом или шестом курсе, и то, потому что попыталась широко взглянуть на предмет – а там этого точно не надо было.

Первые студенческие годы были прекрасны — я поступила, куда хотела, учеба давалась легко, много времени оставалось на всякие художественные занятия — посещала студенческий музыкальный театр, участвовала в концертах. Времена были доперестроечные, политикой я не интересовалась, это было время поиска и позиционирования себя в социуме. Я довольно быстро вышла замуж — после третьего курса, а после четвертого курса родился ребенок. Наверное, с этого времени начинается моя взрослая жизнь. Одновременно с этим началась перестройка, общество воодушевилось и политизировалось, и я вместе с ним.

В чем выразилась Ваша политизация? К чему она привела? Медицинский институт Вы все же закончили?

Когда я говорю о политизации, то прежде всего имею в виду рост интереса к общественно-политической жизни страны, который был обусловлен началом перестройки. Все, что происходило в политическом пространстве страны в поздне-советские годы, было очень уныло, серо и безальтернативно. Чтобы не впасть в отчаяние от ощущения несвободы и бессилия что-то изменить, надо было просто абстрагироваться от этой составляющей жизни, вытеснить ее в дальний ящик сознания и концентрироваться на позитиве, которого в жизни тоже хватало. С началом перестройки появились новые слова «гласность», «кооперативы», «новое мышление», а потом эти новые слова начали воплощаться в новые смыслы — в экономике, в свободе СМИ, во внешней политике. Появилась надежда, что страна может быть другой в ближней перспективе, возник интерес к тому, что происходит. Первый съезд народных депутатов СССР в 1989 году имел невероятный успех с точки зрения телевизионного рейтинга — мне кажется, вся страна смотрела. Я очень хорошо помню выступления Анатолия Собчака, Андрея Сахарова — это все было совершенно удивительно и живительно.

Апогеем политизации конкретно нашей семьи был тот факт, что во время августовского путча 1991 года мой муж находился около Белого дома среди защитников, которые организовали «живую цепь» вокруг Дома Правительства. Никто тогда не мог себе представить, сколько еще разных «дестабилизирующих» событий в будущем предстоит стране. Но мы в целом оставались скорее сочувствующими, чем активными участниками политического процесса. Так что политизация закончилась ничем, скорее постепенным формированием мнения, что большей гармонизации общественной сферы можно достичь через построение гражданского общества, которое возможно через индивидуальное изменение каждого, а не через политическую борьбу. Впрочем, не хочется много говорить о политике, очень грустно становится.

Вернемся к моему образованию. Я, конечно же, закончила медицинский институт, поскольку для меня это было важно, да и удалось организовать свою жизнь так, чтобы продолжать учиться и воспитывать ребенка без отрыва от учебы. С ребенком мне помогала моя бабушка, она сидела с ним, пока я ходила на практические занятия в институт. Как молодой маме, мне было предоставлено право свободного посещения лекций, которое я довела до абсолюта — за последние два года обучения я не посетила ни одной лекции, и это как нельзя лучше укладывалось в мои привычки получать информацию. По предмету я обычно читала учебник и еще несколько важных монографий, этого было достаточно для свободного владения дисциплиной. В это же время я увлеклась темой СПИДа — сна-

чала с вирусологической, а потом с эпидемиологической точки зрения, готовила какие-то доклады на эту тему и даже где-то их читала. В этот момент сформировался интерес к эпидемиологии вообще — то есть к изучению заболеваемости и любых других медицинских феноменов на популяционном уровне. Я достаточно хорошо изучила принципы планирования выборок, основные методы статистического анализа и решила и далее заниматься эпидемиологией. Надо сказать, что с тех пор менялся только предмет исследования, а объект до сих пор остался тот же.

В те времена еще существовала процедура распределения на работу после окончания института — факультет предлагал варианты трудоустройства. У меня был довольно широкий выбор, поскольку заканчивала я с красным дипломом. Самыми привлекательными были опции аспирантуры. И я тоже отправилась в Институт эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи рассматривать вариант аспирантуры, которую мне с радостью предложили, только в лаборатории микробиологии. Но меня интересовала эпидемиология, и в том же институте была еще вакансия младшего научного сотрудника в лаборатории эпидемиологической иммунологии, но только не было аспирантского места. Мне это было не слишком важно, так как мне казалось, что и без аспирантуры смогу защититься. В результате туда я и пошла после окончания института.

Работать было интересно, я занималась изучением популяционного иммунитета — в основном детскими инфекциями. Диссертацию защищала на тему управления эпидемическим процессом кори на основе применения методов статистического анализа и моделирования. С этой работой победила на каком-то конкурсе молодых ученых. Все было интересно и, наверное, я бы продолжала свои научные изыскания в области популяционного иммунитета, если бы в стране не поменялась система финансирования науки. Защитилась я в 1991 году. К этому времени некоторые из моих коллег нацелились на отъезд из страны — все, кто хотел, уехали в результате. Я же в это время начала сотрудничать с ВОЗ как эксперт по иммунопрофилактике в России. На этом этапе меня пригласили в Минздрав России (точнее Государственный комитет санитарно-эпидемиологического надзора РФ, который вскоре стал департаментом Минздрава РФ). Там я занималась федеральной программой по борьбе с туберкулезом. Пожалуй, это была первая и единственная работа в моей жизни, где мне было невыносимо скучно, так что даже моя кипучая энергия не могли никак спасти ситуацию. Возможно, я попала на государственную службу слишком рано — мне было всего 28 лет, поэтому не смогла в должной мере оценить и встроиться в структуру. Как бы там ни было, это просто была работа не для меня.

В стране было “броуновское движение”, 90-е годы, я не очень понимала, чем заняться. Решила, что самое полезное и прекрасное, что можно сделать в тот момент — это родить ребенка. Поэтому, родив второго ребенка, с большим удовольствием сидела в декретном отпуске два года, понимая, что навряд ли обратно вернусь в Минздрав на прежнюю работу. На этом, собственно, заканчивается этап жизни, посвященный медицинской науке и организации здравоохранения.

Я, по базовому образованию, — математик; последние курсы занимался биометрикой, немного был знаком с популяционными моделями в области генетики, развития популяций животных... это очень интересные модели.

Итак, диплом получен, диссертация защищена, дети подрастают, энергия есть... как развивалась Ваша жизнь дальше?

Далее мне захотелось что-то поменять в своей жизни, и 90-е годы этому вполне способствовали: начал развиваться рынок, возникли новые возможности для приложения собственных сил. Еще находясь в декретном отпуске, я попробовала протестировать рынок труда, отправив свое резюме в ответ на публикации нескольких вакансий в *The Moscow Times*. Тогда эта газета была очень популярной площадкой для поиска вакансий в иностранных компаниях, которые стали довольно активно развиваться. Филиалы иностранных компаний, совместные предприятия – это был новый рынок труда, куда устремились некоторые профессионалы. Я, конечно же, искала какие-то вакансии, связанные с медициной. Нашла три предложения работы – две в фармацевтических компаниях, а одна в исследовательской компании *the RMRC* (или *Russian Market Research Company*) в отдел медицинских исследований. Ответ я получила из двух компаний – швейцарской фармацевтической компании, где вакансия была связана с координацией клинических исследований в России, а второй ответ пришел из компании *RMRC*, где искали консультанта в отдел маркетинговых исследований на фармацевтическом рынке. По результатам интервью меня брали в обе компании. Несмотря на лучшие условия и вполне солидную позицию в швейцарской фармацевтической фирме, я выбрала работу в исследовательской компании. Шаг был не очень логичный на первый взгляд, но мне явно было интереснее заниматься непосредственно исследованиями рынка, чем организацией работ, проверкой протоколов и прочей работой, которая была стабильна и надежна, но навряд ли интересна лично для меня.

The RMRC – это была молодая компания, которая оказывала услуги маркетинговых исследований для компаний из разных индустрий (на тот момент в большей степени для *FMCG* сектора). Компания была создана предприимчивым англичанином Грегом Тейном. Я присоединилась к компании в 1996 году, на стадии, когда там создавался отдел исследований фармацевтического рынка. В тот момент в отделе был назначенный руководитель отдела и присутствовал один ассистент. Не было постоянных клиентов, и проектов особенно не было. Зато предлагалось огромное поле деятельности, где можно было приложить свои усилия, начать создавать практически с нуля определенный бизнес. Я вполне подходила для этой работы – у меня было понимание и самой фармацевтической индустрии, и здравоохранения, а также присутствовали навыки проведения количественных исследований (из моей научной работы в эпидемиологии). Просто термин «популяция» поменялся на понятие «генеральная совокупность», ну и предмет исследования несколько видоизменился. В остальном же мнегодились и все мои навыки планирования выборов, и знание статистики. Но пришлось, конечно, почитать литературу по маркетингу и маркетинговым исследованиям, а также подучиться правилам составления опросников. Во всем остальном у меня было полное совпадение с новой специальностью.

Через два года отдел уже состоял из семи человек, были постоянные клиенты, наша компания стала известной среди фармацевтических компаний, которые мы консультировали по вопросам маркетинга, бренд менеджмента. К этому

времени я уже в большей степени занималась поиском клиентов, переговорами, разработкой дизайна исследований, и потом дорабатывала отчеты, которые готовили мои коллеги.

В 1998 году мы получили информацию о том, что собственник компании решил продать RMRC компании GfK. Причем в этот же момент в августе 1998 года случился кризис. Объединение двух компаний в период кризиса — это был довольно серьезный шаг. Некоторые из моих коллег на тот момент решили организовать собственный бизнес, кто-то уехал за рубеж. Так, руководитель отдела фарм исследований, моя коллега, кто брал меня на работу, уехала в Канаду. В GfK я стала руководителем отдела фармацевтических исследований, состоящим из трех человек. Все надо было начинать заново — строить имидж в фармацевтической индустрии, но уже для компании GfK, а не RMRC. Работы в кризис было очень мало, я в основном занималась продажами, чтобы как-то обеспечить работой еще двух человек и не допустить расформирования отдела. В результате, мы выстояли в самый тяжелый период, и потом неуклонно и быстро стали набирать обороты. По сути, лидирующие позиции как поставщика информации для фармацевтического рынка мы не теряли никогда и держим это лидерство до сих пор. Место моей работы не менялось и в настоящее время (я работаю в GfK уже 16 лет), за исключением смены позиции, расширения обязанностей и роста самой компании, в котором я все эти годы принимала активное участие.

Все это очень интересно, но пока — несколько абстрактно. Не могли бы Вы привести для примера пару ваших исследований начала 90-х и современных. Хотелось бы понять, от чего Вы шли и к чему пришли.

Из начала 90-х — это едва ли, тогда я еще занималась иммунологией и эпидемиологией. А вот из второй половины 90-х, когда я только начала заниматься маркетинговыми исследованиями, можно вспомнить что-то. В отделе медицинских исследований компании RMRC мы все изобретали сами — у нас не было стандартных проверенных инструментов, которыми обладали международные сетевые агентства, поэтому приходилось придумывать решения самостоятельно, а также искали любую информацию на тему, что делается в мире глобальными игроками. Мы достаточно активно работали в области кардиологии, и нужна была информация о профиле пациентов врачей-кардиологов, с какой патологией приходят на прием, какие препараты выписывают доктора. Для этого мы разработали продукт Кардио Монитор, который позволял получить всю эту информацию благодаря анализу историй болезни пациентов, которые нам описывали доктора. Соответственно, сначала надо было разработать методологию, спланировать выборку, создать структурированный протокол пациента, ну и далее — аналитика и использование этой информации для разных клиентов и разных проектов. Могу сказать, что проект оказался успешным, он потом перекочевал в GfK при слиянии компаний. Проект и сейчас существует в почти неизменном виде (и уже не только в России), кроме того к нему добавились мониторы по еще 17 врачебным специальностям, благодаря чему у нас всегда есть полное понимание принципов лечения, которые используются в настоящий момент в практике ведения больных.

Также в конце девяностых мы делали много проектов типа Usage&Attitude. Это базовое исследование для понимания поведения потребителей на любых рынках. Я помню, что первое, что меня поразило при переходе в GfK — это наличие у глобальной компании целого портфеля стандартных брендовых инструментов, которые являются основой принятия решения на разных стадиях бренд менеджмента — от запуска продукта до измерения ключевых индикаторов силы бренда. Мне было безумно интересно попробовать применить это на практике. И как раз первым инструментом был GfK Navigator — это исследование U&A, которое благодаря очень хорошей структуре и аналитическому аппарату давало на выходе ответы на вопросы: какие существуют потребности на рынке, какие из этих потребностей может удовлетворить наш бренд, на какие потребительские сегменты стоит ориентироваться и как позиционировать продукт. Первый Навигатор попробовали сделать на фармацевтическом рынке, а потом во всех индустриях инструмент себя отлично зарекомендовал.

Если перенестись в наше время — мы по-прежнему никуда не ушли от исследований типа U&A, но только теперь несколько сменилась идеология и название: теперь это GfK Future Path. Упоминание о будущем дано неслучайно, так как с тех пор сменилась маркетинговая парадигма: считается, что если следить за потребностями рынка, то невозможно создать никакие прорывные инновации. Для этого надо предвидеть, что потребитель захочет завтра. И для этого у нас есть свои технологии, заложенные в инструменте — как заглянуть в это будущее, как понять, какие инновации будут востребованы через несколько лет. Так что и в 2015 мы продолжаем череду U&A, но только уже в рамках «дорожной карты инноваций», предвосхищая завтрашний день.

А в целом, надо сказать, что все наши продукты модернизировались, стали более современными. Но основной мощный сдвиг, который происходит сейчас в маркетинговых исследованиях — это снижения актуальности чистых «первичных данных», тренд в сторону комплексных решений. Во главу угла ставится не исследование с его результатами, а бизнес проблема клиента, которую решить можно, используя множество источников — среди которых и первичные, и вторичные данные. Все больше проектов мы делаем с элементами моделирования, в том числе эконометрического. Происходит некоторый сдвиг в сторону fact based consulting.

Ну, и конечно, сильно поменялись способы сбора данных — все меньше бумаги, все больше онлайн опросов, опросов на компьютерах и планшетах.

Наверное, можно заключить, что в подходах к исследованиям сохраняется преемственность, но с учетом новых маркетинговых, социальных и технологических трендов.

Приходилось ли Вам заниматься созданием брендов, изучаете ли Вы эффективность рекламы?

Мне, конечно же, приходилось заниматься и созданием брендов, и изучением эффективности рекламы, так как исследовательская группа GfK специализируется на таких исследованиях. Здесь я имею в виду тот факт, что существуют очень хорошие проверенные инструменты, которые работают универсально в разных странах и в разных индустриях.

Как правило, исследования типа U&A являются самыми первыми стадиями поиска идеи для бренда, когда определяются маркетинговые возможности, выявляются потребности рынка, под которые можно создавать продукты и услуги. Если стоит задача создания платформы бренда, то после исследования U&A следует серия мозговых штурмов с привлечением нескольких сторон: исследовательская компания, компания клиента, рекламное агентство, представители целевой аудитории. На этих сессиях создаются основы концепции бренда, которые потом тестируются с помощью специальных методик. И после положительного заключения результатов теста готовится уже коммуникационная кампания и запуск продукта. Правильно организованный процесс подразумевает достаточно тесное взаимодействие всех заинтересованных сторон — исследователя, клиента и рекламного агентства.

Изучение эффективности рекламы становится следующим этапом в цикле бренд менеджмента. Здесь я бы отметила пре-тесты рекламы — когда мы создаем почти близкую к просмотру рекламы среду и измеряем основные показатели рекламного модуля (чаще всего это ТВ ролик, но могут быть и визуальные материалы, реклама в прессе и т. д.). К главным показателям относятся запоминаемость и изменение в отношении к бренду после просмотра рекламы. На основании данных показателей можно сделать вывод о том, насколько рекламный материал в принципе заслуживает дальнейшей разработки и может стать частью коммуникационной кампании. Дополнительная диагностика позволяет улучшить некоторые элементы тестируемого материала. Обычно вложения в пре-тест окупаются за счет более качественной подготовки рекламы, которая в состоянии мотивировать к покупке продукта.

Пост-тест рекламы — это уже измерение последствий проведенной рекламной кампании: а именно, как отреагировал рынок, выросло ли знание, желание купить, желание рекомендовать, изменился ли имидж бренда в соответствии с планом и т.д. Раньше мы делали замеры до начала, во время и после рекламной кампании. Сейчас все упростилось: можно сделать один замер после рекламной кампании, на основании вопросов о медиа потреблении спрогнозировать “opportunity to see” — то есть возможность видеть рекламу. И после сегментации респондентов в зависимости от интенсивности рекламной нагрузки можно сделать вывод о том, как работает реклама, и если есть проблемы, то в чем они заключаются — реклама не работает, или просто сама кампания была недостаточно мощной и не обеспечила хорошего покрытия целевой аудитории.

В последнее время все больше делаем исследований эффективности рекламы на вторичных данных — это регрессионные уравнения, где учитываются продажи и затраты на разные каналы рекламы. Если получить довольно длинные временные ряды, то можно вполне адекватно ответить на вопрос о том, какой вклад в продажи осуществляет каждый канал рекламы.

Так что возможностей у нас довольно много для поддержки маркетинга на разных этапах построения бренда. А за долгие годы работы в маркетинговых исследованиях у меня было достаточно много возможностей поучаствовать в интересных проектах. Сейчас я больше занимаюсь общими вопросами стратегии, администрированием, PR и немного скучаю по временам, когда была возможность заниматься каким-то проектом от начала до конца.

Марина, Вы все премудрости маркетинговой философии и маркетинговых исследований постигали лишь через практику или Вам многое открыла специальная литература? Проходили ли Вы обучение на каких-либо курсах, семинарах в России или на Западе? Пожалуйста, поделитесь своим опытом вхождения в маркетинговую тематику

Вообще пришлось и литературу читать по маркетингу, и на практике учиться. Специальная литература очень важна для понимания теоретических рамок, терминологии, понимания трендов в отрасли. Хорошее владение предметом маркетинга — это та база, которая при доскональном знании предмета маркетинговых исследований позволяет творчески решать любые сложные бизнес задачи.

В моем случае первой книгой по маркетингу оказался Филип Котлер «Основы маркетинга». С тех пор для меня эта книжка является азбукой маркетинга, которая сформировала теоретическую базу на первое время. И впоследствии я изучала почти все другие большие труды Котлера — Маркетинг менеджмент, Маркетинг 3.0. Кроме того, приходилось и много другой литературы читать: Ламбена про стратегический и операционный маркетинг, Келлера по бренд менеджменту, Портера про конкурентные стратегии и 5 конкурентных сил рынка, Друкера — по менеджменту, Гилберта Черчилля — по маркетинговым исследованиям. В 2012 году закончила MBA программу в Moscow Business School по специальности стратегический менеджмент, но дипломная работа была в области маркетинга — так что в рамках подготовки литературного обзора прочитала очень много литературы по этому предмету. Из последних интересов — стараюсь отслеживать эволюцию маркетинга, изучая все последние теории — маркетинг взаимоотношений, внутренний маркетинг, маркетинг корпоративной ответственности. Эволюцию стратегий маркетинга обязательно включаю в свой курс маркетинговых исследований, который читаю для некоторых бизнес школ.

Но мои главные университеты в маркетинговых исследованиях — конечно, это практическая деятельность и огромный пласт информации в GfK. У нас есть Академия GfK, где читается много лекций и семинаров — всего даже не перечислишь, что я прошла за 16 лет работы. Сейчас стало особенно удобно, так как много мероприятий проводится в виде вебинаров, так что даже никуда ездить не надо. Наверное, не реже чем раз в неделю какое-то мероприятие образовательного толка обязательно проводится. Ну и практика работы, конкретные проекты — это самое главное для профессионального роста и развития. Поэтому, когда я читаю лекции по маркетинговым исследованиям, я чаще всего использую собственные материалы из практики, бизнес кейсы и минимум теории.

Марина, выше Вы заметили: «...Сейчас я больше занимаюсь общими вопросами стратегии, администрированием, PR...». Пожалуйста, прокомментируйте сказанное

Я упоминала это в связи с тем, что сейчас мне все меньше приходится заниматься исследовательскими проектами от начала до конца, так как приходится руководить довольно большим количеством подразделений компании. В этих условиях на первый план выходят задачи формирования стратегии, подбора и подготовки персонала; компетенции лидерства и управления вовлеченностью персонала становятся более важными, чем индивидуальный вклад в конкретное исследование.

И хотя я всегда с удовольствием привлекаюсь к решению конкретных бизнес задач клиентов, с точки зрения профессии меня все больше интересует в целом эволюция развития маркетинговых исследований: развитие digital направления, big data и их использование в исследованиях. Поэтому приходится заниматься развитием тех ниш, которые сейчас пока находятся в зачаточном состоянии, но наверняка будут доминировать в будущем.

Вы обозначили явно две темы, по которым я хотел узнать Ваше мнение. Первое: я знаю, как пришли в маркетинговые исследования, скажем Елена Башкирова, Александр Демидов, Петр Залесский, вижу Ваш путь. А кто сейчас приходит? Это уже люди со специальным образованием? И второй вопрос: методология и технология big data в российском маркетинге развивается — мне кажется — весьма успешно, стремительно. Кто в России инициатор этого? Когда это началось?

Сейчас мы в основном отбираем для маркетинговых исследований людей со специальным образованием — как правило, это социологическое образование. По сути, маркетинговые исследования — это частный случай социологических исследований. Из лучших вузов, которые готовят социологов у нас в стране, я бы назвала НИУ Высшая Школа Экономики. На мой взгляд, там хорошо сочетается теоретическая подготовка и практика. В частности, сотрудники GfK читают лекции на факультете социологии ВШЭ. Мой сын сейчас заканчивает бакалавриат социологического факультета ВШЭ, и я вижу, что за 4 года он получил вполне приличную подготовку для профессионального исполнения проектов — начиная от планирования выборок, подготовки инструментария, до аналитики с использованием программного обеспечения SPSS и не только. Так что для маркетинговых исследований, точнее для того, чтобы быть профессиональным исследователем, именно социологическое образование является идеальным. Если же быть пользователем результатов маркетинговых исследований, что важно для маркетологов, то такие курсы читаются для маркетинговых специальностей. Курс маркетинговых исследований непременно присутствует в маркетинговых программах МВА. В частности, я читаю курс маркетинговых исследований в бизнес школе МИРБИС, а также в Высшей Школе маркетинга и развития бизнеса НИУ ВШЭ. То есть сейчас довольно много мест, где можно получить подготовку по маркетинговым исследованиям: накоплена и история развития этой отрасли, и выбор преподавателей этой дисциплины присутствует.

По поводу вопроса big data. Тема очень интересная и перспективная, за ней будущее. И развитие этой истории существенным образом затронет индустрию маркетинговых исследований: если раньше профессиональные компании занимались сбором данных, то сейчас все больше фокус смещается на аналитику уже собранных где-то данных. Я бы не сказала, что тема big data уже получила серьезное развитие, мы пока на полпути. Скорее сейчас эта тема очень много обсуждается: на конференциях, в прессе, у нас происходят регулярные встречи с клиентами на эту тему. Кому сейчас эта тема особенно интересна? Конечно, тем индустриям, где накапливается большой объем неструктурированных данных, которые требуют умной аналитики для того, чтобы принести пользу бизнесу и потребителям. Прежде всего, это телеком операторы, банки, интернет компании, ритейл, и, конечно, профессиональные исследователи рынка, которые рассматривают big data как новую возможность для получения информации.

В чем же суть? Пользуясь интернетом, осуществляя покупки, потребляя видео контент, мы оставляем большое количество следов своей деятельности, которые составляют неструктурированные большие массивы информации. Сейчас одна из актуальных тем – как научиться анализировать, утилизировать эти данные с пользой для бизнеса и на благо потребителю, не нарушая его приватности и конфиденциальности.

Многое еще предстоит сделать в области аналитики и использования big data, но я коснусь того, что мы уже делаем и поставили практически на службу маркетингу.

Прежде всего, мы анализируем поведение в интернете тех потребителей, кто дал нам на это согласие. Эту информацию мы обогащаем данными опроса и получаем полную картину процесса покупки, например. А этот процесс становится все более сложным, так как посетители магазинов сейчас вооружены смартфонами, которые используют для изучения и сравнения предложения, для сканирования, платежей. И понять, как себя ведет покупатель в этой сложной многоканальной среде, не так-то просто. Это становится возможным, если мы совмещаем данные пассивного мониторинга с результатами опроса.

Второе интересное приложение, которое также уже активно используется, это web listening или анализ многообразной информации о предмете исследования, которая накапливается в интернете: в социальных сетях, на сайтах, блогах, сообществах. Это существенный источник информации о категориях, брендах, рекомендациях, поведении потребителей, о зарождающихся трендах, которые важно отслеживать для разработки инноваций.

О теме big data можно говорить довольно долго – с точки зрения возможностей, барьеров, пользы и угроз. В частности, этой теме будет посвящено следующее заседание Комитета по маркетингу и корпоративной стратегии Ассоциации Менеджеров, в котором я принимаю активное участие. Надеюсь, узнаем еще что-то новое о дальнейшем развитии этого направления.

Методологию big data я знаю, она активно и плодотворно использовалась в 2012 году штабом президентской кампании Барака Обамы. Сейчас меня интересует история появления big data в российском маркетинге. Одно из важнейших достоинств big data – возможность точнейшего, тончайшего таргетинга и при анализа данных, и при ведении маркетинговых компаний. GfK ограничивается анализом или вы беретесь и за ведение маркетинговых компаний? Является ли GfK пионером? Кто (какие организации) еще – в лидерах? Есть, ли уже в стране компании, пишущие софт для big data и обучающие этой технологии?

Возможностей применения аналитики больших данных действительно очень много: конечно, это и таргетированная реклама, основанная на анализе профиля потребителя, его привычек, поведения в интернете. Геолокационные данные позволяют делать предложения потенциальным потребителям, которые находятся в зоне охвата какого-то ритейлера, ресторана, банка и вообще любой точки продажи, услуги. Но это не только маркетинг, нацеленный на персонализированные предложения клиентам, это и анализ загруженности дорог, средней скорости движения, аварийности, что позволяет не только регистрировать, но и прогнозировать пробки, вероятность дорожно-транспортных происшествий. И, конечно, эти методы таргетирования крайне важны в сфере полит технологий.

Но здесь не все так просто, конфиденциальность и приватность каждого человека регулируется законами и правилами. Можно анализировать только ту информацию, на которую получено разрешение. Как я понимаю, это не только в России, но и в Америке. Я обратила внимание на описание технологий работы с большими данными во время выборной кампании Обамы в Вашей книге «Гиганты большой рекламы». Богатство информации для анализа было получено от кандидатов, которые зарегистрировались на сайте избирательной кампании. Одновременно с регистрацией на сайте человек давал согласие об использовании персональной информации, которую сообщал, а также позволял собирать о нем дополнительные данные: какие сайты он посещал, его действия и прочее. То есть не все данные могут быть использованы для маркетинга и избирательных кампаний, а только те, где у нас есть право на их использование. И это тоже один из барьеров широкого использования больших данных.

Например, телеком операторы обладают огромным массивом данных о своих абонентах, их поведении в интернете, геолокационные данные. И в этих данных могут быть заинтересованы многие компании для целей персонализированной коммуникации с потенциальными клиентами. Но существуют законы, не позволяющие операторам передавать эти данные третьей стороне на индивидуальном уровне.

Это сейчас один из больших вопросов: как использовать все многообразие данных на пользу бизнесу и потребителям, не нарушая при этом конфиденциальности индивидуальной информации. Сейчас вопрос безопасности личных данных стоит довольно остро. Потребители уже хорошо осведомлены, что в интернет среде, на сайтах разных компаний, в социальных сетях скапливается огромное количество их персональной информации. И, конечно, людей не может не волновать вопрос, как эта информация будет использована. Так что в развитии темы аналитики больших данных необходимо учитывать вопрос безопасности и этики. Здесь я бы пользовалась формулой Гиппократова «не навреди».

Что касается роли GfK в теме big data, мы занимаемся только аналитикой. GfK является игроком исключительно в области исследований, мы предлагаем решения для бизнеса, но не имеем права оказывать маркетинговые услуги. Да и в целом отрасль маркетинговых исследований, которая регулируется кодексом ESOMAR, придерживается правила не совмещать процесс исследования рынка для какой-то компании с продвижением товаров и услуг. Это профессиональные услуги разного порядка.

Что касается «пионеров» в области анализа big data, то GfK можно причислить к рядам первопроходцев, но мы не единственные, конечно. Многие компании делают эксперименты и пилоты в этой области. Из тех, кто активно продвигает аналитику big data для клиентов, я бы назвала компанию Яндекс. Не так давно они анонсировали сервис Yandex Data Factory. Услуги рассчитаны на любые компании, которые имеют дело с большими массивами данных. Многие компании, владельцы больших данных, сами для себя развивают аналитику, не анонсируя данный вид деятельности широко.

Развитие темы аналитики и использования big data идет довольно быстрыми темпами, но с учетом тех ограничений, о которых я уже говорила.

Марина, в России есть ассоциацию исследователей рынка (не помню ее точное название), и Вы – один из ее лидеров. Это верно? Пожалуйста, расскажите об этой ассоциации и о Вашем участии в ее работе.

Я уже несколько лет участвую в работе Ассоциации российских менеджеров (АРМ). По своей сути это структура, которая объединяет профессионалов-управленцев, работающих в России. Основная задача ассоциации заключается в содействии внедрению лучших стандартов и практик управления в бизнесе. А если глобально посмотреть на миссию данной структуры – это улучшение качества управления. Ассоциация сейчас – это 2,5 тысячи профессиональных управленцев, работающих в различных отраслях российской экономики. В соответствии с потребностями ассоциация создает комитеты, проходят встречи, решаются актуальные вопросы. Одной из инициатив АРМ можно назвать организацию рейтинга «Топ-1000 ведущих менеджеров России», который создан и проводится в партнерстве с ИД «Коммерсант».

Я начала сотрудничать с ассоциацией в качестве спикера на заседаниях Комитета по маркетингу, где делилась опытом из области управления вовлеченностью персонала, создания и мониторинга здоровья брендов, измерения эффективности рекламы и прочими кейсами. В 2014 году мне предложили выдвинуть свою кандидатуру на позицию председателя Комитета по маркетингу и корпоративной стратегии. И с тех пор уже второй год я веду комитет по маркетингу. Одной из моих основных задач является подготовка повестки заседаний, а также подбор и приглашение спикеров, которые представляют наилучшие практики по теме. Кроме того, в мои задачи входит модерирование дискуссий. Задача нетривиальная и особенно интересно получается, когда завязывается бурная дискуссия. Не так давно мы обсуждали на заседании комитета антикризисные стратегии и делились мнениями на тему, что такое кризис – угрозы или новые возможности. На ближайшем заседании будем обсуждать digital стратегии компаний и обязательно поговорим на актуальную тему big data, о чем мы уже упоминали ранее.

Интервью с Леонидом Ефимовичем БЛЯХЕРОМ

«ИСПУГАННЫЙ ЭТОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ, Я КИНУЛСЯ ЧИТАТЬ УЧЕБНИК ЯДОВА»

Бляхер Л. Е. – окончил филологический факультет Таджикского государственного университета (1989 г.). Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологи Тихоокеанского государственного университета. Основные области исследования: экономическая социология, социология организаций, неформальные отношения в бизнесе и политике, политическая регионалистика. Интервью состоялось 5-7 июля 2014 г.

Моей встрече с Леонидом Ефимовичем Бляхером я обязан недавно вышедшей книге «Социологи России». Знакомился с ней я весьма целенаправленно, искал кандидатов для биографического интервью. В конце 2013 года я решил, что пора переходить к беседам с социологами пятого и шестого поколения, годы рождения первых – в интервале 1959-1970, вторых – 1971-1982, поэтому важнейшим показателем для отбора будущих «жертв» был год рождения. Год рождения незнакомого мне Л. Е. Бляхера отвечал задаче моего поиска – 1965. Далее меня привлекло в его биографии то, что его кандидатская диссертация была связана с исследованием парадигматики М. М Бахтина, а в одном из его докладов анализировалось творчество Андрея Платонова. В моем понимании, это – очень заметная «визитная карточка» ученого. Редкими оказались и другие моменты его биографии: рождение в Душанбе, служба в армии, отсутствие аспирантуры, работа в Хабаровске. Все, с кем я ранее проводил интервью либо получали образование в Москве или Ленинграде, либо учились там в аспирантуре. И наконец, докторская диссертация по социальному хаосу, защищенная в 33 года.

Конечно, я сразу нашел в Интернете электронную почту Бляхера отправил ему письмо и предложил дать мне биографическое интервью. Это было 26 июля 2014 года. Он сразу же мне ответил, что находится в Австрии без нормального компьютера, но вернется домой 4 августа, и с радостью вышлет мне ответы на мои вопросы. Действительно, в указанный день я отправил Леониду первый вопрос, а далее произошло то, чего в моей практике не было и, уверен, не скоро повторится. Интервью, несмотря на то, что (а, может быть, потому что) нас разделяли 18 часов, протекало в прямом диалоге, как в чате. Все было сделано за два дня, но мне трудно подсчитать, за сколько часов.

Мне думается, что рассказанное Леонидом Бляхером весьма значимо для понимания процессов, протекающих в современной российской социологии, и становления новых социологических поколений.

Бляхер Л. Е.: «Испуганный этой перспективой, я кинулся читать учебник Ядова»

Согласно информации недавно вышедшего справочника «Социологи России», Вы родились в Сталинабаде, что не совсем верно, за четыре года до Вашего рождения городу было возвращено его историческое имя Душанбе. Как Ваши родители оказались там? Они сами приехали, скажем, на какую-либо стройку, или они там и родились? Вообще, как далеко, глубоко Вы знаете историю Вашей семьи?

Историю семьи знаю поколений на пять. Правда, там, где начинаются всякие «пра-пра», в основном, по семейным приданиям. Отец родился в Гомеле, а мама — в Москве. Но... типичная советская судьба. Бабушка (мама отца) с сестрами была эвакуирована (уже из Бобруйска) в Сталинабад. Дед ушел на фронт. Но в 43-м был ранен, комиссован и отправлен умирать в тыл.

После окончания войны бабушка, по рассказам, просто испугалась возвращаться в абсолютно разоренный город с мужем-инвалидом. Так они остались в Душанбе, где за годы эвакуации как-то обустроились. Бабушка работала в столовой, что и было основным источником питания в семье еще и на моей памяти. Дедушка, успевший окончить Санкт-Петербургское высшее коммерческое училище («пра» были купцами 1 гильдии, что позволяло учиться в столице) был каким-то хозяйственным замом на заводе. Папа окончил местный филфак, а потом искусствоведческий факультет Академии художеств им. И. Е. Репина в Ленинграде. Был в аспирантуре у Ю. Н. Давыдова в Москве. Но подписал письмо в защиту Даниэля и Синявского. После чего попытка «закрепиться» в столице не увенчалась успехом. Вернулся в Таджикистан, где и проработал в разных вузах до 1990-го года.

С мамиными родителями сложнее. В 1938-м году, ее отец был расстрелян на «дальней даче», а бабушка получила классические десять лет, как ЧСИР. Маму и ее брата от детдома спасли тетки. Самая «состоятельная» из них, адвокат баба Иза, «удочерила» маму. Чудом сбежав из Харькова, они после кучи мытарств тоже оказались в столице солнечного Таджикистана. В 1949-м в городок под Душанбе (Шахринау) прибыла в ссылку ее мама с новым, рожденным в тюрьме братиком. В 1954-м бабушку реабилитировали. Она смогла вернуться в Москву. Мама осталась в Душанбе. Окончила местный физфак и работала в институте астрофизики. На занятиях по философии (кандидатский экзамен) они с папой и познакомились. Там ей предложили сменить специальность с физической на философскую. В результате, родившись в 1965 году, я оказался «философским ребенком».

Что из себя представлял Душанбе в 1960-70-е годы?

Душанбе был уникальным городом. Мое поколение интеллигентных душанбинских детей могло абсолютно искренне сказать: Спасибо товарищу Сталину (и частично, Брежневу) за наше счастливое детство! В Душанбе не ссылали, точнее, ссылали не часто. Зато туда много бежало тех, кто мог быть арестован, но не сильно жаждал этой участи. В силу абсолютной дремучести местного начальства, эти люди не только благополучно выживали в сталинской мясорубке, но и могли активно работать. Местную гуманитарную среду делали такие добровольные или не совсем добровольные переселенцы.

Драматический театр создавал Евгений Шварц. Местную философскую школу пестовал еще совсем молодой В. С. Библер, кстати, первый учитель родителей. Питерские востоковеды создали школу изучения восточных языков. Харьковские и московские «беженцы» создавали русский филфак. Поколение моих учителей, следующее поколение душанбинской интеллигенции, появилось под лозунгом «Брежнев — вон из Праги!». В результате сложилась среда с качественно более высоким уровнем свободы, чем в остальном СССР. Причем, не натужной свободы диссидентов. Но естественного состояния души. Здесь так жили. Конечно, КГБ было и в Таджикистане. Но у них, к счастью или несчастью, хватало реальных проблем (первые массовые этнические конфликты проявились уже в начале 70-х), потому людьми с «длинными языками» занимались не очень активно.

Сам город детства был теплым, домашним. Вдоль улиц бежали арыки. А над ними сплетали ветви платаны. При этом, как в любой столице национальной республики, там был десяток обязательных вузов, шесть театров, отделение академии наук. Население города было около полумиллиона. При невероятной полиэтничности, город считался «русским». Собственно, актуальными были три этнических самоопределения «таджик», «русский» и «узбек». При этом, в категорию «русский» попадали сосланные чеченцы и корейцы, депортированные немцы и татары. Видимо, основой был не столько этнический, сколько лингвистический фактор.

Какие воспоминания остались от школы? То, как Вы описали Душанбе, позволяет предположить, что в школах могли быть сильные учителя. Возможно, как у «философского ребенка» у Вас рано появился интерес к литературе, истории, но мог быть интерес и к физике...

Школа в городе была разная. Во-первых, были русские и таджикские школы. В первых преподавание велось на русском языке, во вторых, понятное дело, преподавали на таджикском. Учиться предпочитали в русских, где преподавание было существенно лучше. Почему? Отдельная тема. В таджикских школах учились дети недавних переселенцев из кишлаков, жители предместий. Но и «русские» школы тоже были разными. Сословность здесь правила бал. Были школы, где предпочитали учиться дети парт номенклатуры, дети «начальников». Были школы, где тон задавали дети интеллигенции. Были «рабочие» школы. Различались в них и учителя, и атмосфера. В школах «для интеллигенции» отношения между учениками и учителями были, наверное, более приватными. В «школах для интеллигенции» было много учителей-легенд, к которым стремились попасть. Во всяком случае, родители стремились отдать туда детей.

На мою беду, большая часть этих легенд были естественниками. Об учителе математики Иване Дмитриевиче Борздыко я услышал раньше, чем научился писать. Он учил отца, маму, старшего брата. Его ученики становились докторами наук, получали престижные международные премии. В физико-математическую школу, по традиции, отдали и меня. Учителя были блестящими. Физика Иосифа Ивановича Ракитина помню до сих пор. Про преподавателя электроники (был у нас такой отдельный предмет) Александра Захаровича говорили, что не понять после его объяснения может только клинический идиот. Гуманитарные предметы преподавались, как «дополнительные». Иногда это было интересно. Но,

в целом, воспринималось, как не важное. Тем более, что особыми физическими и математическими талантами я не блистал. Потому на физику приходилось тратить массу времени. Литературу и историю же можно было делать левой ногой. Об истории я гораздо больше узнавал дома от папы, а о литературе — от мамы. Выбор гуманитарной сферы был почти вынужденным. Заканчивался десятый класс. Был серьезный шанс на медаль. Но «пятерки» по алгебре и геометрии не выходили никак. Таких нас было три гения. И вот, перед началом экзаменом нас пригласил наш математик и сказал: «Ребята, я не хочу вам портить жизнь. Вы тупые. Вы не виноваты. Просто так распорядилась природа. Давайте договоримся. Я ставлю вам «пятерки», если вы сдаете экзамен на «пять», но вы никогда не пойдете в вуз, где изучается математика». На том и порешили. Этот завет блюду свято. Хотя, честно говоря, обидно до сих пор.

Учились ли Вы одновременно в музыкальной школе, был ли интерес к рисованию, желание читать серьезные книги (не учебники) по физике, философии? Было ли увлечение общественной работой? Тогда ведь все были членами ВЛКСМ. Выезжали ли Вы собирать хлопок?

На мое несчастье у старшего брата был идеальный слух. Он шесть лет промучился в музыкальной школе, промучив параллельно родителей до такой степени, что обо мне речь уже не шла. Тем более, что в финале он сжег скрипку. До университета, да и в университете, я занимался совсем не интеллектуальными видами спорта. До 12 лет это были футбол и плаванье, а позже бокс. Был чемпионом и призером республиканских и союзных соревнований. Правда, читать любил всегда. По физике, конечно, о серьезных книгах речь не шла. Пробовал, не вышло. Но «Теорию относительности для миллионов» прочел классе в четвертом, как и всякую популярщину про космологию. Больше всего любил читать исторические тексты. Е. В. Тарле — любимый автор детства. Историческую беллетристику глотал пачками класса с 3-го. Любимым развлечением было перенести события из книги на карту. Вообще, карты и таблицы до сих пор моя страсть. Общественной работой не занимался. Только в армии был комсоргом, поскольку это давало возможность не жить в казарме и читать книжки. Да, кажется, на четвертом курсе организовал факультетский драмкружок. На хлопок, конечно, ездил. Сохранил об этом самые теплые воспоминания. Работали мы там мало и плохо. Зато было много выпивки, девушек, веселья и т. д. Всякие бытовые неудобства в тот момент серьезной проблемой не были.

Вы еще будучи школьником впервые выехали в европейскую часть СССР?

Конечно. Ведь бабушка и дядя жили в Москве. На даче под Москвой проводила лето и наша семья. Точнее мама со мной и братом. С мамой объездили Золотое кольцо, подмосковные усадьбы, московские музеи и театры. Она, вообще, считала своим долгом мотаться с нами, где можно и нельзя. В 8-м классе впервые выехал с отцом в Питер. Он там повышал квалификацию, а я бродил по городу. Вместе с ним ходили в музеи. Правда, это было менее интересно, чем с мамой. Он рассказывал об осях симметрии, специфике мазка и прочей искусствоведческой дребедени. Правда, иногда очень интересно о судьбе картин

и художников. В составе спортивной команды, лет в 14, ездил в Набережные Челны, Казань, Донецк и Палангу. Кажется, этим мое знакомство с Европой заканчивалось, если не считать книжек и альбомов с фотографиями.

В годы Вашей юности и ранней молодости рядом с Душанбе проходила афганская война. Как это сказывалось на жизни города, отражалось в повседневной жизни людей?

Первое время была массовая истерика. Официально подавалось, что «басмачи рвутся через границу». Поскольку значительное число людей из Душанбе бывали в Афганистане, любили эту страну, то от всего информационного шума голова шла кругом. Потом появились первые ребята с боевыми наградами, появились инвалиды. Слово «афганец», которое прежде обозначало только жителя этой страны, да один из видов песчаных бурь, типа хамсина, изменило смысл. Появились рассказы «оттуда». В вузах стали учиться студенты из Афганистана из семей – сторонников «шурави» (советских). Потом пошли «грузы 200». Появился материнский страх, что «ребенка заберут в Афганистан». Когда я призывался, то мама приложила все свое влияние, чтобы «только не туда». Попал служить в Забайкалье. Больше война никак на семье не сказалась. Может быть, только одно воспоминание. Наш дом окнами выходил на дорогу, ведущую в южном направлении. Почти каждую ночь по дороге грохотали колонны танков и БТР, едущие на юг.

И еще мимо одного процесса мы не можем пройти. Вы так мягко заметили, что Ваш отец работал в Таджикистане до 1900-года. По-видимому, имеется в виду массовый отъезд русскоязычного населения из республики... Вообще, как это происходило, что это был за процесс? Я в те годы уже жил в Америке, и мне было не до российско-таджикских событий. Каковы причины этого отъезда (или бегства?). Какова «жирность» направленности векторов отъезда еврейского населения в Россию и Израиль?

Напряжение нарастало очень постепенно. Вернувшись из армии в 1986-м году (рассвет Горбачева я встретил там), я увидел, что продуктов в сытом Душанбе стало намного меньше. Появились пустые полки и длинные очереди. Вместе с ними первые частные («кооперативные») магазины, кафе, бары. Но если в «русском» Душанбе это было проблемой, то в кишлаках в условиях демографического взрыва это становилось катастрофой. Формировалась линия противостояния «столица – республика». Вторая линия противоречий шла по поводу «государственного языка», перевода делопроизводства на таджикский язык. Русскоязычным населением это воспринималось, как форма «выдавливания» их с государственных рабочих мест. Третья линия противоречия, самая острая, шла между «племенами». Основная масса этнических таджиков проживала и проживает в Узбекистане (Самаркандская и Бухарская области). Таджикистан – это исторически горные бекства, нукеры которых очень охотно ходили в походы на таджикские города. При создании Таджикской АССР, а затем и ССР в нее был включен узбекский Ходжент (Ленинабад). «Северяне» и были «правлящим классом» в республике. Южные кланы, оттесненные от власти, копили раздражение. И однажды оно взорвалось. Предлогом к началу всего и вся стали слухи, что в город прибыли беженцы из Баку, которым дадут квартиры, предназначенные для таджиков. Почему именно это, сказать не берусь. Но в начале

февраля 1990-го года огромная толпа молодых людей собралась перед зданием ЦК КП Таджикистана. Вытесненные с площади, они пошли по городу, громя дома и избивая людей. В нашем районе погромов удалось избежать. Район был рабочий, традиционный. Почти сразу возникли отряды самообороны. В серии стычек получилось объяснить ребятам, что им здесь не тут. Потом в республике появилось огнестрельное оружие. Много оружия. Как-то, дежуря ночью, мы остановили машину, багажник которой был забит калашами. Автоматные очереди заменили ночных цикад. Введение войск на какой-то момент стабилизировало ситуацию. Но не вполне. В 1992-м страна взорвалась гражданской войной на почти десять лет. С 1990-го по 1992 годы и шел основной отток. Израиль организовывал даже спецрейсы для вывоза евреев из Таджикистана. Большая часть нашей семьи, всевозможные дяди и тети, включая родного брата, там. Немецкая община, представители которой еще с начала 80-х активно отбывали на историческую родину, отбыла почти полностью, захватив некоторое число евреев. Самый «жирный» поток шел в Россию. Первоначально лидировала идея сельских поселений. В Воронежской и Калужской области возникли деревни и районы в малых городах, где компактно проживали душанбинцы. Но конфликты с местными властями и населением, в конце концов, привели к гибели всех этих общин. Сегодня большая часть их представителей живет в Москве и Подмосковье. Почему мы поехали на Дальний, а не на Ближний Восток, сказать трудно. Наверное, вопрос языка, который в тот момент казался особенно болезненным. Почему именно в Хабаровск, сказать легче. Когда отец сообщил о таком варианте, я был в шоке. Память о светлых армейских годах была жива. Тогда он разложил карту СССР и сказал: «Видишь, как это далеко? Пока до туда докатится очередной российский маразм, или он сдуется, или против него найдут противоядие». Так мы стали дальневосточниками.

У Вас уже дважды в тексте появилась служба в армии? Я не понял, Вы служили до Университета, Вас оторвали от обучения или после получения высшего образования?

Я учился в тот замечательный период, когда факт принадлежности к студенчеству не обеспечивал отсрочки. В результате, после окончания второго курса я отправился отдавать долг родине. Надеюсь, что мы с ней в расчете. Служил в ЗабВО. После возвращения продолжил учиться. За год почти отвык публично использовать мат в качестве разговорного языка и пытаться выяснить истину с помощью потасовки. В целом, учитывая бегство и обустройство на новом месте, да и некоторые другие аспекты биографии, опыт был полезным.

Тогда вернемся к моменту завершения школы. Какой это был год? Какие планы на продолжение образования были? Были ли планы получить образование в Москве или Петербурге? Какой факультет Вы все же избрали?

Это был 1982-й год. Выбор был между филфаком и истфаком. Историю всю жизнь любил очень. Не стал поступать из страха, что туда идут жаждущие будущей чиновной или партийной карьеры. Этого не хотелось точно. Остался филфак. Про обучение в столицах думал и даже частично реализовал. Но, по разным биографическим причинам, пришлось вернуться домой. Как оказалось, филфак в Душанбе был на диво сильным, а учиться было интереснее

и приятнее, чем в Москве. С нами «носились». Позвонить поздним вечером преподавателю, поскольку тебя осенила «гениальная идея», считалось почти нормой. Совместные капустники студентов и преподавателей, теоретические и творческие семинары – все это было обычным делом. В МГУ профессор не всегда даже вспоминал о том, что у него лекция.

С 3-го курса (после армии) мне дали свободное посещение и индивидуального наставника. Сначала я работал под руководством П. А. Клубкова, совершенно гениального лектора и потрясающе интересного собеседника. У него была шикарная домашняя библиотека, где я «пасся» постоянно. Причем, что в те годы было редкостью, множество книг на иностранных языках, редких переводов. Сам Павел Анатольевич заканчивал факультет математической лингвистики в ЛГУ. Писал диплом и защищал диссертацию у Льва Буланина, занимался в семинаре у Ю. М. Лотмана. Я, честно говоря, предпочитаю думать о себе, не как о «внуке» Библера, а как о «внуке Лотмана». Хотя наше профессиональное сотрудничество не сложилось, но теплое общение мы продолжали до последних дней его жизни.

Потом я работал под руководством О. Б. Кушлиной, сегодня более известной, как писатель и критик, издатель собрания сочинений своего супруга Виктора Кривулина. Собственно, более счастливых и ярких лет в жизни у меня не было. Нас не только учили. Мы постоянно выезжали в столицы на какие-то конференции, ездили на семинар к Юр Миху Лотману в Тарту, на студенческие олимпиады в Краснодар. Проводили сами конференции. Последнюю проводили уже в условиях военного положения и комендантского часа. Это было захватывающее действо. В стиле – всем смертям назло.

Филфак: русское отделение или иностранные языки? Вас тянуло в журналистику? Писательство? Семиотику?

Русистика. Мне казалось (в школе), что там меня «научат писать стихи». Журналистика была формой быстрого заработка. Как работа не воспринималась. С иностранными языками не сложилось. До сих пор общаюсь на уровне «твоя моя не понимает». Читать проще. Про семиотику узнал уже в университете. То есть слово слышал от родителей, но, почему-то, не заинтересовался. Зато первую курсовую у Клубкова писал на тему «Семантика стихотворного размера. Четырехстопный хорей».

И что быстро поняли, что в университетах не учат писать стихи? В армии, наверно, Вас привлекали к работе в газете? И все же, какое образование Вы получили: по диплому и по сути?

Почти сразу стало понятно, что стихи меня писать не научат. В армии от стенгазет я был почти свободен, поскольку 2/3 службы следил за «спокойствием воздушных границ нашей Родины». Там или смена, или сон. В последние полгода что-то выпускали, но не отложилось. Образование по диплому и меня «Филолог. Преподаватель». По сути сложнее. Даже затруднюсь сказать. Наверное, все же филологическое. Только с очень специфическим пониманием филологии. Клубков говорил: То, что штаны одевают через ноги, а не через голову, тоже имеет отношение к языку. Язык – единственная материя, в которой нам представлена реальность.

В армии Вам не предложили вступить в КПСС? Для работавших в журналистике это было крайне полезно...

Предложили. И я даже согласился. Только не вышло. Меня во время оно выгнали из комсомола. В результате я оказался комсоргом, не будучи комсомольцем. Просто об этом никто не спросил, а по умолчанию предполагалось, что все комсомольцы. В результате я под дембель получил хороший скандал. Но замаяли и задним числом приняли меня в ВЛКСМ. Так что я — дважды комсомолец СССР!

И Вас распределили в школу или предложили аспирантуру?

И не то, и не другое. Меня распределили на кафедру общего языкознания. Предполагалось, что через пару лет я поеду в аспирантуру и защищусь. Правда, с третьего курса я подрабатывал в школе, поскольку скоропостижно женился, соорудил потомка. Следовательно, возникала необходимость кормить семью. Газетные же заработки были очень не регулярными. Но сим радужным планам было не суждено сбыться. Начинается война в Таджикистане и мы, благополучно, делаемся понечетными дальневосточниками. В результате аспирантура в моей жизни так и не случилась. Как-то совершенно набегу защитил обе диссертации. Даже обидно. Люди делятся перипетиями защиты, смешными случаями. А я этого акта почти и не помню.

Вот и повспоминаем... но сначала о переезде. Это когда произошло? Были ли какие-либо подъемные, оплачивались ли (Россией?) авиабилеты, предоставлялось ли переселенцам жилье, как Вы решали вопрос трудоустройства?

Переехали в августе 1990-го. У родителей был статус «приглашенных специалистов» (была в СССР такая формула). Приглашал хабаровский пединститут. Им почти сразу дали жилье. Я ехал на «птичьих правах». В качестве бесплатного приложения к приглашенным специалистам. Билеты никто не оплачивал. Дали работу и то счастье. Мы с женой и двумя уже детьми жили в общежитии. Я попал на кафедру литературы местного филфака. Папа возглавил кафедру мировой художественной культуры. Мама пошла работать на кафедру философии. Через какое-то время, немного очухавшись, я устроился преподавать русский язык китайцам. Начал халтурить по местным газетам. Как-то концы с концами сводили.

Когда на горизонте замаячила наука? Какая проблематика? С кем обсуждали?

Наука маячила всегда. Просто ничем другим я толком и не умею заниматься. В 1992-м попытался защитить филологическую диссертацию по русским переводам Шиллера. Не срослось. Защита должна была быть в Москве. Элементарно, не набрал денег. Пришлось срочно переориентироваться на местные советы. Еще в Душанбе я начал заниматься М. М. Бахтиным. Был в 1989-м году на конференции в Саранске. Опубликовал пару-тройку статей. Вот это и оформил в кандидатскую, уже по философии. На тот момент я работал уже в местном техническом университете (больше зарплата, лучше жилищные условия) на кафедре культурологии. Сдал экзамены, защитился. Была ли это наука, сказать не берусь. Решались самые меркантильные проблемы. У кандидата меньше нагрузка, больше зарплата. Ему легче найти приработку. Собственно,

наукой я стал заниматься после защиты. Просто, как отдушиной, в достаточно гадкий период жизни. А потом появился батька Сорос, Фонд Форда и другие хорошие люди, коим благодарен до сих пор.

И все же, почему Бахтин, а не скажем, Шолохов или Тынников? Что в творчестве Бахтина «зацепило»? На каком Совете и по каким наукам Вы защищались?

Честно говоря, как самый неконкретный из всех больших филологов-философов. Мутный классик очень удобен, чтобы начинающему автору приписать ему свои мысли. Собственно, меня всегда интересовало, как создаются и как разрушаются общие представления, то, что «все знают». А у Бахтина я смог вычитать теоретическую модель одного явления. «Найти классика» посоветовал отец. Думаю, правильно посоветовал. От «первого лица» оно, вероятно, сложнее бы прошло.

Мысль была проста до изжоги. У Бахтина есть термин «двугласое слово», т.е. речь, построенная, как комбинация пред найденных в культуре (языке) форм и смыслов. Но суть в том, что подобное «чужое слово» может обладать разной возможностью «фамильярного контакта», т.е. проверки на истинность и присвоения. Абсолютно дистанцированное и чужое слово (авторитарное слово по Бахтину) может существовать, пока существует в качестве сакральной породившая его институция. При малейшей десакрализации говорящий (сегодня я бы сказал «социальный агент») начинает стремиться к «фамильярному контакту», ороднению мира и речи, этот мир отражающей. Возникает «карнавал», как форма такого присвоения через десакрализацию авторитарности. Возникает внутренне-убедительное и чужое (не истинное) слово. Это — наиболее плодотворный период. Существует некое пространство авторитарности (общих и взаимно разделяемых смыслов). Существу Я, как носитель сомнения, и мое слово, как истина, существует коммуникация, как спор и «переламывание чужих интенций». Но начавшись, разъедание авторитарности неостановимо. В конечном итоге ее, т.е. общих смыслов, не остается. Коммуникация оказывается невозможной. Здесь, как говорит Бахтин, общение возможно только по поводу «последних вопросов» (жизни, смерти, трансценденции). На этом кандидатская заканчивалась. Докторская начиналась. Здесь меня интересовало, собственно, как происходит «общение по поводу “последних вопросов”», какие из них являются «последними». Как-то так.

Эта работа — филолого-философская. В Хабаровске была профессиональная среда, в которой эту тему можно было серьезно обсуждать, или Вы «выходили» со своими построениями и выводами на более широкую научную аудиторию?

Увы. В Хабаровске среды почти не было. Как сказал мой формальный научный руководитель: «Читал. Ничего не понял. Но парень ты не вредный. Защитим». По диссеру общался, конечно, с родителями. Обсуждал с коллегами из Екатеринбурга. Когда-то проговаривал зачатки идеи с Клубковым. Какое-то реальное обсуждение появилось году в 1996-м. Получилось проговорить подход и возможности его конкретизации на семинаре в Швейцарии. Позже в рамках образовательных программ, организованных фондом «Институт «Открытое общество» обсуждал с В. В. Радаевым, А. Ф. Филипповым, В. А. Ядовым,

В. А. Подорогой, который на тот момент занимался близкой мне проблемой культурного ландшафта и превращением природного объекта в культурный знак. Это уже в году 97-98. Но это была уже следующая жизнь.

Поговорим и о следующей жизни, но сначала подведем итог этой. В 1998 году Вы защитили докторскую диссертацию по философии, это было исследование социального хаоса. Какой путь Вы прошли от анализа парадигматики М. М. Бахтина к проблематике социального хаоса? Каков генезис вашей темы и каковы основные выводы Вашей работы?

Путь был не долгим, поскольку, как я уже говорил, проблематика докторской непосредственно вытекала из кандидатской. Точнее, она начиналась там, где я поставил точку в первой работе. В докторской меня интересовало то, как осуществляется и как возможна коммуникация, когда общих смыслов у коммуникантов не оказывается. Т.е. в условиях разрушенной или потрясенной социальности. Но по дороге я пережил два увлечения, сказавшихся на тексте. Первое началось еще в ходе работы над кандидатской. Увлечение феноменологией. От Гуссерля я шел к Хайдеггеру и Сартру. Далее к Щюцу, Рикеру. Собственно, бахтинские тексты тоже были связаны с этой традицией. Но в первый момент это было «чтение для себя», отдых. Только, когда я дошел до Щюца и современных его последователей, забрезжила перспектива практической работы. Дело в том, что в философии мне жутко мешала необходимость «чистого категориального анализа», необходимость обходиться без материала. Все же я филолог, эмпирик. У интеракционистов же достаточно высокие категории начинали соединяться с «землей», материалом. Вторым увлечением, проснувшимся где-то к 1995-му году, было увлечение качественными полевыми исследованиями. Я совершенно непонятным мне образом получил небольшой грант одного из первых фондов в РФ («Культурная инициатива»), в ходе которого пришлось провести небольшой опрос и организовать интервьюирование. Испуганный этой перспективой, я кинулся читать учебник Ядова. От него перешел к Парсонсу и Мертону, Гирцу и Гарфинкелю. Читал запоем. Для меня это было очень необычно. В 1997-м году поехал на школу молодых социологов. Собственно, там сложился мой первый социологический проект. Потом они пошли косяком. Видимо, на нерест.

В результате диссертация на теоретическом уровне стала более исходить из хайдеггеровского Dasein. Бахтин был несколько потеснен. Сами же модели «поиска резонирующих сознаний», т.е. стремления человека обрести круг солидарности оказались связаны с вполне социологическим материалом. Сама картинка в первом варианте диссертации оказывалась вполне социологической, связанной с дальневосточным материалом. Диссертацию просматривал В. А. Ядов и предварительно «дал добро». Но судьба поднесла очередной кульбит. В силу болезни близкого человека я не мог надолго покинуть Хабаровск, что, практически, исключало вариант защиты в Москве. У нас же совета просто не было. Я уже вполне смирился с тем, что текст останется потомкам, но спасло ситуацию другое чудо — мой дядюшка-математик, точнее матбиолог. Есть счастливые люди, для которых любая жизненная проблема — только задача, имеющая решение. Узнав о ситуации, он спросил: а что нужно, чтобы кандидатский совет стал докторским? Еще три члена совета (на тот момент, сейчас сложнее). Они, в регионе есть? Да. Так давай сделаем совет. Он договорился с председателем совета по

философии С. Е. Ячиным. Мы подготовили документы. Он открыл совет. В нем я и защитился. Впрочем, пришлось опять перелопатить всю работу. Усилить категориальную часть, убрать эмпирический материал (жалко было до слез). Институт социологии в лице Александра Филиппова и его отдела фундаментальной социологии выступил ведущей организацией. Все это было как-то суетливо и набегу. Было жутко жалко отрывать время от реальных исследований, которые мы проводили совместно с замечательным питерским социологом Эллой Панеях и новосибирским коллегой Антоном Карповым. Но было понятно, что в мире, где гамбургский счет не предусмотрен, формальный статус жизненно необходим. В самом деле, масса халтур в последующие годы сыпалась просто потому, что была степень. Саму защиту не помню. Единственное, почему-то осталось в памяти, как старичок-философ требовал, чтобы я признал себя субъективным идеалистом. Я признал, и он успокоился. Даже, кажется, проголосовал «за».

Красивая метаморфоза бахтинской концептуалистики. Действительно, похоже, что ядро такого видения социального хаоса у Вас возникло давно, но лучше все было развивать и подавать не от «первого лица». После защиты докторской прошло полтора десятилетия, что за эти годы было сделано в направлении уточнения и развития Вашего подхода?

Я попытался максимально «расфилософить» модель, сделать ее верифицируемой. Эмпирическим основанием здесь выступал, по большей части, материал, собранный на дальневосточной окраине России. Частично использовался материал, собранный в других регионах, другими участниками группы. Сферой исследования была неформальная экономика и, частично, миграция (заселение) Дальнего Востока. Мне показалось, что то, что происходило в бизнесе (силовые отношения, способы формирования доверия, механизмы обслуживания транзакций и т.д.) и находилось в зоне тех самых, бахтинских «последних вопросов». Работающих институтов (во всяком случае, формализованных) еще не было. Они возникали «на глазах», выстраивались в ходе коммуникации и по модели «железной клетки» Пауэла (копирование удачного опыта). Я попытался понять механизм осуществления коммуникации в этих условиях, формирование «пространства доверия», как делового пространства. Здесь, конечно, сменился и круг «любимых авторов». Прежде всего, Э. де Сото и Дж. Скотт, М. Олсон и Д. Норт. Неоинституционализм в самом широком понимании. «Заразила» меня этим Э. Панеях. Но заражение оказалось продуктивным.

Еще интереснее было изучать «свой» регион, точнее его южную часть, поскольку в Якутии и на Калыме с Чукоткой ситуация несколько иная. Здесь возник (и был описан) очень интересный процесс. Территория не столько заселялась, сколько постоянно пребывала в режиме: заселение-отъезд. И так с 18-го века. В период «приливного цикла» число приезжих было в разы больше, чем число оставшихся местных. Причем, приезжие были из разных регионов с сильно различающимися социальными и культурными установками. Очень велик (до 10%) был процент приезжающих иностранцев. При этом, каких-либо конфликтов на этой почве не возникало. Меня интересовало: как осуществлялась коммуникация людьми с существенно различающимися «культурными кодами»? Как гасятся (гасились) конфликты? Механизм этот я назвал «проточной куль-

турой». Уточнение этого понятия привело к теме формирования солидарностей «в порах» и «помимо» государства. Собственно, проблема жизни людей «за пределами статистики» сегодня для меня основная.

Несколько побочным сюжетом оказалась для меня работа в области политической теории. Сюда меня затащил М. В. Ильин, в тот момент главный редактор журнала «Полис». Под его влиянием появилось несколько моих политико-философских, как говорят, работ, связанных с исследованием политической истории слов (деградация, революция). Но в чистой теории я чувствовал себя не особенно уютно. Почему-то она часто оборачивалась рассуждениями в духе «пикейных жилетов». Причем, совсем не только у меня. Видимо, такие рассуждения и есть суть отечественного «экспертного сообщества». Потому при первой же возможности я удрал туда, где есть какая-то опора на эмпирический (или исторический) материал. Здесь, как ни странно, меня поддержал Ю. С. Пивоваров, автор концепции «русской власти», которую я активно использовал при вполне эмпирических исследованиях.

Российская действительность 90-х и современности дает бесконечное множество «хаотических» полей. В каких областях прикладной социологии Вы преимущественно работаете?

Участвуя в проекте под руководством Вадима Волкова (Европейский университет в СПб), я впервые столкнулся с неформальной экономикой, точнее, с социологией российского бизнеса. Увлёкся невероятно. Потом лет десять подряд я собирал интервью с группой дальневосточных бизнесменов (Хабаровск, Владивосток, Петропавловск, Биробиджан), активно коммуницирующих друг с другом. Это давало возможность не только увидеть срез, но проследить динамику, увидеть, как в «круг» включались государственные служащие, силовики. Сегодня имеется коллекция из 216 биографических интервью.

Другой сферой интереса было изучение миграции. Здесь нужно сказать «спасибо» замечательному иркутскому ученому В. И. Дятлову, который смог собрать научный коллектив от Польши до Приморья. Его проекты (это тоже почти 10 лет работы) позволили получить гигантский эмпирический массив, увидеть более или менее целостную картинку. Собственно, описание «проточной культуры» выросло оттуда.

В силу того, что бизнесмены – герои 90-х постепенно оттеснялись с социального олимпа чиновниками, мои интересы все больше смещались к этой группе, «политическому сословию» современной России. Так я, достаточно неожиданно для себя оказался «политологом». С 2002-го года было реализовано пять проектов, связанных с исследованием неформальных оснований поведения чиновников, логики их действий и т. д. По большей части, это тоже были неформализованные (частью экспертные, частью биографические) интервью и личные наблюдения в ходе выборных баталий. В ходе исследования этой группы (сословия или как-то еще) возник интерес к теории организации.

Правда, в последние годы мне все больше интересно то, что находится за ее рамками. Благодаря поддержке фонда социальных исследований «Хамовники» удалось провести большое полевое исследование в малых городах Дальнего Востока. Неожиданно оказалось, что коллеги из института истории и этнографии ДВО РАН (Владивосток) проводят почти аналогичное исследование. При обмене

данными получился вполне показательный массив для описания солидарности и практик выживания людей в условиях нарастающего давления государства. В результате возникла книжка, вышедшая недавно в издательстве «Европа» («Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток»). Книжка вышла не совсем научной. Но ... мне так хотелось.

Был еще один, достаточно случайный, но неожиданно получившийся проект. В бытность свою главным редактором журнала «Полис», я вывесил небольшое эссе на тему, что мы гораздо лучше знаем, что происходит в Брюсселе или Вашингтоне (во всяком случае, гораздо больше интересуемся), чем то, что происходит в бывших «союзных республиках», наших ближайших соседях. Отсюда неадекватность многих действий России в рамках СНГ, ОДКБ и др. Это был 2006-ой год. А через три месяца я получаю письмо от коллеги Андрея Большакова из Казани, что он нашел деньги на проведение большого семинара с приглашением участников из новых независимых государств. Почти год мы этот проект готовили и в 2007-м году реализовали. Был интереснейший сравнительный материал. Результаты его представлены в журнале «Полития» (из «Полиса» я к тому времени ушел) за 2008-ой год. К сожалению, проект этот продолжения не получил. Олигарх, поддержавший его, сменил место жительства и утратил интерес к проекту.

Где и в каком статусе Вы сейчас работаете? Как результаты Ваших исследований представлены в Ваших лекциях? Участвуют ли в Ваших проектах студенты, аспиранты?

Есть такая байка: «Вот разбогатею. Брошу все работы. Оставлю три любимые». Это мой случай. Основная работа (там, где лежит трудовая книжка) – заведующий кафедрой философии Тихоокеанского государственного университета. Параллельно преподаю еще в нескольких вузах в разных городах страны. Как правило, это спецкурсы. Редактирую совместно с С. И. Каспэ и Л. А. Галкиной журнал «Полития». То же самое делаю с университетским журналом «Вестник ТОГУ». Есть маленький частный НИИ, который мы некогда с коллегой И. Ф. Ярулиным создали под свои проекты и их возможное частное финансирование. Наверное, есть еще что-то, о чем не вспомнил. Студентов привлекаю только в качестве «чернорабочих». Отреферировать определенный круг источников, пробежаться по маршруту с опросным листом. Иногда беру в помощники при интервьюировании и наблюдении. Но это «избранных». С аспирантами лучше. Часто приходят люди со «своим» материалом, который (с их согласия, конечно) использую в работе. Как правило, получаются совместные статьи. Впрочем, «работать вместе» у меня получается с очень ограниченным кругом людей. Аспиранты в него попадают не часто. Какие-то точки соприкосновения их и мои темы имеют, но в свою тему я приглашаю очень редко. Это не высокомерие. Просто так сложилось. Удачное исключение – Э. О. Леонтьева. На сегодня вполне себе профессор и заведующий кафедрой социологии. Но в 1999-м году я едва не пинками выпихивал ее на кандидатскую. В 2006-м вместе формулировали тему ее докторской. Здесь сотрудничество получается лучше. Есть куча совместных проектов, семинаров, конференций. Хотя публикуемся мы раздельно. Кажется, 2 или 3 совместные публикации были. Но это не правило.

Результаты исследований использую постоянно. Но, собственно, по материалам проектов читаю спецкурсы. Самый удачный спецкурс прочел в Иркутском госуниверситете в 2013-м году. Это было по материалам «поля» в малых городах. В родном вузе с этим сложнее. Социологов мы не готовим. Есть регионоведы, социальные работники и прочие «примкнувшие». Какие-то материалы в курс вплетаю. Но далеко не все. Веду у журналистов. Но здесь используется совсем другой опыт и совсем другие проекты.

Недавно я посмотрел серию видео – Ваш рассказ по истории Дальнего Востока. Это – эпизод в Вашей жизни или элемент постоянного сотрудничества с разными СМИ?

Трудно сказать. Наверное, это постоянно повторяющиеся эпизоды. Халтурил в СМИ я всегда. С какого-то момента стал появляться на местных экранах более или менее регулярно. Самое тесное сотрудничество со СМИ было в 2005 – 2007-м годах. В 2005-м году я впервые, начиная с 1997-го года, не получил поддержки своего проекта, потерял интерес к теме, которой занимался в тот момент. Был в постоянной депрессии. Словом, классический кризис среднего возраста. При этом, я ходил по друзьям и ныл о том, что жизнь – сплошное коловращение воздушных шаров. И вот один из них, возглавлявший в тот момент комитет по СМИ в краевой администрации, решив избавиться от моего нытья, записал меня главным редактором (директором) краевой радиокomпании. На два года я получил кабинет, персональную машину, личного секретаря, круглосуточное вещание на весь регион и шестьдесят сотрудников в придачу. С упоением кинулся программировать эфир. Что-то даже получалось. Но, как оказалось, главная моя работа состояла в поиске рекламодателей, решении юридических и хозяйственных проблем и пр. Как только я «отпускал» это направление и полностью погружался в кайф творчества, у компании начинались финансовые сложности. Приходилось посылать творчество по общеизвестному адресу и очаровывать всяких не всегда приятных дядек и тетек на предмет вытягивания их денег. Словом, за два года я возненавидел кабинет, машину, секретаря и саму компанию. Понял, что я ни под каким соусом не хочу быть начальником. Сбежал назад в университет. Правда, проекты в СМИ продолжал. Работал «говорящей головой» на нескольких программах. Больше для души, а не для денег. То, что Вы видели, было одним из таких проектов. Но, пожалуй, самым выстраданным.

Ваш отец, Ефим Давидович Бляхер (1931 — 1998), был весьма самостоятельным, сильным философом, эстетиком, культурологом. Пожалуйста, расскажите о его работах и о его влиянии на Вас.

Это даже не влияние. Мало кому так повезло с отцом, как мне. Он не ходил со мной в походы и не запускал бумажных змеев. Почему-то эту функцию брала на себя мама, тоже, кстати, совсем не слабый философ (Л. М. Волынская). В раннем детстве помню формулу: «папа работает». Это значит – нельзя шуметь, нельзя забегать в кабинет. А лучше всего вообще пойти побегать во дворе. Мама говорила, что дети становятся интересны папе с того момента, когда они учатся играть в шахматы и читать книги. Но с этого возраста папа был всем: справочником, открытым на нужной мне странице, консультантом по любой научной проблеме, самым лучшим и знающим рассказчиком, редактором моих первых писаний,

просто другом. Он рассказывал безумно интересные штуки про художников и их произведения, про исторических персонажей и эпохи. Так просто и понятно, как он объяснял сложнейшие философские модели, не объяснял мне никто в жизни. Сам он писал всегда. Писал стихи, критические статьи, но более всего, конечно, статьи научные. Я не уверен, что смогу адекватно описать его творчество. Все же большую его часть я был слишком мал и глуп. Попробую. Первые (ранние) его работы были, как мы бы сейчас сказали по «мировой художественной культуре». Тогда это проходило под грифом «марксистско-ленинская эстетика». Папу более всего, судя по работам, интересовал механизм приписывания ценности (смысла) объекту, операция считывания этого смысла. Материалом для того была первобытная культура. В число мэтров он не вошел. Но его работы этого периода были оценены Ю. Н. Давыдовым, С. С. Аверинцевым, М. С. Каганом и другими классиками. Это были 60-е годы.

В 70-е – 80-е папа работал вместе с мамой в парадигме концепта «картина мира». В 76-м вышел их главный совместный продукт – книга «Картина мира и механизмы сознания», посвященная, как определял папа, социологии научной картины мира. Это – не совсем моя проблема. Но читается, если опустить обязательные в тот период ссылки на Маркса, Энгельса, Ленина, вполне свежо и сегодня. Основной корпус их идей отражен на страницах журнала «Философские науки». Из них ключевой была мысль об «убегании» основания рефлексии в бесконечность. Они назвали это «парадоксом Мидаса»: все что мыслящий субъект выбирает в качестве основания рефлексии над наличной реальностью, само превращается в предмет рефлексии.

В середине 80-х папа отходит от этой проблемы (мама продолжала ей заниматься до самого конца) и возвращается к культурной антропологии, а может и социологии культуры. Это я уже помню. До сих пор читаю и использую его блестящую работу «Культурный образец», опубликованную в свердловском сборнике «Марксистско-ленинская категория образа». Совершенно шикарный семантический анализ проведен в его статье «Парадокс Одиссея, или три стороны одной медали». Культурно-антропологическая направленность сохранялась до конца жизни. Последний учебник, «Философия культуры», он писал уже в онкологической больнице. Наверное, если подробно рассказывать о пачках идей, которые есть в его работах, нужно писать отдельную статью. К сожалению, папа был полностью лишен того, что называется научным честолюбием. Ему было важно, как он говорил, «выписаться». А как это будет воспринято – проблема воспринимающих. Может быть поэтому, постоянно находясь в кругу великих, он никогда сам в качестве такового себя не осознавал и не осознавался.

Не могу не отметить еще один, для меня важнейший момент – папин стиль. Писал он быстро и ярко, очень образно и, в то же время, логично. Долгое время я невольно копировал (в ухудшенном варианте) его стиль. Потом, не менее долгое время старательно писал «не как папа». Лишь лет десять, как я смог, как-то отойти от постоянного сопоставления своих и его текстов. Можно сказать, что мой стиль письма полностью сформирован под его влиянием. Даже наша постоянная ругань по поводу моих писаний была формой овладения тем, как писал он. Кстати, постфактум оказывалось, что почти всегда он был прав. Хотя форма порой была, мягко говоря, резковатой. Так, прочитав первый (рукописный) вариант моей кандидатской страницы до 90-ой, он вдруг схватил пачку

листов и порвал со словами: Мой сын с этим бредом на защиту не выйдет! Не разговаривали неделю. Потом я успокоился и сел переписывать. Понял, в чем бред. Интересно, что такие вспышки ярости адресовались, кажется, только мне. Считалось, что папа очень мягкий и лояльный научный руководитель.

Наверное, будет не правильным, не сказать об «общественной работе», которую постоянно вел папа. В 60-е годы он был одним из основателей интерната для художественно одаренных детей. Группа энтузиастов моталась по отдаленным кишлакам республики, выискивала талантливых детей, уговаривала родителей отдать их учиться. Большая часть творческой таджикской интеллигенции называла папу «вторым отцом». В республике папу называли «Большой муалим (учитель)», а министр культуры первым здоровался при встрече. При этом, каких либо особых барских замашек папа был лишен абсолютно. Во второй половине 80-х он был одним из инициаторов создания Всесоюзного общества деятелей эстетического воспитания. Это была такая почти истерическая попытка творческой интеллигенции создать «образ будущего» для СССР, без радикального разрушения всего и вся. Понятно, что попытка провалилась.

В Хабаровске, несмотря на полное крушение всей жизни, он продолжал или пытался продолжать заниматься облагораживанием Вселенной вокруг себя. Мне в 25 лет было тяжело приживаться на новом месте. Ему в 60 это давалось куда труднее. Но он не сдавался. Создал и легализовал рабочую группу при администрации края по разработке концепции «города образования». Думаю, что постоянные поиски приключений на филейные части тела у меня от него.

Теперь мне стал понятнее Ваш интерес к построениям Бахтина, раньше я не мог понять, как и почему душанбинскому «пареньку» приглянулся этот сложный писатель и философ. Но сразу возникает новый вопрос: «Почему после защиты кандидатской диссертации по Бахтину Вы не продолжили разрабатывать философско-филологическую проблематику, а сдвинулись в философско-социологическую?»

Трудно сказать. Много факторов. Хотелось писать «о жизни», а не о ее художественном образе. Попались тексты Щюца и Бергера, Лукмана, которыми «заболел» всерьез. Очень понравилось проводить полевые исследования. Но, наверное, самым важным был самый случайный фактор. С 1996-го по 1998-ой год я ездил на школы молодых социологов, проводимые под эгидой фонда Форда и фонда «Институт «Открытое общество». Попал туда первый раз совсем случайно. В газете «Поиск» прочел о конкурсе для участия в школе. В этот период я разрывался между детьми, больной супругой и отцом, десятками каких-то халтур и халтурок. Крыша ехала. По согласованию с мамой и коллегой, которые взялись заменить меня на пару недель, решил устроить себе «отпуск». Из предложенных в тот раз направлений экономика и юриспруденция отпадали сразу. Ну, ни один раз я не юрист и не экономист. Политология не заинтересовала. Решил попробовать подать на социологию. Прошел. Там услышал лекции Вадима Волкова, Вадима Радаева, Л. Г. Ионина, В. А. Ядова, Александра Филиппова и других разных, но вполне харизматичных людей. Главное, там сложился мой первый социологический коллектив. Молодые, веселые, яркие ребята. Просто хотелось быть в этой тусовке. По сути, это была первая стабильная научная среда

в моей жизни. До того исследования были моим частным или, в лучшем случае, семейным делом. Потому свою проблему стал постепенно сдвигать в эту сторону, приспособливая филологию к социологии.

Леонид, почему я Вас с таким пристрастием «допрашиваю»? Уже около десяти лет в моих текстах проскальзывает положение о биографичности творчества социологов. Само по себе это положение не супероткрытие. Однако, поскольку до последнего времени ни у кого из историков нашей науки не было такого количества интервью с состоявшимися социологами, то особенно на эту тему и никто и не мог рассуждать. Применительно к писателям, особенно – поэтам, композиторам никто и не сомневается в биографичности творчества, но, по-моему мнению, любое творчество биографично, в нем отражена биография человека и даже, есть в моих построениях, такое понятие – предбиография. Другое дело, по-видимому, существуют разные виды (типы, формы...) биографичности. Так вот, мое пристрастие в извлечении из человека разных сведений и объясняется моей исследовательской установкой. Представим, я или кто-либо иной, тем более – через много лет, решил бы написать Вашу научную биографию. Можно ли понять и проанализировать Ваш путь в социологию, не имея Ваших ответов на два последних вопроса?

Что Вы как социолог, философ, филолог скажете по поводу биографичности творчества социологов?

Почти уверен в этом. Чтобы сказать «уверен», наверное, нужно иметь побольше материала. Кстати, Элла Панеях об этом очень откровенно пишет в предисловии к своей книге. Да и, в принципе, оценивать ее творчество без учета ее оппозиционной деятельности в позднем СССР, членства в ДС и других перипетий биографии очень трудно.

По существу, я (да и, видимо, не только я) решаю свои проблемы, вполне себе частные. Когда они «отрываются» от меня, начинают выглядеть совсем иначе. Скажем, в мою бытность главным редактором журнала «Полис» там, едва не в каждом номере выходили мои статьи. Но дело совсем не в том, что я использовал информационный ресурс для внедрения каких-то идей или переживал интеллектуальный взлет. Все проще. При установлении минимально высокой научной планки оказывается, что авторов, способных писать сколько-нибудь прилично, совсем не много. И пишут они не по 8-10, а по одной - две статьи в год. А номера нужно чем-то заполнять. Каждая моя статья в журнале означала, что я не справился со своей работой, не нашел нужного количества статей и теперь заполняю пустующие «полосы» в журнале. Иногда это получалось лучше, иногда хуже. Но начальный толчок был именно с этой стороны. Да и сам дрейф в политическую социологию из социологии экономической имел еще и биографическую причину. К 2001-му году распалась наша научная группа. Большая ее часть уехала в США и Францию. Кто-то ушел в маркетинг и полит консультирование. А тут Михаил Васильевич Ильин (гл. редактор «Полиса» до 2005 года) пригласил участвовать в его проекте. Там тоже была замечательная тусовка и я, с радостью, принял это приглашение. Соответственно, начала «двигаться» и моя тема.

Есть ли в Вашем университете факультет или кафедра социологии? Ведете ли Вы там какие-либо курсы? Участвуете ли Вы в какой-либо программе

сотрудничества российских и китайских социологов? Вообще, в какой степени дальневосточные социологи включены в изучение комплекса проблем, вызванных соседством с Китаем?

Кафедра, конечно же, есть. И какие-то курсы я там читаю. Чаше спецкурсы. Вот с социологами из КНР мы сотрудничаем не особенно плотно. Гораздо активнее с антропологами и философами. Оно не специально. Просто на кафедрах русистики в тех университетах Китая, с которыми мы сотрудничаем, более развиты эти направления. А вот российско-китайское приграничье изучается здесь очень плотно. Это — «местная фишка». По экспоненте растет число всяких конференций по проблемам трансграничного взаимодействия, по изучению и, отчасти, конструированию общей истории. На этом сидит Благовещенск (центр Амурской области). В Хабаровске и Владивостоке русско-китайскую тему приватизировали экономисты и, отчасти, историки. Социологи здесь отстают. Я во время оно изучал «челночное движение» 90-х годов и немножко миграцию из России в Китай последних лет. Здесь китайские коллеги, конечно, помогали. Но, честно, сказать, для меня это были немножко «побочные сюжеты». Хотя в марте занесло в Забайкалье для участия в российско-китайском проекте (антропологическом). Был в восторге. Думал всерьез этим заняться. Тема была по истории русско-китайской торговли и русским общинам в историческом и современном Китае. Окончательно эту мысль не бросил, но отодвинул. Пока много всего и разного. Сына надо выводить на защиту. Висит проведение аспирантского семинара. Да и крымский материал этого лета хотел оформить в статью.

Сын — тоже по социологии? Династия?

Да. Закончил Европейский университет. Сейчас будем организовывать защиту. Он занимается социологией университетов. Не совсем мое, но интерес к функционированию организаций у нас общий.

Не испытываете ли Вы чувства профессионального «отшельничества»? Мне оно знакомо... Все же Ваша профессиональная референтная группа расположена в большей степени в Москве и Питере...

Сейчас нет. Взрослый. Строго говоря, уже не очень нужно. Где публиковать статьи есть. А потребность в тусовке немного погасла. Раз-два в год езжу в столицы или за границу: людей посмотреть и послушать. Примерно с такой же регулярностью приглашаю кого-то из «референтной группы» в Хабаровск. Мне хватает. Постепенно дома сконструировал себе среду общения. Сначала было скучно, когда на меня смотрели, как на учителя. А сейчас они сами с усами. Вполне комфортное общение.

Леонид, в создаваемой мною типологии советских/российских социологов к пятому поколению относятся те, кто родился в период 1959-1970 годов. Те, кто родился в первой половине указанного временного интервала, наверняка входили в социологию еще в советский период нашей истории. С другой стороны, даже те, кто получил социологическое образование, хотя в моей коллекции интервью таких представителей этой когорты еще нет, работали в советской социологии крайне недолго. Тематика исследований представителей вашего поколения — принципиально инновативна, в советские годы социологи лишь робко занимались (или вообще не занимались) социальными проблемами хаоса, менеджериализмом, неформальной

экономикой. В области методологии ваше поколение принципиально свободнее, чем в советские времена, когда все должны были клясться в приверженности к марксизму. Использование феноменологических методов не поощрялось. Обучение на Западе, подготовка Ph.D. – казались невозможными... фактически это все первым осваивало ваше поколение. Тогда мой вопрос: «В какой мере, как Вы думаете, ваше поколение продолжает работы советских социологов?»

Знаете, думаю, что продолжает. Хотя, конечно, в верности марксизму-ленинизму мы клянемся реже. Как бы то ни было, но «путевку в жизнь» В. В. Радаеву дала Т. И. Заславская. Думаю, что при другом родителе другим был бы и А. Ф. Филиппов. Наверное, можно найти «советских классиков», оказавших влияние и на других ярких представителей «пятого поколения». Что до меня, то «опорными» из отечественных исследователей были С. Г. Кардонский и Ю. С. Пивоваров. Много вынес из общения с В. М. Сергеевым да и другими замечательными представителями предшествующего поколения. А полученное во время оно одобрение моих потуг на социологию от В. А. Ядова и Т. И. Заславской были сильнейшими импульсами к творчеству. Просто выби-
рались не «основные» советские классики, а те, кто и в годы СССР исследовал реальность. Ведь они были. А то, что получилось дополнить их влияние классиками мировыми, это не наша заслуга. Так вышло.

Интервью с Владимиром Яковлевичем ГЕЛЬМАНОМ

«ГЕЛЬМАН В. Я.: «Я ПОЛУЧИЛ ЭТУ РОЛЬ – МНЕ ВЫПАЛ СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ»»

Гельман В. Я. — окончил механико-машиностроительный факультет Ленинградского Политехнического института (1988 г.); кандидат политических наук (1998 г.), профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге (2005 г.), заслуженный профессор Финляндии (Finland Distinguished Professor) в университете Хельсинки (2012 г.).

Основные области научного интереса: сравнительная политология, политические институты, исследования российской и постсоветской политики.

Интервью состоялось: апрель 2015 г.

Середина мая 2015 года, в галерее фотографий моих собеседников 114 портретов, общее количество проведенных интервью перевалило за 120, но беседы продолжаются. Вместе с тем, приближается конце первого полугодия, когда я решил завершить «промышленный» сбор информации, буду лишь подчищать «незавершенку». Обилие проведенных интервью, множественность биографических данных почти физически давят на меня, заставляют думать о том, как все это анализировать, описывать. Поэтому в моих традиционных вводках, которыми я сопровождаю тексты интервью при публикации, я все чаще стараюсь отойти от простого представления моего собеседника или кратких комментариев сказанного им и все чаще стараюсь рассмотреть сюжеты, порожденные очередным закончившимся интервью, но носящими достаточно общий характер.

Летом 2014 года в моем разговоре с Ларисой Козловой я впервые попытался изложить свою мысленную модель, названную «*матрицей событий*», или «*событийным каркасом*» большинства биографий российских социологов. Речь идет о наборе, цепочках сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях моих собеседников, прежде всего — представителей одного социологического поколения [1].

Внутри этой матрицы располагаются различные событийные зоны. К примеру, есть множество рассказов социологов первого и второго поколений о трудностях и невзгодах пережитых ими в военные годы, есть несколько воспоминаний об их жизни в блокадном Ленинграде. Такова среда, в которой формировались эти когорты, и каждое новое интервью, в котором отражены переживания военного времени, повышает плотность событийной ткани в соответствующей матричной «ячейке», но не увеличивает количество самих ячеек. Пока количество интервью оставалось небольшим, содержание каждого нового заметно увеличивало количество матричных ячеек, это означало, что результаты анализа собранной информации имели низкую логическую валидность. Но постепенно, с ростом числа бесед новые ячейки в матрице стали появляться все реже, происходило лишь уточнение границ уже существующих. Это позволяет говорить о валидности, или логической репрезентативности, собранного массива информации.

Содержание интервью с Владимиром Яковлевичем Гельманом – при всей уникальности его жизненной траектории – в основном укладывается в ячейки обобщенной «матрицей событий». Более того, главные, опорные точки его профессионального бытия характерны для представителей пятого поколения отечественных социологов, к которому он и принадлежит; речь идет о тех, кто родился в 1959-1970 гг. Главное: их приход в социологию продиктован различного рода личными размышлениями, порожденными перестройкой, хотя внешне это нередко смотрится как нечто случайное, не подготовленное обстоятельствами, логикой юношеской социализации и студенческих лет. Еще одна заметная черта профессионального пути немалой части моих собеседников, представляющих рассматриваемое поколение, - их карьера сложилась успешно благодаря помощи зарубежных фондов и отдельных иностранных ученых российским социологам.

Об этом в наших беседах обстоятельно рассказали Масловский М. В., Никулин А. М. Романов П. В., Тартаковская И. Н., Темкина А. А. и Ярская-Смирнова Е. Р.

Я же сейчас ограничусь приведением двух фрагментов воспоминаний петербургского социолога-культуролога Светланы Лурье, с которой я работал несколько лет до отъезда в Америку; в них – быт, условия жизни как предпосылки работы. Самое начало 1990-х, она вспоминает: «Поначалу деньги нам платили, это потом перестали. И Вы тогда сказали, что понимаете, что за такую зарплату требовать от нас работы несправедливо. Но Вы надеетесь, что в силу привычки мы будем работать. Но я тогда так оголодала... Вы нам в сектор приносили разные угощения с мероприятий, на которых бывали. Помню, с какого-то мероприятия в Финском посольстве Вы принесли что-то мне неизвестное или давно забытое. Я Вас спросила, что это. Вы так по слогам сказали: “Света, это кол-ба-са”». А вот 1994 год: «... в институте я занималась, чем душе угодно, и была вполне счастлива. Вообще институт наш той поры был чудесным местом, очень свободным, творческим. А денежные проблемы скоро исчезли, я стала получать много грантов».

В проведенных интервью есть неоднократные воспоминания о поддержке, которую социологи в годы перестройки получали со стороны Фонда Сороса, Фонда Форда, Фонда К. и Дж. Макартуров, Фонда Berghof, Фонда им. Ф. Эберта. Многие знают об огромном влиянии на развитие современной российской соци-

ологии английского профессора Теодора Шанина, значителен вклад в создание Европейского Университета в Санкт-Петербурге американского профессора Александра Даллина. Процессу европеизации социологического образования на факультете социологии Санкт-Петербургского университета активно содействовал Билефельдский университет (Германия). Ряд моих собеседников с благодарностью называют имена профессора Уорвикского университета (Великобритания) Саймона Кларка и профессора Калифорнийского университета в Беркли Майкла Буравого. Многие для развития методологии и практики биографического анализа в России удалось сделать благодаря поддержке французского исследователя Даниэля Берто. Майклом Сваффордом из Теннесси было многое сделано для повышения культуры проведения массовых опросов и освоения российскими социологами статистического пакета SPSS.

Интервью с Владимиром Гельманом по-новому высветило вопрос о необходимости проведения в будущем направленного анализа многогранной деятельности зарубежных фондов и группы западных ученых-подвижников, внесших заметный вклад в освоение российскими социологами современной методологии и отвечающим ей исследовательских методов. Он подробно рассказал о помощи, оказанной ему английским социологом и политологом Мэри Маколи. До отъезда в США я неоднократно встречался с Мэри, ценю все сделанное ею, потому попросил Гельмана подробнее рассказать о его работе с ней и о ее человеческих качествах; ему удалось сделать и то, и другое. Но самое высокое признание роли этого ученого и человека в жизни Володи дала его мама, фактически назвав Мэри «второй мамой» собственного сына.

В целом же интервью с Владимиром Гельманом расширяет наше видение путей вхождения советских / российских социологов различных поколений в науку и показывает то новое, что привнесла в эту совокупную «дорожную карту» перестроечная и постперестроечная реальность.

Источники:

1. Историко-биографическое исследование российской социологии: к десятилетию проекта. Б. Докторов отвечает на вопросы Л. Козловой // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 4. С. 19-28. <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/10-let-2013-unikalnomu-proektu-istoriya-sovremennoi-rossiiskoi-sociologii-v-licah>

Гельман В. Я.: «Я получил эту роль — мне выпал счастливый билет»

Володя, Вы — человек публичный, основные факты Вашей биографии легко найти в веб-сети. Вы окончили с отличием престижный технический ВУЗ, поработали пару лет по специальности и ушли в область практической политики и анализ политических процессов. Почему Вы сразу не поступали, скажем, на исторический или философский факультет ЛГУ? Может быть, родители не поддерживали Ваши гуманитарные интересы?

К моменту окончания школы у меня не было четко оформленных интересов: история мне не настолько нравилась, чтобы сделать ее своей профессией (к философии у меня интереса не было, да и нет). Также, я не стремился связываться с официальной идеологией. Но главное — поступление в вуз рассматривалось как способ избежать призыва в армию, и подача документов в ЛГУ была бы наименее рациональной стратегией: в 1982 году шансы на поступление у еврея были близки к нулю. Я подал документы в ближайший к дому вуз, где имелась военная кафедра, и поступил на факультет с относительно низким конкурсом.

Вы блестяще окончили Политехнический институт, полагаю, что и школа была закончена Вами вполне успешно. Почему поступление в вуз Вы рассматривали лишь как способ избежать призыва в армию, но не как, скажем, приобретение профессии «на всю оставшуюся жизнь»?

Сказать по правде, немногие люди в 17 лет способны осмысленно и успешно выбрать профессию «на всю оставшуюся жизнь». Я не был исключением: возможно, что и к лучшему.

Вы родились в Ленинграде, Ваши родители — тоже ленинградцы по-рождению? Кто они по профессии?

Отец, Яков Михайлович Гельман (1939—2005), родился в Ленинграде, вырос на Урале, в 1964 году женился на маме, Любви Исааковне Тайц (в замужестве Гельман, 1937—2013) и переехал в родной город, много лет работал прорабом на стройке. Мама родилась и всю жизнь прожила в Ленинграде, работала нормировщицей на оборонном предприятии.

Даже по советским стандартам мы жили более чем скромно, родители копили деньги на кооперативную квартиру, потом на дачу; но на книгах не экономили, отец любил читать и собирал библиотеку. Я был довольно проблемным ребенком, в детстве много болел, и в целом приносил родителям куда больше проблем, чем радостей, но они меня поддерживали во многих начинаниях. К сожалению, я ценил их поддержку в недостаточной мере.

Володя, совсем недавно в своем блоге Вы записали: «...и будучи в детстве и юности практически полным социальным аутсайдером...». Как это (аутсайдерство) понимать? В чем оно выражалось? Чем оно было вызвано, порождено?

Коль скоро Вы цитируете мой блог, я также его процитирую:

«... школьная жизнь мне была глубоко чужда во всех отношениях. Я учился не в специализированной, а в более чем заурядной школе на окраине Питера, а учителя, за редким исключением... вели занятия скучно, в основном пересказывая книги и учебники, которые я читал и без них. Но главное – общение со сверстниками мне приносило почти одни разочарования – едва ли не единственным обращением в мой адрес было «дашь списать?», те качества, которые ценились в их среде (брутальность, агрессивность, желание и умение демонстрировать окружающим свою «крутизну») мне были напрочь не присущи, а наши круги интересов практически никак не пересекались. Вдобавок ко всему лет до 15 я довольно часто болел и пропускал занятия по объективным причинам, напрочь выпадая из всех коммуникаций, в которые и без того был очень слабо вовлечен... Впрочем, за пределами школы у меня и вовсе почти не было контактов со сверстниками. Поэтому, будучи почти 100% аутсайдером, на переменах я сам по себе бродил по коридору или стоял у окна, после уроков сразу уходил домой и/или гулял в одиночку (любимыми моим развлечениями тех лет были прогулки по центру города и поездки на трамваях, ну и, конечно, чтение), и даже small talks со сверстниками на темы, напрямую с уроками не связанные (например, о футболе), были для меня большим и очень редким событием – между ними подчас проходили месяцы...» (взято отсюда <http://grey-dolphin.livejournal.com/633624.html>)

Прогулки по городу... я сам был большим любителем, какие уголки города Вас манили? А сейчас есть желание пройтись по тем местам?

Любимые с детства места – район вблизи Таврического сада (где я жил до 1978 года) и Васильевский остров (где живу сейчас). Время от времени гуляю по этим местам, но реже, чем хотелось бы.

Может быть, мы жили с Вами в соседних домах и ходили в одну и ту же школу, правда, в разное время? Я жил в огромном доме в Мариинском проезде с аркой на Кавалергардскую (тогда – Красную Конницу) и начинал учиться в 154–й школе, на углу Кавалергардской и Тверской...

Я рос в доме на углу Потемкинской улицы и улицы Каляева (ныне – Захарьевская). Дом, построенный в 1907 году, был средоточием больших коммуналок: в квартире, где жила наша семья, в разные времена размещалось от 9 до 11 семей. Мы впятером (родители, бабушка, брат и я) жили в 36-метровой комнате с видом на двор-колодец. Начинал учиться в 187-й школе на углу Потемкинской и улицы Чайковского (позднее там разместился экономический факультет ЛГУ), затем ходил в 195-ю школу на улице Воинова (ныне Шпалерная), а когда в это здание въехал ИСЭП, меня перевели в 197-ю школу на улице Петра Лаврова (ныне Фурштатская), куда я ходил до 1978 года.

Да, близко, но на другой стороне Таврического сада...

Что читали? Где книги доставали?

Читал много, но бессистемно. Дома были собрания сочинений и антологии (мне особенно нравилась «Библиотека современной фантастики»), за какими-то книгами я сам стоял в очередях в библиотеках, мама брала почитать у знакомых. Обратимся снова к моему блогу:

«Моими главными собеседниками в те годы были книги, и период обучения запомнился, прежде всего, «запойным» чтением... Все происходившее «в реале» воспринималось на фоне художественной литературы. Так, о смерти Брежнева сообщили в тот день, когда мама принесла домой на несколько дней одолженный ее коллегой по работе томик «Мастера и Маргариты», и последующие траурные церемонии с многочисленными орденами на лафетах служили для меня не более чем иллюстрацией к коровьевским штучкам. «Андроповские» облавы в магазинах и кинотеатрах в разгар рабочего дня проходили, когда я читал журнал «Звезда» с «Лачугой должника» Шефнера, и оттого выглядели как эдакое продолжение тамошних четверостиший... В преддверии американских президентских выборов 1984 года (в ходе которых отечественная пропаганда изо всех сил «болела» против баллотировавшегося на второй срок Рейгана), я прочел «Всю королевскую рать», невольно проводя параллели между главным героем романа Вилли Старком и тогдашним американским президентом, к которому стал испытывать тайную и необъяснимую симпатию...» (<http://grey-dolphin.livejournal.com/520839.html>).

Вы закончили школу в 1982 году, начали учиться в Политехническом институте. Там чувство аутсайдера отступило или усилилось? Какие-либо интересы появились? Инженерные или к общественно-политическим наукам?

В Политех я поступил в 1982 году. По-прежнему оставался аутсайдером. Учеба дала немало полезных навыков, но не могу сказать, что инженерная работа была мне глубоко интересна. Я старался выполнять ее добросовестно, и не более того (но и не менее). Интерес к общественной жизни возник уже позднее, в годы перестройки.

До апреля 1985 года оставалось немного... Как Вы восприняли приход М. С. Горбачева? Что именно и в силу каких причин вызвало Ваш интерес к событиям в стране?

Приход к власти Горбачева и его первые шаги вызывали энтузиазм: на фоне ни на что не способных косноязычных и догматичных прежних вождей, наконец, появился более молодой и образованный руководитель, говоривший вполне адекватные вещи и вызывавший человеческую симпатию. Идеи обновления страны на основе гласности и открытости мне импонировали. Действительность начала 1980-х была настолько убогой, что даже словесные импульсы порождали надежды на улучшение ситуации. Вскоре общественные проблемы стали активно обсуждаться в прессе, и эти публикации усиливали интерес к событиям в стране. Насколько я могу судить, такая реакция на заявленные перемены была довольно распространенной.

Конечно, распространенной, но и разной: по силе и направленности... Володя, из всего рассказанного Вами о школьно-студенческих годах не следовало однозначно, что Вы от отстраненности перейдете к той или иной активности? Как этот переход происходил? Спонтанно или внутренне-управляемо? Что Вас побуждало не только читать, размышлять, но задумываться о собственной деятельности?

Довольно долгое время я воспринимал политические перемены в стране подобно болельщику, симпатизировавшему перестроечной «команде». Шаги на пути либерализации, публикации прежде недоступных литературных произведений и разоблачительных статей в СМИ о прошлом и о настоящем, публицистические передачи и публичные дискуссии на телевидении – все это воспринималось как победы над противниками перестройки – сталинистами и националистами. В 1988 году начала появляться информация о создании неформальных общественных объединений в поддержку перестройки, в том числе и в Ленинграде. Примерно в то же время у меня нарастали и сомнения в том, что перестройка – это продуманный и целенаправленный проект. Шаги Горбачева и его соратников часто были непоследовательны и неоправданны. Демократические СМИ («Огонек», «Московские новости») описывали эти «зигзаги» как борьбу сторонников и противников перестройки в руководстве страны и призывали общественность к участию в этой борьбе на стороне сторонников реформ. В итоге две разные линии моего восприятия перемен – отстраненная и активистская, позиции наблюдателя и гражданина – пересеклись: в сентябре 1988 года я примкнул к набиравшему тогда обороты движению за демократизацию.

Не страшно было? Ведь Вы понимали или чувствовали, что меняете активность в отстраненности на активность в активности? Причем в никому не известной социальной сфере?

Страх быть наказанным за активизм я не испытывал: режим тогда уже не был репрессивным, и слова в поддержку гласности и демократизации звучали с самых высоких трибун. Страх перед новой для себя сферой деятельности у меня тоже не было (тем более что первоначально я «вышел на поле» как игрок-любитель, и не планировал делать политику или ее изучение своей новой профессией). Да и в целом для времен перестройки смена траекторий не была чем-то необычным: в те же годы кто-то создавал кооперативы, кто-то уезжал за границу на ПМЖ...

Это было в полной мере самостоятельное решение или к тому моменту у Вас все же была какая-либо референтная группа?

К тому времени мой круг общения заметно расширился, но участвовать в общественных движениях я решил сам, и ни с кем это решение не обсуждал. Впрочем, каких-либо возражений у родных и знакомых оно не вызвало.

Как раз осенью 1988 года Вы после окончания института начали работать по профессии. Эта «подвижка» в Вашей жизни каким-либо образом повлияла на Ваше решение?

Я начал работать инженером в феврале 1988 года. Но прямой связи между этими изменениями и последующем участием в демократическом движении не было.

Итак, с чего же началась Ваша «новая жизнь»? Как это происходило?

Ну не так чтобы совсем уж «новая жизнь»: изначально это было не более чем дополнение к прежней жизни. Осенью 1988 года демократическое движение находилось в «клубной фазе»: проходили публичные дискуссии, разного рода собрания типа «тусовок». На них выступали ораторы, вокруг обсуждались

текущие события. Собиравшаяся там публика была довольно пестрой по своему составу, большинство участников существенно старше меня. Ситуация сильно изменилась в начале 1989 года, когда началась кампания по выборам народных депутатов СССР и в ходе нее сложился комитет «Выборы – 89», поддерживавший демократически настроенных кандидатов и выступавший против городских партийных бонз и их ставленников.

Еще раз обратимся к моему блогу:

«... Тогда шла кампания по выборам на Съезд народных депутатов СССР, в Питере было выдвинуто немало альтернативных кандидатов, но сито окружных предвыборных собраний прошло лишь двое из тех, кто изначально был поддержан нарождавшейся оппозицией в лице неформального демократического движения – главный редактор литературного журнала «Нева» Борис Никольский и кандидат в члены клуба «Перестройка» инженер Юрий Болдырев – все остальные были отсеяны. Передо мной, как и другими активистами, встал вопрос о дальнейших действиях в ходе кампании. С одной стороны, можно было присоединиться к группам, боровшимся против безальтернативного кандидата – первого секретаря обкома КПСС Соловьева, баллотировавшегося в Невском районе. С другой стороны, можно было влиться в состав групп, поддерживавших демократов. После некоторых дискуссий с приятелями я предпочел второй путь – во-первых, в успех кампании против Соловьева, а тем более против первого зампреда горисполкома Большакова (он также баллотировался безальтернативно, но в национально-территориальном округе, охватывавшем весь город), я не верил – как оказалось, напрасно. Во-вторых, негативная кампания с ее главным лозунгом «Долой!» мне была стилистически не слишком близка. Неудивительно, что дальнейший выбор строился между участием в кампании одного из двух кандидатов – Никольского или Болдырева... Вокруг Никольского уже крутился штаб, в который были вовлечены разные деятели культуры, но также и некоторые отпугивавшие меня люди, которых было принято называть «демшиза»; кроме того, в его победе в центральных районах Питера над двумя другими интеллектуалами я не сомневался. Болдырев и люди вокруг него были мне стилистически (да и по возрасту) более близки, а его единственный соперник – первый секретарь горкома КПСС Герасимов – был более чем притягательной «мишенью».

Так я выбрал собственную стратегию участия в кампании, принесшую мне позднее немало пользы» (<http://grey-dolphin.livejournal.com/651141.html>)

Итак, верно ли я понял, что Вы вошли в избирательный штаб (не помню, говорили ли мы тогда так) Юрия Болдырева? Пожалуйста, напомните основные положения его Программы, как они вырабатывались? В чем выражалось Ваше участие?

Мое участие пришлось на этап предвыборной агитации и голосования: пикеты возле станций метро, раздача листовок, а главное – организация наблюдения на избирательных участках в день голосования и координация работы наблюдателей. Исход голосования превзошел все ожидания (Болдырев получил свыше 74% голосов против менее чем 20% у Герасимова). Я не склонен преувеличивать ни эффекты кампании, ни тем более свою собственную роль в ней.

Но опыт участия оказался для меня очень полезен. Именно в это время произошло знакомство со многими людьми, сыгравшими немалую роль в моей последующей деятельности: это были не только политики и активисты, но и социологи.

Конечно же я постараюсь задать Вам вопросы о Вашем вхождении в круг политиков, активистов и социологов, но сначала – о политике Ю. Ю. Болдырева. Можно ли сказать, что в 1989 году его программа содержала нечто уникальное, что обеспечило ему поддержку трех четвертей избирателей его округа, или просто ветер перемен дул именно в его паруса? И не он выиграл, а Герасимов не мог не проиграть?

Какого типа политик Ю. Болдырев: в 1993 году он – среди создателей либерального избирательного блока «Яблоко», осенью 1995 года он вышел из него, а на президентских выборах 2012 года он был доверенным лицом Г. А. Зюганова?

Выборы 1989 года на Съезд народных депутатов СССР с подачи Хантингтона получили название «опрокидывающие» (stunning elections): режим задумал эти выборы как средство повышения собственной легитимности, а они стали механизмом его делегитимации, по сути, служили референдумом по вопросу о недоверии советской политической системе. Скорее всего, первый секретарь горкома КПСС проиграл бы любому конкуренту.

Но Болдырев сам по себе был яркой и неординарной личностью. Он ставил во главу угла вопросы демократической процедуры, подотчетности, разделения властей, проблемы местного самоуправления. В частности, именно Болдырев на Первом съезде народных депутатов впервые предложил проводить поименные голосования, с тем, чтобы избиратели знали позицию своих представителей в парламенте, он предлагал и механизмы отзыва депутатов. Независимый и принципиальный человек, он обладал собственной точкой зрения по многим вопросам, как правило, не примыкая к большинству и не соглашаясь на компромиссы. В США таких людей называют maverick – своего рода вечный диссидент, волк-одиночка. Им редко удается добиться успеха в политике (не только в России), и Болдырев не стал исключением. В результате острого конфликта он вышел из «Яблока», затем в 1998 году на выборах в Законодательное собрание Санкт-Петербурга создал «блок Юрия Болдырева», фактически распавшийся после того, как выдвинутые им кандидаты добились немалых успехов, затем и сам Болдырев проиграл выборы в Государственную Думу. Его политическая траектория уходила все дальше, и сегодня мы с Болдыревым вряд ли нашли бы общий язык друг с другом. Но в 1989–1995 годах общались довольно тесно, я очень многому учился у Болдырева, и остаюсь ему глубоко благодарен.

В интервью, которое мне дал покойный Леонид Кесельман десять лет назад (в 2005 году), он вспомнил, как импровизационно начал изучать на улице избирателей относительно их поддержки Ю. Болдырева. Это была одна из суббот февраля 1989 года. Далее он писал: «На следующий день я рассказал Марии Мацкевич и Владимиру Гельману, которые вместе со мной участвовали в этом инициативном «социологическом сопровождении» избирательной кампании, о своих воскресных приключениях, показал им полученные результаты и попросил продолжить работу и довести выборку хотя бы до 500 человек. В понедельник вечером у нас были такие данные.

Где и как Вы познакомились с Кесельманом, вот уж кто буквально «горел»

перестройкой... Вы помните тот опрос?

В марте 1989 года, примерно за две-три недели до дня выборов, на одной из неформальных встреч предвыборной команды Болдырева, я познакомился с Леонидом Кесельманом и Андреем Николаевичем Алексеевым. Алексеев был публично известной фигурой, пользовался большим моральным авторитетом, и принимал участие в кампании Болдырева в качестве доверенного лица. Как человек дотошный и въедливый, он отслеживал нарушения закона со стороны избирательных комиссий и писал от имени команды кандидата всевозможные жалобы и протесты. Алексеев сыграл исключительно важную роль в моей профессиональной карьере, но это произошло несколько позже.

Как раз на этой встрече Кесельман и сообщил участникам предвыборной команды о результатах своего опроса (возможно, что я ошибаюсь, но, кажется, я не принимал в нем участие: данные Леонид собирал самостоятельно вместе с Машей Мацкевич). Эти результаты обсуждались участниками команды в прикладном ключе: как надо вести агитацию и как надо готовиться ко дню голосования, чтобы не допустить провокаций и срыва выборов: вброса бюллетеней, организованного голосования за Герасимова, манипуляций со списками избирателей, etc. Все, кроме Кесельмана, были уверены в том, что официальные власти готовы прибегнуть к любым злоупотреблениям, чтобы не допустить победы Болдырева, но он утверждал, что мнение избирателей сформировано однозначно, и против него власти попросту не рискнут пойти. Уверенность и оптимизм Леонида произвели на меня сильное впечатление. Помню, что я активно возражал Кесельману, однако по итогам голосования оказалось, что прав был он, а не я. Наше общение продолжилось после того, как Болдырев стал депутатом: накануне второго тура голосования я принял участие в новом опросе (в других округах) в качестве интервьюера, а заодно помог Леониду и Маше в его организации.

Это все, так или иначе, – формы, скажем, политтехнологической деятельности. Когда и под влиянием каких обстоятельств началось Ваше скольжение в сторону анализа электоральных (наверное?) сюжетов? Когда Вы решили, что обратной дороги на производство для Вас нет?

Я по-прежнему работал на предприятии и продолжал карьеру активиста. Мое общение с социологами носило прикладной характер: они представлялись как раз теми людьми, которые (как казалось мне тогда) понимали, что и как именно надо менять в городе и в стране. Что-то я у них узнавал, чему-то учился, какие-то статьи и книги, рекомендованные ими, читал, но собственно знания представляли для меня тогда не столько самоцель, сколько средство.

Осенью 1989 года из активиста-«любителя» я стал почти «профессионалом». Поскольку одной из главных проблем кампании 1989 года по выборам народных депутатов СССР были манипуляции со стороны избирательных комиссий, то в ходе начинавшейся кампании по выборам депутатов Ленсовета и народных депутатов РСФСР (они прошли в марте 1990 года) крайне важным было присутствие в составе городской избирательной комиссии независимых от власти представителей общественности. Моя кандидатура была выдвинута ленинградским «Мемориалом» (который к тому моменту времени получил официальную регистрацию), и, приложив некоторые усилия, я оказался в составе городского избиркома. На первом же заседании комиссии встал вопрос о том, что один из

членов комиссии должен работать в ее составе на освобожденной основе в течение всего периода выборов. Я тут же вызвался в качестве добровольца и в итоге был командирован с прежнего рабочего места в распоряжение Ленгорисполкома с сохранением оклада. С этого момента и началась новая жизнь: на предприятие я уже не вернулся. Надо сказать, что социологи поддерживали меня в стремлении попасть в состав избиркома и по ходу кампании давали немало полезных советов.

Еще раз обратимся к моему блогу:

«... я, в свои 24 года, оказался в центре избирательной кампании в Питере, будучи членом городской избирательной комиссии и одним из координаторов неформального блока «Демократические выборы – 90». С одной стороны, будучи одним из двух независимых членов комиссии, я зорко следил за тем, чтобы минимизировать возможные злоупотребления со стороны властей и попытки препятствовать кампании демократов, с другой – предпринимал усилия по информационному обеспечению кампании – начиная от «разведения» поддержанных демократами кандидатов по округам (где-то получалось, где-то нет) и заканчивая доведением сведений о кандидатах через СМИ.

Самая популярная городская газета «Смена» предложила всем кандидатам и всем политическим силам обозначить свои предпочтения и за два дня до первого тура выборов опубликовала списки кандидатов по городским и республиканским округам. Публикация стала своего рода информационной «бомбой»: комиссия вызвала на ковер редактора «Смены» Югина, который сам баллотировался в народные депутаты РСФСР, и обвинила его в нарушении закона о выборах, «провокации», и т. д. Воспользовавшись замешательством, я на заседании комиссии предложил ее руководителям выступить с официальным опровержением публикации «Смены», что и было сделано. Председатель комиссии, ректор Политеха Васильев, и один из ее членов... появились в прямом эфире тогда суперпопулярного Ленинградского ТВ сразу после хита эфира – «600 секунд» с Александром Невзоровым – и обрушили начальственный гнев на «Смену». В результате весь город знал, за кого надо голосовать, а за кого нет: насколько я могу судить, эти сведения помогли многим избирателям определиться с выбором.

Уже первый тур показал, что официальные кандидаты КПСС почти повсеместно провалились, второй тур показал, что у «Демократических выборов-90» оказалось большинство в горсовете. В ночь на 19 марта в честь победы демократов над радиоузлом Ленинградского порта (там находилась наша неформальная штаб-квартира с шестью городскими телефонами для звонков наблюдателей) был поднят трехцветный российский флаг (провисел целые сутки), а в 4 часа утра я позвонил... тогдашнему секретарю обкома КПСС по идеологии Виктору Ефимову, и от имени «Демократических выборов-90» поздравил его с прекращением власти КПСС в городе» (<http://grey-dolphin.livejournal.com/744020.html>)

С тех пор прошло ровно четверть века, я могу многое забыть... это в той избирательной кампании успешно участвовали социологи Альберт Баранов, Валерий Глухов, Борис Максимов, Петр Шелищ? Служба Леонида Кесельмана проводила опросы, строила прогнозы?

Баранов, Глухов и Максимов стали депутатами Ленсовета, все они входили в список поддержки «Демократических выборов – 90» (Шелищ был избран депутатом Государственной Думы по списку «Яблока» в 1993 году). Кесельман проводил опросы, которые позволяли рассчитывать на успех кампании, мы много контактировали в этот период с ним и с другими социологами. Одна из неформальных встреч представителей демократических организаций в ходе кампании в феврале 1990 года проходила в помещении Института социологии на Серпуховской улице при активном участии «хозяев дома».

Итак, выборы закончились? Как дальше разворачивалась Ваша жизнь?

А дальше передо мной встал непростой выбор дальнейшей профессиональной траектории. О том, как и почему был сделан этот выбор, я рассказал в своей новой книге *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes* (6, pp.xi-xiii). Происходило это так:

«В приятный солнечный день лета 1990 года я сидел в приемной Мариинского дворца в Ленинграде. Я был 24-летним активистом демократического движения, которое недавно одержало победу на выборах в городской совет. После этой победы я получил два очень разных предложения о трудоустройстве от двух очень разных групп моих знакомых. Одной из них была команда социологов, которые вели исследования социальных и политических изменений в городе и в стране: они пригласили меня в свои ряды, утверждая, что мои инсайдерские знания о новых общественных движениях представляют большое преимущество для успешной профессиональной карьеры по изучению политики. Другая группа включала ряд новых депутатов, которые были заняты реформированием органов власти в городе и были уверены в том, что мой опыт участия в выборных кампаниях и репутация активиста помогут в том, чтобы улучшить довольно хаотичный процесс принятия решений. Мне предстоял выбор между должностью младшего научного сотрудника в Институте социологии Академии наук и должностью среднего уровня во вновь формирувавшемся аппарате городского совета. Второй вариант выглядел весьма привлекательным, и после ряда бесед я пришел на интервью с председателем совета Анатолием Собчаком. Профессор права, избранный на Съезд народных депутатов СССР в 1989 году, он приобрел огромную популярность как яркий оратор и жесткий критик советской системы; годом позже, депутаты Ленсовета пригласили его занять пост председателя совета после того, как он получил место депутата в ходе довыборов. Как часто бывало, Собчак опаздывал, и, ожидая его, я трепался с секретарем в приемной по имени Дима, симпатичным, улыбочивым и разговорчивым молодым человеком моего возраста.

Наконец, Собчак прибыл, и мы прошли в его огромный кабинет с прекрасным видом на Исаакиевский собор. Ни о чем меня не спрашивая и даже не замечая моего присутствия, мой потенциальный босс начал длинную и страстную речь, как если бы он выступал перед сотнями слушателей, хотя кроме нас в кабинете никого не было (я думаю, что он использовал эту возможность как тренировку перед одним из публичных выступлений, которые в то время принесли ему всесоюзную славу). Речь Собчака была полной яркой риторики, но довольно пустой по своему содержанию: он ругал прежнюю систему, критиковал текущую нестабильность, и обещал, что город будет процветать под его руководством. После казавшегося бесконечным монолога, он сделал паузу,

и я смог задать вопрос, казавшийся мне ключевым для моей будущей работы: «Анатолий Александрович, как Вы видите систему власти в городе, которую Вы хотите создать?»

Собчак, наконец, повернулся ко мне, спустившись с небес на землю, и сменил тон речи на более откровенный: «у нас очень много депутатов городского совета, они шумные и плохо организованные: они должны в основном работать в округах, вести прием граждан и отвечать на жалобы населения. У нас есть горисполком: он должен заниматься городским хозяйством, дорогами, озеленением, протечками, но не выходить за эти пределы. А я (широкий взгляд вокруг кабинета) с помощью моего аппарата (пристальный взгляд на меня) буду проводить политику в городе». Я был шокирован, услышав столь циничные суждения от человека, обладавшего публичным имиджем символа демократии. «Но ведь это почти то же самое, что было при коммунистах... а как же демократия?»

Собчак, вероятно, был удивлен тем, что тот, кто предположительно мог стать членом его формирующейся «команды», задал ему столь наивный вопрос. Он ответил мне четко, с интонацией, с которой университетские профессора порой говорят, претендуя на то, что они сообщают прописные истины первокурсникам: «мы теперь у власти – это и есть демократия». Это высказывание потрясло меня: большие надежды на демократическую политику разом рухнули, и я не мог и не хотел стать маленьким винтиком в нарождавшейся политической машине. Я лишь повернулся спиной к Собчаку и, даже не попрощавшись, покинул его кабинет. Затем я дошел пешком до Института социологии и ушел в мир науки вместо мира политики.

Это был поворотный пункт всей моей профессиональной карьеры. К сожалению, у меня не было возможности получить формальное образование в сфере социальных и политических наук, хотя, несмотря на это (или, возможно, благодаря этому), я позднее стал профессором политологии в двух университетах и в двух странах. Но те уроки, которые я получил от Собчака много лет назад в его кабинете, стали для меня не менее важны, чем дюжины учебников по нормативной политической теории. Я понял, что главная цель политиков – это максимизация власти. Иными словами, они стремятся находиться у власти с помощью любых средств так долго, насколько это возможно, и иметь так много власти, насколько это возможно, вне зависимости от своей демократической риторики и публичного имиджа: в этом и состоит суть политики. Но проблема в том, что некоторым политикам удается достичь этой цели, а другие не настолько успешны. Поэтому в одних случаях мы наблюдаем диктатуры разного типа (от режима Мобуту в Заире до Лукашенко в Беларуси), а в других вариации иных политических режимов (отнюдь не всегда демократических).

На деле, Собчак тоже не смог достичь своих целей и максимизировать власть в Ленинграде (после 1991 года – Санкт-Петербурге). Через шесть лет, в 1996 году, будучи мэром города, в ходе жесткой борьбы на выборах, он уступил с небольшой разницей голосов своему заместителю Владимиру Яковлеву. Другой заместитель Собчака, Владимир Путин, извлек уроки у своего руководителя и использовал их в своей карьере политика – но эти уроки отличались от моих в силу отличий между политикой и политической наукой. Путин, как минимум до настоящего времени, смог максимизировать власть в качестве президента и премьер-министра России, хотя сегодня он сталкивается с нара-

тающими вызовами. И Дима, которого я встретил в тот памятный день, тоже извлек для себя уроки. Дмитрий Медведев также занимал посты президента и премьер-министра России. Он по-прежнему симпатичный, часто улыбочивый и разговорчивый человек – но в известном смысле, он так и остался секретарем в приемной».

Сразу: о чем новая книга? Какое место занимают в ней Ваши биографические сюжеты, подобные выше приведенному?

Эта книга о том, почему и как в России после краха коммунистического режима был построен новый авторитаризм. Ее аргумент сводится к тому, что политики всегда и везде стремятся максимизировать свою власть (следуя формуле Собчака: «мы у власти, это и есть демократия»), и те, кто пришли к власти в России после 1991 года – не исключение. Но поскольку препятствия на этом пути в случае России оказались недостаточно сильны, то в итоге российским лидерам успешно удалось достичь своих целей, хотя они сегодня и сталкиваются с различными вызовами. О «себе любимом» я пишу только в процитированном фрагменте: книга ведь не о моей биографии, а о биографии страны.

Вернемся к тому, что Вы выше назвали поворотной точкой в Вашей профессиональной деятельности. Поясните, пожалуйста, что же произошло, как происходило Ваше вхождение в новую среду?

21 августа 1990 года я был принят на работу в Ленинградский филиал Института социологии Академии Наук СССР в состав группы изучения динамики массового сознания, которой руководил Кесельман. Но наше с ним сотрудничество не задалось, и в результате я сперва фактически, а потом и юридически продолжил работу в секторе социологии общественных движений, возглавляемом Костюшевым. Найти свое место в новой среде мне оказалось непросто по нескольким причинам.

Во-первых, я не обладал сколь-нибудь целостными знаниями теоретического плана, и не очень понимал их ценность: на фоне бурных политических событий 1990–1991 годов мне казалось важнее наблюдать вблизи текущие процессы своими глазами, чем читать книги. Во-вторых, я скептически относился к социологизму своих коллег: их стремление рассматривать политические процессы как проекцию общественных настроений и массовых предпочтений (которые фиксировали, в частности, опросы Кесельмана) встречало мое непонимание. Мне казалось, что дело обстоит прямо противоположным образом – общественное мнение есть не более чем побочный продукт борьбы политических сил, и граждане не формируют свои предпочтения самостоятельно, а всего лишь отражают в своем восприятии то, что происходит в элитах. Помню, что когда в одной из дискуссий с Костюшевым я высказал этот тезис, он заметил, что я рассуждаю не как социолог, а как политолог. Так я узнал, что являюсь политологом. В-третьих, и это было самым главным – у меня не было представлений о том, что именно и как именно мне надо делать в своем новом качестве: по большей части я был предоставлен сам себе, ходил на сессии городского совета и на собрания новых нарождавшихся политических партий и движений, писал публицистические тексты и доклады, но в общем и целом не могу сказать, что нашел себя на новом месте в течение первого года работы.

А какой точки зрения относительно природы общественного мнения – не только в России – Вы придерживаетесь сейчас, уже став политологом, но, на мой взгляд, понимающим логику социологии?

Я и сейчас придерживаюсь той же точки зрения, что и в начале 1990-х годов. Обычно люди (не только в нашей стране) редко задумываются о политике, и уж тем более редко способны самостоятельно сформулировать свои позиции по тем или иным общественно значимым вопросам: это требует значительных усилий и затрат времени. Поэтому по большей части они ориентируются на СМИ, на лидеров мнений, на свой прежний опыт... Это отнюдь не значит, что общественное мнение не заслуживает внимания и/или пристального изучения – как раз наоборот. Но то, как порой его изучают многие отечественные специалисты, меня не слишком убеждает. По большей части они склонны собирать данные о том, что думают российские граждане по тем или иным вопросам, но весьма редко анализируют, почему они думают именно так, а не иначе. И уж тем более из этих публикаций непонятно, как из того, что именно люди думают, следует то, что именно они делают. Впрочем, в данном случае я выступаю не как специалист в данной сфере, а всего лишь как потребитель научной продукции, производимой полстерами, и мои суждения носят вполне себе дилетантский характер.

Хм... «...по большей части я был предоставлен сам себе...». Так у Вас были идеальные условия для освоения новой действительности, как Вы всем этим воспользовались?

Сказать по правде, пользовался не слишком расчетливо. По-хорошему, мне надо было бы систематически учиться новому для себя ремеслу, причем не «на коленке», а так, как мои будущие коллеги по Европейскому университету – Вадим Волков и Олег Хархордин, поступившие на PhD (соответственно, в Кембридже и Беркли). Но я не то чтобы упустил эту возможность, а попросту ничего о ней не знал. Да и не уверен, что тогда захотел бы потратить на учебу за границей несколько лет, когда временной горизонт измерялся месяцами: чуть ли не каждый день в 1990–1991 годах в стране случалось что-то судьбоносное, и я пытался непосредственно наблюдать текущую политическую ситуацию, и, по мере своего понимания, осмысливать и анализировать происходящее. В ходе этих наблюдений (в той или иной форме они продолжались примерно до конца 1995 года) я набрался многих интересных впечатлений, но по существу дела у меня мало что получалось.

К лету 1991 года я пришел к выводу, что «ошибся дверью», придя в Институт социологии, и уже собрался было оттуда уволиться. Но оказалось, что к тому времени я отработал уже почти год и что мне был положен отпуск, из которого я вышел на работу 19 августа 1991 года. События последующих трех дней и то, что произошло затем, снова кардинально изменили мою траекторию. Нет нужды говорить, что в дни путча я был на улицах и в Ленсовете, наблюдал всплеск общественного подъема, реакцию политиков, активистов, коллег и обычных граждан. После ликвидации обкома КПСС в моих руках оказались текущие материалы подразделения обкома, отвечавшего за работу с общественными объединениями, возникла даже идея изучать не сами общественные движения (чем, по идее, занимался сектор Костюшева) а то, как реагируют власти на эти движения (развития она не получила).

Но вскоре в Питер (буквально в те дни, когда город был только переименован из Ленинграда в Санкт-Петербург) приехала из Оксфорда Мэри Маколи (Мэри неоднократно бывала в Институте социологии и раньше, но тогда мы с ней не пересекались). Она интересовалась тем, что именно происходило в городе в эти дни: оказалось, что каждый из коллег-социологов видел какой-то кусок картины, но мало кто знал, как, например, вели себя в ходе путча депутаты горсовета. Ей порекомендовали меня как «знатока» политической кухни, мы встретились в гостях у Ани Темкиной, долго беседовали, потом проговорили допоздна... потом Мэри спросила меня, можем ли мы встретиться в другой день в Институте социологии. Во время этой встречи я получил неожиданное предложение. И тут оказалось, что Мэри планировала провести исследование местной политики в Петербурге и в других регионах России, что ей нужен для этой работы ассистент, который мог бы собирать материалы, организовывать интервью, и она предложила мне выступить в этой роли, заодно пообещав, помимо более чем щедрой по тем временам оплаты, искать в Оксфорде деньги для того, чтобы я мог пройти там стажировку. Это был лотерейный билет, который мне принес очень крупный и долгосрочный выигрыш.

Есть несколько иностранных ученых, которые внесли большой вклад в развитие постперестроечной российской социологии. Я не берусь давать даже приблизительный список имен этих ученых, назову лишь некоторых, чтобы обозначить конкретнее, о чем собственно речь. Это: Теодор Шанин, Майкл Буравой, Майкл Сваффорд, Алекс Даллин, Саймон Кларк, уверен, я кого-то не назвал. Ясно, что Мэри Маколи – из этой группы людей. Не могли бы Вы рассказать о Вашем участии в ее проекте и о Мэри как о человеке...

Лучшее определение роли Мэри в моей жизни дала моя мама, как-то процитировав название популярного в 1990-е годы латиноамериканского сериала – «Моя вторая мама». Опять обратимся к моему блогу:

«Если вывести за скобки первую мою зарубежную поездку в Оксфорд (которую организовала Мэри), то работа как таковая заключалась в следующем. Помимо организации для Мэри интервью с питерскими политиками, я приходил каждый понедельник в 10 утра в квартиру, которую купила Мэри на Васильевском острове (много позже она продала ее мне на более чем льготных условиях), и должен был ответить на любой вопрос своей работодательницы, касающийся российской политики. Если я не мог ответить сразу, брал тайм-аут на неделю, читал газеты, искал материалы etc. и докладывал о результатах в следующий раз. Совместная работа повлекла за собой написание совместной статьи (для меня она стала первой публикацией по-английски, а для Мэри – единственной статьей в соавторстве). Но главное: Мэри тратила свое время на то, что учила меня профессии: советовала, что именно надо читать, какие именно вопросы перед собой ставить, как именно опыт других стран может быть полезен для понимания политики в России, и т.д. Не могу сказать, что я во всем следовал ее советам: немалая часть reading list образца 1992 года не прочитана и по сей день... Конечно, полноценным специалистом в профессии я так и не стал (да и по сей день ощущаю себя любителем, уступая по уровню подготовки даже средним выпускникам любой британской аспирантуры). Но лучше быть самоучкой, чем совсем уж неучем...

По окончании работы с Мэри в 1993 году наши дороги разошлись: она уехала в Оксфорд, я мотался между Питером и Москвой. Когда мы встретились вновь в начале 1995 года, то Мэри сообщила мне, что она собирается оставить Оксфорд и приехать в Питер, чтобы работать в создававшемся тогда новом Европейском университете, а, кроме того, собирается писать учебник по российской политике, и предложила мне вместе с ней включиться в оба этих начинания. Но спустя несколько месяцев, Мэри ушла на должность руководителя представительства фонда Форда в Москве, ну а я... остался в Европейском университете. Мои новые работодатели такому появлению вместо Мэри нового сотрудника – самоучки «по благу» – были не слишком рады, и мне позднее пришлось приложить немало усилий, доказывая свои credentials. Но этот опыт оказался полезным во многих отношениях...

Та самая книга, в работе над которой я помогал Мэри в Питере, *Russia's Politics of Uncertainty*, вышла в 1997 году. Она подарила ее мне с дарственной надписью «это предисловие к той настоящей научной работе, которую ты будешь писать» (отношение у меня, да и у самой Мэри к этой книге и впрямь неоднозначное...) Потом, когда мы вместе с Григорием Голосовым выпустили сборник научных трудов под нашей редакцией на английском языке, то посвятили его Мэри.

Сейчас Мэри на пенсии, живет в Лондоне, работает бабушкой семерых внуков, от всей души болеет за «Арсенал» и – продолжает научную работу. Она пишет новую книгу, которая будет посвящена анализу правозащитного движения в современной России. Не знаю пока, каков будет результат, но уверен, что читать эту книгу будет интересно (книга вышла в марте 2015 года, я ее еще не читал). А я сам учу новые поколения слушателей и в качестве научного руководителя стараюсь относиться к своим подопечным не хуже, чем Мэри относилась ко мне. Увы, у меня получается не всегда.

У меня не было формальных научных руководителей. Но Мэри, как своей руководительнице «по жизни», я бесконечно благодарен...» (взято отсюда: <http://grey-dolphin.livejournal.com/383025.html>)

Вопрос – очевидный; пожалуйста, расскажите о той поездке в Оксфорд; долго ли коротко? чему обучались? и т.д.

Поездка в Оксфорд в апреле-июне 1992 года была моим первым зарубежным визитом, и неудивительно, что она сопровождалась массой впечатлений. Часть из них отражена в блоге:

«Самый сильный культурный шок в своей жизни я пережил в апреле 1992 года. Впервые приехав в Оксфорд..., в первый же день по совету питерских коллег я посетил книжный магазин Blackwells. Это был первый настоящий академический книжный магазин, в котором я побывал – и до сих пор считаю его одним из самых лучших в мире. Огромная reading room в подвальном этаже потрясла меня даже не столько размерами и количеством книг, которые можно было читать тут же, усевшись на полу, сколько необыкновенной атмосферой – в детстве мечтал стать писателем и продавцом книг, и, казалось, попал в то место, где сбываются мечты. Придя в магазин где-то часов в 10 утра, я провел в нем почти весь день, перебирая корешки книг и перелистывая тома, которые не смог бы перечитать за всю жизнь. Наверное, я и вовсе не ушел бы из сказочного

магазина, но меня ждала заранее назначенная встреча с моей руководительницей стажировки. Мэри выслушала мои восторженные впечатления и сказала задумчиво: «знаешь, Володя, может быть, пройдет лет 10–15, и твои книги будут продаваться в Blackwells».

Тогда я мало что знал в науке, но ясно осознавал, что мне было примерно так же далеко до продажи моих книг в Blackwells, как футболисту из дворовой команды до выступлений за Manchester United. Поэтому добрые пожелания/предсказания Мэри я воспринял как не более чем желание подбодрить меня. Но эти слова я не забыл, хотя, конечно же, и не вспоминал о них ежедневно.

Летом 2005 года я снова побывал в Оксфорде. Был яркий летний день, в колледжах проходили выпускные мероприятия, и город был полон молодыми людьми и девушками в мантиях и шапочках. Мне очень хотелось снова пережить те же самые волшебные ощущения, что и тринадцатью годами ранее. Я снова вошел в ту самую reading room в Blackwells. Среди книг о России, на самой нижней полке, почти на полу, среди множества других, стояла моя книга (2). Это был (надеюсь, лишь пока что) самый лучший момент моей профессиональной биографии: ради него одного стоило работать и к нему стоило стремиться. Но как жаль, что он уже никогда не повторится...» (<http://grey-dolphin.livejournal.com/279938.html>)

Но, конечно же, в Оксфорде я не только набирался впечатлений, но и ходил в библиотеку и читал книги и статьи, в основном – классику сравнительной политологии: работы Лейпхарта, Липсета, Пшеворского, Сартори... отдельный сюжет – Роберт Даль:

«Книга, ставшая для меня ориентиром №1 – Who Governs? Роберта Даля – попала в мои руки в известной мере случайно... моя руководительница составила для меня reading list, посоветовав начать с книги Даля «Полиархия». Но в первый рабочий день, дойдя до верхнего этажа башенки, где располагалась библиотека Nuffield College, я взял с полки другую книгу того же автора – и зачитался настолько, что не мог оторваться. Путь от олигархии к плюрализму, проиллюстрированный в рамках истории одного города (Нью-Хейвена в штате Коннектикут с 1784 по середину 1950-х годов), детальный анализ местных элит на разных политических аренах, и главное – четкое, ясное и последовательное объяснение логики политического развития страны, да и мира политики в целом сквозь призму отдельного случая – увлекли меня всерьез и надолго. «Полиархию» я потом тоже прочел, однако после Who Governs? она показалась мне «правильной», но скучной – я уже знал, почему и как именно Даль, идя «от поля», пришел к своим теоретическим выводам.

Поскольку в то время я пытался осмыслить логику местной политики в тогдашней России, занимаясь мониторингом субнационального политического развития – сперва на материале Питера, а потом и других регионов страны, то Who Governs? на фоне и размытости моих теоретических представлений, и неполноты и неопределенности фактических знаний выступала безусловным образцом, к которому стоило стремиться (позднее я неоднократно перечитывал эту книгу). Образец этот для меня остался недостижимым и по сей день – и с формальной точки зрения (число ссылок на Who Governs? почти в 2.5 раза превосходит число ссылок

на все мои научные работы, вместе взятые), и тем более с точки зрения содержательной. Если Who Governs? служила примером того, как надо проводить исследование, то своим собственным практическим опытом я делюсь

со студентами под рубрикой «Как не надо проводить исследования». Хотя спустя некоторое время я прочел и нормативную, и эмпирическую критику этой книги, но она лишь укрепила меня во мнении о том, что прав Даль, а не его критики...» (<http://grey-dolphin.livejournal.com/628478.html>)

А помимо этого, я приобретал в Оксфорде полезный социальный опыт и навыки коммуникации:

«...оказавшись в Англии, я стеснялся говорить по-английски: с чтением было все нормально, но думал я по-русски и фразы выстраивал так же, поэтому окружающие меня не понимали. В столовой колледжа я подходил к окошечку на раздаче, тыкал пальцем в то, что было подешевле, говорил «зис-плис» (что означало «This, please») и садился есть, ни с кем не разговаривая. Так продолжалось пару недель, пока в Оксфорде не выступил Федор Бурлацкий – бывший спичрайтер Хрущева, бывший редактор «Литературной газеты» и проч. (умер в 2014 году). Бурлацкий говорил на очень плохом английском (куда хуже, чем тогда был у меня) и нес совершенную ахинею. Но при этом школа советской номенклатуры не прошла для него даром – Бурлацкий говорил с таким апломбом и уверенностью, как будто его язык лучше, чем у native speakers, а сам он изрекает великие истины. Послушав Бурлацкого, я решил, что я как минимум не хуже его ни с языковой, ни с содержательной точки зрения и... перестал стесняться своего английского, начал говорить, не обращая внимания на построение фраз, и вскоре обнаружил, что окружающие меня понимают (хотя пишу до сих пор с многочисленными ошибками)...» (взято отсюда <http://grey-dolphin.livejournal.com/87077.html>)

А Оксфорд так до сих пор и остался самым любимым городом из всех, где довелось побывать.

Наверное, вернувшись из Оксфорда и имея опыт наблюдения за становлением российской политики и теоретические представления, накопленные в Англии, Вы начали задуматься о подготовке кандидатского исследования. Это так?

До диссертации дело дошло нескоро: в 1992 году я об этом даже и не думал, и защитился только в феврале 1998 года, когда уже работал в Европейском университете. Да и «теоретических представлений» у меня после двух месяцев стажировки было все же маловато. Я двигался совсем в иную сторону. В 1991 году я познакомился с Вячеславом Игруновым, который возглавлял Институт гуманитарно-политических исследований (ИГПИ) в Москве. Это была группа выходцев из неформального движения, которые сразу после распада СССР пытались собирать информацию о политических процессах, протекавших на территории бывших союзных республик и в регионах России. Игрунов с подачи В.А.Тишкова, который в 1992 году возглавлял Госкомнац, даже стал на некоторое время руководителем аналитического центра этого ведомства, и развернул работу по мониторингу текущей политической ситуации в постсоветских странах и в республиках и регионах России. Этот мониторинг вели корреспонденты, жившие на тех или иных территориях и писавшие ежемесячные обзоры по более-

менее единой схеме. Я принимал участие в разработке этой схемы, и вскоре стал корреспондентом «Политического мониторинга» ИГПИ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (отчасти схожую работу я выполнял и для Мэри).

У мониторинга было много проблем, но главная из них состояла в том, что его материалы было некому анализировать. Отчеты из Пскова или Саратова сдавались в Госкомнац и другим заказчикам и оставались по большей части никем не востребованными. Мне же, наоборот, было интересно понять, что происходит не только в Питере, но и в других регионах России, и я с большим интересом читал материалы, подготовленные другими авторами, и пытался их анализировать. Мои наблюдения привели к тому, что я написал для Игрунова аналитическую записку на основе этих материалов и заодно дал ее прочесть коллегам по Институту социологии. В результате, во-первых, я выступил на семинаре сектора с едва ли не первым своим научным докладом, а, во-вторых, Игрунов, прочтя мою записку, предложил мне стать заместителем директора ИГПИ, переехать в Москву, и, помимо прочего, координировать проект мониторинга.

В начале перестройки Вячеслав Игрунов бывал в Ленинграде, мы встречались несколько раз. Упомянув его, Вы дали мне возможность спросить Вас о Вашей активности в «Яблоке» в середине 90-х. Было бы интересно узнать, как сейчас Вы с позиций историка политических движений и политолога в целом объясняете все, произошедшее с «Яблоком».

В 1993 году Игрунов принял активное участие в создании «Яблока», он стал депутатом Государственной Думы, позднее депутатский мандат получил и другой сотрудник ИГПИ – Сергей Митрохин (нынешний председатель партии «Яблоко»). Институт был тесно связан с «Яблоком» и активно сотрудничал с ним по разным направлениям. Я сам писал экспертные заключения по ряду законопроектов, которые обсуждались в Думе, готовил поправки, которые вносились депутатами фракции (некоторые из них были приняты), принимал участие во многих коллективных обсуждениях. Венцом моей околопартийной карьеры стали выборы 1995 года в Государственную Думу: в ходе этой кампании я являлся членом Центральной избирательной комиссии России с правом совещательного голоса от «Яблока». Работа в Москве (помимо сотрудничества с «Яблоком», я занимался и другими проектами ИГПИ, и прежде всего, «Политическим мониторингом») была непростой и сопровождалась немалым количеством стрессов, но в целом это был важный и полезный для меня опыт.

Судьба «Яблока» сложилась драматично. Само это объединение (с 1995 года – партия) изначально возникла как демократическая оппозиция, стремившаяся противостоять авторитарным тенденциям в стране. Однако, несмотря на некоторые тактические успехи, потенциал партии был ограничен. С одной стороны, те формальные и неформальные «правила игры», которые в 1990-е года складывались в российской политике, оказались для «Яблока» крайне неблагоприятны. С другой стороны – партии было трудно привлечь на свою сторону как широкие круги избирателей, так и представителей элит: шансы на ее приход к власти изначально были низкими, а после 2000 года на фоне консолидации правящих групп они упали до нулевых. В результате «Яблоко» пережило серию тяжелых кризисов, партию ряды покинул ряд политиков (включая и Игрунова), и нынешнее ее состояние в стране в целом можно обозначить

как «жизнь после смерти». Хотя в нескольких регионах (в том числе в Питере) у «Яблока» с 1990-х годов сохранились вполне дееспособные отделения, будущего у партии нет.

Володя, я эмигрировал в Америку в самом начале 1994 года и до конца века был на 100% вне науки, потому многие события, происходившие в российской социологии во второй половине 90-х, оказались вне моего внимания. Пожалуйста, поясните мне, как Вы и Ваши коллеги осваивали непростые правила электоральной (и не только) социологии и политологии. Ведь ранее такого опыта у отечественных социологов не было. Могли бы Вы назвать несколько имен Ваших коллег, начинавших работу в те же годы и активных в настоящее время?

Электоральные исследования в России начинались в 1990-е годы «с нуля» и изначально развивались как «нормальная наука» не только в смысле Куна, но и в отношении трансферта идей. В США и Европе к тому времени был накоплен огромный опыт изучения выборов и партий в различных странах мира. Мои коллеги и я сам брали его на вооружение и пытались творчески использовать для исследований и на российском материале. Российские специалисты в 1990-е и 2000-е годы вполне успешно изучали стратегии партий и кандидатов, поведение избирателей и роль политических институтов в процессе выборов, опираясь на зарубежные теоретические разработки, с одной стороны, и отечественные массивы электоральной статистики и материалы массовых опросов – с другой. Формат научных публикаций тоже во многом ориентировался на международный стандарт. Коллективные монографии об электоральных циклах в России, которые мы выпустили вместе с коллегами из ЕУСПб и других учреждений, возникли как часть международной серии книг *Founding Elections in Eastern Europe*, которая выходила в *Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung* под редакцией Ханса-Дитера Клингеманна и Чарльза Тейлора. Две книги вышли и на русском, и на английском языках (1, 3), третья – только на русском. Некоторые российские политологи – прежде всего, мой коллега по ЕУСПб Григорий Голосов, а также Николай Петров (долгие годы работавший в Московском центре Карнеги), Александр Кынев, Петр Панов из Перми, да и я сам (1, 3, 9, 12, 18) – опубликовали, в том числе и за рубежом, немало книг и статей по изучению российских партий и выборов.

Состояние электоральных исследований (не только в России) сильно зависит от состояния самого объекта исследования. В 2007 году в обзоре изучения выборов в России я писал:

«Изучение выборов как важнейшего (хотя, разумеется, далеко не единственного) института демократии слишком тесно связано с их демократическим потенциалом: если политологи будут вынуждены анализировать заведомо несвободные и несправедливые «выборы без выбора», то трудно ожидать, что они скажут новое слово в науке о закономерностях политики в стране и в мире в целом... Политическая наука в нашей стране вообще и электоральные исследования в частности имеют шанс стать «нормальной наукой» лишь в условиях, если политика в России не утратит основные атрибуты «нормальной страны», включая проведение конкурентных выборов». <http://polit.ru/article/2007/09/25/electoral/>

Сегодня mainstream в изучении российских выборов — это анализ различных механизмов ограничения политической конкуренции и злоупотреблений со стороны властей, в том числе и фальсификаций результатов голосований. Можно сказать, что эта сфера исследований существенно обогатилась за счет изучения российского материала, особенно в последние годы.

Вернемся к ИГПИ, Вячеслав Игрунов предложил Вам замдиректорство и переезд в Москву. Какое решение Вы приняли и почему?

Я согласился, и в 1993 году приступил к работе в ИГПИ. В Институте социологии меня особенно ничто не удерживало, но полставки и статус научного сотрудника я за собой сохранил (окончательно уволился оттуда только в 1998 году). Работа в Москве давала гораздо больше возможностей, больше контактов, а главное — по договоренности с Игруновым после трех лет работы в ИГПИ я получал возможность выкупить квартиру в Москве, в которой я жил, по цене существенно ниже рыночной. Такой возможностью было бы грех не воспользоваться: ведь своего жилья в Питере у меня тогда не было, и шансов его приобрести — тоже. В ИГПИ я проработал до января 1996 года.

Виктор Вахштайн в интервью, которое мы провели в 2014 году, вспоминает о своей аналитической работе в «Яблоко» на рубеже веков. Тогда там работали многие известные ныне политики и аналитики. В частности, он называет Елену Мизулину, Алексея Навального и Илью Яшина. Вы работали с Вахштайном и указанными политиками? Безотносительно к тому, знакомы ли с Навальным, что Вы могли бы сказать о нем как о политике?

В 1993—1996 годах, когда я работал в Москве, из всех указанных Вами лиц на политической сцене присутствовала лишь Мизулина. В то время она была весьма прогрессивным и квалифицированным членом Совета Федерации, затем баллотировалась в ГосДуму. Сейчас, когда ее имя стало символом обскурантизма, в это трудно поверить. Впрочем, многим бывшим демократам, перешедшим на службу правящему в России режиму, присущ эдакий «синдром Вышинского» (по имени бывшего меньшевика, позднее ставшего одной из наиболее мрачных фигур сталинской эпохи).

С Навальным я лично не знаком. Считаю его одним из наиболее талантливых публичных политиков первого постсоветского поколения, пожалуй, самой яркой фигурой в нынешнем лагере российской оппозиции. Хотя нынешние политические тенденции в стране для оппозиции крайне неблагоприятны, спрос на перемены, думаю, рано или поздно будет нарастать.

... и все же Вы вернулись в Петербург (как поется в известной песне Людмилы Гурченко и Бориса Моисеева); что в Москве перестало Вас удовлетворять, что Вам засветило в родном городе?

В Москве мне приходилось заниматься самыми разными делами: работа занимала 25 часов в день и 8 дней в неделю — организация «Политического мониторинга» (надо было обеспечивать бесперебойный выпуск материалов, редактировать тексты, работать с авторами), написание аналитических записок по разного рода текущим поводам, подготовка заключений и поправок к законопроектам etc. Словом, я отчасти был менеджером, отчасти — аналитиком «на подхвате». Для занятий наукой не хватало не только времени, но и денег — ИГПИ

постоянно нуждался в средствах на выплаты маленьких зарплат и гонораров, а низкий академический статус института («ядро» сотрудников было самоучками без ученых степеней) не позволял нам рассчитывать ни на публичное признание, ни на финансовую поддержку. Тем не менее, энергия и контакты Игрунова позволяли ИГПИ «держаться на плаву» вплоть до 2000-х годов. Для реализации замыслов, прежде всего – проекта сравнительного исследования политических процессов в регионах России – требовались ресурсы, и я пытался писать заявки на гранты. В итоге нам удалось – уже после моего ухода из ИГПИ – запустить этот проект и реализовать его. Так или иначе, я не планировал связывать с ИГПИ всю жизнь, и задумывался об иных вариантах продолжения карьеры.

Между тем, в Петербурге в 1995 году создавался Европейский университет, и Мэри (изначально собиравшаяся преподавать на создававшемся «с нуля» факультете политических наук и социологии) рекомендовала меня в качестве перспективного кандидата на преподавание курсов по российской политике. Идея Мэри состояла в том, что мы с ней будем вместе преподавать и писать в соавторстве учебник по российской политике (даже предварительный контракт с Oxford University Press подписали, но учебник так и не появился). Я согласился, но вскоре Мэри стала руководителем представительства фонда Форда в Москве, и в дальнейшем она оказывала помощь Европейскому университету, прежде всего, в этом качестве (ее вклад в развитие ЕУСПб неоценим). Ну а я, взяв на себя новые обязательства по преподаванию политологических курсов в ЕУСПб, вскоре после думских выборов 1995 года закончил работу в ИГПИ (и в «Яблоке») и вернулся в Питер.

Итак, около двадцати лет назад Вы начали работать в Европейском Университете в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), не помните, как все начиналось?

Я стал преподавателем ЕУСПб во многом случайно, благодаря стечению обстоятельств оказавшись в нужное время в нужном месте... что называется, «вышел на замену» в весеннем семестре 1995–1996 года. Тогда ЕУСПб работал в режиме пилотного проекта: потенциальные преподаватели нового университета читали лекции для его потенциальных студентов. К тому времени я успел побывать членом Центризбиркома России с правом совещательного голоса на думских выборах 1995 года, и, приехав в Питер, попал на встречу, представлявшую собой версию job interview... Оно проходило в грузинском кафе на улице Белинского (существует и поныне).

Как умел, рассказал потенциальным коллегам по факультету о себе, о своем профессиональном опыте, интересах и проч., о своем видении будущего курса по российской политике, который собирался преподавать (на самом деле говорил не о курсе, а о российской политике как таковой). По ходу дела разговор перешел на английский язык... Внезапно Олег Хархордин задал мне вопрос о том, как я отношусь к интерпретации российской политики в рамках анализа, которые предлагал Фуко. Эта фамилия для меня означала создателя маятника и никого иного, в чем я честно и признался. Мое признание вызвало бурную реакцию Хархордина, который сообщил, что: 1) мне предлагают место в ЕУСПб не по заслугам, а «по благу» (что было правдой); 2) у меня нет никакого специального образования (ну да, тоже правда); 3) что у меня нет опыта преподавания (почти полная правда, несколько лекций в Москве не в счет); 4) что у меня пло-

хой английский (увы, еще какая правда...); 5) что у меня нет никаких серьезных публикаций (пожалуй, что тоже правда). Но все эти недостатки не шли ни в какое сравнение с тем, что я не читал Фуко и даже не знал, что философ и создатель маятника – это не одно и то же лицо. Неудивительно, что Хархордин решительно отверг мою кандидатуру, сообщив, что, по его мнению, мне в ЕУСПб не место, а на работу надо принимать не меня, а его сокурсника из Беркли (назвал имя). Как известно, наступление – лучшая защита, и я в ответ парировал атаку по части Фуко: мол, зато выпускники Беркли не знают, как принимают законы в ГосДуме, а я знаю (это тоже было сущей правдой: в Думу я почти два года ходил регулярно, написав кучу заключений и поправок к самым разным законопроектам).

Мой аргумент в логике *competitive advantages* (ГосДума vs. Фуко) был оценен: я получил шанс прочесть пробные лекции. Первую лекцию я полностью провалил, главным образом из-за нехватки опыта и сложности темы (она была посвящена российской конституции). Вторая лекция могла оказаться последней, и дабы не опозориться, я готовился к ней так, как никогда не готовился и, думаю, никогда уже не буду говорить ни к какому другому выступлению: записал свою речь на диктофон, придя за сорок минут до начала в аудиторию, отрепетировал на местности все мизансцены... Лекция о российском президентстве (со ссылками на Линца и О'Доннелла и с многочисленными эмпирическими иллюстрациями) прошла «на ура»: комплименты со стороны присутствовавшего в аудитории Вадима Волкова до сих пор остаются самой значимой профессиональной похвалой в жизни. В итоге «я получил эту роль – мне выпал счастливый билет»: так я стал *associate professor* в ЕУСПб.

Прошло почти двадцать лет. С тех времен утекло много воды: и в ЕУСПб, и в России в целом многое изменилось, и законы в ГосДуме принимаются теперь так, что об этом выпускники Беркли вполне себе могут не знать. Да и я сам изменился, хотя и не так чтобы слишком сильно. То, что я занимаю место в ЕУСПб не только «по благу», но и по заслугам, приходилось, да и до сих пор приходится доказывать – прежде всего, самому себе (не то чтобы прямо каждый день доказывать, но забывать об этом не стоит). Дефицит специального образования лишь отчасти был компенсирован самообразованием (по части подготовки я и сегодня уступаю далеко не самым звездным выпускникам американских и британских аспирантур). Опыт преподавания в ЕУСПб и в некоторых других вузах я в конце концов набрал... Английский стал несколько лучше, но все равно на радость *proofreaders* я делаю в среднем не менее 30 ошибок на страницу. Публикаций за эти годы стало намного больше, хотя, вероятно, по меркам Беркли вряд ли хотя бы одну из них можно считать на 100% серьезной. И лишь одно с той поры осталось неизменным – я так и не прочел труды Фуко даже после того, как узнал, что философ не был создателем маятника. Не уверен, что прочту их в течение последующих двадцати лет... Впрочем, все же надеюсь, что, несмотря на это (или, наоборот, благодаря этому?) коллеги и студенты ЕУСПб смогут еще двадцать лет терпеть меня в качестве профессора (<http://grey-dolphin.livejournal.com/719035.html>)

В целом, факультет политических наук и социологии ЕУСПб представлял собой инновационный проект во многих отношениях. Другие факультеты ЕУСПб (истории, экономики, этнологии – ныне антропологии) создавали сложившиеся ранее «команды» признанных специалистов из петербургских институтов РАН.

А создание нашего факультета Борис Максимович Фирсов доверил Вадиму Волкову и Олегу Хархордину, которые только что защитили свои диссертации на Западе (Волков стал деканом-организатором факультета в возрасте 29 лет). Они принесли много нового в организацию работы факультета и в профессиональные стандарты. И решительный отказ от устных экзаменов – только студенческие эссе, призванные воспитать культуру думать письменно. И коллегиальное принятие всех важных решений советом факультета. И обязательная ротация деканов (никто не хотел слишком долго заниматься администрированием, и должность декана долгое время была чем-то вроде «эстафетной палочки»). И внешняя валидация выпускных работ со стороны факультета социальных наук университета Хельсинки (эти работы на правах внешних рецензентов читали члены международного консультативного совета факультета, и выносили по ним окончательный вердикт, вынуждая нас не снижать планку собственных требований). И отказ от использования отчеств в общении между преподавателями и слушателями (создает статусную симметрию взамен иерархии старших и младших «по чину»). И, наконец, ритуал окончания учебного года на факультете в конце июня на кораблике с фейерверком в Финском заливе в честь успешно завершивших обучение выпускников. Некоторые из этих практик сохраняются на факультете и по сей день.

И с чего Вы начали? Какие курсы Вы предложили студентам? Что было рекомендовано в качестве учебников?

Начал с того, что разработал курс по российской политике. Я посмотрел некоторые программы некоторых курсов по Russian Politics, которые читались в американских и британских университетах, но по большей части они носили страноведческий и исторический характер – такой обзор с начала XX века, если еще не с петровских времен. Мне казалось, что политологам надо оставить историю историкам, а самим изучать современное политическое устройство страны. Поэтому я взял за образец те курсы, которые касались не изучения политики в России, а изучения политики в других странах. Предельно огрубляя, если курс по American Politics содержит разделы о президентстве, парламентаризме, политических партиях, федерализме и проч. в США, то и курс по российской политике структурно должен быть устроен точно так же, хотя и с совсем иной «начинкой». В итоге получилось приложение различных подходов, разработанных в рамках сравнительной политологии, к изучению российской политики. Но поскольку сам объект исследования постоянно меняется, то и этот курс тоже обновляется практически ежегодно. Другой курс – «Методология и практика научно-исследовательской работы», который я читаю в ЕУСПб, посвящен практическим навыкам: начиная от того, как сформулировать исследовательский вопрос и заканчивая тем, как писать научные статьи и заявки на гранты.

Учебник по российской политике мы так и не написали, но, откровенно говоря, я не считаю, что учебники так уж необходимы для преподавания социальных наук, особенно при обучении магистрантов и аспирантов. Студенты должны читать и анализировать тексты книг и статей, но для этого полезнее ридеры – специальные подборки текстов. В России спрос на учебники диктует государство, которое обязывает включать их в учебные программы и использо-

вать в преподавании; во многих курсах, которые читаются в зарубежных вузах, учебники не используются или же служат одним из многих (но не главным) источником знаний.

Но в целом, после 19 лет преподавательской работы (помимо ЕУСПб, я вел курсы в университете Хельсинки, Центрально-Европейском университете, University of Texas at Austin, МГИМО, Высшей школе экономики и Российской экономической школе) я не могу считать себя первоклассным преподавателем: мне еще много над чем надо работать и к чему стремиться.

Да, конечно, я упустил из виду, Ваши студенты – уже с высшим образованием. По Вашему мнению, что они ищут в политологии? Многие ли из них, подобно Вам, прошли обкатку в практической политике, в избирательных кампаниях и пр.?

Хотя в ЕУСПб я преподаю на факультете политических наук и социологии, среди магистрантов и аспирантов факультета политологов не так много: их доля в общей численности наших слушателей не превышает 15%, все остальные – социологи и философы. У большинства из них (в отличие от меня) вполне себе стандартная карьерная траектория, поступают в магистратуру сразу или почти сразу после вуза, у кого-то базовое образование политологическое, но были и историки, журналисты, социологи, филологи, философы, и даже один юрист. Ищут слушатели (не только политологи), прежде всего, себя. Сформулировать представления о последующей карьерной траектории на этом этапе жизненного цикла в состоянии далеко не все. Многие из них хотели бы продолжить академическую карьеру. На первой лекции по курсу «Методология и практика научно-исследовательской работы» я говорю слушателям: на самом деле успешным ученым из всей группы станет в лучшем случае кто-то один-единственный: а все остальные по тем или иным причинам сойдут с дистанции на разных стадиях академической карьеры. Поэтому самая правильная жизненная стратегия для Вас – не предаваться несбыточным мечтам о занятиях наукой, а посвятить себя чему-то иному: искать себя в компаниях, на госслужбе, в СМИ, в некоммерческом секторе, и т.д. Ведь шансы на то, что у Вас ничего не получится в науке, крайне велики. И если Вы все-таки не уйдете из академического мира, то оставаться в нем Вам имеет смысл лишь в том случае, если этим(ой) единственным(ой) станете именно Вы. Но прислушиваются к моим предостережениям немногие...

Другая категория – это иностранные слушатели, которые учатся в ЕУСПб на международных магистерских программах. Большинство из них ориентированы, скорее, прагматически: им нужны знания о России и постсоветской Евразии и опыт жизни и учебы в России. Если в конце 1990-х к нам поступали те, кто стремился гулять по набережным Невы и читать Достоевского в оригинале, то сегодня наши типичные иностранные абитуриенты – те, кто хочет работать в компаниях или на дипломатической службе и для кого учеба в России послужит значимой частью их резюме.

Мы учим как «академиков», так и «практиков», и порой наши выпускники весьма успешны. Среди слушателей, у которых я был научным руководителем, есть те, кто преподает в вузах, продолжает обучение на программах PhD за рубежом, работает в СМИ, в российских и международных некоммерческих организациях, в органах государственного управления, строит политическую карьеру (бывшая студентка баллотировалась в парламент Финляндии). За большинство

своих учеников мне, что называется, не стыдно. И все же — «у меня есть мечта»: не такая большая, как у Мартина Лютера Кинга, но, по-моему, тоже достойная. Мне очень хочется, чтобы кто-то из тех, кого я учил, учу, и еще буду учить, добился в науке большего, нежели я сам. На самом деле это не так чтобы прямо недостижимо высокая планка: на международном фоне мои достижения в науке невелики. Но пока что моя мечта так и остается несбывшейся... хотя, возможно, все еще впереди?

По-моему, Вам очень повезло, Вы начинали свои политологические штудии, не имея базового образования, которое, скорее всего, было бы в области истмата или научного коммунизма. Читая прессу, конечно, в веб-пространстве, посматривая российское телевидение, участвуя в разных конференциях, я вижу, что в России работает немалое количество политологов и что это очень неоднородное сообщество. По каким критериям Вы бы его «рассекали», какие группы специалистов выделили бы?

Большинство тех, кого в России называют «политологами» — это полит-технологи и/или различные публичные деятели, выступающие на политические темы в медиа (в США таких людей принято называть pundits). В этих сферах работает немало профессионалов своего ремесла, но к политической науке их деятельность имеет примерно такое же отношение, как деятельность ди-джеев — к музыковедению. Что до специалистов, преподающих политологические курсы в вузах, работающих в учреждениях РАН, иных научных организациях, то их численность довольно велика. Но говорить о значимых научных достижениях российской политологии можно лишь с очень большими оговорками: ведь значительная часть научной продукции отечественных политологов представляет собой все что угодно, но только не результаты проводимых ими эмпирических исследований. Причин этого несколько: это и «наследие» упомянутых Вами научного коммунизма и истмата, и низкий уровень оплаты труда большинства преподавателей вузов на фоне высокой учебной нагрузки, и сильная изоляция российской политологии от международных трендов развития дисциплины (в последнее время эта изоляция усугубляется), и авторитарные тенденции в российской политике. Справедливости ради, отмечу: если сравнить нынешнее состояние российской политологии с российской же социологией, то, по-моему, ситуация на Вашей «поляне», если и выглядит лучше, то не намного. Да и во многих других странах мира с сопоставимым уровнем социально-экономического развития достижения политологии на фоне российской ситуации отнюдь не выглядят выдающимися. Наша дисциплина устроена однополярно, она географически делится на США и «все остальное», и вклад США в современную политическую науку заметно превосходит «все остальное», вместе взятое.

Словом, картина в российской политологии довольно безрадостная, но впадать в смертный грех уныния не стоит: надо лучше учить новые поколения политологов, проводить новые исследования, писать новые книги и статьи, и закладывать основы для будущего продвижения вперед.

Наверное, уже пришло время повторить мой вопрос о кандидатском исследовании... какую задачу (или — задачи) Вы в нем решали? Где защищались?

Откровенно говоря, мою кандидатскую диссертацию трудно назвать научным достижением. Она довольно хаотично собрана из фрагментов, написанных в разное время и слабо связанных друг с другом. Причина в том, что у меня изначально не было сколь-нибудь осмысленного дизайна диссертационного исследования. Сперва я намеревался писать работу о демократической оппозиции в России на примере «Яблока». Хотя включенное наблюдение дало мне немало ценных материалов, большинство из них так и не было использовано (я ограничился историческим очерком, не включавшим инсайдерской информации). Когда этот фрагмент был готов, стало ясно, что сам по себе анализ оппозиции без анализа динамики российского политического режима, которому, собственно, оппозиция и стремится противостоять, имеет мало смысла. Так появились фрагменты с обзором работ, посвященных российским и зарубежным транзитологическим подходам к анализу изменений политического режима в 1990-е годы в России, и раздел с моими собственными (весьма критическими) оценками причин и механизмов развития авторитарных тенденций в российской политике 1990-х. Материалы, вошедшие в мою диссертацию, публиковались в виде статей в разных журналах, и обилие публикаций так или иначе произвело впечатление на диссертационный совет СПбГУ, где я и защитился в 1998 году. Годом позже я опубликовал монографию на основе диссертации, и рецензент *Slavic Review* в отзыве на нее справедливо написал, что я зря пытался впихнуть в малый объем одной книги столь обширный материал, которого хватило бы на несколько книг; это был полезный урок.

Так что, став в итоге кандидатом политических наук, гордиться диссертацией я не могу. Но я согласен с Вадимом Радаевым, заметившим, что диссертация – это, прежде всего, квалификационная работа, и что если диссертант и делает научные открытия, то о них надо сообщать где угодно, но не в диссертации (по меньшей мере, не только в диссертации). Впрочем, наломав дров со своим собственным диссертационным исследованием, я теперь со знанием дела могу советовать слушателям ЕУСПб, которые работают над диссертациями, каких ошибок стоит избегать.

Абсолютно согласен с Радаевым. И когда стало вырисовываться что-то свое, что это было?

Наиболее значимым моим проектом в 1997-1999 годах стало сравнительное исследование региональных политических режимов в России. Этот проект был задуман еще в период моей работы в ИГПИ, но реализовывался уже тогда, когда я стал преподавать в ЕУСПб. Период 1990-х и отчасти 2000-х годов в России характеризовался существенной диверсификацией политического развития на уровне регионов и городов страны, открывая возможности для сравнительного анализа. На примере шести регионов России (Саратовская, Нижегородская, Волгоградская, Ульяновская, Рязанская и Тверская области) мы вместе с моими коллегами пытались понять логику, которая определяла различные траектории их политического развития: почему в одних регионах страны политика оказывалась конкурентной, а в других – нет? Наш ответ был связан с выявлением причин и механизмов внутриэлитных конфликтов, которые развивались по трем различным сценариям: мы их назвали, соответственно, «победитель получает все»,

«картельное соглашение» и «борьба по правилам». Несколько переработанную версию этой схемы я позднее использовал для сравнения процессов постсоветских политических трансформаций в России, Украине и Беларуси (10).

Проект реализовывался очень непросто, но по его итогам вышли статьи и книги по-русски и по-английски, замеченные коллегами и в России, и за рубежом: одна из статей получила в 1999 году премию журнала *Europe-Asia Studies* (до сих пор это моя самая цитируемая публикация) (7). Книгу, вышедшую в США по итогам этого проекта – *Making and Breaking Democratic Transitions: The Comparative Politics of Russia's Regions* (2) – я и обнаружил на полке книжного магазина в Оксфорде в памятный для меня день летом 2005 года.

В 2000-е годы изучение субнациональной политики в России продолжалось, но фокус внимания смещался к другим ее аспектам. Вслед за сравнительным анализом экономической и политической автономии муниципалитетов крупных городов России (11) последовало изучение механизмов взаимодействия органов местного управления и экономических и социальных агентов в российских городах (в американских исследованиях городской политики эти механизмы называют *urban regimes*) (14). Исследования были построены как *comparative case studies*, они предлагали объяснительные модели и схемы, пригодные для дальнейшего (в том числе и статистического) тестирования.

Проблематикой субнациональной политики в последние годы я не занимаюсь, да и в прикладном аспекте изучение политических процессов в регионах России не настолько актуально, как это было в 1990-е годы, но познавательный потенциал сравнительных субнациональных исследований российской политики далеко не исчерпан.

Володя, не могу удержаться, чтобы не попросить Вас кратко остановиться на содержательной стороне того, что Вы обозначили: «победитель получает все», «картельное соглашение» и «борьба по правилам». Были ли попытки (не у Вас, у других аналитиков) рассмотреть в этой парадигматике и другие регионы России?

Любой политический конфликт не может длиться вечно. Рано или поздно он заканчивается либо 1) полной победой одной из сторон по принципу «игры с нулевой суммой», либо 2) тактическим перемирием, которое более сильная сторона может навязать более слабой на своих условиях, либо 3) заключением мира, который соблюдается, поскольку одностороннее нарушение правил одной из сторон окажется для нее, что называется, «себе дороже». Исход 1) – «победитель получает все», который не предполагает никакой конкуренции, а влечет за собой полную политическую монополию победителя (примером в постсоветских странах может служить Беларусь при Александре Лукашенко). Исход 2) – «картельное соглашение»: политическая конкуренция ограничена, и более сильная сторона в состоянии удерживать власть по принципу *divide et impera* (наглядным примером в России служит неформальное «шашлычное соглашение», которое Путин заключил с «олигархами» после своего прихода к власти в 2000 году). Наконец, исход 3) – «борьба по правилам» предполагает открытую конкуренцию в рамках формальных «правил игры», в которой победу на выборах попеременно одерживает та или иная сторона (такого рода условия возникли в Украине после 2004 года: в период своего президентства Янукович попытался односторонне пересмотреть «правила игры», и в итоге в 2014 году лишился власти). Иными сло-

вами, исходом конфликта элит может стать как авторитаризм, так и демократия, так и промежуточный вариант, склонный к мутации в направлении авторитаризма (политологи в этой связи говорят о «соревновательном авторитаризме»).

Конечно, эти суждения сами по себе не содержат принципиальной новизны: достаточно прочесть работы Адама Пшеворского или Мансура Олсона, где они представлены в теоретическом ключе. Но в изучении изменений режимов после краха коммунизма долгое время преобладал другой подход, который напоминал сценарий голливудского фильма. Он предполагал, что борьба происходит между «хорошими парнями» – демократами и «плохими парнями» – врагами демократии (коммунистами, националистами и т. д.) и в конечном итоге дело должно было завершиться *happy end*, то есть победой демократов. Я же полагал, что политики – не «хорошие» или «плохие» парни, а максимизаторы власти, и демократия для них не более чем средство достижения этой цели, – возможное, но не самое желательное. Но эмпирическая аргументация в пользу этого тезиса требовала сравнительного анализа. Российские регионы в 1990-е годы были почти что идеальными объектами для такого рода сравнения. Центр имел лишь ограниченные рычаги контроля над региональными лидерами, политические процессы в регионах, начавшись из одной «точки отсчета» в 1990 году, расходились по разным траекториям, и конфликты между теми или иными сегментами элит в регионах разрешались совершенно по-разному. Мы изучали региональные политические режимы так же, как если бы это были не территориальные единицы одной и той же страны, а отдельные независимые государства. При этом сами регионы как таковые выступали не более чем *case studies* и служили объектами анализа, ну а предметом изучения выступали политические режимы.

Плюсы кросс-регионального сравнительного исследования были еще и в том, что оно оказалось неуязвимо для нормативно ориентированной критики. Те, кто писал о политической трансформации в России в 1990-е годы, критикуя авторитарные тенденции, наталкивались на многие возражения со стороны сторонников «голливудского» подхода, которые видели в штурме Белого дома в 1993 году или в истории с перевыборами Ельцина в 1996 году борьбу между «хорошими» и «плохими» парнями. Кстати, в 2000-е годы «голливудский» подход в анализе российской политики уступил место ее восприятию в духе *film noir* (по-русски – «чернухи»), когда все «парни» оказались исключительно «плохими». А когда мы писали о том, что в Саратове «победитель получает все», в Нижнем Новгороде при губернаторе Немцове сложилось «картельное соглашение» элит, а в Волгограде одной из сторон «борьбы по правилам» выступали местные коммунисты, то тут критика могла быть не нормативной, а лишь позитивной. Иными словами, работу обсуждали не в смысле «как должно быть», а в смысле «как на самом деле». Кросс-региональные сравнительные исследования, проводившиеся другими авторами (кто-то из них опирался на нашу работу, кто-то использовал иные рамки анализа), подтвердили тезис о том, что неустрашимый конфликт региональных элит может способствовать становлению демократических «правил игры». Это показал, в частности, мой коллега по ЕУСПб Григорий Голосов, который изучал выборы и развитие политических партий в регионах России (он анализировал большой массив статистических данных почти по всем реги-

онам). Но в 2000-е годы федеральные власти в России предприняли немалые усилия, чтобы изменить «правила игры» как в регионах, так и в стране в целом. Поэтому сегодня в России о «борьбе по правилам» говорить не приходится.

Да, мне понятно, что такой – отчасти, «теоретико-игровой» – подход при анализе политики может быть плодотворным. Один дополнительный вопрос: каков генезис, причины того, что в конце 1990-х в российских регионах политика развивалась по разным сценариям? Ведь десятилетия все происходили по сходным вариантам...

Вы правы: в основе нашей схемы анализа лежал теоретико-игровой подход, хотя формальные модели в работе не использовались. Собственно, процесс изменений режима мы уподобляли шахматной партии, в ходе которой игроки могут двигать фигуры по доске, а могут схватить доску и ударить ей по голове своего противника. Главный вопрос – что обусловило различие конфигураций участников конфликта, их ресурсов и стратегий в тех или иных регионах? Наше объяснение, во-первых, учитывало, какие сильные экономические группы интересов оказались укоренены в регионах в силу траекторий их развития, начиная с советского периода, а, во-вторых, как именно происходил крах прежней системы управления и какое влияние на этот процесс оказала смена элит. Так, Ульяновская область – регион поздней индустриализации, директорат промышленных предприятий в нем был относительно слаб, и тогдашний глава региона, выходец из среды аграриев Юрий Горячев смог, опираясь на сложившиеся ранее «сельские» сети, на время монополизировать власть в регионе после распада советского режима. Ну а в Нижегородской области – сильно индустриализованном регионе с высокой концентрацией индустрии – по стечению обстоятельств губернатором стал Борис Немцов – аутсайдер по отношению к прежней элите, которому удалось заключить с наиболее влиятельными игроками неформальное соглашение о взаимной поддержке и благодаря этому удерживать власть в регионе. Когда в 1997 году Немцов покинул Нижний и перебрался в Москву, это соглашение оказалось разрушено, и регион погрузился в череду острых конфликтов. Смена режима, таким образом, зависела как от изначальной расстановки фигур на доске, так и от стратегий игроков. Результаты игры не были заранее предопределены, а сама игра могла возобновиться с новыми игроками и зачастую по новым правилам.

Смена столетий охарактеризовалась в России и сменой политики, политической жизни. Чем Вы занимались в первой половине «нулевых»? И, если можно, то обозначьте несколько важнейших трендов, наметившихся тогда в российской политологии. Ведь к этому времени многие вчерашние новички набирали силу...

Мне не кажется оправданным противопоставление 1990-х и 2000-х годов, которое популярно в политической публицистике, посвященной России. На мой взгляд, речь идет о двух стадиях одного и того же процесса: российские «болезни роста» 1990-х годов в 2000-е годы лечили таким способом, что они в итоге перешли в стадию хронических заболеваний. Я же в 2000-е годы продолжал исследования российской и постсоветской политики. Вместе с коллегами мы выпустили три коллективные монографии, посвященные федеральным

электоральным циклам в России (1993-1996 годов, 1999-2000 годов и 2003-2004 годов, соответственно) (1, 3), под моей редакцией вышли несколько других книг (4). Опубликовал по-русски и по-английски статьи о трансформации российских партий и партийной системы (9, 12), о рецентрализации российского государства и становлении «вертикали власти» (14), реформах местной власти в городах России (11), о динамике политического режима в Украине, о механизмах поддержания легитимности российского режима (13), о сравнении траекторий трансформаций политических режимов в России, Украине и Беларуси (10)... В 2003 году получил опыт преподавания за рубежом, прочитав курсы сперва в Будапеште, а потом – в Техасе. В 2008 году вместе с группой коллег мы создали в Европейском университете Центр исследований модернизации. Словом, моя повестка дня была, да и сегодня остается достаточно насыщенной.

Что до российской политологии, то в 2000-е наблюдался ее количественный рост. Десятки вузовских кафедр вели подготовку бакалавров и магистров политологии, защищались сотни диссертаций по политическим наукам, число опубликованных политологических книг и статей измерялось тысячами, а количество научных мероприятий (от всероссийских конгрессов до небольших семинаров) подсчету не поддавалось. Но значимых научных работ, которые получили признание серьезных специалистов в стране и за рубежом, по-прежнему немного. Политическая наука в России (да и другие дисциплины российских социальных наук, социологии это тоже касается) во многом покоится на трех китах. За редким исключением, она является 1) атеоретической, 2) нормативно ориентированной и 3) не включенной в сравнительную перспективу. Немалая часть российских social scientists: 1) рассматривают теорию не как инструмент познания, а как некие принимаемые (или же не принимаемые) на веру постулаты; 2) эмпирическое познание реальности они обычно сводят к сопоставлению наблюдаемых явлений с нормативными идеалами («как должно быть»), и 3) Россия представляется им уникальным объектом исследования, не вписывающимся в рамки анализа, разработанные на материале иных стран (по сути дела, речь идет о реинкарнации известного тезиса «умом Россию не понять»). Для развития науки такие представления о должном и сущем явно контрпродуктивны.

Прежде всего отмечу, что и в рамках процессуальной трактовки изменения сложных систем допустимо противопоставление различных стадий, и тогда фокус внимания направлен на анализ причин подобной динамики системного образования. Скажем, почему в обществе, в котором выросла плеяда сильных политиков, в котором наблюдались ростки многопартийной системы, вмиг выстроилась властная вертикаль?

В начале 1990-х годов, на фоне распада советской системы, действительно, в России возникали и яркие политики, и зачатки новых политических партий. Но демократия, по словам Пшевдорского, это политическая система, в которой партии и политики теряют власть в результате поражения на выборах. И вот как раз с этим в России и возникли проблемы. Те, кто оказался у власти в результате краха коммунистического режима и распада СССР, не имели ни интересов, ни стимулов к тому, чтобы перейти к «борьбе по правилам»: все 1990-е годы мы наблюдали нечто иное. Сперва произошел конфликт в лагере победителей событий августа 1991 года, который привел к роспуску Съезда народных депу-

татов и Верховного Совета России в 1993 году. Затем — выбор между отменой президентских выборов в 1996 году и использованием всей государственной машины в целях переизбрания Ельцина, затем — «война за ельцинское наследство» между коалициями «олигархов» и региональных лидеров. В регионах в это время отстраивались более или менее автономные от Центра субнациональные режимы, многие из них носили авторитарный характер. На фоне длительного и глубокого спада экономики эти явления воспринимались и политическим классом, и российским обществом в целом как затянувшаяся аномия, как проявления хаоса. Снова процитирую в этой связи Пшеворского: «поскольку любой порядок лучше любого хаоса, любой порядок и устанавливается».

Этот тезис ярко иллюстрирует то, что в России произошло в 2000-е годы, после прихода к власти Путина и после того, как спад экономики сменился ростом. Новый президент оказался в состоянии сделать другим акторам «предложение, от которого невозможно отказаться», опираясь и на свои большие полномочия, и на высокий уровень поддержки. И выяснилось, что те же политические партии, медиа, бизнес, некоммерческие организации, да и многие другие акторы вполне себе готовы играть роль «приводных ремней» президентской администрации и проявлять лояльность политическому режиму и лично главе государства за более или менее щедрое вознаграждение. Те, кто не захотел или не смог играть эти роли второго плана, маргинализировались, либо преследовались властями непосредственно или косвенно. «Вертикаль власти», то есть иерархическая соподчиненность нижестоящих уровней управления вышестоящим, стала одним из важнейших элементов российского политического режима. Но всерьез против нее никто из значимых российских акторов не возражал: по сути, время для такого рода дискуссий оказалось упущено в 1990-е годы. А в 2000-е Путин получил карт-бланш на любые шаги и успешно максимизировал свою власть.

Я хочу подчеркнуть, что «вертикаль власти» затрагивает не только систему регионального и местного управления: в самых разных секторах социально-экономической сферы сложились свои «вертикали». Функция той или иной школы — это не только учить детей и демонстрировать высокие показатели ЕГЭ, но и обеспечивать требуемые властями результаты голосований на расположенном в этой школе избирательном участке. Соответственно, в ход идут все доступные средства, включая и заполнение учителями протоколов с «правильными» итогами. Принадлежать к «вертикали власти» на любом ее этаже выгодно: это дает возможности для извлечения ренты в той или иной форме, включая и личное обогащение. Та же работа на избирательном участке оплачивается за счет бюджета; директора и завучи школ, которые приносят требуемые голоса, получают премии; власти могут при случае закрыть глаза на их злоупотребления, а то и обеспечить им продвижение по службе... А поскольку извлечение ренты представляет собой главную цель и основное содержание государственного управления в России, то (в отсутствие сильных внешних шоков) «вертикаль власти» может оказаться самоподдерживающейся на протяжении длительного времени.

Володя, в рамках разрабатываемой мною типологии советских / российских социологов (пока не знаю, в какой мере она распространяется на политологов) Вы относитесь к пятой когорте. К настоящему времени мною закончено 15 интервью с представителями вашего поколения. Могу сказать, что не более половины Ваших коллег прошли определенную подготовку в Западных научных центрах и в той или

иной степени вписались в международное научное сообщество, но большинство такой возможности не имело. Более того, значительная часть социологов, работающих в Сибирских регионах, на фазе своего становления, подготовки кандидатских и докторских диссертаций, не бывали в ведущих московских и петербургских научных центрах. Отсюда и их фокусированность на региональных – даже не общероссийских - проблемах. Не думаете ли Вы, что такое расслоение нашего научного сообщества – надолго?

В академическом мире – так же, как и в мире в целом – существуют свои центры и периферии. Научная социализация исследователей и последующая работа в тех или иных его сегментах неизбежно накладывает отпечаток на то, какие проблемы они ставят перед собой и какие проблемы изучают. Те, кто работает на периферии мира науки, имеет меньше возможностей и ресурсов, с одной стороны, и куда меньше интересуется происходящим за пределами своей «деревни», с другой. Это отнюдь не российский феномен: скажем, латиноамериканские политологи в основном изучают политику в своих странах, далеко не всегда прибегая к сравнительным кросс-национальным исследованиям. Подчеркну, что периферийный характер науки связан не с локальным характером эмпирического материала, а с набором изучаемых научных проблем, рамками их анализа, выводами и обобщениями. Многие широко известные научные работы (от «Демократии в Америке» Токвиля до Making Democracy Work Роберта Патнэма) построены на анализе локального политического устройства. Но вклад Патнэма в политическую науку состоит не в том, что он показал, что регионы севера Италии управляются более успешно, чем на юге страны, а в том, что он предложил объяснение этого феномена, связанное с влиянием социального капитала и гражданственности на функционирование политических институтов (это объяснение вызвало весьма интенсивные дебаты среди специалистов). Да и моя «первая любовь» в политической науке – Who Governs? Даля, по сути, представляло собой построение плюралистической теории демократии на эмпирическом материале одного города, где жил и работал сам автор. Но чаще всего мы наблюдаем феномен академического краеведения, то есть изучения-чего-угодно-на-материале-города-N, которому, как правило, присуще подчеркивание особой специфики и уникальности этого самого города N или, наоборот, его «типичности».

Конечно, ситуация в мире меняется из-за развития Интернета, появления новых баз исследовательских данных (таких, как World Values Survey), большей доступности научных журналов и т.д. Теоретически, мы можем представить себе политолога или социолога из российской глубинки, выполняющего(ую) свое исследование на большом массиве глобальных данных, которое будет опубликовано в ведущем международном издании по соответствующей дисциплине. Но в реальности у этого политолога или социолога обычно нет ни достаточных образования и/или научной квалификации для проведения такого рода исследований, ни денег на подписку на журналы и на поездки на научные конференции. Кроме того, он(а) перегружен(а) обилием «пар», которые приходится читать для выполнения обязательной учебной нагрузки за более чем скромную оплату труда (в российских вузах она намного ниже, чем в других странах с сопоставимым уровнем экономического развития), а еще надо тратить время и силы на борьбу с бумажной рутинной всевозможной отчетностью, etc., etc.

Российская наука — это бедная наука в стране с высоким уровнем неравенства и с очень низким качеством управления (в том числе в академических учреждениях). В отсутствие ресурсов и стимулов для профессионального роста трудно ожидать прорывов от специалистов, работающих в региональных вузах, поэтому кто-то уезжает в столицы, а кто-то и за рубеж. Справедливости ради, отмечу, что есть случаи, когда в региональных вузах благодаря усилиям энтузиастов и поддержке со стороны руководства иногда возникают хорошо работающие научные коллективы: скажем, в Пермском государственном университете удалось сформировать кафедру политических наук, работающую на вполне добротном профессиональном уровне. Европейский университет в Санкт-Петербурге в последние годы реализует проект поддержки партнерских научно-образовательных центров в региональных вузах, которые созданы «командами» молодых исследователей, прежде всего, из числа наших выпускников. В Перми успешно работают историки и политологи, в Томске — социологи и антропологи, причем они тесно сотрудничают с соответствующими кафедрами и факультетами: преподают, проводят конференции и летние школы, выпускают книги и статьи. Но такие проекты — это во многом исключения, которые подтверждают правило. А правило состоит в том, что если Россия в целом — это полупериферия академического мира, то многие ее регионы — это глубокая и почти безнадежная периферия.

К сожалению, у меня нет оснований рассчитывать на то, что ситуация в обозримом будущем изменится к лучшему: тенденции развития нашей страны и особенно курс на ее международную изоляцию и противостояние с Западом, скорее, усугубляют отсталость и «провинциальность» отечественных социальных наук. Даже тот факт, что в последние годы власти выделили большие деньги на финансирование ряда ведущих университетов, не слишком добавляет оптимизма. Заявленная цель этих финансовых вливаний — не улучшение качества образования и исследований, а продвижение пяти российских вузов в top-100 мировых рейтингов к 2020 году, то есть, по сути, такое престижное потребление, направленное на удовлетворение тщеславия руководства страны (в одном ряду с проведением в России чемпионата мира по футболу). А научные статьи в международных журналах — не более чем средство достижения этой цели. Конечно, по сравнению с полным невниманием властей к социальным наукам (и к наукам вообще) — это серьезный шаг вперед. Но проблема состоит в том, что небольшое число «карманов эффективности» (так в политологической литературе принято обозначать оазисы передового опыта) не обязательно улучшат ситуацию в стране в целом — особенно в науке и образовании, где требуются длительные и систематические усилия. А нынешнее целеполагание задает стимулы для того, чтобы посредством Очень Больших Денег быстро создать несколько «передовых колхозов», куда легко привезти из-за рубежа профессоров, которые тут же укажут в своих статьях аффилиацию с российским вузом (так же, как богатые футбольные клубы вкладывают средства в приглашение зарубежных «звезд»), но долгосрочный эффект при этом может оказаться сомнителен.

Вы член редакционных коллегий и советов журналов «Полис», «European Political Science», «Journal of Eurasian Studies», возможно, еще каких-либо изданий. Пожалуйста, расскажите об этой стороне своей деятельности.

Присутствие в составе редколлегий – не более чем сигнал, дающий информацию и о самих журналах, и о scholars. Есть журнал *American Political Science Review*, в редколлегию которого входит профессор N. из Гарварда, а есть условный «Вестник Урюпинского пединститута», в редколлегию которого входит Вася Пупкин из этого самого пединститута. Журналы, пригласившие меня в состав редколлегий и редсоветов, далеки от обоих этих полюсов – они не входят в число самых «крутых» в мире политической науки, но и не из самых последних. На уровень *American Political Science Review* я пока еще не наработал.

Но гораздо больше о scholars говорит то, в каких международных журналах публикуются их статьи. В политической науке (как и в других дисциплинах) существует своя иерархия журналов, более или менее разделяемая большинством специалистов. У меня в этом отношении нет особо выдающихся достижений – я неоднократно публиковался в журналах «второго ряда», но убедить рецензентов наиболее престижных международных изданий в необходимости публикации моих статей мне пока не удавалось. Прохождение рецензий – всегда сложное испытание, и неоднократно бывало так, что мои рукописи оказывались отвергнуты одним журналом и направлялись в другой. Однако так или иначе, я всегда доводил все свои статьи до публикации в том или ином формате.

Но публикации в журналах сами по себе – лишь часть истории. Важно не только то, где публикуется статья, но и то, в какой мере она оказывается востребованной коллегами. Конечно, если на ту или иную статью часто ссылаются, то не факт, что эта работа хорошая, но зато если на нее не ссылаются никто, помимо самого автора и его/ее друзей и учеников, то, скорее всего – работа плохая. Опять-таки, мои результаты в этом плане на глобальном фоне не слишком потрясают воображение. По данным Google scholar, по состоянию на 14 мая 2015 года, мои 193 научные, не совсем научные и совсем ненаучные публикации собрали 2692 ссылки (в среднем менее 14 ссылок на один опубликованный текст). Это не так мало, но, конечно же, очень далеко до лидеров в профессии.

Что до российских научных журналов, то они по большей части ближе не столько к своим зарубежным академическим собратьям, сколько к литературным «толстым» журналам. Порой те же нравы: решения о публикации по большей части принимает главный редактор безо всяких peer reviews, научные редакторы часто произвольно правят тексты по своему усмотрению, не считаясь с мнением авторов. И почти те же «тараканы», что и в советских литературных журналах. В 2008 году я отослал в журнал «Полис» свою статью о трансформации российской партийной системы, где российский политический режим характеризовался как «недемократический». Вскоре получил подготовленную к публикации рукопись, где мой текст был исправлен на «режим, далекий от демократии». Я с этой правкой не согласился, и вернул авторский вариант на полагающееся ему место. Вслед за этим получил письмо от редактора, который попросил меня согласиться на вариант «режим, далекий от идеалов демократизма». По словам редактора, журнал и без того долгое время не мог пройти перерегистрацию из-за претензий со стороны чиновников, выразивших недовольство публикуемыми текстами (отказ в перерегистрации, в свою очередь, привел бы к исчезновению журнала) – «и тут мы добавляем им аргументов с «недемократическим режимом»». Хотя закрытия журнала я отнюдь не желал, от предложенного компромисса все же отказался и предложил редакции самой отказаться от публикации моей статьи

(вместо того, чтобы предлагать автору заняться самоцензурой). В итоге, редакция согласилась на публикацию статьи в авторском варианте, но предварила мой текст специальным комментарием: «хочется все же предостеречь авторов, присылающих в редакцию подчеркнута «острые» материалы, против увлечения фрондированием. Мы не стремимся избегать критических материалов на наших страницах, но, подчеркиваем, что они должны быть написаны в рамках сугубо «политософского», концептуального дискурса». Иными словами, мне показали «желтую карточку» (взято отсюда <http://grey-dolphin.livejournal.com/219381.html>).

В последние годы ситуация меняется и в России, появляются новые научные журналы с «настоящим» анонимным рецензированием, да и давно существующие издания (такие, как «Вопросы экономики») также стремятся работать более профессионально. Но в целом состояние научных журналов отражает состояние соответствующих дисциплин, и поэтому быстрых прорывов к высотам глобального лидерства от российских изданий ожидать трудно. Поэтому статьи, которые я публикую в российских изданиях, рассматриваю не более чем как черновики для «настоящих» публикаций по-английски. Да и в целом российские авторы все чаще шлют рукописи своих статей в международные журналы (сужу об этом в качестве рецензента, которому иногда присылают эти рукописи на отзыв). Качество этих текстов иногда хорошее, а иногда более чем разное, но надеюсь, что со временем публикаций российских авторов в этих журналах станет больше.

Не так давно Камерон Росс из университета Данди инициировал выпуск нового журнала, посвященного исследованиям российской политики – Russian Politics (будет выходить в издательстве Brill). Росс стал редактором журнала и предложил мне роль заместителя редактора. Так что в истории моих отношений с научными журналами вскоре начнется новая глава.

Рассматривали ли Вы в своих публикациях тему «Крымнаш», Майдан и далее? Или эта тематика не вписывается в область Вашего внимания?

Конечно, занимаясь изучением современной российской политики, я держу в поле своего внимания текущие события. Происходящее в России и вокруг нее нуждается в осмыслении и публичном обсуждении. Политологи оказываются востребованы СМИ и политизированной общественностью как специалисты, способные высказаться на актуальные темы (так же, как от экономистов ждут комментариев в связи с курсом валют и ценами на нефть, а от социологов – в связи с данными опросов). Публикации по актуальной проблематике не носят научный характер, но они могут принести социо-гуманитариям публичное признание: научные статьи обычно читают максимум сотни (если не десятки) людей, а колонки в популярных СМИ – тысячи, а то и десятки тысяч (порой и больше, если речь идет об эфирах ТВ и радио).

Вопрос в том, как реагировать на этот спрос. Некоторые социо-гуманитарии (особенно обладающие яркой харизмой) становятся популярными медийными персонажами, готовыми с легкостью в мыслях необыкновенной раздавать комментарии на любые темы и зачастую выступающие не столько как специалисты и профессионалы, сколько как сторонники (или противники) тех или иных общественно-политических взглядов. Однако стремление scholars к публичному признанию может быстро превратиться в самоцель, и не способствовать, а, скорее, препятствовать академическим достижениям. Дело не только в том, что

тщеславие задает неверные стимулы для scholars, которые порой стремятся не к научным достижениям, а к обретению и/или поддержанию статуса пророков и гуру (возможно, что я ошибаюсь, но все дискуссии о «публичной социологии», по-моему, вертятся вокруг претензий социо-гуманитариев на статус пророков и гуру). Проблема еще и в том, что тот спрос на актуальное знание, который диктуют социо-гуманитариям СМИ и общественность, связан, прежде всего, с разного рода прогнозами, часто той или иной степени катастрофичности. Но социальные науки довольно неэффективны по части прогнозирования, и ученые – политологи, социологи, экономисты – в этом плане не намного успешнее, чем дилетанты или люди «с улицы». Я уж не говорю о ситуациях, когда даже фактически верные прогнозы базируются на содержательно неверных основаниях. Элен Каррер д'Анкосс в 1978 году опубликовала книгу, в которой предсказала, что к 1990 году СССР распадется. Когда Советский Союз и впрямь распался годом позже, она стала публичной знаменитостью, затем была избрана во Французскую Академию и позднее стала ее секретарем. Но прогноз Каррер д'Анкосс исходил из того, что в силу демографических изменений в советских республиках Центральной Азии произойдет исламский «бунт» и взрыв сепаратизма. СССР распался по совсем иным причинам, так что научная познавательная ценность этого прогноза более чем сомнительна: Каррер д'Анкосс «попала пальцем в небо».

Актуальные комментарии (про тот же «Крымнаш») по большей части имеют к науке довольно косвенное отношение. Но это не значит, что спрос на знание социо-гуманитариев со стороны СМИ и общественности стоит игнорировать, удалившись от текущих событий в «башню из слоновой кости» (эта позиция возможная, но далеко не единственная). Гораздо большего политологи (как и социологи, и экономисты) могут добиться, используя этот спрос в целях просвещения. Я имею в виду и аналитические колонки в «качественных» СМИ (то, что в США называется op-ed), и публичные лекции (в том числе и в онлайн-форме), и научно-популярные статьи и книги. Этот формат позволяет в доступной форме рассказать о достижениях науки, да и заодно представить собственную научную работу. Я убежден в том, что если у того или иного специалиста в сфере социальных наук есть значимые научные результаты, то он(а) в состоянии рассказать о них не-специалистам в интересной форме и на понятном им языке (а если не в состоянии, то возникает вопрос о том, так ли значимы эти результаты). В качестве очень успешного примера такого рода просветительской деятельности я могу привести цикл колонок Extra Jus в «Ведомостях», которые публикуют еженедельно мои коллеги из Института проблем правоприменения ЕУСПб во главе с Вадимом Волковым. Кстати, и Вашу книгу «Явление Барака Обамы» я также считаю очень полезным вкладом в дело просвещения российской публики, которая мало что знает об американской политической жизни.

У меня в этом отношении достижений не так много: хотя время от времени я пишу отдельные заметки для СМИ и выступаю публично в аудиториях за пределами ЕУСПб, но на то, чтобы вести регулярные колонки, меня никогда не хватало. Сочинять тексты ad hoc легче, чем взять на себя обязательство писать по 5-6 тысяч знаков еженедельно. Но осенью 2011 года я получил предложение от издательства БХВ-Петербург написать ориентированную на массового читателя книгу о предстоявших на тот момент парламентских выборах. Подумав,

я решил, что объяснение даже одного эпизода российской политической жизни (позднее спровоцировавшего волну протестов) требует более детального анализа причин и механизмов, вызвавших политические тенденции в стране. В результате через полтора года на свет появилась книга «Из огня да в полымя: российская политика после СССР» (5) (она доступна в Сети <http://www.litmir.info/br/?b=213740>) – пока что единственная из выпущенных мною книг, окупившая расходы по своему изданию. Позднее на ее основе я опубликовал цикл статей «Развилки России» на сайте slon.ru (о «критических моментах» недавней истории нашей страны). Эта книга также легла в основу и новой англоязычной книги *Authoritarian Russia; Analyzing Post-Soviet Regime Changes* (6), хотя она рассчитана на академическую аудиторию. Если бы я не написал научно-популярную книгу для русскоязычной аудитории, то, возможно, и научная книга в США не появилась бы на свет.

В статье о Вас в русскоязычном Wiki сказано, что Вы – единственный в Финляндии российский Finland Distinguished Professor (заслуженный профессор Финляндии). Что послужило основанием для присвоения Вам этого почетного звания и какие обязательства оно на Вас накладывает?

Finland Distinguished Professor (FiDiPro) – это не столько почетное звание (типа «заслуженного артиста»), а должность. То есть, работа, направленная на развитие науки в Финляндии. Академия наук Финляндии раз в два года проводит конкурс между различными научными учреждениями, приглашающими на срок на работу до пяти лет специалистов из других стран (по всем научным дисциплинам). Такая практика существует и в ряде других стран, ее аналогом в России выступает программа мегагрантов. Меня пригласил на работу в Финляндию Алексантери-институт университета Хельсинки (это финский центр российских и восточноевропейских исследований). Заявки на конкурс FiDiPro проходят серьезный двухступенчатый отбор и международную экспертизу, но нам с финскими коллегами со второй попытки удалось победить. Летом 2012 года я стал российско-финским профессором и теперь примерно поровну делю свое рабочее время между Санкт-Петербургом и Хельсинки, вместе со мной работают двое пост-доков.

Алексантери-институт был основан в 1996 году, и сейчас насчитывает свыше полусотни сотрудников, его возглавляет социолог Маркку Кивинен. Институт реализует крупный проект, посвященный междисциплинарному анализу проблем российской модернизации, я возглавляю одну из его рабочих групп, которая концентрируется на изучении политики и государственного управления в стране. Программа нашей работы насыщенная: исследования, конференции, публикации, учебные программы... Перспективные планы включают создание в Финляндии Helsinki HUB – европейского кластера академических и прикладных знаний о российской политике, экономике и обществе, которые ориентированы и на научное сообщество, и на спрос со стороны финских и европейских политиков, бизнеса, и общества. Российские исследования были и будут для Финляндии одним из наиболее важных приоритетов, и моя работа по изучению российской внутренней политики как раз вписывается в эти приоритеты.

Сотрудничество между social scientists Финляндии и Ленинграда-Петербурга насчитывает долгие годы. Еще в советские времена проходили совместные семинары ленинградских и финских социологов, в 1995-1996 годах в создании факультета политических наук и социологии ЕУСПб активное участие приняли Ристо Алапуру и Юкка Гронов из университета Хельсинки, а их коллеги Маркку Лонкила и Анна Роткирх и сегодня являются членами международного консультативного совета факультета и работают вместе с питерскими социологами. В этом смысле моя работа на два города и две страны выглядит как новый этап давнего сотрудничества. Финляндия – замечательное место для работы и для жизни, да и от Питера до Хельсинки ближе, чем от Питера до Москвы.

Замечу, пионером сотрудничества ленинградских (еще) и финских социологов является Б.М. Фирсов. Все началось с его дружеских отношений с Каарле Норденстренгом, профессором массовой коммуникации из Университета в городе Тампере, и позже – с руководителем финского Гэллапа Лейлой Лотти. Было сделано – по тем временам – очень немало и закончилось, серьезным выговором ему со стороны Обкома КПСС и изгнанием из ИСЭП АН СССР.

Что Вам удалось сделать почти за три года в качестве FiDiPro?

Выпустил в США две монографии (одна из них – в соавторстве) и более десяти статей по-русски и по-английски (6, 15-20), под моей редакцией был опубликован специальный выпуск журнала Demokratizatsiya (его издает George Washington University) (18), возглавлял оргкомитет большой (300+ участников) конференции, которую мы провели в прошлом году в Хельсинки (Каарле Норденстренг был в числе ее участников). Сейчас вместе с группой финских и российских коллег мы готовим коллективную монографию, она будет посвящена анализу вызовов и противоречий авторитарной модернизации в постсоветской России.

А содержательно, помимо анализа динамики российского политического режима, его акторов и институтов, мое внимание все больше смещается к анализу механизмов государственного управления в России и проведения реформ в разных сферах социально-экономического курса. В соавторстве с Андреем Стародубцевым мы опубликовали статью о том, почему одни реформы начала 2000-х годов в России дали позитивные эффекты (например, налоговая реформа), а другие (скажем, административная реформа) – обернулись полной неудачей (19). Другая статья посвящена неопатримониальному управлению в современной России – в отличие от других работ по теме, оно рассматривается не как продукт «наследия прошлого», а как стратегия правящих групп по максимизации своей политической и экономической власти (20). Этот механизм управления в России (как и в ряде стран Третьего мира) ставит почти что непреодолимый барьер на пути реформ, призванных обеспечить развитие страны, и зачастую некоторые преобразования даже ведут к переменам «от плохого к худшему».

Володя, в доперестроечные годы некоторыми стимулами для написания и защиты докторской диссертации было незначительное повышение оклада исследователя и возможное профессорство для преподавателей, к тому же докторам разрешалась (не автоматически) совместительство. Теперь кандидатская, принимаемая на Западе как Ph.D, уже позволяет занять

позицию профессора в российских и зарубежных университетах, а возможности совместительства для каждого, особенно в Москве и ряде крупных городов, практически не ограничены. Предполагаете ли Вы защитить докторскую диссертацию?

По сути, в Вашем вопросе содержится и ответ. У меня нет стимулов к тому, чтобы защищать докторскую диссертацию – много других дел и планов, гораздо более важных.

Мы оба: я – при формулировке первых вопросов, Вы – при ответах на некоторые вопросы использовали информацию Вашего блога <http://grey-dolphin.livejournal.com/>. Как возникло это название, и зачем Вы ведете блог? Ведь это – время, силы...

Название идет от моей давней симпатии к дельфинам. Дома собрана большая коллекция игрушечных дельфинов: свыше двух сотен обаятельных существ, которые «приплыли» ко мне из разных городов и стран, радуют глаз и поднимают настроение.

Блог (он ведется на платформе ЖЖ, но совмещен с Facebook) выполняет много функций: это и «записная книжка» с заметками о текущих событиях, и способ сформулировать в постах и «обкатать» идеи для дальнейшей работы, и механизм выражения мнения по важным для меня вопросам, и инструмент саморекламы... На страничку блога ежедневно заходит около 200 посетителей, число подписчиков и friends в Facebook еще больше. У моих научных книг и статей аудитория более скромная. Да и параллели между паттернами цитирования и количеством «лайков» и перепостов при желании нетрудно найти. Блог я веду девять лет, в среднем публикую один пост в день, так что времени и сил отнимает не так уж много. Иной раз при знакомстве приходится слышать не столько «я читал(а) Ваши статьи», сколько «я читал(а) Ваш блог». Блоги становятся все более распространенной формой коммуникации в мире в целом и в академическом мире в частности: скажем, регулярный раздел Monkey Cage в Washington Post вырос из коллективного блога американских политологов (мне там тоже довелось публиковать свои комментарии).

Да, блоги могут восприниматься как текущая мода, но подчас то, что кажется новым веянием, не более чем хорошо забытое старое. Достоевский был вполне себе top-blogger: «Дневник писателя» – это набор регулярных постов, пользовавшихся успехом у читателей, которые присылали автору свои комменты, а тот давал на них ответы в своих новых постах. Достоевский как автор блога, говоря сегодняшним языком, – «ватник», думаю, он выступал бы с позиций «крымнаш» etc.

Володя, итожить сделанное – рано, заглядывать в будущее – знаю, что почти бесполезно. Но помечтать о ближайших годах – необходимо. Что бы Вам хотелось сделать в ближайшие несколько лет, есть ли к чему стремиться?

Ближайшие планы связаны с анализом механизмов государственного управления и реформ политического курса в России и других постсоветских странах. Почему эти страны управляются хуже, чем можно было ожидать, исходя из уровня их социально-экономического развития, и почему реформы в различных сферах часто ведут к непреднамеренным, а то и нежелательным для их

инициаторов последствиям? В то время как многие авторы обращают внимание на «наследие прошлого» (советского, а то и досоветского периодов истории), я хочу проанализировать влияние на эти процессы со стороны групп интересов, в том числе и в самом государственном аппарате.

А что до перспективных планов, то они отчасти зависят и от того, как будут развиваться политические процессы в России и постсоветской Евразии. То, что свою последнюю книгу (6) я назвал *Authoritarian Russia*, вовсе не означает, что Россия «обречена» на авторитаризм. Это название – реплика заголовка сборника статей *Authoritarian Brazil*, опубликованного под редакцией Альфреда Степана в 1973 году. Тогда на его страницах ведущие латиноамериканисты (Кардозу, Линц, Шмиттер) обсуждали перспективы авторитарного режима в Бразилии. Годом позже в этой стране начались длившиеся более десяти лет процесс либерализации и демократизации, а в 1989 году частично обновленный коллектив авторов выпустил сборник под названием *Democratizing Brazil*. Я очень надеюсь, что настанет день, когда и я опубликую книгу *Democratizing Russia*. Кстати, моя новая книга заканчивается словами: «Россия непременно станет свободной страной. Вопрос состоит в том, когда именно и как именно это произойдет, и какую цену придется заплатить за путь России к свободе»...

Приложение

20 наиболее значимых научных публикаций В.Я.Гельмана

Книги

1. Elections in Russia, 1993-1996: Analyses, Documents, and Data (Berlin: edition Sigma, 1999); co-editor G.Golosoov.
2. Making and Breaking Democratic Transitions: The Comparative Politics of Russia's Regions (Rowman and Littlefield, 2003); co-authors S.Ryzhenkov, M.Brie.
3. The 1999-2000 National Elections in Russia: Analyses, Documents, and Data (Berlin: edition Sigma, 2005); co-editors G.Golosoov, E.Meleshkina.
4. The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia (Ashgate, 2010); co-editor C.Ross.
5. Из огня да в полымя: российская политика после СССР (БХВ-Петербург, 2013).
6. Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes (University of Pittsburgh Press, 2015).

Статьи

7. Regime Transition, Uncertainty, and Prospects for Democratization: The Politics of Russia's Regions in a Comparative Perspective, Europe-Asia Studies, 1999, vol.51, N6
8. The Unrule of Law in the Making: The Politics of Informal Institution-Building in Russia, Europe-Asia Studies, 2004, vol.56, N7.
9. Political Opposition in Russia: A Dying Species? Post-Soviet Affairs, 2005, vol.21, N3.
10. Out of the Frying Pan into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective. International Political Science Review, 2008, vol.29, N2.
11. Authoritarian versus Democratic Diffusions: Explaining Institutional Choices in Russia's Local Government, Post-Soviet Affairs, 2008, vol.24, N1 (co-author T.Lankina).
12. Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy, Europe-Asia Studies, 2008, vol.60, N6, P.913–930.
13. Regime Changes Despite Legitimacy Crises: Exit, Voice, and Loyalty in Post-Communist Russia, Journal of Eurasian Studies, 2010, vol.1, N1.
14. Local Regimes, Sub-National Governance, and the 'Power Vertical' in Contemporary Russia, Europe-Asia Studies, 2011, vol.63, N3 (co-author S.Ryzhenkov).
15. Subversive Institutions, Informal Governance, and Contemporary Russian Politics, Communist and Post-Communist Studies, 2012, vol.45, N3–4.

16. Cracks in the Wall: Challenges to Electoral Authoritarianism in Russia, Problems of Post-Communism, 2013, vol.60, N2.

17. «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ, Неприкосновенный запас, 2013, N4 (в соавторстве с Д.Травиным).

18. The Rise and Decline of Electoral Authoritarianism in Russia, Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization, 2014, vol.22, N4.

19. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов, Полития, 2014, N4 (в соавторстве с А.Стародубцевым).

20. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма, СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015 (Центр исследований модернизации, препринт М–41/15).

Интервью с Петром Карловичем ЗАЛЕСКИМ

«АВГУСТ 91-ГО ПОМОГ МНЕ СМЕНИТЬ КАРЬЕРУ ВОЕННОГО НА ПРОФЕССИЮ СОЦИОЛОГА»

Залесский П. К. — окончил Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище (1981 г.) и Гуманитарную академию ВС РФ по специальности «социология» (1993 г.). Кандидат социологических наук (2002 г.), старший консультант по исследованиям компании «GfK-Русь». Основные области исследования: B2B-исследования, поведение потребителей, социальная стратификация и стиль жизни. Интервью состоялось: июль – август 2014 г. .

Биография Петра Карловича Залесского, социолога пятого поколения (1959-1970 гг. рождения), уникальна по крайней мере в силу двух обстоятельств. Он — единственный среди моих более семидесяти собеседников принадлежит к военной династии, причем корни ее расположены на рубеже XVI — XVII вв.. Он и сам продолжил эту семейную традицию. Закончил Казанское Суворовское училище и Новосибирское военно-политическое училище, проходил офицерскую службу в армии и в сентябре 1990 года стал слушателем Военно-политической академии имени В.И.Ленина. Однако в августе 1991 года, после подавления ГКЧП это учебное заведение было преобразовано в Гуманитарную академию, и Залесский, закончив ее, получил диплом с отличием по специальности — социолог. Таким образом, он — один из совсем небольшого числа представителей пятого поколения, имеющих социологическое образование.

Начало профессиональной траектории Залесского достаточно характерно для его старших коллег: ответственная работа в комсомоле, приобретение богатого опыта наблюдений и анализа реальных общественных отношений и переход в социологию. Но в дальнейшем его биография наполняется принципиально новыми элементами. Освоение в «старом» ВЦИОМе всех операций по сбору и предварительному анализу первичной информации, организация сложнейшего московского «поля». Затем — снова учеба, освоение, в том числе и в Дании, методов исследования рынка. В настоящее время Петр Залесский — один из ведущих российских аналитиков, работающих в этой области прикладной социологии.

Залесский П. К.: «Август 91-го помог мне сменить карьеру военного на профессию социолога.»

Петр, спасибо за согласие рассказать о себе. В своем ответе Вы написали «Я скорее «прораб» от социологии. А биография бывшего политработника (я уволился из армии в 93-м) разительно отличается от жизненного пути мэтров социологии». Во-первых, жизненные пути «метров» были разными, во-вторых, уже эти два предложения очерчивают широкое поле возможных вопросов. Получается, что увольнение из армии разделило Вашу жизнь на «армейский» период и после. Но было «до». Оно включает то, что я называю «предбиографией», и собственно начало биографии. Обратимся к предбиографии.

Как глубоко Вы знаете прошлое Вашей семьи? Были ли в ней военные? Ведь военные — это одна из социальных групп, где нередко сыновья продолжают дело отцов, дедов.

Действительно, в моей семье были военные, но были также и врачи, юристы, филологи. Конечно, меня всегда интересовало прошлое нашей семьи. Этот интерес передался мне от отца — тоже военного, который в один из своих приездов в родительский дом в Москве, записал краткую историю наших предков со слов Петра Андреевича Залесского — моего деда. Я много раз перечитывал эти записки, отпечатанные отцом на старой печатной машинке.

По воспоминаниям выходило, что наш род по мужской линии ведёт своё начало с Ивана Семёновича Залесского — разорившегося крестьянина села Крапивны Тульской губернии. Он жил во второй половине XIX века и умер в 1909 году в деревне Борисово под Тулой. Иван Семёнович был мой пра-прадед, т. е. предок в 4-м колене. Лишь недавно, после многомесячных «раскопок» в тульском архиве, моей старшей сестре Наталье удалось в одной из Ревизских сказок найти запись за 1706 год и выяснить имя нашего самого дальнего предка — «Сергея Илларионова Залеского — рейтарского сына». Как известно, рейтары — это тяжёлая кавалерия, вооружённая мушкетами и палашами. В XVI — XVII веках рейтарские полки, так называемого «иноземного строя» появились в России. Вполне возможно, что Илларион Залеской служил рейтаром в одном из «шквadroнов» Тульского украинного разряда, расквартированного в Крапивне во времена регентства царевны Софьи и в начале царствования Петра Первого. Потомков служилых людей называли однодворцами, так как за службу правительство выделяло земельные участки в несколько десятков гектаров и одну семью (двор) крепостных крестьян для его обработки. Мои крапивненские предки по фамилии Залесковы и были записаны однодворцами. Так что можно считать, что военная служба — это наша семейная традиция.

По записям в Ревизских сказках и в церковно-приходских книгах можно проследить всю цепочку мужских родовых имён. Где-то со второй половины XIX века Залесковы стали именоваться в приходских книгах Залесскими.

В ходе «археологических раскопок» в нашей родословной, подтвердилось давнишнее подозрение, что Пётр Андреевич «слегка» слукавил насчёт крестьянского происхождения своего отца Андрея Ивановича — моего прадеда. На самом деле он был из купеческого сословия, занимался лесозаготовками и имел в соб-

ственности немалые земельные и лесные угодья под Тулой. Деда можно понять: после революции и в годы гражданской войны упоминать о своём непролетарском, «мироедском» происхождении было небезопасно.

Пётр Андреевич с началом Первой мировой войны в 16 лет переехал из деревни Борисово в Тулу к дяде и устроился на Тульский оружейный завод. Вскоро за грамотное письмо и хороший почерк его перевели из разнорабочих в конторщики, а затем в учётчики. После Гражданской войны Пётр Андреевич вступил в партию и пошёл по профсоюзной линии. Работал в Нижнем Новгороде, потом на Украине — в Бахмуте (ныне — Артёмовск) и в Николаеве. Когда в 1937 году он учился в Плехановской академии на экономиста, его неожиданно вызвали в ЦК и сделали предложение, от которого было невозможно отказаться: направили на работу в Смоленский облплан. Выпускные экзамены он так и не сдал и диплом экономиста так и не получил. Вообще, история жизни Петра Андреевича Залесского, особенно военный период, когда он был в партизанском отряде на оккупированной Смоленщине, заслуживает отдельного описания. В семье хранятся боевые награды деда — медаль «За отвагу», орден Красной Звезды и медаль «Партизану Великой Отечественной войны». После войны Пётр Андреевич до пенсии по инвалидности работал в ЦСУ Госплана СССР.

Но сам я Петра Андреевича помню плохо. Видел его только несколько раз, в раннем детстве, когда мне было лет пять-шесть. Мне он запомнился сидящим в пижаме за покрытым скатертью круглым столом, с газетой в руках, и почему-то недовольно глядящим на меня сквозь линзы очков в роговой оправе. Дед долго и тяжело болел после перенесённых инфарктов и умер в 1968 году. Каждый год весной мы бываем на Донском кладбище, где покоится прах Петра Андреевича, его жены — Татьяны Николаевны — моей бабушки, дяди — Сергея Петровича и других моих родственников. Если деда Петра Андреевича я почти не помню, то с бабушкой Таней я был близок, почти каждый год мы приезжали к ней в гости на каникулы. Бабушка до революции училась в гимназии в Екатеринославе, знала немецкий и французский языки, закончила медицинский институт. За долгие годы в семье была собрана обширная домашняя библиотека. В маленькой хрущёвке на Багратионовской все стены комнаты были заняты книжными полками. В шкафах и на полках — тома русской и зарубежной классики, фантастика, приключения, энциклопедии и словари. Каждый наш приезд превращался в запойное чтение книг. Вечерами с бабушкой Таней вместе читали «Жизнь животных» Брема. Особенно увлекательно было рассматривать гравюры разных животных с пометками: 1/8 или 1/12 от натуральной величины. Мы пальцами замеряли картинку и на полу откладывали соответствующие пропорции. В полутёмной комнате моё детское воображение придавало нарисованным животным реальные очертания, и они словно оживали, прячась по углам. Тогда я точно хотел стать не военным, а биологом, или на крайний случай, путешественником...

Еще один военный в нашем роду — мой прадед со стороны бабушки — Николай Трофимович Лазарев. Он был старшим полковым врачом 134-го пехотного Феодосийского полка, расквартированного в начале XX века в Екатеринославе (ныне — Днепропетровск). По рассказу моей бабушки — Татьяны Николаевны, дочери Николая Трофимовича Лазарева, в 1938 году семью

чуть не репрессировали по доносу, что якобы в квартире совработника Залесского П.А. на стене «висит портрет царского генерала». Это была фотография моего прадеда – полкового врача.

От беды семью спасли сохраненные вырезки из газеты «Приднепровский Край» от апреля 1912 года с некрологом и письмами в редакцию от бывших пациентов Николая Трофимовича. Прочитую несколько строк из некролога:

«Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ врачей, друзей страждущаго человѣчества, которые всю свою жизнь посвятили на пользу больныхъ бѣдняковъ и дѣтей. Кто изъ бѣдняковъ и дѣтей не зналъ Николая Трофимовича, кто изъ знакомыхъ не видѣлъ его съ утра и в теченіе цѣлаго дня въ форменномъ пальто, мундирѣ и фуражкѣ, сидящимъ въ экипажѣ и объѣзжающимъ на своей вороной лошади паціентовъ, живущихъ по глухимъ улицамъ г.Екатеринослава?...»

Военным стал и мой отец – Карл Петрович Залесский. В 1941 году, когда ему было 16 лет, он остался за старшего мужчину в семье, которая была эвакуирована из разбомбленного Смоленска сначала в посёлок Инжавино в Тамбовской области, а затем в Пензу. Сохранилось письмо моей прабабки Софьи Иосифовны Лазаревой к Петру Андреевичу, датированное январём 1942 года. Вот отрывок из него, от чтения которого комок встаёт в горле: «Здравствуй, милый Петя! Пишу тебе кошмарные вести. Бедные наши ребятки Вовочка и Коля погибли. Коля еще не схоронен, а Вовочка умер 19, а 20 января его схоронил Карлуша. Таня заболела и лежит в больнице, боюсь за неё страшно. Не буду описывать всех ужасов нашего путешествия, но дети погибли исключительно из-за этого. Могло случиться и другое: на сортировочной Ртищево наш вагон-теплушку отцепили и он стоял более суток в открытом месте при 35 градусах мороза и если бы не Карл и еще какой-то случайный рабочий, то мы замёрзли бы, так что бы ты и не узнал, где и что с нами. А когда пришли к диспетчеру, то он сказал, что об этом вагоне он не знал ничего. Теперь мы в Пензе – это город слёз, несчастий и бесконечных смертей. Что нам делать, не представляю себе, но вижу, что надвигается большая катастрофа...». Вот такую зарубку оставила война в судьбе нашей семьи.

В Пензе отец окончил школу и в 1943 году был призван в армию. Сначала его зачислили в миномётное училище, а затем перевели в Бакинское артиллерийское училище. Весной 1945 года отец закончил училище и в звании младшего лейтенанта был направлен на Дальний Восток в действующую армию командиром зенитной батареи. Так началась его военная служба, которой он отдал 35 лет своей жизни. Несмотря на то, что отец был награжден медалями «За победу над Японией» и «За боевые заслуги», настоящим фронтовиком он себя не считал и стеснялся носить «юбилейный» орден «Отечественной войны 2-й степени». После войны несколько лет он служил на командных должностях в артиллерии, а в середине 50-х годов поступил в Военно-педагогический институт им. М.Калинина и стал офицером – политработником. Служил замполитом полка, а потом перешёл на преподавательскую работу. Большая часть службы прошла у отца в Сибирском военном округе: в Тюмени и в Омске, где я родился в июле 1960 года. С детства помню полигон в посёлке Светлом, куда летом его воинская часть уезжала на боевые стрельбы. Конечно, на меня производили огромное впечатление пылящие по дорогам танки и тягачи с артиллерийскими орудиями, и я представлял себя отважным солдатом. Жили мы в военном городке, и мальчишечьи игры «в войнушку» были нескончаемыми. А еще мы играли в «ушки».

Знаете, что такое? Это пуговицы с солдатских или офицерских шинелей. Их надо было аккуратно расплющить и ставить на кон, чтобы по очереди выбивать свинцовой битой. Однажды я проиграл все свои «ушки» и чтобы отыграться срезал несколько штук с отцовской парадной шинели. Конечно, я отыгрался, но совершенно забыл пришить на место новые. Когда через какое-то время у отца случился строевой смотр, было очень весело...

Часто отец меня брал с собой на кафедру в Омское военное училище, где преподавал философию будущим командирам взводов. Помню чугунные литые ступеньки в главном корпусе, небольшой кабинет с картой мира на стене и несколькими канцелярскими столами, обтянутыми зелёным сукном. Отец давал мне несколько листов бумаги, пачку цветных командирских карандашей и офицерскую линейку, а сам в аудиторию — читать лекцию курсантам про базис и надстройку. Когда мне исполнилось 10 лет, отца перевели из Омска сначала в Саратов, а потом в Куйбышев. В доме всегда было полно газет, журналов вроде «Нового времени» и «Аргументов и фактов». В будние дни отец возвращался со службы поздно, а по выходным постоянно печатал на пишущей машинке какие-то доклады об отношениях с Китаем, статьи про «новую историческую общность» и парадные выступления для высокого начальства. Наверное, сегодня эту должность назвали бы спичрайтером. Мне тогда казалось, что все политработники, как Валентин Зорин из «Международной панорамы», исключительно заняты анализом внешней политики и международного положения. В 1978 году отец уволился в запас в звании полковника. К тому времени я уже закончил Казанское Суворовское училище и поступил в Новосибирское военно-политическое училище. Естественно, мой выбор профессии военного был сделан под влиянием примера отца. Мама была против того, чтобы я стал военным. Но когда в 75-м году отца должны были направить в длительную командировку в какую-то страну «с жарким и сухим климатом», встал вопрос, куда пристроить меня. Мои старшие сёстры к тому времени были вполне самостоятельными девицами, учились в институтах. А передо мной возникли два варианта: или ехать в Москву к бабушке, или попытаться поступить в Суворовское училище. Конечно, я выбрал второе. В школе я учился хорошо, с похвальными грамотами, поэтому моя попытка оказалась успешной. А вот с заграничной командировкой отца что-то не срослось. После увольнения в запас отец несколько лет преподавал философию в Куйбышевском институте культуры. Помню, что среди его студентов были солисты популярной в те времена группы «Синяя птица».

О маминых родителях я знаю не так много. Мама — Галина Александровна, родилась в Харькове. С папой познакомилась в Пензе в эвакуации. Они учились в одном классе. Мама получила юридическое образование, как говорится, пошла по стопам своего отца, который был известным на Украине криминалистом-почерковедом. По специальности маме работать не пришлось, о чем она очень жалела. Но судьба офицерской жены такова, что приходилось часто переезжать и устраиваться на ту работу, которая была доступна в гарнизоне. Мой прадед по материнской линии — Аким Иванович — тоже военный. В молодые годы он служил в пограничной страже на польской границе. Сохранилась фотография начала прошлого века, где на коне восседает казацкого вида военный, с шаш-

кой, окладистой бородой и залихватски заломленной фуражкой. К сожалению, Александра Акимовича Елисеева – моего деда по материнской линии я тоже видел только на фотографиях.

Конечно, на мой выбор профессии повлиял пример отца. С военной службой понятно. Но может быть и моя деятельность в социологии тоже как-то связана с тем, что дед работал с цифрами, таблицами и расчетами в Центральном статуправлении Госплана. Что-то и в этом факте наших биографий есть общее!

Да, дух захватывает, такая долгая военная служба семьи. Недавно Александр Филиппов в интервью рассказал, что его отец был назван Фридрихом в честь Энгельса, не иначе, что Ваш отец – в честь Маркса. Знак времени. Похоже, что вся Ваша деятельность расположена в пространстве, которое начало осваивать Ваша семья: армия, философия, статистика... Ведь не случайно после Суворовского училища Вы решили поступать в военно-политическое (не общевойсковое, летное...) училище? Где и долго ли продолжалась Ваша военная служба?

В целом, если считать вместе с суворовским училищем, то в армии я прослужил 18 лет, до 1993 года.

После суворовского училища у меня было право выбора для поступления в высшее военное училище без экзаменов. В суворовском училище был культ спорта и учёбы. Естественно, были занятия по военным дисциплинам, изучали воинские уставы, основные характеристики вооружения и техники, несли службу дневальными. Старшина роты был у нас, как принято, строгий. Кстати, именно от него я впервые услышал крылатую фразу: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!» Ну, а солдатские шуточки типа «сапоги надо начистить с вечера, чтобы утром их надеть на свежую голову» так и сыпались из него. Только записывай!

Ближе к выпуску стали задумываться, куда поступать дальше, какую офицерскую дорогу выбрать. Для многих ориентиром служило поступление в какое-либо из инженерных училищ. Не могу сказать, что алгебра и физика давались мне труднее, чем гуманитарные дисциплины. Просто интерес к истории, литературе, психологии, этике, логике, педагогике был выражен сильнее. Да и преподаватели гуманитарных предметов в Казанском училище были яркие, увлеченные предметом личности, обладающие энциклопедическими знаниями. Кроме того, мне нравилась общественная работа: организация конкурсов, вечеров, КВНы, стенгазеты и т.п. В общем, выбор был predetermined. Но среди множества военно-политических училищ (например, Киевское военно-морское, или Курганское летное, или Донецкое связи) я предпочел продолжить учёбу в Новосибирском высшем военно-политическом общевойсковом училище.

Училище было расположено в новосибирском Академгородке. Нет нужды рассказывать, что «Академ» – это известнейший центр науки в Сибири. По легенде, сам академик М. А. Лаврентьев настоял, чтобы в 1967 году в Академгородке открыли политучилище как кузницу военной интеллигенции. В Академгородке, действительно был особый дух, дух фундаментальной науки. Одни названия НИИ чего стоят: Институт ядерной физики, Институт гидродинамики, Институт археологии и этнографии, Институт цитологии и генетики. Новосибирский Госуниверситет, в конце концов! В НГУ мы ходили и на открытые лекции, и знакомиться со студентками, и «сражались» в КВНах. Само Новосибирское политучилище было уникальным военным вузом. С одной сто-

роны, из курсантов там готовили боевых заместителей командиров мотострелковых рот (многие выпускники впоследствии прошли через Афган), с другой стороны — в учебных программах была очень мощная гуманитарная составляющая: педагогика, психология, право, история, обществоведение, политэкономия, литература и изобразительное искусство. Увлекательными и полезными были практические занятия по фотографированию, выпуску многотиражной газеты, по работе киномехаником. Ну и конечно, спорт: кроссы по 2–3 раза в неделю на 3–5 километром, летом — в сапогах, зимой — на лыжах, полоса препятствий и гимнастика. Курсанты между собой в шутку говорили, что учатся в «спортивном училище с политическим уклоном». Многие из того, что я получил в годы учёбы в Новосибирске, мне потом пригодилось не только в военной службе, но и в гражданской жизни. Академгородок до сих пор считаю одной из своих «малых родин». С теплотой вспоминаю Морской проспект, платформу Сеятель, ДК «Академия», Обское море и речку Ельцовка...

После окончания военно-политического училища в 1981 году в лейтенантском звании я был направлен в Приволжский военный округ. Началась офицерская служба в мотострелковом учебном полку под Самарой. Каждые полгода прибывали новобранцы, из которых за 5 месяцев требовалось подготовить сержантов — командиров отделений. Две недели в месяц — стрельбы и вождение БМП (боевая машина пехоты) на полигоне в Черноречье, две недели — занятия в казармах на «зимних квартирах». Могу сказать, что первые мои опыты «социологических опросов» пришлись именно на это время. Представьте себе, пришло новое пополнение — больше сотни молодых ребят из разных регионов страны, городские и сельские, пэтэушники и студенты, слабо владеющие русским языком и уверенно употребляющие всё разнообразие «великого и могучего»... Всех их надо распределить по взводам и отделениям, про всех нужно узнать: кто откуда, как звать, и что знает и умеет. Тут на помощь приходит самодельная анкета, где кроме стандартного «соц-дем блока» есть и вопросы про увлечения, хобби, занятия спортом, и вопросы, как сейчас бы сказали, «о медиапредпочтениях». Всё это позволяло мне быстро сориентироваться, какой контингент наполнил роту, и даже, в определенном смысле, предсказать, кто из молодых солдат станет через пару месяцев «отличником боевой и политической», а кто будет куролесить и потребует больше внимания со стороны отцов-командиров. Я не могу подтвердить миф о тотальном запрете опросов в армии в те «застойные времена». По моим впечатлениям, начальство смотрело на эти эксперименты сквозь пальцы, скорее подходило к вопросу прагматично: если помогает дисциплине и порядку, то и ладно... Четыре года я прослужил замполитом роты. Учил солдат, но и сам многому научился в «учебке»: как организовывать большую массу людей; как работать в условиях многозадачности и цейтнота; как разумно планировать и организовывать процессы... Безусловно, эти навыки впоследствии мне очень помогли в проектной исследовательской работе.

Как-то летом 85-го года меня вызвали в кадры и предложили отправиться в Казань в инженерное ракетно-артиллерийское училище на комсомольскую работу. В определенном смысле, это было повышение по службе. Но комсомол меня совсем не привлекал. Я попытался что-то возразить: мол, вижу себя только в войсках, с людьми. Что без БМП (боевой машины пехоты) спать не могу и т. п., но полковник зашипел на меня: «Товарищ старший лейтенант, вас заметили

и выдвигают на капитанскую должность, а вы тут гимназистку из себя корчите!» Вспомнив крылатые слова из «Капитанской дочки»: на службу не навязывайся, от службы не отказывайся, — я пошёл собирать чемодан в Казань. В это время моя рота была на очередных стрельбах на чернореченском полигоне. Поехал туда сдавать дела и прощаться с сослуживцами. Когда я сказал, что меня переводят «на комсомол», капитан — командир роты из соседнего полка, с которым мы многожды были руководителями стрельб на смежных директрисах стрельбища, с удивлением воскликнул: «Так ты что, замполит, оказывается? А я всегда думал, что ты — ротный!». В тот момент эти слова были для меня самой главной наградой, неформальным признанием моей офицерской квалификации.

В Казани, в политотделе училища, я прослужил два года. Это было увлекательное время начала Перестройки. Появилась возможность проявлять больше инициативы, развернулась кампания за гласность, и многие организационные вопросы стали гораздо быстрее и легче решаться. Вместе с секретарями комитетов комсомола курсантских факультетов училища мы организовывали вечера, дискотеки и концерты в училищном клубе, создали для подростков «Школу юного ракетчика» при училище, экспериментировали с курсантской кабельной радиостанцией, провели первые альтернативные выборы комсомольского актива. Много интересных задумок удалось тогда реализовать. Тем более, что курсанты всегда были полны идей. Конечно, для меня служба в политотделе училища была серьёзным опытом. Прежде всего это опыт взаимодействия с умными, инициативными, и даже в чём-то более опытными, людьми — и с курсантами, и с офицерами. Пожалуй, именно там я по-взрослому столкнулся с необходимостью делегировать полномочия, увязывать интересы и амбиции самых разных специалистов, увидел, как работает штаб, как организуется учебный процесс, как множество мелких событий и фактов складываются в общую многоцветную картину жизни большого и сложного организма — военного вуза. В училище была группа профессионально-психологического отбора, которую возглавлял Александр Иванович Салий (впоследствии он стал депутатом Государственной думы в 1993 — 2003. К сожалению, он ушел из жизни осенью 2013 г). В группе профотбора, куда я попал по должности, я впервые познакомился с научными методами психологического тестирования и получил практику применения, обработки и анализа психодиагностических тестов (Кеттел, Айзенк, ММРІ, отечественные разработки). Конечно, все эти работы были еще в «докомпьютерную эру» и носили сугубо прикладной характер в рамках профотбора курсантов военного училища. Но «зерно» было посеяно и уже позже проросло в виде профессии социолога.

Осенью 1987 года меня направили на очередное повышение в одну из воинских частей в Оренбургской области (это те «милые» места, где были в 1954 году проведены первые учения с использованием ядерного оружия). Там я прослужил 3 года, получил очередное звание майора, и оттуда поступил в Военно-политическую академию в Москве. Естественно, во время службы на Тоцком полигоне я активно пользовался наработками профессионально-психологического тестирования. Конечно, жизнь после «столичной» Казани в селе Тоцкое не была такой яркой и насыщенной светскими событиями. Выручала подписка на популярные газеты и журналы: «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», «Иностранная литература». Ведь в то время начали печататься ранее запрещен-

ные произведения Платонова, Рыбакова, Солженицына, Шаламова, Замятина и многих других, которые были на слуху и в центре общественных дискуссий. Телевизора тогда у нас в семье не было, его можно было купить только по записи. Слушали радио. Газеты приходили с опозданием на два дня. Поскольку популярный еженедельник «Московские новости», который я привык читать в Казани, не распространялся по подписке на русском языке, то мне пришлось оформить подписку на издание на английском языке. Английский я не знал, т.к. школьным был немецкий. Но постепенно, со словарём, переводя построчно газетные статьи, начал читать публицистику и материалы на английском. В дальнейшем, по работе, английский стал основным. Даже кандидатский минимум мне было легче сдавать по английскому языку.

В военной академии мне крупно повезло дважды. Первый раз – при поступлении. Когда неожиданно выяснилось, что в списках абитуриентов на педагогический факультет меня не оказалось. Меня вызвали в штаб. Совершенно незнакомый мне подполковник-кадровик молча показал мне фолиант с фамилиями кандидатов на педфак, где конкурс был более 20 человек на место, и тоненькую папочку со списком абитуриентов отделения подготовки пропагандистов. На 15 мест было всего 20 кандидатов. Естественно, я уверенно заявил, что всю жизнь мечтаю стать пропагандистом. Экзамены были успешно сданы, и в сентябре 1990 года я стал слушателем Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Второй раз мне повезло уже на следующий год, в августе 1991 года, когда случился ГКЧП. Август – месяц отпусков, поэтому за драматическими событиями на баррикадах вокруг Белого дома я наблюдал по телевизору в Самаре. А когда вместе с остальными слушателями вернулся в сентябре к началу учебного года в Москву, то выяснилось, что отделение подготовки пропагандистов упразднено и вместо него будут готовить военных социологов. Это был просто подарок судьбы! Так моё хобби становилось профессией! Два оставшихся года учёбы в Академии, а она стала называться Гуманитарной академией, были посвящены освоению основ социологии, методов проведения социологических исследований. В итоге получилось так, что именно август 91-го помог мне сменить карьеру военного на профессию социолога.

Таким образом, у вас в дипломе указано «социолог»? После окончания Гуманитарной академией Вас демобилизовали или Вы еще какое-то время продолжали служить? Короче, как начиналась Ваша профессиональная жизнь «на гражданке»?

Да, действительно, так и есть. Летом 1993 года я закончил Гуманитарную Академию ВС РФ и получил диплом с отличием, в котором записано: специальность – социолог. Практически одновременно с выпускным приказом я был уволен из Вооруженных Сил. Такой ход событий мог произойти только в так называемые «лихие девяностые», когда всё вокруг стремительно менялось, распался Советский Союз, началось сокращение армии, были упразднены должности политработников, отменялись все прежние правила и нормативные документы. Но к тому времени я уже почти два года работал во Всероссийском Центре изучения общественного мнения. Юрий Александрович Левада даже хлопотал перед Министерством труда, которое было учредителем ВЦИОМ, и направлял докладную записку в Министерство обороны с просьбой откомандировать меня

в Московское отделение ВЦИОМ. Естественно, эти просьбы были оставлены без ответа. И мне самому пришлось принимать жесткое решение об увольнении из армии.

Накануне выпускных госэкзаменов в Академии началась кампания по переводу офицеров на службу по контракту. Нам раздали ксерокопии стандартного одностороннего текста, который никак не гарантировал выпускникам ни получение должности по специальности, ни очередного воинского звания. Подписывать этот «контракт» я не стал. Было несколько неприятных бесед с руководством факультета, но к счастью, мне дали возможность сдать госэкзамены и без лишнего шума, чтобы не портить отчётность по выпускникам, уволили с нетипичной для того времени формулировкой: «по собственному желанию». Оформлявший бумаги капитан-кадровик намекнул, что можно через пару-тройку месяцев уволиться «по сокращению штатов», что впоследствии дало бы мне право на военную пенсию, но для оформления документов ему очень нужен видеомаягнитофон Sony. Штука эта стоила тогда 700–800 долларов, что было почти в десяток раз больше моего офицерского оклада. К таким рыночным отношениям я не был готов ни морально, ни материально. Естественно, я отказался. Тогда капитан подвёл меня к географической карте и ехидно спросил, куда бы я предпочёл направить моё личное дело. Москва и Московская область для меня, как иногороднего, были закрыты (несмотря на то, что у меня в столице была родня, поступил-то я в Академию из Оренбургской области). И на выбор оказались прекрасные города Золотого кольца России! По работе во ВЦИОМ я хорошо знал Владимира Ивановича Щипкова (он работал во Владимирском отделении), мы были с ним в приятельских отношениях, и я бывал пару раз в командировках во Владимире. Поэтому я ткнул на карте во Владимир. — А какой адрес? — спросил капитан. — Ну, улица Ленина, есть в любом городе, пусть будет дом 25, — ответил я. Так мои документы уехали во Владимир, а я остался в Москве. Уже потом, через несколько месяцев, когда у меня появилась маленькая квартира в Мытищах, мне удалось забрать свои документы из владимирского военкомата, прописаться и получить гражданский паспорт.

Вы спросите, а как же так получилось, что одновременно с учёбой в Академии я работал во ВЦИОМ? Опять скажу, что мне очень повезло, и цепочка случайных событий привела к такому повороту судьбы. Дело в том, что на втором курсе академии, когда в одночасье из политработников стали готовить военных социологов, перед нами — слушателями встал вопрос о получении практических профессиональных навыков. Мы чувствовали, что лекционных занятий по истории и теории отечественной и зарубежной социологии нам явно не хватает. Даже занятий по методике опросов, анализу данных с использованием SPSS (еще под MS DOS), которые проводил с нами Александр Степанович Скок (впоследствии — доктор наук), было недостаточно. Поэтому мы всячески искали способы получения дополнительных знаний и практики проведения социологических исследований. По расписанию занятий в Академии среда была библиотечным днём. Интернета в те времена еще не было. Поэтому приходилось часами проводить время в библиотеках, в академической, в МГУ, в ИНИОНе, в Ленинке (РГБ). Ксерокопирование было нам тоже недоступно, а значит нужно было от руки переписывать обширные материалы в свои тетрадки.

В один из таких сентябрьских дней я с двумя однокашниками отправился на какой-то открытый семинар в Институте социологии РАН на Кржижановского. Там случайно мы встретились с Сергеем Колобановым (впоследствии он стал основателем и главой MASMI Research Group), молодым научным сотрудником, который предложил нам поучаствовать в качестве интервьюеров в очередном телефонном опросе. Естественно, мы с радостью согласились, и нам раздали инструкции, квотные задания, анкету и опросные формы. В течение недели мы с домашних и общежитских телефонов обзванивали москвичей. Я уже не помню, чему был посвящен этот опрос. Время было послепутчевое, скорее всего, спрашивали что-то по поводу текущей политической и экономической ситуации, об отношении к Ельцину и Горбачёву. Конечно, были отказы от интервью, недозвоны, прерванные интервью, труднодостижимые половозрастные квоты, непонимание формулировок вопросов или завуалированный уход от прямого ответа. В любом случае, всё это было безумно интересно. И методологически, и содержательно. Так я получил свой первый опыт участия в социологическом массовом опросе. Несколько недель мы ездили в Институт социологии к Сергею Колобанову, где получали очередное задание и сдавали выполненную работу. К нашему удивлению, нам еще и деньги какие-то заплатили!

Где-то в середине октября 91-го года я узнал адрес Московского отделения ВЦИОМ, которое в то время располагалось в двухэтажном особняке на улице Чехова (сейчас – Малая Дмитровка). Но попал туда не сразу, а тоже совершенно случайно, специально поездку туда я не планировал. В один из хмурых осенних дней я отправился из академии на вещевой склад получать новые сапоги к ноябрьскому параду. Склад оказался буквально в двух шагах от ВЦИОМа, в глубине квартала. К сожалению, на склад я опоздал и, расстроенный, пошел в сторону Садового кольца. Неожиданно на первом этаже небольшого особняка XIX века сквозь занавески я увидел людей, сидящих за мониторами компьютеров. В мозгу что-то щелкнуло, и я вспомнил, что по этому адресу должен был находиться ВЦИОМ. Действительно, когда я зашел во двор этого строения, и открыл массивную дверь на входе, меня встретила вахтёрша, которая на мой вопрос махнула рукой: туда!

Надо сказать, что для визита в сугубо гражданскую социологическую организацию вид у меня был довольно экзотический: серая парадная шинель с майорскими погонами, портупья, на ногах сапоги, а на голове – фуражка с красным «пехотным» околышем. В таком виде я появился сначала перед Нодаром Мелкоевым (в то время – руководитель Подмосковного отделения ВЦИОМ), а потом беседовал с Инной Самуиловной Шпилёвой (она руководила московскими интервьюерами). К моей радости, меня внимательно выслушали и дали первое задание на уличный опрос. Так я стал внештатным интервьюером ВЦИОМ. С октября по февраль мой распорядок стал таким: к 8 часам утра – в Академию на занятия, а после обеда – во ВЦИОМ, где либо получал новые задания на опросы, либо до позднего вечера помогал с бланками, карточками, анкетами полевикам Московского отделения. Где-то уже после Нового года, когда в очередной раз вечером я пришел за анкетами, в зале на первом этаже в полумраке при свечах, сидели за большим дубовым столом все мои новые коллеги и даже незнакомые интервьюеры. Пили чай с печеньем и внимательно слушали молодую девушку, которая рассказывала о своей поездке в Германию,

о встречах с немецким социологом доктором Вернером Зёргелем, о планах предстоящих совместных исследований общественного мнения. Так я познакомился с Леной Коневой – руководителем Московского отделения ВЦИОМ и генеральным директором КОМКОН-2.

Учеба в Академии продолжалась. Продолжалась вечерами и моя работа в Московском отделении ВЦИОМ: сначала интервьюером, потом бригадиром интервьюеров, через полгода – руководителем полевых работ КОМКОН-2, а сразу после увольнения из армии – заместителем руководителя Московского отделения ВЦИОМ.

Таким образом, моё вращение в гражданскую жизнь оказалось постепенным и происходило фактически одновременно с получением будущей профессии социолога-исследователя.

Что, Елена Конева была тогда руководителем Московского отделения ВЦИОМ и гендиректором КОМКОН-2? Во Владимире Вы все же успели поработать или не до того было? Ведь решали множество бытовых вопросов. В Москве Вы сразу начали работать в КОМКОНе?

Елена Львовна зарегистрировала свою фирму – КОМКОН-2 – в конце сентября 91-го года. Так что интервьюером я начал работать одновременно и во ВЦИОМе, и в новой коммерческой структуре. Нас было всего несколько человек. Интервьюеры были общие, технические ресурсы и помещения, по-началу, тоже использовались совместно. С руководством ВЦИОМа тогда была договорённость о разделении сфер деятельности. Новая структура занималась маркетинговыми исследованиями и медиаизмерениями, т.е. тем, что тогда было совершенно не интересно ВЦИОМу, занятому опросами на социально-политическую и электоральную проблематику. Ну, а мне, как полевику, работающему непосредственно с интервьюерами, необходимо было организовывать и вциомовские поля, и фомовскую «Пенту» в Москве, и комконовские проекты по исследованиям формирующегося тогда рынка товаров и услуг. Во Владимир я, конечно, не поехал. В Москве у меня уже к окончанию учёбы в академии была интересная и перспективная работа. А жил я тогда с семьёй по временной прописке в общежитии на Пироговке, недалеко от Новодевичьего монастыря. Что касается бытовых проблем, то все мы тогда не шиковали, зарабатывая на хлеб в разных местах.

Конечно, Вы были идеальным специалистом для организации поля. Редкое в те годы социологическое образование, значит, понимание того, насколько важна чистота первичной информации, и большой опыт организационной, даже командной работы. Пожалуста, подетальнее опишите общий процесс сбора данных в Москве: комплектование команды интервьюеров, способ выборки, реализуемость выборочного плана, контроль деятельности интервьюеров. Для истории изучения общественного мнения это крайне важно...

Для разных проектов, конечно же, планировались различные виды выборок. В отличие от книжных академических описаний, абсолютно случайную простую выборку в наших условиях реализовать маловероятно. Даже сейчас, как и в те годы, отсутствует надёжный источник основы выборки – полный список жителей города, полная база номеров телефонов и т.п. Поэтому для массовых опросов всегда использовались либо многоступенчатые стратифицированные

районированные выборки, как правило, маршрутные, с квотным отбором. Либо случайная генерация номеров телефонов с учетом номеров АТС, привязанных к районам города.

В начале 90-х были очень распространены уличные опросы. На то время, в отсутствии Интернета и мобильных телефонов, уличники были самым оперативным способом замеров общественного мнения. Как правило, для уличных опросов населения применялась выборка в 1500–2500 человек. Общее количество анкет распределялось по районам города, а внутри каждого района — по нескольким точкам опроса. Таких точек в совокупности набиралось не менее 25 — 30 с заданием на 50 — 70 интервью. Процедура отбора респондентов, как мне помнится, была разработана и предложена Леонидом Кесельманом, социологом из Санкт-Петербурга, который приезжал к нам в офис ВЦИОМ на Никольской улице и подробно рассказывал о своем опыте экспресс-опросов. Точки опроса не должны были размещаться в непосредственной близости от станций метро, остановок наземного транспорта, рынков и крупных магазинов. Как правило, точки выбирались на пересечении маршрутов движения жителей микрорайона от этих объектов к жилым кварталам. Обязательным условием был первый вопрос — фильтр: — Вы житель этого района? — чтобы отсеять иногородних и приезжих из других районов города. В этом случае мы получали возможность взвешивать выборку по полу и возрасту и корректно проецировать результаты на население Москвы. Чтобы устранить смещения, связанные с большей контактностью интервьюеров с респондентами, близкими к ним по социальному статусу и психологическому складу, рекомендовалось отбирать для интервью из нескольких двигающихся навстречу прохожих тех, кто менее симпатичен интервьюеру или близок по возрасту и манере держаться. Не уверен, что последнее правило неукоснительно соблюдалось на местах, но определённый выравнивающий эффект от такой процедуры можно ожидать даже на уровне здравого смысла.

До середины 90-х годов, до массового использования полстерами возможностей Интернета и САТІ (компьютерных систем телефонных интервью) уличные опросы проходили практически в еженедельном режиме. Как говорится: «Утром в газете — вечером в куплете». Цикл работы был такой: к 11–12 часам утра к нам в Московское отделение приходил Алексей Иванович Гражданкин (ныне — заместитель директора Левада-Центра) с анкетой в исписанной номерами телефонов руке. Вот бы тогда ему айфон для заметок вместо ладони! Мы распечатывали анкету на зубодробительном матричном принтере и делали необходимый тираж. К часу-полвторого дня собирали интервьюеров, проводили инструктаж, раздавали задания и запускали поле. К семи вечера возвращались с точек опроса интервьюеры и привозили заполненные анкеты. Мобильных телефонов тогда ещё не было и, в случае опоздания, интервьюеры отзванивались по телефону-автомату. Собранные анкеты проверялись супервайзером и отдавались на ввод. Руководителем отдела ввода и обработки тогда был Владимир Гродский (ныне он президент исследовательской компании TNS Russia). Данные быстро вводились операторами, и после компьютерной обработки в виде табличек отправлялись заказчику. Как правило, это были средства массовой информации. А вечером мы с воодушевлением смотрели в «Вестях» или в «Сегодня», как ведущие Светлана

Сорокина или Татьяна Миткова зачитывают «с пылу-с жару» свежие результаты опроса москвичей. Естественно, каждый из нас чувствовал тогда свою сопричастность к большому, важному и востребованному обществом делу.

В отличие от массовых экспресс-опросов на политические темы первые маркетинговые исследования проводились на более сложных и строгих способах отбора респондентов. Первое время мы использовали адресную выборку. В то время в обычной Мосгорсправке можно было запросто узнать адрес любого жителя Москвы. Мы заказывали в центральном адресном бюро случайную выборку домашних адресов с указанием пола и возраста респондента. Для этой базы была написана специальная компьютерная программа, с помощью которой мы извлекали для каждого квартирного опроса необходимое количество адресов, распределенных по разным районам города и с привязкой к интервьюерам, которые могли работать в этих районах.

Один из первых наших масштабных проектов в области медиаизмерений требовал ежедневно проводить по репрезентативной квотной выборке 150 интервью в Москве. Таким образом, за 7 дней недели накапливалось 1050 анкет, посвящённых просмотру телеканалов с 15-минутными интервалами в течение дня, прослушиванию радиостанций, чтению газет и журналов, проведению досуга и стилю жизни. Это «мультимедиа» исследование для французского института «Mediametrie» мы провели весной 1992 года. Важный получился опыт, на основе которого осенью того же года мы самостоятельно провели подобное исследование в трёх городах: Москве, Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде. Первыми заказчиками этого проекта стало крупное рекламное агентство «Видеоинтернешнл» и информационное агентство «Постфактум». Помню, как к нам в офис на Никольской приезжал на Жигулях тогдашний руководитель «ВИ» Михаил Лесин. Сейчас забавно вспоминать, как первые наши многостраничные отчёты были похожи на научные диссертации: много текста, научной терминологии и совсем не много графиков. Пообщавшись впоследствии с потенциальными заказчиками – представителями компаний – рекламодателей и с владельцами газет и радиостанций, мы поняли, что от нас ожидают несколько иной продукт, менее наукообразный, прагматичный и понятный бизнесу, отвечающий на конкретные вопросы: где, кто, сколько, почему? Отчет по результатам следующего исследования, проведенного в декабре 1992 года – телефонный CATI – опрос более 3500 москвичей по поводу просмотра программ телекомпании CBS на российском телевидении, был в несколько раз тоньше и содержал необходимые для принятия решений графики, таблицы и ёмкие комментарии. Правда, кто-то из боссов Видеоинтернешнл, получив очередной отчет по мультимедиа исследованию в новом компактном формате, взвесил его на ладони и пошутил: в прошлый раз был тяжелее в три раза, значит, этот стоит должен в три раза дешевле! Но говорят, что наши тогдашние опросы телезрителей «спасли» от закрытия показ сериала «Санта-Барбара».

Опросы шли своим чередом. Адресная база, к сожалению, быстро исчерпалась, стала неактуальной, а обновление её со временем стало невозможным ввиду реорганизации Мосгорсправки. Поэтому мы были вынуждены перейти к маршрутным выборкам с набором поло-возрастных квот. Если я не ошибаюсь, то первые подробные инструкции по выборкам разрабатывали Елена Петренко (сейчас она работает в ФОМе) и Катя Козеренко (ныне – ведущий специалист

в Левада-центре). Катя потом даже защитила кандидатскую диссертацию по проектированию территориальной выборки в субъекте Российской Федерации. Все эти практические наработки моих коллег актуальны и востребованы поныне.

На инструктажах интервьюеров мы пользовались самодельными схемами на ватманских листах: как двигаться от стартового адреса, с каким шагом домов и квартир, вдоль жилой застройки на большой улице, а на перекрёстке обязательно сворачивать на малую улицу, а затем — в примыкающий переулок или небольшую улочку внутри квартала. Отбор квартир необходимо было делать с учётом этажности жилого дома и количества подъездов, чтобы не опрашивать респондентов на одной лестничной клетке или в одном и том же подъезде.

Когда в конце 93-го года во ВЦИОМ приезжал датский специалист Лео Андерсен, он был очень удивлён тем, что у нас в одном доме могут проживать и юристы, и рабочие. По его словам, в Копенгагене такое было невозможно, так как город вполне определенно районирован на кварталы с людьми высокого достатка и на преимущественно рабочие районы.

В этом отличии датской столицы от российских реалий мы вскоре убедились сами. В феврале 1994 года большая группа сотрудников ВЦИОМа, в том числе из региональных отделений, была направлена на месячную стажировку по программе TACIS в датский Gallup. В эту группу стажёров попал и я. Это была моя первая поездка за границу.

В Копенгагене нас разместили в отдельном небольшом особняке в северной части города, недалеко от пивоваренного завода Tuborg. Каждый день, с утра до обеда, у нас были лекционные и практические занятия по основам планирования выборок, организации полевых работ, методике количественных и качественных исследований, по работе с интервьюерами. Не могу сказать, что я тогда узнал что-то принципиально новое. Но курс обучения был интенсивным, систематизированным, практическим. На занятиях и после них мы бурно обсуждали всё услышанное и увиденное (фокус-рум со односторонним зеркалом, САТІ — студию, и оборудование для записи рекламных блоков с телевизионного эфира), сравнивали с нашими возможностями и локальными особенностями. Очень полезными были распечатки тезисов наших занятий и копии статей из «Public Opinion Quarterly» и других профессиональных изданий.

Что меня тогда удивило и вдохновило как социолога-исследователя на многие годы вперед, так это крайне щепетильное, даже трепетное, отношение наших зарубежных коллег к методическим вопросам, к процедурам выборки, проведения интервью, контроля ввода и обработки данных. По сути, это был самый главный урок, который все мы вынесли из той поездки. Впоследствии многие участники обучения в Дании стали успешными руководителями региональных исследовательских центров. Я уверен, что как для меня самого, так и для остальных моих коллег по тогдашнему ВЦИОМу, стажировка придала мощный импульс для продвижения современных научных методов в практику массовых опросов в нашей стране.

Пара уточняющих вопросов. Где вы искали интервьюеров на разные типы опросов? Преимущественно кто были эти люди? Назовите несколько человек, которые прошли обучение вместе с Вами в Дании. Складывается впечатление, что зарубежное обучение в те годы было исключительно эффективным.

Новые люди на опросы в то время приходили, как правило, и по объявлениям, и по рекомендации уже работавших интервьюеров. Масштабы исследовательской индустрии по сравнению с сегодняшним днём несопоставимы. На проекты с большой выборкой, где требовалось большее количество интервьюеров, мы засылали рекрутеров в вузы, размещали там объявления о наборе интервьюеров. Но студенты — народ необязательный, часто пропадали с комплектом анкет, либо пытались «рисовать», столкнувшись с отказами респондентов и другими сложностями интервьюерской работы. Основная нагрузка во все времена ложилась на плечи женщин за сорок. Именно они проявляли лучшие свои качества в поиске респондентов по самым сложным квотам, умели находить контакт с опрашиваемыми людьми, им открывали двери квартир и в большей степени доверяли респонденты. Кстати, это характерно не только для России, но и для большинства других европейских стран. Ну, а недостатка в искавших подработку инженеров, библиотекарей, учителей и других специалистов-бюджетников с высшим образованием у нас тогда не было. Это сейчас, когда уровень зарплат бюджетников заметно вырос, стало гораздо труднее подбирать интервьюеров, а самое главное — удерживать их достаточное время на сложной и ответственной работе.

Особую когорту составляли интервьюеры для опросов среди руководителей предприятий и бизнесменов, для проведения экспертных интервью. И прежде, и теперь, эта категория — штучный товар. Все с высшим образованием, с многолетним опытом интервьюерской работы, просто тёртые жизнью люди.

На телефонные опросы, тем более на CATI, подбирались кандидаты попроще, но тем не менее, ответственные, с хорошей дикцией и приличным русским языком. Сейчас, как жалуются полевики, всё чаще попадаются молодые девушки и юноши, с затруднениями читающие тексты вопросов вслух. Что поделаешь, таким образом проявляются нынешняя смс-культура и распространившийся в молодёжной среде «олбанский» интернет-язык. Причем, уже и поколение тридцатилетних испытывает те же проблемы.

Что касается стажировки сотрудников ВЦИОМа в 93—94 годах, то действительно, этот цикл поездок в исследовательские компании в Нидерландах, Великобритании и в Дании сыграл важную роль в становлении и развитии индустрии изучения общественного мнения в нашей стране. Было несколько групп. Одна группа стажировалась в голландском Intomart, другая проходила тренинг по общему менеджменту в британской PA Consulting Group, качественные прошли обучение в британской MBL, а полевики — в датском Gallup. В Амстердаме стажировался Алексей Гражданкин и Владимир Гродский, в Лондоне — Елена Конева, Руслан Тагиев, Александр Новиков, Алексей Левинсон. Со мной в группе были Сергей Кетов из Перми, Сергей Красноцветов из Питера, Екатерина Козеренко, Елизавета Дюк, Эмма Риферт и Нодар Мелкоев — из московского ВЦИОМа, Галина Пачулия из Ставрополя и Геннадий Наруков из Новосибирска. Кого-то, возможно, я не упомянул, всё-таки 20 лет прошло... Как бы ни сложилась профессиональная карьера, уверен, все мои коллеги подтвердят, что стажировка не прошла для них даром и повлияла положительно на их дальнейшую судьбу. Для меня было важно убедиться, что мои академические знания в области социологии универсальны, с коллегами из Дании мы говорили на одном понятийном языке. Норман Уэбб, который вел у нас занятия по статистике и выборке, отлично

понимал нас, а мы — его. Конечно, с точки зрения практики, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И в Копенгагене мы вживую увидели как работает датская «фабрика опросов», из чего складывается на каждом этапе качественный исследовательский продукт.

Многих помню, знаю... год назад встречался здесь с Лизой Дюк, ее дочь живет в 3–5 минутах езды от меня, а город-то 30000 человек... наш мир очень невелик. Когда я познакомился с Вами в сети, Вы уже работали в Комкон-2. Пошел в мой архив, нашел, похоже, Вы в разместили в веб-сети мой текст «Российский Интернет: новое русское чудо» в июле 1999 год; удивительно, но он и сейчас расположен в портале Комкон-2, изменился лишь его URL. Тогда, Петр, Вы меня мощно поддержали. Это была не просто моя первая публикация в Интернете, но первая — после отъезда в США в начале 1994 года. Такое не забывается.

Когда Вы начали работать в Комкон-2? Это уже был анализ рынка?

В КОМКОНе я проработал более 10-ти лет, фактически с его основания осенью 91-го до августа 2003 года. Можно сказать, что все исследовательские компании тогда росли вместе с российским рынком, а я — вместе с ними — профессионально.

Первые 2–3 года своего существования, до лета 1994 года, КОМКОН был как бы коммерческой структурой ВЦИОМа, созданной на базе Московского отделения. Мы работали единой командой, только по разным направлениям. ВЦИОМ занимался социально-политическими и электоральными исследованиями, а новая структура — исследованиями рынка и медиаизмерениями. Мы располагались в одном здании на Никольской, участвовали во всех левадовских семинарах. Раз в неделю, сейчас уже точно не помню, то ли в среду, то ли в четверг, все собирались в большой комнате с доской для мела. Юрий Александрович Левада занимал место рядом в уголке за столом и начиналось обсуждение какой-нибудь животрепещущей темы. Разбирали методики, обсуждали формулировки вопросов и шкалы, спорили по поводу интерпретации тех или иных результатов опросов. С сообщениями выступали коллеги: Алексей Левинсон, Борис Дубов, Наташа Зоркая, Лев Гудков, Алексей Гражданкин. Помню оживлённую дискуссию вокруг выступления В.Э. Шляпентоха, приехавшего как-то раз в Москву из Штатов. В таком научно-методическом, творческом бульоне все мы варились, и это было очень ценно, и создавало особую атмосферу сопричастности к большому и важному делу.

Московские анкеты в то время выходили под двумя «логотипами»: МО ВЦИОМ и КОМКОН-2. У меня сохранились несколько экземпляров анкет того периода. Сейчас формулировки вопросов, да и сами темы опросов, воспринимаются странными. А тогда это были самые болевые точки общественной жизни, экономики и политики. Вот, например, вопрос из анкеты осени 1993 года: «Должно ли правительство Москвы непосредственно заниматься снабжением города продовольствием и другими товарами, или ему следует немедленно провести приватизацию торговли и предоставить торговым организациям свободу в принятии решений?». А вот другой: «Как вам кажется, новые коммерческие структуры сегодня приносят Москве в целом больше вреда или пользы?» Удивительно, какая гигантская дистанция пройдена страной и нами —

исследователями за 20 лет! Хотя, в свете некоторых тенденций в нашей политике и экономике, было бы любопытно провести мониторинг ответов москвичей на эти вопросы...

Кто-то называет 90-е годы лихими, но мы в то противоречивое и динамичное время учились на ходу, в процессе работы над каждым новым проектом. Учились не только по книжкам и по ксерокопиям страниц из зарубежных монографий и статей. Мы все учились у наших клиентов, присылавших нам подробные брифы на проведение исследований, учились на переговорах с заказчиками, обсуждавшими с нами процедуры выборки, обработки данных и форматы отчётов.

Совместное сосуществование двух исследовательских структур продолжалось до весны 94-го года. К этому времени накопились закономерные противоречия между двумя организациями, возник конфликт бизнес-интересов. КОМКОНу были выдвинуты достаточно жёсткие условия продолжения дальнейшего сотрудничества. Два сценария, которые предлагались, нас не могли удовлетворить, и состоялся цивилизованный «развод». К концу лета мы переехали по другому адресу и началась самостоятельная жизнь исследовательской компании. Как заместитель руководителя Московского отделения я выезжал из офиса последним, сдавал по описи дела и имущество. А с августа 94-го приступил к обязанностям директора по исследованиям уже на новом месте.

Первыми исследовательскими проектами в то время были достаточно простые, по сегодняшним меркам, вещи. Мы спрашивали неизбалованных товарным изобилием российских потребителей про чай и кофе, про газировку, жвачку и сухие растворимые напитки, про бульонные кубики, видеокассеты и колготки. Рынок только формировался, респонденты были непуганые, а клиенты — дотошные, как и теперь. Как я уже говорил, мы учились исследовательскому ремеслу вместе с развитием рынка. И так же делали ошибки, исправлялись, шли дальше. Некоторые из марок продуктов были тогда малознакомы и потребителям, и нам самим. Например, популярный чай Lipton не был представлен в продаже, и мы в отчете написали название марки с ошибкой. Интернета тогда не было, проверить было негде. Тем не менее, ошибка не смутила заказчика, ему важнее были полученные результаты и выводы. И мы долго сотрудничали в дальнейшем.

Вспоминаю случай, который в очередной раз укрепил мое доверие к исследованиям. Он произошёл на другом «чайном» проекте. Одна из крупных компаний-производителей фруктовых чаёв в пакетиках заказала нам масштабное исследование привычек покупок и потребления чая в крупных российских городах. Получив результаты опроса, клиент возмутился тем, что в одном из уральских городов подозрительно много людей покупают его марку чая. Но, по словам клиента, в этот город чай не отгружался, а дистрибьюторы отсутствовали в этом регионе. При этом по центральному телевидению шла массированная рекламная кампания. Мы несколько раз тщательно перепроверили базу данных опроса. Всё верно, ошибок нет! Тогда решили закупить несколько пачек чая в проштрафившемся городе. Каково было удивление, когда представитель заказчика, осмотрев присланные пачки, воскликнул: — это же не наш чай! Оказалось, что ушлые ребята с Урала отпечатали в типографии партию упаковок для популярного импортного чая, а развешивали туда какой-то дешёвый отечествен-

ный. На фоне рекламной кампании продажи подделки шли у местных дельцов успешно. Подделку под известный бренд жители города активно раскупали, что и зафиксировало наше исследование.

Основными заказчиками на маркетинговые исследования в середине 90-х были, как правило, зарубежные компании, выходявшие со своей продукцией на российский рынок. У наших местных предприятий такой потребности в изучении меняющегося рынка и покупателей их товаров еще не было сформировано. Иногда даже было обидно за «красных директоров», к которым мы приезжали с предложениями о проведении исследований, но получали отказ: «что вы мне можете рассказать нового, молодые люди? Я всё знаю, я всех знаю. У меня всё схвачено!» А «буржуи», в противоположность нашим, шагу не делали, не выяснив детально запросы, предпочтения и привычки рядовых россиян в изменившихся условиях. И на этом знании получали конкурентное преимущество перед «старой гварией».

Бывали, конечно, исключения из этого правила. Например, директор кондитерской фабрики «Красный Октябрь» Анатолий Николаевич Даурский. В конце 1994 года мы планировали проведение исследования потребления различных продуктов, проведения досуга и зрительских предпочтений среди детей в возрасте от 4-х до 15-ти лет. Первоначально главным спонсором проекта должно было выступить крупное международное рекламное агентство. Но к тому времени, когда уже нами была разработана анкета и дизайн выборки, агентство по какой-то причине отказалось от финансирования проекта. Тогда я поехал по потенциальным клиентам с предложением о сотрудничестве. Договорился о встрече с А. Н. Даурским. Он с интересом выслушал меня, полистал анкету и сказал: «Денег не дам, а за конфетами для детишек подъезжай к проходной». После этого повел меня по ароматным цехам, показал производство, дал продегустировать свежий шоколад. На том и расстались. Свои Жигули-четверку я доверху на проходной наполнил коробками с новогодними сладкими подарками, как раз на всю выборку в 500 детишек. Естественно, по завершению работ, я отвез Анатолию Николаевичу отчет по результатам первой волны. Так был дан старт уникальному в своём роде исследованию под названием «Новое поколение». Этот проект существует до сих пор, и насколько я знаю, вполне успешен.

Что мне больше всего нравится в моей работе исследователя, так это постоянная смена тем и предмета исследований. Вроде бы и методики те же применяются, и вопросы похожие задаются, и шкалы одинаковые, и выборки сходные, а тебя не покидает ощущение новизны за счет смены продуктов, марок, услуг, целевых групп. Удовлетворение от проделанной работы связано и с тем, что каждый новый проект, каждый новый клиент обязательно научает тебя каким-то нюансам во вроде бы давно известном деле, заставляет взглянуть под другим углом на организацию процесса исследования, и на сами результаты. Если бы этого не происходило, не уверен, стал бы я заниматься исследовательским ремеслом уже более 20-ти лет.

Очень интересный, живой рассказ о становлении исследований рынка в России. Теперь – о другой стороне вашей деятельности. Какую информацию ваши заказчики разрешали публиковать, т.е. в какой мере сами потребители могли знать ситуацию на рынке товаров и услуг?

Подавляющее большинство маркетинговых исследований, как и прежде, заказывают компании — производители различных товаров и услуг, реже — рекламные агентства, занимающиеся продвижением этих товаров и услуг. Все условия использования полученных данных определяются контрактом. Крайне редко бывает так, чтобы заказчик разрешал публикацию результатов исполнителем и передавал ему права на использование данных. Как говорят финансисты: деньги любят тишину. А правильная и своевременная оценка ситуации на рынке — это конкурентное преимущество. Это способ, как минимум, сохранить свои деньги, не разбазарить инвестиции в разработку и продвижение своего бренда на конкурентном рынке. Если к тому же заказчик грамотно воспользуется полученными результатами, примет адекватные управленческие или производственные решения, то маркетинговые исследования помогут приумножить любящие тишину деньги.

По этой причине заказчики всегда вносят в контракт пункт о конфиденциальности. Если исключить профессиональные издания, то крайне редко увидеть в массовой прессе результаты серьёзных исследований. На мой взгляд, в газетах и в Интернете чаще публикуются либо данные «соломенных» опросов, либо результаты каких-то инициативных опросов, с рассчитанных на PR-эффект, на продвижение исследовательским агентством собственных услуг. Здесь политика агентства может быть разной. Крупные компании имеют в своем штате отделы по связям с общественностью, которые регулируют и организуют информационный поток. Некоторые исследовательские организации могут быть изначально ориентированы на регулярные публикации своих результатов, работая по соответствующим грантам. Как правило, это чаще бывает в сфере изучения общественного мнения. Например, можно только порадоваться за коллег из ФОМа и ВЦИОМ, когда они могут свободно публиковать и комментировать результаты своих мониторингов.

Как же рядовые потребители узнают о ситуации на рынке товаров и услуг? Недавно были опубликованы данные Левада-центра о доверии населения результатам соцопросов. Так вот, оказалось, что более трети респондентов заявили, что не интересуются данными социологических исследований. Мне довелось проводить множество исследовательских проектов, где целые блоки вопросов были посвящены источникам информации о продуктах, марках, услугах. По результатам, первые места в этом списке занимают личный опыт и «сарафанное радио», т.е. мнение о предмете исследования друзей, знакомых, родственников. При этом, несмотря на то, что очень часто первичную информацию о продукте люди получают из рекламы или СМИ, признаться в этом большинство рядовых потребителей не горит желанием. Кому же хочется выглядеть наивным человеком, доверяющим рекламному ролику! Мы же кругом видим двойные смыслы, попытки манипулирования нами, конспирологию! В архаичных обществах свои нерациональные поступки люди часто объясняли происками злых духов и ведьм, а в постиндустриальном — манипуляциями «мировой закулисы» или «стремящимися к наживе дельцами». Такой парадокс общественного сознания и примитивизация сложного и запутанного процесса массовых коммуникаций обывателем существенно затрудняет исследования эффективности рекламы

и рекламных кампаний. Приходится задавать батареи специальных вопросов, чтобы убедиться в том, что респондент видел именно тот, а не иной рекламный ролик, покупал интересующую нас марку продукта.

По поводу публикаций результатов опросов вспоминаю курьёзный эпизод, произошедший в конце 90-х. Одно уважаемое международное издательство обратилось с просьбой обработать большой массив читательских анкет. Они были напечатаны в нескольких модных журналах гигантским суммарным тиражом (более 400 тысяч экземпляров). Анкета была достаточно простая, с вопросами для женщин о пользовании косметикой и средствами по уходу за кожей. Конечно, в анкете были вопросы социально-демографического характера: возраст, социальный статус, уровень доходов, тип населенного пункта и регион проживания. В качестве стимула был пробник тонального крема и участие в лотерее, где призами были какие-то женские шампуни и дезодоранты.

В течение двух-трех месяцев после публикации в редакцию приходили мешки писем с заполненными анкетами. Мы ввели эти полкомнаты анкет, обработали данные и получили неожиданные для заказчика результаты. Предполагалось получить портрет читательниц как молодых, успешных бизнес — леди, ведущих активный образ жизни. Но оказалось, что анкеты, напечатанные в гляцевых журналах, в основном заполняли юные девушки — старшеклассницы, пэтэушницы и студентки провинциальных вузов. В данном случае процедура заполнения и отправки анкеты по почте привлекли только особую часть читательниц (около 5% — очень даже неплохой отклик для почтово-прессовых опросов), причем из регионов, где по-видимому, качественная косметика была менее доступна. Портрет вырисовывался какой-то не гламурный. Естественно, заказчик его публиковать не стал, а сосредоточился на описании отношения читательниц к рекламируемой продукции, на высоких оценках её качества и ситуациях использования.

Для нас и для заказчика это был хороший практический опыт, доказавший необходимость построения репрезентативных выборок. Это гораздо сложнее и дороже, но ради получения достоверной картины того стоит.

Когда Вы защищали кандидатскую диссертацию? Она делалась по результатам исследований рынка?

Своей кандидатской диссертацией, которую защитил в 2002 году, я во многом обязан профессору Игорю Викторовичу Крылову, доктору социологических наук. Именно он буквально силком заставил меня сесть за её написание, привлёк к преподавательской работе и стал моим научным руководителем. К сожалению, Игорь Викторович трагически погиб в ДТП в декабре 2003 года. Он был известным в рекламных кругах начала 2000-х специалистом, автором нескольких книг по теории и практике рекламы, ярким лектором и просветителем. Всегда жизнерадостный, громогласный, с ярко-рыжей бородой профессор Крылов восклицал при встрече: — У вас гениальные исследования! Вы сидите на своих данных, как на горе золота! Если ты не напишешь на этих данных кандидатскую — ты преступник! Я отмахивался: некогда, много работы.

Мне в то время казалось, что защита — дело ненужное и даже вредное для бизнеса. Я нередко встречался с настроенностью и недоверием со стороны многих российских предпринимателей середины 90-х и начала 2000-х по отно-

шению к академической науке, к кафедральным маркетологам. Владельцам бизнеса, недавно сменившим малиновые пиджаки на Brioni, тогда казалось, что реальный бизнес скорее живет по понятиям, а не подчиняется каким-то общим экономическим законам или социологическим закономерностям. Даже после защиты диссертации я долгое время не указывал на своей визитке ученую степень. Это уже потом, в начале 10-х, среди госчиновников и бизнесменов стало модным остепеняться, и «к.с.н.» в подписи электронного письма начали восприниматься уважительно.

Текст диссертации при подготовке к защите я переписывал несколько раз. Сначала мне поменяли тему, а потом после предзащиты пришлось устранять высказанные коллегами замечания. Но практическую часть работы писать было легко на основе результатов всероссийского исследования потребления и стиля жизни — Target Group Index (TGI). Это был наш собственный исследовательский продукт, продвижением которого я вместе с коллегами занимался к тому времени более пяти лет. Конечно, сегодня многие тезисы из диссертации стали уже общим местом, широко вошли в повседневную исследовательскую практику. А в начале 2000-х не утихали споры о критериях выделения «среднего класса», о применимости в российских условиях международной социально-экономической классификации респондентов, о способах изучения практик потребления и стиля жизни. Термин «психографика» только-только входил в научный оборот и в сферу маркетинговых исследований в нашей стране. База данных TGI давала богатый материал для анализа и выводов о «влиянии социального статуса на потребительское поведение городского населения России». Таково название моей диссертации. Отзыв на мою работу давал Юрий Александрович Левада — директор ВЦИОМ. Оппонентом был Андрей Владимирович Милёхин — директор Мониторинг.ру (ныне — Ромир). Для написания первой части диссертации, посвящённой, как принято, теоретико-методологическим основам проведенного исследования, мне удалось собрать за два года неплохую библиотеку и коллекцию вырезок из статей по теме из профессиональных журналов. Ездил к Вадиму Валерьевичу Радаеву — проректору Высшей школы экономики, соавтору монографии «Социальная стратификация», чтобы показать ему свою работу и получить разрешение на использование материалов книги. Ну, а через пару лет после защиты и сам с удовольствием поделился материалом из диссертации с Михаилом Тарусиным при подготовке большой книжки «Реальная Россия», которую он с коллегами из Института общественного проектирования готовил к печати по итогам масштабного стратификационного исследования.

Сейчас, спустя более десяти лет после защиты диссертации, могу сказать, что был прав Игорь Викторович Крылов, говоривший мне: — Ты поймёшь ценность статуса кандидата наук только с годами, когда вскарабкаешься на верхнюю часть пирамиды Маслоу.

Могу также с полным основанием утверждать, что работа над диссертацией помогла мне подняться над ремесленничеством, увидеть более широкие горизонты в своей профессии, соотнести свои собственные наработки и наблюдения с научным и практическим опытом коллег. Надеюсь, что я пока на пути к вершине, а не спускаюсь с неё. Самое интересное еще впереди.

Гэллэп говорил о том, что каждое маркетинговое исследование эффективности рекламы — это вызов, на который надо быстро ответить. Продаёт ли реклама или

что надо сделать, чтобы она продавала? Вам приходилось заниматься измерением рекламного воздействия?

Не только приходилось, но и продолжаю в настоящее время. Исследования рекламы и её воздействия — значительная часть моей специализации, в том числе и в преподавательской работе в РУДН и РАНХиГС.

Никуда от рекламы не денешься: никакой заппинг не поможет, кругом сплошной клаттер!

По роду деятельности я познакомился с множеством методик, которые используют именитые международные компании. Инструменты исследований могут различаться лейблами, но их объединяет общая структура и последовательность вопросов, позволяющих определить уровень осведомлённости потребителя о бренде и его рекламы, выявить понимание основной идеи (сообщения), запоминаемость и распознавание ключевых элементов рекламы, а также измерение интентности рекламного продукта, т.е. способности его стимулировать потребителя к какому-то действию. Это может быть намерение купить рекламируемую марку или воспользоваться продвигаемой услугой.

С течением времени меняются способы контакта исследователя, интервьюера с потребителем: от черно-белых бумажных анкет к цветным, от телефонных опросов к онлайн-новым и мобильным планшетами. Но суть измерений и исследований рекламного воздействия остается неизменной — понять нужды и запросы потребителя и выявить насколько рекламный продукт им соответствует.

Продаёт ли реклама? Конечно, далеко не всегда. И конечно, само по себе исследование рекламы не будет волшебной палочкой, гарантированно увеличивающей объёмы продаж. Далеко не все рекламные материалы тестируются рекламодателями и рекламными агентствами перед производством и размещением. У небольших производителей на серьёзные пре-тесты и мониторинг эффективности рекламных кампаний зачастую просто нет бюджетов. Крупные фирмы могут иной раз передовериться рекламистам, а те ограничатся только парой-тройкой фокус-групп, собственной экспертизой и пост-кампейн отчетами о накопленных GRP. Но, к сожалению, этого бывает чаще всего недостаточно для успеха.

Ключевая проблема заключается в том, что способность рекламы продавать (или запоминаться, если ставится задача первичного информирования потребителя) зависит от того, насколько создатели рекламы знают и понимают целевую аудиторию, её нужды и запросы, образ жизни, привычки и ситуации потребления рекламируемой марки. Тогда потенциальный покупатель сможет узнать себя или своих близких в персонаже рекламного ролика. Обыгранный артистами сюжет вызовет массу положительных эмоций и воспоминаний. А бренд будет ассоциироваться только с приятными образами, вызывать эмпатию и привязанность к нему.

В ГфК мы проводим большое количество тестов, разовых замеров и мониторингов рекламных кампаний. На крупнейших международных и российских рекламодателей работает отдельный департамент, аккумулируя зарубежный и отечественный опыт исследований рекламы.

В 2003 году Вы завершили свою работу в КОМКОНе? Где продолжили исследовательскую деятельность?

К тому времени я проработал директором по исследованиям 10 лет: переговоры с заказчиками, внедрение методик, презентации, подготовка отчетов и брифинги по проведенным исследованиям. За это время компания выросла из небольшой группы энтузиастов в крупную исследовательскую организацию, прочно заняла своё место на рынке. Пришло много новых людей, структура компании усложнилась, большинство бизнес-процессов были налажены. Я чувствовал, что моя управленческая и исследовательская деятельность постепенно рутинизируется, постепенно уходит драйв, чувство новизны. Психологи называют это состояние профессиональным выгоранием. Чтобы не допустить этого, я стал задумываться о переходе с исследовательской на клиентскую сторону, тем более, что недостатка в предложениях не было. С Леной Коневой мы договорились о том, что я доработаю до конца лета и объявлю об «окончании контракта».

В этот момент опять свою положительную роль сыграл И. В. Крылов, который случайно узнал о моём уходе из КОМКОНа и о моих поисках новой работы. Не успел я разослать резюме, как он «сосватал» меня А. В. Милёхину в Ромир – Мониторинг. Андрей Владимирович перехватил меня и увлёк перспективами развития молодой компании, амбициозными планами и задачами формирования новой исследовательской команды. Это был период объединения в единую компанию Ромира, которую возглавляла Елена Ивановна Башкирова и Мониторинг.ру, которой владел Андрей. Мне была предложена позиция руководителя департамента маркетинговых исследований, и я с энтузиазмом взялся за работу. Таким образом, вырваться из «лап ресёча» мне не удалось. Да я, честно говоря, понял, что это ни к чему.

В Ромире я проработал два года. Была создана работоспособная исследовательская структура, организована САТІ-студия, налажены бизнес-процессы количественных и качественных исследований в объединенной компании. К сожалению, взаимоотношения Е. И. Башкировой и А. В. Милёхина, двух ярких личностей и заметных учёных, не сложились. В результате их затяжного конфликта Елена Ивановна покинула компанию. Мне эта история, конечно, добавляла хлопот и переживаний, но выручала сосредоточенность на конкретных исследовательских и управленческих задачах. В общем, скучать не приходилось. В Ромире я познакомился и работал вместе с интереснейшим и самобытным человеком – Михаилом Тарусиным. Он, как Вы знаете, не только опытный профессиональный социолог, но и талантливый рассказчик, виртуозно владеющий русским словом.

В период работы в Ромире мне пришлось пережить в самое тяжелое личное испытание, когда весной 2004 года один за другим слегли с инсультами мои пожилые родители. В конце августа ушла из жизни мама, а буквально через 20 дней – отец. Похоронены мои родители в Самаре. На их могиле мы с сёстрами установили гранитную плиту, где они изображены молодыми, обнимающими друг друга. Прожили они вместе более 50 лет, и так вместе и ушли в мир иной. Постепенно оправившись от стресса, я всё-таки попросил Андрея о возможности покинуть компанию. В конце лета 2005 года я сдал дела и отправился на «вольные хлеба».

Осень прошла в каких-то домашних и бытовых хлопотах, паре фрилансерских проектов и участии в очередных конференциях по маркетингу и исследованиям. На одном из мероприятий я встретил А. М. Демидова – гендиректора

ГфК–Русь. Он как-то приглашал меня к себе на работу, но у меня в то время еще были обязательства в Ромире. Александр Михайлович предложил присоединиться к его команде и с декабря 2005 года я приступил к работе в качестве старшего консультанта по исследованиям. В ГфК я работаю по сей день. Компания динамичная, успешная, занимает одно из лидирующих положений на российском рынке и входит в разветвленную международную сеть. Вовлеченность в крупные международные и локальные исследовательские проекты даёт мне необходимый драйв, позволяет продолжать не только расти профессионально самому, но и обмениваться с коллегами накопленным опытом.

Мне очень приятно узнать, что основные актеры театра, который Вы описали, являются и участниками моего историко-социологического проекта. Я давно провел беседу с Мишей Тарусиным, потом – с Еленой Башкировой. Сейчас провожу интервью с Андреем Милехиным и Александром Демидовым. Таким образом, коллективно мы очертили, думаю, важнейшие элементы процесса становления в России исследований общественного мнения. Вы не знаете, есть ли в Москве люди или институции, с которыми я мог бы договориться о сотрудничестве в наращивании информации и ее анализе. Ведь со временем можно было бы сделать учебник, учебное пособие по истории изучения рынка в постсоветской России?

Конечно, я знаком со многими социологами-практиками. С кем-то вместе работал, с другими встречался на научных конференциях. Я бы посоветовал попробовать провести интервью с Александром Новиковым – руководителем агентства «Радость понимания». В отличие от меня – количественника, Саша – качественный. Причём высшей квалификации. Думаю, что его интервью и воспоминания будут весьма интересными. Ещё могу порекомендовать Игоря Задорина – руководителя исследовательской фирмы «Циркон». Игорь Вениаминович, кстати, в свое время работал в Администрации Президента. Уверен, что если он даст согласие на интервью, то его рассказ будет очень увлекательным.

Что касается институций, способных поддержать проект, то возможно попробовать привлечь нашу профессиональную ассоциацию исследователей – ОИРОМ? Кроме того, сейчас становится популярным и набирает обороты краудфандинг.

Интервью с Владимиром Борисовичем ЗВОНОВСКИМ

«4 ФЕВРАЛЯ 1991 ГОДА Я СТАЛ СОЦИОЛОГОМ»

Звоновский В. Б. – окончил Куйбышевский авиационный институт по специальности радиоинженер (1989 г.). Доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и психологии Самарского государственного экономического университета, президент Фонда социальных исследований.

Основные области исследования: методология и методы изучения общественного мнения, электоральные исследования, исследование рынка, региональные проблемы. Интервью состоялось: июнь-сентябрь 2014 г.

Год рождения Владимира Борисовича Звоновского приходится на середину интервала «отведенного» мною для рождения представителей пятого поколения советских/российских социологов. Но, пожалуй, кроме этого в его вхождении в социологию и в характере его работы обнаруживается мало типичного для данной профессионально-возрастной когорты.

Он окончил технический вуз, это достаточно часто наблюдается во втором и третьем поколениях, но для пятого – стало редким. Ранее математиков (в широком толковании) призывали в социологию для анализа проблем измерения и налаживания системы обработки данных, но к началу 1990-х острая необходимость в подобных специалистах пропала. Звоновский пришел в социологию не как «технар», но как социолог, сразу включившийся в анализ социальной тематики.

Эпоха предоставила Звоновскому возможность создавать свой аналитический, исследовательский бизнес. Он рискнул, и время показало, что сделал это обоснованно. К тому же, он не утонул в рутине ежедневных опросов общественного мнения и исследований рынка, а включился в научные исследования и успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Далее, не оставляя полстерского ремесла, он в 2013 году стал доктором социологических наук. Подобное мне известно среди социологов пятого поколения, но, уверен, частым такое сочетание работы в области прикладной и теоретической науки никогда не будет.

Недавно Владимир Звоновский возглавил выпускающую кафедру социологии и психологии в Самарском государственном экономическом университете. Такое единение полстерской, академической и преподавательской деятельности – уникально. Для него открылись новые возможности для постижения природы и путей познания общественного мнения. Не будем торопить, но будем ждать.

Звоновский В. Б.: «4 февраля 1991 года я стал социологом»

Володя, я вижу в нашем разговоре три главные темы: первая, Ваше вхождение в социологию; вторая, Ваша работ и самарская социология и третья, изучение общественного мнения в регионах России. И начнем, как обычно, с начала...

Пожалуйста, расскажите, из какой Вы семьи, насколько далеко Вы знаете ее прошлое?

В этом смысле я совершенно не интересный персонаж. Матушка моя, Афанасьева Алевтина Николаевна, родилась в Оренбурге, в тот недолгий период, когда тот был Чкаловым и вскоре ее родители — железнодорожники — переехали в Куйбышев. Родной дед мой умер еще до моего рождения. Мама с бабушкой жили на нижнем (полуподвальном) этаже деревянного дома в историческом центре (как теперь говорят) Самары. Они занимали одну половину коммунальной квартиры с туалетом на улице и русской печкой на кухне. На второй половине жили Прасковья Петровна и ее брат Федор Петрович Утехины. Когда я родился, муж Прасковьи Петровны уже умер, и они жили вдвоем. Некоторое время моя бабушка была замужем за Федором Петровичем и потому отношения мои с дедом Фedeй и бабой Паной были семейными. Дед (а обращение всегда было таким жестким — дед, а не дедушка, баба, а не бабушка) собственно во многом и определял мое детское воспитание.

Мама закончила железнодорожный техникум и некоторое время работала на железной дороге, а затем ушла в созданное в 1965 году куйбышевское управление проектно-монтажных работ, занимавшееся монтажом систем связи на производственных стройках — АвтоВАЗ, ТоАЗ в Тольятти, Сызранский Тяжмаш и других, о которых я имел слабые представления. В 1961 году она вышла замуж за Бориса Звоновского, получила от управления куйбышевской дороги однокомнатную квартиру в «хрущевке» недалеко от вокзала. Но молодая семья просуществовала недолго и где-то в 63 или 64 году они расстались, мама оставила фамилию мужа и квартиру. В 1965 году она познакомилась с молодым человеком, имя которого я узнал лишь когда он умер в 1984 году. Отношения были очень романтическими и судя по всему очень страстными, но оформлять браком они их не стали. Мама говорила, что по причине жесткого несогласия родителей моего отца. Своими глазами отца я видел всего несколько раз, матушка тщательно оберегала меня от этих отношений. Хотя и у меня самого какого-то желания узнать об отце почти никогда не было. Как я знаю, у него была семья, и, у меня, вероятно, есть не только братья и сестры, но и племянники. Мама очень тяжело перенесла известие о смерти отца, причем в том же году, когда умерла и моя бабушка.

Бабушкина семья приехала в Самару из-под Мелекесса (ныне — Димитровград), как многие тогда в Поволжье, в результате голода начала 20-х годов. Себя они считали семьей небогатой и даже бедной. Семья деда (моего деда — Утехина Ф. П.), напротив, была из зажиточных. Ее раскулачили, и им пришлось бежать в Мерв, где они, по рассказам деда, буквально побирались на рынках в поисках еды. В 1929 году его призвали в армию, он получил специальность свя-

зиста и служил в Одессе. После демобилизации кем он только не работал, даже в ОГПУ в 1938–39 годах. Он мне говорил еще в советские годы, что ему счастливо удалось уйти из органов живым.

В июне 1941 году он не пошел добровольцем на фронт, продолжая работать в сельхозкооперации. Но в декабре его призвали, а апреле отправили на Южный фронт отвоевывать Харьков. Харьков тогда взяли, но дед в разговоре с политруком обмолвился, что «как-то планомерно фрицы отступают, даже матрацев не оставляют в окопах». Политрук сообщил куда надо и деда отправили в штрафбат. Немцы взяли наступавшую армию в кольцо, захватили во второй раз Харьков и двинулись на Сталинград. Тут на счастье деда формировалась 8-ая воздушная армия и ей нужны были связисты. Рекрутеры приехали в штрафбат, спросили — есть ли связисты, выдали деду документ и уехали. Искать свою часть он должен был самостоятельно. К Волге пришел, когда переправлялась последняя наша баржа на левый берег. На баржу он не успел и тем спасся, поскольку бомбившая переправу немецкая авиация очень легко справлялась с практически незащищенным транспортом. Деда спас хороший навык и страсть к плаванию, которые многие дети на Волге получают с детства, а он еще и закрепил на Черном море во время службы в Красной армии. Войну он закончил в Берлине, краем глаза видел Прагу. И больше с политруками на политические и военные темы не разговаривал.

Бабушка во время войны работала на эвакуированном в Куйбышев авиационном заводе. Сегодня электричка идет от вокзала до завода мимо всего города примерно минут 20–25. Но тогда их возили в телячьих вагонах по степи. Как-то зимой, в 30-градусный мороз поезд встал и простоял несколько часов. Бабушка получила обморожение ног и ее перевели работать на элеватор, который находился в 5 минутах ходьбы от дома. Там она работала до выхода на пенсию. Но денег не хватало и бабушка регулярно подрабатывала то гардеробщицей, то кассиром. Маме также все время приходилось брать дополнительную работу на дом. Когда успевала, еще и шила что-то на заказ.

Тогда я и не мог и не думал сказать, что мы жили бедно. Так жили все, большинство, вероятно, лучше нас, но очень большое число наших земляков, если судить по семьям одноклассников — хуже. Самара тогда была закрытым городом, иностранцев сюда не пускали. Поэтому снабжение предметами первой необходимости, равно второй и последующих, было в основном ведомственным. В Самаре позднесоветского периода было два магазина, которые назывались «мясо» и там иногда, действительно, продавали мясо. В 1984 году я первый раз прилетел в Ленинград и одна из главных вещей, которые меня тогда поразила, это обилие мясных магазинов, а также возможность купить нарезанную колбасу или булку. С 1979 вводятся первые карточки (на масло и колбасу) и уже никогда до 1991 года не отменяются. Поскольку мама работала, я должен был их «отovarивать». В очередях я тогда настоялся на всю жизнь вперед.

Мне многое знакомо.. примерно в таких же условиях проходили мое детство и ранняя юность в Ленинграде, но то было послевоенное время... Вы очень выпукло описали... но добрались до школы... как вспоминаются школьные годы? Что интересовало?

Школа, в которой я учился с 1 по 8 класс, располагалась в нашем дворе. В старших классах я зимой надевал только шапку и шарф, а сходить домой за забытой тетрадью домой или открыть метающемуся по балкону коту форточку, было делом пяти минут. Математика, а потом физика и химия мне были очень интересны, я читал какую-то дополнительную литературу, участвовал в олимпиадах и конференциях, значимых высот не достигал, но особенно по этому поводу не расстраивался — само решение сложных задач было важнее возможных профитов от признания. В 8 классе мы с моим одноклассником стали ходить в вечернюю школу физики, которую вели студенты и преподаватели физфака самарского университета. Это была подготовка к поступлению в университет. Формально они приглашали учеников 8 классов, реально программа этой школы была рассчитана для девятиклассников. Мы не понимали половину, что нам говорили, но боялись сознаться в своем отставании. В какой-то момент наши учителя, вероятно, заметили наши озабоченные лица и несколько упростили курс. Экзамен в той школе мы сдали без блеска, но успешно.

Примерно с 7 или 8-ого класса выработался определенный ритм жизни, который включал в себя обязательно посещение книжных магазинов. Раз в неделю я обходил почти все из них в тогдашнем Куйбышеве, благо их было немного и почти все находились в центре города. Надо сказать, и сегодня я стараюсь более или менее регулярно смотреть на книжные полки, будучи в Москве, Питере или в Самаре. Однако, наиболее ценные для меня тогда книги приносили друзья и знакомые. Ничего запрещенного, всего лишь Лем, Бредбери, Шекли, фантастика, рисовавшая возможные социумы прошлого и будущего. Все это давало смелость видеть иные пути развития и нашего социума.

После 8-ого класса я под влиянием своего одноклассника перешел в школу 63, как тогда говорили, с физико-математическим уклоном. Она располагалась в центре города, недалеко от набережной Волги и до нее нужно было ехать несколько остановок на автобусе. Новые учителя заставляли совершенно по-иному работать в классе и дома. Наша «математичка» устраивала небольшие контрольные работы практически на каждом уроке. Поначалу это убеждало нас в полном незнании предмета (двоек было 80%, остальные — тройки), но затем, доведенные до автоматизма решения задач уже давали основания надеяться, что мы знали материал. Слова учительницы перед экзаменом «вы все выучили, осталось самое легкое — сдать» я усвоил на всю жизнь и действительно, с какого-то момента стал относиться к экзаменам, как к рутине.

Однако, главным для нас человеком в 63-ей школе был для нас учитель физики, народный учитель СССР Николай Иванович Мельников. Ветеран войны, он преподавал физику так основательно, с такой любовью и таким пониманием каждого ученика, что не усвоить ее было практически невозможно. Мы приходили к нему в класс примерно за час до начала первого урока, чтобы решать задачи сверх школьной программы, даже расширенной спецификой школы. Я не заметил этого сам, но, вероятно, заметил это он, что мой интерес к физике со временем угас. На экзамене я собирался отвечать у доски как образцовый ученик, но Николай Иванович подсел ко мне и тихо принял у меня ответ. Как оказалось, не такой уж блестящий. Свои пятерки по всем предметам кроме русского, я получил, но уверенности в том, что мне нужно продолжать карьеру в точных дисциплинах у меня уже не было.

В нашей школе самым престижным считалось поступление в московский физтех, нас туда поехало человек 10, и я был единственный, кто получил двойку на первом же экзамене. В какой-то момент я понял, что забыл, как одно число делится на другое. Это меня сильно расстроило и решение остальных задач пошло «не так». Вернувшись домой, я подал документы на радиотехнический факультет Куйбышевского авиационного института, который и закончил через 6 лет. Мне, как имеющему средний балл 4,5 нужно было сдать два экзамена. Получив две пятерки, я спокойно отправился на пляж догуливать последнее детское лето.

Вы мне этого вопроса не задавали, но я хочу рассказать об одном событии, воспоминания о котором для меня оказались важны в профессиональном плане. Так многие ветераны вспоминают похороны Сталин, а я вспоминаю смерть и похороны Брежнева.

Мы тогда были в выпускном классе и в кабинете нашего классного руководителя – учителя истории и члена обкома профсоюзов области висели два портрета Ильич–1 и Ильич–2. Мы были в классе с ней вдвоем, уже не помню, о чем был разговор, но тут вошла моя одноклассница и трясущимися губами прошептала: «Вера Степановна, Брежнев умер». На что Вера Степановна – вдова и мать военных офицеров, которых в таких случаях вызывали в часть еще до официального сообщения о кончине очередного коммунистического лидера, но без оповещения о том, что, собственно, произошло, – среагировала: «Я так и знала». Портрет Ильича–2 сняли, перевязали черной ленточкой и поставили при входе в школу, даже, помнится, поставили к нему двух пионеров.

На следующий день в школе состоялся траурный митинг. Завуч школы, выступая с трибуны, буквально давила в себе истерику, вытирала слезы и запинаясь от волнения и скорби. И это было совершенно искренне. А на задних рядах мои одноклассники практически смеялись в голос и над почившим старцем, и над скорбящей учительницей, разумеется, столь же искренне. Эта разногласица и разночувственность тогда обратили на себя мое внимание. Ощущение близкого краха советской системы, возникшее где-то в 1979 году, в то время не то, чтобы окрепло: казалось, плотина вот-вот будет прорвана этим смехом заднекамеечников.

Судя по Вашему рассказу, Вы еще застали время комсомолии. Могли бы Вы вспомнить о Вашей общественной деятельности? Было ли Вам интересно этим заниматься?

В том, что касается общественной жизни школы, а затем – института, это было временем полной замены формы содержанием. Не было ни одной формы этой жизни, где жизнь сохранилась бы в самом рудиментарном виде. Мы заполняли формочки, называемые «ленинским комплексным планом», проводили классные часы, посвященные очередным съездам и пленумам, но ничего оттуда вспомнить я не мог уже на следующий день. Однако, в школе, где-то класса, с 6 или 7, я должен был проводить еженедельные политинформации, которые в то время на 95% были посвящены международным делам. Я это делал с удовольствием, поскольку рассуждения о тонкостях отношений между США и Великобританией в условиях фолклендского кризиса были куда интереснее констатации всенародной радости относительно запуска новой доменной печи северной Магнитки. Про обозначенную радость могли прочесть и прослушать по

ТВ большинство одноклассников, а вот особенности международной политики было для моей публики чем-то новым и приподнимало их над повседневностью. Меня самого это заставляло быть в курсе новостей и искать постоянно те новости, которые могли бы привлечь слушателей. Я должен был найти баланс между собственным интересом и вниманием моей аудитории. В какой-то степени пригодилось потом, когда нужно было разъяснять клиентам и грантодателям свой выбор темы предлагаемых исследований.

В комсомол я вступил по календарю — 8 февраля 1980 года мне исполнилось 14 лет и мне комсорг класса (самая старшая по возрасту девочка — она вступила в ВЛКСМ первой в классе) принесла бланк заявления. Идеологической позиции у меня тогда не было — пришло время, ты должен стать комсомольцем. Написал заявление, меня спросили про ордена комсомола и приняли. В феврале 1991 года, когда я ушел из конструкторского бюро в социологическую службу при областном совете народных депутатов, я просто не встал на учет. Красная книжка члена ВЛКСМ осталась в моем архиве, равно как и последние продовольственные карточки того же времени.

В то время в Самаре (тогда еще Куйбышеве) возник киноклуб «Ракурс», где кроме демонстрации фильмов, происходило их обсуждение и туда устремлялась местная интеллектуальная тусовка. Первые 10 лет там показывали преимущественно картины, которые были по каким-то причинам запрещены в СССР или прокатывались ограниченным тиражом. Позднее он стал просто местом, где Вы можете увидеть мировые шедевры, или то, что на это звание претендует. Студент, если хотел произвести впечатление на свою девушку, вел ее в Ракурс, а та, если хотела продолжать отношения с этим молодым человеком, вынуждена была ходить вместе с ним и поддерживать разговор о высоком. «Ракурс» не был музеем в том смысле, что там висят «проверенные временем шедевры», он был галереей современного искусства, где показывали фильмы, которые нужно было посмотреть, если ты хочешь быть в курсе культурных событий, но каждый из них мог оказаться мусором.

Во время обучения на первом курсе мы создали дискуссионный клуб Авиационного института, на котором обсуждали литературные и телевизионные произведения, начавшие в то время бурно покидать полки, где пролежали многие годы. Мои товарищи по клубу, учившиеся на старших курсах, скорее всего, брали пример с аналогичного клуба в Куйбышевском университете, которым руководил Евгений Фомич Молевич, но я на этих заседаниях ни разу не был. Каких-то эпохальных открытий и идей наши дискуссии не принесли, но дали навык общения на социально значимые темы, поиска аргументов, и их отстаивания. Уже к 3 или 4 курсу стало очевидно, что необходимость в таких клубах быстро исчезала: социальная жизнь, с одной стороны, вырывалась на улицу и превращалась из дискуссии в действие, а с другой, люди уже общались на уровне города, а не по квартирам или предприятиям и местам учебы. Вскоре этот период назовут митинговой демократией.

22 июня 1988 года в Самаре состоялся первый антимуравьевский митинг (Евгений Муравьев был тогда первым секретарем обкома КПСС). Неожиданно по призыву неизвестной никому инициативной группы, на главную площадь

города пришло (по разным оценкам) от 20 до 70 тысяч человек. Был создан городской дискуссионный клуб «Перестройка», а затем и самарский народный фронт. Я несколько раз ходил на их сходки и митинги, но лишь как слушатель.

Тогда все это казалось пробуждением народа, превращение его в действующего субъекта. Но уже через три месяца собранный этим же людьми митинг милиция разогнала без особых проблем, во многом в силу его малочисленности. Оказалось, что народная энергия плохо запасается и быстро расходуется. И все последующие годы социологам, и мне в частности, часто задавали вопрос — можно ли предсказать народные выступления и их массовость.

Когда весной 1989 года прошли первые в СССР относительно свободные выборы, я стал активно помогать одному из кандидатов доценту авиаинститута Виктору Вильчеку, о котором до его выдвижения ничего не знал. Мы делали номер институтской газеты с его программой и распространяли его. Мне выдали удостоверение доверенного лица, которое у меня висит на стене в кабинете как напоминание о важном в моей жизни решении: после окончания кампании, я дал себе слово, а вернее будет сказать, осознал, что мне никогда не будет интересна собственно политическая жизнь и политическая карьера. Надо сказать, что последующая судьба и деятельность «нашего» кандидата, а, затем, депутата, лишь подтвердили мои намерения.

Как вспоминаются шесть лет студенчества? Что Вас захватывало, к чему душа лежала?

Первые два или три года учебы я прилежно изучал технические дисциплины, положенные по учебному плану и старался пересдать все «четверки» на «пятерки». Но чем дальше, тем больше я понимал, что я серьезно ошибся с выбором профессии: социальные науки, особенно, философия, увлекали меня все больше. У нас сложились хорошие отношения с профессором Робертом Израилевичем Таллером, который впоследствии стал заведующим кафедрой философии в нашем институте, и всерьез стал подумывать о переходе на философский факультет Ленинградского или Московского университета и даже съездил туда, чтобы узнать о возможностях такого перехода. Единственным, но очень важным, результатом этой поездки стало знакомство с Еленой Толчановой — моей будущей женой, учившейся тогда в Ленинградском институте точной механики и оптики.

Разумеется, можно было просто бросить один институт и поступить в другой, но, во-первых, это было бы «потерей» нескольких лет обучения, во-вторых, практически однозначно привело бы к потере еще двух лет, поскольку пришлось отслужить в армии. Долгое время я считал трусостью свою нерешительность: двое моих одноклассников именно под влиянием желания сменить вуз и профессию уходили в армию. Но когда к нам в компанию стали приходиться выпускники социологических факультетов, я понял, что образование, полученное в техническом вузе, дает не только хорошее знание математики, но и способность к обобщению и упорядочиванию имеющегося индивидуального знания, гигиену разума, если хотите. Поэтому я остаюсь благодарным и моему вузу, и моим преподавателям, которые искренне хотели, чтобы из меня получился хороший радиоинженер.

И как же и когда Вы все таки прыгнули в социологию?

Случайно. После окончания вуза я отправился по распределению в одно из закрытых конструкторских бюро города. И сразу же стал искать возможность поступить на философский факультет какого-либо столичного вуза. К сожалению, советская власть такое желание не одобряла. Второе высшее (бесплатное, а платного тогда не было) полностью исключалось. Точнее, допускалось лишь для членов партии и по партийной рекомендации. В партию, разумеется, я вступить не мог, а вот рекомендацию получить пытался. Подал заявление, партком рассмотрел и ответил совершенно логично и практично: для производственных нужд ОКБ инженеру Звоновскому В.Б. философское образование не требуется.

Я продолжал общение с Робертом Израилевичем Таллером, но, к сожалению, он не нашел возможности работы на кафедре. Тогда стали появляться социологические лаборатории и попробовал обратиться в две из них. Сначала я встретился с Молевичем, тогдашним светилом местной философской и политологической тусовки. Мэтр выслушал меня и сказал примерно то, что я знал и без него: в современных условиях помочь мне может только случайное стечение обстоятельств. Система советской высшей школы полностью исключало мой переход из инженеров в философы.

Тогда я подумал, что недавно образованная социологическая лаборатория при самарском пединституте не обременена советским габитусом и легче отнесется к настырному технарю-беженцу. В общем так и получилось: ее руководитель Дмитрий Завершинский, выслушав меня, предложил написать эссе про мигрантов в Самаре. «Если оно нам понравится, мы тебя возьмем», – сказал он. Я отправился в библиотеку и стал читать все, что касалось этого, практически несуществующего в советской социологии вопроса. Тогда я впервые познакомился с работами Галины Васильевны Старовойтовой. Не написав никакого связанного текста, но еще более проникнувшись скукой и унынием к инженерной работе, я отказался от мысли принести свои наработки Дмитрию.

Работа в ОКБ тем временем все более превращалась в фарс. Я вышел на работу туда в мае 1989 в период работы первого съезда народных депутатов СССР, когда народ приходил в офисы не работать, а слушать заседания съезда по радио и обсуждать их. Так прошли 1989 и первая половина 1990 года. В осеннем семестре мне даже удалось получить небольшую преподавательскую практику в Авиационном институте, и это был для меня первый педагогический опыт с подготовкой лекций и их чтением. Но с самого начала я знал, что это – временная для меня работа и она должна закончиться через год.

Тем временем из Ленинграда вернулся мой бывший одноклассник, который в свободное время играл в панк-рок группе, и мы с женой иногда приходили на их концерты, после одного из которых я разговорился с их ударником. Оказалось, что сестра жены его брата работает в социологической службе только что избранного областного совета народных депутатов и им нужны люди для участия в проектах. Так, в конце 1990 года я познакомился с Людмилой Нурдиновой и руководителем центра Иваном Беккером. Иван Иванович, который на самом деле был Иваном Иоганесовичем, поскольку был немцем, принял меня на работу и 4 февраля 1991 года я стал социологом.

Офис тогда наш находился в самарском Белом Доме на пятом этаже, в одном коридоре с кабинетом председателя совета областных нардепов Тарховым В. А. А мы могли свободно ходить по кабинетам председателей комитетов и лоббировать исследования по любой теме: от межнациональных отношений до сельского хозяйства. Люди те были, скажем так, разные. Поэтому опыт презентации и продаж собственных исследований у меня сформировался разнообразный.

Весной 1991 года я поработал в настоящей социологической экспедиции в одном из районов Самарской области, где проходил эксперимент с упразднением советов на низовом уровне. Район тот был тогда самым маленьким в регионе, и там просто не было достаточного количества людей, способных участвовать в управлении. Другое исследование я уже проводил сам, и оно было посвящено электоральной активности избирателей Тольятти. Тогда для наших заказчиков большим удивлением стал вывод о том, что абсентеизм явился следствием неактуальности политической жизни города для его избирателей, а не отсутствия достойных кандидатов. Тогда казалось, что активистский подъем перестройки не будет иметь обратной силы.

Мне кажется, Володя, вы с блеском провернули операцию: «Стать социологом!». К 25 годам Вы самостоятельно поставили перед собой такую задачу и успешно ее решили. Напор и немного везения. Пожалуйста, вспомните, как Вы находили необходимую литературу, какие книги, авторы оказали на Вас наибольшее влияние?

Сначала отвечу на Вашу оценку. Иногда мне кажется, что лучше бы эту задачу поставить в 18 лет, поступить в профильный вуз, где можно было бы набирать опыт рядом с практикующими преподавателями. Но потом спохватываюсь, поскольку очень ценю технический склад ума, который формируется в инженерных вузах, критичность к метафизическим заключениям, свойственная для естественных наук и строгость, привитая математикой. Это и сегодня сложно получить в социологических подразделениях российских вузов.

После самостоятельно проведенного исследования в Тольятти, я еще сильнее почувствовал необходимость получить хотя бы какие-то азы социологического образования и навыков. Ведь многое из того, что и как я делал, было сделано, исходя из здравого смысла и с опорой на естественно научные методы. Например, в Тольятти, я провел измерение не только в пяти «аномальных» округах, но и в трех «обычных», принятых за контрольную группу. Это было инстинктивным решением технаря.

И тут в разговоре с коллегами я рассказал о том, какими интересными мне показались исследования Леонида Кесельмана из Петербурга, который представлял их в массовой прессе с научным бэкграундом (его знаменитые «таблицы-решетки»), но изложенными в простой, доступной манере. Директор нашего центра сказала, что она была на какой-то научной конференции, где Леонид Евсеевич выступал, и передала мне его координаты (тогда это были домашний и служебные телефоны). Я позвонил ему, и мы договорились встретиться в мой очередной приезд в Питер. Мы встретились в филиала Института Социологии и говорили в течение нескольких часов, которые произвели на меня сильное

впечатление. Кесельман несомненно обладал тем, что Вебер называл «харизмой», т. е. способность управлять людьми, не обладая никакими властными полномочиями.

У нас с ним на протяжении более 20 лет знакомства практически никогда не было каких-то формально общих проектов. Лишь несколько проектов РГНФ, в которые он приглашал меня, и пара проектов в Самаре — по измерению уровня потребления наркотиков и по изучению отношения к московскому времени, к работе в которых я привлекал Леонида Евсеевича. Но это не мешало мне и моим самарским коллегам поддерживать постоянный контакт с ним и Марией Мацкевич, вносившей в наше профессиональное общение долю осторожного скептицизма, столь нужную в общении с харизматиками, подобными Кесельману.

Тогда, в начале 90-х, революционными мне показался предлагаемый метод сбора данных, но чем дальше я работал в сотрудничестве с Кесельманом, тем больше убеждался, что работа с отдельными признаками и данными была его не менее значимым достижением. Иногда казалось, что он забирал из пары пересечений всю возможную информацию, даже не прибегая к корреляционному или регрессионному анализам, не говоря уже о кластерном или факторном. И делал это не потому, что плохо знал последние, а как раз потому что много работал с ними и не с помощью программных пакетов типа нынешних СПСС или Статистики, а буквально на пальцах и кончике карандаша, рассчитывая все веса и коэффициенты вручную.

К сожалению, в 2004 году Кесельман уехал из России, но последующие события показали, что это добавило ему несколько лет жизни. С другой стороны, для него профессия была жизнью и утрата возможности вести реальные полевые исследования очень угнетала его. Он пытался как-то обобщить собранные за все время измерений данные, но был вынужден отвлекаться как на политические события в России, так и на свои бытовые неурядицы, нараставшие по мере ухудшения здоровья его и его жены. Две последние поездки в Россию в конце 2012—начале 2013 уже совсем подкосили здоровье Леонида Евсеевича. Но до самого последнего нашего разговора за день до кончины, он оставался неисправимым оптимистом, внушал веру, что мы вернемся к совместной работе, хотя, как я сейчас понимаю, знал, что этого уже не произойдет.

Размышляя над ответом на Ваш последний вопрос, я подхожу к книжной полке. Для меня главными были и остаются две группы книг: социологическая классика и книги по методологии исследований. Глядя на полку, могу сказать, что на заре моей профессиональной деятельности, с первым было плохо, но сегодня почти все переведено и опубликовано на русском языке. Второе до сих пор остается крайне ограниченным ресурсом.

Читая книги, я не делаю в них пометок и подчеркиваний, а записываю свои соображения на закладках, которые как раз в момент начала моей социологической деятельности стали делать с клеевым слоем. Если судить по числу этих закладок, то наибольшее влияние на меня оказали Бергер и Лукман, чье «Конструирование социальной реальности» было впервые опубликовано на русском в 1995 году, «Статьи по социологии» 1993 года Юрия Левады и «Город» Макса Вебера. Ну и Кокрен, конечно!

«Находить» литературу нашему поколению уже было в целом не нужно, нужно было находить время для ее чтения, ну и, а со временем и деньги на их покупку. И сегодня к стыду своему, имея прекрасную профессиональную библиотеку, я прочитал не более трети из этих книг.

Несколько раз мне удавалось поработать в библиотеке «шанинки», куда меня в свое время направил Павел Романов. С болью я узнал позавчера о его кончине. Он был не просто один из самых профессиональных социологов России, но и человеком, который помогал мне в моем академическом становлении. Он был замечательным человеком и добрым товарищем. Очень жаль, что его жизнь оборвалась так быстро.

Другим признаком, отражающим мой читательский интерес, можно назвать практические следствия, т.е. исследования, которые были проведены под влиянием того или иного автора. Тут следует назвать «Доверие» Френсиса Фукуямы, «Социология пространства» Александра Филиппова и Александра Ахиезера с его концепцией двух систем ценностей в российском массовом сознании. Так или иначе я использовал их концепции в своих исследованиях.

К методологическим источникам своего бэкграунда я должен отнести, помимо упомянутого Кокрена, учебник Владимира Александровича Ядова, двухтомный сборник с описанием различных методов, среди авторов был мой нынешний интервьюер. Со временем у меня появилось «Sample survey» Л. Киша.

Прежде всего, Володя, попрошу Вас рассказать подробнее о Вашем общении с Павлом Романовым. Что позволило Вам отметить его помощь в Вашем академическом становлении?

С Павлом у меня связаны воспоминания о моей защите кандидатской диссертации. Я готовил диссертацию в Социологическом институте РАН в Петербурге под руководством Бориса Максимовича Фирсова, но в тот момент Борис Максимович уже был ректором Европейского Университета, а в институте возникла ситуация какой-то неопределенности формального характера с диссертационным советом, т.е. он вроде был, но проводить защиты не мог. А я с защитой тянуть уже не хотел – незащищенная (но уже написанная) диссертация подобна не сданному клиенту проекту. И тут я узнал, что в Саратовском техническом университете, где есть сильный и активно работающий совет, работает мой земляк и добрый знакомый Павел Романов. Я отправил ему текст диссертации и спросил – интересна ли такая работа их диссертационному совету. Он ответил положительно, отметив то, в чем следует ее доработать, и мы быстро двинулись к цели. В 2000-м мы с ним начали финализировать текст, а в мае 2001-ого я защитился.

Павел меня направлял именно с точки зрения академической строгости текста, аргументов и выводов диссертации. Для меня все эти теоретические заморочки казались мешающими простоте и ясности изложения моих идей, но он делал понятными мне эти требования. Не могу сказать, что я перестал считать заморочки заморочками, но Павел меня научил легко переходить с сочного языка прикладных исследований на сухой язык теории и обратно. Когда я работал над докторской диссертацией, содержащей уже существенную теоретическую часть, это мне очень пригодились. И конечно, не могу не сказать о Елене Ростиславовне Ярской-Смирновой – жене Павла. Она создавала очень добрую атмосферу

нашего профессионального общения. Ее замечания и предложения помогали справиться с казавшейся мне поначалу тяжелой и требующей большого времени работой легко и быстро.

Затем мы встречались с Павлом на разного рода конгрессах и съездах, несколько раз он приезжал к нам домой и в офис, когда бывал в Самаре. Наше общение не было интенсивным, но оно всегда было добрым и искренним. Он был и самостоятельным очень сильным ученым, и качественным учителем и наставником. Когда они с Еленой работали в Саратове, из их кафедрального гнезда вышло много молодых социологов, владеющих современной техникой исследований и вкусом, интересом к самому процессу исследования.

Вы уже четверть века изучаете общественное мнение. Очень большой срок. Как за эти годы изменилась природа общественного мнения в России и какие изменения произошли в Вашем понимании этой формы массового сознания?

Тут надо сказать две вещи. Прежде всего, выразить согласие с этой формулировкой. Общественное мнение – форма массового сознания. Вторая мысль – российское общественное мнение движется в сторону от мнения, т.е. более или менее сложившейся системы представлений и идей, в сторону к массовому сознанию – система неустойчивых сочетаний эмоций и действий, часто лишенных вербального выражения.

Природа и формы общественного мнения волнуют социологов постольку, поскольку существовали социологические теории о том, что оно является одним из важных факторов социального поведения. Иначе говоря, то, что люди думают о себе и окружающих, влияет на их поведение. При всей очевидности этого тезиса, противоположный ему – на поведение людей влияют лишь их непосредственные хозяйственные интересы – представляется все же куда более очевидным. Так, несмотря на то, что голос отдельного избирателя не имеет сколько-нибудь значимого воздействия на итог голосования в большой стране, люди приходят на избирательные участки, теряя на это свое время, отрываясь от своих повседневных занятий. Делают они это, вероятно, от того, что политическая элита общества убедила их в том, что участие каждого гражданина важно.

Именно это предположение проверял Лазерсфельд в своем исследовании Мидлтауна, где показал, что установка общественного мнения сначала получает поддержку среди политической, административной, информационной и бизнес элиты общества, а затем уже проникает в большинство социальных групп. Но для того, чтобы эта установка передавалась от одной группы к другой, представители этих групп должны разговаривать на одном языке, иметь одну лексику и сходные навыки общения, знания, социально значимые события в своей памяти и аргументацию. Наконец, они должны иметь место и время для таких обменов, а также возможность формировать свою точку зрения, ее менять, и право ошибаться. Ну и соответственно, нести ответственность за такую ошибку.

К сожалению, в нашей стране все эти возможности, скорее, утрачиваются, чем расширяются. Мои коллеги, которые активно проводят фокус-группы в разных регионах страны и на разные темы, никоим образом с политикой не связанными, замечают, что люди утрачивают возможность легко выражать свои мысли в словах. Т.е. для того, чтобы этот процесс запустить, модераторам приходится прилагать какие-то усилия, чтобы лексика и формы мысли респондентов

в отношении общих для них условий повседневной жизни начинали совпадать. Мне, как редко практикующему модератору, с этим приходится сталкиваться реже, но я наблюдаю примерно тот же процесс: россияне сегодня испытывают затруднения при использовании различных терминов, понятий, сама дискуссия для них является не формой выражения мысли и достижения общего понимания для направления движения вперед, а лишь способом заявить о себе, и, соответственно, не требует поиска общих смыслов.

С таким общественным мнением можно очень технологично работать, подбрасывая новые термины, которые носят сиюминутный характер и исчезают сразу же после перехода к следующей теме. Вот, например, сейчас практически не используется термин «кошунницы», хотя год или два назад они были очень модными. Термин не закрепился, не задержался, вероятно, потому, что был *ad hoc* к конкретному политическому случаю, требовавшему общественного осуждения. Глубоких попыток осмыслить понятие кошунницы, вписать его в более широкий контекст общественного мнения не было. То же самое с термином «фашисты», активно используемое в отношении политически недружественных сил на Украине и в России. Полагаю, что оно тоже утратит смысл и уйдет в небытие в том смысле, в котором он используется ныне.

В современной России прослойка политической элиты очень узка, значимые места общественной дискуссии элиминированы («парламент не место для дискуссий»), обмен мнениями по общественно значимым темам уже является политической деятельностью и сразу же подлежит регламентации со стороны государства, а нередко и подавлению. Сегодня даже обсуждение устройства двора или придомовой территории в городе может быть воспринято как политическая деятельность. Отдельные люди и целые социальные группы стараются не произносить ненужных слов, которые могут привлечь ненужное внимание. В результате лексика общественной дискуссии обедняется, общественное мнение становится немым и в своих действиях опирается не на мнения различных социальных групп и отдельных персон, а на стихийное и непроизвольное поведение под управлением простых человеческих чувств или эмоций: радости, сопереживаний, ненависти, гнева.

Но опросы общественного мнения — это не только выборка и организация сбора данных. Это прежде всего реализация определенной трактовки природы общественного мнения, его генезиса, механизмов функционирования. Нашли ли Вы в существовавшей в начале 90-х литературе нечто созвучное Вашему видению этого феномена?

Здесь моя точка зрения находится под влиянием Леонида Евсеевича Кесельмана с его теорией социального сознания как формы силового поля, в котором находятся индивиды, и их сознание лишь обнаруживает в себе, реализует установки, характерные для социального сознания в целом.

Другое дело, что в начале 90-х мы считали, что со временем темный люд российских окраин отряхнет с себя «совок», и вот-вот настанет час, «когда мужик не Блюхера, и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесет». Когда ценности, разделяемые узким слоем столичных элит, проникнут в толщу советского общества. Надо сказать, мы имели наглядные подтверждения этому процессу не только в итогах выборов и референдумов, но и в результатах раз-

личных опросов. Например, исследования Владимира Самуиловича Магуна о революции притязаний российской молодежи, проекты Института сравнительных исследований трудовых о трансформации производственных отношений на российских предприятиях и других.

Однако, столкнувшись с реальностью конкуренции и ограничениями собственных возможностей, большинство социальных групп довольно быстро согласилось с тем, что их благосостояние и жизнь в целом определяются внешними обстоятельствами, а не их собственной деятельностью. После 2000 года в этом же их стала убеждать и власть усилиями СМИ и в первую очередь, телевидения. Революция притязаний обернулась контрреволюцией. Бизнесы и вывод их акций на международные биржи как признак венца деловой карьеры сменились дворцами и шубохранилищами. Очевидно, что такой социальной структуре общественное мнение не очень нужно, точнее, оно перестает быть необходимой для воспроизводства существующего в России общества.

Сегодня в России нет потребности для существования общественного мнения как социального института, если оно и существует, то на птичьих правах, или требует постоянной поддержки. Примерно как с телеканалом «Дождь». Его функционирование требуется для очень небольшой социальной группы, но этого явно недостаточно для его функционирования как бизнес-единицы.

Если вернуться к Вашему вопросу, то среди литературы, прежде всего (именно по времени, а не по влиянию), следует упомянуть «Открытие спирали молчания» Ноэль-Нойман, «Психология толпы» Г.Лебона и «Век толп» Московичи. Лишь в 2004 году ФОМ перевел и опубликовал полностью «Общественное мнение» Уолтера Липманна. Лазерсфельд со своим Мидлтауном не переведен до сих пор. Не могу сказать, что мнение этих авторов и содержание их работ я разделяю. Скорее, напротив. Собственно, сам набор публикаций говорит о том, что общественное мнение либо сводится к психологическому феномену толпы, либо шельмуется как результат манипулятивных практик (см., например, «Делать мнение» Шампаня или «Уши машут ослом» Матвейчева). Но факт остается фактом — сегодня мы имеем скорее неустойчивые формы массового сознания, а не установки общественного мнения. Поэтому и потребности в анализе последнего невелики и исчерпываются двумя указанными формами.

А какой теме была посвящена Ваша кандидатская, что удалось показать?

Диссертация моя имела сложное происхождение. Когда мы ее задумывали с Борисом Максимовичем Фирсовым, она должна была быть сфокусирована на проблеме регионального измерения процессов, которые, как нам тогда казалось, начинались в нашей стране. Мы считали, что широкая поддержка реформ в российских столицах, среди образованной и статусной публики будет распространяться вглубь общества: к менее образованным, менее статусным, в менее крупные населенные пункты, в провинцию. Предполагалось, что мы и замерим этот процесс. Такая почти домашняя студенческая работа. Это был 1992 год. Когда был готов первый вариант текста, было очевидно, что развитие нашего общества идет в каком-то ином направлении, реформы приобретают причудливый вид и население как-то странно на них реагирует. Поэтому было решено сменить

фокус и остановиться на теме устойчивых паттернов провинциального сознания и поведения: что формирует провинцию, какие формы массового сознания там доминируют, в чем специфика российской провинции и провинциальности.

Главным итогом своей работы я считаю описание процесса формирования провинции как совокупности социальных институтов, утверждающих, поощряющих и воспроизводящих особость данной провинции. Сравнительно легко это дается этнически однородным внутри и разнородным с метрополией регионам. За пределами этнических территорий российская провинция отличается как раз слабой дифференцированностью регионов. Почти все они были сформированы российским государством из почти всегда нерасчлененного пространства и усилиями этого государства оно удерживалось. Россия была почти крупнейшим в мире производителем пространства для своего населения, что было особенно важно для крестьян, для которых земля была средством производства.

Государство по мере формирования на новых территориях упорядоченного социального ландшафта (городов, дорог, мостов и пр. транспортной инфраструктуры) создавало новые формы общественной жизни, казавшиеся местному, в основном крестьянскому люду, чуждыми и ненужными. Города и городской образ жизни еще в 19 веке были для российских крестьян чужеродными и непонятными. Но именно с их помощью государственная машина собиралась и реально управляла жизнью провинций. И как только эта машина давала слабину провинциям удавалось концентрировать в руках своих элит значительные ресурсы, которые направлялись на поддержание местных социальных институтов, производивших символы местной особости и уникальности – вузы, особенно, экономические и юридические, СМИ, особенно, газеты и телевидение и местные партии.

Все эти идеи и мысли не были новыми, в разных контекстах и у разных авторов их можно было легко найти и прочесть и раньше и сейчас. Мне лишь нужно было описать это в социологической лексике, но, главное, проверить выдвинутые гипотезы на доступном эмпирическом материале. Собственно, эту верификацию я и считаю главным достоинством своей работы.

На какой фазе исследования (программа, показатели, интерпретация...?) и как концепция Кесельмана особенно остро проявляется? Другими словами, чем такое исследование отличается от тех, авторы которых не знают или не учитывают влияние «силового поля»?

Прежде всего, в двух словах представлю эту концепцию. Поведение и мнение отдельных людей находится не только под влиянием их индивидуального разума, эмоций или рассудка, но и определенных, характерных для данной социальной группы, к которой этот индивид принадлежит (считает, что принадлежит), мнений и диспозиций к действию. На индивидуальном уровне мы конечно уникальны и никакими интервью и тестами до глубины человеческой не докопаться, но там, где человек вступает во взаимодействие, он попадает под управление социально значимых регуляторов своего поведения: произносит слова, понятные для своего окружения, делает примерно то, что от него ожидают окружающие, etc. И вот эти регуляторы, факторы, влияющие на социальное поведение и массовое сознание Кесельман и называл «силовыми полями»: индивид волен поступать так или иначе, думать не так, как другие представители

его группы, но лишь в определенных рамках, силовые поля позволяют ему иметь свободу лишь внутри этих силовых полей. Так вот с теоретической точки зрения это положение разделяет любой, называющий себя социологом, но на практике это оказывается не так. Согласно Кесельману, социологический инструмент тоже должен быть сформирован таким образом, чтобы выявить эти силовые поля, что, в свою очередь, предполагает: (1) существенное отличие того, о чем социолог спрашивает у отдельного респондента, и ответ большой социальной группы в целом, и (2) понимание, а, значит, и интерпретация социологом полученного ответа.

Первое я студентам демонстрирую на паре простейших вопросов, которые мы задаем почти в каждом нашем опросе. Сначала мы спрашиваем, как изменилось материальное положение респондента, в другом – как, по его мнению, изменилось благополучие большинства жителей города. Если наша выборка репрезентирует население этого города, то распределение ответа на первый вопрос и представляет собой ответ на второй. Но всегда ответ на второй вопрос отличается от ответа на первый. Специалисты-методисты сразу укажут несколько причин такого рассогласования: например, в первом случае мы спрашивали личное мнение, во втором – экспертное: наглядная демонстрация справедливости утверждения «общее не есть сумма частных», которое любил повторять Кесельман.

Разумеется, этому различию может быть множество объяснений, но все они предполагают одно – люди имеют мнение о самих себе в отдельности отличное от мнения о самих себе как большой социальной группе. Если бы социологи в реальности разделили бы постулат о силовых полях, они бы, по крайней мере, формировали соответствующий инструмент, позволяющий эти поля обнаруживать.

Вторым важным признаком отказа от концепции «силовых полей» стала открытая и пафосная институционализация этого отказа: отныне собирающий данные не должен интерпретировать результат. Теперь «полстеры» отделяются от «социологов». И Александр Ослон и Валерий Федоров публично и несколько раз буквально поклялись не интерпретировать полученные результаты опросов, особенно, если это касается общественно значимой тематики. Выступая в Европейском университете в Санкт-Петербурге, В.Федоров подчеркнуто уходил от ответов на вопросы о значении тех или иных распределений мнений на вопросы ВЦИОМ, ссылаясь на то, что он лишь полстер, и указывал на социологов как на специалистов, способных адекватно интерпретировать ответы, собранные полстерами.

Ответ социологов не заставил себя ждать, т.е. их (ответов и социологов) много, я просто возьму сегодняшней. Сегодня – 25 августа, Элла Панеях на сайте inliberty.ru опубликовала статью «Русский опрос», где она с «нормальных позиций» критикует технику опросов. «Дискуссии о валидности социологических данных, собранных в режиме политической несвободы, в частности об «авторитарном рейтинге», идут довольно давно, и стали уже практически общим местом» пишет Панеях. Как говорится – «какая новость?!». Казалось бы, прикладная социология вроде как не первый день работает в авторитарных системах и уже разработала и успешно применяет техники повышения валидности собираемых там данных (например, ICT), но автор, считающий себя профессиональным социологом, не знает о них. Иначе говоря, социологи не знают как вести разговор

с респондентом на чувствительные для него темы и ничего не могут предложить полстерам. В результате полстер собирает какие-то данные и отказывается интерпретировать их, а социолог и не собирается их интерпретировать, он вообще объявляет собранные данные невалидными. Они как бы не знают, что существуют силовые поля, которые не только заставляют респондента вести себя так, как он считает возможным и допустимым для себя в ситуации опроса, но и делают вид, что не существует инструментов для измерения этих полей здесь и сейчас.

Кесельман часто говорил, что на словах социологи согласны с идеей «силового поля», но в реальности часто уклоняются от его использования. Сегодня это уклонение почти официально признано и возведено в абсолют.

Володя, мне нравится Ваш изложение темы силовых полей и поиск разделительной линии между социологами и полстерами. Но мне представляется, здесь следует говорить об интерпретации как процессе, а само изучение общественного мнения трактовать не только как замер установок, но и как элемент какой-то, скажем, академической программы. Поясню примером, ну не может американская полстерская организация, т.е фабрика по сбору информации, осмыслять полученные данные больше, чем несколько часов. Иначе они никому не нужны. Как быть с более глубоким анализом? Передавать «академикам?» Но это можно, только если академики участвовали в создании измерительного инструмента. И потом, полстеры вынуждены использовать несколько вопросов и короткую «паспортичку», для академиков это не подходит. Что скажете?

Да кто бы спорил, Борис Зусманович!? Разумеется, изучение общественного мнения не может заканчиваться публикацией таблиц-решеток с кросстабами, или пресс-конференцией, где полстеры торжественно отказываются от объяснения полученных цифр. Но в российской реальности, дело сегодня обстоит именно таким образом. В силу разных причин — и политических, и экономических. После 2008 года, ФОМ, как известно, распустил свой методологический отдел, где социологи анализировали содержательные последствия использования сложившихся методологических практик. ВЦИОМ к этому вопросу иногда возвращается, но, чаще всего, факультативно, с помощью сторонних специалистов и, как мне кажется, скорее, по инициативе последних.

Сегодня у полстеров в России заказчик примерно один, а он не заинтересован в точности измерений. У нынешней российской власти система коммуникаций с обществом выстроена именно под имеющийся стандарт измерений общественного мнения. Поэтому российские полстеры никак не перейдут, например, на телефонные опросы. Это — фабрики, такие Макдональдсы, где стандарт воспроизводства данных важнее точности этих данных. Это не хорошо и не плохо, это — реальность рынка, под которым нужно понимать и хозяйственные условия, дефицит рабочей силы на этом рынке, и политический аспект, состоящий в монопольности заказчика и отсутствии конкуренции за новые знания о социально значимом поведении россиян.

Вообще, смешно, конечно, когда данные ВЦИОМа сверяют с результатами ФОМа или Левада-центра. У них всех — один принцип сбора данных, импортированный в СССР в 80-х годах прошлого века и не модифицированный до сегодняшнего дня, более, чем схожая выборка, и на 60% совпадающая региональная сеть. Откуда взяться различиям?!

Но «академики» не лучше. А честнее сказать — хуже. Все эти критики полстеров чаще всего не построили ни одной выборки и знают о социальной структуре российского населения в лучшем случае из книжек Заславской. Из видов анализа данных они различают лишь кластерный и факторный. Они сочиняют довольно странный инструмент и раздают полевые задания в первые попавшиеся регионы сомнительным людям, которые за небольшие деньги обещают им прислать заполненные анкеты. Они не имеют представлений об инструкциях для полевых менеджеров, интервьюеров, не проводят контроля поля. Это — очень умные люди, поэтому они не хотят думать о том, как в поле собираются данные.

На ежегодных сессиях Ассоциации региональных социологических центров мои коллеги часто сетуют на то, что за последние 30 лет академические социологи не опубликовали (книжкой или в профессиональных журналах) ни одного(!) текста, посвященного методам сбора и обработки данных, обобщающего российский опыт опросов. Если такие тексты и появляются, то они касаются каких-то отдельных тем и групп населения, но не опросов, репрезентирующих население всей страны. «Академики» — отрезанный ломоть, их вклад в сегодняшние измерения российского общественного мнения ничтожен.

Исключение, разумеется, есть, но они, чаще всего, касаются, исследователей, специализирующихся на каких-то отдельных темах или регионах и чьи программы не критичны в отношении выборки и не требуют больших полей.

Это — плохо для нашей индустрии, и я пока не вижу выхода. Очевидно, что ситуация будет меняться, если начнутся политические изменения в стране, но я не уверен, что она будет меняться в правильном направлении. Пример «народной социологии» того же Навального заразителен, но методологически бесплоден.

И я бы не сравнивал российскую индустрию измерений с американской. Да, согласен — там специализация полстеров и академиков еще выше. Более того, эта сегрегация там защищается почти на законодательном уровне, когда компания, собирающая данные общенациональных опросов, имеет права не раскрывать собственному клиенту характеристики выборки. Но в то же время и у ведущих полстеров — тех же Pew и Gallup есть свои или приглашенные специалисты, которые интерпретируют результаты (пусть нерегулярно, но публично) и есть исследование National Election Study, проводимое в Ann Arbor, когда условные «академики» ведут вполне себе полстерский проект.

В американской социологии «академики» — не отрезанный ломоть, там эти два сосуда сообщаются, весьма регулярно и я бы сказал на институциональном уровне. Но если мы обратимся к украинскому примеру, то можем легко распознать фигуру Паниотто, который и полстер, и «академик» до мозга костей. В Украине связь между этими двумя сосудами реализована на индивидуальном уровне. Результат — там активно развиваются различные виды сбора данных в общенациональных опросах, есть интерпретация и успехов, и провалов полстерских измерений.

Вообще, нам еще придется долго обсуждать природу, философию возникновения опросов общественного мнения в СССР и отголоски этого, которые мы и наблюдаем сейчас. Грушин был полстером и социологом, сначала философом, потом — журналистом затем полстером-социологом. Уледов не занимался опросами. Фирсов, Тощенко проводили массу опросов, но оставались скорее социологами, чем

полстерами. О Леваде, Заславской, которые в значительной мере формировали лицо современной практики изучения общественного мнения, и говорить не приходится: они — академические аналитики. В США все было иначе. Из первопроходцев: Гэллапа, Роупера, Кроссли и Кэнтрила лишь последний был университетским ученым, но он лишь в малой степени был полстером: он — аналитик и консультант президента Рузвельта. Гэллап имел Ph.D. по психологии и до того, как начал опросы, читал в университетах множество курсов по журналистике и читаемости прессы, а потом исследовал эффективность рекламы.

Да, про Леваду я забыл сказать.

Статьи Юрия Александровича в журнале его компании были лучшим примером того, как полстерские данные могут быть использованы во вполне академических статьях. Не знаю, как было на самом деле, но мне кажется, что Юрий Александрович не участвовал в формировании инструмента, или участвовал минимально. Он брал то, что было у него в распоряжении: любая фабрика опросов генерирует бездны информации, и Левада демонстрировал, что даже без специальных методов статистического анализа данных, на одних кросстабах, можно формировать гипотезы и обосновывать их. И делал это превосходно.

Российский путь — соединение полстерской и академической линий — очень долгий процесс, и многое в его успехе будет определяться именно исследователями общественного мнения, так как — со временем — деньги могут быть у них, «большая наука» — бедна. Что скажете?

«Большая наука» бедна не деньгами, а идеями. Идеями, которые могли бы что-то принести исследовательскому рынку. То есть я понимаю, что академикам сложно найти клиента на рынке собственно исследований, но они вполне могли бы найти спрос среди тех же полстеров или компаний, проводящих маркетинговые исследования. Единственным местом, где связь между исследователями общественного мнения и рынка, с одной стороны, и «академиками» налажена, это — образование. Хотя здесь потребитель в лице ресёрчерских компаний — в безвыходном положении. Но даже Вышка сегодня готовит полуфабрикат и его отличие от такого же полуфабриката производства, например, Самарского университета, состоит в том, что первый считает себя профессионалом, хотя таковым не является.

Если рассуждать с точки зрения бизнеса, то сегодня для старта всероссийского проекта с иным подходом к выборке, методу сбору информации и принципам формирования инструмента нужно около 10 млн. рублей, или менее USD300 000 в год. Но проблема не столько в средствах, сколько в том, что нужны обстоятельства, объекты, на которых новации проявят себя, а их нет. Все, что мы можем делать, это — готовится к тому дню, когда модернизация будет востребована. Но это будет днем, когда реальная измерительная социология уйдет от академической настолько далеко, что вторая уже никогда не догонит первую.

И это касается не только количественных исследований, но и качественных. Вот я только что вернулся из экспедиции, организованной ВЦИОМ в Сочи. Методологическое руководство у нас осуществлял Илья Штейнберг — один из авторов книжки по качественным методам, сподвижник Теодора Шанина. Я могу назвать еще 5—7 человек в российской социологии, которые знают, что такое

социологическая экспедиция и в состоянии ее организовать, провести и составить отчет. Кто из них преподает в вузе и может передать свои знания и опыт студентам? В лучшем случае — половина.

Тех, кто может и умеет что-то делать, очень мало, они все разобраны по компаниям и проектам. Хорошо, если им удастся иногда оторваться от рутины (конвейера исследований) и написать книжку, прочитать курс, провести летнюю школу для студентов и слушателей.

У нас в профессии все очень хорошо, если Вы заняли свое место и умеете делать свое дело, но если Вы хотите чему-нибудь научиться, а сами знаете и умеете мало, то дело Ваше плохо. Даст Бог — Вам повезет с местом стажировки или преподавателем, и Вы наберетесь каких-то знаний в стенах вуза, но пока — выход один — в поле.

Я предполагал спросить Вас об Ассоциации региональных социологических центров, сейчас это логично? Каковы ее функции и реальные возможности?

Ассоциация создана в 2000 году. Иногда меня и Фонд социальных исследований относят к ее основателям, но это не так. На первый съезд в Петербурге меня приглашала Нелли Романович, но я и не мог по каким-то причинам поехать, и скептически относился к самой идее. А вот на второй съезд в Ярославле я уже приехал и с тех пор пока не пропустил ни одного, поскольку сразу почувствовал пользу от таких собраний коллег по профессии и товарищей по оружию, которых многое что объединяет. В этом году в Саратове прошел 21 съезд, сегодня в Ассоциации почти 25 компаний из российских регионов.

Первоначально предполагалось, что компании будут объединять совместные коммерческие проекты, результаты которых можно будет продавать клиентам. Затем к Ассоциации проявили интерес сетевые агентства, полагавшие таким образом расширить свои региональные возможности, а затем продать их транснациональным исследовательским группам. Долгое время мы просто собирались и обсуждали собственные проблемы — внутрикорпоративные (как вести бизнес, как строить отношения с сотрудниками и интервьюерами) и отраслевые — как привлекать клиентов, продвигать свой бизнес в регионе и стране в целом.

Переломным для меня оказался съезд 2004 года в Казани, где нас принимала компания ЦАИР, руководитель которой — Александр Салагаев столь безвременно от нас ушел этим летом. Там мы уже сделали полноценную конференцию, где были доклады по отдельным проектам, проведенным компаниями-членами Ассоциации. Хотя среди этих докладов доминировали проекты по изучению собственного рынка, это было именно обсуждение докладов, а не сиделки и разговоры за жизнь. Примерно в это же время Ассоциация запускает ряд инфраструктурных проектов — Рейтинг исследовательских компаний и Мониторинг цен на различные виды исследований в регионах. Последние годы к ним добавился проект по исследованию интервьюеров, работающих в наших компаниях, что также помогает нам лучше взаимодействовать с нашими внештатными сотрудниками.

Со временем мы стали чувствовать, что к Ассоциации начинают прислушиваться. Не в смысле — делать так, как она говорит, а, скорее, интересоваться, что там обсуждается и нельзя ли повлиять на принимаемые решения. Мы сами никогда не стремились загнать в свои ряды новых членов или как-то жестко

влиять на рынок. Мы принимали решения в своих интересах и для себя, но вскоре увидели, что многие следуют этим решениям и хотели бы влиять на них, пусть и за пределами Ассоциации. По этой причине перед последним съездом даже разгорелась жаркая дискуссия — есть ли необходимость в особом статусе гостя съезда, т.е. компании или персоны, который не имеет цели вступить в Ассоциацию, но хотел бы принять участие, послушать или выступить на съезде. Сегодня в повестке дня — разработка отраслевых стандартов — образовательного (что должен уметь выпускник социологического факультета) и рабочего (что должны знать и уметь специалисты, занимающие различные должности внутри наших компаний). Этот проект мы реализуем вместе с тем, что раньше называлось социологический факультет ВШЭ.

Нам удалось преодолеть множество кризисов внутри Ассоциации и особенно кризис выгорания, когда «старые» члены Ассоциации, устав от взятых на себя обязательств, уходят, а «новые» не готовы их брать на себя. Сегодня есть и ротация таких активистов, и разделение труда между ними в зависимости от желания и возможностей. Я думаю, что через 5–7 лет Ассоциация будет объединять большинство устойчиво работающих региональных исследовательских и смежных с ними компаний.

Вы только сейчас упомянули Фонд социальных исследований, хотя, мне кажется, я слышал о нем еще в 1992–1993 годах. Или это нет так? В любом случае он существует уже очень давно. Пожалуйста, расскажите о Фонде, его становлении и направленности его текущей работы.

Нет, Борис Зусманович, в 92 вряд ли, мы создали Фонд весной 93-ого. В 1991 году я пришел в социологический центр, когда там работали Сергей Вершина и Людмила Нурдинова. Некоторое время я набирался опыта реальных исследований у них и других коллег, но уже в конце 92-ого работать там стало невозможно по причине совершенно разного отношения к тому, что мы делаем, с руководством того центра. Дело было не в политике, а в отношении к делу. Нам казалось, что мы должны инвестировать в новые, инициативные проекты, начальство считало, что мы должны работать строго в рамках выделенных смет и бюджетов. При этом эти сметы и бюджеты они утверждали по какой-то неведомой нам схеме.

Когда ребята вернулись из длительного обучения менеджменту из Германии, а я на практике в Самаре усвоил кесельмановский метод, мы решили выйти в открытое море: нашли подвал в ПТУ, где готовили водителей трамваев, купили ДСП, обои, привезли из своих квартир старые столы и стулья и начали работать самостоятельно. Тут надо сказать, что одним из главных стимулов к самостоятельности, стали компьютеры, полученные нами от Фонда Сороса. Если в прежнем центре у нас был один чахлый комп, то на соросовские денежки мы купили целых три и один из них был с цветным монитором.

Каждый проект был как любимый ребенок, каждый рубль трудовым. Основная ставка была на собственные проекты полного цикла, поскольку московские компании предпочитали старую гвардию. Поэтому мы особенно благодарны тем, кто работал с нами с самого начала — прежде всего, Комкон и Фонд

«Общественное мнение». Благодаря Комкону мы освоили технику организации и проведения холл-тестов и фокус-групп, ФОМ стал нашим тренером по части проведения опросов на выходе.

В 1996 году мы уже были крупной компанией, которая проводила опросы по всей области и презентовала результаты клиентам и широкому зрителю. С 1995 года к нам стали приходить маркетинговые проекты полного цикла. После 2000 года они стали главным источником благосостояния компании. Тогда же мы переехали в собственный офис, который спроектировали и обустроили сами до последней розетки и дверной ручки. В какой-то момент нам казалось, что нам нужны новые площади для размещения персонала, но взвесив все «за» и «против», решили, что благоразумнее будет оптимизировать его численность и избавиться от некоторых функций и их носителей. Это было в начале 2008 года. Так мы подготовились к кризису за несколько месяцев до его начала.

В 2007 году под дружеским давлением нашего ярославского коллеги Романа Оглоблина мы создали call-center, который сегодня приносит каждый третий рубль Фонду, компенсируя уход в небытие опросов по месту жительства. Другими важными направлениями работы являются проведение холл-тестов и фокус-групп. При моей склонности к методологическим проектам мы стремимся использовать разнообразные методы сбора данных и сравнивать их результаты. Это и эксперименты, и панельные исследования, онлайн-опросы и онлайн-сообщества.

В 2013 году Вы защитили докторскую диссертацию по социологии об освоении социального пространства повседневности. Каковы основные выводы Вашего исследования?

Текст докторской диссертации был побочным продуктом диссертации кандидатской. Борис Максимович Фирсов, когда познакомился с текстом кандидатской в 1999-ом, сказал, что он слишком теоретичен, и что он не может судить о нем и решил посоветоваться с Вами (это я узнал позже). Вы ответили (со слов БМФ), что работа хорошая, но еще требует дополнительных усилий. Тогда мы с Борисом Максимовичем решили проредить текст, вытирая из него теоретическую часть и оставляя больше прикладного содержания. Так получилась кандидатская. Про докторскую, ясное дело, тогда никто не думал. Но когда Павел Романов запросил у меня текст, который я бы хотел защищать в их совете, я вначале направил ему свою интерпретацию социологии пространства, получившуюся как сборник частей первоначального текста кандидатской. Вот он тогда и сказал, что он пригодится для докторской.

Идея исследования состояла в последовательном и доказательном опровержении расхожей сегодня парадигмы, согласно которой при нынешнем развитии средств коммуникации и связи, физическое расстояние между индивидами не играет большой роли и социальное взаимодействие, его интенсивность и объем, не зависят от того, насколько участвующие в нем индивиды удалены друг от друга. Разумеется, сразу же рождается возражение в духе «это же очевидно, тут нечего доказывать», но в профессиональной литературе распространено как раз обратное утверждение. Весь пафос постмодернизма направлен на доказательство «победы над пространством», устранением всех и всяческих границ.

В диссертационном исследовании нужно было показать, что устранение пространства из социального взаимодействия невозможно, хотя бы потому, что человек имеет физически определенное тело. Новаторским был и способ доказательства данного тезиса. Теория пространства в моей интерпретации носила подчеркнуто феноменологический характер, а в качестве доказательства я использовал преимущественно количественные исследования. Это были не только опросы, но и эксперимент, но и в последнем были старательно выбраны именно количественные показатели и результаты. Мне казался важным такой способ доказательства, позволяющий не только продемонстрировать гибкость используемого инструмента, но и показать возможность аккуратной работы с простейшими признаками и цифрами, избегая эвристических процедур.

Одновременно Вы руководите кафедрой социологии и психологии Самарского государственного экономического университета. Когда Вы стали заведующим кафедры? Эта кафедра выпускающая? Какие курсы Вы ведете?

Пока это, пожалуй, одна из тем, о которой мне меньше всего хотелось бы говорить, поскольку мало еще сделано. В этом августе пошел третий год моего заведования. Кафедра выпускающая, но поскольку она в экономическом вузе, здесь она как бы выбивается из общего ряда. Нужны значительные усилия, чтобы донести до потенциальных абитуриентов возможность поступать в СГЭУ и учиться здесь на социолога. Пока довольно легко удалось увеличить объем привлекаемых с рынка НИР, привлечь для чтения лекций руководителей самарских исследовательских компаний, но впереди еще много рубежей.

Прежде всего, мы собираемся открыть магистратуру по социологии. Дело в том, что сегодняшний абитуриент, выбирая вуз, чаще всего собирается продлить свой детство и лишь, когда он выбирает второе образование, он выбирает осознанно и выбирает вуз, часто, уже работая в данной отрасли. Вот для них, для тех, кто знает, что хочет, мы и хотим создать магистратуру. Другая цель – создать реально действующую практику для студентов. Нужно, чтобы в ходе учебной и производственной практики студенты работали над реальными проектами. Для этого нужно найти места таких практик, убедить руководство компаний в пользе от такого сотрудничества. Очень хочется создать какой-то интегральный продукт с коллегами с других кафедр и специальностей.

Я пришел работать в университет потому, что мне это интересно. Когда интерес угаснет, найду себе что-то другое. Пока мне интересно многое, начиная с курса, который я читаю – «Методологию социологических исследований». Хочется создать курс по методам не только для студентов, но для практических исследователей.

Вы имеете в виду методологию прикладных исследований? Если нет, то в чем отличие «методологии социологических исследований» от «методологии социологии»?

Методология социологических исследований – это наука о способах сбора данных и, отчасти, их анализе. И в этом смысле, это – наука, т.е. относительно целостная система терминологии, норм и процедур. Методология социологии – это, скорее, набор – где-то целостный, где-то – фрагментарный – в общем философских воззрений на предмет и объект социологического исследования. И в этом смысле, методология социологии представляет собой часть теории.

Хотя, возможно, Вы и правы. Надо расширить спектр теорий и идей в моем курсе...

Два вопроса как к заведующему кафедрой. Сколько на Вашей кафедре преподавателей и сколько из них с базовым социологическим образованием и научными степенями (не обязательно по социологии)? Существует ли сейчас проблема обеспеченности студентов учебниками по основным социологическим курсам?

Постоянно работающих чуть более десяти. Но я стараюсь привлекать практикующих исследователей – социологов, маркетологов, психологов, политологов – сейчас их трое. Нужно, чтобы студенты знали реальное поле исследований. С базовым социологическим образованием – один человек, этой осенью она должна защитить докторскую диссертацию по социологии молодежи. Еще два человека – доктора философских наук, двое – педагогических. Есть кандидат медицинских наук и это сделано тоже под конкретную задачу развития социологии медицины. Без степени на кафедре два человека, один из них лаборант.

Что касается учебников, то это остается серьезной проблемой. Если взять методологию, то наиболее распространенным учебником является учебник Кравченко. Эта книжка из разряда тех, которые читать интересно, но вспомнить, о чем она, невозможно на следующую секунду после ее закрытия. Я включил в список обязательных Малхотру и Батыгина: первую как традиционный подход к исследовательским методам, вторую – как новаторскую и освежающую нашу занудную логику программ и инструмента.

Но я думаю, учебники в виде книжек – вчерашний день, это не значит, что их нужно выбросить, это значит, что их недостаточно. Успех Coursera и других онлайн-курсов показывают нам дальнейший путь. Нужно записывать свои лекции и выкладывать их в Сеть, делать доступными везде и в любой момент. Конкурентное преимущество у нас есть – мы проводим реальные исследования в условиях рынка и можем продемонстрировать все их элементы от формулирования проблемной ситуации до презентации. Пока мы формируем сценарий такого курса, надеемся в этом учебном году начать запись лекций и семинаров.

Возвращаясь к деятельности Вашего Фонда, я хотел бы узнать, насколько Вы вовлечены в изучение рынка. Если эти исследования составляют значительную часть работы Фонда, то, пожалуйста, расскажите о них.

Глубоко вовлечены. Маркетинговые исследования – это же не только изучение рынка йогуртов или сотовой связи, но и часто возможность увидеть новые формы социального поведения. Для примера возьмем выигранный нами грант «Новые российские пригороды». Он посвящен изучению образа жизни крупных пригородов очень больших российских городов. Не элитных поселков на несколько сотен или тысяч человек, а целых микрорайонов на несколько десятков тысяч. Два таких района возникли в Самаре: Крутые Ключи – на 50 тысяч и Южный Город – на 35 тысяч. Еще мы нашли аналогичные пригороды в Кемерово и Ростове. Для нашей страны это необычные формы городской жизни (в Питере пока только планируется район на 200 тысяч). Как там живут люди, где работают, как отдыхают, кто они, как устраивают свою жизнь – вот

цели нашего исследования. Откуда взялась его идея? — Из длительных исследований сферы недвижимости Самары и других городов, понимания того, кто и с какой целью покупает недвижимость.

Сегодня доля маркетинговых проектов полного цикла у Фонда — более 60%. Здесь мы шли вслед за российским рынком. Сначала это были продукты питания, затем — банки и финансовые компании. После 2000 года пошли в рост рынки телекоммуникаций, автомобильный, недвижимости. Все эти годы рос рынок медицинских товаров и услуг. Нечастый, но устойчивый спрос мы чувствуем на корпоративные исследования, прежде всего, изучение персонала, его мотивацию.

Интервью с Оксаной Владиславовной КАРПЕНКО

«ТАК ИЛИ ИНАЧЕ, СВОЙ ВЕЛОСИПЕД Я ИЗОБРЕЛА»

Карпенко О. В. — окончила факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета (1993 г.) и факультет политических наук и социологии Европейский Университет в Санкт-Петербурге (МА, 1998 г.). С 1994 г. работает в Центре независимых социологических исследований (ЦНСИ), исполнительный директор (с 2013 г.). Основные области научного интереса: исследования миграции, национализма, современный расизм, (критический) анализ дискурса.
Интервью состоялось: сентябрь 2014- июнь 2015 г.

Завершено очередное интервью с коллегой — Оксаной Владиславовной Карпенко. Но сначала хочется сказать не по следам беседы (так я часто называю проводимые мною по электронной почте интервью) с ней, а о ряде более общих моментов. С одной стороны, к этому подталкивает только что законченная работа, с другой — это обусловлено спецификой особенностью фазы моего одиннадцатилетнего продолжающегося исследования истории советской / российской социологии.

Просматривается конец июля 2015 года, в галерее участников моих бесед свыше 120 портретов. Уже более месяца я не начинаю новых интервью, лишь завершаю давно начатые, пишу вводные тексты, передаю Елене Григорьевой для размещения на сайте http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207. Теперь, когда обращаюсь к этой веб-странице, испытываю странные чувства.

Мне не верится в то, что все беседы с моими коллегами — за исключением двух случаев — проведены мною. Личное интервью с Альбертом Барановым, состоявшееся в 2007-2008 годах, было записано на диктофон и транскрибировано Машей Алесиной; теперь и интервью с нею завершено. Есть в галерее и фотопортрет Андрея Полетаева, однако с ним я вообще не общался, я узнал о его работах только через несколько лет после его смерти. О нем и о себе рассказала Ирина Савельева, прожившая с ним многие годы и написавшая с ним несколько пионерных работ по социологии и истории знания.

Я благодарен всем моим собеседникам за то, что они поверили в серьезность моих намерений использовать получаемую в ходе интервью биографическую информацию для восстановления прошлого и согласились рассказать о себе, своем пути в науку, о своих исследованиях и т. д. Я прекрасно понимаю, что многое в организации столь широкого опроса социологов разных городов и разных возрастов обусловлено тем, что в самом начале проекта он был поддержан делом (участием в опросе) социологов, которые стояли у истоков современного этапа развития российской социологии. К сожалению, некоторых из них уже нет с нами: Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова и совсем недавно ушедшего В. А. Ядова. И все это накладывает на меня ответственность за сохранение и последующий анализ полученной информации.

Когда исследование лишь начиналось, я, естественно, предлагал дать мне интервью тем, с кем работал до отъезда в Америку. В основном это были представители первых поколений советских / российских социологов, которые жили тогда в Петербурге и Москве. Их участие в проекте помогло мне позже получить согласие на беседу со многими социологами (свыше 50 человек), которых я до начала беседы не знал, а некоторых и в принципе не мог знать. Они получили образование и влились в социологию в последние два десятилетия, т. е. уже в период моей жизни в Америке. Замечу, уже сейчас среди моих собеседников девять — представляют VII поколение советских / российских социологов, они родились во временном интервале 1983–1994 гг.; т. е. старшие из них в 1994 году, когда я эмигрировал, пошли в 4–5 классы, а младшие — даже не родились.

Не знал я на момент обращения с просьбой рассказать о себе и Оксану Карпенко, я написал ей по предложению П. В. Романова, которое он дал мне совсем незадолго до его смерти. Таким образом, это интервью — это исполнение одного из его завещаний.

Оксана принадлежит к младшей страте социологов V поколения, тех, кто родился в промежутке 1959–1970 гг.. Поскольку к настоящему времени проведены интервью с 17 исследователями этой профессионально-возрастной когорты, постольку в будущем можно будет не только рассмотреть траекторию ее движения в социологию, но сопоставить ее путь с тем, как входили в науку исследователи ее поколения и старшие из представителей VI поколения.

Но рассказ Оксаны — это не только ее (профессиональная) биография, это ценнейший материал для изучения истории освоения российскими социологами методологии и технологии качественных (мягких) методов; ведь в доперестроечной социологии отношение к ним было весьма настороженным, нередко — резко критическим. Сегодня в моем архиве есть воспоминания многих, кто успешно использовал и использует философию и методы качественной социологии, кто «пробивал» право работать в этой парадигме и теперь передает свой опыт другим. Назову лишь несколько имен: В. М. Воронков, А. С. Готлиб, Е. А. Здравомыслова, В. И. Ильин, Л. Г. Ионин, П. В. Романов, И. Н. Тартаковская, А. А. Темкина, Е. Р. Ярская-Смирнова и др.

В первые годы накопления интервью (2005–2007 гг.) мне часто задавали вопросы о репрезентативности совокупности моих респондентов. Хотя в те годы проблема репрезентативности меня не занимала, так как я не предполагал, что процесс интервьюирования растянется на десятилетие и не думал, что количество

интервью когда-либо будет исчисляться десятками (тем более — достигнет и перешагнет сотню), я не мог не задумываться о ней. Но здесь всегда существовало по крайней мере два аспекта.

Первый, логический, — неопределенность генеральной совокупности, которую надо репрезентировать. Тем более, что процессная сущность проекта, с особой силой проявившая себя в 2014 году, поставила вопрос о репрезентации меняющейся во времени генеральной общности. Так, в 2005—2006 годах наше профессиональное сообщество фактически было четырехпоколенным, и пятая генерация (родившиеся в 1959—1970 гг.) лишь начинала заявлять о себе. Но к 2014 году созрели предпосылки для изучения уже семи поколений социологов, два младших из которых — «чисто» российские. Они входили в социологию после распада СССР.

Второй аспект — организационный; я всегда работал один и осознавал невозможность принципиального увеличения объема выборки. К тому же следует напомнить, что в начале 2000-х электронная почта еще не стала в России обыденностью. Ко многим из тех, с кем я хотел бы побеседовать, я не мог обратиться. Проблематичным казалось и обращение к социологам, работавшим вне двух столиц. Я просто не знал того мира, очень мало был знаком с теми людьми.

Со временем, когда количество законченных интервью заметно выросло (я постоянно стремился максимально широко освещать развитие проекта), меня реже стали спрашивать о репрезентативности выборки. Полагаю, что это произошло не только (возможно, не столько) в силу увеличившегося числа опрошенных респондентов, но потому, что за истекшее десятилетие наше профессиональное сообщество стало лучше понимать методологию качественного анализа и не подходить к исследованию, базирующемуся на изучении биографий, с критериями, принятыми в демоскопических студиях.

Здесь требование количественной репрезентации не исчезает, но уступает место критериям полноты выявления и описания исследуемых ситуаций, процессов, «случаев». Конечно, каждый человек, рассказывает историю своей семьи, описывает этап своей ранней социализации, получение им образования, начало и развитие его собственной карьеры и, таким образом, выстраивает нечто уникальное, единственное. Вместе с тем это уникальное во многом является цепочкой сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях его коллег, прежде всего — его ровесников и представителей его социологического поколения. Все более или менее часто встречающиеся жизненные коллизии образуют «матрицу событий», или «событийный каркас» большинства биографий.

Пока количество интервью оставалось небольшим, содержание каждого нового заметно увеличивало количество оказавшихся в сфере внимания биографических историй, или ячеек матрицы событий. Другими словами, это означает, что результаты анализа собранной информации имели низкую логическую валидность. Но постепенно, с ростом числа бесед новые ячейки в матрице стали появляться все реже, происходило лишь уточнение границ уже существующих. Вот это-то и позволяет говорить о валидности, или логической репрезентативности, собранного массива информации.

Относительная стабильность «матрицы событий», построенной на базе проведенных интервью, позволяет допускать, что уже собранный массив информации достаточно репрезентативен (в указанном выше смысле), а выводы и гипотезы нашего историко-социологического проекта валидны и могут рассматриваться как полигон для продолжения исследований. Мне уже не раз приходилось примерами иллюстрировать общность макро- и микро обстоятельств, детерминировавших характер движения людей в социологию и много объясняющих в их жизни в профессии. Рассмотрим еще один «кейс».

Около года назад, рассказывая о своем пути в науку, Денис Подвойский¹ отметил, что еще в школе он прочел книгу Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» и обратил внимание на утверждение Бердяева о том, что большевизм в России – это закономерное порождение всей истории развития страны. Поступив на философский факультет МГУ, Денис прочел множество философских, социологических, исторических, политологических и экономических исследований, имевших прямое отношение к интерпретации российского опыта XX столетия. Он многое конспектировал, только цитатник занимал две толстые тетради в клеточку, и в итоге возник его «Мегапроект». В ходе этой работы он пришел к своей трактовке истории как закономерному процессу, в ходе которого «определенные комплексы причин, объективных и субъективных, природных, экономических, политических, культурных, сцепляясь друг с другом, приводят к определенным последствиям и поток реальности настоящего застывает, превращая вариативное, становящееся будущее в ставшее, “неслучайное” прошлое». Через несколько лет на базе одной из частей этого мегапроекта он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию “Антиномия Россия – Запад” в концепциях культурной самобытности». Пять лет спустя, в 2005 году, этот текст, примерно четверть первоначальной работы, он опубликовал в виде монографии. И вот через десять лет после этого, уже в ходе интервью, Подвойский приходит к выводу: «...сегодня многие пассажи из писаний той поры кажутся мне просто смешными, но вместе с тем, я не могу сказать, что все написанное тогда в содержательном отношении было абсолютно неверным. Багаж, который я тогда накопил, “надумал” и “передумал”, “обмозговал”, прописал, остался со мной и поныне, и отчасти работает».

Я по собственному опыту знаю, насколько полезен, плодотворен подобный путь вхождения в науку, в новую тему. Конечно, в первую очередь таким образом находят «свое» молодые люди, которые имеют практически неограниченное время для чтения и размышлений и которые в силу понятных причин свободнее старших исследователей от самокритики. И мне хотелось, чтобы кто-либо из моих молодых собеседников рассказал о себе, нечто схожее с историей Дениса Подвойского. Это придавало бы его опыту некую универсальность и, как следствие, переводило бы из разряда «случайных» событий в множество закономерных, но, возможно, редких событий.

И мне было приятно обнаружить нечто подобное в интервью с Оксаной Карпенко. Она пишет: Если бы я не наткнулась на «Тектологию» Александра Богданова <...>, то, возможно, ничего профессионального в социологии со мной не случилось бы». Эта событие подтолкнуло Оксану к активному чтению классиков и современников, работавших в области, очерченной в 1920-х годах

¹ Подвойский Д. Г. «...Я живу в 114-м году XX века» http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=113

Богдановым, и в конце концов завершилось написанием 100 страничной рукописной дипломной работы, которую она позже называла «общей теорией всего». Прошло два десятка лет, но и сейчас, по ее мнению, то была то «не глупая была работа. Даже в чем-то умная...». Тогда Оксана думала, что нашла точку опоры в исследованиях мира социальных отношений, отсюда и ее вывод: «Так или иначе, свой велосипед я изобрела». И хотя позже ей пришлось кардинально пересмотреть парадигму восприятия социального мира, вся та работа не была бесполезной.

Постепенно, из таких зарисовок, случаев складывается история становления и развития советской / российской социологии. История – «человекоцентричная», не единственно верная, но необходимая.

Карпенко О. В.: «Так или иначе, свой велосипед я изобрела»

Оксана, уже писал Вам, что обратиться к Вам с просьбой рассказать о жизни, буквально за несколько дней до смерти посоветовал мне Павел Васильевич Романов... наша всех огромная потеря... Где и когда Вы с ним познакомились? Что Вас связывало, объединяло?

Память стерла обстоятельства знакомства с Павлом. Мне кажется, я всегда знала о саратовском центре (ЦСПГИ), который Павел создал. Меня всегда впечатляла работоспособность и продуктивность тандема Павла и Елены. По-белому завидовала их энергии, работоспособности, таланту. Того, что Павлом сделано, хватило бы на несколько жизней. И, что важно, при постоянной загруженности работой, он оставался жизнерадостным, открытым, ироничным человеком. Последний раз, когда мы встречались (я участвовала в конференции и праздновании юбилея «Журнала исследований социальной политики и кафедры социальной работы» в СТУ в ноябре 2013), ничто не выдавало его болезни, он был жизнерадостен, шутил...

Оксана, я Вам больше скажу, когда я проводил интервью с Павлом, я знал, что он был в больнице, но и для меня оказалась шоковой информация о его смерти. На пару вопросов он не успел ответить...

Чаще всего имя Оксана дают девочкам в украинских семьях или в тех, в которых кто-либо из родных долгие годы был связан с Украиной. В вашем случае это так? И вообще, насколько глубоко Вы знаете историю своей семьи?

Вопрос довольно регулярно возникает, ибо у меня не только имя, но и фамилия «украинские». Я часто объясняю этот факт – «Оксана Карпенко» – семейной историей. У нас в семье принято считать, что фамилия появилась из «белорусской» – Карпеко – в ходе получения паспорта прадедушкой. Паспортистка якобы неправильно услышала и вписала в документ «КарпеНко», а предок решил не исправлять ошибку... Честно говоря, я никогда не исследовала этот вопрос: что за документ, кто из предков, где и когда это произошло... и произошло ли...

Насколько я знаю, имена – Оксана и Юля (моя сестра) – были выбраны как подходящие к фамилии и редкие (по тем временам). Так что при выборе имени, вероятно, учитывалась сочетаемость с фамилией, относительная редкость и никаких этнокультурных мотиваций.

Историю семьи знаю плохо, родители этим особо не интересовались, а я как-то так и не нашла времени разобраться. Знаю не дальше прабабушек/прадедушек. Прадедушка по линии мамы был хорошим портным, прабабушка помогала ему и занималась домашними делами. Прадедушка по линии папы работал на химическом факультете в Санкт-Петербургском университете. По рассказам бабушки, их семья (когда она была маленькой) жила в нижнем этаже «12 коллегий». Про бабушек и дедушек знаю больше. Застала почти всех, кроме дедушки по папиной линии, который погиб под Ленинградом во время войны. (Бабушка в 1960-х снова вышла замуж, уравнивая число бабушек и дедушек).

Дедушка по маме всю жизнь работал на заводе квалифицированным рабочим. Был на фронте, выжил, вернулся. Бабушки работали тоже на заводах (одна у станка, другая в каком-то техническом отделе)...

Уже Ваш прадедушка работал в СПб, какого же Вы поколения петербурженка/ ленинградка/петербурженка? А кто по профессии Ваши родители?

Все известные мне предки (кроме одного прадедушки, который, в соответствии с изложенной выше историей, был из Белоруссии) жили в Петербурге-Петрограде-Ленинграде-Петербурге. Но, как я говорила, что-то известно мне только о трех предыдущих поколениях. Как дела обстоят с более ранними периодами истории, мне не известно.

Что касается профессий... Бабушки-дедушки были рабочими-служащими, высшего образования не имели, высоких постов не занимали. Как-то в разговоре бабушка (работала на заводе у станка) поинтересовалась, что я делаю на работе (я тогда уже закончила университет и работала в ЦНСИ). После моего: «с людьми разговариваю, статьи пишу, на конференции езжу...», — она несколько раздраженно: «ну это понятно, а делаешь-то что?»

Папа — инженер, работал зам.главного инженера на одном из «номерных» заводов, производящих что-то секретно-спутниковое и официально-ширпотребовские магнитофоны «Орбита», — играл на гитаре, в молодости всерьез занимался туризмом, ходил в горы и нас приучил к походам. Мама — поверитель, работала на том же заводе в отделе метрологии, добрейший и, как я поняла повзрослев, очень мудрый человек.

Ввиду хобби папы (фото и киносъемка), у нас сохранилось много документальных свидетельств о жизни семьи и отдельных ее членов. Сначала он снимал на 8 мм пленку, потом появилась видеокамера...

Итак, судя по вопросам бабушки и характеру деятельности родителей, Ваше движение в сторону, условно назовем ее ЦНСИ, не связано с продолжением семейной традиции. Может быть школа дала начала Вашему движению в ту сторону?

Сложно говорить о какой-то «семейной традиции». Папа был инженером, поощрял мой интерес к точным наукам, но с точными науками роман не сложился. К физике и химии относилась спокойно, математика мне нравилась (особенно геометрия, т.к. там было меньше абстрактных формул, которые надо запоминать), но на первом курсе университета выяснилось, что и ее я знала слабо. (Одна из двух университетских «троек», заработанных непосильным трудом на первом курсе, была по высшей математике). Мама видела во мне будущего профессионального демагога. Полагаю, я временами сильно утомляла родителей пространными глубокомысленными рассуждениями, постоянной готовностью вступить в спор по поводу и без...

В школах, совершенно обычных: сначала на Петроградской стороне (№ 87), потом в новостройке (№ 486) — я никогда не была отличницей, хотя и троек в аттестатах не наблюдалось. Хорошистка, я постоянно подавала преподавателям разного рода надежды и лишь частично оправдывала их. Главным недостатком, который тащу с собой по жизни, была нелюбовь к домашним заданиям. (Привычка к каждодневному рутинному труду так и не выработалась. До сих пор он (мой труд) подчиняется законам вдохновения, зависит от уровня инте-

реса, остроты необходимости и решимости что-то закончить.) Но в школе такой подход иногда встречал понимание и даже некоторое (конечно, косвенное) поощрение. Надежда Алексеевна Седун (математик), видевшая во мне зачатки математических способностей и зная о моей слабости, ставила «5», получив в ходе устного ответа на уроке какое-нибудь оригинальное доказательство очередной невыученной теоремы. Впрочем, это не избавляло меня от «2» в тетрадях (на месте несделанной домашней работы)...

Школьные годы пришлось на застой (1977–1987), и была я в них убежденной пионеркой/комсомолкой, но не карьерно-прагматического, а романтического разлива. Любила геометрию, увлекалась советской научной фантастикой (А. Беляев, в основном) и литературой типа «Честь» Георгия Медынского – лауреата Сталинской премии. Кто знает, поймет... (В поиске уточнения по поводу этого автора, наткнулась на оценку: «его творчество можно рассматривать как пример бездарности, признанной только из политических соображений». Из перспективы меня–тогдашнего-читателя этой бездарности, все не так просто... Мой интерес (на который теперь смотрю с иронией) не был мотивирован политическими соображениями, а был замешен на чем-то другом, имени чему сейчас не найду.

Были в моей школьной жизни упущения, но довольно естественные, если учесть мой образ жизни и мыслей того времени. Когда я училась в 9 классе, пришел к нам в школу и стал преподавать русский язык и литературу Марк Мазья (личность в интеллектуальной среде Ленинграда того времени известная, но мне то было не ведомо). Я знала, что вокруг него возникло подобие неформального кружка или клуба, в который входили и мои соученики. Был в этом кружке какой-то дух интеллектуальной свободы. Впоследствии жалела, что была столь не любопытна.

Стремление изменить мир (советская фантастика и «Честь» тому способствовали), толкнуло меня к выбору психологии в качестве предполагаемой будущей профессии. (Вообще я всегда была высокого мнения о своей способности «разбираться в людях».) Технические и медицинские специальности были отброшены сразу, педагогические и экономические, обмусоленные в мозгу, последовали туда же. Победило желание быть инженером персональных (под сознаний и душ, обрабатываемых поштучно, а не в массе своей. Не по знаниям амбициозная попытка хорошистки поступить на психфак СПбГУ вскоре закончилась приземлением в инструментальном отделе завода «Пирометр», наградившем меня первой записью в трудовой книжке – кладовщик.

Через несколько месяцев подъемов в 6.30, семейных поездок в переполненных автобусах до «Удельной» (незадолго до того построенная, она была конечной на соответствующей ветке метро) и 10 минутных пробежек от «Петроградской» до завода в страхе оказаться у турникета проходной позднее 8.00 (режимный завод), была по-блату переведена в отдел НОТиУ (научной организации труда и управления) того же завода, где обрела право приходить на работу в 9–10.00 и соприкоснулась с психологией и организацией труда в их человеческом, повседневном измерении...

Жизнь этого отдела достойна отдельного рассказа. Здесь лишь замечу, что на дальнейший выбор профессии в определенном смысле повлияла его руководитель — Елена Владимировна (фамилию забыла), а отрезвляющим на предмет возможных печальных последствий увлечения психологией — общение с Валентиной Болеславовной Лоч (штатным психологом отдела).

Проработав учебный год на заводе, совершенно обезумев от ежедневного раскладывания теста Люшера и чтения разоблачительных исторических документов (то был 1987—1988 год), в доходящем до паники ощущении, что «забыла все» (мой мозг, не способный удерживать неиспользуемую информацию, подавал сигналы о прогрессирующем забывании школьной программы), я решила «во что бы то ни стало в этом году поступить!», и выбор пал на экономический факультет СПбГУ (отделение прикладная социология). По диплому я — социолог-экономист.

И не разговаривали бы мы с Вами сегодня, если бы снова не блат. Папа устроил так, что я поступала как заводской стипендиат. Не думаю, что кто-то кроме меня тогда верил, что на завод вернусь и превращу блат в выгодное для завода капиталовложение. Стипендию мне платил завод (52 руб., тогда как обычная стипендия была, если не ошибаюсь, 46 руб.), бюджетного места я не занимала. Вероятно, это и определило мою профессиональную судьбу, ибо при поступлении на решающем экзамене по истории, за свое невразумительное мычание о Крымской войне, освоении космоса и чем-то еще, я получила безусловно незаслуженную «отлично». Как сейчас помню: беру у экзаменаторов (два молодых мужчины, оба в бородах) листок с оценками, смотрю в него, на экзаменаторов, спрашиваю: «вы смеетесь?», они мне: «вам много?» — и один с ироничной улыбкой тянет руку к заветному листочку... (Они явно развлекались.) Я, не будь дурой, листочек спрятала и, сказав свое: «спасибо, так сойдет», — в полуобморочном состоянии вывалилась в коридор, прямо в объятия пришедшей поддержать меня мамы. Нехороший осадок остался от этого «отлично», но я была в УНИВЕРСИТЕТЕ (!) и решила, что выданный мне заводом и этими бородачьи дядьками аванс обязательно отработаю...

Что и делала. Особенно настойчиво в первый год учебы, честно посещая все лекции и семинары. А мои друзья, вместо Истории КПСС (1 курс, читал проф. Рыбко), ходили в соседний (с экономическим факультетом) к/ф «Ленинград» и посмеивались над моим рвением... Моя должность комсорга тоже не внушала им должного уважения и становилась поводом для легкомысленных шуточек, демонстрирующих идеологическое и моральное разложение тогдашней молодежи. О последнем с цифрами в руках и тревогой в глазах нас информировал проф. В.Т. Лисовский...

Так начались мои отношения с профессиональной социологией. Вернее начались-то они с высадки в составе трудового десанта на поля поселка «Выборжец». Нас проверили на моральную зрелость и физическую стойкость сбором корнеплодов. Испытание полем мы с достоинством выдержали. Мои друзья по университету, с которыми мы в трудовом процессе определились и в отношениях на долгие годы, до сих пор вспоминают о серьезности, с которой я относилась к сбору свеклы...

Как шла учеба? Какие курсы, кто из профессоров наиболее интересовали Вас? Как мне помнится, комсомол постепенно уходил в небытие, какие-либо иные общественно-политические движения привлекали Вас?

Не помню, чтобы в студенческие годы у меня был какой-то интерес к общественно-политическим движениям. Комсомол напоминал о себе только сбором членских взносов. И то, потому что была комсоргом эти взносы вынужденной собирать, а иногда и оплачивать из своей стипендии долги «злостных неплательщиков». Полагаю, это можно рассматривать как своего рода конформизм. Не желая вступать в дискуссии с комсомольским начальством, я предпочитала отдать свой рубль в уплату комсомольских взносов. Не выбивать же несчастные 15 копеек из морально ослабевшего, оголодавшего обитателя студенческого общежития. (Больше половины нашей группы была иногородней.) Не будем забывать, на дворе был конец 1980 – начало 1990-х (пустые полки, продукты по талонам...). Мои соученики голодными глазами смотрели на плавающих или празднично гуляющих вдоль питерских каналов уток, прикидывая, хватит ли ловкости одну из них изловить... До сих пор, собираясь, мы вспоминаем наши «пиры», главным и единственным блюдом которых была жареная картошка с луком...

Из достойных упоминания преподавателей первых университетских лет назову Валерия Савчука. Тогда совсем молодой, умный и ироничный, с очень идущей ему восточной бородкой преподаватель философии. Дважды посчастливилось мне (на экзаменах так выпадало) рассказать ему про мысли Гераклита о непостоянстве жизни. Он же показал нам, что опрос может быть достойным юных умов развлечением, когда вовлек нас в исследование пощечин...

Я помню большинство преподавателей, но мне сложно оценить какие-то курсы, как «интересные». Были преподаватели «с потенциалом», но они редко появлялись на занятиях, передавая свои функции ассистентам. Например, не вполне типично и не скучно проходили семинары Ю. В. Веселова. От его занятий оставалось ощущение работы мысли. Но он редко радовал нас своим вниманием. Проф. Р. П. Шпакова (читала нам курс по истории западной социологии) была специалистом по Максиму Веберу и, надо полагать, пыталась донести до нас его идеи. Но по-настоящему и с интересом я прочитала Вебера только за стенами факультета. Возможно, в этом случае проблемой было отсутствие стимулов и опыта исследовательской (эмпирической) работы в контексте понимающей социологии. Даже полезные знания, которые пытались вложить в наши головы редкие преподаватели типа Риммы Павловны, оставались абстракцией, лишенной практического смысла...

Проблема в том, что социология в исполнении наших преподавателей, увы, была для нас довольно скучной и нудной дисциплиной. (Конечно, нельзя забывать, что речь идет о начале 1990-х, наш факультет возник как самостоятельная единица в 1989 году, когда мы перешли на 2 курс). Социология (как образовательная дисциплина) только формировалась. Советские социологи-исследователи (Ядов, Здравомыслов, Шкаратан и др.), которые, вероятно, могли бы ею заинтересовать, обитали в каком-то параллельном мире. Не помню, чтобы нам рекомендовали читать их работы. Иностранная литература была недоступна, да подавляющее большинство и не читало на иностранных языках. Теперь многочисленных и разнообразных переводных книг по социологии тогда не было.

(Первый переводной учебник Пера Монсона «Современная западная социология: теории, традиции, перспективы» появился в 1992 году). Нельзя также исключать, что я просто чего-то не понимала или была недостаточно любопытна.

Так или иначе, иллюзии о «веселой студенческой жизни» быстро разбились о рутину повседневных зубрежек разрезов и разделов (уже ушедших в прошлое) пятилетних планов, созерцание выхолощенной «научной» дискуссии, ощущение бесполезности получаемых знаний... Чем больше времени я училась, тем меньше понимала, чем я буду заниматься в будущем. Сначала я пыталась (как честный заводской стипендиат) заниматься разными вопросами управления персоналом. Читала переводные книги по менеджменту (они появились раньше переводных книг по социологии)... Но это мало помогало. Если в момент поступления у меня было представление, что социологи – существа, полезные в народном хозяйстве, то на 3 курсе надежда стать полезным членом общества растворилась, к 4 курсу близка к полному разочарованию профессией.

Если бы я не наткнулась на «Тектологию» Александра Богданова (вовсе не социолога, хотя у него и есть околосоциологические работы), не начала интересоваться личностью этого незаурядного человека, то, возможно, ничего профессионального в социологии со мной не случилось бы.

Квинтэссенцией пророщенной в домашних условиях научной мысли (содержащей гремучую смесь из А. Богданова, Г. Гегеля, Н. Винера, Л. фон Берталанфи, чего-то еще), материализовалось в 100 страничной рукописной (!) (компьютеры еще были роскошью) дипломной работе, впоследствии обозначаемой мной не иначе как «общая теория всего». Официально она называлась «Основы методологии комплексного исследования социальных систем». Не глупая была работа. Даже в чем-то умная, но вопиющая о дремучей неосведомленности автора о достижениях современной социальной теории, повествующая о склонности к романтическим фантазиям и очень фрагментарном знакомстве с жизнью. Теперь забавно перечитывать этот текст (дома сохранился черновик). Наивная вера юнца, что нашел он точку опоры и завтра перевернет мир. Только мир неожиданно заартачился, что со временем заставило меня-выскачку, до сих пор питающую надежду его изменить, в корне пересмотреть парадигму его (мира) восприятия. (Но это кровавое побоище с собственной безграмотностью, теоретической и методологической зашоренностью мне еще предстояло...). Так или иначе, свой велосипед я изобрела. Причем совершенно самостоятельно, без участия научного руководителя (А. Н. Сошнев), который предпочел не вмешиваться... И правильно предпочел. Мудро. Спасибо ему за это.

Важным моментом, быть может, не профессиональной, а гражданской социализации в годы университетской отсидки была наша борьба за отмену курса «Научный коммунизм». (Вообще-то протестное движение касалось не только этого курса, а деятельности всей кафедры управления и менеджмента, тогда возглавляемой В. Г. Долговым). Нам его должен был преподавать на 3 курсе проф. Рященко, как нам казалось, ровесник Октября... К тому времени мы уже осуществили «восхождение от абстрактного к конкретному» вместе с проф. В. Я. Ельмеевым, умножать опыт не хотелось... Никем не санкционированную, но признанную нами справедливой борьбу с научным коммунизмом возглавил учившийся в параллельной группе Даниил Цыганков. Он писал какие-то письма, которые мы подписывали, давал интервью... Это был первый опыт успешного

сопротивления и слома уже давно прогнившей, но все еще способной за себя постоять системы. Если бы не активность Даниила, то, может, нам бы и не избежать погружения в глубины (или восхождения к вершинам) научно-коммунистической мысли... Но нам повезло или время уже пришло. Шел, если не ошибаюсь, 1991 год. Испытывать молодые умы научным коммунизмом стало не модно...

Через пару лет (1993) университет был благополучно закончен. В аттестате числились две «удовл.» (по высшей математике и промстатистике, полученные в первом семестре 1 курса), которых не стыжусь. В остальном снова «хорошистка», отличившаяся в дипломе и на госэкзамене и вышедшая из стен вуза с верой в свое всемогущество. (Если помните, в кармане лежала «общая теория всего»). Владимир Козловский, разглядевший не по годам приткую и амбициозную девицу, посоветовал поступать в аспирантуру факультета, а параллельно «идти зарабатывать к Воронкову». (До сих пор некоторые полагают, что в ЦНСИ люди «зарабатывают (большие) деньги». Не будем разрушать их иллюзии...) В аспирантуру сразу решила не поступать (сыта была факультетом), «к Воронкову» пошла, также как ходила в ИСРАН, куда после доклада на какой-то студенческой конференции пригласил меня теперь уже забытый мной сотрудник «познакомиться». В списке была еще «Карабелка», но до нее уже не дошла, застряв на п. «Воронков».

Интересно, Оксана, а сейчас Вы понимаете, что самое полезное, чем можно заниматься в юности, так это созданием «общей теорией всего»? Я забыл фамилию Нобелевского лауреата, по-моему, венгра, которого спросили, как ему удалось достичь такого выдающегося результата. Он сказал, что с детства привязывал к леске самый большой крючок, ибо считал, что лучше сорвется крупная рыба, чем мелочь. Ведь именно тогда Вы учились думать, связывать кажущееся различным и так далее.

Я отдаю себе отчет в важности своего «открытия». Не имеет значения, насколько оно было ценно для науки. Кроме навыка мыслить «широко» (вне сложившихся клише), увязывать то, что ранее никто не связывал и т.п., я испытала специфическое ощущение, которое сложно описать словами, невозможно объяснить. Оно сродни влюбленности... Его можно только пережить. Радость открытия, ощущение всесия, не требующее рациональных аргументов уверенность в правильности сделанного выбора, призвания, того, что «идешь своим путем»... К сожалению (или к счастью) на смену восторженности приходит отрезвление. Но, мне кажется, однажды испытав радость открытия, сложно избавиться от стремления пережить это снова.

И как Вас принял Виктор Михайлович Воронков? Чем прежде всего загрузил?

Первое знакомство с Центром независимых социологических исследований (ЦНСИ) произошло в квартире Виктора Воронкова и Елены Здравомысловой. И говорила я не с Виктором, а с Еленой. Этот разговор мы с ней вспоминаем по-разному. Даже одежду Лена приписывает мне иную, чем помнится мне. Она говорит о каких-то рюшечках, а мне кажется, что по случаю жары, я была в не слишком официально выглядывшей майке. Но фотографии при сем событии не присутствовали, объективных свидетельств не сохранилось. Я лишь помню, что нервничала как на экзамене, а от того вела себя несколько вызывающе. Лену

помню сидящей передо мной на стуле. Я сижу на диване. Помнится, была ошеломлена тем, что, перейдя «устраиваться на работу», попала в частную квартиру. Потом я еще долго привыкала к особым правилам поведения, предполагавшим, что на предложение Директора «зайти выпить чайку», нужно отвечать согласием. Тогда мое представление о субординации было во многом перпендикулярно тому, что было естественно для хозяев дома. Пришлось привыкать.

Решение, что буду я работать «только в ЦНСИ!» созрело на семинаре, куда я попала (не помню уж с чьей легкой руки) осенью 1993. Это был семинар, обсуждавший идею проекта «про русских». Предполагалось выяснить, что значит для людей «быть русским». Тема была для меня интересной. В университете зачитывалась русской философией (Бердяев, Данилевский... больше славянофилы и евразийцы) и спаривала ее (русскую философию) все с той же «Тектологией»... Неслабая смесь получилась. Тогдашнему (4 курс) преподавателю русской философии (память сохранила только его «редкую» фамилию – Иванов) очень понравилось. Бодро, патриотично и жизнеутверждающе у меня получилось... Научно доказала миссию русского народа в мире... Как теперь видится, у меня были все шансы стать идеологом какого-нибудь национал-патриотического движения. Но судьба сжалилась надо мной и решила прежде испробовать меня Центром...

Так вот, тема была для меня знакомая, но подход оказался неожиданным, обсуждение заинтересованным, ни на что виденное в университете и в других местах не похожим... Помню, выйдя с этого семинара, сказала Саше Красовицкому (давно ушедшему от социологии и создавшему теперь хорошо известную музыкальную группу «Animal Jazz»): «Я хочу работать с этими людьми. В этом Центре!»

А Центра, как специального физического места в это время еще не было. Семинары проходили в помещении сектора общественных движений питерского ИС РАН (тогда еще не СИ РАН), дома у Елены и Виктора...

Кстати, так случилось, что все мои отношения с социологией были рубежными для институций, в которых я оказывалась. Факультет социологии выделен из экономического факультета в самостоятельное подразделение, когда мы учились на 2 курсе. (Как результат, ни полноценного экономического, ни социологического образования мы не получили). Собственного помещения у факультета не было, и мы почти два года ютились на последнем этаже геофака, в помещении подготовительного отделения. Дефицит аудиторий забрасывал нас в какие-то экзотические места (бывшие или нынешние райкомы, какие-то ведомства и т. п.). Нынешнее свое помещение факультет обрел, когда мы учились, если не ошибаюсь, на 4 курсе.

Потом был ЦНСИ, который в момент моего прихода только нарождался, не имел собственного офиса и обрел его почти год спустя, благодаря финансовой помощи Ингрид Освальд. Это была трехкомнатная квартира (90 кв.м.) на 12 линии ВО и тот факт, что это «офис» надо было скрывать.

Европейский университет тоже возник на моих глазах. Ходила на вечерние открытые курсы, с которых университет стартовал в 1996 году и попала в первый набор слушателей ЕУ в 1997. Наблюдала становление ныне маститых преподавателей, испытала всю жесткость еще не установившихся правил, училась в окружении талантливых людей, по большей части оставшихся в социологии:

Витя Каплун, Наташа Печерская, Елена Белокурова, Таня Бараулина (Берлин), Соня Чуйкина (Париж), талантливая, к сожалению, ушедшая из социологии Катя Герасимова..., Саша Курылев...

Вот здесь, пожалуйста, подробнее... В какие годы Вы учились в Европейском университете? Сложными ли были вступительные экзамены? Кто преподавал вам социологические, более широко – социальные дисциплины? Вы работали там над кандидатской диссертацией?

Поступила в ЕУ, если не ошибаюсь, в 1997. В 1996 году появились «открытые (вечерние) курсы» ЕУ, на которые многие сотрудники ЦНСИ (и не только они, конечно) стали ходить, а некоторые (Елена Здравомыслова) и преподавать. Нам хотелось учиться, ведь большинство из нас, несмотря на социологическое образование, «самоучки». Соцфак не готовил (и, к сожалению, не готовит) к профессиональной жизни или, как минимум, к профессиональной жизни вне своих стен. В ЦНСИ мы все учились в процессе исследований. Один из лучших способов профессионального образования, но практику необходимо сочетать с серьезной теоретической и методологической рефлексией, систематическим самообразованием. Времени на самообразование всегда не хватало. Мы, конечно, читали книги, обсуждали теории, различные методологические подходы и методический инструментарий, но оставалось ощущение фрагментарности знания и беспорядка в голове. Хотелось какой-то систематичности, углубления знаний, новых навыков...

Насколько я помню, для поступления в Европейский нужно было подать комплект документов, сдать экзамен по иностранному языку и пройти устное собеседование. Пакет документов, кроме разных формальных вещей, содержал авторский текст и заявку на проект магистерской работы. (В конце первого года учебы надо было сдать текст магистерской, что при большой учебной нагрузке было очень тяжело). Эти тексты и их обсуждение в ходе собеседования, как я понимаю, становились основой для оценки профессионального уровня потенциального слушателя. Но был еще один фактор. В заявке нужно было не просто придумать интересную тему и внятно артикулировать идеи и предполагаемые методы исследования, надо было вписаться в меню интересов преподавателей. Кто-то из них должен был «захотеть [тебя] взять». Несмотря на то, что среди преподавателей был человек (Эдуард Панарин), интересовавшийся «моей» тематикой (этническая идентификация), руководство факультета после дискуссий согласилось, чтобы моим руководителем стала Ингрид Освальд (немецкая коллега, с которой мы были хорошо знакомы по работе в ЦНСИ).

Учиться мне было сложно. Знания английского и философии не хватало. Временами спала по 4–5 часов, нагрузка была чрезмерная, требования высокими, атмосфера подавляла. За несколько лет работы в Центре, я отвыкла от позиции подчиненного («студента»), привыкла к атмосфере сотрудничества и совместного, кропотливого поиска. ЦНСИ для многих из нас выполнял роль инкубатора, в условиях, с одной стороны, суровых («грантовая экономика»), с другой, — тепличных (атмосфера взаимопомощи, совместного творчества, человеческие отношения) мы профессионально росли. В Центре никто не пытается нормировать скорость роста, каждый двигается с той, что удобна или доступна для него. В этом есть свои минусы, есть и плюсы. Европейский устроен иначе (не хуже и не

лучше), там другая система стимулов, нормативных требований, дисциплинарных практик, иные настройки ожиданий. В Европейском я многому научилась, но он меня и подавлял.

С преподавателями нам повезло: Вадим Волков читал курс по социальной теории и вел семинар по теории практик, Олег Хархордин — политическую теорию, Вадим Радаев — социальную структуру и стратификацию, Дэвид Вудрафф — Логику социального исследования, Майкл Урбан — методы анализа текста, Эдуард Панарин — этничность и национализм, Елена Здравомыслова и Анна Темкина — гендер, Александр Эткин — социологию религии, Андрей Могутов — компьютерная обработка качественных данных (анализ сетей). Возможно, я кого-то забыла. Курсы, более ориентированные на политологов (Владимир Гельман, Григорий Голосов), я не посещала.

Училась я с удивительными и талантливыми людьми, некоторых из них я называла выше. Наш курс отличался от других наборов тем, что в нем практически не было недавних выпускников, у всех за спиной был богатый профессиональный и жизненный опыт. Четверо в нашей группе были сотрудниками ЦНСИ. (Практически все сотрудники ЦНСИ рано или поздно прошли через Европейский университет).

Что касается диссертации, то, да, именно тогда я начала работать над ней (рабочее название «Языковые игры в «кавказцев» в российской официальной прессе (1992–2002 гг.)). Выросла тема из коллективного проекта «Кавказцы в крупном городе: интеграция на фоне ксенофобии».

Теперь, пожалуйста, продолжим Вашу основную тему...

Возвращаясь к знакомству с ЦНСИ, следующее, что помню об этом периоде (и, несомненно, это тоже повлияло на дальнейшие отношения с социологией и Центром. Вся соль жизни в деталях!) — плитка на стене в кухне Елены и Виктора, исписанная рукой Лены, вооруженной фломастером... (В своем интервью Вам Елена упоминает этот семинар, организованный вместе с несколькими активными студентами социологического факультета СПбГУ.)

В их (тогда она была «их») социологии была Жизнь. В ней не было столь отвращающей казенщины, показухи и дефицита мысли. Она была настоящей, самостоятельно устанавливающей порядка, главное правило которых гласило: можно и нужно все, что интересно...

Невозможно рассказать, насколько хотелось мне этой свободы и насколько тяжелым бременем была она для моих вымуштрованных зубрежкой разделов и разрезов пятилетнего плана, закованных в веру в достижимость единственно верной истины и полагающихся на всеисилие универсальных законов истории мозгов. Автор «основ методологии комплексного исследования социальных систем» терпел фиаско при столкновении с эмпирической реальностью. Моя наивная вера в то, что владею универсальным ключом ко всем вопросам мироздания («общая теория всего»), рухнула под напором простых вопросов, которые ставила передо мной жизнь. Столкновение с «жизнью», ранее спокойно текущей где-то в параллельном измерении, произошла при первой же попытке участвовать в реальном исследовании.

Квартирный опрос читателей «патриотической» прессы. Выборка строилась в опоре на листки подписчиков, выпрошенные организаторами проекта на почте. (Уж не знаю, насколько законным было предоставление этой информации работниками почты, но факт остается фактом.) По корешкам подписки на газеты «Завтра», «Русский порядок» (сейчас уже все издания не помню), чего-то еще, были вычислены потенциальные информанты. Но, как вы понимаете, на корешке был только адрес и фамилия с инициалами, никакого телефона, никакого имени... Предстояло идти по адресу, звонить в дверь, выяснять, кто по такому-то адресу выписывает такую-то газету, «можно ли с вами поговорить»... Далее из штатин доставался гайд интервью, предполагавший разговор часа эдак на полтора... (Дело происходило примерно в 1994.) Пару раз меня «спустили с лестницы». Конечно, не буквально. Просто грубо выставили из квартиры, заподозрив, что я «работаю на демократов», которые хотят всех несогласных переписать, а по доброй традиции, «если что не так», всех быстренько пересажать. Но тогда я еще была не готова к такому повороту дела и горько оплакивала свою неспособность (точнее зреющую ненависть) к желанной, но такой ужасной эмпирической работе...

Но, вероятно, мне всегда нравилась эта упругость жизни, иногда бьющая наотмашь. И люди мне всегда нравились упругие, готовые сопротивляться, не соглашаться с моим «единственно верным» мнением... Как следствие, сложности были восприняты как вызов, на который есть смысл достойно ответить. А смысл был обнаружен, ибо занимаются этим сложным для меня делом, интересные, умные люди, готовые со мной поделиться и вместе со мной учиться. И хочу я работать с ними и, желательно, не хуже.

Ольга Бредникова, которая вслед за мной и по моему предложению пришла в ЦНСИ, гораздо быстрее и естественнее вошла в работу, начала зарабатывать какие-то деньги. Не была ее профессиональная социализация отягощена тормозящими вхождением в новую социологию доморощенными позитивистскими теориями. Была она более открыта новому. Мне же предстояло (вполне добровольно) сломать свои прежние и обрести новые профессиональные убеждения. Как и прежде, я ничего не готова была принимать на веру. Нужно было по-настоящему понять и принять то, что в Центре называли неведомым ранее словом «конструктивизм». И тут, конечно, неопределимую роль играли семинары, дискуссии, обсуждения книг..

Потом (примерно через год-полтора) был первый настоящий проект («Конструирование этнических общин в Санкт-Петербурге и Берлине»), в котором была у меня кроме исследовательской, какая-то административная роль, и была первая моя регулярная зарплата (400 немецких марок, если не ошибаюсь). Участие в этом проекте позволило мне наконец на практике убедиться в том, что «быть татаринном» (я занималась этой категорией) можно совершенно по-разному... С тех пор мои профессиональные убеждения обретали все более антиэссенциалистский характер.

По результатам этого исследования был издан сборник статей «Конструирование этнических общин...» (1996), за который до сих пор нам не стыдно... Он был важным для продвижения в России качественной социологии и конструктивизма. Мы были пионерами, первопроходцами. И, конечно, тогда мы были еще в самом начале пути и многого не понимали...

Я ошибаюсь или так оно и есть? У Вас агрессия против того, что Вы называете позитивизмом, т. е. «демоскопические» методы? А не кажется ли Вам, что и эта парадигма, философия познания достаточно плодотворна, что у нее были, есть и будет огромное поле приложения? Или я подставляю Вас, подталкивая идти против религии ЦНСИ?

Я несколько утрирую, но, если пронумеровать вопросы, то в одной парадигме мои ответы выглядели бы так: 1. Вы ошибаетесь, 2. Нет, 3. Да, 4. Нет. Или так (столь же искренне): 1. Вы правы, 2. Да, 3. Нет, 4. Нет. Возможны и другие варианты, включающие различные степени неопределенности.

В другой парадигме ответ будет в десятки раз многословнее, станет включать вопросы и комментарии почти к каждому Вашему слову: Что такое «агрессия»? Об отношении к чему Вы спрашиваете: к «опросам общественного мнения» или к «позитивизму»? Говоря о «религии ЦНСИ», Вы имеете в виду институционализированный догматизм, коллективный и индивидуальный отказ от критической рефлексии теоретических, методологических оснований работы, веру в единственно верную, провозглашенную кем-то из «классиков» истину? (У меня много вопросов... И мой ответ на вопрос зависит от того, какие ответы на свои вопросы я получу...)

Такое расспрашивание, хоть и разрушает формальную процедуру интервью и превращает его в свободный разговор (диалог), в котором роли участников не закреплены, властные отношения не предписаны и т.п., более плодотворно для обеих сторон взаимодействия (если, конечно, мы ставим задачу понять, как устроены миры, в которых мы живем).

В наиболее общем виде, мое объяснение выбора в пользу второй парадигмы (понимающая, рефлексивная социология, конструктивистский подход) связан с тем, что мне не интересны («объективные») факты, а интересны истории, которые всегда пишутся из какой-то перспективы (или социальной позиции); мне не интересны универсальные законы, а интересны исторически изменчивые правила. С моей точки зрения, иллюзию того, что факты могут быть объективными, законы универсальными, можно поддерживать, лишь пренебрегая контекстом их производства (разорвав связи со исторически преходящими инструментарием и процедурами сбора, сортировки, анализа эмпирического материала, выключая рефлекссию по поводу цели исследования и практик использования результатов и т. п.). Мне кажется, что без учета контекста социальная жизнь не может быть понята, ответ не может быть интерпретирован.

Опросы общественного мнения (к использованию которых в социологическом исследовании, я отношусь скептически или «агрессивно»¹) опираются на базовое (не вопрошаемое) допущение, что информант разделяет с исследователем видение и язык описания того, «как оно есть на самом деле»; что исследователь, задавая, а информант отвечая на вопрос, одинаково его понимают; что смысл «да», «нет», «не знаю» информанта будет прозрачен для исследователя и т. д. Как только исследователь начинает сомневаться в этих допущениях,

---

¹ Я давно написала текст про то, какие риски несет в себе использование опросов при разговоре о «межэтнических отношениях» (Карпенко О. Как эксперты производят «этнофобию» // Расизм в языке социальных наук / Под ред. Воронкова В., Карпенко О., Осипова А. СПб.: Алетейя, 2002. С. 23—28. В сборнике Расизм в языке социальных наук).

он вынужден выходить за пределы этой парадигмы, работать со смыслом, с контекстом высказываний, рефлексивно отнестись к своей собственной социальной (в т. ч. профессиональной) позиции и т. д.

Проблема с опросами состоит в том, что полученные ими факты (вне зависимости от того, насколько технически правильно опросы проведены) не наделяются самостоятельной (социологической) ценностью, а оказываются аргументами в историях, как правило, имеющих отношение к управлению «ресурсами» (человеческими, финансовыми и т. п.). Они играют важную роль в обществе, ассоциирующем любую (в т. ч. социальную) науку с математическими формулами, цифрами, таблицами и графиками, но из этого не следует, что социологу стоит поддаваться их (цифр) очарованию. С моей точки зрения, социологам следует изучать истории производства и бытования количественных показателей, роль, которую они играют в обществе. Для меня, например, вполне убедительные ответы на ключевые вопросы о бытовании опросов общественного мнения сформулировал Патрик Шампань («Делать мнение»).

С моей точки зрения, последовательное и сознательное следование конструктивистскому взгляду на вещи, помогает освобождаться от стереотипов и предубеждений, вопрошать сложившиеся властные отношения, развивает эмпатию, рефлексивное, ироническое отношение к себе. Быть может, именно этот эмансипаторский потенциал конструкционизма, встроенные в него стимулы к постоянному интеллектуальному и личностному развитию, мне импонирует. Но, к сожалению, далеко не всегда этот потенциал используется.

Оксана, большое спасибо... я придерживаюсь правила: «мой собеседник — прав». Иначе каждое мое интервью превратилось бы в бесконечный текст, хотя я и к этому готов. У меня на выходе интервью с молодым социологом, в котором уже более 400 000 (пять нулей) знаков... но готовы ли Вы к такому эксперименту? От себя же замечу, что в 75-летних рядах Гэллапа, показывающих динамику отношения американцев к числу детей в семье, обладанию оружием, курению... вижу такую же правду и поэтику, как в Гоголевской «Шинели» — величайшее социологическое произведение.

Мы с Вами остановились на событиях конца 1990-х, а уже — середина 2010-х, т.е. прошло полтора десятилетия. Уверен, сделано немало. Но нельзя ли охарактеризовать в целом направление Ваших научных интересов и самые общие выводы из проведенных исследований.

Ваша первая фраза является прекрасным примером того, как можно сигнализировать о несогласии, утверждая, что собеседник прав.

Лично мне нравится, когда со мной спорят, и сама я часто начинаю спорить, нередко с позицией, которую в целом разделяю. Мотивация вполне эгоистическая: хочется усиления уже существующих и появления новых аргументов. Такая вот эксплуатация интеллектуальных возможностей собеседника. Но, ясно, что не всегда есть время и силы для таких разговоров... Да и ситуация исследовательского интервью отличается от просто разговора двух людей, налагает определенные ограничения на наше поведение. Предполагается, что интервью (даже самое свободное и нарративное) имеет некую цель, должно быть не только начато, но, желательно, и закончено ... Мне нравятся разговоры. К ним мы не

предъявляем таких требований. Они могут не иметь цели, быть ни о чем, но при этом подтолкнуть к интересным идеям... Возможно, именно поэтому работать я люблю с текстами, а с людьми предпочитаю разговаривать.

Я говорила выше про кровавое побоище со сложившимися за годы учебы в университете убеждениями. Решиться на такую рефлексивную работу, как мне представляется, можно только осознав окружающий мир как равный миру социальных теорий, а других людей как проводников по множеству неизвестных миров. С моей точки зрения, последовательно конструктивистская (или конструкционистская) позиция, если мы говорим об эмпирическом исследовании, предполагает освобождение от стереотипов и ментальных клише. Это не означает отсутствия опривыченных схем сбора материала и его анализа, устойчивых исследовательских практик или аргументов. Социолог-эмпирик, работающий в конструктивистской парадигме, состоит из уважения и любопытства к многообразию мира (эмпирик), профессиональных (теоретических, методологических) знаний, навыков полевой работы и анализа (социолог), систематической рефлексии властных отношений, в которые она/он оказывается вовлечена (критическая рефлексия).

Мы можем сколько угодно строить умозрительные теории, но эмпирическая реальность оказывается более сложной, противоречивой, строптивой, чем любая стройная и красивая теория. Это вовсе не стоит понимать так, что я имею что-то против теорий. Просто мне гораздо более симпатичен принцип, ассоциированный с Grounded theory. Исследователю необходимо постоянно пополнять свой теоретический багаж, но стоит очень осторожно и рефлексивно относиться к привлечению теорий к объяснению наблюдаемого. Самое печальное происходит, когда исследователь-эмпирик запикивает богатство эмпирических данных в заранее известную объяснительную схему. Он лишает себя возможности найти собственное объяснение происходящему. Другая крайность, когда исследователь не стремится теоретически осмыслить эмпирический материал, полагая, что «материал сам за себя говорит». Но материал всегда говорит из перспективы исследователя и выдает, если последний не имеет внятной теоретической, методологической позиции.

Что касается Вашего замечания про Гэллапа и Гоголя: как человек, который мигрировал между парадигмами, я знаю, что источником вдохновения могут быть очень разные вещи. В творческих профессиях именно вдохновение является движущей силой и внутренней мерой успеха. Кого-то вдохновляют таблицы распределений или количественный контент-анализ ... Меня не вдохновляют. Я пробовала.

Возвращаясь к истории отношений с социологией. В проекте 1996–1998 года («Кавказцы в крупном городе: интеграция на фоне ксенофобии») мне пришлось заниматься количественным контент-анализом. Не припомню в своей профессиональной жизни более тоскливого занятия (начало 1990-х компьютерных баз данных тогда не было, так что все делалось вручную). Разработанная схема работы не вмещала всего того, что мне казалось интересным. «Тупое» заполнение таблиц рождало скуку, скука подтолкнула к поиску более комфортных для моей головы подходов к рассмотрению и анализу текстов. Еще не понимая, как буду с ними работать, я выписывала большое количество цитат, копировала и сохраняла некоторые наиболее заинтересовавшие меня тексты...

В довольно беспорядочном поиске, я наткнулась на статьи лингвистов, среди которых были тексты Теуна ван Дейка (критический анализ дискурса), тексты по анализу метафор Дж. Лакофф, М. Джонсон и т.д. Эти довольно случайные находки на длительное время определила направление моих профессиональных поисков. Стало интересно понять, как язык «работает» (анализ дискурса), и каким образом в языке (вос)производятся властные отношения (критический анализ дискурса). (Потом (уже в Европейском университете и после него) был Л. Витгенштейн, М. Фуко, разные критические дискурс аналитики, Э. Лакло и Ш. Муфф, теория фреймов, теория практик и многое другое.)

Воспользовавшись материалом, собранным в ходе «кавказского» проекта, оперевшись на теорию конструирования социальных проблем и категорию «справедливости» («общего блага»), я описала три дискурсивные стратегии обращения с «гостями с юга» (или, как я иногда говорила, правил языковых игр (Л. Витгенштейн) в «кавказцев»). В первой статье на эту тему, написанной в 2000 г. и опубликованной в 2002 г., были использованы достаточно неуклюжие наименования этих типов: «охранная» или «хозяйская» стратегия, «этническая» или «самобытная», «правозащитная» или «законная». Эта терминологическая неуклюжесть была отчасти компенсирована пояснениями различий и указаниями на конкретные примеры работы этих стратегий. Тогда же я стала серьезно размышлять над и писать о метафоре «дом» («хозяева» vs «гости»), конституирующей первый тип стратегии. До сих пор я считаю ее важным ключом к пониманию доминирующего в России отношения к миграции, мигрантам и всему «иностранному». Также мое внимание привлекло часто используемая в разговорах о миграции поговорка про свой устав, с которым в чужой монастырь не ходят... Анализ использования этих метафоры и поговорки многое проясняет и в устройстве правового сознания россиян.

Когда-то сферу своих интересов я сформулировала так: хочу понять, чем рабочий отличается от русского? Многим такая постановка вопроса покажется наивной и/или лишенной смысла, но меня занимало различие в правилах (вос)производства, взаимодействия систем категоризации. Особенно тех, что конституируют «классы», «культуры», «самосознания», «этнос», «расы». Быть может это вывело меня на «(наш) народ», бытование которого в разных текстах (особенно в школьных учебниках по обществоведению и истории) занимает меня последнее время.

Слово «народ» замечательно тем, что в него вкладываются все интересовавшие меня смыслы. В зависимости от контекста «наш народ» может рассматриваться а) как конституированный «культурой», и в этом качестве противопоставлен «иностранцам» (этнокультурное прочтение); как конституированный отношением «труду» и опыту эксплуатации, и в этом качестве противопоставлен «капиталистам» (классовое прочтение); привязан к определенному «мировоззрению» и отрезан от «ложных идеологий» (идеологическое прочтение) и т.п. Именно поэтому «(наш) народ» может быть эффективно использован как инструмент манипуляции.

Интересным оказывается наблюдать, при каких обстоятельствах, и с какими последствиями происходит переключение и наложение этих многочисленных значений в конкретных контекстах (например, в советском учебнике Истории СССР или Грузии или в современных учебниках Истории Отечества). Этим

я занимаюсь несколько последних лет, сравнивая советские и постсоветские, российские и грузинские школьные учебники истории. Раньше я анализировала учебники обществоведения и методические пособия по этнокультурному образованию.

Мне кажется, что в свое время мы выпустили важные для российского социологического сообщества книги: «Конструирование этничности. Этнические общины в Санкт-Петербурге», «Расизм в языке социальных наук», «Расизм в языке образования». Две последние были сборниками статей (переработанных докладов) участников одноименных семинаров, проведенных в ЦНСИ. Эти семинары (в организации которых я принимала активное участие) и книги (которые собирала и редактировала) связали интересных, рефлексивных, думающих исследователей (Владимир Малахов, Сергей Абашин, Павел Романов, Елена Ярская-Смирнова, Виктор Шнирельман и др.) и стали источником методологических размышлений для многих читателей как внутри, так и вне профессионального сообщества.

Как изменилась, расширилась концептуальная, методологическая база Ваших исследований?

Эту эволюцию сложно проследить. Понимание конструкционистской парадигмы пришло в ЦНСИ и не столько из чтения «Социального конструирования реальности» (П.Бергер и Т.Лукман) и т.п., сколько из опыта полевой работы с «татарами» в проекте «Конструирование этнических общин в Санкт-Петербурге и Берлине». Вроде бы понятные, но абстрактные идеи помогли разобраться с конкретным эмпирическим материалом.

Пытаясь осмыслить бытование «кавказцев» в российской прессе, я воспользовалась теорией конструирования социальных проблем, так как именно аспект (проблематизация присутствия «гостей с юга») интересовали нас в проекте. В работе с языком отсутствие какого-либо лингвистического образования (кстати, важное упущение образования социологического), с одной стороны, мешало, с другой, — помогало работать с текстами. Мешало, так как большинство работ по анализу дискурса написано лингвистами, в них используется специфическая терминология, авторы ссылаются на круг авторов, мало знакомых социологам, получившим образование в наших госвузах и т.п. С другой стороны, отсутствие специализированных знаний помогает шире посмотреть на вопрос.

«Фреймы», «практики», «дискурсы» и многое другое пришло ко мне в Европейском университете. Поиск и самообразование, чтение литературы и работа с текстами постепенно помогли разобраться с тем, что же такое «дискурс».

Сегодня для меня использование термина «конструирование» предполагает сознательное принятие в качестве базового допущения тезиса, что социальная реальность, в том виде как она нам известна, неразрывно связана с коммуникацией и не может быть помыслена вне знаковых систем. Так как познание и коммуникация невозможны без посредничества знаков, знание с неизбежностью относительно, всегда определяется параметрами посредника — знаковой системы и дискурсивных (связанных с использованием этой системы) практик, выбранных для ее (реальности) артикуляции. Термин конструирование указывает

на неизбежный и неизгладимый отпечаток, который на любом факте оставляют артефакты и на принципиальную невозможность получить чистое, лишённое этого отпечатка, знание.

Оксана, о, Бог ты мой, но это очевидно, вся логика, методология, теория, технология, практика измерения (более широко, теоретико-эмпирического познания) исходит именно из этого положения. И в широком плане давно известен ответ: измерение (теоретико-эмпирическое познание) – это процесс. Или я нечто важное в Ваших рассуждениях, построениях не допонял, упустил?

Частота заявлений социологов о том, что они применили исследовательские методы, открывшие им доступ к объективному знанию, мешают мне согласиться с Вами. Кроме того, я говорила не об измерении, а о том, что исследовательские подходы (в т.ч. включение измерения в дизайн исследования, выбор конкретных процедур и инструментов измерения) зависят от того, как мы видим объект исследования, где размещаем себя по отношению к этому объекту и т.п. Зачастую исследователи не отдают себе отчет в значимости языка (дискурса), которым они пользуются для постановки исследовательских проблем. Например, за разговорами о «нелегальных мигрантах» и «недокументированных мигрантах» стоят совершенно разные парадигмы обращения с миграцией и мигрантами, разный репертуар исследовательских вопросов, способов их решения, ассортимент признаваемых уместными аргументов. Или Вы в своем вопросе отождествили «измерение» и «теоретико-эмпирическое познание». Мне кажется, что такое отождествление характерно для объективистской парадигмы, полагающей измерение важнейшим атрибутом описания феноменов. Если мы полагаем, что стоит уделять внимание интерпретациям, контекстам производства знания, способам артикуляции и т.п., то измерение перестает быть центром процесса социального познания.

Оксана, Вы преподаете? Если «да», то кому и какие курсы, если нет, то почему?

Я никогда не читала курсов лекций, хотя были периоды, когда очень активно работала со студентами, приходившими в ЦНСИ на практику. Мой преподавательский опыт ограничивается отдельными лекциями и семинарами для студентов и/или слушателей курсов повышения квалификации (довольно долго в московском СИ РАНе существовали курсы, организованные образовательным центром, возглавляемым Сергеем Кухтериним. ЦНСИ дополнял теоретические курсы, которые читались в Москве, практикумами по методам исследования.) В принципе мне всегда было интересно преподавание и, полагаю, я была бы неплохим преподавателем. Быть может слишком требовательным. Мне бы хотелось, чтобы студенты думали. К сожалению, далеко не всем людям, проходящим в вуз, интересен этот процесс.

Вообще мне кажется, что любопытные студенты играют важную роль в социализации ученого. Хороший студент дает профессионалу не меньше, чем профессионал дает студенту: еще не растраченный в рутине исследовательской работы задор, вопросы и ожидание чего-то нового во взоре... Думаю, работа со студентами многих из нас это стимулировала к поиску новых и нетривиальных подходов...

Но жизнь сложилась так, что никогда на это не было времени. Я занималась исследовательской и административной работой в ЦНСИ, координировала различные программы, организовывала конференции, редактировала книги и т.п. У меня просто не было времени и сил на разработку полноценного курса лекций и семинаров. Не исключаю, что займусь преподаванием в будущем.

Оксана, не хотите ли Вы кратко рассказать о тех событиях, которые в последние месяцы переживает ЦНСИ, и чем, по Вашему мнению, все завершится?

Люблю истории и эта со временем станет одной из любимых. Но пока мне сложно говорить о происходящем с иронией, которой этот рассказ достоин.

Сомневаться в историческом значении происходящего не приходится. Очередной поворот на ухабистой дороге, по которой движется российское общество к своему неизменно светлому и всегда будущему. С моей точки зрения, проблема в том, что видение этого будущего упорно заталкивают в концепты «(народного) единства» и «(русского) порядка». Хочется больше уважения к различиям, человеческому достоинству и творческому беспорядку. Однако вернемся к Вашему вопросу.

Эта история началась давно. Я бы датировала ее начало 2007 годом, когда миру был явлен концепт «суверенная демократия». С тех пор «угроза суверенитету» неизменно нарастала, стимулируя мыслительную деятельность народных избранников, порождая законодательные новеллы, среди которых видное место заняли законы «об иностранных агентах» (2012) и «о нежелательных организациях» (2015). Первый усматривает основную угрозу «национальной безопасности» в деятельности некоммерческих организаций, второй, – в присутствии в России иностранных фондов, поддерживающих, с моей точки зрения, безусловно полезную для российского общества работу этих самых организаций.

Первый опыт применения закона «об иностранных агентах» в отношении ЦНСИ, мы (как и многие другие НКО) получили в марте-апреле 2013 года. Тогда нас проверяла Прокуратура РФ и по результатам выдала «предостережение». Стремясь к максимальной открытости и гласности, [мы комментировали](#) происходящее на сайте Центра, выражали [солидарность](#) с теми [организациями](#), которым уже тогда было предписано зарегистрироваться в реестре. 1 августа 2014 года распространили [открытое письмо](#), в котором выразили позицию Центра по поводу закона и его применения.

Следующая (внеочередная) проверка Минюста РФ началась в сентябре 2014 и закончилась актом об отсутствии нарушений. Плановая проверка того же ведомства, произошедшая через несколько месяцев (февраль-март 2015 г.) нарушения выявила (см. [Предупреждение](#)). Нам было предложено подать заявление о внесении ЦНСИ в реестр «инагентов». Мы отказались, написали [открытое письмо](#) и начали [сбор подписей](#) в поддержку нашей позиции. В течение десяти дней его подписали более 1300 социальных ученых из почти 100 центров социальных наук России и мира. Среди них: НИУ ВШЭ (СПб, Москва), Европейский университет в Санкт-Петербурге, СПбГУ, Социологический институт РАН, Самарский, Казанский университеты, Центрально-Европейский Университет, University of Berkley, Oxford University, Sciences Po (Paris), Paris IV-Sorbonne,

University of Caen (France) EHESS (Paris), University of Manchester, University of Cambridge, European University Institute, Florence, University of Glasgow, University of Eastern Finland и др.

Было бы наивным полагать, что наши аргументы и голоса международного профессионального сообщества будут услышаны и приняты во внимание государственными органами. Но мы не считаем, что государство должно быть нашим единственным собеседником в этой ситуации. Мы хотели говорить с сообществом, в котором мы живем. Сообщество нам ответило поддержкой. А поддержка и взаимопомощь в сообществе не менее важна, чем решение суда в твою пользу.

В начале июня 2015 г., в ходе рассмотрения дела мировым судьей, «установлено», что «[Д]еятельность организации относится к политической путем сокрытия под научной и экспертной» (чуть ниже об этой формулировке). По решению суда, ЦНСИ должен выплатить 300 000 руб. за то, что «выполнял функции иностранного агента» (т.е. получал иностранное финансирование и осуществлял «политическую деятельность») без внесения в реестр инагентов; и 15000 руб. за то, что не выполнил предписание Минюста добровольно в этот реестр встать. Судья полностью игнорировал наши аргументы (что перечисленная в Предупреждении деятельность носит профессиональный и научный характер и по закону не может быть отнесена к политической), солидаризовался с позицией Минюста и эксперта-автора приведенной выше формулировки про «...относится к политической, путем сокрытия под...».

Эта безграмотная, но очень действенная формулировка (и Минюст и мировой судья на нее опираются, артикулируя свои решения) принадлежит перу д.ф.н., профессора Лебедева Сергея Викторовича, заведующего кафедрой философии "Высшей школы народных искусств (институт)" ([ФГБОУ ВПО ВШНИ](#)), борца с «эксплуатацией наших мозгов» (см., например, [«Западные грантодатели по-черному эксплуатируют наши мозги»](#)), привлеченного Минюстом в нарушение правовых процедур.

22 июня 2015 года АНО «Центр независимых социологических исследований» был насильно внесен в реестр решением Минюста РФ. Мы с этим решением не согласны и продолжаем защищать свое право заниматься исследованиями без внесения в реестр. Была подана апелляция на решение мирового судьи в Куйбышевский районный суд. Ждем назначения даты слушаний. Если решение будет вынесено не в нашу пользу, будем оспаривать дальше, но в течение 2 мес. будем вынуждены выплатить штраф. Вероятно, в этом случае мы обратимся к сообществу за помощью.

Недавно мы сдали квартальный и полугодовой [отчет о деятельности](#). (Как Вы, возможно, знаете «инагенты» должны сдавать в Минюст ежеквартальные финансовые отчеты, полугодовые содержательные, проходить ежегодный аудит.) В нем мы продолжаем утверждать, что «политической деятельностью» не занимаемся, ибо нам до сих пор никто не пояснил, на каком основании наша профессиональная деятельность отнесена к «политической».

Так или иначе, административные проблемы, связанные с бюрократией, решаемы. Тенденция к бюрократизации наблюдается во всем. Сложнее с возможностью работать в контексте этого разливающегося в обществе страха и подозрительности. Социология, которой мы занимаемся, опирается на доверие

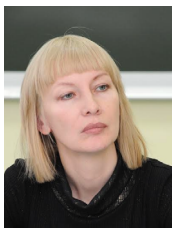

и готовность к диалогу. С этим всегда было сложно, когда мы общались с государственными структурами. Пока законодательно общение государственных мужей и служащих с «инагентами» не запрещено (хотя инициативы, связанные с ограничением такого общения, существуют), но очевидно, что итак трудно- и времязатратный доступ в контролируемые государством поля, станет почти невозможным. Плюсом нашей позиции является то, что мы – социологи, а посему не чувствуем себя жертвами системы, а рассматриваем происходящее как доступ в поле, как возможность эту систему изучать изнутри.

Не люблю прожективных вопросов, и все же... Допустим, Вам предоставили на полгода полную свободу: «любой режим деятельности, достаточное финансовое обеспечение, исследуй и пиши что хочешь». Чем бы Вы занялись?

Отправилась бы путешествовать, куда глаза глядят. И ничего не писать по нужде, а только то, что захочется написать. Но, если спуститься на землю, то... закончила бы исследование, которое сейчас веду (сравнительный анализ советских и постсоветских учебников истории), закончила бы давно ожидающую завершения серию статей про траектории ухода (разных постсоветских обществ) от советского исторического дискурса. Дописала бы диссертацию...

Успехов, Вам, Оксана.

Интервью с Эльвирой Октавьевной ЛЕОНТЬЕВОЙ

«ОЩУЩЕНИЕ РАДОСТИ ОТ ХОРОШО ПРОВЕДЁННОГО ЗАНЯТИЯ – ЭТО МОЁ САМОЕ БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ В ПРОФЕССИИ»

Леонтьева Э. О. — окончила философский факультет Томского государственного университета (1991 г.); доктор социологических наук (2014 г.); профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета.

Основные области исследования: социология коррупции, неформальные практики в высшем образовании, университет как феномен культуры, глобализация образования.
Интервью состоялось: сентябрь-декабрь 2014 г.

Так сложилось, что при публикации интервью в их заголовки выносятся фамилии и инициалы моих собеседников и одно из высказанных ими суждений. Понятно, никакой заголовок не способен отразить содержание всей беседы, он передает лишь одну из обсуждавшихся тем, но он должен привлечь внимание читателя своей яркостью, метафоричностью, привлекательностью. Обычно я сам отыскиваю одну-две такие фразы, и вместе с респондентом мы решаем, какую из них оставить.

Где-то во второй половине данного интервью такая фраза нашлась и, казалось, что вопрос с названием решен. Но когда работа была совсем близка к концу, моя собеседница Эльвира Октавьевна Леонтьева предложила вынести в заголовок другую фразу: *«Ощущение радости от хорошо проведенного занятия — это моё самое большое счастье в профессии»*. У меня не было никаких возражений, более того, я принял ее сразу, она еще раз высветила проблему, над которой я начал задумываться в начале лета 2013 года, в процессе беседы с екатеринбургским профессором социологии Гарольдом Ефимовичем Зборовским.

До того времени моими собеседниками в основном были петербургские и московские социологи, работавшие в академических институтах или в научных подразделениях университетов, и у меня не возникало сомнений в том, что все они прежде всего видят себя аналитиками, исследователями социальных проблем. Заголовок, предложенный Зборовским, предлагал иное видение своей роли в нашем профессиональном сообществе: *«... я ощущаю себя в первую очередь не ученым... а профессором...»*. Причем, сказано это было автором ряда получивших признание книг по те истории социологии.

Тогда я не был лично знаком со Зборовским, и не мог до конца понять смысл этих слов; мне казалось, что нет ничего более захватывающего, чем размышлять над той или иной проблемой, пытаться найти подходы к ее решению, писать статьи и книги. Теперь я дружен с Гарольдом Ефимовичем, постоянно переписываюсь с ним и вижу, что все это он с успехом делает, но одновременно он рассматривает свои публикации не в качестве финального продукта, а как работу над тем, что потом прозвучит на лекциях и будет обсуждаться в ходе семинаров со студентами и аспирантами.

Итогом бесед состоявшихся во второй половине 2014 года, стали еще два интервью, заголовки которых подчеркивали тот факт, что главным в деятельности моих собеседников были не собственно научные исследование, а преподавание. Когда была сделана примерно половина текста интервью, я предложил кандидату социологических наук, доценту Государственного нефтегазового университета Геннадию Геннадиевичу Сорокину две фразы из его интервью, которые могли бы стать заголовками: «Я – преподаватель. Наукой занимаюсь в свободное от работы время» и «Свою научную деятельность я начал... с изучения основ социологии». Мне казалось, что вторая – емко описывает необычность его прихода в социологию, но он отдал предпочтение первой. Его родители имели учительское образование, работали – пусть недолго – сельскими учителями, и Сорокин стремился стать преподавателем.

Еще одним моим недавним собеседником была Вера Владимировна Гаврилюк, профессор того же университета и руководитель кандидатской диссертации Сорокина. Она – автор и соавтор более десяти монографий и учебников, свыше десяти ее аспирантов стали кандидатами наук, но она сразу согласилась с заголовком, в котором были использованы слова руководителя ее первой педагогической практики в школе: «Родилась с указкой в руке». И здесь ее комментарий: «Именно так многие годы я себя и ощущаю. Не случайно, моя первая диссертация была связана именно с процессом обучения».

Что же получается? Можно допустить, что признание социологии в качестве самостоятельной науки, произошедшее в СССР в конце 1980-х, открытие факультетов социологии во многих столичных и региональных университетах, появление значительного числа специализированных Советов по присуждению кандидатских и докторских диссертаций, в последние годы дали рост новой группе специалистов – преподавателей социологии. Для них это – важнейшая составляющая их деятельности.

Рассказ Эльвиры Леонтьевой предлагает нам одну из траекторий вхождения будущего философа в социологию и неожиданного открытия в себе интереса к преподаванию. Она пишет: «прочитала много разного бреда про загнивающую буржуазную массовую культуру, на фоне которой только у советского общества есть шанс создать новую-высоко-образцовую-безусловно-прекрасную, хоть и массовую, но всё же действительно культуру», отчаялась, но здесь случайно открыла для себя маленькую зелёную книжицу Бориса Грушина “Массовое сознание”. На ее основе она сделала курсовую и диплом, «этот маленький зелёный лучик» поддержал в ней «огонёк зарождающейся любви к исследовательской работе». А на 5 курсе у студентов была педагогическая практика, и после нескольких занятий в Томском инженерно-строительном институте Эльвира поняла, что это ее, ей «очень хотелось работать преподавателем».

В плане определения путей развития нашей науки представляется интересным изучить, насколько распространённым становится стремление социологов специализироваться в области преподавания тех или иных социологических дисциплин, курсов. Несложно понять, что наше профессиональное сообщество заинтересовано в появлении подобного рода специалистов, в разработке методологии преподавания социологии, в подготовке учебников и различного рода учебных пособий.

Леонтьева Э. О.: «Ощущение радости от хорошо проведённого занятия — это моё самое большое счастье в профессии»

Эльвира, в последнее время я чаще всего начинаю беседу с вопросов о родительской семье моего собеседника, по ходу нашей беседы я поясню причину такого развития хода интервью. В книге «Социологи России», из которой я узнал Вас, сказано, что Вы родились в Комсомольске-на-Амуре. Ваши родители — первые в Вашем роду Дальневосточники, или они тоже родились там? У Вас очень редкое отчество — Октавьевна. Вы не знаете историю происхождения имени Вашего отца? И вообще, насколько Вы знакомы с прошлым Вашей семьи?

Увы, не могу сказать, что глубоко знаю историю своей семьи. О бабушках и дедушках имею только отрывочные сведения, жалею, что не успела расспросить. Мои родители из Нижегородской (отец) и Кировской (мать) областей родом, приехали на Дальний Восток в начале 1960-х. Они ещё неженаты были, отца призвали в 1961-м армию в Комсомольск, а мама приехала к нему. Ждала, пока он отслужит, а потом решили остаться. Понравилось им там — леса, рыба, грибы-ягоды, романтика и пр. Поженились в 1963-м, там же, в Комсомольске, и всю совместную жизнь прожили в этом городе. После того как отец умер в 1999-м, мама переехала ко мне в Хабаровск.

Почему отца так называли, я точно не знаю, хотя спрашивала бабушку, когда ещё школьницей была. Я переживала страшно, что у меня такое дикое отчество, мне тогда казалось: это катастрофа — как я буду жить с таким отчеством? Отец и сам по молодости стеснялся своего имени. Бабушка мне тогда ответила туманно, что, мол, в то время (отец родился в 1938-м) детей часто называли необычными именами. Но у нас с моей тётёй — сестрой отца, по этому поводу сложилась своя версия. Мой дед был учителем химии и биологии и директором школы в селе. Это очень и очень уважаемый человек, авторитет у него был огромный, больше чем у председателя сельсовета. А бабушка — учитель начальных классов. И когда в такой семье родился сын, то видимо родители решили, что его имя должно было как-то отразить особо интеллигентный статус семьи. Кстати, сестру моего отца, которая родилась через 4 года после него, называли Эльвирой — тоже очень редкое для русской деревни имя. На младшенькую, любимую мою тётю, фантазии уже не хватило, она стала Надеждой.

Мои родители — простые советские люди, честные и порядочные труженики. У них не было высшего образования, оба закончили техникумы, поэтому формально я интеллигент в первом поколении. Но в действительности по образу жизни, отношению к людям и работе, вся их жизнь наполнена таким смыслом, мудростью и интеллигентностью, которых не имеет множество людей с университетскими дипломами. Отец был очень талантливым человеком, он не закончил институт исключительно по «идейным» соображениям. Бросил его на 6 курсе вечернего отделения, заявив маме, что знания он получил, это главное, а диплом ему не нужен. Я помню, как он сидел ночами над задачами и контрольными, помогал мне делать математику и физику, которые я ненавидела. Для него решение задач — любых: математических, технических — было делом особого азарта.

Он не мог ничего делать пока не решит, всё время думал, думал и всегда решал. Он работал мастером – монтёром электрооборудования на судостроительном заводе, был специалистом экстра-класса. Когда завод сдавал военные заказы, отец уходил в плаванье вместе со сдаточной командой. Это были командировки по три-четыре месяца, иногда до полугода. Большинство заказов были секретные, поэтому он никогда ничего не рассказывал. Только тогда, когда уже всё развалилось, и он остался не у дел, немножко пробалтывался – где он только не был, все северные моря исколесил. Были даже случаи, когда на кораблях что-то случалось, никто не мог сделать, тогда за ним из Приморья, где была база, присылали спецрейсы. Он всегда всё мог сделать. У нас дома никогда не было сломанной техники. А также у наших родственников, друзей, соседей – ему несли всё от утюга и чайника до автомобиля. И для него это не было заработком, это был образ жизни, азарт – смогу ли я решить эту очередную задачу. Это потом, когда надо было как-то выживать, он стал работать по заказам, но это уже очень грустная история.

Маме сейчас 77 лет, это человек неиссякаемой энергии. Всю жизнь проработала в строительстве. Приехала в Комсомольск после техникума, и её сразу же отправили мастером на строительство дороги Комсомольск-Солнечный, это большой посёлок к северу от Комсомольска, центр одного из районов Хабаровского края. И она, совсем ещё девчонка, тянула эту дорогу среди дремучей тайги, командуя двумя бригадами взрослых мужчин. Эта дорога сейчас – наша гордость, символ вклада моей мамочки в дело процветания человечества. Настоящего вклада, реального, какого у меня никогда не будет. Потом она работала в крупнейшем на Дальнем Востоке стройтресте, и, несмотря на отсутствие высшего образования, занимала инженерные должности. Сейчас, вспоминая своё детство, не устаю удивляться и недоумевать, как мама могла, работая с 9 утра до 6 вечера (а часто, когда сдавался объект, и до 8 –9) содержать в идеальном порядке квартиру и нас, троих детей. У нас всегда были чистые и наглаженные вещи, горячий завтрак перед школой, обед из трёх блюд в холодильнике, вкусный ужин, чистота в квартире. Загадка советских женщин. Она и сейчас очень много делает для моей семьи, взяв на себя заботу о ней во время моих отъездов и вечных дедлайнов.

Мои родители очень тяжело пережили слом эпох и я, находясь тогда ещё только в самом начале пути, ничем не могла им помочь. Отец не успел даже мной погордиться, когда он умер, я ещё училась в аспирантуре. Сейчас для меня мама – мой энерджайзер и живой пример как надо жить, отдавая и ничего не требуя взамен, и только тогда у тебя будет что-то действительно хорошее.

А не могли бы Вы пояснить слова: «очень тяжело пережили слом эпох»? Вы понимаете, Эльвира, время летит стремительно, уже выросло поколение социологов, которое не понимает, о каком сломе идет речь, в чем оно выражалось. А что говорить о следующих поколениях?

Я имею в виду конец советской эпохи. Наверное звучит немного пафосно, мы этого, конечно, в таких терминах не осознавали. Это сейчас мы знаем, что в глобальном смысле был конец биполярного мира. А в обычном смысле, в повседневной жизни это был конец привычного и понятного мира. Причём резкий и очень болезненный. Так получилось, что в нашей семье не было

ни обласканных властью, ни обиженных ей – мы были обычные. Я думаю, что именно таким было особенно плохо тогда, в 90-е, они были в абсолютном проигрыше: всё, чем они жили, что строили и в чём видели смысл, рухнуло за несколько лет. Завод, на котором работал отец, перестал получать заказы, а люди зарплату. Мудрая мама ушла на пенсию сама ровно в 50 лет, за пару лет до того, как из треста, где она работала, всех уволили, а сам трест разделили на несколько строительных компаний и всё приватизировали. Люди, отдавшие свои жизни этим предприятиям, были просто «вынесены за скобки» как ненужный отработанный материал.

Похоже, что Вы закончили школу накануне перестройки, чем Вам запомнились школьные годы? Повезло ли Вам с учителями, особенно в старших классах? Как шло учение? Кем хотели стать?

Школа у меня была тоже самая обыкновенная – в шаговой доступности от дома. Потом, когда я училась в 8 классе, мы переехали, но школу менять не захотелось. Если коротко отвечать на Ваш вопрос, могу сказать, что с учителями мне не повезло, но учение шло хорошо! Мне всегда всё легко давалось в учёбе, и было даже как-то весело, что особо-то и учиться не надо. Мама сейчас моим детям рассказывает, что когда я приходила из школы, то сразу делала уроки. Я это помню только про начальную школу, а потом их делать особо не надо было. В последних классах мы подолгу после уроков оставались в классе – убирались, там же и делали уроки, готовили какие-то номера для вечеров – это было, пожалуй, самое замечательное время за всю школьную жизнь. Моё общее впечатление о школе, если коротко – легко, но на уроках ужасно скучноооо!!! А самое интересное – то, что происходит после уроков.

Кроме того, в эту же школу ходил мой старший брат, доставивший много проблем учителям из-за увлечения Битлами, длинных волос и нежелания слушать политинформации – представляете, и у нас в Комсомольске такое тоже было. Поэтому учителя ко мне относились как бы сквозь призму их отношения к брату. Если мои учителя сейчас живы, то им очень-очень много лет, и я не могу их в чём-то упрекнуть. Он жили так, как считали правильным. Единственная, кого должна вспомнить с пиететом – учитель химии Золотарёва Людмила Тимофеевна. Это и правда Учитель. Я не связала свою жизнь с этой наукой – никогда не лежала душа, но в её изложении химия была так понятна, логична и прекрасна, что даже странно как это я смогла её не полюбить. И делала она всё это без всякой назидательности, фальши и идеологии, чем доставали все учителя – благо в химии это было легче, чем в истории или литературе.

Я помню всех учителей, про каждого могу рассказать, но никого не вспоминаю с благодарностью за вклад в мою личность, как бы ужасно это ни звучало. Никому не надо было растить из нас мыслящих, читающих, думающих людей – надо было только зубрить и отвечать как положено. Немного нравился английский, даже занималась дополнительно и участвовала в олимпиадах. Но пользы это не принесло. Говорить нас не учили, что только усугубило языковой барьер, который мучительно преодолеваю до сих пор. Школу запомнила не учёбой. До 9 класса было как-то вообще не интересно, и про этот период мало что помню, если честно – уроки и всё. А вот в 9-м и 10-м (у нас была 10-летка) началась просто другая жизнь. Из трёх восьмых классов сделали один девятый из

40 человек – 32 девочки и 8 мальчиков. И почему-то нам было очень комфортно и весело вместе. Нравилось просто быть в школе, проводить время, общаться. А учёба шла как бы сама собой. Именно поэтому я не была отличницей – то есть я была отличницей до 7 класса, – потом стало просто скучно, и в старших классах стало интересно ходить не на уроки, а в школу. Школу я закончила не блестяще, просто хорошо – 4 «четвёрки» в аттестате.

Но был один момент, очень важный для меня, который чуть не повлиял на мой выбор профессии – посещение учебно-производственного комбината. Вы наверное, знаете в советских школах была такая практика – очень, кстати, хорошая и жаль что сейчас этого нет – с 9 класса один день в неделю посвящать производственному обучению. Мы ходили в специальный корпус – комбинат, оборудованный цехами под разные профессии. Выбор был небольшой, но был – девочки могли учиться на секретаря (печатать на машинке), продавца-кассира, швею. Мальчики – на водителя-механика, слесаря и ещё кого-то не помню. Я выбрала швею, т.к. шить любила с 5 класса, а в основном девочки у нас пошли на секретарей, там в группе даже дефицит мест был, а на швею не очень-то хотели. Работали с нами мастера с производства, очень квалифицированные, реально учили. И хоть шили мы всякую фигню – трусы, халаты и пр. хлам, мне было интересно всё – отработать ровную строчку, научиться делать мелкий ремонт машины – техника была ещё та! Но самое главное – у нас были дополнительные занятия по моделированию одежды, куда ходили по желанию и бесплатно. И вот это было просто круто. Мы там творили чудеса, и это самое прекрасное воспоминание школьных лет. Мы придумывали, кроили, шили и устраивали показы своих вещей. Стыдно признаться, я не помню имён тех мастеров, которые с нами работали, но вспоминаю их чаще, чем учителей, имена которых помню хорошо – парадокс. На втором году обучения у нас была практика на швейной фабрике, там я освоила спецмашины, сдала экзамен и получила разряд. Мне было также сказано, что фабрика даст мне целевое направление, если я захочу учиться в институте. Я очень хотела этим заниматься – изучала справочники для абитуриентов, нашла нужную специальность что-то вроде «конструирование одежды», т.е. не моделирование, где нужна художественная подготовка, а именно конструирование. Весь десятый класс я этим жила – придумывала и шила. Поэтому учёба в старших классах была всего лишь несложным приложением к жизни после уроков и за швейной машиной.

Да, Эльвира, все шло в ту сторону, и что же Вас развернуло, по какой дороге Вы пошли дальше?

Трудно сказать, что именно стало решающим. Я и сейчас во всём сомневаюсь, а уж тогда... Наверное, это и есть главная причина – собственная нерешительность, боязнь брать ответственность за себя. Было два других аргумента: плохое зрение и ненависть к черчению. Первый был абсолютно объективен – у меня была очень высокая и сильно прогрессирующая близорукость. Профессия, предполагающая жизнь между швейной машиной и чертежами (как это нам представлялось!), вызвала родительский протест, опирающийся на авторитетное мнение врача. Мама всячески меня отговаривала, говоря о колоссальных нагрузках на глаза. Если бы я была достаточно уверена в себе, я бы нашла как убедить родителей, мне многое было позволено. Но наверное, мне было внутренне проще при-

нять их аргументы. Тогда казалось очень убедительным, а сейчас даже смешно вспоминать об этом счастливом до-компьютерном представлении о зрительных нагрузках. С черчением тоже было всё очень плохо. Преподавали его только один год в 8 классе, когда это никому не надо было, в том числе и учителю. Чертили какие-то гнусности – гайки, втулки (до сих пор не знаю что это такое), болты, штифты – невозможно нудно, очень трудоёмко и бессмысленно. И это при том, что чертить выкройки для шитья могла часами и за счастье. Гайки и втулки мне чертил отец, но поскольку черчение надо было сдавать на вступительных экзаменах, я испугалась, что там это надо будет сделать самостоятельно.

Второй вариант отталкивался от любви к английскому, я рассматривала иняз, но испугалась бешеного конкурса. Поэтому в результате был включён план С, когда выбор делался не исходя из того что бы я хотела, а из того чего бы точно не хотела. А не хотела я изучать физику-математику. С этой точки зрения оптимальным мне показался исторический факультет. Кроме того я уже давно решила что не останусь в Комсомольске, поэтому почти сразу после выпускного уехала в Томск и подала документы на исторический факультет Томского госуниверситета. Я была достаточно уверена в себе, учила, ходила на курсы, но не поступила – было очень обидно, там также был конкурс четыре человека на место. Меня откровенно завалили на английском, поставили 4, и как раз этого одного балла мне не хватило. Год до следующего поступления был невесёлый – домой возвращаться не хотелось, я чувствовала себя лузером, поэтому я и ещё три моих подруги по несчастью остались в Томске. Мы написали заявления о зачислении на заочное и устроились работать на текстильную фабрику. У одной из девочек там работала сестра, и она нам надружила не только рабочие места, но и комнату в прекрасном общежитии. Общежитие было спокойное, чистое, комната чудесная с прихожей, санузелом, только душ был на этаже. За время поступления мы сдружились и уже сложившейся компанией переехали на новое место. Всё это существенно облегчало страдания от провала – первого в моей жизни такого крупного поражения. Тогда нам этот год казался ужасным, сейчас я думаю, что и он был не зря. Я кстати работала швейей, меня приняли по диплому о разряде. И эта работа была существенно легче, чем у девочек. Мы конечно, мечтали о поступлении, готовились весь год. На следующий год мы решили поступать не на «историю», а на «философию», тогда это была специальность на истфаке, только в 1991 году она отделилась в факультет. Наверное, мы так решили потому, что там был меньше конкурс, а может быть, на нас подействовали восторги другой нашей подруги, которая поступила на «философию» и рассказывала как там прекрасно учиться. Но поскольку специальность была из списка идеологически выдержанных, надо было принести направление от райкома или более высокого партийного органа, подтверждающего пригодность. И мы с девчонками решили пойти в райком за направлением, решив, что если не дадут, значит не судьба, придётся опять поступать на историю. Вопреки всем ожиданиям направление нам дали, и мы благополучно поступили на «философию» – двое из четверых. Одна девочка не стала поступать, сказала, что ей и так хорошо – зарплата высокая, жильё есть, а учиться и на заочке можно. Ещё одна не поступила во второй раз и тоже обратно вернулась на заочное. Так вот – через тернии – начались мои студенческие годы.

Это какой же год уже был? Томский университет – с давними традициями... Какой была первая реакция на философские дисциплины?

Это был 1986 год. Действительно, Томский университет – очень хороший, горжусь им всю жизнь. На философском отделении была особая атмосфера – простоты отношений и доступности в общении между студентами и преподавателями, мы очень свободно могли вести себя на кафедрах, общаться со всеми преподавателями – без часов приёма и всяких других формальностей. Эту модель я и сейчас в своей работе стараюсь поддерживать. А философских дисциплин было поначалу мало, на первом курсе только история античной (1 семестр) и средневековой (2-й) философии. Зато были физика, математика, биология, языкознание. Чтобы претендовать на знание о мире в целом, философу надо как минимум попытаться изучить и понять его части. Не все же смогут из этих частей вырваться к всеобщему – таков, наверное, был замысел составителей учебных планов. Мне всё очень нравилось и, как в школе, давалось легко. Трудно было много читать, потому что внушительный список текстов давался к каждому семинару. Особенно остро помню свои ощущения не от философских дисциплин, а как раз от тех, что вроде бы мы до этого уже учили в школе, но казалось, что всё было заново. Математика стала так прекрасна и понятна, что только от этого ощущения я была в шоке – одна лекция интереснее другой, ждёшь её как спектакля – такой был преподаватель. После опыта предыдущего года жизни я точно знала, что учиться лучше, чем работать, а учиться я всегда любила (и люблю до сих пор – не стыдно в этом признаться). Я почти всегда легко получала пятёрки и училась с удовольствием. На втором курсе мы немного заленились и стали пропускать занятия, оценки ухудшились, но я старалась всё равно много читать и заниматься в библиотеке. Какая восхитительная в Томском университете библиотека – там прошёл большой и важный кусок моей жизни. Всё чаще себя ловлю на мысли о том, что наши студенты сейчас в интернете и сетях могут освоить в разы больше информации, чем мы в своё время. Но как жаль, что они никогда не узнают, какая отдельная и безусловно прекрасная жизнь может быть прожита в библиотеке.

Судя по году поступления в университет, в студенческие годы Вы уже не состояли в комсомоле, фактически его уже не было. Но в школе и на фабрике Вы участвовали в общественной деятельности?

В школе – да, я была активисткой до 9 класса. На пионерском языке это называлось «член совета дружины», то есть я от нашего класса была в активе школы, и мы устраивали всякие акции. Много было конечно всякой мути идеологической, но что именно, сейчас не помню, зато помню, что ветеранам помогали (даже что-то вроде «тимуровской команды» у нас было), школьный участок убирали, высаживали всякую зелень на территории, собирали макулатуру и металлолом. В 9 классе соединили 3 класса в один, нашлись другие активисты, да и как-то поднадоело уже к старшим классам. А вот на фабрике я не помню, чтобы нас как-то грузили общественной работой, все понимали, что мы люди временные, да и фабрика наша уже тогда так откровенно дышала на ладан, что никакой особенной работы никто не вёл, по крайней мере, в активной её форме. Зато помню – не знаю можно ли отнести это к общественной работе – мы с фабричными ездили летом на сенокос. Это уже было перед самым поступле-

нием, в июле. Нас отобрали из разных цехов, человек 15 и каждое утро вывозили на грузовике в луга и леса, а вечером привозили. Там мужчины косили сено, а мы сгребали граблями его в кучки. Природа была необыкновенной красоты. Места совершенно дикие, заброшенные, и работа в общем-то несложная, мне там очень понравилось. Такой вот необычный опыт был в моей жизни. У меня вообще много было деревенского опыта – в детстве нас со старшим братом постоянно отправляли к бабушкам в деревню в Горьковскую область. Мы там жили месяц-полтора в полном погружении в сельский труд – даже пастушили один раз, коров и коз училась доить, по огороду помогать, а в лес за грибами-ягодами ходить – это до сих пор самое любимое. Но я отвлеклась, простите, вырежьте это если не нужно.

Наверное, на втором или третьем курсе пришлось думать о выборе выпускающей кафедры, специализации? Чему Вы отдали предпочтение?

У нас тогда не было специализаций как таковых, мы выбирали себе преподавателя, с которым должны были писать курсовые работы, начиная с 3 курса, и, соответственно, прикреплялись к той кафедре, где этот преподаватель работал. Преподаватели у нас все были очень яркие, интересные как личности, но, к сожалению, не все умели преподавать интересно. Теперь я понимаю почему – они ведь действительно были философами, а надо было как-то втискиваться в марксистские стандарты. У одних это получалось, у других не очень. Например, диамат у нас был 2 года, 2-й и 3-й курс, и наш восхитительный преподаватель Макаров Вадим Фролович вёл его как обычный курс философии, максимально нейтрально. Диамат там, конечно, тоже был, но он вполне органично был интегрирован в разные другие интересные вещи. Его курс научил меня простой вещи: понимаю того, что мышление (и все его продукты – тексты, лекции, доклады и пр.) нужно структурировать по рациональной и логически строгой схеме. Строгой настолько, насколько максимально это возможно, если иметь в виду важную роль свободы и творчества в философском поиске.

В терминологии В. Ф. это звучало вроде «не растекаться мыслью» (не дословно, а в принципе). Его заклинание «Ищите и формулируйте проблему», бесконечные вопросы «В чём здесь проблема?» до сих пор для меня являются лучшим профессиональным ориентиром. Я сначала хотела проситься к нему на курсовую, но струсилась, т.к. немного побаивалась и его, и тех сложностей теоретической философии, с которыми пришлось бы столкнуться. И главное – мне трудно было определиться с тем, где ещё я могла бы вставить в ней свои «пять копеек». Поэтому я решила поискать что-то менее умозрительное. Я теперь не помню как это было в деталях, но наверное, сама судьба взяла меня за руку и привела к Галине Ивановне Петровой. Галина Ивановна у нас вела курс истмата. Вела так спокойно, интеллигентно, как всё, что она делает. С ней я проработала со 2 курса до окончания аспирантуры. Она никогда ничего не навязывала – главное, чтобы вам было интересно.

На 2 курсе пришлось пометаться с выбором темы, очень сложно было понять, чем стоит заняться. Метания затянулись, и когда надо было уже показывать какой-то продукт, пришлось быстро написать довольно странную работу по тождественности экологических и моральных ценностей. Честно – не помню оттуда ни одной идеи кроме той, что легла в основу формулировки

темы. Возможно, в 1987 году это было ещё не так избито как сейчас. Зато вот уже на третьем курсе я нашла свою тему и стала с удовольствием заниматься ещё совершенно не занятым тогда феноменом массовой культуры. Две мои курсовые, написанные с радостью и полной отдачей, пара выступлений на семинарах, публикация и потом диплом – вот мой вклад в развитие этой темы. Наверное, это как раз и был тот период когда я почувствовала удовольствие от исследований. Главную идею этих работ я помню до сих пор. Мне она и сейчас кажется не плохой, хотя я уже этим давно не занимаюсь и почти уверена, что к сегодняшнему дню наверняка её кто-то уже отработал. А тогда по этой теме было мало серьёзной литературы – больше публицистики и искусствоведческих статей, ничего конкретного. Единственная опорная точка, моя настольная книга – монография Бориса Грушина «Массовое сознание», такая маленькая зелёная книжица в твёрдой обложке издательства «Политиздат». Действительно очень классная книга, пример которой, также как и пример многих наших преподавателей показывает, что, несмотря на тотальную заидеологизированность всего и вся, были интересные философы, которые умели достойно работать. Я долго хранила эту книжку и только при последнем переезде она куда-то затерялась. С Галиной Ивановной у меня сложилось сразу, и после первой же не очень удачной курсовой я поняла что остаюсь с ней. Так вот я и определилась.

Эльвира, очень интересно. Я переслал Вам pdf-версию моей небольшой книжки о Б.А. Грушине, и в ней сказано, что на протяжении многих лет он больше всех других своих работ ценил именно это книгу. Приведу фрагмент из нее: “При написании первой статьи о Грушине я несколько раз звонил Борису Андреевичу, чтобы уточнить ряд деталей. Как только я сообщил ему о начале работы, он моментально среагировал: «Тогда ты должен иметь книгу “Массовое сознание”». Я ответил, что книга у меня есть, но он продолжал: «...такая зелёная»; я ещё раз подтвердил, что всё в порядке. Для меня, знающего, сколько Грушиным написано и насколько глубоко он был погружён в свою текущую работу, эта его реакция была неожиданной. Но теперь я могу полнее оценить значение этой «зелёной» книжки и лучше понять истоки её «поэтичности»”.

Что же Вы открыли в ней для себя?

Да-да, зелёная... Она была из какой-то серии политиздатовской, которая выходила периодически и называлась как-то наподобие «О чём говорят философы». Я не помню как я на неё вышла, скорее всего Галина Ивановна рекомендовала, у неё просто чутьё на нужную тебе информацию. Открыла я в ней простые вещи, которые давно искала в этой теме – нормальный человеческий язык, рациональный подход и то, что нам внедрял Макаров – постановку проблемы и наличие логики в работе с ней. Дело в том, что эта книга случилась у меня после того как я прочитала много разного бреда про загнивающую буржуазную массовую культуру, на фоне которой только у советского общества есть шанс создать новую- высоко-образцовую-безусловно-прекрасную, хоть и массовую, но всё же действительно культуру. Книжки эти назывались как-то шаблонно вроде «Массовая культура: миф и реальность». Если авторы не соревновались в идеологической казуистике, то читать всё равно было невозможно из-за пустого многословия, «растекания мыслью», как сказал бы вышеупомянутый Вадим Фролович. Я уж отчаялась, решила нагло придумывать с чистого листа. У нас были студенты,

которые считали что это и есть признак выдающегося ума и таланта. Но я (тогда наверное интуитивно, а сейчас осознанно) считала, что так неправильно, надо на кого-то опереться.

Книжку Грушина я начала читать в таком вот безнадёжном состоянии, и она сразу мне понравилась. Там всё было живое: язык, автор, идеи: по-моему он даже пишет от первого лица – «я изучал...», «мне было трудно понять...» – это тоже было созвучно моим мучениям с темой. Всё понятно, чётко и по делу. Я сейчас, увы не помню деталей. Вряд ли я тогда достаточно хорошо поняла глубину и суть авторского замысла. Общая линия, если не ошибаюсь, у него была дедуктивная – выведение массового из общественного, как одной из функций. Функций – в смысле зависимости переменных. Второе, что помню из книги – детальный разбор понятия «массы» как альтернативного «группе». Но всё это я помню, скорее всего неправильно, ведь это актуализированные воспоминания, воплощённые в терминах моего сегодняшнего языка. Но как минимум, это была попытка применить общую авторскую логику для своего случая, т. е. для анализа сходного явления. На основе концепции Грушина я сделала курсовую и диплом, и его книга через обе эти работы прошла, что называется, красной нитью как базовая концепция. Спасибо ему за то, что этот маленький зелёный лучик поддержал во мне огонёк зарождающейся любви к исследовательской работе. И светлая память!

Эльвира, очень добрые и точные слова, разрешите я перешлю их его вдове – Наталье Георгиевне Карцевой?

Да, конечно, буду очень рада.

С Б. А. Грушиным Вы вышли на «социологическую тропу». Что было дальше?

Я тогда ещё не вышла на социологическую тропу, это случилось намного позже. Да и книгу Грушина не могу назвать чисто социологической – это полноценный философский труд. Мне просто очень нравилась философия. Люблю её до сих пор, считаю чем-то возвышенно-недосягаемым. Я долго пыталась в ней определиться. На 5 курсе у нас была педагогическая практика, и я после нескольких занятий в Томском инженерно-строительном институте поняла, что это моё. После окончания очень хотелось работать преподавателем, но уже тогда не было мест. Когда я заканчивала университет, уже не было никакого распределения, и приходилось метаться. Первые мои метания привели меня в одну из лабораторий НИИ психического здоровья в Томске. Я там проработала ровно один месяц испытательного срока и ушла, так как было понятно, что нового молодого лаборанта, если и допустят до исследовательской работы, то очень нескоро. А скорее всего не допустили бы вообще – я потом имела возможность получать информацию о том, как развивались события в этой лаборатории. После этого мне подвернулась должность методиста в кабинете гуманитарных наук медицинского института.

Я к тому времени была уже замужем, муж мой заканчивал тоже философское отделение, на следующий год после меня. Кстати, как раз в год моего окончания, в 1991-м философское отделение стало факультетом. Время тяжёлое, полная неопределённость и неразбериха, очень низкие зарплаты, продуктовые карточки. Таких пустых магазинов не было даже при советской власти. В мето-

дическом кабинете работать мне нравилось, несмотря на зарплату. Кабинет был при кафедре гуманитарных дисциплин. Это была такая маленькая библиотечка с литературой по гуманитарным наукам, которую мы должны были хорошо знать и рекомендовать студентам, а также выдавать, следить за ней, дежурить в кабинете по субботам и пр. Самое главное, что мне дали 0,25 ставки преподавателя, и у меня были семинарские занятия по философии в двух группах. К тому же на кафедре и в кабинете, кроме меня, работали ещё две выпускницы нашего факультета, и мы очень сдружились. Ходить на работу было в радость. Я бы с удовольствием там работала дальше, но в 1992 году у меня случилось рождение сына и связанное с этим событием возвращение к родителям в Комсомольск.

В Томске нам негде было жить, мы еле как умещались вдвоём с мужем в комнатке общежития какого-то завода. Получить эту комнату нам помог его отец, и поскольку мы не имели отношения к предприятию, соседи поглядывали на нас, мягко говоря, недружелюбно. Не могло быть и речи чтобы принести туда ребёнка. Поэтому я накануне счастливого события его рождения уехала в Комсомольск, а муж, только закончивший университет, решил попробовать свои силы учителем гимназии в Сургуте. В Сургуте у него была квартира, и мы хотели её обменять на Томск, но поскольку было предложение поработать в гимназии, решили отложить это на потом. Думали, что пока он там устраивается и привыкает к климату и новому месту, пусть ребёнок родится в Комсомольске, а потом воссоединимся. Конечно, ни о какой научной карьере я тогда не думала, читала Пушкина вслух и слушала Шопена, как положено делать будущим мамам. Мы на время разъехались, а оказалось, что уехали из Томска навсегда. Воссоединились мы уже на дальневосточной земле, после рождения нашего сына Марка. Муж за одну зиму понял, что в Сургуте жить он не сможет, вернулся к нам и мы стали строить новую жизнь.

Ответ на последний вопрос Вы прислали мне из Германии, отметив, что это Ваш первый серьёзный опыт стажировки за рубежом. Как и всех представителей Вашего поколения я предполагал спросить Вас об обучении за границей. Но сейчас хотел бы нарушить хронологию в изложении Вашей жизни и просить Вас рассказать о цели настоящей командировки, об Университете, в котором Вам предстоит изучать опыт и т. д.

Эта командировка случилась, когда я уже отчаялась получить опыт работы и исследований за рубежом, и уже смирилась с этим. То есть у неё довольно долгая предыстория. Тема, к которой я пришла к 2002 году («Коррупция в высшем образовании»), вывела меня к университетской повседневности. По опыту общения с российскими коллегами из других регионов я понимала, что при кажущейся однородности каждый российский университет – чёрный ящик, т. к. тот набор повседневных вещей, который он скрывает в себе, уникален. И было безумно интересно посмотреть, как это в других странах. Я стучалась во все фонды с 2003 года. Длинные поездки у меня не получались, но вот две короткие были очень удачными, знаковыми для меня. Первая случилась в 2009 году в Монголию. Это был отличный замысел Антона Олейника собрать международные команды и организовать серию семинаров-тренингов. Было безумно жаль, когда после второй встречи фонд прекратил финансирование, и проект так и не был завер-

шён. Тем не менее, Антон этот замысел реализовал как мог, поддерживая нас, бывших участников, уже вне рамок проекта. Он дважды приезжал в Хабаровск, чтобы продолжить это дело.

Второй важный шаг, закончившийся в результате тем, что я сейчас в Бремене, случился в 2010 году. Я получила приглашение на школу «Changing Europe» в Прагу, одним из организаторов которой был Хайко Пляйнес, профессор Центра восточноевропейских исследований в Бременском университете. Это было моей первой поездкой в Европу. Там я познакомилась и подружилась с Еленой Денисовой-Шмидт, с которой очень активно работаю вместе последние два года. Эта школа и встреча с Еленой открыла новый этап в моей работе и жизни. Вместе с ней мы проводим уже третье исследование. В прошлом году Елена порекомендовала мне подать заявку на стипендию немецкого фонда академических обменов DAAD. Но для заявки нужно было приглашение от немецкого коллеги, мы обратись к Хайко, и он прислал мне приглашение. Вот так я оказалась здесь.

Как я уже говорила, к изучению университетской повседневности я пришла от темы коррупции по длинному пути: от взяток к немонетарной коррупции, от немонетарной к неформальным сетям, от сетей к повседневным практикам. И тут обнаружилась большая проблема в том как работать с понятием «коррупция», потому что для большинства российских исследователей (не говоря уже о простых людях), повседневные практики взаимопомощи и поддержки не являются коррупцией, даже если в эту взаимопомощь вовлекаются служебные интересы и полномочия. А для западных исследователей это коррупция, так же как и для всех организаций, занимающихся её мониторингом (Transparency International, World Bank и др.). Поэтому здесь есть такая большая асимметрия дискурсов, разные языки, и я сейчас во всём этом пытаюсь разобраться, решив для начала понять разницу между формальными и неформальными правилами в университетской повседневной жизни и сравнить их с российскими. Это и есть тема моего проекта здесь. Это поиск ответов на простые вопросы – что должен и чего не должен делать студент или преподаватель в университете и что они реально делают. Кто устанавливает эти правила, откуда они берутся. Меня интересует как сами студенты и преподаватели это понимают, что они об этом говорят, и что я вижу из наблюдения.

Исследование я провожу в Бременском университете, в центре восточноевропейских исследований. Университет огромный, целый город из нескольких десятков зданий. Он – из новых, то есть был открыт уже после войны, но уже имеет очень хорошую репутацию. Здесь очень сильное естественнонаучное звено – исследование морей и климата. Кроме того, университет всегда отличался своими левыми и либеральными настроениями, многие профессора тут на «ты» со студентами и друг другом, это, как мне рассказывают, не характерно для Германии. Я встречаюсь с преподавателями, посещаю занятия, планирую также опрос студентов и интервью с несколькими русскоязычными студентами. Мне сильно облегчает задачу, что почти все преподаватели, которые работают в центре, говорят по-русски и с большим пониманием относятся к моей работе. Что касается предмета моего исследования, меня интересует коммуникация между студентом и преподавателем: правила, которые установлены для них в университете, правила, которые преподаватель устанавливает для студентов или студенты

для преподавателя и дистанция между преподавателем и студентом. Всё вместе должно дать представление о границе формального и неформального в рамках этой коммуникации. И всё пока склоняется к тому, что здесь больше всего неформального. И это совсем не то, что я ожидала увидеть и не то, что я сформулировала для себя как рабочую гипотезу. Тем не менее, очень интересно, совсем по-другому чем в России, куча всякой разной эмпирики, целый день только и делаю что хожу, смотрю, спрашиваю и пишу. И чем дальше, тем всё запутаннее и непонятнее что со всем этим ворохом материала делать.

Мы позже, безусловно, еще поговорим о Вашей германской командировке... а сейчас вернемся к прерванному разговору о Вашем движении в социологию. Итак, сын родился, Вы его познакомили с Пушкиным и Шопеном (по-моему, выбор второго – очень значим), семья воссоединилась. Вы решили вернуться к работе? Что Вы предприняли?

Да уж, познакомиться – познакомилась, но полюбить насильно не заставишь. Но... этим летом я неожиданно обнаружила у него на столе открытый том с «Евгением Онегиным» – тот самый! Порадовалась. Так что может и про Шопена когда-нибудь вспомнит.

А тогда я ничего не предпринимала, у меня всегда всё предпринимает муж. Поскольку мы с ним одной профессии, пока я сидела с ребёнком, активным поиском вакансий для нас обоих занимался он, и эти поиски завели его в Хабаровск. Он стал преподавать в военном институте, который реорганизовали из строительного в пограничный, и из-за реорганизации там открылось довольно много вакансий. Так получилось, что начальник кафедры, куда устроился муж, был из гражданских, закончил философскую аспирантуру и защищался в Новосибирске. Он хорошо знал марку Томского университета и с радостью взял на следующий год и меня тоже. В августе 1994 года, когда Марку было 1,5 года я переехала из Комсомольска в Хабаровск, где нам дали комнату в офицерском общежитии. Так начался новый этап моей профессиональной жизни. Мы преподавали философию для курсантов 2-го курса, причём нам дали ещё и лекции. Лекции до этого я не читала, и было очень страшно. Я вообще человек стеснительный, преподавать мне нравится в том числе из-за какого-то адреналина, который мне даёт вхождение в аудиторию. Это каждый раз какое-то преодоление себя, испытание и следующая за ним радость от того что всё получилось. И это до сих пор заводит, сейчас уже по-другому чем тогда, но ощущение радости от хорошо проведённого занятия – это моё самое большое счастье в профессии. А тогда войти в лекционную аудиторию – это было сверхиспытанием, к которому готовишься сутками, представляешь себе каждый шаг, волнуешься. Помню свой самый жуткий страх, что я в каком-нибудь месте лекции неожиданно забуду всё, замолкну и не смогу продолжить – это просто кошмар. И хоть такого ни разу не было, страх был дикий.

Работать было интересно, это было то, что мы любили и чему хотели научиться. Муж сдал документы на призыв на военную (офицерскую) должность, поступил в аспирантуру в Томск и начал работать над диссертацией. Наше общежитие было на территории института, это было очень удобно, мы передавали сына друг другу, а иногда и брали его с собой, хоть это и не поощрялось в военной

структуре. И в общежитской жизни была своеобразная романтика – у многих были маленькие дети, мы объединялись и присматривали за ними, когда кому-то надо было уйти. С некоторыми из бывших соседей мы дружим до сих пор.

Муж быстро написал диссертацию, в 1996-м защитился, и мы стали сразу думать о моей защите. Ездить в Томск нам казалось дорогим, и мы решили сначала, что стоит попробовать найти какие-нибудь варианты здесь. К тому времени мы подружились с Леонидом Бляхером, завели другие контакты с местными интеллектуалами, и они нам посоветовали поговорить с одним уже тогда очень заслуженным профессором в Политене (сейчас ТОГУ, где я и Леонид работаем). Леонид нас познакомил, мы поговорили, но как-то мимо. Мне было сказано, что тема моя (массовая культура) какая-то не такая, и я не работаю у них в вузе, поэтому надо платить за обучение и за всё остальное. В общем, мне были не рады, и мы с мужем подумали, что раз уж всё равно платить, то уж лучше в Томск.

И в 1997 году я поступила в аспирантуру нашего философского факультета, к Галине Ивановне (кстати, муж тоже у неё защищался). Меня встретили там как родную, впрочем безо всякого «как» – все эти годы, что я училась в аспирантуре я и была там родной. Оказалось, что и платить за учёбу было не нужно, не было даже такого вопроса. Каждый год я ездила туда, сдавала экзамены, участвовала в семинарах и конференциях, и была безумно рада, что хабаровский профессор меня не взял. Я защитилась в 2000 году, но мой переход в социологию случился уже после. Как мне кажется, это был довольно резкий переход.

По какой теме Вы работали в аспирантуре и как называлась Ваша работа?

Я защитилась по социальной философии, тема моей диссертации «Философские основания концептуализации социального пространства». Тогда это была очень популярная тема, так как философия социального, которой не было в советское время, тогда только приобретала свои институциональные признаки. Тема в целом мне нравилась, но уже скоро я столкнулась с тем, чего всегда боялась в спекулятивной философии. Очень сложно хоть в чём-то претендовать даже на минимальную новизну. Вот осенит тебя гениальная идея, ты начинаешь работать над аргументацией и буквально сразу же обнаруживаешь, что идея твоя если и не очень старая, то всё равно отработана так, что просто некуда вставить свои «пять копеек». Конечно, уже тогда мы все читали запоем постмодернистов, которые писали как об азбучной истине о том, что время философских открытий как больших нарративов давно ушло в прошлое, но принимать этого не хотелось. И чем дальше я работала над темой, тем мне становилось всё труднее и труднее. Но в какой-то момент я поняла, что надо остановиться и просто защититься. После защиты я дала торжественное обещание, что больше никогда! Ни строчки!

Вы сказали: «...был довольно резкий переход». В чем он заключался? Куда Вы перешли?

Вы просто до этого говорили о «движении в социологию». Сейчас я не уверена, что между философией и социологией есть эта граница, но тогда мне казалось, что это был именно переход. А дело было так. После защиты, как я уже сказала, я взяла «обет молчания». И вот проходит буквально месяц, и мой друг Леонид Бляхер приносит мне анонс одного гранта. А тогда на рубеже 2000-х зарубежных грантов было много, и Леонид быстро это дело освоил. Тогда он сказал

мне, что это очень клёвая программа, но он под неё не подходит, так как докторам наук там нельзя участвовать. Программа называлась «Социальные исследования образования в России», финансировалась от фонда Спенсера, которого в России представлял Европейский университет в Санкт-Петербурге и директор программы Даниил Александров. Я попробовала засомневаться вслух, но Лёня сказал, что он придумал сказочную тему, и я – самый подходящий по условиям гранта кандидат. Я согласилась ради дружбы, Лёня умеет зажечь. Тема называлась «Институционализация неформальных отношений в сфере высшего образования». Лёня помог с заявкой, и я выиграла этот грант. А через 10 лет защитила по этой теме докторскую диссертацию. Эта тема стала моей, я в ней живу до сих пор.

Переход, как я сказала, был для меня резким потому, что это была чисто эмпирическая тема. А у нас на философском факультете (в мою бытность там) не очень-то любили позитивизм, как мне казалось. Когда я его заканчивала, там социологии вообще не было, даже в списке преподаваемых дисциплин. Поэтому мне как человеку, воспитанному в «высших философских идеях», надо было приземляться и изучать то, как надо изучать жизнь.

Вы остановились на самом интересном... Пожалуйста, расшифруйте тему, как Вы ее трактовали? Как шла работа?

Работа началась с участия в летней школе Европейского университета «Развитие социальных исследований образования в России», на которую были приглашены победители конкурса. Школа состоялась в сентябре 2001 года, я тогда впервые побывала в Санкт-Петербурге. Для меня это было открытием нового измерения в научной деятельности. А может даже вообще открытием таковой, учитывая, что мой предыдущий опыт ограничивался только работой над кандидатской. За 10 дней была прожита отдельная жизнь, в которой было всё – серьёзная и интересная учёба, новые знакомства, разговоры с утра до ночи, опыт защиты своих идей. На этой первой школе я получила полный и элегантно упакованный минимум всех научных форматов. Это был совершенный шок – стопроцентное попадание в то, что мне было интересно. Школу проводил Даниил Александров, и всё держалось на его харизме. Главное даже не в том, что он сам блестящий лектор, и даже не в том, что он мог всех зажечь и увлечь – это в принципе встречается довольно часто. Во-первых, он очень много внимания уделял каждому участнику лично. Но самое главное – и я знаю очень мало человек, которые могут это делать – он настолько логично, рационально, абсолютно из каждого, даже самого безнадёжного доклада мог извлечь интересные и оригинальные идеи, «отшелушить» их от банальных и невнятных, (которых всегда больше) и чётко, по пунктам, показать автору в какую сторону надо дальше идти. Это было невероятно красиво в отношении разборов докладов других участников, и бесценно для моего собственного доклада.

С Даниилом Александровичем я потом пересекалась ещё дважды – на его школе в Новосибирске в 2004 году и на семинаре в Пскове, который тоже проводился в рамках его Программы. Это были тоже интересные и по-своему полезные события, но та первая школа, в общем, и стала такой «путёвкой в жизнь». Там я получила много советов и рекомендаций как работать над своей темой. После этой школы я начала осваивать методологию эмпирических исследований и читать книжки по социологии. Также Даниил Александров посоветовал

мне познакомиться с работами по неформальной экономике — это то, что было близко по контексту к моей тогда ещё достаточно новой теме и вместе с тем уже хорошо изучено. Для этого он посоветовал съездить на стажировку в Высшую школу экономики, которая тогда как раз планировала ряд больших эмпирических проектов по исследованию образования. У нас на школе несколько занятий проводила Татьяна Львовна Клячко, эксперт по экономике высшего образования, она в тот период как раз работала в вышке. Там же, в Санкт-Петербурге мы с ней договорились, что я приеду зимой.

В январе-феврале 2002 года я действительно месяц провела в Вышке, но за это время только начала вникать в тему. Наиболее полезным для меня тогда оказалось знакомство со Светой Твороговой, социологом из Вышки, с которой мы познакомилась у Александрова на школе. Мы подружились, и Света мне много помогала, подсказывала, рассказывала. Проблема была не только в том, как собирать данные, но и с исходными данными, на которых могли бы быть основаны гипотезы. Ничего такого у меня не было и не могло быть. На таком уровне конкретики я ещё никогда не работала, но, несмотря на то, что всё было сложно, впервые и вновь, мне было очень интересно. Это был какой-то захватывающий процесс, когда ты понимаешь что и для чего ты делаешь, в каком направлении идешь. Это в корне отличалось от такого же захватывающего и интересного, но всё-таки непонятного ни по смыслу ни, тем более по направлению, блуждания по философским дебрям. В философии тебе просто интересно, и всё. И этого было бы достаточно, но только для тебя. А для всех, кто принимает твои работы к защите и публикации, а тем более решает давать или нет тебе денег, этого явно недостаточно, а обосновать новизну и значимость в философии для меня всегда было сложно. И ведь дело совсем не в том, что хотелось что-то кому-то показать. Хотелось всего лишь надеяться, что в твоём одержимом желании узнать новое есть что-то кроме и помимо твоего частного интереса.

В новой теме с этим не было проблем, проблемы были в другом. Для меня это было первое эмпирическое исследование. Кругом одни вопросы и никаких ответов: я могу провести исследование только в Хабаровске, а это не репрезентативно — что же делать? Я не знаю, как отбирать респондентов. Я не знаю, как вообще можно найти респондентов, которые будут говорить о взятках. И откуда я, наконец, знаю, говорят они мне правду или нет. Это только примерный перечень тех проблем, которые я решала в своем первом эмпирическом исследовании. Да, конечно, тогда уже были книжки о количественных и качественных методах. Но когда ты сама вот так плывёшь вслепую, книжки больше вызывают вопросов, чем дают ответов, потому что сколько авторов, столько и подходов. Это я знала ещё из философии. Поэтому я поплыла, подключив интуицию к обилию услышанного и прочитанного.

Я подумала, что начну я, пожалуй, с интервью. Я решила, что этот метод самый доступный с точки зрения организации поля и технически самый беспроблемный с точки зрения минимизации ущерба, то есть если ты вдруг поймешь что что-то идёт не так, можно легко и без издержек все приостановить, прекратить, подумать, изменить. И это правда — я сейчас понимаю. Сейчас, если случается, что кто-то спрашивает моего совета, я всегда говорю: не знаете с чего начать, начните с интервью. Оно покажет, насколько состоятельны ваши предположения. А потом можно подумать, что делать дальше. В 2002-начале 2003

года я взяла серию первых интервью и стала потихоньку с ними высовываться. В 2004 году я начала ездить по конференциям и школам с первыми результатами, а также думать о том, что можно провести и survey. Всё оказалось, в конце-концов, так же как и в философии – сформулируй проблему, пойми что ты хочешь узнать и если ты это чётко поймёшь, то уж методология для этого всегда найдётся. Есть то, что можно получить из survey, есть то, что может дать интервью – это не пересекающиеся но вполне себе сосуществующие стратегии. И вот с этим делом – формулировкой проблем и исследовательских вопросов в социологии у меня как-то лучше пошло, чем в философии. И кстати, так вот между делом, у меня родился второй ребёнок в августе 2003 года, в разгар работы по всем фронтам. Спасибо маме, я почти не сидела в декрете, официально вышла на работу уже в феврале 2004-го, а неофициально, обычная суета в виде проектов-опросов-заявок-дедлайнов и пр. радостей академической жизни не оставляла меня ни на день. Так вот и живу до сих пор.

Вы подробно описали, кто помог Вам в освоении новой исследовательской области – социология образования. Защитились Вы в 2010 году, Вы продолжаете разрабатывать эту проблематику? С кем из московских, петербургских, сибирских социологов Вы сотрудничаете? К каким практико-ориентированным выводам Вы пришли?

Да, в целом я продолжаю, но в процессе естественным образом расширился контекст исследований. Я от коррупции вышла к повседневным университетским практикам, коммуникациям в академическом сообществе, особенностям академической среды и подобным вещам, включая общий интерес к социальной истории университетов и их современному развитию. Теперь вот заинтересовалась российскими студентами за рубежом и иностранными студентами в России. Большое Вам спасибо за информацию о собрании работ Шереги! Сейчас у меня аспирант пишет по иностранным студентам на Дальнем Востоке, и есть на кого опереться, так как Шереги стал первым изучать иностранных студентов в России.

Но интерес к коррупции и неформальным практикам остаётся моим ключевым направлением. Коррупция – очень сложный и многогранный феномен общественной жизни и ещё более сложная категория социальной науки. Просто удивительно осознавать, что чем больше сейчас говорят о борьбе с ней, тем менее осмысленным и понятным становится то, с чем собираются бороться. Поэтому для сохранения остатков здравого смысла в отношении восприятия коррупции в нашей стране мне кажется очень полезной работа с понятиями и терминологией, которой в эмпирических исследованиях часто пренебрегают. Сейчас я этому уделяю много внимания, готовлю к публикации работу по типологии и индикаторам коррупционного действия с примерами из своих архивов данных. По этой же теме собираюсь издавать учебное пособие, планирую к концу 2015 года. Конечно, какой бы достойной и качественной ни была теоретическая работа, мы не можем без эмпирических данных, поэтому я также стараюсь найти возможность более или менее регулярно проводить эмпирические исследования. В 2008 и 2012 году мы вместе с коллегами проводили опросы по этой теме. За всё это время у меня сложилось ощущение работы в вакууме. То есть конечно есть коллеги из других регионов, которые этим тоже немного интересуются, собирают данные у себя в регионах, что-то публикуют иногда. Но это такой разрозненный

точечный ситуационный интерес. Сложно когда нет «больших» и систематических опросов, на уровне ведущих соц. центров, отражающих общую картину по стране и её динамику. Исследования по коррупции в вузах у нас как минимум не в приоритетах. Если они и проводятся, данные не освещаются широко. Мне рассказывали коллеги из НИУ ВШЭ, что Вышка проводила такие опросы и данные были закрыты, хотя один раз они издали бюллетень – и это всё, что было за все эти годы общественного ажиотажа в обсуждении академической коррупции. И от этого нам в регионах работать очень сложно. Когда пытаешься опубликовать свои результаты, все рецензенты задают один и тот же вопрос – почему Хабаровск, почему Дальний Восток? Где репрезентативные данные по России? Можно ли эти ваши выводы распространить на всю ситуацию российского высшего образования? Если бы были большие данные, было бы существенно легче отвечать на этот вопрос, а так приходится выкручиваться. Тем не менее, тема коррупции в моих сегодняшних исследованиях занимает важное место. Сейчас я думаю над тем как можно её вписать в общий контекст развития университетов, в их социальную историю. Задумала такую работу на будущее.

Насчёт выводов – я даже затрудняюсь так обзорно ответить на вопрос об их практико-ориентированном значении. Честно говоря, я в своей работе не ставлю целью получить какие-то практико-ориентированные выводы. Я знаю, что это очень плохо и социолог не должен так думать и говорить, но я как-то всегда опасаюсь ответственности за те рекомендации и инструкции, которые могут реально изменить мир. А вдруг я ошибаюсь или чего-то не учитываю, и мои рекомендации ухудшат ситуацию. Для меня это слишком серьёзно, поэтому я не считаю, что я вправе формулировать такие выводы. Для меня всегда было важнее и интереснее найти проблему, сформулировать интересный исследовательский вопрос, разобраться в нём, узнать мнения и собрать факты, понять смысл действий, выяснить что происходит. Вот например, я пришла к выводу, что в современном российском университете нет социальных групп, которые были бы реально заинтересованы в преодолении коррупции потому что убрать коррупцию из университетов можно только вместе со студентами, которые не могут учиться иначе, чем через коррупционные схемы. И речь идёт совсем не о взятках – то есть и о взятках тоже как одном из вариантов обучения таких студентов, но таких вариантов много, и взятка сейчас уже не является самым популярным. Завышение и девальвация оценок, обмен оценками среди преподавателей, купля-продажа курсовых и дипломных работ и пр. Список практик очень большой. Кто заинтересован в том, чтобы всё это убрать из университета? Только очень хорошо подготовленные и высоко мотивированные на учёбу студенты, которых меньшинство. Такие вот выводы – а их практико-ориентированное значение я не в состоянии оценить. Скорее всего, его просто нет, потому что нельзя же назвать практико-ориентированным напрашивающийся в этой логике вывод о необходимости сокращения количества студентов и университетов. Такие выводы никому не нужны, и в первую очередь мне как работнику этой системы.

Вопрос насчёт сотрудничества с коллегами из других регионов для меня достаточно болезненный. Я знакома с многими, и в разное время общение с коллегами из разных регионов мне очень помогало и помогает в работе, за что я бесконечно благодарна всем, кто помог мне в каждом следующем шаге. Но, если честно, я не могу назвать это полноценным сотрудничеством. Это

полезное только для меня профессиональное общение. Сотрудничество – это паритетные отношения, совместные исследования, работа, основанная на взаимном интересе сторон, совместные публикации. К сожалению, интерес к нам со стороны коллег из столичных регионов носит скорее «этнографический» характер – приехать раз-другой посмотреть как у нас тут. И у нас сейчас очень мало возможностей проявлять инициативу и привлекать к себе внимание. Поездки на конференции не оплачиваются, грантов почти не стало, ездят только те, кто уже имеет хорошие контакты и его приглашают. Пригласить кого-то к себе, даже если университет и выделит на это деньги – это сломать жизнь и оставить здоровье в бумажных баталиях с бухгалтерией, это я проходила несколько раз и окончательно зареклась. Поэтому даже прежние контакты, нажитые во время работы над диссертацией (когда мне оплачивали все поездки) сейчас сложно поддерживать. Полноценное сотрудничество у меня сложилось только с Еленой Денисовой-Шмидт, моей коллегой из Швейцарии, которая работает в университете Санкт-Галлена. Мы познакомились с ней на летней школе в Праге в 2010 году и проводим уже третий совместный проект. В рамках наших проектов мы проводим эмпирические исследования, публикуемся, выступаем на конференциях и семинарах, подаём заявки, встречаемся и много обсуждаем всего интересного. И в этом общении мне особенно радостно, что у кого-то есть потребность в моей работе и реальный живой интерес к нам. За всё это я очень благодарна Елене, такой партнёр – это редкое везение и большое счастье.

Мы еще совсем не рассмотрели Ваш преподавательский опыт. Какие курсы Вы ведете? Какова нагрузка? Есть ли аспиранты, ко каким темам они работают?

В отличие от многих моих коллег, у меня не такая большая преподавательская нагрузка. Уменьшение времени на работу в аудитории было одним из мотивов моей защиты – хотелось больше возможностей для исследований. Долгое время я вела курс философии, потом ушла на кафедру социологии и два года преподавала общий курс социологии и политологии. Сейчас у меня два небольших курса для студентов бакалавриата – «Культура, религия и литература Китая» и «Профессиональная этика журналиста» и курс для аспирантов «История и философия науки». Кроме этого я веду спецкурс по основам исследовательской работы для студентов бакалавриата, специализирующихся по нашей кафедре (направление «Зарубежное регионоведение»). В будущем году у нас появятся магистранты, и там тоже есть курс для меня. Парадокс в том, что у нас нет студентов социологов, зато есть аспирантура и диссертационный совет по социологии, поэтому приходится подрачивать аспирантов из числа студентов, специализирующихся в других сферах. Это достаточно сложно.

Сейчас у меня шесть аспирантов. Двое защитились в прошлом году, и буквально на днях защищается третий. В ситуации, когда нет бакалавриата и магистратуры, а есть сразу аспирантура, очень трудно вырастить «своих» аспирантов, чтобы они занимались тем, что ты знаешь и умеешь, и при этом ещё сами любили исследовательскую работу. Даже при наличии всех условий это – недостижимый идеал. Но я всё равно мечтаю о нём – хочу собрать команду, работающую в одном тематическом поле, поэтому предлагаю своим потенциальным аспирантам то, что мне самой интересно. Одно из направлений, по которому у меня пишут два человека – российские студенты за рубежом (в Китае и Корее) и иностранные

студенты в России (если точнее – на Дальнем Востоке России). Ещё два человека работают по образовательным стратегиям. Это темы, связанные как с образовательными стратегиями семей дальневосточников (с выходом на миграцию), так и с учебными стратегиями студентов. Эти темы мне интересны и понятны и в то же время нет ни сил ни возможностей лично их реализовать. Как раз в этом я вижу большое преимущество и радость руководства аспирантурой.

Ну что же, на этой оптимистической ноте и закончим нашу беседу, спасибо большое, Эльвира.

Интервью со Светланой Владимировной ЛУРЬЕ

«Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛА КОШКОЙ, ГУЛЯЮЩЕЙ САМА ПО СЕБЕ»

Лурье С. В. — окончила факультет журналистики Ленинградского государственного университета (1984 г.); доктор культурологии (1998 г.); кандидат исторических наук (1996 г.); Социологический институт РАН (2001 г.), ведущий научный сотрудник; сектор семейных, гендерных и сексуальных отношений
Основные области научного интереса: Культурная, социальная и психологическая антропологии, этнопсихология. Интервью состоялось: сентябрь 2014 г. — февраль 2015 г.

На запрос: «Светлана Владимировна Лурье» Гугл выдаст и сухую, официальную биографическую информацию о ней, и живой, приключенческий рассказ о ее жизни и работе. Я знаком со Светой четверть века и считаю, что ее эссе в «Отечественных записках» прекрасным автопортретом. Оно — короткое, но если нет 10 минут на ознакомление с ним, то можно ограничиться прочтением первой части его заголовка: «О кошке, гуляющей самой по себе, и когнитивной функции государства»¹. Заголовок нашего интервью — это явная переключка с названием того, более, чем десятилетней давности материала. И это не случайно. Известная сказка Редьярда Киплинга о Кошке, которая гуляла сама по себе, завершается словами: «Но чуть улучит минуту, чуть настанет ночь и взойдет луна, сейчас же она говорит: “Я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе”». Независимость в исследовательском пространстве и повседневности — важнейшие характеристики профессионального и личного миров Светы.

---

¹ Лурье С. О кошке, гуляющей самой по себе, и когнитивной функции государства <<http://www.strana-oz.ru/2002/7/o-koshke-gulyayushchey-samoy-po-sebe-i-kognitivnoy-funkcii-gosudarstva>>

Так случилось, что с первой социологической работой Светы я познакомился не просто раньше, чем узнал ее саму, но раньше, чем мне стала известна фамилия автора. В период подготовки советских социологов к XII Всемирному социологическому конгрессу, который состоялся в Мадриде в 1990 году, я был включен в группу экспертов для определения победителя в конкурсе молодых социологов. Приз был немалым — участие в работе Конгресса. Я получил полтора-два десятка анонимных текстов и должен был назвать, по-моему, три лучших, ранжировав их. Среди них, как потом оказалось, была и работа Лурье. При первом просмотре всего массива я был удивлен не деталями построений не известного автора, а неопределенностью его предметности. Думалось так: если это социология, то — это работа победителя; вопрос оставался один — социология ли это? Решил, что это пример «мягкой социологии» и вывел работу на первое место. Как потом мне стало известно, примерно также рассуждали и другие члены экспертной комиссии. Света Лурье стала победителем конкурса и участвовала в работе мадридского форума социологов.

Я не мог знать, что вскоре Света станет сотрудницей моего сектора, и в ее памяти закрепились мои давние неформальные рассуждения о границах социологии. В названном выше её эссе о кошке, гуляющей самой по себе, она отметила, что, по мнению Б. З. Докторова, социологией считалось то, что мы сами, как исследователи объявляем социологией. Далее: «Тезис был своего рода шокирующим. Он не допускал ссылки на авторитеты, а основывался на совершенно тогда еще неожиданной идее, что научное сообщество — мы и есть. Определять рамки нашей науки надлежит нам самим. Если другая часть научного сообщества с нашим мнением не согласна, возникнет полемика, или даже образуются две или больше научных школ. В этом нет ничего необычного для науки и страшного. Страшно, когда директивы, определяющие рамки той или иной науки, спускаются сверху, ученый скован в своих исследованиях и не может чувствовать себя в науке активным лицом».

Благодарен Свете за сказанное. Я не помню, какие аргументы я приводил тогда, объясняя свою позицию, но сама тема — отнесение к социологии работ того или иного социолога — остается одной из самых важных, даже системообразующих в рамках настоящего историко-социологического проекта. Я неоднократно читал, встречал в письмах моих коллег, которые работают в социологии многие годы, заявления о том, что они не могут дать мне интервью, так они — не социологи. Слышал и заявления моих собеседников о том, что тот или иной из моих респондентов — не социолог.

В 37 лет Светлана Владимировна Лурье стала вторым в стране доктором культурологии. Зная общий ход ее рассуждений, общенаучный характер ее взглядов на генезис и развитие межэтнических отношений в России, я могу утверждать, что ей удалось синтезировать подходы, традиционные для социально-антропологических исследований, с рядом социологических теорий. Другими словами, она расширила наши представления о предметно-объектных свойствах российской социологии, примирила — в своей исследовательской области — две научные парадигмы.

Лурье С. В.: «Я действительно была кошкой, гуляющей сама по себе»

Света, обычно я начинаю мои интервью с вопросов о семейных историях моих респондентов и постепенно дохожу до их прихода в социологию. Мне общая информация о Вас известна и потому, что мы вместе работали, и из недавно вышедшего справочника «Социологи России», и из очень интересного рассказа о Вас в Вики. Но прежде всего обращаюсь к давно написанному Вами автобиографическому эссе «О кошке, гуляющей самой по себе, и когнитивной функции государства» [1]. Когда в Вас появилась эта «кошачья»? Вы это сами заметили или кто-либо заметил это в Вас и сказал?

Сравнение с кошкой у меня возникло во время написания статьи. Действительно, работая в официальных научных структурах, я всегда сама выбирала себе темы. И не ограничивалась рамками нашего института. Много работала для Института востоковедения, где потом и защищала кандидатскую. Печаталась в разных журналах. Меня либо сразу принимали и искренно любили, либо сразу отвергали. Я никогда не расстраивалась по поводу последнего. Всегда знала, что найдется журнал или сборник, где меня будут ценить. Я вообще была очень самоуверенной. Это благодаря Андрею Николаевичу Алексею, который не допускал моих контактов в научной среде, пока я не поверила в свои силы. Сейчас я гораздо менее самоуверенна, но тогда мне это помогало. Я получала очень много грантов в 90-ые годы. И всегда это были индивидуальные авторские проекты, которые позволяли мне реализоваться. Я очень много работала, но мне это было легко, я выбирала темы, которые мне были интересны и работала с увлечением. Причем выбирала темы, на которые было мало чего написано, где все пространство исследования было для меня открыто.

Я действительно была кошкой, гуляющей сама по себе. И с Вами, Борис Зусманович, мне было очень легко, потом мне в нашем институте так легко никогда не было. Я была уже вынуждена подстраиваться со своими темами к существующим в институте проектам, а мне это было нелегко, и задор исчезал. В 90-ые гранты давали мне финансовую свободу. Деньги и работа не были для меня взаимосвязанными понятиями. Я могла браться за большие проекты, с которых не имела ни копейки. К тому же я была тогда непуганая. Чего стоила одна моя кандидатская защита! Потом бы я никогда не рискнула выйти с диссертацией на специализированный исторический совет, не будучи историком. Но ведь защитилась. Я просто не думала, что это будет трудно. Ведь текст диссертации был скорее этнопсихологический. Мне было просто интересно. Этнопсихологии тогда практически не было и у меня был особый драйв, я прокладывала новую дорожку. И я считаю, что такая незабюрократизированность, которая была характерна для того времени, оказалась очень плодотворной. Я много писала также для Института Африки: там был отдел цивилизационных исследований. Институт Открытое общество пригласил меня написать учебное пособие на основе своей собственной теории. Этому не было никаких препон. Позднее я защитила свою теорию в качестве докторской диссертации. Так вот

до начала двухтысячных я и гуляла сама по себе. Это было счастливое время, я ощущала полную самореализацию. К сожалению, когда я писала свою «Кошку», эти времена для меня уже кончились.

Света, думаю, что «кошачество» возникла раньше... на сайте известного издания «Русский обозреватель» есть блог названный «Юбилей Светланы Лурье», на который далеко не каждая женщина отважится. Вас поздравляют с 50-им летним юбилеем. Ваша девичья фамилия – Смирнова, но вы поменяли ее на еврейскую фамилию Лурье. Обратное бывает часто, но такое развитие событий – редко. Тоже «кошачество»? Света, Вы ленинградка по рождению, кто Ваши родители по профессии, насколько далеко Вы знаете прошлое своей семьи?

Что касается моей фамилии, то дело было так. Я просто не хотела оставаться «чистенькой», когда выходила замуж за Лурье. Это было проявление солидарности. Меня, конечно, все отговаривали, и те родители, и эти. Я знала, что у меня могут быть из-за фамилии крупные неприятности. Но как-то не менять фамилию мне казалось нечестным. Когда мы с Вадимом подавали заявление в ЗАГС, я вписала новую фамилию. Он сказал, что у меня был такой вид, будто я решительно подписала себе смертный приговор.

Историю же семьи я знаю лучше со стороны матери. Предки отца из Тверской губернии и были крестьянами. Но я даже не знаю названия их деревни. Со стороны матери по ее отцу предки были дворянами. Дворянство получил мой прапрапра... дед за строительство Петербурга. Так что эта линия вся питерская. А со стороны бабушки по матери я знаю довольно много. Предки были из Рязанской губернии из двух соседних сел: Сумбулово и Выползово. Они находятся на расстоянии 400 метров друг от друга. Я там бывала несколько раз, хотя родни у меня там не осталось. Прадед мой Кротов, а прабабушка – Мышлицова. Я как-то приехала в Выползово, остановилась у колодца, попросила у одной тетки напиться воды. Она меня и спрашивает, чья я. Я отвечаю. Она обрадовалась: «У нас тут Мышлицовых полдеревни». Зазвала в дом, накормила. Прапрадед, тот, что жил в Сумбулово был заметной личностью. Звали его Петр Иванович. Весь второй этаж его крестьянского дома занимала библиотека. До сих пор в Сумбулово помнят «Петриванычевых». Прадед, Дмитрий Петрович, был эсером. Он переехал в Петербург, после туда подалась его семья. Держали чайную на Староневском. По этой же ветке осталось предание о некоем деде Горохе, который жил до 135 лет.

Мои родители по профессии полиграфисты, оба. Папа, Владимир Иванович Смирнов, технолог, мама, Лариса Кирилловна Смирнова, экономист. Познакомились в типографии Воениздата. Там же работала моя бабушка по матери и тетка отца. Потом и папа, и мама работали в Полиграфическом институте, оба в разное время были деканами. Папа умер в 1992 году, а мама продолжала работать в институте до самого последнего времени, только в этом году в возрасте 76 лет вышла на пенсию.

... какая богатая история семьи и какая долгая, глубокая петербургскость... кто из Ваших родных жил в Ленинграде в блокаду? В семье сохранилось что-либо от прошлого? Предания, фото, книги, дневники, вещи?

Мама с бабушкой успели эвакуироваться, в Новосибирск. Папа с семьей выехал в Вологодскую область. Дед по матери погиб в первые дни войны на Ладожском озере. Он служил в каком-то подразделении, укомплектованном из детей «врагов народа», их использовали как «пушечное мясо»: десантировали куда-то, где их тут же перестреляли немцы. В Петербурге в блокаду был мой прадед по материнской линии, тот самый Дмитрий Петрович, который в свое время был эсэром. Фотографии с ним в эсеровской форме (так бабушка, его дочь, говорила) были, увы, уничтожены из страха. Он погиб в блокаду. Сохранились его письма из блокадного Ленинграда. Сохранилось и кое-что из вещей. Прежде всего несколько книг из той деревенской библиотеки Петра Ивановича, о которой я говорила раньше. В частности, «Дневники писателя» Федора Достоевского. И сервиз из саксонского фарфора «Голубые шпаги» XVIII века. Еще сохранились фотографии моей прабабушки Ирины Павловны в молодости, жены Дмитрия Петровича.

Ваше детство прошло в Ленинграде? В каком районе? Вы были домашним ребенком?

Да, в Ленинграде. В Кировском районе, в Дачном. А родилась я и жила первые пять лет в доме на углу Таврической и Тверской, в том самом доме, где башня Вячеслава Иванова. Правда, в другой парадной. А в той самой парадной с башней находился мой детский сад. Так что раннее детство мое прошло в Таврическом саду. Потом моим родителям дали новую отдельную квартиру на Трамвайном проспекте. Но мама меня всегда, когда была возможность, вывозила в центр. К сожалению, возможностей было немного, мама училась в очной аспирантуре в Москве. Воспитывали меня бабушка, Прасковья Дмитриевна, и особенно ее сестра, Анна Дмитриевна, которую я очень любила и звала Кокой, хотя она вовсе и не была моей крестной (крестилась я уже студенткой в 20 лет, в самое «застойное время»). Кока, сама бездетная, она воспитывала всех своих племянников, детей и внуков племянников. В полном смысле «домашним ребенком» я не была: ходила в детский сад. Характер у меня был необщительный, и в садике мне было тяжело. А бабушка была очень авторитарная, в отличие от своей сестры, моей Коки. В младшей школе мне тоже было трудно. Я не умела сходитьсь со сверстниками. Но после с удовольствием ходила на кружки во Дворце пионеров: юных поэтов, юных астрономов.

Когда у Вас появился интерес к тому, чтобы писать (к писательству, журналистике)? Под воздействием школы или как-то сам возник, из ничего?

Нет, со школой это не связано, хотя за сочинения у меня всегда были пятерки. Практической журналистикой я начала заниматься с 14-ти лет. Был такой клуб «Ровесник» при молодежной газете «Смена». Там действительно учили писать для газеты, очень жестко. Чуть что не так — в корзину. Из 20-ти человек очень скоро осталось только 4. Зато все были способны работать, как настоящие журналисты — писать в номер. Там лозунг был совсем не советский: «Помните, что читателям не платят деньги, за то, что они читают газеты». Существовал такой особый «сменовский» стиль, легко узнаваемый. (На практике, уже на пятом курсе в ленинградском университете, на практике в Барнауле мне сразу сказали: «Вы наверняка из “Смены “.») Сначала я работала в отделе учащейся молодежи,

а потом перешла в отдел сельского хозяйства. Очень любила ездить по деревням. Особенно любила посевные и уборочные. Выезжаешь на пару недель в какой-то райцентр (а я очень любила эти районные городки), живешь в районной гостинице, рано утром выезжаешь в ту или иную деревню, а в два-три часа уже диктуешь по телефону готовый материал в газету. И каждый день разный сюжет, хотя исходный материал похожий. Вообще в «Смене» увлекались формотворчеством. Сенсаций тогда в комсомольской газете быть не могло, а вот форма материала могла быть разной. Вот от нас и требовали, чтобы любой материал читался с увлечением. Журналистика дала мне богатый жизненный опыт (много чего я повидалась) и научила не бояться чистого листа. А ушла я потому, что превратилась в «диссидентку», и даже мечтала издавать нелегальную газету. (Но не получилось отлить литеры для своей газеты из бюста Римского-Корсакова, расплавленного в кирпичной дачной печке.) Откровенно сообщила об этом и в «Смене», и на факультете журналистики. Хотела перевестись на филологический, но меня уговорили остаться на кафедре истории журналистики. Там я написала свою первую научную работу, об Аполлоне Григорьеве как философе, которую потом опубликовал Эльмар Соколов в своем сборнике. Только в двухтысячные годы я снова вернулась к журналистике, пишу на внешнеполитические темы.

Очень приятно здесь, за океаном, в крошечном калифорнийском городе, 30 000 человек, Foster City встретить не просто ленинградку, но буквально соседку, я жил в Мариинском проезде и ходил в магазин в «дом с Башней».

К истории, культуре Востока Вы тоже прикипели в ранней юности? Этот интерес откуда?

Я хорошо помню этот магазин, помню и кондитерскую в соседнем доме.

..да, верно, булочная-кондитерская..

В востоковедение я пришла довольно поздно, также поздно обратилась и к истории. История стала мне необходима для написания этнопсихологических очерков. Я изучала историю тех народов, этнопсихологический портрет которых составляла.

С востоковедением же получилось так. С 1989 года я регулярно приезжаю в Ереван, который очень любила. Кроме занятий политикой там, я сотрудничала с Институтом этнографии и археологии НАН Армении. Там были интересные материалы по населению Еревана. Я продолжила думать в том же направлении, применила свою социально-психологическую теорию и написала статью о формировании Еревана как этнопсихологической общности. А потом все поначалу было довольно случайно. Году, насколько помню, в 90-ом я выступала на международной молодежной социологической конференции в Ташкенте. Туда приехала дама из московского Института востоковедения РАН, ее задача была отобрать перспективную молодежь для сотрудничества. Мне она предложила дать какую-либо свою статью в журнал «Восток». Вот я и отдала ей свою статью о Ереване. Ее опубликовали, мне стали предлагать писать для разных востоковедческих сборников. Так я познакомилась с редактором целой серии сборников Борисом Сергеевичем Ерасовым. Для него я написала статью о русских в Средней Азии и англичанах в Индии в XIX веке, послужившей основанием для моей будущей диссертации. Тогда же мне дали понять, что моя уже почти написанная

диссертация об армянской общине в Петербурге в нашем институте не пройдет. Борис Максимович Фирсов, директор тогда еще Петербургского филиала ИС РАН, сказал мне: «Вам лучше защищаться у историков». Я тут же, по моему, вечером того же дня, обратилась к Ерасову. Он как раз на сутки приехал в Питер по делам, и привез мне вычитывать статьи для очередного своего сборника. Я спросила, могу ли я у них защищаться, он ответил: «Конечно. Завтра принесите мне план диссертации». Я подумала: «Хорошо, что не текст», — и набросала план новой диссертации «Российская и Британская империи на Среднем Востоке в XIX — начале XX вв.: идеология и практика». Так вот и получилось, что я защищалась в Институте Востоковедения в Москве в 1996 году. Я тогда была непуганая. Просто не отдавала себе отчета, что такое защищаться в таком солидном историческом совете. Тем более, что всю Британскую часть я писала по британским и индийским (на английском языке) источникам, полностью проигнорировав советские, которые мне показались смертельно скучными. Но все прошло удачно. Вот так я и сотрудничала с востоковедами, до смерти Ерасова. Даже два года работала по совместительству в Институте востоковедения. Собственно, я могла сотрудничать и дальше, но серьезно заболела и не могла больше ездить в Москву часто.

Спасибо, Света, рождение «восточной линии» прояснилось, вернемся к несколько более раннему времени. Вы заметили, что не со школой связано Ваше движение в журналистику, но с клубом «Ровесник» при газете «Смена». А туда-то почему Вы пошли или заглянули?

В «Смене» было объявление о новом клубе, обращенное старшеклассникам. Предлагалось написать сочинение, забыла уже на какую тему. Я писала об экскурсии в Пушкин. Потом пришло письмо с приглашением в клуб. Так все и началось. Уже на первом собрании предложили написать небольшую зарисовку для газеты. Я написала неудачно, потом опять неудачно, а потом как-то сообразила, как писать, чтобы получились не «сопли и слюни», а газетный материал. Меня начали публиковать. Вскоре я получила и свой первый гонорар — два рубля с мелочью. Стали посылать на задания. Не скажу, чтобы все давалось легко. Писать надо было к определенному сроку, оперативно, а часто этого вовсе не хотелось. Иногда казалось, что лучше пойти в сапожники: и полезно, и напрягаться, как мне казалось, не надо. Но я все-таки писала. Это потом уже отработалось до автоматизма, а поначалу даже плакать хотелось. Тем более, неудачные материалы нещадно отправляли в корзину. И надо было понимать, что не так, и исправлять ошибки в дальнейшем. Этого прессинга многие не выдержали, ушли. И, действительно, какой интерес писать в корзину? Но у тех, кто остался, выработался особый навык. Говорили, что научить писать нельзя. Действительно, на факультете журналистики никого писать не научили. Кто с чем пришел, с тем и ушел. Но живая работа в газете прививала умение писать. Там этому действительно учили и практически. Так я увлеклась журналистикой.

И все же, по окончании школы Вы однозначно решали двигаться в журналистику или были раздумья?

Да, я это решила еще в восьмом классе и всю себя посвятила этой цели. Прежде всего, осознала, что с моим уровнем подготовки мне в университет не поступить. Самое катастрофичное было с французским языком. Его у нас в школе преподавали на очень низком уровне. Я записалась на городские курсы, причем сразу на второй курс. На предметы, по которым не надо было сдавать вступительного экзамена, я просто плюнула. Рассудила сухо практически, что двойку в аттестат мне не поставят: я не состою на учете в детской комнате милиции. А 4,2 или 3,8 все равно округляют до 4 — вполне приемлемый и проходной средний бал. Так что на математике и физике я учила французский совершенно открыто, переводила Андре Моруа. Ходила к репетитору по русскому, учила историю и литературу, ходила на открытые лекции в университет. Так что я не раздумывала, а действовала. Наверное, совсем не по-юношески.

Чем, Света, Вас встретил журфак? Насколько я понимаю, это был конец 1970-х, достаточно задолго до начала перестройки. Вы пришли туда уже имея определенный журналистский опыт и человеком, умеющим рассуждать и действовать «совсем не по-юношески». Что можно сказать о преподавательском составе и о Вашем студенческом окружении? Вы продолжали писать для «Смены»? Какой круг проблем, какая тематика были для Вас наиболее интересны?

Сразу так много вопросов! Чем журфак встретил? Прежде всего я раскрепостилась. В школе я всегда была в напряжении из-за нескладывающихся отношений с одноклассниками. Теперь же я все начинала с чистого листа. Не скажу, чтобы у меня сразу друзья появились, но сложились достаточно теплые отношения с однокурсниками. А наша группа вообще была интересной. Она была десятой из десяти, поэтому туда влили всех, кто не вошел в другие группы. В результате там оказалось всего четверо русских и восемь иностранцев. Вообще на курсе было много иностранцев, не только из соцстран, но из Греции, Кипра, Израиля, арабских стран, африканцев. Моей ближайшей подругой стала словачка. Что касается программы, то мне нравились только филологические дисциплины. У нас их читали очень детально, как на филфаке. Литература, начиная с античной, — зарубежная и, конечно, вся русская, русский язык, стилистика. А прочие дисциплины читались очень поверхностно. Было очень много предметов, но все по одному семестру, специально для журналистов, — только чтобы научить отличать корову от лошади. В основном объясняли по разным предметам, на чем дурят журналистов. Специальность тоже была слабой, учили в основном те преподаватели, которые не смогли стать настоящими журналистами. Но зато появился доступ к университетской библиотеке. Это было настоящее открытие! Очень скоро я перестала посещать лекции, а все время проводила в библиотеке. Я перечитала всю русскую философию. Посещала также лекции на филфаке и ходила на геофак слушать Льва Николаевича Гумилева. Как ни покажется странным, из обязательных курсов мне нравилась военная кафедра, где из девочек готовили медсестер, вполне квалифицированных настолько, что мы могли работать в больнице. Из преподавательского состава больше всего запомнила тех, кто преподавал литературу. Самый первый семестр это была античка, которую читала Гаянэ Шарова (не помню отчества). Она всех нас по-настоящему заразила любовью к древней литературе, мы читали все доступное, трагедии, комедии, Илиаду, Одиссею, Золотого осла, идиллии. Очень хорошо читал лите-

ратуру XIX века Виктор Сергеевич Маслов и литературу начала XX века Аверин (к сожалению забыла его имя-отчество). Это у меня дополнялось филфаковскими лекциями по русской литературе. А друзья... Поначалу я общалась много на факультете, но потом мне стало с однокурсниками не очень интересно. Друзья возникали в библиотеке, на лекциях. В библиотеке сотрудники прямо знакомили тех, кто увлекается одной и той же литературой. Тут уже были общие интересы. В «Смене» я продолжала работать до середины третьего курса. В основном специализировалась на сельском хозяйстве. Это было связано и с возникшей страстью к путешествиям. Мне нравилось путешествовать автостопом. Так я, кстати, пока училась, объездила половину Советского Союза. И Россию (центральную полосу, север, Сибирь, Алтайский край), и Украину, и Молдавию, и Прибалтику. Выезжала одна или с кем-нибудь из подруг. «Камаз» стал моим любимым средством передвижения: кабина высокая, из окна все видно, удобно, быстро. А из газеты я ушла, как я уже говорила. Произошло это после того, как мы с подругой в Москве жили у ее дяди-физика. Он нам рассказал о теории Большого взрыва. Мы были девицы самоуверенные (а по физике у нас были слабые трючки). Раз мы не знаем, значит и никто не знает. А тут такое! Как, от нас и законы природы скрывают?! Тем более, что «Голос Америки» я слушала регулярно прямо с детства благодаря папе. Вот тут мы и решили заняться антисоветской деятельностью. Какая тут комсомольская газета? На этом и прервалась моя «журналистская карьера».

Неслабо, «взрыв» был такой, что сразу антисоветская деятельность. В чем она выражалась? Вы нашли свою тусовку?

Что до деятельности, то ничего особого не вышло. Мы хотели издавать свой журнал, но дело закончилось, как я сказала выше, расплавленным бюстом Римского-Корсакова, из которого мы думали отлить литеры для нелегальной типографии. У нас просто не получились литеры. Так что, все — ребячество. Познакомиться с кем-то серьезным из диссидентов тоже не удавалось, хотя я и пыталась. А потом, в конце третьего курса, я крестилась. Тогда и появилась своя «тусовка» из молодых православных христиан. Она, естественно, была полудиссидентской. Таких было немало. И интересно, что было несколько человек с моего же курса, с которыми мы знакомились как бы по новой. Жизнь была очень насыщенной. Мы, например, проводили религиозно-философские семинары, к ним готовились, выступали. За такие семинары, конечно, тогда преследовали, так что адреналина нам хватало. Хотя как ни странно, за веру саму по себе уже не преследовали, в храм можно было ходить спокойно. Правда, молодежь всю сгоняли в два храма: Троицкий Александро-Невской лавры и храм при духовной академии. Я ходила в последний. Там всегда присутствовал один и тот же КГБшник. Мы его хорошо знали в лицо, он нас тоже. Но на факультет эти сведения не передавались, так что доучилась я благополучно.

Света, можете не отвечать на это вопрос... Ваше крещение было (скорее «бегством» от идеологии или результатом глубоких размышлений, ответом на какие-либо события? Не встречались ли Вы с о.Владимиром (В.Ф. Федоров, <http://antimodern.ru/fedorov-vladimir/>) — чрезвычайно интересный человек (кончил мат-мех, у меня писал дипломную работу??

Нет, с отцом Владимиром я не встречалась... «Бегством» от идеологии мое крещение не было. Я об этом даже как-то не думала. Но было все сложно. В момент крещения я в полном смысле слова верующей не была. Конечно, я тогда уже много читала, русская философия вся религиозная, к идее Бога я пришла уже давно, но она еще была какой-то теоретической. И крестилась я скорее из культурно-исторических соображений. Было это в Тихвине, в старинном монастыре, в котором тогда была открыта только одна церковь. Я давно знала этот монастырь, поскольку бывала в Тихвине в командировках. Но, как только крестилась, все изменилось. Я поверила глубоко, искренне и на всю жизнь.

Что значит «журналистская карьера» прервалась? Университет Вы закончили?

Конечно, закончила, но уже по кафедре истории журналистики. Хотела было перевестись на филологический факультет, меня туда охотно брали, потому что ко мне очень хорошо относился тамошний замдекана, читавший у нас литературу XIX века. Но на факультете журналистики меня уговорили остаться. Практической журналистикой я занималась уже только на обязательной практике. На третьем курсе я как раз должна была решать, перейти на заочное и пойти работать в штат «Смены» или оставить все как есть и фактически отказаться от журналистской карьеры. Вот я и отказалась. На занятия на факультете почти не ходила, благо у нас ввели свободное расписание. Все время проводила в университетской библиотеке, с утра и до вечера.

А с распределением у меня получилось так. Распределяли нас по самым далеким точкам Советского Союза. Так как со «Сменой» я порвала, мне грозило уехать на Дальний Восток. Тут мой папа попытался устроить меня редактором в Лениздат. Я, в принципе, была согласна. Но когда пришла в Лениздат побеседовать предварительно, мне предложили пойти в новый там отдел атеизма. Я, естественно, отказалась. Меня стали уговаривать, предложили пойти сразу старшим редактором. Я, как папа потом рассказывал, тихонько на все предложения пищала «нет». Мне казалось, что даже, если меня расстреляют, я не пойду в отдел атеизма. В конце концов, я взмолилась: «Возьмите меня лучше корректором». Это было абсурдное предложение. С моим зрением и моей «патологической неграмотностью». Наконец, папе удалось договориться, что на меня пришлют из Лениздата запрос как на редактора, а я дам слово, что сразу после распределения откажусь у них работать. Но на этом дело не кончилось. Документы должны были пройти через обком партии. Их там три раза «теряли». Я даже съездила в Малую Вишеру, где проходила практику после второго курса, договорилась, что в случае чего мне пришлют запрос из местной районной газеты. Но буквально накануне распределения документы из Лениздата пришли на факультет, летом, после окончания университета, я сходила в Лениздат и написала отказ. Теперь я была свободна.

Это был какой год? И как Вы распорядились своей свободой?

1983. Надо было устраиваться на работу. Я пошла на самую неидеологическую, в Центральный Государственный Исторический архив (тогда он находился в здании Сената и Синода) «обезьянкой», то есть, пардон, хранителем фондов. В хранилищах были высоченные по 5 метров шкафы, довольно шаткие, надо было лазить по полкам и коробкам, чтобы достать или подложить нужные дела.

Главное, что работа давала много свободного времени. Единственное, что требовалось, так это вовремя придти и вовремя уйти, остальное твое время никого не интересовало. Ровно в 9 я входила в архив и прямо с порога шла в дальнее хранилище досыпать на широкий подоконник — рано вставать мне было тяжело. Потом доставала заказанные на сегодня дела и отправлялась в библиотеку, теперь уже — Публичку. Возвращалась за час до окончания рабочего дня, подкладывала возвращенные дела и могла идти домой или куда угодно. Так я написала свою первую опубликованную статью «Аскетика и мистика в древней Греции» для «Настольной книги священнослужителя». Можно было читать и архивные дела сколько душа захочет. В моем ведение был архив министерства юстиции и, что для меня было самое интересное — Синода. В последнем было много интересных для меня материалов. Проработала я полтора года, пока не ушла в декрет.

Пожалуйста, разверните фразу: «В моем ведение был архив... и, что для меня было самое интересное — Синода». Чем Вам был интересен этот архив? Что в нем удалось познать?

В введение — значит я доставала оттуда дела, нумеровала страницы в делах и, следовательно, могла находиться в помещении архива сколько угодно. Министерство юстиции меня не сильно интересовало, только смотрели с девочками всякие детективные дела. В одном таком была фотография отрубленной головы, многие почему-то боялись заходить в это хранилище, а я как раз в нем любила спать. В архиве же Синода я находила многое для себя интересное. Там были записки афонских старцев, никому неизвестные, я их с большим интересом читала, даже вначале работы в архиве таскала домой (потом уже боялась, вдруг случайно потеряю). Очень жаль, что не скопировала. Читала материалы, которыми пользовался Мельников-Печерский для своих романов про старообрядцев «В лесах» и «В горах». Очень меня впечатлили дела о чудесах и чудотворных иконах. Поразило, как тщательно проверялись все случаи, искались все естественные объяснения событий. Ставился прежде всего вопрос, кому это выгодно, чтобы та или иная икона прослыла чудотворной. Проводились в каждом случае целые детективные расследования. И только если факты подтверждались и не было совершенно никакого естественного им объяснения, говорили о чуде.

Зная давно Вас, Света, я могу допустить, что и в «декрете» Вы долго не сидели, да и потом нашли работу, при которой можно было заниматься удовлетворением своих интеллектуальных потребностей. Так?

Не угадали. В декрете я сидела очень долго. То есть декрет давно кончился, а я продолжала сидеть с ребенком, до четырех лет. Только тогда отдала в садик. Другое дело, что за эти годы я многое успела. Научилась читать по-немецки и по-английски. По-английски — сама, немецкий изучала на вечерних государственных курсах. Так что в итоге я читала на трех иностранных языках, и мне было уже все равно, на каком языке была та или иная книга в библиотеке. Тогда ведь выбирать не приходилось, читать надо было то, что имелось. Подробно изучила психоанализ (по вечерам меня отпускали в Публичку). А еще начала составлять свою теорию этнического сознания, которую потом долгие годы развивала. Получилось так, что мне в голову пришли кое-какие идеи, я их записала на тетрадных листах, разбив текст на параграфы. Делать мне с этим было больше

особо нечего, но я показала свои записи мужу. Он сказал: «Обыкновенная серятина». Я в общем-то ни на что не претендовала, поэтому отложила все в ящик стола и забыла. Потом захотела написать статью для «Знания — сила» об охране памятников (я активно участвовала в защите «Англетера»). Там должны были быть ответы на анкету, которую я собиралась составить. В журнале мне посоветовали показать анкету профессиональному социологу и дали телефон Андрея Николаевича Алексеева. Я позвонила ему, он меня пригласил к себе. Прочитал анкету и сказал, что у меня наверняка есть своя теория. Я долго отпиралась, потому что мне стыдно было показывать свои записки, но в конце концов сдалась и принесла ему свои листочки. Он прочитал и сказал: «Вы — социолог от Бога». И стал меня обучать социологии. Через несколько месяцев я прочитала условия Всесоюзного конкурса исследовательских программ молодых социологов, спросила у Андрея Николаевича, могу ли я участвовать. Он велел мне не читать никаких других исследовательских программ и не читать, как они пишутся, — исходить только из здравого смысла. Я написала и печатала сама страниц 30—40. Кажется, первый раз в жизни села за пишущую машинку, да еще температура у меня была под сорок, так что там были, я думаю, сплошные ошибки и опечатки. Вот так и послала на конкурс. А в конверт вложила еще и запечатанный конверт со своими данными (так требовалось по условиям конкурса), где указала, что я домохозяйка (я ведь тогда не работала, сидела с дочкой). А дальше Вы знаете лучше меня... Я заняла первое место. Тогда же я сократила свои теоретические записки до четырех с половиной страниц, чтобы удобно было показывать разным людям и не пугать их при этом объемом. Так я показала свои тезисы Вадиму Семеновичу Ротенбергу, завкафедрой психиатрии 2-го Медицинского института в Москве, и Владимиру Хоросу из академического института по международным отношениям (отчество и точное название института, к стыду, забыла). Ротенберг предложил мне перевести тезисы на немецкий для журнала по динамической психиатрии, издававшемуся в Западном Берлине (где они и были опубликованы, переводила я сама), а Хорос — написать на основе тезисов статью о русской крестьянской общине. Последнее во многом и определило мою будущую деятельность — я стала работать с этнографическим и историческим материалом, интерпретируя его. Статья тоже потом была опубликована. Только сейчас уже не помню, в каком сборнике. Но надо было устраиваться на работу, и я устроилась на малое предприятие по консультированию «Майнер-Нева».

Да, Света, дальше я в общих чертах представляю Вашу жизнь. Я Вам говорил, что, будучи одним из судей на том Всесоюзном конкурсе исследовательских программ молодых социологов и прочитав (как теперь известно, Вашу работу), я сразу решил: «либо первая, либо последняя». Там «середки» не могло быть... а дальше Вы сами знаете. Наверное, в «Знание — сила» Вы попали к Ирине Прусс?

Забыл имя руководителя «Майнер-Нева» (Марьянов ?)... харизматический был человек, он ко мне и домой заходил, разные теории мы обсуждали... В каком году Вы пришли в эту фирму, что там делали?

Да, знаете. Я понимаю, работа была очень спорная. Но Вы все-таки в меня поверили.

Тогда я говорила в «Знание — сила» с каким-то мужчиной, я его толком не запомнила. А потом, когда много печаталась в журнале, я только вначале была у Ирины Прусс, хотя именно она меня многому научила в журналистике и в подаче научного материала. Она научила меня строить композицию статьи, тому, как выстраивать интригу и объяснительный механизм. Но Ирина Прусс была по социологии, а я больше печаталась по истории и этнологии. Поэтому была у Галины Петровны Бельской. Удивительный она человек, просто необыкновенной доброты. Я ходила в редакцию, как домой. Она вникала во все мои проблемы, совсем не связанные с журналом, помогала их разрешать. Я с ней долго дружила, даже когда уже не писала для «Знание — сила», до тех пор, пока из-за болезни не перестала ездить в Москву.

В «Майнере» не Марьянов, а Марьяненко. В фирму я пришла в конце 1988-го, сначала была на подхвате, занималась проблемами энергетиков. Здесь мне тоже пригодился журналистский опыт, потому что моей задачей было брать интервью, чтобы вычленив затем проблемное поле. А потом Марьяненко велел мне искать собственный заказ. Я нашла. Приезжала женщина из Молдавии, просила найти, как им разрешить межнациональный конфликт. Но Марьяненко решил поставить вопрос шире, найти собственную майнеровскую модель разрешения межнациональных конфликтов. Наполеоновский план! Он исходил из того, что «Майнеру» все должны доверять. Предприятие эстонское — это с одной стороны, а работают русские — это с другой. Но универсальная модель?.. Для этого он меня свел с майнеровскими психологами. Лично для меня это много дало. Там была такая девушка, Маша Руднева, у нее очень интересная диссертация по межличностным конфликтам. Мне удалось перенести ее схемы на межнациональные конфликты. Я начертила график Карабахского конфликта, и мне удалось найти лакуны, те события, о которых я не знала, но которые обязательно должны были происходить. Все мои гипотезы подтвердились. Потом я построила прогноз, он тоже в общих чертах подтвердился. Но модели разрешения конфликта, тем более, всех конфликтов на территории СССР, я конечно так и не нашла. Но я впервые по командировке «Майнера» попала в Армению, которую полюбила всем сердцем, и в которой фактически обосновалась надолго. А из «Майнера» к тому времени я уже все равно собиралась уйти. Уже были подведены итоги конкурса и Борис Максимович Фирсов предложил мне перевестись в наш институт. Я так и сделала. А дальше я уже работала с Вами.

Мне кажется, что лично мы познакомились в Мадриде в 1991 году, где проходил Международный конгресс социологов, это было вечером, когда участники форума отходили от испанской жары. И потом мы уже увиделись на Серпуховской улице, куда социологи, перешедшие в петербургский филиал Института социологии РАН, созданный Б.М. Фирсовым в 1991 (?) году переехали из ИСЭП со Шпалерной ул.

Время было непростым, денег нам не платили, но мы все равно работали, хотя с Вами мы чаще встречались в бывшей Публичной библиотеке, чем по месту работы. Мне кажется, что именно тогда вы нащупывали или уже нашли тему кандидатского исследования, которое делали под руководством Б. М. Это так?

Нет, Борис Зусманович, Вы ошибаетесь. Институт был создан 1989 году, а конгресс был в 1990. Познакомились мы именно в 1989, поскольку тогда меня определили в Ваш сектор «Проблем общественного сознания». Вы предложили мне тему про экспертное сознание. И я написала Вам полную околесицу. Поначалу деньги нам платили, это потом перестали. И Вы тогда сказали, что понимаете, что за такую зарплату требовать от нас работы несправедливо. Но Вы надеетесь, что в силу привычки мы будем работать. Но я тогда так оголодала... Вы нам в сектор приносили разные угощения с мероприятий, на которых бывали. Помню, с какого-то мероприятия в Финском посольстве Вы принесли что-то мне неизвестное или давно забытое. Я Вас спросила, что это. Вы так по слогам сказали: «Света, это кол-ба-са».

Над диссертацией я тогда не работала, о ней я подумала намного позже. А тогда, по-моему, в 1990-ом или 91-ом я прочитала в институте объявление, что написание монографии можно сделать институтской темой на два или на три года. Вот я и надумала написать книгу. Вы и Борис Максимович, и, конечно, Андрей Николаевич меня благословили. Так что тогда в библиотеке я занималась книгой. Кончила ее в начале 1993-го. Издала в 1994-ом. Это были «Метаморфозы традиционного сознания». Она до сих пор остается моей любимой из всех моих книг. Для нее я впервые развернуто изложила свою теорию-гипотезу и проиллюстрировала ее историями из жизни разных народов. Тогда я смело бралась за новые темы, изучала разные народы, создавала объяснительные механизмы на основе своей концепции. И это чудесно получалось. Может быть сыровато, но очень интересно. Но уже тогда я понимала, что это — моя вершина, ничего подобного мне больше создать не удастся. Остальную жизнь я буду дорабатывать, систематизировать, развивать, углублять уже рожденное. Это были самые творческие годы.

А диссертацией я занялась уже после книги, на основании своего опыта пребывания в армянской общине. Это было, по Алексееву, наблюдающее участие. Это был, по-моему, уже 1994. Так что в институте я занималась, чем душе угодно, и была вполне счастлива. Вообще институт наш той поры был чудесным местом, очень свободным, творческим. А денежные проблемы скоро исчезли, я стала получать много грантов.

Света, какова основная идея книги «Метаморфозы традиционного сознания»? В апреле 1994 года я эмигрировал в Америку, как сложилась Ваша жизнь во второй половине 90-х?

Одним словом, коротко не скажешь... Идея в том, что этническая картина мира — специфический срез каждой культуры — имеет определенные бессознательные блоки, которые не меняются, когда сама картина мира испытывает трансформации. Их я назвала этническими константами. Они характеризуют способ действия людей в мире. Этническая картина мира может наполняться разным содержанием в зависимости от ценностной ориентации людей и жизненных обстоятельств, в которых находится этнос. В один и тот же период времени у этноса существует целая палитра картин мира. Эти картины мира в рамках одной культуры связаны представлением о способе и образе действия, условий действия, которые и есть суть этнические константы. Воспроизводство или изменение картины мира осуществляется с помощью носителей личностного

сознания. Последние вовсе не обязательно из образованного класса. Личностным сознанием могут обладать представители всех слоев общества, и это не зависит от их способности к абстрактному мышлению. Трансформации этнической культуры происходят через спонтанное самоструктурирование этноса. С его помощью этнос обретает новые черты, которые способствуют его адаптации к новым условиям жизни и отвечают изменившимся ценностным ориентациям. Спонтанное самоструктурирование этноса происходит с помощью функционального внутриэтнического конфликта, когда взаимодействие различных внутриэтнических групп осуществляется зачастую только через этнические константы, подсознательное представление о способе действия. Эксплицитная коммуникация при этом может быть нарушена. Кроме этнических констант этнос объединяет центральная культурная тема, которая в различных внутриэтнических группах интерпретируется по-своему, иногда прямо противоположно. Но эти интерпретации выстраивают собою имплицитный внутриэтнический диалог, который обыгрывается в ходе функционального внутриэтнического конфликта.

Вот я в «Метаморфозах» все это описала и проиллюстрировала на исторических примерах из жизни разных народов: русских, финнов, армян, турок. Русских — на примере взаимодействия крестьянской общины и российского государства, финнов — на примере отношения к природе, турок — на примере отношения к войне, армян — на примере формирования Еревана как культурно-психологической общности. Потом я изучала еще англичан на примере создания и функционирования Британской империи.

«Метаморфозы традиционного сознания» очень хотел перевести на немецкий Ричард Гратхоф из Билефельда, немецкий социолог-феноменалист, с которым я очень дружила. Но это как-то не получилось. Гратхоф, тогда член Правления Международной социологической ассоциации, хотел создать в России первую секцию этой ассоциации по культурному соседству, но он не нашел общего языка с Борисом Максимовичем Фирсовым, были еще какие-то разногласия с Ядовым. Сам он считал, что отчасти из-за меня. Еще бы, он приехал в Россию в кои-то веки, только день пробыв в Москве, заявил, что вообще-то приехал к Светлане и подался в Питер. Кроме меня он еще очень дружил с Владимиром Никифоровичем Павленко, и именно нас с ним видел во главе секции. А познакомилась я с Гратхофом на очередном Международном социологическом конгрессе, куда попала уже как победитель международного конкурса молодых социологов. Книга так же очень понравилась Виторио Страде, который неожиданно позвонил мне и пригласил к себе в Венецию.

Что было у меня после Вашего отъезда? Прежде всего я написала и защитила кандидатскую диссертацию. Об этом я уже говорила. Защита была в феврале 1996 года. Потом сразу, кажется прямо вечером дня защита, или на следующий день я получила заказ от Института «Открытое общество» написать учебное пособие объемом в 30 печатных листов на основе моей теории-гипотезы. В «Открытом обществе» ему сразу придумали название — «Историческая этнология». Они, правда, хотели назвать просто «Этнология», но я испугалась и сказала, что если я назову «Этнологией» одну свою концепцию — меня убьют. Вообще-то там был конкурс на написание учебных пособий, но я как-то шла вне конкурса, не знаю, как они это устроили. В «Исторической этнологии» я более подробно расписала

свою концепцию и каждое ее положение проиллюстрировала примерами. Книга выдержала четыре издания, и по ней преподавали этнологию во всей российской провинции.

А сдала я ее в печать 1997 году, весной. И тут же взялась за докторскую. Докторскую диссертацию я писала на основе «Исторической этнологии», и по сути это была чисто редакторская работа, с которой я быстро справилась. Стоял вопрос, как мне найти место защиты и вообще как официализироваться с новой темой. Произошло это так. Когда я еще защищала кандидатскую, в журнале «Общественные науки и современность», где меня очень любили, куда я пишу и сейчас, замредактора Акоп Погосович Назаретян меня спросил, почему я не защищаюсь у них. Когда встал вопрос о докторской, я пришла в редакцию и спросила, могу ли я защищаться теперь у них. Назаретян обалдел и ласково мне напомнил: «Светочка, здесь же журнал». Но уже вечером позвонил и сказал, что нашел научного консультанта для моей докторской. Так я стала работать с Андреем Яковлевичем Флиером, директором Высшей школы культурологи. С Флиером у меня было много общего в подходе к культуре, как адаптационному механизму. Много общего было и с Эдуардом Саркисовичем Маркаряном, который тоже писал о культуре как адаптационном механизме и с которым я много общалась в Ереване. Я его здесь упоминаю, потому что он сильно повлиял на мою диссертацию. Флиер нашел мне место защиты на свой вкус — кафедру культурологи при Московском государственном педагогическом институте. Специальность культурология тогда только появилась, я стала вторым по счету доктором культурологи. Первым был Александр Самойлович Ахиезер, который на месяц раньше меня защитился на этой же кафедре и с которым я очень дружила.

Защита моя длилась более пяти часов. Все выступали без бумажек, и мои домашние заготовки мне тоже негодились, потому что в письменных текстах рецензий были одни вопросы, а устно задавались другие. Было интересно, и я бы сказала — весело. Члены диссертационного совета были уже очень усталыми и голодными (я пожалела, что банкет полагается после защиты, а не во время), председатель пытался округлить заседание, но культурологи никак не хотели утомиться и дискутировали дальше. Голосование провели прямо во время завязавшегося спора, мне шепотом сообщили результат, а дискуссия все продолжалась... Это было осенью 1998 года.

Тему империй, начатую с кандидатской, тем не менее, я не оставляла. Много писала по ней для сборников, которые до самой своей смерти издавал Борис Сергеевич Ерасов в Институте востоковедения.

В тот же период я проработала два года в Институте востоковедения РАН, занималась Арменией и армянами. Тут мне игодились материалы диссертации, которую я начала в еще Петербургском Институте социологии. Параллельно я сотрудничала с Центром цивилизационных исследований Института Африки РАН. А из социологов я больше всего сотрудничала с Леокадией Михайловной Дробежевой, директором Института социологии РАН в Москве, сотрудничала по вопросам межэтнических отношений, и очень с ней дружила.

В 1999 году я получила грант фонда МакАртуров по теме межэтнических отношений в прошлом и в современности. Работать было очень интересно, я нашла замечательного интервьюера и получила на свои вопросы глубинного

интервью потрясающе интересные ответы. Потом все это (особенно то, что касалось феномена «дружбы народов», очень своеобразно преломлявшегося в сознании людей и ставшего на длительное время настоящей позитивной мифологемой советской империи) я включила в свои книги «Империя как судьба» и «Imperium», написанных уже в двухтысячные.

В конце девяностых я начала еще две книги, которые закончила уже в двухтысячные. Первая — «Психологическая антропология», где я подвожу научную базу под свою концепцию, анализируя американские культурную, психологическую, когнитивную антропологии, когнитивную психологию, теории социализации, культурноисторическую психологию. Это такой достаточно академический «кирпич». А вторая — «Ереванская цивилизация», для которой я нашла себе в соавторы астрофизика Армена Давтяна. Армен потрясающе знает историю Еревана, особенно начиная с конца сороковых годов прошлого уже века. Оказалось, что цивилизация Еревана конца советского времени просто необыкновенная, на наших глазах складывалась новая традиция, и можно было в деталях проследить, как это происходило. По-моему, это совершенно уникальный шанс для культуролога. Армен писал очень захватывающую историческую часть, а я — теоретическую. Но обе эти работы в девяностые годы были только начаты, завершила я их уже в двухтысячные.

Да, конец 90-х — начало 2000-х у Вас оказался супер плодотворным периодом, и на идеи, и на тексты, и на контакты; «Ваше время». Наверное, можно было чуток «перекурить», но — похоже — мы с Вами из одного теста, не тормознуть... что удалось сделать за последние десятилетие? Куда «звезда» зовет?

К сожалению, тут я притормозила... Просто, здоровья не хватило. Уже после защиты докторской я два месяца пролежала в больнице, вообще из дома выходить не могла. Потом оклемалась, какое-то время работала так же интенсивно. Но начинания двухтысячных годов были уже не так успешны. В начале двухтысячных получила стипендию Дидро (это госстипендия Франции), работала в Доме наук о человеке в Париже. Хотела изучить французскую этнологию в сравнении с российской культурологией и американской психологической антропологией, написать новую книгу. Но энергии уже не хватило, я все время болела. Когда я уезжала из Франции, никто не сомневался, что я стану частым гостем в Доме наук о человеке, буду там постоянно работать, но не сложилось.

Я еще продолжала получать гранты, работала, но это было уже не то. И гранты были небольшими, встал вопрос о зарабатывании денег — в девяностые этот вопрос не стоял. Тут и пришлось вспомнить о своей первой специальности — журналистике. Еще в девяностые я занималась теорией геополитики и внешнеполитических отношений. Кое-что было опубликовано в «Общественных науках и современности», многое в газете «Республика Армения». На этой базе я занялась международной аналитикой. Много печаталась в разных бумажных и интернет изданиях, сейчас — в «Известиях». Хотя пишу я быстро, все равно это отнимает много сил и времени. Но и тут были свои взлеты. Очень интересно было работать в журнале «Политический класс» у Виталия Третьякова. Там я развивала свою теории внешнеполитического действия, иллюстрируя ее примерами из текущей международной жизни. Давала по 4–5 полномасштабных статей в год. Так продолжалось несколько лет, пока журнал не прекратил свое

существование. Конечно, в эти годы на науку уже много времени не оставалось, хотя то, чем я занималась тоже была своего рода научная работа. Параллельно писала короткие аналитические статьи для разных изданий, ведь все равно приходилось держать руку на пульсе.

А в научном плане я сделала не так уж много. Закончила «Психологическую антропологию». Написала с Арменом Давтяном «Ереванскую цивилизацию», написала книгу «Империя как судьба».

О первых двух я говорила, скажу о третьей. Это историческая, культурологическая и этнопсихологическая книга. В нее входят очерки о Российской империи, в основном, с этнопсихологической точки зрения, в которых раскрываются психологические механизмы ее расширения, восприятия пространства, центральные принципы, ставшие подоплекой ее существования и функционирования, культурные темы, в результате «игры» последних и стало возможно имперское строительство. Но в книге не только о Российской империи. С этих же точек зрения рассматривается Британская империя. И Римская, и Византийская. Меня интересовали общие механизмы строительства и функционирования империй, то, что присуще им всем. Вопрос очень мало исследованный, потому что империи представляются часто совершеннейшей мозаикой, общих закономерностей, кажется, мало. Но всегда это особое сочетание изоляционизма и универсализма, возникшее уже у римлян, плюс особый способ восприятия пространства — у каждой империи свой, но всегда отражающий специфический механизм интериоризации территории. В 2012 книга была издана.

В этнопсихологии, в двухтысячные, пересказала свою теорию (изложенную еще в «Метаморфозах») в терминах современной психологической и когнитивной антропологии и разработала теорию обобщенного культурного сценария. Ее опубликовала только в ряде статей, но книги об этом так и не написала пока. Хотя тема кажется мне плодотворной. Надеюсь, до этого руки еще дойдут. Тут важен будет тот материал, который опубликован в «Ереванской цивилизации» потому, что там как раз описаны культурные сценарии, сопряженные друг с другом в единую ткань — целую культуру, принципиально новую. Возникновение первого частного сценария, связанного как раз с восприятием пространства действия и проецирование его на самые разные сферы культуры. Как сценарий возникал, как проецировался, как сложился в целую традицию — об этом в «Ереванской цивилизации» только, как комментарии к историческому материалу, а надо бы разработать теорию вопроса. Тут живой пример самоорганизации этноса, который можно за недавностью времени видеть как наяву. Эмпирика в книге прекрасная, но целостной теории нет. А на этой основе как раз и можно разработать концепцию обобщенного культурного сценария. Вот пишу и уже начинаю прикидывать. Загорелась этой идеей. Считайте это новой звездой, которая зовет. А в более отдаленном будущем хочу суммировать свой опыт в теории внешнеполитического действия. Не зря же я столько времени потратила на ее разработку, хотя и очень фрагментарную.

Многое упирается в здоровье. Круг доступных мне контактов резко сузился ввиду того, что я уже не могу ездить в Москву, да и по Питеру мои передвижения ограничены. Поэтому новых тем возникает мало, в основном они связаны с нашим институтом. А в институте тему выбирать свободно уже невозможно. Я ведь кошка-одиночка. При Тихонове пыталась руководить сектором,

но администратор из меня никудышный. Пока был сектор индивидуальных проектов, я оставалась свободна в своих изысканиях. Но темы укрупнили, меня стали присоединять к другим секторам. Так что о том, чем я сейчас занимаюсь, и говорить не хочу. Это не мое. Поэтому в научном смысле для меня сейчас не лучший период...

Света, а Вы где-либо постоянно преподаете?

Преподавание — это совсем не мое. Пыталась несколько раз — в Европейском университете в Санкт-Петербурге, в Ереванском государственном университете, в Университете культуры и искусства. Не мое это, не умею и не люблю преподавать. Теряюсь, стесняюсь, заикаюсь...

* * *

Борис Зусманович! Вы предложили мне еще добавить к интервью то, о чем Вы меня не спросили. Я непропорционально мало сказала о своем увлечении Арменией. А она часто вытесняла из моей жизни научные интересы. Были периоды, когда я буквально жила моими армянскими интересами, очень остро переживала все то, что там происходило. Весь свой цикл работ по геополитике и внешней политике, политическому прогнозированию, я писала не из отвлеченного научного интереса, а специально для карабахского правительства, которое одно время возглавлял мой друг Георгий Петросян. Тогда ребята, совершенно не имеющие опыта руководства, очень старались найти свой путь внешней коммуникации и внешнеполитического действия. И прежде всего, им хотелось понять, что с ними, с Карабахом и Арменией происходит, как им действовать в сложной геополитической обстановке. Я старалась им в этом помочь. Уже впоследствии я поняла, что эти внешнеполитические концепции более универсальны, они применимы и для России. Тогда же составлялась, как я ее назвала, операциональная геополитика, специально для малых стран, действующих в поле интересов глобальных геополитических игроков. Но армянская политика была для меня скорее не наукой, а моей жизнью. Так же и Ереван был не только предметом научного изучения (оно было постфактум, как рефлексия), а моей жизнью, моим городом, я считала себя русской ереванкой, где бы я ни жила.

Кроме того, и может быть, в первую очередь, главным в моей жизни было Православие. Правда временами я сильно удалялась от него, но всегда помнила. Его пыталась выразить и в своих теориях. В этом мой смысл жизни.

В конце хочу поблагодарить Вас, Борис Зусманович, за Ваше внимание ко мне и моей научной жизни, определенное участие в ней, за Ваш интерес к моей персоне сегодня. Выражаю также благодарность моему мужу, Олегу Гаспаряну, родившемуся, почти всю жизнь прожившему и глубоко влюбленному в свой Ереван, за помощь мне и в работе с вопросами интервью.

1. Лурье С. О кошке, гуляющей самой по себе, и когнитивной функции государства <<http://www.strana-oz.ru/2002/7/o-koshke-gulyayushchey-samoy-po-sebe-i-kognitivnoy-funkcii-gosudarstva>>

Интервью с Михаилом Валентиновичем МАСЛОВСКИМ

«МЕНЯ ИНТЕРЕСОВАЛО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИДЕЙ ВЕБЕРА ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ»

Масловский М. В. — окончил философский факультет Ленинградского государственного университета (1991 г.); доктор социологических наук (2004 г.); ведущий научный сотрудник Социологический института РАН, профессор НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге.

Основные области исследования: история социологии, историческая социология, социология Макса Вебера, политическая социология. Интервью состоялось: сентябрь-ноябрь 2014 г.

Мне кажется, что в силу ряда обстоятельств интервью с Михаилом Валентиновичем Масловским привлечет многих; назову два важнейших из них. Во-первых, он закрепился в группе ведущих в стране теоретиков и историков социологии. Во-вторых, изучение становления пятого поколения советских/российских социологов (годы рождения: 1959-1970) лишь началось, и рассказ каждого представителя этой когорты о своей жизни крайне важен в историко-научном плане.

Но я хотел бы коснуться двух «внутренних» моментов интервью Масловского, представляющихся ценными для развития, уточнения методологии данного историко-социологического проекта, который существует уже 10 лет и включает в себя биографии без малого 90 российских социологов 7-ми поколений.

В первые годы интервьюирования я спрашивал моих респондентов об их родителях и знании ими истории семьи, но рассматривал эти вопросы лишь как расширение традиционной «паспортички» в анкетном опросе. Позже, по мере накопления биографической информации, появились смутные представления о том, что становление человека социологом каким-то образом детерминировано его семейной историей. Подобная детерминированность просматривается в ряде профессий (например, военные и крестьяне, музыканты и художники, математики и физики), но было не ясно, сохраняется ли она и в какой форме проявляется применительно к социологии. Ведь представители первых трех поколений в принципе не могли быть «посланцами» семей социологов, ибо социологии в СССР не существовало и к такой профессии не готовили.

Несколько лет назад я ввел понятие предбиографии человека, которое в общем случае характеризует особенности семьи этого человека до его рождения. Конкретно, меня интересует, присутствует ли в предбиографии социолога то, что могло дать импульс его движению в эту науку.

Я знаю ряд семейных историй, в определенной мере подтверждающих связь предбиографии и биографии российских социологов, но рассказанное Масловским — особое, выпуклое, не позволяющее сомневаться в активности предбиографии.

Знакомство с историей семьи Масловского показывает, что он с большой вероятностью должен был избрать философскую стезю и сосредоточиться на анализе теоретико-исторической проблематики. К этому его «вели» обе родительские ветви. Обратимся к рассказанному им.

Прадед Михаила по отцовской линии был православным священником, и несколько поколений его предков также принадлежали к духовенству. Дед, вернувшись с войны, долгое время работал учителем в сельской школе. Отец был доктором сельскохозяйственных наук, профессором, значит тоже был склонен теоретическим рассуждениям и обобщениям. Дед со стороны матери был убежденным коммунистом, партийным работником, не придававшим большого значения бытовой стороне жизни, незадолго до войны он был направлен в армию на должность батальонного комиссара. Сказанное позволяет допустить, что он многое читал и старался понять ход политических процессов в стране. Подтверждение: его часть находилась в Белоруссии, он предчувствовал приближение войны и накануне 22 июня отправил семью в Горький. Мать Михаила окончила историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета и в течение десяти лет преподавала в средней школе русский язык и литературу.

В таком плотном «философско-историко-филологическом поле» Михаил — теперь нередко говорят — был обречен стать философом и/или историком. Если здесь не действуют законы генетики, т.е. в чистом виде не существует биологической детерминации склонности к теоретизированию в области гуманитарных наук, то определенно существует социально-биологическая. Он сам говорит: «Прежде всего от мамы я унаследовал пристрастие к чтению и интерес к гуманитарным наукам». И уже когда вызревало решение получить фундаментальное гуманитарное образование, то на его выбор оказал влияние его родственник, закончивший духовную семинарию и поступивший в духовную академию в Загорске. Не будучи религиозным, Михаил искал светский аналог духовной академии.

Предварительный анализ собранного архива биографической информации позволяют уже сейчас обсуждать различные аспекты предбиографической проблематики, но это выходит за рамки традиционно коротких вводов к публикуемым интервью. Поэтому коснусь еще одной «внутренней темы» — это комплекс вопросов о путях развития российской социологии в ближайшей перспективе. Будут ли новые поколения ученых рассматривать сделанное их предшественниками в качестве составляющей фундамента своих методологических построений и учитывать их выводы, найдут ли применение собранные в прошлом эмпирические данные, сохранятся ли приоритетными те направления социологии, которые были таковыми в доперестроечный период? Или все это станет лишь предметом историко-социологического анализа?

Все эти и аналогичные вопросы существовали и до середины 1990-х, но все же они носили несколько умозрительный характер, поскольку практически все активные социологи получали образование в советских ВУЗах и работали по темам, в той или иной степени связанными с исследованиями доперестроечного времени. Но затем в науку стали входить представители младших страт пятого поколения, ровесники М. В. Масловского, и позже — шестого (1971–1982 гг. рождения) и уже — седьмого (1983–1994 гг. рождения). Уже было другое государство, иная социально-политическая реальность, новое видение общества и науки о нем, открылись ранее замурованные каналы вхождения в социологию.

На мой вопрос: «...Нет ли у нас основания говорить о том, что творчество значительной части 30-ти и 40-ка летних социологов крайне слабо, весьма условно можно трактовать в рамках развития традиций социологов-шестидесятников»? Масловский ответил: «...я не стал бы говорить, что нет совсем никакой преемственности между советской социологией и представителями моего поколения. Но в рамках этого поколения, по-видимому, можно выделить различные группы, расположенные на определенном континууме: от тех, кто изначально был ориентирован исключительно на западные подходы до тех, кто в значительной степени воспринял традиции, заложенные предшествующими поколениями отечественных исследователей». Согласен с этим положением и думаю, что его эмпирическая проверка станет одной из задач данного проекта. Его историческая направленность постепенно достраивается футурологической.

Масловский М. В.: «Меня интересовало использование идей Вебера для объяснения социально-исторических процессов»

Михаил, во время нашей короткой встречи в Москве Вы сказали мне, что недавно переехали в Питер из Нижнего Новгорода. Часто я начинаю интервью с вопросов моему собеседнику о его родительской семье, городе, в котором он рос. Однако Вас прежде всего хотел спросить, как живется на новом месте. Однако в справочнике «Социологи России» отмечено, что Вы окончили ЛГУ. Так, может быть и родились в Ленинграде? Так мой вопрос о месте ранней социализации и желание узнать, как складывается жизнь в Питере, частично «пересеклись». Пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье, насколько глубоко Вы знаете ее историю, и где же Вы родились.

Родился я все-таки не в Ленинграде, а в Горьком – нынешнем Нижнем Новгороде. Впервые приехал в Ленинград в 1984 году, когда собирался поступать в ЛГУ. Историю своей семьи я знаю не так глубоко, как мне бы хотелось. Могу проследить ее лишь до начала XX века. Я понимаю, что нет возможности вдаваться в подробности. Остановлюсь только на некоторых основных вехах семейной истории.

Мой прадед, Евгений Михайлович Масловский, был православным священником. Несколько поколений его предков также принадлежали к духовенству. Прадед и его супруга, Александра Александровна, были хорошо образованными людьми. Он не сразу последовал семейной традиции, приняв сан священника. Не могу сказать, произошло ли это накануне революции или уже в годы гражданской войны. Понятно, что в 30-е годы он не мог осуществлять свое церковное служение. Его арестовали за «антисоветскую агитацию» в ноябре 1937 года. От одного из родственников я слышал, что прадед умер в лагере в Архангельской области осенью 1941-го. Не знаю, насколько достоверны эти сведения. Мой дед, Виктор Евгеньевич, воевал, был тяжело ранен. После войны он долгое время работал учителем в сельской школе вместе с бабушкой, Прасковьей Васильевной, которая происходила из простой крестьянской семьи.

Со стороны матери один из моих прадедов, Иван Тимофеевич Волков, также был крестьянином. В период коллективизации семью раскулачили, а он оказался в заключении и вскоре умер. Его дочь и моя бабушка, Вера Ивановна, к этому времени уже переехала в город вслед за своей старшей сестрой. Из рассказов бабушки я многое узнал о жизни советской деревни конца 20-х годов и о городской жизни в 30-е и последующие годы. Дед, Михаил Иванович Болтаевский, был партийным работником. О его предках мне ничего неизвестно. Незадолго до начала войны деда направили в армию на должность батальонного комиссара. Летом 1941-го его часть находилась в Белоруссии, и он пропал без вести в первые недели войны. По-видимому, он предчувствовал ее приближение. Ему удалось отправить семью в Горький буквально накануне 22 июня. Насколько я могу судить по рассказам родственников, дед был убежденным коммунистом и не придавал большого значения бытовой стороне жизни. Бабушка была более

практичным человеком. Она в полной мере впитала в себя народную мудрость и крестьянский здравый смысл. После войны она работала в столовой вначале поваром, потом заведующей производством. Она вышла на пенсию через год после моего рождения. Главным образом именно она занималась моим воспитанием в раннем детстве.

Мои родители получили высшее образование. Отец, Валентин Викторович, был доктором сельскохозяйственных наук, профессором, с начала 90-х годов заведовал кафедрой в Нижегородской сельскохозяйственной академии. Мама, Антонина Михайловна, окончила историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета. Она в течение десяти лет преподавала в средней школе русский язык и литературу. В силу ряда причин ей пришлось уйти из школы и в дальнейшем она работала не по специальности в одном из горьковских НИИ. Прежде всего от мамы я унаследовал пристрастие к чтению и интерес к гуманитарным наукам.

... да, вся история нашей страны...интересно и драматично... в чем же в школьные годы выражались Ваше пристрастие к чтению и интерес к гуманитарным наукам?

У нас дома была обширная библиотека. Я читал много, но довольно бессистемно. Прежде всего, это конечно же была художественная литература – русская и зарубежная классика. Кроме того, меня очень интересовала история, в особенности античная и российская дореволюционная. С серьезной философской литературой в старших классах школы я еще не был знаком. По настоянию мамы со второго класса я ходил на частные уроки английского языка. В какой-то момент мне это надоело и я бросил занятия, но в старших классах возобновил их уже по собственной инициативе. В результате за последние два школьных года я прошел программу первого и второго курсов иняза. Мой преподаватель, Светлана Петровна Коваленко, научила меня, прежде всего, свободному владению разговорным английским, чего мне никогда не дали бы школа и обычный вуз. Школу я закончил с золотой медалью. Учеба давалась мне довольно легко, хотя и приходилось преодолевать отсутствие склонности к естественным наукам. Любимыми предметами всегда были литература и история, но по мере возрастания идеологической составляющей этих предметов при переходе к изучению советского периода интерес к ним стал ослабевать. Уже тогда официальная советская идеология вызывала у меня отторжение.

Чем было вызвано это отторжение? Вы заканчивали школу в годы завершения брежневского периода – время не самое «злое». Вы, судя по всему, состояли в ВЛКСМ, тогда все, тем более – хорошие ученики, были комсомольцами.

Разумеется, я был комсомольцем. Послушно сидел на собраниях, но не стремился к каким-либо руководящим должностям. Хотя в десятом классе меня вынудили стать членом школьного комитета ВЛКСМ, я эту общественную работу в основном саботировал, отговариваясь необходимостью подготовки к выпускным экзаменам. К началу 80-х годов формализм и бюрократизация ВЛКСМ, кажется, превысили все мыслимые пределы. Поздний брежневский период был, действительно, не самым злым временем, но очень уж тусклым. Постепенно у меня сложилось скептическое отношение к официальной идеологии. Оно фор-

мировалось под влиянием разных источников. У нас дома никогда не велись явно антисоветские разговоры. Но от других родственников я иногда слышал достаточно резкие высказывания. Некоторые отголоски непростой семейной истории все-таки до меня доходили. В то же время в школе и во дворе антисоветские анекдоты были вполне обычным делом. Кроме того, в старших классах школы я уже пытался слушать западные радиостанции. Я знал о горьковской ссылке академика Сахарова, о потерях советских войск в Афганистане, о реакции в мире на сбитый южнокорейский Боинг. Обо всем этом я говорил лишь с двумя-тремя близкими друзьями. Кстати, мой одноклассник, с которым мы тогда обменивались запретной информацией, возглавляет сегодня в Нижнем Новгороде известную правозащитную организацию. В целом к окончанию школы я определенно не ощущал себя стопроцентно советским человеком.

Когда было принято решение о продолжении обучения в именно в Ленинграде? На какой факультет ЛГУ Вы поступали?

Я поступал на философский факультет. Окончательно это решение созрело примерно за полгода до школьных выпускных экзаменов. Я хотел получить фундаментальное гуманитарное образование и сомневался в том, что это было возможно в горьковских вузах. Философия же представлялась тогда некоей наукой наук, своего рода высшей математикой для гуманитариев. Тем не менее, какой-то специальной философской литературы я не читал, и у меня сложилось лишь достаточно поверхностное представление о древнегреческой философии из литературы по античной истории. По-видимому, косвенное влияние на мой выбор оказало то, что мой родственник, с которым я много общался, двоюродный брат моей мамы (он старше меня на семь лет), к этому времени закончил духовную семинарию и поступил в духовную академию в Загорске. Кажется, что, не будучи религиозным, я искал какой-то светский аналог духовной академии. Безусловно, при выборе места учебы сыграло свою роль самонадеянность провинциального отличника. Но я все-таки был не настолько уверен в своих силах, чтобы поехать поступать в Москву. Однако и в Ленинградском университете для того, чтобы подать документы на «идеологический» факультет, требовалась рекомендация партийных органов. Ее удалось получить с помощью друга нашей семьи, журналиста, у которого были достаточно широкие связи в партийном аппарате. Вызывало сомнения то, что Ленинград был для меня совершенно незнакомым городом. Правда, там жил мой друг, с которым я вел постоянную переписку. Затем нашлись дальние родственники, у кого можно было остановиться на время экзаменов. Наконец, летом 1984-го я оказался в этом городе. С золотой медалью я мог сдавать только один экзамен — обществоведение. Отличную оценку мне не поставили, но и с четверкой можно было продолжать борьбу. Получив «четыре» за сочинение и «пять» по истории и английскому языку, я поступил с первой попытки. Набранных баллов хватило, чтобы быть зачисленным на отделение философии.

Вы учились в интересное время. В апреле 1985 года М. С. Горбачев после избрания его Генеральным секретарем ЦК КПСС приехал в Ленинград и фактически объявил о начале перестройки. Стало возможным говорить то и так, о чем раньше нельзя было говорить вообще. Как жил философский факультет? Кто из преподавателей захватывал умы студентов?

Марксизм-ленинизм очень быстро терял свою идеологическую функцию. Как Вам преподавали марксистскую теорию, кто вводил Вас в историю философии, современные западные философские концепции?

Так получилось, что я застал два разных периода в жизни факультета. Как известно, одним из первых нововведений перестроечного «интересного времени» стала отмена отсрочки от военной службы для студентов вузов, и после окончания второго курса в июне 1986-го меня призвали в армию. Об этом социальном опыте и его значении для моего профессионального самоопределения нужно будет рассказать отдельно.

На первых двух курсах с 1984 по 1986 год образование на факультете еще оставалось традиционно советским. В число изучаемых предметов входили, в частности, история КПСС, политэкономия социализма и тому подобное. Меня интересовала, прежде всего, история философии. Однако преподавание истории античной философии на первом курсе велось не на столь высоком уровне, как я ожидал. На втором курсе большой популярностью у студентов пользовались лекции по истории философии Нового времени, которые читал К. А. Сергеев. Кстати, на одной из этих лекций произошел эпизод, свидетельствовавший о том, что в начале перестройки идеологический контроль на факультете оставался достаточно жестким. Несколько студентов нашего курса решили провести своего рода театрализованное представление в годовщину восстания декабристов 14 декабря 1985 года, не предупредив об этом ничего не подозревавшего преподавателя. В результате этого проявления свободомыслия Сергеева, по слухам, вызывали для объяснений в городское управление КГБ. Понятно, что ничего явно антикоммунистического в лекциях по истории философии Ренессанса и раннего Нового времени не могло содержаться. Но уже тот факт, что этот материал преподавался на основе тщательного анализа первоисточников и без постоянных ссылок на классиков марксизма, влиял на неокрепшие юные умы, побуждая их порой к эксцентричным поступкам. Еще более сомнительным, с точки зрения идеологической ортодоксии, был курс по истории немецкой классической философии, который преподавал Е. С. Линьков. Вокруг него сложился своеобразный гегельянский кружок. Я в этот кружок не входил, а лекции Линькова слушал уже на третьем курсе, когда мои интересы существенно изменились. В рамках более традиционных предметов также могли высказываться не вполне ортодоксальные идеи. Например, на семинарских занятиях по диалектическому материализму один из преподавателей знакомил нас с идеями Э. В. Ильенкова. В конечном итоге любые отступления от догматического марксизма-ленинизма оставались на абстрактном теоретическом уровне. Скорее всего я также занимался бы сугубо философской проблематикой. Но начинающего философа весьма бесцеремонно вытолкнули из башни из слоновой кости и вынудили соприкоснуться с реальной жизнью в рядах Советской армии.

Так, теперь, как и обещали, пожалуйста — о социальном опыте службы в армии и его значении для вашего профессионального самоопределения

К военной службе я был совершенно не приспособлен. Это проявилось в достаточной мере уже в ее первые месяцы, которые прошли в учебной части в Чите. Затем я оказался на территории Монголии, в паре сотен километров к востоку от Улан-Батора. Едва успев, стоя в карауле, познакомиться с пре-

лестями монгольской зимы, я попал с ангиной в полковой медпункт. В дальнейшем мне пригодилось знание английского языка, что было довольно-таки неожиданным. Лейтенант, начальник медпункта заметил, как я перелистывал небольшой англо-русский словарь. Выяснилось, что офицеры части покупали аудио- и видеотехнику японского и южнокорейского производства, которую в СССР достать было крайне сложно, но инструкции к ней были исключительно на английском. Кажется, я был единственным человеком в полку, владевшим этим языком. Какое-то время я переводил инструкции к видеомагнитофонам. Все они были однотипными, и их перевод не представлял для меня особой сложности. Но, естественно, я тянул время. Вскоре знание марксистско-ленинской философии также оказалось востребованным. Парторгу полка, подполковнику, который заочно учился в высшей партийной школе, нужно было писать конспекты, а заодно и делать шпаргалки к экзаменам. В результате я получил от командования новое ответственное задание.

В конечном итоге за все эти боевые заслуги мне досталась синекура — должность санинструктора при полковом медпункте. Это было самое «блатное» место, если не считать должностей писаря и хлебореза. У меня появилась возможность наблюдать неформальные отношения не только между солдатами, но и между офицерами части. Я сам оказался включен в сеть этих отношений. Однако выгодами своего нового положения в полной мере я пользоваться не умел. Прежде всего, я старался найти время для чтения. Разумеется, в полковой библиотеке не было какой-то философской литературы, кроме собраний сочинений классиков марксизма-ленинизма. Но уже начинался период гласности, и множество интересных материалов выходило в периодических изданиях. По утрам в воскресенье почтальон приносил газеты и журналы для офицеров медпункта, и все это оставалось в моем распоряжении почти целые сутки. Я читал, не отрываясь, «Огонек», «Московские новости», «Литературную газету» и другие издания. Информация, которая раньше поступала по крупицам из передач западных «голосов», полилась все более расширяющимся потоком. Сочетание нового социального опыта, который я никогда не приобрел бы в академической среде, с чтением перестроечной прессы привело к своеобразным результатам. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что армия сделала из меня социолога. Но в любом случае я получил определенный импульс для движения в этом направлении.

На собственном опыте я убедился в том, что, по выражению какого-то советского философа, которое с иронией цитировал Г. С. Батыгин, «люди живут шайками». Я мог наблюдать особенности некоторых из таких «шайек», в частности, национальных землячеств. Однако дело было не только в осознании вездесущности неформальных социальных связей и практик в поздний советский период. Осмысливая впоследствии полученный опыт, я обнаружил также, что во всех системах, основанных на эксплуатации принудительного труда, действуют аналогичные социальные механизмы. Над основной массой бесправных эков или солдат возвышаются те, кто извлекает выгоду из их труда, используя для этого как формальные, так и неформальные структуры (примерно в таких терминах я определял это несколько лет спустя). Когда я читал Солженицына, то с изумлением видел, что описанное им в какой-то мере мне знакомо. Я вовсе не хочу сказать, что Советская армия конца 1980-х представляла собой ГУЛАГ light. Масштабы человеческих страданий здесь несоизмеримы. Безусловно,

я не испытал и сотой доли того, что вынес тот же Солженицын, даже находясь в пресловутой шарашке. Но мне стали понятны многие вещи, которые самому добросовестному западному историку неизбежно представляются лишь каким-то запредельным и бессмысленным ужасом. Я неоднократно убеждался в этом, обсуждая с западными коллегами различные сюжеты, например, сопоставляя «Записки из мертвого дома» и «Архипелаг ГУЛАГ». Как бы то ни было, по возвращении из армии я интересовался уже не столько изрядно подзабытой историей философии, сколько социальными отношениями, существовавшими в советском обществе.

Что Вы застали на факультете, вернувшись из армии, чем изменилась Ваша студенческая жизнь?

Когда я вернулся на факультет осенью 1988 года, атмосфера там была уже совсем иной. Догмы официальной идеологии можно было больше не воспринимать всерьез. Я пытался наверстать упущенное время и с жадностью набросился на чтение самой разнообразной литературы. Специализировался я по кафедре исторического материализма, ставшей затем кафедрой социальной философии. Однако я далеко не ограничивался рекомендуемой на занятиях учебной литературой. Много общался со своими бывшими однокурсниками, которые теперь учились на пятом курсе, узнавая от них о ставших доступными источниках. По факультету циркулировали ксерокопии различных книг, в частности, трудов дореволюционных русских философов. Но эта литература не очень меня привлекала, хотя, например, сборник «Вехи» я прочел с большим интересом. Тогда же я достал ксерокопию изданного ИНИОН перевода веберовской «Протестантской этики и духа капитализма». Первое впечатление от этого текста было достаточно сильным, но я еще не предполагал, что идеи Макса Вебера вскоре окажутся в центре моих интересов. Много времени я проводил в библиотеках. Хотя спецхран еще существовал, возможности доступа к ранее запретной литературе неуклонно расширялись. Постепенно я начал все более ориентироваться на англоязычную литературу по социальным наукам. Добывать ее удавалось из разных источников. Что-то я находил в библиотеках, некоторые работы давал мне мой научный руководитель Г. Ф. Сунягин. Например, от него я получил книгу П. А. Сорокина «Современные социологические теории», которая стала для меня введением в историю социологии. С зарубежной литературой о советском обществе дело обстояло сложнее, но какие-то источники все равно находились. Так, когда на факультет приехала делегация американских университетских преподавателей, одна из них подарила мне и моим однокурсникам, которые с ней общались, несколько книг. В их числе была работа А. Гетти о сталинских чистках “Origins of the Great Purges”. Впоследствии «ревизионистский» подход к советской истории, который представлял Гетти, имел для меня большое значение. Однажды мне удалось купить в книжном магазине на Литейном проспекте английское издание работы М. Фуко «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы». Я ее тщательно изучил, а затем ее брали у меня аспиранты факультета и даже К. А. Сергеев, на лекции которого произошел упоминавшийся эпизод с «декабристами». Модель дисциплинарной власти представлялась мне чрезвычайно интересной, но последователем Фуко я, тем не менее, не стал.

Следует упомянуть также об одном событии, повлиявшем на мои жизненные планы. По окончании четвертого курса летом 1990-го я провел две недели в Соединенных Штатах. Попал я туда по программе, организованной довольно одиозной «Церковью объединения» Мун Сон Мена. Представители этой секты провели конкурс среди студентов московских и ленинградских вузов, пригласив на краткосрочную поездку в США в общей сложности несколько сот человек. Промывание мозгов, которому нас там пытались подвергнуть, никак на меня не подействовало. Мне казалось очевидным, что человек, читавший Достоевского, не может уверовать в мунизм. Но культурный шок я, безусловно, испытал. Нас провезли по американскому восточному побережью, показав Нью-Йорк, Филадельфию и Вашингтон. Нужно учитывать, что до того момента единственным заграничным городом, который я видел, был Улан-Батор. Не стану утверждать, что изобилие потребительских товаров оставило меня полностью равнодушным, но одним из самых сильных впечатлений стал книжный магазин при Колумбийском университете. После этой поездки окончательно созрело решение продолжить образование в западном университете, и я начал предпринимать шаги в этом направлении.

Был ли у Вас интерес к практической политической жизни: предлагали ли в армии вступить в КПСС, задумывались ли о вступлении в какую-либо из новых партий, участвовали ли в каких-либо политических клубах, ассоциациях, коим числа в городе не было?

Ответ на этот вопрос может быть столь же кратким, как 14-й том сочинений Боконона в известном произведении Курта Воннегута. При весьма просторном заглавии этот том включал в себя одно слово и точку: нет. Я никогда не вступал в какие-либо партии, включая КПСС, и не принимал участия в общественно-политической жизни перестроечного периода.

Вернемся к сказанному Вами выше: «...по возвращении из армии я интересовался уже не столько изрядно подзабытой историей философии, сколько социальными отношениями, существовавшими в советском обществе». Какие стороны, грани этих социальных отношений стали интересовать Вас? Какие последствия – в плане Вашей специализации – произошли?

Первоначально речь могла идти лишь об интересе к этой проблематике, но не об ее серьезном изучении. Такой интерес какое-то время оставался преимущественно теоретическим. Я стремился найти теоретические подходы, позволявшие объяснить то, что я увидел в армии, а также и то, что прочел в перестроечной прессе. В первую очередь меня интересовали социальная структура советского общества и сложившиеся в нем отношения власти. Не имея в своем распоряжении иных подходов, кроме марксизма, я заинтересовался попытками критиков советской системы поставить официальный марксизм с ног на голову, применив его к самой этой системе. На рубеже 80–90-х годов на меня повлияли различные версии теории «нового класса» (М. Джилас, М. Восленский) – своего рода анти-советский исторический материализм. Откровением стал анализ «реального коммунизма» в работах А. Зиновьева. Однако в тот период я еще не пытался писать какие-то собственные тексты по этой тематике. В своей дипломной работе я представил довольно поверхностный обзор теорий постиндустриального обще-

ства, единственным достоинством которого было широкое использование англоязычных источников. Правда, я всячески подчеркивал там нехитрую мысль, что социальные отношения советского типа служили тормозом научно-технического прогресса. Стремление понять, что же представляло собой советское общество, еще более усилилось уже после распада СССР. В конечном итоге можно было свести это к вопросу, который один британский политолог сформулировал в начале 90-х годов следующим образом: почему советская система просуществовала так долго и рухнула так быстро? К более систематическим поискам ответа на этот вопрос я приступил в 1993 году параллельно с получением социологического образования – в его британской версии.

После завершения обучения Вы уже стали социальным философом, т.е. социологом-теоретиком. Как Вам удалось получить возможность изучать социологию в Англии? Какова была программа обучения?

Сказать, что я уже стал социологом-теоретиком по окончании философского факультета, было бы преувеличением. Скорее я находился на пути к этому. Лишь завершив магистерскую программу в британском университете, я действительно мог считать себя социологом. Еще на пятом курсе ЛГУ я начал искать возможности продолжить образование за рубежом. Сдал тесты TOEFL и GRE с весьма высокими результатами и отправил свои документы в ряд американских университетов, но нигде не получил стипендию, которая покрыла бы все расходы на обучение и проживание. Вернувшись в 1991 году в Нижний Новгород и поступив в аспирантуру, я продолжил эти попытки. Наконец, через два года мне удалось получить стипендию Британского Совета (British Council Fellowship) на годовичную программу обучения в магистратуре в Университете Уорвика, где я и оказался в конце сентября 1993-го. Сама программа включала три учебных курса, по которым проводились еженедельные семинарские занятия, но основным акцент делался на самостоятельную работу. По каждому изучаемому курсу нужно было написать два эссе по пять тысяч слов, а затем еще магистерскую диссертацию в десять тысяч слов. В общей сложности в течение года требовалось представить тексты, общий объем которых примерно соответствовал российской кандидатской диссертации. Я записался на два теоретических курса, один из которых разработала Маргарет Арчер, социолог с мировой известностью, за несколько лет до этого бывшая президентом Международной социологической ассоциации (правда, занятия в моей группе проводил ее ассистент). Еще один курс был по сути обязательным для российских студентов. Этот курс был посвящен социальным изменениям в российском обществе и вел его Саймон Кларк. Помимо российских и британских магистрантов и аспирантов, в рамках этого курса выступали с докладами социологи, занятые в исследовательском проекте С. Кларка в России, которые периодически приезжали в Уорвик на короткое время. Именно тогда я впервые соприкоснулся с эмпирическими исследованиями и оказался в среде социологов.

Об этой программе, о Саймоне Кларке рассказано в интервью с Павлом Романовым, Ириной Тартаковской и Елены Ярской. Они тоже стали считать себя социологами после обучения в Англии. В чем же «тайна» этой программы? В содержании, методике, атмосфере? Как Вы думаете сейчас?

Не буду повторять то, о чем уже рассказали коллеги. Конечно же, там была особая атмосфера, и это было связано в первую очередь с обаянием личности Саймона Кларка. Прежде всего, Саймон стремился объединить вокруг себя тех, кто обладал определенными человеческими качествами, не обязательно имея при этом большой опыт проведения исследований. Он часто повторял, что вместо того, чтобы искать друзей среди социологов, он хочет сделать социологами своих друзей. Мне кажется, что роль Саймона Кларка в развитии российской социологии в непростых условиях 90-х годов все еще не получила должной оценки. С одной стороны, он собрал отличный исследовательский коллектив, из которого вырос ИСИТО. С другой стороны, он был одним из руководителей проекта TEMPUS «Развитие социологии в России», на основе которого был открыт Центр социологического образования при Институте социологии РАН. Я принимал непосредственное участие лишь во втором из этих проектов. Исследования трудовых отношений меня не привлекали, но близкое общение с коллегами из команды Саймона имело существенное значение для моего профессионального становления.

Как изменились Ваши исследовательские интересы, планы после стажировки?

Прежде всего, следует сказать о том, с каким теоретическим багажом я оттуда вернулся. В ходе обучения в магистратуре окончательно сформировался круг моих научных интересов – это веберовская традиция в исторической социологии. До поездки в Англию мое знакомство с социологией Макса Вебера было довольно фрагментарным. Я прочел его избранные произведения, изданные в 1990 году, а также ряд посвященных веберовской социологии работ отечественных авторов. Уже вернувшись из Петербурга в свой родной город, я получил от знакомого итальянского социолога, проводившего исследования в Нижнем Новгороде, книгу Г. Рота и В. Шлюхтера “Max Weber’s vision of history”. По-видимому, именно тогда я захотел овладеть веберовским теоретическим языком, и такая возможность появилась в Уорвике. Саймон Кларк, остававшийся приверженцем марксистской теории, скептически воспринял мой веберианский уклон, но всячески меня поддерживал. Главным веберианцем в университете был патриарх британской социологии Джон Рекс. Правда, в то время он работал не в социологическом департаменте, а в центре изучения этнических отношений. Заручившись рекомендацией Кларка, я отправился к нему.

Профессор Рекс помог мне сориентироваться в бескрайней вебероведческой литературе, а когда я набрался наглости и принес ему одно из своих эссе, он высказал очень ценные для меня замечания. В последние месяцы моего обучения преподавателем социологического департамента стал Чарльз Тернер, который незадолго до этого опубликовал монографию о веберовской политической теории. Общение с ним также было чрезвычайно полезным. В целом в течение года, проведенного в Уорвике, я, во-первых, изучал труды Вебера, прежде всего «Хозяйство и общество», а также современные интерпретации его идей. Во-вторых, я читал разнообразную советологическую литературу, как левого толка, которую рекомендовал Саймон, так и более консервативную, которую я находил самостоятельно. В особенности меня заинтересовало «ревизионистское» направление в изучении социальной истории советского периода (Арч Гетти, Шейла Фицпатрик и др.). В своей магистерской диссертации я попы-

тался объединить новые интерпретации веберовской исторической социологии и ревизионистский подход к советской истории. На основе этой диссертации была подготовлена статья “Max Weber’s concept of patrimonialism and the Soviet system”, которая стала моей первой серьезной научной работой. Она была опубликована в 1996 году в журнале “The Sociological Review”. Но еще до этого вышла моя статья о веберовской концепции патримониализма в «Социологическом журнале» (написанная несколькими месяцами позже). Практически сразу же после завершения магистерской программы я включился в работу по проекту «Развитие социологии в России», в рамках которого подготовил учебный курс «Политическая социология бюрократии». Параллельно этому я защитил кандидатскую диссертацию, посвященную, разумеется, социологической теории Вебера.

Много лет назад я беседовал с А. Б. Гофманом, были вопросы о его работе по социологии Дюркгейма. Теперь задам Вам их, но уже применительно к Веберу.

Вы уже многие годы занимаетесь исследованием творчества Вебера, много публиковали по этой теме. Кто заинтересовал Вас Вебером? Или почему Вы увлеклись его социологией?

Я никогда не считал, что занимаюсь вебероведением. Достаточно сказать, что я так и не удосужился выучить как следует немецкий язык, хотя и предпринимал такие попытки. Меня интересовали не столько интерпретации веберовских текстов, сколько возможности использования идей Вебера для объяснения различных социально-исторических процессов. Интерес к этим идеям начал формироваться еще до Уорвика. Помимо чтения доступных в русском переводе веберовских работ и отдельных англоязычных текстов, этот интерес в той или иной степени стимулировали лекции Р. П. Шпаковой на философском факультете ЛГУ, обсуждение веберовских статей о русской революции в публикациях А. С. Кустарева и, разумеется, труды Юрия Николаевича Давыдова. Впоследствии мне довелось несколько раз встречаться с Ю. Н. Давыдовым в середине 90-х гг., и он вполне доброжелательно ко мне отнесся, хотя то, что я писал тогда о применении концепции патримониализма к советскому политическому режиму, с его точки зрения, безусловно, было ересью.

В конечном итоге мое обращение к социологии Вебера было вполне объяснимым, если и не закономерным. Мои ранние попытки теоретизировать по поводу советской системы привели меня к проблеме власти бюрократии, решения которой в рамках марксистского классового подхода я не видел. Мне захотелось узнать, что писал по этой тематике признанный классик социологии и, возможно, величайший социолог всех времен. Как оказалось, данной проблеме он уделял очень значительное внимание. В то же время, уже погрузившись в веберианскую литературу в университетской библиотеке Уорвика, я обнаружил, что некоторые стороны веберовского анализа бюрократии парадоксальным образом оказались вне поля зрения большинства исследователей. Если об идеальном типе рациональной бюрократии были написаны многие тома, то понятие патримониальной бюрократии оставалось не до конца проясненным. С другой стороны, веберовские работы о русской революции 1905 года также долгое время не становились объектом систематического рассмотрения. В общем, далеко не все стороны творчества Вебера были досконально изучены даже в западной лите-

ратуре. А применение веберианского теоретического подхода для анализа тех обществ, которые сам классик не исследовал достаточно подробно, открывало еще более широкие перспективы. Первоначально я ориентировался, главным образом, на собственные теоретические модели Вебера. Мой подход в то время один мой уорвикский знакомый в шутку назвал «веберианским фундаментализмом». Затем я стал больше интересоваться реконструкциями идеально-типических моделей, не вполне разработанных классиком. В дальнейшем я все более смещался к неовеберианской макросоциологии, представленной, в частности, работами Майкла Манна и Рэндалла Коллинза. Самым недавним теоретическим увлечением стала для меня «поствеберианская» историческая социология, получившая отражение в поздних трудах Шмуэля Эйзенштадта и работах его коллег, в особенности Йохана Арнасона. Но адекватное восприятие этих теоретических подходов было бы невозможным без обращения к собственным трудам Вебера.

Меня интересует личное и внеличное в судьбе именно теоретика социологии. Что можно сказать о Вебере: почему его социальная философия такова, а не иная?

Случай Вебера, конечно же, представляет интерес с этой точки зрения. Я не могу сказать, что досконально знаю обстоятельства его жизни. Естественно, я читал биографию Вебера, написанную его женой Марианной (кстати, несколько лет назад ее перевели на русский язык), а также обращался к журналу “Max Weber Studies”. Но, например, новейшую тысячестраничную биографию Вебера, подготовленную Дирком Кеслером, я в руках не держал (да и написана она по-немецки).

К числу важнейших личных моментов, повлиявших на судьбу Вебера, по-видимому, можно отнести то, что существовала благоприятная среда для проявления его исключительных способностей. В доме его отца в Шарлоттенбурге бывали известные немецкие политики, а также и крупные ученые – В. Дильтей, Т. Моммзен, Г. Трейчке. Еще будучи подростком Макс присутствовал при их дискуссиях. В дальнейшем он получил прекрасное образование в ведущих университетах Германии. При этом Вебера отличала высокая работоспособность. Несмотря на отсутствие религиозной веры он, тем не менее, неуклонно следовал тезису Лютера, согласно которому «человек рожден для труда, как птица для полета» (согласно советской мифологии, человек был рожден для счастья). Однако интенсивная творческая деятельность Вебера была прервана тяжелой болезнью. Я не буду касаться подробностей его конфликта с отцом и последовавшего за смертью отца душевного расстройства. Все это рассказано Марианной в биографии мужа, хотя, по мнению некоторых современных исследователей, ее описание Макса Вебера старшего является весьма тенденциозным, даже «карикатурным». Для самого же Макса Вебера младшего то, что он в течение нескольких лет был не в состоянии заниматься научной работой, конечно, было невыносимым. Когда он, наконец, вернулся к активной деятельности, то явно стремился наверстать упущенное время. Если характеризовать именно социальную философию Вебера, следует, вероятно, обратиться к ее источникам. Можно отметить влияние философии Канта и его последователей. Сам Вебер однажды заметил, что каждого ученого в сфере социальных наук в наибольшей степени характеризует его отношение к идеям Маркса и Ницше. Для Вебера существенное значение имела полемика с историческим материализмом, который он стремился все же не столько «опровергнуть», сколько дополнить. При этом он обращался с ниц-

шеанским радикализмом к решению антиномий человеческого существования. Как показывает, в частности, Вильгельм Хеннис, для Вебера важнейшим был вопрос о том, какой тип личности получает преобладание в тех или иных социальных условиях. Применительно к современной ему общественной ситуации проблема состояла в том, как сохранить остатки индивидуальной свободы в условиях прогрессирующей бюрократизации социальной жизни и что противопоставить повсеместному распространению бюрократического типа «человека порядка». В какой-то момент Вебер стал считать основным противовесом бездушной бюрократической машине явно идеализированный образ харизматического лидера. В целом характерный для веберовской социологии акцент на индивидуальном социальном действии и творческой роли харизмы, преодолевающей структурные ограничения, был, по-видимому, во многом обусловлен обстоятельствами жизни Вебера.

... Ваш ответ о личном и внеличном в творчестве Вебера ясно указывает на то, что это Ваша тема... безусловно, немецкий нужен, но многократно важнее знание работ Вебера и понимание логики научного творчества, что у Вас безусловно есть... писать о личном и внеличном другого очень сложно, надо погрузиться в мир того человека... на мой взгляд, лучшие образцы – Цвейг и Моруа... из российских – Даниил Данин, Борис Кузнецов и Альфред Манфред, конечно Юрий Тынянов.

По-моему, о работах Шмуэля Эйзенштадта я впервые услышал от В. А. Ядова, потом еще кто-то упоминал его исследования. В чем дело? Почему его и его последователей концепции «прижились» (приживаются) на российской почве?

Боюсь, пока еще рано говорить о том, что эти концепции «прижились» на российской почве – они в лучшем случае лишь упоминаются и очень мало используются. Почти нет переводов работ самого Эйзенштадта и представителей его школы исторической социологии. В какой-то степени я попытался заполнить этот пробел в отношении Й. Арнасона, подготовив переводы нескольких его статей. Из основных трудов Эйзенштадта на русский язык перевели лишь книгу «Революция и преобразование обществ», впервые изданную на языке оригинала в 1978 году (правда, с пространным предисловием автора к русскому изданию). Между тем, важнейшие работы этого социолога, заложившие основы нового теоретического направления – концепции множественности модерна (*die Vielfalt der Moderne, multiple modernities*) – публиковались с середины 90-х годов, а итогом его теоретической деятельности стал двухтомник “Comparative civilizations and multiple modernities” (2003). В сущности Эйзенштадт и его коллеги совершили революционный переворот в науке, радикально пересмотрев теорию модернизации. По-видимому, не будет большим преувеличением сравнить концепцию множественности модерна с теорией относительности Эйнштейна (хотя Парсонс в таком случае оказывается в роли Ньютона, что как-то чересчур). Эйзенштадт разработал новый подход к анализу динамики традиционных цивилизаций, сложившихся в период «осевого времени», и на этой основе обратился к анализу цивилизационных оснований различных типов общества модерна. В трудах Эйзенштадта убедительно показана несостоятельность понимания модернизации как «вестернизации». При этом он не впадает в другую крайность, характерную для всякого рода «постколониальной» критики всего западного. В отличие от ранних версий теории модернизации концепция Эйзенштадта подчеркивает

контингентный, противоречивый и даже антиномичный характер этого процесса. Конечно, работы Эйзенштадта довольно сложны для восприятия — это «высокая теория» в стиле Парсонса. Но если преодолеть сложности стиля и вникнуть в содержание этих работ, то открываются захватывающие дух теоретические глубины. А для понимания модернизационной динамики российского общества Эйзенштадт и Арнасон дают больше, чем какие-либо другие теоретики современной социологии.

Нередко после защиты кандидатской диссертации люди в силу многих причин меняют или серьезно модифицируют тематику своих исследований. О каких направлениях своих будущих поисков Вы раздумывали, на чем остановились?

Каких-то существенных изменений в направлении моих исследований после защиты кандидатской не произошло. Я еще не исчерпал тот теоретический багаж, который был приобретен в Уорвике, и какое-то время продолжал двигаться по накатанной колее. Меня по-прежнему интересовало применение теоретических моделей Вебера и неовеберинской социологии для анализа социальных трансформаций в российском обществе, в особенности формирования советской системы и ее распада. Не могу сказать, что я постоянно и целенаправленно занимался этой проблематикой. Слишком много времени отнимало преподавание, а в начале 2000-х гг. я включился в ряд образовательных проектов Института «Открытое общество» и Национального фонда подготовки кадров — разрабатывал лекционные курсы и учебные материалы по современным социологическим теориям, исторической социологии и политической социологии. Новый поворот в моих теоретических изысканиях наметился примерно шесть лет тому назад, когда я открыл для себя работы представителей школы Эйзенштадта в исторической социологии.

Михаил, пожалуйста, расскажите о своей работе по образовательным проектам, никто из моих собеседников этой темы не касался. Что это за институции: Институт «Открытое общество» и Национальный фонд подготовки кадров? Какие лекционные курсы и учебные материалы разрабатывали именно Вы? Что на выходе: методические рекомендации, тексты лекций...?

Институт «Открытое общество» — структура фонда Сороса. В начале 2000-х он поддерживал в том числе и подготовку новых учебных курсов по социальным наукам на кафедрах российских вузов. Аналогичную образовательную программу примерно в это же время финансировал Национальный фонд подготовки кадров (НФПК) — отечественная структура, распределявшая средства займа Всемирного банка на модернизацию российского высшего образования. По грантам, полученным в рамках проекта НФПК факультетом социальных наук Нижегородского госуниверситета и Центром социологического образования при Институте социологии РАН, я подготовил лекционные курсы и учебные пособия, которые были затем изданы: «Социология политики: классические и современные теории» (Москва, 2004) и «Современная западная теоретическая социология» (Н. Новгород, 2005). По гранту Института «Открытое общество» мной был разработан учебный курс «Историческая социология», но средства на издание материалов курса не предусматривались. В рамках этих проектов удалось расширить связи с зарубежными коллегами. Так, по моему приглашению в Нижний

Новгород приезжали из университета Уорвика для чтения спецкурсов (в течение всего лишь одной недели) нашим студентам Саймон Кларк, Джон Рекс и Чарльз Тернер. А преподаватели и аспиранты Нижегородского университета получили возможность непродолжительных стажировок в Уорвике и университете Эссена в Германии.

И в чем заключался этот новый поворот? Вы его обнаружили в процессе каких-то внутренних поисков, несогласия с тем, что Вы читали, открывшейся вдруг недостаточностью знакомого Вам концептуального аппарата или был внешний импульс: семинар, заявка от вышеназванных образовательных структур?

Основной импульс был все-таки внутренним, хотя внешние условия также сыграли свою роль. В частности, очень полезными были поездка в Центр учебных ресурсов при Центрально-Европейском университете в Будапеште в 2006 г. и стажировка в университете Хельсинки в 2009 г. (все это было уже после завершения упомянутых выше образовательных проектов). «Новый поворот» происходил постепенно под влиянием чтения работ представителей концепции множественности модерна: Эйзенштадта, Арнасона, а затем еще и Бьорна Виттрока, Питера Вагнера, Вильфрида Шпона, Вольфганга Кнебля. Например, статью Арнасона «Коммунизм и модерн» я перечитывал несколько раз и, наконец, перевел ее на русский язык (перевод вышел в «Социологическом журнале» в 2011 г.). Просто есть такая трудно объяснимая вещь, как чувство научной истины. Не думаю, что оно у меня как-то особенно развито, но, кажется, я его не лишен. В определенный момент начинаешь осознавать, что что-то может быть только так, а не иначе. Это как при смене парадигм, описанной Томасом Куном, когда начинаешь смотреть на мир другими глазами. Дополнительный внешний импульс я получил на Всемирном социологическом конгрессе в Гетеборге в июле 2010 г., когда мне удалось наяву увидеть некоторых исследователей, работами которых я зачитывался, и даже установить какие-то контакты в рамках рабочей группы «Историческая и сравнительная социология». На секциях рабочей группы во время конгресса я в полной мере ощутил себя «среди своих». Вскоре мне удалось обнаружить единомышленников и в среде российских коллег — в Социологическом институте РАН.

Да, я заметил, что в последних интервью — с младшими представителями пятого поколения и социологами шестой когорты — упоминается историческая социология. Меня даже один из наших старейших социологов — В. В. Колбановский летом пытался раскачать на обсуждение этой темы... но я ушел, пока не готов... в российскую социологию, я вижу, эта концепция пришла лишь в последние годы... кого из коллег в СИ РАН вы имеет в виду?

В СИ РАН в секторе истории российской социологии, который возглавляет В.В. Козловский, помимо собственно истории отечественной социологической мысли на протяжении нескольких лет изучался цивилизационный анализ в мировой социологии. В секторе этой проблематикой занимаются сам В.В. Козловский, а также Руслан Браславский и Юлия Прозорова, принадлежащие уже к шестому поколению российских социологов. В сентябре 2011 г. силами сектора при моем участии была организована представительная международная конференция «Цивилизационная динамика современных обществ»,

на которую нам удалось пригласить ведущих зарубежных ученых — Й. Арнасона и Б. Виттрока. Материалы конференции были опубликованы в спецвыпуске «Журнала социологии и социальной антропологии» (2012, № 6).

Спасибо, Михаил, все освою... Вернемся к траектории Вашей жизни... итак, в поле Вашего внимания появились идеи исторической социологии. И Вы решили в рамках этой концептуалистики строить докторское исследование, так?

Да, докторская диссертация, которую я защитил в 2004 г., была посвящена проблематике исторической социологии. Прежде всего, я стремился продемонстрировать возможности неовеберианской макросоциологии для анализа масштабных процессов социальной трансформации, происходивших в советском обществе в 20–30-е годы. Но не могу сказать, что поставленные в работе задачи были полностью решены. К этому времени уже начала сказываться исчерпанность теоретического подхода, который сложился у меня в середине 90-х годов, а «новый поворот» еще не наступил. Одним из оппонентов на защите был Павел Романов, с которым я был знаком еще с урвикских времен. В официальном отзыве он деликатно не стал акцентировать недостатки работы, но между собой мы все обсуждали достаточно откровенно. Помню, что меня поразило, какой рывок вперед он совершил за прошедшие несколько лет. Я же если и не топтался на месте, то продвигался к новым горизонтам значительно медленнее. Трудно поверить, что Павла больше нет. Крутится в голове строчка Высоцкого: «Мне теперь не понять, кто же прав был из нас...»

Вот уж точно: «...Когда он не вернулся из боя». Если можно, что Вы тогда обсуждали с Павлом? В какую сторону он тогда рванулся? С 2004 года прошло десять лет, за это время что Вам удалось сделать в области исторической социологии?

Я уже не помню всех подробностей тех разговоров, но сохранилось общее впечатление. С Павлом мы много общались во время стажировки в университете Манчестера в рамках проекта TEMPUS в начале 1995 года. Нас поселили тогда в соседних комнатах в аспирантском общежитии. Я запомнил его находившимся в поиске и еще не вполне уверенным в своих силах. В 2004 году это был уже сложившийся ученый, который нашел свой путь в науке и продвигался по этому пути спокойно и целенаправленно. У меня же в то время начинался период сомнений и неопределенности. Кстати, именно благодаря Павлу еще во время манчестерской стажировки я познакомился с Геннадием Семеновичем Батыгиным, который тогда вместе с В. В. Радаевым и А. Ф. Филипповым готовил открытие Московской школы социальных и экономических наук — «шанинской школы». Несколько вечеров, которые мы провели в беседах с Геннадием Семеновичем, оставили сильное впечатление. Когда после одной из таких бесед я принес Батыгину текст своей русскоязычной статьи о концепции патримониализма, то на следующий день получил от него исписанный мелким почерком лист с разбором этой статьи. Ни до этого момента, ни после я не получал от кого-либо из российских социологов столь глубокого анализа своей работы. Впоследствии в каждый свой приезд в Москву я старался непременно зайти в редакцию «Социологического журнала». Что же касается моих собственных достижений после 2004 года (фактически начиная с 2008 года), это, прежде всего, попытка внедрить в отечественный научный дискурс идеи представителей кон-

цепции множественности модерна. Возможно, самое важное, что я сделал в своей научной карьере, – перевод статей Й. Арнасона и интервью с ним. По большей части я оставался в рамках истории и теории социологии, пытаюсь главным образом исполнять просветительскую функцию.

Но я стремился также показать возможности нового подхода к анализу процессов модернизации для понимания постсоветских политических трансформаций. На мой взгляд, разработанные в рамках концепции множественности модерна понятия «межцивилизационного взаимодействия» (intercivilizational encounters – термин «столкновение» здесь не подходит из-за ассоциации со злополучной концепцией Хантингтона) и «чередующихся типов модерна» (alternating modernities) имеют непосредственное отношение не только к дореволюционной российской и советской истории, но и к сегодняшнему дню. С позиций этого направления анализировались также особенности имперских политических структур, их соотношение с различными цивилизационными основаниями и проектами модерна, альтернативными западному либеральному модерну. Тема империи, которая в последние годы привлекла внимание многих историков, в социологии практически не разработана. В числе немногочисленных исключений – труды Эйзенштадта и его последователей. Между тем, анализ разнообразных траекторий постимперских политических трансформаций сегодня оказывается как никогда ранее актуальным. Все эти вопросы интересовали меня в последнее время, и я опубликовал несколько статей и рецензий на эти темы в социологических и политологических журналах.

Не могли бы Вы указать, в какой мере построения, концепции исторической социологии используются в прикладной социологии, при изучении динамики и/или межкультурных особенностей массового сознания?

В прикладных исследованиях динамики массового сознания концепции современной исторической социологии использовались до сих пор явно недостаточно. Исключением здесь являются, в частности, исследования Левада-Центра. В работах Б. В. Дубина и Л. Д. Гудкова динамика массового сознания рассматривается в широком историческом контексте и с привлечением классических и современных социологических теорий. Однако на концепцию множественности модерна они, насколько мне известно, не ссылаются. Между тем, анализ «абортивной модернизации», осуществленный Гудковым, по-видимому, неплохо сочетается с этим направлением. Среди ведущих российских социологов на идеи представителей цивилизационного анализа в исторической социологии опирается О. И. Шкаратан. В его работах выделяются в том числе и межкультурные особенности массового сознания, порожденные цивилизационной спецификой российского и восточноевропейских обществ.

Вы недавно переехали в Санкт-Петербург, работаете в Социологическом институте РАН. Каковы Ваши исследовательские планы на ближайшие годы?

Мои ближайшие планы во многом связаны с тематикой институтского сектора. Совместно с коллегами мы завершаем сейчас исследовательский проект «История российской социологии в условиях социокультурных изменений: практики и эффекты модернизации российского общества». В рамках этого проекта я отвечал в основном за направление, связанное с историко-социологическим

анализом моделей российской модернизации. Некоторые вопросы остаются не до конца проясненными, и нужно будет продолжить их разработку. По крайней мере, мне понятно общее направление исследований и есть необходимый для них теоретический фундамент. Но я стараюсь пока не строить долгосрочных планов.

Кстати, с недавних пор в соседнем секторе СИ РАН работает моя жена Елена. Она специализируется по проблемам социологии права, которая, как и историческая социология, развита у нас сегодня недостаточно. В сфере социально-правовых исследований юристы, опирающиеся на собственную правовую теорию, обычно рассматривают социологию как сугубо прикладную дисциплину, которая должна поставлять им эмпирические данные, но не претендовать при этом на какие-то теоретические обобщения. В социологии права существует потребность соединения теоретического и эмпирического уровней исследования на основе именно социологического, а не юридического подхода. Елена занималась как теоретическими проблемами, так и эмпирическими исследованиями судебной системы и юридической профессии. На мой взгляд, ей удастся сочетать эти два уровня, тогда как у меня сохраняется чрезмерный теоретический уклон.

Преподаете ли Вы историческую социологию в каких-либо Питерских университетах? Уже есть российские учебники по этой тематике?

Историческую социологию, так сказать, «в чистом виде» я не преподаю. Вместе с тем в Высшей школе экономики в Петербурге у меня есть курсы по политической социологии и современным социологическим теориям, в которые я включил некоторые темы, имеющие отношение к исторической социологии. Российские учебники по этой тематике уже издавались. В их числе можно выделить книгу Б. Н. Миронова «Историческая социология России», которая опирается на его получившее широкую известность исследование социальной истории периода империи. Кроме того, монография Н. В. Романовского «Историческая социология» может быть использована и для преподавания этой дисциплины.

В свете Ваших исследований по истории российской социологии задам Вам один вопрос, относящийся к траектории Вашего — и ряда специалистов Вашего и следующих поколений — вхождения в социологию. В каком смысле Вы являетесь продолжателем традиций советской социологии? Нет ли у нас основания говорить о том, что творчество значительной части 30-ти и 40-ка летних социологов крайне слабо, весьма условно можно трактовать в рамках развития традиций социологов-шестидесятников?

Все-таки мой случай во многом не типичен. Я получал западное социологическое образование, имея довольно смутное представление о достижениях советских социологов-шестидесятников, и лишь затем постепенно осваивал результаты их исследований. К тому же меня, прежде всего, интересовала история теоретической социологии. Например, такой сюжет, как рецепция идей Макса Вебера в российской социологии, был мне значительно ближе, чем развитие прикладных социологических исследований. Тем не менее, я не стал бы говорить, что нет совсем никакой преемственности между советской социологией и представителями моего поколения. Но в рамках этого поколения, по-видимому, можно выделить различные группы, расположенные на определенном континууме:

от тех, кто изначально был ориентирован исключительно на западные подходы до тех, кто в значительной степени воспринял традиции, заложенные предшествующими поколениями отечественных исследователей.

Интервью с Андреем Владимировичем МИЛЕХИНЫМ

«В 1987 году мы открыли первый в СССР социологический кооператив»

Милехин А. В. – окончил факультет психологии ЛГУ (1986), Киевскую Высшую школу КГБ СССР (1991), кандидат психологических наук (1995 г.), доктор социологических наук (1999 г.). Профессор МГУ. Президент исследовательского холдинга РОМИР и группы компаний интеллектуальных технологий, вице-президент Гэллап интернешнл, руководитель Центра ситуационных исследований ИСПИ РАН. Основные области научного интереса: Психодиагностика, общественное мнение, потребительские установки и потребительское поведение, методология социологического мониторинга, медиаизмерения. Интервью состоялось: 2015-2016 гг.

Прежде всего замечу, что в летописи моего историко-биографического исследования интервью с Андреем Владимировичем Милехиным – весьма значимо и будет памятным. Оно имеет №140. Я не свободен от влияния магии чисел, «веховые», в пифагорейском смысле, результаты побуждают меня к рассмотрению других «рубежных» результатов.

Опустим все двузначные номера, это все уже давно было, и рассмотрим лишь трехзначные. Интервью №100 было закончено в начале февраля 2015 года. Давно? Как смотреть, ведь все началось на рубеже 2004-2005 гг. Значит потребовалось 10 лет работы, чтобы узнать и зафиксировать для истории нашей науки биографии сотни российских социологов. Когда все начиналось, я не думал о том, что процесс интервьюирования растянется на годы и количество проведенных бесед будет измеряться трехзначными числами.

2015 год, особенно его первая половина, был временем завершения интервью, начатых в 2014 году и ранее. Поэтому количество интервью в моей коллекции росло стремительно: в середине апреля их стало 110, в третьей декаде июня – 120, в начале августа – 130. И конец года я встречал с 135 интервью; последнее из них было завершено в середине октября.

Сейчас – конец первой декады 2016, почему же более, чем за полгода мой архив прирос лишь на пять интервью? Все очень просто: во-первых, во второй половине 2015 года я прекратил начинать новые интервью и, во-вторых, были сложности с завершением давно начатых бесед. В частности, это относится и к интервью с Андреем Милехиным.

Согласно разрабатываемой мною типологии поколений советских / российских социологов, Милехин, относится к когорте V, которую образуют родившиеся в интервале 1959–1970 гг. Когда я начинал свой проект, младшим представителям этой профессионально-возрастной страты было немногим за 30, старшие – разменяли свой пятый десяток. Принимая во внимание природу, направленность моего проекта, я, естественно, в первые годы работы стремился к беседам с коллегами старших возрастов, прежде всего – из первых трех поколений. И лишь в начале 2013 года открыл счет интервью с социологами V поколения; интервью с Милехиным – 21-е с представителями этой общности.

С уверенностью можно сказать, что это поколение уже сложилось и занимает видное место в изучении проблем современного российского общества и в подготовке социологов новых генераций. Так, среди опрошенных мною представителей V поколения 15 обладателей степени доктора наук, 6 – кандидаты и один человек, решивший в принципе (пока) на завершать свое кандидатское исследование. Несколько человек – имеют степень Ph.D., полученную в европейских университетах. Многие являются профессорами, в том числе – с опытом преподавания за рубежом. Теоретическое рассмотрение процесса развития социологии в СССР и в новой России, а также изучение биографий социологов 7 поколений несколько лет назад привело формулированию ряда положений, которые вместе образуют основу поколенческого-функционального подхода к истории отечественной социологии. Его суть заключается в признании того, что каждое поколение призвано решать присущую ему доминантную функцию.

В этой общей схеме за V поколением закреплена функция «обогащения парадигматики и методологии» социологических исследований, сложившихся еще в советское время. При всей уникальности биографии и научного пути Андрея Милехина, можно утверждать, что проводимые им и под его руководством исследования рынка и поведения потребителей, общественного мнения, система используемых в возглавляемом им холдинге РОМИР исследовательских технологий безусловно являются инновационными и обогащают опыт советской социологии. Более того, многое из его разработок востребовано на западе, что в частности выражается в избрании Милехина в мае 2015 года вице-президентом глобальной ассоциации исследователей общественного мнения и рынка «Gallup International».

Милехин А. В. : «В 1987 году мы открыли первый в СССР социологический кооператив»

Андрей, мы давно знакомы, да и о жизни своей ты мне многое рассказал 30 апреля 2011 года, когда мы ехали из Петербурга в Москву на «Сапсане»: 4 часа, комфортная среда. Потому не буду задавать тебе вопросы типа откуда и когда, а просто попрошу тебя несколько уточнить и расширить рассказанное тогда мне. По-моему, родился ты в начале 60-х в Казахстане, среди твоих предков – русские и казаки. Так ли это? Что ты знаешь о прошлом своей семьи?

Борис, я-то знал тебя еще со студенчества по учебникам. А увидел впервые в Звенигороде на Школе молодых социологов в 1987 году. Это был звездный состав лекторов, фантастическая профессиональная атмосфера, невероятный глоток свободы. В какой-то вечер мы поймали тебя в коридоре и весь вечер обсуждали проверочные шкалы в анкетах, интеграцию опросных техник и психодиагностики.

История моей семьи грустная и символичная. Я родился в Караганде. С одной стороны Карлаг (читай Солженицына), с другой, невероятно яркие люди и теплые отношения. Полная мешанина военных, ссыльных второго поколения, шахтеров, космонавтов, интеллигентов. Русские, татары, немцы, чеченцы, корейцы, казахи. Бесконечная, душистая и суровая степь. Летом до плюс 40, зимой минус 40 с буранами.

Классическая советская семья: бабушка – полковник, мама – учительница, папа – инженер. Меня растила бабушка, строгая и мудрая. Летом возили к прабабушке и прадедушке в Москву, на дачу в Сходню. Но, категорически нельзя было спрашивать про историю, были какие-то родственники, связи с которыми никак не укладывались в моей детской голове.

Поэтому, когда лет в тридцать я узнал, что при рождении имел другую фамилию и отчество, меня это не очень удивило. Стало понятно, что близкие мне мужчины, заменили мне погибших, ушедших кровно родных. Все четыре поколения мужчин по всем линиям сгнули в нашей трагичной истории. Только лет в сорок мне удалось найти два корня. Удивительно, как похожи были старые фотографии прадедов. Один – ротмистр Полтавского казачьего полка, внук младшей сестры Гоголя Марии, а второй – из сводного Семиреченского казачьего полка. Последнее письмо от первого было в конце двадцатых из Канады, второго, примерно тогда же, из Китая. Поэтому, пережившие войны и революции, оккупацию и репрессии, голод и страх, потерявшие мужей, отцов, детей, женщины моей семьи так пытались оградить меня от этой страшной истории.

Твоя юность крепко связана с баскетболом, начинал в местных юношеских командах, а затем был приглашен в легендарный ленинградский «Спартак», который тогда тренировался в разрушенной позже церкви на ул. Марата, недалеко от Невского проспекта. Пожалуйста, расскажи об этом периоде жизни, спорт ведь определил и твое будущее – психологический факультет ЛГУ. Но о студенческих годах мы поговорим ниже.

Сколько себя помню, всегда был в спорте. Дед демобилизовался, и мы переехали в Калугу. Я плавал, играл в шахматы, стоял на воротах в футболе и хоккее, прыгал в высоту, занимался дзю-до. Баскетболом стал заниматься поздно

да еще в провинции. Сборную РСФСР уже набрали, меня пригласили подставным играть за Белоруссию. Жил пару месяцев в Минском интернате олимпийского резерва. Собирался поступать в БГУ. Но тут пригласили в ленинградский «Спартак». Застал великого Кондрашина. Спорт был, как сейчас говорят, социальным лифтом. Даже имея отличный школьный аттестат, а у меня было 4,8, поступить на психфак ЛГУ было из раздела фантастики. Но тут на факультете открыли специализацию спортивная психология, где брали только мастеров спорта. А я был хоть и не в таком звании, но из команды мастеров. Правда, как поступил, сразу перевелся на социальную психологию. Да и профессиональный спорт пришлось через полгода закончить, совмещать его с учебой было практически невозможно. Играл за Универ, а тренировались мы во дворе здания двенадцати коллегий, там Попов радио испытывал, и в душе всегда была ледяная вода.

Интересно, что дальше спорт связан с детьми. Со старшим сыном закончил парусную школу, ходил на регаты, зима-лета — мы в лесу на снегоходах-квадриках. А сейчас держусь за младшим, он профессионально играет в гольф. Здесь для меня открылся целый мир, философия, образ жизни. Лучше остановлюсь, это тема бесконечна.

Когда ты поступил в ЛГУ? Скорее всего, ты застал время, когда кафедра социальной психологии ассоциировалась с именем профессора Е. С. Кузьмина и его команды: Анатолия Свенцицкого, Виктора Бойко, Аллы Русалиновой и других. Что тебя привлекло в этой науке, с кем ты общался наиболее тесно?

Я поступил в 1981 и застал дух Ананьева. Удивительно, но огромное количество великих ученых работали в Питерском университете, начиная с Бехтерева, Павлова, Сеченова, Вагнера, продолжая Мясищевым, Ломовым и многими другими, но поклонение Ананьеву было запредельно.

Деканом был Крылов, только что эмигрировал Веккер, но читали общую Ганзен, матметоды Суходольский, общую Палей и Лоскутов, дифференциальную Рыбалко, зоопсихологию Трошихина, педагогическую Кузьмина.

Социальная кафедра была огромной, немного в стороне и над ней махина Кузьмин. Помню Свенцицкого, Семенова, Куницыну.

Я был странный студент. Продолжал играть в баскетбол, первый год жил то на сборах, то в общежитиях (питерские общаги — это отдельная тема), в 18 женился, в 19 родился первый сын, семья в другом городе, бесконечные поезда, электрички. На лекции не было ни времени, ни сил. Да и на слух я плохо воспринимал. Все «общеобразовательные» предметы просто игнорировал. С первого курса считалось что у меня индивидуальный график, а в реальности, были отличные отношения с отделом координации. Поэтому, все полезное для нас стояло в расписании со вторника по четверг после обеда. Все остальное утром и вокруг выходных.

«Ненужные» предметы сдавал досрочно. Садился в ночь перед экзаменом с учебником и программкой, утром выдавал зачет или 4/5. Был рекорд — два экзамена и четыре зачета в день.

А вот практические и лабораторные по психологиям было моё. Занимался фанатично. Да и дух факультета — направленность на практику — тому способствовал.

После второго курса у нас открыли новую специализацию — юридическая психология. Я туда сразу перешел. Там была сплошная психодиагностика, с нами занимались реальные эксперты, было много практик. Научный руководитель у меня была Курбатова Татьяна. Подготовкой диплома занимался три года. «Психодиагностика агрессивного поведения». Помимо сложной методологической части, была адаптация и валидизация батареи тестов Hand-test, PEN Айзенка и Люшер на выборке 300 испытуемых по четырем экспериментальным группам. В дополнение, тысячная выборка Айзенка. Фактически, моя кандидатская диссертация была мною подготовлена через десять лет на основе студенческого диплома.

Но защита диплома мне запомнилась навсегда. Меня поставили последним, собралась почти вся факультетская профессура. Я был настолько глубоко в материале и уверен в своих знаниях, что, видимо, мой доклад показался нагловат. Пошли вопросы — почему мало советских классиков, кто дал новое определение агрессивности и т.п. Я начал огрызаться и пытался вернуть внимание на практическую часть. Но выводы, что агрессивность есть особый вид активности и только социальная направленность определяет пользу или вред для общества, а также экспериментальный факт, что комсомольские активисты по этой шкале имеют примерно такие же показатели, как несовершеннолетние осужденные по насильственным статьям, очень возбудило часть присутствующих. Закончилось это уже на втором часу защиты криками вышеупомянутых классиков: «Как мы его до пятого курса не рассмотрели?» и «Он так и фашистов оправдает!»

В общем, стоял я за дверью, комиссия гудит, однокурсники поддерживают, а я уже в душе на два года в армию собрался. При абсолютно всех пятерках по психологии за диплом дали тройку. Типа, пожалели. Но и мне был урок — важно не только что говоришь, но и как. В общем, чуть случайно не оказался диссидентом.

Зная тебя, я допускаю, что ты недолго унывал... Каким был твой следующий шаг?

Вспоминая то время, мне еще подростком казалось, что у активного мужика было три карьерные линии: комсомольско-партийная, хозяйственная и военная. Я секретарем обкома или директором завода себя не видел, а вот пример деда-героя был всегда перед глазами. Да и кровь казачья бурлила — служба. Но быть военным, вечно к чему-то готовиться, ощущая свою каждодневную ненужность, мне не хотелось. Была романтика разведки-контрразведки. Это повлияло на выбор факультета и специализации.

На втором курсе мне дали ориентир, учись, ты нам нужен, призовем. Тем и жил. Поэтому, несмотря на перспективные распределения, уехал в Калугу, где была семья, думал — какая разница, через пару месяцев будет служба.

А завяз там на три года. «Вдруг» выяснилось, что для призыва нужен стаж два года, жилья нет, я ассистент кафедры педагогики и методики начального образования провинциального педа с окладом 99 рублей, двухмесячными колхозными выездами на картошку и 1500 часами нагрузки.

Да, и что? Что же ты предпринял? Как разрубил этот узел?

Спасает работа. Через год помимо педа, я стал старшим научным сотрудником НИСа, преподавал в институте усовершенствования учителей, ездил по предприятиям от лекторской группы обкома, вел кружки юного психолога

и социолога в обществе «Знание», проводил судебно-психологические экспертизы. В общем, практически монополизировал область прикладной науки. При этом, продолжал остервенело учиться — поступил в первую аспирантуру, окончил вечерний университет марксизма-ленинизма по международным отношениям, курсы по стенографии и скорочтению и т.п. Через год родилась дочка, так что надо было утром завести сына в сад, а днем забежать на молочную кухню за детским питанием для малышки. Сейчас не очень понимаю, как я тогда сжимал время, помню только большой портфель с бумагами, книжками, журналами, бутылочками с кефиром, а дома — огромную ценность — печатную машинку. И перебежки по городу, благо центр Калуги был компактный и красивый.

Там же мы с партнерами открыли в 1987 году, я думаю, первый в СССР, социологический кооператив. Напомню, в конце 86-го был принят закон о кооперации, который дал старт советскому предпринимательству. Занимались консультированием, проводили исследования, тренинги, разрабатывали игротехнику, внедряли социальные технологии от выбора директоров до управления текучести кадров и внедрении службы внимания. Провели даже несколько международных конгрессов по конфликтологии. Была шальная мечта — сделать Калугу русским Оксфордом или подмосковным Кембриджем. Очень хочу назвать моих партнеров, а в силу того, что я был их в полтора-два раза моложе, практически учителей — Андрея Кирилловича Зайцева, Валеру Головкина, Юрия Барклянского, Юрия Зельникова.

При этом, я еще проводил инициативные исследования по молодежным проблемам — в то время активизировалась подростковая преступность, по группировкам центра России и Поволжья. Издавал книжки, в частности по телефонным опросам и эффективным коммуникациям.

Думаю, что гнала меня вперед не только мечта и амбиция, а еще и фрустрация. Через пару лет я зарабатывал столько, что высыпая из портфеля деньги в большую бельевую тумбу, я никак не мог ее закрыть. Но был разгар эпохи дефицита. Без блата и с вечным цейтнотом мы жили вчетвером в 12-метровой проходной комнате, и на завтрак был хлеб с маслом и кофе из цикория.

Один уточняющий вопрос: «Похоже, что ваш кооператив в Калуге был одним из самых первых в СССР?». Поскольку я изучаю историю становления независимых аналитических структур, пожалуйста, укажи, как ваше детище называлось, долго ли кооператив просуществовал и кем были ваши первые заказчики. Подобный цейтнот не мог продолжаться вечно, что последовало после твоей работы в кооперативе?

Я думаю, первым. Мы сразу после принятия закона «О кооперации» подали документы. Летом 1987 в Калужском горисполкоме, используя служебное положение (секретарем была моя студентка/заочница/двоечница) для ускорения процесса, я получил документы на кооператив «Потенциал». Первыми клиентами были местные предприятия, СМИ, минтруда, Чернобыльский комитет, что-то атомное (тренинги проводили в Обниске на базе их отраслевого института).

После моего ухода партнеры переименовали кооператив в Калужский институт социологии — КаИС.

Прошло два года в Калуге. Несмотря на загрузку и темп, было тесно и все более душно — бежал-то я от себя. Ждал, что Родина призовет. И меня вызвали в июне 88-го в местное управление КГБ. Помню хорошо этот день, было тепло и очень солнечно. Мне сказали: «Не возьмем». Ничего не объяснили, но и так было понятно, слишком нестандартная биография. Неблагонадежен.

Враз все цели осознанной жизни вдребезги. Десять лет мечты, учебы, работы. Не было запасного плана.

Ничего, мужика работа лечит. Запахал еще глубже. Из Калуги надо было бежать. Провинциальность накрывала серой мглой. В Москву.

Зайцев чуть ли не силой отправил меня в Звенигород в Школу молодых социологов. Там-то я тебя, Борис, первый раз и увидел. Я писал об этом в предисловии к твоей книжке о Гэллапе 2011 года.

Мы с Борисом знакомы давно. Хотя он об этом не знает. Я думаю, он считает, что в переписках и мимолетных встречах мы с ним лет десять.

1987 год. Под Звенигородом проводится какая-то школа молодых социологов. Организатор — Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ. Я как-то случайно там оказался, был только вот молодой, а так и не комсомольский активист, да и к социологам после питерского психфака себя не относил (у нас вообще от психологии личности через социальную психологию сразу в философию уходили). Но, оказался. Если и был у меня глоток перестройки, то этот был первый и вздох. Помимо ярких, живых коллег с Урала и Новосиба, Украины и Туркмении, других полей и весей, в этом празднике живой науки и явной антисоветчины участвовал практически весь цвет советской социологии — Грушин, Коробейников, Шереги, Фирсов и Докторов (извините, кого не вспомнил). Из лекторского зала, через буфет в холлы общежития и обратно трое суток бродила без сна возбужденная разговорами о профессии толпа, изредка беря передышку на песни «Наутилуса» (первый раз тогда услышал «Скованные одной цепью»). Говорила, говорила, говорила. Мэтры исчезали в Москву, иногда уединялись на коньячок (мы были демократичнее), а вот питерским светилам ехать было некуда и одной ночью мы как-то окружили Докторова. Я хорошо помню тот разговор. Мы говорили о применении техник психодиагностики в массовых опросах. Для меня это было казус-белли. Оказывается мои университетские знания и практика работы совместима. Именно после этого я определился с предметной областью, мы с партнерами открыли первый социологический кооператив (от чего сейчас отсчитываем историю холдинга Ромир) и я защитил свою первую диссертацию примерно на эту тему.

Так что автор мне дорог и я ему должен. Ношу это давно. Думаю, не я один. У Бориса удивительная судьба, он хоть и автор, вполне достоин собственной биографической книги. Сколько людей он продолжает вдохновлять, будировать и стыдить своей зрелой и искренней активностью! Даже находясь далеко за большими океанами. Уверен, кто впервые прочитает его труд, будет читать его предыдущие работы и ждать следующие.

Я пошел на отбор от Института социологии на стажировку в Манчестерский университет. Поступил уже в третью аспирантуру, наконец, по психологии, в МПГИ к Ю. Забродину (на тот момент президенту общества психологов). Начал читать лекции в АОН при ЦК КПСС. Учиться не брали, нужно было партийное

направление, но Деркач Анатолий Алексеевич тихо приглашал вести мастер-классы. Странно, я был раза в два моложе этих дядек и теток. Но они тоже просыпались. Время было такое — казалось, что рассветет! Ускорение и Перестройка.

Что ты искал в аспирантурах, почему — «третья»? Ю. Забродина я немного знал по Ленинграду, он занимался инженерной психологией, быстро рос... Ты тоже включился в разработку этой проблематики?

С аспирантурами история путанная. Вначале поступал туда, куда звали и где были возможности. Специальности были от педагогики и философии до социологии и позже оперативной психологии. В итоге, числился в пяти.

К Забродину меня отправил Деркач. В АОН он меня взять не мог, там было нужно направление обкома, а в МПГИ им. Ленина я поступил по совокупности работ и сданных ранее экзаменов. Был готов к перемещению в Москву, маячила стажировка за рубежом, но... Позвонили, спросили не передумал Родине служить, я ответил — готов. Видимо, в 1989 уже пошел недобор, или процесс демократизации. Прошел медкомиссии, тут же вызвали в партком с вопросом: почему в партию заявления не подал? В один день приняли кандидатом. И я уехал в Киевскую высшую школу КГБ.

Андрей, может я за 20 лет «нюх потерял» и начну задавать тебе вопросы, на которые тебе нельзя отвечать, да к тому же американцу.... потому в свободной форме расскажи, как долго ты был в Киеве (не удивлюсь, видя твои приключения, если ты до него не доехал), прирастил ли знания и умения?

Прошло 25 лет, другая страна, мир другой. Про то, что нам под подпиской рассказывали в защищенных помещениях, через пять лет можно было читать в Аргументах и фактах.

Но тогда все было серьезно. Это реально была отобранная и сильно мотивированная элита. Такого количества настоящих мужиков я больше не видел нигде. Я в ней смотрелся немного инородно — психолог, снс, аспирант, кооператор, первые партвзносы по предыдущему доходу были больше немаленькой зарплаты слушателя-офицера. Ощущения были очень противоречивые. С одной стороны, системное и интенсивное привитие навыков, все преподаватели с глубокой практики, нереальная жажда знаний и деятельности, с другой, а библиотеки-то по нашей епархии пустые. Теоретическая специальная психология и социология допотопны.

Я там сразу оказался «свадебным лейтенантом». Меня пригласили на волне демократизации в Ученый совет. Картина была яркая — посередине огромный настоящий генерал, рядом я с двумя маленькими звездочками и туча полковников вокруг.

Параллельно с учебой, я что-то начал читать, перевелся в Московскую высшую школу КГБ в заочную аспирантуру, умудрился выпустить несколько книжек под грифом. После окончания прошел все ступени оперативной работы, пережил семь реорганизаций, считал, что карьеру можно сделать только снизу.

Дальше история грустная, страна рушилась, мы пытались служить. Нас просто предали и выбросили. Из моих однокашников и сослуживцев 90-е прошли на службе немногие. Мне трудно себе в этом признаться, но зря я туда тогда пошел. Это была уникальная школа и закалка, и без этого я был бы не я. Но это был тупик, рыба сгнила с головы, а мы потеряли — кто годы, а кто и жизнь.

И что, жизнь по-новой? Давай, определимся, какой это был год? Что стало главным в профессиональном плане?

Странное и страшное было время. Все ломалось, страна, служба, семья.

Меня с третьего раза откомандировали в Москву. Мне казалось, что надо служить, нельзя бросать коллег, надо пройти все испытания. Но, видимо, звезды как-то сошлись. Меня приказом самого высокого чина откомандировали в аспирантуру Российской Академии Государственной службы при Президенте РФ на кафедру акмеологии и политической психологии. Я был первым и последним опером, откомандированным в гражданскую аспирантуру. Наверху была идея делать сеть по прогнозированию социальной напряженности. Но меня практически сразу забыли, да и я сразу потерял связь. Шли тотальные перемены, люди менялись, МБВД, ФСК, АФБ, МГБ. Я уже не понимал, где я числюсь. Надо было выживать и добить кандидатскую. Спасибо Деркачу Анатолию Алексеевичу. С его поддержкой перезачел все свои минимумы и за полтора года дошел до защиты. Там же открыл хозрасчетный центр при РАГС. Делал опросы, проводил аттестацию и формирование резервов городских и областных администраций, писал должностные инструкции для Сбербанка, читал лекции, вел семинары. Открыл психоаналитическую практику. Надо было выживать.

Раз мы говорим, значит, ты выжил. В 1995 году ты защитил кандидатскую диссертацию по психологии; это была общая, социальная или политическая психология? Что удалось показать?

По коду, кажется, политическая психология. Кафедра вообще была уникальная. Кроме Деркача, Яблоковой, Анисимова, там на заседаниях и защитах присутствовало порядка 20 академиков, включая Климова, Бодалева, Абульханову-Славскую и др. Фактически, это было логическое продолжение дипломной работы — интеграция методов психодиагностики и социологии для прогнозирования социальной напряженности.

Что потом? Ты стал сдвигаться в сторону социологии, опросов... когда ты основал Мониторинг.Ру, как возникло это название?

Между защитой диссертации и основанием группы компаний МОНИТОРИНГ.РУ было пять лет. Это был яркий и тяжелый период выживания. Общежитие заканчивалось, Родине ты не нужен, центр при РАГС был в тупике — всю прибыль нужно было отчислять куда-то. Преподавательская деятельность, консалтинг, психоанализ и разовые исследования рынка никак не вселяли материального оптимизма. Правда, было много ярких встреч и интенсивная школа бизнеса. Не могу не вспомнить Паникина Александр Степановича. Ярчайшая личность, один из первых российских предпринимателей, основатель холдинга ПАНИНТЕР. Считаю его одним из своих учителей, хотя вроде бы я его год консультировал. Был сплав моих теоретических знаний и агрессивности с его уникальным чутьём и авантюризмом. Успел даже поработать в «Останкино»,

участвовал в разработке и вел небольшую рубрику на Первом канале в программе Киры Александровны Прошутинской «Мужчина и женщина». Активно участвовал в «Пресс-клубе», кстати, именно там на наше исследование Горбачев произнес летучую фразу: «Знаю я Вашу социологию, Раиса Максимовна тоже ...!»

И тут разовая работа по исследованию аудитории программ первых частных независимых студий – АТВ, ВИДа и РЕН-ТВ привели к серьезному разговору с Малкиным Анатолием Григорьевичем. Он предложил открыть совместную компанию с Ассоциацией независимых телекомпаний для измерения телеаудитории. Так моими партнерами стали Малкин, Листьев и Лесневские. Им удалось привлечь небольшие инвестиции, и мы уже в 1995 году запустили первую в России и Восточной Европе пипл-метрию. Это компания имело странное название – НИСПИ. Но переводилось все понятно: Новый (через год Национальный) институт социально-психологических исследований.

Тяжело нам далось формирование прозрачного медиаизмерения и медиапространства. Но это отдельная большая тема.

Далее я открывал на новые направления, новые компании с новыми партнерами – АИСТ, АРПИ и Мониторинг.ру. Идея последней фирмы родилась в желании измерять интернет. Партнеры были гениальные: Сергей Чесноков и Тема Лебедев. Он, кстати, и предложил концепцию, сделал уникальный сайт.

Но вскоре стало понятно, что независимые измерения медиа и политики никому не нужны и даже опасны, а для исследований рынков нужны другие ресурсы и подходы. В 2000 году я предложил партнерам объединить все компании в группу Мониторинг.ру, что мы и сделали 5 декабря.

Что стало главным направлением в деятельности Мониторинг.ру?

Основным направлением стали маркетинговые исследования. Не то, чтобы мы отказались от медиаизмерений и электоральных замеров. Просто там независимые измерения перестали быть востребованными, а встраиваться в новую систему как-то уже не хотелось.

В 2002 году было слияние Мониторинга и Ромира, который на тот момент возглавляла Башкирова Елена Ивановна. Но через два года стало ясно, что общего будущего нет. Развод был болезненным, но как-то сплотил команду. В 2005 году у нас был уже двухкратный рост.

Когда ты защитил докторскую диссертацию и по какой теме?

Если с аспирантурами была долгая история с поиском себя, сменой городов и тем. То с докторской ровно наоборот. В апреле 1999 товарищ практически случайно познакомил меня с Волковым, проректором Академии труда и социальных отношений (бывшая профсоюзная школа). Он увидел объем и направление наших работ и предложил защищаться ровно по нашей специализации – Социологический мониторинг. А через полгода, в ноябре я уже защитился. Совет был большой и позитивный, закончил защиту под аплодисменты. Просто материал был обширный и свежий.

У тебя большой преподавательский опыт, сейчас ты где-либо преподаешь, если «да», то какие курсы?

Более пятнадцати лет я преподавал, горжусь списком университетов и академий, в которые меня приглашали. Читал все больше психологию. Начинал от практически всех базовых курсов и постепенно перешел к авторским.

Тем не менее, был большой перерыв. Где-то с 2008 как-то остыл, надоело читать одно и то же, а смотреть в аудиторию потухшими глазами нельзя. Да и работы было достаточно.

Пару лет назад активизировал свою научную деятельность, возглавляю Центр ситуационных исследований у Осипова Геннадия Васильевича в ИСПИ РАН. Но вот интересно, именно в этом году начали активно приглашать меня и моих коллег вести мастер-классы в профильных ВУЗах и факультетах университета. А месяц назад, после моей работы на ГЭЖе, пригласили на профессора в ВШССН МГУ. Больше четверти ставки не осилю, но хочется быть полезным, присмотреть будущие звездочки среди бакалавров и магистров, подпитаться студенческой энергией.

Андрей, на состоявшейся в мае 2015 года в Дублине 49 ежегодной конференции Gallup International Association ты был избран вице-президентом этой старейшей международной ассоциации аналитиков общественного мнения и рынка. Впервые российский исследователь занял столь высокий выборный пост. Задам тебе несколько вопросов по этой теме.

Gallup International Association (GIA) была создана в далеком 1947 году по инициативе и при самом активном участии Джорджа Гэллапа. Он был избран первым Президентом GIA и руководил ею до своей смерти в 1984 году. Все начиналось с 11 организаций, представлявших 11 стран. Сколько сейчас стран объединяет GIA, какие основные проекты и программы осуществляются сейчас странами, входящими в GIA?

Действительно, Gallup International – старейшая и крупнейшая исследовательская ассоциация в мире, прошедшая несколько непростых этапов развития. Основателей уже с нами нет. Несколько лет назад ушел младший сын Дж.Гэллапа – Алек. Это те, кого я еще застал. Кстати, и из компаний-основателей остались только австрийский Gallup и итальянская Doxa.

В конце 80-х после смерти Джорджа Гэллапа из Gallup International вышли американцы после попыток взять ассоциацию под свой контроль. Многих поглотили глобальные компании, кто-то обанкротился или не смог передать дело последователям. Внутри Gallup International Тони Каулинг (Tony Cowling) фактически создал TNS, скупив за десяток лет региональных партнеров GIA. После продажи TNS холдингу WPP около сорока компаний, принадлежавших сети, были исключены из Gallup International. Таким образом, ассоциация наполовину обновилась. РОМИР, представляющий Россию и постсоветский регион с начала 90-х годов, стал одной из старейших и авторитетнейших компаний ассоциации.

Сейчас Gallup International объединяет более 80 компаний, которые эксклюзивно представляют свои страны. Фактически покрытие сети охватывает более 90% населения планеты. Около пятидесяти компаний имеют полное членство, остальные – ассоциативное или статус кандидата. При этом в сети

существует своего рода антимонопольное право, направленное против попыток доминирования. Одна группа акционеров может иметь представительства не более чем в пяти странах.

Сегодня Gallup International – это фактически крупнейший по количеству стран, демократический по форме управления и профессиональный по подходам клуб мировых исследователей.

Основная идея, заложенная еще Джорджем Гэллапом, поддерживается через проведение независимых мировых опросов «Глас народа» (Voice of the people) и «Конец года» (The End of Year). Кроме того, партнеры сети регулярно обмениваются опытом, технологиями, методиками, рекомендациями, как в рамках ежегодных конференций, так и посредством ежемесячных вебинаров и новостных рассылок.

Пожалуйста, расскажи немного о Дублинской конференции GIA. Что было ее главной темой?

Главной темой конференции в Дублине была трансформация исследований. Мы оказались в эпицентре изменений, которые идут сразу по нескольким векторам. С одной стороны, это технологические возможности. Когда я начинал свою деятельность, телефонный опрос считался экзотикой. Не было ни интернета, ни сетевой торговли, ни мобильной связи. Данные из регионов пересылались по факсу. Сейчас редкостью становятся личные опросы и face-to-face интервью. Да и вообще при наличии Big Data сбор информации перестает быть основной функцией исследователей.

С другой стороны, продолжается глобализация исследовательского рынка. Двадцать лет назад существовало порядка 30 мировых исследовательских сетей, а сейчас осталось фактически четыре. Но они контролируют почти половину рынка исследований, ряд стран в данной сфере ими полностью колонизирован.

Но главное – это изменение психологии, экономики, ценностей землян. На фоне до сих пор голодающего миллиарда на вершине пирамиды Маслоу появляется миллиард, полностью решивший проблему поддержания гомеостаза и обладающий свободным временем. Вопрос в том, что делать с этим свободным временем в таком объеме? Опыта у человечества нет.

И, в конце концов, меняется геополитическая конфигурация. С появлением интернета информация окончательно стала глобальной: ее невозможно контролировать, скорость ее распространения измеряется секундами, поле воздействия – весь земной шар.

Параллельно идет экономическая регионализация, самый яркий пример которой европейский рынок. Однако часть стран никак в эту тенденцию не вписывается, например, Россия или Турция. Своих ресурсов не хватает, договороспособность ограничена.

При всем этом, политика остается локальной, количество стран продолжает расти. Сто лет назад их было на карте 90, сейчас более 200. Все это вызывает новые противоречия, ставит перед человечеством новые вызовы. Такие изменения обеспечивают поле для работы не только политологам и философам, но и исследователям и маркетологам.

Андрей, как проходили твои выборы на должность вице-президента GIA?

Мне до этого несколько раз предлагали выставить свою кандидатуру, но все время чего-то не хватало — то времени, то мотивации. 2014–2015 годы для России на международной арене были непростыми. Прямо перед форумом коллеги опять сделали мне предложение войти в правление Ассоциации. Это показалось мне символичным. Несмотря на отсутствие времени для проведения «избирательной» кампании, я чувствовал поддержку соседей.

Наш неформальный регион Центральной и Восточной Европы благодаря недавним историческим событиям обзавелся значительным количеством стран. В условиях демократического голосования это дает преимущество, так называемый, эффект «Евровидения». Да и другим регионам нужны были наши голоса.

Процедура голосования была «закрытая», но впервые были даны фамилии избранных без указания количества набранных голосов. На первом же заседании правления председателю был задан вопрос: «Почему публично не объявлены результаты в голосах?» Ответа мы так не получили, но члены счетной комиссии поделились информацией о том, что мой коллега из Болгарии Кынчо Стойчев и я набрали большинство голосов.

Какие функции, какие обязанности возложены на тебя как на вице-президента GIA?

Как и раньше, я продолжаю координировать работу ассоциации в регионе Центральной Евразии, пытаюсь, кстати, привить это определение для постсоветских стран. Проблем в регионе достаточно. В силу небольших рынков исследовательским компаниям нашего региона сложно быть финансово самостоятельными и независимыми как от глобальных сетей, так и от государства. Некоторым сложно платить взнос, участвовать в ежегодных инициативных проектах и конференции. Прямой бизнес через ассоциацию на небольшие рынки также идет нечасто. Тем не менее, уже при моей координации мы восстановили членство Грузии, заменили компанию в Украине, приняли Литву, Латвию, Эстонию, Армению, Азербайджан. Сейчас в приоритете республики Центральной Азии.

Кроме того, я участвую в работе комитетов по методологии и продуктам для членов Ассоциации. Недавно приключилась интересная история. Обработку наших совместных исследований обычно берет на себя какая-нибудь опытная компания. В этом году вызвались коллеги из Великобритании. Перед анализом они решили согласовать с правлением новый региональный классификатор. Но сделано это было либо непрофессионально, либо предвзято. Основная проблема заключалась в том, что при формировании регионов были предложены разные основания.

Приведу лишь несколько примеров. В обосновании формирования европейского региона было предложено учитывать членство в Евросоюзе. Соответственно, Норвегия и Швейцария из этого региона выпали. Вторая европейская корзина выглядит просто смешно. Что объединяет Исландию, Косово и Россию, кроме отсутствия членства в Евросоюзе?

В других регионах тоже хватает парадоксов. Например, МЕНА очерчивается Лигой арабских стран, и еще туда включается Израиль. В Западную Азию включены Афганистан и Азербайджан. И я не понимаю, что вообще может объединять эти страны. Или Турция и Иран — это вообще два разных мира, этноса, империи.

А Восточная Азия, похоже, сформирована по принципу «все остальное». Поэтому в одной группе оказались Китай (сам по себе уже регион), Австралия и Папуа Новая Гвинея. Пришлось читать коллегам целую лекцию и отстаивать позицию.

Предложил несколько подходов деления:

1. *Географический*. Есть континенты и части света, но просто взять пять не получится. Мексика и Латинская Америка по многим основаниям тяготеют к Южной Америке. Мы видим разделение Африки. Нужно, хоть и очень трудно, разделить Азию на 3–4 региона. Большая проблема с Европой. Проблему обоснования восточной европейской границы мы имеем со времен распада Византийской империи. Еще в начале 19 столетия граница Европы заканчивалась на Польше. Сейчас она географически отодвинута до Уральских гор и находится внутри России.

2. *Исторический*. Существовало тысячелетиями много государств и империй. Внутри происходило множество интеграционных процессов. Это наследие влияет через языки, традиции, образ жизни на население до сих пор. И это древнейшие государства: от финикийцев, иудеев, египтян и греков, Византийской, Римской империи, Карфагена, империи Чингисхана – до оставивших огромные следы Венеции, Генуи, Португалии, Испании, Нидерландов, Франции, империй Османской, Британской, Российской, Австро-Венгерской. Понять психологию многих народов можно, только понимая исторический путь формирования этносов.

3. *Этнический*. Не буду углубляться, здесь можно взять существующие классификаторы.

4. *Языковой*. Предельно просто для одних государств, но очень сложно для других. Например, в Дагестане (республика в составе РФ) около 40 языков и 120 диалектов. До какого уровня дробить? Да и зачастую возникает несостыковка с географией.

5. *Экономический*. Идет процесс формирования экономических макрорегионов, есть целый ряд уже оформленных макрорынков.

6. *Политический*. На мой взгляд, самый скользкий и конъюнктурный путь.

7. *Религиозный*. Вряд ли может быть основным, но для ряда задач вполне применим.

На примере Российской Федерации покажу, как разные основания формируют различные региональные группы.

1. Географически с Россией как раз возникают сложности. Формально граница между Европой и Азией пересекает страну. Большая часть территории в Азии, а населения – в Европе. Поэтому Россию можно вместе с рядом европейских стран считать Восточной Европой, а можно с другими – Центральной Евразией.

2. Исторических оснований тоже несколько. Начиная от скифов и государств древних славян и заканчивая империей Чингизидов, Московии, Российской империей и Советским Союзом, порядка 15–20 нынешних политически независимых государств веками находились вместе.

3. Этнически в России пока преобладает славянское население, поэтому логично объединение с Польшей, Чехией, Словакией, странами бывшей Югославии, Болгарией, Украиной и Белоруссией. Но часть населения тюрки. Они близки к народам Центральной Азии, наши буряты и якуты – ближайшие родственники монголов. И, наоборот, в Российской Федерации на востоке есть Еврейский национальный округ, а в Израиле – более 40% населения выходцы из Советского Союза.

4. В России используется более 250 языков. Но, с другой стороны, при проживающем в стране населении в 145 миллионов, на русском в мире говорят более 300 миллионов. Во многих окружающих Россию странах большинство населения русскоязычно, где-то с этим борются, а где-то на русском выступают президенты, и ведется делопроизводство. Страны с активным использованием русского языка в быту и как инструмента международного общения тоже образуют регион.

5. Кроме Евросоюза, который далеко не совпадает с Шенгенским соглашением, зоной использования евро и НАТО, в Евразии есть и другие экономические союзы. Так, Россия находится в разных экономических союзах с 5–20 странами. Например, между РФ и Казахстаном сейчас нет никаких физических, экономических, таможенных и прочих границ.

6. Политически Россия объединена с разным набором стран в СНГ, Евразийском Союзе, Шанхайской группе, БРИКС и других.

7. В религиозном отношении славянское население максимально близко ко всем ортодоксам-христианам от Греции, Армении и Грузии до Украины, Белоруссии, Болгарии, Сербии, Черногории и т.п. С другой стороны, в некоторых областях преобладающая часть населения – мусульмане. Есть три региона с преобладанием буддизма. Проживает много иудеев. Практически во всех крупных городах есть католические храмы.

Привел данный пример лишь потому, что иногда это важно для понимания и анализа, иногда притянута и политизировано. Я могу обосновать включение России в регион от Греции или Польши до Турции, Израиля, Бразилии и Монголии.

Второй важный вопрос – методология и результаты наших исследований. Мы пытаемся произвести Мировое Общественное Мнение. Но стран становится все больше. Может быть, пора переходить от суммы мнений граждан разных стран на мировые опросы через формирование макрорегиональных выборок? Может, уже пора переводить все опросы на глобальную онлайн панель? Может, пора перестать опрашивать Нигерию и ЮАР, перенося эти результаты на все Африку, а строить всеафриканскую выборку? И уже на основе таких данных описывать мировое общественное мнение. Понимаю, при таком подходе будет много инструментальных и методических проблем, но за этим ближайшее будущее.

Мне кажется, мы должны уже сейчас работать над мировой выборкой (через макрорегиональные). И это уже давно вопрос не чисто теоретический. Только в декабре 2015 года были обнародованы данные Gallup International о рейтингах популярности мировых политических лидеров. Многие мировые СМИ противопоставляли позиции Обамы и Путина в этом рейтинге. Так, в страновом разрезе

видно, что большинство стран приняли не только доминирование в финансовой, военной и экономической сфере США, но и одобряют англо-саксонские, протестантские ценности. Это в первую очередь, страны Северной и Западной Европы, Северной Америки и новые образования типа Косово. Но, если смотреть от популяции, от мнения населения Земли в целом, то оказывается, что людям ближе традиционалистские, консервативные ценности и авторитарный характер власти, в частности, воплощенный в лице российского лидера. Интересно, что этот подход поддерживают не только постсоветские страны, страны с большим населением, но и регионы с глубокими историческими корнями: Китай, Индия, Эфиопия, Греция, Бангладеш, Нигерия.

Предполагаешь ли ты, как вице-президент, проводить какие-либо мероприятия GIA в России?

Как тут не вспомнить конгресс Gallup International, который мы организовали в мае 2011 года в Москве. До сих пор подходят на встречах коллеги из Латинской Америки, Азии, Африки и благодарят за организацию и впечатления. Нам удалось убедить правление сдвинуть его проведение на майские праздники. Москва в этот период обходится без пробок. Музеи, театры, подготовка парада произвели на наших партнеров неизгладимое впечатление. Многие приехали в Россию первый раз. И мы видели в их глазах шок от увиденного масштаба, темпа жизни, русского гостеприимства.

Но был и казус. Обычно съезд открывает кто-то из официальных лиц государства. В Ирландии это был премьер-министр, в Аргентине целый день с нами провел вице-президент, в Болгарии принимал царь, в Лондоне – палата лордов, в Португалии – Баррозу. Я в Москве написал о планируемом событии в администрацию президента и мэрию, но даже не получил ответа. Ничего, сами справились. Я открывал конференцию, а ты, как, наверное, помнишь, презентовал свою книгу «Джордж Гэллап. Биография и судьба», изданную на русском и английском языках.

Если говорить о планах, то мы продолжаем проводить ежегодные встречи с нашими соседями-партнерами, развиваем региональных клиентов и, что особенно важно, начинаем продвигать общие технологии.

Наша скан-панель домохозяйств Romir Scan Panel – это наш флагман и наша гордость. Наша панель символизирует как раз тот факт, что глобальные компании не успевают за инновациями. А мы, как крупная, но частная компания, успеваем. В идее нашей панели нет ноу-хау, но есть скорость, с которой мы смогли эту идею реализовать.

Romir Scan Panel включает 25 тысяч участников, отобранных и зарекрутированных на основе городской репрезентативной выборки в городах с населением свыше 10 тысяч человек. Панелисты с помощью специального сканера, подключенного к компьютеру, сканируют штрих-коды всех товаров, которые они приобретают для домашнего потребления. Данные в режиме онлайн поступают на наш сервер. Панель позволяет понимать потребление отдельной семьи и домохозяйства. А сейчас мы внедрили мобильные сканеры, получив возможность отслеживать покупки каждого члена семьи для дома и вне дома. Мы знаем, кем, где, что, по какой цене было приобретено.

Информация, которой мы обладаем, уникальна и очень оперативна. Никто у нас в стране — ни бизнес, ни государство, ни контролирующие органы не обладает таким инструментом. И сегодня он становится очень востребованным. Клиенты ценят скорость данных, точность, их измеримость. В этом очевидное преимущество скан-панели.

И мы горды, что эта технология была признана лучшей на Innovation Day компании Procter&Gamble в 2011 году. А в 2015 году продукт на основе данных панели был признан самым инновационным среди всех агентства сети Gallup International. Для нас эта панель уже стала экспортной — мы ее сейчас устанавливаем еще в нескольких странах.

Андрей, спасибо тебе большое. Успехов и в деятельности вице-президента GIA, и руководителя РОМИР.

Интервью с Александром Михайловичем Никулиным

«Я СТРАННИК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ, И НЕ ТОЛЬКО АГРАРНЫХ...»

Никулин А. М. — окончил экономический факультет МГУ (1988 г.), кандидат экономических наук (1993 г.), магистратуру Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинка»), (1996); директор Центра аграрных исследований РАНХиГС. Основные области исследования: аграрная социология, аграрная экономика, историческая социология, социология знания.
Интервью состоялось: март – октябрь 2014 г

Интервью с Александром Михайловичем Никулиным началось в 20-х числах марта 2014 года, т.е. семь месяцев назад. Мы были знакомы до начала нашей беседы, поэтому не было необходимости во взаимном представлении, начало интервью было продолжением — конечно, на новом уровне — разговоров, обмена информацией, ведущихся несколько лет. Летом, в связи с полевыми исследованиям Александра в тех местах России, где Интернет работает нестабильно, режим диалога: «вопрос-ответ» было поддерживать сложно. Однако наше общение не прерывалось. Думаю, если собрать все письма, которыми мы обменялись за прошедшие месяцы, то сложится текст, по объему явно не уступающий объему публикуемого интервью.

Пятое поколение советских /российских социологов, к которому принадлежит Александр, — уже сейчас очень интересно для изучающих становление и развитие отечественной социологии, и навсегда останется притягательным для историков объектом анализа. Речь идет о социологах, родившиеся в период 1959–1970 гг., они прошли социализацию в советское время, но профессионально созревали в условиях перестройки и в постперестроечные времена. В частности, это отражается в значительном многообразии профессиональных судеб представителей данного сообщества, в предыдущих поколениях подобного многоцветия не было. Так, в группе из восьми представителей данной когорты, с которыми мне удалось побеседовать до Никулина, есть специалисты, зарекомендовавшие себя в области методологии социологии и прикладных исследований, есть полстеры и исследователи рынка, есть обладатели зарубежных научных степеней и «именные» профессора, есть первооткрыватели новых для российской социологии предметных областей и пионеры использования новых эмпирических технологий.

В моем понимании, исследования Александра Никулина, в их исторической и современной составляющих, – это пример эффективного синтеза многих интересных, методологических подходов, выработанных в области экономической социологии, понимания традиций русской истории и в целом бережного отношения к прошлому, а также его повышенного внимания к текстовой культуре.

В ходе интервью я заметил, обращаясь к Александру: «Похоже, к истории Вы прикипели в детстве, экономика – стала Вашей профессией, а через [БД: Андрея] Платонова Вы вошли в 1920–1930-е; его философия времени и стиль письма вполне могли этому способствовать. Возможно отсюда и возникла Ваша замороженность указанным периодом развития российской экономики». Вот его комментарий: «Да, пожалуй, Вы правы, когда построили мою личностную эволюцию как: история – экономика – Платонов – 1920–1930-е... – остаток – Альтернативы! Я думаю, что наиболее честные, ответственные, профессиональные люди 1920–1930-х годов искали гуманистические альтернативы своему “веку катастроф”. Чайнов с коллегами искали альтернативы, Платонов искал альтернативы. Борьба за альтернативы свободного многовариантного развития человечества, – вот послание, идущее к нам из 1920–1930-х годов».

Эти слова Никулина многое проясняют в генезисе его аналитической, поисковой деятельности, но до многого еще надо докапываться. Я немного по-хорошему завидую тем, кто познакомится с Александром, через это интервью, а затем прочтет его книги и статьи. Тогда одна из важнейших целей этой беседы с ним будет достигнута.

Никулин А. М. «Я странник междисциплинарных направлений, и не только аграрных...»

Александр, в моем представлении определенная часть Ваших исследований связана с изучением аграрных проблем, связано ли это с Вашим происхождением, с деятельностью Ваших родителей? Что вообще Вам известно о Вашей семье?

Думаю, что мое происхождение и детство определенно повлияли на мой интерес к аграрной проблематике.

О семье и родителях. По материнской линии я происхожу из поволжских немцев и поволжских украинцев. Я как-то попросил мою бабушку (маму моей мамы) Амалию Давыдовну незадолго до ее смерти рассказать историю нашего рода. Она помнила историю семьи от имени прадеда с 1840-го года. Уже тогда жили мои предки немцы в Покровской Слободе (ныне город Энгельс Саратовской области) и окрестных немецкоязычных селах. Все в этом немецком роду по профессии были или колбасники, или сапожники. Муж бабушки дед Семен был хохол по фамилии Зейко, потом в советском паспорте его фамилию сокращенно записали как Зей. Они поженились в годы гражданской войны, когда в Поволжье царили голод и бандитизм. У Бабушки отец и мать, многие братья и сестры умерли от тифа или погибли в хаосе гражданской войны. Она семнадцатилетняя вышла замуж за деда, который был тогда на 18 лет старше ее. Думаю, все же у них был счастливый брак, потому что бабушка всегда про деда Зея вспоминала с доброй улыбкой и иногда даже смеялась, рассказывая какой у нее был веселый и хороший муж. На фотографиях дед Зей это лысый, усатый полный мужчина прищурено добродушно вас разглядывающий. Дед в 1920-е годы стал нэпманом. Он торговал табунами лошадей и всяческого скота. В 1930-м году его репрессировали как нэпмана. Вскоре он сбежал из среднеазиатского концентрационного лагеря обратно в Энгельс. Оттуда с бабушкой они подались куда-то под Ленинград. Через несколько лет поселились в Москве. В годы войны эвакуировались обратно в Саратовскую область, где дед до самой пенсии работал управляющим в совхозе. Бабушка вела домохозяйство. У них было двое детей: старший сын и младшая дочь — моя мама. Мама по окончании школы поступила в Саратовский пединститут, где училась на преподавателя немецкого языка. После пединститута преподавала немецкий в школах Энгельса. Там на танцплощадке познакомилась с моим отцом — радиоинженером, находившимся в Энгельсе в командировке. Отец влюбился в маму с первого взгляда и на третий день их знакомства предложил выйти за него замуж. Мама ответила на это предложение согласием, но не сразу, а примерно через полгода после их знакомства. Итак, они познакомились в 1961-м, поженились, в 1962-м родился я.

Мой отец Никулин Михаил Петрович 1936-года рождения родом из центрально-черноземных крестьян Липецкой области. У них в семье было четверо детей (отец третий по счету), когда в 1941-м из колхоза на фронт призвали его отца и старшего брата, вскоре погибших на войне. Итак, осталась моя бабушка Маша с тремя детьми в то нищее и голодное военное и послевоенное время особенно для крестьян. Отец учился в школе хорошо. Окончил ее с серебряной меда-

лю и поступил в Рязанский Радиотехнический Институт. По распределению был отправлен работать на оборонное предприятие в подмосковное Кунцево, которое в ходе хрущевских реформ в 1961-м году очутилось в составе Москвы. Отец тогда много мотался по командировкам в разных районах СССР, налаживая радиолокационные станции ПВО. Так он и в Энгельсе оказался.

Потом в 1964-м году он уже с мамой и со мной отправился в многолетнюю командировку в город Ковылкино, где в тамошнем военном городке и его испытательных военных объектах и отец и мама работали до 1973 года. Оттуда наша семья уже в 1974-м году (в 1970-м году родилась моя сестра) окончательно вернулись в Москву. Там родители продолжали до самой пенсии работать на своем почтовом ящике, где отец дослужился до должности заместителя директора. Мама умерла в 2006-м году. Отец, слава Богу, жив-здоров, бодр для своего возраста.

Отец очень дорогой для меня человек. Как-то, вслух переосмысливая пути своей жизни, он сказал, что по окончании школы очень хотел поступить учиться в сельскохозяйственный институт, например, в Воронеж. Но тогда, в первой половине 1950-х годов, такая была безысходность в сельской жизни, что казалось, нет никаких перспектив оставаться в деревне даже с высшим сельскохозяйственным образованием, и отец подался учиться и работать в радиопромышленность, где, в общем, сделал успешную карьеру, был награжден несколькими орденами за все их пво-шные ракетно-стрельбовые комплексы... Но по характеру он у меня крестьянин, и мировоззрение у него крестьянское, и самозабвенно любит он копать в земле на своем участке. И отец, и его родное село, в которое мы с ним неоднократно приезжали и до сих пор приезжаем, конечно, повлияли на мой интерес к аграрной проблематике.

Еще, пожалуй, на мои аграрные исследовательские инстинкты повлияло проживание в маленьком мордовском городке Ковылкино (в 1960-е годы там было 16 тысяч жителей). А все наши малые города это фактически большие села, даже если их жители трудятся на окрестных высокотехнологичных военных объектах. Я вообще эту жизнь в Ковылкино вспоминаю как самое счастливое время. Хотя, чего-там было такого особенного в этом грязном и бедном мордовском городке. Как-то там, в одной из глубоких уличных луж в конце 1960-х годов застряла машина скорой помощи. Стала ее из грязи вытаскивать милицейская машина и тоже застряла. Тогда принялась их вытаскивать пожарная машина и, конечно, застряла. Так городок в одночасье оказался без всех своих единственных машин всех экстренных служб.

Но там, в Ковылкино я на своей детской шкурке чувствовал, что это такое есть теннисовский гемайншафт, когда вокруг все люди и собаки знают друг друга. Кто-то из них дружит друг с другом, кто-то враждует, но фактически все друг друга знают.

Поэтому когда мы переехали в Москву, для меня здесь жизнь стала шоком. Нет, у меня в моей московской школе были нормальные, хорошие отношения с одноклассниками и учителями, но, все задушевно дружеское восприятие реальности осталось связанным с Ковылкино...

... два факта интересны: во-первых, сама история Вашей семьи, во-вторых, Ваше знакомство с прошлым семьи... хотя для Вашего поколения последнее — не столь уж редко... что запомнилось из московской школьной жизни? Поначалу,

возможно, после «деревенской» жизни было сложновато... да и говорок у вас был не московский, наверное, были проблемы общения с ребятами?

Вы упомянули «говорок не московский»... Вообще-то меня всегда удивляло, что в нашей громадной стране специфически русских говорков-диалектов не так уж и много в сравнение, например, с гораздо более компактной Германией. Ну, есть в России «говорки» с северно-нечерноземным «о-каньем», с черноземно-рязанским «я-каньем», с украинско-русским «г-ыканьем». В Мордовии не припоминаю я ни у кого «говора» особо отличного от доминирующего меж Калининградом и Владивостоком московско-российского наречия.

Вы меня про московский период спрашиваете, а мне бы хотелось еще немного о ковылкинском что-то добавить. Во-первых, в Ковылкино существовала особая субкультура военного городка, в котором жили мои родители. Этот военный городок на окраине городка Ковлыкино был не велик — пять пятиэтажных хрущоб из силикатного кирпича. В них жили офицерские семьи и семьи «промышленников». Мои родители относились к «промышленникам», то есть к гражданским военным инженерам и техникам. С утра за офицерами и инженерами в городок приезжали военные автобусы и увозили их за 10 километров в воинскую часть, где происходило налаживание и испытание военной техники. Вечером эти же автобусы всех привозили обратно. Еще в военном городке были собственные дом офицеров, школа, гостиница, магазины и так далее. А вокруг Ковылкино стояли дремучие мордовские леса с грибами, ягодами, речками и озерами.

Конечно, военный городок не академгородок, но, тем не менее, уровень образования и воспитания офицеров-ракетчиков и радиолокационных инженеров, был, мне кажется, достаточно высок. У меня в семье, а также у большинства друзей и знакомых родителей существовал своеобразный культ книги. Телевизоры черно-белые тогда показывали свои программы мало, однообразно и с помехами. Народ вокруг меня — и дети, и взрослые — увлекался чтением книг. Конечно, это, по преимуществу, была советская система чтения. Мама и ее подруги коллекционировали подписные издания классики и тома Библиотеки всемирной литературы; отец и его друзья, кроме подписной классики, которую тоже любили и читали, собирали военно-промышленные мемуары от маршала Жукова до авиаконструктора Яковлева. Родители, кроме пары советских газет, выписывали в ковылкинский период журналы «Новый мир», «Москву», «Науку и жизнь». Отец любил иногда по вечерам читать вслух для всей семьи Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Есенина, Шукшина. Отец очень рано научил и меня читать. С шести лет я пристрастился читать книжки запоем. Вспоминая в этот ковылкинский период репертуар особо полюбившихся и запомнившихся мне книг (это мне 6 — 10 лет), обнаруживаю в них явно выраженную историко-антропологическую тематику. Одной из первых мною прочитанных книг были «Сказки народов Азии» с чудесными иллюстрациями. Потом родители как-то подарили мне также великолепно иллюстрированную «Калевалу». «Калевалой» я просто бредил, бормоча отдельные фрагменты нараспев и наизусть. Родители надо мной потешались: «Сань, и далась тебе эти Лямминкяйнен, Вяйнямейнен...». Потом я внимательно изучал, хотя бы для начала по корешкам и иллюстрациям, тома библиотеки всемирной литературы. Среди них я особенно любил копаться в произведениях древней и средневековой литературы, там обнаружил эпическую

ирано-таджикскую поэму Фирдоуси «Шахнаме». В свои 10 лет я неоднократно с удовольствием перечитывал эту книгу. Конечно, я любил читать книжки про греко-римскую античность. Интересно, что в моем детстве мне негде было достать Библию. Библейские сюжеты я постигал по репродукциям в нескольких альбомах классической живописи из семейной библиотеки. В последнем классе школы, уже в Москве, удалось мне у соседей взять почитать Евангелие. Только будучи студентом МГУ, добрался, наконец, до Библии, и еще позже, на старших курсах университета прочитал Коран.

Школа в военном городке была неплохая, поэтому, когда я очутился в московской школе, обычной московской школе, среди новостроек Кунцево, а не в элитной спецшколе, то я обнаружил, что соответствующие образовательные уровни учителей и учеников в обеих школах примерно одинаковы. И там и там, в основном среднего и пожилого возраста учительницы (учителя мужчины преподавали лишь физкультуру, труд и начальную военную подготовку) старались достаточно добросовестно передавать знания ученикам. Конечно, среди этих учительниц попадались «добрые» и «злые», «скучные» и «интересные» педагоги, — как везде. В московской школе мне особо помнится Валентина Яковлевна Гукина учитель русского языка и литературы, наш классный руководитель. Она любила свой предмет и нас, — а чего еще ученикам нужно?

Моя психологическая особенность в детском и подростковом возрасте заключалась в повышенной мечтательности на разнообразные литературно исторические темы. Я часто грезил наяву (пик этого мечтательства пришелся на время от 9-ти до 11 лет) Однажды в Ковылкино я брел с бидончиком молока, которое мы покупали для маленькой сестры у знакомых, державших корову, и меня сбила телега с лошадьёю. Я плелся, о чем-то мечтая, телега плелась мне вослед, догнала, задела краем колеса и я полетел в придорожный кювет, облитый молоком. Помню — сижу в репьях, даже на ресницах молоко, солнце сквозь него радугой сияет, мужик с телеги озабоченно испуганно меня тормозит. Хорошо мечталось в Ковылкино. На уроках тоже размечтаюсь о чем-нибудь, классный руководитель меня тормозит — я все мимо ушей пропустил.

С другой стороны, я был не совсем «ботаник» — интроверт, например, я очень любил спортивные игры: футбол, хоккей, бадминтон. И в Мордовии и в Москве был у меня пусть небольшой, но свой круг друзей-одноклассников.

Учился в школе я всегда хорошо, но не на отлично. Средний бал в сумме по всем предметам выходил примерно на 4,5. Учеба давалась легко, но я ленился добиваться совершенства, предпочитая больше времени тратить на всякое чтение с мечтательством по его мотивам. К старшим классам окончательно обнаружилось и закрепилось мое увлечение гуманитарно-обществоведческими дисциплинами — историей, литературой, географией.

Не возникало ли одновременно желание выразить то, о чем мечталось, о чем размышляли, в стихах, прозе, в очерках, не задумывались ли Вы о занятиях филологией, журналистикой?

Нет, в школе таких желаний не возникало. Я много тогда читал, в том числе и стихов, некоторые из стихов заучивал для себя наизусть, но кроме стандартных школьных сочинений ничего особенного не писал.

В старших классах школы я скорее думал о занятиях географией, историей, экономикой — читать любил больше, чем писать. Интерес к филологии и журналистике у меня проснулся позже в университете-армии-университете.

Середина 1970-х, все хорошие ученики вступали в комсомол. Увлекала ли Вас общественная работа?

Я в школе шел по пути обычного октябренька-пионера-комсомольца, во-время, не раньше и не позже, вступая во все эти организации, принимая в них умеренно активное участие. Октябреньком-пионером любил собирать металлолом. В старших классах мне нравилось готовить политинформации о международном положении, но ни к каким выборным должностям старост, комсоргов и прочих лидеров-активистов я не стремился. При моем тогдашнем мечтательно-созерцательном характере это была бы слишком обременительная обуза. В целом, говоря высоким штилем, будучи старшеклассником, я верил в идеалы социализма, хотя Леонид Брежнев и все его престарелое политбюро были предметом постоянных насмешек и для меня и для всего моего окружения в школе и дома. До сих пор, из подросткового детства помню и могу рассказать дюжину анекдотов про Брежнева и Ко. Глухо через семью, друзей, западные радиоголоса слышал про Солженицына и Сахарова. Эти имена среди окружавших меня близких людей произносились с уважением и опаской. Позже я осознал и узнал, что мои родители (работая на режимном предприятии, отец коммунист) что-то иногда приносили и читали из самиздата. Но мне этого читать не давали. И дома, и в школе, и среди родственников, и среди друзей велись разговоры о том, что партийная верхушка оторвалась от народа. Но вывод из всего этого следовал такой: хорошо было бы вернуться к ленинским идеалам социализма, чтобы слова не расходились с делами, и так далее.

Вот Потанин, который на год старше нас учился в моей же школе, он был комсомольский активист, с золотой медалью поступил в МГИМО. Сейчас олигарх известный. Он хорошо играл в дворовый футбол. Невысокий, но плотный и коренастый, ноги, как краб расставит, — его трудно было обыграть. Хотя и его обыгрывали, и ему забивали.

К моменту завершения школы у Вас сформировалось представление о профессии или не очень? Что было после получения «Аттестата зрелости»?

Я слышал тогда слово «социология», но это казалось что-то далекое. Социологических факультетов на рубеже 70-х — 80-х годов, кажется, у нас вообще не существовало... С другой стороны, на экономическом факультете МГУ, куда я ходил на день открытых дверей, казалось, преподавали не только экономику, но также историко-философские и историко-экономические дисциплины, которые меня, прежде всего, привлекали. Но как было поступить на этот факультет, один из самых престижных тогда в стране, с моими 4,5 балами неспецшколы? Выход был найден: я поступал и поступил на вечернее отделение экономического факультета МГУ и одновременно пошел работать на почтовый ящик, где имелась бронь от армии.

В университете я специализировался по политэкономии и истории экономики и экономических учений. В «почтовом ящике» работал оператором на громадных машинах типа ЕС ЭВМ. В это время я стал довольно ортодоксаль-

ным молодым человеком. На нашем в целом идеологическом факультете, например, в течение трех лет проводился спецсеминар по «Капиталу» Маркса. Один год спецсеминара посвящался изучению одного тома марксового труда. Я занимался всей этой схоластикой с большим воодушевлением. Под «схоластикой» я здесь понимаю, некий курс идеологическо-философской логики. Такая логика может быть, например, христианской, аристотелевской, гегелевской и так далее. При других историко-культурных обстоятельствах я, возможно, с таким же воодушевлением штудировал бы «Коран», а не «Капитал».

Вокруг меня и через меня протекали потоки повседневных советских несоответствий слов и дел, но с тем большим тщанием я стремился отыскать истоки идеальных соответствий в «сакральных» марксистско-ленинских текстах.

Моя ортодоксия в значительной степени оказалась прорвана на занятиях по диалектическому и историческому материализму. Мне очень повезло с преподавателями, читавшими у нас эти курсы. Диамат читал философ Сапунов, уже не помню его имени отчества. Занимался он с нами недолго. Мне кажется, его должны были отстранить от преподавания по идеологическим мотивам. Достаточно молодой длинноволосый человек декадентского типа, часто выпивший, он с университетской кафедры демонстрировал увлекательнейшие образцы спонтанной философской рефлексии, напоминая мне фортепьянные импровизации, спивающегося маэстро по мотивам мировой музыкальной (философской) классики. Сапунов в общении со студентами был добродушно рассеяно небрежным. Как-то по окончании очередного занятия кто-то из старательных студентов напомнил Сапунову, что он забыл дать задание на следующий семинар. «А... — не сразу отреагировал нетрезвый Сапунов, — почитайте этого дурака, как его... — Энгельса!». Это было очаровательно.

Но еще несравненно большее впечатление на меня оказали лекции и семинары по истмату Ермаковой Антонины Васильевны. Ермакова — шестидесятница в самом лучшем смысле этого слова закончившая в годы оттепели журфак МГУ, работавшая журналистом, а потом через несколько лет поступившая в аспирантуру экономического факультета МГУ и защитившая диссертацию по марксистской экономической методологии. Она на базе истмата фактически читала нам курс истории мировой социально-философской мысли. Вначале занятия Ермаково сжато и емко приводила ключевые положения и цитаты марксистских классиков, а потом увлекательно сопоставляла те или иные марксистские утверждения с постулатами других социально-философских систем, отнюдь не предрекая первенства марксистов перед другими древними и современными мыслителями. Именно на занятиях Ермаковой я впервые услышал десятки новых для меня интеллектуальных имен от Макса Вебера до Николая Федорова. А.В. Ермакова на долгие университетские годы стала моим первым и главным учителем.

На работе я находился в большом и интересном коллективе операторов ЭВМ и инженеров-программистов, там кроме, собственно занятости на вычислительных машинах надо было, конечно, и на овощные базы ездить и на картошку, участвовать во всякого рода общественных мероприятиях.

Однако нелегко было совмещать и работу на режимном предприятии, и учебу в университете. А больше хотелось наукой заниматься. По окончании четвертого года вечернего отделения я перевелся с потерей курса на четвертый год

обучения дневного отделения. Во время этого перехода я был призван в армию. Это был 1984 год – время одного из последних пиков холодной войны. СССР тогда сбил южнокорейский авиалайнер над Сахалином. Рейган разворачивал программу звездных войн. Так как на вечернем отделении в отличие от дневного отделения у меня не было военной кафедры, и не сдавал я по ней никаких зачетов и экзаменов, меня, хотя я уже приступил к учебе на дневном отделении, все-таки призвали в армию.

Я попал служить в войска ПРО, точнее даже в ПКО. Эти аббревиатуры означали особые подразделения в составе ПВО: противоракетная оборона и противосколическая оборона.

Наша секретная воинская часть располагалась в подмосковных лесах, входя в кольцо противоракетной обороны Москвы. Она состояла из двух циклопических (достойных египетских пирамид) сооружений: громадного здания передатчика и еще более громадного здания приемника. Станция сканировала космическое небо в поисках спутников и ракет. В случае начала ядерной войны такие станции и советские и американские должны были первыми предупредить обе нации о надвигающихся на них вражеских лавинах баллистических ракет и стратегических бомбардировщиков, а потом первыми сгореть от упреждающе ослепляющих ударов по самим же этим станциям.

Я служил в гигантском здании передатчика размером в несколько слепленных друг с другом атомных подводных лодок. Там внутри бесконечных коридоров, начиненных разнообразной аппаратурой, находилась и комната моего боевого расчета, состоявшего из командира-офицера и трех ему подчиненных солдат следящих по 12 часов за аппаратурой на боевом дежурстве.

В армии я обнаружил две особо интересных для себя обстоятельства. Во-первых, многонациональность и разнообразие характеров солдат нашей большой воинской части. В основном у нас служили русские, украинцы, белорусы, но также были армяне, грузины, чеченцы, дагестанцы и солдаты из среднеазиатских республик. Среди всех этих больших и малых этнических групп я наблюдал всякие интересные особенности национальной службы в армии. Кроме того, хотя я был постарше и пообразованней большинства окружавших меня солдат, но среди оказавшихся у меня армейских друзей я нашел несколько замечательных народных характеров, которые по своим нравственным качествам и оригинальности мышления произвели на меня неизгладимое впечатление. Такие мои друзья-солдаты (оба, кстати, украинцы) как Костя Филатов и Саша Парафейник во многом сами оказались моими учителями в солдатском быту и философском отношении к жизни. Они не учились в университете, но обладая природным здравым смыслом, юмористическими способностями и повседневной смекалкой, сами того не ведая, еще более убедили меня в ценностях народничества, которые я впитывал и впитываю в себя всю жизнь.

Еще должен упомянуть о моем чтении книг в армии. С одной стороны, у нас в воинской части была на удивление хорошая библиотека художественной литературы. С другой стороны, если сидишь на боевом дежурстве из месяца в месяц по 12 часов в сутки, а ничего из окружающей аппаратуры не ломается, то можно от скуки сдохнуть. Для борьбы со скукой на дежурство и солдаты, и офицеры провозили с собой книжки читать. Формально чтение на дежурстве было запрещено и по уставу приравнивалось к преступлению на боевом посту.

Но это по уставу, а в жизни под ремнем гимнастеров и в штанинах галифе мы провозили на дежурство книги, пряча их, таким образом, от проверявших нас дежурных офицеров. С другой стороны, много книг с собой так не провезешь. Поэтому книгу на дежурстве, особенно если она хорошая, читаешь бережно и медленно, торопиться некуда, служба длинная и новую книгу еще провезешь на дежурство с собой не сразу. Из всех библиотечно-армейских книг, которые я прочел, таким образом, на дежурстве, две я не просто прочитал, но проработал особо тщательно. Первая книга – повести и публицистика Андрея Платонова. Платонова я открыл для себя перед самой службой в армии, но именно в армии я систематически стал штудировать платоновские тексты. С этой армейской поры Андрей Платонов мой самый главный и любимый российский писатель XX века, так же, как Пушкин века XIX-го. А другая книга, над которой я особо тщательно поработал на боевом дежурстве, был университетский учебник-хрестоматия по правилам русского стихосложения ленинградского филолога профессора Холошевникова. Книга называлась очень по-советски «Мысль вооруженная рифмами: поэтическая антология по истории русского стиха», но, несмотря на такое почти партийное название, считаю, это был очень хороший учебник, по которому я прилежно постигал поэтические метрику, ритмику, строфику, интонацию на выдающихся примерах русского стихосложения от державинского «Снегиря» до гумилевского «Жирафа». Никогда на гражданке у меня не было столько времени и одиночества, сколько у меня его было в этой келье-тюрьме армейского дежурства для обучения грамоте поэтического ремесла. Так-то к окончанию службы я набил руку в стихах до такой степени, что мог в хорошем настроении настроичить оду 3-му взводу (я служил в 1-ом), стилизовав ее, например, под Михайло Ломоносова.

А если у вас на дежурстве под рукой нет книг, то пишите письма на гражданку. И вот, к окончанию службы я обнаружил через эволюцию моего армейского эпистолярного жанра (а мои адресаты это также подтвердили), что благодаря приобщению к тайнам платоновской прозы и российской поэзии стиль моего письма стал образным и увлекательным.

Осенью 1986-го года вернулся я из армии в университет, вокруг набирала силы перестройка. На нашем экономическом факультете задавали тон молодые ученые политэкономы А. Аузан, А. Бузгалин, А. Колганов, Я. Кузьминов. Сейчас это все ведущие ученые и общественные деятели в своих интеллектуально-идеологических направлениях. Я писал свою дипломную работу о сравнение экономики российской общины с общинными экономиками других стран под руководством замечательного специалиста по исследованию докапиталистических экономических формаций Нуреева Рустема Махмутовича.

Окончив университет в 1988-м году с дипломом «Преподаватель политической экономии, экономист» я стал искать работу по специальности. А тут, как раз, недавно назначенный директором Института Экономики СССР, Леонид Иванович Абалкин провел беспрецедентно большой набор на работу молодых экономистов выпускников вузов. Я попал в их числе в сектор Истории народного хозяйства и экономической мысли ИЭ СССР сначала стажером, а потом младшим научным сотрудником. Вокруг бушевала перестройка с публикацией

старых и новых художественных и политических произведений, демонстрацией замечательных выставок, спектаклей, фильмов, проведением разнообразных общественных мероприятий...

Во-во, сначала, пожалуйста, о том, что бушевало вокруг, как это все воспринималось, какие надежды порождало?

Интересно, что для меня тогда, вокруг, прежде всего, яркими красками забушевала интеллектуально-эстетическая жизнь. Я сейчас поймал себя на мысли, что неважно – тускло помню бушевание политической жизни перестройки. Странно, получается, политическая жизнь перестройки была тогда для меня менее интересной, чем сейчас. Честное слово я сейчас больше думаю и переживаю, о том, что произошло в 1991-м, почему распался СССР, чем во время самой перестройки. С точки зрения политического самосознания в конце 1980-х – начале 1990-х, кажется, все для меня было как в тумане. Страна распадалась, а я в это время чем занимался?... – Читал запоем, то, что раньше было, невозможно, или очень трудно достать почитать: Платонова, Пастернака, Мандельштама; Шаламова, Бердяева и других российских религиозных философов; а также разных западных интеллектуалов, которых в перестройку много стали переводить, конечно, разные художественные произведения эмигрантской литературы и разных поколений: Набоков и Газданов, Солженицын и Лимонов.

И, безусловно, на меня неизгладимое впечатление произвели великолепные выставки российских художников первой половины XX века, организованные в период перестройки: Шагал в Пушкинском музее; Лентулов, Малевич, Кандинский на Крымском валу. Да, в моем сознании при слове «перестройка», прежде всего, всплывают ярчайшие картины русского авангарда.

Нет, я не был аполитичен, я достаточно внимательно следил за перипетиями партийных и общественных форумов, читал с любопытством различную публицистику прорабов перестройки. Тогда наука социология у меня стала, прежде всего, ассоциироваться с образами Заславской и Левады, появившимися на телевидении. Я, конечно, интересовался аналитическими результатами ВЦИОМа.

В целом, я полагаю, разбирался достаточно здраво в раскладе политического противостояния меж командами Горбачева и Ельцина, хотя непосредственно в митингах и каких-либо политических мероприятиях ни на чьей стороне участия не принимал.

И все же, какой тусклой представляется мне политическая жизнь перестройки в сравнении с ее культурной жизнью!?

Теперь о секторе, в который Вы поступили работать? Какие цели преследовались его созданием? Кто возглавил эту работу? Был ли у Вас опыт историко-экономических исследований?

Сектор «Истории народного хозяйства и экономических учений» возглавляла тогда д.э.н. Надежда Константиновна Фигуровская. Я бы не сказал, что Надежда Константиновна была крупный ученый, но она была человек, безусловно, влюбленный в российскую социально-экономическую историю. Ее специализация была история аграрной мысли первой половины XX века, а также история российской кооперации. Фигуровская в перестройку с воодушевле-

нием организовывал переиздание сочинений реабилитированных экономистов 1920–1930-х годов, прежде всего, работ А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева. А я тогда младший научный сотрудник занимался в секторе Фигуровской в основном так называемой научно-вспомогательной работой – писал комментарии и составлял библиографию к переиздаваемым книгам репрессированных экономистов-классиков. Мне это было интересно и, безусловно, такая формально «черновая» работа очень полезна для формирования профессиональных академических навыков. Тогда же я впервые столкнулся с проблемами нравственно-идеологических конфликтов в научной среде.

Фигуровская была автором двух монографий об ученых-аграрниках – марксистах и немарксистах 1920–1930-х годов, опубликованных, соответственно, в конце 1970-х – начале 1980-х годов. В этих монографиях ею был собран добротный историко-эмпирический материал, но аналитическо-теоретическое осмысление этого материала было достаточно стандартным, написанным по идеологическим канонам языка застоя. То есть там периодически поминалось, что вот всякие буржуазные и мелкобуржуазные экономисты, включая Чаянова и Кондратьева, чего-то там недопоняли, не то и не так исследовали.

И вот в самый разгар перестройки, когда Надежда Константиновна занялась усердным переизданием Чаянова, Кондратьева и их коллег, в газете «Комсомольская правда» появилась иронично сердитая статья (имя автора этой статьи не помню) про ученых типа Фигуровской, которые в годы застоя ругали буржуазных экономистов, а теперь перестроились – публикуют их наследие, всячески его восхваляя. Бедная Надежда Константиновна, помню, стоит у окна нашего сектора и в расстройстве чувств самооправдывается: «Да, вообще, я не верила, что при моей жизни их реабилитируют, если бы я знала, что доживу, когда их реабилитируют, то я бы и ничего бы совсем про них не писала... Но ведь я, с другой стороны, все-таки вводила в научный оборот их имена, их работы...».

Инициатором этой критики Фигуровской был Василий Александрович Чаянов (сын А. В. Чаянова), человек по характеру довольно сердитый, конфликтный. До перестройки Василий Чаянов и Надежда Фигуровская были знакомы, между ними были нормальные отношения. Фигуровская расспрашивала сына об отце, собирая исторические о нем свидетельства. А вот в перестройку накопившаяся обида Чаянова младшего за униженность существования сына «знаменитого аграрника-вредителя Чаянова» прорвалась в ругани в адрес «приспособленца» Фигуровской.

Фигуровская, между прочим, была научным руководителем моей кандидатской диссертации. Но она ей вовсе не руководила, то есть она согласилась с темой, которую я придумал, и с названием диссертации «Организационно-производственный неоромантизм А. В. Чаянова», а дальше предоставила мне возможность писать все так, как я считал нужным, не вмешиваясь никоим образом в мою работу. И это было хорошо. Диссертацию я успешно защитил в январе 1993 года. Хотя уже в 1990-м году я был переведен из сектора «Истории народного хозяйства и экономической мысли» в отдел «Политической экономии», которым руководил Л. В. Никифоров в сектор «сельскохозяйственной кооперации» Т. Е. Кузнецовой.

Лев Васильевич Никифоров и Тамара Евгеньевна Кузнецова замечательные люди и ученые, – ученики легендарного аграрника В. Г. Венжера и младшие коллеги Т. И. Заславской (все вместе они работали в начале 1960-х годов в ИЭ СССР). Никифоров и Кузнецова оказались для меня бесценными учителями. С Кузнецовой я ездил в мои первые аграрные исследования в 1990 – 1992 годах в Костромскую, Вологодскую область, а также республики Северного Кавказа.

Из-за повседневных хаотических забот академического института я все откладывал завершение моей кандидатской диссертации. И вот весной 1992 года меня вызвала к себе Кузнецова и сказала: «Саша, наступает лето, идите и заканчивайте диссертацию, без диссертации в институт не возвращайтесь. Освобождаю Вас от всех работ по институту». Я выполнил тогда задание мною уважаемого руководителя – за лето завершил диссертацию.

Тогда же в 1992-м году я познакомился поближе на паре научных семинаров с Теодором Шаниным. Во время беседы с Теодором о наследии Чаянова, он упомянул, что в следующем году собирается открывать новую научно-исследовательскую организацию: Интерцентр (Междисциплинарный академический центр социальных наук) и предложил мне поработать в Интерцентре его ассистентом по науке, кроме того, в это время в самом разгаре находился шанинский крестьяноведческий российско-британский проект «Социальная структура российского села», основанный на долговременной полевой исследовательской работе в российских селах, и Шанин предложил мне также поучаствовать в этом проекте в качестве полевика-исследователя. Все это мне было, конечно, чрезвычайно интересно и весной 1993 года я перешел из Института Экономики работать в только что открывшийся Интерцентр.

Как такое случилось, что молодой экономист, окончивший МГУ, в начале 1990-х пошел работать в не создававшиеся крупные финансовые структуры (банки, биржи, иностранные фирмы), а сосредоточился на историко-экономических исследованиях? Чем они Вас привлекли?

Я всегда стремился и стремлюсь заниматься тем, чем мне интересно (правда, не всегда это удавалось и удается). А финансовые структуры мне неинтересны. Экономика меня скорее интересовала и интересует с точки зрения ее натурально-хозяйственной, материально-вещественной сущности. В этом отношении Чаянов чрезвычайно интересен, он стремился создать экономическую теорию, объясняющую: как в сложном конгломерате сосуществуют с системой капитализма иные экономические миры, например, семья, государство, кооперация и так далее не только в финансовых, но и в натуральных взаимосвязях. Постоянную трансформацию этого конгломерата не поймешь без истории. Классики марксизма были правы, когда в своих еще юношеских сочинениях утверждали: «Мы знаем лишь одну науку – науку истории». Я одно время мучился с моей академической идентичностью: по своему первому образованию я экономист, по второму – социолог, приходилось мне в различных междисциплинарных проектах вникать и в другие гуманитарные дисциплины, но в глубинной сущности моей я, себя ощущаю, прежде всего, историком.

Это мне очень интересно. Прежде чем задать следующий вопрос, узнаю: «Творчество еще каких экономистов Вы изучали?» Есть статьи, книги?

Мой основной интерес был сосредоточен на изучении экономистов 1920–1930-х годов. (Вообще, как историк, я больше всего заморожен периодом 1920–1930-х годов. На мой взгляд, это самое ужасное и самое героическое время во всей жизни человечества. Эрик Хобсбаум точно назвал это время: эпоха катастроф. Я люблю и ненавижу это время. Еще по духу времени и его эстетике мне чрезвычайно дороги 1950–1960-е годы, — это в XX-м веке. А в XIX веке мне ближе всего пушкинская эпоха — 1820–1830-е годы).

Но, об изучавшихся мною экономистах. Это, прежде всего, коллеги Чайнова, профессора так называемой организационно-производственной школы: А. Челинцев, Н. Макаров, Г. Студенский, А. Рыбников, А. Минин, а также кооператор А. Евдокимов. Кроме того, экономисты-либералы и экономисты-марксисты. Среди либералов: Л. Литошенко и Л. Юровский. Среди марксистов: Н. Бухарин, Н. Осинский, М. Кубанин и аграрники-марксисты. Также занимался изучением российских эмигрантов — экономистов: Ф. Щербина, А. Билимович, Н. Ясный, а также социологов: С. Маслов и П. Сорокин. Фактически избранные очерки, некоторым из этих экономистов посвященные, вошли в мою книжку «Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему». Остальные историко-экономические публикации в виде отдельных статей разбросаны по журналам и книгам, что-то из этого висит в интернете. Отдельно надо упомянуть, написанную мной в соавторстве с Л. Никофоровым, Т. Кузнецовой, Д. Рогозиным и А. Соболевым брошюру: «Возвращение научного наследия: социально-экономическая мысль русского зарубежья». Из экономистов (скорее интеллектуалов социально-экономического направления) XIX века были у меня статьи о В. Одоевском, А. Васильчикове, П. Кропоткине.

Между прочим, если говорить о книгах, взялся я лет десять назад писать книгу еще об одном экономисте, во всех науках толк познавшем. Книга должна была называться «Аграрник Сталин». Работал я несколько лет с мучительным увлечением над этой темой. А куски этого моего замысла публиковал в отдельных статьях о сталинизме, и рецензиях на книги о Сталине. Потом выдохся, другие проекты, пошли, и главное устал я смертельно от этого гениально кровавого маньяка. Знаете, над Сталиным работать, что кусок урана в руках держать — очень вредно для здоровья... Думаю, может все тексты, что про Сталина написал в отдельную брошюру печатных листов на 10 собрать, но пока сил нет.

Еще один из отдельных сюжетов, тоже напрашивавшийся в написание отдельной книги и оставшийся лишь в нескольких моих статьях и рецензиях: «История сотрудничества и соперничества советских и американских аграрников в XX веке». Но, чтобы действительно тут добротную книгу написать надо хотя бы на год в Штаты съездить — поработать с американско-советскими материалами.

Очень мне интересны идейные искания советских обществоведов шестидесятников, не только социологов, но также экономистов и географов. Собрал я по этой теме кое-какие материалы, но мало пока тут чего-либо написал.

Я не знал марксистского положения об уникальности истории среди других наук, но во многом с ним согласен, если иметь в виду общественные науки. Похоже, к истории Вы прикипели в детстве, экономика — стала Вашей профессией, а через Платонова Вы вошли в 1920–1930-е; его философия времени и стиль письма вполне могли этому способствовать. Возможно отсюда и возникла Ваша замороженность указанным периодом развития российской экономики.

Да и сам по себе этот этап интересен, вспомним, в первые годы перестройки советские экономисты, обращаясь «к Ильичу», через НЭП поддерживали горбачевские начинания. Каков же «сухой остаток» от изучения Вами работ перечисленных ученых?

Да, пожалуй, Вы правы, когда простроили мою личностную эволюцию как: история — экономика — Платонов — 1920—1930-е... — остаток — Альтернативы! Я думаю, что наиболее честные, ответственные, профессиональные люди 1920—1930-х годов искали гуманистические альтернативы своему «веку катастроф». Чайнов с коллегами искали альтернативы, Платонов искал альтернативы. Борьба за альтернативы свободного многовариантного развития человечества, — вот послание, идущее к нам из 1920—1930-х годов.

Я люблю фильмы и стиль мышления режиссера Алексея Германа. В его автобиографических размышлениях, изданных незадолго до его смерти, есть такое утверждение (воспроизвожу по памяти): «В России произошла революция, как много было тогда интересных идей, надежд и планов. А потом пришел маленький грузин и всех убил».

Перестройка это была тоже битва за альтернативы, непоследовательная, наивная. Я помню, когда познакомился с Шаниным, он поражался, как могли интеллектуалы-демократы издать свой замечательный сборник с таким фаталистически авторитарным названием «Иного не дано!». Шанин тогда даже критическую заметку написал (в «Коммунист» или «Вопросы философии» или «Знание — Сила» — не помню) — заметку под названием «Иное всегда дано!».

С точки зрения науки экономики я сторонник ее многовариантной альтернативной жизни. Вы можете ее называть многоукладной как в 1920-е или смешанной как это было в перестройку. Но чем больше в экономике сочетается самых различных институциональных форм со своими траекториями развития, тем лучше. Тут главная задача экономической политики — поиск оптимальных сочетаний развития между всеми этими укладами. Чем более экономика стремится к однообразию (быть только социалистической или только капиталистической), тем больше в ней и в самой жизни возрастает опасность авторитаризма «большого брата» манипулирующего людьми.

Справедливо-ли говорить о существовании каких-либо школ, направлений в истории экономических учений? Если таковые существуют, обозначьте специфику двух-трех исследовательских линий.

О, ну, это огромная тема, на которую, как и по поводу школ в социологии, можно рассуждать бесконечно долго. Это, прежде всего, хронологическая рефлексия самой политической экономии: меркантилизм, физиократизм, классическая политическая экономия, социалистические учения, кейнсианство, неоклассика, новый институционализм... Можно рассматривать направления истории экономических учений исходя из политических ориентиров: история экономической мысли либеральная, социалистическая, анархистская, консервативная, народническая (популистская)... и так далее.

Отлично, как бы Вы описали методологию своих исследований? В частности, как, на основании каких соображений, критериев Вы выбираете героев (а их уже немало) своих разработок?

Я как-то присутствовал на лекции классика советологии Моше Левина, написавшего несколько замечательных книг по аграрной и политической истории СССР. Его спросили: какова методология ваших исследований. Левин моментально и весело отпарировал: «Эклектика!» Мне понравился его смелый и насмешливый ответ. Размышляя над методологией и методологиями различных социальных исследований, я убедился, что по большому счету все чего-либо стоящие методологии, во-первых, эклектичны, во-вторых, глубоко индивидуальны. И прав Чарлз Райт Миллс, утверждавший, что каждый настоящий социальный ученый должен изобретать свою собственную методологию. Это потом эпигоны того или иного крупного ученого займутся «методоложничеством» — экстатической борьбой за методологическую чистоту своего направления — занятием довольно бесплодным и почти всегда агрессивным горделивым. Уж, на что немцы в науке методологии «собаку съели», но именно в их академической среде возникло это ироничное утверждение: «Человек не способный ни на что путное занимается методологией». Действительно, если ты такой крутой методолог — покажи класс — проведи по-настоящему оригинальное и плодотворное эмпирическое исследование!..

Что касается меня, то на мою личностно-эклектическую методологию оказали воздействие гуманистический марксизм, земские эмпирические и теоретические исследования — в особенности школа Чаянов (о, Чаянов потрясающий эклектик!), работы Вебера, Витгенштейна, феноменология А. Шюца, историческая школа Анналов (в особенности исследования М. Блока и Ф. Броделя), а также личное общение с В. Ядовым, Т. Шаниным и Дж. Скоттом.

О выборе героев, а также соответственно тем исследований. Изначально в основе моих исследований, как правило, находится вопрос: а как такое возможно? Вопрос удивления перед личностью, ее трудами, ее судьбой. Да, стремление увидеть и проанализировать нечто изначально удивительное в объекте вашего исследования — в личности человека или в истории малого сообщества — это мое главное занятие. «Особенные личности» (как интеллектуалы, так и простецы), а также «малые сообщества» — вот главные объекты моего исследовательского интереса. Что касается методологии исследования этих объектов, не сразу, я изначально это лишь интуитивно ощущал, позже стал осознавать и аналитически разрабатывать проблематику сюжета. Понимаете, в жизни человека и малого сообщества есть какой-то особый внутренний сюжет, — не в литературном смысле, сочиненный Толстым или Окуджавой, нет — в смысле достаточно объективном, творящемся в симбиозе взаимодействия внешнего окружения личности и сообщества с их внутренними замыслами и волеизъявлениями. Многоплановая аналитическая реконструкция этих сюжетов, с акцентом на возможных сюжетных альтернативах — моя главная исследовательская и методологическая забота.

Саша, Ваши командировки тормознули развитие нашей беседы, иногда это надо. Мне очень хотелось бы знать цели, задачи исследования, в рамках которого Вы совершали эти и, наверное, другие поездки. И такой вопрос я задам. Но прежде всего, не могли бы Вы описать виденное и пережитое (от виденного) как этнограф. Вы побывали в крупных, малых городах, в сельской местности. Вы сидели за рулем, каковы дороги и дорожная инфраструктура? Что можно сказать о магазинах, рынках, пришлось ли Вам быть у врачей, заходить в аптеки? Предполагала ли Ваша поездка общение с людьми из разных социальных групп? Каково Ваше общее

представление о жизни людей далеко за Садовым кольцом»?

Действительно полевых исследовательских проектов было достаточно (десятка три). И в этом году я для себя отмечаю 25-летие моих личных полевых исследований (начиная от коротких сельских командировок Института Экономики АН СССР).

Как «этнограф»... (В России сейчас все больше переходят на американо-международное «как этнолог»)... Конечно, все это было: города, села, дороги, магазины, рынки, больницы, разные социальные группы, а также местные органы власти, школы, библиотеки, фермы, домохозяйства... — и много еще есть всяких социальных институтов и страт российской провинции. Мои рассказы, веселые и грустные, о личных впечатлениях от дорог и людей российской глубинки могли бы растянуться на несколько месяцев. Часть этих многообразных впечатлений отражена в некоторых моих социологических очерках.

Но мне бы хотелось вернуться к Вашему предыдущему вопросу о методологии. Я уже упоминал, что как-то мучился, со своей идентичностью. Кто я: экономист, социолог, историк? Но я никогда не считал себя этнологом, при всем моем уважении к этой замечательной профессии и коллегам-этнологам, которых я читал или знаю лично, хотя я много работал и продолжаю работать именно этнографическими методами.

Причина этого заключается в том, что в моем понимании и ощущении этнолог (да простят меня коллеги-этологи за такую самодельную точку зрения) это, прежде всего, исследователь локального места. В этом смысле, простите за каламбур, этнолога правильнее было бы называть этнолог — исследователь этнолокальности. Именно в этом заключается уникальность профессии этнолога в сравнении с другими гуманитарными профессиями. Но в моей персональной этнологии именно социолог (в особенности исторический социолог) первенствовал, прежде всего. То есть я изучал и изучаю ту или иную локальность только для того, чтобы сравнивать отдельно изученные мной локальности с другими, мной и не мной изученными локальностями, генерализировать, обобщать, типизировать их, находить меж ними общими закономерности, — это скорее даже работа культургеографа. Вы знаете, у американских этнологов есть самокритичная шутка об их типичных дискуссионных конфликтах: «твоя деревня — не моя деревня». У одного вышло такое личностное этнолокальное описание, а у другого — другое, порой противоположное. И оба правы, ведь каждый из исследователей открывал и подчеркивал уникальность именно своей деревни, прежде всего, с точки зрения своей персональной оптики. Мой лозунг: «твоя деревня — моя деревня» — прежде всего, давай искать, что есть общего меж нашими деревнями, но это уже не этнологическая, а именно социологическая точка зрения.

Так вот с точки зрения такой моей регионально-локальной социологии я люблю вспоминать подслушанный Андреем Платоновым в вагоне времен Великой отечественной войны разговор двух беженцев: «Ты куда бежишь? — На Восток. — А я на Юг. — Впрочем, зачем и куда бежать... СССР везде одинаков». Конечно, и советская Россия и пост-советская Россия есть вместилище разнообразнейших культурных ландшафтов, сильно дифференцированных: «богатая» Кубань, «бедное» Поморье, «дикий» Дальний Восток, «бескрайняя» Сибирь,

«культурное» Подмосковье, «депрессивное» Нечерноземье и так далее... Но, Боже мой! Как же схожи, типичны повседневные социальные проблемы и повседневные практики жизни населения провинциальной России.

Несколько лет назад мы вместе с Теодором Шаниным выдвинули концепцию так называемой «Второй России». Россия первая — это Россия высших эшелонов элиты и слоев, обслуживающих ее интересы, сконцентрированная в столицах, а «Вторая Россия» — это остальное население (в основном провинциальное), не имеющее отношения к контролю и перераспределению доходов от потоков российских природных ресурсов. Разница в доходах и образе жизни меж ними огромна. Жизнь российских элит — в центре внимания масс-медиа, жизнь остальной части населения — иногда тоже попадает в центр аналитического внимания, но, наш взгляд, недостаточно. Мы провели конференцию посвященную феномену «Второй России», по результатам работы конференции выпустили научно-публицистический сборник «Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация».

Потом, занявшись международными сравнениями, я обнаружил, что феномен «второй страны» в собственной стране был характерен фактически для всех стран, где произошла резкая дифференциация в богатстве и культуре между центром и периферией. Оказывается, еще Оноре де Бальзак писал о «второй Франции» первой половины XIX века: «Чтобы увидеть «индейцев» Фенимора Купера, вам не надо отправляться в Америку, вы найдете их множество во французских провинциях среди французских крестьян». Э. Шумахер в сборнике «Прекрасное в малом» писал о феномене «второй страны» в большинстве стран «третьего мира». Итак, пост-советская Россия теперь обладает также собственной и значительной «Второй Россией», которая опять же внутри себя разнообразна, подобно разнообразным индейским племенам времен Фенимора Купера, и, несмотря на все свое этнографическое «индейское» разнообразие, «Второй России» присущи всеобщие «индейские» характеристики, которые меня чрезвычайно интересуют.

Из сказанного Вами и из ознакомления с материалами названного Вами сборника концепция «Второй России» представляется мне весь интересной и перспективной. Но почти сразу возникает вопрос о гомогенности «Второй России», не требуется ли ее расслоение. Конечно, не до уровня деревни, но все же...

Аналитическая пара «Первая Россия» — «Вторая Россия» это не столько научная концепция, сколько политико-идеологическая метафора глубокого раскола, фундаментального расслоения общества на центрально-федеральные и периферийно-локальные социальные слои и территории России. Это вопрос-вызов: сколько можно самолюбоваться отдельными роскошными достижениями «первой России» в Москве, Петербурге, Сочи, в некоторых других крупных городах, отворачиваясь от анемичного и депрессивного состояния остальной, подавляющей части социальных пространств «второй России»?

Эта аналитическая пара, если хотите, — грубая эпистемологическая карикатура, но вполне объективная, в ней представители и «первой» и «второй» России легко узнают себя.

Внутри самой себя «Вторая Россия», конечно, потрясающе разнообразна социально-экономически, этнически, религиозно и культурно. Я пока не берусь реконструировать и систематизировать это замечательное разнообразие в целом, а также динамику его развития, хотя в перспективе ставлю для себя эту чрезвычайно трудную и увлекательную задачу. На отдельных кейсах «Второй России» я стремился и стремлюсь исследовать траектории трансформации некоторых малых провинциальных сообществ России, выделить внутри них отдельные социальные группы, особенности их взаимодействия меж собой.

Каковы повседневные социальные проблемы и практики жизни населения провинциальной России?

Все эти социальные проблемы хорошо известны. Ну, например, ЖКХ – раздолбанная, убогая инженерно-социальная инфраструктура дорог, водопроводов, отопления, канализации российской провинции. Мой коллега историк Игорь Кузнецов очень точно подметил, что для России начала XXI века ЖКХ-ашный вопрос такой же болезненный как для России начала XX века вопрос аграрный. Именно из таких вопросов вызревают взрывы социального возмущения.

Вопрос образования. В России стремительно происходит расслоения образования.

Сильные школы для «Первой России», слабые – для «Второй». Хотя, надо признать, что родители «Второй России» идут на огромные жертвы, для того чтобы их дети могли достойно учиться.

Вопросы трудовой занятости. В провинции просят: дайте работу, создайте рабочие места! Увы, с работой и занятостью в провинции туго, в результате массовая миграция населения из сел и малых городов в большие города и столицы.

Практики провинциальной жизни – виртуозные комбинации доходов домохозяйств от работы членов их семейств в государственном, частном, неформальном секторах, а также ЛПХ (личных подсобных хозяйствах).

Есть ли отличие в отношении к событиям в Украине «Второй России» от отношения «России первой»?

Нет отличий. Воинствующий национализм в любой стране ведет к единству богатых и бедных, фаворитов и неудачников. Провинция в значительной степени находится под воздействием теленовостей федеральных российских телеканалов. «Вторая Россия» искренне радуется присоединению Крыма и верит, что Владимир Владимирович Путин разберется как надо и с Украиной и с Западом, зловредно обижающих Россию-матушку.

Не могу не откликнуться на обсуждаемую в последние полторы-две недели в России (и не только) тему запрета ввоза в страну многих видов продуктов питания. В какой мере сама «Вторая Россия» зависит от этого вида товаров и способна ли страна в ближайшие год-два обеспечить себя качественными (экологичными) мясомолочными продуктами, рыбой, овощами, фруктами и прочим?

Слухи об аграрной мощи России сильно преувеличены. Сельская Россия страдает от многих внутренне неразрешенных конфликтов пост-советских аграрных реформ. Наряду с рядом элитных, сильных аграрных предприятий в России существует масса слабых хозяйств, которые страдают не столько от иностранной конкуренции, сколько от невнятной российской аграрной политики в земельном

законодательстве, кредитовании, рыночной конъюнктуре. Кроме того, за годы пост-советских реформ оказался сильно подорванным технический и профессиональный потенциал российского сельского хозяйства. Если страны Запада в ответ на российские санкции введут эмбарго на поставки современной сельхозтехники, семенного материала, то у сельской России будет много проблем. В пост-советской России в значительной степени загублены собственное сельхозмашиностроение, собственная селекционная работа с растениями и животными. Почти все необходимое для поддержания и повышения производительности труда в российском сельском хозяйстве (высокопроизводительные машины и оборудование, элитные семена, породистый скот) приобреталось в последние 10 лет за рубежом. Российские инженерно-аграрные производства и сельскохозяйственные науки впадают в жалкое существование. И главная проблема — из сел в города разбежались многие квалифицированные сельские кадры. Я скептически отношусь к нынешней официальной эйфории, утверждающей, что поставив барьеры западному продовольственному импорту, Россия быстро обеспечит себя и мир высококачественным продовольствием. Конечно, в России не будет голода, но при нынешней внутренне противоречивой аграрной политике, не будет и аграрного процветания, а цены на продукты питания, в целом, возрастут. «Вторая Россия» во многом будет обеспечивать свою продовольственную безопасность, как обычно, на основе своих личных подсобных хозяйств.

Хочу временно тормознуть рассмотрение Вашей жизненной траектории и Ваших исследовательских направлений и просить Вас рассказать о профессоре Теодоре Шанине как ученом, учителе и гражданине. По-моему, трудно переоценить роль, значение сделанного этим человеком для российской науки за постперестроечные годы. Шанин — историческая личность.

Теодор заслуженно популярная личность в интеллектуальной среде России. Его биография, — мальчика из буржуазной литовской семьи, ссыльного подростка в советской Сибири и Средней Азии, борца за независимость Израиля, английского профессора — обществоведа, ректора российско-британского университета, президента Междисциплинарного академического центра социальных наук, «Интерцентр», — это своеобразная личностная энциклопедия всемирной и российской истории XX — XXI века. Шанин — многолик и многообразен.

Постараюсь сжато и емко охарактеризовать «моего» Шанина. Я впервые увидел Шанина в 1991-м году на одном из семинаров по истории сельского развития России. Теодор произвел на меня огромное впечатление манерой своего выступления, одновременно логичной и эмоциональной. Когда в начале 1990-х годов Теодор создавал «Интерцентр» и Московскую Высшую Школу Социальных и Экономических Наук — Российско-Британский исследовательский университет, он предложил мне стать его ассистентом по науке и одновременно принимать участие в его крестьяноведческих исследовательских проектах. Далее под руководством со-президентов «Интерцентра» Шанина и Заславской я несколько лет был директором «Интерцентра», а также читал и продолжаю читать некоторые курсы в МВШСЭН (Шанинке). Фактически из Шанинско-Даниловского Центра крестьяноведения и аграрных реформ МВШСЭН вырос Центр аграрных исследований РАНХиГС, работой которого я руковожу сегодня. Шанин один из моих самых дорогих учителей и друзей.

Работа под руководством Шанина оказалась для меня чрезвычайно полезной школой. Я увидел, как в своей личности Шанин объединял эффективного администратора, настоящего ученого и замечательного педагога. А ведь, как правило, в академическом мире, эти три качества редко найдешь гармонично и мощно сплавленными. Кто-то из нас — научных работников, прежде всего, полезный бюрократ, исследования и лекции, которого менее впечатляют, чем его административно-хозяйственные свершения. Кто-то — потрясающий исследователь, но человек часто не от мира сего, беспомощный в любых административных начинаниях и странный в своей педагогической деятельности. Кто-то — блистательный лектор-педагог, но скорее популяризатор науки, чем действительно оригинальный ученый или администратор. Повторюсь, пожалуй, впервые в своей жизни, в личности Шанина я увидел как эти три академические добродетели: исследование, педагогика, администрирование, — могут чрезвычайно плодотворно (почти без внутренних противоречий) сосуществовать в одном и том же ученом.

Шанин как ученый создал ряд оригинальных междисциплинарных исследований в области исторической, аграрной, экономической и политической социологии, социологии знания. Его работы по истории российского крестьянства, по эволюции политической и экономической системы России и СССР являются международной и российской социологической классикой. В 1990-е годы своими долговременными полевыми социологическими проектами «Социальная структура Советского / Российского Села», (1990–1993) «Реальная / неформальная экономика сельской России» (1995/1996) он фактически создал научную и организационную культуру междисциплинарных количественно-качественных полевых социологических исследований и исследователей.

Шанин как организатор науки стал настоящим мостом взаимопродуктивного сотрудничества и познания между академической наукой Запада и России. Благодаря его неутомимой энергии, прежде всего, через «Интерцентр» и симпозиум «Пути России» многие ученые России и Запада получили возможность для взаимного плодотворного диалога, обучения и сотрудничества в самых разнообразных международных проектах, программах, институтах.

Шанин — педагог создал Шанинку, пост-дипломный университет МВШСЭН, объединивший в себе лучшие педагогические и исследовательские традиции России и Англии. Выпускники этого университета сейчас задают тон во многих направлениях современной научной, общественной и культурной жизни России. В конце концов, найдите в интернете выложенные лекции и выступления самого Теодора, вы увидите какой это замечательный лектор и оратор.

Хотя больше всего я сотрудничал и сотрудничаю с Шаниным в области аграрной социологии, мне бы хотелось особо подчеркнуть значение Шанина как исследователя социологии знания. Одно время Шанин даже читал в МВШСЭН курс «Социология знания». Когда я слушал этот курс, на меня одно из сильных впечатлений произвело рассмотрением Шаниным природы ошибок познания: отчего и почему мы ошибаемся, что такое ошибка, как она возможна? На одном из административных совещаний МВШСЭН во время рассмотрения одного сложного и уже, не помню, какого именно конкретного вопроса, вокруг которого было много споров, председательствовавший Шанин миролюбиво напом-

нил собравшимся: «Коллеги, мы должны помнить, что любое решение, которое мы с вами примем, будет все же в некоторой степени ошибочно». А вот шанинское мнение о причинах распада СССР: «Поздний СССР боялся совершить ошибку, тянул время в нерешительном бездействии, в результате распался...». В кабинете на столе у Теодора стоит бюст Дон-Кихота, здесь же висит картина «Дон-Кихот и Санчо Панса». Шанину дорог образ Дон-Кихот благородного и бесстрашного борца со злом, который совершал и нелепые ошибки, — образ для романтического воодушевления и реалистичной самокритики.

Что это за институция — Центр аграрных исследований РАНХиГС? Какого характера исследования вы проводите? Какого типа советы или рекомендации — вырабатываете? Можно ли вообще решить те проблемы «Второй России», которые Вы вчерне обозначили выше?

Центр был создан в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ в 2011-м году. РАНХиГС является одним из обширнейших образовательных и исследовательских учреждений России, занимающимся подготовкой кадров государственных и муниципальных служащих, исследованиями и выработкой рекомендаций в области экономической и социальной государственной политики.

Наша исследовательская команда пришла в РАНХиГС с основательным опытом работы в Центре Крестьяноведения (Интерцентр, МВШСЭН) научные традиции которого были сформированы Т. Шаниным, В. П. Даниловым, Т. И. Заславской, чьи исследования всегда несли в себе фундаментальную академическую междисциплинарность.

Я никогда не забуду, как отправляя меня в одно из полевых аграрных исследований, в котором сочетались количественные и качественные методы изучения реальной экономики колхозов, бюджетов домашних хозяйств, местных сельских политических структур, Шанин меня напутствовал такими словами: «Из поля ты должен вернуться не просто с описанием колхоза, бюджетными данными, анализом местной политической жизни... ты должен воссоздать и реконструировать саму реальность, привези мне реальность».

Реальность! Ничего себе пожелание. Это как предложение из русской народной сказки: «иди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Тем не менее, именно когда ты с такой задачей идешь в поле, тогда-то и возвращаешься из него с чем-то действительно существенным. Для изучения и реконструкции такого рода реальности наш Центр проводит междисциплинарные и компаративистские аграрные исследования в России и за рубежом, сочетая фундаментальные (академические) и прикладные (политика/бизнес) исследования, а также исследовательскую и образовательную деятельность.

Сотрудники Центра представляют собой междисциплинарную команду экономистов и социологов, историков и географов. Наши исследования проводятся как количественными, так и качественными методами, с выездом сотрудников Центра в полевые исследования в сельские регионы Европейского Севера, Нечерноземья, Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока. Итогом нашей работы являются как официальные отчетные доклады в рамках госзаданий НИР, так и публикации в академических и научно-популярных журналах, а также в ежегоднике нашего Центра: «Крестьяноведение: теория, история, современность».

Что касается упомянутых Вами рекомендаций для «Второй России»... Ну, давайте, осознаем еще раз, что «Вторая Россия» это примерно 4/5 всего населения Российской Федерации, около 100 млн. человек, живущих по преимуществу в провинции, точнее в различных провинциях — разнообразнейших регионах. Универсальных рекомендаций здесь не может быть.

Впрочем, надо отметить, что значительные слои «Второй России» стремятся под воздействием современной идеологии маркетинга и коммодификации, а также российской идеологии консервативного государственничества найти универсальную дорогу поближе к «Первой России», а в перспективе самим стать как «Первая Россия» — богатая, могущественная, модная. Я имею в виду стремление значительных социальных слоев провинциальной России всеми способами встроиться в потоки рыночной глобализации и российской бюрократизации.

Например, и наши исследования и общероссийский количественные исследования показывают, что, с одной стороны, «Вторая Россия» именно в последние несколько лет успешно осваивает практику и стандарты общества потребления — постоянное стремление к признакам внешнего достатка, престижного потребления и отдыха в русле идеологии казенно-патриотического существования.

Как это, например, может выглядеть в российской сельской провинции? — У большинства местных семей нет возможности, например, построить свой собственный дом. Но есть возможность внести в облик своего традиционного жилища элементы глобального благоустройства. В своих сельско-феноменологических наблюдениях на сегодняшний день я насчитал, по крайней мере, 4 таких демонстративных признака провинциально-потребительского глобально-рыночного обустройства. Представьте себе наш обычный деревенский российский деревянный пятистенок и дополните его (1) спутниковой тарелкой для приема нескольких десятков телеканалов, (2) пластиковыми окнами для лучшей тепло- и шумо- изоляции, (3) яркой (неприменно яркой — ядовито... зеленой, синей, красной) крышей из современных металло-пластиковых материалов, наконец, (4) новым забором, стандартно металлическим, также стандартно ядовито ярким, часто под цвет и фактуру крыши, почти всегда непроницаемо глухим, в отличие от традиционно деревенского щелястого деревянного «штaketничка». Обитатели такого дома отпуск свой стремятся проводить, как правило, в Турции. Почему в именно в Турции? — Потому что Турция, это, с одной стороны, «заграница», с другой стороны, по соотношению «цена-качество» самая легко доступная «заграница» для «Второй России», тем более, что в Турции может отдохнуть и «Первая Россия», правда в более дорогих турецких местах и отелях. За последние несколько лет «Вторая Россия» уже набрала кучу потребительских кредитов на покупку автомобилей, кухонь с посудомоечными и стиральными машинками, компьютеров и так далее... Между прочим, сельская и провинциальная Россия задыхаются от все возрастающих куч мусора от пластиковых и прочих упаковок, окружающих в самых неподходящих местах территории местных маломощных муниципалитетов.

Старательно стремясь встроиться в современный глобальный консьюмеризм, тем не менее, большинство представителей «Второй России» стремится также не отрываться от казенно-патриотических корней национального существования. Это заметно по тому, куда стремятся определить своих детей работать и учиться родители «Второй России». В беседах с родителями «Второй России»

меня всегда поражала непропорционально большая доля замыслов пристроить свои чада на работу в милицию, прокуратуру, таможду, ФСБ и прочие государственные, на худой конец муниципальные органы власти. Одна сельская мать, отношусь к ней с большим уважением, женщина справедливая, с большим чувством юмора и собственного достоинства, так рассказывала, как она повлияла на выбор профессии своего сына: «Он у меня в старших классах чего-то стал мечтать о профессии врача, не просто врача — хирурга, пальцы рук у него и правда, длинные, как у хирурга. Я ему сказала: «Сыночка, там ведь в медицине, надо за свою работу отвечать... Привезут тебе на операционный стол растерзанных в автокатастрофе отца и его сыночка маленького. А та их сошьешь неправильно, все тела их меж собой перепутаешь. Тебе же потом люди скажут, ты, что же, гад, делаешь? Ты должно быть свой диплом врача на сало выменял!?!...» — Так он после этой беседы так серьезно призадумался — расхотел учиться на врача (может и зря ему отсоветовала, впрочем, мы бы финансово его медицинское обучение все равно бы не потянули...), — пошел на таможенника учиться. Сейчас закончил учебу, практику на таможне проходил, но говорит неинтересная работа, все с бумажками надо возиться. Хочет устроиться в ФСБ, но попасть туда непросто. Вот его сейчас в армию призывают, он специально в десантники напросился. Службу в десантуре может зачтут ему при приеме в ФСБ».

Итак, ныне преобладающе магистральный путь «Второй России» следовать в фарватере «Первой» — прислуживать и подражать ей, мечтать о том, как за такое свое примерное консьюмеристско-казенное поведение, в конце концов, и «вторые» станут «первыми».

Конечно, для «Второй России» характерны и различные нонконформистские практики социальной жизни. Например, извечное, идущее еще от старообрядцев, стремление наоборот уйти от соблазнов государства и рынка, в глубинку натурально-хозяйственного существования. В последнее время, это традиционалистское стремление находит значительное интеллектуальное подкрепление в новейшем движении эко-поселений и родовых поместий — стремлении как городских, так и сельских семей самого разного достатка в создание жилищ и сообществ экологически чистых, самодостаточных, ориентированных на использование и развитие альтернативных источников природной и социальной энергии.

Наконец, надо сказать о чрезвычайно важной и все более набирающей силу стратегии социального партнерства в пространствах «Второй России». Речь идет, прежде всего, о движении ТОС — территориальном общественном самоуправлении. Движение достаточно молодое, от силы ему лет 10. Суть ТОС — объединение усилий групп местных жителей, прежде всего, в благоустройстве и развитии окружающих их территорий в партнерстве с муниципальными, государственными органами власти, а также местным бизнесом. Практики ТОСов выглядят примерно так: по месту жительства по инициативе отдельных активистов создаются ТОС-организации, выдвигающие инициативы благоустройства местной провинциальной жизни: строительство детских площадок, ремонт и строительство местных мостов, дорог, и прочего самого разнообразного окружающего культурного обустройства. ТОСы пишут заявки на гранты поддержки их деятельности, финансируемые соответствующими органами муниципальной и государственной власти. Обычно сумма такого гранта около 200 тыс. рублей + рабочая сила самих

участников ТОСа + возможные дополнительные вложения деньгами и техникой остальных партнеров ТОСа от физических лиц до юридических организаций. Все это кажется такой «теорией и практикой малых дел земских времен» в России XXI века. Но положительный эффект от такой деятельности безусловно есть. За последние несколько лет в значительной степени именно благодаря ТОСам, по крайней мере, предохранено от запустения и заброшенности тысячи и тысячи мест культурного обитания провинциальной России. Конечно, по большому счету, и в феномене ТОС возможно обнаружить признаки несправедливости, разделяющих «Первую» и «Вторую» России. В беседе со мной один из организаторов сельского архангельского ТОСа, демонстрируя результаты его недавней деятельности – детскую площадку в центре села, заметил: «Вот как возникла эта детская площадка – мы собирались, писали проект, участвовали в конкурсе подобных проектов других ТОСов, ждали, выиграем ли грант, выиграли, да еще своим трудом и вложениями построили, наконец, эту площадку для наших детей. А у вас в Москве и Питере и других крупных городах, строят вам много таких детских площадок, а вы и представления не имеете: откуда вам такие средства, и не обязаны вы в этом строительстве участия принимать, а нам значит ТОС – «демократия для бедных». Да, это так, – это маленькая, фрагментарная, маломощно созидательная демократия, в современных российских условиях непременно под организационно-финансовым присмотром государства. И, тем не менее, даже в таком виде ТОС-демократия оказывается чрезвычайно востребованной и эффективной. Мои сельские респонденты, указывая на отремонтированные их ТОСами участки дорог или построенных мостов через местные ручьи и речушки, отмечали: смотри, это построено в раз пять дешевле, чем это сделало бы государство, в несколько раз надежней и без коррупции. Я с ними согласен.

В наших исследованиях мы стремимся выявить именно многообразно оригинальные практики самоорганизации и саморазвития «Второй России», найти пути их устойчивого и достойного развития через местные самоуправление и кооперацию.

Я сейчас веду интервью с Дмитрием Рогозиным, который наблюдает жизнь «Второй России» в малых городах Сибири, в «глубинке». Как и у Вас, это тоже экспедиционный метод, глубинные интервью; думаю, Вы знаете о его проекте. В частности, он описал жизнь одного монопроизводственного городка; история – типичная. Раньше все жители городка так или иначе были связаны с функционированием крупного предприятия, в последние годы его владелец, молодой, прогрессивно мыслящий человек, меняет технологию производства, что ведет к резкому сокращению численности работников этого комбината. Как следствие – высокой уровень безработицы, износ всей городской инфраструктуры, потеря населением ориентиров в жизни, отток молодежи и т.д. Руководство комбината все это понимает, но оно не может решить всех проблем города, не могут активно помочь городу и высокие региональные властные структуры.

По Вашему мнению, насколько описанное типично? В чем Вам видится решение этих проблем?

История очень типичная. Во-первых, она типична в основополагающем политэкономическом смысле. Везде, где проводится рационализация производства, связанная с повышением производительности труда, там происходит

сокращение рабочей силы, порой весьма значительное — и не только в сибирских, а также в американских, африканских, китайских городках, — по всему свету. Но она типична для нас также в специфически постсоветском контексте. В экономической теории и в социальной практике предполагается, что конъюнктура рынка и социальная политика государства предоставят альтернативные места занятости жертвам технологического прогресса. Альтернативные места занятости появятся, благодаря все тому же прогрессу рыночного типа, изобретающему также все новые места для приложения человеческой активности. Но это все идеально типичные предположения социальных наук, в реальности международной и, конечно, пост-советской особенно среди легко уязвимых моно-территорий моно-производств мы можем обнаружить в результате закрытия или модернизации местных предприятий значительный рост безработицы, сопровождаемый, как правило, упадком местной инфраструктуры и культуры. Кейс Рогозина я могу дополнить сюжетами массового высвобождения работников ряда современных сельскохозяйственных и лесоперерабатывающих предприятий, как правило, в результате того, что современные, как правило, импортные, трактора или комбайны, с соответствующими шлейфами навесных орудий, оказываются в пять раз производительней бывших советских машин, в пять раз, сокращая, таким образом, количество требуемых механизаторов в аграрной и лесной сфере.

Значит надо создавать альтернативные места занятости, — сокращенные трактористы и доярки, лесорубы и трелевочники пусть идут работать на вновь открываемые предприятия местной аграрной и лесной переработки — от молоко- и хлебо- заводов до мебельных и сувенирных фабрик. Но это такой высший пилотаж социально ориентированной рыночной политики, который в реальности малодоступен неуклюжим российским органам государственной и муниципальной власти. Более того, сплошь и рядом мы на местах видим конфликты между местными предприятиями (местным бизнесом), местными муниципалитетами, местными органами власти и местным населением. В чем выход? — в поисках партнерства. У нас бизнес, власть (государственная и муниципальная), а также население сплошь и рядом смотрят друг на друга как на врагов. На примере ТОСов я говорил о созидании культуры социального партнерства пусть пока на самом низовом микроуровне, использующем, прежде всего, местные ресурсы.

Саша, Ваша командировка дала нам естественный переход от Ваших историко-научных исследований к Вашим исследованиям современной реальности. Вы сами считаете, что работаете по двум разным направлениям или они — просто две проекции какого-то единого замысла, скажем, суперпроекта?

Интересный вопрос. Долгое время я считал, что это разные направления, в шутку для себя называя их «мои два фронта», меж которыми я разрывался и разрываюсь уже много лет. Но в последнее время я ощущаю как эти до того разрозненные области моих занятий определенно трансформируются в «единый фронт» исследовательской работы. Например, в текущих полевых исследованиях меня чрезвычайно интересует проблемы социальных пространств депрессивных и маргинальных территорий Российской Федерации. И вот я обнаруживаю, точнее заново осознаю и припоминаю, что многие мной любимые советские

авторы, ученые и литераторы, уже ставили именно эту проблему в центр своих интеллектуальных исканий. Мандельштам, сосланный в 1930-е годы в Воронеж, пророчески восклицал: «Что делать нам с убитостью равнин!?»

Я ищу альтернативы пространственного развития заброшенных территорий, но как историк, я хорошо знаю, как часто новые альтернативы оказываются хорошо позабытыми альтернативами старыми. Восстановление распавшейся связи времен альтернатив прошлого и настоящего в поисках альтернатив будущего, — вот что начинает объединять сейчас мои историко-биографические и социально-региональные исследования. Впрочем, я нахожусь здесь в начале пути — на уровне смутного предчувствия, а не внятного проекта.

Мне знакомо это состояние предчувствия. На рубеже старого и нового столетия я начал изучать становление американской: рекламы (первая половина XX века) и возникновение опросов общественного мнения в США (1930–1980). А в 2004 году, не заглядывая далеко вперед, втянулся в проведение интервью с социологами и задумался о некоторых сторонах нашей истории. И потом на протяжении, наверное, пяти лет думал, что у меня два проекта. Но потом осознал, что — лишь один — «поведение творческой личности в разных социально-политических средах». И стало легче... Не задумывались ли Вы о подготовке докторской диссертации, тематика которой синтезировала бы Ваши находки и раздумья, накопившиеся за последние годы?

Да, Ваше исследование, действительно, в конце концов, глубоко и органично вобрало в себя проблематику творчества социальных исследователей в США и России. Хотя даже Ваши первые публикации про становление опросов общественного мнения в США казались мне какими-то очень русскими. Не в том смысле, что российским исследователем написаны, а в том, что когда лет 10 назад читал я у Вас главы про Гэллапа или про Хурью, у меня возникал ассоциативный ряд идей, связанных именно с российской проблематикой социальных исследований и исследователей.

В этой связи я должен еще упомянуть, что в российских исследованиях проблематики сельско-городских периферийных пространств для меня всегда был важен учет исторического и современного опыта иностранных исследователей, прежде всего, американских и германских, но также английских, голландских и финских ученых.

Исследования проблем опустошенности российских пространств не может опираться исключительно на отечественную традицию, какой бы, действительно, богатой и глубокой она не была. И российским и иностранным исследователям необходимо компаративистское сравнение «особенностей национальных глубинок». Между прочим, сейчас с несколькими иностранными коллегами я как раз обдумываю возможность такого специального проекта синтезирующего различные методологии исследования особенностей региональных маргинализаций.

О докторской. Хотелось бы ее написать. Но, любая диссертация — магистерская, кандидатская, докторская, — есть, прежде всего, образец академического чистописания на избранную оригинальную тему. К сожалению, у меня именно на

академическое чистописание систематически не хватает времени и сил. Вот этим летом хотел, как раз поработать над докторской, а в результате в очередной раз увяз в полевых исследованиях, в этом летнем сезоне — в архангельских «болотах».

Вообще когда-нибудь нам надо будет специально пообсуждать специфичность современных российских подходов к анализу биографий и наследия ученых, внесших заметный вклад в развитие тех или иных научных идей и методов. Вы упомянули мои ранние работы по истории опросов общественного мнения в США; первая моя публикация об Эмиле Хурьи была осенью 2002 года, а о Джордже Гэллапе и того раньше. Я многое тогда упрощал, отчасти в силу того, что не предполагал задерживаться надолго в этой исследовательской нише.

Но остаюсь в ней уже свыше 10 лет. И что для меня оказалось совсем неожиданным, так это возвращение к анализу мало изученного американскими специалистами наследия и личности Хурьи. Так, я задумал написать статью под условным названием «То, что казалось тупиком, было прорывом». Простенькая процедура перевзвешивания результатов электоральных соломенных опросов, разработанная Хурья на рубеже 1920-х — 1930-х годов и забытая после рождения гэллаповских выборочных опросов, в 2008 году предстала как суперновый агрегационный метод прогнозирования исхода президентских выборов. А первые опыты Хурьи в консультировании стратегов президентской кампании Франклина Рузвельта стали одним из импульсов развития политконсультирования.

Вам не приходилось обнаруживать в супер новом хорошо забытое старое?

Мне кажется, любому более менее серьезному исследователю приходится относиться к «супер новому», во-первых, с разумной осторожностью, ибо достаточно часто «супер новое» оказывается всего лишь модной пустышкой, а во-вторых, настоящее супер новое, как правило, опирается осознанно или неосознанно на предшествующую интеллектуальную традицию. В таком случае это супер новое для доказательства своей интеллектуальной респектабельности само радо подтвердить, что оно является современной реинкарнацией хорошо забытого старого.

Из моих собственных историко-современных исследований я могу сослаться на феномен долгого критического забвения и недавнего открытия концепции сельского-городского континуума Питирима Сорокина, между прочим, современника Хурьи, также как Хурья чрезвычайно плодотворно работавшим в Америке именно конца 1920-х — начала 1930-х годов.

Уж, насколько Сорокин в пост-советской России стал популярной фигурой, но и то в фокусе интереса современных российских исследований все находились сорокинские социологии революции, голода и культуры. Я сам обратил внимание на значение концепции сорокинского сельско-городского континуума на одной небольшой конференции в Хельсинки, посвященной проблемам организации сельско-городских пространств, где английские географы пост-модернисты и скандинавские сельско-городские социологи чрезвычайно плодотворно разрабатывали идеи сорокинского сельско-городского континуума применительно к современной европейской пространственной реальности.

Другой пример, относящийся к совсем недавним временам, — исследования Татьяны Ивановны Заславской и ее коллег в области типологии советской сельской деревни конца 1970-х — начала 1980-х годов. Здесь ситуация оказалась

еще более драматической. Как известно, в период перестройки сельские исследования Заславской были подвергнуты злобной, недобросовестной критике, утверждавшей, что именно Т.И. Заславская была виновна в претворении в жизнь концепции так называемых неперспективных деревень. Возможно из-за этой ахинеи, до сих пор мало кто берется переосмыслить значение именно сельских исследований Заславской для понимания современных проблем российского села, — исследований, на мой взгляд, и по сию пору, безусловно, ценных.

Вы знаете, чем хороши научные исследования из прошлых времен, часто становящиеся для нас неувядающей, креативной классикой? — В них пульсирует мера как способ научного измерения, как путь к исследовательской гармонии.

В этой связи против соблазнов «супер нового» без припоминания хорошо забытого старого я люблю вспоминать замечательное четверостишие Г. Иванова:

И черни, требующей новизны,
Он говорит: «Нет новизны. Есть мера,
А вы мне отвратительно-смешны,
Как варвар, критикующий Гомера!»

В 60-е — 70-е годы было написано значительное количество научных биографий выдающихся людей. Так, В. П. Зубов издал глубокое исследование о Леонардо да Винчи, даже во Франции высоко ценят описание А. З. Манфредом эпохи и личности Наполеона, блистательными по содержанию и стилю являются книги Б. Г. Кузнецова об Эйнштейна, Галилее, яркими примером «кентавристического», или научно-художественно-научного, подхода к анализу творчества стали работы Д. С. Данина о Боре и Резерфорде. Мог бы продолжить этот ряд. Уже два десятилетия я живу в Америке и понимаю, что оторвался от литературы этого рода. Может быть, Вы, хотя бы немного, наблюдаете за новинками историко-биографического жанра?

Да, конечно, историко-биографический жанр один из моих самых любимых. Я приобщился к нему в детстве. Лет в 10 я с удовольствием прочитал книгу публицистических очерков Ярослава Голованова «Этюды об ученых», которые изначально, насколько я помню, печатались в «Комсомольской правде», а потом были изданы отдельной книгой. До сих пор из этой книги помню очерки о Ньюtone, Гюйгенсе, Декарте, Курчатове. В библиотеке родителей я прочитал книгу Данина о Резерфорде и книгу Кузнецова о Галилее.

В современной России, на мой взгляд, жанр биографики очень популярен. Но для него часто характерен перекосяк в попсовые историко-политические и звездно-бытовые стороны. Впрочем, в серии ЖЗЛ, достаточно регулярно выходят ценные научно-биографические книги. Из мной прочитанного хочу особо отметить ЖЗЛ-книги «Колчак» Павла Зырянова и «Платонов» Алексея Варламова. К сожалению, я почти не слежу за биографикой именно ученых. Здесь могу отметить книжку Тамары Кузнецовой об экономисте академике Л. И. Абалкине.

Саша, по всему, что Вы рассказали мне о направлениях своих научных интересов, о разрабатываемых проектах и методах анализа, из того, насколько я знаком с результатами Ваших поисков, можно заключить, что, несмотря на многолетнюю работу в сильных научных коллективах, регулярное участие в различных форумах, Вы не принадлежите к какой-либо социологической (или социоэкономической) исследовательской школе, Ваше участие в комму-

никационных сетях весьма ограничено. Так ли это? Прокомментируйте мое допущение...

Это Вы точно подметили: ни к каким особо школам не принадлежит, в коммуникационных сетях участвует весьма ограничено ... — так я чувствую себя более естественно и свободно. Я странник междисциплинарных направлений и не только аграрных, часто бредущий в маргинальных пространствах социальных наук.

От Г. С. Батыгина я как-то услышал о науковедческом открытии В. А. Ядова: «Все ученые живут шайками!». Мне очень дорого это ядовское, по сути, также странническое утверждение, — я с ним абсолютно согласен. И у меня есть своя «шайка» близких мне по духу исследователей-странников междисциплинарного познания мира.

Интервью с Ириной Будимировной ОЛИМПНЕВОЙ

«Я – СОЦИОЛОГ ВО ВТОРОМ ПОКОЛЕНИИ ...»

Олимпиева И. Б. – окончила Куйбышевский планово-экономический институт (1984 г.), аспирантура СПб государственного университета экономики и финансов, кандидат экономических наук (1990 г.) Центр независимых социологических исследований, координатор направления «Социальные исследования экономики».

Основные области научного интереса: социальные исследования экономики, неформальная экономика, трудовые отношения, социология науки и инноваций, постсоциалистическая трансформация

Интервью состоялось: май 2015 – август 2016 гг.

Рассказанное Ириной Будимировной Олимпиевой интересно в трех отношениях.

Прежде всего, это – как всегда – уникальное движение в социологию и существование в ней. Многое в рассказанном ее знакомо мне по интервью с другими социологами, прежде всего – формировавшимися в Самаре и работающими в Санкт-Петербурге. Но все вместе – индивидуально-неповторимо. И потому является, и воспринимается как новое, расширяющее наше понимание истории советской и постсоветской социологии.

Во-вторых, Ирина Олимпиева – принадлежит к V социологическому поколению. Следовательно, возникает возможность рассмотреть траекторию ее профессиональной жизни в связи с тем, что известно из интервью с ее коллегами из этой же когорты об их движении в социологию и собственно социологической деятельности. Вместе с ее рассказом о своей жизни в моей коллекции – 22 подобных интервью. Их анализ дает возможность представить основные пути вхождения социологов данной когорты в науку и сравнить их с тем, как становились социологами представители старших и младших поколений. Своеобразие социологов V поколения заключается в том, что их личностное и профессиональное становление происходило в СССР, а в социологии они – первая постсоветская генерация.

В-третьих, интервью с Ириной позволяет углубить понимание темы: «социологические династии» в российской социологии. Такая возможность следует из того факта, что она — дочь одного из старейшин нашего профессионального цеха — Будимира Гвидоновича Тукумцева (род. 1 января 1927 года). К тому же, ее дочь учится в Чикагском университете и предполагает стать социологом.

В моем ансамбле интервью находится около десятка пар «родители-дети», более того, есть интервью с представителями одной семьи, в которой уже сложилось три поколения социологов. Что обещает изучение преемственности профессии «социолог» внутри семьи? Прежде всего, эта тема относится к анализу механизмов формирования российского социологического сообщества. Вторая очевидная задача — выявление каналов сохранения накопленных в науке исследовательских традиций и нравственных императивов. И третье обстоятельство — преемственность профессии можно рассматривать в рамках концепции биографичности творчества социологов, которая представляется мне весьма продуктивной при решении ряда проблем историко-наукovedческой природы.

И. Б. Олимпиева: «Я — социолог во втором поколении ...»

Ирина, уже давно, в 2009 году, Ваш отец — Будимир Гвидонович Тукумцев — рассказал очень красивую историю Вашей семьи, но я не буду просить Вас повторить его рассказ. А Ваша мама имела отношение к социологии или философии, экономике? Вы не знаете происхождение Вашей нечастой фамилии — Олимпиева? Может быть, она — от имени Олимпий?

Будимир Гвидонович давно занимается генеалогическими изысканиями нашей семьи. Папа всегда отдавался этому процессу с присущей ему увлеченностью и основательностью, как, впрочем, он относится к любому делу за которое берется, будь то социология, садоводство-огородничество, путешествия, кулинария и т.п. Он подробно анализировал дневники своей матери, Евгении Васильевны Мейер, сохранившиеся в семейном архиве, воспоминания и записи отца, Гвидона Романовича, находили и изучал исторические тексты и художественные произведения, где упоминались события, в которых могли участвовать наши предки, сопоставлял данные семейного архива с этими описаниями, собирал и систематизировал семейные фотографии, направлял запросы в государственные архивы. В результате им было разработано весьма разветвленное генеалогическое дерево рода Мейеров-Назаревских уходящее корнями в 16 век, у которого есть и немецкие, и украинско-польские, и финско-карельские ветви. В последние годы до переезда из Самары в Санкт-Петербург папа увлекся изучением маминого крыла нашей семьи. Он интервьюировал самарских родственников с маминой стороны, собирал сохранившиеся семейные фотографии и документы. Благодаря его усилиям мы имеем сегодня довольно полное представление о происхождении родовых корней семьи Тукумцевых с обеих сторон. Что касается самой фамилии «Тукумцевы», то она появилась относительно недавно и происходит от названия города Тукумс, откуда вышли наши предки. Фамилия была придумана моим дедом в качестве псевдонима, который он был вынужден использовать в 30-е годы для публикации своих научных трудов. После войны папа сменил свою фамилию Мейер на псевдоним отца, и таким образом стал основателем еще одной семейной ветви на нашем генеалогическом древе.

О происхождении фамилии «Олимпиевы» мне известно лишь то, что семейная ветвь Олимпиевых, к которой относится отец моего мужа Всеволод Иванович, произошла из города Курск. Надо сказать, что семейству Олимпиевых есть, чем гордиться. Всеволод Иванович был доктором технических наук, многие годы руководил отделом крупного отраслевого института в Ленинграде, участвовал в Великой Отечественной войне, был ранен и имел боевые награды. Среди его родственников есть известные медики, нейрохирурги. Именем одного из них — Ивана Яковлевича Олимпиева названа улица в Донецке, где он прожил большую часть жизни и основал Донецкий медицинский институт имени А. М. Горького.

Моя мама, Галина Григорьевна Тукумцева, не имела никакого профессионального отношения к социологии. Она закончила Ленинградский железнодорожный институт и работала на Куйбышевской железной дороге, а последние лет пятнадцать своей трудовой деятельности преподавала в железнодорожном техникуме. Мама была удивительно светлым и добрым человеком, поддерживала папу во всех его начинаниях, обеспечивая надежный тыл, который давал

ему возможность предаваться любимому социологическому делу. В нашей квартире регулярно собиралась команда его социологической лаборатории, проходили обсуждения проводившихся исследований и методологические дебаты. Все неформальные «тусовки», которыми традиционно заканчивались социологические конференции и семинары, проводившиеся в Куйбышеве (а таких было немало, поскольку он был центром Поволжского отделения ССА) также происходили в нашем доме. В Куйбышев часто приезжали с лекциями и презентациями (правда в то время и слова такого еще не было) разные известные социологи со всего Советского Союза, и обязательным пунктом программы их пребывания в городе был обед или ужин у нас дома. На маму как на хозяйку ложилась серьезная нагрузка по приему гостей, особенно учитывая небольшие размеры нашей хрущевской квартиры и дефицитную советскую экономику. Однако она никогда не роптала и принимала всех с неизменным гостеприимством и искренним удовольствием. Так что можно сказать, что, даже не будучи социологом, мама внесла серьезную лепту в становление социологии в Самаре-Куйбышеве.

Вы и родились в Самаре (Куйбышеве)? Что помнится из дошкольной поры?

Да, я родилась в Куйбышеве – именно в Куйбышеве, а не в Самаре, во всяком случае мое детство и юность ассоциируются именно с этим именем. Хотя «Самара» благозвучнее и нравится мне больше, чем «Куйбышев», мне кажется, что каждый раз, когда я произношу это имя, я делаю над собой некоторое усилие.

Воспоминания из дошкольной поры совершенно разрозненные. Мы с сестрой много времени проводили у бабушки, которая жила в частном доме в «Запанском» (местное название пригорода Самары). Строили снежные пещеры во дворе, благо сугробы наметало выше окон, катались на санках с горы. Замечательной частью семейного досуга были поездки за город на лыжах всей семьей. По выходным дням Куйбышевское отделение дороги организовывало для железнодорожников специальный «лыжный» поезд, который ехал куда-нибудь далеко за город в красивые леса (например, в Курумоч, где сейчас аэропорт). Поезд ждал, пока все накатаются на лыжах, а вечером возвращался обратно. Лето мы с сестрой часто проводили в деревне Кротовка, где жили родственники по маминой линии. Там я познала все прелести деревенской жизни – парное молоко и самодельное масло (невкусное, кстати, мне магазинное всегда больше нравилось, но вот сам процесс изготовления масла в деревянной сбивалке был завораживающий), варенье из ранеток с грубым деревенским хлебом, а также гуси, куры и прочая живность со всеми сопутствующими запахами, старый велосипед, на котором ездила «под рамой», поскольку не хватало роста, поездки на мотороллере на сенокос в нарушение всех правил техники безопасности, ночные костры с местными деревенскими ребятами и т. д. и т. п.

Позже в нашем семейном летнем отдыхе появился палаточный городок на другом берегу Волги, который заменял нам дачу и где мы проводили все лето. Жили в большой брезентовой армейской палатке, куда ставились раскладушки, а на пол стелилось сено, которое сами косили и сушили на лугу неподалеку. Рядом с палаткой строилась так называемая кухня – обтянутый марлей и брезентом деревянный каркас из брусьев, со столом и лавками. В этом палаточном раю мы проводили все лето, а на зиму все разбиралось и закапывалось в специально оборудованную яму до следующей весны. Этот вид летнего семейного отдыха

заслуживает особого описания, а возможно, и исследования как форма рекреации городского населения в советское время, прежде всего тех, у кого не было возможности приобрести дачу или ездить на курорты. Палаточные городки тянулись вдоль берега Волги на многие километры, и были довольно плотно заселены вглубь от берега. Люди обустроивались капитально, с максимальным комфортом. Строили не просто «кухни», а настоящие летние дома, отделанные рубероидом, с самодельными кирпичными печками, погребями, мебелью, керосиновыми светильниками. «Заволга» — одно из самых ярких воспоминаний детства, но это уже школьный период, я, похоже, немного забежала вперед.

Школу Вы с той же теплотой вспоминаете? Это была обычная школа или специальная? Чем Вас еще в начальные годы обучения родители «грузили»?

Со второго по десятый класс я училась в школе с углубленным изучением английского языка. Школа считалась престижной, и я даже не знаю, как мои родители умудрились нас с сестрой туда устроить. К сожалению, помимо английского языка (уровень преподавания которого сильно варьировал в зависимости от педагога), у школы не было других преимуществ. Такие важнейшие предметы как литература и история преподавались слабо, по крайней мере в нашем классе. В то время я этого не замечала, но почувствовала недостаток гуманитарных знаний, когда начала заниматься социологией.

Из всех школьных предметов я больше всего любила математику. Ее вела Роза Иосифовна Сойфер, строгая, требовательная, но справедливая учительница, которая сама любила свой предмет и заставила полюбить его и нас. Я ходила на математический факультатив и с увлечением решала всякие задачки сверх школьной программы. Английский язык мне тоже нравился, хотя преподавание его в моей подгруппе оставляло желать лучшего. В девятом классе наша учительница ушла на пенсию, и ее заменила преподаватель педагогического института Нина Васильевна (не помню фамилию к сожалению). Когда она протестировала нашу группу, оказалось, что мы не знаем языка совершенно! Она взялась за нас серьезно, мы начали читать оригинальные тексты, тренировать разговорный язык и учить грамматику. И вот с этого момента я по-настоящему полюбила английский язык и стала лучшей в своей подгруппе, хотя полностью возместить упущенные годы так и не удалось. Училась я всегда неровно — периодами на круглые пятерки, но иногда приносила тройки и даже двойки. Но в целом проблем не было, учеба давалась легко.

Честно говоря, из школьных лет больше вспоминается не учеба, а внеклассная жизнь, например, кружок рисования, который я посещала в средней школе. Позже в старших классах случилось увлечение театром. Объектом моего поклонения был знаменитый Ленинградский ТЮЗ под руководством Зиновия Яковлевича Корогодского, создателя оригинальной концепции детского театра. Моя тетьа, Лада Гвидоновна Сурина, много лет заведовала педагогической частью ТЮЗа, поэтому, когда я приезжала в Ленинград на каникулы или во время гастролей ТЮЗа в Куйбышеве, доступ в театр для меня был неограничен. Я просмотрела на ступеньках и знала наизусть практически все спектакли. В нашем классе образовался фан клуб любителей ТЮЗа и театра. Мы собирались у кого-нибудь дома, читали стихи и монологи, ставили сценки, пантомимы, воспроизводили сцены из любимых тюзовских спектаклей «Наш цирк», «Наш, только наш»,

«Открытый урок» и многих других. Увлечение театром было настолько сильным, что я всерьез подумывала о поступлении в театральную студию Корогодского после окончания школы.

Еще одно серьезное увлечение в старших классах – пение в школьном вокально-инструментальном ансамбле. Мы участвовали в различных городских конкурсах, выступали на дискотеках (или танцах?? Уже не помню, как это назвалось) и в составе студенческих ансамблей в конкурсах типа «студенческая весна», что вызывало особое уважение со стороны сверстников. В нашем репертуаре было много песен на английском языке, в первую очередь из репертуара Битлз. Часто для того чтобы английскую песню пропустили на конкурс, ее выдавали за песню протеста или песню борьбы против угнетателей, благо, мало кто понимал английский язык в то время. Репетиции порой затягивались до глубокой ночи, но удивительным образом это не мешало учебе.

Родители ничем особенно меня не «грузили», скорее поддерживали возникающие увлечения (и даже не ругали за поздние репетиции). Важной инициативой с их стороны было обучение нас с сестрой игре на пианино в раннем возрасте. Сначала мы ходили на занятия в районный дом культуры, а потом, когда музыкальная студия закрылась, преподавательница музыки стала давать уроки у нас дома. Надо отдать должное моим родителям, они не принуждали нас заниматься музыкой и не настаивали на том, чтобы мы ходили в музыкальную школу (такая попытка была предпринята после закрытия дома культуры, однако после пары уроков сольфеджио и музлитературы мы с сестрой взбунтовались, и тогда родители договорились с учительницей музыки об уроках на дому). Помимо музыки я увлекалась рисованием и даже умудрилась закончить художественную школу, исключительно по собственной инициативе. Особыми художественными талантами я не блистала, но очень благодарна «художке» за приобретенные навыки рисования и знания, полученные на уроках по истории искусств.

Я хотел бы понять, когда все это было? Какое было время «на дворе»? Что Ваше поколение тогда читало? Состояли ли Вы в комсомоле? Какие были планы относительно будущей профессии?

Хороший вопрос «Какое было время на дворе?». Объективно – 70-е годы. В телевизоре была программа «Время» и «Голубой огонек», фигурное катание и хоккейные битвы с «канадскими профессионалами».

Мы довольно много путешествовали всей семьей, часто ездили в Ленинград, Таллинн, Москву, побывали в Алма-Ате, проехали на пароходе от Красноярска до Дудинки. При этом я совершенно не рефлексировала на тему времени или страны.

Что читали? За все поколение сказать не могу, все довольно индивидуально. В ранние школьные годы я читала все подряд, просто брала книжки из районной библиотеки без разбору. Когда папа однажды заметил, что за чужь я поглощаю, он отвел меня к ученице своего отца, заведующей кафедрой филологии Самарского университета, Скобликовой Елене Сергеевне, у которой была огромная библиотека, включая полную библиотеку приключений. (И там я на некоторое время «поселилась»...). Что касается старшего школьного возраста, то как я уже говорила, это время, к сожалению, можно считать упущенным для знакомства с серьезной литературой. Мне стыдно признаться, что «Идиота»

Достоевского я впервые прочитала, когда мне было уже далеко за 30. Помню, что в рамках наших театральных сборищ увлекалась стихами серебряного века, Шекспиром. Вне школьной программы читали журнал «Юность», «Новый мир», «Иностранную литературу», другие литературные журналы. При этом никакого самиздата или каких-то диссидентских произведений в моем читательском репертуаре не было.

Конечно, я состояла и в комсомоле, а до этого в пионерии, что воспринималось вполне рутинно, но и отторжения не вызывало. О будущей профессии особо не задумывалась, т.е., не было какой-то цели или страстного увлечения (помимо театра). Поэтому, когда пришло время выбирать институт, реальный выбор оказался между архитектурным факультетом строительного института (с учетом моего диплома художественной школы) и Куйбышевским планово-экономическим институтом, специальность экономика труда, что было ближе к тому, чем занимался папа. Однако, насколько я помню, данный фактор при выборе института совершенно не учитывался. Скорее сыграло роль то, что в год моего поступления в некоторых вузах действовал эксперимент: при среднем балле аттестата выше 4,5 можно было поступить в институт, сдав всего два экзамена в случае набора 9 баллов. Именно этот вариант был выбран, и я благополучно поступила в плановый институт.

В моем представлении война привела в Куйбышев значительное количество сильных специалистов во всех направлениях народного хозяйства. По окончании войны многим возвращаться было некуда, и они остались там. Наверное, и в экономическом институте была сильная профессура, ведь город был одним из центров советского ВПК? Какое у Вас осталось ощущение от уровня, характера преподавания? В какую сторону экономики Вас повело?

Согласна, что эвакуация военных заводов в Куйбышев во время войны не могла не сказаться на человеческом потенциале региона. Но это касалось скорее технических специалистов, а не экономистов. Наш плановый институт по своим задачам и содержанию преподавания был ближе скорее к профессиональному колледжу, чем к университету, готовил не ученых, а специалистов для работы в народном хозяйстве — экономистов, бухгалтеров, финансистов. Гендерный состав студентов (почти 90% девочек) соответствовал статусу этих профессий в советской экономике. На факультете финансов мальчиков было больше, но все равно они составляли менее половины учащихся. Особо ярких преподавателей ученых, теоретиков в области экономической науки я не помню, что возможно объясняется особенностью преподавания на нашем факультете. Поскольку экономика и финансы были для нас не профильными предметами, а лишь общеобразовательными, читали их не самые выдающиеся преподаватели. На первых курсах мне очень нравилась политэкономия капитализма, я с огромным интересом читала Маркса и Энгельса, но так получилось, что сам предмет был интереснее преподавателя. Политэкономия социализма тоже читали довольно слабо, скучно. К тому же вела этот предмет декан факультета, поэтому значительная часть времени на занятиях уходила на решение всяких организационных вопросов. На последних курсах были довольно рутинные специальные предметы — нормирование, бухучет, промышленные технологии. Одним из самых интересных был предмет «Основы управления», благодаря которому я узнала об управлен-

ческой науке и получила некоторые базовые знания в области организационных исследований и менеджмента. С не меньшим интересом я изучала «Социальное планирование на промышленных предприятиях», в рамках которого нам фактически преподавали методику проведения социологических исследований. При этом конечно же никаких даже элементарных теоретических основ социологии этот курс не предполагал. Вела его Мирская Маргарита Иосифовна, которая стала научным руководителем моей дипломной работы.

Диплом я писала по адаптации молодых рабочих на промышленном предприятии. Он был выполнен в лучших традициях ядовской методологии. Я самостоятельно разрабатывала программу и анкету, проводила опрос на предприятии, что для студенческой дипломной работы было большой редкостью. Конечно, папа тут играл не последнюю роль, но могу сказать, что мне не стыдно за это исследование и сегодня. С результатами своего проекта я выступала на студенческих конференциях в Куйбышеве, Звенигороде и Новосибирске.

Студенческая пора – не только учеба. Это поиск себя во многих направлениях. Друзья, походы, различные формы самодеятельности, общественная деятельность, споры по новой литературе... что Вам запомнилось?

Абсолютно согласна! Для меня студенческая пора была в первую очередь именно «поиском себя во многих направлениях», и уж потом – учебой. (Успокаиваю себя тем, что это возможно проявление наследственности – папа в студенческие годы тоже больше занимался художественной самодеятельностью, чем учебой). Из студенческой жизни в первую очередь вспоминаются друзья, походы, лето в палатках за Волгой, «студенческие весны». Литературных споров не помню – мои отношения с литературой я уже описывала выше. Не могу сказать, что совсем ничего не читала, но интеллектуальных споров о прочитанном не вела, о чем сожалею сегодня, поскольку студенческие годы – лучшая пора для того, чтобы развивать умение читать и осмысливать прочитанное. Методы преподавания в нашем вузе также не способствовали развитию у студентов критического мышления (выслушал – выучил – пересказал). Не хочется, чтобы это прозвучало как жалоба, но действительно, наши преподаватели не ставили задачей обучение научной дискуссии. Интерактивные методы еще не были в моде, дискуссии не практиковались, да и не приветствовались. Но все это я осознала гораздо позже, после того как познакомилась с другими системами обучения и когда начала преподавать сама.

Одно из важных биографических событий студенческих лет – работа поваром в студенческом мужском стройотряде под Сургутом. После третьего курса всем студентам необходимо было проходить летнюю производственную практику. Это правило можно было обойти, предоставив фиктивную справку с места работы, что некоторые и делали. Альтернативой производственной практике была работа в студенческом стройотряде, что даже позволяло заработать какие-то деньги. В нашем «женском» вузе выбор стройотрядов был не очень разнообразен. Можно было заниматься хозяйственными работами в институте, выезжать на сельхозработы в область, либо штукатурить стены на местных стройках. Но было два или три «настоящих» стройотряда, в которых работали в основном мужчины, среди которых некоторые были далеко не студенческого возраста, и имели к нашему институту весьма условное отношение. Эти межинститутские

шашки ездили на заработки преимущественно на Север или Дальний Восток, и попасть в такой стройотряд было очень непросто. Каким-то образом по знакомству моя подруга устроила нас поварами в отряд, который должен был строить автовокзал на болотах в районе Сургута. Нас с подругой во всей этой истории деньги привлекали в наименьшей степени, но манила романтика – Север, болота, отдаленность от дома, преодоление трудностей и т.п. При этом ни она, ни я никогда до этого дома не занимались приготовлением еды и плохо себе представляли, что такое накормить 30 голодных мужчин после тяжелой физической работы. Моя мама долго не могла простить, что я, когда уезжала в стройотряд, вырвала несколько страниц из ее любимой поваренной книги в надежде, что они мне хоть как-то помогут в Сургуте. Конечно, эти рецепты оказались совершенно бесполезными в условиях жесткого дефицита продуктов, в котором нам пришлось работать. Помню, как в конце пребывания в Сургуте я нашла эти листочки, и мы хохотали до слез зачитывая их вслух: «на 2 литра воды 1 банку тушенки, 3 картофелины и т.п...». По нашим раскладкам 1 банка тушенки шла на ведро воды, как мы шутили, «для запаха», а картошка в Сургуте была безумно дорогая, поэтому мы везли ее из Куйбышева, по 4 кг на человека, а также лук и чеснок для профилактики цинги, поскольку свежие овощи и фрукты в рационе питания не предполагались. Безусловно, стройотряд был для меня важным социальным опытом, о котором можно написать отдельные воспоминания. Я впервые так надолго и так далеко уехала из дома, работа была тяжелой и физически, и психологически, общаться в мужском коллективе тоже было не просто. Но из этого опыта вспоминаются и совершенно замечательные моменты – удивительная северная природа, сбор морошки на болотах, поездки на рыбалку, участие в фестивалях стройотрядовской самодеятельности и т. д. В нашей кулинарной практике было немало казусов, о которых можно вспоминать бесконечно, а также приключений с нашим «трудным подростком» – парнишкой после колонии, принятого стройотрядом на трудовое воспитание и которого мы с моей подругой опекали. Именно в его исполнении я впервые услышала знаменитую «Мурку».

Студенческие годы стали началом моего пожизненного увлечения бардовской песней, или КСП (клуб самодеятельной песни), что во многом определило круг моих друзей, образ жизни и интересы. Известно, что Куйбышев был одним из центров бардовского движения. Именно под Куйбышевым на Мазюковских озерах проводился знаменитый Грушинский фестиваль, собиравший тысячи бардов и любителей жанра со всей страны. Об этом движении написано незаслуженно мало.

Итак, институт завершен, опыт жизни в разных средах накоплен, молодежная культура той поры освоена, что дальше? Аспирантура, сразу социологическая работа или иные варианты?

О, нет! Об аспирантуре сразу после института речи не шло. Если вы помните, в системе высшего образования существовало обязательное «распределение», когда по окончании института нужно было отработать три года по месту направления. Как правило, распределялись выпускники не в самые привлекательные регионы страны. Разумеется, имелись многочисленные пути обхода этого правила. Для того, чтобы остаться в городе, выпускники оформляли

«вызовы» с других мест работы, получали открепления из мест распределения, и т.п. Но все эти были варианты были не для нашей семьи, да и самой мне не хотелось изворачиваться и хитрить. Я должна была честно отработать свои 3 года по месту распределения, это не обсуждалось.

Выбор места распределения проходил по конкурсу. Составлялся рейтинг выпускников факультета по количеству набранных за все годы в институте баллов. Учитывались в первую очередь результаты учебы, но баллы также начислялись за общественную деятельность, и прочие достижения (например, какие-то баллы начислялись за выступления на студенческих конференциях, спортивные награды и даже, если не ошибаюсь, участие в самодеятельности). По итогам этого рейтинга я оказалась в первой десятке, точнее уже сейчас не помню. Тем не менее, к моменту, когда я предстала перед комиссией, мест в Куйбышеве уже не осталось. И я выбрала город Пензу, где требовался специалист по труду для работы в крупном производственном объединении, которое как оказалось позже, имело отношение к военно-промышленному комплексу.

Честно говоря, я не ставила для себя цели остаться в Куйбышеве, поэтому не расстраивалась, что вакансии в городе закончились. Папа был весьма доволен, поскольку, имея дело с заводской социологией считал, что мне необходим практический опыт работы на предприятии. Мама конечно втайне хотела, чтобы я осталась дома, однако в процесс не вмешивалась и считала, что я сама должна решить для себя этот вопрос. И вот я поехала в Пензу, точнее, поехали мы вместе с папой (поскольку я все-таки я сильно трусила). Папу пустили вместе со мной на территорию предприятия, и он даже присутствовал при первом разговоре с начальником отдела труда и заработной платы. Мне предложили два варианта работы внутри завода. Первый – нормировщиком в БТЗ (бюро труда и зарплаты) в одном из производственных цехов, второй – специалистом ОТИЗе в так называемом «белом доме» (заводоуправлении). При этом начальник ОТИЗа, осторожно посмотрел на папу и сказал, что конечно, он готов взять меня в заводоуправление. Но папа немедленно возразил, что для моего опыта будет полезно познать всю производственную правду жизни как она есть. И я со всем уважением к папе и присущей мне жаждой приключений решила пойти в цех, о чем в последствии ни разу не пожалела.

Цех оказался самым большим в структуре предприятия (численность работников более 500 чел). По сути, это был завод в заводе с полным технологическим циклом, включавшим термичку, механообработку, трубный участок, малярку и гальванику, швейный участок и сборку. Вход на сборочный участок был разрешен только по допуску.

Я начала работать в цехе рядовым нормировщиком, но менее чем через год сложилась ситуация, когда мне пришлось стать начальником БТЗ. Это произошло довольно неожиданно для меня. У цеха была плохая история. Буквально за несколько месяцев до моего приезда прежняя начальница БТЗи начальник цеха были уличены в крупных хищениях и приписках. После их увольнения был назначен новый начальник цеха, а вот на позицию начальника БТЗ никак не могли найти человека, никто не хотел ее занимать. Те, кто знаком с работой промышленных предприятий знают, что должность начальника БТЗ, мягко говоря, не привлекательная – трудоемкая и конфликтная. Непривлекательность должности начальника БТЗ в нашем цехе усугублялась усиленным контролем

со стороны администрации, что было связано с недавней историей. И вот когда очередная временная и.о. начальника БТЗ отказалась работать и ушла со скандалом в «белый дом», оказалось, что кроме меня в бюро труда и зарплаты больше не осталось людей с высшим образованием, что было обязательным требованием для занятия должности. Кандидаты из других цехов и тем более из «белого дома» не предвиделись, никто в наш цех идти не хотел. Так и получилось, что мне предложили стать временным и.о. начальника БТЗ. На тот момент мне было 22 года, и в моем подчинении оказался очень непростой женский коллектив, состоящий из 5 нормировщиц разного возраста, которые учили меня, каждая по-своему, профессии и жизни. Поначалу все было очень непросто. В дни сдачи нарядов я засиживалась на заводе до темна, а вставать надо было в 6 чтобы успеть на работу к 7.30. Но главным конечно был страх совершить ошибку, поскольку от этого зависел расчет зарплаты всего цеха. И ошибки конечно были, и были разборки с рабочими, но мы как-то находили общий язык. По своей работе я много общалась не только с рабочими, но и с технологами, специалистами, с начальниками участков и мастерами. Надо сказать, что я довольно быстро освоилась в новой роли, и через полгода мне предложили стать начальником БТЗ на постоянной основе. Несмотря на то, что это сулило существенное повышение заработной платы, я изо всех сил сопротивлялась, потому что не хотела оформлять допуск на закрытый участок сборки. К тому времени я уже один раз съездила за границу в Югославию и собиралась осваивать «заграницу» и дальше, а с допуском это было бы невозможно.

В целом, для карьеры социолога труда три года работы на заводе были бесценным опытом. Я получила представление о том, как работает промышленное предприятие, об особенностях разных категорий персонала, о внутренних проблемах и организационных конфликтах. Я также получила прекрасное представление о рабочей культуре, поскольку жила в рабочем женском общежитии, в комнате с двумя соседками. Женская рабочая общага — это отдельная тема для рассказа. Она располагалась в старом двухэтажном доме послевоенной постройки с одним общим туалетом на первом этаже (без унитазов, разумеется), общей кухней там же, и умывалкой без горячей воды. Мыться ходили в баню, а горячую воду для стирки набирали из батареи. Вода была желтая и пахучая, но зато ее не надо было греть на плите. Атрибутами общежитской культуры были частые пьянки, строгие вахтерши на входе, набег парней из мужской общаги через окна. В общем, есть что вспомнить.

Помимо работы на заводе Пенза для меня ассоциируется с клубом бардовской песни Менестрель, где я обрела прекрасных друзей. Такой великолепной душевной компании у меня не случилось ни до, ни после Пензы. Это были поистине три года счастья и наслаждения дружеским общением. Мы пели прекрасные песни прекрасных авторов, мотались по КСПшным фестивалям, ходили в байдарочные походы, устраивали концерты и придумывали всякие творческие заморочки, катались на лыжах (даже на горных, что по тем временам было редкостью), и т.д. Именно в Менестреле я получила первый опыт сценического исполнения песен под гитару, и думаю, что моя творческая карьера исполнителя авторской песни была заложена именно тогда. Но, наверное, для профессиональной биографии это не столь существенно...

Ира, то, что вы здесь рассказали о лыжах, концертах, авторской песне —

не просто интересно читать, но крайне важно для понимания того, кто Вы есть. В моем понимании, поведение человека в т.н. «пространстве свободы» в годы застоя — самым интересным образом характеризует его. К тому же, я развиваю тезис о «биографичности» творчества социолога, и всегда интересно найти в профессиональной жизни социолога следы его поведения в «пространстве свободы» и в до-социологической деятельности в целом. Теперь вопрос: «Как от всего этого вы начали движение в социологию?», «Что было импульсом для такого поворота траектории вашей жизни?»

Мое «движение в социологию» безусловно начиналось с моего отца, я — социолог во втором поколении. Будимир Гвидонович Тукумцев был и остается моим Учителем с большой буквы и главным профессиональным гуру, которого я бесконечно уважаю и которым очень горжусь. При этом я никогда не испытывала какого-либо давления или навязчивых ожиданий со стороны моего отца, скорее он увлекал меня своими исследовательскими интересами, энергией, оптимизмом и работоспособностью. Возможно, права поговорка, что «на детях природа отдыхает», но я надеюсь, что моя дочь Евгения, которая учится сейчас в Чикагском университете и представляет уже третье поколение социальных ученых в нашей семье, унаследовала эти прекрасные качества своего деда.

После Пензы я вернулась в Куйбышев, и проработав год в лаборатории НИСа планового института, где очень пригодились мои навыки нормировщика, в 1987 году поступила в аспирантуру Ленинградского Финансово-экономического института на кафедру Социологии и НОТ. Свое поступление в аспирантуру, как это ни странно, я не могу назвать «поворотом» к социологии. Я хочу сказать, что поступая в аспирантуру по специальности «экономическая социология и социология труда», я имела весьма узкие представления о самой науке социологии. Она ассоциировалась (по понятным причинам) с исследованиями трудового поведения, мотивации, организационного управления и т.п. В этом смысле мне повезло, что я поступила на кафедру, которой руководил Гелий Николаевич Черкасов, создатель оригинального научного подхода к исследованию труда, сочетающего социологию, социальную психологию, научную организацию труда и управление персоналом. Гелий Николаевич был безусловно харизматической личностью, и собрал вокруг себя команду интересных исследователей, среди которых были такие как, например, Овсей Ирмович Шкаратан, Алла Константиновна Назимова и другие. И хотя к моменту моего поступления в аспирантуру они уже работали в Москве, их имена часто упоминались на кафедре. На кафедре работали многие ученики и последователи Черкасова — Альфред Альфредович Сарно, Сергей Иосифович Файбушевич, Александр Львович Слободской, Ирина Владимировна Андреева и многие другие. Видимо благодаря харизме Черкасова на кафедре царил творческая и доброжелательная атмосфера, по крайней мере мне тогда так казалось. К сожалению, мое знакомство с Гелием Николаевичем было непродолжительным, он ушел из жизни уже через год после моего поступления в аспирантуру, и в течение этого года почти не появлялся на кафедре из-за болезни.

Научным руководителем моей диссертации была Галина Александровна Силантьева. Именно благодаря ее прекрасным организаторским способностям и замечательным человеческим качествам мне удалось написать и защитить диссертацию в положенный срок, за что я очень ей признательна. Тема диссертации

была связана с изучением механизмов восприятия заработной платы работниками промышленных предприятий. Я проводила сравнительное исследование на предприятиях Куйбышева и Ленинграда. После защиты диссертации я осталась работать в исследовательском секторе института.

Моя преподавательская карьера началась в 1994 году, когда я вернулась на кафедру после декретного отпуска. В эпоху перемен все меняется быстро. За семь лет с момента моего поступления в аспирантуру стандарты преподавания социологии в Финэке изменилась кардинально. На вступительных экзаменах в аспирантуру я сдавала историю КПСС, на экзамене по кандидатскому минимуму в 1989 году вопросы касались в основном методики и техники социологических исследований (что неудивительно, если учесть, что в советское время социология преподавалась лишь в отдельных университетах, а в ФИНЭКе диссертационный совет присваивал степень кандидата экономических наук, хотя и по специальности социология труда и экономическая социология). А вот когда я начала преподавать курс «Введение в социологию» в 1994 году, он уже должен был содержать основы социологической теории, о которой я не имела ни малейшего представления. Есть такое выражение «идти на одну ночь впереди студентов» — это был как раз мой случай. Первый год преподавания курса «Введение в социологию» стал по сути моим собственным университетом, и неизвестно, кто больше приобрел знаний в этом процессе, студенты или я сама. Забавно, что имея степень кандидата наук (хотя и экономических), я узнала о существовании классических теорий Вебера, Дюркгейма, Спенсера, Парсонса и многих других классиков социологии именно благодаря преподаванию этого курса. Интернета у нас в то время еще не было, поэтому поиски книг и статей в библиотеке и подготовка к лекциям занимали все мое время и днем, и ночью. Жизнь моя выстраивалась буквально от лекции до лекции. Позже с накоплением преподавательского и исследовательского опыта конечно все изменилось. Но книга Раймона Арона «Этапы развития социологической мысли», зачитанная мною до дыр, по-прежнему стоит на полке в моей домашней библиотеке, напоминая о том непростом времени.

Отдельной строкой моей профессиональной биографии периода ФИНЭКа я бы выделила знакомство с Самуилом Ароновичем Кугелем и работу в его лаборатории на Невском 6. Я познакомилась с ним во время спецкурса по социологии науки, который он читал для аспирантов ФИНЭКа. Однако наше постоянное сотрудничество началось уже после моей защиты, когда Самуил Аронович привлек меня к участию в мониторинге научных организаций Санкт-Петербурга, проводившемся на протяжении многих лет. Поначалу я воспринимала эту работу как некое побочное занятие, позволяющее реализовать мои навыки проведения социологических опросов, которые были так востребованы в лаборатории. Я не предполагала заниматься социологией науки серьезно, но постепенно по мере общения с СА все больше втягивалась в работу по мониторингу и другие исследования ученых Санкт-Петербурга. Мы получали интересные данные о трансформации научных организаций в период институциональной перестройки советской науки, о мотивации научной деятельности, о миграционных настроениях ученых, особенно актуальных в то время. Предметом моего особого интереса были неформальные стратегии экономического выживания ученых и научных организаций. Результаты мониторинга публиковались в отдельных информационных брошюрах, а также в ежегоднике «Проблемы деятельности

ученого и научных коллективов», который выпускался лабораторией. Работа у Кугеля помимо прочего имела для меня большое образовательное значение, я знакомилась с концепциями Роберта Мертона, Куна, изучала зарубежные исследования научных организаций.

Надо сказать, что в лаборатории на Невском 6 привлекала не только интересная работа, но и особая аура этого места. Лаборатория была «вотчиной» Самуила Ароновича, где действовали его правила, царила гостеприимная атмосфера, которую он поддерживал. В лаборатории не было постоянного штата, помимо самого СА и секретаря, но ее орбиту входил довольно стабильный состав исследователей из разных научных организаций города, которые постоянно участвовали в проектах. Особенно отличало Самуила Ароновича умение привлекать в свои проекты молодежь. Его неутомимость, оптимизм и неиссякаемый интерес к жизни, были заразительны. Меня потрясли масштабы его социальных сетей. В лабораторию постоянно приходили и приезжали разные интересные люди, общались, засиживались до позднего вечера, распивали чай (и любимый Самуилом Ароновичем коньяк, что было предметом постоянных шуток), разговаривали. Но, пожалуй, наиболее ярким воплощением персонально-сетевого характера научных коммуникаций СА была Международная школа социологии науки и техники, которая проводилась в Санкт-Петербурге под его руководством начиная с 1994 года. В работе школы Самуил Аронович умудрялся соединить представителей самых разных научных дисциплин и свести под один тематический «зонтик» казалось бы совершенно несовместимые темы. Несмотря на то, что основным языком был русский, в работе Школы неизменно участвовали иностранные ученые, что было очень прогрессивным для того времени. Участники школы, особенно молодежь, имели возможность слушать лекции, которые иногда носили просветительский характер, часто не имеющий прямого отношения к тематике Школы. Так, например, на лекциях известного венгерского социолога Пала Тамаша был неизменный аншлаг, он делал как правило по несколько выступлений на каждой школе на самые разные темы, порой не имеющие никакого отношения к социологии науки. Благодаря демократическому формату Школы ее участники не только получали новые знания, но имели возможность непосредственного общения с зарубежными учеными, получали представление о международных стандартах научной коммуникации, что было особенно важно для молодых исследователей. Поэтому несмотря на довольно специфичный формат, я оцениваю значение Школы в моей профессиональной жизни очень высоко, как с точки зрения научной социализации, так и в плане приобретения организационного опыта, поскольку на протяжении нескольких лет была членом научного совета Школы.

Думаю, что могу с полным основанием назвать Самуила Ароновича своим биографическим агентом. Именно благодаря опыту работы в лаборатории на Невском 6 среди моих научных интересов появилась социология науки, а позже и социология инноваций, которые занимают важное место в тематике сегодняшних исследований.

Ира, я нарушу один из принципов моего интервьюирования и задам Вам один «долгоиграющий» вопрос. Сами решите, что Вы расскажете о своей работе в Центре независимых социологических исследований.

Я, пожалуй, ограничусь двумя моментами, которые мне кажутся поворотными в моей профессиональной биографии. Первый из них – знакомство с Виктором Воронковым, директором Центра независимых социологических исследований, которое произошло на кафедре ФИНЭКа в 1998 году. В тот момент Центр искал сотрудника в проект по инновационным сетям и промышленной модернизации, и здесь как нельзя кстати пришелся мой опыт исследования ученых и научных организаций Санкт-Петербурга. Проект был международный, финансировался Академией наук Финляндии, что делало его вдвойне интересным и привлекательным. Так я оказалась в ЦНСИ – независимой исследовательской организации, созданной группой питерских социологов совместно с немецкими коллегами в начале 90-х, которые одними из первых в России начали продвижение качественных методов в отечественной социологии. Думаю, что настоящий “поворот к социологии”, о котором Вы спрашивали выше, случился для меня именно с приходом в ЦНСИ.

Центр в то время располагался на Васильевском острове в помещении бывшей коммунальной квартиры. С самого первого посещения я поняла, что эта организация совершенно не похожа на те, с которыми мне доводилось сталкиваться прежде. Бросалась в глаза демократическая, дружеская обстановка и отсутствие каких-либо признаков формальной иерархии, например, кабинета директора как такового, или действующее в Центре правило обращения к директору по имени и “на ты”. Большинство сотрудников Центра были младше 30 лет. (Для сравнения – на кафедре ФИНЭКа на тот момент я в свои 36 была едва ли не самым молодым преподавателем). Моя первая беседа с Виктором Воронковым продолжалась более двух часов и вспоминается, что в течение разговора я испытывала постоянную неловкость от того, что «сам директор» уделяет моей скромной персоне так много своего драгоценного времени. Позже я узнала, что вовсе не была исключением, и что внимание уделяется каждому новичку, приходящему в ЦНСИ. С присущим ему подвижническим энтузиазмом Виктор рассказывал мне об идее и истории создания Центра, о текущих проектах и сотрудниках, о советской социологии и значении интеграции в международное научное сообщество, и о многом другом. Именно тогда от него я впервые узнала о существовании качественной методологии, о глубинных интервью и включенном наблюдении, и получила в библиотеке книжку Питера Бергера и Томаса Лукмана «Социальное конструирование реальности» для обязательного прочтения (надо заметить, что библиотека в Центре всегда была объектом особой заботы директора и предметом гордости сотрудников). Дружеские отношения не мешали острым дебатам на семинарах, которые составляли неотъемлемую часть научной жизни ЦНСИ. Обстановка в Центре была настолько неформальной, что трудно было воспринимать его как “место работы”. Сюда было просто интересно и приятно приходить. Я начала посещать методологические семинары, участвовала в обсуждении проектов и планов, осваивала качественные методы, все больше включаясь в центровское сообщество.

Проект, благодаря которому я оказалась в ЦНСИ, предполагал проведение кейс-стади нескольких научных организаций Санкт-Петербурга. Я занималась поиском кейсов для исследования и отбором информантов, проведением и анализом интервью и наблюдений, что было новым исследовательским опытом, в процессе которого происходило освоение и (само)обучение качествен-

ным методам полевого исследования. Другой важный опыт, который я обрела в ЦНСИ, был связан с навыками работы в международной исследовательской команде, участие в семинарах и дискуссиях, опыт презентаций на английском, первый выезд в университет города Тампере на рабочий семинар по проекту. Появился стимул совершенствования английского языка, который хотя был достаточен для повседневного общения, но, как оказалось, не очень годился для научных дискуссий.

В течение последующих 18 лет работы в ЦНСИ я занималась самыми разными темами – от инновационного предпринимательства и трудовых протестов до исследований деревенских миров на постсоветском пространстве и частных школ Санкт-Петербурга. Такое тематическое разнообразие было связано прежде всего с проектным характером работы в ЦНСИ. Организационная структура Центра никогда не предполагала жесткого разделения на тематические отделы. В первые годы создания ЦНСИ все занимались всем. С расширением спектра исследований появились так называемые научные направления – относительно устойчивые тематические блоки, которые складывались исходя из научных интересов сотрудников. Среди старейших направлений можно назвать исследования границ, этничности иммиграций, с которых начинался ЦНСИ в 90-е годы. В течение многих лет в ЦНСИ работает гендерное направление и группа экологических социологов. Относительно недавно оформились в самостоятельные направления социальные исследования экономики, исследования городского пространства, социология общества и права. Границы между направлениями подвижны, и каждый сотрудник может участвовать в любом проекте. Другая причина многотемья связана, как мне кажется, с особенностями небольших исследовательских организаций подобных ЦНСИ, живущих на гранты. В таких организациях исследователям сложно сохранить узкую специализацию, как например в государственных научных институтах, поскольку они вынуждены постоянно ориентироваться на тематические приоритеты грантодателей. В таком формате работы есть свои плюсы и минусы. С одной стороны, неизбежно страдает глубина проработки темы, поскольку на нее никогда не хватает времени, когда по окончании проекта по одной теме необходимо срочно переключаться на другую. С другой стороны, многотемье не дает заикливаться на узкой проблематике, развивает научную эрудицию и комплексный взгляд на исследуемые проблемы.

В ЦНСИ я координирую направление “Социальные исследования экономики”; направление оформилось примерно в 2006 году и зафиксировало три исследовательские темы, отражающие основные научные интересы, которые сформировались за время моей работы в Центре. Первая из них связана с неформальной экономикой, понимаемой в широком смысле как неформальные механизмы социально-экономических взаимодействий в сфере экономики и повседневной жизни. Начиналось направление с серии исследований коррупции в малом и среднем бизнесе, которые мы проводили совместно с венгерскими и американскими коллегами. Благодаря глубинным интервью с бизнесменами, проводившимся в этих проектах, был обнаружен интересный феномен коррупционного посредничества в малом и среднем бизнесе, который в то время начинало формироваться в устойчивый (и формализованный) институт, обслуживающий взаимодействия бизнеса и власти. В наших исследованиях коррупции использовался качественный подход, рассматривающий данный феномен

с учетом социо-культурного контекста, в котором реализуются коррупционные отношения. Значимой публикацией для описания этого подхода стал сборник «Борьба с ветряными мельницами? Социокультурный подход к исследованию коррупции», в котором помимо результатов собственных исследований были опубликованы переведенные нами же для своих исследований интереснейшие тексты о подходах к анализу коррупции в странах «третьего мира», хорошо демонстрирующие контекстуальность этого явления. Исследования неформальной экономики не ограничиваются темой коррупции. Мы изучаем неформальные практики и взаимодействия в самых разных сферах общества, организациях, повседневной жизни и бизнесе, что позволяет понять, как в реальности функционируют институты и сообщества.

Другой составляющей направления «Социальные исследования экономики» является исследования индустриальных отношений, под которыми понимается институциональные взаимодействия коллективных интересов труда, капитала и государства. Мое возвращение к трудовой тематике состоялось во многом благодаря одному из ближайших друзей и соратников ЦНСИ профессору университета Билефельда Юргену Фельдхоффу, который посоветовал мне обратить внимание на данную тему. Будучи хорошо разработанной областью знаний в западной науке, перспектива индустриальных отношений практически не используется в России, где по сложившейся исследовательской традиции больше внимания уделяется отношению работников к труду, чем на их взаимодействие с работодателем, профсоюзами и государством.

Наши исследования в основном сфокусированы на профсоюзах как институте коллективного представительства интересов труда и их особенностях в России. Начало этой тематики было положено совместными проектами с немецкими коллегами, в которых мы изучали влияние глобализации на систему индустриальных отношений в судостроительных отраслях Германии и России. В дальнейшем проводились многочисленные исследования российских профсоюзов, официальных и альтернативных, по результатам которых была опубликована монография «Российские профсоюзы в системе регулирования социально-трудовых отношений». Я также изучала профсоюзы в Америке, в штате Мэриленд, во время стажировки в CCSC, Центре исследований гражданского общества университета Дж. Хопкинса (JHU) в Балтиморе в 2010 году: интервьюировала профсоюзных боссов, наблюдала за процессами лоббирования во время парламентских сессий. Исследование обнаружило интересные тенденции, связанные с растущей ролью коалиций между профсоюзами и организациями некоммерческого сектора в США. Профсоюзы сегодня расширяют спектр деятельности, уходя от чисто трудовых вопросов и уделяя все больше внимания общесоциальным проблемам (гендерная дискриминация и этническое неравенство, проблемы экологии, сексуальные меньшинства и миграция и т.п.), что в разной степени характерно не только для американских, но и для европейских, и российских профсоюзов. Позднее я получила возможность продолжить работу над профсоюзной тематикой в SAIS (Школа международных исследований Пола Х. Ницшепри JHU), которая является одним из ведущих исследовательских и образовательных институтов в области международных отношений. Здесь я изучала процессы политизации профсоюзов России, которое наблюдается в последнее десятилетие, истоки растущего политического влияния профсою-

зов в последние годы. Другой аспект исследования труда, которым я продолжаю заниматься и сегодня, это трудовые протесты и их роль в разных институциональных моделях представительства интересов труда. В этих исследованиях мы тесно сотрудничаем с российскими и американскими коллегами. Важно, что результаты исследований использовались при разработке курса, который я до недавнего времени преподавала в международной МА программе “European Societies” – совместный образовательный проект СПбГУ и университета Билефельда.

И наконец, третий исследовательский фокус – инновационная экономика России, и в частности, социально-экономические и культурные факторы, препятствующие конвертации научно-технического потенциала российской науки в инновационные технологии. Инновационная экономика – относительно новая для меня тема, но в то же время, она опирается на имеющийся багаж исследований науки и научных организаций. В 2012 году я имела возможность участвовать в масштабном проекте Европейского Университета по исследованию социокультурных факторов инновационного предпринимательства в Финляндии, Тайване, Южной Корее и России. Продолжением этого исследования стало сотрудничество с финскими коллегами из СЕМАТ (Центра исследований рынков в трансформирующихся экономиках) Школы менеджмента Университета Аалто в Хельсинки). Сравнивая биографические нарративы финских и российских техно-предпринимателей, мы пытались показать, как институциональный контекст и особенности института науки в разных странах влияют на формирование профессиональной идентичности инновационных предпринимателей, пришедших в бизнес из науки.

В целом знакомство с ЦНСИ можно считать основным водоразделом, разделившим мою профессиональную биографию на «до» и «после». Среди прочих связанных с ЦНСИ событий, качественно изменивших мою профессиональную жизнь, нужно безусловно отметить выход в «международное научное пространство», которое было в значительной степени предопределено работой в ЦНСИ. В 1999 году я подала заявку на участие в конкурсе программы обмена для молодых преподавателей JFDP (Junior Faculty Development Program) и попала на годичную стажировку в Университет Канзаса. Программа предполагала разработку учебного курса в какой-либо новой научной области. Я заявила курс по экономической социологии, который планировала преподавать в ФИНЭКе. Для меня до сих пор остается загадкой, почему программа направила меня именно в университет Канзаса, потому что как выяснилось, курс по экономической социологии там не преподавался, и был лишь один специалист, который имел представление о данной области. Поэтому мне снова пришлось осваивать новую область знаний самостоятельно. Не считая этого небольшого нюанса, можно сказать, что программа была чрезвычайно познавательной. Нас обучали работе с компьютером, включая пользование интернетом – благодаря программе я завела первый в своей жизни почтовый аккаунт на yahoo. Программа давала возможность посещать лекции и семинары в принимающих университетах по договоренности с преподавателями, на что они как правило охотно соглашались. За время своего пребывания в Канзасе я прослушала курс введения в социологию, который меня хотя и не вдохновил, но позволил получить представление о том, как преподается в Америке социология для не социологов, а также основы социальной статистики для бакалавров, посещала отдельные интересные семи-

нары. В требования программы не включалось регулярное преподавание, однако чтение лекций, выступления на семинарах по типу brown bag meetings всячески приветствовалось, и этот опыт был также чрезвычайно полезен. Особенно прекрасно было то, что программа предоставляла некоторый фонд для поездок на конференции, который при экономном расходовании (например, использование автобусов Greyhound вместо самолетов, ночевки у знакомых вместо гостиниц) позволял посетить много интересных научных событий в разных штатах. Из наиболее запомнившихся – конференция в Бостоне, в Institute on Culture, Religion and World Affairs, где я имела возможность воочию лицезреть Питера Бергера, основателя концепции социального конструирования реальности, столь почитаемой в ЦНСИ. Это была небольшая уютная конференция, довольно узкой направленности, где участники хорошо знали друг друга, и дискуссия развивалась вокруг конкретных вопросов. В тот момент я еще не владела английским настолько, чтобы решиться на презентацию, но к счастью, программа не требовала обязательного выступления для посещения конференции, главное, чтобы тема соответствовала научному профилю аппликанта. Совершенно иной формат научного сборища представлял многолюдный конгресс Социологической Ассоциации Среднего Запада (Midwest Sociological Society), который проходил в Мариотт отеле города Чикаго. Отель производил впечатление гигантского муравейника, толпы людей сновали между презентационными залами, где заседали самые разнообразные секции, на одной из которых (уже не помню, на какой именно) я представляла доклад о том, что такое быть ученым в переходной экономике. Чикаго запомнился ужасной февральской погодой – сильный ветер с дождем – и посещением джаз клуба легендарного Бадди Гая, где мы просидели до утра слушая джем сейшн с участием великолепных джазовых музыкантов из разных штатов.

Пожалуй, наиболее экзотичный научно-исследовательский опыт за время моего пребывания в Америке связан с проведением включенного наблюдения в приюте для бездомных, где я прожила около месяца. История такова. В конце программы JFDP после обязательных 9 месяцев пребывания в принимающем университете, стипендиаты по желанию могли остаться еще на два месяца на стажировку (internship). Место стажировки каждый выбирал сам. Большинство оставались в своих же университетах, некоторые находили места в других организациях. Поскольку мне очень хотелось поучаствовать в каком-то настоящем исследовании, я попросилась в проект по изучению Edgewood neighborhood – беднейшего района Сан-Антонио в Техасе, который населяют неформальные мигранты из Мексики. Руководителем проекта был исследователь университета Сан-Антонио Рейз Рамос, один из последователей Гарфинкеля и просто чудесный человек. Узнав, что меня интересует неформальная экономика и сети взаимоподдержки среди бедного населения, он как истинный этнометодолог предложил мне поселиться в так называемом переходном центре (по сути приют для бездомных), чтобы иметь возможность понаблюдать беднейшее комьюнити «изнутри». Я не планировала свое пребывание в Dwyer как самостоятельное исследование, но лишь как некий экзотический ego-trip, который должен был дополнить мое участие в проекте. Однако в итоге оказалось, что именно пребывание в Dwyer дало мне гораздо больше информации о жизни беднейшего комьюнити Сан Антонио, чем все интервью и фокус группы, которые я посе-

шала в рамках проекта. Пребывание в Dwyer стало первым опытом исследования в другой культурной и языковой среде, где я столкнулась практически со всеми традиционными проблемами включенного наблюдения, описанными в разное время разными исследователями в методической литературе: всевозможные барьеры входа в поле, боязнь информантов, поиск точек фиксации и выбор собеседников, валидность получаемой информации и языковые проблемы коммуникации и т.п. Важным итогом моего пребывания в Dwyer оказалось осознание ограниченности (а иногда и бессмысленности) метода интервью в данном контексте из-за возможного психического травмирования одних информантов и заведомой неискренности других. К своему большому разочарованию я поняла, что в интервью, провести которые я так стремилась, обитатели шелтера преподносили мне готовые биографии, предназначенные для ушей социальных работников, а не истории своей жизни. Интервьюирование имело важное ритуальное значение скорее для меня самой, давая ощущение проделанной работы, и создавая иллюзию сокращения дистанции между мной и обитателями Dwyer. Свои рефлексии о жизни в шелтере я постаралась обобщить в статье «Стать бездомным в Америке», написанной для сборника «Уйти чтобы остаться. Социолог в поле», опубликованного ЦНСИ в 2009 году.

После возвращения из Америки я постепенно сокращала свою занятость в ФИНЭКе и в декабре 2000 года окончательно перешла в ЦНСИ, где и работаю по сей день.

Ира, и еще у меня есть к Вам один вопрос. Вы – избранный председатель Санкт-Петербургской социологической ассоциации. Сколько человек сейчас, пусть формально, состоит в ассоциации? В чем заключается работа ассоциации?

Сегодня Санкт-Петербургская ассоциация социологов насчитывает порядка 90 человек, и это реальная численность. СПАС это профессиональная ассоциация, которая объединяет социологов Санкт-Петербурга, работающих в разных организациях города. Первоочередной задачей ассоциации является информационный обмен. Правление организует информационную рассылку о профессиональных событиях, конкурсах и грантах в России и за рубежом. На новостной ленте сайта СПАС можно найти информацию о проходящих в городе социологических мероприятиях. В рамках ассоциации действуют несколько тематических секций, объединяющих социологов со схожими исследовательскими интересами. СПАС организует дискуссии по актуальным вопросам, публичные обсуждения вокруг знаковых общественных событий. В последнее время все большее значение приобретает представительство и защита профессиональных интересов социологов. Так, например, в недавнем публичном обращении мы выступали против закона об иностранных агентах и в частности, принятой в нем трактовки понятия политической деятельности, которая ставит под удар организации, занимающиеся социологическими опросами. В идеале ассоциация призвана способствовать межинституциональным научным коммуникациям внутри городского профессионального сообщества. В 2017 году ассоциации исполняется 25 лет, и этому событию будет посвящена юбилейная конференция.

Ира, в начале интервью Вы отметили, что Ваш отец – социолог и Вы являетесь социологом во втором поколении. Более того, и Ваша дочь готовится

к тому, чтобы стать социологом. Пожалуйста, расскажите, как Евгения пришла к такому профессиональному выбору, каким было ее движение в профессию до обучения в Чикаго, в какой области социологии она специализируется в Чикагском университете?

Женя закончила магистерскую программу по социальным наукам (Social Sciences) в университете Чикаго, и в этом году начинает учебу в аспирантуре в этом же университете. Изначально она больше склонялась к сравнительной политологии, но сейчас, мне кажется, ее интересы все больше перемещаются в область социологии, во всяком случае, мне так представляется из наших разговоров и обсуждений.

Отвечать на вопрос о том, как она пришла к такому профессиональному выбору, мне сложно. Думаю, лучше пусть она расскажет об этом сама, если (возможно) будет давать вам интервью о своей профессиональной биографии.

Интервью с Еленой Юрьевной РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

«ПРОГОВАРИВАЯ СВОЮ ЖИЗНЬ, МЫ НАДЕЛЯЕМ ЕЕ СМЫСЛОМ»

Рожdestvensкая Е. Ю. – окончила историко-философский факультет Латвийского государственного университета им. П. Стучки (1982 г.), доктор социологических наук (2013 г.), ведущий научный сотрудник, сектора исследования социальных изменений качественными методами ИС РАН; профессор департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

Основные области научного интереса: качественная социология, биографический метод, социология семьи и гендера, визуальная социология

Интервью состоялось: ноябрь 2014 – май 2015 г

Заканчивается первая половина июля 2015 года, в галерее респондентов – 120 фотографий, кроме того шесть интервью полностью закончены и вскоре будут размещены на сайте. Беседа с Еленой Юрьевной Рожdestvensкой закончилась два месяца назад, но организационно-технические обстоятельства не позволили до сих поместить его в веб-пространство. Замечу, это – не исключительный случай, а следствие непростой, многошаговой работы по переносу текста из рабочего состояния в публичное пространство. Дело в том, что практически одновременно завершается несколько интервью.

К написанию этого текста сейчас меня подтолкнуло перечитывание моей долгой переписки с несколько дней назад скончавшимся Учителем всех поколений отечественной социологии Владимиром Александровичем Ядовым. Очень искреннее, по-ядовски открытое письмо от 14 февраля 2013 года начинается словами: «Дорогой Боря, решил набросать эти заметки в твой архив, прекрасно понимая, что ты непременно опубликуешь мои саморефлексии в своих текстах биографий наших коллег по цеху, не исключая, на другой день после похорон бранных останков В. Я.». Я воспринимаю сказанное Ядовым как его завещание, и непременно в ближайшее время постараюсь опубликовать весь этот текст, но пока приведу лишь второе предложение письма: «Так что учти, что здесь есть момент самопрезентации, каковая, что я вычитал у Лены Рожdestvensкой есть “ситуативная идентификация” – невольное стремление показать себя определенным образом данному собеседнику. Коль скоро я это знаю, то постараюсь умерить названное стремление, хотя вряд ли удастся его преодолеть полностью».

По моему мнению, «соседство» положения о «ситуативной идентификации» с первой фразой Ядова, который глубоко понимал психологию человека и хорошо ориентировался в методологии биографических исследований, не случайно. Оно отражает точность фиксации и обозначения Рождественской некоего экстремального состояния человека, начинающего рассказ о прожитом.

В нашей беседе с Еленой мы не касались проблематики, обсуждение которой вывело бы нас на понятие «ситуативной идентификации», и это обусловлено теми вопросами, которые я задавал ей. О работе Рождественской по биографической тематике я узнал лишь в середине 2010-х годов, когда начинался мой историко-социологический проект. Сначала – из библиографических ссылок, потом подробнее – из интервью с ее коллегой Викторией Семеновой, проведенном в 2010 году. Естественно, прежде всего мои вопросы Елене касались ее семьи и процесса ее вхождения в социологию, в частности обстоятельств ее обращения к методологии и инструментарию биографического анализа в социологии. Рассказанное Еленой, одной из пионеров использования биографических методов в российской социологией – крайне ценно для понимания процесса освоения соответствующей методологии и инструментария в отечественной науке.

Поскольку данный историко-социологический проект в своей методологии и технологии базируется на глубинных биографических интервью, постольку для меня беседа с Еленой Рождественской стала и своеобразной школой в области биографики. Использующие биографические методы согласятся со мною в том, что это очень сложная, многошаговая технология, пронизанная массой тончайших социально-психологических нюансов. Поэтому все положения и наблюдения, которыми Елена поделилась со мною, в разной мере значимы для меня. И все же, центральным для меня является заключение о том, что «биографическое исследование отличается тем, что интересуется носителем биографии в его сингулярности, что не закрывает перспектив коллективного опыта в коллекции биографий». Мне легко согласится с этим положением, более того, оно как бы актуализирует мое стремление к расширению изучения коллективного опыта при анализе биографий. Ведь прорывы в науке совершаются единицами, а история творится поколениями. История не может быть малолюдной, она предстает перед нами как процесс зарождения и смены поколений.

Поясню сказанное примером. Рождественская высоко оценивает опыт своей работы под патронажем Даниэля Берто, но жалеет о том, что не смогла посетить семинары Пьера Бурдьё. О работе в школе последнего интересно написала Галина Чередниченко. Также Елена замечает, что группа молодых социологов обучалась в Уорвикском университете в Великобритании у профессора Саймона Кларка. Среди тех, с кем в ближайшие годы были проведены интервью, есть несколько человек, прошедших эту школу, назову их: Владимир Ильин, Михаил Масловский, Павел Романов, Ирина Тартаковская, Елена Ярская-Смирнова. Обобщение рассказанного всеми этими социологами дает достаточно полную картину освоения российскими социологами достижений современной Западной социологии. Это стало возможным в годы Перестройки и первые постперестроечные годы, и теперь мы видим следствия того нового для отечественной социологии сотрудничества с зарубежными исследователями.

Это – один из факторов изменения российской социология в прошедшие 10–15 лет. И его прямое действие будет наблюдаться достаточно долго, потому что сейчас все эти ученые активны в исследованиях и передаче своего опыта следующим поколениям социологов.

Рождественская Е. Ю.: «Проговаривая свою жизнь, мы наделяем ее смыслом»

Лена, Вы известны в нашем профессиональном сообществе как Мещерская и Рождественская. Обе фамилии, не простые, литературные, старые... насколько Вы знакомы с прошлым Вашей родительской семьи?

Что ж, весьма традиционно, что женщина оставляет след через фамилии мужей. Но до этого была девичья фамилия и история моей собственной семьи происхождения. Так что знакомьтесь — Елена Юрьевна Родина. Я была третьим ребенком у матери и вторым у отца. Старший брат Валентин — от первого брака мамы, из ее военного прошлого, а мы с Мишей — и мирной жизни в Латвии.

Отец, Родин Юрий Дмитриевич, из семьи репрессированных, его отец — бывший офицер царской армии, погибший от пеллагры в мордовских лагерях. Сам призванный на фронт, был ранен в Восточной Пруссии и потерял ногу. Будучи инвалидом, не смог реализовать свою мечту стать геологом, но с успехом закончил Одесский институт инженеров морского транспорта, экономическое отделение, и был отправлен в Рижский порт, где работал главным экономистом. Не сработался. И всю оставшуюся жизнь проработал главным экономистом латвийского сельхозпроектного института. Был уважаем и любим и русскими, и латышами, поверьте, это не лишне упомянуть. Характер у него был нордический, а внешность весьма привлекательная, его даже сняли в кино немецким раненым офицером, поскольку Старая Рига, где он работал, часто становилась декорациями для многих фильмов. Его клановая ветвь через сестру — это кадровые военные, летчики испытатели, мой кузен погиб в этом качестве, уже планируя переход в подготовку для космических войск. А кузина, работая в ИКИ (Институт космических исследований), налетала сама приличный стаж, тестируя свои изобретения. И при этом, эта часть родни дала приличных концертирующих музыкантов, скрипачей и пианистов, которые теперь живут в Германии, так, племянник, — вторая скрипка Лейпцигского филармонического оркестра и оркестра Мюнхенской Оперы.

Моя мать, Ида Викторовна Родина, в девичестве Оорваас, в переводе с эстонского — белочка, родилась в очень сложной и также репрессированной через отца семье. Это был типичный мезальянс эпохи — эстонский коммунист, из семьи квалифицированных рабочих, привезенных в Россию для работы на питерских заводах, и Ольга Васильевна Тюльпанова, в третьем поколении — из семьи священников, владимирская красавица с хорошим гимназическим образованием и даже сертификатом победительницы местного конкурса красоты. Карьера Виктора Оорваас (русифицированный вариант — Оравас) в России сложилась самым драматическим образом — он был рекрутирован революцией, он был замполитом дивизии, работал с Котовским, руководил (да, увы) подразверсткой Ленинградской области, был сослан, а затем в 1941 году арестован и приговорен к 10 годам без права переписки, что означало расстрел. Перед арестом бабушка сжигала семейный архив с телеграммами от Свердлова, Ленина и и других, хотя как они могли помешать.. Как бы то ни было, это страшное время бабушка встретила только-только разведенной с тремя дочерьми и в полной депрессии. Быстро

было распродано имущество, ставшее поводом для доноса (обвинение в буржуазном образе жизни) и наступила абсолютная бедность, голод, у моей матери открылся туберкулез, дивертикуле. Ее кое-как подлечили, позднее туберкулез исчезнет в блокаду, голод вытеснит все. На этом фоне у нее расцветают таланты, ее поддерживает учительница, живя в Красном Селе под Ленинградом, она ездит в Ленинград в студию Маршака и сочиняет стихи и рассказы. Все прервет война, со старшей сестрой они будут мобилизованы санитарками в армию, и это их спасет от угона в Германию на принудработы¹, как это случилось с матерью и младшей сестрой. Так началась военная биография моей мамы, которая пройдет блокаду в военном госпитале, будет сбивать бомбы-зажигалки с крыш в составе молодежной бригады, и спасется тем, что ее перевезут по дороге жизни. Далее старшая сестра поможет ей перевестись в авиабригаду под Ленинградом, где она будет и переводчиком, и делопроизводителем, где найдет своего первого мужа, летчика. После войны и развода с младенцем на руках она, закончившая Высшую комсомольскую школу, будет направлена в Цесис, в Латвию, журналистом. Там она получит еще два образования – педагогическое и историческое. В итоге она стала работать журналистом на Латвийском Гостелерадио и параллельно преподавать в университете марксизма-ленинизма эстетику. Здесь же в Латвии она встретила моего отца, который уже работал в Риге, часто лежал в госпитале, у него выходили осколки после ранения (12 операций). В госпитале они и познакомились, выходя на крыльцо покурить.

Родители были очень противоречивой парой. Мама была яркой коммунисткой, отец беспартийным, его документы с рекомендацией в партию были утрачены во время ранения, и больше к этому он не возвращался. На этой почве родители ярко ссорились. Их влияние на меня, мое образование было также противофазным. Отец исходил из того, что девочке нужно незатейливое практическое образование, типа текстильного. Но мать была полным контрастом. Она прогуливала меня по Старой Риге и обсуждала архитектурный стиль нео-готики Главного университетского здания на бульваре Яна Райниса. Ее профессия и образ жизни были встроены в культурную жизнь города, например, по весне открывались вернисажи в мастерских городских художников, которые надо было обязательно посетить, что мы и делали еще детьми. Особая политика была в отношении языков. Для старшего брата, который получал алименты, они тратились на уроки английского у бывшей фрейлины двора Брагинской, матери того самого сценариста. Его акцент затем оценили в институте. Для среднего брата – английский и японский, последний преподавал директор Научной академической библиотеки в Риге, собравший вокруг себя узкий кружок японистов. Для меня были приглашены две домашние учительницы, сначала немецкого, затем французского. Поэтому влияние матери, которая структурировала мечты и амбиции детей, занимаясь ли химическими опытами со старшим сыном в подвале нашего чудесного дома в стиле арт-нуво, либо восстанавливая самостоятельно, изучив учебник печного дела, камин из болотных изразцов в моей комнате, либо создавая привычку к филармонии и Домскому собору с его органными концертами,

---

¹ Делая исследования по остарбайтерам в 2004–2005 годах, я только потом осознала, что это часть моей семейной истории. Бабушку и тетю, тогда 14 летнюю девочку, в Германии разлучили, и они встретились только после войны. Тетя вышла замуж за военного, и ему была неизвестна эта часть биографии жены.

променадами по Юрмальскому взморью в любую погоду, — было безгранично более зримым. Но сейчас, я готова переоценить сдержанность отца, его душевные качества, и понимаю, что его вклад был просто иной.

Как вероятно уже стало ясным, перспектива высшего образования уже была решена, был выбран философский факультет, социологии еще не было как отдельной специальности. И я положила на то, что в процессе учебы мне станет яснее, что увлекает. Хотя предварительно влекла эстетика, благодаря матери, еще старшеклассницей я бегала в университет на лекции приезжего Моисея Самойловича Кагана. В университете существовал формат историко-философского факультета, кадры которого были смешанные — и русскоязычные, и латышские. Но официально образование на нашем факультете велось на латышском. Русских студентов было мало, у нас всего двое, что требовало и языка, и умения культурной адаптации. Атмосфера была интересной, дети в основном латышской номенклатуры и интеллигенции, которые в последствии заместили кадры в период перестройки и суверенизации Латвии, став послами, поэтами, теледееателями, предпринимателями, политиками (самого националистического толка). Здесь на факультете произошло открытие социологии, поскольку этот предмет вел молодой амбициозный преподаватель, вернувшийся из долгой стажировки в Штатах (Эдвард Ожиганов), поэтому начинала я с Шибутани, автора более социально-психологического, но это было как раз ближе. Училась я хорошо, параллельно работала на кафедре прикладной социологии, открывая с удивлением другие социальные миры, например, завода, как в случае исследования на заводе ВЭФ (электротехника) или Огрском трикотажном комбинате. Образ жизни был почти богемный, зарплата и стипендия позволяли съездить в Питер на уикенд на выставку, например, Энди Уорхола или просто в мастерскую к знакомым художникам. Какие-то студии пантомимы, театральная молодежь, научные конференции, во множестве имевшие место в Риге и окрестностях. Учиться было легко и интересно. Диплом, его название наверное отражают эти метания-искания — «Понятие бездны в социологической концепции Достоевского». Сейчас немного смешно.

Я думаю, что скорее такая тема тогда смотрелась «смешной», в смысле необычной, но как и почему она возникла? Она была навеяна Ленинградом или постепенно родилась в процессе чтения Достоевского? Не кажется ли Вам, что эта тема была скорее «мужской», чем предназначенной для девушки. И в чем Вы видели суть социологической концепции Достоевского?

Чем навеяна? Прежде всего, моей книжностью. Я читала запоем с самого детства. Практически все школьные зимние каникулы я хронически заболела ангиной, и мама, уходя на работу, заваливала мне постель книжками, в том числе фолиантами по истории искусства. Ничего не оставалось делать, как все это читать. Потом в университете наш преподаватель истории культуры Дубин даже доверит мне прочитать за него лекцию по истории древнерусского искусства. А какие у меня были книжные находки! Не могу не поделиться. Увидев в окно потрошивших большие книги мальчишек, я выбежала во двор дома и обнаружила антикварные книги на языках. Они были в плохом состоянии. Выяснилось, что ребята вскрыли соседский сарай неподалеку в Пардаугаве, рядом с парком Аркадия, в Митавском форштадте. И вот с мешком, как тать в ночи, я отправи-

лась за сокровищами. Сарайчик был когда-то доверху набит книгами, нижняя половина уже сгнила, но я спасла несколько томов Еврейской истории Мордехая Дубина, изданной в Латвии в 30-е годы (потом ее выпросит Сеня Клигер), Гете и Шиллера на немецком, историю крестовых походов на французском и много чего еще. На книгах стоял экслибрис Домбровского, из чего я заключаю, что он как рижский еврей погиб во время Второй мировой. Со времен освобождения Риги туда никто не заглядывал, видимо, все родственники погибли тоже.

Библиотека в нашем доме была богатая, в каникулы, уезжая в гости к отцовской родне в Чернигов, последовательно читала их Всемирку, в библиотеке рядом с домом еще в школьные годы открыла литературоведческие полки и писала сочинения на их основе, чем зарабатывала странные оценки за сочинения — «0» по литературе и «5» по русскому. Меня учительница не особо любила за выпендраж и статус варяга, я пришла в 26 среднюю школу только в 9 классе после окончания восьмилетки. Забавный случай был с моим участием в литературных олимпиадах. Я последовательно выиграла районный, городской и республиканский конкурсы, сочинив нечто в стихах. И моя учительница вручила мне грамоту и книгу в подарок, уже отпустив класс на перемену, практически в дверях, просовывая мне мои трофеи. Впрочем, была еще одна школьная обидка, когда в классе шестом учитель рисования не принял мои рисунки по подушкам Дюрера, заподозрив участие брата. Но с этим мы разобрались благополучно.

Итак, школьные сочинения по Достоевскому ввели меня в его мир уже по-взрослому. Волновала проблема богооставленности и богоборчества, в переводе на социологический — аномии и ценностного вакуума. Эта тема пришла на пору моего взросления и знакомства с самиздатовской литературой. В 16 лет я открыла для себя Солженицына и Оруэлла, зачитываясь ими в экспресс-режиме, поскольку давали буквально на дни мои продвинутые московские друзья. Достоевский же меня привлек не внешним тоталитаризмом, а перспективой внутреннего — предлагая наказание за мысль преступную. А термин бездны как внутреннего хаоса был противопоставлен внешнему социальному порядку, классическому социологическому сюжету, но у Достоевского приобретавшему теократический характер.

В студенческие годы Вы не пробовали себя в журналистике, не увлекались театром?

Нет, журналистика меня не привлекала. Я строчила стихи. Одна из первых поэм под названием Море, сочиненная в 12 лет, заняла школьную тетрадку и только так была прервана, я не могла ее завершить. Мой девиз был мысль плюс образ, то есть, рациональность все-таки доминировала. Я могла сочинить нечто в любой художественной традиции, хотите, а ля Мацуо Басе, хотите, под Маяковского. Печатали в газетах, Молодежке. Приходили отклики, временами странные, даже из тюрем. Услышав об этом, мне устроил выволочку Сергей Параджанов, с которым мы познакомились на студенческих каникулах в Тбилиси. Он сам только вышел из тюрьмы, мы сидели рядом в театре Руставели и обсуждали его фильмы. Так что локальная слава была быстро обесценена. Я продолжала уже писать практически для самовыражения в стол, считая умение слагать стихи просто чертой приличного образования.

А вот театр.. Я была дружна с молодежной труппой Русской драмы в Риге. Они затащили меня в студию импровизационной пантомимы. Это был чудесный с многих сторон опыт — пластика тела пришлась ко двору на момент физического становления, избавления от комплексов. Ведь мой отец инвалид войны, долго мучившийся фантомными болями. Идентификация с его болью, его ущербная телесность — это и моя проблема. Костыли отца — деталь моего детства и юности. Поэтому для меня остается важным направлением сегодняшних научных интересов — социология телесности, рассмотренная в русле клинической социологии как *body-mind connection*. Равно как и социология войны: проекты по остарбайтерам, по коммеморации Афганской войны, по письмам с Первой и Второй мировой войны, по Еврейским музеям и Холокосту (сколько набежало) — то возможно внутренний диалог с отцом.

Лена, очень хочется спросить Вас о написанном, но отложу... Отвечая на мой первый вопрос, Вы быстро «добежали» до окончания университета. Но я хочу задать Вам вопрос, хронологически относящимся к событиям до университета, хотя, включающим и студенческий период: «Как происходило Ваше вхождение в латышский мир: язык, история, общение?»

Двуязычие в Латвии — среда обитания, поэтому вхождение было погружено в повседневность, которая постоянно имела режимы переключения, в зависимости от того, с кем нужно общаться. Кстати, норма многоязычия отражалась на газетных объявлениях еще в 30–40-е. Например, ищу няню к ребенку с тремя языками, что подразумевало латышский, немецкий, русский. Круг друзей и коллег родителей, затем мои сокурсники — всегда состояли из русскоязычных и латышей. Разумеется, школу я окончила русскую, правда, теперь она является латышской в кампанию перевода большей части русскоязычных школ в латышские. Но высшее образование я получила на факультете, строго следящем за политикой языка. Надо сказать, что таковой политика латвийского университета была всегда, если вспомнить знаменитые свободные тридцатые годы, время буржуазной Латвии, пропорции латвийских научно-преподавательских кадров были приблизительно следующими: на 500 с хвостиком латышей около 30 немцев, 10–11 русских и минимум иных национальностей. Поэтому курс на латышский язык был жестким, вплоть до увольнения.

Правда, некоторые русские университетские звезды, получившие образование в Петербурге или Тарту, фрондировали и читали на русском, а принимали экзамены у студентов на немецком. А звезды действительно были. Латвия славилась своей юридической школой — юристы Василий Синайский, Владимир Буковский, Александр Круглевский. Философия была довольно слабой и вторичной. Тем не менее, помню своих преподавателей — колоритный преподаватель классической немецкой философии Зариньш, Лайзан, эстетик Целма, Розенвалдс, демограф Звидриньш. Социологию преподавал латвийский русский из семьи староверов Иванов, а также Эдвард Ожиганов, который и внес обновление в провинциальный мирок латвийской социологии благодаря своему непревзойденному умению иронично донести социальный анализ в эзопову эпоху и конечно знакомству с новейшей социологической литературой.

Важным моментом была социализация в латышской группе студентов, среди которых я и моя сокурсница были единственными с русской идентичностью. Оговорюсь тут же о качестве так называемой балто-славянской идентичности, отличие которой понимаешь тогда, когда есть возможность погрузиться в иной советский культурный контекст. Всю прелесть этого различия я ощутила впоследствии в Москве, только переехав для учебы в аспирантуре. Был забавный случай в повседневности, когда на почте меня оскорбили, обругав матом. В ответ я дала пощечину, как оказалось, бывшему офицеру КГБ. Поскольку он счел, что в его лице я оскорбила органы, дело дошло до Института социологии, где я училась. Запомнился разговор с начальником отдела кадров, разумеется, отставным полковником: «Лена, ты учишься в идеологическом институте, ты должна помнить о чести этого института. А я задаю встречный вопрос: А честь института не слагается из чести его сотрудников?» Словом, социальная адаптация была непроста, а представления о бытовой культуре иными, что и породило конфликт непонимания.

Итак, латышский мир окружал не только языковым фоном, но и особым типом смешанной культуры, в которой приветствовалось любопытство и интерес к другому. Меня всегда восхищала широкая действительно массовая песенная культура Латвии. Ежегодный культурный эвент — Праздник Лиго — всегда сопровождался концертом под открытым небом на Песенном поле. Представьте, как это могло звучать: сводный хор из десятков народных коллективов со всех уголков Латвии поет вместе что-то из национальной классики. Тело нации в эти минуты имеет четкую протяженность, транслируя чувство единения и массового экстаза. Или студенческие вечеринки, когда стартует песенный марафон, который обнаруживает невероятное количество национальных песен в актуальной памяти, заметьте, молодежи. Надо ли говорить, что наши студенческие встречи, сдачи экзаменов, сопровождалась дискуссиями о ближайшем будущем, о статусе национальных республик, о сложном прошлом, роли сталинизма в нашей общей истории и т.д. Сокурсники были очень разных политических взглядов — от вроде аполитичной поэтессы Аманды Айзпуриете до ультра-националистичного Мариса Гринблатса, впоследствии министра образования и науки в Латышском сейме. Это было время вызревающих перемен и солидарности русскоязычной интеллигенции с латышами. К сожалению, после суверенизации Латвии возобладала потребность новой этнократии в усилении культурной рестриктивной политики, вплоть до учреждения языковой полиции. За время этой внутренней холодной войны практически утрачены научные связи, мы общаемся на зарубежных конференционных площадках на английском. Латвия стала для меня просто локальной родиной и предметом ностальгических воспоминаний.

Насколько я понял, Вы закончили историко-философский факультет, похоже, действительно, это очень интересная, эффективная модель подготовки специалистов.

Борис, любопытно, из чего вы заключаете, что это интересная, эффективная модель подготовки специалистов? На мой взгляд, это практически самообразование.

В классическом представлении о развитии знания философия – не наука, а история – наука. Поэтому историко-философское образование как модель представляется мне весьма интересным.

Что потом? Вы сразу поступали в аспирантуру Института социологии в Москве или поработали какое-то время в Латвии?

Что потом. Заранее вызрела идея поступить в аспирантуру Института социологии РАН, соединяя дальнейшую учебу и matrimониальные планы. Проще говоря, в Москву меня увлек любимый человек, впоследствии ставший моим мужем – Александр Мещеркин, тоже социолог с темой социологии труда. Поступив, я определилась с темой не сразу. Моим руководителем был Николай Сергеевич Мансуров, человек старшего поколения, воевавший, непростой и неоднозначный с точки зрения своих социально-политических взглядов. Но я уже давно научилась дифференцировать эмоциональное и рациональное, поэтому на человеческое отношение отвечаю тем же и с благодарностью. Он меня многому научил в плане социальных компетенций в Москве. Его личные научные связи, выросшие благодаря немецким контактам, дали мне новейшую литературу на языке, чем я не преминула воспользоваться. Когда в Москву приезжала с научным визитом Элизабет Ноэль-Нойманн, я была ее личной переводчицей и сопровождала в поездках в Ленинград и Таллинн к М.Титме. Это был ценный опыт. (Я благодарил маму за ее предусмотрительность в отношении иностранных языков, ведь в эпоху железного занавеса давать детям языки могли только ненормальные интеллигенты, ориентирующиеся на паттерн хорошего образования). Поскольку это была позднесоветская эпоха с первым отделом в Институте социологии, то было и внимание со стороны куратора Института. Э. Ноэль-Нойманн устроила мне настоящий биографический допрос, после которого она согласилась со мной работать. Надо сказать, что до меня ей пытались предложить другую переводчицу, только принятую в штат института. Она, поговорив с ней, ее отвергла. Пройдя тест, я получила во время этого визита редкую возможность пронаблюдать коммуникацию наших ведущих социологов и западной социологической звезды. Ей я также благодарна за книги, которых разумеется не было в ИНИОНе или Ленинке. Так сложилась диссертация на тему «Повторные исследования в ФРГ», что подразумевало лонгитюды и мониторинги. Я ухитрилась защитить ее не под рубрикой критики буржуазной социологии, а как методологическую и методическую работу.

Защитившись, я стала работать в отделе Ф. Р. Филиппова, в секторе молодежи, в основном занимаясь реферированием, но недолго. Перешла в отдел Рыбаковского в сектор Володи Шапиро, намереваясь заниматься сюжетом семьи, как оказалось, и гендера. Затем начинается броуновское движение, простимулированное конфликтностью ведущих научных лидеров, в результате чего этот сектор по семье в составе лаборатории Вишневского уходит в ИСЭПН. При этом в процессе перехода В. Шапиро передумывает и остается. Такая немая сцена. Далее Вишневский переезжает в ЦЭМИ, откуда я возвращаюсь в Институт социологии. Удивительно, хватило пары фраз, чтобы описать фактическую сторону институциональной принадлежности. На самом деле, здесь намешано масса центростремительных тенденций, несовместимых лидеров, разных научных

интересов и плюс перестроечного контекста. Для меня было большой научной удачей поработать в отделе Анатолия Григорьевича Вишневецкого, до сих пор дружим, пересекаемся на конференциях и в текстах.

Это время было отмечено и участием в одном интересном международном исследовании по семье, который затеял Мюнхенский институт молодежи, Юрген Засс и Анне-Мари Херзер-Засс. Сотрудничество с ними, дружба затем греют меня многие годы. Внутренним открытием этого исследования для меня была тема отцовства и маскулинности, остающиеся в поле научного зрения и сегодня. Ценность же этого исследования в целом заключается в том, что на период перестройки после нее сложилось мало полноценных репрезентативных исследований по семье и партнерству в российском контексте. А ведь так важны сопоставимые с западным контекстом данные, позволяющие судить о векторе тенденций.

В институте социологии, секторе Виктории Семеновой, где еще работала и Марина Малышева, состоялось поворотное для меня исследование под руководством Даниэля Берто — «Век социальной мобильности в России», на материале трех поколений в российских семьях. Это был знаменательный «вброс» качественной методологии. Мы познакомились с этим направлением, стажирясь в Париже под патронатом Берто в Высшей школе социальных наук. Жаль, что попутно мы не смогли познакомиться поближе с семинарами П. Бурдьё. Поскольку мэтры находились в конкурентных отношениях, мне на мою просьбу отпустить на семинар к Бурдьё, ответили отказом. Словом, методологический импорт осуществлялся в колониальных условиях. Тем не менее, книги, статьи, практика интервьюирования, поле, которое больше ставило вопросов, чем давало ответов, — все это невероятно стимулировало для дальнейших исследований.

В эти времена, в 1989 году у меня появился первый сын, Митя. Так сказать, «сидела» я дома всего полгода и опять включилась в работу. Ребенка я брала с собой на стажировки, в Германии он ходил в садик, вместе мы осваивали новые страны. Муж не препятствовал, но и особо не помогал. Тем более что, в дальнейшем содержательно нарастал крен в сторону гендерных, даже феминистских исследований. В 1995 году он скоропостижно умирает от рака, малышу было тогда 6 лет. Это было тяжелое для меня время, спасала работа, причем одновременная включенность в несколько проектов. Я даже заглянула в CV, пытаюсь восстановить даты. И обнаруживаю, что последовательность рассказа нарушает одномоментную встроенность нескольких проектов в одно и то же время. Например, в 1994—1995 годах я делала исследование о «Представлении о насилии у женщин и мужчин» (Фонд Мак-Артуров), в 1995—1996 — участвовала в проекте «На переходе к среднему классу: профессиональные стратегии молодых интеллигентов» (Фонд Сороса). А в 1995—1996 годах приобрела ценнейший опыт еще одного репрезентативного международного проекта «Гендерные стереотипы в российских семьях» совместно с Университетом Цинциннати (США). Этот опыт дал понимание о важном сочетании количественных и качественных подходов, потому что на период перестройки полученные данные пришлось дополнять качественными интервью для снятия амбивалентности. Забавно, что в Цинциннати наши коллеги решили устроить нам ликбез по качественным методам, но после нашего опыта в исследовании Берто, вы можете себе представить, как мы отыграли свою партию в этом перформансе...

Приятно слышать....

...Следующее большое исследование, имевшее резонанс и хорошую публикацию на английском, в 1996–1998 проект «Изменения гендерной идентичности в постперестроечной России» (ИНТАС-РФФИ). Его затеяла и руководила им Сара Ашвин из Лондонской школы экономики. В рамках этого исследования я как раз реализую свои наработки по социологии маскулинности. Затем я делаю исследование в 1999–2000 годах при поддержке Фонда Фридриха Эберта «Биографическая реконструкция маскулинной идентичности», что подразумевало стажировку в Германии. В университете Франкфурта/Майне я познакомилась с рядом выдающихся социологов – Уте Герхардт, Урсула Апич, Алекс Хоннетт, Хелма Лутц, Тильман Аллерт, Манфред Клеменц, Лена Иновлоки. Упомяну подробнее хотя бы Ульриха Оверманна, автора подхода объективной герменевтики, на семинары которого я ходила как на заседания некой секты. Весьма харизматичный социолог, но убежденный, что его подходу можно научиться только из «рук мастера», проходя вместе все этапы интерпретаций. Однажды на его семинаре мы просидели три часа над одной секвенцией. И нельзя сказать, что это время было пустым, по крайней мере, я понимаю, что вкус к прикладной герменевтике воспитывается практикой...

Поскольку фоном этого времени становится интенсивная конференционная деятельность и публикации на языке, то меня приглашают летом 2000 года поработать вице-деканом департамента «Труд» в Международном Женском Университете IFU в Ганновере (Германия). Подготовка к нему заняла два года, и летом 2000 года параллельно с выставкой Экспо-2000 три месяца работал наш уникальный университет для 900 студенток из 115 стран мира. В его рамках функционировали шесть основных проектов/факультетов – Труд, Информация, Тело, Миграция, Город, Вода, кроме этого, проекты Арт-концепт, Опенспейс, эволюативный проект, сервисный центр, управляемые обществом с ограниченной ответственностью. Это было очень масштабное мероприятие, своего рода социальный эксперимент, в котором участвовали очень разные по своим ожиданиям и уровню подготовки женщины, а организовывали другие женщины уже из академических структур с их иерархическими позициями и острой борьбой за успех в профессиональной карьере и устоявшимися нормами научного и феминистского сообщества. После него мы сделали версию виртуального университета, разработав онлайн-курсы по своим темам. Я, разумеется, была вовлечена в деятельность своего департамента по труду. Со студентками я встречалась оффлайн в начале и в конце курса, коммуницируя в процессе курса онлайн. Этот университет VIFU функционировал на базе Ганноверского университета, где была очень сильная группа гендеристок во главе с Региной Беккер-Шмидт. Это был прыжок на глобальный уровень, поскольку в качестве преподавателей были рекрутированы звезды гендерного дискурса из разных стран.

В том же 2000 году я руковожу (господи, как выдерживался этот ритм жизни и работы?) исследовательским проектом «Изучение системы гендерного неравенства на предприятиях Москвы» при поддержке Международной Организации Труда. Три завода в Москве испытали наше гендерное нашествие и вынуждены были в итоге развернуться лицом к гендеризированной версии коллективного договора. Интересны были и методические итоги: изучать дискриминацию, не произнося этого слова, строить ступенчатые стратегии от фокус-групп с профсо-

юзными активистами обоего пола на предмет социальных проблем предприятия, и лишь затем проводить лейтмотивные интервью с мужчинами и женщинами по поводу этих социальных проблем, что обнаруживало различный гендерный профиль социальных проблем.

Лена, спасибо Вам за щедрость, я имею в виду – широкое толкование моего вопроса: «Что потом?». Теперь я постараюсь задать Вам несколько вопросов на развитие, уточнение сказанного о людях, исследовательских подходах...

Я знал Николая Сергеевича Мансурова, наверное, согласен со сказанным Вами о нем, хотя его друг, мой старший товарищ и коллега по работе в Ленинградской высшей партийной школе, профессор-либерал (по меркам 1960–70-х) Юрий Яковлевич Баскин был дружен с Мансуровым с военных лет и много доброго говорил о нем. Мой проект – историко-социологический, и мне хотелось бы, чтобы в нем присутствовало как много больше наших коллег, тем более тех, кого помнит уже относительно небольшое число действующих социологов. Не могли бы Вы расширить, детализировать портрет Н. С. Мансурова?

Почти год назад, 4 ноября 2013 года, мне пришлось детализировать его портрет в жанре некролога, когда он ушел на 92 году жизни. Мы были дружны до его ухода, поддерживали отношения с его семьей, женой, Ларисой Семеновной Кутузовой, сыном Николаем. Николай Сергеевич как доктор философских наук, профессор, бывший замдиректора ИС РАН, обладал неординарной биографией. Меня до сих пор интригуют его биографические решения, выборы, которые создали ломаную траекторию его жизненного пути. Николай Сергеевич родился в 1921 году в Нижнем Новгороде, учился в Ленинграде на физическом факультете университета, в 1939 году был призван в армию. Его звездный час – участие в Великой Отечественной войне, отмеченное медалями и орденами. Кстати, здесь берет начало его знакомство с Э. Ноэль-Нойман. С ней связана почти детективная история. После защиты диссертации по опросам общественного мнения в США и публикациям в прессе, ее пригласил к себе в личные референтки Геббельс, издававший газету «Das Reich». Она, сославшись, на болезнь, уклонилась. Но документы с приглашением всплыли во времена денацификации и могли послужить поводом для чистки. А Н.С., имея доступ к архивам, каким-то образом смог доказать и обратное: отказ от приглашения. Во всяком случае, благодарность Э. Ноэль-Нойман была велика и переросла в дружбу семьями. Возвращаясь к биографии Н. С. Мансурова, после войны он заканчивает Высшие военные курсы и заочно в 1946 году Московский педагогический институт иностранных языков. Далее его жизненный путь делает фантастический резкий поворот, после демобилизации он учится в аспирантуре Института философии АН СССР. Его первая диссертация кандидата философских наук была посвящена «Проблеме мышления в свете учения И.П.Павлова» и защищена в 1951 году. Затем последовала докторская диссертация под названием «Современная психология в капиталистических странах» в 1964 году. Преподавал на философском факультете МГУ, затем в Институте философии, где сначала был старшим научным сотрудником, затем заведующим сектором. С момента организации Института конкретных социологических исследований АН СССР работал там заведующим сектором, заведующим отделом, заместителем директора института. Затем он покидает ИКСИ и с 1985 по 1993 годы заведует кафедрой философии

Московского института культуры, заканчивает карьеру деканом философского факультета Московского экстерного гуманитарного университета. Кажется, я ничего не упустила. В целом, это была масштабная личность, себя сам сделавший человек, такой советский Мартин Иден, многослойный, консервативный, с внутренним пространством. Для меня остается загадкой его превращение в философа из военного разведчика.

Лена, если мой вопрос уместен, пожалуйста, расскажите об Александре Мещеркине, опишите его путь в социологию... нельзя, чтобы о человеке, работавшем в социологии, не было и слова в нашей общей истории..

Мой первый муж Александр Кузьмич Мещеркин (1946—1995) родился в Куйбышеве, закончил исторический факультет Московского университета, кандидат философских наук. В его биографии ничто не предвещало такого пути. Предместье крупного производственного города, заводы, перспектива сурового пролетарского бытия, труда и питья, как у большинства вокруг. Безотцовщина, опять же, как у большинства вокруг. Его отец умирает в 49 лет от рака легких, как умрет в 49 лет и он сам. Его отец был образованным человеком с надломленной судьбой, из семьи польских переселенцев, видимо, через мать. Работал бухгалтером, а мать А.К. была простой женщиной, без образования, инвалидом. И оставшись без кормильца, семья переживала сложные времена, пока сын не встал на ноги, не пошел работать и заочно учиться. Какой мотив? Я в свое время интервьюировала его ближайшего друга Виктора Гордеева, он говорил: «Мы выделялись среди окружения, как люди думающие. Мы решили получить высшее образование, чтобы изменить мир к лучшему». Вот такая наивная программа жизни, одного приведшая на философский факультет МГУ, а другого — на исторический. Более того, списываясь с однокурсниками и обсуждая те же сюжеты, они привлекают внимание КГБ и с ними будут разбираться, не готовят ли эти молодые люди какой-нибудь переворот. Но если друг Виктор вместо переворота вернется в родные края транслировать студентам систему марксизма-ленинизма и тихо спиваться от безысходности, то Александр зацепится за Москву, откроет для себя «конкретные социологические исследования», станет специализироваться в изучении профсоюзов, вроде такого инертного советского сюжета. Он был тесно дружен с коллегами Володей Шапиро, Мишей Мацковским, Мишей Косолаповым, Семеном Клигером, Игорем Шуклиным.

Его сфера интересов — социология труда, трудовых отношений, защищался он у Подмаркова. Опыт проведения исследований был огромный, организовывать и проводить ему было явно проще, чем писать. В ту пору, когда мы с ним познакомились, он уже разворачивался к теме независимых профсоюзов и проводил интервью с лидерами профсоюзных групп, классифицируя и систематизируя это социальное поле. На эту работу будет научный и политический спрос. Он даже опубликует книжку в Германии, его приглашали с докладами на стажировки. Но все оборвалось. Роковые 49 лет.

Друзья горевали, он был редким конфидентом, ему многие поверяли свои тайны, делились и советовались, умел выслушивать. Наша однокомнатная квартира не пустовала без гостей, пришлось на паях с другом семьи снять двухкомнатную квартиру и отправлять туда ночевать всех приезжих друзей и родственников, даже обижавшихся иногда на такой прагматизм. Но могу сказать, что к своему

уходу он был в глубокой депрессии, наступившие времена (1995 год) пугали его, хотя он поддержал перемены, уходил с валидолом в кармане в ночи путча, я даже видела его в какой-то документальной съемке в цепи людей на улице. Помню, мы ходили семьей на митинги в поддержку Ельцина с ребенком на плечах. Такая смесь социального оптимизма и экономического ужаса, усугубляемого крахом накоплений, отданных в Фора банк, опустошенного чеченцами на войну. Эти времена прошли, равно как и сложный период вдовства с маленьким ребенком, и, оглядываясь назад, хочу отдать должное этому сильному человеку, сделавшему себя практически с нуля, с большой волей и чувством собственного достоинства.

Диссертацию Вы защитили в 1986 году по повторным исследованиям, а в 1994 году вышел под Вашим и Викторией Семеновой редакцией сборник «Биографический метод в социологии: история, методология и практика». В том году я уехал на постоянное место жительства в США, и до конца века вообще был вне социологии; так что не знаком с содержанием этой работы. Не могли бы Вы назвать некоторых авторов статей, вошедших в сборник, и вспомнить, как эта работа была принята Вашими коллегами? Была ли это книга первым в России введением в биографический метод?

Да, маленькая, бедно изданная книжечка, ставшая бестселлером. На первые годы занятия качественными методами она стала не только нашим подспорьем. Многие коллеги ее разыскивали и обзаводились электронными копиями в отсутствие бумажной. Затея состояла в том, чтобы представить разнообразные европейские школы качественных исследований – французскую, немецкую, англо-саксонскую, даже польскую, хотя после Знанецкого это уже не экзотично. И хотя мы мало состоялись в этой книжке как самостоятельные исследователи, больше как переводчики, вводящие новый (тогда) качественный дискурс, тем не менее, на уровне введения я постаралась дать методологическую панораму этого подхода с его плюсами и критическими минусами. Поэтому, на мой взгляд, мы вошли в эту не новую, но и в европейском контексте прерываемую, традицию не с черного входа. Это обстоятельство, правда, не лишило нас необходимости отвоевывать место под солнцем, доказывать своему научному сообществу правомерность такой постановки исследовательского вопроса, научность его по большому счету, что было непросто в сплошь позитивистском умонастроении.

Среди авторов того сборника – наш коллега из Франции, профессор Дома наук о человеке Даниэль Берто, еще в соавторстве со своей первой женой на тему своего знаменитого ремесленного хлебопечения во Франции. Его другая статья – в соавторстве с Мариной Малышевой, автора ряда книг и статей по следам исследований в феминистской парадигме. Она – участник того же исследования по социальной мобильности в трех поколениях, опубликованного в нашей книге «Судьбы России: социальная мобильность в XX веке». Пол Томпсон также участник этого международного сотрудничества, в соавторстве с Берто они выпустили книжку на близкую тему. А Вернер Фукс-Хайнритц стоит особняком в этом ряду как признанный классик биографического направления в Германии, его жена, Шарлотта Хайнритц долгие годы возглавляла редакцию журнала БИОС, посвященного биографическим исследованиям, в прошлом году она ушла.

Таким образом, Лена, верно ли утверждать, что биографический метод как нечто осознанное, определенное начал осваиваться российскими социологами в

начале 1990-х в виде некоей альтернативы (или дополнения?) к позитивистским методам? Повторю, меня в те годы уже не было в России, отсюда и мой вопрос, какие возражения приводились критиками этого метода? Что их в нем не устраивало? И наоборот, кто активнее других вас поддерживал?

Мне кажется, что в начале биографический метод, и шире — качественные исследования, воспринимались как жесткая альтернатива, то есть, расхождения были шире и представления о сочетании с количественными методами на повестке не стояли. Видимо, период освоения нового горизонта знания набирал силу не только через исследовательский опыт, но и формирование собственной идеологии как права на свою «социологию». Ведь это было время открытий и других частных направлений в социологии, которые претендовали на дискурсивную самостоятельность, — социология повседневности, социология гендера, социология маскулинности, социология вещей, моды, визуальная социология и т.д. Лишь в последствии в дискуссиях стали звучать умеренные ноты о мирном сосуществовании количественной и качественной социологий.

А в 90-х критика была жесткой. В 1994 году выходит знаменитая статья Г. С. Батыгина и И. Ф. Девятко в «Социологическом журнале» под названием «Миф о «качественной» социологии», в которой методологические основания качественного подхода были названы «эпистемологической кучей». И хотя в последствии И.Ф. Девятко несколько смягчила свои взгляды, по крайней мере, «попустительствует их соприсутствию», та критика была весьма своевременной и «отрезвляющей». Забавно, но тогда среди самих качественников были распространены мифы об отсутствии выборки в качественных исследованиях, было принято цитирование вместо аналитических процедур, исповедовался принцип чистого листа как свобода от предзнания о проблеме. Критические мнения касались также самого статуса субъективных источников в социологии: они ведь отражают только воспоминания отдельных индивидов, не давая обоснованных обобщений относительно опрошенных. Кроме того, упрек был и в том, что они возникли вследствие субъективных интересов, далее, эти источники, например, автобиографии, возникли гораздо позднее описываемых событий и часто в целях легитимации, да и вообще, ничто так не обманчиво, как воспоминание или память, населенные новыми событиями и опытами. Серьезно было и возражение, согласно которому создаваемые в нарративном интервью или фокус-группе материалы возникают благодаря диалогу с Другим, преимущественно оценивающим, и тем самым создают собственные источники, которые в большей степени отражают современность и взгляды участников или коды их понимания, их отклонения или идентификации.

Эти сюжеты были затем кардинально переосмыслены. Но самое главное, конечно, — это утверждавшаяся эпистемологическая ценность субъективного мира, принципиальное его отличие от объективистского знания, до сих пор царившего в социологии. Эта установка доминировала, в ней социализировались целые поколения, поэтому противодействие было мощным, да и остается. Помню записку-рецензию Ядова для моей статьи в Социс: ну, да, есть такое качественное направление на Западе, придется принять во внимание. Или разговор с Батыгиным, когда я принесла статью по следам нашего международного научного десанта на московский завод Мослифт, который купил концерн ОТИС и вводил там нормы западного менеджмента. Мы там провели кейс-

стади с представителями всей заводской иерархии, получив любопытный срез патерналистской постсоветской идеологии труда и конкурирующих вкраплений западной культуры труда. Но Батыгин укоризненно сказал: «Лена, я вас знаю как серьезного исследователя, мой совет, бросьте вы это бесперспективное занятие». Не бросила.

Кто поддерживал? Прежде всего, поколенческая когорта социологов, с которыми мы познакомились и подружились на социологических конгрессах, имею ввиду, прежде всего, Билефельдский конгресс по социологии 1994 года. Это было системообразующее событие не только в моей биографии, многие коллеги об этом вспоминают с эмоциями. Этому предшествовала стажировочная программа ТЕМПУС-ТАЦИС, в рамках которой я и некоторые другие — И.Девятко, А.Малинкин, Н.Веселкова, Л.Петрова и другие, стажировались в том же Биелефельде у феноменолога Гратхова, я посещала еще семинары нарративиста Ф.Шютце, лекции Кнорр-Цетины и других. Часть молодых социологов по этой программе уехала в Уорвик к С.Кларку. То есть целая плеяда молодых социологов стала специализироваться в разнообразных парадигмах и методах, в том числе и качественных.

При решении какого рода прикладных, конкретных задач Вы стали использовать биографический метод?

Прежде всего, биографическое исследование отличается тем, что интересуется носителем биографии в его сингулярности, что не закрывает перспектив коллективного опыта в коллекции биографий. Важно здесь, что события жизни между рождением и моментом интервьюирования X представляются не в их последовательности, а в их внутренней упорядоченности, т.е., мотивированности и субъективном придания смысла. Поэтому первые же исследования были нацелены на эти задачи в определенных социально-исторических контекстах — в ретроспективе трех российских поколений, охватывавших времена от дореволюционных до позднесоветских. Затем проблематика перестройки для социальной группы среднего класса, вынужденной инвентаризировать свои культурные капиталы для адаптации к переменам. Заодно возникла идея рассмотреть эти процессы в гендерном разрезе, так родился сюжет маскулинной идентичности и серия интервью с представителями рабочего и среднего класса. К этой же теме присоединился и проект при поддержке МОТ по проблеме дискриминации, которое вылилось в исследования на трех московских заводах и сочетанную стратегию из фокус-групп и нарративных интервью. Последнее исследование было важно для меня, так как мы попытались повлиять своими выводами на содержание коллективного договора в целях снижения дискриминационных практик. После этого как-то спонтанно после разговора в Институте Гете возникла идея сделать социологический проект в сопровождение Фестиваля современного танца, при поддержке Сиенс-культурпрограмм. И я проинтервьюировала участников этого международного проекта, совмещая биографическую ретроспективу, с одной стороны, и сюжетную линию и невербальный язык перформансов, с другой. Это был своего рода методологический вызов, такого тогда никто не делал. И во время мультимедийной демонстрации перформансов я дискутировала с дансерами по поводу их идентичности. Затем начинается серия проектов, связанных с сюжетами устной истории. Женская устная история

воплотилась в нашем зонтичном проекте в темы участия женщин в политике, бизнесе, религии, семье, материнстве. Затем случился мега проект международного масштаба под руководством Александра фон Плато по теме остарбайтеров, угнанных в Германию на принудительный труд. Среди участников – три русские команды, украинцы, поляки, французы, немцы, болгары, венгры, румыны, израильтяне. Мы осуществили две экспедиции во Псков, собирая интервью у выживших и на глазах уходящих пожилых людей. Очень тяжелый был проект, они все хотели быть услышанными. Меня поразила эта травма и дискурсивная непризнанность этой группы людей в нашей отечественной истории и социальной жизни. Многие из них совершили каминг-аут только в момент выплат компенсаций, затаив в молчании часть своей жизни в этих подробностях, не делаясь с детьми и супругами. Мы отнеслись к этому исследовательскому опыту по-социологически, расспрашивая не только о событии угона и пребывания в лагерях, но и о жизни до войны, и особенно после войны, о стратегиях нормализации, встраивания в советскую жизнь. Уже мало осталось тех, кто может об этом рассказать как свидетель.

Военная тема в исследованиях на этом не закончилась, мы продолжили ее на примере Афганской войны и стратегий коммеморации, соответственно интервью с ветеранами разного ранга, анализ памятников, музейных практик и попыток легитимации войны, дискурсивный разбор военных некрологов, виртуальных архивов и меморативных сайтов поставили новые вопросы. Для меня – это вопрос о виртуальных следах коллективной памяти и ее соотношении с индивидуальной памятью, а также осмысление роли музейного нарратива и визуальных средствах решения задач коммеморации. Я продолжила эту работу в следующем проекте по международному сравнению 10-ти ведущих памятников и музеев (в России, Польше и Германии) на предмет реконструкции коммеморативных задач государства. Это уже был Российский музей еврейской истории и центр толерантности, который вызвал мой интерес высокотехнологичной попыткой экспонировать как историю евреев в России, так и предложить свое решение сложной, почти невозможной задачи визуализировать культурную травму Холокоста. Тема войны не отпускает.

Лена, недавно Вы писали мне о моей коллекции биографических бесед с советскими/российскими социологами, что там уникальный сценарий, практически не требующий внешнего аналитического комментария, потому что вопросы решают и задачу документализации опыта, и его осмысления, а общее видение достигается коллекцией случаев и перекрестным расспрашиванием. Сейчас, когда позади 10 лет сбора информации, и я постоянно размышляю о том, куда и как буду двигаться дальше, Вы мне очень поможете, если несколько развернете, расшифруете свое высказывание.

Ну, вот, расплата не замедлила. Я довольно долго присматривалась к вашей манере проведения интервью, не зная, как оценить. Особенно мне показались провокативными перекрестные цитаты и приглашение собеседникам откомментировать их. То есть, в интервью, например, с Осиповым вы предлагаете рассказать о каком-то событии научной жизни и приводите цитату из интервью с другим социологом. Безусловно, это интервенция. Вы сталкиваете мнения, очевидно надеясь, что собеседник выйдет за границы отрефлексированной интерпрета-

ции, и возникнет интерсубъективное пространство для нового аспекта темы, или, может, обнаружатся латентные смыслы прошлых событий. Исходно мне очень импонирует такая живая манера интервьюирования, потому что худшее, что может произойти в результате масштабной реконструкции профессионального поля, — расставить по нему шахматные фигуры ведущих игроков, отлитые в бронзе их собственных интерпретаций. Поэтому, избегая этого, можно пойти в исследовательском плане двояко — первое, разрушать ее, интервенируя и сталкивая мнения и версии событий, и второе, терпеливо дожидаться кумулятивного эффекта разнообразных версий, который накапливается по мере прочтения и знакомства с беседами по горизонту поколения. Второй путь — явно не для вас, хотя все равно кумулятивность возникает. Ваш социологический темперамент увлек вас по первому пути.

По поводу излишности аналитического комментария. Это, безусловно, натяжка с моей стороны. Без комментария академические тексты не рождаются. Тем не менее, хочу подчеркнуть, что коллекция начинается после $n=$ го интервью продуцировать смыслы как хорошо отлаженная машина. На эту ситуацию работает теоретическая выборка ключевых персонажей поколенческих когорт, которые по логике сетевого анализа держат ведущие позиции соответственно не только наблюдатели в объектном зале, но и реальные субъекты, во многом понимающие, если не задающие правила игры. Поэтому внимательный читатель начинает проникаться многоаспектностью профессиональных задач становящихся и ставших социологов. Сущая игра престолов. Но с течением времени все же будет возрастать комментаторская составляющая, хотя бы потому что уходит фоновое знание этих эпох, приходит другое поколение *post next*, которое воспринимает эти времена и эти ценности как этнографически далекое. Так что, пожелаю вам в заключение сил и мотивации не оставлять этот гигантский труд и, кто знает, может, имеет смысл вставить в эту коллекцию и интервью с вами. Без этого картина будет неполной. Да-да.

Согласен, Лена. В предисловии к тому 5 «Историческое, биографическое и автобиографическое» моего шеститомника (на диске) по истории нашей социологии я написал «В логике, методологии, организации рассматриваемого историко-социологического исследования автобиографическая информация представляется мне крайне важной, сущностной. Ведь это своего рода «замкнутый на себя» проект; в нем все “авторское”. <...> Следовательно, автор не должен скрывать информацию о себе. По мере возможного она должна быть открытой, доступной читателю». Там же приведено несколько интервью со мною.

Вы защитили кандидатскую давно, в 1986 году. И в силу многих обстоятельств представили к защите докторскую лишь в 2013 году. Мой отзыв на автореферат Вашей работы начинался словами: «Е. Ю. Рожественская давно известна как сложившийся исследователь, эксперт в области методологии и методов изучения биографий. И мне кажется, представление ею к защите диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук — не более, чем формальный акт, сигнал о завершении ею большого объема теоретических и эмпирических работ». Ваша работа касалась методологии анализа биографии. Не могли бы Вы сейчас кратко обозначить основные проблемы, которые Вы видели в социологическом исследовании биографии, и как Вы предложили их решать?

Социологическое биографическое исследование, возможно, начинается с выбора собственного методологического пути, с развода с близкородственной дисциплиной — социологией жизненного пути. В социологии жизненного пути, как известно, основной акцент делается на последовательности событий жизни в порядке объективного времени. Поэтому человек во всей его сложности и многозначности тут не царь и бог, здесь важнее институциональная привязка событий его жизни, их социальное регулирование: когда в школу — в 7 лет, в армию позовут в 18, замуж можно опять же с 18-ти, а когда-то, в 60—65 — на пенсию. В этой перспективе жизненный путь — хотя и результат субъективных решений, но больше зависит от социально-структурных признаков, опыта возрастных когорт и исторических событий. Да и вообще, анализируется не отдельный жизненный путь, а статистическая агрегированная их совокупность. Носитель биографии в его сингулярности здесь потерян. Вот эта проблема и была отрефлексирована. С очевидностью, человек в его индивидуальности стал нам теперь интересен и важен. В результате многочисленных дискуссий стало ясно, что концентрация на субъективности не разрушает социологической перспективы, скорее, перенастраивает ее, реабилитирует. И, разумеется, требует новых методических решений, которые позволяют структурировать биографический нарратив, выращивать слои формальных индикаторов, прежде чем подступить к его интерпретации. Это довольно кропотливая бисерная работа, во время которой нужно постоянно демонстрировать переходы в направлении генерализаций. Откуда взялись эти выводы, вписываются ли они в общую картину данных, есть ли общий гештальт и т. д.

Что касается более широких, даже философских установок, то меня очень вдохновляли идеи Мамардашвили о создании формы, посредством которой мы распознаем в этой жизни то, что без этой формы не увидели бы, — смысл. Я применила ее к биографии — проговаривая свою жизнь, мы ее выстраиваем в смысловом отношении. Поэтому так важен сам жанр биографического рассказа, за который респонденты нам, социологам, так благодарны в итоге. Кто еще выслушает нас не избирательно, не как свидетелей локального события, не историю нашей болезни, не этапы образования или краткое CV?

Поэтому, на основе биографических интервью, я представляю идентичность прежде всего нарративной, которая строится непосредственно в речевых практиках повседневных рассказов. В этом смысле нарративная идентичность представляет способ, каким человек в конкретных интеракциях осуществляет идентификационную работу. Разумеется, такое понимание имеет ограничения — это локальная и прагматически выстраиваемая идентичность, она является лишь частичной идентичностью, не реализующей всей самости личности и не обладающей онтологическим статусом.

Меня интересует вопрос и общего, и личного плана. Есть ли в России профессиональный архив (банк) биографической информации? Соответственно, можно ли пользоваться этой информацией и могу ли я передать в него мои биографические интервью, число которых уже перевалило за сотню?

Я полагаю, в России много профессиональных архивов биографической информации и по Устной истории при различных исследовательских центрах. В Петербурге в ЦНСИ, в центре Устной истории на факультете истории

ЕУСПб, хотя последний вроде закрылся, Международный центр Мемориал в Москве, НИЦ Мемориал в Петербурге, Биографический фонд под руководством О.Божкова в Социологическом институте РАН в Петербурге. Уверена, что и в фондах библиотеки ЦНСО в Иркутске также собраны материалы их проектов, многие из которых собраны с помощью качественных методов. Учрежден и Биографический архив в нашем секторе изучения социальных трансформаций качественными методами в Институте социологии РАН в Москве. В основном, политики таких архивов открытые, сопровождаются общим правилом ссылки на учредителей. Думаю, любой Архив будет счастлив принять на хранение такие материалы. Мы записываемся первыми.

Мой доброжелательный критик Владимир Шляпентох все время задает мне вопросы о том, в какой мере можно верить воспоминаниям. Безусловно, подобная проблема существует, но она — всеобщая, и касается не только биографий, опросов, но многих других методов. И все же, известны ли Вам работы по определению валидности биографической информации?

Я бы разделила этот вопрос на два различных сюжета. Вопрос о вере, доверии и лжи — это один сюжет. И здесь на искажения биографического материала работают как естественный процесс забывания и вытеснения первичного воспоминания его реконструкцией, так и всевозможные когнитивные постинтерпретации, влияния социальных стереотипов или индивидуального прошлого опыта, фактор повторения воспоминания, расхожие сценарии воспроизведения, психологическая защита/вытеснение, влияние актуальной идентичности рассказчика, дистанция между личностными изменениями, различие между произвольной/принудительной и непроизвольной ситуацией воспоминания, ассоциированность/диссоциированность рассказчика с эпизодом воспоминания, влияние дополнительной информации, поступившей позднее, а также возрастные, гендерные, национальные и культурные особенности рассказчиков. Море разлитое причин. Но и это еще не все. Ведь рассказывание — это не только когнитивная конструкция, но и коммуникативная стратегия. Интервьюер может и не добиться доверия, вызвать осторожность и нарративную блокаду. И на нем может лежать часть вины. Наконец, респондент может откровенно лгать, имея на то существенные причины. И что тогда делать? Если мы в поле Устной истории, сфокусированной на реставрации субъективного опыта событий Большой истории, то, например, Г. Розенталь предлагает восстанавливать линейную историю респондента и дублировать эту работу архивными исследованиями, воссоздавая репертуар возможных действий. Тогда заявление о том, что рассказчица в упор не видела ежедневно перегоняемый через городок транспорт с людьми в концлагерь, становится дезавуируемым в исследовании (не в интервью) фактом, который анализируется параллельно с версией рассказчицы о незнании масштаба Холокоста в плоскости рассказанного времени. Но есть и другая социологически релевантная задача. Она состоит не в различении правдивой и ложной «версий», а в выявлении пути, которым преобразуется значение действительного биографического факта. И здесь мы переключаемся тогда с сомнения в правдивости на анализ направления преобразований запомненного события в процессе жизни, на функциональность лжи.

Второй важный сюжет — определение валидности биографической информации. Дискуссия на эту тему не завершена и подключается к более широкой — валидности исследований в качественной методологии. По большому счету, дискуссия относительно надежности и валидности развивается в двух направлениях — во-первых, генезис данных должен быть прояснен таким путем, чтобы было ясно, где граница между замеренной картиной мира респондента и началом интерпретации исследователем. Во-вторых, процедуры в поле или в процессе интервью имеет смысл проверить на сравнимость поведения различных интервьюеров или наблюдателей. Наконец, в-третьих, процесс исследования должен быть подробно задокументирован и максимально детализирован. В любом случае, необходима подотчетность практики исследования, прежде всего, путем явного описания шагов исследования, которые позволяют вынести на суд читателей правдоподобность результатов исследования. Но есть и радикально крайние решения — раскрывать читателю методологические решения и интерпретативные суждения, сделать научно-исследовательское сообщество арбитром качества в надежде, что через форму демократического переговоров в рамках исследовательского сообщества сформулируются принципы качества процедур. Я бы отнеслась к этому предложению скептически, ведь только в очень абстрактных терминах мы можем говорить о почти всегда разделяемом научно-исследовательским сообществом научном этосе, вместо этого, исследовательские сообщества, как отмечал еще Кун, правят своими исследовательскими направлениями как вотчинами и ревниво охраняют их от вторжения или революции.

Интервью с Павлом Васильевичем РОМАНОВЫМ

«НА СОЦИОЛОГИЮ МЕНЯ ВЫВЕЛА СУДЬБА, ВИДНО, КАК-ТО УДАЛОСЬ УСЛЫШАТЬ ЕЕ ТИХИЙ ГОЛОС»

Романов П. В. (1964-2014) — окончил биологический факультет Самарского (Куйбышевского) университета, доктор социологических наук, профессор НИУ ВШЭ (Москва), главный редактор «Журнала исследований социальной политики», директор Центра социальной политики и гендерных исследований. Основные области исследования: социология организаций, социальная политика, социология профессий, этнографический метода в социологии. Интервью состоялось в 2014 г.

Павел Васильевич Романов (22 мая 1964 — 9 июня 2014) прожил короткую, но яркую жизнь, он успел многое сделать в разных направлениях социологии и ввел в профессию большое число молодых специалистов.

Несколько лет назад мною была предложена концепция поколенческого строения сообщества советских/российских социологов. Утверждается, что оно образовано системой профессионально-возрастных когорт с конкретными временными границами. Профессиональное поколение как нечто цельное рождается, социализируется и определенным образом входит в существующее сообщество социологов.

Исторически так сложилось, что пятое поколение советских/российских социологов образуют ученые, родившиеся в период с 1959 до 1970 годы. Это — конец политической «оттепели» и начало эпохи застоя. Вхождение в социологию у самых старших представителей этого поколения состоялось на разных фазах перестройки или в постперестроечные годы, а у младших — в период Ельцинских реформ. Таким образом, социологи пятой профессиональной когорты родились и выросли в советское время, и потому хранят в себе определенный опыт жизни в брежневской и андроповской стране. Однако лишь немногие из этой страты могут быть отнесены одновременно к советским и российским социологам, основная часть образует первую страту «собственно» российских социологов

Все это отчетливо видно в биографии Павла Романова. Он родился в 1964 году, когда Н.Хрущева в Кремле сменил Л.Брежнев, и стал осваивать азы социологии в первые постперестроечные годы. А его профессиональная социологическая деятельность началась на закате СССР, в 1989 году.

Всего три недели назад, накануне 50-летнего юбилея Павла Романова, я писал, что 1964 год относится к центральным годам интервала рождения социологов пятого поколения. И потому в его пятидесятилетии я видел не только факт его личной и профессионально зрелости, но и сигнал к началу серьезного осмысления роли, функций рассматриваемой когорты в совокупном сообществе российских социологов. Таким образом, смерть Павла, это — серьезная потеря одного из лидеров данного поколения, ослабление всей нашей науки.

Ряд вопросов этого интервью остались без ответов. Болезнь Павла вошла в острую фазу... пусть эти пробелы присутствуют в тексте как знак случившейся трагедии...

П. В. Романов: «На социологию меня вывела судьба, видно, как-то удалось услышать ее тихий голос»

Павел, Романов — весьма распространенная фамилия, чтобы мне спрашивать Вас, из того ли Вы древнего боярского рода... но я ко всему готов. И все же, пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье, насколько глубоко Вы знаете ее прошлое, где Вы родились...

Увы, вынужден разочаровать, неожиданностей не будет — бояр в роду нет. Родители — папа, Василий Павлович Романов и мама, Элеонора Леонидовна Романова (в девичестве Лебедева) — вполне обычные люди, заботливые и самоотверженные. Глубина знаний семейной истории невелика — до прадедушки со стороны матери, дедушки — со стороны отца. Турбулентности советской истории — репрессии, война, голод, несправедливое отношение к крестьянству — свели родителей вместе. Прадедушка со стороны мамы из белорусской бедности выучился на врача, служил на императорской железной дороге, много лет заведовал фельдшерским пунктом на Урале. В 1937 году его забрали по обвинению в том, что он враг народа. Все семейные реликвии, которые могли бы остаться, от него, пропали во время многочисленных переездов бабушки Лиды и мамы, чье путешествие началось в Свердловской области, переезда с севера (Вологодская область) бабушки Паши (Прасковьи) и папы. Дедушка со стороны папы был крестьянин. Все семьи оказались в 50-х годах в Куйбышеве казалось бы случайно, но как я сейчас понимаю, у каждой основной причиной было бегство: у маминной семьи — от угрозы репрессий и нужды, у папиной — бегство из деревни, от нужды, отсутствия перспектив, голода и отсутствия прав (смешно сказать, но бабушка Паша получила свой первый паспорт в 1960-х, до 80-х имела пенсию 15 рублей). Дедушка, мамин папа, был агрономом. Когда началась война, он ушел добровольцем на фронт, где и погиб в 1944 году при освобождении Украины. Дедушке по линии отца повезло больше — он прошел всю войну, вернулся домой, но вскоре умер.

Мама с бабушкой Лидой переезжали с места на место, пока не осели в Куйбышевской области, в городе Ставрополе-на-Волге, сейчас Тольятти. Бабушка работала бухгалтером в Управлении Кунеевлага, на стройке Жигулевской ГЭС, возведенной трудом десятков тысяч заключенных.

Жизненные пути мамы и папы пересеклись в Куйбышеве (сейчас Самара) в 50-е годы, на строительстве металлургического завода имени В.И. Ленина — крупнейшего производителя алюминия в Европе на протяжении нескольких десятилетий (после распада СССР мощности завода постепенно сокращались и распродавались). Там они познакомились, учились в разное время на вечернем отделении политехнического института, мама на химико-технологическом, папа в свои 33 года — на вечернем металлургического. Мама помогала папе писать контрольные работы, папа с великими трудами строил благополучие семьи. После пуска завода он работал на самом тяжелом производстве — в горячем цеху, прошел все ступени карьеры — от прокатчика до мастера, начальника цеха, и далее — заместителем начальника производства завода. Многие годы (12 лет) трудился мастером-электриком старший брат, работал и я после окончания школы.

Родился я в 1964 году «на Металлурге» — в рабочем поселке на краю города, входящем в район «Безымянка» — это был индустриальный район заводов и фабрик. Именно сюда свезли во время войны эвакуированные заводы из Москвы и некоторых других городов, здесь были выстроены предприятия и во время второй волны индустриализации в 1950–70 годах. Здесь я прожил до 34 лет. Поселок Металлургов был колоритным местом — здесь селили в основном работников Металлургического и Авиационного заводов, составлявших промышленный кластер. На одной лестничной клетке могли жить руководители и рабочие. Папа, уже большой начальник, участвовал в разрешении конфликтов в семьях своих рабочих, наших соседей.

Можно понять, что здесь же была и Ваша школа или Ваши школы. Что запомнилось из школьных лет? Какие были особые интересы, важнейшие события?

Здесь была и моя школа по соседству, где я и проучился почти все время — я пытался из нее переходить в физико-математическую, почему-то это считалось престижным, но не прижился там и вернулся обратно заканчивать десять классов в свою школу. Нравы на улице были простые и крутые, и чтобы чувствовать себя комфортно во дворе и в школе, желательно было иметь крепкие кулаки. В районе действовали молодежные банды, и нужно было к этому приспособливаться, поэтому драки были в детстве довольно частым явлением. Не могу утверждать, что не всегда везло в таких потасовках — слабым местом всегда были очки. Но рядом -- добрые друзья — Леша, он потом воевал в Афганистане, Юра, Коля — они окончили Политех и ныне работают на заводе Металлургов, как и многие из моих одноклассников. В школу я поступил шальным постреленком, первый класс поучился неважно, а потом меня укололи какой-то не той прививкой, развивалась аутоиммунная болезнь, с которой я потом и прожил всю жизнь. Это наложило большой отпечаток на будущее — стал книголюбом, сменил круг интересов. В старших классах увлекся сначала самодеятельной песней, фестивалями, туризмом, назло болезни ходил во все более сложные походы, особенно потом, в университете. Первые походы — выходного дня и прочие, короткие и более длительные, общение с приятными и близкими по духу людьми. Я одновременно тогда вел жизнь в трех независимых кругах — с одноклассниками, в турклубе и в Клубе самодеятельной песни, было у меня тогда огромное количество друзей, встреч, дел.

В девятом классе прочитал какую-то книгу и решил, что буду социологом (или — с некоторыми сомнениями, — что психологом). Почему — не очень понятно, поскольку из книжки мало что понял. Учиться этому тогда было негде — социологический факультет МГУ тогда был от меня далек, ехать в другой город не мог из-за болезни, но психология манила как запретный плод...

В общем, я тогда выбрал компромиссное решение — биология, кто-то мне сказал, что там мол можно по психологии специализироваться. Но сразу после окончания школы шансов в вуз поступить было немного, предпочитали ребят со стажем. Я остался работать на заводе и поработал там год слесарем, попутно ходил на занятия по химии, биологии, а математика у меня и так хорошая была. Близко познакомился с огромным механизмом завода, что мне немало помогло в дальнейшей социологической работе. Там, в заводской бытовке, я начал потихоньку постигать смысл завода как социальной системы — системы взаимоза-

висимостей рабочих от руководителей низкого и высокого ранга, а руководителей — от рабочих, от их исполнительности и дисциплины. Позже эти сюжеты я попытался раскрыть в исследованиях промышленного патернализма, ответы на вопрос о социальных смыслах взаимозависимостей на производстве я искал в британской литературе по промышленной социологии и в эмпирических данных, полученных этнографическими методами, и отчасти написал об этом в диссертации.

А пока начал сомневаться, стоит ли учиться дальше, и тут на свадьбе моей знакомой по КСП (Клуб самодетельной песни) Тани встречаю ее брата — сотрудника Лимнологического (исследований озер) института в Иркутске. Полчаса разговора — и решение принято — я еду на Байкал поработать на неформальном летнем стационаре института. Так и получилось — провел там незабываемых два месяца, завел множество новых друзей. Что поразило на Байкале, в Южнобайкальском заповеднике, — это обилие таких книг в местном крошечном книжном магазинчике, которые никогда не встретишь в свободной продаже «на большой земле», на них я тратил почти всю свою скромную зарплату. Начальству заповедника меня представили как студента-практиканта, и вот я принят на гордую должность «рабочий по науке».

Были и заработки — ездили с коллегами по работе на заготовку папоротника орляка. Его молодые побеги тогда заготавливали как лакомство для японских ресторанов, сотни искателей удачи — бичей (сокращение от «бывший интеллигентный человек») слетались на промысел со всей Сибири. Промысловики — мощные люди, не нам чета, сносили на факторию десятки килограммов сырья в огромных мешках «матрасовках», там на месте его обрабатывали и отправляли по назначению. Окрестности фактории живописно украшали завалы пустых бутылок от алкоголя разных видов и качества высотой метра два. Рассчитывались на месте. Любителей быстрого заработка завозили на огромных грузовиках поглубже в тайгу, а там все разбредались промыслять по разумению. Много я там не заработал, но и в накладе не остался — приобрел отличный рюкзачок для дальнейших странствий. Новые друзья-лимнологи окончательно подвигли поступать в университет. Дальше — как в кино, едва успел приехать в Самару летом 1983 и подать документы на биологический факультет, тут сразу экзамены, почти без подготовки сдал почти все на пять, только сочинение на четыре. Так мне еще редко когда везло.

Давайте теперь перейдем к Вашим студенческим годам...

В вузе учиться было легко, оставалось много времени на песни, фестивали, походы. Интеллектуальная жизнь тоже кипела — дискуссионные клубы, встречи по психологии. На первом курсе мы были вдохновлены психологией, и тогда случилась забавная история, детали ее детали уже подзабыты и воспроизводятся с ошибками, в чем честно сознаюсь. У меня в тот период было увлечение социальной психологией — в книжном на углу купил монографию про гуманистическую психологию и проникся тем, что понял оттуда. Социологией я тогда уже переболел — прочитанная книжка про социологию уже выветрилась из головы. В общем, от одного смутного предмета желания плавно перешел к другому.

Таких дурачков вроде меня, увлеченных психологией, на биофаке и на нашем курсе оказалось еще трое. И вот за осень мы проштудировали ту книжку по психологии, до дыр зачитали, а к концу осени родился прекрасно-идиотский план, не помню точно у кого: поехать в Москву, в МГУ и просить автора книги взять нас в ученики. Тут у меня некоторый провал, признаюсь. Как мы в ту пору, без интернета, нашли координаты кафедры, где работала наша вожденная гуру? откуда я узнал, куда ехать, когда? Вроде добыли телефон кафедры и звонили узнать, когда она будет, но я не уверен.

В экспедицию снарядили почему-то именно меня. Было сыро и холодно, мне 19 лет, в Москве я до этого был только один раз в компании друзей по Клубу самодеятельной песни — проездом на фестиваль какой-то зимний, денег было очень мало, но на билеты хватало. Родители в ту пору достали мне через знакомых турецкий черно-пестрый свитер — мода на них только начиналась — это должно было спасти меня от промозглой московской погоды. Купил студенческий билет в один конец со скидкой в плацкартный вагон поезда Куйбышев-Москва, взял какую-то сухомятку и вперед. Первое разочарование ждало меня утром — из-под головы украли турецкий свитер. Но душа жила надеждой, и я выбрался в город реализовывать наш безумный план.

День сохранился в памяти какими-то фрагментами, помню, что бродил по центру и дико замерз. Помню, с каким наслаждением я нашел какую-то маленькую забегаловку, где употребил божественный горячий бульон и мясной пирожок. Где-то часам к трем пополудни добрался на кафедру, полагаю — социальной психологии МГУ в комплексе зданий недалеко от журфака на Красной площади и стал ждать. Прождал часа два, и вот Она пришла.

Подробного описания встречи нет, поскольку очень смутно помню, что там происходило, разговор тоже плохо вспоминается, но был он короткий, минут 15. Она была удивлена и не знала, что со мной делать, сказала вроде, что я с товарищами живу так далеко, и вряд ли она сможет нами руководить, чтобы делать что-то научное. Что-то такое еще говорила, но в результате я вижу себя бредущим по Тверской улице с какой-то пустой башкой. В общем — фиаско, надо возвращаться домой.

Рядом с Казанским вокзалом находится универмаг «Москва», его тогда только что открыли, и он был самым желанным местом для куйбышевских командировочных, которые приезжали кратко и перед отъездом домой покупали здесь гостинцы домой, в голодную Самару, где на витринах в ту пору ничего не было кроме консервированной морской капусты и трехлитровых банок с зелеными помидорами. Заглянул туда и я, пересчитывая в кармане небольшие деньги, рублей пять, оставшиеся после покупки обратного билета в плацкартный вагон. Занесло меня в продуктовый отдел, и... Ура! я там увидел то, что должен был привезти в Куйбышев как гостинец — красивые банки с импортными консервами и красивым названием «Спаржа», грамм по 200. Спаржу я никогда не ел, только читал о ней в толстых переводных книжках. Как сейчас помню, это вместе почему-то, два красивых слова — спаржа и артишоки, что-то французское, Дюма, Стендаль и проч... Мммм....! Денег у меня хватало как раз на две банки. И как-то хорошо сразу стало на сердце, словно я, наконец, исполнил то, зачем ехал.

Добрался домой хорошо, в вагоне было сильно натоплено и был чай. Дома наварили картошки, я достал банку, и мы ее открыли, вкус отсутствовал, в мутной водичке плавали белесые стебли. Домашние это есть не стали, но я мужественно одолел с картошкой. Вторую банку подарил друзьям с чистым сердцем и о покупке не жалел — уж очень красивая была упаковка, настоящий гостинец из Москвы...

Потом в 1985-1987 была Школа молодого социолога — более или менее регулярные занятия для студентов, где я встретил своих первых наставников Будимира Гвидоновича Тукумцева, Ольгу Кузьминичну Самарцеву, Анну Семеновну Готлиб, Дмитрия Завершинского. С их занятий начались мои первые систематические занятия эмпирической социологией. Конечно, все это смахивало на кружок без обязательств, но с чего-то надо было начинать. А в конце четвертого года состоялся мой краткий роман с биологией — я чуть было не остался в ней работать, изучая сезонные периоды спячки у сусликов, но как то обошлось.

Суслики (*Citellus major*) заняли важное место в моей жизни, я им даже посвятил дипломную работу в университете. Эти пушистые небольшие рыжие зверьки — ростом сантиметров по 30 — роют норы и живут колониями в степях Среднего Поволжья, на Южном Урале и в Казахстане. Важной особенностью их образа жизни является зимняя спячка — ей они посвящают до восьми месяцев в году. Летом суслики отъедаются, нагуливают жирок на пшеничных полях, иногда довольно основательно прореживая посевы, а как только погода портится и холодает, становятся вялыми, залезают в нору и цепенеют в спячке. Диплом мой назывался «Циклы сна и бодрствования у сусликов *Citellus major*».

После четвертого курса университета в 1987 году я попал на практику в Тольятти, в Институт экологии Волжского бассейна АН СССР (совсем новое тогда еще учреждение, всего года четыре как основали). Туда были свезены статусные ученые из Москвы, Ленинграда, других академических центров, им всем обещали лучшие условия работы, отличные бюджеты, самое современное оборудование, новые квартиры. И действительно, на первых порах всего этого было в избытке, мои друзья мэнээсы получали прекрасные квартиры за всего лишь пару лет после трудоустройства, — и это одинокие, а семейные и того быстрее.

Лаборатория, где прошла моя практика, и где позже я писал диплом, занималась проблемами экологии сна — весьма экзотической даже сейчас темой. Возглавлял ее москвич П., доктор наук, широко известный в СССР и за рубежом (в узких кругах, конечно) ученый. Работало там, кажется, пятеро сотрудников, в основном ребята молодые и амбициозные, очень дружелюбные, веселые и квалифицированные, к ним я и присоединился. Основными лабораторными животными были как раз суслики (из-за своей склонности впадать в спячку всякий раз, как только условия жизни для них ухудшались). Ученые стремились погрузить животных в управляемую спячку при помощи разных типов пищевых рационов, изменений температурных условий (была оборудована специальная холодная комната). Подопытным вживлялись датчики в мозг, чтобы замерять показатели о характере активности нервной системы: бодрствование, медленный сон, быстрый сон (REM-сон), спячка. Эти показатели обрабатывались на хитром (по тем временам) компьютерном оборудовании, распечатывались в виде километров бумажных полос энцефалограмм и внимательно анализировались. При лаборатории была оборудована целая звероферма, куда помещали отлов-

ленных сусликов. В жаркие деньки того лета в мои обязанности входил уход за этой фермой - заготовка свежей травы, засыпание комбикорма, смена подстилки. Участвовал я и в экспедиции по Куйбышевской области и Татарии для отлова животных. Сейчас я думаю об этом с сожалением - дикие зверьки часто гибли, не выдержав содержания в клетках, их мучили опытами, принося в жертву науке. Тогда это воспринималось как нормальные потери в ходе научного познания, никто не ставил этических вопросов, увы.

За полтора года работы в лаборатории я многому научился, кое-что понял из того, как делается наука, это оказался важный опыт в жизни. Приобрел массу навыков, которым, правда, потом не нашлось применения — от ухода за лабораторными животными до проведения экспериментов, от экспедиционной полевой работы до приемов использования энцефалографа. Самый был для меня насыщенный год университетской жизни. К сожалению, к моменту моего окончания университета это подразделение закрыли, кого-то уволили, кого-то перевели в другие лаборатории. Оставшихся без работы зверьков, надеюсь, тоже выпустили на волю. Так и не пришлось мне понять толком, что такое сон, тем более, поработать по специальности, которую осваивал пять лет. Вокруг все просыпалось от спячки, снимались с насиженных мест, шли бурления в политике и экономике. Каждый, даже самый небольшой научный проект в советском НИИ был частью Великого плана. И между прочим, проект по управлению спячкой сусликов тоже выходил на решения амбициозных народно-хозяйственных задач — и вроде бы, на эту тему исследования велись в 1980-е годы и на Западе. Не знаю уж как сейчас, давно уже не слежу за публикациями. Главная идея, как мне по секрету сообщили коллеги по лаборатории, состояла в том, чтобы быстрее американцев найти способы, как выводить в спячку некоторые виды домашних животных в зимние периоды, когда кормов не хватает. И экономить тем самым на кормежке, например крупного рогатого скота. Во всеуслышание эта задача не объявлялась, но допускаю, что в этом и состоял прикладной эффект изучения сусликового спанья. А что? Звучит очень многообещающе — так и вижу огромные животноводческие комплексы, переоборудованные в стойла-спальни. Кроме того, как провозглашал в начале того десятилетия Брежнев, «экономика должна быть экономной», и экономить следовало на основе научных исследований и продвинутых технологий.

Впрочем, тему сна не стоит обходить и социологам, сами посмотрите: целые народы могут просыпаться после десятилетий покоя, разворачивают активность, строят демократию и гражданское общество, - чтобы через некоторое время опять впасть в спячку, с неудовольствием ворча на ненужные забугорные изобретения вроде свободных выборов, независимых судов и неподконтрольных средств массовой информации. Разве это не циклы сна и бодрствования? Разве не интересно узнать, что будит людей и что усыпляет? Ответы не так уж и очевидны.

Итак, в воздухе пахло перестройкой, лабораторию сократили, потом и я — молодой, свежесвыученный специалист оказался нужен только сам себе — страна быстро входила в рынок.

На Ваши студенческие годы пришлось начало перестройки, как, чем Вам запомнилось это время?

Последние годы учебы в университете совпали с Перестройкой — эти годы запомнились мне потоком новых интересных публикаций в периодической печати, книг, все это тогда запоем читалось. Помню бурление политической жизни, когда весь Грушинский фестиваль бардовской песни делил время между телетрансляцией заседаний XXVII съезда по телевизору и новыми песнями.

Похоже, образование Вы получили, но стремление заниматься социологией заставляло Вас двигаться в сторону именно этой исследовательской деятельности...

После выпуска, недолго поискав себя среди биологов, я обратился к своему социологическому опыту. В тот момент в городе была одна группа, отличающаяся от других молодежным составом — при Пединституте. По чьей-то наводке туда я и отправился в 1989 году. Заведовала лабораторией Ирина Козина, а старшим научным сотрудником был Дмитрий Завершинский, перешедший из университета. Тогда наступило время хозрасчетных центров, быстрых перемен, нововведений, и Дмитрий был в центре всего, пытался делать деньги и совмещать это с наукой. Думал он и меня приспособить к этому делу, но как-то не особенно успешно, в результате я стал просто сотрудником. Это была пора всяких экспериментов — создание сети интервьюеров, первый опыт «литования» анкет (проведение через цензора), самостоятельные городские опросы по случайной выборке — все это чертовски увлекало. Мы проводили семинары, приглашали хозрасчетные центры со всей страны, все казалось таким доступным и возможным — заказчики, иностранные партнеры, деньги, валюта. Вскоре выяснилось, что с научной составляющей все обстояло хорошо, а вот с денежной — не очень. Потенциальные заказчики с удовольствием читали результаты опросов, а платить за них не были готовы. В результате, после 1991 года опросы постепенно сошли на нет, наступали тяжелые времена. Я бегал в поисках подработок, пробовал себя исследователем в страховой компании АСКО, где думали проводить исследования, но все закончилось пшиком, платить и вовсе перестали. И тут к 1993 году судьба свела нашу самарскую группу с Саймоном Кларком.

Для полноты изложения, пожалуйста, представьте Саймона Кларка, чем ваша группа его заинтересовала, что он вам предложил?

В начале 90-х Ирина Козина, а потом еще один наш сотрудник Валерий Мансуров отправились учиться в Москву на Высшие социологические курсы, которые организовала Светлана Наталушко. Мы все тогда остро ощущали дефицит систематического социологического образования и стремились утолить эту жажду при ближайшей возможности. Курсы в ту пору были в самом расцвете — приезжали яркие лекторы из Англии, среди участников тоже было много интересных и энергичных людей. Там Ирина познакомилась с Вадимом Борисовым и Саймоном Кларком, профессором Уорикского университета из Великобритании, которые впоследствии пригласили нашу самарскую группу для работы в проекте «Перестройка управления и трудовых отношений на промышленных предприятиях России», предопределившим мою судьбу как социолога на годы вперед.

Работа в международном проекте — это само по себе испытание, а тут еще непривычная методология, понятийный аппарат, ну и тематика тогда была еще для многих незнакомая — трудовые отношения. Участвовали в проекте

четыре команды — от Сыктывкара группу возглавлял Володя Ильин, и в нее на первом этапе входил Павел Кротов, позже уехавший учиться и работать в США, от Кемерово — Петр Бизюков, от Москвы — Вероника Кабалина и от Самары — Ирина Козина и я. Со стороны Британии в проекте принимал участие также Питер Файербразер.

На подготовительной стадии мы выбирали объекты для анализа, изучали гиды (впоследствии мы составляли их сами, а вначале работали по разработкам руководителя проекта), вникали в проблематику. Сейчас все социологи уже знают, а для нас тогда в новинку было понятие гида: это тематические вопросы с примерной, достаточно вариативной структурой вопросов, сформулированных в свободной форме. Предполагалось сначала, что мы исследуем разные формы трудовых конфликтов и протеста: весь проект в духе кейс-стади, гиды интервью, наблюдений были заточены именно на это. Постепенно, по мере развития проекта модифицировались и задачи, и инструменты — акцент был сделан на изучении особенностей низовой организации постсоветского производства, придающей специфические особенности как трудовым конфликтам (отсюда и появилась у меня идея анализа промышленного патернализма), так и управлению предприятием в целом.

В каждом из городов было выбрано по два производства (кейса) для сравнительного анализа, а все города сравнивались друг с другом (внутри завода — соответственно по два производственных подразделения — тоже для сравнения). В моем родном Куйбышеве, который успел к тому времени вернуть историческое имя Самара, в качестве объектов исследования выбрали металлургический завод им. Ленина — тот самый, где начинался мой трудовой путь, и 4-й Государственный подшипниковый завод. ГПЗ был удачным выбором с точки зрения институционализированной трудовой конфликтности, там функционировал небольшой, но боевой независимый профсоюз и был опыт организации забастовок. В начале проекта — по несколько раз в неделю, потом пореже — мы посещали завод, бродили по цехам, собирали статистику по кадрам, брали интервью, проводили наблюдения — вели полевые дневники, записывали интервью на диктофоны. Руководство завода с любопытством наблюдало — что у нас получится, позже даже обращалось за консультациями, но главное — не мешало, сотрудничало посильно в проведении исследований.

В ходе реализации проекта мы встречались всеми группами не менее раза в год у кого-то из участников «в гостях», чтобы обсудить промежуточные результаты: встречи по очереди проходили в домах отдыха Самары, Кемерово, в Подмосковье. Это были очень продуктивные научные дискуссии, мы обсуждали отчеты, многое узнавали от коллег, кроме того, была возможность отдохнуть от напряженного ритма проекта, поэтому часто устраивали застолья (тогда еще их было принято проводить с крепкими напитками), которые затягивались допоздна. Но даже и в этих коллективных посиделках тема была одна — проект, влезли мы в него крепко. Сложилась просто хорошая компания, в которой кроме упомянутых ранее коллег были Галина Монусова, Марина Киблицкая, Вероника Бизюкова, Константин Бурнышев, Инна Донова, Марина Ильина, Ирина Тартаковская, Марина Карелина, Татьяна Металина, Сергей Алашеев.

Это был первый из наших совместных проектов и одно из самых впечатляющих исследований в моей жизни, многое из него удалось почерпнуть, большая была и отдача — вышло много статей, несколько книг было издано под редакцией Саймона Кларка в Великобритании, несколько книг опубликовали в России, состоялись выступления на международных конференциях. Проект длился три года, после него были другие, кроме того, мы стремились постоянно обновлять информацию о текущей социальной ситуации по исследуемым объектам, быть в курсе событий.

После этого и до того момента, когда пути мои и коллег разошлись, мне довелось принимать участие и в других проектах — по организации соцкультбыта на промышленных предприятиях (1996—1997), в крупном опросе по анализу трудовых биографий (1997—1999). Со временем наш временный трудовой коллектив превратился в организацию, получившую название Институт сравнительных исследований трудовых отношений.

В 1995 году Саймон Кларк предложил мне принять участие в образовательном проекте, который разворачивался на базе Института социологии РАН при поддержке Европейской программы Темпус-Тасис. Кроме меня еще Ирина Тартаковская, Вероника Кабалина и ряд коллег из самого института взялись за подготовку учебных курсов и написание пособий по этим курсам. В ходе подготовки мы прожили несколько месяцев в Британии, работая в библиотеках над структурой курса, текстами лекций, продумывали занятия, потом некоторое время дорабатывали материалы в России и наконец были включены в ежегодную программу Центра социологического образования (ЦСО) ИС РАН, в рамках которой каждый из нас ежегодно в течение месяца читал свой курс лекций — каждый по своей проблематике для молодых преподавателей со всей страны. Это оказалось еще одно испытание для меня, никогда не нюхавшего порох в учебной аудитории. Но опыт удался, в результате я и коллеги на протяжении многих лет участвовали в программе ЦСО с целью распространения знаний о новых темах, методах исследования и преподавания социологии. В ходе моих стажировок родился курс «Социология менеджмента», в котором я рассматривал менеджмент как особую социальную группу, социальную практику и образ действия, опираясь на работы социологов критического направления, в первую очередь Майкла Рида.

Еще одним побочным эффектом от чтения курсов в Москве стало знакомство на них с Еленой Ярской-Смирновой, моей будущей супругой, с которой дальше мы пошли вместе в социологии и в жизни. Елена была куда более опытный педагог, чем я, поэтому с удовольствием много и жадно учился преподаванию у нее из под-руки. Кроме того, благодаря ее настойчивости мне удалось завершить еще один проект — кандидатскую диссертацию.

Представьте удивление моего научного руководителя Геннадия Семеновича Батыгина, который уже устал понукать нерадивого медлительного ученика, когда прекрасным летним днем, в светлом зале библиотеки Московской высшей школы социальных и экономических наук я вручил ему кипу листов с почти завершенной диссертацией. Не прошло после этого и полугода, как я защитил в Институте социологии этот текст под названием «Этнографический метод в социологии». В работе над кандидатской, конечно, был отрефлексирован тот опыт этнографической работы в социологии, который я получил, работая в про-

ектах Саймона Кларка. Оказался к месту и тот заряд энергии и вдохновения, те знания и то понимание социальных реалий, которые я получил в проекте по подготовке учебного пособия и курса, а еще ранее — в участии в исследованиях ИСИТО. Задел был столь велик, а наработок оказалось так много, что спустя три года удалось подготовить и защитить докторскую — уже в Саратове, в Саратовском техническом университете — в котором и проработал дальнейшие 10 лет.

Но еще до моего переезда в Саратов в 2000 году в 1998 я стал стипендиатом программы Фулбрайт и поехал на стажировку в Университет Северной Каролины в Чапелл Хилл. Поездка была весьма плодотворная, в течение девяти месяцев состоялось много встреч, выступлений на конференциях в разных университетах. Тогда же я в целом и завершил работу над книгой «Менеджмент как форма социальной практики» и одноименно — докторской диссертацией. Но по возвращению из США работать в ИСИТО уже не получилось, к моему большому разочарованию. Руководство было не готово включить «возвращенца» в текущие проекты, и весь коллектив это решение вполне одобрял. Разрыв с Институтом оказался для меня серьезной травмой. Чтобы его преодолеть пришлось много работать, в том числе над новыми книгами — так и возникли книги «Кейс-стади практик управления промышленными предприятиями в России» и «Социальная антропология организаций».

После защиты докторской в 2000 году началась интересная работа в образовании. Вместе с Еленой мы развивали в Саратовском техническом университете программу — по антропологии современного общества, стремясь соединить интерпретативную теоретическую перспективу социальной антропологии с качественной социологией в том виде, в каком ее знали и практиковали. Мы шли по пути обновления тем исследований, учебных проектов — культура промышленных рабочих, городская культура, граффити как элемент городской культуры, различные профессиональные культуры — вот далеко неполный репертуар проектов, который мы с коллегами и аспирантами воплощали в публикациях, реализовывали в летних школах, не оставляя без внимания и традиционную этнографию, и фольклор. Такой подход нам с коллегами и студентами удалось реализовать в образовательной программе «Социальная антропология», которая велась в СГТУ с 1998 по 2013 годы. Образовательную программу пришлось закрыть и потому, что классические этнографы сумели убрать ее из списков Минобра, продвинув несколько иную версию: «Этнология и антропология» (речь идет об уровне магистратуры и бакалавриата). Прежняя, в чем-то несовершенная, но имевшая и ряд несомненных достоинств специальность ушла в прошлое.

Многие наши научно-образовательные и издательские проекты состоялись благодаря созданию в 2003 году автономной некоммерческой организации Центр социальной политики и гендерных исследований. Многие проекты велись и ранее инициативной группой по гендерным исследованиям (Центр гендерных исследований был создан Еленой в 1996 году без оформления юрлица как «временный творческий коллектив»), но регистрация исследовательской НКО открыла новые возможности и дала новый толчок исследованиям. Мы регулярно работали с российскими заказчиками исследований и международными донорами, получили поддержку от Фонда Форда, потом от Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макатуров, благодаря которой были реализованы десятки исследовательских,

в том числе сетевых проектов, летних школ, напечатаны десятки изданий и целые серии книг – по визуальной антропологии, советской и современной социальной политике, антропологии и социологии профессий. На базе Центра в 2003 году был учрежден и «Журнал исследований социальной политики» – одно из немногих в России междисциплинарных изданий по этой тематике. В 2014 году он стал пятым в рейтинге наиболее цитируемых изданий по социологии Российского индекса научного цитирования. С 2012 года мы перерегистрировали наш журнал и издаем его теперь на базе и при поддержке НИУ ВШЭ.

А сам Центр в 2014 году прекратил свое существование – но не по нашей воле, а в результате преследований прокуратуры по «делу иностранных агентов». С доводами обвинения мы не согласились, признавать себя агентами не собирались, но суд – сначала районный, потом и областной – вынес решение о принудительном признании – и мы с коллегами приняли решение закрыть организацию.

Новые возможности открылись в связи с учреждением в СГТУ специальности «Социология», но этот проект реализуют уже наши саратовские коллеги. С 2004 года мы все больше преподаем и живем в Москве, здесь и новые исследования, и новые проекты и ученики. Впрочем, связей с Саратовом мы не теряем – там часто проходят совместные конференции, ведем совместные научные проекты.

Как происходил переезд в Москву? Вы начинали с работы в «Шанинке»?

В шанинку (МВШСЭН) нас с Леной пригласила работать Виктория Шмидт с одобрения самого Теодора Шанина, с кем мне довелось познакомиться еще в мою бытность аспирантом Батыгина. Я тогда, еще в 90е, часто бывал в шанинке, обсуждалась даже возможность моего поступления к ним на социологию, но жизнь закрутилась иначе. Это было, если не ошибаюсь, 2004й год, - мы тогда начали работать «вахтовым методом» – приезжали в Москву на месяц-полтора, проводили модуль здесь, потом ехали в Саратов, проводили модуль там. Я разработал читал в шанинке новые курсы «Социальный менеджмент», «Менеджмент социальных проектов» и «Сравнительная социальная политика». Виктория Шмидт была у нас деканом – это был факультет социального менеджмента и социальной работы. Помню, как мы проходили процесс валидации курсов. Учились вместе со студентами и другими коллегами – осваивали британские каноны разработки курсов, преподавания, оценивания. Вскоре я перешел в шанинку на полную ставку (там нужен был в штате профессор), а в 2007, к большому сожалению, факультет социального менеджмента и социальной работы закрылся. Это было время, когда сокращалось грантовое финансирование, и социальная работа оказалась в ряду нерентабельных специальностей. Тогда же в Вышке открылась вакансия профессора на факультете менеджмента, где я стал преподавать курсы по теории организаций на кафедре А. Г. Эффендиева, а затем – по социальной политике на кафедре Н. Е. Тихоновой (факультет экономики). Моими слушателями были студенты-экономисты, социологи, иногда выбирали курс и студенты других факультетов. Последним незавершенным проектом стала идея открыть в ВШЭ международную магистратуру по социальной политике. Эта идея была очень положительно воспринята на кафедре, но не сразу получила одобрение у вышестоящего руководства. Впрочем, у этого проекта еще

все впереди, может быть, в рамках других кафедр и факультетов коллеги его смогут воплотить. Я убежден, что социальная политика будет успешно развиваться в России и как научная дисциплина, и как образовательная программа.

В Вышке мы с Еленой продолжили ту работу, которую вели в Саратове — на кафедре и в Центре. Мы до недавнего времени устраивали летние школы, конференции, вели научные проекты по социологии профессий, социальной политике вместе с нашими аспирантами, студентами, коллегами, студенты — издавать книги — две последние вышли в начале 2014 г., по следам наших исследований и летних школ.

Вы стремительно ворвались в социологию, не имея базового образования уже в 36 лет стали доктором наук. Как Вы думаете, в чем дело, почему Вы раньше, в момент выбора профессии, не почувствовали того, что Вы не естественник, а обществовед? Можно ли сегодня сказать, что же Вас «завело» на социологию?

А кто из моих коллег-ровесников, защитившихся в одно время со мной, имел базовое образование по социологии? Я был бы рад, если бы хоть один.

Почему я стал так рано доктором наук — ответ простой, за время полевой работы на заводах, работы по сбору материалов для лекций по социологии, накопилось столько идей, заметок, полевых материалов, черновиков, что было бы жалко их не использовать. Теоретически осмыслить, защитить по ним диссертацию показалось наиболее верным способом использования накопленного.

Вряд ли я вообще когда-либо был «естественником». В этом был элемент случайности. В момент выбора профессии учился по социологии было затруднительно, я изначально шел на биологический факультет с наивными установками получить от этого образования что-то другое. В принципе, повернись иначе, мог бы и застрять в биологии, но не судьба. На социологию вывела меня, думаю, судьба, видно, как-то удалось услышать ее тихий голос.

Действительно, все социологи первых поколений были (по словам В. А. Ядова) «самоучками», но у большинства из них было базовое обществоведческое образование, в Вашем, по моей классификации — пятом — поколении есть разные модели вхождения в социологию. А можно я постараюсь дать гипотезу строения того, что Вы назвали «судьбой».

Вы выше вспоминаете, что аутоиммунная болезнь сделала Вас книгочеем, ввела в круг любителей самодеятельной песни, фестивалей... Наверное Вы знаете «судьбу» Вашего учителя Г. С. Батыгина? Болезнь сердца сделала его книгочеем, заставила думать о мире и человеке, он стоял на распутье: церковь или философский факультет. А. Г. Здравомыслов после тяжелого ранения в блокаду несколько лет провел в госпиталях закованным в гипс, начал читать, думать и пошел на философский факультет. В Ленинграде на углу Невского и Владимирского проспектов, т.е. в самом центре города, в 60-70-х было кафе, вошедшее в культуру города, России под названием «Сайгон». Из него «вышли» С. Довлатов, Б. Гребенщиков, отчасти И. Бродский, многие поэты и прозаики той поры. Через него прошли многие диссиденты, человеком «сайгонской культуры» была Галина Старовойтова, к ней принадлежал Валерий Голофаст. Б. А. Грушина сделали социологом философский факультет и любовь к пиву. Елена Омельченко, Ваш коллега, вошла в социологию через театр и философский факультет. Через

бардовскую песню и «Театр на Таганке» в социологию пришел физико-химик, уже кандидат наук Сергей Чесноков...

Я думаю, что социальное в Вас обострила атмосфера фестивалей самодеятельной песни, разговоры у костра, ночные дискуссии. После них атмосфера (не сама наука) лаборатории казалась Вам скучной, плоской. Не так ли?

Я не склонен видеть лабораторную атмосферу в скучных тонах - тогда она была для меня полна романтизмом, играла красками. мы были все молодыми людьми тогда и много шутили, любили испытания, походы, новые идеи в науке. не думаю, чтобы социология дополнительно что то обострила, всего этого было в достатке в тех кружках, в которых я существовал и пока я не вижу эвристического смысла в обобщении дихотомии «традиционная скучная научная культура – нетрадиционная бурная культура с бардами, увлеченными ренегатами из других наук», – может вы в эту сторону смотрите?

впрочем, надо подумать

(Б.Д. Получив 12 мая от Павла Романова этот ответ, я написал ему: «Павел, мне кажется, что слова про лабораторию несколько увели вас от смысла моего вопроса... ведь вы не на «ровном» месте круто изменили жизнь, уйдя из биологии в социологию, были размышления... пожалуйста, поразмышляйте еще над моим вопросом. Но здесь наша работа над интервью оборвалась... ниже приведенные вопросы остались без ответов.)

В моей классификации поколений советских/российских социологов родившиеся в 1959–970 годах составляют пятое поколение. Вы – один из этой когорты. Очень важная особенность вашего поколения в сравнении с первыми четырем заключается в то, что ваша социализация проходила в СССР, но вы все входили в социологию после распада Союза. Вы – первые собственно российские, не советско/российские социологи. А как Вы лично, не надо говорить за поколение, воспринимаете советский период развития социологии?

Как бы Вы в целом описали атмосферу, климат современной российской социологии человеку, занимающемуся историей отечественной социологии, но живущему в Америке и лишь эпизодически и на очень короткое время приезжающему в Москву или Петербург (да, я имею в виду себя)?

Каковы Ваши научные планы на ближайшие годы?

Интервью с Нелли Александровной РОМАНОВИЧ

«...А КОГДА ПООБЕЩАЛА, ТО УЖЕ ОБРАТНОЙ ДОРОГИ НЕ БЫЛО»

Романович Н. А. — окончила санитарно-технический факультет факультет Воронежского инженерно-строительного института, доктор социологических наук (2010 г.). Генеральный директор Воронежского Института общественного мнения «Квалитас».

Основные области исследования: Социология власти, социология общественного мнения, теория и методология социологических исследований, социология молодежи, социология науки и техники, теория социального государства. Интервью состоялось: апрель-ноябрь 2014 г.

... все начиналось как в кино. Конец 1970-х. Воронежская старшеклассница хотела стать врачом. У нее складывались романтические отношения с одноклассником, но по просьбе другой девушки она отказалась от них, и чтобы не мучиться, решила после окончания школы уехать в другой город. Выбрала Курск, так как ей нравились там балконы, выкрашенные в голубой цвет. Решила вместе с подругой поступать в Политехнический институт, ибо им очень приглянулся большой яблоневый сад вокруг него. Героиня фильма закончила школу с медалью, у ее подруги в аттестате был высокий средний балл, так что поступление в институт им было почти гарантировано. Факультет они выбирали из тех соображений, чтобы меньше сдавать экзаменов и успеть до начала учебы съездить к морю в Дагомыс, где у подруги жили родственники. Поступили, решили жить на стипендию, не прося денег у родителей. Их бюджет, за вычетом денег за квартиру, куда они переехали после того, как их обокрали в общежитии, позволял им тратить не больше 15 копеек в день на каждую. Учились они хорошо, нужна была стипендия, но без особого интереса. И все изменилось, когда им начали читать философию. Они решили стать философами.

Опущу подробности — они в интервью. В 1982 году они получили дипломы по специальности «теплогазоснабжение и вентиляция» и стали работать инженерами-проектировщиками. Однако своей мечте они не изменили. Подруга стала доктором философских наук и является проректором Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.

А героиня этой истории — Нелли Александровна Романович, известный в стране полстер, доктор социологических наук, Генеральный создатель и руководитель Воронежского Института общественного мнения «Квалитас» - ведущей независимой исследовательской организации Центрально-Черноземном региона России.

Интервью с Нелли, которую я знаю с ее первых шагов в социологическую науку, это интересный, откровенный разговор с первоклассным специалистом, прекрасным организатором и сильной, умной личностью. Свои достижения — по-моему, весьма значимые — она объясняет так: «Лишь бы была цель и была решимость. Это необходимое и достаточное условие. Собственно, наличие цели есть необходимое условие для жизни человека вообще. Без цели человек рассыпается, разлагается...»

Романович Н. А.: «А когда пообещала, то уже обратной дороги не было»

Нелли, по моим воспоминаниям, мы знакомы с начала 1990-х, подумать только, два десятилетия... и о них поговорим, но начнем с чуть более отдаленных времен... В Вашем поколении имя Нелли — не самое распространенное, но в поколении Ваших бабушек — нередкое... Вас назвали в честь кого-либо из родных, друзей родителей или просто понравилось имя? Пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье, чем дальше, тем лучше...

Нелли — такое имя мне дал отец. Я пыталась у мамы выяснить, в чем дело. Но безуспешно. У меня осталось смутное подозрение, что это — в честь первой папиной любви. Тем более, что он сам мне рассказывал, как однажды, когда он опаздывал на свидание, он просто ушел с экзамена (он учился в Ростовском Институте Сельскохозяйственного Машиностроения). Билет он знал, но перед ним собралась очередь из желающих отвечать, и он понял, что опаздывает. Тогда просто положил билет на стол преподавателю и вышел, сказав, что пересдаст позже. Потом, вспоминая это, он вывел свой вердикт: «Любовь — это болезнь».

Называя свое имя при знакомстве, с самого детства я всегда читала в глазах собеседника немой вопрос и чувствовала, что надо что-то объяснить. И я придумала. Рассказывала подругам, что родители выбирали мне имя из словаря (у нас дома был орфографический словарь с перечнем разнообразных имен в конце) и остановились на имени Нелли, потому что рядом с ним было написано (не склон.), т.е. не склоняется. А все остальные имена склонялись. Вот они и решили дать дочери уникальное, не склоняющееся имя. Позже я сама почти поверила в это объяснение.

Когда отцу было три года, его вместе с родителями, братьями и сестрами сослали из Ростовской области (поселок Морозовка, а сегодня город Морозовск) в Сибирь. Отец (Александр) был младший из двенадцати детей Анны и Митрофана Горобцовых (моих бабушки и дедушки). Из двенадцати выжили только шесть. Их сослали куда-то под Пермь (в районе г.Серова), поезд остановился в лесостепи, ни кола, ни двора, высадили и сказали — живите, если сможете. Дед Максим недолго сидел-горевал, слушал, как плачут голодные дети, а встал и пошел к людям, стал спрашивать: чем помочь, что надо сделать. Стал на все руки мастер, а ему — кто сухарь, кто картошку, кто тарелку каши. Вот как-то так и выжили. Дед Максим, как я его помню, умел делать все: и кашу варить, и сапоги тачать. И обслуживал себя сам до самой смерти. Семью деда «раскулачили», потому что у него была мельница и наемные рабочие. Когда началась революция, ему добрые люди говорили — уезжай из страны, поехали вместе. Но он в ответ: «Куда я поеду, если моя мельница мне каждый день шапку золота приносит!». Бабушка рассказывала, что она вставала рано, часа в четыре утра, чтобы приготовить всем рабочим еду. Запомнился её рассказ о том, как один из рабочих кинул в неё ложкой за то, что она ему сметану в борщ забыла положить. Вообще из рассказов бабушки и дедушки у меня вырисовывалась картина, совершенно не похожая на стандартную картину взаимоотношений эксплуататоров

и эксплуатируемых, которая была прописана в школьных учебниках советских времен. Уникальность бабушки Ани была в том, что, скитаясь после ссылки по коммунальным квартирам с общей кухней, она умудрялась ни с кем из соседей не поссориться, а соперники приходили к ней за советом, хотя у неё не было даже начального образования, а вместо подписи она ставила крестик.

В ссылке каждый член семьи трудился, чтобы выжить, и пятилетний отец пас коров. Он уже стал моим отцом, а во сне все переживал, как бы корова не ушла в рожь и не свалилась в овраг. Отец работал начальником конструкторского бюро на Воронежском машиностроительном заводе им. Ленина, имел пять патентов как изобретатель новых сельскохозяйственных машин, несколько раз ему выдавали государственную премию за это. Две последние помню — две тысячи рублей и десять тысяч рублей. В СССР в 60–80 годы, когда за тысячу рублей можно было купить машину, это были очень большие деньги. Отец не переставал что-то изобретать не только для работы, но и для быта. У нас дома на балконе третьего этажа он установил «сюрприз для воров» — даже если бы форточка или балконная дверь была приоткрыта, проникнуть бы вор не смог: механизм срабатывал так, что без знания «секретной кнопки», вход был бы заблокирован. У двери в подвале тоже был секрет, поэтому не могу войти туда до сих пор. Забыла спросить у папы, а его уже десять лет как нет. Последнее его изобретение — балерина из фольги, которая, как вечный двигатель, постоянно кружилась под действием теплого воздуха, исходящего от горячей батареи. Оказавшись в 76 лет обездвиженным, он развлекался тем, что решал в уме логарифмические уравнения.

Мама работала учителем математики в школе, она любила работать в старших классах и говорила мне, что со старшеклассниками интереснее: умеют слушать и задавать неординарные вопросы. Но ближе к пенсии призналась мне, что дело было не только в этом. А дело в том, что она была необыкновенная красавица и среди старшеклассников неизменно стяжала лавры всеобщего восхищения. Когда я была подростком, знакомые, переведя взгляд с мамы на меня, пытались меня утешить: «Конечно, не в маму, но ничего, может быть, вырастешь умной, как папа». Тогда я начинала понимать, что перспектива стать умной — это для меня единственная возможность оправдать благие ожидания. Поэтому окончила школу с золотой медалью.

Мамин отец (Степан) пропал без вести во время Великой Отечественной войны и бабушка Мария Попова одна поднимала на ноги мою маму Нину и её брата. В детстве я на все лето приезжала к бабушке Маше в деревню Фащевка Липецкой области, где она сначала работала в колхозе, а потом получала двенадцать рублей пенсии (это после прибавки, а до этого колхоз платил ей три или четыре рубля — точно не помню). Как-то она вернулась из магазина и не досчиталась 90 копеек, начала горько навзрыд причитать: «Батюшки мои, девяносто копеек!». Нам с двоюродной сестренкой было смешно, что она так убивается об этой мелочи. Мы были сознательные пионерки и, ворочая в колхозе сено, говорили: «Бабушка, это мы тебе помогаем, потому что все вокруг колхозное, а значит все вокруг — твое». Бабушка нас не останавливала, но ворчала: «Лучше бы в огороде помогли». В школе нас учили, что советская власть дала землю крестьянам. Мы спрашивали у бабушки: «А сколько земли тебе дала советская власть после революции?». Она отвечала: «Не дала, а отобрала. Вот эта вся земля наша

была до самого изгуменья». Изгуменья — так на местном диалекте называлась дорога за посадками, после которой начиналось колхозное поле (в отличие от «планта» — дороги вдоль деревенских домов). Бабушкин ответ никак не состыковывался со школьными учебниками, что меня очень удивляло.

Чем Вам запомнились школьные годы? Какие предметы интересовали Вас в старших классах? Увлекала ли Вас общественная работа?

В школьные годы моя любимая учительница по русскому языку и литературе говорила обо мне моей маме: «Она у вас гуманитарий». Но это было время (1967–1977 гг.), когда в нашей стране было в почете инженерно-техническое образование. Страна была в эйфории от собственных научно-технических достижений, особенно в освоении космического пространства. Каждый второй мальчишка хотел стать космонавтом. Гуманитарное образование не то чтобы было в пренебрежении, просто считалось образованием второго сорта. В споре «физиков» и «лириков» приоритетные аргументы были всегда на стороне «физиков». А вот до революции в царской России, по свидетельству историков, в приоритете было гуманитарное образование. И по результатам наших опросов, в настоящее время гуманитарное образование снова держит верх над техническим в предпочтениях школьников и студентов. Получается чередование: до революции — гуманитарное, в советское время — техническое, в постсоветское — гуманитарное... Если это маятник, то вскоре, видимо, он должен качнуться в сторону технических наук...

Не помню, чтобы я занималась общественной работой в школе. Единственное, что помню, как ни праздник, особенно в младших классах, меня предупреждают: «Будешь читать стихотворение». Это означало, что я должна была сочинить к празднику стихотворение собственного сочинения. Они были маленькие, эти стишки, лепила я их легко (что-то про апрель, про Ленина, про майскую демонстрацию), но не знаю, можно ли назвать это общественной работой.

Моим любимым предметом в старших классах было обществоведение. Видимо, не случайно. Слово социология тогда было под запретом, но азы науки об обществе в той или иной форме изучались подрастающим поколением. Меня очень впечатлило, что в общественной жизни существуют какие-то законы, которые желательно знать, чтобы не «сбиться с пути». Правда, в школьных учебниках того времени эти законы излагались, в основном, в трактовке Маркса и Энгельса, адаптированных к возрасту учащихся. Но само знание, что в обществе действуют законы, было открытием.

Тем не менее, два последних года учебы (девятый и десятый классы) я ходила на лекции в медицинский институт, где на наших глазах резали трупы и демонстрировали темную и дырявую печень курильщиков и алкоголиков. Хотела поступать в медицинский, медицинское образование тоже было в фаворе. Но не случилось. У меня начались было романтические отношения с одноклассником, но вскоре ко мне пришла девушка, с которой он в это время ещё дружил, и попросила меня не отбивать его, говорила, как ей будет плохо и одиноко, и я в процессе душевного разговора пообещала ей этого не делать. И тогда, выполняя обещание, чтобы отрубить разом все концы, я решила уехать из родного Воронежа в другой город и там поступить в институт. У меня была близкая

подруга, у которой тоже в это время был кризис в романтических отношениях, и мы решили поехать вместе. Выбрали Курск, потому что рядом и потому, что там жила моя двоюродная сестра, а когда я однажды ездила к ней, меня приятно поразило, что в этом городе балконы были выкрашены синей краской. Это поманило как «синяя птица удачи». Выглядел мой разговор с подругой примерно так: «Поедем поступать в Курск! Знаешь, как там здорово! Там синие балконы!». Аргумент оказался решающим. Она согласилась. И на следующий день мы уже ехали в Курск подавать документы в тамошний Политехнический институт, пока ещё не зная, на какой факультет. Родители подруги при разговоре не присутствовали, они уехали на неделю на дачу, будучи уверенными, что их дочь собирается поступать в воронежский вуз. А когда вернулись, мы уже были абитуриентами Курского Политехнического института. Сегодня все это выглядит смешным и глупым. А тогда мы сами себе казались взрослыми и решительными.

На какой же Вы, Нелли, поступили факультет и как долго Вы там проучились?

Выбор института и факультета был не менее «разумным» и «обоснованным», чем выбор города. За стенами Политехнического института в Курске раскинулся большой яблоневоый сад, и это оказалось весомым плюсом в его пользу. А факультет мы выбирали из тех соображений, чтобы меньше сдавать экзаменов и успеть до начала учебы съездить к морю в Дагомыс (под Сочи), где у подруги жили родственники. Тогда в стране на некоторых факультетах ввели новшество: медалистам разрешили сдавать только один экзамен, а тем абитуриентам, у кого аттестат оценивался в «4,5» балла, можно ограничиться двумя экзаменами. Там был такой факультет, на который можно было поступить, сдав только один или два экзамена — он назывался «строительным». У меня — медаль, у подруги — «4,5» балла аттестат, экзамены мы сдали быстро на специальность: «Теплоснабжение и вентиляция» (название другой специальности было что-то про канализацию, и мы остановились на более благородном названии, на наш взгляд). Позже, когда мы переведемся в Воронежский инженерно-строительный институт, наш факультет будет называться «сантехническим», что будет нас слегка конфузить.

Курский Политехнический институт был сравнительно молодым — ему к нашему приезду было чуть больше десяти лет. У него было роскошное по тем временам, только что отстроенное студенческое общежитие, спроектированное по южному типу, то есть все первые этажи имели большие лоджии, на которые можно было просто запрыгнуть с улицы. Поэтому вахта была в некоторой степени условностью. После экзаменов мы, закрыв свои вещи в комнате студенческого общежития, уехали к морю. А когда вернулись к началу учебы, то не нашли во взломанной комнате даже казенных матрасов, за которые нам пришлось заплатить в администрацию общежития. Так мы начали свою взрослую жизнь. Надо сказать, что желанная свобода не показалась нам особенно сладкой. Помню ощущение некоторого удивления, что в отсутствие родителей никому нет дела до того, что я ем, когда я ем и ем ли вообще. Никто не интересуется, когда и где я буду ночевать, и буду ли вообще где-то ночевать. Свобода пахнула неожиданным холодом. Пришло понимание: чем меньше вокруг людей, которые тебя любят и заботятся, тем больше свободы. Абсолютная свобода — когда ты абсолютно никому не нужен.

Мы пытались жить на стипендию, не прося денег у родителей, поэтому находились в режиме строгой экономии и с ощущением перманентного голода. Помню, что наш бюджет (за вычетом денег за квартиру, на которую мы переехали после кражи в общежитии) позволял нам тратить не больше 15 копеек в день. Поневоле у нас была овощная диета, но в бюджет мы укладывались. Раз в неделю мы покупали яйцо и разбавляли овощное меню. Проблематично было купить в магазине именно одно яйцо, советские продавщицы артачились и сыпали догадками: «Это чтобы голову помыть?»... Обычно мы подтверждали все предположения. Почему-то признаться, что яйцо куплено для того, чтобы съесть, было неловко. Экономную студенческую жизнь и наше меню мы воспринимали весело. Помню, на профилактическом осмотре (в институт периодически приезжали врачи с профилактическим осмотром студентов) доктор спрашивает у меня: «Какой у Вас аппетит?», а подруга подсказывает через приоткрытую дверь: «Зверский.. зверский!». Мы могли изменить наше положение, обратившись к родителям. Но не хотели...

Учились мы хорошо, чтобы получить стипендию, но без особого интереса. Все изменилось, когда началась философия. Сам предмет в сочетании с талантливым преподавателем произвел впечатление неизгладимое. Помню фамилию преподавателя – Королев. Его лекции собирали всех: здесь мы встречали студентов нашего факультета, которых не видели на прочих лекциях; сюда приходили студенты других факультетов. Походы на лекции по философии были неизмеримо интереснее, чем походы в кино, в театр или на концерт. На занятиях возникало ощущение счастья и эстетического наслаждения от красоты и глубины человеческой мысли, формировалось твердое желание быть к этому предмету причастной. С изумлением открыла для себя, что есть такая специальность – философ. Подруга была со мной солидарна. И тогда мы решили забрать документы из Политеха и пойти искать по свету, где могут научить такой специальности. Подошли к преподавателю философии – спросить, куда пойти учиться. Оказывается, он закончил философский факультет МГУ. Он стоял в коридоре института орал так, что студенты оборачивались: «Дуры! Какие вы дуры! Зачем бросать институт?! Доведите до конца, закончите хотя бы одно образование! Потом, если захотите, можно будет получить второе». Советский закон тогда ещё позволял получить второе образование бесплатно. Его эмоциональный напор поколебал наши намерения, мы забрали из ректората заявления, в которых просили вернуть нам документы, и продолжили учебу.

На самом деле, интуиция тогда нас не обманула. Мы нащупали свою дорогу. Не только я, но и подруга, спустя многие годы, тоже сменила свою специальность. Она стала доктором философских наук, в настоящее время является проректором Воронежского государственного архитектурно-строительного университета (бывшего ВИСИ – Воронежского инженерно-строительного института). Но путь к заветной цели у каждой из нас был долгим и непростым.

Два года мы проучились в Курске, потом истосковавшиеся родители (у наших пап и мам было только по одной дочери) провели совместный семейный совет и выставили нам требование возвращаться в родной город. Мы вняли настоятельным родительским просьбам и вернулись, благо такой же факультет был в нашем Воронежском инженерно-строительном институте

(ВИСИ). Мы перевелись и продолжили учебу на третьем курсе по специальности: «Теплогазоснабжение и вентиляция». Факультет назывался санитарно-техническим, соответственно, мы — «сантехниками»...

ВИСИ, основанный в октябре 1930 года, имел в отличие от курского института солидную историю и оброс основательными традициями. Если в курском институте важно было лишь хорошо сдавать экзамены, а в посещении лекций допускалась относительная вольница, то в воронежском контролировалась посещаемость, текущая успеваемость, общественная работа и проч. Ректором ВИСИ был тогда Николай Ульянов (брат известного артиста Михаила Ульянова), который добился присвоения институту ордена Трудового Красного Знамени. О его строгости ходили легенды. Говорили, что он мог уволить лаборантку после звонка по телефону, если вдруг ему не понравился её ответ. Во время его руководства старое здание института, построенное ещё известным архитектором Н. В. Троицким, было дополнено новыми учебными корпусами, библиотекой, столовой, территория вуза была увеличена втрое, построено несколько корпусов студенческих общежитий, открыт студенческий санаторий-профилакторий. Добывать деньги на строительство в советское время было непросто. Он добивался этого только благодаря своей фантастической настойчивости. Говорили, что он мог запросто остаться ночевать в министерстве, расстелив шарф или пиджак, если сегодня ему не дали ответа, чтобы утром изложить свою просьбу снова. Николай Ульянов был не только доктором технических наук, он ещё был мастером спорта СССР по конькобежному спорту, занимался тяжелой атлетикой. Его личный рекорд по жиму штанги лежа — 170 кг. По сей день в его память в вузе проводятся турниры по жиму штанги лежа, в которых принимают участие студенты вуза.

После перевода в Воронежский институт во время студенческой жизни мы могли уже отъестся вдоволь в родительском доме, но на покупки каких-то вещей предпочитали зарабатывать сами. На каникулах я пошла работать грузчиком на Второй Воронежский хлебозавод. Работа заключалась в том, чтобы грузить горячий хлеб с конвейера в вагонетки. Конвейер работал непрерывно и днем, и ночью, работа считалась тяжелой, поэтому за вредность грузчикам давали молоко. Это молоко с горячим черным хлебом — мало кто может себе представить, как это было вкусно. Сначала я радовалась, когда моим напарником ставили мужчин (скорость конвейера такова, что в одиночку погрузить хлеб практически невозможно). Они же сильнее женщин! Но я ошибалась. Мужчины обычно весело и бодро работали первые два-три часа, демонстрируя передо мной свою ловкость и силу. Сначала совершали рывок, а потом сдувались... Садись на стул, спрятавшись за вагонеткой, и просили их не выдавать. Бросали меня работать одну. Один парень плакал от стыда, но встать на конвейер не мог. Женщины оказались надежнее, они работали ровно, без рывков, но у них хватало терпения и сил до конца смены. Когда я уходила в ночную смену, мама сокрушалась: «Ну зачем тебе это?». А я: «Хочу купить сумку». Мама: «Давай я тебе дам денег на неё!». Но я была непреклонна. И это была не только моя позиция, остальные студенты, которых я знала, тоже устраивались дворниками, почтальонами, чтобы только не жить за счет родителей, потому что грань иждивенчества была пройдена, она осталась за бортом студенческой жизни. Сегодня в общественном сознании что-то изменилось... Студенты не стесняются жить за родительский счет...

Да-а-а... Нелли, первые уроки жизни у Вас были очень емкими, даже суровыми. Помню нашу первую встречу, никогда бы не разглядел в Вас бывшего грузчика у конвейера. Итак, Вы прислушались к словам Вашего преподавателя по философии и решили получить техническое образование. Получили? В каком это году было? Вы работали по специальности или сразу погнались за птицей-философией?

После окончания института мы (подруга и я) устроились работать по специальности. Это не была наша заслуга, это не наше желание, это просто была разнарядка. Каждый специалист после окончания вуза обязан был «оттрубить» два года на предприятии соответствующего профиля. Такие были законы в то время. Поэтому проблем с трудоустройством молодых специалистов просто не возникало. Я закончила вуз (ВИСИ) в 1982 году, получила диплом по специальности «Теплогазоснабжение и вентиляция» и пошла работать инженером-проектировщиком в Научно-исследовательский институт «Кузмаш». Чем я занималась? С утра до вечера делала чертежи вентиляционных и отопительных систем (газовых — не доводилось). К тому времени я уже была замужем за своим однокурсником, у меня был маленький ребенок, поэтому день был заполнен хлопотами до предела. Тогда декретный отпуск не был столь долгим, как сегодня, через полгода после рождения ребенка я вышла на работу. У моей подруги (с которой мы ездили в Курск) ситуация была аналогичная: муж, ребенок, необходимость выходить на работу. И тогда мы договорились с ней сидеть с детьми по очереди и по очереди работать. Мы обе работали на 0,5 ставки, кто-то из нас работал утром, а после обеда сидел с детьми, а кто-то — наоборот. Нам не хотелось отдавать детей в ясли, и мы нашли приемлемый выход, тем более что наши дети были одногодками. В советское время было почему-то очень страшно потерять стаж, да и труд был не только правом, но и обязанностью (в действующей Конституции от 1993 года обязанности трудиться уже нет), и тунеядство преследовалось по закону.

А потом моего мужа призвали в армию в качестве офицера (ведь он прошел военную подготовку в вузе в процессе учебы). Военная часть, где он служил, находилась в Москве, откуда он ездил в командировки в Бронницы, Мещерино, Быково, чтобы руководить работой стройбатов. Мне, как жене офицера, предоставили однокомнатную квартиру в доме на снос в районе метро Текстильщики, куда мы приехали вместе с дочкой. Наши соседи уже съехали, боясь обрушения, в доме не было горячей воды, водились мыши, крысы и тараканы, но мы о плохом не думали и наслаждались жизнью в зеленом районе рядом с парком «Кузьминки». В двухстах метрах от дома был пруд, который мы использовали на 100%: зимой катались на лыжах, санках и коньках, а летом купались и на столбиках с табличками «купаться запрещено» развешивали свою одежду. Денег на покупку кухонного гарнитура у нас не было, поэтому муж принес из ближайшего овощного магазина деревянные ящики, я застелила их гладкими страницами из журналов, и у нас получился замечательный гарнитур, которым мы не на шутку гордились. Никаких комплексов у нас на этот счет не было, мы понимали, что живем здесь временно, поэтому не стремились к фундаментальным покупкам. Сейчас я думаю, что это правильное отношение к жизни вообще — надо относиться к ней как к временному явлению, тогда все текущие проблемы перестанут заслонять радость бытия. Мы прожили там два года: 1985—1987 гг. Я воспринимала жизнь в Москве как время отдыха, но чем ближе было к окончанию срока службы мужа, тем все острее я понимала, что отдых заканчивается, а я не знаю,

что делать дальше. Я не хотела возвращаться к этому ощущению ожидания звонка окончания работы в НИИ «Кузмаш» (там начинали и заканчивали работать по звонку), когда я за чертежами то и дело смотрела на часы — сколько ещё осталось до конца работы. Нелюбовь к своей работе человека разлагает, сначала чувствуешь, что что-то не в порядке в душе, а потом этот беспорядок отражается и в теле. Меня мучило ощущение потери смысла жизни, как будто я заблудилась и не знаю, куда идти. И я заболела просто — все всяких видимых причин двусторонним воспалением легких. Странно, но антибиотики на меня не действовали даже тогда, когда в больнице на мне перепробовали весь современный арсенал. И тогда я себе дала обещание, что сделаю все, чтобы как-то связать свою жизнь с философией и поменять работу. На следующий день после трех недель горячки у меня была впервые нормальная температура. Найти любимую работу для меня стало делом жизни и смерти.

Когда мы с мужем вернулись в Воронеж, я принялась осуществлять задуманное. Я опять работала в НИИ «Кузмаш», но времени уже не теряла. Как-то взяла отгул, поехала в МГУ, пришла на факультет философии, чтобы узнать, что нужно для поступления туда. Мне сказали, что нужно разрешение от Райкома комсомола, Горкома партии (партия тогда была одна — коммунистическая) и направление от предприятия. Это только чтобы подать документы на философский факультет. А потом ждали экзамены, но для меня это было уже проще — все философы в местной библиотеке были зачитаны-перечитаны. В Комитете комсомола со мной провели собеседование и выдали требуемое разрешение. Труднее было получить разрешение от Горкома партии — там устроили настоящий экзамен по ленинским работам — но, в конце концов, я и от них получила разрешение. С непреодолимыми трудностями я столкнулась, когда дошла очередь до направления с предприятия. Когда я пришла с этим вопросом к директору НИИ «Кузмаш», он чуть не поперхнулся. «Ну представьте себе, — говорил он мне, — вот я Вам выдам справку, что мне в отдел вентиляции и теплоснабжения нужны философы!! Да надо мною будут смеяться все мои коллеги! Мне потом проходу не дадут... Вы хотите, чтобы надо мной все издевались?!». Я, конечно, этого не хотела. Вернее, я хотела совсем не этого. Поэтому я уволилась из НИИ «Кузмаш» и пошла работать инженером в Государственный проектный институт «Проектпромвентиляция» в надежде, что у нового директора окажется меньше ехидных коллег.

Как ни странно, переход в «Проектпромвентиляцию» в итоге предопределил мою социологическую стезю, где я нашла любимую работу. Хотя все произошло вовсе не так, как я изначально планировала. Вообще, я думаю, что на земле нет такой цели, которая была бы для человека невозможной. И не потому, что человек всемогущ. А потому, что, когда у человека есть цель и есть решимость её достичь, мир вокруг него меняется, как бы подстраивается под него. Как только человек начинает делать первые шаги в сторону осуществления этой цели, судьба расстилает ему зеленую ковровую дорожку под его ноги. Лишь бы была цель и была решимость. Это необходимое и достаточное условие. Собственно, наличие цели есть необходимое условие для жизни человека вообще. Без цели человек рассыпается, разлагается...

...т.е. я понимаю, что цель осталась при Вас... и все же, как Вы к ней приблизились? Или — как приближались?

Приближало меня к ней стечение, казалось бы, случайных обстоятельств. Не прошло и полгода после моего перехода в «Проектпромвентиляцию», как нас (троих сотрудников, включая меня) отправили в командировку в Новороссийск. Там, набегавшись по пыльным и душным цехам за день, мы после работы стремились на пляж, благо наша гостиница была у самого Черного моря, а на улице пылала июльская жара. Ближе к 25 годам мамины гены отчасти стали проявляться в моей внешности, поэтому градус мужского внимания ко мне повысился. Молодые люди на пляже частенько останавливались, пытаясь завязать со мной знакомство, но вскоре уходили ввиду бесперспективности своих попыток. И когда на край соседнего лежака присел молодой человек, ситуация не предвещала ничего неожиданного. После того, как он сказал, что тоже приехал в Новороссийск из Воронежа, я поинтересовалась, кем он работает. «Философом», — ответил он без всякого энтузиазма. Меня приподняло на лежаке: «Кем?!». «Преподаю философию в воронежском вузе», — он с удивлением развел руками, видя явную перемену в моих глазах: «Вот уж не думал, что это может зацепить девушку». Мы разговорились, и я ему рассказала, что хотела бы сменить работу. Он посерьезнел: «А вот, кстати, перед моим отъездом к нам на кафедру звонил преподаватель из Сельско-хозяйственного университета, он искал желающих пойти к нему в социологическую лабораторию. Его фамилия — Хайкин. А вот у меня даже в записной книжке есть его телефон. Сергей Романович — его зовут». «А что такое — социология?», — спросила я. «Ну, это что-то среднее между философией и психологией», — ответил он, немного поразмыслив. Это объяснение меня устроило. Так у меня оказался заветный телефон Сергея Романовича Хайкина, которому я тут же позвонила, как только вернулась из командировки. Шансов попасть к нему на работу у меня не было, поскольку не было соответствующего образования. Я это понимала, поэтому подготовилась основательно: исписала всю общую тетрадь (так назывались тетрадки размером в 40 страниц в советское время) текстом со своими размышлениями на тему советского строя и образа жизни, вдохновленная известной статьей Александра Ципко, которая как раз накануне вышла. Шел 1988 год.

Сергей Романович неохотно согласился на встречу со мной и, скептически пролистав общую тетрадь, назвал это бредом. На работу он меня не взял, но сбрасывать со счетов тоже не стал, а предложил мне поучаствовать в социологических исследованиях в качестве интервьюера (как раз тогда Комитет комсомола проводил опросы рабочих Воронежского авиационного завода). Исследование называлось: «Основные направления и факторы повышения эффективности работы комсомольской организации ВАПО». Альтернативы ответов из каждой анкеты я выписывала в тетрадку, а потом вручную считала «среднее». Эта тетрадка у меня сохранилась, любопытно сейчас читать ответы на открытые вопросы рабочих из разных цехов: «Каждому рабочему — ЭВМ», «Сократить ненужные бюрократические штаты, а остальным повысить зарплату», «Соблюдать нормы загазованности, освещенности и шума на деле», «Больше гласности в распределении премий и профсоюзных благ», «Ликвидировать сельхозработы и использование людей на посторонних работах, не соответствующих профессии и квалификации», «Уменьшить физических труд, повысить уровень механизации, организовать производство на научной основе», «Заинтересовать каждого в конечном результате, быстрее сделал — быстрее ушел», «Больше производственной эстетики»,

«Избавиться от формализма и показухи в подведении итогов», «Соцсоревнование не оправдало себя, это фикция», «Заменить так называемые соцсоревнования хоздоговором и конкуренцией», «Не зажимать талантливую молодежь, больше доверять молодежи, давать ей дорогу» и т.п. А инженеры просили: «Обеспечить исправность кульманов, наличие элементарных приспособлений и устройств: нужны хорошие готовальни, резинки, рапидографы», «Заменить деревянные карандаши на цанговые» и тоже: «Не отвлекать людей на посторонние работы в колхозах, на базах, комбинатах общественного питания, в больницах».

Тогда такие ответы казались естественными, а сегодня многим будет непонятно, с какой стати инженера сорвали с работы и послали в колхоз собирать картошку или на овощную базу перебирать гнилую капусту. Из этого следует, что свобода работников была ограничена. Но ограничена она была все же делами, направленными на общее благо. Да, они были недовольны этим, но считали, что в принципе это допустимо, потому что чувствовали себя одним обществом, одной страной, где каждый работает на всех. Замена этой установки на противоположную — «каждый работает только на себя» — произойдет чуть позже. С удивлением обнаруживаю, читая записи ответов советских респондентов, что работа общественных лекторов в рабочей среде была востребована. Рабочие высказывают свои пожелания: «проводить больше интересных лекций», «больше выступать с лекциями и докладами самой администрации», «повысить профессионализм лекторов», «искать новые формы обучения с применением видеотехники», «как можно чаще проводить комсомольские собрания», «проводить политинформации»... Одновременно звучала и критика: «сделать агитацию не-навязчивой», «идейно-воспитательные работы должны проводить идейно-воспитанные люди», «повысить требовательность к тематике и формам проведения идейно-воспитательных работ», «больше правды, меньше воды», «вернуться к ленинским принципам»... Конечно, кто-то выступал против: «идейно-воспитательная работа не нужна», «у меня нет на эту работу ни времени, ни желания», — но противников было вовсе не 100% и даже не 50%, а где-то меньше 10%. Это был один из первых социологических опросов в г. Воронеже, в глазах респондентов читалась благодарность, что их мнением интересуются, они не уходили от ответов, отвечали откровенно — это было видно.

Еще сегодня может удивить их потребность в общении во вне рабочее время: «развивать на предприятии туризм», «организовывать выезды на природу со спортивно-массовыми мероприятиями», «увеличить количество кружков, заменить «бумажную работу» на конкретную», «чаще устраивать хорошо организованные вечера отдыха, диспуты, дискотеки, концерты художественной самодеятельности», «проводить культпоходы»... Иными словами, чувство солидарности со своим заводом им было не чуждо. И они действительно пытались по-хозяйски дать те советы, которые бы повысили градус преданности работников своему предприятию, улучшили атмосферу, упрочили мотивацию к труду, что, в конечном счете, по замыслу организаторов опроса, должно было привести к повышению производительности труда. Они именно «болели» за свое предприятие. Такое настроение сейчас выветрилось из рабочих цехов.

В результате я опросила 173 человека из 10 цехов завода. Анкета была — минут на 40. Представление о том, что интервьюер — это тот, кто только заполняет анкету, тогда ещё не сложилось, поэтому от интервьюеров требовалось

посчитать все закрытые вопросы вручную (компьютеров тогда ещё не было) и обработать, скомпоновать, проранжировать для отчета все открытые вопросы. Я все это проделала и, получив отличную рекомендацию от организаторов опроса, вернулась к С.Р.Хайкину с вопросом: «Что мне делать дальше?». Сергей Романович оглядел меня критически — я была одета в белое летнее платье — и задумчиво произнес: «Ну ладно, с этим заданием Вы справились... Но вот как Вас отправить на опрос в деревню, в колхоз? Что Вы будете делать, если пьяный тракторист во время интервью упадет в лужу и его, извините, вырвет? Я как-то по-другому представлял своего помощника, интервьюера...». Я заверила Сергея Романовича, что я тракториста подниму, вымою, дам опохмелиться и продолжу интервью. Не прошло и полгода, как я уже бегала с анкетой за трактористами по свежевспаханному полю, доказывая непреложность своих обещаний.

Но все по порядку. Сергей Романович задумал открыть социологический отдел при филиале «Росагропрома». Свое решение он обосновал следующим доводом: «В советской стране открыть что-то очень трудно. Ну а закрыть — практически невозможно. Поэтому, если удастся открыть отдел, то маловероятно, что его кто-нибудь закроет». Сейчас поймала себя на мысли: почему «открыть», а не «создать»? Но в советское время говорили именно «открыть». Это в постсоветское время стали говорить — «создать предприятие». Наверное, сами слова стояли на страже стабильности советского строя. Ведь, когда говорим, что что-то надо «открыть», предполагаем, что это что-то уже существует, поэтому принципиально в социальной реальности ничего не изменится. А если говорим «создать» (как бы из ничего), то это уже явное потрясение для социальной реальности.

Открыть отдел на волне Перестройки Сергею Романовичу удалось в июле 1989 года. Он, как начальник отдела, пригласил на работу меня и ещё одного выпускника Воронежского государственного университета (нам сверху «спустили» три ставки). Я без колебаний рассталась к некоторому недоумению родных со своей «непыльной» работой инженера в «Проектпромвентиляции» и шагнула в неизвестность. В моей трудовой книжке появилась новая запись: «Социолог социологического отдела Воронежского филиала Научно-исследовательского центра «Росагропром». Я была счастлива. Понимала, что это счастье незаслуженное, потому что я ничем не могла подтвердить звание социолога — ни образованием, ни опытом работы. Поэтому вольно или невольно передо мной стала задача: доказать это право — называться социологом. Сергей Романович уловил эти настроения и все время подкидывал дрова в костер новых испытаний. Некоторые из них были вовсе нетривиальными.

Однажды он забыл какие-то документы на своей кафедре в Сельскохозяйственном институте, где он по-прежнему преподавал. А наша группа новоиспеченных социологов вместе с ним находилась на другом конце города, и документы эти были срочно нужны. По-моему, был выходной день, институт был закрыт. По каким-то причинам Сергей Романович сам не мог за ними вернуться, а сотовые телефоны ещё не изобрели. Тогда он сказал: «Вот вам тест: езжайте в институт, уговорите вахтера пустить вас в институт, дать вам ключ от кафедры и забрать оттуда документы. Если вы настоящие социологи — у вас все получится. Настоящий социолог должен уметь так входить в доверие к людям, что они бы с радостью распахивали перед ним двери. А если не получится — вам нечего делать в этой профессии». То есть перед нами стояла задача посложнее,

чем у любого разведчика. Не выкрасть документы, усыпив вахтера и взломав дверь — нет! Надо было добиться, чтобы вахтер сам отдал нам документы добровольно, без наведенного на него пистолета, а исключительно под напором нашего обаяния. И мы это сделали!! Хотя в советское время даже войти в охраняемое здание было непросто, а уж получить документы из запертой комнаты — это фантастика... Такие тесты на умение располагать к себе людей «социологи» Хайкина проходили «сплошь и рядом». И эти навыки нам здоровогодились в работе. Ведь мы были без всякого разделения труда и «ногами» (как сегодня называют интервьюеров), и «руками» (обработчиками информации), и «головой» (аналитиками). У нас не было поначалу никаких других интервьюеров, кроме нас самих. И нужно было научиться располагать людей отвечать на наши вопросы. Тогда мне очень пригодилась книжка Л.Я.Аверьянова: «Искусство задавать вопросы».

Собственно, каждое проведенное нами социологическое исследование становилось для нас своеобразным тестом на соответствие заявленной специальности. Каждое становилось новой ступенью к сияющей вершине нашей профессии. Первый заказ нам дал сам «Росагропром», которого интересовало отношение сельских жителей к внедрению арендного подряда. В то время газеты пестрели заголовками типа: «На арендный подряд — все отрасли», «Всем совхозом — на арендный подряд», «Широко внедрим арендный подряд в систему внутривладельческих отношений»... Страна испытывала явные трудности с продовольственным обеспечением, и необходимость коренных перемен в системе сельскохозяйственного производства была очевидной. Арендный подряд советским теоретикам представлялся выходом из положения, условием возвращения колхозникам «чувства хозяина». Но уже пришло понимание, что необходим взгляд на эту проблему «изнутри», т.е. глазами сельских жителей, которым выпало осуществлять намеченные преобразования. Иначе опять придется иметь дело с «черным ящиком»: отлакированной теорией поверхностью и непредсказуемым содержанием. Поскольку исследование попытки внедрения арендного подряда — это не только часть моей биографии, но и страница биографии нашей страны, то я расскажу об этом подробнее.

«Арендный подряд — кратчайший путь к продовольственному достатку», — убеждал меня свежий плакат при въезде в один из районов Воронежской области, куда я отправилась проводить социологическое исследование. Хотелось в это верить, тем паче, что очень убедительны были авторы книг и статей на эту тему, которые я две недели штудировала перед отъездом. Задание у меня было сравнимо с подвигом Геракла. Мне нужно было опросить 1000 человек, в том числе с/х тружеников, руководителей хозяйств, агрономов и других специалистов (300 арендаторов и 700 неарендаторов), а также взять несколько экспертных интервью у новоиспеченных фермеров. Сроку у меня было — три недели. И я была одна. Для того чтобы нанять на работу интервьюеров, средств предусмотрено не было. Любой социолог-полевик, более-менее сведущий в вопросе, скажет, что это задание выполнить невозможно. И действительно, я не уложились в три недели и попросила ещё одну неделю для завершения опроса. Ещё мне было позволено проводить опрос сельскохозяйственных тружеников методом группового анкетирования для ускорения процесса. Вот и все поблажки. И задание было выполнено.

В этом исследовании было значимо все, не только заполненные анкеты, но и случайные встречи с людьми, обрывки разговоров — все шло в копилку. Так, например, на меня произвел впечатление разговор работника МТФ с главным экономистом колхоза «Восход». Колхозник, второй год работающий на арендном подряде, обратился с вопросом: «Какой у меня оклад?». Экономист с досадой отмахнулся: «Надоел ты мне, второй год твержу, что нет у тебя оклада и быть не может. На аренде ты!». То есть арендатор даже не знал, каким образом формируется его доход. Между тем разработанная система цен при арендном подходе предполагала экономию средств на производство продукции, более бережное отношение к технике, иными словами, была призвана воспитывать у человека чувство хозяина. Если арендатор не имеет никакого представления об этом, значит, механизм работает вхолостую. Мне стало интересно, как это могло произойти? Ведь, прежде чем стать арендатором, необходимо было понять и посчитать, из чего будет складываться доход. Но сельские арендаторы имели об этом самое смутное представление. А свинарка колхоза «Красное знамя» просто пожаловалась, что начальство «объявило у них аренду» (так и сказала!) напрасно: «Раньше зарплата от привеса была, и каждый за себя старался, а теперь все на всех делится, и кто там больше работает, а кто меньше — неизвестно». Постепенно становилось понятно, что арендный подряд терпит провал. И дело было вовсе не в том, что система учета трудового вклада каждого человека в коллективе несовершенна, и не в том, что колхозное начальство «объявляет аренду», оставляя блуждать людей в потемках неинформированности. «Широко внедрим арендный подряд...» — в этом лозунге, как в зародыше, уже скрывались те элементы, которые на практике принимали парадоксальную, саднящую душу форму. Арендный подряд в теоретических раскладках подразумевал свободу выбора: быть арендатором или не быть. Подразумевал самостоятельность и ответственность арендаторов в принятии решений. Но инерция жизни по лозунгам выхолащивала смысл и суть любого дела. Арендный подряд «широко внедрялся» и рапорты успешно шли «наверх». А когда свобода выбора все-таки отчасти появлялась, то вожденная «бережливость и экономия» в колхозниках действительно просыпалась, но принимала уродливые, парадоксальные формы. В колхозе «Тихий дон» секретарь парткома Колесников Иван Тихонович о работе одной из молочных ферм, где раньше доярки носили молоко в ведрах, что для них было и тяжело, и не соответствовало санитарным требованиям. Потом колхоз приобрел молокопровод, где молоко проходит ещё и стадию охлаждения, что существенно повышало его качество. Когда этому коллективу предложили арендный подряд, он от него решительно отказался. Дело в том, что молокопровод стоит очень дорого, и простейшие расчеты показали, что плата за амортизацию пожирает весь доход арендного коллектива. И при переходе на арендный подряд коров выгоднее всего оказалось доить... руками. Экономия средств была налицо, но вряд ли авторы идеи арендного подряда стремились к такому результату. В том же колхозе одна семья, перешедшая на аренду, совсем отказалась от техники, чтобы избежать этой части арендной платы, и взяла вместо трактора... лошадь. Они с женой работали от зари до зари без выходных и, соответственно, доход у них был высоким. Но колхозник жаловался, что чувствует себя роботом, механизмом для тяжелой физической работы: «На сколько меня ещё хватит?», — с горечью спрашивал он...

И такая ситуация была характерна не только для Воронежской области, но и для всей страны. Одна агитационная брошюра, которая именовалась «Возвращение хозяина», рассказывала о событиях, происходивших в знаменитом колхозе имени Маншук Мамедовой. Бригадир арендного коллектива Лазебный Николай Евдокимович делился опытом: «Да у нас, когда надо колесо на «Кировце» сменить — а оно стоит, ни много ни мало, 700 рублей — люди все свалки обыщут, все дороги обшарят, где может валяться старое колесо, сделают его, не жалея времени, а нового не возьмут: никто не забывает, что тратим-то мы свое и экономим тоже для себя». Этот факт преподносился автором брошюры как несомненное преимущество арендного подряда. Но в этом достоинстве невооруженным взглядом усматривался какой-то изъян. Главный экономист колхоза им. Шевченко Новоодесского района Л. Серeda также сообщил, что «одно из звеньев отказалось от услуг кормоперерабатывающей линии «Корк-15», сказали, что сами будут готовить корм («Южная правда», февраль, 1988 г.). Что-то не похоже были советские арендаторы на американских фермеров, не спешили они применять новейшую технику, бежали от неё... Камнем преткновения являлась отчужденность колхозников от средств производства. А передать им их в собственность не позволяла коммунистическая идеология. Как-то не удавалось «чувство хозяина» прививать лозунгами, оно «уходило в песок» вместе с арендной платой...

Арендатор выплачивал арендную плату арендодателю, т. е. государству — истинному хозяину и владельцу земли и производственных фондов. Термин «государство» абстрактен, но деньги конкретны. Солидный процент от арендной платы шел на содержание администрации колхоза. Поэтому при самопроизвольном уменьшении числа непосредственных производителей в арендных коллективах численность состава администрации не снижалась. Но не только деньги получали представители «хозяина», за ними оставалось право принятия решений. Бригадир механизаторов, работающий на коллективном подряде в колхозе «Великий Октябрь», жаловался мне: «Колхоз лишает нас самостоятельности, распоряжается нашим временем по своему усмотрению. На настоящую аренду мы бы пошли, а вот нам арендный подряд предлагали, не пойдем. Все равно не дадут работать так, как хотим». И поинтересовался: «А имеют ли право наследия на землю потомки тех крестьян, которые «добровольно» вступали в колхоз во времена всеобщей коллективизации?». Если бы было оно, это право, он бы взял себе несколько гектар земли и стал бы обрабатывать, но только так, чтобы уж никто к нему не лез с указаниями.

А при арендном подряде указаний было не избежать. И дело было даже не в личных чертах характера руководителей и привычке командовать, это было закреплено на бумаге. Например, в договоре между колхозом «Красное знамя» и арендным звеном под началом бригадира М. К. Болохонова я обнаружила пункт № 7, который гласил: «Заказчик имеет право без согласия подрядчика отвлекать людей и технику для выполнения работ в других подразделениях». Не только технику, но и людей! Без всякого согласия! Сложно почувствовать себя хозяином трактора, когда сам себе не хозяин. В чьем же лице персонифицировался тогда истинный хозяин? В руководстве колхоза? Вовсе нет. Оно скорее было «мальчиком для битья», которому постоянно диктовали сверху структуру, технологию, масштабы производства. Поэтому председатель колхоза оказывался такой фигурой, в которую камни долетали с обеих сторон. Проведенное

в 1986 году социологическое исследование управленческих кадров АПК не случайно показало резко заниженную установку руководителей и специалистов сельского хозяйства на должностное продвижение (Рывкина Р. В. Управленческие кадры АПК. // Социологические исследования. 1988. №6). Исследование Рывкиной выявило причины этого: мелочная опека, прор аботки, необоснованные снятия и переводы, неадекватность в оценке труда с/х специалистов, их мнений. И как следствие этого — нежелание брать на себя ответственность при отсутствии прав. Поскольку экономический механизм арендного подряда не сложился на основе рыночных законов, а изначально был извращен соображениями идеологического порядка, то подобные парадоксы в работе этого механизма были неизбежны. Продолжал действовать принятый ещё со сталинских времен неравноправный подход к ценообразованию промышленных и сельскохозяйственных товаров. Главный экономист колхоза «Восход» рассказал, что хозяйство покупает молоко у работников МТФ по 52 копейки за килограмм, а потом продаёт государству по 30 копеек. Таким образом, колхоз остается ещё и внакладе. Поэтому ему, конечно, требуются дотации. Мне было искренне жаль труда экономистов, написавших так много умных статей и книг, которые я с уважением листала в библиотеках перед поездкой. Они дотошно высчитывали расчетные цены в многочисленных методических указаниях по внедрению арендного подряда, и их логика была безупречна, в их выкладках не было ошибок, но это ничего не меняло. Так, если первая пуговица застегнута неправильно, даже если больше ошибок не будет, все равно в конце окажется перекосяк, и пиджак будет сидеть криво.

Зачем это я? И о чем это я? Вот уже более двадцати лет прошло после крушения Советского Союза, но ностальгия в обществе не утихла. Часть населения по-прежнему сожалеет о советском обществе, вспоминая его преимущества. Нужно напомнить — как это было, чтобы не наступать вновь на те же грабли. Кроме того, строй в России изменился, но менталитет — нет. И когда я слышу сегодня сетования о том, что демократия (наш сегодняшний новый лозунг) не настоящая, мне сразу вспоминаются колхозники с их мечтаниями о «настоящем» арендном подряде. Такая ловушка ума — все, что не нравится, признавать «ненастоящим» и лелеять мечты об утопии, жертвуя этому молоху человеческие жизни.

Подвиг написания отчета по проведенному исследованию Сергей Романович Хайкин взял тогда на себя. Это поистине был подвиг, потому что он тяжело заболел гриппом и только жаловался, что от высокой температуры «трещит» голова и мешает думать над отчетом. Тогда у меня сложилась ещё одна установка: у социолога нет причин, кроме смерти, нарушить сроки исследования. Как писать отчет? Мы не знали... Взяли на вооружение «Рабочую книгу социолога», но там только в общих чертах... Тогда Сергей Романович избрал описательный тип отчета, сожалея, что нет больших открытий, а все больше лезет в строку «ползучий эмпиризм»...

После отчета он тормозил нас — чтобы мы сами искали заказчика на дальнейшие исследования. Помню, мы дали в газете объявление, что проводим социологические исследования в городе Воронеже. Текст объявления у меня сохранился: «Финансируйте социологические исследования на интересующую Вас тему! Средства, выделенные на изучение общественного мнения, окупятся сторицей. Провести опрос, обработать информацию, дать своё заключение

и рекомендации берутся профессиональные социологи из социологического отдела НИЦентра Росагропром». Первым, кто откликнулся, было руководство Воронежской Базы сжиженного газа, обеспокоенное высокой текучестью кадров на предприятии. Мы с коллегой (выпускником исторического факультета ВГУ), сделав важные лица, поехали к ним на предприятие рассказывать о том, какие бывают социологические исследования (предварительно полистав книжки) и договариваться о цене. Отдельные цитаты из книги Ф. Э. Шереги «Как провести социологическое исследование», которыми мы пытались впечатлить директора Базы сжиженного газа, произвели должное действие, и мы получили первый в нашей жизни заказ, который полностью выполнили самостоятельно (от постановки проблемы, выдвижения гипотез, задач, составления анкеты, самого опроса, обработки данных и написания отчета). Там было всего три цеха и работали где-то около 300 человек, поэтому мы выбрали метод сплошного опроса. Опрос проводили втроем (к концу 1989 года в социологическом отделе Хайкина при «Росагропроме» уже числились, кроме руководителя, еще три социолога). Поэтому, как провести исследование, обсуждали на троих. С.Р.Хайкин на время устранился от него. Нам самим и руководству Базы сжиженного газа понравилось наше исследование, и директор нас долго и искренне благодарил, удивляясь неожиданным результатам. Но Сергей Романович, полистав наш отчет, остался недоволен, какое-то время раздумывал — ставить ли под ним свою подпись. Так постепенно мы набирались опыта.

Теперь, Нелли, самое время спросить Вас, какие силы, мотивы (хотя, судя по всему, они могут быть весьма нетривиальными) привели Вас в Петербург и предопределили нашу встречу?

Нет, поездка в Петербург как раз была продиктована самыми тривиальными мотивами. Опыт социологических исследований накапливался, но нехватка соответствующего образования была как гвоздь в сапоге — мешала двигаться дальше. Любой вопрос на тему — а что Вы закончили? — ставил в тупик и заставлял оправдываться. Образование социолога нужно было получать во что бы то ни стало. И вот как-то Сергей Романович вызвал меня в кабинет и сказал: «В Ленинграде открывается аспирантура для социологов. Не хотите поехать? Поскольку только-только открывается, то, может, и проскочите без базового-то образования». К тому времени я уже на опыте убедилась, что инженерно-техническое образование «базовым» для профессии социолога никто не считает. Вопрос о том, какие экзамены нужно сдавать для поступления и в этот раз был второстепенным. Прежде всего надо было, чтобы приняли документы.

В первый раз накануне 1990 года я поехала в северную столицу. Там в 1989 году на базе социологического отдела Института социально-экономических проблем Академии наук СССР был создан Санкт-Петербургский филиал Института социологии Академии наук СССР (СПбФ ИС РАН), который в 2000-ном году преобразован в Социологический институт Российской академии наук (СИ РАН). В настоящее время он называется именно так. В 1989 году директором филиала был д.ф.н. Б.М.Фирсов — сегодня известный как первый ректор Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Я встретила с заведующей аспирантурой Быстровой Аллой Сергеевной, которая объяснила мне, что два года работы социологом при наличии высшего образования позволяют

по закону мне подать документы в аспирантуру. Публикаций в научных журналах у меня к тому времени было маловато, я больше публиковалась в местной прессе, но мне зачили написанные мной социологические отчеты по проведенным исследованиям. Солидные тома этих отчетов я привезла с собой. У меня приняли документы в аспирантуру! В 1990 году меня ждали вступительные экзамены, но это была уже просто следующая ступень той лестнице, дверь к которой мне, наконец, открыли.

Я могла учиться только заочно — семья и работа в Воронеже не оставляли мне выбора. На вступительных экзаменах нужно было сдавать социологию, философию и английский язык. Я все сдала на пятерки, и меня приняли в аспирантуру. В августе 1990 года я официально стала числиться аспирантом Санкт-Петербургского филиала Института Социологии РАН. Кстати, в эту же аспирантуру, приехав из Самары, поступил вскоре Владимир Борисович Звоновский — с ним мы познакомились за чаем у Леонида Евсеевича Кесельмана, который очень душевно и тепло нас привечал в своем отделе, потчuya печеньем и разговорами о судьбах России. У Владимира Борисовича высшее образование тоже было непрофильным, я почувствовала в нем родственную душу, мы подружились и дружим до сих пор.

А с Вами я встретила уже как с моим будущим научным руководителем. Помню, что принесла Вам набросок своей статьи и Вы, критикуя её, дали мне ценные советы, которым я слеую и сегодня. Например, Вы сказали: «Нельзя начинать предложение с чисел». С тех пор я никогда не пишу: «87% воронежцев доверяют В.Путину», а пишу: «Сегодня доверяют Президенту РФ Владимиру Путину 87% воронежцев» [Бюллетень 2014–06 — опрос ИОМ «Квалитас» проходил в июне 2014 года].

Вы не помните, какие темы мы с Вами обсуждали и почему остановились на почтовом опросе? Как шла работа? Конечно, должен перед Вами извиниться, что где-то в середине (или к концу ?) Вашего аспирантского срока я эмигрировал в США, и наша связь прервалась. Когда Вы завершили Ваше исследование, недавно мне писал Андрей Николаевич Алексеев, что он поддержал Ваше исследование, первым оппонентом была Елена Эмильевна Смирнова? Что удалось показать? Как проходила защита?

По поводу точности сроков я боюсь ошибиться. Потому что буду опираться на ощущения. Они обманчивы, а память избирательна, но иных ориентиров у меня сегодня нет. По моим ощущениям, Вы покинули меня почти тотчас же, как я вступила в ряды аспирантов. По крайней мере, мне не удалось пообщаться с Вами так долго, как бы хотелось. Почтовый опрос мы с Вами обсуждали, но эта тема не осталась ключевой для моего диссертационного исследования. Хотя я провела исследование — было разослано 300 почтовых анкет по Воронежской области в начале 90-х годов прошлого века, и случилось нечто из ряда вон выходящее. Я получила 100% возврат анкет! Не только все заполненные анкеты вернулись, но люди в дополнение писали мне свои длинные письма. 90-е годы были в России самым благодатным временем для проведения социологических опросов. Люди ждали перемен и хотели участвовать в корректировке действительности. Когда я выезжала время от времени в воронежские села проводить опросы, редкая семья не приглашала меня к столу отобедать. В сумерках люди

проводили меня до дома следующего респондента, чтобы не покусали собаки. Желание участвовать в опросах выветривалось постепенно. Прежде всего, оно стало пропадать в городах, где реклама заплотила улицы и почтовые ящики.

Андрей Николаевич Алексеев действительно принял деятельное участие в моей судьбе. Он от корки до корки прочел мой реферат (не помню, по какому случаю его я писала, наверное, это было связано с кандидатским минимумом) и высказал свои замечания. Он консультировал меня по поводу кандидатской диссертации. Вообще-то, официальным научным руководителем была Галина Иосифовна Саганенко, но она тоже меня покинула ближе к защите (уехала в длительную заграничную командировку), и я защищалась без неё. Андрей Николаевич познакомил меня со своим уникальным архивом периодической печати. Думаю, что это архив сейчас имеет несомненную научную ценность, если сохранился. Когда я приезжала в аспирантуру, то в первую очередь шла «на огонек» к Андрею Николаевичу, где я получала и дружескую поддержку, и горячий чай.

Методы исследования, которым была посвящена моя кандидатская диссертация, в социологических и маркетинговых исследованиях пересекаются, поэтому мне было интересно участвовать в форуме по методам исследований, который проводила Американская Маркетинговая Ассоциация (АМА) в 1996 году в США. Богатый материал для размышления на тему кандидатской диссертации подарили курсы лекций по методике и технике проведения маркетинговых исследований специалистами «Gallup» (Danmark), которые организовал ВЦИОМ в Москве для руководителей своих региональных отделений в 1994–1995 гг. ВЦИОМ вообще много потрудился для того, чтобы поднять образовательный уровень своих исследователей в регионах. С особой благодарностью я вспоминаю Алексея Георгиевича Левинсона, который мастерски обучал руководителей региональных отделений искусству проведения качественных социологических исследований, в особенности фокус-групповых дискуссий.

Тему кандидатской диссертации «Релевантность метода объекту в социологических исследованиях» подсказала мне Галина Иосифовна Саганенко. С ней мы прорабатывали план диссертации и корректировали содержание. В диссертации говорилось о том, как изменилось соотношение метода и объекта в эмпирической социологии. Если раньше довлел объект исследования, а методы подбирались в какой-то степени интуитивно, по наитию, то затем методы эмпирической социологии постепенно приобрели самодовлеющее значение. Их развитие перестало быть непосредственно связано с объектом исследования, вследствие чего произошло обособление методологии от содержательного знания. Этот разрыв между методом и объектом исследования увеличивается, и эмпирические методы превращаются в инструментарий, у которого отсутствует методологическое обоснование его применения. Метод опроса, несмотря на его универсальность и распространённость, неоднозначен и сложен как метод сбора информации, где одна из проблем — вынужденное доверие содержанию получаемых на вопросы ответов. Напряженность этой проблемы может быть снижена путем выбора метода опроса, адекватного коммуникативным интересам респондента. Почтовый опрос рассматривался в диссертации просто как один из методов опроса наряду с личным интервью, телефонным интервью и проч. По результатам исследования, из всех видов опроса более всего приемлемым для воронежских респондентов на

то время был опрос методом личного интервью на дому; лейтмотивом для участия в опросах всех видов оказался не личный аспект, а социальный, который можно условно определить как чувство гражданского долга; среди личных стимулов чувство уверенности в себе занимало первое место по степени влияния на готовность респондента к согласию на опрос; безусловное первое место по степени предрасположенности к отказу — это ощущение социальной бесполезности опросов. Было показано, что первоначальная комбинация тех чувств, которые испытывает респондент в момент обращения к нему интервьюера, влияет не только на согласие или отказ респондента от опроса, но и выявляет предрасположенность последнего к конкретному методу опроса. Был составлен социальный портрет тех, кто оставляет без ответа открытые вопросы. Также были составлены социально-демографические портреты групп населения, которые более комфортно и доверительно чувствуют себя в тех или иных методах опроса.

Защита кандидатской диссертации состоялась 27 марта 1997 года. Она прошла успешно (черных шаров не было), только было очень холодно — аудитория не отапливалась. Все сидели в зимних пальто и шубах, а я была в дубленке. Но я скинула дубленку с плеч, когда начались вопросы и прозвучали отзывы на диссертацию, — мне стало жарко. Градус доброжелательности аудитории был достаточно высоким — тогда я поняла, что человека может согреть не только солнце, но и слово. На защиту приехал Самуил Аронович Кугель как член Диссертационного совета, и благодаря ему я не простилась с Петербургом навсегда, а приезжаю теперь ежегодно на его Международную школу социологии науки и техники, на которую он меня пригласил сразу после защиты диссертации. В этом году на очередной Школе мы будем отмечать 90-летие этого замечательного ученого и удивительного человека.

Нелли, спасибо, что рассказали, как было. Все 90-е в связи с отъездом из России и вхождением в американскую жизнь вывели меня на 100% из науки. Все узнаю из интервью.

Да, 100% возврат — рекордный. А Вы не пробовали проводить почтовые опросы позже? А что Вы, с Вашей огромной практикой опросов, думаете о возможности проведения почтовых опросов населения России сейчас? Ведь существует масса тем, когда не требуется оперативность в сборе информации.

Почтовые опросы мы поначалу в 90-х годах проводили постоянно. Особенно весной, когда реки разливались, автобусное сообщение между селами прерывалось, и опросить труднодоступных респондентов в отдаленных районах можно было только с помощью писем. Кроме того, мы два десятилетия подряд проводили почтовый контроль уже опрошенных респондентов. У меня в 1994 году в СОЦИСе вышла статья, описывающая перипетии этого процесса [Почтовый контроль как метод повышения качества информации. // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 96]. После рекордного 100% возврата я сначала огорчилась, когда возврат был 50–70%. А потом он стал перманентно меньше 50%. Тогда я обратилась к опыту исследований в других странах и поняла, что 15–25% возврат — это норма и нечего огорчаться. Вскоре я уже радовалась, когда возврат был больше 10%. Нет, не думаю, что мы вернемся к почтовому опросу для проведения репрезентативных исследований. Если только для достижения каких-то малых и очень специфических групп. А потом он не такой уж дешевый и доста-

точно трудозатратный при своей малой эффективности. Судите сами, сначала мы отправляли респонденту письмо с анкетой и с вознаграждением (в пересчете на сегодняшний день это было бы примерно 50 или 100 рублей), и с обратным конвертом. Через неделю — напоминание. Через две недели — второе напоминание. Через три недели — ещё одну анкету с обратным конвертом, но уже без вознаграждения (в расчете на то, что респондент уже устыдился и готов заполнить анкету, но не может, так как выбросил её, когда получил первое письмо). На каждого респондента приходится шесть конвертов, а они тоже денег стоят. А уж сколько возни с ними — это же надо шесть раз подписывать на конвертах адрес каждого респондента! Отнимает много времени и сил у организаторов, а в итоге — разочарование мизерным возвратом.

Да и почта как форма общения отмирает. Письма сейчас отправляются в основном только тогда, когда нужно переслать оригиналы каких-то документов. Есть телефонная связь даже в самых отдаленных районах — для родственников и друзей это гораздо более удобный способ общения. Ну а для всех, кто мало-мальски владеет компьютером и пользуется Интернетом, а таких по Воронежской области, по результатам нашего опроса — 73%, адекватным способом общения стала электронная почта [Бюллетень 2013—08, <http://qualitas.ru>]. Альтернативой почтовому опросу сегодня является Интернет со всеми вытекающими недостатками почтового опроса — малый возврат, нерепрезентативность, анкеты-кентавры, невозможность проконтролировать, кто именно заполнил анкету и проч. И тем не менее это направление бурно развивается. Должно произойти что-то экстраординарное, чтобы вдруг стал вновь востребован традиционный почтовый опрос в социологических исследованиях.

Петербург, диссертация... это мы как-то рассмотрели, а что в это годы происходило с Вашими исследованиями в Воронеже?

В Петербург я ездила ежегодно на курсы лекций, которые проводили преподаватели аспирантуры, и на экзамены. А жила в Воронеже и работала под руководством Сергея Романовича Хайкина. В Москве к тому времени уже появился ВЦИОМ, и С.Р.Хайкин открыл его отделение в нашем городе, поэтому некоторые наши опросы теперь вливались в общероссийский массив. В феврале 1991 года я уже числилась социологом Центрально-Черноземного отделения Всероссийского центра изучения общественного мнения. Выборка, которую давал ВЦИОМ на нашу область, была небольшая, около 30 человек, но она в обязательном порядке включала два-три села, куда приходилось из Воронежа ездить или посылать интервьюеров. Часто бывало, что приходит срок сдачи анкет, интервьюер приносит незаполненные анкеты и говорит — извините, съездить не смог, семейные обстоятельства, болезнь — что угодно. А на завтра нужно эти анкеты отсылать заказчику. Я к Сергею Романовичу: «Что делать?». А он: «Вы организатор — думайте сами». Думать можно долго, а делать надо сегодня. Забегаю с работы домой за резиновыми сапогами (в деревню даже в летнюю жару без резиновых сапог лучше не соваться) и напрямиком на автостанцию, чтобы успеть на ближайший районный автобус. А в селе вечер — для опроса, ночь — в районной гостинице, если не успеваю на последний автобус, а утром с первым автобусом — на работу отправлять анкеты заказчику. Помню, в Нижнедевицком районе гостиница выглядела так: большой зал и в нем — 18 кроватей. Зато дешево.

При всей некомфортности этих командировок они мне запомнились как что-то такое, чего бы мне не хотелось вычеркнуть из своей жизни. Ну представьте себе, приезжаю я в село уже вечером. Пару опросов — и вот уже совсем темно. Я иду одна по проселочной дороге, а меня окружает всё это звездное небо, оно так близко, как никогда не увидишь в городе. Кажется, что звезды просто шепчут на ухо какую-то тайну. В такие минуты представляется, что ты значишь нечто большее, чем есть на самом деле. Вспоминается Виктор Гюго: «... И мнится мне, что сонмом звезд горящих одна моя душа согрета в мире спящем, что мне лишь одному понять их суждено, что я здесь не пришлец — угрюмый, молчаливый, а царь таинственный всей ночи горделивой, что только для меня и небо зажжено». А потом в роли судьбы выбираешь дом для следующего опроса, стучишь в калитку или в окно, и тебя встречает лай собак, а потом выходит хозяйка/хозяин и, когда видит бумажки в твоей руке, проникается важностью момента и пускает внутрь — к теплу и свету. Трудно такие чувства передавать словами, но я попыталась...

Бумажки в руке действовали магически на сельских жителей в постсоветское время. Я их никогда не убирала в сумку, потому что это был пропуск в их дом, символ начальства, символ власти. Бумажки — это всего-навсего анкета и маршрутный лист, но люди совершенно иначе начинали смотреть на тебя, примерно как на «уполномоченного». Мои анкеты после поездок в село вовсе не выглядели свежими... В чем только он не были запачканы! Помню, я стою рядом с дояркой, которая доит корову руками, и опрашиваю по анкете. Потом я присаживаюсь на корточки рядом с ней, чтобы было слышно, что говорит доярка, а корова вдруг дергается, и свежая струя теплого молока размывает мою последнюю запись. Помню, я приехала в поле в обеденный перерыв, когда трактористам привезли на лошади фляги с горячим борщом и кашей. Они присели кто куда, а на колени поставили миски, а я им подложила под миски анкеты, чтобы не было горячо и чтобы отрезать им все пути к отказу от интервью. Анкеты тогда оказались «пропечатаны» полевыми мисками. Иногда я приезжала в район на несколько дней или на неделю, чтобы «поставить точку», как мы говорили. Это означало, что нужно найти интервьюеров на месте (в селе, в районе), научить их проводить опрос и договориться о расценках на их работу. Это делалось в том случае, если исследование долговременное, имело характер мониторинга. Тогда я ездила по школам и искала учителей, которые готовы были взяться за работу. Учитель — идеальный интервьюер для села. Его знали, уважали, доверяли и готовы были ему открыться. И эти сельские учителя нас почти никогда не подводили. Если брались за работу, то делали её.

Однажды я приехала вечером в деревню, провела несколько опросов, и вдруг по всей округе «вырубили» свет. Я тронула ближайшую калитку, и она открылась. Прошла по двору — никого. Подошла к дому, постучалась — никто не отвечает. Тронула входную дверь — тоже открыта. Позвала хозяйку — тишина. Вошла в какую-то комнату, нащупала в темноте диван и села подождать хозяйку — наверное, выскочила к соседке, когда в деревне отключился свет. Ждать на улице не хотелось — там было темно и холодно. Я уселась поудобнее и стала сочинять оправдания перед хозяйкой — почему я вошла в дом в её отсутствие. Время шло, но никто не приходил. Проснулась я от того, что мне приснилось, как будто на меня едет трактор и сильно тарахтит. Я открыла глаза и обнаружила себя лежа-

щей на диване с огромным черным котом на груди, колоритное мурлыканье которого я приняла за шум трактора. Светало. В доме было тихо, все ещё спали. Когда я поняла, что я провела ночь в чужом доме, никем в темноте не замеченная, первая моя мысль была о входной двери. Как её хозяйева на ночь закрыли? Если на ключ — то это катастрофа. Мне придется будить хозяев и объяснять им свое нелепое присутствие у них дома ранним утром. Но дверь была изнутри закрыта просто на откидной крючок. Я выскользнула на улицу и подумала: «Нет худа без добра — зато на гостинице сэкономила...». Подобных курьезных случаев в работе встречалось море, но этот был самый запоминающийся. Мы в семье потом даже черного кота завели в память об этом происшествии.

Иногда посторонние люди интересовались: «Ну и сколько платят за такую работу?». А я отвечала: «За эту работу я готова сама платить — лишь бы только здесь работать». И это было правдой.

Нелли, очень интересный и красивый текст...

... я так понимаю, что на каком-то этапе С. Р. Хайкин решил перебраться в Москву, и социологическая фирма перешла в Ваше владение и под Ваше руководство. Это так? Когда это произошло? Какие проблемы пришлось сразу решать?

Да, под руководством Сергея Романовича, с его влиянием и авторитетом нам было ничего не страшно — ни Перестройка, ни крушение СССР, которое вскоре последовало, ни смена власти в том здании, где мы арендовали несколько комнат — а это было здание Обкома партии, можно сказать, главное здание в городе на главной площади с главным памятником Ленину. На дворе бушевал 1991 год, массово закрывались предприятия, начиналась безработица, грянул дефолт, а мы спокойно работали и даже имели новые заказы. Нас никто не трогал, и мы заботились лишь о том, чтобы добросовестно (порой самоотверженно) выполнять свою работу, чувствуя надежное крыло нашего начальника, распростертое над нами. Нас к тому времени уже было пять человек, и никто не хотел перемен в своем положении. Демократические перемены тогда коснулись нас лишь внешним образом: в обкомовской столовой приличные ножи и вилки из нержавеющей стали почему-то сменили на гнутые алюминиевые, а из коридоров обкома куда-то исчезли ковры и ковровые дорожки. С тех пор приход демократии у меня ассоциируется с исчезновением ковров и с гнутыми алюминиевыми вилками. Позже я прочитала в «Собачем сердце» Михаила Булгакова: «Почему убрали ковер с парадной лестницы? Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры?», — и поняла, что это не случайность, а традиционное начало всякой революции.

В апреле 1992 года Сергей Романович отмечал очередной день рождения, и от имени всех сотрудников я сочинила ему поздравительное стихотворение:

Мы все здесь на виду
И нам не скрыть волнения:
Ведь лучший день в году —
День Вашего рождения!

И страх в нас не вселяет
Всех темных сил кураж,
Пока нас осеняет
Пресветлый гений Ваш.

От замыслов теснится
И пухнет голова...
Но все осуществится,
Что мыслится едва.

Счастливый ждет финал,
Гоните прочь сомнения!
Ведь разум побеждал
Всегда со Дня Творения.

И слава в нетерпении
Плетет Вам свой венок,
Почет и власть и деньги —
Всему наступит срок.

И будет Вам несложно
Любых достичь высот.
Всему, что невозможно,
Настанет свой черед.

Но будущего блики
Наводят грусть подчас:
Как станете великим,
Не покидайте нас!

«Не покидайте нас!» — это был вопль всех пяти сотрудников. Стихотворение оказалось пророческим, предчувствия не обманули, Сергей Романович начал готовиться к переезду в Москву. Меня он выбрал в качестве своего преемника по стечению обстоятельств. Дело в том, что на должность главы Воронежского отделения ВЦИОМ претендовали два других сотрудника, у которых было больше жесткости, решительности и практической сметки, чем у меня. Вся проблема заключалась в том, что их было двое... И каждый из них считал, что это он должен возглавить отделение. И вот, чтобы между ними не было ссоры, как объяснил мне С.Р.Хайкин, он предложил меня как нейтральную фигуру. Для меня предложение было неожиданностью, и я не сразу согласилась, понимая, что конфликт этим исчерпан не будет. Собрала сотрудников, спросила, согласны ли они работать под моим руководством. Получила согласие от сотрудников, получила согласие от мужа, который купил мне по случаю моего выхода в начальство большой коричневый портфель, реальную и номинальную тяжесть которого я ощутила сразу же после того, как Сергей Романович покинул Воронеж. Прежде всего, нас начали выселять из офиса до окончания срока аренды, и мне пришлось обегать все мыслимые и немыслимые инстанции, всякий раз сочиняя все новые аргументы о непреложной пользе нашей организации для города Воронежа, предлагая живописные картины превращения города в «Нью-Васюки» благодаря работе социологического центра. В результате оторопевшие чиновники разрешили арендовать офис в другом официальном здании по другую сторону главной площади, а потом, как я слышала, сами себе удивлялись: «Почему ей выдали такое разрешение?». Затем мне нужно было активизировать контакты с заказчиками, чтобы поток заказов не прервался с уходом нашего харизматичного начальника. ВЦИОМ обеспечивал заказами свое отделение в Воронеже где-то на 30%. А остальные 70% — это были заказы других московских центров или местных заказчиков, которые проходили через РИОМ (Российский институт общественного мнения), зарегистрированный С. Р. Хайкиным в начале 90-х. С отъездом

в Москву Сергей Романович просто подарил мне РИОМ, так как был единственным учредителем, и я перерегистрировала предприятие на себя. Я помню, как по мере вхождения в начальственную должность у меня менялось сознание: в разы возросла ответственность. Появлялась отчаянная решимость добыть заказы, чтобы прокормить сотрудников (шли голодные 90-е годы). Думаю, что что-то подобное испытывает волчица, выходя на охоту, чтобы принести еду голодным щенкам. Когда я ярмо власти ощутила на собственной шее, у меня поменялось о ней представление. Я поняла, что расширившийся круг обязанностей расширяет круг прав. И только так, и не может быть прав без обязанностей. Я поняла, что любая начальственная должность перестраивает людей так, что они должны заботиться и защищать подчиненных, а значит, власть — это благо для общества, а вовсе не зло. Позже на конференции в Санкт-Петербурге я услышу от докладчика из ВЦИОМа: «Единственное, что заслуживает власть, это презрения!». Приходило понимание, что российская интеллигенция объявила войну не просто какой-то отдельной власти, а власти как феномену, и несет стяг этой борьбы как свое достоинство и оправдание своего существования. Возвращаясь к теме своего повествования, хочу сказать, что количество заказов у нашего предприятия за время моего пребывания в должности директора (1993—1996 гг.) утроилось, предприятие процветало, и мы набирали все новых и новых сотрудников, в то время как в городе предприятия закрывались и свирепствовала безработица. Но «почивать на лаврах» мне не было суждено.

Конфликт, который был заложен в основу моего назначения, продолжал тлеть и не мог угаснуть, потому что никто из двух сотрудников, претендовавших на должность директора, не смирился с выбором С. Р. Хайкина. Внешнее вынужденное согласие просто скрывало внутреннее несогласие и обиду. Договориться с ними было невозможно — каждый просто надеялся переиграть ситуацию в свою пользу. Один из этих сотрудников в результате переехал в Москву, и нас разъединило расстояние. А второму сотруднику удалось-таки убедить начальника отдела проведения опросов ВЦИОМа Е. А. Дюк сменить директора, когда она из Москвы приехала в Воронеж в моё отсутствие (я была в Санкт-Петербурге на защите диссертации). Когда меня сместили с должности, Ю. А. Левада, назначив мне встречу в московском метрополитене, уговаривал меня остаться, не увольняться из ВЦИОМа. Но доверие было подорвано, и больше работать во ВЦИОМе я не смогла. В 1996 году я уволилась из ВЦИОМа, но продолжала работать, оставаясь директором РИОМа. Сформировала новую команду и получила новые заказы. Помню, что первые заказы в новом качестве носили очень масштабный характер: это был ряд всероссийских опросов и нескольких тысячников по Москве и Московской области. Для их организации мне пришлось несколько месяцев снимать квартиру в Москве.

На этом трудном для меня этапе ко мне присоединился муж, желая мне помочь, и неожиданно для себя обрел новую профессию. По сей день мы благополучно работаем вместе. Вскоре я зарегистрировала ещё одно предприятие — Институт общественного мнения «Квалитас», под именем которого наша организация сегодня известна в социологическом сообществе.

Согласен, сегодня «Квалитас» — организация, известная в нашем цехе. Пожалуйста, приведите самые общие факты: когда «Квалитас» родился, сколько в нем тогда работало сотрудников, сколько сейчас? По-видимому, как и все

возникавшие независимые центры Вы в первые годы брались за любые заказы, надо было выжить. Но каковы сейчас основные направления Ваших исследований?

Институт общественного мнения «Квалитас» был зарегистрирован в 1996 году. «Квалитас» («Qualitas») в переводе с латинского значит «Качество». Именно качество исследований стало нашим кредо. Поначалу работало пятеро сотрудников. Да, нужно было искать новые заказы, потому что наработанный поток заказов изливался теперь уже в мою бывшую компанию. Первый заказ «Квалитас», в котором мой муж (Александр) принимал непосредственное участие, отправил его в Воронежскую область. Он уехал на личном автомобиле с одним из наших сотрудников опрашивать районных руководителей фондов обязательного медицинского страхования. У Александра были письма к этим руководителям от областного руководства, кроме того, начальство из центра предупредило своих подчиненных по телефону о грядущем опросе. Их ждали. После завершения опроса в одном из райцентров перед ними распахнули залу для приемов с роскошным столом, который ломился от яств: коньяки, колбасы, фаршированные гуси... чего там только не было... Они остолбенели, совершенно не ожидая такого приема. К их глубокому сожалению, они не могли принять приглашение, потому что торопились домой (уже темнело) и предстоящее многочасовое вождение исключало возможность употребления спиртных напитков. Извинившись и пожелав сотрудникам фонда приятного аппетита, они сели в машину и тронулись, но их остановили крики женщины, которая выбежала вслед за ними с большим пакетом. Когда она сунула этот пакет им в багажник, они вскоре почувствовали, как аромат свежеприготовленной снеди распространяется по машине. Остановились на лесной обочине, развернули пакет и поужинали жареной курицей и прочими, наспех брошенными в пакет, яствами. Вернулся домой муж воодушевленный: «Хорошая работа — в голодный год не даст пропасть».

Но ещё большее впечатление на него произвела поездка в Пензенскую область для осуществления проекта 1997 года, который у нас в архиве значится под названием «Исследование целевой аудитории радио Би-Би-Си». Тогда они вдвоем с сотрудником уехали на личной машине в районы этой области недели на две. Первую неделю они объезжали райцентры и села, искали школьных учителей и нанимали их в качестве супервайзеров для проведения опроса, а также попутно сами проводили опросы жителей сельской глубинки. Они были поражены глубиной и стойкостью традиций русского гостеприимства, которое почти сошло на нет в больших городах. Не было такого двора, из которого они бы вышли после опроса без гостинца. Каждая хозяйка норовила им всучить ведро вишен, яблок, груш, трехлитровую банку парного молока или крынку меда... Отказаться было невозможно, все подарки были от чистого сердца, и даже разумные аргументы: «мы все не съедим... лето, жара — в машине все прокиснет...» — не действовали. При малейшей попытке отказа в глазах очередной хозяйки читалось явное недоумение и обида, и вспыхивала радость, когда её ведерко или банка размещались, наконец, в переполненном уже багажнике автомобиля. Как только они опрашивали первого жителя какой-либо деревни, весть моментально разносилась по округе, и принаряженные бабушки в белых платочках высаживались на скамейки под окнами своих домов в ожидании опроса. Когда социологи проходили мимо них, они интересовались: «А почему нас не опрашивают?». Им объясняли, что

по правилам, нужно опрашивать каждый пятый дом. Они соглашались с научными доводами и переходили на другую скамейку через пять домов: «А теперь нормально?». В общем, с методикой были проблемы, но с открытостью и душевностью общения проблем не возникало. Занозой в сердце у Александра осталась одна полуразвалившаяся лачужка на отшибе. Там жила древняя старушка, которая ухаживала за своим парализованным мужем. Его поразила крайняя бедность их быта. Провожая сотрудников после опроса, она вдруг всплеснула руками: «Ах, я старая дура... Вы же путники!! Подождите!». И через несколько минут вернулась, протягивая моему мужу руки, в одной из которой была горсть серой, почти черной соли, а в другой — большой желтый огурец. «Прости сынок, хлеба нету... ноги болят, магазин далеко. А соль я сама выпариваю из солончаков, она хорошая — бери». Переглянувшись с сотрудником, Александр стал быстро разгружать ей во двор содержимое багажника: все эти ведра с вишнями и яблоками, крынки молока и меда. И опустошив багажник, мигом укатили с её двора, оставив хозяйку с открытым от удивления ртом.

Обычно учителя исправно выполняли порученные им опросы, но директор одной из районных школ вернул Александру анкеты не заполненными. И смущенно признался: «Ребятишки попутали...». Оказывается, сельские школьники спросили у директора после отъезда Александра: «А зачем это к Вам приезжал Сева Новгородцев?». Сева Новгородцев был известным в то время радиоведущим «Би-би-си». Спутать его с Александром можно было разве что из-за длинных волос до плеч, которые мой муж в то время носил. Директор поначалу ребятам не поверил, но взглянув на анкеты, увидел, что опрос посвящен как раз радио «Би-би-си»... А тут ещё ребята сообщили директору, что Сева очень любит подобные розыгрыши... «Не ожидал, что Вы вернетесь... Извините, что подвел». Пришлось моим сотрудникам завершать опрос самостоятельно.

В это же время — в начале 1997 года — у ИОМ «Квалитас» появился первый заказ всероссийского масштаба: «Оценка объемов регионального рынка и перспектив продвижения на него газетно-журнальной продукции». Нужно было опросить читателей в 23 российских регионах. Другое исследование — «Выявление потенциальных читателей журнала: “Мой прекрасный сад”» — предполагало опрос в 17 регионах России. Заказы-то мы получили, но было не вполне ясно, как можно их осуществить — даже телефонов социологических центров в регионах у нас не было. На время всероссийских опросов я сама себя командировала в Москву и собирала «с миру по нитке» информацию о социологах в регионах. Я очень благодарна всем моим коллегам по цеху, которые поделились тогда со мной телефонами своих партнеров. Моим орудием производства на время этих исследований был стационарный телефон в московской квартире (сотового у меня ещё не было). Я почти не выпускала его из рук в течение трех недель, начиная работу с 6:00 утра, когда уже можно было звонить в дальневосточные регионы. К моей радости региональные партнеры соглашались выполнить опрос, я переправляла им поездами анкеты (тогда ещё угроза терактов не стояла так остро, и проводники не отказывались брать посылки) и через три недели встречала в Москве поезда, которые привозили посылки с заполненными анкетами. Это была обычная схема проведения всероссийских опросов в то время. Проводить их удобнее всего было из Москвы, потому что именно из Москвы поезда уходили во всех направлениях. Целесообразно на это время было

снимать квартиру в Москве, тем паче что некоторые исследования предполагали опросы самих москвичей. Одним из первых масштабных проектов в Москве стал опрос 2000 москвичей в маркетинговом исследовании «Доли рынка и поведение потребителей мясной продукции». Меня спросили: «Сделаете?». Я сказала: «Да!». Правда, не стала уточнять, что я на тот момент была одна, что никакой организационной структуры у меня в Москве не было. Но зато был некоторый опыт и уверенность, что это можно сделать. Мне выдали аванс и установили срок — два месяца. За это время нужно было не только провести исследование, но и создать новую структуру. Я дала объявления в двух-трех московских газетах о том, что требуются интервьюеры для проведения социологического опроса и арендовала на это время офис в Институте социально-политических исследований (ИСПИ). Через неделю я повторила объявления в газетах, и за две недели у меня в картотеке было записано более 50 интервьюеров. Когда подошла черед инструктажей, я пригласила себе сотрудницу в помощь из Воронежа, и мы вдвоем рассказывали новичкам, как проводить опрос и выдавали каждому пробную контрольную анкету, которую он должен был принести на следующий день, заполнив по всем правилам. Если претензий к пробной анкете не возникало, и контроль подтверждал, что респондент действительно был опрошен, интервьюеру выдавался уже десяток анкет и назначались сроки их сдачи. Опрос проводился маршрутным методом по московским квартирам в течение месяца. Оставшиеся две недели были отведены на контроль по результатам опроса. Зарплату интервьюерам мы выплачивала сразу после контроля, что выгодно отличало работу у нас от работы в иных московских фирмах, где зарплаты приходилось ждать порой не один месяц. Поэтому интервьюеры охотно участвовали и в других наших опросах, и моя картотека пополнялась. Таким образом, буквально через два-три месяца после начала работы ИОМ «Квалитас» у нас была уже сеть партнеров в российских регионах и картотека интервьюеров не только в Воронеже, но и в Москве. Уже позже, не выезжая из Воронежа, я несколько лет проводила с помощью своей команды московских интервьюеров мониторинг цен в столичных магазинах, пока заказчик не утратил к этому проекту интерес.

Главный вывод, который я сделала для себя, создавая ИОМ «Квалитас» с «нуля», это то, что для создания нового предприятия в России не нужен материальный капитал (материальный капитал — это «золотое правило» начала бизнеса было в любом западном учебнике того времени). То есть неплохо, если он есть, но можно обойтись и без него. А что же нужно? Нужен кураж и некоторая масштабность мышления. Если бы мне, например, не в 1997 году, а пятнадцать лет назад (в 1982 году — сразу после окончания вуза) предложили опросить в Москве 2000 человек за два месяца, я бы даже не заподозрила, что я это смогу сделать. Но работа, особенно в должности директора, изменила мое мышление. Когда сотрудники в рабочей рутине подходили с возникающими проблемами, которые требовалось немедленно решить, то первым естественным желанием у меня было сказать: «я не знаю, как починить электричество или компьютер; не имею представления, где искать пропавшего интервьюера или автобус с анкетами и т. п.». Но вдогонку за этими словами, которые так и оставались несказанными, в голову приходило беспощадное напоминание: ты директор, а значит, должна решить все проблемы. Нельзя демонстрировать беспомощность, а нужно подбодрить сотрудника и искать выход из создавшейся проблемы. С тех пор к любой власти

у меня сформировалось стойкое и непреложное сочувствие. Кстати, новым было и чувство ответственности за те поступки, которые совершил кто-то другой. Когда заказчик меня отчитывал за работу моих интервьюеров, некоторых из которых я даже в глаза не видела, я потихоньку начинала усваивать это чувство вины за чужие поступки — имманентный «дамоклов меч» любой власти. Почему я здесь вспоминаю об этом? Потому что именно власть и отношение к ней станет в будущем предметом моего научного интереса. Работа приучила меня братья за те дела, которые представляются непосильными, приучила игнорировать чувство страха при этом... Приходило понимание, что человеку дано освоить такие масштабы работы, которые он согласится охватить своей мыслью. То есть масштабы деятельности зависят не от физических или материальных возможностей человека, а в первую очередь — от масштабов его мышления. Хочется привести ещё один пример в подтверждение тезиса о том, что для создания нового предприятия в России не нужен материальный капитал (это справедливо не только по отношению к социологической фирме). Один наш знакомый преподаватель вуза в начале 90-х забегал к нам, чтобы попросить займы три копейки на трамвай. А через несколько лет у него уже была своя фабрика, несколько магазинов и ресторанов. Он смог заработать деньги, потому что дерзнул изменить образ жизни, а его мышление нарисовало ему такой масштаб.

В первые годы становления ИОМ «Квалитас» мне лично приходилось принимать самое непосредственное участие в полевых исследованиях. Иногда случались инциденты. Например, в 1998 году у меня было «сладкое» исследование в Москве: нужно было протестировать различные виды новой марки немецкого шоколада Ritter Sport перед выходом его на российский рынок. Мне выдали двенадцать ящиков этого шоколада (один ящик — один сорт). Мы (я и командированная мной из Воронежа сотрудница) арендовали несколько столиков в летнем кафе недалеко от метро Новослободская и приступили к опросу. Мы приглашали прохожих отведать разные сорта шоколада и высказать свое мнение о них. Шоколад был качественный и вкусный, москвичи его видели тогда впервые (это сейчас он лежит в продуктовых магазинах у каждой кассы как ходовой товар). К нам подошел мужчина, который хотел попробовать шоколад, но он не подходил нам по квоте, и мы ему отказали. Тогда он обиделся и вызвал милицию, сообщив, что мы «травим прохожих подозрительным товаром». Приехавший милиционер предложил мне погрузить ящики с шоколадом в милицейский «уазик», добавив: «Поедем в участок — там разберемся». Представив себе, как милиция будет разбираться с моим шоколадом, я поняла, что исследование под угрозой. Предъявив все необходимые документы, я объяснила, что состава преступления в моих действиях нет, и меня не за что задерживать. Увидела, что он начинает колебаться в разговоре со мной, но когда оглядывался на горы шоколада, его уверенность в том, что я должна с ним «прокатиться», опять брала верх. Тогда, исчерпав аргументы рациональные, я перешла к эмоциональным. Я попросила его показать документы (чтобы запомнить фамилию) и сказала, что завтра в газете выйдет статья, где будет описано, как милиция задерживает ни в чем не повинных граждан (у меня в кармане на этот случай была «корочка» с тесненной золотистой надписью «пресса», выданной нам ещё ВЦИОМом). «Кроме того, — добавила я, — акт моего задержания поставит под угрозу международные отношения с Германией, поскольку именно

немецкая фирма доверила мне провести исследование её продукции, и грядет скандал, если эта продукция не будет использована по назначению». Спросила его: «Нужно ли, чтобы я вызвала сейчас представителя немецкой фирмы, и он бы к нам подъехал»? Перспектива встречи с представителем немецкой фирмы его почему-то не обрадовала (на самом деле, это был блеф, рассчитанный на трепетное отношение тогдашних россиян к иностранцам). Не знаю, какая из нарисованных мной картин произвела решающее впечатление, но милиционер не стал забирать ни меня, ни шоколад — сел в машину и уехал. Когда я писала аналитический отчет по этому исследованию, меня кольнуло сожаление, что неуместно в отчете описывать подобные происшествия, и авторы концепции шоколада Ritter Sport никогда не узнают, как героически в России защищают неприкосновенность их продукции...

В конце 90-х годов мы плотно сотрудничали с Александром Олеговичем Крыштановским. У него были интересные идеи (как методического, так и концептуального характера), которыми он щедро делился, и партнёрство с ним всегда носило творческий характер. Когда они с супругой (умение которой за пару дней, а иногда даже за ночь, писать весомые аналитические отчеты по результатам исследований для меня было предметом восхищения) пригласили меня к ним домой на чай, на меня произвела впечатление их обширная библиотека, которая начиналась ещё в прихожей и занимала целую стену от пола до потолка в огромной гостиной.

В конце 1997 года мы начали делать социальный проект, который продолжаем до сих пор — вот уже 17 лет. Каждый месяц мы опрашиваем по актуальным социально-экономическим и политическим вопросам жителей Воронежа или Воронежской области и публикуем результаты в Ежемесячном Бюллетене социологических сообщений по городу Воронежу, который распространяем нашим подписчикам — местным органам власти, общественным организациям, отделениям политических партий и средствам массовой информации. Этот проект мы ведем без чьего-либо внешнего заказа, опросы проводим за собственный счет. Насколько я знаю, в других российских регионах нет ничего подобного по продолжительности и количеству потраченных из собственного кармана денег. Наш Бюллетень получают подписчики и за пределами нашего города и даже за пределами нашей страны. Лет пять мы вели и другой инициативный проект «50 политиков»: группа экспертов оценивала степень и вектор влияния наиболее известных политических деятелей Воронежской области.

В последующие годы число штатных сотрудников Института общественного мнения «Квалитас» увеличилось до 23 человек. Кроме штатных сотрудников, наш основной арсенал — внештатные сотрудники (интервьюеры), как и у любой социологической фирмы, специализирующейся на полевых исследованиях. Интервьюеров в нашей картотеке более 300 человек, а с появлением call-центра их количество стало резко расти.

Вы мне недавно писали, что планируете принципиально увеличить численность операторов вашего call-центра. Когда Вы его создали? Вы проводите локальные и общероссийские телефонные опросы? У вас — панели или используете метод случайного набора? Поскольку Вы решили расширяться, постольку, скорее всего, Вы видите перспективу в общем расширении Вашего бизнеса. Так ли это?

Call-центр мы создали в 2012 году, он насчитывал 13 рабочих мест. Стимулом к его созданию послужили два аргумента: почти сплошная телефонизация населения и все более усугубляющиеся трудности при проведении квартирных опросов. Это раньше, лет двадцать назад, люди ещё хотели, чтобы к ним в дом пришли интервьюеры и поговорили на актуальные темы. Постепенно это желание стало гаснуть, чему в немалой степени способствовала навязчивая реклама: представители торговых фирм ходили по квартирам и предлагали населению приобрести различные товары. Желание избежать личных контактов с незнакомцами материализовалось в больших городах в виде домофонов на подъездах, что существенно затруднило доступ интервьюеров к респондентам.

Если раньше мы отказывались от телефонных опросов из-за малой телефонизации, приводящей к перекосу в выборке, то теперь стали отказываться от квартирных опросов, потому что они дают существенно больший перекося, чем телефонники. Недостижимые для личного контакта респонденты сегодня стали доступны только по телефону. Мы проводим как локальные, так и общероссийские телефонные опросы. Вообще, география опроса перестаёт быть привязана к месту нахождения call-центра, мы в состоянии провести и международные опросы — дело в стоимости, знании языка и наличии телефонной базы. Чаще всего нами используется метод случайного набора номеров, проводим и панели, первоначально сформированные также случайным методом. В настоящее время мы расширяем количество рабочих мест в call-центре до 33 единиц, надеюсь, что к ноябрю 2014 года он заработает с полной загрузкой. Общая перспектива нашего бизнеса более-менее определена — это постепенный отказ от бумажных анкет и переход на виртуальную «цифру». Телефонники это делают автоматически и, помимо прочих достоинств, снимают проблему дополнительного контроля — аудиозаписи опросов всегда под рукой. Личное интервью тоже все чаще осуществляется при помощи планшетников, которые позволяют вести опрос в online режиме, фиксируя при этом место и время опроса, что существенно затрудняет попытки фальсификации со стороны интервьюеров.

Нелли, Вы уже написали много доброго в адрес своего мужа, пожалуйста, представьте его повыпуклее...

Мой муж — Александр Леонидович Романович — прирожденный лидер, руководитель, организатор. Мы вместе учились в институте, он был комсоргом в школе и инициатором всех студенческих поездок на природу с палатками, всех вечеринок и походов, веселых посиделок и праздников. Великолепное чувство юмора, быстрая реакция, умение владеть словом всегда обеспечивали ему центральное место в любой компании. Умеет, как Цезарь, делать несколько дел одновременно, делает (в отличие от меня) все очень быстро, имеет внутреннее чувство времени, которое есть далеко не у всех. Оно позволяет ему точно рассчитывать минуты, которые будут затрачены на дело или на дорогу, и никогда не опаздывать. Соответственно, ожидает того же и от других, и его вопрос: «А сколько это у тебя займет времени?» — зачастую ставит меня в тупик. Наша дочь говорит, что 33 года супружеской жизни (а именно столько исполнилось осенью этого года) изменили и мой внутренний ритм, я стала успевать делать больше дел, чем раньше. Что мне больше всего в нем нравится — это готовность в трудные минуты жизни брать ответственность на себя. Это чисто мужская черта — индикатор

настоящего мужчины. А в повседневности, когда мы проводим время вместе, он планирует день, а я спокойно отключаюсь, как это делают дети. В первые годы совместной жизни я ещё пыталась спрашивать: «А куда мы идем?». Но в ответ неизменно слышала: «Ты же со мной – придешь и увидишь!». Теперь-то я знаю, что наш маршрут всегда будет самым разумным, и мы точно никуда не опоздаем. Превентивное мышление – это его конек, который открывает возможности прогнозирования. Его обожают приглашать на телевизионные передачи, особенно если они идут в прямом эфире – он, как палочка-выручалочка, всегда найдется с нужным словом. Как-то раз был назначен прямой эфир с вице-губернатором, но тот не смог прийти, и чтобы не отменять передачу, позвали Александра. В Воронеже как раз был период, когда с прилавков исчезла соль, а затем появилась, но в два-три раза дороже. Понятно, что Александр к исчезновению соли не имел никакого отношения и никак не думал перед эфиром, что говорить придется об этом. Но обеспокоенные горожане спрашивали только про соль, никакие другие вопросы, на которые он мог бы ответить в качестве приглашенного социолога, их не интересовали.

И вот в течение получаса он отвечал, как мог, на вопросы про соль, пока ведущий уже не выдержал и взмолился, обращаясь к зрителям: «Не спрашивайте больше про соль! Перед вами человек, который много чего интересного может рассказать на основании социологических исследований в вашем городе...». Когда раздался следующий звонок, ведущий осторожно поинтересовался: «Про соль спрашивать не будете?». Зритель ответил: «Нет». «Ну тогда – спрашивайте!», – успокоился ведущий. «Хорошо. Про соль больше не будем. Но что у нас происходит с сахаром?». Трудно представить кого-либо другого на месте Александра, кому бы удалось в такой ситуации не растеряться, не сорвать передачу. Но передача удалась, и зрители были довольны, получив разумные ответы, и работники телевидения были рады, что все прошло гладко. Экспертное мнение Александра по части социологических прогнозов и оценки социально-политической ситуации весьма востребовано, он нередко дает интервью по телефону для москвичей и центральных СМИ, не говоря уже о местных. А пару лет назад в соцсети Facebook какой-то незнакомец сослался на него в социологической дискуссии: «А вот Александр Романович говорит..», и добавил: «Великий социолог, кстати!». С тех пор, если мы начинаем с Александром социологический спор, он в шутку парирует: «Ты кто? Просто доктор наук. А я – великий социолог...». «Кстати!», – добавляю я, и на этом наш спор заканчивается. Иными словами, семнадцать лет работы в должности исполнительного директора Института общественного мнения “Квалитас” успешно заменили ему социологическое образование, и общество заслуженно присвоило ему звание социолога. Сейчас на своем рабочем месте он чувствует себя как рыба в воде, но если бы жизнь сложилась иначе, он мог бы быть успешен и в иной профессии, поскольку его дарования разносторонние.

В свое время он учился в художественной школе, хорошо разбирается в живописи и вообще – в современном искусстве. Очень любит музыку и знает наперечет зарубежные музыкальные группы, стили и направления, может часами рассказывать биографии исполнителей. У него прекрасная память, любители кроссвордов порой при мне обращались к нему с вопросами, и я не помню случая, чтобы они не услышали искомого ответа. Люди тянутся к нему за советом

и поддержкой в трудных ситуациях, поэтому друзей у него много. Как-то так получается, что незнакомые прежде люди становятся знакомыми друг с другом через него. Запомнились строки из одного стихотворения: «Но в вихре жизненных путей нет ничего важнее уменья объединять сердца людей». Он это умеет.

А теперь, пожалуйста, расскажите о Вашей работе над докторской диссертацией, мало кто из коллег успевает заниматься научными исследованиями. Когда начинали? По какой тематике? Где защищались?

Похоже, я увлеклась описанием своего участия в полевых исследованиях — они оставили яркий след в душе — и картина получилась не полной. У Сергея Романовича я занималась не только полевыми исследованиями. У него было два отдела: полевой и аналитический. Я работала в аналитическом, и моей главной обязанностью было писать отчеты по исследованиям, а также статьи в местную прессу. В полевых исследованиях я принимала участие тогда, когда анализировать было нечего, а полевой отдел был переполнен работой.

В моем архиве — более 30 статей в воронежских газетах, которые я опубликовала за четыре года работы с С.Р.Хайкиным. В научных журналах в этот период вышли статьи, в частности, о почтовом контроле в СОЦИСе (1994 г.), в Информационном бюллетене ВЦИОМа «Отказы респондентов в зависимости от восприятия ими опроса и его методов», в Вестнике Ставропольского университета «Переменные Парсонса как индикаторы волновых процессов в обществе» (1994 г.). В Воронеже были изданы две книги, где я написала отдельные главы: «Развитие социальной инфраструктуры и методы изучения потребностей сельских жителей» (1990 г.) и «Социальная адаптация населения в связи с переходом к рынку (по результатам опросов)» (1992 г.). Направления исследований видны из названий публикаций на научных конференциях: «Будущие фермеры — кто они? Применение новых методов исследования в условиях рынка» (Воронеж, 1991 г.), «Реформы, основные группы влияния и общие тенденции политической жизни Воронежской области» (Самара, 1995 г.). В Санкт-Петербурге, куда меня часто приглашали коллеги по аспирантуре, выходили мои статьи: «Нужна ли россиянам свобода» (1998), «Образ женщины в глазах воронежцев» (2000), «Влияние СМИ на политическое сознание избирателей» (2000) и другие. С докладом «Questionnaire Methods in the Eyes of Respondents» я ездила на конференцию в США, где он был опубликован в сборнике (Questionnaire Methods in the Eyes of Respondents. Materials of the conference: Advanced Research Techniques Forum. — Colorado, Denver, 1996, P. 238). Маркетинговые исследования шли отдельной строкой в моих публикациях. В одной из них журналисты изменили моё научно-образное название на пикантное: «Ищите партнера по запаху», что послужило поводом для приглашения меня на ток-шоу Первого канала. Статью эту можно сейчас найти в Интернете в списках литературы в диссертациях психологов. Иными словами, моя научная работа началась не вдруг, она перманентно вплеталась в полевые будни, и начальный задел её был сделан еще в прошлом веке (как странно звучит!).

Весьма информативным для меня оказалось участие в качестве привлеченного эксперта в проектах Регионального Фонда «Центр защиты прав СМИ»: «Гласность в судебном производстве» (2000 г.), «Предотвращение разжигания этнической (расовой дискриминации, антисемитизма, кавказофобии) и религи-

озной нетерпимости в средствах массовой информации» (2001 г.), «Демократия и выборы» (2004 г.), «Применение в судебной практике Европейской Конвенции по правам человека в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации» (2007 г.). Накапливался материал для размышлений уже над докторской диссертацией. Во время моей работы над аналитическими отчетами в этих проектах была возможность сравнить статистические данные с результатами опросов, сравнить мнение людей, которые посещали коридоры власти, с мнением тех, которым там не довелось побывать. И оказалось, что населению свойственно априорно негативное отношение к власти, то есть люди представляют, что власть хуже, чем она есть на самом деле.

Это дело социолога — исследовать причины таких явлений. В 2002 году в СОЦИСе была опубликована моя статья «Демократические ценности и свобода “по-русски”», где тезисно были обозначены отправные пункты будущей докторской диссертации. То есть я тогда ещё не знала, что это будет докторская, но непреодолимый интерес к этой проблеме и желание исследовать её привели меня к логическому финалу. Если кандидатскую я писала потому, что мне нужно было получить официальный статус, доказывающий мою причастность к социологии, подтверждение социологического образования, то докторскую я писала потому, что мне хотелось её писать — это был не внешний, а внутренний стимул: интерес и желание разобраться.

Наверное, это и есть единственно правильный мотив для научной работы. Мотив был, но не хватало конкретного толчка к началу работы. И вот он материализовался в образе профессора из Сербии Ю. Е. Райковича, социолога, приехавшего в Воронеж в 2005 году (мы с ним познакомились на Международной школе науки и техники в Санкт-Петербурге у С.А.Кугеля, с которым его связывали не только профессиональные, но и дружеские отношения). Помню, я веду сербского профессора по крутому берегу Воронежского водохранилища, стремясь порадовать его красивыми городскими пейзажами, а он, бедный, тяжело дышит (возраст), но не теряет нити беседы. Спрашивает меня: «Есть у тебя какое-нибудь желание, которое хотелось бы осуществить в жизни?». Я отвечаю: «Есть, я хотела бы написать докторскую, но это практически не осуществимо при моей загрузке на работе». А он мне: «А ты сама себе задай график: работай до обеда, а после обеда иди и пиши 10 страниц в день. И не ложись спать, пока не напишешь!». И так уверенно он об этом говорил, что я ему пообещала, что буду писать. А когда пообещала, то уже обратной дороги не было — начала (конечно, не десять страниц в день, но хотя бы две строки пыталась...). Поддерживать связь с ним не удавалось (электронного адреса у него не было, да и почтовый работал с перебоями: посланные ему Бюллетени возвращались недоставленными). Но два года назад он прислал мне весточку — передал рукописное письмо через своего коллегу, который проездом был в Воронеже. Письмо было датировано 25 июня 2012 года, и он писал: «Посылаю тебе доказательство, что я ещё жив и не забываю своих русских коллег-друзей. Ты помнишь, что много лет назад я затруднялся подниматься в гору, когда я был в Воронеже. Мне теперь стукнет “80”... Как твоя диссертация, могу ли я чем-то помочь в этом деле (например, замкнуть тебя на ключ в комнате и не пускать без 10 страниц в день!)». Меня до глубины души тронула такая забота, и я порадовалась, что успела выполнить свое обещание, о чем написала ему письмо, но ответа больше не получала...

Очень интересно, Нелли, не просто факт, типа в таком-то году я защитила докторскую диссертацию по теме: «....», показано движение... теперь, пожалуйста, о полученных результатах...

Постараюсь... Меня поражали результаты опросов, которые противоречили не только демократической идее, но и принятой в 1993 году Конституции. Отношение к власти (не к конкретной какой-то власти, а к власти вообще) оказалось в России ступором для принятия демократических реформ. Большинство населения ничего не имело (и не имеет) против того, чтобы вся власть в России принадлежала одному человеку (а разделение властей — главный нерв западной концепции власти, «табу», которое не подлежит обсуждению). Единовластие, иерархичность, централизация, персонификация власти — эти базовые характеристики традиционного для России образа власти четко читались в результатах социологических опросов. Но они вступали даже не просто в противоречие, а в прямое сражение с противоположными им базовыми характеристиками западной концепции власти, заложенной не где-нибудь, а в действующей Конституции РФ: разделением властей, нивелированием иерархии, децентрализацией и деперсонификацией власти. Первым делом надо было выяснить, почему так сложилось? Почему базовые аспекты образа власти на Западе и в России такие разные? Ну а затем разобраться, что происходит с обществом, когда принятые законы противоречат его мировоззренческим основаниям... По такому плану я и строила свою докторскую диссертацию.

Отношение к власти, как мне думается, — это своеобразный ключ к пониманию различий в ценностях восточной и западной культуры. Общеизвестно, что разделение произошло ещё в концепциях идеи и формы Платона и Аристотеля (если форма индивидуализирует вещи, то идея собирает разрозненные вещи вместе). Аристотелевская концепция формы (подразумевающая способность вещей, людей и систем к самоорганизации) предвосхитила теорию «невидимой руки» Адама Смита и идеологию политического либерализма, в то время как русскую душу можно назвать «платоничкой» — налицо трансцендентность её этических идеалов, жертвенность, родственность идей русской соборности платоновским эйдосам (эйдос предполагает иерархию, центральное администрирование и планирование). Это разделение проходит через всю историю и приобретает черты политической структуры на основе религиозных форм. Можно согласиться с мнением Дайсаку Икэды в том, что «религиозные формы есть основа творческой работы по созданию цивилизации» [Toynbee A., Ikeda D. Chose Life. A Dialogue. London, 1976. P. 288].

На Западе исторически сложившиеся модели взаимодействия церкви и государства нашли свое воплощение в двух типах: папоцезаризма (католичество) и цезарепапизма (протестантизм), т.е. предполагали ту или иную форму подчиненности друг другу (что исключало союз равноправных независимых советников) в отличие от Восточной церкви, которая догматически закрепляла норму независимости церковной и светской власти. Исторически неформальной нормой для взаимоотношений на Руси церковной и светской власти служила теория «симфонии властей», согласно которой требовалось признание со стороны государства независимости и самостоятельности церковной власти, церковного суда, неприкосновенности и неотчуждаемости церковного имущества. С начала раскола Восток и Запад характеризуется разнонаправленными процессами

в отношении воззрений на власть. Если на Западе шел общий процесс десакрализации власти, то на Востоке упрочивались догматические основания сакрализации царской власти. Именно папа Римский считался наместником Христа, поэтому ореол сакральности окружал его, а вовсе не монарха. Католицизм десакрализовал светскую власть, а протестантизм затем отверг иерархию. В противоположность Западу на Востоке христианские монархи непосредственно представляли Бога и носили на себе печать сакральности, из чего логически вытекали следующие следствия: 1) персонификация власти как следствие ожидания отображения первообраза; 2) сакрализация в случае соответствия образа и первообраза; 3) запрет на критику власти; 4) иерархичность как подражание небесной иерархии; 4) нивелирование формальной основы во властных отношениях (последнее закладывало традиционный для Востока нигилизм в отношении к законам). Историческая коллизия измены православию со стороны представителя Русской церкви во Флорентийской унии способствовала упрочению духовного авторитета царской власти. Образ православного «царства», который сложился в русской общественно-политической мысли XV – первой половины XVI века, имел кардинальные отличия от образа европейского «королевства».

В диссертации я показала, как в историческом противостоянии восточной и западной культуры закладывалось различное мировоззренческое представление о сущности власти. Хотя религиозное мировоззрение сегодня утратило роль прямого воздействия на общественное сознание, оно стало частью ментальных структур, поэтому вне зависимости от того, каких религиозных взглядов придерживается человек, если он социализирован в рамках российской культуры, у него будет складываться традиционный образ власти с соответствующими базовыми характеристиками. Любопытно, что концепты православия (в частности, иерархичность), преобразовавшись в культурные практики, повлияли на организационные практики иных религиозных конфессий. Известно, что в России даже муллы и имамы назначались высшей духовной иерархией, что не свойственно традициям других мусульманских народов. Это может служить примером того, что православная культура, с присущими ей традиционными практиками, воздействует на чуждые ей идеологические течения. Поэтому в нынешней России даже атеисты подвержены влиянию существующих культурных практик, которые наработаны в православии.

Сегодняшний термин «разделение властей» стоит в явной смысловой оппозиции к тому единению и согласию (при условии независимости друг от друга), к которому призывает «симфония». При внешнем сходстве процедур российский парламент в корне отличался от западного образца, так как изначально мыслился как вариация русского собора. В обязанность парламенту было вменено обеспечение единства власти и народа. Представители российского парламента рассматривались как советники и помощники царской власти по аналогии с ранее выполнявшими эту роль представителями церкви. Если для западного образа власти характерно представление о парламенте как об оппозиции государственной власти в рамках теории «разделения властей», то для России отправным пунктом служила аксиома о согласии и единении властей в соответствии с теорией «симфонии властей», о сотрудничестве между ними во имя общей цели. Возложенная на парламент законодательная роль только усиливала сходство с прежним партнером и советником государства, которым до определенного

времени была церковь, выступавшая на Руси неформально как законодательный орган власти. В результате роль российского парламента оказалась прямо противоположной роли западного парламента. По словам В. Ключевского, он должен был служить для укрепления, а не для ограничения власти в отличие от функции парламента на Западе. Парламент в России воспринимается определенной технологией решения обществом своих проблем в период кризиса, а в период стабилизации — лишним, ненужным органом власти. Кстати, и выборы в традиционном для России образе власти — это явление кризисное. Выборность оценивается как «показатель смуты» (термин И. И. Глебовой). Да и вообще, в традиционной для России концепции образа власти содержится основа для легитимации лишь наследственной, а не выборной власти. А за неимением наследников вполне легитимным (как показывают опросы) для российского общества является назначение преемников. Именно высшее лицо государства представляет интересы всего общества, всех групп населения, а не выборные органы (это убеждение разделяют россияне и сегодня). Как раз неограниченное доверие к высшему лицу государства позволило в свое время Петру I протащить в русское политическое сознание свойственный протестантизму взгляд на церковь как на государственную сферу деятельности, игнорируя антиномическую полярность церкви и государства. Симфония властей стала невозможна ввиду тотального подчинения монарху всех публичных функций, в том числе и религиозной; правотворчество для церкви было закрыто. Тогда была заложена, по мнению историка А. В. Карташева, европейская модель власти абсолютного монарха, основанная на идее естественного права (самовластный абсолютизм противоречит православной «симфонии»). Многие историки сходятся в том, что петровские реформы со временем привели к Октябрьской революции, поскольку «царство правды» имело место в ментальных структурах, но не находило выхода в искаженном образе власти.

Базовые аспекты образа власти упорно проступали во властных отношениях общества «развитого социализма». Модель православного «царства правды» преобразовалась в модель справедливого коммунистического общества, что свидетельствует об устойчивости стереотипов национального самосознания по отношению к власти и обустройству общества. Коммунистическая идея в силу своего соответствия традиционному образу власти легко была усвоена русской почвой и не вызывала таких фундаментальных противоречий, как идущая ей на смену либеральная идея, несущая в массы индивидуализированную идеологию успеха, в которой имманентно заключены предпосылки раскола общества (на бедных и богатых, на своих и чужих, сторонников различных партий и т. п.).

Поэтому западная идеология, закрепившись в российской Конституции, столкнулась с непредвиденными трудностями при попытке воплощения в жизнь. Как птица Феникс из пепла, вновь стал возрождаться традиционный образ власти, основанный на православии, поскольку оно за тысячелетие ничуть не изменилось («ортодокс»). «Закон социальной регенерации» (понятие, введенное в научный оборот общественных наук А. А. Зиновьевым) в общих чертах описывает восстановление социальной организации при искусственном её разрушении в том случае, если сохраняется привычный образ жизни достаточно большой части населения. Тогда включается в работу некий механизм, который формирует

и воспроизводит отношение к власти в социуме. Моя докторская диссертация так и называется: «Социокультурный механизм формирования отношения к власти в российском обществе».

Моей задачей было доказать, что отношение к власти формируется и воспроизводится посредством социокультурного механизма, который позволяет сохранять и поддерживать специфику образа власти, характерную для конкретной культуры. В своей работе я ввела понятие базовых и конъюнктурных аспектов образа власти. Базовые — это представление о власти вообще, а конъюнктурные — это оценка реальных действий конкретной власти. Как правило, в СМИ и в политических дебатах обсуждаются и анализируются конъюнктурные аспекты. Предполагается, что чем больше хороших дел сделал правитель, тем больше ему доверяет народ. Ан нет... В первую очередь правитель должен соответствовать базовым аспектам — тогда народ готов потерпеть, если что не так. Между тем, базовые аспекты не вербализируются, люди просто считают, что власть должна быть такой и точка. К базовым аспектам образа власти относится не только представление о структуре власти, но и представление о государстве, об источнике власти, векторе власти, о смене власти, представление о правах и обязанностях, отношение к законам и прочие нюансы, которые я разбираю в диссертации. У российской и западной модели образа власти они явно противоположные. Так вот, самое главное: мое социологическое исследование показало, что в ментальных структурах россиян преобладают традиционные аспекты над западными в примерном соотношении 70% к 30%. Это предопределяет вектор социально-политических изменений в российском обществе. Чем больше власть будет соответствовать традиционным аспектам, тем большее доверие она вызовет у 70% россиян. Олимпиада в Сочи, присоединение Крыма — конъюнктурные аспекты, они способны поднять рейтинг власти до 85–90%, но это временное явление. А вот 70% — это относительно постоянное явление (ментальные структуры менее подвижны), хотя конъюнктура способна временно понизить и этот показатель. Но в ближайшие годы либералы не наберут в России более 30% голосов (правда, в Москве и Санкт-Петербурге этот показатель может быть немного выше — Навальный набрал 32% в качестве кандидата на пост мэра Москвы).

Вот и получилось, если изложить вкратце основные выводы моей диссертационной работы, что образ власти является хотя и латентной, но реально действующей силой, задающей вектор социально-политических изменений в обществе. Он воспроизводится из поколения в поколение посредством социокультурного механизма. Этот механизм включает базовые и конъюнктурные аспекты образа власти. Базовые аспекты более значимы в формировании отношения к власти, чем конъюнктурные, поскольку более инертны и латентны (политик не обращает на них внимания и делает ошибки). Конституция 1993 года принималась без учета базовых аспектов традиционной российской модели образа власти, которая была сформирована на основе православия. В действующую Конституцию РФ заложены аспекты западной модели образа власти, сформированные в лоне протестантизма, которые противоположны традиционным российским аспектам. Как говорится, бумага все стерпит, но реальная попытка их воплощения включила действие социокультурного механизма, который является своеобразной иммунной системой общества, поддерживающей равновесие и восстанавливающей разрушенные формы общественно-политического устройства в соответствии с базовыми аспектами

образа власти. Работа иммунной системы есть признак жизнеспособности любого организма, и российское общество засвидетельствовало, что ещё не утратило своей жизнеспособности. Преобладание традиционных аспектов в базовом образе власти предопределило на ближайшие годы характер политических предпочтений россиян.

Мой научный консультант доктор социологических наук, проф. ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки РФ Владимир Ильич Чупров поначалу пытался отговорить меня от обращения к теме, которая так или иначе связана с религией, поскольку это «включает» эмоции представителей различных конфессий. Но когда работа мной была написана, она убедила его, что религия – это ключ к объяснению многих социально-политических процессов, вне её невозможно понять многие феномены российской жизни. Я бесконечно благодарна ему за толерантность в отношении к выбранной мною теме, поскольку мы не совпадали в мировоззренческих установках. Он помог мне правильно оформить работу, и я защищала её в Московском гуманитарном университете 12 мая 2010 года. Одним из официальных оппонентов был директор Института социологии РАН Михаил Константинович Горшков, который написал весьма лестный для меня отзыв о работе и выступил на защите с яркой речью. При голосовании не было «черных шаров», защита прошла успешно.

С В. И. Чупровым нас связывает долголетнее сотрудничество: мы периодически проводим мониторинговые всероссийские исследования по тематике грантов, которые он получает (с периодичностью один раз в три-четыре года). После защиты моей диссертации он загорелся идеей пропустить через призму православной российской культуры и западного мировоззрения не только отношение к власти в России, но и отношение к образованию, к труду, к семье, к друзьям и проч. межличностные отношения. Он попросил меня концептуально сравнить воззрения православия и протестантизма на эти аспекты, и я провела такой экскурс в историю, на основе чего мы сделали инструментарий и осенью 2011 года опросили 1300 россиян по репрезентативной выборке. По итогам этого исследования в начале 2014 года вышла книга «Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства» (авторы: Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. – М.: Норма, 2014. – 450 с.). А осенью текущего (2014 года) мы будем проводить очередное исследование по этой же анкете, чтобы обнаружить изменения, если они появились за истекшие три года. Мне лично очень интересно узнать, что получится. А Юлия Альбертовна Зубок (третий соавтор в нашей научной команде – д. социол.н, проф. ИСПИ) договорилась с зарубежными коллегами о том, чтобы по идентичной анкете это исследование было проведено в одной из европейских стран. Было бы очень любопытно сравнить ответы россиян и иностранных коллег, по итогам этих исследований нами уже задумана следующая книга. Так идея моей докторской диссертации продолжает жить и развиваться в столь ветвистых направлениях, о которых мне даже и не мечталось.

Нелли, если можно, расскажите о Вашей преподавательской деятельности, Вам есть, о чем рассказывать студентам...

Преподавать я начала недавно – с 2011 года, если не считать тех единичных случаев, когда Сергей Романович Хайкин давал нам, своим сотрудникам, в 90-е годы возможность замещать его на лекциях в Сельско-хозяйственном

институте. Тогда мы делились со студентами опытом проведения социологических исследований, о которых учащиеся не имели ещё даже приблизительного представления. Теперь же трудно найти студента, который не знает, что такое социология. Но преподавать в 2011 году я начала вовсе не социологию. Случилось это так. В сентябре 2010 года мне позвонили из воронежского филиала одного из московских вузов и спросили, не имею ли я ничего против того, чтобы они включили меня в списки потенциальных преподавателей для согласования с Москвой. Я не была против и спросила, что от меня требуется. «Ничего, кроме Вашего согласия», — последовал ответ. Я согласилась и благополучно забыла об этом, так как в течение года они ко мне больше не обращались. Ровно через год мне от них позвонили, и состоялся такой разговор:

— Хотим Вам сообщить, что через две недели у Вас начинается курс лекций. Аудитория №..., часы занятий...

— Вы хотите сказать, что я у Вас работаю преподавателем?!

— Ну да, мы же Вам в прошлом году звонили...

— Звонили... А что мне нужно преподавать: вводный курс социологии, методы социологических исследований или историю социологии?

— Нет, социологию Вы вообще преподавать не будете... Вы будете преподавать новый курс: «Основы социального государства».

— ???

— Да Вы не беспокойтесь, это новый предмет, поэтому не только Вы, но и никто не знает, как его преподавать... Учите студентов тому, чему считаете нужным...

Что мне было делать? Благо оставалось две недели, а не два дня до начала моего нового курса лекций, и я в ближайшие выходные ринулась в Москву и засела на весь день в магазине «Библиоглобус» в поисках необходимого материала. Составлять учебный курс по ссылкам из Интернета мне не хотелось, потому что Интернет сегодня доступен любому студенту, а мне хотелось добыть то знание, которое ещё не стало расхожим. Поэтому я обратилась к свежим монографиям, диссертационным исследованиям, искала статьи на заданную тему... В общем, спустя две недели, я уже начала читать новый курс. Наслушавшись рассказов о том, какая у нас сегодня ленивая и циничная молодежь, я была приятно удивлена, когда на мои вопросы, обращенные к аудитории, по школьному дружно взметался вверх лес рук, когда студенты в своих докладах пытались спорить с авторитетами, когда сами подходили ко мне с вопросами о сущности «плана Бевереджа» (Великобритания) или о социальных реформах в Западной Германии Людвиг Эрхарда. Поскольку мои студенты — будущие чиновники, я обычно начинала свое занятие с предложения: «Давайте проверим, насколько вы близки к народу». Имея на руках данные свежих опросов по городу Воронежу, я предлагала им угадать, сколько процентов поддержки получила та или иная альтернатива ответа. Таким образом я знакомила будущих госслужащих с нюансами общественного мнения. Спустя год (в 2012 году) мне предложили присоединить к «Основам социального государства» курс «Социология», и я стала преподавать сразу два предмета. Когда начались экзамены по социологии (студентам нужно было отвечать на тесты в режиме online), я поняла, что даже отличные оценки по тестированию не гарантируют этим студентам прием на работу в такую организацию, как наша (ИОМ «Квалитас»). Требуемый министерством образова-

ния и отраженный в тестах объем знаний лишь по минимуму включал в себя теорию, методологию и методы социологических исследований. Для успешной работы социологом сегодня необходимо дополнительное образование даже студентам-отличникам. Спрашивается: почему бы не заложить нужное знание уже в процессе обучения, освободившись от некоторых устаревших положений, утративших свою актуальность?! Оказалось, что я не одинока в своей оценке программы курса «Социология», спущенной сверху. Это мнение разделяют не только руководители других региональных социологических центров, которым довелось преподавать социологию в вузах (Екатеринбург, Самара, Казань, Ростов-на Дону и др.), но и московские преподаватели (Высшая школа экономики). Мы решили объединить свои усилия в разработке нового профессионального стандарта для специальности «социолог».

Теперь мне осталось узнать у Вас о планах во всех Ваших делах: полстерских, исследовательских и преподавательских.

Полстерские планы: продолжать заниматься любимым делом — социологическими исследованиями, что позволяет «держать руку на пульсе» общества и предотвращать опасность безоглядного увлечения какими бы то ни было схоластическими теориями в социологии (даже очень симпатичными). Полстерство дает возможность теоретику не выпадать из социальной реальности, ликвидирует разрыв между теорией и практикой, вырабатывает некоторый инстинкт понимания своего народа, который не всегда вербализуется, но всегда имеется. Поэтому реакция общественного мнения на те или иные вызовы времени уже представляется логичной, даже если она расходится с мнением собственным. Вообще, с моей точки зрения, социолог-не-полстер — не вполне социолог. Он может быть назван социальным философом, социальным психологом — кем угодно, но не социологом. Исследователь общественного мнения (в том числе и в качестве интервьюера) — это одна из компетенций профессии «социолог». Иначе объект его исследований — чужие мысли о социальной реальности, а не сама социальная реальность.

Исследовательские планы: исследовать общественное мнение не только в региональном, но и во всероссийском масштабе. Продолжать разрабатывать заявленную в докторской диссертации теорию социокультурного механизма, отталкиваясь от реакции российской социальной реальности на вызовы времени. Точка бифуркации, в которой сегодня находится Россия, обнажает составляющие этого механизма, скрытые в эпоху относительной стабильности. Хотелось бы изучить действие составляющих социокультурного механизма в западных странах, чтобы провести соответствующие параллели. И ещё: более детально проработать систему передачи последующим поколениям образа власти и других аксиологических представлений, которые составляют сущность культуры и отличают один народ от другого. Построить универсальную модель условий их актуализации (воспроизведения).

Преподавательские планы: изменить сегодняшнюю программу подготовки социологов в российских вузах. С этой целью в рамках Ассоциации региональных исследовательских центров «Группа 7/89» создана рабочая группа, в задачи которой входит исследование требований к должности социолога в социологических центрах, разбросанных по городам и весям нашей страны, обобщение этих

требований на основании реальной (полученной с поля) картины и разработка нового профессионального стандарта, который мы собираемся предъявить на рассмотрение Министерству образования. Буквально вчера была закончена доработка анкеты, с помощью которой «Группа 7/89» будет проводить опрос в исследовательских социологических центрах. Не исключено, что завтра уже начнется опрос среди наших коллег на эту тему.

Интервью с Ириной Наумовной ТАРТАКОВСКОЙ

«Я ВДРУГ ОЩУТИЛА, ЧТО КАК БЫ ПОПАЛА ИЗ МИРА НЕОБХОДИМОСТИ В МИР СВОБОДЫ»

Тартаковская И. Н. – окончила исторический факультет Самарского государственного университета, старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат социологических наук. Основные области исследования: гендерная социология, экономическая социология, memory studies. Интервью состоялось в 2014 г.

Беседа с Ириной Тартаковской пролетела моментально: начали в последний день мая, а закончили самом начале августа. Когда я задумался о вопросе, с которого можно было бы начать нашу беседу, я не знал ничего о ее жизни, ее научных интересах, ее работе. Но именно в тот момент я вдруг вспомнил, что очень давно и недолго был знаком с ее отцом. И для меня многое упростилось...

Часто, когда задаешь коллеге вопрос, примерно представляешь его ответ, и это помогает видеть, предполагать, как интервью будет развиваться. В данном случае таких «отгадок» было мало. Почему? Во-первых, траектория жизни Ирины часто продолжалась не по одному из двух альтернативных путей, а вдруг «уходила» в неожиданное «третье» направление. Во-вторых, я только недавно начал изучать представителей пятого поколения советских/российских социологов (родившихся интервале 1959-1970 гг.), и многое в их жизни мне плохо знакомо. И я благодарен Ирине за то, что она многое прояснила мне и в своей жизни и в том, что происходит, не во всем этом поколении социологов, но в некоторой его значительной части.

И как нечто светлое, оптимистическое я воспринимаю завершение нашей беседы, Ирина привела одну из притч Геннадия Батыгина: «Когда подходит конец света, некоторые пускаются во все тяжкие. Другие плачут и молятся. Третьи осыпают врагов проклятиями... Но есть и те, кто продолжает работать. Когда находят такие, конец света не наступает». Ирина прокомментировала эти слова: «Мне очень хочется в это верить...». И мне тоже.

Тартаковская И. Н. : «Я вдруг ощутила, что как бы попала из мира необходимости в мир свободы»

Ира, как интересно сложилось... оказывается, в постперестроечные годы я был немного знаком с вашим отцом, Наумом Михайловичем Тартаковским... мы встречались в Ленинграде в Институте социально-экономических проблем АН СССР и в Куйбышеве, была какая-то конференция. Это везение для исторического исследования; в моей коллекции интервью есть беседы с В. А. Ядовым и его сыном Н. В. Ядовым, с А. Г. Здравомысловым и его дочерью Е. А. Здравомысловой. Только что завершилось интервью с А. Ф. Филипповым, он рассказал об отце Ф. Р. Филиппове. Пожалуйста, постарайтесь как можно обстоятельнее рассказать об отце... о его семье, о том, какие пути привели его в социологию, в каких областях, направлениях социологии он работал... все это крайне ценно для понимания прошлого и настоящего нашей науки.

Мой папа родился в Житомире в 1924 году, в семье служащих, как тогда принято было обозначать эту социальную группу. Был единственным ребенком в семье. В начале войны его семью, слава Б-гу, эвакуировали в Куйбышев. Дедушка по каким-то причинам не воевал – кажется, у него нашли туберкулез, он работал на оборонном заводе. Там же начал трудовой путь и мой отец, лет в 16. Я мало знаю о его детстве, он об этом периоде жизни особенно не рассказывал. После войны он поступил было в политехнический институт, но у него не очень получалось чертить: он был от природы левша, да и вообще не очень склонен был к техническим наукам. Поэтому после первого курса он перешел в педагогический институт, на исторический факультет.

Дедушка мой, Мануил Израилевич Тартаковский, в Самаре очень долго проработал в тресте «Спецстрой», занимавшимся проводкой коммуникаций, и дослужился там до относительно высокой позиции, хотя не имел высшего образования. Бабушка, Софья Соломоновна, работала бухгалтером.

Насколько я понимаю, папа в молодости вел светский образ жизни: у него было много друзей, веселые компании. Он всю жизнь был не просто очень общительным человеком, но прекрасным коммуникатором, в этом отношении мне до него далеко: перед ним буквально открывались все двери, на чистом обаянии... Я, например, не раз просила его купить мне билет на поезд, когда уже была студенткой: билеты в советское время были дефицитом, но он всегда мог «уболтать» кассирш, и ради него они снимали бронь... Он легко находил общий язык с людьми самых разных социальных слоев: среди его друзей, например, было много летчиков, так исторически сложилось, были, конечно, коллеги-преподаватели, но посидеть-выпить он вполне мог и с пролетариями, если имел с ними какие-то общие интересы типа ремонта квартиры... Пользовался также большим успехом у женщин любого возраста, включая моих подружек. Интересно, кстати, что друзья его юности до самого конца называли его не Наум, а Жора – это было его как бы имя для молодежных компаний, видимо, звучало более гламурно...

После пединститута, возможно, это было конец 40-х, он очень недолго проработал по распределению в деревенской школе (я даже не очень уверена здесь в своей памяти), но потом вернулся в Куйбышев и устроился учителем в вечер-

нюю школу — ему всегда было интереснее работать со взрослыми. Но просто так работать учителем было не для его темперамента, и он со временем поступил в аспиранту по педагогике в Ленинграде — сначала в заочную, а потом перевелся в очную. Его научным руководителем была профессор Диана Александровна Тонконогая, к сожалению, я не была с ней знакома (хотя физически в это время я уже существовала, и мы даже ездили с мамой в гости в Питер к отцу, когда он жил в аспирантском общежитии). Надо сказать, что с тех самых пор отец очень сильно ориентировался на Петербург и на петербургских ученых, именно там для него всегда был «гамбургский счет»...

Далее, скорее всего, в 1971 году, он защитил кандидатскую диссертацию по педагогике, она называлась «Формирование нравственных понятий у учащихся вечерней школы».

Моя мама, Людмила Николаевна Тартаковская, в девичестве Комиссарова, была второй женой отца, с первой он развелся. В первом браке у него был сын Александр, который потом стал военным. Я — единственный ребенок от его второго брака. Мама была инженер-нефтяник, и всю жизнь проработала в Самаре в Институте «Гипростокнефть» в лаборатории химии нефти, пока не вышла на пенсию.

... а Вы не знаете историю происхождения девичьей фамилии Вашей мамы — Комиссарова? В ней явно виден «дух времени»..

Вот чего не знаю, того не знаю. Мой дедушка Николай Максимович Комиссаров, отец матери, был профессиональным военным, в отставку вышел полковником. Но я о нем знаю совсем мало, во-первых, потому, что он умер в год моего рождения, а во-вторых, потому что с войны он к бабушке не вернулся — встретил где-то другую женщину, с которой и прожил всю оставшуюся жизнь, так и не оформив при этом развод. Происхождения его фамилии я поэтому не знаю, бабушка не очень охотно о нем рассказывала по понятным причинам. Знаю только, что он вроде бы был из Старой Руссы, из семьи квалифицированного рабочего. А про фамилию она ничего не говорила.

Извините, Ира, пожалуйста, продолжите Ваш рассказ об отце...

Отец был всегда заинтересован не столько в линейной карьере, сколько в каких-то изменениях, в новых вещах. Насколько я помню, он еще до защиты устроился преподавателем в политехнический институт — сначала, кажется, очень недолго проработал на кафедре истории КПСС. Конечно, он был членом КПСС, иначе на «общественную кафедру» было не устроиться, и потом перешел на кафедру философии, с которой и была связана практически вся его карьера. Свои последние занятия на этой кафедре он провел всего за три дня до смерти...

Ключевую роль в его дальнейшей профессиональной жизни сыграл тот факт, что этой самой кафедрой философии тогда заведовал ныне здравствующий Евгений Фомич Молевич — тогда молодой и блестящий общественвед, очень известный человек в нашем городе. При этой же кафедре, под руководством Е. Ф. Молевича, была создана в 1973 году первая не только в Куйбышеве, но и в Поволжье, социологическая лаборатория. Дату, опять же, так сразу не назову, но если нужно — мне есть у кого уточнить. В этой лаборатории, помимо отца, который сочетал научную деятельность с преподаванием, работали такие

известные сейчас ученые, как Будимир Гвидонович Тукумцев, Анна Семеновна Готлиб, и другие. Отца, я думаю, социология заинтересовала как всякое новое, интересное дело... Лаборатория занималась, насколько мне известно, в основном исследованиями в области социология труда, как и все подобные лаборатории: не то, чтобы это был самый увлекательный сюжет для всех социологов, но такие лаборатории получали внешнее финансирование в виде заказов, а источником таких заказов тогда были почти исключительно промышленные предприятия. В каковых в закрытом оборонном городе Куйбышеве недостатка не было...

В 1969 году в Куйбышеве был воссоздан университет, недолго просуществовавший там когда-то в послереволюционные годы. Практически сразу же Е. Ф. Молевич получил предложение возглавить там кафедру и открыть при ней социологическую лабораторию. Большинство сотрудников, включая Б. Г. Тукумцева, А. С. Готлиб, О. К. Самарцеву и других, перешли с ним в университет. Почему этого не сделал отец — я не знаю, то ли ему не предложили, то ли сам не захотел. Возможно, главную роль сыграло то, что он не был только работником НИС, как большинство других, но и работал еще доцентом на кафедре философии, и ему нравилась эта кафедра... Не знаю, мы никогда об этом не говорили. Но после «исхода» значительной части сотрудников во главе с руководителем, структура, оставшаяся в политехническом институте, «по наследству», досталась ему. И он руководил ей, опять-таки, до самой своей смерти.

Я не так уж хорошо знаю, чем именно они там занимались, то есть не до деталей — хотя я и унаследовала от отца профессию, профессионально мы, как ни странно, очень мало пересекались — я всегда хотела быть самостоятельной. Но насколько я помню, они продолжали делать исследования на разных промышленных предприятиях, плюс разные проекты в области социологии образования, которые, собственно говоря, и интересовали отца, потому что с методологией образования была связана и его диссертационная работа, к которой он серьезно относился. Потом, уже в 1990-е, он участвовал как исполнитель в нескольких проектах всероссийского значения, но я, опять-таки, не очень помню деталей. Более всего его интересовала тема профессиональной ориентации, прогноза потребности в кадрах — такого рода вещи. В 1990-е все социологи в провинции жили одинаково: выживали, искали любые заказы, включая самые что ни на есть коммерческие, типа маркетинга. Этим же занималась и лаборатория отца. Основными научными сотрудниками там были Татьяна Петина и Татьяна Андреева. Это были профессиональные дамы, но не имевшие особых амбиций, так что особого потенциала развития там, по-моему, не было. Заказы приносил отец, пользуясь своими многочисленными связями, которые потихоньку истощались... Тем не менее, лаборатория в политехническом институте, который в 1990-е, естественно, переименовали в технический университет, продолжала существовать, но, видимо, уже чисто на его авторитете. Сужу по тому, что ее закрыли практически сразу после его смерти.

Отец не был по своему складу серьезным ученым, создающим тренды... Скорее, он был грамотным, увлеченным практиком. Наука социология занимала в его жизни свое определенное место наряду с преподаванием, общением, другими сторонами жизни... У него был при этом ясный, ироничный ум, хорошие способности к генерализациям. Но он не стремился, например, написать докторскую диссертацию или монографию — скорее, ему важно было, чтобы

ему было интересно, и чтобы в его жизни была некоторая гармония между профессиональной и непрофессиональной сферами — в тех терминах, в которых он сам ее понимал.

Умер он внезапно, буквально за три дня — тромб закупорил жизненно важную артерию. Еще в понедельник он проводил занятия, а в воскресенье мы его похоронили... Это случилось 22 сентября 2001 г., практически сразу после известных событий 11 сентября. Поэтому можно сказать, что он ушел вместе со своей эпохой, с XX веком.

Если можно, опишите социальную, политическую, культурную атмосферу Куйбышева в 60-первой половине 80-х годов, когда проходила первичная социализация и ранняя молодость... похоже, что «голодный», но очень интеллигентный город... так?

Ну, про 60-е я по объективным причинам мало что могу сказать. Мое сознательное восприятие социальной жизни начинается все-таки где-то со второй половины 1970-х. Был ли Куйбышев голодным, но интеллигентным городом? Голодным уж точно был. В силу каких-то причин, снабжение горожан продуктами первой необходимости было в Куйбышеве просто отвратительным, из больших советских городов — а это был уже в те годы город-миллионник — наверное, одним из худших. Добывание любой пищи было сопряжено с огромными проблемами, очередями и т.п. Прекрасно помню, как выйдя из школы, наблюдала около ближайшего гастронома огромную очередь, растянувшуюся на квартал — «выкинули», как тогда говорили, всего лишь навсего сливочное масло — один из многочисленных предметов дефицита. Поэтому бытовой советской ностальгии я никогда в жизни не понимала и не смогу понять — мой личный опыт к этому совершенно не располагает. Самым привлекательным «туристическим» маршрутом для горожан был однодневный выезд в Москву фирменным поездом «Жигули»: он выезжал вечером и возвращался на следующее утро — таким образом, можно было провести день в Москве, ночуя уже в поезде и не нуждаясь в гостинице. Это был шоп-тур: куйбышевцы, преимущественно, конечно, женского пола ехали в Москву за всеми возможными товарами, но особенно за элементарными продуктами — мясом, колбасой, сосисками, сыром: всего этого в Куйбышеве не продавали. Был даже такой анекдот-загадка про этот поезд: «Длинное, зеленое, колбасой пахнет...» Моя мама, кажется, тоже ездила раз или два, но в целом нам было лучше, потому что были дальние родственники в Москве. Посылок с продуктами они нам не слали, конечно, но можно было периодически ездить в гости, и заодно «затариваться». Возвращение из поездки в Москву, по какой надобности ты бы не ездил, обязательно предполагало возвращение с огромными тяжеленными авоськами...

Вероятно, по этой причине перестройку у нас в городе поддержали потом очень бурно, и первое время мы лидировали по человеко-выходам на митинги...

Был ли город при этом интеллигентным? В какой-то степени был — там было много вузов, был популярный у горожан драмтеатр (хотя среди «продвинутой» части интеллигенции было принято в его адрес брезгливо морщиться — тогда не говорили еще слово «попса», но смысл был именно этот). Был отличнейший киноклуб, в котором я пересмотрела все, что можно, чего никогда не было в прокате — фильмы давали и из посольств, и из Гете-института, и из других

важных источников советской культуры. Но стоит принять во внимание, что в подавляющем большинстве это была именно техническая интеллигенция, и это говорило о многом. Куйбышев был закрытым городом и одним из крупнейших центров советской «оборонки». Это был единственный город, в котором размещался полный цикл авиационного производства: от специального «летнего» металла до двигателей и окончательной сборки. Знаменитую систему «Буран»-«Энергия», отвечавшую за связь с космическими станциями, также делали у нас. Как и сами станции, собственно, равно и космические ракеты... Один образец такой ракеты у нас сейчас поставлен на городском проспекте в качестве музея, очень любопытно.

Соответственно, система подготовки кадров тоже была в первую очередь нацелена на нужды этой самой военно-авиационно-космической промышленности. Ну, и «нефтянки» тоже: в Куйбышевской области (все время пишу сначала «Самара», «самарской» - потом исправляю. Название Куйбышев было всегда очень непопулярно, «нормальные люди» всегда употребляли слово Самара) было и есть несколько нефтеперерабатывающих предприятий и куча институтов, обслуживавших нефтяную промышленность. В одном из них и работала мама. А главным учебным заведением в городе был Авиационный институт, сейчас он называется Аэрокосмический, а в зарубежной прессе его попросту именовали Rocket Colledge. Еще был (и остается) очень крупный медицинский институт, тоже очень престижный – в него сложнее всего было поступить, он считался хорошим, и там были свои научные школы союзного значения....

Таким образом, интеллигенции было много, но в основном это были технари, любители бардовской песни и тому подобных развлечений. И это не были классические «физики» 60-х, потому что все-таки по преимуществу были они не учеными, а инженерами, а это гораздо более ограниченный склад мышления. Думаю, поэтому никаких серьезных культурных феноменов в нашей Самаре в позднесоветские, да и в послесоветские годы так и не возникло, в отличие, например, от Екатеринбурга или Новосибирска. Самым известным такого типа мероприятием в Самаре был так называемый Грушинский фестиваль – не знаю, слышали вы о таком или нет. Это был масштабный фестиваль авторской песни, проходивший недалеко от Самары, на Майстрюковых озерах, туда съезжались участники со всей стороны.

Папа мой к бардовскому движению относился скептически, я же, будучи студенткой, ходила все-таки в университетский Клуб самодеятельной песни – в свое оправдание могу только сказать, что мы там не столько пели, сколько болтали на разные темы, и еще пытались поставить некий спектакль романтического содержания на слова одного из участников. Ключевой фигурой в этом нашем КСП, кстати, был Дима Муратов – ныне пулитцеровский лауреат, создатель и главный редактор «Новой газеты». Так что неплохая была компания, в общем-то.

Киноклуб «Ракурс» был очень важен – кстати, он существует до сих пор. Там не только показывали абсолютно недостижимые фильмы, иногда даже с эротикой, но и читали лекции, проводили обсуждения и т.п. Вот там действительно собирались «лучшие люди», я старалась показов вообще не пропускать, насколько это было возможно. Но это было все-таки больше уже для людей моего поколения.

Еще один любопытный феномен, гораздо более камерный — это «Самарская Beatles-Ассоциация». Это группа граждан, которая с незапамятных позднесоветских времен собиралась в заброшенном помещении на окраине города, и исполняла и слушала исключительно песни Beatles. Здесь интересна протяженность — на «битлятник», как его называли, до сих пор собираются не только седовласые хиппари, но и их взрослые дети, и едва ли не внуки. В постсоветские времена они стали устраивать большой открытый концерт в сентябре, уже в центре города — и это очень популярное мероприятие до сих пор. Есть в нем что-то невероятно трогательное... Но в позднесоветские времена это был, конечно, узкий круг хиппи местного разлива и приближенных к ним лиц.

Вот такая примерно была у нас атмосфера...

Давайте теперь прочертим в этом пространстве, явно — не бедном, траекторию Вашей жизни. Как Вам вспоминается школа? Как учились? Ваши одноклассники? Интересы, планы?

Моя школа мне дала достаточно много... Дело в том, что по настоянию как раз отца, меня устроили практически в лучшую школу в городе — это была школа № 11, одна из двух имевшихся тогда в Самаре (Я все-таки буду писать «Самара». Ну, как-то нет этого «Куйбышев» в моем словаре, и никогда особо не было) «английских школ». Она находилась, и по сей день находится, в центре Самары, около центральной площади Куйбышева. Мы жили относительно недалеко, в нескольких кварталах, пока не переехали, я ходила в школу пешком.

Это действительно было очень неплохая школа. Во-первых, конечно, английский язык там преподавали со второго класса, и это дало мне прекрасную языковую базу на всю жизнь (хотя сейчас, увы, не могу сказать, что говорю и пишу по-английски свободно — сказывается редкая практика). Во-вторых, там вообще были хорошие учителя, и довольно требовательные. Для нашего выпуска, например, все старшие классы главным предметом был отнюдь не английский, а вовсе даже физика, причем независимо от того, кто куда собирался поступать. Просто учителем физики был харизматичный молодой педагог, мимо которого никак нельзя было на «стриженной козе проехать» - чтобы получить хотя бы четверку, надо было очень-очень много заниматься. Ему я тоже, в частности, очень благодарна: хотя физику я быстро забыла как страшный сон после окончания школы, он дал нам всем прекрасное представление о том, что значит по-настоящему работать над материалом. И этот навык был потом не менее важен, чем приличный уровень знания английского.

В этой школе, собственно, учились дети практически всей городской элиты: на класс старше, например, дочка ректора университета, и т.п. Это, конечно, влияло на атмосферу в школе, но не скажу, что каким-то особо пагубным образом. Разумеется, было ясно, что есть такие дети, у которых все дороги в жизни открыты, а другим придется побороться, но это воспринималось, скорее, как данность, чем как несправедливость. Учителя в этом отношении соблюдали приличия, и не делали каких-то особых различий между детьми начальства и обычными отпрысками городской интеллигенции, к которым и я относилась. Сами они тоже держались незаносчиво, и популярность того или ребенка в школьном

коллективе определялась все же не статусом его или ее родителей, а почти исключительно личными качествами. Но вот детей из семей рабочего класса в нашей школе не было вообще...

Требования к учебе были достаточно высокими, поэтому многие из школы уходили, особенно в старших классах — это называлась «уйти сделать аттестат», потому что было понимание, что после нашей школы в любой другой оценки будут выше, просто потому, что там будет ниже планка. Так, к примеру, на пике численности в нашем классе было 43 человека, и даже не хватало парт: на географии, например, я сидела за партой втроем, вместе с двумя своими подружками. На момент же окончания в классе оставалось всего 27 человек. Такой был отсев...

Училась я неплохо, но надо признать, без особого энтузиазма. Меня угнетал сам дисциплинарный порядок школы, не то, чтобы очень строгий, но все же регламентировавший большую часть жизни. И на дом задавали немало... До пятого класса я была круглой отличницей, а потом моя семья переехала на новую квартиру. Мне было 11,5 лет, и там у меня появилась со временем уже подростковая компания, какие-то интересы помимо учебы... В общем, я ощутимо съехала, и большинство оценок были уже четверки (правда, ниже этой оценки я опускаться все же считала для себя недопустимым). Надо сказать, что тогда, как и сейчас, я, в общем-то, была лишена амбиций, связанных с формальным признанием — быть отличницей не было для меня ценностью, я больше руководствовалась соображениями «интересно — неинтересно». Потом появился своего рода «минималистский прагматизм»: получить золотую медаль все-таки было довольно сложно, для этого надо было иметь все отличные оценки уже в девятом классе, предшествующем выпускному. Следующей ступенью, важной для поступления в вуз, был так называемый «5-балльный аттестат»: если вы помните, тогда система была такая, что при поступлении к оценкам, полученным на экзаменах, прибавлялся средний балл аттестата. Для того чтобы он округлялся до пятерки, можно было иметь в аттестате не более четырех четверок. Я в итоге закончила с двумя.

Класс наш был не особенно дружный. У меня была одна близкая подруга (было две, но вторая ушла после восьмого), и один приятель, с остальными одноклассниками отношения были хорошие, но не близкие. Я тогда увлекалась художественной самодеятельностью, в частности, мы с подругой целиком написали сценарий капустника по поводу последнего звонка: в нашей школе это был очень важный акт, практически визитная карточка класса, по которой его потом будут вспоминать. После выпускного вечера у меня как-то не было, тем не менее, особой мотивации общаться с одноклассниками, кроме нескольких близких друзей, и еще тех, кто потом тоже учился в университете, и с кем мы пересекались в любом случае. На вечера встречи я ни разу не ходила, хотя вспоминаю своих одноклассников, в общем-то, тепло. Но очень редко...

Выбор будущей профессии, т.е. для начала, образовательной институции дался мне очень нелегко. Интересно, кстати, что я делала его полностью сама, с родителями не советовалась вовсе, и они относились к этому как к чему-то совершенно естественному: мне жить. Я очень любила животных всю жизнь, поэтому в средних классах у меня возникали мысли сначала о ветеринарии (но

такое образование было сложно получить, точнее, оно было ориентировано на лечение разных сельхозживотных, что, по понятным причинам, как-то меня не очень привлекало), потом о биологическом факультете.

В восьмом классе мы с подружкой, разделявшей мои вкусы и стремления, вместе записались в вечернюю биологическую школу при университете, и где-то год я туда ходила раз или два в неделю. Но потом я почувствовала, что гуманитарные предметы мне все-таки ближе, хотя и с биологией все получалось неплохо — я занимала призовые места на городских и районных олимпиадах, и все такое.

Дальше начались мучительные раздумья о том, к какой именно гуманитарной дисциплине мне прислониться. Социологию как таковую я при этом не рассматривала, потому что формального социологического образования в стране тогда еще не было. Я прикидывала насчет философского, но в Самаре такого факультета не было, а ехать в другой город я как-то не решалась: считала, что если ехать, то уж в какой-нибудь супер-вуз, в Москву или в Питер, а в такие места поступить нереально даже и с медалью. У меня же и медали-то не было.

Далее, я решала «от противного». Надо сказать, что у меня уже тогда явно проявлялась одна гадкая черта, которую я с тех пор пронесла через всю жизнь: я терпеть не могу преподавать. Ясно было при этом, что избежать этого наказания полностью с гуманитарной специальностью невозможно, оставалось придумать, как бы это минимизировать, и хотя бы в будущем попасть в вуз, а не в школу. Преподавание в школе, даже временное, как вариант карьеры мне казалось полным адом, чем-то таким, чего любой ценой надо было попытаться избежать. И это была серьезная тема, потому что тогда же было распределение, и подавляющее большинство гуманитарных (да и не только) выпускников даже университета насильственно направлялись в сельские школы, где надо было отработать целых три года! Я уже в школе была в курсе этой системы и учитывала ее в своих планах. Таким образом, после долгих сомнений, я решила, что исторический факультет все же в этом смысле перспективнее, чем любая филология — просто потому, что для историков мест в вузах было гораздо больше, пусть на противных общественных кафедрах, но все-таки не в школе!

Ну, и потом — было у меня и знание о том, что есть ведь на свете такие социологические лаборатории, где люди вообще нигде не преподают! Эта мысль казалась мне очень занятной, но все-таки главным мотивом выбора исторического факультета была любовь к истории как таковой. В старших классах я очень увлекалась декабристами, собирала про них разные материалы, читала соответствующие книги. Здесь на меня сильно повлиял Натан Эйдельман, блестящий популяризатор истории. В общем, я решила, что хочу заниматься чем-нибудь таким... Наукой, во всяком случае, точно наукой.

Был у меня, правда, в школе еще такой сюжет. У нас при школе было что-то вроде любительской киностудии, и ее руководитель неплохо владел камерой, снимая разные документальные сюжеты из самарской жизни. В какой-то момент я стала с ним сотрудничать: не то, чтобы я писала прямо уж сценарии — он, скорее, сам решал, что нужно снять, а я писала сопроводительный закадровый текст. Эта наша деятельность оказалось успешной, опять-таки, наш фильм победил на каком-то там конкурсе, меня по этому поводу пригласили выступить на местное телевидение. А потом даже предлагали от Самарской студии кинохроники целевое направление во ВГИК, на отделение кинодокументалистики. Наверное,

это был хороший вариант, и соблазн был велик... Но придирчиво к себе приглядевшись, я решила, что настоящего таланта у меня все же нет, а режиссеру, хоть и документалисту, следует быть великим. Невеликие режиссеры работали как раз на самарской кинохронике и снимали журналы, которые показывали тогда перед сеансами кино насильно — хлеба там колосились, комбайны ездили, станки гудели. Это было невероятное убожество, снимать такое я не хотела. А что все может быть и по-другому, как-то мне никто тогда не объяснил — не знаю уж, к добру или к худу. Потом неигровое кино еще периодически возникало в моей жизни в качестве сквозного сюжета, но как творческий деятель я не состоялась... И стала готовиться к экзаменам на исторический факультет университет, тем более, что туда тоже было поступить очень и очень трудно.

Вы поступили с первого захода? Не разочаровались в истории как предмете? Какие направления, области истории Вам были наиболее интересны? Как в целом протекала студенческая жизнь?

С поступлением все получилось в итоге не особенно удачно: я не добрала полбалла до проходного. Это было очень обидно, тем более что из нашего класса в итоге на этот факультет поступало четыре человека, и все, кроме меня прошли. Все они учились хуже меня, причем я хорошо знала их сильные и слабые места, и все они были из высокопоставленных, элитных семей, что, несомненно, сыграло свою роль. Одна из них сдавала экзамен по литературе за несколько человек передо мной, и я слышала ее ответ, который прервали предложением так на пятом, поставив отличную оценку. Я же именно за этот экзамен получила трояк, что было довольно смешно, потому что за всю предыдущую жизнь я никогда не получала по литературе вообще никаких отметок, кроме пятерок. Короче говоря, это был такой небольшой, но наглядный урок *real life* — впрочем, в том, что она устроена именно так, я к этому возрасту уже не сомневалась. Это был очень болезненный опыт, хотя сейчас я довольна тем, что жизнь сложилась так, как сложилась.

Поскольку не хватало всего полбалла, некоторое время я была в «подвешенном состоянии»: якобы существовала вероятность, что меня возьмут кандидатом, был тогда такой статус, мало отличавшийся от собственно студенческого — по итогам первой сессии кандидатов обычно зачисляли. И в этой связи в приемной комиссии мне предложили переложить документы на заочное отделение — как бы просто для того, чтобы они были под рукой. В итоге получилось, что кандидатом, опять-таки, взяли другую девушку (про которую мне в приемной комиссии многозначительно сказали, что у нее во время экзаменов родители погибли в автомобильной катастрофе — я ужаснулась и сказала «конечно-конечно», впрочем, как потом выяснилось, это тоже было неправдой), а меня зачислили на заочное, потому что для заочного отделения этот балл был проходной. Я была в растерянности, потому что ни на каком заочном учиться не собиралась, и возможность такую не рассматривала.

Но тут мне посоветовали сходить на прием к ректору. Его фамилия была Рябов, и это был очень влиятельный в городе человек, много сделавший для университета — вскоре после этого он переехал в Москву и стал ректором Академии госуправления. Он был со мной приветлив, но сказал странную фразу — «в этот год мы старались брать побольше мальчиков» — типа, в этом все и дело. Я, кстати,

тогда восприняла это не как вопиющую гендерную дискриминацию, а как некую объективную политическую реальность — ну что ж, раз мальчиков, тогда, конечно, о чем разговор. Но далее он мне сказал, что я смогу перевестись с заочного на дневное уже на первом курсе — типа, это не проблема, а пока поучись так... Что ж, я решила, что так и придется сделать.

Надо было устраиваться на работу — таковы были правила обучения на заочном (вечернего отделения на этом факультете не было), мне нужно было принести справку с работы. Я устроилась лаборанткой в Политехнический институт, где работал отец — но не к нему на кафедру, и даже не поблизости, а в лабораторию химии и физики полимеров. Просто там была вакансия, о которой я знала от отца... И год я проработала химиком, помогая проводить лабораторные работы. Это было довольно занятно, я дружила со студентами, но в целом, конечно, это было случайное место для меня. Единственным смыслом моего пребывания там оказалось то, что там я встретила одну свою близкую подругу, с которой дружу до сих пор.

Параллельно я училась на заочном — это было не так просто, особенно тяжело было готовиться к экзаменам, которые в сессию шли буквально через день, так что спать вообще не получалось. Я с первой же сессии, после всего пережитого, стала круглой отличницей, и за все шесть лет обучения никаких оценок, кроме отличных, в моей зачетке никогда не было. После первой сессии, тем не менее, перевестись на дневное отделение было нельзя — просто не переводили посреди курса, надо было ждать конца учебного года. Но к этому времени мое настроение уже изменилось.

Познакомившись с порядками на факультете и вообще в научной исторической жизни — этому способствовали романтические отношения, которые у меня возникли с одним из молодых преподавателей университета, который и разъяснил мне, что там к чему — я пришла к выводу, что ничего мне там на этом дневном отделении не светит. Дойду до выпускного курса, и при распределении повторится та же самая картина, что и при поступлении — будет одно или два места на курс в вузы города, и я даже сейчас уже понимаю, кто их займет, независимо от успехов в учебе. Для меня же будет высокий риск пресловутого распределения в сельскую школу, либо надо кровь из носу выходить замуж к последнему курсу — а мне не очень-то хотелось так это все взаимообуславливать... Ну, и самое главное, что я успела понять, что история — это архивы, а все интересные архивы находятся в Москве, это предполагает московскую аспирантуру, куда поступить из провинции вообще нереально, там конкурс своих родных московских выпускников, ну, и вообще...

В Самаре же можно заниматься изучением колонизации Среднего Поволжья, это еще самый пристойный сюжет, а то и развитием местной промышленности в той или иной пятилетке. Сейчас я понимаю, что мой тогдашний бойфренд несколько сгущал краски, но таков уж был его взгляд на жизнь — мрачноватый и довольно циничный. Это способствовало тому, что мы быстро расстались, но вот нарисованная им картина научно-административной жизни показалась мне довольно правдоподобной.

И вот тогда я уже более решительно обратила внимание на социологию. Долго колебалась все же после летней сессии, переводиться на дневное или нет, и ректор призывал писать соответствующее заявление, но тут освободилось место

лаборантки в лаборатории Тукумцева. И я решила, что это знак свыше — пойду туда работать, научусь всему с самых элементарных, технических вещей, как ремеслу, и стану в итоге социологом, раз с историей все так сложно. И останусь на заочном, и не будет у меня никакого распределения.

Так я и сделала, так что особой студенческой жизни у меня не было — это роскошь не для заочников. История мне все равно очень нравилась, и училась я с удовольствием — точнее, училась бы с удовольствием, если бы не надо было это совмещать с full-time работой.

Я много печатала на машинке, потом появились более содержательные задания...Продолжала быть упорной отличницей, так что, когда пришло время выбирать кафедру для специализации, случился даже небольшой конфликт — я хотела пойти на свою родную кафедру, увы, носившую infamous name — как это по-русски? - научного коммунизма, при которой была лаборатория, а на меня как на дипломницу при этом претендовало еще целых два профессора-историка, так что пришлось немножко отбиваться. Но в итоге я настояла на своем, и дипломную работу писала по социологии (под маркой научного коммунизма). Называлась она, как сейчас помню, «Профессиональная направленность студентов университета» - у нас было исследование на эту тему, я имела доступ к данным. С этим дипломом была такая история, что по его мотивам я написала работу на конкурс студенческих научных работ, и пройдя ряд уровней, эта работа в итоге получила первое место аж на Всесоюзном конкурсе студенческих работ по общественным наукам — впрочем, там почему-то было не одно первое место, а несколько, штук 5, что ли... Все равно, это было, конечно, достижение — видимо, к социологии там еще не привыкли, и работа с эмпирическим материалом кому-то показалась «свежей волной». У меня там, тем более, на количественном анализе доказывалось, что чем дольше студенты учатся, тем меньше понимают, чем они будут заниматься — это был, по тем временам, нетривиальный вывод.

Не было бы счастья... получается, что на момент окончания университета у Вас был «красный» диплом историка и солидный тренинг в области прикладной социологии. Очень хорошее сочетание. Вы продолжали работу в социологической лаборатории? Искали возможности для поступления в аспирантуру? Возможно, открылись еще и другие перспективы...

В том-то и дело, что открылись... Конечно, я очень хотела поступить в аспирантуру, но сразу после окончания университета мне никто ничего такого на родной кафедре не предложил: возможно, там просто было не мест. В те годы, хотя начиналась уже перестройка (я закончила вуз в 1987 году), аспирантура еще считалась труднодостижимой возможностью для избранных... Были еще какие-то правила, которых я уже сейчас не помню, согласно которым сразу после вуза поступать не поощрялось, надо было отработать два года. Поэтому все, что я могла бы сделать после выпуска, это перейти с должности лаборанта на должность... инженера! Такое уж было штатное расписание в Научно-исследовательском секторе, независимо от специальности: между лаборантом и младшим научным сотрудником, для которого еще надо было дослужиться,

была некая промежуточная должность под названием «инженер», это была как бы следующая закономерная ступенька. Но к этому моменту у меня стали возникать определенные сомнения по поводу того, стоит ли мне оставаться в лаборатории...

У меня было понимание того, что не очень-то хорошо оставаться работать там же, где учился: будет очень сильная инерция несерьезного восприятия тебя как «вечной школьницы». А мне уже хотелось быть взрослой... Плюс у меня случился, что называется, на ровном месте конфликт с моей научной руководительницей, которая работала в той же лаборатории. Перед защитой диплома я попросила ее подписать рекомендацию в аспирантуру для меня и моего однокурсника, который тоже писал диплом по социологии, у нее же. В общем-то, это была совсем никого ни к чему не обязывающая бумажка: просто ее зачитывали на защите в качестве некоего доброго пожелания, никаких прав на поступление она сама по себе не давала, но считалось, что лучше ее иметь, чем не иметь. Кажется, это как раз было связано с гипотетической возможностью поступать в аспирантуру сразу после вуза, но я сейчас не уверена... Моей научной руководительнице, тем не менее, показалось, видимо, что это очень важный документ, и то, что я сама об этом прошу — да еще и не только за себя, а за своего приятеля! — очень нескромный и даже нахальный жест. Что она мне и высказала... Мне было очень обидно, и ее реакция по сей день кажется мне неадекватной. Мы помирились потом, но, что называется, осадок остался... И это повлияло на мое общее ощущение атмосферы в лаборатории, хотя, в общем-то, это был совсем нетипичный случай, скорее, недоразумение.

Не то, чтобы я стала после этого искать другую работу, но вышло так, что мне ее предложили... Одна из сотрудниц лаборатории в качестве личного side-проект консультировала работников одного учреждения, которое называлось, насколько я помню, Научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительской работы. Это было автономная организация при Управлении культуры, и, в соответствии с тогдашней модой, там был создан отдел социологии — с нуля, без опыта работы и сотрудников. И там была вакансия с гордым названием «старший научный сотрудник» - конечно, она только по названию соответствовала академической табели о рангах, потому что сама контора была ни разу не научной, но зарплату там сразу предлагали вполне приличную. Цифры я даже примерно помню, чтобы было понятно: как лаборант, я получала сто рублей. Как инженер, кажется, могла претендовать на 120-140, что-то в этом роде... Там мне сразу предложили 160. Моя старшая коллега, в частности, помогала им в подборе сотрудников, и рекомендовала меня на эту позицию. Побеседовав с директором, я выяснила, что они мне также охотно готовы дать через положенные по правилам два года рекомендацию в аспирантуру при своем профильном НИИ культурологии, социологическая специальность там есть... И я приняла это предложение.

Конечно, это была полная авантюра. Предполагаемый отдел социологии должен был состоять из трех человек: начальника, старшего и младшего научных сотрудников. Начальником там состояла приятная молодая женщина в последнем градусе беременности. Таким образом, мне предстояло для начала возглавить это мощное научное подразделение на время ее декретного отпуска... из которого, скажу сразу, она так никогда и не вернулась, родив сразу и второго ребеночка и утратив постепенно связь с бывшим местом работы. Но я, тем не

менее, решила двигаться вперед, наняла себе по рекомендации единственного своего подчиненного — приятного молодого человека с того же факультета, но на курс старше, только что вернувшегося из армии, и бодро вступила в один из самых странных и увлекательных периодов своей жизни. Меня укрепляла мысль, что проблемы культуры меня всегда очень интересовали...

В итоге я обнаружила себя в очень странной организации. В обязанности ее, в общем-то, входила методическая поддержка сельских клубов — именно сельских, потому что городские принадлежали не управлению культуры, а различным отраслевым профсоюзам. Но в то время, когда я туда пришла, во всю уже разворачивалась перестройка, и это гипотетически означало поиск каких-то новых форм работы — не только с клубами, но и вообще в области культуры, досуга, развлечений... На мой взгляд внешнего по отношению к этой системе человека, особого смысла в существовании этой структуры не было вообще. После первых пары месяцев работы у меня возникло даже желание попроситься обратно в университетскую лабораторию, потому что для меня, пришедшей из мира науки, стало очевидным, что тут никакой наукой и не пахло... Помню, что я как раз встретила в эти дни на какой-то конференции с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, и подумала, не стоит ли ему сказать прямо сейчас о своем желании вернуться обратно — я ведь уходила мирно, без всяких конфликтов, оставшись со всеми в хороших отношениях. Но как-то не стала, а потом и желание такое прошло...

Я вдруг ощутила, что как бы попала из мира необходимости в мир свободы. Всю предыдущую жизнь я существовала в довольно жестких рамках: в школе надо было много заниматься и думать о поступлении в вуз, в вузе готовиться к сессиям и писать эссе, на работе не опаздывать, сидеть полный рабочий день, делать массу бюрократических вещей, строить отношения со старшими коллегами, и т. д. и т. п. Тут же я впервые в жизни попала в ситуацию, когда я могла ставить себе задачи сама. Никаких идей по поводу того, что должен делать отдел социологии, у руководства не было, их просто создали в каждой области нашей великой страны в бюрократическом порядке. Я предложила неуверенно поизучать, что ли, культурные запросы сельских жителей, эта идея была встречена благосклонно. Сделала некий опросник, организовала поле силами тех же клубных работников, написала отчет. Он, опять-таки, был принят благосклонно, но никого ничем не заинтересовал: работники культуры, а особенно их бюрократическое руководство были вполне самостоятельны, и тоже сами решали, что им делать. Что ж, в этом была своя прелесть... Обстановка в организации была самая что ни на есть либеральная: приходиться на работу можно было во сколько угодно, впрочем, можно было и вовсе не приходиться в какие-то дни, сказав, например, что нужно поработать в библиотеке. Офис, говоря современным языком, был у нас при этом в самом центре старого города, у меня был не то, что бы свой кабинет, но комната, предназначенная для нашего отдела из двух человек. Далее, выяснилось, что помимо традиционных клубных методистов, в конторе этой работают весьма симпатичные молодые люди с творческими наклонностями, рассматривая ее, как своего рода синектуру, убежище от окружающего мира... Именно этим она и была. И я решила, что тут, в спокойной обстановке, я, пожалуй, попробую

заняться своей личной научной карьерой — тем более, что аспирантура была вполне реальной: в положенный срок мне дали направление, я сдала соответствующие экзамены и стала аспиранткой. Но это отдельный сюжет.

Какое-то время я уделяла работе над диссертацией, какое-то — сочинению небольших исследований в области культурной жизни. На фоне остальных работников этой организации я еще выглядела труженицей, потому что на столе у меня вечно лежала стопка анкет, которые я вручную обрабатывала — это ведь была еще докомпьютерная эпоха. Но основное время рабочего дня занимало светское общение с моими новыми друзьями... Благодаря прекрасному расположению и общей свободе нравов, наша контора — точнее, ее отдельные подразделения, особенно мой отдел и редакторский — играла роль своего рода светского салона. К нам беспрерывно заходили какие-то гости, пили чай или кофе, обсуждали новости... В основном это были разного рода богемные персонажи — режиссеры и актеры альтернативных театров, журналисты, литераторы: такой уж круг знакомых был в нашей «культурной среде». Вот тогда у меня и наступила та самая «студенческая жизнь», которой я была лишена в собственно студенческие годы, только все было еще интереснее, потому что мы были уже «взрослыми», и люди нас окружали куда более интересные, чем какие-то там однокурсники. Что мы там только не вытворяли: от делания коллажей до писания пьес, креатив из нас просто пер, если можно так выразиться...

А по ходу происходили разные важные политические события, которые тоже не оставляли нас, конечно, безучастными. Когда случился первый съезд народных депутатов, один из моих коллег принес из дома телевизор, и мы почти беспрерывно смотрели трансляцию, переполняясь эмоциями. Несколько раз отправляли коллективные телеграммы с поддержками или протестами, в зависимости от текущего момента... Там же мы встретили и путч 91-го года. Уже 20 августа мы с коллегой, как революционные матросы, практически отобрали у нашего зам.директора ключ от комнаты с ксероксом и размножили листовки с указом Ельцина, текст которого уже не помню каким образом достали.

Это был очень важный период моей жизни, в который я, видимо, и сформировалась окончательно как личность, с теми ценностями и привычками, которые остались у меня по сей день... Я поняла, что в жизни есть не только наука и не только карьера, а много еще важных и интересных вещей. Тогда у меня вообще возник определенный соблазн уйти из профессии: я очень много читала тогда — мы все много читали, начали ведь публиковать все-все запрещенные тексты. Читалась не только беллетристика, но и публицистика, философские работы, все подряд... Но художественная литература все же была интереснее всего, собственно, так всю жизнь, наверное, для меня и было. Я читала и немало литературоведческих текстов, круг моих друзей в основном состоял из филологов и даже литераторов — уже далеко не только самарских. В какой-то момент моя подруга, доцент филологии, предложила мне написать вместе статью о творчестве Василия Аксенова. Дело в том, что Аксенова очень любил наш тогдашний мэр Олег Сысуев, и по его инициативе проводились в Самаре Аксеновские чтения, на которые приезжал сам Василий Павлович. Мне было интересно попробовать, и мы написали с ней вместе довольно лихой текст под названием

«Эротические мотивы в романе «Ожог» - примерно так наша статья называлась, насколько я помню. Этот доклад и был прочитан пред лицом Василия Павловича, и, кажется, слегка вогнал в его краску.

Далее — уже в 92-м году, в Самаре был создан группой преподавателей-энтузиастов первый негосударственный вуз — Самарская гуманитарная академия. Там был и филологический факультет, куда меня пригласили прочесть курс по современной русской литературе, поскольку специалистов по ней особо не было, а я к тому моменту уже неплохо в ней разбиралась, и была, так сказать, рекомендована. Курс я читала только один семестр, но уже кто-то и специализироваться у меня хотел, короче говоря, от моего перепрофилирования в филологи оставался один шаг... Который я все же решила не делать.

Параллельно я все-таки писала свою диссертацию, ходила на семинары в социологическую лабораторию пединститута, с сотрудниками которой дружила, и мне было жалко оставлять свою науку и окончательно мутировать в квази-богему.

Потом... по поводу своей работы — точнее было бы сказать, своего пребывания в этой конторе, называвшейся аббревиатурой ОНМЦ, у меня стало возникать странное, некомфортное чувство. Я как будто куда-то прыгнула — и зависла в воздухе. Это, безусловно, давало чувство свободы, чувство полета, но... так долго висеть в воздухе было странно, это был уже не полет, а черт знает что, «апофеоз беспочвенности» какой-то — Шестова мы все, конечно, тоже запоем читали, кстати, он единственный остался в итоге у меня от всей этой русской философии серебряного века, в которой я довольно быстро разочаровалась. Я скучала по настоящей работе... Тем не менее, решиться уйти было не просто, но подтолкнули обстоятельства. В начале 90-х нашу организацию, наконец, начало серьезно трясти — вообще странно, что она еще просуществовала так долго в нетронутом виде. И летом 1993-го года наш отдел социологии, наконец, ликвидировали — тоже централизованным решением, насколько я помню. К этому моменту мой симпатичный подчиненный давно уже ушел куда-то в малый кооперативный бизнес, и отдел, собственно, состоял из меня одной. Мне предстояло заново определяться с местом работы.

Ваш ответ удивительным образом дополнил сказанное Вами выше о социальной, политической, культурной атмосфере Самары. И все же, почему Вы окончательно не мутировали в квази-богему? Что здесь означает «квази»?

Ответ очень простой: «квази» здесь означает только то, что богема, по моему глубокому убеждению, имеет смысл тогда, когда, помимо богемного образа жизни, происходит все-таки производство какого-то культурного продукта, желательно — качественного, при всей условности всяких качественных критериев в этой области. Я сама таких амбиций никогда не имела, ну, или покончила с ними в подростковом возрасте, серьезно восприняв правило: «Если можешь не писать — не пиши!» Я определенно могла (хотя в прошлом году мы написали-таки с подругой вместе детектив, но это уже было чистое развлечение). Таким образом, я могла там быть только в «инфраструктуре» - в компании, группе поддержки, интерпретатором и т.п. Это все прекрасно, и это все осталось со мной, но я в какой-то момент поняла, что из этого не стоит делать себе в жизни основное занятие, тем более — профессию, даже если есть возможность в каком-то

таком качестве работать. У меня все-таки было уже за плечами пять лет работы у Тукумцева, пару лет аспирантуры у Батыгина — мне не хотелось все это бросать. Это была моя профессия, мое ремесло, и оно требовало к себе внимания и включения.

Так и не стала я ни литературоведом, ни работником культуры... О чем, конечно, совсем не жалею.

Как то потерялись на фоне этих воспоминаний Ваш факт поступления в аспирантуру и начало работы над диссертацией. Нельзя ли подробнее, с именами, явками...?

В предыдущем фрагменте моей жизни ничего не говорится о моем поступлении в аспирантуру — но это только потому, что это очень отдельный сюжет. Году, кажется, в 1989-м, в конце февраля, я поехала в Москву на конференцию молодых социологов — проводились тогда периодически такие конференции. Собственно, на первую из них я ездила еще в студенческие годы, прошли мои тезисы, чем я была фантастически горда. На следующую тоже прошли, но что-то меня на нее не отпустили с работы — то ли была производственная необходимость какая-то, то ли Будимиру Гвидоновичу, кажется, эти мои тезисы как раз и не понравились (полагаю, вполне обоснованно), и он решил, что нечего фирму позорить — кажется, второй вариант, и я, наоборот, долго плакала... Короче говоря, была такая форма научной жизни, и я, уже работая в своем Методическом центре народного творчества, решила в ней еще раз поучаствовать. Написала, опять-таки, тезисы (вот это, кстати, был единственный, насколько я помню, в моей научной жизни случай, что с помощью папы — я хотела отвязаться от своей темы социологии высшей школы, и мне нужен был совет), они прошли, и я поехала. В те славные позднесоветские времена обычно достаточно было предъявить приглашение на конференцию, и твоя родная организация обычно оплачивала командировочные расходы...

Была уже всю перестройка. Конференция проводилась не просто так, а в Звенигороде, и в форме деловой игры — тогда это было ужасно модно. Из знакомых туда поехал еще мой будущий коллега и бывший однокурсник Сергей Алашеев, а больше я там почти ни с кем не была знакома. Исключение составлял Олег Борисович Божков, который приятельствовал с моим отцом и бывал у нас дома. И когда нам по ходу игры надо было разбиться на группы, он предложил мне присоединиться к своей группе. Я не возражала, тем более, что в деловой игре участвовала впервые. Какие конкретно задачи стояли перед этой группой, я уже не помню, помню, что вся игра в целом была посвящена немного немало методологии социологического исследования (а может, еще и теории — точно не помню, но задача была поставлена очень амбициозная, это уж точно).

Мне еще интересно было, как же игротехники, не будучи специалистами, справятся с такой сложной задачей... Они, собственно, и не справились. Игру проводила, насколько я помню (хотя здесь не уверена), команда известного тогда игротехника Железко, но без самого Железко. Были там какие-то самоуверенные молодые люди, пытались «сбивать стереотипы» и указывать на какие-то логические неувязки, но им трудно было понять суть вопроса, поэтому в основном просто хамили. Это, конечно, как я поняла, был такой игротехнический прием, но не то, чтобы очень действенный. В итоге, дней на третий, игра, рассчитанная

примерно на неделю, забкусовала: игротехники перессорились с участниками, которые тоже за словом в карман не лезли, игру приостановили, и ведущие сбились в кучку в углу большого конференцзала, обсуждая дальнейшую тактику. Перед этим произошел один из наиболее явных конфликтов, когда один из игротехников все пытался то осадить, то вывести из себя некоего молодого кудрявого аспиранта, который делал доклад о работе своей группы. У него никак не получалось, аспирант отвечал вежливо, но был непробиваем. В итоге игротехник сам запсиховал, бросил микрофон и ушел со словами: «Вот и веди игру сам, раз ты такой умный!» Юноше ничего не оставалось, как принять вызов: он поднял этот микрофон, и сам стал принимать сообщения от групп и модерировать обсуждение. Получилось у него все это, мягко говоря, не хуже... А звали этого симпатичного молодого аспиранта, как сейчас помню, Олег Хархордин.

Надо сказать, что в этой игре, помимо собственно молодых социологов, принимало участие и несколько социологов старшего поколения, таких, как Олег Борисович Божков. Среди них был и Семен Абрамович Клигер, остальных не помню, к сожалению. Семена же Абрамовича помню очень хорошо, и на то есть причины...

Как я уже написала, игра стала сбиваться и буксовать, сделалось скучно. Захотелось съездить погулять в Москву. Тут надо признаться, что у меня был к тому личный мотив романтического плана: звал на свидание один симпатичный москвич, тоже коллега, в этой школе не участвовавший. Я, конечно, долго колебалась, не решаясь прогулять, но потом все-таки решила съездить: с игрой уж очень явно не задалось. И вот, на автобусной остановке около нашего дома отдыха, где все происходило, я встретила Семена Абрамовичем, которому тоже все это мероприятие надоело, и он возвращался в Москву. Надо сказать, что мы были до этого в одной группе, но практически не общались, а тут разговорились. И вот, пока мы ждали автобуса, потом ехали на автобусе, потом на электричке, а потом еще и на метро, и решила практически моя научная судьба.

Дело в том, что, как выяснилось, Семен Абрамович работал в таком чудесном заведении как НИИ книги. И только услышав это название, я сразу поняла, что это мое. Ведь ничего на свете я не любила так, как книги, плюс в это время, как написала выше, вообще дрейфовала в сторону литературоведения. А тут вдруг я увидела возможность подойти к моей любимой литературе с социологической стороны!

Семен Абрамович к моим исканиям отнесся с пониманием. Сказал, насколько я помню, что в самом НИИ книги социологической аспирантуры нет, но в целом все это можно как-то устроить, с этой тематикой. И предложил связаться с ним в дальнейшем, чтобы узнать насчет возможности аспирантуры. На свидание свое я доехала в совершенно эйфорическом состоянии!

Далее, в положенный срок я отзвонилась Клигеру, и он предложил мне приехать в Москву, потому что есть человек, который, возможно, везет меня в аспирантуру с «книжной» темой (по дороге мы обсудили мои первые туманные идеи о том, что я хотела бы написать), причем он работает зам.директором по науке НИИ культурологии, т.е. моего профильного НИИ, в который мне от моей конторы при управлении культуры охотно дадут необходимое направление.

Я с волнением поехала, уже в апреле. Встретиться мы договорились в районе метро Кропоткинская, и поскольку в кафе ходить тогда было еще не очень-то принято, да и мало их было, сели поговорить... на борту детской песочницы. В этой песочнице я и познакомилась со своим научным руководителем — Геннадием Семеновичем Батыгиным. Как видите, судьба тогда была ко мне более чем милостива...

В нашей исторической для меня встрече в песочнице, помимо Батыгина и Клигера, принимал еще участие Саша Крыштановский. С ним я была немного знакома, потому что он бывал в Самаре, в дружественной мне лаборатории педагогического института (позднее — педагогического университета, почти все вузы в Самаре в ближайшие несколько лет стали или университетами, или академиями).

Геннадий Семенович вскоре уволился из НИИ Культурологии и вернулся в Институт социологии РАН, но это не отменяло возможности вести там аспирантов. Осенью я получила свое направление, и поехала поступать на заочное отделение — жить в Москве мне было бы негде (этот институт неакадемический и общежитий, насколько я помню, не имел), да и не на что. Волновалась страшно, экзамен по специальности сдавала с температурой 38 — бывает у меня такая нервная реакция, все сразу идет на соматику — но сдала все три экзамена на отлично. Там был небольшой конкурс, сейчас уже не помню — три или четыре человека. Остальные, кроме меня, были москвичи, но все сдали хуже, так что чувствовала я себя в итоге уверенно.

Поступила, и поехала теперь уже в Институт социологии, где работал Геннадий Семенович, выбирать себе тему. Помнится, заблудилась и долго не могла его найти, из-за этого сильно опоздала, и опять-таки, нервничала. Тогда ведь не было мобильных телефонов, чтобы предупредить, или просто уточнить дорогу...

Сейчас вот думаю, почему он меня вообще взял — некая общая эрудиция у меня была, но специального образования не было, место работы сомнительное, и в голове полный перестроечный туман... Конечно, никакую тему я не могла сама сформулировать даже приблизительно, что-то лепетала про людей, на которых сильно влияют книги, и задают им важные культурные координаты, практически стратифицируют — ну, не знала я тогда понятия «габитус», даже слова такого не слышала. В итоге Геннадий Семенович минуту посмотрел в потолок, взял пустой лист бумаги и написал на нем: «Влияние социокультурной стратификации на читательские предпочтения». Я радостно выдохнула: «Да!»

Так я стала аспиранткой Батыгина.

И что же Вам удалось раскопать? Похоже, что в конце века все динамично трансформировалось... читательские интересы, социокультурная стратификация, сами механизмы влияния

Тут мне, к сожалению, нечем вам особо порадовать — особых научных прорывов в моей диссертации не было. У меня не было возможностей самой делать поле, ни доступа к каким-то большим проектам, данные которых я могла бы использовать. А качественные методы я стала осваивать чуть позже, когда уже завершала работу над диссертацией, и совсем в другом контексте. Поэтому в основном работа моя была написана на литературе, плюс был у меня там

небольшой эксперимент по поводу восприятия текста и влияния на него разных социально-демографических факторов — буквально нескольких базовых. Одним из них, ясное дело, был пол, по полу возникло значимое различие, которое меня заинтересовало — и эта история имела для меня огромные научные последствия, но не сразу. Деталей я уже, честно говоря, не помню, потому что защитилась в 1994-м, как раз 20 лет назад, и больше к этой теме, увы, напрямую не возвращалась.

Так что диссертация моя была написано гладенько, но в целом, полагаю, это была обычная квалификационная работа. В ней я крутилась вокруг этого чтения со всех сторон — и бестселлеры рассматривала, и сам процесс чтения, и его герменевтику, которая в какой-то момент меня очень зачаровала, но Геннадий Семенович мне в эту сторону не посоветовал ходить, и я послушалась. Работать над ней мне было очень интересно, но чем дальше, тем более сложно, просто потому что приходилось зарабатывать на жизнь и, соответственно, с огромной скоростью крутиться.

Как дальше, уже в новом статусе, складывалась Ваша профессиональная жизнь? В 1994 году я уехал из России и до конца того века фактически был оторван от внутрироссийских событий, тем более — от социологии. Потому, если можно, подробнее... рассказы москвичей и петербуржцев позволяют понять, что делалось в двух столицах, а что в других частях России?

Ну, прежде чем переходить к моей жизни в новом статусе — если имеется в виду кандидатская степень — то надо сначала немного вернуться назад и рассказать о том, как складывалась моя профессиональная деятельность после увольнения из моего методического центра. Как я писала уже, несмотря на прекрасную компанию и все веселье, которое царило у меня по месту основной работы (мы там писали пьесы, делали коллажи, а как-то раз даже взяли пускать бумажные самолетики, один из которых спикировал прямо на лысину нашего директора), я начала со временем скучать по более профессиональной деятельности. Помимо работы над диссертацией, которая шла у меня аккордно, по мере моих выездов в Москву, где я сидела в библиотеках и собирала материал, потому что в Самаре нужные книги приходили только по системе межбиблиотечного абонеента, и приходилось их долго ждать, я не прекращала общения со своими самарскими коллегами.

Помимо моей родной лаборатории Тукумцева, большую роль в моей профессиональной коммуникации имела социологическая лаборатория педагогического института, возглавлявшаяся Ириной Козиной (на каких-то руководящих позициях там был еще один бывший сотрудник Тукумцева Дмитрий Завершинский — я не помню точно, как именно у них распределялись руководящие обязанности с Ириной). Там работало очень много моих знакомых — несколько девушек — бывших заводских социологов, которых я знала по университетской лаборатории, где они часто бывали за консультациями (там ведь еще у нас находился и административный пункт Социологической ассоциации, семинары разные проводились, учеба кадров), тот же самый Завершинский — мой бывший коллега, мой однокурсник Сергей Алашеев, университетский приятель бывший биолог Паша Романов, учившийся с моей подругой... Короче говоря, я хорошо знала практически всех, и это были люди более или менее моего поко-

ления. Мы дружили, я иногда принимала участие в их отдельных проектах. У них всегда было интересно – Дима Завершинский был парнем ярким и активным, умел, что называется, «зажечь» – в данном случае, именно в профессиональном смысле.

Но главное событие, преобразившее жизнь лаборатории, было все же связано не с ним, а именно с Ирой Козиной. Она поехала от института повышать квалификацию в Москву, тогда там были довольно продвинутые социологические курсы при Школе молодежи в Выхино, что-то вроде преобразованной под современные нужды школы комсомольского актива. Сама я там не училась, но, насколько я понимаю, преподавание там было изрядное – к нему привлекались известные социологи, хорошие методисты и иностранные ученые, а вот это было совсем новым и очень важным фактором. Наконец-то молодым провинциальным социологам, составлявшим основной костяк учившихся на этих курсах, открылось окно в широкий мир!

Одним из таких преподавателей был и профессор Уорвикского университета в Великобритании, известный специалист в области трудовых отношений Саймон Кларк, которому предстояло оставить заметный след в жизни и в карьере многих российских социологов – в том числе, и в моей. Саймон имел замысел межрегионального проекта по изучению изменения ситуации на российских индустриальных предприятиях, которые как раз находились в этот момент в острой фазе перестройки. Опорные точки для этого проекта он создал в Москве, Сыктывкаре, Кемерово и моей родной Самаре. Проект был поддержан ESRC. Думаю, что выбор географии проекта был связан как с тем, что его интересовали разнообразные, отличающиеся друг от друга промышленные регионы, так и с тем, какие слушатели на этих курсах показались ему заслуживающими доверия.

Доверие – действительно было главное слово. Саймону принадлежал популярный в наших кругах афоризм, что из хорошего человека, в принципе, обычно можно сделать неплохого социолога, а вот из социолога хорошего человека – гораздо сложнее. До сих пор думаю, что он был совершенно прав.

Так вот, самарская лаборатория стала одной из составных частей довольно известного в то время проекта Кларка, из которого вырос вполне жизнеспособный независимый межрегиональный исследовательский центр ИСИТО – Институт сравнительных исследований трудовых отношений. Возглавил его переехавший в Москву челябинский парень Вадим Борисов. Но это было еще впереди...

А пока что меня привлекли как внешнего совместителя к самой начальной фазе этого проекта. Тогда были забастовки, в России возникало что-то вроде рабочего движения, оно каким-то образом мониторилось и освещалось прессой. По плану проекта предполагались экспертные интервью с журналистами, освещавшими эти события, в том числе и телевизионными. В мой круг общения входила масса самых разнообразных журналистов, поэтому мне и предложили их сделать. Я сделала эти интервью, еще работая в своем ОНМЦ, и, что называется, погрузилась в тему. Каждую неделю мы встречались, обсуждали результаты работы, все было очень интересно. Поэтому, когда надо было уже идти в поле непосредственно на промышленные предприятия, я не выпала из коллектива, а тоже отправилась на какое-то предприятие. Тем более, что опыт

работы на предприятиях у меня тоже был, ведь в лаборатории Тукумцева тоже большинство исследований было на заводах. Так я стала полноправным членом проекта Кларка, сначала не расставаясь со своей конторой, а потом, тем более — после увольнения.

Некоторая сложность моего положения была в том, что ставок в самой лаборатории не было, но деньги за проект тогда по-простому платили налом, в конверте, и не нужна была для этого никакая аффилиция. В проекте тогда работал некоторое время еще один приятель Завершинского — молодой социолог Игорь Мансуров, у которого параллельно был свой маленький бизнес по продаже игрушек. Он предложил мне пристроить мою трудовую книжку, я согласилась...

С тех пор я попала в зону серой, прекрасной занятости, которую так никогда и не покинула... Потому что в Институте социологии я работаю тоже только на полставки, трудовая у меня лежит, после пары перемещений, просто в ящике стола. Не то, чтобы я этому была рада — ни тогда, ни теперь — но такая уж была моя планида.

Таким образом, защищалась я уже будучи в странной формальной позиции научного сотрудника фирмы «Евгения» - но по тем временам это была не редкость. На самом же деле я основательно работала в проекте Кларка. Основательно — значит день и ночь, работы было очень много, к тому же мы все никогда не отказывались ни от каких других подработок — ни от политических исследований, ни от маркетинга, ни от чего... Надо было зарабатывать на жизнь, и это получалось.

Как сейчас помню, моя первая зарплата в проекте была 30 долларов, это в месяц. Но по тогдашним ценам и тогдашнему курсу это были нормальные деньги. Если подработать где-нибудь еще, а мы все, повторюсь, делали это постоянно, то можно было и откладывать «на черный день». Запросы, впрочем, у нас у всех тоже были тогда более чем скромные...

И это было, несомненно, самое счастливое время в моей профессиональной жизни. У нас была потрясающая команда, куча азарта и профессионального любопытства. Мы «с колес» осваивали качественные методы и много чего еще.

Правда, было очень трудно заканчивать диссертацию, потому что ее тема была уже никак не связана с теми сюжетами, с которыми я с увлечением имела дело на работе. Я не успевала, хотела было даже бросить, но благодаря огромному такту и коммуникативному таланту Геннадия Семеновича Батыгина, моего любимого и незабвенного шефа, я этого не сделала: поняла, что просто уважать себя не буду. Думала, где бы достать это время — поняла, что единственный резерв: перестать читать газеты и смотреть телевизор. Так с тех пор и не смотрю.

Вот на таком жизненном фоне я и защитилась.

Свой ответ на мой последний вопрос Вы начали словами: «Прежде чем переходить к моей жизни в новом статусе...». Ясно, все пульсировало... но, теперь вернемся к моему вопросу: «Как уже в новом статусе, складывалась Ваша профессиональная жизнь?»

В данном случае, ответ будет довольно коротким. Я бы сказала, статус никак особенно не повлиял, потому что я работала не в учреждении с иерархической структурой, а в независимом исследовательском центре. В принципе, это, конечно, было хорошо для моей репутации, потому что к тому моменту уче-

ную степень имели только наши московские коллеги, а в Самаре, Сыктывкаре и Кемерово таких еще не было (кроме, конечно, Володи Ильина, который был уже ученым с репутацией), следующей после меня где-то через год или два защитилась Ирина Козина. Но все это не было важно, потому что в нашем ИСИТО царил свой собственный гамбургский счет, и это было важнее — мы сами знали, кто есть кто. На возможности продвижения это тоже особо не повлияло, более важно было, что у меня был приличный английский после моей хорошей спецшколы, и хотя после этого я языком долго не занималась — в университете меня освободили от этих занятий, я только на экзамены приходила — этот багаж оказался очень востребован в нашем международном сотрудничестве. А так я, защитившись, продолжала себе спокойно работать в ИСИТО, ничего не изменилось.

То, что Вы рассказали, очень интересно, у меня есть небольшая книжка Б. Тукумцева о Самарской социологии, есть интервью давние интервью с ним, с А.Готлиб, Есть интервью с покойным Павлом Романовым завершаю — с Еленой Ярцевой-Смирновой. Посмотрю, как все соединяется? Есть беседа с Владимиром Ильиным. Что-уже начинает складываться, мозаика, но с интересными фрагментами.

И что, после ИСИТО Москва? Как Вы на это решились? Людей Вы знали, но все же все новое...

Нет, Москва была не после ИСИТО. Собственно, ИСИТО представлял собой сеть независимых исследовательских центров, к первым четверем (Москва, Самара, Сыктывкар, Кемерово), потом прибавились еще Пермь, Ульяновск и Екатеринбург — правда, не везде, как я понимаю, возникала юридическая структура, иногда это было просто несколько сотрудничающих с нами исследователей. В Москве тоже было подразделение ИСИТО, куда я со временем переложила свою трудовую книжку. Но переезд в Москву вовсе не был моей целью, так сложились чисто личные обстоятельства: в Москву перевели работать моего гражданского мужа (который был вообще-то питерский, так что изначально я собиралась перебираться в Питер, и даже прожила там несколько месяцев). Квартиру в Москве мы приобрели в 1998 году, до этого некоторое время снимали. Но переезд мой происходил очень постепенно: очень долго я моталась между Москвой и Самарой — в Самаре делала поля и встречалась с коллегами, писала отчеты и статьи в Москве. Но постепенно поле работы в Самаре сужалось: инициированных Саймоном Кларком проектов стало меньше, потом они постепенно закончились. Потом, по разным причинам, самарское отделение покинуло большинство основных сотрудников: Ирина Козина, руководитель нашего центра, перебралась в Москву, в Вышку, Паша Романов еще раньше, примерно одновременно со мной — в Саратов, Сергей Алашеев создал свою отдельную исследовательскую структуру. Так что постепенно мое участие в проектах именно самарского ИСИТО сошло на нет, как и сами проекты. Но я по-прежнему являюсь вице-директором Самарского гендерного центра — это маленькая НГО, занимающаяся просветительскими проектами, вот только две недели назад мы ее силами проводили в Самаре летнюю школу. Что касается

ИСИТО как целостной структуры, то оно прекратило свое организационное существование только в прошлом году, а этой осенью мы собираемся провести свою последнюю встречу, в память о нашем замечательном проекте...

После защиты Вами диссертации прошло 20 лет, в Москве Вы живете и работаете полтора десятилетия или дольше. Где и по каким исследовательским направлениям Вы работали в течение этого времени?

Это отдельная большая тема. Как я написала уже, для моего рода деятельности вечного фриланса не так важен был город, как проекты. Поэтому вопрос «где» для меня на такой ключевой. Тем не менее, с 2008 года я работаю на полставки в Институте социологии РАН, в секторе исследований социальных трансформаций качественными методами. Руководит этим сектором Виктория Семенова, он, по-моему, самый маленький в институте. Обстановка у нас там замечательная, творческая, много молодежи. Профиль исследований довольно широкий, но последнее время в качестве основной темы проектов фигурирует историческая память, социальная память и тому подобные сюжеты – это если вкратце.

Но вообще-то говоря, главной сферой моей социологической экспертизы являются гендерные исследования, процентов 70 написанных мной текстов, моя научная репутация в основном связаны с этой сферой. Какой-то интерес в этом направлении у меня возник еще во время работы над диссертацией, но Геннадий Семенович это не очень приветствовал – да в тот момент это и было не нужно. Но все же зацепило...

И поэтому, уже в проекте Кларка, я с удовольствием взялась на эту тему по его предложению: надо было, чтобы кто-нибудь исследовал эти аспекты трудовых отношений, а больше никто не хотел... Первая же моя статья на эту тему была опубликована в английском сборнике, и вообще тема, что называется, «пошла»... Работать над ней мне всегда было очень интересно.

Потом, в 1995 г. я попала в программу TEMPUS-TACIS в качестве разработчика авторского курса лекций по гендерной социологии. Тогда таких курсов было всего несколько по всей России, гендерные исследователи знали друг друга наперечет – впрочем, это и сейчас во многом так. Потом, около семи лет я читала этот курс в Центре социологического и политологического образования при Институте социологии – это были такие курсы переподготовки социологов, куда приезжали люди со всей страны. Потом еще семь лет читала примерно такой же курс в Казани на аналогичных курсах, потом – снова в Москве. Провела с десяток, наверное, летних школ. Участвовала в куче разных исследовательских проектов, в том числе международных, в основном с английскими коллегами – так уж сложились наши партнерские отношения.

Последние несколько лет я много занималась разными просветительскими проектами, поскольку гендерные исследования – это по определению публичная социология. Была редактором обоих выпусков довольно популярного сборника «Гендер для чайников». Мой курс лекций, кстати, тоже был опубликован, и, в общем-то, до сегодняшнего дня пользуется популярностью у студентов.

Все мои проекты и начинания за 20 лет было бы долго перечислять, но в общем и целом, большинство из них происходили в этой предметной области.

Я понимаю, что наработано много, тема – очень актуальная и проблемная. Не предполагаете ли Вы все как-то собрать и обобщить в виде докторской диссертации?

Конечно, я думала о докторской диссертации, и думала серьезно. Но на сегодняшний день все же не чувствую достаточной заинтересованности в таком масштабном проекте... Дело в том, что докторская все-таки очень важна для людей, которые работают в каких-то формальных структурах, прежде всего, университетах. Но я уже очень много лет как фриланс, привыкла к этому, и идти в структуру мне не очень-то хочется: очень ценю свободу. К тому же не хотелось бы много преподавать... С другой стороны, у меня все-таки есть какая-то профессиональная репутация, которая позволяет коллегам воспринимать меня как специалиста и без докторской степени. В той традиции, в которой я воспитывалась — в той же самой лаборатории Тукумцева, например, а она, в свою очередь, соотносила себя с ленинградской социологической школой, была такая точка зрения, что степень — дело формальное, главное — тексты, «гамбургский счет». Я эту мысль усвоила, и по сей день она кажется мне верной.

С другой стороны, процессы, происходящие сейчас в российских гуманитарных науках, и в социологии, в частности, честно говоря, вызывают у меня в основном разочарование. Очень мало интересных проектов, поле возможностей сокращается чуть ли ни с каждым месяцем. Соответственно, за самим по себе институтом ученой степени уже давно мало что стоит... Писать же докторскую «для себя» не вижу смысла, как я уже писала — я не очень амбициозный человек. Может быть, напишу книжку, но пока мне вполне хватает моих повседневных проектов, над которыми я работаю.

Ира, в создаваемой мною типологии советских/российских социологов к пятому поколению относятся те, кто родился в период 1959-1970 годов. К нему относитесь Вы, Павел Романов, Елена Ярская-Смирнова, Анна Темкина, Людмила Григорьева из Красноярска и еще (пока) несколько социологов. Те, кто родился в первой половине указанного временного интервала, наверняка входили в социологию еще в советский период нашей истории. С другой стороны, даже те, кто получил социологическое образование, хотя в моей коллекции интервью таких еще нет, работали в советской социологии крайне недолго. Тематика исследований представителей Вашего поколения — принципиально инновативна, в советские годы социологи лишь робко занимались (или вообще не занимались) менеджризмом, гендером, феминизмом, детьми-инвалидами, малочисленными религиозными образованиями. В области методологии вы принципиально свободнее, чем в советские времена, когда все должны были клясться в приверженности к марксизму. Использование феноменологических методов не поощрялось. Обучение на Западе, подготовка Ph.D. — казались невозможными... фактически это все первым осваивало ваше поколение. Тогда мой вопрос: «В какой мере, как Вы думаете, Ваше поколение продолжает работы советских социологов?»

Хороший вопрос... Мне кажется, что в очень небольшой степени. Для нас выход российской социологии в поле глобальной научной коммуникации совпало с первыми (или, условно говоря, «вторыми-третьими») самостоятельными шагами в профессии. Открывшиеся возможности буквально ослепляли: те же самые гендерные исследования, качественные методы, международные сравнения, новые критерии профессионализма... Не могу, конечно, брать ответ-

ственность за поколение, но мне кажется, что большинство из нас видело себя, в первую очередь, не продолжателей советской традиции, а первым поколением российских социологов, ориентирующихся на международную академию.

Были, однако, вещи, всеми уважавшиеся и оставшиеся классикой. Это, прежде всего, все что связано с работами Владимира Александровича Ядова, Геннадия Семеновича Батыгина, для специалистов по гендерным исследованиям — Игоря Семеновича Кона, которого я считаю одним из своих учителей. Это — более или менее общепринятые авторитеты, на которых принято ссылаться. Все они при этом стали, как только получили такую возможность, достаточно international.

Работы Ядова по подготовке и организации социологического исследования и сейчас активно рекомендуют студентам — я, например, рекомендую, наряду с каким-нибудь учебником Гидденса.

Но вообще, стремление ориентироваться на последние тренды в мировой социологии, видимо, приводило к тому, что какие-то наработки отечественной советской социологии незаслуженно выпадали из фокуса внимания. Меня, в частности, слегка покритиковали на защите за то, что у меня очень мало ссылок на отечественные работы...

Да, Ира, похоже, Вы правы... я в некоторых моих статьях уже высказывал гипотезу о новом разрыве в процессе развития российской/советской/российской социологии. Я это делал на основе «объективного» анализа, Вы мне дали свое понимание... буду дальше эту концепцию проверять. Может что хотите все же добавить оптимистическое?

Честно говоря, добавлять оптимистическое очень сложно, не то у меня настроение, и реалии не располагают. Но все же попытаюсь.

Так или иначе, советская социология зародила очень хорошую, крепкую профессиональную базу, которая позволила состояться социологам моего поколения — даже если в нашей работе мы выбирали потом другие ориентиры. И, конечно, важные, знаковые для нее фигуры далеко не сводятся к тем трем ученым, которых я перечислила выше — Ядов, Батыгин, Кон, просто лично мне они приходят в голову в первую очередь, для меня именно они были важными авторитетами — причем не только как авторы интересных, эвристических, глубоких текстов, но и просто как моральные авторитеты, образцы того, какими должны быть настоящие ученые. Всех троих мне, тем более, посчастливилось неплохо знать лично.

Далее, в моем — или приблизительно в моем поколении, плюс-минус — есть прекрасные социологи, которым удалось если не создать полноценные научные школы, но воспитать множество талантливых учеников, которые тоже уже, в свою очередь, успешно проводят исследования, преподают, участвуют в публичных дискуссиях... К таким ученым, которые, на мой взгляд, определяют сейчас «лицо» современной российской социологии, во всяком случае, все живое и профессиональное, что в ней есть, относятся Олег Хархордин, Вадим Волков, Елена Здравомыслова, Анна Темкина, Елена Омельченко, Инна Девятко, и многие еще другие, всех не перечислишь... Это фигуры международного уровня, очень авторитетные, задающие планку.

При их участии и поддержке сложились несколько важных центров качественного социологического образования – Европейский университет в Санкт-Петербурге, социологический факультет Высшей школы экономики (и в Москве, и в Питере), «Шанинка» - Московская высшая школа социальных и экономических наук, и другие, включая отличные региональные школы в Новосибирске и Екатеринбурге. Опять-таки, я совсем-совсем не претендую, что перечислила всех. Вот в нашем Самарском университете расцвел очень неплохой социологический факультет, выпустивший множество талантливых специалистов, в Казани несколько лет работал очень интересный Центр социологии культуры, и много чего еще удалось сделать за тот период, когда была свобода, поддержка фондов, развитая международная коммуникация, серьезная академическая дискуссия.

Сейчас наступили другие времена, работать стало не в пример труднее, часто, что называется, «опускаются руки». Но тем не менее, почти все еще живы, работают, пишут, проводят исследования, все вышеназванные мной центры социологической мысли функционируют...

Тут приходит на память одна притча, которую рассказывал Геннадий Семенович Батыгин – недавно кто-то вспоминал ее в фейсбуке: «Когда подходит конец света, некоторые пускаются во все тяжкие. Другие плачут и молятся. Третьи осыпают врагов проклятиями... Но есть и те, кто продолжает работать. Когда находятся такие, конец света не наступает». Мне очень хочется в это верить...

Интервью с Нурсафой Гафуровной ХАЙРУЛЛИНОЙ

«УЖЕ 25 ЛЕТ Я СОВМЕЩАЮ ДВА ЛЮБИМЫХ ДЕЛА: ЗАНИМАЮСЬ СОЦИОЛОГИЕЙ И ПРЕПОДАЮ»

Хайруллина Н. Г. — окончила экономический факультет Тюменского государственного нефтегазового университета (1988 г.); доктор социологических наук (2001 г.); профессор кафедры социологии Тюменского государственного нефтегазового университета. Основные области научного интереса: этносоциология, культура, менеджмент. Интервью состоялось: сентябрь 2014-январь 2015 г.

Середина марта 2015 года, счет проведенных за десять лет интервью с советскими / российскими социологами перевалил за 100; аналогичное относится и к количеству вводных текстов. Когда-то эти «вводки» были короткими и одномерными: несколько слов, представлявших моего собеседника. Но, начиная с конца 2014 года, когда актуализировалась проблема подведения итогов многолетнего исследования прошлого-настоящего российской социологии и явно обозначился вопрос о продолжении научных поисков, мне показалось оправданным различные аспекты этих тем рассматривать во вводных текстах. Таким образом, их содержание стало более богатым, а объем — более значительным.

Прежде всего, отмечу, еще не зная, как долго я буду заниматься интервьюированием моих коллег и анализом полученной информации, я начал достаточно часто «смотреть назад», подводить итоги сделанного. Сначала была статья «Биографии для истории», написанная в 2006 году; в ней был отражен опыт первых двух лет работы по данному проекту [1]. Через полгода эта тема обсуждалась в диалоге с Ларисой Козловой, озаглавленном «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?» [2].

В первом выпуске журнала «Телескоп» за 2009 год подводились итоги четырехлетних теоретических и эмпирических разработок [3], и опять моим слушателем и критиком была Л. Козлова.

Летом 2011 года появилась возможность рассмотреть сделанное за семь лет и попытаться заглянуть в недалекое будущее [4]. Прошло еще три годы, и в новом обмене мнениями через океан с Ларисой Козловой, состоявшемся летом 2014 года, обсуждалось сделанное за десять лет [5]. Столь частое суммирование методических и содержательных трендов обосновано множеством обстоятельств, и одно из главных — осознание возможности потери или серьезного отклонения от генерального курса исследования.

Последняя сверка сделанного за весь период проведения интервью и разработки методологии историко-социологического анализа кратко была осуществлена в конце первой десятидневки февраля текущего года, на пороге завершения сотой беседы [6].

И здесь следует подчеркнуть, что увеличение числа интервью — это не просто рост массы биографической информации, это изменение ее масштабности и, как следствие, возникновение новых направлений анализа коллекции данных. Содержание интервью с тюменским профессором социологии Нурсафой Гафуровой Хайруллиной подтверждает сказанное. В уже ставшие далекими годы становления исследования опрошенных социологов было мало, большинство из них принадлежало к первым двум поколениям и работало в Москве и Петербурге. Поэтому фактически можно было вести лишь *личностный* анализ, т.е. выявлять пути, которыми философы, экономисты, историки, математики приходили в социологию, как они осваивали язык, понятия, методы новой науки.

Рассказанное Нурсафой Хайруллиной можно и нужно исследовать в личностном ключе (более сотни человек), но к тому же есть возможности для рассмотрения этой информации в *поколенческом* и *географическом* направлениях.

Хайруллина принадлежит к пятому поколению отечественных социологов (те, кто родился в промежутке между 1959 и 1970 годами), но кроме нее к этой когорте принадлежит 13 человек, так что имеются предпосылки для проведения внутр поколенного анализа. Более того, траекторию ее профессиональной жизни можно сделать и объектом межпоколенного изучения.

Безусловно, сказанное распространяется не только на материалы интервью с Хайруллиной, но на всё, что было собрано ранее и будет получено позже, многое в таком типе исследования, каковым является данный проект, конституируется постепенно. Много делается не на основе ранее выдвинутых гипотез, поставленных задач, а в ответ на «голос» эмпирического материала. Пока количество проведенных интервью было небольшим, «голос» материала был слабым. Однако в какой-то момент он становится слышен, и на него нельзя не реагировать.

Интервью с социологами Тюмени начались давно, так, беседа с Юлией Беспаловой состоялась на рубеже 2010-2011 годов. Но потом образовалась пауза. Следующее интервью — с Людмилой Лебедевой — состоялось в мае — сентябре 2014 г. Зато в конце 2014 — начале 2015 годов одно за другим были проведены интервью еще с шестью тюменскими социологами. Таким образом, беседа с Нурсафой Хайруллиной — девятая с исследователями этого города. И если еще полгода назад не могло возникнуть замысла изучения тюменских социологов как некоей самостоятельной общности, однако теперь такая задача может быть поставлена.

Это будет *локальный* пространственный, географический уровень анализа. Но если заметить, что к настоящему времени завершено шесть интервью с социологами Екатеринбурга, то можно переходить уже к *региональному* географическому разрезу: Урал и Западная Сибирь. Можно идти и дальше; в моей коллекции есть беседы с социологами Красноярска, Иркутска, Хабаровска и Комсомольска-на Амуре. Так стал просматриваться еще один пространственный пласт – Азиатская часть России. Наличие значительного массива информации с социологами Москвы (свыше 40 человек) и Петербурга (более 30) – позволяет обстоятельно изучить социологов этих городов; в будущем интересным может оказаться сопоставление столичной и региональной социологических сред.

Нурсафа Хайруллина не скрывает возраст, она пишет, что родилась 1 мая 1965 года. Так что это интервью – своего рода сумма прожитого и рассказ о сделанном за полвека. И итог этот весьма оптимистичный: «Вот уже 25 лет я имею уникальную возможность совмещать два любимых дела – заниматься социологией и преподавательской деятельностью, причем они дополняют друг друга, позволяя мне постоянно развиваться, расти, совершенствоваться и самореализовываться. В этом отношении я счастливый человек».

Излагать всю траекторию жизни Нурсафы нет смысла (все есть в интервью), но её начало обозначу. Тюмень, простая татарская семья, отец – строитель (он рано умер), мать воспитывает трех девочек; теперь – короткий фрагмент интервью: «Мы росли без отца, мама изо всех сил старалась, чтобы мы жили не хуже других. В детстве социальная несправедливость воспринималась мною особенно остро. Я стеснялась, что у меня нет отца, стеснялась, что татарка, стеснялась питаться бесплатно в школе, и поэтому отказалась от такого питания. А когда не поступила в техникум (диктант нам даже не показали), не вернулась в школу (опять постеснялась), а поступила в Торгово-экономическое училище, которое закончила с отличием, и поступила в Тюменский индустриальный институт на инженерно-экономический факультет (профильный по моему образованию), сдал один экзамен на пятерку и набрав максимальное количество баллов. Забегу вперед, я вернулась спустя 25 лет в структурное подразделение ТюмГНГУ – Торгово-экономический колледж (бывшее Торгово-экономическое училище), став его директором».

К 36 годам Нурсафа Хайруллина – в детстве стеснительная, но не робкая, девушка – закончила Тюменский государственный нефтегазовый университет (тогда он был Институтом) и стала доктором социологических наук. Вскоре она – профессор, проректор.

В биографии Нурсафы Хайруллиной очень интересно соотносятся личностное, начиная от *предбиографии*, *поколенческое* и *географическое*. И итог – высокий уровень биографичности ее социологического творчества.

1. Докторов Б. Биографии для истории // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 10–22 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1213796252400955file.pdf.

2. Докторов Б., Козлова Л. Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев? http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_kozlova.html.

3. Докторов Б., Козлова Л. «Телескоп» смотрит в прошлое. Беседа об изучении истории современной российской социологии // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 1. С. 2 – 15 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content12357255464727file.pdf.

4. Докторов Б. К семилетию рубрики «Современная история российской социологии» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 5. С.2-10. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content1356939805257404file.pdf

5. Историко-биографическое исследование российской социологии: к десятилетию проекта. Б. Докторов отвечает на вопросы Л. Козловой // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 4. С. 19-28. <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/10-let-2013-unikalnomu-proektu-istoriya-sovremennoi-rossiiskoi-sociologii-v-licah>

6. Докторов Б. 100 биографических интервью с коллегами-социологами <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/sovetskaya-rossiiskaya-sociologiya-bolshoi-portret>

Хайруллина Н. Г. «Уже 25 лет я совмещаю два любимых дела: занимаюсь социологией и преподаю»

Нурсафа, в последние годы я все большее внимание уделяю предбиографии моих собеседников, т.е. изучению семьи человека до его рождения. Насколько глубоко (далеко) Вы знаете историю своей родительской семьи? Кто Ваши родители и предыдущие поколения, где они живут (жили)...?

Историю родительской семьи я изучала по-разному. В семь лет впервые с мамой уехали из Тюмени в другой город, в Казань, на родину моих предков по материнской линии. Мама знакомилась сама и знакомила меня с родственниками, спустя 20 лет уже я везла маму в Казань к родственникам. Но опыт непосредственного общения у меня был только с одной бабушкой (мамой моей мамы) Сабирой. Она родилась в Казани и вместе со своими родителями (их звали Бибизахида и Мухамадвафа) в 1912 году вынуждена была покинуть родные края в поисках лучшей жизни (их фотографии мне передали родственницы осенью 2014 г., фотографиям 102 года) во время массового голода в Поволжье. Знаю, что отца моей прабабушки звали Шамсутдин.

Бабушка была единственным ребенком в семье. В поезде многие заболели тифом, от них заразились и родители бабушки, через несколько дней они умерли. Сабира осталась сиротой. Конечная станция, куда прибыл поезд, называлась Боготол, это за Томском. Помню, когда я ездила в служебную командировку в Томск на поезде, то проезжала мимо этой станции. Можете представить мое состояние, как я волновалась, вспомнив эту историю. Бабушка вышла на конечной станции одна, как она обустроилась, не запечатлелось в моей детской памяти, но знаю, что она там вышла замуж, а через несколько месяцев, набирая воду в колодце, встретила проходивших мимо родственников, которые следующим поездом приехали в Боготол. Представляете, она с ними убежала и вернулась сначала в Ялуторовск (75 км от Тюмени), после – в деревню Менгар (59 км от Тюмени). В этой деревне она прожила всю свою жизнь, здесь она вышла замуж за Ахмэтжана и у них родились дети, одна из них моя мама Хадия. Дед был трудолюбивый, имел маслобойню и за это в 1937 году его репрессировали. Спустя шестьдесят лет я собирала документы, необходимые для оформления льгот для репрессированных родственников. Мне пришлось запросить документы в архиве Комитета государственной безопасности. В одну из встреч мне вынесли дело моего деда, я видела его роспись под показаниями, подписи «тройки» односельчан, которые решили его судьбу и судьбу его детей, мою судьбу. В своей жизни я никогда его не видела, как и не видела дедушку со стороны отца. Он ушел на фронт, но не добрался даже до места назначения, их эшелон попал под бомбежку. Бабушка со стороны отца умерла в феврале 1965 года, а я родилась 1 мая того же года. Так что и ее я не видела. По словам мамы, родители моего отца также мигрировали из Казани, но надежда, что связь с казанскими родственниками будет найдена, есть, не все потеряно, все еще впереди. Мой двоюродный брат, сын старшего брата моего отца, два года назад разыскал и ездил к отцовским родственникам в Казань, следующий шаг за нами.

Отец мой Ахметшин Гафур родился и до женитьбы жил в деревне Якуши, в 15 км от Тюмени. После свадьбы они некоторое время жили у родственников в Тюмени, потом папа получил первое жилье (в бараке на переулке Молодогвардейцев), где прожили до мая 1972 года. Папа работал каменщиком и строил дом, в который мы переехали, это была новая трехкомнатная квартира, а в декабре папы не стало. Восемь лет назад я решила показать своим детям дом, где прошло мое детство. К сожалению, на месте барака мы нашли коттедж за высоким забором. Не зря говорят, не стоит возвращаться в прошлое, и я не раз в этом убеждалась.

Нас в семье у родителей три дочери, я младшая. Отец так долго ждал сына, но не дождался, поэтому ко мне относился как к сыну, катал на велосипеде (помню, как однажды моя нога попала между спиц), постоянно давал деньги на карманные расходы, иногда даже брал с собой в «пивную». Возле кинотеатра «Октябрь», там, где сегодня работает «Железнодорожный ЦУМ», продавщица из бочки на колесах продавала разливное пиво, иногда квас, а мужчины после работы пили пиво или квас из больших, толстых стеклянных кружек, стоя за столиками на высоких ножках, я умещалась под этим столом.

Мама моя после смерти отца не вышла замуж (хотя предложения поступали), мы были против (жаль, что мы осознали это поздно), да и мама боялась выходить еще раз замуж, папа, предчувствуя свой ранний уход, часто предупреждал, что после смерти будет смотреть на нее с небес. Мама богобоязненный и очень религиозный человек, трудолюбивая и в свои 83 года помогает нам по хозяйству и с правнуками, их у нее десять.

Со старшей сестрой у меня разница в возрасте шесть лет, она очень беспокойная, всегда старается всем помочь; раньше помогала детям готовиться к экзаменам по русскому языку и математике, сейчас с внуками помогает. Она много читает, особенно медицинскую литературу, всегда подскажет, какое лечение требуется при тех или иных симптомах, безошибочно ставит диагноз и «выдает» рецепт на лечение по телефону. У сестры трое детей, 3 внука и 5 внучек, скоро должен родиться внук. Средняя сестра (помню, в детстве она мне пришивала белые воротнички и манжеты на школьную форму, брала на внешкольные мероприятия своего класса, мне было интересно с ними, хотя я младше на четыре года) работает учительницей в школе, преподает математику. Интересный факт из жизни моих сестер: они в один год поступили в Индустриальный институт (старшая после окончания Машиностроительного техникума, средняя после школы) на машиностроительный факультет и учились все пять лет в одной группе. В тот год, когда они окончили «Индуc» (1983 г.), я в него только поступила. У нее один сын, и, в отличие от нас с сестрой, она пока не бабушка.

Нурсафа, спасибо большое... даже читать трудно, представляю, как сложно было все это писать. Что поделаешь, такова наша история... Возможно, мы вернемся к рассказанному Вами, а сейчас перейдем к Вашему детству. Вы были домашним ребенком или ходили в детский сад? Когда научились читать?

Поскольку я была последним ребенком, то находилась под опекой старших сестер больше, чем под родительской. Читать и считать я научилась рано, в пять лет уже читала много и взахлеб, благо библиотека находилась в пяти минутах от дома. Я каждый день брала читать по 5–10 детских книжек большого формата

с крупным шрифтом, моя первая книжка «Краденое солнце» К. Чуковского. Когда я возвращалась в тот же день за новыми книжками, библиотекарь считала, что я беру книжки, чтобы дома посмотреть картинки. В пять лет я писала такие слова, как миллион и миллиард, этим я всегда гордилась, и когда сверстниц просила (для проверки) написать эти слова, они всегда ошибались. Я была «домашним» ребенком, в детский сад я ходила только один день. Мама рассказывала мне, что я проплакала весь день и на следующий день меня оставили дома. Домашний ребенок у меня ассоциируется со спокойным, послушным, исполнительным ребенком, а я была «домашней» только потому, что находилась часто дома одна. Я росла свободной, мне все позволяли, сестры брали меня везде с собой, я часто их не слушала, а они меня всегда пытались как-то усмирить, прятались от меня или просто завязывали мне на улице глаза шарфом, говорили, что ведут меня «куда-нибудь», а на самом деле вели домой. Представляете мое разочарование...

Так что в смысле грамотности Вы были готовы к школе, но не было ли проблем с включением в большой, незнакомый коллектив детей?

Полагаю, что проблем не было, иначе я бы это запомнила. Пытаюсь вспомнить... и не могу. Думаю, что это было связано с рядом причин. Мои старшие сестры не отзывались негативно о школе, а мне всегда нравилось учиться новому. В первом классе у меня появились две подружки, с которыми я дружила до конца школы, но только с одной из них – Маргаритой – дружба продолжается и сегодня. Далее (а может, это самое главное), наша соседка по площадке – Елена Карловна Деева, работала в школе учителем начальных классов и приходила к маме каждый вечер, причем приносила с собой две стопки школьных тетрадей для проверки и целую сумочку с лекарствами. Первая стопка – тридцать тетрадей по русскому языку, вторая – тридцать по математике. И знаете, Елена Карловна, мне доверяла не только их проверять, но и ставить ручкой с красной пастой оценки в тетрадках. Я проверяла и классные, и домашние работы своих сверстников.

С грустью вспоминаю о моей первой учительнице, Галине Александровне Кукарских, которая постоянно меня заставляла менять наклон почерка. Буквы из под моего «пера» выходили прямыми, а она заставляла меня писать их с наклоном вправо, и ей это удавалось. Сейчас у меня почти каллиграфический почерк. И последнее, я всегда была общительным ребенком. После школы во дворе всегда находила общий язык с девчонками и мальчишками. Чего мы только не вытворяли: плавали на самодельном плоту по котловану, забирались на «стройку» девятиэтажного дома (а в начале семидесятых годов это была редкость), собирали иргу (ягода, от которой язык и губы становились синими) в школьном саду и многое чего еще было.

Какие интересы проявились и стали развиваться в старших классах? Увлекала ли Вас общественная работа, ведь тогда практически все были членами ВЛКСМ.

Не могу сказать, что увлекала общественная работа, я, как все мои сверстники, сначала стала октябренок, потом (со второй попытки, за не совсем примерное поведение) пионеркой, после вступила, как все, в ВЛКСМ, но в этот период организация уже не являлась такой активной, как в 1970–1980-е годы. Я много читала, готовилась к урокам полит.информации (по четвергам целый

урок отводился), участвовала в конкурсах, проводимых на городском уровне. Помню, как стала победительницей в городском конкурсе по противопожарной тематике, меня поздравили и подарили деревянные ракетки для бадминтона (одну ракетку я храню у себя). Тогда иметь ракетки для бадминтона было роскошью, в магазине их нельзя было купить, как и сгущенное молоко или автомобили. Мои дворовые ребята в очередь стояли, чтобы поиграть, и у меня это здорово получалось и получается сегодня. Если бы председатель Правительства Медведев Д. В. объявил конкурс по этому виду спорта, я бы его не подвела точно. В конкурсе по правилам дорожного движения мы победили, и команда нашего класса поехала на финальный этап в Ростов-на-Дону.

Как в целом Вы учились в школе, какие школьные предметы нравились больше, какие были раздумья о будущей профессии по окончании школы?

Училась я легко, без особых усилий, поскольку в школу я пошла подготовленной. До пятого класса любила математику, а спустя многие годы, осознав роль педагога, думаю, что я больше любила учительницу, она так хорошо вела предмет, что с ним у меня не было никаких трудностей. Признаюсь, больше таких педагогов-математиков не встречала ни в школе, ни в вузе (не хочу обидеть никого). Отношение к своему предмету не изменилось и сегодня, я это осознаю на примере школьных учителей (сын школьник, и дочь училась) и на примере вузовских преподавателей (и чаще – со степенями). Я уверена, что непонимающих учеников не бывает (редкое исключение, не дано Богом), бывают незнающие и не осознающие себя как учителя.

Поскольку, повторюсь, с первого класса я проверяла тетрадки учеников (до тех пор, пока Елена Карловна не вышла на пенсию), именно в первом классе я решила, что буду учительницей. Эта игра в учителя происходила не только во время проверок настоящих тетрадей, мне этого было мало. Я заводила школьные тетрадки своим куклам, писала за них домашние работы, проверяла и выставляла оценки. Моя мечта сбылась спустя двадцать лет, когда я впервые зашла на занятие в студенческую группу. Я не сразу стала преподавать, после окончания Тюменского индустриального института я два года успешно проработала в отделе социально-экономических исследований под руководством Анатолия Николаевича Силина, а после системной «агитации» Сергея Геннадьевича Симонова перешла на преподавательскую работу в Альма-матер. Забегу вперед, работа в отделе у А. Н. Силина пробудила во мне интерес к социологии (как оказалось на всю жизнь). Отдел занимался проведением социологических исследований на предприятиях Тюменского Севера. Мое первое социологическое исследование – организация спортивно-оздоровительной работы в структурных подразделениях ГлавТюменьнефтегаз, и я с ним справилась. По материалам данного исследования я в 1989 году выступала в Тюмени на областной научно-технической конференции «Современные технологии и технические средства, повышающие технико-экономические показатели строительства нефтегазо-разведочных скважин» с докладом «Проблемы социальной удовлетворенности молодых геологоразведчиков в районах нового освоения».

Вот уже 25 лет я имею уникальную возможность совмещать два любимых дела – заниматься социологией и преподавательской деятельностью, причем они дополняют друг друга, позволяя мне постоянно развиваться, расти, совершенствоваться и самореализовываться. В этом отношении я счастливый человек.

Почему предпочтение было отдано Тюменскому индустриальному институту, а не, скажем, педагогическому? На какой факультет Вы поступали? По мере обучения не возникало мысли о том, что не то выбрали? Не хотелось сменить специальность или даже институт?

1970–1980 гг. это был период дефицита – в магазинах ничего не было, а если завозили, то разбирали моментально, и хлеб, и сгущенку и остальное. И когда в восьмом классе нам сказали, что в девятый пойдут не все, а только лучшие – отличники и ударники (я училась очень хорошо), то по совету старшей сестры и мамы решила поступать в торговый техникум. Мы росли без отца, мама изо всех сил старалась, чтобы мы жили не хуже других. В детстве социальная несправедливость воспринималась мною особенно остро. Я стеснялась, что у меня нет отца, стеснялась, что татарка, стеснялась питаться бесплатно в школе, и поэтому отказалась от такого питания. А когда не поступила в техникум (диктант нам даже не показали) не вернулась в школу (опять постеснялась), а поступила в Торгово-экономическое училище, которое закончила с отличием и поступила в Тюменский индустриальный институт на инженерно-экономический факультет (профильный по моему образованию), сдав один экзамен на пятерку и набрав максимальное количество баллов. Забегу вперед, я вернулась спустя 25 лет в структурное подразделение ТЮМГНГУ – Торгово-экономический колледж (бывшее Торгово-экономическое училище), став его директором. Моей радости не было предела, когда среди учителей и мастеров я встретила тех, кто меня учил торговому мастерству. Среди них Алевтина Васильевна Пичуева (блокадница Ленинграда, приехавшая в Тюмень по распределению, у которой в трудовой книжки была одна запись – год поступления на работу в училище). Ее знания и знания других педагогов остались у меня на всю жизнь, это их умение учить и передавать знания позволяют утверждать мне, что нет глупых и ленивых учеников, есть учителя, которые не умеют или не хотят передавать знания ученикам.

Я не жалею, что поступила в ИНДУС, ведь со второго курса я начала заниматься научной работой под руководством Аллы Петровны Невской на кафедре «Экономики, организации и управления на предприятиях топливно-энергетического комплекса». Именно ее заботливое, человеческое отношение к нам (спустя годы не вспомню, кто еще был закреплен за ней из нашей группы, знаю, что это 5–6 сокурсников), ко мне в частности, придало уверенности в себе, в своих силах. Алла Петровна всегда занималась самыми актуальными направлениями на кафедре, теми, которые были на пике актуальности. Она в середине 1980-х годов первой стала заниматься трудовыми отношениями, затем нормативами, а мы с ней учились вместе рассчитывать трудозатраты научных работников, нефтяников, буровиков, геологов и др. категорий работающих. Для этого она отправила нас в Тюменскую областную библиотеку, где я работала с такими каталогами, с которыми не каждому было позволено работать. Я искала методики, которыми пользовались ученые в других регионах, других научно-исследовательских институтах. Спустя тридцать лет признаю, что она мне открыла этот долгий путь

в науку, долгий и интересный, увлекательный, затянувший меня на всю жизнь. Алла Петровна скромно и добросовестно выполнила свою миссию – направила мою жизнь в нужное русло, что впоследствии повлияло на судьбы не одного десятка моих студентов, которые последовали моему примеру и связали свою жизнь с научной и педагогической деятельностью. А она так и не защитила свою кандидатскую диссертацию, осталась ВАКовским доцентом и до 2003 г. работала со студентами Тюменского государственного университета на кафедре «Налоги и налогообложение».

Какая научная тематика Вас привлекла в «Индусе»? Что это за каталоги, в которых не всем можно было работать?

В библиотеке есть отдельные помещения, в которых работают только сотрудники. Там на многочисленных полках плотно стояли (тридцать лет назад, сегодня я уверена, их нет) реферативные библиографические указатели по всем научным направлениям. Они, как сейчас помню, стояли по годам. И в каждом указателе я искала научные работы, вышедшие по исследуемой тематике в рамках НИРС (научно-исследовательской работы со студентами). Как я уже говорила, тематика была чисто экономическая – методики определения трудозатрат, методики по нормированию оплаты труда и др. Далее по этим указателям я смотрела, есть ли она в библиотеке, а если отсутствовала, то изучала возможность заказа через МБО (систему межбиблиотечного обмена). Но это требовало много времени, и не всегда присылали нужную литературу, поскольку востребованная литература, как правило, была на руках у других читателей. Я очень часто приходила в отдел, просила сотрудников принести книги то из одного перечня, то из другого, если они не подходили, я заказывала другие книги, поэтому мне предложили в зале каталогов искать нужные книги самой. В декабре 2014 г., выступая на презентации в Тюменской областной научной библиотеке им. Д. И. Менделеева, я как первый рецензент библиографического указателя «Сибирские татары» поблагодарила составителей за библиографический указатель, а после вспомнила о сотрудниках, которые разрешали мне индивидуально работать в зале каталогов, брать домой книги, чтобы работать ночью, пока дочка спала. Вот так на втором курсе университета у меня зародился интерес к науке, а в шесть лет – к преподавательской работе.

Когда Вы выбрали кафедру для специализации, какие темы наиболее привлекали Вас? К какому курсу Вы уже определились со своими научными интересами?

Все не так просто, как кажется. На втором курсе я решила заняться научной деятельностью, без какой-либо отраслевой направленности. Привязка появилась к научному руководителю. Повторюсь, с детства я мечтала быть учителем, а из меркантильных соображений чуть не стала торговым работником, но мои склонности к учебе, желание познавать новое через чтение огромного количества книг, добросовестные, настоящие педагоги, встретившиеся на моем жизненном пути в училище, позволили мне получить диплом с отличием и задуматься о продолжении образования. А ведь все могло закончиться не так, как сложилось... Примерным поведением я не отличалась с детства, характер был независимый и прямолинейный, это привело к тому, что за поведение мне ставили удовлет-

ворительную оценку. И все же мне хотелось получить «красный» диплом. Сама не знаю, как я в этом призналась старшей сестре (только сейчас, когда я об этом вспоминаю, я понимаю, какую роль она сыграла в моей жизни), и она пошла «просить» преподавателя биологии, с которой у меня не сложились отношения и которая наотрез отказывалась мне поставить четверку за поведение. На «красный» диплом нужны были только четверки и пятерки. Пятерок у меня было предостаточно, а тройка закрывала передо мной дорогу в вуз. А в середине 1980-х годов поступить в вуз было практически не возможно: места были только бюджетные, конкурс достигал 20–25 человек на место.

Уже на выпускном курсе было решено, что я буду поступать на экономический факультет Тюменского индустриального института. В «Индусе» на втором курсе закрутилась моя научная деятельность, но продолжения так и не получила: к концу обучения мы (студенты) испытали на себе последствия разделения власти на кафедре, в конечном счете, наша кафедра была разделена на три самостоятельных. Этот период затрагивать не могу из-за этических соображений (все лица и сегодня продолжают работать в университете, внося вклад по своим направлениям деятельности). Из-за этого и интерес к экономической проблематике к концу обучения был погашен окончательно (чему я очень рада). Именно эти события привели к тому, что на распределении я отдала предпочтение не преподавательской работе на кафедре, а выбрала «неизведанность» в научно-исследовательском институте, где с самых первых месяцев работы я погрузилась в социологическую атмосферу. Я писала, что не успела приступить к работе, как получила задание на разработку программы проведения социологического исследования. Это было страшно, ответственно и увлекательно одновременно.

После получения социологической «прописки» я много работала под руководством Анатолия Николаевича Силина, он легко и уверенно раздавал «задания» на освоение новых социологических горизонтов, я стала писать научные отчеты, готовить статьи на конференции, неоднократно выполняла командировочные задания в Новосибирске, работала в Академгородке, где познакомилась с Юрием Владимировичем Попковым и Василием Васильевичем Мархининым, с которыми поддерживаю тесные научные контакты и сегодня (расскажу позже).

Проработав несколько лет я смогла поступить в аспирантуру Тюменского государственного университета к А. Н. Силину, который после реорганизации нашего отдела перешел на преподавательскую работу на кафедру социологии. Поступить в аспирантуру после окончания вуза можно было только благодаря связям или влиятельным родителям, не имея ни того, ни другого, я добросовестно отработала положенные три года. Мои научные интересы на первоначальном этапе формировались конъюнктурно — в начале 1990-х годов госбюджетная наука разваливалась, набирала обороты хоздоговорная наука. Социология оказалась на грани выживания, как и другие науки. В 1993 году Анатолий Николаевич как раз заключил договор с Комитетом по делам малочисленных народов Севера Администрации Ханты-Мансийского автономного округа. Он предложил мне заниматься социально-политическими проблемами коренных народов Севера, я предложение с готовностью приняла, более того, данная проблематика легла в основу моего диссертационного исследования. Поскольку коренные малочисленные народы округа проживали в местах своего исконного проживания, то для их изучения мы регулярно выезжали в районы Ханты-Мансийского автоном-

ного округа для проведения полевых исследований в национальных поселках, познакомились с традициями ханты и манси, их обычаями, обрядами, посещали музеи декоративно-прикладного искусства, встречались с руководителями общественных организаций (В. Гоголевой, Т. Молдановой, З. Рябчиковой), с представителями национальной интеллигенции (писателем Е. Айпиным, художником Г. Райшевым). По результатам исследований мы готовили не только научные отчеты, но и тезисы на конференции регионального, российского и международного уровня. На VI международном Соловецком форуме в Архангельске (в 1994 г.) я впервые выступала с докладом.

В 1993 году в рамках хоздоговорной работы я познакомилась и с Верой Владимировной Гаврилюк, которая работала на кафедре вместе с А. Н. Силиным и в научном проекте отвечала за вопросы образования детей коренных народов Севера. С В. В. Гаврилюк у нас завязалось не просто научное знакомство, а научное сотрудничество и научная дружба, которая продолжается и сегодня. Первый совместный отчет был подготовлен на тему «Изучение социально-этнической ситуации в Березовском, Белоярском, Октябрьском и Кондинском районах, разработка социологического мониторинга и моделей хозяйствования в новых условиях». Главным достижением в научной работе, стимулом к ее продолжению (не секрет, что к коренным народам Севера отношение было более негативное, чем к другим народам Советского Союза) явилась публикация моей статьи «Современные проблемы оптимизации традиционного хозяйства коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа» в 1994 году в журнале «Социологические исследования», главном социологическом журнале СССР, а сегодня и России.

Интерес к проблематике коренных народов в научном сообществе возрос и укрепился и в связи с тем, что 1995 год был объявлен ООН годом коренных малочисленных народов Севера. С 1994 года я впервые столкнулась с деятельностью Научно-исследовательского института возрождения обско-угорских народов и руководителем отдела экономики традиционного природопользования Терентием Герасимовичем Харамзиным. Совместно мы готовили научные отчеты, а позже, когда и хоздоговорные работы перестали заключаться с вузами, мы на личном энтузиазме и за личный счет проводили мониторинговые исследования. Было опубликовано около десятка совместных монографий, подготовлено несколько кандидатов наук из представителей коренных народов.

В 1995 году я подготовила тезисы и выступила на Всероссийской научной конференции «Этнополитика на пороге XXI в.» в Казани, где познакомилась с замечательным человеком, доктором социологических наук Таслимой Гайсеевной Исламшиной, занимающимся этнической проблематикой. Моим руководителем как раз и была поставлена задача — найти известного социолога, который мог бы подготовить отзыв ведущей организации, поскольку кандидатская диссертация была уже готова. С последней задачей я успешно справилась. После возвращения домой, как мы условились, я отправила на суд Таслимы Гайсеевны диссертацию. Она мне позвонила и сказала строго, что пока я не переработаю первую главу, она мне не даст положительного отзыва. Поскольку отступить было некуда, я приложив все свои усилия, доработала первую главу диссертации по всем замечаниям и отправила диссертацию Таслиме Гайсеевне. После прочтения второго варианта диссертации Таслима Гайсеевна пригласила

приехать за отзывом, и я в третий раз (но не последний) поехала в Казань за отзывом. И, казалось, наше общение должно было закончиться, но вопреки трудностям (уже совсем скоро 20 лет) мы с Таслимой Гайсеевной поддерживаем тесные научные и личные контакты: мы обмениваемся статьями, пишем рецензии на авторефераты аспирантов, выступаем в качестве ведущих организаций и оппонентов, пишем совместные монографии, а главное — общаемся как научная мама с научной дочерью. В 2014 году ей исполнилось 75 лет, но она полна оптимизма, пишет статьи, монографии, а в юбилейном году и я участвовала в написании коллективной монографии казанских ученых «Российское общество 2010-х годов: связь времен и поколений».

Вы многое рассказали о том, как Вы начали изучать жизнь коренных народов Севера, с кем работали по этой тематике, и что она стала предметом Вашей кандидатской диссертации. А в чем, собственно, состояла эта проблема? Что ее породило?

Погружаясь в проблематику коренных малочисленных народов Тюменского Севера, я понимала, что она меня все глубже погружает (и затягивает) в исследование новых и новых проблем. Сначала это были экономические модели хозяйствования, затем элементы их социальной инфраструктуры, социальное самочувствие, потом межэтнические отношения, этнокультурная ситуация, культура, традиции, обычаи, традиционное мировоззрение... и не только северных этносов. Но сначала были ханты и манси...

Погружаясь в эту тематику, в начале 1990-х годов я не осознавала роли северных территорий, уникальности их природно-экологического и стратегического положения, почему они являются объектом промышленного освоения нефтегазовых компаний. Позднее я поняла, что безопасность северных территорий, их развитие и сохранение от техногенных, политических, социально-экономических и других катаклизмов является актуальной не только для России, но и для Канады, США, скандинавских стран. Из всех государств зарубежной Арктики больше общего с российским Севером у США (Аляска) и Канады, но у нас дело обстояло гораздо хуже, промышленное освоение шло более интенсивно и в менее цивилизованных формах. Если на Аляске вторжение в «буш» осуществлялось лишь в зоне добычи нефти и трансалаяскинского нефтепровода, то у нас шло тотальное наступление на земли коренных народов Севера, приводя к уничтожению оленьих пастбищ, охотничьих угодий, традиционных промыслов, к загрязнению рек, озер, и пр. А если к этому добавить последствия насильственной трансформации традиционного образа жизни в ходе коллективизации в 1930—1940е годы, огосударствление в 1950—1960х годах, внедрение рыночных отношений в традиционное хозяйство в 1990-х годах, то в регионе практически не осталось места для жизни и традиционных занятий коренного населения.

В современных условиях, когда мы являемся свидетелями отчуждения человека от природы, культуры, для меня изучение возможностей сохранения и развития культуры коренных народов Тюменского Севера (в равной мере ханты, манси, ненцев, сибирских татар), являющейся и сегодня синкретической, целостной, признающей абсолютную равнозначимость трех главных средовых составляющих «природа-общество-человек», стало (затянувшимся во всех отношениях) научным и жизненным кредо.

Уверен, есть специфика в изучении народов Севера, но, думаю, методология, на базе которой Вы вели свои исследования, носила более общий характер. Народы Севера, насколько я знаю, активно изучаются социологами ряда Скандинавских стран, американскими учеными. Одновременно, замечу, советскими учеными изучались проблемы малых коренных народов многих регионов страны, начиная от вепсов в Ленинградской области, до небольших этнических образований в Дагестане, в бывших южных республиках СССР. В какой мере Вы опирались на эту богатейшую методологию?

Проблемы коренных малочисленных народов Севера по-прежнему привлекают к себе внимание ученых, специалистов, общественности. Сохранить многообразие их культур, языки, традиции, самобытность – это неотложные задачи нашего поколения. Каждая научная школа имеет свой опыт решения аналогичных задач, предлагает свои пути развития, поэтому сегодня особенно полезно изучать результаты научных школ, анализировать опыт, исследовать ошибки и успехи. В своих теоретических исследованиях я анализировала опыт различных школ, но в докторской диссертации предложила свою методику изучения этнокультурной ситуации в северном регионе, которая позже была апробирована и при изучении жизнедеятельности ямальских ненцев, сибирских татар, представителей казахского населения и кавказских диаспор.

Мне хотелось бы обсудить подробнее сказанное Вами. Прежде всего, на основании каких критериев Вы (и другие исследователи) относите те или иные народы Тюменского Севера к «коренным» и «малочисленным»?

В истории российского государства существовало множество подходов к осмыслению положения иноязычного и иноверческого населения окраин («коренного» и «малочисленного»), что отражено в многочисленных документах и системе терминов. На раннем этапе освоения Московским государством Сибири наряду с «инородцами» использовались термины «туземцы», «чужеземцы», «инородцы». К числу последних приписывались целые народы, ведущие натуральное хозяйство, основанное на охоте, рыбной ловле, оленеводстве и зверобойном промысле. Период после октября 1917 года изобилует новыми терминами: туземцы Севера, племена северных окраин, северные народности и др., можно привести еще около 20 терминов. Термин «коренной» указывает на «изначальность» определяемого им населения и означает присутствие предков данной группы населения в Сибири в период ее освоения русскими. В 1925–1926 гг. был принят и законодательно закреплен список из 26 «малых народов Севера» (сегодня 29), которые выделялись по этническому признаку и особому характеру традиционных занятий – оленеводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел – и связанными с этим особенностями быта (кочевание). В соответствии с нормами ООН, используется понятие «коренные народы, или народы, ведущие племенной образ жизни», которые находятся на менее высокой социально-экономической стадии развития по сравнению с остальным населением страны. В основах правового статуса коренных малочисленных народов России по отношению к ним заложены два параметра: качественный – проживание на территории традиционного расселения своих предков, сохранение самобытного уклада жизни, осознание себя самостоятельной этнической общностью; и количественный – численность в России не менее 50 тыс. человек. В совре-

менной государственной политике они занимают особое место, что отражено в Конституции РФ, которая гарантирует защиту прав и интересов в соответствии с общепризнанными принципами международного права, защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

Безусловно Вы знаете картину В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком», законченную в 1895 году. Как в наше время трактуют историки поход Ермака? Есть ли своя интерпретация похода Ермака у коренных народов Севера? Конечно, я знакома с картиной Сурикова, в которой он стремился показать непоколебимый характер казаков под предводительством казачьего атамана Ермака в битве с татарами под предводительством хана Кучума. Историки преподносят, что это освобождение Ермаком Сибири от татарского хана Кучума, успешно начавшееся по приказу Ивана Грозного, который объявил войну хану Кучуму. В нашей Тюменской областной научной библиотеке им. Д. И. Менделеева хранятся более 160 трудов, подготовленных в различные исторические периоды на основе летописей, летописных известий, архивных документов по колонизации Сибири, о походе Ермака в Сибирь, о хане Кучуме и его потомках. Судя по имеющимся работам, однозначной оценки данного события нет. Определенная часть работ подталкивает к мысли, что это была колонизация Сибири (покорение), другая часть – освобождение Сибири, третьи спорят по некоторым вопросам «Ермакова взятия» «Кучумова царства». Этот вопрос является и сегодня дискуссионным, как и версия гибели Ермака, и о месте последнего сражения и месте захоронения. Мне кажется, настало время для анализа имеющихся в архивах летописей письменных источников для осмысления (или переосмысления) произошедших в конце XVI века событий. Прошло уже четыреста лет, но и сейчас татарское население не поддерживает рассказы о Ермаке, не согласны татары и с тем, что он освободил Сибирь, они – против скромного памятника, установленного в его честь в областном центре. Уверена, что в современных условиях нельзя манипулировать историческими событиями, которые могут привести к разжиганию межнациональной вражды и всплескам национализма.

Летом 2014 года я участвовала в этносоциологическом исследовании современной этноконфессиональной ситуации в регионах РФ (в частности, я проводила глубинные интервью с представителями духовенства, органов власти и верующими Тюменской области), которое проводилось Академией наук Республики Татарстан. По итогам данной работы и анализа архивных документов я подготовила статью в коллективную монографию, которая находится сейчас в печати. Важный вопрос, который мне следовало осветить в статье – процесс проникновения ислама в Западную Сибирь. Мне пришлось изучить большое количество исторической литературы. Работа меня увлекла, поскольку мне это было интересно не только (не столько) с научной точки зрения, а в связи с тем, что я исповедую религию, основы которой мне следовало описать – ислам. Посвящу и Вас в эту тему. Несмотря на имеющиеся сведения, вопрос о времени исламизации татар в Западную Сибирь остается дискуссионным. Однако большинство исследователей, благодаря публикации в 1905 г. «рукописи Н. Ф. Катанова», началом исламизации края считают конец XIV в., связывая это со временем прихода на берега Иртыша и Тобола в 1394–1395 гг. первых исламских миссионеров. Я не предполагала, что на первоначальном этапе ислам

насаждался насильственно, о чем говорят две древние рукописи, написанные представителями мусульманского духовенства Саидом Вакасом Аллакуловым и Кашшафом Абу – Саидовым, переведенные на русский язык и опубликованные Н. Катановым в статье «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев в Западной Сибири». Согласно этим рукописям, из Средней Азии пришли вооруженные шейхи-проповедники («шейх», с арабского буквально старик, титул правителей княжеств) и учинили «великое сражение за ислам с язычниками и татарами» (татары ранее также были язычниками). Из 366 воинственных шейхов 300 погибли, 3 проповедника обосновались в Сибири, чтобы обучать основам своей веры местные народы. Остальные 63 миссионера, оставшиеся в живых, вернулись в Священную Бухару, чтобы доложить о выполнении задания. Позднее, когда ислам был повсеместно принят сибирскими татарами, самих шейхов стали почитать как святых, а их могилы называть «астана» (в переводе с арабского «астанэ» означает порог двери, вход во дворец) В вышеуказанной рукописи перечислено 29 священных захоронений (Астана), ставших впоследствии предметом культа святых мучеников (аулия) среди сибирских татар. Двум из них (Искерской и Баишевской) придан статус памятников истории и культуры федерального значения, остальным – статус памятников регионального значения. Некоторые из этих святых мест до сегодняшнего дня почитаются татарами-мусульманами и являются местами своеобразного паломничества.

У коренных народов Севера образы Кучума и Ермака в легендах представлены не так богато в отличие от тюркоязычного населения, хотя окончательный разгром Кучума произошел на Оби в 1598 г. Тем не менее в Ханты-Мансийске, Сургуте, Нижневартовске, Тобольске и др. северных городах Тюменской области проводятся конференции, чтения по спорным проблемам сибирского похода «дружины» Ермака.

В связи со сказанным Вами задам еще пару вопросов. Обсуждается ли сейчас социологами, культурологами, элитой коренных Северных народов тема руссификации, проникновения православия в культуру народов, которые долго оставались язычниками? Актуальна ли эта проблема сейчас?

Более двадцати лет я занимаюсь проблематикой коренных малочисленных народов Тюменского Севера и все эти годы, не как сторонний наблюдатель, участвую в обсуждении обозначенных Вами вопросов. Интерес социологов, культурологов, представителей национальной интеллигенции не снижается, наоборот, с каждым годом они ставят новые вопросы перед научным сообществом, требующие осмысления и обсуждения. В Ханты-Мансийске уже стали традиционными «Югорские чтения», проводимые в рамках Всероссийской научной конференции, где научные сотрудники Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, финно-угроведы округа и других городов России обсуждают проблемы коренных народов Севера, связанные с их жизнедеятельностью, традиционным образом жизни, традиционным природопользованием. Ученые докладывают результаты своих исследований на конференциях, проводимых в округе, по этнической истории, этнопедагогике, этнопсихологии, языкознанию и др.

С 2002 года Сургутским государственным университетом (ХМАО–Югра) издается научный и культурно-просветительский журнал «Северный регион: наука, образование, культура», главный редактор которого – уважаемый мной Василий Васильевич Мархинин, д.ф.н., профессор (мой оппонент по докторской диссертации). Благодаря усилиям Василия Васильевича тема русификации, проникновения православия в культуру народов, которые и сегодня остаются язычниками, отражается на страницах журнала. Подтверждением высказанного тезиса являются результаты исследований традиционного мировоззрения ханты и манси, проведенные в середине 2000-х годов моей аспиранткой. И сегодня в традиционном мировоззрении северных этносов существуют сверхъестественные существа (духи), представляющиеся не только в образе человека (это, например, «Золотая женщина» и «Обской старик»), но невидимыми, бессмертными, непостоянными в своей форме существами, способными мгновенно менять свое местонахождение в пространстве и, как правило, бесплотными (например, лесной дух, духи неба, водяной дух, духи нижнего мира и др.). Более того, каждый четвертый посещает священные места. Я должна признаться, что однажды сама приняла участие в обряде приветствия священного места. Я ехала в Полноват для проведения полевых исследований с сопровождающим меня хантыйцем. Не доезжая нескольких километров до места нашего пребывания, он попросил водителя остановиться и выйти всех из машины, включая меня, для приветствия священного места. Мы повернулись в указанную сторону, повернулись вокруг себя несколько раз, произнесли определенные слова и пригубили водку (так требовал обычай), а после благополучно прибыли к месту назначения. В традиционном мировоззрении ханты и манси священные деревья занимали важное место.

О том, что ханты и манси остаются язычниками, свидетельствует древняя церемония Медвежьих игрищ с мифическим сюжетом, которая проходит по особому сценарию: с реальными костюмами, масками, с обрядовой хореографией. На празднике проходил обряд отведения вины от себя – медведя «убеждали» в невинности охотников в его убийстве. «Медвежьи» пляски считаются академией духовной жизни обских угров, в них отразилось мировосприятие человеком единства всего сущего на Земле и во Вселенной. Сегодня этот праздник ежегодно проводится в местах компактного проживания обских угров. Добавлю, что сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок подготовлены и переданы материалы по досье на присвоение Медвежьим игрищам статуса Шедевра устного нематериального наследия человечества в ЮНЕСКО.

И вот мой второй вопрос: Есть ли в наше время у детей из татарских семей Тюмени, других мест Вашего региона и Сибири возможность изучать татарский язык, основы татарской истории и культуры? Что вообще в этом направлении сделано властными инстанциями?

На этнокультурное развитие детей различных этносов (и не только нашего региона и не только татарских детей, об этом свидетельствуют результаты исследований ученых) большое влияние оказывает родной язык. Родной язык (в нашем случае, татарский язык) должен (и может) поддерживаться и развиваться через этнокультурное образование, которое направлено, в первую очередь, на сохранение этнокультурной идентичности ребенка путем приобщения к родному языку

и культуре с одновременным освоением ценностей мировой культуры. По моему мнению, принятие идеи этнокультурного образования подталкивают к созданию национальной системы обучения и воспитания. К сожалению, в Тюмени существует незначительное количество общеобразовательных школ (и учреждений дополнительного образования) с этнокультурным компонентом. Расскажу о самой основной общеобразовательной школе, включающей в себя этнокультурный компонент, – тюменской школе №52. В 1992 году школа она была открыта как национальная татарская школа, в 1999 году стала школой с этнокультурным (татарским) компонентом. Основной идеей создания школы было (и остается) сохранение татарского языка и изучение народных татарских традиций. Сегодня в школе обучается 251 ученик, из них 87 % – дети татарской национальности, 13 % – других национальностей. Школа находится в д. Казарово. В школе изучается татарский язык и литература как самостоятельные предметы; ведется факультативный курс «Основы татарской культуры»; изучается татарская музыка, костюм, танцы, кухня и пр.

Вторым примером является Ембаевская СОШ, которая, не имея конкретно установленного этнокультурного компонента, поддерживает этнические составляющие татарского населения, приобщает детей к поддержанию татарских традиций, к изучению национального языка, сохранению культурных ценностей.

Многие годы в Тюмени успешно функционирует Центр творческого развития и гуманитарного образования «Этнос», созданный для формирования поликультурного образовательного пространства в городе, максимально удовлетворяющий потребности детей, семьи (и общества в целом) в этнокультурных образовательно-воспитательных услугах.

На мой взгляд, для нашего многонационального города такое количество учреждений с этнокультурным компонентом слишком незначительно. Учитывая, что сегодня в Тюмени проживают представители 143 национальностей, хотелось бы, чтобы школы нашего города стремились находить специфические формы для развития этнической составляющей у всех обучающихся, а не только у детей, которые переехали в новую для них этнокультурную среду. Ведь это очень важно для жизнедеятельности всего этноса, для сохранения культуры и поддержания (самое главное) гармоничных, безконфликтных отношений между детьми различных национальностей. Из своего опыта знаю, что дети особенно близко принимают и переживают все, что связано с ущемлением национальных чувств, проявлением национальной неприязни и пр.

Выше Вы заметили, что в своих теоретических исследованиях анализировали опыт различных школ, но в докторской диссертации Вы предложили свою методику изучения этнокультурной ситуации в северном регионе. Нельзя ли изложить два-три теоретических подхода, с которыми Вы не согласились, и показать, почему. Тогда яснее станет Ваша собственная концепция.

Проблематика коренных народов Севера, в которую я была вовлечена моим научным руководителем, легла в основу кандидатской диссертации, а потом переросла и в докторскую диссертацию. Безусловно, тематика изменила свою направленность: начинала я с социально-политических проблем аборигенных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа, которые обнажились в период крупномасштабного освоения Тюменского Севера, превратив наш

регион в так называемый «валютный цех» страны. Я никогда не могла предположить, что в середине 1990-х годов в большинстве населенных пунктов округа не может быть газа, электричества, что организм ханты и манси генетически не приспособлен к расщеплению алкоголя, что проблема роста алкоголизма и наркомании по своей остроте может превышать проблемы роста преступности и безработицы, приводя к нравственной деградации и маргинализации этноса в целом. Я не могла предположить, что обучение детей в школах-интернатах приводит к фактическому исключению семьи из процесса воспитания и обучения, что дети отрываются от традиционной культуры, языка, обычаев, а это приводит к формированию у них «комплекса неполноценности». Что многие девушки, получившие интернатское образование, остаются в городе и предпочитают быть матерью-одиночкой, родив ребенка без мужа, чем выйти замуж за мужчину своей национальности и вернуться в места традиционного расселения. Как следствие, местные парни остаются холостяками, спиваются и.... этот список может быть продолжен. И чем больше я погружалась в проблемы коренных народов, тем больше мне хотелось узнавать, изучать, видеть, писать.

В докторской диссертации я провела социологическую диагностику этнокультурной ситуации в северном регионе. Для этого были изучены многочисленные научные подходы, не буду перечислять здесь фамилии и имена отечественных и зарубежных исследователей, в трудах которых обоснованы наиболее общие закономерности культурных процессов, их историческая взаимообусловленность, зависимость от географических, природно-климатических особенностей среды, этнических, религиозных и других особенностей этносов. Но в них я не находила методологических оснований для исследования своей проблематики, проблематики коренных народов Севера, которые вели традиционный образ жизни в гармонии с окружающей их суровой природой и были вытеснены с традиционных мест обитания в связи с нефтегазовым освоением региона. Мне нужен был такой подход, который бы позволил зафиксировать сложившуюся ситуацию в жизнедеятельности северных народов на пороге третьего тысячелетия, что позволит в будущем проводить сравнительный анализ, выявлять тенденции, видеть зависимости, опираясь на полученные данные. Диагностировались социокультурные установки и взгляды, этническое самосознание, социальное самочувствие, межэтнические браки, межэтнические отношения, языковая ситуация, традиционное хозяйство, оценки социальных перемен и пр. Это позволило на протяжении двадцати лет проводить мониторинговые исследования социокультурной ситуации для прогнозирования ее развития в условиях происходящих перемен, а также предложить механизмы адаптации к социальным переменам, ограничения неблагоприятного воздействия на северную природу и эффективного использования духовных ценностей традиционных этнических культур. Прав был Ю. М. Федоров, когда говорил, что современная западная цивилизация должна пойти на выучку к тем реликтовым культам и культурам, которые еще содержат в себе человекосоразмерную цивилизованность. И, по моему мнению, именно культуры северных этносов, обладая архетипической глубиной ментальности, должны стать примером возрождения в нашей культуре.

Отвлечемся, Нурсафа, от хронологии. Вы упомянули тюменского философа и социолога Юрия Михайловича Федорова. Я с ним не встречался, но мне рассказывали о нем Ваши коллеги Вера Гаврилюк и Людмила Лебедева. Что

Вы могли бы рассказать о нем? В чем смысл его философских, социологических построений?

Я считаю себя достаточно сильным и независимым человеком, но в то же время интуитивно чувствую и осознаю необходимость опираться на опыт окружающих людей (мамин опыт вне конкуренции). Например, я прислушалась к напутствию Анатолия Николаевича Силина (моего научного руководителя и позднее консультанта) о необходимости продолжать научную работу после защиты кандидатской диссертации. Его слова о том, что если я остановлюсь хотя бы «на один день» в работе над докторской диссертацией, то ее защита может отодвинуться на годы или совсем не произойти. Недавно в воспоминаниях Софи Лорен я вычитала, что она за ночь прочла «Имя розы», решение пришло сразу — я должна прочесть это произведение, и я не пожалела.

Так случилось и с Юрием Михайловичем Федоровым, с которым лично я не была знакома, но по совету Веры Владимировны взяла почитать недавно вышедший тогда трехтомник «Сума антропологии». Это было в конце 1990-х годов, тогда я узнала, что он переехал из Москвы, работал долго начальником кафедры №1 (марксизма-ленинизма) в ТВВИКУ, потом в ТГУ и ТИИ. Знаю из рассказа, что это был высокий, красивый мужчина, ушедший рано из жизни, но оставивший после себя серьезные философские работы. Я прочла все три тома, признаюсь, что это мне далось с большим трудом. Во-первых, он философ и излагал различные философские теории своеобразным, только ему свойственным стилем. Моих студенческих познаний в философии, полученных от Клары Григорьевны Барбаковой (на втором курсе она читала нам философию), и при сдаче кандидатского минимума при поступлении в аспирантуру, было недостаточно для понимания авторской концепции. Мне пришлось окружить себя философскими, социологическими и энциклопедическими словарями, чтобы иногда даже поминутно заглядывать в них для понимания смысла используемых определений, который в них вложил Юрий Михайлович. Так продолжалось несколько месяцев.

Возвращаясь к Вашему вопросу, хочу отметить, что концепция Федорова была мне близка при изучении культуры ханты и манси, поскольку в ней продолжают сохраняться элементы, утраченные большинством современных людей, которые были вовлечены сначала в информационные процессы, а сегодня в условиях глобализации чувствуют себя «как рыбы в воде». Когда технический прогресс возьмет верх над природой (а это происходит уже повсеместно), может произойти (и уже происходит — Чернобыль, Фукусима, природные аномалии и пр.) техногенная катастрофа, после которой никто не выживет. И об этом он тоже предупреждает. Тогда его работы мне позволили глубже вникнуть в исследуемую проблематику, разглядеть то, что невозможно было увидеть на поверхности, заглянуть в те стороны жизни ханты и манси, о которых я не догадывалась, а на те, которые успела изучить — взглянуть по-новому, более осмысленно. Я поняла, почему северные народы берут от природы ровно столько, сколько необходимо для поддержания жизни, и почему современные люди берут столько, сколько могут взять от нее, не задумываясь, что наносят невосполнимый урон, почему в Коране написано, что не следует переедать, а ощущать чувство голода... и этот список можно продолжать...

В каком году Вы защитили докторскую диссертацию? Обсуждали ли Вашу

концепцию и Ваши выводы на различных научных конференциях? Как работа была воспринята коллегами? Прислушались ли хоть в малой степени к Вашим выводам, рекомендациям властные структуры области, регионов?

Докторскую диссертацию я защитила 19 декабря 2001 года. Поскольку я открывала работу диссертационного совета в 1995 году в университете (я защищалась первой среди восьми соискателей), то и докторский совет, считала, должна была открыть моя работа. Но Клара Григорьевна спокойно рассудила, что моя работа идет на декабрьский совет, а на майский совет докторская диссертация А. С. Гаврина У меня от неожиданности выступили слезы на глазах, а потом начался организационно-подготовительный процесс, так что я только-только успела все завершить к декабрю. И каждый раз в душе благодарила Клару Григорьевну за ее мудрое решение. Чего стоило мне убедить Анатолия Ивановича Шендрика, московского доктора наук, выступить официальным оппонентом. После предварительной договоренности Зинаиды Тихоновны Голенковой с Анатолием Ивановичем я вела с ним только телефонные разговоры, мы договорились, что официальное приглашение, автореферат и текст диссертации я привезу в Москву лично. Я полетела утренним рейсом, планировала вернуться вечерним. Приехала в университет к Анатолию Ивановичу, вручила все как договаривались. Первое, что он взял в руки, был автореферат, он начал читать его при мне и... выражение лица А. И. стало меняться. Выяснилось, что я неправильно указала его ученую степень. Я полагала, что он доктор философских наук (уточнить у него или у Зинаиды Тихоновны было нетактично, Интернета еще не было), а он в числе первых защитил докторскую по социологии культуры (вернувшись я перепечатала автореферат). Но на этом мои приключения в Москве только начались. В начале 2000-х годов в центральном аэровокзале можно было зарегистрировать билет и уехать Икарусом в Домодедово. Приезжаю в аэровокзал, выясняю, что последний автобус уже как десять минут уехал, договариваюсь с частником и еду в Домодедово. Интуитивно чувствуя, что мы опаздываем, он ехал то по встречной полосе, где по дворам, где на красный сигнал светофора, но и это нас не спасло — мы приехали за 25 минут до вылета самолета. Я рассчиталась, вышла из машины, зашла расстроенная в здание аэропорта, тут ко мне подходит мужчина с вопросом, что случилось, я объясняю, он забирает мой билет и паспорт (в таком состоянии я не успела подумать, что меня могут обмануть), уходит, возвращается минут через пять, провожает до дежурного... и меня одну на автобусе увозят к самолету. Такие невероятные случаи в моей жизни происходят часто, но Бог и молитвы моей мамы меня берегут.

Еще несколько строк посвящу Анатолию Ивановичу Шендрику. Он прилетел на защиту, выступал первым, как первый оппонент, сорок пять минут: тридцать из них хвалил работу, пятнадцать — критиковал. Спустя десять лет после защиты, 19 декабря 2011 года я позвонила всем своим оппонентам, научному консультанту, чтобы поблагодарить (мы так редко вспоминаем своих учителей) — Анатолия Николаевича Силина (д.социол.н., профессора ТюмГНГУ), Василия Васильевича Мархинина (д.ф.н., профессора, выходца новосибирской школы, последние годы он работает в Сургутском педагогическом университете), Владимира Иосифовича Бакштановского (д.ф.н., профессора, оппонента от диссовета) и Анатолия Ивановича, но его, к сожалению, уже нет в живых. Анатолий Иванович рассматривал культурологию как науку о современной действитель-

ности, он показывал, что культуролог превращает в научную проблему то, что на уровне обыденного сознания не вызывает сомнения, в этом смысле он заново открывает мир, срывает с него маску тривиальности.

Начиная с 1993 годы, мы проводили мониторинговые исследования в ХМАО с временным лагом два года. С результатами исследований я регулярно выступала на международных конференциях не только в России, но и в Швеции. Полученные данные регулярно обсуждались в Научно-исследовательском институте обско-угорских народов (г. Ханты-Мансийск), на заседаниях правительства округа; разработанный инструментарий был апробирован и в ЯНАО. Разработанный мной социологический инструментарий позволяет исследовать социокультурную ситуацию в любом регионе, получаемые результаты актуальны, вызывают интерес среди представителей научного сообщества и с завидной периодичностью становятся предметом обсуждения на научных конференциях, симпозиумах, круглых столах, чтениях и студенческих занятиях.

Вы очень рано стали доктором наук, в 36 лет. Вам не говорили: «Не спеши!», «Не лезь поперед старших!». Прошло много лет с тех пор, Вы наблюдаете, как дела идут в социологии...как Вы думаете, почему сегодня так заметно помолодел (в сравнении доперестроечными годами) состав докторов наук по социологии?

Я кандидатскую диссертацию защитила в тридцать лет, некоторые мои сверстники защитились через три-четыре года после окончания института. У меня все было сложнее: я писала выше, борьба за власть на кафедре, отношение к способным студентам на выпускающей кафедре (это самое основное) навсегда отбили желание писать диссертацию по экономике, в начале 1990-х годов я могла ориентироваться на экономический совет в Ленинграде. Спустя несколько лет у меня появилась реальная возможность исполнить свою (заветную) мечту: я поступила в очную аспирантуру ТГУ и через три года успешно защитила кандидатскую диссертацию. По результатам всех защит в 1995 году моя диссертация была признана лучшей, и на Ученом Совете университета мне вручили диплом и подарок – магнитофон фирмы «Panasonic» (в середине 1990-х годов это считалось роскошью).

Результаты дальнейших мониторинговых исследований, проводившихся каждые два года, стали оформляться в статьи, монографии, учебные пособия, обо мне стали говорить, на мои работы стали ссылаться, меня стали приглашать, включать в программы выступлений на конференции и пр. Это было стимулом для дальнейшей работы, а главную роль сыграло напутствие научного руководителя и предупреждение, что остановка в научных исследованиях смерти подобно для будущей докторской диссертации. Плюс полное включение и погружение в социологическую сферу, когда я себя уже не представляла в другой профессии, тогда я поставила перед собой следующую задачу – защитить докторскую диссертацию.

В 2000 году я показала свою монографию Кларе Григорьевне, она тогда была ректором Международного института, она пригласила к себе, это было очень волнительно. Я не знала, какой вердикт будет вынесет, а он прозвучал так «Нурсафа Гафуровна, монография выполнена на богатом эмпирическом материале, и я вижу, что по результатам проведенных исследований в ней есть задел для докторской диссертации, оформляйте и готовьтесь к защите». Вопросов о моем

возрасте у Клары Григорьевны, равно как и у других, не возникло. Сегодня (тогда я тоже так считала) я понимаю, что все было сделано правильно и своевременно. Человек существо разумное, поэтому в случае неудачи всегда находит себе оправдание и считает, что в случившемся виноваты обстоятельства или другие люди. Это проявляется у большинства людей, независимо от возраста, образования или пола. Ребенок будет оправдываться, что это не он сломал вазу, мужчины оправдывают свое нежелание идти в больницу загрузкой на работе, женщины отказываются следить за своим весом, ссылаясь на домашнюю работу и пр. А я тогда уже осознавала, что после пятидесяти активность человека, хочет он этого или нет, снижается (после тридцати генетически человек начинает стареть), поэтому старалась не растрчивать время попусту. Да и, честно говоря, мы тогда видели с экранов телевизора, что в президиумах съездов, собраний, конференций сидели убежденные сединами ученые, некоторых приводили и уводили под руки. А я не хотела и не хочу, чтобы это происходило со мной, поэтому стараюсь быть не только в научной, но и в физической форме (катаюсь на лыжах, на велосипеде, дружу с роликами, горными лыжами, большим теннисом, плаваю в бассейне и пр.).

Я думаю, что к такому осознанию приходят многие современные ученые. Например, я знакома с доктором филологических наук Ириной Советовой Карабулатовой, она защитила докторскую диссертацию в 34 года; на моей кафедре работает профессор Шарапов Роман Дмитриевич, он докторскую защитил в тридцать пять. Таких примеров много. Но мне хочется сказать, что и раньше ученые защищались в молодом возрасте, например, в 1960-е годы Виктор Легостаев защитил докторскую диссертацию по техническим наукам в возрасте 29 лет.

С момента защиты докторской диссертации прошло более десяти лет. Вы продолжаете разрабатывать тот же круг проблем или ушли в совсем новую область?

Безусловно, за тринадцать прошедших после защиты лет круг научных проблем и интересов расширился значительно. На это оказало влияние множество факторов, одним из них является сфера деятельности. В сентябре 2001 года ректор университета Николай Николаевич Карнаухов пригласил меня участвовать в его избирательной кампании по выборам в Тюменскую областную Думу (это была его третья, и в итоге успешная, попытка). Я отслеживала электоральное настроение тюменцев сначала ежемесячно, а в ноябре — еженедельно. У меня «на носу» была защита, сыну полтора года, а здесь такое задание ректора. Напряженными были эти четыре месяца, но Николай Николаевич победил (наши опросы прогнозировали его победу), а я успешно защитилась. В январе 2002 года он предложил мне должность проректора по учебной работе и довузовскому образованию, а 1 февраля я уже сидела в новом кресле и практически рыдала от того, что не могла понять, зачем мне это нужно. Два месяца во мне происходила борьба, я готова была пойти к Николаю Николаевичу с капитуляцией, но мой характер остановил меня. Тогда я новую работу наполнила социологией и в моем департаменте начались опросы абитуриентов, потом эксперименты по формам набора и качеству поступающих, через год мы отслеживали их успеваемость уже как студентов, через два года выявляли тенденции, формулировали выводы, вносили предложения в Правила приема и другие регламентирующие

документы. Мои сотрудники стали участвовать в опросах, обрабатывать результаты, писать тезисы на конференции, статьи в журналы, принимать участие в олимпиадах и научных конкурсах (успешно).

За семь лет работы проректором у меня появлялись, расширялись и укреплялись связи в новых сферах. Внося в них социологический опыт и знания, мы открывали новые для себя сферы — гранты Губернатора, РФФИ, ХМАО, Департамента занятости, Комитета по делам национальностей, хоздоговоры с Надымгазпромом, обучение резерва персонала северных предприятий и многое-многое другое. Новые сферы способствовали привлечению новых молодых учеников, которые вливались в научную социологическую работу, многие мои ученики защитили кандидатские, некоторые работают в нашем университете и сегодня.

В последующие годы я занималась управленческой работой в структурных подразделениях нашего университета (директор колледжа, заведующая отделением, заведующая кафедрой) и там я следовала полученному опыту — везде вносила социологическую искру. Результаты не заставили себя долго ждать: мы писали, побеждали, участвовали, завоевывали, получали награды. И на каждом последующем этапе расширялись контакты, связи, которые приводили к новым направлениям исследований, расширяя круг проблем и участников для их решения. Сказать хочется о многом, а главное — есть что сказать, например, о журнале Известия вузов. Социология. Экономика. Политика, с которым связана моя другая жизнь, другая частичка моего сердца, она требует отдельного разговора.

Помню, когда мы познакомились, Вы и были проректором. Какой кафедрой Вы руководите? Какую программу предлагаете студентам. Находят они потом работу? Какие курсы Вы лично читаете?

Кафедрой социальных наук я не руководила и даже не управляла, скорее, вела за собой небольшое педагогическое сообщество — 15 человек, ставших моими последователями. Я согласилась участвовать в выборах на должность заведующей кафедрой по просьбе ректора — Владимира Васильевича Новоселова. Все шансы победить у меня были, но конкурентную борьбу за эту должность я почувствовала на себе. Сомнений, что найду общий язык с коллективом, не было никаких, задача была — поделиться с педагогами моим накопленным опытом научных исследований, привлечь к новым (для них) формам научно-педагогической деятельности и подтолкнуть к саморазвитию и самосовершенствованию. Коллектив оказался пластичным, трудолюбивым, исполнительным. Наши студенты стали побеждать на олимпиадах, участвовать в конкурсах научных работ не только регионального уровня. Например, в прошлом году на конкурс, проводимый Федеральной службой судебных приставов, в Москву мы направили три работы. Преподаватели стали писать больше статей в журналы из перечня ВАК, из базы Scopus, монографий и учебных пособий. Индекс Хирша поднялся у всех.

А со студентами я стараюсь работать не традиционным способом (вопрос — ответ), а инновационными: они вовлекаются в научно-исследовательскую деятельность, пишут тезисы и участвуют в международных конференциях. А 26 ноября 2014 г. я проводила открытый урок на тему «Современное этнокультурное пространство Тюмени». В течение двух с половиной месяцев студенты занимались практической работой, основанной на анализе многочисленных источников

и авторских наблюдений, чтобы рассмотреть некоторые малоисследованные аспекты развития полиэтничности Тюмени (названное нами этнопространство), мы сделали исследовательский акцент на полиэтничной инфраструктуре нашего областного центра. В формировании нового полиэтничного облика Тюмени мы увидели реальные социокультурные изменения, в городе появились новые этнические инфраструктурные объекты, выявили толерантные и конфликтные элементы в их функционировании, рассмотрели их интегрирующий и разделяющий общественный потенциал. Работа была полностью индивидуальной, студентами были изучены такие инфраструктурные компоненты, как: организации, помогающие развитию полиэтничности в Тюмени; информационная сфера полиэтничного пространства; полиэтничная топонимика Тюмени; реклама и вывески на тюменских улицах; этнические кафе и рестораны; магазины Тюмени этнической направленности; религии и религиозные учреждения Тюмени и др. Добавлю, что готовых материалов по данной теме нет и скачать из Интернета подобные работы они не имели возможности (из-за отсутствия таковых). Вот так мы и работаем, изучая этносоциологию, социологию и политологию, управление персоналом, правовые основы управления персоналом, трудовое право, правоведение и др. дисциплины.

С А. Н. Силиным я знаком много лет, с 1985 или 1986 года. Мне кажется, он одно время работал в Павлограде (Казахстан). Что Вы знаете о его современной жизни, работе?

Как я писала выше, к Анатолию Николаевичу я пришла работать по распределению в 1988 году после окончания института. Под его руководством я стала социологом, защитила кандидатскую и докторскую диссертации. За четверть века мы с ним многое сделали: подготовили и опубликовали учебники по организационному поведению, управлению персоналом (из пяти один на казахском языке), менеджменту организации, управлению персоналом в нефтегазовой компании. В рамках межгосударственного соглашения между Россией и Казахстаном занимались подготовкой специалистов высшей квалификации (кандидатов наук). Участвовали в избирательных кампаниях Президентов, депутатов разных уровней, проводили экзит-поллы, выполняли хоздоговорные работы. Сегодня он работает профессором на кафедре маркетинга и муниципального управления, активно пишет монографии, занимается с аспирантами. На протяжении всех лет у нас сохраняются добрые дружеские отношения, мы интересуемся достижениями друг друга, детей, откликаемся на любую просьбу, мы постоянно созваниваемся, я благодарна Анатолию Николаевичу за его участие в моей жизни и думаю, что он относит меня к разряду способных и благодарных учеников.

Вы подробно рассказали о своих исследованиях коренных народов Севера. Участвуете ли Вы в более широких этно-социологических проектах? Какие общие и специфические проблемы для разных регионов России Вы могли бы указать?

В первую очередь я хотела бы здесь сказать о многолетнем опыте сотрудничества с Институтом социально-политических исследований РАН, который возглавляет Виктор Константинович Левашов. На протяжении многих лет они проводят в 12 регионах России анкетные опросы в режиме социологического мониторинга «Как живешь, Россия?». Я горжусь, что с 2003 года полевой этап

в Тюменской области проводится под моим руководством. Результаты исследований отражаются не только в тюменских изданиях, но регулярно в публикациях ИСПИ РАН и работах В. К. Левашова. Наше сотрудничество не замыкается только на проведении анкетных опросов, например, в 2005 году мы выиграли издательский грант Губернатора Тюменской области. Благодаря совместной работе вышла в свет монография под нашей редакцией «Тюменская область: наука и общество (социально-экономическое и этнокультурное развитие)», тираж который разошелся мгновенно. У меня остался всего один авторский экземпляр, но со всеми подписями авторского коллектива! В этом году мы готовим с Виктором Константиновичем коллективную монографию «Тюменская область: мост из Европы в Азию» с участием ведущих российских социологов.

В начале 2014 года судьба познакомила меня еще с одним прекрасным человеком, ученым – Розалиндой Нуриевной Мусиной (из Академии наук Республики Татарстан), которая обратилась с просьбой принять участие в проекте «Татары в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и проблемы идентичности в рамках Государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 годы)». Я провела глубинные интервью с представителями духовенства, верующими и экспертами – представителями органов власти, отвечающими за данные вопросы в Тюменской области. С помощью полученной информации удалось показать общую характеристику конфессиональной ситуации в регионах компактного проживания татар, провести содержательный анализ процесса «религиозного возрождения» у татар, различных форм его проявления, роли ислама в этнонациональном самосознании, в ценностных ориентациях, этноконфессиональных отношениях.

На этом наше сотрудничество не закончилось, Розалинда Нуриевна пригласила меня в Казань на конференцию «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации», приуроченную к 45-летию первого в отечественной социологии крупномасштабного этносоциологического исследования, проведенного в Татарской АССР. На конференции мне удалось установились новые контакты с коллегами социологами, этнологами, историками, психологами, которые уже реализуются. Например, с Верой Константиновной Мальковой, д.и.н., главным научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН, мы исследуем современное этнокультурное пространство. Согласуется план исследований с Флюорой Амировной Ильдархановой, директором Научно-исследовательского центра семьи и демографии АН РТ; Людмилой Васильевной Намруевой, заведующим отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и др.

Выше Вы написали еще об одной частице своего сердца – журнале. Пожалуйста, расскажите об этом подробнее.

Идея создания журнала родилась у меня в середине 1990-х гг. после знакомства с Ю. В. Попковым в Ханты-Мансийске на конференции по проблемам коренных малочисленных народов Севера. Забегая вперед скажу, через десять лет после нашей первой встречи. Институт философии и права Сибирского отделения РАН, где работал и продолжает работать Юрий Владимирович, выступил ведущей организацией по моей докторской диссертации. Я благодарна судьбе,

что на всех этапах моего жизненного пути (банально, но искренне) встречались и продолжают встречаться люди (ученые, представители органов власти разных уровней, бизнес-элиты, духовенства и пр., с которыми у меня сложились дружеские, творческие, доброжелательные контакты).

Юрий Владимирович уже издавал тематический сборник «Региональные этносоциальные процессы». И я тоже загорелась идеей, которая смогла воплотиться в жизни после защиты докторской диссертации, когда я занялась административной работой, придавшей импульс моей мечте. Название тематического сборника родилось быстро, больше времени потребовалось для рекламы сборника и сбора статей от авторов. Действительно, на первоначальном этапе авторов приходилось приглашать к участию в выпусках сборника. Под названием «Региональные социокультурные процессы» сборник вышел дважды: в 2002 и 2003 гг.

В 2004 г. появилась желанная идея издать журнал, мою идею поддержала Марина Львовна Белоножко, которая увидела (по моему мнению, единственная на тот период времени, да и в последующие годы) пользу издания журнала не только для университета. Тогда мы решили издавать журнал с периодичностью четыре раза в год. Главным редактором стал ректор Н. Н. Карнаухов, заместителем главного редактора была я. Избрали учредителей, членов редакционной коллегии, зарегистрировали журнал в федеральном государственном учреждении «Книжная палата», открыли подписной индекс в Роспечати, изменили содержание и формат сборника. Журнал становился привлекательным не только для региональных авторов, но и для авторов из других регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. География авторов расширяется постоянно, многие авторы имеют желание поделиться результатами своих теоретических и эмпирических исследований на страницах журнала. На следующем этапе мы поставили задачу войти в перечень ВАК для того, чтобы аспиранты, докторанты и соискатели наших диссертационных советов могли публиковать результаты своих исследований. Для этого были проведены организационные мероприятия, подготовлены документы в соответствующие органы, были изменены название журнала и состав учредителей, усилен состав редакционной коллегии.

Наши усилия увенчались успехом, в июле 2007 г. журнал был включен в перечень ВАК по экономике, социологии, политике и праву. Последние семь лет журнал по-прежнему остается авторитетным изданием, в котором публикуют результаты своих исследований не только аспиранты и соискатели, но и ведущие российские и зарубежные ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Краснодара, Омска, Томска, Хабаровска, Красноярска, США, Франции, Германии, Китая, Казахстана, Украины и др. За 12 лет в свет вышли 42 номера журнала, юбилейный 35 номер читатели увидели в декабре 2012 г. на наших праздничных мероприятиях.

Работа зам. гл. редактора является общественной, но она меня поглощает на несколько часов ежедневно. Я переписываюсь с авторами, готовлю обзоры, формирую номера, работаю с сотрудниками, отвечающими за редактирование и верстку номеров, налаживаю контакты с коллегами из других журналов. Это позволяет расширять географию наших авторов, обмениваться статьями,

делиться опытом своей работы, повышать импакт-фактор нашего журнала, а главное – находить подтверждение тому, что мы конкурентоспособны и нам доверяют авторы.

В каких учебных заведениях Тюмени сейчас преподается социология, на каких факультетах выпускают социологов? В каких городах области готовят социологов, есть социологические центры, группы? Налажено ли сотрудничество между различными социологическими факультетами, центрами, обмен информацией и т.д.?

Социология преподается во всех тюменских вузах, на всех специальностях и по всем формам обучения, но социологов готовят только в нашем университете (Тюменском государственном нефтегазовом университете) и в классическом (Тюменском государственном университете). В Тюмени ежегодно проводится областная студенческая олимпиада, в том числе и по социологии. Безусловно, сотрудничество налажено и не только в сфере обмена социологической информацией, но и в сфере обмена педагогическим опытом. Например, на протяжении последних лет для чтения лекций и проведения практических занятий у студентов Института менеджмента и бизнеса, Гуманитарного института привлекается Игнатова Елена Васильевна, доктор PhD по социологии из Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан) и Шеломенцева Валентина Павловна, д.с.н., профессор Инновационного Евразийского университета (Казахстан). В прошлом году я дистанционно преподавала социологию казахским студентам, а в июне ездила в Павлодар для приема экзамена. Распространенной и очень плодотворной формой сотрудничества является проведение международных научно-практических конференций с привлечением к участию не только профессорско-преподавательского состава, но аспирантов и студентов. Ежегодно на базе нашего университета таких конференцией организуется не менее пяти. Результаты социологических исследований публикуются в социологических журналах, вестниках, трудах наших вузов-партнеров не только из Тюмени, но и из Уфы, Орла, Москвы, Казахстана.

Пожалуйста, расскажите, действует ли у вас в регионе или в стране система повышения квалификации преподавателей социологии? Если да, приходилось ли Вам участвовать в этих занятиях и как преподаватель, и как обучающийся?

В России, в российских регионах и даже во многих вузах существуют программы повышения квалификации преподавателей социологии, но лично я в таких программах не принимала участие, зато обучала преподавателей других вузов. Вот и весной этого года по приглашению декана гуманитарного факультета, заведующего кафедрой «Политологии, социологии и связей с общественностью» Уфимского государственного нефтяного технического университета Гареева Эдуарда Сагидулловича буду проводить тренинги со студентами и преподавателями-социологами.

Возвращаясь к программам повышения квалификации, следует учитывать некоторые обстоятельства. Если раньше на курсы повышения вузы отправляли преподавателей социологии, то последние (не ошибусь) шесть-восемь лет это становится «головной болью» преподавателя. В условиях нестабильной ситуации, вузы (и не только) вынуждены сокращать расходы на обучение и повышение

квалификации персонала. Я помню все свои курсы повышения квалификации, которые помогли мне развить и усовершенствовать навыки и умения преподавателя и социолога, научили творческому отношению к любой работе. На первые курсы повышения квалификации я «попала» в 1995 г. в Вулвергемптонскую школу бизнеса (Великобритания) на три недели.

В 2004 году была Австралия. В команде восьми российских топ-менеджеров я знакомясь с образовательной системой Австралии, в том числе и программами повышения квалификации преподавателей социологии. Среди них были Петр Положевец, главный редактор «Учительской газеты», Надежда Васильевна Коноплина, ректор Сургутского государственного университета и др. Через год повышала квалификацию в Политехническом институте Южной Альберты в Калгари (SAIT Polytechnic), основанном в 1916 г. и являющимся полностью государственным учебным заведением Канады. За неделю я встретила с 15 руководителями различных программ, наибольший интерес вызвал Департамент корпоративного обучения и Центр технологии и усовершенствования навыков преподавания. Том Лобло рассказывал мне, как это происходит в университете, в том числе и среди преподавателей социологии и политологии. Еще я ездила в олимпийскую деревню (в 1988 году в Калгари проходили зимние Олимпийские игры), посетила музей канадских аборигенов, где узнала, что только Правительство Канады принесло официальные извинения аборигенам за ассимиляцию. Удалось увидеть настоящий хоккейный матч: это была благотворительная игра, после завершения которой все зрители бросали тысячи мягких игрушек разного размера на лед, а хоккеисты собирали их в маленькие грузовики прямо на стадионе. Рене Чернеки (руководитель проекта) объяснила мне, что игрушки предназначаются для больных детей и хоккеисты лично будут вручать больным детям собранные игрушки в больницах, клиниках. Я благодарна Рене, которая организовала мой визит после активного участия в серии канадско-российских семинаров. В 2006 году по приглашению Бюро образовательных и культурных программ Государственного департамента США я участвовала в программе профессиональных обменов «Корпоративное образование». Повышала квалификацию по направлению «Управление персоналом в зарубежных фирмах» в Ташкенте (Узбекистан, 2011 г.), в Павлодаре (Казахстан, 2012 г.). В 2011 г. прошла стажировку в ОАО УК «Мост», которая предусматривала социологический анализ системы управления торговым персоналом (Россия, Тюмень). Обо всех программах я могу рассказать много интересного, о людях, которые сопровождали меня, о достопримечательностях и культуре жителей данных государств.

Нурсафа, Вы много публикуете, какие книги, учебные пособия, по Вашему мнению, оказались наиболее успешными, отмечались ли они какими-либо профессиональными наградами?

Меня по жизни сопровождают заведенные мною же традиции, согласно одной из них, все опубликованные работы я сразу заносу в файл под названием «Список научных трудов». Первая запись в этом файле датирована 1989 годом. Таким образом, за период профессиональной деятельности (четверть века уже) опубликовано 350 научных трудов, включая 16 монографий и 17 учебных пособий, 3 электронных издания учебных пособий, зарегистрированных в «Информрегистре», 11 статей в изданиях, индексируемых в Scopus. База для

наград, как видите, наработана, и не случайно я побеждала в конкурсах: стала лауреатом премии им. А. Н. Косухина в номинации «За лучшее научное издание» за монографию «Социологическая диагностика этнокультурной ситуации» (2000 год); лауреатом премии им. А. Н. Косухина в номинации «За лучшее учебно-методическое издание» (2001 г.); победителем конкурса «Лучший учебник и учебное пособие» (2006 г.) за учебник «Управление людьми в организации: современные подходы и технологии». В 2009 году награждена дипломом в номинации «Лучшее учебное издание по экономическим наукам» Первого Сибирского регионального конкурса на лучшую вузовскую книгу «Университетская книга – 2009»; а в 2011 г. в номинации «Лучшее краеведческое издание» Третьего Дальневосточного регионального конкурса изданий высших учебных заведений «Университетская книга – 2011».

Не могу выделить среди них наиболее успешное, так как каждое издание я бы представила к какой-либо номинации, например, «самое первое издание» или «лучшее зарубежное издание», «лучшее краеведческое или правовое издание» и пр. Права была мама, когда спрашивала меня, «если укусить три пальца, какой больше будет болеть?»... чтобы понять, почему я здесь привожу это сравнение, следует прочесть интервью до конца.

Мы все о науке, преподавании. А как Вы проводите, если есть, свободное время? Где любите отдыхать? Успеваете ли читать художественную литературу? Считаете ли Вы себя театралом?

Многие мечтают, чтобы в сутках было не 24 часа, а несколько больше... и каждый по мере того, как он организует свое время, прибавил бы к суткам несколько часов. Я прекрасно понимаю, что этого не будет, поэтому стараюсь рационально и разумно организовать свой день, планирую на неделю, месяц, бывают события, которые записываю в ежедневник следующего года. Я стараюсь поддерживать здоровый образ жизни – это здоровое, полноценное питание, занятия физкультурой (не ради достижений): зимой ежедневно катаюсь на лыжах (до минус 26 выдерживаю), с весны до осени – на велосипеде, раз в неделю плаваю в бассейне, хороший сон и возможность отдыхать зимой на горнолыжных курортах, осенью на море. Свободное время появляется как раз во время катания или плавания, тогда мой мозг отдыхает, тогда я думаю, мечтаю...

Чтение – это отдельная тема. Я читаю для души художественную литературу разных жанров – в прошлом году наконец перечитала «Войну и мир» (три года собиралась), Э. Бронте «Грозовой перевал», Ошо, сейчас читаю роман о Микеланджело. Много приходится читать научной и учебно-методической литературы, которая необходима мне для поддержания квалификации и подготовки статей и монографий. Много времени отнимает не чтение, а вычитка и правка статей студентов, аспирантов, диссертантов, монографий, представляемых мне на рецензирование (последний библиографический указатель по сибирским татарам содержал 450 стр.). одновременно приходится работать со статьями авторов нашего журнала (каждый номер содержит около 30 статей), зачастую приходится самой их подрабатывать (сокращать, приводить в порядок список литературы, добавлять ключевые слова, исправлять аннотации и пр.).

Люблю театр, часто смотрю игру актеров, слушаю оперу (была в Сиднейской опере), балет (в Мариинке), но один из мюзиклов не уходит из моей памяти. Я писала, что в 2006 году по приглашению Бюро образовательных и культурных программ Госдепа США посетила Америку. Это 25 незабываемых дней в моей жизни. Во-первых, замечательная российская команда, во-вторых, наша программа предусматривала посещение около десятка крупнейших американских городов, университетов, достопримечательностей. Например, в Вашингтоне мы были у Белого дома, Капитолия, заходили в зал, где Президенты Америки обращаются к нации. В Далласе стояли на месте, где 22 ноября 1963 года убили Джона Кеннеди, в Сиэтле, самом зеленом городе Америки, посетили музей «Боинга» и др. Мы познакомились с двухуровневой образовательной системой (это было так интересно), которая только начинала внедряться в российских вузах после вступления России в Болонский процесс. Встречались с обычными американцами, которые принимали нас в своих домах, от них я впервые узнала про американский праздник Хэллоуин, который отмечается по всей Америке 31 октября. Наконец, для нас была предусмотрена и культурная программа, которая включала посещение мюзикла «Король лев» на Бродвее. Стараюсь ходить в театры и в других российских городах во время командировок, дома смотрю спектакли тюменской и приезжих трупп.

Может быть, в заключение немного расскажите о своей семье?

В семейном кодексе семья подразумевает наличие, наряду с супругами, родителей и детей. У меня, с формальной точки зрения, имеются все перечисленные члены семьи, но мама — моя, а папа — супруга. Они у нас — полноправные члены семьи, хотя постоянно не проживают с нами. Мама живет у нас только десять дней в месяц, поскольку остальные двадцать дней она делит между моими сестрами. С детства помню, на вопрос, кого она больше всех любит, она всегда отвечала: у меня три пальца (сравнение с тремя дочерьми) и если я укушу их, какой будет болеть больше? Я отвечала, что одинаково, «вот я и всех вас люблю одинаково» отвечала на это мама. Поэтому сегодня поровну «делит себя» между нами, поровну помогает, поровну звонит и беспокоится за нас.

У меня взрослая дочь, ее зовут Хадия (у нее имя моей мамы), она живет самостоятельно с мужем и двумя сыновьями — Рушаном (три года) и Асхатом (годик). Разница у мальчишек 23 месяца. Асхат — это маленький подарок для меня от дочки, он родился под моим знаком в год Змеи. Почему «подарок», потому что дочка, сын и супруг родились в один год — год Кота (Кролика, у них разница 12 лет), а теперь я не одна — нас двое. Хадия окончила наш университет по той же специальности, что и я, работает на кафедре экономики товарных рынков, подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Ценностные ориентации личности в социокультурном пространстве межпоколенческого взаимодействия» и представила руководителю. После прочтения первого варианта рукописи Вера Владимировна Гаврилюк высказала замечания, рукопись уже доработана, и второй вариант лежит у нее на столе, ждем вердикта. Несмотря на то, что в целом теоретическая составляющая вопросов ценностных ориентаций и межпоколенческого взаимодействия в настоящее время в значительной мере разработаны, социокультурные аспекты взаимоотношения поколений «отцов» и «детей», преемственности на региональном уровне на основе типологизации практически не

изучались. На своем примере она испытывает и изучает эти взаимоотношения, ежедневно взаимодействует со своими родителями, видит и оценивает наши отношения с родителями, ощущает наше отношение к своим детям (внукам), и это помогает ей в исследованиях. Новизна ее работы заключается в том, что для построения социокультурной модели межпоколенческих взаимодействий в Тюменской области она использует типологизацию поколенческих групп на основе социокультурного кода (который недостаточно разработан в социологии культуры). Хочу, чтобы она обязательно защитила свою работу, тогда я буду по-настоящему счастлива. Наукой она занялась (по моему примеру) на втором курсе, участвовала в конкурсах научных работ, конференциях, сегодня имеет двадцать публикаций, около половины из них – статьи в журналах из перечня ВАК и Scopus.

Сыну 27 февраля исполнилось 16 лет, Дамир учится в школе-гимназии с углубленным изучением английского языка и успешно занимается с четырех лет спортивно-бальными танцами. На сегодняшний день пара считается в своей категории первой не только в Тюменской области, но и в УрФО. По стандарту (они танцуют и латинские танцы) в российском рейтинге за 2014 г. они были девятыми. Он здорово играет в футбол и знает о нем, мне кажется, все (кто, когда, в каком году и сколько забил, получил какой кубок, кто перешел и в какой клуб, и сколько стоит этот переход), гоняет на питбайке, на чтение времени остается мало: с утра до трех учеба, после школы многочасовые тренировки, в выходные дни участвует в соревнованиях. Супруг мечтал в детстве заниматься танцевальным спортом, но в нашем детстве к танцующим мальчикам относились неодобрительно, поэтому его мечта воплотилась в сыне. Нургали включен в тренировочный процесс Дамира, ездит с ним на соревнования в Екатеринбург, Челябинск, Пермь. Дамиру повезло, он занимается с замечательными тренерами и в 15 лет, после побед на крупных турнирах и первенствах ему присвоили и вручили нагрудный знак «Кандидат в мастера спорта».

Ну что же, Нурсафа, Вы не только многого добились в своей работе, но и дали рост династии социологов. Отлично.

Интервью с Еленой Ростиславовной ЯРСКОЙ-СМИРНОВОЙ

«БРОСИТЬ ВЫЗОВ СЛОЖИВШИМСЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯМ, ГРАНИЦАМ НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН»

Ярская Е. Р. — окончила механико-математический факультет Саратовского государственного университета (1984). Доктор социологических наук (1997), Ph.D. по социальным наукам (Гетеборгский университет, 2011). Профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор «Журнала исследований социальной политики». Основные области исследования: социология и социальная антропология профессий, социальной политики, инвалидности, социальных проблем, публичной сферы, качественные, визуальные, гендерные исследования. Интервью состоялось: апрель-сентябрь 2014 г..

В развиваемой мною стратификации современного российского сообщества социологов особый интерес сегодня вызывает пятое поколение. Его образуют исследователи, родившиеся в интервале от 1959 года до 1970 года. Старшие из них окончили школу и получили высшее образование до перестройки. Многие из них на момент развала СССР уже имели опыт социологических исследований, стали кандидатами наук, некоторые — приступали к работе над докторскими диссертациями. Младшие — в наиболее яркие перестроечные годы завершали школу и начало 90-х встретили недавними выпускниками университетов. Свою профессиональную, социологическую работу они, как правило, начинали уже в новой России. Это обуславливает некую неоднородность пятого поколения, но объединяет его представителей то, что большая часть их профессиональной деятельности даже уже к настоящему моменту развивалась в постсоветское время и связана с исследованием новой социальной реальности.

Траекторию вхождения в социологию и динамику профессиональной деятельности Елены Ростиславовны Ярской-Смирновой, принадлежащей к пятому поколению, можно назвать, используя термин Ж. Т. Тощенко, «кентавристой». Это очень интересный синтез известного нам из биографий представителей старших поколений и того, что впервые отражено в жизнеописаниях представителей этой когорты и, есть основания предполагать, будет обыденным, или частым, в рассказах новых отрядов социологов. Проиллюстрирую сказанное лишь на примере набора ее научных степеней.

К 1979 году Елена закончила математическую и музыкальную школы и поступила на мехмат Саратовского университета. Но вскоре математика стала вторичной, на первое место вышло участие в молодежном фольклорном движении. В 1989 году она, дипломированный математик, защитила кандидатскую диссертацию по философии, в которой нашло отражение ее математическое образование и увлеченность народной песней. Ею были рассмотрены категории пространства и времени в фольклоре. В принципе подобное вписывается в модели доперестроечного вхождения специалистов с разным базовым образованием в социологию.

Далее – совсем новое. Вхождение в проблематику организации социальной работы и освоение европейского опыта изучения этой сферы жизни общества. Затем – проведение в России и Швеции серии исследований жизни семей с детьми-инвалидами. В советское время эта тема считалась закрытой и не интересной для социологов. Но Елена доказала важность и актуальность этой проблематики и в 1997 году защитила докторскую диссертацию. Но и это не все. Пройдя обучение в Швеции, она в Гетеборгском университете сначала получила степень магистра, а в 2011 году – степень PhD.

Таким образом, Елена Ярская-Смирнова, возможно, первый советский/российский социолог, имеющий одновременно все российские и западные научные степени. Это абсолютно новый пример вхождения отечественных социологов в мировое научное сообщество. Согласен с Еленой в том, что это стало возможным, поскольку ей и ее сверстникам-коллегам очень повезло, они «строили свою профессиональную карьеру в социологии во времена растущих свобод, открытых границ и возможностей». Очевидно, подобной профессиональной карьеры в принципе не могли иметь социологи ранних поколений, но думается, она крайне редкой будет и в последующих когортах.

Ярская-Смирнова Е. Р.: «Бросить вызов сложившимся определениям, границам научных дисциплин»

Лена, Вы знаете, откуда в Вашей семье фамилия «Ярская»? Возможно, это была артистическая фамилия отца?

Это артистическая фамилия деда — Дмитрия Смирнова-Ярского. У него был старший брат — Борис Смирнов, а так как они некоторое время работали в одном театре, Дмитрий хотел свою фамилию сделать единственной и неповторимой. Кажется, он нашел ее у Гоголя, где-то упоминался хутор Ярский. На самом деле, Ярских не так уж мало в России. А вот Ярских-Смирновых — наперечёт.

А из какой семьи Ваш дед-актер? Это известно?

Дмитрий Иванович Ярский (Заслуженный артист РСФСР) был сыном купца 2-й гильдии Ивана Матвеевича Смирнова в Пензе, владевшего там двухэтажным домом и магазином. После революции он был лишенцем, претерпел пытки и трудности, в голод ходил со старшим сыном побирался. Постепенно жизнь как-то наладилась. Недалеко от дома, где они жили, в 1920-е годы был летний театр, туда приезжали труппы, показывали спектакли. В том числе, бывал там и известный антрепренер Собоьщиков-Самарин. Дмитрий с братом Борисом лазали на деревья и на забор смотреть постановки, потом им поручали что-то помогать на спектаклях — так постепенно они оба вошли в театральную труппу, стали ездить по Волге, потом оба очутились в Сталинграде, где дед встретил библиотекаршу Веру — мою бабушку. Библиотека находилась в подвале сталинградского драмтеатра. Отец Веры, мой прадед был мещанин из Покровской слободы в Саратовской губернии — Петр Федорович Лебедев, в 20-е написавший частушку «на советскую власть», за что был выслан в Сибирь и прожил там до окончания войны, причем был рукоположен там дьяконом. Старший брат бабушки окончил медицинский факультет Саратовского императорского университета и уехал работать врачом в Царицын (впоследствии Сталинград), взяв с собой своих сестер — так бабушка там и оказалась. Своих четырех сестер он воспитывал в дворянском стиле (получив титул по окончании университета): они обучались благородным манерам, чтению классики, музыке, домоводству и воспитанию детей.

Одно время дед Дмитрий Иванович работал в Горьком у того самого Собоьщикова-Самарина, который и порекомендовал деду поехать работать в Русском театре в Одессу, где вскоре и родился мой отец. В Одесском ЗАГСе ошиблись и фамилию в свидетельстве о рождении папы записали наоборот — так появился Ростислав Ярский-Смирнов. В начале войны вернулись назад в Сталинград, где дед работал в составе небольшой труппы. Нескольким актерам, включая деда, Ивана Лапикова и других, дали «броню», оставив их в тылу как важную часть «идеологической работы». До самой Сталинградской битвы они играли в театре, гасили «зажигалки», эвакуировались в последний момент на переполненной людьми барже, сумев с большим трудом на нее попасть за буханку хлеба. Рассказывали, что бабушка запрыгнула на баржу, уже отходив-

шую от пристани, потом дед бросил ей малыша — моего отца, потом прыгнул сам. Жили в Саратове и Сызрани, а в 1943 после победной Сталинградской битвы вернулись домой.

Папа вспоминает, как они с ребятами играли в настоящие винтовки с обгоревшими стволами (ему было семь лет), а соседские мальчишки подорвались на гранате. Через дорогу валялась немецкая машина, он таскал оттуда железки, что-то из них мастерил.

Дед был активным «общественником», ездил на Тракторный завод, где бесплатно вел театральный кружок в 12-метровой камере, возглавлял Сталинградское ВТО. Он всю жизнь великолепно плавал, побеждал в разных соревнованиях, был мастер спорта, тренировал других спортсменов. Еще до войны получил в Киеве приз за очередной заплыв — фотоаппарат ФЭД, снимал на него спортивные сюжеты и посылал в газету, с гордостью получая за это небольшие гонорары.

Мой отец потом также освоил фотодело и меня приуныл к нему, я помню, что в каждой из квартир, где мы жили, мы всегда устраивали в ванной или в чулане фотолабораторию. Было у нас для этого все необходимое оборудование и много литературы по фотографии. Как-то гуляя вокруг дачи родственников, расположенной недалеко от деревни, я увидела... свинью! Меня — городского ребенка (мне было лет восемь) — это чрезвычайно впечатлило, как и то, что я смогла ее заснять на камеру, — я тогда пользовалась аппаратом Смена-8М. Вернувшись домой, я сама напечатала фотографию и послала ее в «Пионерскую правду». Через некоторое время пришел разочаровавший меня тогда ответ, в котором меня любезно благодарили, но объясняли, что газету больше интересуют фотоснимки из жизни пионеров, их учебы, отдыха, занятий спортом... Тогда я, возможно, впервые задумалась о том, что сейчас бы назвала социально-политическим контекстом производства визуального сообщения. Но поскольку я мало участвовала в советской детской коллективности, ни разу не была в пионерском лагере, то не могла запечатлеть соответствующие объекты и сцены и оставила попытки медиатизации своего творчества.

После школы отец поехал в Саратов к Юрию Киселеву — известному режиссеру и основателю школы театрального мастерства в саратовском Театре юного зрителя (ТЮЗе). Окончив студию, папа остался работать в ТЮЗе, а еще раньше познакомился с моей мамой Валентиной. Мама тогда была студенткой физфака пединститута, а поженились они, когда она вернулась из Узбекистана, где после окончания вуза проработала несколько лет по распределению учителем физики в средней школе корейского колхоза-миллионера. Мама тоже успешно прошла прослушивание в студию Киселева, и хотя свой выбор сделала в пользу дальнейшей учебы — философской аспирантуры, в душе осталась актрисой. Певунья и затейница, центр притяжения, мощный движитель. Помню, джем-сэйшены дома, всегда вокруг много друзей.

На одном из съездов Всесоюзного театрального общества папу в спектакле «Два веронца» заметил директор Волгоградского драмтеатра и уговорил поехать к нему. На этом настаивал и дед Дмитрий Иванович Ярский, считая, что пора бросить «детский» театр и перейти во взрослый. Из ТЮЗа его настолько не хотели отпускать, что не отдали трудовую книжку. Но все же отец поехал в Волгоград, надеясь на благоприятное развитие событий.

Несколько лет родители жили и работали в Волгограде, где я и родилась. Маму приняли работать ассистентом на кафедру физики Инженерного института — за рекой Царицей. Там она организовала драмкружок и поставила Билль-Белоцерковского «Вокруг ринга», отец помогал ей отрабатывать эпизоды.

Поняв, что из выстраданной школы театра переживания он попал в концептуально иной театр представления, отец вскоре вновь вернулся к Киселеву, и мы переехали в Саратов. Я часто бывала в театре — и в зале, и на сцене за кулисами, где было темно и таинственно, помню запах грима и пудры, коробочки с карандашами грима разного цвета, они были и дома, и на работе. Помню, в Волгограде дедушка по утрам прочищал голос «ма-мо-му-мы-ми». А однажды испугалась чудища в саратовском ТЮЗе — был большой костюм персонажа Чудище из «Аленького цветочка», который не помещался в гримуборной, висел где-то в темноте между портьерами занавеса и произвел на меня неизгладимое впечатление. Мне ставили дома пластинки со сказками, и эту, и другие сказки я знала наизусть, могла все реплики воспроизвести голосами разных персонажей.

В Саратове мы жили на ул. Ленина (Московской), в самом ее начале, рядом с краеведческим музеем и Набережной, в старом желтом двухэтажном доме, в коммуналке. Окна выходили прямо на Волгу. Соседями были портниха Римма с тремя детьми и охотница Александра Ивановна с двумя курцхарами (охотничьи собаки). Мама в конце 60-х училась в аспирантуре по философии в Саратовском университете, кандидатскую защитила в конце 1967, а докторскую по философии — в 1981-м, в Институте философии в Москве, на Волхонке. Она постоянно устраивала детские праздники, часто бывали гости. Дома было много книг и журналов. Мама вспоминает, что я научилась складывать из букв слова и, прочитав обложку журнала «Вопросы философии», спросила, «а где же ответы?» Неподалеку были мой детсад и 25-я школа, где я начала учиться. Потом квартиру поменяли, переехали в другое место, на ул. Чернышевского, и учебу я продолжила в школе № 80 с углубленным изучением французского.

В Саратове у меня была любимая бабушка Тоня, Антонина Емельяновна (она работала в молодости на производстве, но получила там осложнения здоровья и позднее переквалифицировалась в воспитательницу), ей я доверяла все свои чаяния, очень любила бывать у них с дедом. Дедушка Коля — Николай Тихонович, бывший военный, на пенсии сделался заядлым рыбаком и шахматистом, играл в шахматы в парке Липки (там собирались такие сообщества вокруг скамеек), а рыбачил в любой сезон прямо на набережной — лицо, кисти рук и шея были темно-коричневыми от постоянного дежурства под солнцем. Дома у него было хобби — он вырезал понравившиеся ему заметки из «Науки и жизни» и наклеивал их в тетрадки. Бабушка пекла вкусные вишневые пироги с плетенкой и кипятила белье в большом чане на плите, стулья в зале наряжались в белые чехлы, а подушки на кровати прятались под тюлевыми и кружевными накидушками. В чулане на полках стояли полные собрания сочинения триумвирата марксизма-ленинизма — часть маминой библиотеки, — и располагалась моя лаборатория с красным фонарем, где я просиживала часами, купая фотографии в кюветах, полных проявителя и фиксажа.

В начале 1970-х родители расстались, папа вначале некоторое время работал в Волгограде, но вскоре по конкурсу уехал в Уфу, поступил на службу в тамошний театр (получил там звание заслуженного артиста республики), мама преподавала

в Саратове на кафедре философии, а я курсировала между двумя волжскими городами от учебы к каникулам, приезжая к бабушке и дедушке в Волгоград. Я довольно рано начала одна ездить на поезде и по Волге на Метеоре (быстроходный катер на подводных крыльях). Как-то раз на судне произошла поломка, и всех пассажиров высадили в Камышине. Мне было лет десять, я беззаботно гуляла по базару и ела мороженое, когда меня нашел разволновавшийся и примчавшийся на автобусе отец. Помню, как он играл грозу детей — директора цирка в спектакле «Пеппи-Длинный-Чулок». Но в жизни он никогда не был строгим.

У бабушки в Волгограде были большие стеллажи, целые стены книг, которыми я зачитывалась — Дюма, Лондон, Мопассан, Шекспир... В доме на улице Мира было прохладно и тихо, в коридоре между комнатой и кухней стоял деревянный стеллаж, весь наполненный банками с соленьями, вареньями и компотами, и мой любимый — из айвы. За домом росла вкуснейшая тутовница, в соседнем подъезде жила подружка; а два больших балкона, закрытых от солнца разросшимся диким виноградом, были отличным пространством для игр...

Волгоград — это мои каникулы в детстве, потом были еще экскурсионные путешествия в Москву и Ленинград, которые придумывала и организовывала мама, и «поле» с геологической партией на Урале. Но это было уже, когда у меня появился мой отчим геолог Костя (Константин Алексеевич), а с ним и новые родственники — Елена Алексеевна — профессор медицины, мои новые сестры — Юля и Ниночка, дедушка — доктор Алексей Михайлович Маврин. Я начала посещать музыкалку (у меня была экзотическая специальность — арфа, приходилось втрое чаще бегать на «самоподготовку», т.к. дома инструмента не было) и перешла в другую общеобразовательную школу, где начала учить немецкий.

В Москву и Ленинград мы ездили с мамой и моими сестрами, чтобы посетить музеи, посмотреть достопримечательности. Я вела дневники-блокнотики, записывала в них свои впечатления, наши приключения и новые сведения об искусстве, почерпнутые от экскурсоводов.

Дома в Саратове было много альбомов по искусству, целая библиотека художественной и научной литературы. Мы ходили в магазин иностранной литературы на ул. Советской, где продавались альбомы и книги, изданные в братских социалистических странах. Книжки, кроме того, покупали по подписке, читали, обменивали лишние экземпляры. Летом ездили к Косте «в поле» — на полевую практику в «предуртемпартию» (предуральская тематическая геологическая партия) в Оренбургскую область. Там мы вместе с сестрами и с нашей собакой Атомом плавали в притоке Урала речке Карасу, ездили с геологами на обнажения (горных пород), участвовали в работе и отдыхе геологов, помогали на кухне и катались на водных лыжах.

Ваша мама пришла в социологию из физики через философию, замечу, путь — непростой, но для того времени — не уникальный. А были ли у Вас варианты в выборе профессии или это первая и единственная любовь?

Последняя школа, где я училась в Саратове, была 13-я математическая, я ее окончила в 1979 году. И у меня не было особых сомнений, куда поступать, — конечно, на мехмат университета. На первом курсе была баклуши, т.к. в школе мы все это (и «диффуры», т.е. дифференциальные уравнения, и «матанализ») уже прошли. До этого я еще окончила музыкалку по двум специальностям — арфа

и фортепьяно, любила петь, дом был полон нот, и я отправилась в вокальную студию клуба Саратовского университета (СГУ). Руководительница меня прослушала и порекомендовала идти в фольклорный ансамбль. С этого все и началось — мехмат стал вторичным. Тогда же в Саратов приехал Ансамбль народной музыки под руководством Дмитрия Покровского, и я под глубоким впечатлением от их концерта серьезно занялась этномузыкологией, этнографией и фольклористикой. На третьем курсе вынашивала мысль о переводе на филфак или истфак, съездила в Москву и тайно от мамы, но с моральной поддержкой маминой подруги думала поступить в Гнесинку. В Саратовскую консерваторию нельзя было пойти без музучилища, поэтому выбирала между филологией и историей. Но на семейном совете было решено, что я завершу для начала математическое образование, а дальше буду решать. Я продолжала ездить в экспедиции, дом наполнился книгами по антропологии, этнографии и фольклору, пластинками и магнитофонными катушками, а затем и кассетами с записями народных исполнителей. В фольклорном ансамбле при СГУ быстро стала диссидентом и создала свой — при саратовском Доме ученых. Назывался наш ансамбль «Оберег» и отличался от университетского этнографическим подходом: мы изучали песенный фольклор не по нотным расшифровкам, а «с голоса», по аутентичным записям, многие из которых делали сами в экспедициях или брали у таких известных собирателей, как Вера Никитина (Медведева). Я тогда (это было в 80-е гг.) активно участвовала в молодежном фольклорном движении, было такое направление в разных регионах России. Суть деятельности заключалась в изучении народной музыки и просвещении окружающих. Мой первый муж, как и я, был с мехмата и увлекался фольклором. Мы выступали с концертами, устраивали гулянья и постановки прямо на улицах, в парках, выступали в школах. Некоторое время в конце 1980-х — начале 1990-х я руководила еще и детским фольклорным ансамблем «Добрынюшка» в саратовском Дворце пионеров. Я изучала литературу по этнографии и фольклористике, анализировала собранный этнографический материал, проводила занятия с детьми и готовила в областную саратовскую газету «Заря молодежи» вместе с известным саратовским фотографом Николаем Титовым большие статьи о народной обрядности и фольклоре. Были у нас и попытки популяризовать фольклор, исполняя рок и блюз аранжировки вместе с вокально-инструментальным ансамблем моего троюродного брата математика Виталия Печенкина (позднее он получил еще и социологическое образование, сейчас профессор).

Публичная фольклористика настолько сильно захватила меня, что к окончанию мехмата я уже точно знала, что математика — это не мое. Свое второе образование я получила уже в аспирантуре — тема моей кандидатской «Философский анализ народной культуры» (1989). Официально руководителем в аспирантуре мне был назначен профессор Сергей Мартынович, который предложил замечательную, как я позднее поняла, тему «Проблема научного факта», — но тогда я была еще не готова ее раскрыть, меня влекли иные горизонты. Поэтому я штудировала Леви-Стросса и Проппа, Бахтина и Гуревича, анализировала и опубликованный, и экспедиционный материал (ездила «за фольклором» в Белгородскую, Волгоградскую, Архангельскую, Рязанскую области). В кандидатской диссертации я рассматривала смысл категорий пространства и времени в фольклоре, на этнографическом материале. Моим мудрым наставником в дис-

сертации и научной жизни тогда была мама, которая научила меня академическому письму и редактированию текстов, помогла сформулировать интересные исследовательские задачи.

Пока была в аспирантуре, я некоторое время преподавала философию, а после защиты кандидатской начала работать в Соццентре Политехнического института. Чтобы быстрее разобраться, что к чему на новой работе, поехала на Высшие социологические курсы (1989), которые устраивала Светлана Наталушко в Высшей комсомольской школе (впоследствии – Институт молодежи, ныне – МосГУ). Там преподавали Ю. А. Левада, В. А. Фетисов, В. А. Ядов, Т. И. Заславская, а британский социолог Хью Бейнон (Huw Beunon) отбирал тех, кто знает язык, на обучение в Англию. Я всю жизнь до этого момента учила немецкий и свободно им владела, но пока была аспиранткой, прошла интенсивные курсы французского и английского (были такие «интенсивы» в конце 1980-х, языки преподавались в игровой форме) и попыталась счастья – нужно было прослушать на английском и письменно изложить по-русски лекцию Бейнона. Но для отбора на учебу языковой подготовки у меня было недостаточно. Так что я осталась работать в Саратове, продолжая заниматься социологией, фольклором и пытаюсь улучшить английский.

В это время на фоне крупных политических и социально-экономических трансформаций в России шли перемены в системе социальной защиты, которая разворачивалась лицом к человеку. Теперь социальное обслуживание не ограничивалось опекой над пожилыми людьми в домах-интернатах. В конце 1980-х были организованы центры «Милосердие» для оказания помощи пожилым и инвалидам по месту жительства, в условиях продовольственного дефицита появились социальные работники, помогающие приобретать продукты первой необходимости, но это были, конечно, еще не те профессионалы, которые должны были и могли бы разрешать сложные проблемы индивидов, семей, групп. В 1991 г. официально была введена профессия «специалист по социальной работе», которая требовала подготовки на уровне высшего образования. В условиях финансовых кризисов 90-х годов потребность в таких специалистах лишь повышалась. Вместе с тем, высшее образование и практика развивались на некотором удалении друг от друга. Это происходит и по сей день. Главной причиной является низкий уровень оплаты труда специалистов. А тогда в 1991 мы были в самом начале пути, нас захватывала новая интереснейшая область образования, исследований и практики, мы вовлекали администраторов социальной защиты в свои проекты, включались в проекты областного министерства, устраивали совместные конференции, курсы, стажировки за рубежом... Думаю, эти наши усилия по профессионализации социальной работы не прошли даром. По крайней мере, многие из выпускников работают в «социальной сфере», стали исследователями и преподают в вузах (и не только в России), а многие из тех администраторов, с кем мы сотрудничали, выстроили удачные компоненты системы социального обслуживания, а рядовые специалисты продолжили свой карьерный рост в этом профессиональном поле.

Так вот, с конца 1980-х Валентина Ярская в составе рабочей группы на федеральном уровне занималась созданием экспериментального учебного плана, и в 1991 стартовала новая образовательная программа «Социальная работа» в пяти вузах страны, включая и саратовский Политех. Для Политехнического

института это была первая социально-гуманитарная специальность. Я преподавала там общие предметы — например, культурологию, но необходимо было срочно узнать, что же это за новая импортированная профессия и специальность, поскольку вскоре предстояло читать специализированные дисциплины. И в 1992 представилась такая возможность — Минсоцзащиты отбирало людей для обучения в Гетеборгском университете. В это время я уже была кандидатом наук, с английским у меня уже было лучше, и мне удалось попасть в эту группу. В Швеции произошла вторая моя инициация в социологию, ведь магистратура там была в большей степени ориентирована на теоретическую подготовку в социальных науках, с большим акцентом на феноменологическую социологию. Несмотря на то, что у меня уже был диплом специалиста и даже кандидатская степень, я поступила в магистратуру — фактически получила второе высшее образование по социальным наукам. Моя шведская магистерская диссертация была посвящена проблемам семьи и семейной политики в России, а несколько лет спустя я поступила в Гетеборге и в докторантуру.

Учеба в шведской магистратуре велась на английском — необходимо было читать классическую и современную литературу по социологии и писать большие эссе по каждому предмету, а затем готовить и защищать магистерскую диссертацию. Но и практику нам тоже предоставили: например, я проводила наблюдение на сеансах семейной терапии и работы с детьми, испытывающими психологические проблемы. Руководителем моей магистерской диссертации стала профессор Маргарета Бек-Виклюнд (Margareta Bäck-Wiklund), с которой мы до сих пор поддерживаем дружеские и профессиональные отношения — она и другие коллеги из Швеции приезжали в Саратов и Москву на летние школы, а в 2011 г. под ее руководством я защитила в Гетеборге диссертацию и получила степень PhD.

Меня очень поддерживали во всей этой научной траектории вначале моя мама, а потом и Павел. У нас в семье научная работа была само собой разумеющимся занятием, т.к. вся семья сплошь состояла из ученых, которые тем не менее умели соблюдать баланс и успевали ходить на лыжах зимой и ездить на острова и дачу летом. Хотя возможно, работа перевешивала. И потом мы с Павлом все время отдавали текстам и занятиям. Не знаю, хорошо ли это. Мне кажется, мы иногда работали на автопилоте. Я сейчас думаю о важных упущениях в нашей жизни.

Шведская докторская диссертация называлась «Class and gender in Russian welfare policies: Soviet legacies and contemporary challenges». В одноименной книге, изданной в Гетеборгском университете в 2011, я показываю, как постсоветская социальная политика воспроизводит, с одной стороны, элементы советского наследия, с другой — эффекты либеральных реформ. Социальная политика понимается не только как государственная стратегия, но как система институтов, курсов и практик, оформляющих социальные границы между людьми. В русле этих рассуждений был построен в диссертации и анализ идеологии социальной работы как новой для России профессии. Малообеспеченные семьи оказываются в фокусе контроля социальных служб, а некоторые формы социальной поддержки противоречивым образом закрепляют их в уязвимом положении. В особо сложной ситуации оказываются семьи, воспитывающие детей с инвалидностью. Но я анализирую не только сложности и проблемы, которые опосредованы

существующими в обществе гендерными идеологиями, семейной и социальной политикой. Меня интересуют и те способы, какими люди реагируют на стигму и пытаются совладать с ее эффектами, рефлексировать и критически пересматривают отношения власти. Тем самым в исследовании достигается важная комбинация перспектив структуры и действия.

Но это было уже совсем недавно. А тогда в 1993 я вернулась в Саратов с западной степенью магистра (плюс к моей кандидатской степени по философии) и стала преподавать ряд специальных дисциплин в образовательной программе по социальной работе.

Помню, в середине 1990-х мне одной из первых в нашем вузе дали корпоративный адрес электронной почты, поэтому он был очень простой: elena@sstu.ru. Сейчас это выглядело бы смешно (мало ли пользователей по имени Елена в таком большом вузе). Но мы были первопроходцы, всё открывали с нуля, в том числе и новые каналы коммуникации. Из Швеции я вернулась не только с дипломом магистра, но и редкими тогда еще для постсоветских граждан зарубежными контактами, на следующий же год мы собрали международный консорциум и выиграли первый в Саратове конкурс грантов программы TEMPUS по социальной работе.

Саратов и его жители в то время постепенно привыкали к статусу «открытого» города (до 1991 туда было запрещено въезжать иностранцам по причине размещенных в городе предприятий военно-промышленного комплекса, которые в 90-е годы постепенно пришли в упадок), и члены проекта – западные коллеги из Британии, Дании и Швеции были одними из первых иностранных гостей в нашем вузе, да и в городе. Наш Политех, кстати, тогда уже стал благодаря введению первой социально-гуманитарной специальности «социальная работа» университетом (СГТУ), а в Соццентре и на кафедре собрался отличный коллектив, который уверенно осваивал новые горизонты международного сотрудничества, работы в различных проектах, побеждая в конкурсах и развивая новые образовательные программы. Чуть позже, в 1998 мы открыли на нашей саратовской кафедре специальность «Социальная антропология», работать стало еще интереснее. Тогда казалось, что исследования меняющейся социальной реальности с применением антропологической теоретико-методологической базы, как и практическая работа в бизнесе, образовании, социальной сфере на основе научного анализа должны быть чрезвычайно востребованы в стране – ведь мы жили в очень нестабильном обществе. Недавно (в 2014) мы с норвежскими коллегами заключали договор о совместных исследованиях – так вот, у них стандартная форма такого документа предусматривает фразу, которая не менялась уже почти сто лет (там говорится, что все разногласия регулируются норвежским законодательством 1915 года)! Забавно, не правда ли... Впрочем, социальные антропологи востребованы и в стабильных состояниях. Рефлексия процессов «изнутри», с точек зрения инсайдеров, но в то же время с определенной этнографической дистанции нужна везде, где осознается необходимость понимания смыслов происходящего и способов развития.

В 1995 я получила грант ACTR/Irex на краткосрочную стажировку в США, в Центре раннего детского развития (Frank Porter Graham Child Development Center) при Университете Северной Каролины в Чапел Хилле. Мои наставники – директор центра Дон Бэйли (Donald Bailey) профессора Тэлма Хармс (Thelma

Harms), Руне Симеонссон (Rune Simeonsson), а также ведущий исследователь Айрин Зиппер (Irene Zipper) открыли для меня самый сложный и интересный мир междисциплинарных исследований и практической работы с детьми, имеющими особые потребности. Их Центр тогда вел целый ряд проектов, в том числе, начинал внедрять программу поддержки раннего детского развития в Индии, и в этом проекте участвовал социальный антрополог. Меня все это очень заинтериговало. Я еще раньше начала интересоваться социальными проблемами семьи и детской инвалидности, а в Чапел Хилле это направление моей научной деятельности укрепилось. В это время я уже работала над докторской, в которой рассматривала социальные отношения сквозь призму социокультурного подхода к процессам производства нормы, анализируя практики исключения, характерные для российского общества. В 1990-е годы в период резких социально-экономических и политических трансформаций менялись нормы и взгляды, расширялись свободы, и росло осознание многих закрытых ранее для обсуждения проблем. Было принято несколько новых законов, организована система услуг, ширились и независимые инициативы людей с инвалидностью. Раскрывались возможности (и это было уже совершенно необходимо) понять инвалидность не только и не столько как медицинский диагноз, но и как жизненный опыт.

Важным шагом в тот период стала инициация в гендерные исследования (благодаря моему участию в «кухтеринских курсах», которые вели Ирина Тартаковская и Ирина Аристархова в 1996). «Кухтеринские курсы» – это народное название проекта, вклад которого в развитие социологического образования в России трудно переоценить. В рамках европейской программы поддержки высшего образования TEMPUS тогда шел проект, которым руководил известный британский социолог Саймон Кларк.

Лена, извините, но прежде, чем Вы расскажете об участии в Проекте TEMPUS, пожалуйста, представьте профессора Саймона Кларка. Еще до отъезда в Америку я познакомился с человеком многих культур Теодором Шаниным и американцем Майклом Стаффордом, которыми сделано многое для включения российских социологов в Западное профессиональное сообщество. Но я не знаком с Кларком. Что Вы знаете о нем самом? Каковы его научные интересы? Они связаны с исследованием российской реальности?

Да, Саймон Кларк из университета Уорика в Ковентри (Великобритания) очень известен среди социологов труда и среди тех, кто изучает постперестроечную Россию, в особенности, трудовые отношения, промышленные предприятия, профсоюзы. Он издал целый ряд монографий, а также выступил редактором крупных книг, в том числе, с участием Павла Романова и других сотрудников ИСИТО (Институт сравнительных исследований трудовых отношений), разумеется, речь идет об англоязычных публикациях. Коллеги Павла по ИСИТО и сам Павел затем публиковали свои исследования и на русском, многие защитили диссертации и разработали учебные курсы по результатам этой интересной научной работы. Например, Павел помимо глав в английских книгах подготовил кандидатскую и докторскую, у него была масса крупных статей и несколько научных монографий и учебников по проблематике трудовых отношений, менеджмента промышленных предприятий, управления и контроля в различных организациях.

...давайте вернемся к Вашему рассказу о TEMPUS.

Саймон Кларк в начале 1990-х создал замечательный коллектив ИСИТО, куда вошли социологи Москвы, Сыктывкара, Самары, они проводили интересные и актуальнейшие исследования реструктуризации менеджмента и занятости на промышленных предприятиях. Участники этих исследований (Ирина Тартаковская, Ирина Козина, Павел Романов, Владимир Ильин и другие) и стали ключевыми персонами проекта TEMPUS, кажется, он стартовал в 1994. Они разрабатывали новые курсы для повышения квалификации социологов разных регионов России – преподавателей и исследователей. В состав разработчиков новых курсов вошли и другие молодые таланты: Виктория Семенова, Инна Девятко, Ирина Аристархова, Елена Мещеркина (Рождественская), Михаил Масловский и другие. Идея была, конечно, гениальная, очень востребованная и эффективная. Через горнило этих курсов прошли сотни молодых преподавателей со всей России, открывших для себя современные направления социологии на занятиях и из новейшей литературы. Сергей Кухтерин руководил Центром социологического образования в Институте социологии РАН в Москве, он и организовывал эти курсы, куда слушатели принимались на конкурсной основе, а иногородним предоставлялась финансовая поддержка.

Итак, в 1996 я поехала на несколько курсов – по социальным теориям (Инна Девятко), гендеру и семье (их вела Ира Тартаковская) и по социальным теориям тела и сексуальности (Ира Аристархова). Параллельно с гендерными курсами проводил свои занятия по социологии менеджмента Павел Романов. Там мы с ним и повстречались, – как мы потом любили вспоминать, «у ксерокса».

Теперь, когда Павла вдруг не стало, те 18 лет, что мы прожили с ним вместе, превратились в отрезок времени – яркий и незабываемый, наполненный разным – всякими нашими радостями и ошибками, мелочами и большими делами, трудностями и победами, – но все-таки это теперь лишь отрезок, с точкой отсчета и окончанием. В это трудно поверить, но это так...

Во вселенском масштабе все наши жизни подобны мгновенным вспышкам. Вспышка по имени Павел была коротким, но очень сильным и добрым всплеском энергии с широчайшим радиусом охвата...

После «встречи у ксерокса» была наша совместная стажировка в Англии, куда Саймон Кларк пригласил и преподавателей, и наиболее успешных слушателей курсов. Остроумный, красноречивый, душа компании, Паша был очень энергичен и легок на подъем, постоянно становился главным действующим лицом разных переделок и героем всеобщих забавных воспоминаний.

Имея за плечами опыт труднейших походов по горам и тайге, рафтинга на плотах и байдарках, он не мог долго сидеть на месте, и мы постоянно отправлялись в пешие походы, играли в бадминтон, а однажды на прогулке в Уорикском замке Павел взобрался по крепостной стене к неудовольствию сторожа и восторгу туристов. К тому времени у него был уже приличный стаж работы в социологической лаборатории и международных исследовательских проектах, он превосходно владел опросной методологией и знал стратегию кейс-стади, был опытным полевиком, много работал в этнографической манере, отлично управлялся и с количественными методами, свободно владел английским. О его серьезном аутоиммунном хроническом заболевании не знал никто, кроме самых близких людей, но и в этом кругу вектор его настроения никогда не направлялся унынием

или хандрой. По характеру он был романтиком, интеллигентом и диссидентом, очень открытым и ранимым и в то же время чутким и заботливым. Цитировал наизусть Бродского и зачитывался фэнтези. Со временем стал более рациональным, умудренным. Всегда открыто выражавший свою позицию, он до самого конца активно присутствовал в социальных сетях, включался в дебаты, заострял дискуссию. Свежий взгляд, острое чувство справедливости, юношеские черты его творческой натуры остались с ним навсегда, — они хранятся в памяти семьи, друзей, коллег и учеников.

А в середине 1990-х, когда социальное расслоение стало столь ощутимым жизненным испытанием для населения и отчетливой исследовательской проблемой для социологов, гендерное измерение неравенства признавалось далеко не всеми. Меня после курсов и стажировок чрезвычайно увлекло это направление, и мы с коллегами создали временный творческий коллектив «Центр гендерных исследований», нас поддерживали некоторые международные фонды. Мы с Павлом тогда постоянно ездили на летние школы, конференции, курсы... Все время находились в пути, и хотя жили в разных городах, почти всегда ухитрялись быть вместе. В одних случаях мы были слушателями или докладчиками, в других — преподавали. Подружились с лидерами российских гендерных исследований — Аней Темкиной и Леной Здравомысловой, Ольгой Здравомысловой, Сергеем Ушакиным. Часто бывали в шанинке (Московская высшая школа социальных и экономических наук, директором которой был британский профессор Теодор Шанин), где факультет социологии тогда возглавлял профессор Геннадий Семенович Батыгин, а у Павла было множество знакомых и друзей. Еще чаще бывали в Институте социологии.

В 1997 я защитила докторскую (мне было 34). В этой моей работе поднималась новая тогда для России тема. Длительное время у нас в обществе избегали разговоров о семье ребенка с инвалидностью, эта тема считалась закрытой, не интересной и для социологов. Я выбрала для себя направление изучения современной семейной жизни как перспективы, позволяющей свести воедино контекст индивидуального опыта и социальных институтов. Меня интересовало, как люди сталкиваются с вызовами — особенной внешности, особенных способов коммуникации, особых потребностей — и как справляются с ними в наличии или в отсутствии систем поддержки; как в ближайшем социальном окружении и в обществе в целом принимают или исключают детей с инвалидностью, их родителей. Я проводила опросы в России и Швеции, использовала данные американских опросов. В 1996 и 1997 годах вышли мои книги «Семья нетипичного ребенка» и «Социокультурный анализ нетипичности», а также целый ряд статей на эти темы в ведущих российских журналах, зарубежные публикации в журналах и книгах. В них рассматривались практики социального исключения людей с инвалидностью, реализуемых, в частности, в социальных установках окружения, в СМИ и в системе социальной защиты. В диссертации я также проводила критический анализ тех нормативных представлений о семье, на которых основываются концепции семейной политики, касающиеся, в том числе, семей с детьми-инвалидами.

В 1998—99 мы с Павлом около восьми месяцев жили в Чапел Хилле (Северная Каролина, США), оба получили тогда стипендии Фулбрайт. Ужасно радовались, что нам так повезло — двум стипендиатам одновременно разрешили

поехать в один вуз. Там на консультации в университетской клинике Павел получил неутешительный прогноз: возможен переход его аутоиммунного заболевания в онкологию. Но мы не хотели думать о таком (вероятно, недалеком) будущем и мечтательно шутили, когда нам попадались в жизни или в кино сцены с пожилыми парами: «вот и мы так будем...» Но каждый из нас, мне кажется, понимал несбыточность этих предсказаний... Но тогда в конце 1990-х нам все еще было нипочем. Мы всюду ездили с докладами на конференции, вели занятия, писали исследовательские статьи. Мы занимались по американской школьной программе вместе с сыном Славой, бегали все вместе по утрам, играли в мяч и бадминтон, дружили с прекрасными людьми – нашими коллегами и членами побратимского общества Саратов-Чапел Хилл – Доном Рали (Don Raleigh), Ди Гэмбл (Dorothy (Dee) Gamble), Айрин Зиппер, Джейн Ладингтон (Jane Ludington), открывая массу нового в социологии, социальной антропологии, социальной истории, социальной работе – и конечно же, друг в друге. Там мы подготовили еще одну успешную заявку на проект TEMPUS от саратовской кафедры социальной антропологии и социальной работы, написали статью о качественной методологии в «Этнографическое обозрение», Павел подготовил книгу «Социальная антропология организаций», начал работу над книгой «Социологические интерпретации менеджмента».

Когда наша американская стажировка окончилась, Павлу по непонятным причинам не удалось продолжить работу в самарском ИСИТО – он очень сильно переживал этот внезапный и необъяснимый разрыв. Он сумел преодолеть это испытание, открыв для себя новое дыхание в Саратове. Здесь стал преподавать социологию и социальную антропологию, социальную политику и методы исследований, защитил докторскую в 2000 г. (мы тогда еще смеялись, что в одной семье проживают четыре профессора). А в начале 2000-х мы решили создать «Журнал исследований социальной политики» (ЖИСП) и оформить официально Центр социальной политики и гендерных исследований (ЦСПГИ).

За годы работы нашего Центра были реализованы десятки проектов – российских и международных, исследовательских и образовательных, в области социальной защиты, социальной поддержки инвалидов, доступности городской среды для инвалидов, семьи и детства, анализа эффективности социальных услуг. Мы занимались исследованиями в области антропологии профессий, социальной политики, инвалидности, гендерных отношений. На образовательные и научные мероприятия в Саратов приезжали с выступлениями видные ученые из Европы и США. Были опубликованы десятки сборников, монографий, которые сейчас доступны и в интернете. Ежегодно ЦСПГИ оказывал финансовую поддержку студентам, аспирантам, исследователям для участия в научной жизни – в российских и международных конференциях. В нашей работе были заинтересованы и местные органы исполнительной власти – нас приглашали участвовать в экспертизе документов, заказывали исследования. Наш центр стал активной частью сети независимых исследовательских НКО, каждый год мы проводили летние школы, конференции и курсы. Дуня и Слава – наши дети – были неизменными волонтерами-помощниками на всех мероприятиях.

Павел продолжал преподавать социологию менеджмента на «кухтеринских курсах», а я вместе с ним и другими коллегами вела там же занятия по качественным исследованиям, социологии здоровья, социологии гендера. Несколько

лет подряд мы организовывали курсы по социальной политике, визуальным исследованиям, социальной антропологии в Саратове совместно с Центром социологического образования Института социологии РАН — дополнительно к летним школам, которые проводили при поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, а позднее, в 2010-х годах — еще и при поддержке Института Открытое общество. Всего мы провели не менее пятнадцати летних и зимних школ и несчетное количество конференций, курсов, обучающих семинаров.

В 2004 г. нас пригласила Виктория Шмидт работать в МВШСЭН на возглавляемый ею факультет социального менеджмента и социальной работы. Павел вскоре там начал преподавать на полной ставке, с трудовой книжкой, а я по совместительству. Мы вели в шанинке «Сравнительную социальную политику», «Социальный менеджмент» и «Социальные проекты». Начался постепенный переезд в Москву. Но еще много лет мы жили на два города, работая, как мы говорили «вахтовым методом». В Москве работали вначале в шанинке, потом в вышке (Высшая школа экономики), а в Саратове полным ходом шел очередной TEMPRUS, продолжали преподавать и проводить исследования. В новом Темпусе мы развивали образование по социальной работе вместе с коллегами Бирмингемского (Великобритания), Гетеборгского (Швеция) и Ольборгского (Дания) университетов.

В общей сложности я в Саратове заведовала кафедрой социальной антропологии и социальной работы в СГТУ двенадцать лет, а Павел столько же лет был директором ЦСПГИ. Кафедра и центр тесно переплетались между собой, все сотрудники активно участвовали в исследованиях, летних школах и конференциях, мы удивляли многих своей продуктивностью, иногда издавая по несколько книг за год, да еще и журнал, при этом весьма интенсивно работая с авторами над их текстами. Дом был наполнен книгами, этнографическими фотографиями и артефактами, у нас часто бывали студенты, аспиранты, друзья, коллеги...

Постепенно мы все больше времени тратили на работу, но пешие прогулки все-таки осуществляли в парках или по улицам городов в наших поездках, когда позволяло время и здоровье. Павел скучал по тем временам, когда участвовал в походах — простых («походах выходного дня») и более сложных, длительных. Мечтал, чтобы мы вместе с детьми сходили в «кругосветку» по Самарской Луке, даже приобрел все необходимое снаряжение. Болезнь не дала ему осуществить эту мечту. Но ему очень хотелось этого — не возвращения назад, а обогащения нашей жизни таким невероятно важным опытом. Он рассказывал мне о тайге, когда проходил лучевую терапию в Обнинске: там во дворе клиники растут большие старые деревья, кустарник, заросли травы, — эти запахи на него нахлынули и оживили воспоминания. Он тогда даже стал писать о своих приключениях, о которых раньше так зажигательно рассказывал. Но завершил только два небольших рассказа — оба они вошли в его биографическое интервью.

За годы нашей совместной жизни мы с Павлом как соредакторы выпустили четыре книги по визуальной антропологии, три — по истории социальной политики, шесть — по современной социальной политике и социальной работе, пять — по антропологии профессий, несколько учебных пособий по методам исследований, социологии менеджмента, социальной антропологии, гендерным

исследованиям... Сделали два документальных фильма по истории социальной политики и перевели на русский язык американский фильм о 100-летию профессии «социальная работа».

И постоянно выступали как соавторы. Лена Здравомыслова очень мудро написала Павлу на 50-летие (см. www.pavel-romanov.com) о преимуществах «дуального эгалитарного соавторства». Это точно все про нас — и взаимные обязательства, и стимулирование социологического воображения в постоянном научном диалоге, а отсюда — и постоянная проверка, рефлексия, дискуссия разных точек зрения, аспектов и подходов, и солидарная защита и поддержка друг друга в столь сложно устроенном академическом мире. И постоянная эмоциональная и интеллектуальная забота, которой хватало не только друг для друга, но и для многочисленных учеников, участников научных проектов, а также авторов наших коллективных монографий, сборников и журналов.

Мы видели большой потенциал в развитии социальной политики как научной и образовательной программы. Это направление было непосредственно связано с социальной работой и другими профессиями социального государства, — и позволяло нам развивать новое научное поле, которое мы называли антропологией профессий. Кроме того, здесь просматривались новые перспективы критического анализа политики инвалидности.

Вот такой маршрут — из математики в фольклор, из фольклора в философию, из философии в социологию и социальную работу, затем качественные исследования и антропология, гендерные исследования и социальная политика, а теперь и публичная сфера.

Да, и Ваш маршрут тоже очень непростой, но все же социология уже существовала в стране, и Вы с ней довольно быстро встретились. Похоже, что в начале 1990-х феноменологическая социология была довольно новой для Российской науки. Что Вас привлекло в этой парадигматике? С какими сложностями в реализации феноменологических подходов Вам пришлось столкнуться?

Я познакомилась с феноменологической социологией в Швеции, где это направление очень сильно представлено. Моя инициация в микроуровневую социологию культуры, знания, повседневности, в социальный конструктивизм и качественные методы происходила на факультете социальной работы Гетеборгского университета, где развита исследовательская составляющая и ориентация на изучение неравенства, социальных проблем, а также социальной работы как профессии, которая не воспринимается нормативно, а рассматривается с критических и интерпретативных позиций. Поэтому я сразу окунулась в такое поле, которое для российской социологии было тогда (в начале 1990-х) еще целинным, в то время как социальные реалии давали предостаточно возможностей для выбора предмета исследования.

На первых порах — в 1990-е годы мне — а вскоре нам вместе с Павлом — приходилось на каждом шагу доказывать, что то, чем мы занимаемся, — социология, а не психология, журналистика или искусство. Качественные методы в отечественной социологии постепенно обретали статус и признание благодаря нашим учителям (среди которых О. М. Маслова, Н. Н. Козлова) и нашему скромному вкладу...

Вскоре Павел защитил кандидатскую под названием «Этнографический метод в социологии» (его руководителем был Батыгин, который в то время сам неоднозначно относился к качественным методам, но эта работа уменьшила его скепсис), мы опубликовали ряд ключевых статей в Социологическом журнале и даже пробились в Этнографическое обозрение (там напечатали статью «Этнографическое воображение в социологии»), считая своей миссией просвещение отечественных этнографов и социологов и выстраивание между ними междисциплинарных мостов. А еще я тогда представила коллегам «Нарративный анализ в социологии», что тоже было в новинку, но статью принял Батыгин в «Соцжурнал» в 1997 и даже одобрительно сказал мне как-то при встрече, что я, на его взгляд, пишу «по-мужски». Жалею, что не расспросила тогда Геннадия Семеновича о смысле этой метафоры. Помню, что статья, поданная в журнал, состояла из двух больших разделов — теоретико-методологического обоснования и применения нарративного анализа к интервью с матерями детей-инвалидов. Так вот, вторую часть главный редактор решительно отсек. А полный текст тогда вошел в мою монографию «Социокультурный анализ нетипичности», она была написана в 1997 году в русле феноменологической социологии. Это была моя докторская диссертация, и книжка стала известной, хотя было издано всего 500 экземпляров, и у нее до сих пор очень высокий рейтинг в РИНЦ. Я писала там о проблемах людей с инвалидностью, матерей детей-инвалидов, построила теоретические и методологические основания исследований в духе феноменологической социологии. Это было очень новой темой, тогда вышло всего лишь несколько пионерских работ по социологии инвалидности, но все они были основаны либо на материалах количественных опросов, либо на анализе мер социальной политики. В исследованиях я использовала и количественные, и качественные методы, в частности, глубинные интервью изучались в традиции укорененной, или обоснованной теории (*grounded theory*) и в методологии нарративного анализа. Мое исследование, с одной стороны, позволяло оценить уже идущие серьезные реформы в сфере социальной политики, социальной работы с инвалидами, а с другой стороны, упреждало те перемены, которые наступили десятию-пятнадцатью годами позже. В научном сообществе, среди самих людей с инвалидностью оно приветствовалось, многие идеи были восприняты и развиты на практическом уровне в социальной работе, в отдельных организациях.

Позднее совместно с Павлом мы продвинулись здесь еще дальше. У нас вышла книга о социальном гражданстве и политике инвалидности в 2004 и ряд крупных исследовательских статей в 2010-е о политике тела. Мы использовали метафоры тела, гендера, инвалидности, чтобы теоретизировать социальные отношения и изменения в обществе, процессы формирования национальной идентичности и гражданства. Эти понятия — составная часть дискурсивного проекта, известного под именем «социальное государство», они вплетены в систему образов, используемых людьми в процессах социальной идентификации и различения.

В 2000-е мы с Павлом продолжали что-то доказывать коллегам и прорубать новые пути в отечественной изрядно закосневшей социальной науке. Например, разрабатывали направление «социальная история социальной политики». Социологи нам говорили — вам надо к историкам. А историки посылали

нас туда, откуда мы пришли. Исторические институты и журналы не желали признавать подобную тематику, возможно потому, что ее предлагали люди из другого цеха.

Некоторые особо статусные социологи усиленно пытались нас изгнать из круга «своих». Помню, один известный московский коллега напал на Павла в своем блоге, пытаясь очернить его, извлекая на свет факт «получения биологического образования в провинции» (!). Мне на одной конференции, где я представляла анализ кино, именитая ученая поставила диагноз «это не социология». Высокоставленные социологи маркировали границы между «своими и чужими» по дисциплинарным основаниям: «они же антропологи!». Социальную работу некоторые коллеги-эксперты и студенты-социологи считали предметом, не заслуживающим внимания исследователя.

Но все-таки мы тогда нашли единомышленников – среди историков и антропологов, которые смотрели в нашу сторону дружески и с интересом, некоторые из них уже работали в направлении социальной истории и стали консультантами, авторами, соредакторами книг, а другие – начинающие исследователи – подключились с энтузиазмом к новой работе. Мы вовлекли в работу с новой методологией и «своих», социологов, наиболее гибких и открытых новому, коллег из следующего, наверное, шестого поколения в Вашей типологии.

Включили еще и визуальный анализ в арсенал методов исследований, занимались анализом визуальных репрезентаций. Здесь у нас было немало единомышленников. Я преподавала курсы по визуальным исследованиям и визуальной антропологии в СГТУ, в Европейском гуманитарном университете в Вильнюсе, продолжаю вести такой курс в НИУ ВШЭ и сейчас. Акцент делается на анализе социально-политического контекста визуального, начиная с этнографических фото- и киноматериалов, кроме того, внимание концентрируется на прикладной визуальной антропологии, на партисипаторных визуальных исследованиях.

В 2000-е – 2010-е мы провели в этом духе несколько летних школ, издали книги и несколько выпусков журнала. Вообще, жизнь протекала в хлопотах по поводу мероприятий и изданий, которые мы никогда не печатали «не глядя», а многих авторов «мучили», дорабатывали вместе с ними их тексты. Не все авторы в России готовы к такой работе. Это и в работе над журналом ощущалось и раньше, и сейчас.

Вы сказали о «Журнале исследований социальной политики». Он и сейчас существует, кто его редактор? Вы публикуете лишь относящееся к теории и практике феноменологической социологии или и выполненное в другой парадигматике?

В начале 2000-х мы с Павлом пришли к твердому убеждению, что российским ученым и практикам, экспертам и общественным деятелям нужен научный журнал по социальной политике. Первый номер нашего Журнала исследований социальной политики (ЖИСП) мы издали на собственные средства в 2003 году. Потом получили поддержку от Фонда Форда, затем – от Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров. В 2008 г. мы стали работать в Высшей школе экономики в Москве, и с 2011 года здесь же продолжил свою жизнь и наш журнал.

В отличие от распространенных макро-подходов к анализу социальной политики, мы с Павлом стремились применять и развивать исследовательские подходы на микро-уровне. Основным эмпирическим материалом становились

интервью с практиками, администраторами и клиентами социальной работы, наблюдения в социальных службах; кроме того проводили анализ учебной литературы, анализ фотоальбомов детских домов, рассматривали документацию социальных служб и социальную рекламу, стремясь понять, как конструируются гендерные и классовые границы в риторике социальной политики, давали критический разбор гендерных клише в учебной литературе по социальной работе и практике социального обслуживания.

Но несмотря на увлечение социальной феноменологией, конструктивизмом и этнографическими методами, и я, и Павел всегда очень уважительно относились к количественным методам. Я и сама использовала их как в своей шведской магистерской работе, так и в русской докторской диссертации. Я все же как-никак с красным дипломом окончила мехмат. И социальную политику, конечно, никак нельзя анализировать только на микроуровне или в перспективе социальной истории. Поэтому наш журнал междисциплинарный. Мы и раньше, и теперь очень рады, когда нам присылают хорошие статьи – а какой использовался метод или какая была теоретическая рамка – не главное.

Мы с Павлом всегда звались «со-редакторами» Журнала, но с переходом в вышку появилась формальность – должности в редакции, и Паша стал нашим «главредом», а я – замом.

Последний выпуск ЖИСП, подготовленный с участием Павла, – это второй номер 12-го тома. Хотя над номером главным образом работал приглашенный редактор Александр Кондаков (Европейский университет в Санкт-Петербурге и Центр независимых социологических исследований), мы тоже читали и редактировали вошедшие туда статьи. Павел уже плохо себя чувствовал, но прочел почти все материалы этого выпуска и дал авторам существенные рекомендации.

Теперь, когда Павел ушел, мы продолжаем начатое им дело. Настал мой черед возглавить журнал. Большая удача, что подключился Саша Кондаков, вошел в нашу команду в качестве заместителя главреда. Вика Яковлева и Радик Садыков – аспиранты Павла, защитившие под его руководством кандидатские, – ключевые сотрудники редакции, на них все держится.

Тематика у нас самая разнообразная. В этом году, например, мы публикуем материалы о здоровье мигрантов, коллективных действиях, репродуктивных практиках, отношении людей к собственному телу и другие очень интересные исследования (см. www.jsps.hse.ru).

Выше, в рассказе о Вашей с Павлом истории жизни и работы, Вы упоминали независимый исследовательский Центр, пожалуйста, расскажите немного об этой институции...

Наш Центр социальной политики и гендерных исследований в 2013 году стал объектом прокурорских проверок и судебных преследований в связи с поправками, внесенными в закон об НКО в конце 2012 и касающимися так называемых «иностранных агентов». В закон были включены требования об обязательной регистрации в качестве «иностранных агентов» определенного круга активных некоммерческих организаций, в лице которых правительство, очевидно, усматривало какую-то угрозу. Мы всегда занимались социально значимой исследовательской деятельностью и верили в возможность интеграции российских ученых в мировую социальную науку, и давление, которому

мы подверглись, кажется странным, на первый взгляд. Но если подумать, ничего неожиданного — прокуратуре, суду надо было просто отчитаться об успешной операции, и поэтому вся эта шаткая доказательная база против нас была признана судьей вполне убедительной.

Из-за того, что мы получали гранты от зарубежных доноров, и в нашей деятельности якобы есть политическая составляющая, да и в самом названии центра звучит «политика», а главное — из-за того, что у нас есть вебсайт, где мы публикуем информацию о наших проектах, проведении летних школ и издания научных книг, — нас обвинили в уклонении от исполнения закона. Мы-де должны были зарегистрироваться в качестве иностранных агентов, поскольку ведем политическую деятельность на вражеские деньги. Все это разбирательство началось как раз тогда, когда мы с Павлом получили страшные результаты его обследований и начали наше хождение по клиникам и врачам. Звонки и письма из прокуратуры, ОВД, повестки суда настигали нас и в Германии — в клинике, где мы надеялись на операцию, и Обнинске, где Павел проходил лучевую терапию, и Москве, где проходила химиотерапия... Процесс с нелепыми до смешного обвинениями длился целый год. Я смогла съездить лишь на два судебных заседания, и если бы не Наташа Ловцова — зав. кафедрой социологии и социальной работы в Саратове, которая взяла на себя коммуникацию с «органами», — и не юристы из Ресурсного правозащитного центра, — не представляю, как бы все сложилось. Нас поддержали очень многие российские и зарубежные коллеги и организации, были собраны сотни подписей в поддержку. Благодаря усилиям юристов по делам сразу нескольких некоммерческих организаций, включая ЦСПГИ, была подана апелляция в Конституционный суд, который в мае 2014 г. вынес решение о пересмотре дел по «иностранным агентам» за недостаточностью аргументов обвинения. Это решение было вынесено еще при жизни Павла, и я очень рада, что он дождался такого результата — пусть и не победного, но все же очень существенного.

Павел умер 9 июня 2014 г.

В тот же день Минюст принудительно внес несколько НКО, и наш центр в том числе, в реестр иностранных агентов. Хорошо, что Павел не узнал об этом. Трагическое совпадение. Но одна правозащитная организация решила сделать из этого повод для информационной раскрутки, назвав материал «Ученый умер после попадания в список “иностранных агентов”» и припустив тумана: «Причины его смерти в ВШЭ раскрывать не стали».

В своем интервью, которое осталось незавершенным, Павел сказал, что наш Центр социальной политики и гендерных исследований мы в 2014 закрыли. Но пока мы только в процессе ликвидации. А после принятия решения Конституционного суда о пересмотре дел «об иностранных агентах» по совету наших юристов в мае 2014 мы приостановили этот процесс в надежде на восстановление справедливости. Впрочем, больших надежд на это у нас нет, и пока «нажали на паузу»: мы как организация сейчас не ведем никакой деятельности и не получаем гранты или заказы на исследования. Многие независимые исследовательские организации сейчас оказались в сходном положении. Наступила новая эра. Сейчас перед социальными исследователями стоят новые противо-

речивые вызовы — с одной стороны, ускорение интернационализации и либерализация управления образованием и наукой, с другой стороны — тенденции к автаркии и рост консервативных ценностей.

Наверное Вы помните, интервьюируя Павла, я спросил его, почему он, биолог, уже имевший исследовательский опыт, перешел в социологию? Он ответил на мой вопрос, но Вы помните, это было за день-два до его кончины (Вы мне писали, что он был болен, но не мог думать, что ему оставалось жить несколько дней... мне больно это вспоминать), но я не понял его аргументации. Как Вы ответите на этот вопрос?

Павел еще в старших классах школы принял решение быть социологом или психологом. Но в куйбышевских вузах тогда еще таких специальностей не было. А ввиду серьезного хронического заболевания Павла родители наотрез отказались отпускать его в Москву в МГУ. И тогда нашлось компромиссное решение — биологический факультет с перспективой специализироваться по психологии. У Павла был большой опыт походов в тайге, по рекам, кроме того, после школы он прошел летнюю практику в заповеднике на Байкале, — все это способствовало развитию интереса к изучению природы, но по большому счету изучение общества не переставало быть его главной целью. Будучи еще студентом биофака, он факультативно посещал социологический семинар, а вскоре после выпуска воплотил свою мечту. Он стал одним из основателей независимого социологического центра, вел с коллегами различные опросы, выполнял заказы на исследования по социально-политической и социально-экономической проблематике, а затем вошел в состав социологической лаборатории Самарского педуниверситета и вскоре стал работать в проектах ИСИТО.

С уходом Павла очень многого уже не будет. Не будет этого замечательного человека. Не будет нашего с ним уникального, душевного семейного и профессионального союза. Но многое из того, что мы делали с ним вместе, будет развиваться и жить дальше.

И будет память.

Сейчас мы в нашем журнале готовим концепцию ежегодного конкурса статей памяти Павла Романова, может быть, даже сделаем его международным.

У нас с Павлом было много учеников, особенно, конечно, в Саратове. В конце 1990-х и в течение 2000-х, когда мы там работали, очень много молодежи шло в науку. Дипломники поступали в аспирантуру, кандидаты наук (а некоторые впоследствии стали докторами наук) оставались работать на кафедре и в нашем Центре (например, Дмитрий Зайцев, Галина Карпова, Эльмира Наберушкина, Наташа Сорокина, Алена Любимова) или устраивались в других вузах и организациях, некоторые выпускники работают за рубежом (например, Надя Шапкина, Катя Печенкина). У нас в общей сложности, наверное, защитилось около пяти десятков аспирантов и соискателей, около десятка докторантов по нашим ключевым направлениям — социология профессий, гендера, инвалидности, организаций, социальной политики.

Наши дети — Слава и Дуня — тоже социологи. Дуня занимается социальным театром, проводит акционистские исследования, она учится в США в магистратуре и уже ведет там занятия как учебный ассистент — с бакалаврами.. Слава защитил кандидатскую по автомобильному потреблению, сейчас изучает проблематику традиции и модернизации, преподает социологию, продолжает

участвовать в фольклорном движении. У нас растет внук Егор, а его мама Ира — фольклорист, антрополог и журналист. Вся семья очень мобильна, все постоянно в пути.

Много учеников было у нас и на летних школах, курсах, и в московских вузах — выпускники-магистры социальной работы из шанинки и магистры социологии из вышки (Павел подготовил нескольких кандидатов наук и в ВШЭ).

Павел и я мечтали организовать в ВШЭ магистратуру по социальной политике, но пока эта идея осталась в проекте. Быть может, другие коллеги смогут ее воплотить. Ведь у нее огромный потенциал. Во многих крупных университетах мира есть магистерские программы по социальной политике, это чрезвычайно востребованная и интереснейшая область знаний.

По-моему, мне, Павлу и другим нашим сверстникам-коллегам очень повезло. Мы строили свою профессиональную карьеру в социологии во времена растущих свобод, открытых границ и возможностей. Сейчас времена меняются.

Породить что-то новое, будучи на краю, и тем самым бросить вызов сложившимся определениям, границам научных дисциплин — мы с Павлом видели в этих «практиках исключения» подтверждение тому, что как маргиналы мы прокладывали новые маршруты, на которых «забронзовевшим» было с нами не по пути. Сейчас выясняется, что по данным РИНЦ мы входим в сорок наиболее цитируемых социологов России (я в 2014 году — на тридцатом месте, Павел — на сороковом). Так что из «периферии» мы перекочевали в «ядро». Как и те научные вопросы, и те методы, которые в 90-е и 2000-е многим казались лишь чудачеством. Означает ли это, что все наши методы и темы теперь тоже в мейнстриме? Качественные методы легитимно представлены и в образовании, и в науке, и среди практикующих исследований. Социология профессий постепенно набирает обороты, но социальная работа как предмет исследований все еще маргинализована. Антропологией и этнографией профессий мало кто занимается, это по-прежнему мало освоенное поле. Социальная антропология приказала долго жить как образовательная программа (об этом рассказал Павел в его интервью, есть и наши статьи на эту тему в научных изданиях), а социальная история обрела более четкие дисциплинарные границы, теперь это вотчина историков, и мало кто из социологов туда заступает. Вообще дисциплинарные рамки стали все заметнее консервироваться, а внутри социологии появилось несколько новых водоразделов. Проблематика семьи и детства остается в фокусе моего интереса как к анализу социальной политики на структурном уровне, так и к изучению повседневного жизненного опыта людей. Критический анализ семьи и семейной политики, который я проводила раньше и продолжаю сейчас, в 1990-е и даже в 2000-е воспринимался с конструктивным интересом и в научной среде, и среди практиков, а сейчас вызывает осуждение набирающих силу реакционных кругов. Однако, это лишь дополнительный стимул к развитию таких исследований. В 2014 г. мы выпустили коллективную монографию по исследованиям, основанным на критическом пересмотре политики в области семьи и детства.

Моя работа в той области, которая за рубежом называлась бы Disability Studies, повлияла на многих коллег и учеников, они защитили кандидатские и докторские диссертации в направлении социологии инвалидности, преподают и развивают подходы в прикладной сфере — в социальной работе, реабилитации, где ставят задачи формирования толерантности, инклюзивной куль-

туры и гражданского участия, соблюдения социальной справедливости и прав человека. Например, в 2012 мы вместе с Рахат Орозовой (Бишкек) реализовали очень интересный обучающий проект для преподавателей и практиков, в том числе, социальных работников, сотрудников некоммерческих организаций, среди которых были и люди с инвалидностью. Назывался проект «Rethinking Disability in Central Asia» и состоял в серии онлайн занятий с участниками из Кыргызстана, Казахстана и Таджикистана, России, Бельгии и США, завершившихся семинаром в Бишкеке. В сегодняшней повестке дня социальной политики права людей с инвалидностью артикулированы намного четче, чем в 1990е. И хотя сейчас, после ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов и проведения Паралимпиады в Сочи, когда выстроены серьезные основания инклюзии, те нормы социального исключения и практики стигматизации, которыми столь основательно пропиталась культура, постепенно пересматриваются, они по-прежнему очень сильны.

Могут ли наши работы влиять на реформы социальной политики и реальную жизнь, например, людей с инвалидностью? Этот вопрос выходит на более общую проблему — какова публичная роль социальной науки в современной России? Является ли то, что мы делаем (помимо того, что мы, разумеется, двигаем науку и продвигаем самих себя как ученых), лишь декорацией, изображающей общественную рефлексию? Не имея таких рычагов и каналов влияния, как СМИ или, скажем, документалистика, как можем мы приносить пользу обществу? Даже если миссия социологии — лишь в постановке социального диагноза, необходимо признать, что и это действие не является ценностно нейтральным. Все равно остается вопрос — до кого донести это диагноз — достаточно ли ограничиться кругом своих — профессионалов, студентов — или же сделать свое мнение публичным, тем самым вызвать более широкую общественную дискуссию, а быть может, и изменения социальной реальности.

Сейчас я работаю в НИУ ВШЭ на кафедре общей социологии, где мы вместе с профессором Н. Е. Покровским и другими коллегами продвигаем магистерскую программу по социологии публичной сферы. Вместе с аспирантами и магистрантами в ВШЭ и коллегами реализую несколько научных проектов. Я разделяю публичную миссию социологии и часто выступаю с комментариями в СМИ, а также сотрудничаю с группами общественности, участвую в дискуссиях по интересующим их острым социальным вопросам. Публичную сферу я трактую как арену артикуляции интересов индивидов и групп, канал трансляции их требований, ресурс формирования гражданской идентичности, чувства сопричастности, помощи тем, кто нуждается в поддержке. Но это не только уже существующие каналы коммуникации или уже имеющиеся у людей шансы заявить о себе. Речь также идет о способах и процессах создания разных публичных сфер, о структурных и символических механизмах мобилизации групп и сообществ. С использованием качественной методологии можно изучить аспекты самоопределения акторов коллективного действия, отрефлексировать трансформацию личного и частного в политическое и публичное.

Мы продолжаем несколько проектов, начатых под руководством и с участием Павла. Мне бы хотелось сохранить ту атмосферу научного поиска и научного роста в коллективе единомышленников, которая создавалась раньше в нашей совместной работе с коллегами, студентами и аспирантами. Посмотрим, что получится...

Лена, в создаваемой мною типологии советских/российских социологов к пятому поколению относятся те, кто родился в период 1959–1970 годов. К нему относитесь Вы, Павел, Анна Темкина, Леонид Бляхер из Хабаровска, Людмила Григорьева из Красноярска, Ирина Тартаковская и еще (пока) несколько моих собеседников. Те, кто родился в первой половине указанного временного интервала, наверняка входили в социологию еще в советский период нашей истории. С другой стороны, даже те, кто получил социологическое образование, хотя в моей коллекции интервью таких еще нет, работали в советской социологии крайне недолго. Тематика исследований представителей Вашего поколения – принципиально инновативна, в советские годы социологи лишь робко занимались (или вообще не занимались) менеджризмом, гендером, феминизмом, детьми-инвалидами, малочисленными религиозными образованиями. В области методологии вы принципиально свободнее, чем в советские времена, когда все должны были клясться в приверженности к марксизму. Использование феноменологических методов не поощрялось. Обучение на Западе, подготовка Ph.D. – казались невозможными... фактически это все первым осваивало ваше поколение. Тогда мой вопрос: «В какой мере, как Вы думаете, Ваше поколение продолжает работы советских социологов?»

В какой-то мере мы все часть нашей истории, все выросли из нее и многим ей обязаны. Да, в моей кандидатской (1989) тоже были слова о том, что классики марксизма-ленинизма освятили своим вниманием мою тему. А что, сейчас это могло бы смотреться «винтажно»...

Я считаю своими наставниками Ядова и Батыгина, хотя они формально никогда не были моими научными руководителями, но социологию я осваивала по их книгам, лекциям, докладам, в беседах с ними. Об истории и методологии я узнавала из лекций советских социологов, личного общения с ними, читая их книги и статьи. Теоретические идеи черпала по большей части из имеющихся переводов классики, учебной и словарной литературы («Современная западная социология» под ред. Ю. Н. Давыдова), и конечно же, обучалась на практике, участвуя в проведении и организации опросов. Постепенно переводов издавалось все больше, и уже становилось ясно, что хорошей нашей литературы было недостаточно. Выучив английский, начала читать в оригинале. Моим самым первым проводником в социологию была моя мама, которая в Саратове организовала отделение ВЦИОМ, руководила социологическим центром при Политехе и массой исследовательских проектов, – а также старшие коллеги-прикладники, которые начали работать раньше меня, и я многому у них училась. В 1989–1990 я ездила на социологические курсы и тренинги, например, на грушинские семинары по фокус группам. В докторской я обращалась к трудам А. Г. Харчева и М. С. Мацковского, и разумеется, все мы читали и читали И. С. Кона.

Вместе с тем, Борис, Вы, наверное, согласитесь с тем, что расставленные Вами границы между поколениями условны, относительно. Ведь многие «советские» социологи стали «постсоветскими» и даже вовсе не советскими.

По возрастным рамкам границы между поколениями тоже трудно прочертить. Ведь получается, что родившиеся в 1957 или 1958 не попадают в пятое поколение, хотя их социализация шла в тех же условиях, что и у тех, кто родился годом позже.

С другой стороны, далеко не все мои сверстники-социологи (да и более молодые) занимаются упомянутой Вами тематикой. Не все стремятся читать западную литературу, тем более, в оригинале.

Условны и границы дисциплин. Я занималась этнографией и философией, читая, в том числе, и труды советских ученых, и считаю, что это дало мне очень важную базу, подготовило меня к освоению социальных теорий, методологии социокультурного анализа.

Защиты и степени – еще одна условность. Некоторые старшие коллеги, которые были и остаются для меня на более высокой позиции в иерархии «учитель-ученик», защитили докторские по социологии почти одновременно со мной или намного позже меня.

Это оптимистично, что Вы говорите о своей связи с доперестроечной социологией, но так далеко не все считают. Динамика нашей науки рассматривается по-разному. Что касается границ поколений, то все известные нам конструктивные (конструктивистские) поколенческие схемы непременно предполагают наличие временных границ. Другое дело – интерпретация этих границ, в моей типологии они – не жесткие. К тому же, все мои поколения (такова их геометрия) имеют продолжительность в 12 лет, таким образом, можно говорить о четырех «трехлетних» подгруппах социологов внутри каждой когорты. И при анализе я легко могу объединять самых младших одного поколения со старшими – следующего. Что касается степеней и званий, то они вообще – не критерии для отбора собеседников. Среди моих респондентов есть социологи без степеней, например, известные Вам О. Б. Божков, Л. Е. Кесельман, Т. З. Протасенко.

А вообще готов к сотрудничеству с Вами и допускаю, что применение определенных феноменологических подходов к биографиям уже более 60 социологов шести поколений может привести к уточнению самой поколенческой концепции и дать содержательные выводы о нас как о профессиональном и социальном сообществе.

Согласна с Вами, Борис. Вы собрали бесценный материал. Это история науки, общества, повседневности в судьбах людей. Путь к профессиональной и гражданской позиции, формирование исследовательских интересов через всю биографию. Поколения, пусть и условно поделенные, дают важные методологические ориентиры. Вы уже предложили варианты систематизации – по поколениям, образованию, ключевым исследовательским темам... Анализ можно продолжить, задавая новые исследовательские вопросы к уже собранному материалу, – как собственно Вы и делаете в Ваших историко-биографических исследованиях...

Всегда очень сложно начинать интервью, но не легче и завершать. Во время нашей беседы не стало Павла Романова, но мы постарались как-то завершить мою

беседу с ним, а Вы рассказали о нем здесь. Думаю, что это очень сблизило нас. Лена, я высоко ценю это обстоятельство.

Я Вам признательна за этот разговор, Борис. Здесь, конечно, мне не удалось высказать все то, что я знаю и помню о Павле и что чувствую сейчас. Но то, что получилось сказать хоть немного, для меня очень важно.

Интервью с Илдусом Файзрахмановичем ЯРУЛИНЫМ

«НОВЫЕ ТЕКСТЫ, НОВЫЕ ЛЮДИ ТОЛКАЛИ НА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ»

Ярулин И.Ф. — окончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета (1981), доктор политических наук (1998), профессор (2000); Тихоокеанский государственный университет, декан социально-гуманитарного факультета, профессор кафедры Социологии, политологии и регионоведения. Основные области исследования: неформальные институты и практики; институционализация гражданского общества; социология политики; межэтническая напряженность. Интервью состоялось: 16-22 октября 2014 г.

15 октября 2014 года, когда я отправил Илдусу Файзрахмановичу Ярулину просьбу дать интервью для моего историко-социологического проекта, мы даже заочно не были знакомы; мне рекомендовали побеседовать с ним его коллеги по Тихоокеанскому государственному университету в Хабаровске. На следующий день, получив его согласие, я направил ему первый вопрос. Через неделю, 22 октября, наша беседа была завершена. Несмотря на то, что Хабаровский регион на 18 часов восточнее американской Кремниевой долины, где я живу, интервью протекало в прямом диалоге: вопрос-ответ. Парадокс. Если посмотреть на протокол нашей беседы, то видно, что Илдус отвечал на мои вопросы много «раньше», чем я их задавал ему. Для меня эта временная «кривизна» давно стала обыденностью, но указать здесь на нее представляется весьма интересным.

Два содержательных момента в повествовании Ярулина хотелось бы выделить. Один — личностный, объясняющий мотивацию его движения в историю, которое позже привело его в социологию. Второй — имеет отношение к специфике постперестроечного развития социологии, когда в нее приходили бывшие преподаватели научного коммунизма.

Илдус Ярулин родился в 1955 году в Златоусте, куда военное лихолетье еще подростками забросило из Татарии его будущих родителей. Отец год проучился в ПТУ и проработал всю трудовую жизнь на заводе, мать тоже была связана с производством. На мой вопрос, как у Ярулина, в простой рабочей семье, в промышленном закрытом городе возник интерес к истории, а не к технике, я получил довольно «жесткий» ответ — эскейпизм, бегство от тогдашней реальности. Кроме того он назвал любовь к чтению, влияние школы и «семейные гены — дед-мулла почитался на территории бывшего Булгарского ханства». В целом же здесь подтверждается уже не раз фиксированное в рассказах моих собеседников влияние предбиографии человека на процесс его вхождения в науку. Другими словами, биографичность закладывается в творчество социологов очень рано.

Теперь о втором содержательном моменте, который характеризует профессиональный путь Ярулина. Он включает: переход от преподавания научного коммунизма к защите в СПб университете докторской диссертации по политическим наукам, созданию кафедры социологии, диссертационного совета по защите кандидатских, а затем и докторских диссертаций по социологическим и политическим наукам и, наконец, к образованию социального-гуманитарного факультета в Тихоокеанском государственном университете. В проведенных интервью с российскими социологами доминирует критическое, пессимистическое отношение к расширению социологического сообщества за счет прихода в него «научных коммунистов». Конечно, такое мнение возникло не на пустом месте. Вместе с тем, указанный переход из одной области обществоведческого анализа в другую обусловлен объективными обстоятельствами и должен стать предметом направленного науковедческого исследования. интервью с российскими социологами доминирует критическое, пессимистическое отношение к расширению социологического сообщества за счет прихода в него «научных коммунистов».

Ярулин И. Ф.: «Новые тексты, новые люди толкали на переосмысление»

Илдус, в справочнике «Социологи России» сказано, что Вы родились в Златоусте? Ваши родители тоже по рождению сибиряки или так судьба сложилась? И вообще, насколько далеко Вы знаете историю своей родительской семьи?

Златоуст — это Урал, Челябинская область, Родители оказались на Урале по воле партии и государства. Отец приехал в Златоуст в 1942 году учиться в ПТУ, тогда на металлургическом заводе сложилась острая нехватка кадров (фронт забирал мужчин), вот и по деревням Татарии вербовали на стройки и заводы молодежь. Отец как старший из четырех братьев и сестер сначала бы направлен на рытье окопов возле Казани, потом уже приехал на Урал. Отец его священнослужитель, умер незадолго до войны. Год отец проучился в ПТУ — и на прокатный стан, где и проработал всю трудовую жизнь.

Мама также как старшая дочь приехала на Урал по вербовке. Ее мать, моя бабушка, отбыла срок (правда, недолгий) по закону «о колосках», Поскольку дед пропал без вести на фронте, а кормить надо было четыре души, вот бабушка и собирала на заснеженном поле то, что осталось после уборки урожая. За это была отправлена в «тюрьму» (наверное, лагерь) — так она говорила, хотя и не очень-то про это рассказывала. Ну а мама, как старшая в семье (это в 11-то лет!) осталась старшей. Когда проходил набор на стройки Урала, мама и поехала — «не медаль на шее, иди-ка ты в люди!». Бабушка к этому времени уже вернулась.

Такая вот история — впрочем, очень обычная для многих моих сверстников на Урале.

Обычная... я называю это «обыденность драмы». А после войны вернуться домой родители уже не хотели или не могли? Жильем (или обещаниями жилья) удерживали? В том же справочнике «Социологи России» сказано, что Вы окончили Казанский университет. А в школе Вы где учились? Как шло учение? Какие предметы более нравились?

Домой возвращаться родителям не было смысла — полуголодная деревня тех, кто оставался, прокормить было тяжело. А родители помогали оставшимся родственникам — мануфактурой, сахаром, деньгами. Бабушка (уже пенсионер) получала пенсию 12 рублей. Мы жили сначала в коммуналке, затем в отдельной квартире. Металлургический завод, где работал отец, тогда много строил, да и зарплаты у металлургов были приличные, Город наш был «закрытый» — почти все предприятия были связаны с обороной. Правда, в 1962–1963 годы уже завозили муку из Канады, крупы выдавали по прописке, 2 кг на члена семьи. Хотя снабжение было приличное — консервы, овощи, ширпотреб из стран социалистического лагеря, да и европейских стран. Тогда завод выплавлял спецметаллы, которые шли за рубеж. Так что, по деревенским меркам жизнь удалась и уезжать не хотелось.

Я учился в школе № 25 в Златоусте — она как раз только открылась, и мы были первыми, кто в нее пришел с самого начала.

Учился я хорошо, особенно по гуманитарным дисциплинам. Много читал, был записан почти во все библиотеки города. Закончил школу с двумя четверками, хотя типичным «ботаником» не был.

Школу закончил в 1972 году. В этом же году поступал в Казанский университет, сдал все экзамены, но не прошел по конкурсу — не было трудового стажа. Поступал на исторический факультет, поскольку всегда тянуло к истории, особенно истории стран Западной Европы.

Не поступив, пошел работать на завод, набирать трудовой стаж. А там и призыв в ряды Советской Армии. После окончания срочной службы (1974—1976 годы) снова поступал в Казанский университет, причем сдал экзамены без напряжения и был зачислен на отделение научного коммунизма историко-филологического факультета. Тогда к преподаванию на этом отделении привлекались лучшие специалисты из разных вузов Казани — историки, экономисты. Да и сам дух университета (я это сейчас понимаю!) избавлял от начетничества и догматизма, Возглавлял отделение профессор М.Х. Фарукшин, фигура хорошо известная специалистам.

В школе, армии, на заводе Вы занимались общественной работой? В армии Вам не предлагали вступить в КПСС?

Вообще, от какой-либо общественной работы был достаточно далек, от членства в партии — тем более. Да и само понимание научного коммунизма было расплывчатым. Просто тогда, в середине 70-х годов на этом отделении была очень привлекательная программа — 3 курса изучали философию, 2 курса — политэкономию, много истории — и классные медиевисты, и специалисты по Новой и новейшей истории, история России разных периодов, плюс хорошие преподаватели английского, крупнейшая библиотека. Об идеологической работе и не думали. Просто хорошее образование.

В университет обучение шло на русском или татарском языке? Или были разные группы?

Тогда обучение в университете шло только на русском языке. Татарский язык изучали на отделении татарской филологии.

Как Вы думаете, почему в рабочей семье, в Златоусте, промышленном закрытом городе, у вас возник интерес к истории, а не к технике? Кто повлиял, какие обстоятельства? Многие ли Ваши соученики искали себя в гуманитарных, не инженерных профессиях?

Сейчас-то я понимаю, что во многом закрытость и сыграла свою роль, замкнутое пространство, где жизненные стратегии предсказуемы, устоявшиеся традиции старого промышленного уральского города — наверное, меня это не устраивало. Да и семейные гены — дед-мулла почитался на территории бывшего Булгарского ханства как весьма грамотный человек, отец, который много читал — наверное, передались и мне. Учителя в школе, особенно гуманитарии, тоже внесли свою лепту. Своеобразный эскейпизм — бегство в историю от тогдашней реальности — все это и привело к тому, что я стал гуманитарием.

Сверстников-гуманитариев я особо не знаю. Шли в педагогические вузы, экономические, медицинские, т.е. есть подход был достаточно прагматичный — выбрать специальность, которая потом прокормит

Родом из Златоуста и Александр Ослон — создатель и руководитель ФОМа, хотя мы с ним и не были знакомы.

Златоуст — один из старейших центров российской промышленной культуры, так что мне известны несколько социологов, предки которых жили и работали в этом городе.

Было трудно после армии возвращаться на «студенческую скамью»? Или, наоборот, было чувство: «ну вот, наконец-то»? Какие курсы порождали наибольший интерес?

Скорее второе — пришел туда, куда всегда хотелось. В учебу втянулся сразу — база была, да и на службе продолжал заниматься, учебники были с собой. До сих пор помню англо-русский разговорник для оккупационных войск США — мне достался от ветеранов Второй мировой войны, которые служили в Германии сразу после войны. К сожалению, пропал разговорник при невыясненных обстоятельствах.

А учеба началась с истории КПСС, да не по сжато учебнику, а на материалах подлинных. До сих пор храню Манифест Коммунистической партии 1928 года издания — у букинистов много чего можно было найти. Год изучали «Методологию Капитала Карла Маркса». Конечно же история Древнего мира, затем медиевисты с нами работали. А тогда в Казани оставались еще ученики учеников профессуры императорского университета. Да и историю России преподавали далеко не последние люди в тогдашней науке. Профессора Шофман, Вульфсон и много-много других.

Классические диамат и истмат — в развернутом варианте, история философии, конечно. По курсу критики буржуазных концепций мы могли с этими концепциями подробно ознакомиться, тем более появлялась приличная литература. Конечно же, социология — годичный курс теории, затем практика на КАМАЗе — ей руководил А.К. Зайцев, позже основатель Школы конфликтологии в Калуге. В те времена был бум промышленной социологии, можно было получить хорошую практику. К тому в университете особо догматики и не приживались, знания мы получали хорошие, от ученых-исследователей.

Интересно, в московском и ленинградском университетах «учеников учеников» почти не было, учителей выбивали, начиная с 20-х... В чем была «особость» преподавания «учеников учеников»?

Прежде всего блестящая эрудиция, воистину классическое образование, связи с ведущими учеными. Никогда не обучали по «базовым» учебникам, только монографии, журнальные статьи. Терпение к нам, неофитам — и уважительное отношение. Довелось поработать дворником в центральном корпусе университета — рано утром профессура идет на работу и не чурается здороваться с дворником.... После занятий встречаешься с ними в читальном зале — разговор на равных.... и постоянно воспитывали в нас необходимость работать с первоисточниками — не дайджестами или комиксами.

К. А. Зайцев — известный специалист, практикан КАМАЗе — социологическая? Никто не рассказывал о подобном... в чем она заключалась?

Андрей Кириллович возглавлял социологическую службу на КАМАЗе. А вел в университете социологию Александр Сагалаев со своими коллегами. По-видимому, они были хорошо знакомы. И наш курс на месяц был направлен в Набережные Челны, на социологическую практику. Что могли делать студенты? Конечно же, проводить опросы — бегали с анкетами, «точковали». На практике прорабатывали «Рабочую книгу социолога».

Последние дни работали на конвейере — срывалось выполнение плана, вот и встали мы на конвейере, помогали собирать различные узлы.

Стиль «учеников учеников» Вы выпукло описали? А по какой кафедре Вы кончали университет? Что избрали для дипломного проекта?

Про «академические свободы» можно говорить, но про бюрократические — как поступил на научный коммунизм, так и до конца, никаких переходов. По этой кафедре и заканчивал университет.

С дипломным проектом была проблема. Всех одnogруппников так или иначе сагитировали писать про «развитой социализм», концепция только появилась и становилась основным трендом. Мы с приятелем не вписались во всеобщую эйфорию. Я писал о «критике буржуазных концепций подмены социалистической революции революцией научно-технической» — «критиковал» Олвина Тоффлера с его Future shock. Какие-то материалы привозили коллеги-студенты из Польши в редкие (но были же!) приезды.

Приятель же сравнивал ленинскую и сталинскую концепции демократии. Тогда в букинистических магазинах часто встречались почему-то 13 томов из Собрания сочинений И. Сталина.

В результате мы получили по «хорошо», другие же — «отлично».

В армии или в студенческие годы не пробовали свои силы в журналистике?

Да нет, не мое это, наверное..... По мне больше сократическая манера — беседы ...диалоги.....полилоги..... А ради единого слова тысячи тонн словесной руды.....не принимал тогда я такого типа действия и деятельность.

Какие были планы на будущее, после завершения университета? А какой оказалась реальность?

Планы были смутные и радужные одновременно....Я уже был женат, ждали первенца, хотелось самостоятельности и....подальше от родителей. О научной карьере и помыслов никаких тогда не было. Устроиться на работу, а там..... Казалось, впереди только самое хорошее: работы в стране хватает, никто с голоду не умирает, никто не брошен...

А поскольку в университете было свободное распределение и о заявках вузов мы знали, был выбран — спасибо Джеку Лондону! — Дальний Восток, Хабаровский политехнический институт. Так что расхождений между планами и реальностью не произошло — планов практически не было....

Происходило все это в 1981 году. Гремит БАМ, стройки Сибири.....есть возможность selfmade; предоставлялось жилье (комната в общежитии с последующим предоставлением чего-нибудь)... в зарплата... да и вообще молодость, романтика, тигры и медведи, женьшень, тайга.... Каша в голове, можно экспериментировать и ничего страшного: в конце концов можно вернуться к родителям... Что касается преподавания, то кроме практики по педагогике представления

не имел об этом занятии... С другой стороны, коммуникабелен, вроде неглуп..... да и вообще, в жизни надо все попробовать, Почему не с Дальнего Востока? Собрались и полетели.... Что преподавать — неважно, что-нибудь гуманитарное...

По тому, что Вы и сейчас там, можно сказать, что выбор оказался правильным. Обещания молодому специалисту были выполнены? Тайга, женьшень, рыбалка... все оказалось, как и надеялись? И что предложили преподавать? Какими оказались первые встречи со студентами?

Надо отдать должное — все условия были выполнены. А сам Дальний Восток — 33 года здесь прожито, а не перестаешь удивляться. Природа не похожа ни что! И, конечно же, люди! Открытые, гостеприимные, всегда готовые прийти на помощь. Но не дай Бог, если ты не соблюдешь принятые правила проживания (чем-то напоминающие библейские заповеди, замешанные на криминальных понятиях — осваивал-то Дальний Восток не комсомол!). Дал слово — держи,

за язык тебя не тянули. Помогли тебе — ты обязан помочь другим. «Не крысятничай», «не стучи», не ходи по головам рядом стоящих. Нельзя сказать, чтобы эти максимы свято блюди, но придерживались..... Одним Словом, фронтир, приграничье. Из тех, кто приезжал на работу из районов Центральной России, оставался каждый 15—20. Другая природа, другая среда.....

Студенты приняли хорошо. Начал с преподавания научного коммунизма — он давался повсеместно, Помня уроки казанской профессуры, работал через диалог, поиски точек взаимопонимания, Поэтому получалось, конфликтов не было. Видимо, оценили отсутствие фанатизма на госэкзаменах, В целом, я так и не поставил ни одной двойки, как бы не хотелось отдельным деятелям из деканатов и парткома. Много работал по линии общества «Знание» с выездом на предприятия — разъяснял международную ситуацию. Конечно, такое общение здорово помогало в профессиональном росте.

Наверное, постепенно вытягивались в научную работу? Какую тему облюбовали?

Наукой заниматься было некогда — бегал на почасовки в соседний вуз. На ассистентскую зарплату особо не разживешься. Правда, в соавторстве выходили методички к семинарским занятиям — революционный процесс на Ближнем Востоке, в странах Африки. Через два года, в 1983, был направлен в целевую аспирантуру Ленинградского госуниверситета, философский факультет, отделение научного коммунизма.

Во-во, здесь подробнее, с паролками и явками... я ведь — ленинградец, многих знал и знаю... все, относящееся к Ленинграду, мне особенно интересно...

В Ленинграде я оказался впервые, никого не знал. Поначалу пришлось пару ночей провести на вокзале, затем наши аспиранты из Хабаровска помогли устроиться в Кавголово, на спортбазе университета, там и готовился к экзаменам, Все сдал, был зачислен. Научным руководителем был назначен Олег Михайлович Соловьев, тогда доцент. Отделением руководил Акат Калистратович Белых, фигура на факультете и в университет известная. Жили с семьей на квартире (уже было два сына) на улице Салтыкова-Щедрина (ныне Кировская), работал дворником в Анна-шуле. Это не центр, но близко. Пешком на факультет мимо

Летнего сада, Спаса-на-крови, по Миллионной (Халтурина) мимо Эрмитажа и по Дворцовому мосту..... А в Публичную библиотеку – по Литейному дальше по Аничковому мосту... Все это исходил и помню до мелочей тот Ленинград.

Тема кандидатской «Углубление управленческой функции трудового коллектива в условиях бригадной организации труда» – сейчас бы это отнесли к социологии управления.

На факультете было много замечательных людей, зачастую антиподов. Помню историю доцента Линькова, запрет его кружка по немецкой философии, Моисей Каган с кафедры эстетики. Профессора – почти все члены КПСС (попробуй тогда без этого оказаться на идеологическом факультете!), на партсобраниях такие схватки бывали. Секретарем Ленинградского обкома был тогда Романов, фигура печально известная. Атмосфера была еще та!

На кафедре научного коммунизма активно велись хоздоговорные работы с предприятиями на предмет социологии труда – Игорь Борисович Вишневецкий, Валентин Рюмин. На параллельной кафедре в Петергофе (для естественнонаучных кафедр) – Василий Яковлевич Ельмеев, Василий Александрович Овсянников.

По моим наблюдениям, уже сегодня молодые социологи с трудом представляют, что такое «научный коммунизм», а для следующих поколений – это может быть совсем загадкой. Пожалуйста, ясное дело – кратко, расскажите об этом направлении советского обществоведения и, если можно, в чем была «изюмина» подхода А. К. Белых к пониманию «научного коммунизма».

Под научным коммунизмом понималась некая интегральная наука об общественном устройстве на базе взглядов Карла Марса и Фридриха Энгельса о формационном развитии общества, венцом которого являлся коммунизм, бесклассовое общество на основе общественной собственности. Научный коммунизм включал в себя философию, политическую экономию и собственно теорию общества. А. К. Белых был одним из разработчиков концепции «развитого социализма» – этапа в развитии социализма, после которого уже можно было начинать строить непосредственно коммунизм. Вскоре эта концепция стала доминирующей, спор шел только по деталям и формулировке понятий.

Как утопический идеал, проект, коммунизм сыграл свою роль. Говорить о научности трудно, хотя были и рациональные зерна в плане анализа современного «капиталистического» общества, выявлении трендов общественного развития (футурология), проблем межнациональных отношений, социальной справедливости, отчуждения. Хотя идеологической шелухи, примитивного толкования проблем общественного развития было очень много. Лучше Дж. Скотта в «Благих намерений государства» не скажешь.

Какая главная познавательная задача ставилась Вами в диссертационном исследовании?

Основная идея диссертации – возможность развития производственного самоуправления на социалистических предприятиях. Как раз появился «Закон о трудовых коллективах». По сути дела, речь шла о разработке нового менеджерского подхода к управлению на основе задействования так называемого

«человеческого фактора», вовлечения рабочих в процесс управления предприятием на основе хозрасчет. Известный подход Е. Либермана, поддержанный А. Н. Косыгиным.

Говорить о высокой новизне разрабатывавшегося управленческого подхода можно лишь условно. Был обобщен опыт Калужского турбинного завода, что-то было из опыта завода им. Козицкого в Ленинграде. Учитывался опыт предприятий Венгрии, Польши, Югославии. Тогда гремело имя Николая Травкина, создавшего хозрасчетные бригады в строительстве.

В Ленинграде работал Андрей Николаевич Алексеев. Вузовской социологии тогда еще как таковой не было, но в ЛГУ существовал Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований.

Серьезной социологии в работе не было, она носила скорее теоретический характер, выявлялись позитивные и негативные черты внедрения бригадного подряда на основе имевшихся публикаций — взаимоотношения в коллективе, проблема внедрения КТУ, создание советов по самоуправлению при руководстве предприятий. Что-то брали из материалов социологических исследований. Степень присуждалась по философским наукам.

Выше Вы упомянули имя ленинградского социолога Андрея Николаевича Алексеева. Но тогда не только он занимался социологией труда, назову сразу: Бориса Ивановича Максимова, Аллу Александровну Русалинову... Вы встречались с ними? Работали в секции социологии труда Ленинградского отделения ССА?

К сожалению, к социологии подход был неоднозначный «Царицей (царем) наук» был научный коммунизм, доминировал исторический материализм, социология была вспомогательной дисциплиной. Не было еще такой вузовской специальности социология. Контакт с социологами был поверхностный, всерьез мы их тогда не воспринимали, хотя с работами были знакомы, по журналу «Социс». Была еще и школа В. Подмаркова. Теперь понимаешь, сколько было упущено.

В каком году Вы защитили кандидатскую диссертацию? Что потом было?

Защитил диссертацию в 1986 году и вернулся в Хабаровск, на прежнее место работы. Теперь уже жили в благоустроенном общежитии... Старший преподаватель, потом доцент. Стало больше возможностей заниматься социологией — хоздоговора с предприятиями тогда были востребованы. В 1987 году вместе с экологами составили карту загрязнений города Хабаровска, где кроме замеров ПДД и ПДК учитывалось и мнение населения. В 1988 году участвовал в совещании в АОН ЦК КПСС, где собирались социологии, направленные обкомами и крайкомами для анализа политической ситуации в стране и партии, Выступали И. И. Антонович, Т. И. Заславская, Потом проводили соцопросы на местах, в парторганизациях. Время было интересное — Демократическая платформа в КПСС, казус Ельцина, внутрипартийные дискуссии. Хабаровск в то время считался после Москвы самым антикоммунистически настроенным городом. Тогда в здесь были весьма активны сторонники Демократической платформы, которые требовали коренных перемен в руководстве партии и стране.

Да и экономическая ситуация была очень непростой, все это и создавало тот фон, который приводил к выступлениям. Каждую субботу в парке «Динамо» проходили митинги, активисты взаимодействовали и со Старовойтовой, Станкевичем, Татьяной Карякиной. Было много и печатной продукции, которая хорошо расходилась среди населения.

Тогда же я начал заниматься проблематикой гражданского общества. После одной из дискуссий по работе В. И. Ленина «Государство и революция». На страницах журнала «Коммунист» (позднее «Свободная мысль») заговорили о возможности соединения идей коммунизма с идеями гражданского общества. Были попытки соединить подходы к гражданскому обществу с «русским путем», выдать крестьянскую общину за основу гражданского общества. Хотя проблематика гражданского общества принималась в штыки, особенно в диссертационных советах.

В декабре 1989 года был зачислен в докторантуру теперь уже Санкт-Петербургского государственного университета, на тот же философский факультет, на ту же кафедру А. К. Белыха.

Что такое докторантура? Сколько времени? Какую тему для разработки Вы предложили (или Вам предложили?)

Институт докторантуры предусматривал три года обучения с последующей защитой диссертации (по аналогии с аспирантурой, но на более высоком уровне). Тему предложил я сам, «Институты гражданского общества в условиях социальной трансформации», хотя планировалось, что я буду писать по проблемам экологии, благо была монография в соавторстве по социологическому анализу экологических проблем. Жизнь была ярче, чем изыскания, Хотя научный консультант сразу предупредил о трудностях при защите.

Начиналась перестройка, сумятица в головах.... Первый съезд народных депутатов, в Ленинграде схватка Анатолия Собчака и Юрия Соловьева. Проблемы с продовольствием, талоны, Рушится КПСС, отмирает научный коммунизм. Помню слова А. К. Белыха: «Ну что, Илдус, обманули нас.... проиграли все....». А он был одним из разработчиков Конституции РСФСР... (вариант КПРФ)

С другой стороны приезжает Деррида на филологический факультет... Появляется много литературы, о которой только могли слышать. А.Ф. Филиппов выпускает «Вопросы социологии».... Поляки привозят много литературы..... «Солидарность» ... «Демократический транзит»... возрождение идей гражданского общества на постсоциалистическом пространстве. Так что было над чем работать.

Что Вам дал Деррида?

Сомнения в прежнем образе мышления.... новую информацию.... что-то вроде «культурного шока».... А тут еще и знакомство с работами Хабермаса.... Как у Александра Бека — «сшибка»... в терминологии Дерриды происходила деконструкция, то есть потрясение, расшатывания основ. Особенно «зацепило» его понимание апорий, «возможность невозможного», то, что еще не наступило. Вот и социализм — его еще нет, а мы уже утверждаем о его реальности. Надо пересматривать содержание понятий, больше работать с текстом. Конечно, одной

лекции было мало, потом дочитывалось. Хабермас с его теорией общественности также заставлял на многое, вроде бы уже устоявшееся в сознании, взглянуть по новому.

Многие понятия перестали устраивать еще раньше, особенно канонические цитаты, выхваченные из контекста работ того же Маркса. Один из законов логики Аристотеля гласит: «Ссылка на авторитет не является доказательством». Поэтому и авторитеты также подвергались новому рассмотрению. Меня всегда интересовали социалисты-утописты и их проекты. И в подсознании, глубинах его, мелькала мысль — не творим ли мы новую утопию с научным коммунизмом? Причем именно с теорией коммунизма, а не с примитивными трактовками в партийной прессе, которые никто всерьез не воспринимал, но постоянно транслировали. Деррида, может быть, и подтолкнул к критическому переосмыслению — ни в коем случае не огульному отрицанию. То, что я никогда не принимал на веру — это одно, а вот новое прочтение старых текстов — это другое. Да еще и огромное количество новых текстов — все это заставляло продираться через устоявшееся, сомневаться, и еще раз сомневаться. То есть новые тексты, новые люди толкали на переосмысление. Но и старые знания не выбрасывались из головы. Возникла новая мозаика, причем ее составные части тщательно отбирались, очищались и укладывались в новую картину. Такие вот процессы происходили в голове, А за окнами — бандитский Петербург, приватизация, крушение прошлого мира, который не хотел уходить, Да и до сих пор не ушел из реальности в небытие..... Такая вот возможность невозможного.

Как раз подоспели «Тюремные тетради» А. Грамши, разоблачение трагедий советского прошлого..... В возрасте 13–14 лет я не отрывался от материалов XX съезда КПСС, тех страниц, которые были посвящены «культу личности». Мало что понимал, а вот ужас несправедливости оставался со мной с тех лет. То есть какую-то прививку от «политической наивности» я получил еще в детстве. Пришло время избавиться и от «теоретической наивности».

Теперь вернемся к Вашей задумке анализа институтов гражданского общества в условиях социальной трансформации. Теперь мы понимаем взрывной характер темы: институты гражданского общества были чахлыми, трансформации — заметными, вспомним термин Б.А. Грушина — «социотрясение». Как Вы трактовали Вашу тему? Возможно, в качестве примеров рассматривались конкретные общественные институты? Как к Вашим поискам относились коллеги?

Прежде всего, как мне представлялось, надо было рассмотреть подходы к пониманию самой сути гражданского общества, опять-таки деконструировать понятие. Начинать пришлось с Аристотелевской политики до взглядов Геллнера о том, что гражданское общество появляется только после 1945 года. В итоге принял подход, в котором к гражданскому обществу относятся все институты, кроме государства. Далее предметом анализа становится процесс институционализации гражданского общества и его субъективации. Рассматривал акторов гражданского общества, формирование его общественности (влияние Хабермаса). Отдельно проводилось политическое измерение гражданского общества, то есть его взаимоотношения с государством, рассматривались партии, и завершалось все анализом региона в системе гражданского общества, становлением местного самоуправления.

Защититься после официального окончания докторантуры не удалось в силу ряда причин – шел процесс ломки прежней номенклатуры специальностей ВАКа, а самое главное – необходимо было возвращаться в Хабаровск, подходила очередь на квартиру, как ни странно это звучит.

Отношения с коллегами всегда выстраивались доброжелательные, к теме моего исследования было любопытство типа «чем бы дитя не тешилось....»

... и все же, когда и где прошла защита? Научного коммунизма уже не существовало, Вы защищались по философии или социологии? Или политологии? Ведь тема явно была междисциплинарной...

Защищался в 1998 году в Санкт-Петербургском по кафедре Политических процессов и институтов. Совет был по социологии, меня рекомендовали по специальности 22.00.05 – политическая социология, по политическим наукам. В представленной работе было много материала по проблемам взаимоотношения государства и гражданского общества, по «квазигражданскому» обществу, роли партий – являются ли они институтами гражданского общества в России. Защита шла достаточно долго, почти четыре часа. Было множество вопросов, пришли разные люди из других вузов, и не только из вузов – исследовательских структур, и тому подобное. Проголосовали единогласно. ВАК утвердил через четыре месяца. Так я стал первым доктором политических наук на Дальнем Востоке.

Приятно отметить, что мой историко-биографический проект зафиксировал это важное обстоятельство. Что дальше? Вы в тот момент продолжали работать в Хабаровском политехе? Не было планов перейти в университет или создать кафедру политологии в Политехе?

В 2000 году присвоено звание профессора. В том же году возглавил кафедру социологии, социальной работы и трудового права (входили в состав юридического факультета, отсюда и такое название). В 2001 году вместе с Л. Е. Бляхером создали диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по социологическим и политическим наукам, с 2005 года совет стал докторским. В 2011 году уже в Тихоокеанском государственном университете (ранее ХПИ, потом ХГТУ) был создан социально-гуманитарный факультет, который я и организовывал. Одновременно руководил работой кафедры Социологии, политологии и регионоведения (мы готовим специалистов по зарубежному регионоведению, специализация – АТР). Подготовил 27 кандидатов наук, работают по всему Дальнему Востоку.

Научно-организационная сторона Вашей деятельности приоткрылась. А что можно сказать о Ваших собственно научных поисках. В одном из своих мэйлов Вы кратко заметили, что осуществляете мониторинг социального самочувствия и проводите электоральные опросы в Хабаровском крае. Пожалуйста, расскажите об этом подробнее... я не думаю, что в России существует много продолжительных региональных социологических мониторингов...

По возвращению в Хабаровск я столкнулся с достаточно активной политической жизнью. Шли битвы за места в региональной Законодательной думе, начинались выборы в Госдуму, а главное – выборы президентские. В 1998 году мне предложили сотрудники из служб губернатора В. И. Ишаева провести опрос на предмет узнаваемости и электорального потенциала корреспондента

«Известий» Бориса Резника, которого планировалось выдвинуть кандидатом в депутаты Госдумы. Поскольку опыт некоторый был, занялся подготовкой и проведением опроса, Позже к этому процессу подключилась наша краевая газета «Тихоокеанская звезда», которая печатала результаты опросов. Я настоял на гэллаповском подходе — четыре волны, последняя за 10 дней до выборов. В результаты мы получили расхождение с результатами выборов в 0,5 %, Борис Резник был избран, и по сей день является депутатом Госдумы. На президентских выборах 2000 года мы также отслеживали ситуацию, и наш результат опросов практически совпал с данными избирательной комиссии края.

Поскольку результаты нашей деятельности произвели должное впечатление, нам предложили проводить опросы по анализу социального самочувствия населения края. Для аспирантов это стало хорошей школой, позволявшей еще и немного зарабатывать на жизнь. С тех пор мы и занимаемся опросами.

Правда, одним из условий наших договоренностей является то, что мы не публикуем полученных данных в СМИ — заказчик сам распоряжается полученными материалами. В диссертационных исследованиях — пожалуйста, но не более того. Только через шесть месяцев. Наверное, можно отметить, что более чем на 1,0% мы не расходились с официальными результатами, Правда, последние два года возникают проблемы с прогнозом явки — она падает более высокими темпами, чем мы предсказываем.

Сколько времени уже продолжается Ваш региональный мониторинг? Как строится выборка, какие методы опроса Вы используете: личное интервью, телефонное, проводите ли онлайн-опросы?

Работать мы начали с 1996 года — сначала на территории города Хабаровска и близлежащих районов (здесь проживает основная часть населения края), позже охватили территорию всего края, Это достаточно дорогое удовольствие — территории гигантские, добраться иногда можно только самолетом. Выборка достаточно стандартная — либо по данным переписи населения либо по зарегистрированным избирателям строится пропорциональная выборка, Базовые методы — анкетирование и фокус-группы. Онлайн-опросы в большом масштабе еще не проводили, это связано с доступом к интернету и тем, что практически выпадает большая группа лиц старше 50 лет, особенно на селе.

Анкеты выезжают в районы, проводят анкетирование. Опрашиваем, как правило, 1600 человек, в последнее время количество увеличено (по требованию заказчика) до 3000 человек. Опрос по оценке удовлетворенностью деятельностью органов власти вообще был 6000 человек. До 8% процентов опрашиваемых проверяется на предмет проведения опроса. В зависимости от объема подбираем соответствующее количество анкетеров. Заказчик настаивает, чтобы один анкетер не опрашивал более 50 респондентов. В отдаленные районы командировать интервьюеров. Этим пытаемся обеспечить достоверность. Конечно, привлекаем преподавателей и студентов факультета, особенно аспирантов и будущих магистров, которые знакомы с методологией проведения опросов. Кроме того, с Л. Е. Бляхером создали некоммерческое партнерство, которое является юридическим лицом со своим счетом в банке. В разные годы разное количество опросов, все зависит от заказов. Получается не менее 4–5 опросов по разной тематике — употреблению наркотиков, межэтническая напряженность, социаль-

ное самочувствие. Аспирантам помогаем провести опрос по теме исследования. В период выборов работаем по заказу Краевой избирательной комиссии, иногда заказ делают кандидаты в депутаты. Кроме того, различные экспертизы. Да и в университете проводим опросы – абитуриентов, по проблемам удовлетворенности трудового коллектива различными сторонами жизни вуза. Главное – пытаемся избежать упреков в «рисовании на коленках». Пока вроде бы получается.

Несколько странно, в России есть «Большая Тройка» организаций, проводящих общенациональные опросы общественного мнения: ВЦИОМ, «Левада-центр» и ФОМ. Их результаты всегда представлены на сайтах, комментируются всесоюзными и зарубежными СМИ. Чем вызвано требование к вам не публиковать результаты опросов, выходит, что общественное мнение не знает себя. Парадокс... как Вы это прокомментируете?

Ф. Шереги, насколько я знаю, также по требованию заказчиков не публикует результаты. У «Большой тройки» свои правила игры, свой устав. Мы же публикацию результатов не считаем основной деятельностью. С другой стороны, публиковать-то где? В научных журналах, с опозданием на полгода? Конечно, какую-то аналитику отправляем губернатору, его структурам.

А главное – таково состояние гражданского общества, ему социология не нужна, социология нужна Левиафану только для выявления болевых точек и, прежде всего, потому что требует Москва, для оценки деятельности власти. Вот сейчас возникает проблема «этнического сдвига» на Дальнем Востоке, опубликовали две статьи в журналах местных. Газеты не возьмут – разжигание розни..... Да и свободной-то прессы.....

Есть ли в Вашем регионе другие организации, проводящие опросы общественного мнения? Они тоже не имеют возможности оглашать результаты замеров?

Работает центр при бывшей академии госслужбы, тоже публикуют в своем журнале, книжки пишут. Тут даже один руководитель написал губернатору, что Ярулин дает не те цифры, и службы социологические надо создавать свои, при администрациях, они и дадут нужную информацию.

Попроше во Владивостоке, там ребята создали Консалтинговый центр, на сайте публикуют информацию.

Надеюсь, что вскоре у меня будет четыре интервью с дальне-восточными социологами: уже завершено и опубликовано интервью с Л. Бляхером, идут беседы с Г. Говорухиным, Э. Леонтьевой, и вот – наше. Как в целом организована социологическая жизнь в вашем регионе? Есть ли планы на создание журнала или «Ежегодника», проводятся ли регулярные встречи, представлен ли «голос социологов» в СМИ и т.д.?

О регулярной социологической жизни приходится только мечтать, скорее всего, она напоминает совокупность неупорядоченных связей. Благо есть диссертационный совет, на заседаниях которого мы и встречаемся, иногда есть совместные проекты.

Для СМИ мы представляем интерес лишь как творцы скандальной цифры или фразы, вокруг которой журналист напишет «гвоздевой» материал. Наверное, надо чтобы созрела какая-то критическая масса социологов-исследователей, а не социологов-преподавателей-толкователей. Такую критическую массу мы потихоньку и растим.

Сколько выпусков уже сделал ваш факультет? По каким специальностям? Есть ли перспективы найти работу у Ваших выпускников? В свое время Вас направляли в Санкт-Петербург в аспирантуру и докторантуру. Эта практика сохранилась? В какие еще российские университеты?

Факультет наш как самостоятельная единица существует три года, Каждый год мы выпускаем регионоведов, социальных работников, лингвистов, специалистов в области организации туризма, В нынешнем, 2014 году, сделали первый выпуск журналистов. Пока все выпускники так или иначе трудоустроены. Многие продолжают обучение в магистратуре, в том числе и за рубежом, в частности в университетах Китая. Многие наши студенты на год едут учиться в Японию, Республику Корея, Китай, Польшу. Стараемся, чтобы они увидели мир, изучили его. Это раскрепощает интеллект.

У нас есть своя аспирантура по социологическим наукам и диссертационный совет. Так что цикл заверченный. Конечно, по мере возможности, отправляем учиться в аспирантуру и в другие города, в частности, лингвистов. Но хорошее образование нынче удовольствие дорогое, особенно с учетом того, что бюджетных мест на гуманитарные направления становится меньше.

А социологов вы не выпускаете? Лингвисты – это кто? Теоретики в области языка, семиотики или переводчики? Иностранцы студенты у вас есть?

Социологов начали готовить в Биробиджане (Приамурский университет) и в Хабаровске, в бывшей ВПШ – ДВАГС, ныне филиале Академии народного хозяйства и государственного управления.. Я не стал открывать специальность, поскольку трудоустроить будет некуда.... Лингвисты – это переводчики и они же специалисты в области языка (у нас английский и китайский). Иностранцев в университете немного, человек 300, на факультете около 70, в основном из Китая, В последнее время появились мальчики и девочки из Италии, Польши, Чехии, правда, пока единицы.

Можно ли сказать, наблюдая происходящее в вашем регионе, о давлении на него Китая? Я имею в виду присутствие на рынке китайских товаров, активное заполнение городского, пригородного и сельского пространства китайцами, увеличение доли смешанных российско-китайских семей и т.д. Порождает ли это недовольство со стороны российского населения?

Не говорил бы о давлении, скорее об освоении китайцами Дальнего Востока, Приходит серьезный бизнес, выстраиваются новые взаимоотношения. Картина по сравнению с тем, что было лет 10 назад, меняется. Если в конце 90-х начале 2000 –х годов был наплыв мелких торговцев и дикий, неорганизованный рынок, который обеспечивал всем – в первую очередь, дешевым малокачественным ширпотребом, соответственно и представляли великую китайскую цивилизацию мелкие торговцы с их менталитетом полукриминальным. Отношение к выходцам из сопредельной Маньчжурии было, мягко говоря, не

самое хорошее. Со временем оно изменилось в лучшую сторону, благодаря политике, проводимой местными и российскими, и китайскими властями — контингент стал другим. Пенсионеры с Дальнего Востока покупают квартиры в китайских сопредельных городах — там жизнь подешевле. Многие жители Дальнего Востока ездят на китайские курорты, на лечение в китайских больницах. Да и рынок изменился — благосостояние выросло, соответственно, и запросы. Договорить о любви и дружбе не стоит, но отношения более толерантные, что показывают наши опросы. Проблема теперь другая — выходцы из среднеазиатских республик бывшего СССР. К ним отношение далеко не самое хорошее, поводов для этого они дают достаточно. Относительно смешанных китайско-российских семей — эта тактика уже не срабатывает. Раньше власти КНР вынуждали выезжать на заработки в Россию неблагонадежный элемент, который выстраивал свои стратегии адаптации. Теперь этого особо нет.

Спасибо большое, Илдус!

Поколение VI

Интервью с Романом Николаевичем АБРАМОВЫМ

«До поездки в ИС РАН я почти не видел «живых» социологов»

Абрамов Р. Н. — окончил Институт экономики и менеджмента Пензенской государственной архитектурно-строительной академии (ныне — унив. архитектуры и строительства) (1997 г.), кандидат социологических наук (2000 г.); департамент социологии факультета Социальных наук НИУ ВШЭ, доцент (с 2002 г.); отдел теории и истории социологии ИС РАН, старший научный сотрудник (с 2001 г.). Основные области научного интереса: история социологии, теория социологии, социология коллективной памяти и ностальгии, социология профессий, социология высшего образования, качественная методология.

Интервью состоялось: май 2014–май 2015 годов

Середина октября 2015 года, уже несколько месяцев я не начинаю новых бесед с российскими социологами, лишь завершаю ранее начатые и готовлю к размещению на сайте проекта уже законченные. К разряду последних относится и необычно развивавшееся интервью с Романом Николаевичем Абрамовым. Началось оно 12 мая 2014 года, двигалось неспорно, и завершилось — через год, в первую неделю мая 2015 года. Обычно в ближайшие после этого дни, я пишу вводный текст и вскоре интервью появляется в веб-пространстве. Но здесь сложилась серия обстоятельств, нарушивших обычный ход событий.

Первое обстоятельство — значительный объем текста интервью с Романом Абрамовым, хотя вскоре подобное не стало редкостью. Второе, — новая для меня реальность: Абрамов — представитель в то время мало мне знакомого VI поколения социологов. Позже, во второй половине 2014 и первой половине 2015 года я форсировал проведение интервью с социологами этой когорты и даже приступил к беседам с представителями VII поколения. Постепенно у меня возникло желание рассмотреть содержание разговора с Романом в контексте информации, полученной от социологов его поколения.

Третье крайне важное для моего историко-социологического проекта и для меня лично обстоятельство. Смерти В. А. Ядова и С. А. Кугеля — двух социологов, стоявших у истоков нашей науки, заставили меня на месяц вообще отойти от работы с интервью. Дружеские отношения с ними, уважение к сделанному ими потребовало от меня изменить краткосрочные планы и написать материалы в их память. Более того, когда этот текст уже был начат, в Америке скончался Владимир Шляпентох. Так сложилось, что я получил это печальное сообщение через несколько минут после случившегося, и мне пришлось оповещать об этом моих российских коллег.

И вот — пришло время для завершения интервью с Романом Абрамовым. Благодаря не планировавшейся задержке первичного анализа содержания нашего диалога, теперь у меня есть возможность, не только привести информацию о его вхождении в социологию, но и — пусть в самых общих чертах — рассказать немного о социологах VI поколения. К этой когорте нашего профессионального сообщества относятся те, чьи годы рождения заключены в интервале 1971–1982 гг. Таким образом, в конце 2015 года старшим из этого поколения будет 44 года, младшим — 33 года.

Возрастное различие в 12 лет между этими полюсными группами — немалое, тем не менее, существует нечто принципиальное, объединяющее их. И старшие, и младшие родились и прошли процесс первичной социализации в СССР и в первые годы становления новой собственно российской государственности, но получили образование и — что следует особенно подчеркнуть — начали свою научную деятельность уже в современный, постсоветский период российской социологии. Таким образом, их собственный профессиональный опыт не включает в себя личное знакомство со многими практиками, институциями, характерными для советского периода отечественной социологии.

Замечу, со временем восприятие 12-летнего различия в возрасте представителями старших и младших страт VI поколения заметно смягчится, хотя в коммуникационном отношении старшим будут всегда оставаться «близки» младшие представители V поколения социологов, а младшим — старшие VII поколения. Это — общее правило для всех профессионально-возрастных страт работников нашего цеха.

К настоящему моменту проведено 21 интервью с социологами VI поколения; замечу, это столько же, сколько с представителями I (8 человек) и II (13 человек) когорт. Но если с учеными этих двух групп, в значительной степени определивших становление современной советской и постсоветской социологии, биографические интервью активно проводились в 2005–2009 годах, то изучение траекторий жизни социологов VI и VII поколений — лишь начинается. Хотя уже сейчас многое в VI поколении уже определилось. Среди тех, с кем проведены интервью, семеро имеют степень доктора социологических наук, 12 — кандидаты социологических или политических наук, двое — без научных степеней. Все эти ученые, что легко заметить из информации об их месте работы, вносят существенный вклад не только в исследование современных социальных проблем российского общества, но и в подготовку социологических кадров; среди них — значительная часть обладает званиями профессора или доцента, являются заведующими кафедрами, входят в состав руководства факультетов соци-

ологии и редколлегий социологических журналов. Исследователи этого поколения играют заметную (если не ведущую) роль в изучении общественного мнения в России.

Этот отряд социологов активен во многих старых и новых, столичных и региональных социологических структурах. География жизни и работы моих собеседников достаточно широка. Москва и Санкт-Петербург, Урал (Екатеринбург), Сибирь (Красноярск, Сургут и Тюмень), Комсомольск-на Амуре, Ставрополь, Белгород. Таким образом, появляется перспектива не только для прослеживания жизни старых социологических школ (Екатеринбург, Самара и Саратов, Тюмень), но и для рассмотрения процессов становления новых региональных научно-исследовательских и образовательных центров.

Предварительное изучение содержания интервью с Романом Абрамовым и воспоминаний других представителей его социологического поколения, позволяют отнести Романа к относительно небольшой группе этого сообщества, в жизненных траекториях которых яснее, чем в других интервью просматриваются, как мне думается, некоторые характерные для этой общности линии развития, тренды, требующие особого историко-социологического изучения. А точнее, — футурологического. Можно предположить, что члены этой группы уже в ближайшие годы могут образовать интеллектуально-коммуникативное «ядро» своего поколения и стать важным элементом в системе связи между различными поколениями российских социологов. Обозначу реперные точки развития Абрамова-специалиста.

Детство и юность: «запойное» чтение: от «Лесной газеты» Виталия Бианки (вспомнил, как я неоднократно видел гулявшего с одной или двумя собаками Бианки; во дворе большого дома, в котором он жил, располагался мой Детский сад) до рассматривавшегося «оппозиционным» журнала «Химия и жизнь». В моем понимании то был этап накопления знаний, умения как-то по-своему синтезировать различный материал, формирования первых, еще расплывчатых интересов. Могу допустить, что многое в гражданских установках Романа, в его восприятии социального мира стало следствием его любви к отечественному и зарубежному року. Правда, всегда трудно сказать, что в увлечении роком (а для старших поколений — джазом) является следствием каких-то раздумий о мире или, наоборот, рок — одна из причин последующих гражданский ориентаций. Как правило, и то, и другое.

Первый раз Роману повезло встретиться с Учителем еще в школе. То был профессор Пензенского строительного института и специалист в сфере управления Семен Давыдович Резник, у которого Роман занимался в Школе Юных Менеджеров. Связь между ними сохранилась и когда Роман учился в Пензенском строительном институте на факультете менеджмента. Скорее всего, познав смысл и плодотворность контактов с сильным специалистом и масштабной личностью, Роман и далее стремился к подобным контактам. Все было очень непросто, но в мало знакомом ему пространстве социологического образования он искал и — не случайно — нашел оптимальное решение. Сначала это был Центр социологических исследований (ЦСО) под руководством С.Е. Кухтерина (более известный как «кухтеринские курсы»), созданный В.А. Ядовым в начале перестройки в Институте социологии РАН. Затем — в МВШСЭН, или «Шанинка».

В ЦСО преподавали, по воспоминаниям Абрамова: Г. М. Андреева, С. П. Баньковская, З. Т. Голенкова, А. Б. Гофман, И. Ф. Девятко, Г. М. Маслова, В. В. Сапов, В. В. Семенова, А. Ю. Согомонов, М. Ф. Черныш, В. А. Ядов. Действительно, все – известные специалисты в своих областях науки, «команда мечты». Безусловно, то, что они предлагали студентам, было по-настоящему академическим введением в социологию. Роман следующим образом подвел итог своего обучения в ЦСО:

Что же я вынес из обучения в «кухтеринской» магистратуре? Слишком много, чтобы ответить просто. Думаю, здесь началось мое превращение из «никого», имевшего какое-то высшее образование в того, кто связывает свою профессиональную биографию с социологическими исследованиями и социальными науками. Здесь же я встретил своего Учителя в социологии – Инну Феликсовну Девятко, которая во многом предопределила мой дальнейший путь

Причем, это «превращение» произошло мгновенно, в течение месяца.

На следующий год, пройдя через серьезные профессиональные испытания и преодолев множество бытовых трудностей, Роман Абрамов поступил в Шанинку, где, как и в «Кухтеринском центре», он встретился с очень сильным составом преподавателей «новой волны». Он посещал авторские курсы Г. С. Батыгина, А.Ф. Филиппова, А. О. Крыштановского, В. В. Радаева, Б. Ю. Кагарлицкого, В. В. Вагина, Н. Е. Покровского и других преподавателей.

Далее, после защиты кандидатской диссертации, которую он готовил под руководством И. Ф. Девятко, Абрамов начал работать в секторе истории социологии ИС РАН, руководителем которого был Ю. Н. Давыдов. Одновременно, чтобы выжить, он стал аналитиком в небольшой PR-компании, занимавшейся бизнес-коммуникациями, консалтингом, event-managment, рекламой, исследованиями и прочими аналитически-организационными услугами для бизнеса.

Так получилось, что когда значительная часть этого вводного текста была завершена и мне потребовалось проверить свое предположение о характере, стиле работы моего собеседника, я обнаружил, что наш долгий разговор не охватил прошедшие полтора десятилетия жизни Романа. Я попросил его закрыть этот пробел, но при этом у меня было ощущение того, что где-то вскоре в этом рассказе я обнаружу, что его исследования приобретают явную биографичность. Что в данном случае обозначается словом биографичность и почему у меня возникла названная гипотеза?

Под биографичностью творчества социолога понимается его обращение к своему жизненному опыту как предмету и объекту изучения. Безусловно, это обращение может иметь разные формы, относиться к событиям разной удаленности в жизни человека, может быть навеяно разными обстоятельствами и мотивами. Приведу несколько примеров.

Исследование А. Н. Алексеева, освещенное им в книге «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», построено на дневниках и документах, отражавших окружавшую его производственную ситуацию, когда он работал станочником-наладчиком на одном из заводов Ленинграда. Изучение отношения рабочих к труду, завершено ставшей классической книгой «Человек

и его работа», отчасти было обусловлено тем, что В. А. Ядов вынужден был уйти из аспирантуры ЛГУ и работать на заводе в бригаде рабочих. Его обвинили в том, что при поступлении в партию он скрыл тот факт, что незадолго до войны из партии был исключен его отец. В действительности он этого и не знал. Книга А. Г. Здравомыслова «Немцы о русских на пороге нового тысячелетия», содержащая анализ серии интервью, проведенных с им с немецкими интеллектуалами, была навеяна его еще детскими и юношескими воспоминаниями о драматических годах пережитых им в блокадном Ленинграде и госпиталях в военные и первые послевоенные годы.

Теперь – о причинах возникновения указанной гипотезы. Их – три.

Во-первых, по-видимому долгий процесс интервьюирования, неоднократное прочтение воспоминаний, позволили мне заметить, как обогащался жизненный опыт Романа, как накапливалась его биография. Во-вторых, еще в самом начале нашей беседы, когда Роман описал историю родительской семьи, я обратил внимание на дотошность его изложения. Так пишут люди, не безразличные к прошлому семьи, к своим корням. Более того, относительно недавно некоторые события жизни семьи были проанализированы им и изложены в серии публикаций. В-третьих, подходя к концу интервью я спросил Романа о стиле изложения им событий своей жизни, который я назвал «Биографией в контексте повседневности». В моем понимании это означает, что автор с той или иной регулярностью возвращается к прожитому, пытаясь как-то упорядочить свои впечатления. Наконец, Роман – профессионально работает в области истории социологии, а это означает, что и собственный жизненный опыт автоматически подвергается им лично-историческому анализу.

Другими словами, биография как осмысляемый опыт оказывается у Абрамова в оперативной памяти, это и давало мне основание увидеть воспоминаниях о прошедших годах этого столетия указание на биографичность проводимых им исследований. И вот, читая присланное, я нахожу: «Где-то с 2008 г. у меня появились публикации, посвященные социальной памяти, ностальгии, и особенно ностальгии по позднему советскому периоду. Эта тема возникла в связи с личным интересом к семидесятым годам в СССР...».

Конечно, этого могло и не произойти, но вероятность того, что обнаружилось, была немалой.

Абрамов Р. Н.: «До моей поездки в ИС РАН я почти не видел “живых” социологов»

Роман, еще раз спасибо за согласие рассказать о себе, о своей работе. Вы принадлежите, к тому поколению российских социологов, которое я очень мало знаю. И не только потому, что между нами заметная возрастная разница, но потому, что Вы как профессиональное сообщество стали складываться, когда я уже жил в Америке. Я не встречался с вами в аудиториях, на конференциях, мало читал. Так что есть, о чем Вас поспрашивать.

Сайт «Вышки» дает информацию о Вашем образовании, карьере, научных интересах, об этом мы и поговорим. Но начнем с начала. В целом и по понятным причинам Ваше поколение лучше знает историю своих семей, чем предыдущие. Что Вы можете рассказать о своей семье? Настолько далеко, или глубоко Вы с знакомы с ее прошлым?

Борис Зусманович, не уверен, что мое поколение лучше знает историю своих семей, чем предыдущие¹. Дело здесь не только в том, что предыдущим поколениям, жившим в непростые времена революций, войн и репрессий приходилось осваивать искусство забвения, а более молодым, кажется это искусство уже не столь необходимо. Применительно к моему поколению, полагаю, что заботы текущего дня отвлекают от занятий прошлым своей семьи. Также я тут согласен с А. Ассман², которая утверждает, что наряду с тем, какие возможности сегодня открываются для сохранения коллективной и социальной памяти, всё-таки есть и горизонты забвения, обычно составляющие ретроспективу в три поколения, то есть порядка 100–120 лет. После этого устная история семей стирается и остаются либо краткие чернильные записи в метриках и в пожелтевших официальных бумагах, либо фотографии, с которых на тебя смотрят одетые в старомодное платье люди, с которыми идентифицировать себя довольно непросто, если не обладаешь богатым историческим воображением.

Признаться, сам я не занимался специально генеалогией нашей семьи — не сидел в архивах и не искал материалов, касающихся её истории. Возможно, в будущем я займусь этим плотнее. Впрочем, бабушка с маминой стороны говорила, что её старший брат, инженер-конструктор мостов, обладавший педантичным складом ума, какое-то время в 1970–80-е гг. пытался проследить историю семьи и кажется добрался то ли до начала, то ли до середины XIX века. Сам я результатов этих изысканий не видел.

Попробую, однако, сжато изложить то, что я знаю из рассказов родных и близких. Судя по всему, относительно предков по отцовской и по материнской линии с известной долей достоверности можно утверждать следующее: и те и другие происходят из различных районов Поволжья, и обе линии уходят корнями в крестьянство, которое революционные и модернизационные бури 1910–20-х гг. заставили изменить свой образ жизни — стать служащими или рабочими, переехать в другие местности, осесть на городских окраинах.

¹ Работа над этим интервью началась в начале лета 2014 г. и была завершена 30-го сентября 2015 г.

² Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014.

Мой дедушка по материнской линии был квалифицированным рабочим, который начал работать с четырнадцати лет на оборонном предприятии Пензы во время ВОВ — делал снаряды и мины. По рассказам было голодно — почти каждый день в холодных цехах Пензмаша находили одного-двух замерзших и умерших от голода подростков из числа эвакуированных и прикрепленных к местным ремесленным училищам. В какой-то момент и семья дедушки оказалась на грани смерти — потеряли карточки, родители начали пухнуть от голода. Выручили соседи по улице (жили в частных домах в Терновке у железнодорожного полотна) — дали в аренду немецкую швейную машинку Зингер и материал для шитья простейшей обуви, тапочек, которые хорошо продавались на рынке во время острого товарного дефицита военной поры. Эта машинка была затем выкуплена родителями дедушки и перешла в наследство моей маме, которая использовала её в молодости, а я помню, как играл паропанковских чугунных джунглях ножного привода, будучи совсем маленьким. Потом эта машинка долго стояла в сарае как почти единственный свидетель семейной истории и недавно мы сделали из её станины рабочий стол. Такое вот наследство. В моем детстве дедушка работал в НИИФИ (Научно-исследовательский институт физических измерений), где конструировалось и делалось что-то очень деликатное и секретное, связанное с оборонкой и космосом. Помню, что в середине 1980-х гг., накануне перестройки, дед сетовал, что к ним не идут молодые рабочие, хотя институт и экспериментальное производство принадлежали ВПК со своими преимуществами в заработной плате и престиже. Уже тогда советская индустрия ощущала кадровый голод, связанный с глубинными трансформациями позднего советского общества и кризисом советской модели профессионализма.

Родители дедушки переехали на окраину Пензы из области в конце 1920-х гг. вместе с началом коллективизации: по рассказам, в какой-то момент прадед стал даже председателем сельсовета в начале-середине 1920-х гг. — романтический период коммун, но после того как их дом был обстрелян из винтовок в начале коллективизации, семья решила, что бедная, но спокойная, по возможности жизнь, лучше чем любые должности, и покинула сельскую местность. Прадед устроился железнодорожным рабочим, бабушка сидела с детьми.

Моя бабушка по маминой линии в конце 1940-х гг. переехала в Пензу из Куйбышева по распределению после окончания финансового техникума. Её семья жила в области — районном центре Большая Глушица, что расположен на реке Малый (кажется) Иргиз и где я никогда не бывал, хотя по рассказам, там остались некоторые родственники. Прадед прошел Первую мировую солдатом и гражданскую, бойцом Красной Армии. Прабабушка в Гражданскую мигрировала по стране — кажется даже добралась со старшими детьми до Ташкента (сразу вспомнилось «Ташкент — город хлебный»). Обычная история того времени.

После окончания войн семья собралась в Большой Глушице, где родилась моя бабушка. С начало коллективизации наступил голод — поволжская степь, сушь. По рассказам бабушки спас ситуацию самый старший брат, уже тогда учившийся в сельскохозяйственном, кажется, техникуме. Привез мешок чего-то съестного. Крупы? Картошки? Зерна? Память не сохранила. Это позволило выжить. Коллективизация — призывы вступить в колхозы и «добровольно-принудительная» запись туда. Отдают единственную корову в колхозное стадо. Прадед приходит и смотрит, в каких ужасных условиях она там содержится,

и выходит из колхоза. Корова погибает вскорости. Прадед поступает в сапожную артель — остатки НЭПа в виде артелей сохранились до хрущевского времени. Поскольку Большая Глушица райцентр, то есть возможность стать не колхозником, но рабочим. Фотографии прадеда то ли конца тридцатых, то ли начала сороковых — сухой темноволосый человек с чаплинскими усиками модными в двадцатых, в толстовке держит в руках раскрытую газету. Прямо репрессии семью не затронули — кажется кого-то из более дальних родственников. Но помню воспоминания бабушки, что одного из старших братьев в начале тридцатых знакомые предупредили, что нужно ждать гостей из ГПУ и тот сразу уехал в какое-то дальнее село к другу, где проработал в местной школе учителем около года. Тактики уклонения.

Еще бабушка говорила о том, что в учебниках, по которым она училась в конце 1930-х — начале 40-х, были замазаны фотографии «врагов народа» из числа военной и партийной советской элиты.

Война. Где-то лежит фотография старшего брата бабушки, Ивана — подпись на обороте «21-е июня 1941 года». Темный двубортный костюм с типичными значками того времени — что-нибудь вроде ворошиловского стрелка или парашютиста. Белая рубашка с воротником, выпущенным на лацканы пиджака. Ясный умный взгляд, пробор. Накануне школьного выпускного. Воевали двое старших братьев. Все вернулись целыми, хотя были на передовой и даже кто-то в морском десанте. Ранены. Кого-то на два года задержали в войсках в Германии после войны: помню фотографию двух подтянутых старших сержантов в парадной форме на фоне немецкой природы и бутылочного горлышка протестантской кирхи на заднем плане. Трофеи? Никаких. По рассказу бабушки кто-то из братьев вез аккордеон, но и тот по пути украли в поезде. После войны — учеба в вузах, семьи, переезды в разные регионы страны.

Прадед тоже был призван, несмотря на возраст — куда-то в тыл. Прабабушка осталась одна с детьми — моя бабушка старшая: тринадцать лет в 1941-м г. Что-то выращивали, прабабушка ездила на рынок в Куйбышев, меняла что-то на что-то. Выживание. Но голода не было, только недоедание и крайняя бедность. Всё же полусельская местность имела преимущества в выживании.

Вернемся, однако, к истории бабушки. Итак, окончив финансовый техникум она получает распределение в Пензу. По её отзывам, тогда это был очень провинциальный город — частный сектор, огороды, небольшие заводишки, многие из которых появились только в войну. Терновка тогда — не Пенза, но самостоятельный поселок в пригород, ставший рабочей слободкой вместе с превращением галетной фабрики в крупный оборонный завод. Сначала работала налоговым инспектором. Видел фотографии, где её коллеги-подруги в полувоенной форме финансового ведомства с петлицами — сталинское увлечение униформой в сороковые. Кажется, он планировал и ученых одеть в мундиры. Но бабушка не смогла долго работать налоговым инспектором — жестокая налоговая политика Сталина после войны приводила к тому, что у колхозников забиралось последнее. Бабушка говорила, что её просто убивало, что нужно брать натуральный и денежный налог с людей, у которых буквально ничего не было. Так что она максимально быстро, в течение года перевелась простым служащим в местный финотдел, где и проработала более тридцати лет до выхода на пенсию. Тогда финансовые служащие были одной из низкооплачиваемых категорий

работников — их заработные платы стали расти в середине восьмидесятых, когда бабушка уже была на пенсии. В семидесятых её зарплата не превышала 90 рублей, насколько я знаю. Четырех-пятилетним ребенком я несколько раз бывал у нее на работе в двухэтажном доме из силикатного кирпича с темными дощатыми полами, запахом канцелярии и каким-то даже уютом старомодного учреждения. Помню, что какие-то бланки хранились в крашенном кованом сундуке, который неизвестно когда и при каких обстоятельствах попал в финотдел.

Смерть Сталина бабушка встретила молодой женщиной, имеющей по тем временам неплохое образование, и я спрашивал её, как она отнеслась к этому событию. Она вспоминала, что многие плакали и сильно переживали о будущем, но она чего-то особенного не почувствовала — ну придет кто-то другой, да и особенно веселой и благополучной жизнь, по её мнению не была, чтобы столь сильно переживать по поводу кончины вождя. К Хрущеву она относилась, пожалуй, лучше всего из всех советских руководителей. Тут сказывался и заметный рост качества жизни в годы оттепели и, видимо, прекращение Большого страха, висевшего над каждым в сталинский период. Через её работу проходили все экономические новации хрущевской поры, и она со своей совсем низкой должностной позиции, рассуждала так, что провал хрущевских реформ был связан с его непродуманной политикой в отношении личных крестьянских хозяйств (запрет и ограничения на личные огороды, запрет держать личный скот в пригородных сельских зонах и другие попытки борьбы с «частнособственническими инстинктами») и в его странных решениях в виде насаждения кукурузы и проч., что привело к продуктовому кризису в 1962–63-м гг.

Моя мама родилась в Терновке (тогда ближайший пригород, а ныне район Пензы), где до второй половины шестидесятых жило три поколения семьи в тесном деревянном доме. Её детство прошло среди частного сектора и рядом с большим железнодорожным узлом. В 1967-м году дом снесли и семья переехала в центр города в шестиподъездную панельную пятиэтажку, где получила двухкомнатную квартиру на первом этаже. Примерно тогда же были куплены холодильник «Полюс», телевизор «Рекорд» и современная мебель, лак на которой покрылся паутиной трещин на морозе во время переезда и все остальные годы сервант и платяной шкаф имели вид несколько винтажный. И холодильник и телевизор я помню очень хорошо — с первым бабушка не расставалась всю оставшуюся жизнь, и он стоял в прихожей, даже когда появился новый холодильник в конце 1990-х гг., а телевизор перевезли в конце концов на дачу, где я даже пытался его смотреть в конце 1980-х гг. Впрочем, это не значит, что ностальгический миф о «вечной советской технике» соответствует действительности: по словам бабушки, холодильник пришлось отдавать в ремонт через несколько месяцев после покупки, а в телевизоре всё время меняли лампы и его чинили даже на моей памяти.

В отрочестве у мамы проявились серьезные проблемы с сердцем, и она даже пропустила один учебный год в школе. После окончания школы поступила в заочный финансовый техникум, вышла замуж, и вскоре родился я. Работала она экономистом и старшим экономистом на ремонтно-монтажном предприятии (РМК — ремонтно-монтажный комбинат), принадлежащем системе потребительской кооперации (Потребсоюз). Те, кто знают устройство советской экономики, понимают, что потребсоюзы относились к одним из самых богатых и процветаю-

щих структур: имели собственную развитую систему торгово-закупочных предприятий и были параллельной системой советской торговли с довольно широкой управленческой автономией. В условиях растущего товарного дефицита принадлежность к потребкооперации означала доступ к дефицитным товарам и продуктам и, соответственно, наличие широких социальных связей из-за возможности «доставать» эти товары и продукты. Помню, что в начале 1980-х гг. головной офис Потребсоюза располагался в центре города и был самым современным и хорошо оборудованным, выполненным в стилистике брежневского номенклатурного модернизма зданием. Впрочем, в каждой подобной системе есть свои периферийные элементы, которым не достаются имеющиеся ресурсы и возможности. Таким был и РМК: сервисное предприятие, обслуживающее торговые и производственные точки системы потребкооперации по всей Пензенской области. Это были хлебопекарные цеха в райцентрах и крупных селах, магазины, колбасные цеха, заготконторы, где устанавливалось торговое оборудование, холодильные камеры, печи, пожарная сигнализация и проч. Всё это нуждалось в установке, отладке, ремонте, текущем сервисном обслуживании, обновлении. Соответственно, РМК был главной организацией, чьи представители были ответственны за это. Однако, поскольку комбинат не накапливал и не распределял продукты и товары повседневного спроса, то и доступа к «дефициту» работники предприятия не имели. Такой вот, не очень любимый пасынок богатой торговой семьи.

В детстве мама брала меня несколько раз на работу, и это было событием. Во-первых, РМК находился на окраине города, и добираться до него было делом непростым: сначала в переполненном автобусе, забитым рабочими и инженерами Пензамаша, затем через железнодорожные пути вглубь района Терновки, пользовавшегося славой местного криминального Гарлема. То есть я получал массу впечатлений уже по пути на работу. Во-вторых, сам комбинат представлял собой сложноорганизованное пространство, в котором одновременно, располагался небольшой механический цех с довольно старыми станками, большой склад, где хранилось всё — от щелкающих тумблеров до крупных частей промышленных печей и проч. Также сама территория была заставлена полуразобранными грузовыми автомобилями и погрузчиками, где можно было посидеть в кабине, покрутить огромный черный эбонитовый руль ГАЗ–51 и летом ощутить смешанный запах пыли, коричневого дерматина сидений, старого машинного масла и раскаленного железа. Запах гаража. На втором этаже главного здания была контора — бесконечные стены встроенных шкафов с бесконечными пустыми и заполненными бланками и канцелярскими папками, полированные столы, пишущие машинки «Ятрань» и «Башкирия», на которых можно было вволю постучать. В большом, зарешеченном «солнышком» окне тяжелый куб кондиционера. Цветы в горшках. Перерыв на обед и поход в столовую одной из соседних организаций — это были автобазы, которые имели возможность организовать свои столовые.

Насколько я понимаю сейчас, организации вроде РМК, представляли собой мелкий и непрестижный планктон советской промышленности. Они не были производствами в собственном смысле этого слова, но они и не были уважаемыми учреждениями или институтами. Подчиненные, всегда и всё получавшие по остаточному принципу, с отсутствием возможностей для карьеры и роста заработной платы, они находились на заднем дворе советской экономики и слу-

жили прибежищем тех, кто по тем или иным причинам не мог или не хотел быть встроенным в большие заводы, оборонные предприятия или куда-нибудь еще. Плюс характер деятельности большинства работников не предполагал сидения в конторе или пребывания в цеху на глазах у начальства, а непрерывные разъезды по городу и райцентрам и значительную автономию в выполнении работы. Мама, конечно, в основном сидела в центральной конторе или ездила в областное управление Потребсоюза и статистической службы сдавать разнообразные отчеты. С небольшим перерывом на работу в качестве страхового агента мама проработала в РМК до 1997 года. Рыночные реформы взорвали и сложившуюся систему потребкооперации и обанкротили сам комбинат.

Теперь можно перейти к тому, что я помню о своих корнях по отцовской линии. Это были крестьяне Саратовской губернии, принадлежавшие к одному из староверческих толков — беспоповцам кулугурам. В конце 1920-х гг. на фоне очередной волны голода в Поволжье многочисленная семья снялась с мест и поехала из степной засушливой зоны туда, где хотя бы росла трава. Поезд остановился станции «Танеевка», и в результате семья обосновалась в Мокшанском районе Пензенской области — часть в селе Лопатино, часть в крупном селе Царевщино, часть в небольшой деревне Малиновка (ох уж эти архетипические названия сел России и Украины...). На сельском кладбище под Царевщиной можно найти целый ряд захоронений Абрамовых, начиная от моих прапрадеда и прапрабабки, которых я уже не застал.

Также как и не застал остатков быта кулугуров — за время революций, войн, переездов и всех этих перемен привычки и религиозная основа жизни староверов подрастерялась и позабылась. По рассказам отца его тетка хранила эти традиции и сама выполняла роль старосты и чтицы, у которой изба напоминала избу старушки из фильма по распутинской повести «Прощание с матерой»: книги, староверческие иконы и т.п. По смерти отцовской тетки всё это было растащено односельчанами и куда-то пропало. Осталась старая церковная книга, истрепанная, без обложки с рассыпающимися от ветхости страницами, да какие-то части медного складня.

И бабушка и дед по отцовской линии всю жизнь прожили в селе, работали в колхозе: дед механизатором, бабушка на ферме. Перерывы были связаны с войной — дед прошел и финскую и Великую Отечественную, откуда вернулся благополучно. Был членом коммунистической партии, но вряд ли сильно рефлексировал об этом — он был просто работающим и работающим человеком. И, уже, будучи на пенсии, в возрасте далеко за восемьдесят, помогал нам в тяжелые девяностые сажать и копать картошку на большом огороде рядом с деревенским домом. Стал терять память года за три до кончины, но продолжал умело и с желанием работать по дому: пытаться колоть дрова, копать и т.п.

В связи с темой ветеранов и празднования Дня Победы помню как утром 9-го мая 1995 года мы строим: он, отец и я копали огород под картошку на небольшом поле в низине. Мимо проезжал тупоносый бело-синий полосатый автобус на базе ГАЗ–53, собиравший ветеранов войны и труда на праздник в более крупное село — Царевщину. Дед не поехал, да и как-то даже не обратил на это внимания, занятый своим привычным делом. Вообще я ни разу не видел, чтобы он надевал медали и единственный орден Красной Звезды. Также и почти не слышал воспоминаний о войне: только уже за год-два до смерти он стал возвращаться в то

время — что-то говорил о трофейном мотоцикле, на котором они катались где-то в Венгрии и проч. Как там, у Гюнтера Грасса — луковица памяти обнажала новый слой. Машины у них не было — только старый, перелатанный и многократно перекрашенный мотоцикл «Иж—Юпитер» с люлькой, будучи уже подростками, братья гоняли на нем по окрестностям.

В деревне я бывал нечасто и не очень подолгу. Будучи городским ребенком, не очень любил деревенские неудобства и отсутствие привычных дворовых друзей. Хотя то, что у Довлатова в «Заповеднике» иронически называется «псковские дали» вполне впечатляло — холмистые перелески, поля, пылящий где-то по проселку, на кромке горизонта ЗИЛ. С двоюродными братьями активно осваивали захудалое уже тогда, и полузаброшенное в начале-середине 1980-х гг. совхозное хозяйство — вросшие в землю гусеничные трактора, почти новые, но сломанные комбайны, сеялки и веялки у длинной белой кузницы, недостроенный коровник с брошенными сотнями пластмассовых ковшей автоматических поилок, весы для взвешивания автомобилей с зерном. Все это год от года приходило в запустение, и очередной недострой, или новый, но брошенный комбайн были печальным символом запоздалых судорожных попыток советской экономики возродить сельское хозяйство посредством малоосмысленных, но щедрых вливаний, которые уходили в никуда. Думаю, что эти детские игры в советских сельскохозяйственных abandoned spaces как-то предопределили и мой социологический интерес к этой теме.

Да и в целом село пустело — закрылась школа, старики умирали или переезжали в город, алкоголизм добивал молодых и трудоспособных. К середине 1990-х на заброшенных полях стала появляться молодая поросль леса из семян, занесенных туда ветром. Кажется, только в последние годы частично возникли признаки оживления в формате агробизнеса — появились посевы льна и других культур, выращиваемых на нужды медицины и промышленности.

Папа переехал в Пензу после службы в армии. Окончил профессиональное училище — стал сварщиком, сначала работал на стройке, затем в обкомовском гараже, куда его устроил старший брат — преподаватель местного сельскохозяйственного института, этого пажеского корпуса и института благородных девиц для детей сельского и райцентровского начальства — главных агрономов и бухгалтеров совхозов, председателей колхозов, вторых и третьих секретарей территориально удаленных райкомов. В начале восьмидесятых заочно окончил этот же институт и отец, выучившись на инженера-механика. Примерно тогда же, в 1982 году, благодаря некоторой смелости и настойчивости отца, родители, после многих лет стояния в очереди, получили скромную двухкомнатную квартиру на Западной Поляне³. Затем, в восьмидесятые, многократно менял работу — в основном был инженером-механиком в различных автоколоннах и на автобазах, довольно долго работал в местном ипподроме, где был собственный парк автомобилей и тракторов. Я бывал в этих организациях, которые тоже относились скорее к периферии советской экономики — одно-двухэтажные неприметные конторы и ремонтные цеха из серого силикатного кирпича, грузовые и легковые автомобили, люди в робах, испачканных в машинном масле и солярке. Мужской

³ Историю этого дома и получения квартиры в нем я описывал для медиапроекта «Западная Поляна» серии публикаций в пензенском еженедельнике «Улица Московская». Абрамов Р. Прогулки по Западной Поляне. Западнополянский форпост урбанизации//Улица Московская. Еженедельная газета, июль 2011, №400, с.14–15, http://www.ym-penza.ru/components/com_dacatalogpdf/files/400_15_07_2011.pdf

мир. Несколько раз, для поездок в деревню и просто покататься, папа брал служебные «Волги» («ГАЗ–24» с трогательными белыми занавесочками на заднем стекле, оберегавшими покой каких-нибудь инструкторов горкома или обкома.

Папа и сегодня умеет с нуля (начиная от сборки двигателя и до сварочных работ) собрать автомобили советских серий – «Волгу», «Ниву» и т. п. С распадом СССР, когда почти все автобазы и автоколонны развалились, а от ипподрома тоже оставалось одно название, папа был рабочим одной из первых частных мебельных фабрик в Пензе, занимался промышленным разведением карпов, был приемщиком цветного лома, руководителем транспортного цеха в муниципальной организации и т.п. Потом перешел на местный машиностроительный завод, где работал в металлическом цеху и сейчас вышел на пенсию⁴, не так давно увлекся охотой.

Вот, наверное, то, что я могу сказать о своей семье и её корнях. Обычные судьбы обычных людей, которые оказывались в водовороте истории на протяжении непростого двадцатого века. В основном они стремились избежать этих поворотов, через уклонение от сильного вrastания в государственную или политическую системы: кроме дедушки по отцовской линии никто и никогда, несмотря на уговоры, не вступал в партию, начальственных карьер тоже избежали, как и серьезного материального благополучия. Очень простые биографии.

Прекрасно, Роман. Как Вы пишете: «Очень простые биографии», однако к «порогу» Алейды Ассман Вы подошли и справедливость моего наблюдения о том, что Ваше поколение лучше знает историю своих семей, чем предыдущие, мягко подтвердили.

Жду продолжение истории Вашего рода, в которой Вы уже будете субъектом деятельности. С такой же «крестьянской» обстоятельностью, пожалуйста, опишите школьные годы.

Думаю, что трудно во мне разглядеть «крестьянскую обстоятельность», потому что с крестьянским трудом я сталкивался на даче и в редкие наезды в деревню, а так был типичным «городским ребенком». В 1982-м году я поступил в первый класс средней школы г. Пензы № 58. Школа находилась в типовом панельном трехэтажном корпусе и была открыта лет за пять до начала моего обучения. Выбор школы был обусловлен её близостью от дома, и тем, что по пути мне не нужно было переходить дорогу с оживленным автомобильным движением. Дорога занимала буквально 7–8 минут пешком.

В Пензе тогда было несколько школ, которые считались по-настоящему престижными и где обучались преимущественно дети партийно-хозяйственной номенклатуры и верхнего слоя интеллигенции – школа №1 находилась в большом старом здании бывшей женской гимназии, и в ней начинал свою учительскую карьеру отец Ленина И. Н. Ульянов. Соответственно, это была самая престижная школа по составу учеников и т.п. Далее следовала английская школа №6, которая также отличалась не только редким тогда языковым профилем, но и общим высоким качеством обучения. Были еще несколько неплохих школ в районах, где преимущественно жил советский средний класс и ИТР. Моя школа

⁴ На основе включенного наблюдения за рабочими-металлургами этого цеха у меня несколько лет назад вышла публикация. см. Абрамов Р. Н. *Металлурги на машиностроительном заводе: очерк профессиональной культуры* // В кн.: *Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности* / Науч. ред.: П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. М.: Вариант, 2012. С. 153–174.

не входила в «топ-лист» лучших, но и не считалась «плохой». К тому же незадолго до начала моего обучения директором школы стала амбициозная учительница математики Г. Ф. Пьянова, которая стремилась быть в фарватере модных тенденций в сфере школьного образования и набрала неплохой пул педагогов.

Состав учащихся моей школы был разнородным — дети рабочих, живших в близлежащих пятиэтажках и частном секторе, дети хозяйственных руководителей средней руки, дети ИТР и даже профессуры, которая жила в трех белых девятиэтажках с квартирами улучшенной планировки, построенных в одно время со школой. Таким образом, за весь период обучения в школе мне приходилось быть свидетелем жестоких драк, силовых атак на учителей, хулиганства, находящегося на грани с преступлением, но также найти хороших друзей, увлекавшихся литературой, историей, музыкой, фотографией.

Почти всё время обучения в школе я либо слышал бесконечные разговоры по радио и телевидению о «школьной реформе», либо сам был объектом реформ школьного образования в позднее советское время. Даже при моем поступлении в первый класс шли активные споры относительно возраста, когда можно идти — кажется, за год до этого разрешили поступление в первый класс с шести лет, а насколько мне помнится, до этого в школу поступали с семи или даже восьми лет. В результате я пошел в первый класс в шесть лет, но поскольку мой день рождения в конце года, то буквально спустя пару месяцев мне исполнилось семь. Позже произошел переход на одиннадцатилетку и поэтому из седьмого класса я и мои одноклассники перескочили сразу в девятый. Что еще? В перестройку на волне педагогического новаторства и оптимизма, началось введение профильных классов — я два года отучился в так называемом «гуманитарном» классе, куда собрались в основном, середнячки-бездельники и некоторые школьные хулиганы, а после девятого класса перешел в «математический», куда собирались просто те, кто был более прилежен в учебе. Был еще, так называемый, класс «выравнивания», куда собрали отпетых двоечников и хулиганов, и дальнейшая судьба многих из них после окончания «девятилетки» оказалась незавидной — иных уж нет, а многие другие находятся на социальном дне.

В математическом классе у нас были дополнительные занятия по высшей математике, которые проходили в виде так называемых «нулевых уроков» (представьте себе начало урока геометрии в 7:30 утра где-нибудь в темном ноябре, когда не то чтобы геометрия в голову не идет — простая мысль о том, чтобы встать и куда-то идти в такую рань внушала ужас) и еженедельного факультатива, который вел молодой выпускник математического факультета МГУ, работавший в каком-то из местных НИИ полусекретного профиля. Не уверен, что я проявил серьезные способности к точным наукам: из всех школьных предметов на почти всем протяжении обучения, у меня лучше всего было с историей, литературой и, отчасти, почему-то с биологией. Химия шла совсем туго, и во многом благодаря друзьям, хорошо в ней разбиравшимся, с которыми в разные годы я сидел за одной партой. В физике случались редкие неожиданные «ньютоновские» озарения, но счастливые яблоки нечасто падали на мою голову.

Период моего школьного обучения символичен — начался он смертью Брежнева и завершился распадом СССР и началом «гайдаровских» рыночных реформ в 1991–92-м гг. В букварях, которые мы получили первого сентября в школе, на одной из последних страниц был помещен цветной портрет

Брежнева. Во время похорон и траура по случаю смерти генсека из некоторых школьных классов в коридор были вынесены черно-белые телевизоры, откуда шла траурная музыка. Кажется, один день мы не учились, и я смотрел похороны, а потом выбежал в подъезд или даже на улицу, чтобы послушать траурные гудки с находящегося неподалеку депо Пенза–1. Через два-три года, когда «гонки на лафетах» станут привычными, мы уже не смотрели трансляцию похорон, а просто шли гулять, поскольку иногда эти дни объявляли в школе выходными. Ретроспективно мне кажется, что советский мир моего детства был таковым, что сквозь декорации ветшающей реальности уже проглядывали контуры чего-то другого, а лучше сказать так – ощущение чего-то блеклого, ветхого, потертого как изображение фильма, снятого на не очень качественную пленку Шосткинского объединения «СВЕМА», оставило у меня это время. Мне кажется оно хорошо передано в некоторых поздних советских детективах вроде экранизации «Визита к минотавру» Вайнеров, сериала «Колье Шарлотты» с Ульяновым в главной роли, сериала «Противостояние» с Олегом Басилашвили и т.п. Конечно, было и яркое солнечное лето и искры белого снега в безоблачные зимние дни, но в целом это ощущение серого-синего пасмурного мартовского дня с грязноватыми и ноздреватыми сугробами и одновременно, еще холодного, но уже и почему-то душного воздуха.

Я из того поколения, которое успело в полной мере пройти сквозь настоящее «октябратское» детство и «пионерское» отрочество, а когда по возрасту подошло время вступления в комсомол, то вступать по большому счету уже стало некуда. Впрочем, мы подростки, захваченные перестроечными настроениями, и сами отказывались вступать в комсомол. Уже на самом исходе СССР – в марте 1991 года нас, старшеклассников, которые неплохо учились, собрал директор и просил вступить в комсомольскую организацию. Но тут уж нами была проявлена демократическая принципиальность и мы отказались. Для жителей столичных городов и региональных мегаполисов может показаться удивительным, что в 1991-ом еще кого-то могли агитировать стать комсомольцем в административном порядке. Но тут нужно понимать специфику Пензы и пензенской жизни – города обывательского, консервативного и всегда несколько запаздывавшего с принятием модных столичных веяний: уже в девяностые Пенза и область устойчиво входили в электоральный «красный пояс», где на выборах разного уровня коммунисты и патриоты неизменно получали массовую поддержку избирателей. Поэтому советские практики там до последнего соседствовали с появившимися кооператорами, видеосалонами и даже какими-то единичными «демократами», требовавшими больше «гласности». Так что агитационный порыв нашего директора школы по приему в комсомол тогда, когда уже вся советская система находилась на грани распада, вполне адекватен темпу пензенской жизни.

А так я еще вполне успел застать пионерскую рутину со всякими «добровольно-обязательными» мероприятиями вроде конкурсов «строя и песни», борьбы за то, чтобы отряд получил имя пионера-героя Лени Голикова, собраний пионерской дружины, сбора макулатуры и металлолома. Впрочем, собирать макулатуру и металлолом мне нравилось, как и моим друзьям, поскольку это была форма дворового развлечения и легальный способ болтаться по району и по городу, забредая во всякие заповедные места – на пустыри, территории железнодорожных и троллейбусных депо, свалок предприятий и т.п. Благодаря

макулатуре я, кстати, познакомился с легендарным журналом «Химия и жизнь». Собирая макулатуру, мы обходили квартиры в своем районе, выпрашивая у её жителей, чем, думаю, им изрядно им досаждали. Так вот кто-то мне отдал тяжеленную стопку журналов – подшивку «Химии и жизнь» за несколько лет с конца 1970-х. Я принес стопку домой и, просматривая набранное макулатурное богатство, обратил внимание на яркие и неординарные иллюстрации и названия статей в «Химии и жизни». Решено было оставить подшивку себе и время от времени я перечитывал и пересматривал эти журналы, хотя в содержании публикаций понимал еще очень немного.

Тут нужно оговориться, что копаться в макулатуре в поисках чего-то для чтения меня заставляло отнюдь не скудость имевшейся в моем распоряжении газетно-журнальной продукции. Просто «Химия и жизнь» был не самым распространенным журналом, и подписаться на него было непросто, а тираж по тем временам также не был слишком большим. В целом же, в период позднего застоя и перестройки, советские люди активно подписывались на прессу. По-моему, даже алкоголики выписывали какую-нибудь «Пензенскую правду» главную официальную областную газету. Я читал и то, что выписывали родители и то, что выписывали бабушка и дедушка и то, что выписывали для меня. Попытаюсь вспомнить и перечислить. Бабушка и дедушка постоянно выписывали газеты «Труд», «Социалистическую индустрию», года два «Советскую Россию», но как-то она не пошла... Газету «Правда» дедушка выписывал год, и это было чтение на любителя – плотный казенный язык и бесконечные стенограммы пленумов. Родители время от времени выписывали «Пензенскую правду» и года два «Экономическую газету» по профилю работы мамы, в позднюю перестройку подписывались на «Аргументы и факты». В школе нас усиленно стимулировали подписываться на «Пионерскую правду», а позже – на «Комсомольскую правду». Я читал «Комсомольскую правду» перестроечной поры очень внимательно и это было действительно серьезное актуальное издание – полная противоположность того, чем стала «Комсомолка» в девяностые. С журналами ситуация была разнообразнее. Каких-то серьезных журналов, свидетельствующих о принадлежности к продвинутой интеллигенции, вроде «Иностранной литературы» родители не выписывали. Да и система журнальной подписки с её системой квот и ограничений не особенно давала такой возможности. В разные годы родители регулярно выписывали для меня «Юный натуралист», «Юный техник», «Пионер», уже в старших классах журнал «Мы» и еще что-то, что именно я забыл за давностью лет. Также мы регулярно выписывали «Вокруг света» (где я впервые познакомился с творчеством С. Кинга – его повестью «Туман»), год или два «За рулем», несколько лет «Науку и жизнь» (мне этот журнал казался несколько занудным), «Эхо планеты» (два-три года после того как он стал выходить), мама выписывала «Работницу» и «Крестьянку» много лет подряд, год или два какой-то научно-популярный альманах, издаваемый обществом «Знание». Что еще? На какие-то еще журналы подписывались время от времени, но уже не регулярно. Иными словами, как многие другие «простые советские семьи», мы не оставляли почтальонов без работы, в месяц нам приносили не менее 5–6 разных журналов, 1–2 еженедельника и по одной-две ежедневных газеты. То есть мне было чем себя занять вместо просмотра фейсбучной ленты. Понятно, что в газетах доперестроечной поры было много трескучего агитпропа, но в пере-

стройку все газеты оживились, и читать их было действительно интересно. Что касается научно-популярных и подростковых журналов, то я до сих пор уверен в высоком качестве предлагаемого ими тогда контента и верстки. Даже идеологически правоверный журнал «Пионер» порой публиковал неплохую литературу вроде повестей В. Крапивина. Также у друзей я брал почитать «Технику молодежи» и какие-то еще журналы. Как я уже говорил, литературных журналов мы не выписывали как и большинство семей, откуда были мои друзья.

Раз речь пошла о чтении, то стоит поговорить и о круге моего детского чтения. Я не был вундеркиндом и в пятилетнем возрасте не зачитывался «Критикой чистого разума» или «Капиталом». И хотя читать я выучился довольно рано, но до определенного момента читать не очень любил и «отбывал» эту повинность по часам. И только примерно к середине второго класса всё изменилось. Помню, что я заболел и, одновременно, нам по внеклассному чтению был задан текст советского писателя В. Бианки, который специализировался на рассказах и повестях о природе, диких животных, охотниках. Такой, упрощенный Пришвин. Заданным нам текстом была «Лесная газета» любопытное по компоновке произведение, структурированное как подшивка газет, каждая из которых была посвящена одному месяцу года и была написана и сверстана как настоящая газета с заметками, новостями, репортажами, отделом происшествий и проч. Тут важно отметить, что мне достался экземпляр этой книжки, изданный в 1952-м году на газетной бумаге, пожелтевший, обтрепавшийся и распухший от времени. Этот экземпляр был у моего друга детства из соседнего двора. То есть это была не просто книга, но артефакт, чья материальность тоже была немаловажной в процессе чтения. Почему-то этот газетный формат зацепил меня и зачитался «Лесной газетой». С той поры чтение стало важной частью жизни.

На дворе стояли восьмидесятые и книжный дефицит был страшный. В книжных магазинах что-то стоящее можно было найти в букинистических отделах за сумасшедшие деньги (при зарплате ИТР в 170–180 руб. какой-нибудь том фантастики мог стоить 30–50 руб.), а отдел новых книг до самой поздней перестройки представлял собой грустной зрелище – какие-то третьесортные «совписы», партийные издания да книжки в духе «ЦРУ против СССР». Богатство домашней библиотеки свидетельствовало о статусе её обладателя, имевшего доступ к закрытым подпискам и распределителям. Выше я уже писал, что всего этого мы были лишены. Но родители, особенно мама, много читали и доставали книги всеми доступными способами. Какие же это были способы? Во-первых, библиотеки – я был записан в районную детскую библиотеку, откуда, например, несколько раз брал зачитанную до дыр книжку Б. Заходера «Винни Пух и все все все», которую тоже многократно перечитывал. Мама была записана в местную библиотеку неподалеку от её работы и еще одну на Западной Поляне. Во-вторых, знакомые и друзья. «Статусность» книжных собраний затрудняла получение книги на время даже от близких родственников или знакомых: все боялись, что книга из какого-нибудь подписного издания Конан Дойла, Вальтера Скотта или Всемирной библиотеки потеряется, затрется и потеряет вид. Поэтому знакомые давали книги с неохотой и на очень короткий срок. Уже в конце 1990-х и двухтысячных знаю много историй, когда наследникам приходилось разбираться с книжным капиталом, оставшимся от умерших родителей и родственников. Прекрасно изданные и отлично сохранившиеся советские подписные собрания

русской и зарубежной классики, фантастики и приключений, детективов оказывались никому не нужны, а выбрасывать их не поднималась рука. Далее. Это букинистические отделы и барахолка, где можно было иногда найти относительно недорогую книжку, правда, в сильно потрепанном виде. Именно в таком виде мне достался «Том Сойер» в издании конца сороковых, купленный родителями на барахолке. Еще что-то дарили и что-то «выбрасывали» в книжных магазинах. Возможностями сервиса «Книги в обмен на макулатуру» мы не пользовались. В целом же могу сказать, что читал я много и захлеб, и это чтение было разнообразным — от типичного приключенческого «вальтерскотта, жюльверна и дюма» до Чехова, Тургенева, Толстого Льва и Алексея. Почему-то я довольно рано прочитал «Хождение по мукам» А. Толстого и любил перечитывать эту книгу до той части, где все уже стали красными командирами и боролись за советскую власть вместе товарищем Сталиным — было видно, что «красному графу» эти главы давались с трудом... Рано увлекся Стругацкими, прочитав в третьем классе имевшееся у нас издание 1960 года «Страны багровых туч», а чуть позже в каком сборнике фантастики середины шестидесятых отрывок из «Понедельник начинается в субботу», который там назвался «Суета вокруг дивана». Ближе к старшим классам активно читал Достоевского — особенно «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Уже в десятом-одиннадцатом классе читал Ахматову, знал о существовании Бродского, которого было не достать, и брал в местной библиотеке перестроечное издание Э. Лимонова «Это я, Эдичка». Впрочем, читал я и ныне подзабытую советскую детскую литературу 60–80-х — Алексина, Железникова и т. п. и т. д. Правда, Крапивин мне показался слишком сентиментальным и тогда я его читать не смог. С позиций исследователя позднего советского времени мне представляется, что официальная детская литература времен застоя дает вполне адекватное, хотя и приукрашенное, представление о состоянии, быте и проблемах «обычных советских людей». Это и типажи учителей, и классовое неравенство, дающее о себе знать в школе и формирование потребительского общества, из которого быстро испарялась идеология, которая всё больше выполняла роль пустого означающего.

Возвращаемся, однако, к школьному периоду и разных формах занятости в это время. Почти весь период школьного обучения я не посещал каких-то кружков, секций, и т. п., хотя многие одноклассники занимались в музыкальных школах — мой школьный друг, например, начал заниматься в музыкальной школе по классу аккордеона, затем окончил Пензенское музыкальное училище и Саратовскую консерваторию и теперь сам работает музыкантом и педагогом по джазовой музыке. Несколько раз я ходил в изостудию в областном Дворце пионеров, какую-то музыкальную секцию и куда-то еще.

Об областном Доме пионеров хочется рассказать отдельно, поскольку его строительство и открытие в полной мере отражает прогрессирующий абсурд советской жизни накануне перестройки. Во-первых, сам Дом пионеров возводился на протяжении лет пятнадцати и был типичным примером долгостроя. Во-вторых, его проект был очень оригинальным — сложная модернистская конструкция из красного кирпича с башней-обсерваторией напоминала и романтический замок, и жилой модуль первопроходцев-звездолетчиков на далекой планете из фантастики шестидесятых. Внутри тоже все было оборудовано отлично — от уже упомянутой обсерватории, и маятника Фуко до нескольких

зрительных залов и т. п. В-третьих, сам Дворец пионеров был расположен на склоне большой горы и виден из многих точек города. То есть стал украшением пейзажа. Впрочем, эту заботу о красоте ландшафта вряд ли оценили пионеры — до самого дворца было очень трудно добраться. Нужно преодолеть довольно крутой и высокий склон по дорожке-серпантину или по тропинкам напрямую. Вечером всё это плохо освещалось, зимой дул холодный ветер — короче, отдельное приключение... К тому же сам Дворец пионеров при открытии в 1985-м году получил имя К. У. Черненко и нужно сказать, что менее удачное имя было трудно придумать, поскольку согбенная фигура дряхлого предперестроечного генсека, правившего «не приходя в сознание» с трудом сочеталась с миром веселого пионерского детства. Я так хорошо знаю ситуацию с Дворцом пионеров, поскольку был невольно причастен к подготовке его открытия.

В то время в советских школах была практика «отработок» что-то вроде трудовой практики с колхозной системой трудовой. То есть школьник в течение 10–15 дней в летние каникулы должен был нести трудовую повинность — мести, убираться, красить, стричь газоны (не специальными машинами, а обычными канцелярскими ножницами, приносимыми из дома), короче, быть подсобным рабочим и дворником. За каждый отработанный день «бригадир» из учителей в специальную тетрадку ставил «палочку», свидетельствующую об отработанном дне. Такая вот колхозно-гастарбайтерская практика. Всё это продолжалось почти до конца обучения в школе, только в старших классах ездили на прополку и уборку урожая в лагерь труда и отдыха «Романтик». Совпало так, что в год открытия Дворца пионеров у нас была эта летняя практика и вместо уборки школьной территории нас перебросили на завершение подготовки Дворца пионеров к открытию. Мы там тоже разравнивали землю под газоны, мыли полы в самом здании и параллельно играли в «догонялки» носились по запутанным гулким коридорам пустого нового здания. Потом помню, что нас позвали на открытие, где было много румяных молодых людей в серых костюмах с маленькими номенклатурными комсомольскими значками на лацканах — мелких функционеров из райкома и горкома комсомола. Время от времени я бывал во Дворце пионеров уже по выходу из пионерского возраста — в девяностые там нередко проходили рок-сейшны городского масштаба.

Глядя из сегодняшнего дня, мне представляется, что мы были довольно изобретательны в своих играх среднего школьного возраста и многое делали своими руками — выпускали самодельную газету с началом детективного абсурдистского романа о стажировке северокорейского милиционера Ли Си Цина в пензенском ГУВД, делали фильмы, представлявшие собой бесконечные свитки склеенной бумаги, на которых действие изображалось в виде комиксов, записывали на аудиокассеты любительские «радиопередачи» со скетчами, музыкальными паузами и новостными выпусками, увлекались краеведением — в частности, пытались пробраться в дореволюционные катакомбы, сохранившиеся под старой частью города и в поиске материалов об этом даже записались в исторический кружок городского краеведческого музея и делали многое другое — устраивали какие-то самодельные арт-перформансы в главной городской «заброшке» гигантском здании недостроенной гостиницы международного класса. За пер-

фоманс даже угодили в местное отделение милиции, куда были доставлены на милицейском «бобике» в тесном железном отсеке для задержанных. Впрочем, в конце концов всё обошлось...

В старших классах, конечно, всё стало серьезнее или вернее казалось, что стало серьезнее — какие-то споры о литературе, увлечение «The Doors», российским роком в виде «Аквариума», «Кино», «Зоопарка», «ДДТ», «Звуков Му» и «Алисы», влюбленности, хождение на рок-концерты местных групп «Кенгуру», «Глупая девушка», «Обманутый микроб» и т. п.

Тоже очень обычная жизнь того времени, несколько безумная, поскольку приходилась на время исторического перелома, но это безумие немного сглаживалось стоячей водой пензенской провинциальной жизни. Помню, как сижу перед телевизорами где-то в мае 1987 или 1988 годов и склеиваю модель самолета фабрики «Звезда», а на экране идет трансляция какого-то партийного съезда или пленума, на котором то ли Лигачев страстно критикует Горбачева за что-то или Горбачев страстно критикует Лигачева за что-то — это уже становилось неважно, а ко времени распада СССР политика стала надоедать — дефицит, инфляция, разнообразные кризисы («табачный», «сахарный», «водочный») для жителей Пензы становились важнее того, победит ли прогрессивная «демократическая платформа» или партноменклатура в союзе с консервативными «красными директорами» оставит нас жить в «совке». Помню, что, будучи 13–14-тилетним подростком я с нетерпением ждал очередного выпуска программы «Взгляд», и горой стоял за Ельцина и демократическую платформу. А как бы поступил сейчас, если бы знал всё происшедшее потом, в девяностые? Не знаю... Понимаю только, что предперестроечная «гонка на лафетах» уже свидетельствовала о глубоком кризисе системы, кризисе, «мягкий» выход из которого был делом непростым, а может быть и невероятным.

Кстати, о ГКЧП и смещении Горбачева я узнал при вполне юмористических обстоятельствах. Стоял жаркий ленивый пензенский август, когда все думают о дачном урожае и начинают варить компоты и варенье. Я проводил время у родителей на Западной Поляне. Мама была в отпуске и, кажется, в этот день затеяла большую стирку. Я бездельничал: читал, потом пытался смотреть телевизор — там почему-то шла классическая музыка и балет. Не лучшее развлечение в жару. Друзья были где-то в городе — поскольку мобильной связи не существовало и даже городские телефоны стояли не у всех, то чтобы связаться с ними, нужно было ехать в другую часть города. Наконец, измаявшись от жары и безделья, я отправился в район, где жила бабушка, решив подстричься в парикмахерской неподалеку. И вот я сижу в кресле, девушка-парикмахер меня стрижет и одновременно разговаривает с коллегами. Я поначалу не прислушивался к их беседе, но потом вдруг различаю удивительное — повтор фразы «Горбачева сняли, Горбачева сняли» и какие-то слова о каком-то «комитете» или «чрезвычайном положении». Я подумал, что может быть ослышался и после парикмахерской сразу пошел к своему другу-музыканту узнать подробности. Он, однако, был не в курсе, поскольку весь день репетировал на аккордеоне и не радио, не телевизора не включал. В результате, все детали с ГКЧП я прояснил только к вечеру 19-го августа, узнав их от своей бабушки, которая была в курсе политических событий. Это типично пензенская реакция как на ГКЧП, так и на любые политические события — проспать и пропустить самое важное, а потом очнуться и присоеди-

ниться к победившей стороне. Именно так, кажется, поступило тогда пензенское областное и городское начальство. Обычные же люди были на работе, на дачах, в отпусках — никто не собрался у обкома партии, никто не рвался строить баррикады — ждали «чего там они в Москве решат». Знаю, что не во всех городах было так же сонно, но в Пензе именно так. А события 1993 года вообще в основном смотрели только по телевизору, уже с известной долей равнодушия. Сказывалась усталость от эпохи перемен.

Отдельно нужно сказать о событии, которое оказало определяющее влияние на мою дальнейшую биографию. В 1990 г. на волне экономических и педагогических инноваций при нашей школе было открыто любопытное обучающее учреждение с названием Школа Юных Менеджеров (ШЮМ). Его основателем был профессор Пензенского строительного института и специалист в сфере управления Семен Давыдович Резник. Я записался в эту Школу, занятия в которой проходили по субботам и занимали 2–3 пары, которые вели преподаватели пензенских вузов. Миссия школы заключалась в том, что новое поколение молодых людей должно быть готово к жизни в условиях рынка и должно быть готово стать «менеджерами» нового типа, а школа давала некоторые знания и навыки для этого. Действительно те, кто там учился узнали о существовании Дейла Карнеги и Ли Якокки, получили понимание основ экономики и т. п. Но главное, что это была неплохая подготовка к атмосфере обучения в вузе — начиная от продолжительности занятий и заканчивая стилем общения преподавателей. Плюс мы готовили «курсовые» и «дипломный» проекты — что-то вроде рефератов, также выполненных и оформленных по требованиям вуза. К тому же случилось так, что я поступил на только что открывшийся в пензенском строительном институте факультет менеджмента, так же и некоторые другие выпускники Школы юных менеджеров. Свои воспоминания об этом периоде я подготовил для книги мемуаров С. Д. Резника, которая интересна еще и тем, что дает хорошее представление о пути вузовского ученого и преподавателя позднего советского времени и периода рыночных реформ⁵. С. Д. Резника я считаю одним из тех немногих людей, которые поменяли очень многое в моей судьбе — он был тем, кто первым ввел меня в мир науки и её правил, и кто очень поддерживал меня на протяжении всего времени, пока я учился в вузе и до настоящего времени. Я очень благодарен Семену Давыдовичу, принявшему столь деятельное и важное участие в моей биографии. Другие два столь же значимых для меня человека и Учителя — Инна Феликсовна Девятко и Павел Васильевич Романов, встретились мне, уже, когда я перебрался в Москву, в конце 1990-х гг.

Вернемся к школьному периоду. В 1992-м г. я окончил школу без каких-то очень выдающихся успехов в виде золотой или серебряной медали. Помню, что это было странное время — в магазинах пустые полки, в голове учителей, да и многих других тоже гуляет ветер, гоняющий какие-то уже ненужные мысли о только что распавшейся советской системе и идеологии. Впрочем, наши учителя были больше озабочены тем, насколько хорошо мы успеем подготовиться к поступлению в институты и поэтому не сильно отвлекались на политику. Я думал куда поступать. Из моего выпуска, несмотря на то, что там были очень способные одноклассники в тот год почти никто не уехал поступать в вузы

⁵ Подробнее о моем обучении в ШЮМе и сотрудничестве с С. Д. Резником см. Абрамов Р. Н.

Быть лидером в трудные времена/Резник С. Дороги к менеджменту. О себе и окружающих меня людях, о времени и событиях. М.: Инфра—М, 2014, с.202–210.

в другие города — родители стремительно беднели, вокруг была неопределенность и беспокойство. А в Пензе выбор высшего образования был небогатый, поскольку город никогда не был значимым вузовским центром: пединститут, где присутствовал паллиатив гуманитарных специальностей в виде подготовки учителей истории и литературы, «политех» с инженерными специальностями, спрос на которые стремительно падал, поскольку всякие НИИ и КБ стали первой жертвой рыночных реформ, «сельхоз» там преимущественно учились дети сельского и районного начальства. Еще были вечерне-заочные инженерный ВТУЗ и бухгалтерский ФЗФИ. Учительница литературы, полагая во мне зачатки литературного таланта, обещала протезировать при поступлении на факультет русского языка и литературы в «пединститут», но в результате мы с родителями решили отказаться от этого варианта — тогда нужны были неформальные связи для поступления в «пед», считавшийся престижным, да и учительская стезя не впечатляла. Дядя преподавал информатику в «сельхозе» и поэтому думали поступать на экономический факультет сельхозинститута — я даже целый год ездил к репетитору по биологии и на подготовительные курсы. Но туда не прошел — то ли действительно не набрал баллов, то ли влияние моего дяди не простиралось слишком далеко и не могло перебить влияние обеспеченных родителей на приемную комиссию. В итоге, остановился на Пензенском строительном институте, где открывался факультет менеджмента под руководством С. Д. Резника. Экзамены сдал успешно и после некоторых бюрократических трений, был туда зачислен. Вот примерно так, вполне стандартно, завершился школьный период моей жизни.

Какие экономические учения и принципы менеджеризма Вам преподавали, о какой системе управления на производстве Вам рассказывали? Ведь марксовские положения вмиг были отринуты, Госплан прекратил свое существование, КПСС с ее контролем кадровой политики уже не существовало, предприятия приватизировались...

Когда я учился в Школе юных менеджеров (ШЮМ) в 1990–92-м гг, а затем на факультете менеджмента строительного института, то, конечно, настоящие рыночные реформы только начинались, хотя лозунги «перехода на самокупаемость» и кооперативное движение появилось раньше. Уже в 1988–89 гг. в Пензе работало множество кооперативных магазинов (помню вполне апокрифические название одного из них «Альянс»), видеосалонов, и площадь центрального рынка превратилась в гигантскую барахолку, где бабушки с семечками и вязаными пинетками соседствовали с продавцами джинсов-варёнок (торговая марка «Мальвина»), шуб из собачьих шкур, выдаваемых за волчьи, и зимних шапок из кудрявого бараньего меха. То есть бизнес рос, хотя и рост этот был таким, каким может быть в стране, где за несколько лет до этого активно боролись с «нетрудовыми доходами» и всерьез думали о том, как сделать так, чтобы дачники ни в коем случае не стали выращивать овощи и фрукты на продажу. В это время «кооперативного движения» райкомы КПСС с их планами очередной пятилетки и социалистическими обязательствами вполне себе соседствовали с рэкетом, первыми легальными миллионерами и модным и невиданными статусами «бизнесмена» и «менеджера».

Сейчас уже жителям крупных городов довольно сложно вообразить времена, когда книги нельзя было заказать на «Озоне» или просто скачать их электронные копии, поддерживав, таким образом, глобальное движение за свободный контент, символом которого является старый добрый Веселый Роджер. В 1990—93 гг. в провинциальных городах нужные книги приходилось добывать каким-то изобретательным способом или покупать по сумасшедшим ценам на всё той же барахолке: старая советская система книжных коллекторов деградировала, а до развитого книжного сетевого ритейла было еще как минимум лет пятнадцать.

Однако мои преподаватели каким-то образом были в курсе новинок, вышедших по теме менеджмента, экономики и бизнеса и активно рекомендовали нам эти новинки приобретать. Сначала все увлеклись чтением Дейла Карнеги с его рецептами по тому как «приобрести друзей», параллельно с этим вышла самодовольная автобиография фордовского топ-менеджера Ли Якокки, которая также была прочитана еще до поступления в институт — в Школе юных менеджеров. Менеджерская биография мне понравилась, а друзей я все-таки обретаю, не прибегая к карнеговским советам. Еще читали переводной учебник по менеджменту Хедоури и других авторов.

Уже на первом курсе института мы всем потоком рыскали по книжным базам и магазинам Пензы в поиске двухтомного переводного учебника Макконела и Брю «Экономикс» вводного курса современной макро и микроэкономики для американских университетов. Сейчас профессиональные экономисты только посмеются над этим «детским» учебником, но тогда это был настоящий прорыв после книг по «социалистической экономике».

А что же наши преподаватели управления и экономики? Были ли они хранителями знания об уходящей советской экономике или стремились познакомить нас с принципами рыночного хозяйствования на основе доступной современной литературы? Скорее второе — мои институтские преподаватели по экономике и менеджменту были в курсе новых знаний и стремились его максимально качественно преподать для нас. Тут, как мне кажется, есть заслуга основателя факультета С. Д. Резника, который стимулировал всех преподавателей к обновлению содержания их курсов. Поэтому не могу сказать, что я получил какие-то архаичные знания во время обучения в институте.

Другое дело, то реальность постсоветской экономики отнюдь не соответствовала гладким теориям «экономикса» или современного менеджмента. Эта реальность, как мне представляется сегодня, была причудливым воплощением психоделического сна «прогрессивного» советского экономиста из полуноменклатурного академического института, в голове которого фрагменты знаний и мечтаний о современной экономике и верой в «невидимую руку рынка» переплелись с марксистскими формулами о «первоначальном накоплении капитала», «обнищании трудящихся как необходимом этапе развития капитализма», «rente и прибыли» и т.п. Оказалось только, что быть участниками этого сна — не самый завидный удел.

Какие перспективы для работы открывались перед дипломированным менеджером после окончания института? Какой путь Вы избрали?

После окончания вуза мы стали дипломированными менеджерами в строительстве. Довольно бесполезная специализация в Пензе 1997 г. Большинство строительных организаций советского типа (СМУ, тресты и т. п.) разорились или владели жалкое существование — объемы строительства снизились в десятки раз по сравнению с 1980-ми годами, когда Терновка и Арбеково стали самостоятельными огромными районами новостроек. Теперь же в районе Арбеково строился один девятиэтажный дом в течение нескольких лет. Конечно, шло индивидуальное строительство на Бугровке и в других пригородах, но его масштабы не требовали найма «менеджера с высшим образованием» бригадира-самоучки было достаточно. Так что всерьез большинство из моих сокурсников карьеру в строительной отрасли не рассматривали, хотя те, у кого родители уже занимали руководящие должности в оставшихся профильных организациях, пошли туда же на позиции клерков.

Тут нужно коротко сказать о характере функционирования рынка труда в Пензе как в позднее советское время и в 1990-е, так, наверное, и сейчас. Неформальные и родственные связи в городе и области всегда имели большое значение не только при трудоустройстве, но и во всей организации повседневной жизни в виде совместных праздников, обменов подарками и продуктами собственного огорода, ссорами за наследство, взаимной зависти из-за того, что кто из родственников купил новую машину или сделал новый ремонт и прочее и прочее. Очень семейственный город. Это касается и трудоустройства. Как-то так сложилось, что самые удобные и выгодные должностные позиции (а это работа в городской и местной администрации, банках, разного рода бюджетных организациях в 1990-е, когда сама по себе вовремя выплаченная зарплата уже была залогом выживания и т. п.) занимались людьми по личной рекомендации — друзьями, знакомыми, одноклассниками, родственниками. Исключения бывали нечастыми и подтверждали правило. При этом, конечно, масса не столь выгодных позиций более-менее находилось в свободном обороте на рынке труда и, найм осуществлялся по вполне обычным правилам. То есть система организована довольно сложно и с трудом описывается в простых терминах «клановости» или, наоборот, «меритократии» и «рыночной конкуренции». Мне импонируют работы С. Кордонского, который характеризует российское общество как «сословное». Знаю, что их часто критикуют, но, на мой взгляд, он очень точно описал характер нашей социальной структуры.

Это небольшое отступление нужно для понимания того как мои однокурсники подходили к выработыванию собственной стратегии поведения на рынке труда по окончании вуза. Большинство ориентировалось на социальные ресурсы родителей и родственников, которые думали, куда пристроить новоиспеченного «менеджера». Те, у кого ресурс был побольше, осели в муниципальных организациях и госструктурах, или бизнесах своих родственников. Остальные — кто как. Моя жена, например, по протекции родственника оказалась в некогда процветающем полузакрытом институте НИИПТХиммаш в должности бухгалтера, где проработала, сидя в плохо отапливаемых кабинетах около года и не разу не получив зарплату — такие были задержки по выплатам. Ресурса, в общем, не хватило на что-то лучшее. И только с помощью друга, работавшего в одном из местных коммерческих банков, удалось найти какую-то работу клерком низшего звена, где хотя бы зарплата выплачивалась вовремя.

Признаться, сам я не очень представлял, чем буду заниматься после окончания института. Связей у нашей семьи практически не было, и рассчитывать на какую-то стоящую должность, не приходилось. Да и я не особо задумывался — был занят личной жизнью, учебой, чтением книг, общением с друзьями и посещением рок-концертов местных команд.

За время учебы в институте перечитал много классики и современной литературы, включая фантастику. Например, гонялся за Стругацкими — тогда вышло их первое собрание сочинений, но где-то достать и прочитать его было трудно. Любовь к Стругацким у меня зародилась в детстве — у нас оказалась их ранняя книжка «Страна багровых туч», изданная в 1960-м году и меня почему-то она привлекла. Затем наткнулся на фрагменты «Понедельник начинается в субботу» классе в четвертом и потом уже искал их произведения целенаправленно. Сильное впечатление тогда произвел на меня «Град обреченный».

Ходил в библиотеку. Бывший Дом Политпросвещения (модернистский куб брежневской эпохи в центре Пензы, в котором проводились всякие партийные мероприятия) после августа 1991 года был отдан под культурный центр и доступ в него был открыт не только «политработникам». В нем располагалась компактная, но очень хорошо подобранная библиотека, которая в позднее советское время получала «книжный спецпаек» в виде всяких редких и академических изданий, поскольку пользоваться ей могли только представители партийной номенклатуры и идеологические работники. Доступ к ней также был открыт после 1991 года, но о её существовании мало кто знал. Не помню, как я её открыл для себя, но лет семь, до самого отъезда из Пензы, я был её постоянным читателем. Благодаря этой библиотеке я перечитал собрания сочинений Чехова, Гончарова и многое другое.

Всё также увлекался рок-н-роллом — в первую очередь периода конца 1960-х (The Doors, The Beatles, остальное — в меньшей степени), а также нашей «ленинградской волной» «Аквариум», «Кино», «Зоопарк», значительно меньше «ДДТ» и «Алиса». О БГ и Цое даже заказывал по почте какие-то книжки — сборники текстов их песен, биографии, истории групп. Кроме того с друзьями году в 1991-м заказали и получил книжку Артемия Троицкого «Рок в СССР»: мне до сих она кажется очень достойной версией истории советского рок-андерграунда.

Тут же нужно сказать, что это сейчас почти любая музыка доступна в интернете, так же как и история любой группы в Википедии. Тогда на любовь к музыке требовалось время, силы, деньги и желание, чтобы искать, покупать и переписывать новые и старые альбомы и треки. Конечно, Андрей Тропилло в Питере уже развернул свою кооперативную бутлегерскую индустрию, производя пиратский винил классических рок-альбомов. Но до Пензы доходило не всё, а то, что доходило — стоило недешево: мы в основном облизывались, глядя на обложки «пластов» и всякую рок-атрибутику, выставленную на полках первого специализированного рок-магазина, что расположился рядом с туалетами в подвальном этаже ДК Железнодорожников имени Ф. Э. Дзержинского (до революции там была церковь Богоявления Господня). Странно, но сейчас, когда всё это доступно, и имеется в хорошем качестве — я редко вовлекаюсь в музыкальный контекст, хотя некоторые рэп и хип-хоп команды, безусловно, заслуживают внимания («Ногано», «Макулатура», «Полумягкие», «Угрюмые мясники», «Водная жизнь», «Рыночные отношения», «Ветл Удалых», «Илья Соьер», «СБПЧ Оркестр»,

«Птицу ЕМЪ» и др.). Возрастное что ли? Или просто океан онлайн-музыки сделал её бесконечным фоном повседневности, когда в смартфоне помещается треков и альбомов в разы больше чем у какого-нибудь коллекционера рок-винила и магнитоленок в 1980-е, 1990-е. Музыкальные CD в Пензе до второй половины 1990-х гг. были почти предметом роскоши. Свою магнитола с музыкальным CD я купил только в кризис 1998 года как ответ на обвальную инфляцию, и эта магнитола жива до сих — пылится где-то на антресолях. Помню, что первым купленным диском стал альбом «Prodigy» «Experience».

Я выше где-то упоминал, что один из моих друзей был музыкантом. Сначала он учился в местном музучилище, потом уехал учиться в Саратовскую консерваторию, хотя регулярно бывал в Пензе. Вместе с ним и еще парой друзей я стал регулярным посетителем рок-концертов пензенских команд. Ужасное качество звука и экзотические места проведения этих концертов плюс тусовка, состоящая из одних и тех же лиц, отсылали к легендарным практикам ленинградского подпольного рок-движения. Впрочем, в Пензе начала 1990-х гг. эти практики были вызваны не давлением цензуры, а бедностью музыкантов и их поклонников: инструменты поначалу были почти самопальные, пульта советские, а сами рок-группы мало что зарабатывали на этих концертах. Рок-тусовки поначалу проходили в «Доме учителя», который когда-то был католическим костелом, и в начале девяностых находился в состоянии перманентного ремонта. Все зрители, аппаратура и музыканты умещались на сцене — всего не более 100–120 человек. Там же проводились всякие арт-перформансы — например, показывали, так называемое, «параллельное кино» от студии «Братья Водолазы». Любопытно, что и сейчас что-то из творческого наследия этой «студии» можно найти на youtube. Потом несколько концертов состоялось в холле кинотеатра «Родина» типового кинотеатра сталинской архитектуры, перестроенного в своё время из Никольской церкви. Еще было несколько локальных рок-фестивалей в городском парке имени Белинского и затем открылся первый более-менее постоянный рок-клуб «аЭроплан» (как-то так писалось его название) в бывшем кинотеатре «Москва», в оформлении которого также сохранились следы сталинского ампира. Было весело, хотя в широкую рок-тусовку Пензы я никогда не входил — с друзьями приходили послушать музыку и приобщиться к рок-культуре. Сам играть не пробовал, поскольку музыкальных способностей никогда не проявлял. Признаться, тогдашнее, и более позднее творчество некоторых пензенских команд мне до сих нравится — прежде всего, «Кенгуру» (лидер Ю. Козлов), «Глупая девушка» (лидер — А. Черкашин, потом эта группа стала называться «Pull», фамилии лидера не помню), наконец, современная группа «Унесенные ветки». Сам я перестал ходить на пензенские рок-концерты где-то в 1996–1997 годах. Что-то изменилось в их атмосфере, да и новое поколение тусовщиков подросло, а предыдущее куда-то делось — заканчивали вузы, служили в армии, обзаводились семьями, начинали работать, спиваться, уезжали в Москву. Вступало, в общем, во взрослую жизнь, что в той Пензе и в тех условиях происходило довольно рано.

На концерты классической музыки ходил редко — в основном на отчетные концерты оркестра, участником которого мой друг-музыкант в музучилище и пару раз на концерты одноклассницы, которая также играла в каком-то ансамбле при местной филармонии. Уже живя в Москве, с женой несколько раз брали абонементы в консерваторские залы и даже посещали эти концерты

с желанием, получая много впечатлений, но, к сожалению, расписание абонементов никогда не выдерживали, много пропускали из-за работ и всяких проблем, а поэтому ценителем и знатоком классики я так и не стал. В пензенский театр также ходили время от времени, но, честно говоря, что-то с ним было не так, поскольку любовь к театру он мне привить не смог и только после переезда в Москву, посетив «Табакерку» и «Современник», был по-настоящему впечатлен театральной сценой. Впрочем, если доживу, то вряд ли пополнию большой и сплоченный отряд бодрых московских театралов-пенсионеров. В Пензе же ходил на нечастые камерные спектакли любительских маленьких молодежных театров, в чьих постановках может быть и не было профессионализма, но была искренность.

Вот кино меня занимало значительно сильнее. Видеомагнитофоном и видеоплеером я и мои друзья не обзавелись, видеосалоны я почти не посещал. К счастью, в первой половине девяностых телевидение регулярно показывало хорошие фильмы из числа киноклассики и арт-хауса, а также в пензенских кинотеатрах время от времени также были сеансы «серьезного кино». Помню, что был на пензенском показе соловьевской «Красной розы эмблемы любви», еще ходил на кинопросмотр «Соляриса» и каких-то других фильмов. Тогдашние мои кинокусы были банальны — «Солярис» и «Сталкер» Тарковского, «Дни затмения» А. Сокурова, «Парад планет» Миндадзе-Абдрашитова, «Замок» и «Брат» Балабанова, трехсерийный фильм «Посредник» по фантастической повести А. Мирера «Главный полдень», «Неоконченная пьеса для механического пианино» и многое, многое другое — по большей части уже не помню, особенно зарубежное кино. Глядя из настоящего, мне уже трудно отделить какие фильмы я посмотрел тогда, а какие позже, уже собирая их на CD—DVD в первой половине первого десятилетия 2000-х гг. С этой коллекцией я расстался совсем недавно — потеряло смысл держать дома диски, когда всё доступно в интернете, да и многие компьютеры уже лишились CD-привода. Этим летом, разбирая домашние завалы, оставил несколько сотен дисков в подъезде — кто-то из соседей быстро их забрал и, видимо, получит массу удовольствия от просмотра всякого редкого и арт-хаусного кино вроде фильмов «Гонгофер» и творений Ходоровского.

Полюбил сериал «Секретные материалы» и первые сезоны «Госпиталя МЭШ», но нельзя сказать, что последовательно и полностью посмотрел все серии — сосредоточенности не хватило не тогда, не теперь. Именно поэтому я и сейчас не могу смотреть сериалы длиной свыше 16—20-ти серий — не хватает силы воли.

Что делал еще? Как и большинство пензенцев того времени, в теплое время года был занят продуктовым самообеспечением: посадкой обработкой и сбором картошки в деревне, бесконечными поездками на дачу не для того чтобы там пить чай на застекленной веранде, а чтобы сажать, обрабатывать и собирать помидоры, клубнику и т. п. Песня С. Шнурова и группы «Ленинград» «Дача» вполне адекватно описывает ситуацию. Поэтому сегодня всякие хипстерские начинания с разного рода «фермерскими продуктами» и «городским огородничеством», а также коллективными экспедициями «на пленэр к пейзажам» с целями этнографического знакомства с «настоящей сельской жизнью», вызывают у меня ироническую улыбку. Жаль, эти молодые люди не жили в Пензе 1990-х гг. — там у них было бы раздолье и для деревенской этнографии и для реализации своих

огороднических амбиций. С тех пор, впрочем, я дачу не очень люблю и способен воспринимать её только в чеховском варианте — как безделье на природе и посиделки за чаем в дружеской кампании. Впрочем, дачи у меня нет, и, наверное, уже никогда не будет...

Учился я хорошо и, начиная со Школы Юных Менеджеров, С. Д. Резник вовлекал меня в научную работу — что-то я реферировал, что-то немного писал. По окончании института он предложил мне пойти в очную аспирантуру по управлению на кафедру менеджмента. Я согласился и провел год на кафедре, где изнутри смог увидеть вузовскую жизнь не как студент, а как сотрудник. Курсов я еще никаких не преподавал, хотя ездил в качестве игротехника в Молодежный экономический лагерь (МЭЛ) — очень интересный проект социальных игр, задуманный моим одноклассником Игорем Резником и его братом Владиславом и каждый год, начиная с 1996 г. воплощавшийся в пятнадцатидневную смену в одном из бывших пионерских лагерей недалеко от Пензы. Что это было? Довольно сложно описать в нескольких словах: социальная игра, ориентированная на средних и старших школьников, которая призвана была показать им работу ключевых гражданских и рыночных институтов — парламентских и президентских выборов, работу правительства, биржевые операции, деятельность бизнеса, функционирование свободной прессы и многое другое, что сопровождает жизнь современных обществ. Это была сценарная игра — «живой» симулятор большой социальной и экономической реальности, а участники могли ощутить себя наемными работниками, предпринимателями, журналистами, государственными чиновниками и т.п. В игре действовала собственная валюта и правила, связанные с оценкой трудового вклада, прибыли, котировками акций и многим другим. Об этом опыте выходили книги и статьи и даже, кажется была защищена диссертация, его обобщавшая. Я работал игротехником — одним из тех, кто разрабатывает игровой сценарий и координирует одно из направлений в ходе смены. Опыт был яркий и незабываемый.

Итак, как-то само собой получилось, что после окончания вуза я остался в институте аспирантом и избрал этот путь. Подрабатывал ли где-то? Кроме участия в МЭЛе почти нет. Время от времени был книгоношей — ходил с дипломатом учебников бизнеса и предпринимательства по офисам и техникумам и предлагал купить эти книги. Поставки книг из Москвы организовывал Игорь Резник — распад советской системы распределения книжной продукции архаизировал эту и многие другие сферы торговли: поэтому товарный голод вынуждены были заполнять «челноки», действовавшие с разным размахом и территориальным охватом. Я же был простым продавцом. Не могу сказать, что я заработал что-то существенное, но в тогдашнем полном безденежье и это имело значение. Еще один из старших коллег по кафедре позвал меня преподавать основы экономики для старших школьников в самую прогрессивную на тот момент пензенскую школу — Гимназию №13. Тогдашний её директор смог превратить типовую школу в районе типовой панельной застройки в оазис всяких педагогических инноваций. Он наладил контакты с какими-то испанскими детскими цирковыми школами и уже тогда организовал подобную школу на базе своей гимназии. Также в гимназии имелся свой психолог, английский язык преподавала американка из «Корпуса мира», работал преподаватель этикета и даже одно время действовал факультатив по игре в покер (или преферанс? Не помню). При

этом базовая подготовка по основным предметам тоже была на высоте — выпускники успешно поступали в хорошие вузы на престижные факультеты. Творческой была сама обстановка в этой гимназии и преподавать там было интересно, хотя и непросто. Все-таки школьники — это очень специальная аудитория, и чтобы удержать их внимание, и при этом донести до них что-то дельное, нужно иметь преподавательский талант. Я не думаю, что обладаю таковым, но в целом справился, хотя понял всю тяжесть труда школьного учителя.

Роман, Ваш рассказ дорогого стоит... описание культурной жизни среднего российского города конце 80-х — начала 90-х годов. Большое Вам спасибо... для моего проекта это имеет огромное значение, так как описанное Вами я определяю как зону (сферу) свободного поведения. В годы молодости, скажем, Б. А. Грушина — это были московские пивные и сауны, Б. М. Фирсов создавал молодежный театр, из-за чего чуть не вылетел из института, И. И. Травин вспомнил московский фестиваль молодежи и подпольные джаз-оркестры... но в целом то пространство оставалось весьма узким и контролировалось идеологическими структурами и КГБ.

...в конце 90-х Вы перебрались в Москву. Как это произошло? Почему? Наверное, очень непросто было?

Если быть совсем точным, я приехал в Москву 5 ноября 1998 года. Запомнил эту дату, потому что параллельно в Пензу приезжал с концертом Борис Гребенщиков, и я перед отъездом решил не ходить на концерт, да и денег не было. В Москву я переехал случайно, хотя мотивация бегства из Пензы и всей окружающей обстановки назревала в течение всего первого года после окончания вуза. Итак, я поступил в очную аспирантуру под руководством С. Д. Резника и, получая какую-то стипендию, сидел на кафедре и еще что-то преподавал в гимназии №13. Жена также пошла на работу, но денег не было — первые полгода она вообще не получала зарплату из-за задержек. Жили тем, что удалось собрать с огорода, да какими-то малозначительными приработками. Second hands давно уже стали местом наших постоянных визитов. Наша жизнь свелась к общению с родителями, друзьями, прогулкам (ведь прогулки бесплатны!) и чтению книг. Предполагалось, что в аспирантуре я буду писать что-то о кадровом менеджменте, но к тому времени к менеджменту как-то поостыл. Был, вобщем-то внутренний кризис, подогреваемый внешними неблагоприятными обстоятельствами.

Нужно сказать, что Пенза от начала реформ 1990-х и до начала 2000-х гг. была не самым веселым местом — железные ряды коммерческих ларьков, темнота на вечерних улицах, театр с довольно однообразным репертуаром и постепенно угасающая жизнь музыкального андеграунда, откуда также происходила миграция в «нормальную жизнь» и более крупные города. Спасали книги и узкий дружеский круг. Говоря марксистско-ленинским языком «назрели объективные предпосылки» для радикального изменения собственной жизни.

И идея переезда в Москву возникла как дверь, которая неожиданного появляется в конце длинного и скучного серого коридора. Сложилось так, что несколько коллег с нашей кафедры ездили в Москву на месячные курсы по социологии — это называлось «кухтеринские курсы», которые проходили в Институте социологии РАН. В нашем институте этими поездками отчитывались как повышением квалификации, да к тому же проезд туда и обратно оплачивался принимающей стороной и выплачивалась стипендия в размере аж 100 долларов США.

При этом на курсах учили действительно интересным вещам — молодежным субкультурам, методам проведения опросов и т. д. Я узнал, как записаться на эти курсы — отправил туда реферат и где-то в начале марта позвонив Кухтерину, что могу поехать на месяц в Москву на курс «Социология менеджмента».

Нужно сказать, что до этого мои визиты в Москву носили сверхкраткий характер — кажется лишь однажды, проездом на конференцию в Тверь, я провел в Москве день или полтора. Огромный и загадочный город для абсолютного провинциала, подобного мне. Помню, что ездил к МГУ и приобрел в одной из университетских книжных лавок англо-русский сборник песен Джима Моррисона и зеленый том собрания сочинений Иосифа Бродского, которого в Пензе было не достать. Маньеристский выбор, по-своему...

В начале апреля я отправился в Москву, кое-как нашел Институт социологии и заселился в академический хостел, Дом аспирантов и стажеров на Островитянова 35-а (ДАС-2), в котором затем мне предстояло прожить года полтора. После Пензы, где самым высоким зданиями было несколько четырнадцатипятиэтажных башен, Москва, конечно, поражала своими размерами, ритмом и новыми видами городских сервисов. Метро, трамваи, торговый центр с лифтом на Охотном ряду — всё это отсутствовало в Пензе.

Что еще было радикально иным? Конечно, атмосфера академического института, в которую попал, стажирясь в этом центре. Тогдашним директором института был В. А. Ядов — открытый, живой, настоящий, стремительный, он, как я думаю, придал хороший импульс развития ИС РАН. Это ощущалось и в том, как были организованы курсы под руководством С. Е. Кухтерина, какая там была атмосфера дружелюбия, открытости, отсутствия какой-либо казенщины и бюрократии, чем болело всегда, а теперь заражено в еще большей степени наше высшее образование. К тому же, до этого визита я почти не видел «живых» социологов, поскольку прикладными исследованиями на кафедре менеджмента занимались коллеги, которые исходно были ориентированы на управленческие дисциплины и менеджериальную эпистемическую культуру. Кажется, у М. Соколова и его коллег в публикациях есть рассуждения о том, как разные академические культуры в социологии репрезентируются в способах держать себя и в выборе стиля одежды. Но, различия между теми, кто занимается менеджментом, и теми, кто включен в академическую культуру социологии, более глубоки и разительны, поскольку менеджмент в большей степени связан с идеологией, контролем и властью, нежели любая другая из версий социального знания. Иногда эти различия проявляются в манере держать себя, в выборе стиля одежды, но мне кажется, что они связаны со способами мышления о социальном — то, что для социолога является объектом рефлексии, то для специалиста по менеджменту является объектом власти и контроля. Сегодня социология всё же в большей степени изучает окружающий (пусть подспудно и изменяя), тогда как менеджмент прямо собирается сделать этот мир более «эффективным», изменяя его. Да и сильная прививка критической и марксистской традиции в социологии не позволяет ей превратиться просто в «социальную инженерию». Впрочем, это моё частное мнение.

Итак, мое знакомство с социологией началось с курса «Социология менеджмента», который читал П. В. Романов, незадолго до этого вернувшийся со стажировок в Великобритании. Параллельно шел еще курс «Модели объяснения

и логика социологического исследования», который вела И. Ф. Девятко. Тот курс был недоступен для моего понимания — даже не все дипломированные социологи и уже работавшие преподаватели, приехавшие на эту стажировку, могли полностью понять содержание этого курса в силу его сложности и теоретической направленности. Я же тогда вообще не был знаком с социологической теорией.

Впрочем, и на вроде бы знакомый мне предмет изучения — менеджмент у П. В. Романова был совсем иной взгляд, чем тот к которому я привык в среде специалистов по управлению. Этот взгляд — аналитическая позиция исследователя, а не прагматическая позиция консультанта. К тому же в процессе преподавания П. В. Романов активно обращался к современным социологическим теориям и методам визуальной антропологии, что радикально отличалось от привычных мне способов мышления о менеджменте и, как оказалось, ближе к моему пониманию этой наукообразной идеологии и практики. Конечно, британская традиция изучения промышленного менеджмента во многом базировалась на неомарксистских концепциях, и это тоже оказалось довольно интересным. К каждому занятию по курсу мы должны были прочитать несколько текстов из ридера, и, хотя не все из них я понимал, но и манера ведения занятий и общения и содержание курса П. В. Романова меня увлекли. О своих впечатлениях от того времени я рассказал в эссе, посвященном юбилею Павла Васильевича⁶. К сожалению, последнего юбилея в его жизни...

Видимо, мой энтузиазм чем-то привлек П. В. Романова и на завершающем этапе курса он предложил мне приехать в Москву, чтобы получить социологическое образование в одной из двух магистратур, которые олицетворяли новый образ социологии и базировались в «кухтеринском центре» при ИС РАН и в МВШСЭН («Шанинке»). Я решил начать с магистратуры при Институте социологии РАН.

Решение было принято просто, но его воплощение вызывало затруднения и практические вопросы. Во-первых, нужно было решать вопрос с пензенской аспирантурой — переводиться в СГТУ, где базировались Е. Р. Ярская-Смирнова и П. В. Романов. Это было непросто, и связано с неприятными разговорами в ПГУАС и оформлением массы бюрократических бумаг. Во-вторых, непонятно как быть с семьей — жена только что нашла относительно оплачиваемую работу, и одновременный переезд в Москву был маловероятен. В конце концов, решили, что жена присоединится ко мне через год, но фактически, это получилось сделать только через два года. В-третьих, у меня самого был внутренний страх перед будущим — другой огромный город, новые люди и отношения и многое другое. Большой вызов для домашнего, глубоко провинциального и довольно таки инфантильного молодого человека с не самым лучшим образованием и отсутствием практического знания жизни. В-четвертых, это вопросы коммуникации — интернета, мобильной связи и электронной почты, как массовых явлений, тогда не существовало, тем более в таком депрессивном регионе, каким была Пенза, а поэтому для связи с С. Е. Кухтериним и саратовскими коллегами я бегал на переговорный пункт, что находился на втором этаже железнодорожного вокзала Пенза-1. Уйдя из пензенской аспирантуры, я остался в «нигде», поскольку экзамены в московскую магистратуру начинались в ноябре, тогда же был возможен и перевод в саратовскую аспирантуру. В течение июня-октября

⁶ Вот сайт, посвященный П.В. Романову <http://www.pavel-romanov.com/>.

1998 года я совершил несколько поездок в Саратов и сделал бесчисленные звонки в Москву. Материально мы могли выживать благодаря зарплате жены, натуральному хозяйству, моей летней подработке в МЭЛ.

Параллельно я начал готовиться к экзаменам в магистратуру в Институте социологии РАН. Поскольку я совсем не разбирался в социологической литературе и её выбор в Пензе был небогат, то готовился я по случайно попавшим в поле зрения источникам: учебнику «Социология» Радугиных⁷, оранжевому «соросовскому» изданию истории теоретической социологии под ред. Ю. Н. Давыдова⁸, учебнику по методам социологии М. К. Горшкова и Ф.Э. Шереги⁹ и изданной в 1997-м году небольшой книжке А. И. Кравченко о вкладе М. Вебера в социологию труда¹⁰ с переводом пары текстов немецкого классика о социальном статусе. Скажу прямо, я мало что понимал в этих книжках, особенно тяжело мне давалась социологическая теория, так как это был другой язык, другое мышление, вообще всё другое, а философского и гуманитарного бэкграунда у меня не практически не было.

Собрав небольшую сумку, забрав у жены, оставшиеся совсем незначительные деньги и получив от родителей какую-то сумму (по-моему, её эквивалент был порядка 20\$), я двинулся в столицу. Тут нужно вспомнить, что август-декабрь 1998 года — это пик большого и острого экономического кризиса, покончившего с первым призраком российского среднего класса, но давшего старт многолетнему экономическому росту, потребительской революции и «эпохе путинской стабильности». К счастью, на моей семье кризис не отразился, так как никаких сбережений у нас не было, но уже в магистратуре неполадки нашей банковской системы привели к тому, что стипендии мы получили кажется только в середине декабря.

Сам по себе приезд в Институт социологии не означал автоматического зачисления в магистратуру — предстояло пройти экзамен-собеседование. В комиссии были В. А. Ядов, А. Ю. Согомонов, С. Е. Кухтерин и кто-то еще — память не всех сохранила. Мне достался вопрос о теории общества Н. Лумана, и тут помогло чтение «соросовского» оранжевого учебника — я вспомнил роскошное слово «аутопойэзис» и имя Матураны. Потом были вопросы о моем реферате, который я сделал, опираясь на книжку о Вебере и его вкладе в социологию труда. В итоге я был зачислен в магистратуру: несколько претендентов вернулось домой. Так началась моя жизнь в Москве.

Складывается впечатление, не только из Вашего рассказа, что «Кухтеринские курсы» сыграли (играют?) очень важную роль в становлении новой, постперестроечной социологии. Пожалуйста, столько же основательно, опишите, как у Вас был построен учебный процесс, что Вы вынесли из обучения в этой «школе»?

Я считаю, что в истории нашей социологии вклад Центра социологических исследований (ЦСО) под руководством С. Е. Кухтерина в становление не просто постсоветской, но российской социологии, остается недооцененным. Наряду

⁷ Радугин А.А., Радугин А.К. Социология. Курс лекций. М.: Инфра—М, 1998.

⁸ Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (от М. Вебера к Ю. Хабермасу, от Г. Зиммеля к постмодернизму). М.: Наука, 1994.

⁹ Основы прикладной социологии. Учебник для вузов. Коллективная монография. Ред. Шереги Ф.Э., Горшков М.К., М., Интерпракс, 1996

¹⁰ Кравченко А.И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М.: «На Воробьевых», 1997.

с Европейским университетом в Санкт-Петербурге, МВШСЭН под руководством Т. Шанина, ЦНСИ под руководством Виктора Воронкова, кафедрой социальной работы СГТУ, где работали В. Н. Ярская, Е. Р. Смирнова-Ярская, П. В. Романов, исследовательской сети ИСИТО, научно-исследовательского центра «Регион» под руководством Елены Омельченко и некоторых других команд, Центр социологического образования при Институте социологии РАН стал важным источником формирования новой исследовательской и образовательной повестки российской социологии. До середины 2000-х гг. центр сохранял свои лидерские позиции в качестве важной образовательной площадки. Потом, на мой взгляд, ситуация стала меняться, отчасти и потому, что благодаря ЦСО на авансцену вышли новые организации, люди, сюжеты. Думаю, что из более менее активно публикующихся российских социологов в возрасте от 35 до 55 лет трудно найти тех, кто либо не учился в магистратуре ЦСО, либо там не преподавал, либо не был стажером или гостем этого центра.

Историю возникновения ЦСО я знаю не очень хорошо – полагаю, что лучше о ней расскажут А.Ю. Согомонов, С.Е. Кухтерин, И.Ф. Девятко и те, кто занимался его созданием в середине 1990-х гг. Естественно, что без поддержки международных фондов, работа центра была бы невозможна в условиях, когда стране было не до науки.

Итак, после успешного прохождения собеседования магистранты ЦСО Института социологии РАН в ноябре 1998 г. остались в Москве для обучения. Среди них был и я. Тут надо сказать, что номинация «магистр» и «магистрант» тогда выглядела довольно экзотично: вузы еще десятилетие готовили «специалистов», пока наша образовательная система не восприняла принципы Болонской системы. В Пензе, году в 1994-м или 1995-м мне попадалась чья-то визитка, на которой было гордо написано «магистр психологии», но где её обладательница успела получить эту степень в то время – не знаю. Еще А. и Б. Стругацкие активно наделяют молодых научных сотрудников НИИЧАВО титулами «магистров» и «бакалавров», чтобы подчеркнуть «волшебную» сторону деятельности этого НИИ. То есть ни работодатели, ни сами учащиеся, ни преподаватели в то время не очень понимали – что же именно кроется в обозначении «магистр», кроме неясных аллюзий со средневековой алхимией. Это сейчас магистратуры стали привычными, в некоторых вузах магистрантов больше, чем учащихся бакалавриата.

Мне кажется, что распределение нас по будущим научным руководителям в первые недели учебы, для многих стало определяющим в их дальнейших биографиях. Этим распределением занимался А. Ю. Согомонов, который вел еженедельный академический семинар и, если не ошибаюсь, являлся академическим директором Центра. У многих моих коллег по группе, кто получил профильное образование в социологии и социальной философии или успел принять участие в исследованиях, уже были предварительные соображения относительно будущей темы исследования и возможного руководителя. Я же писал что-то о «кадровом менеджменте» и боялся резко менять направление, поскольку даже выученные к экзаменам социологические понятия, почти сразу испарились из моей головы после успешного прохождения собеседования. Помню, что, поговорив со мной на предмет будущей темы и моих интересов в социологии, Александр Юрьевич

тяжело вздохнул, задумался на полминуты и сказал примерно следующее «Не знаю, что с тобой делать. Может быть Девятко разберется». Так, моим научным руководителем и Учителем стала Инна Феликсовна Девятко.

Если же описывать атмосферу ЦСО и учебного процесса, то высокая степень академической свободы, камерность обучения, неформальность общения при одновременной очень сильной вовлеченности всех участников в процесс обмена знаниями — это то, что создавало необходимое интеллектуальное напряжение для вхождения в мир социологии. ЦСО располагал двумя компьютерными классами, небольшой, но хорошо подобранной библиотекой, несколькими аудиториями, возможностью делать копии частей книг и журнальных публикаций. Плюс мы получили доступ к ИНИОНу и библиотеке Института социологии. Для того времени — богатые возможности: ведь в России интернет находился на этапе перехода от забавы для гиков к массовой коммуникативной среде, а поэтому доступ к текстам на «бумажных носителях» был очень важен. Кстати, свою первую электронную почту в mail.ru я завел именно тогда — в первые недели обучения.

Учились мы четыре дня в неделю — четверг, кажется, был библиотечным днем, когда мы работали над эссе и, затем, над своей магистерской диссертацией. Кто преподавал нам? Точные названия курсов я, пожалуй, не вспомню, но постараюсь вспомнить, кто и о чем читал нам лекции и вел мастер-классы. И. Ф. Девятко вела курсы «Методы социологических исследований» и «Модели объяснения и логика социологического знания». Освоению этих курсов нам помогли вышедшие примерно тогда же отличные учебники, написанные Инной Феликсовной, хотя, конечно, учебниками мы не ограничивались. Также И. Ф. Девятко читала курс «Современные социологические теории». Некоторые темы по этому курсу были прочитаны С. П. Баньковской. «Историю социологии» читал А. Б. Гофман, а часть истории русской социологии читала З. Т. Голенкова и несколько лекций В. В. Сапов. В. А. Ядов читал свой курс, связанный с полипарадигмальным подходом к социологическому знанию — он тогда был сильно увлечен идеями П. Штомпки. А. Ю. Согомонов вел академический семинар и в своей яркой манере побуждал нас творчески подходить к поиску исследовательской проблемы. Социальную психологию преподавала Г. М. Андреева, работу с SPSS осваивали под руководством М. Ф. Черныша, качественные методы В. В. Семенова. Также часть лекций и семинаров проходили под руководством Г. М. Масловой, лекцию о социологии В. Парето прочитал А. А. Зотов и др. Возможно я упустил кого-то важного и приношу за это прощение. Резюмировать можно так — наши занятия вели ученые, теоретики и исследователи, увлеченные своим делом и стремившиеся максимально полно передать свои знания и опыт нам. Кроме того, мы были всегда участниками академических семинаров и научных докладов, которые проходили в стенах Института социологии. Это можно рассматривать как значимую часть профессиональной социализации.

Поскольку бюрократия (подготовка УМК учебно-методических комплексов, разного рода отчетность и проч.) в магистратуре ЦСО была сведена к минимуму, то и преподаватели чувствовали себя свободно — общались с нами за пределами формального расписания, активно делились своими находками и творческими идеями. К тому же наша группа была совсем небольшой по численности — кажется не больше 17 человек, что также давало хорошие возмож-

ности для плотного общения с преподавателями. Большинство наших преподавателей были не из вузов, а из академической среды Института социологии, что очень положительно сказывалось на качестве обучения и атмосфере дружелюбия и творчества: будучи, преимущественно, исследователями, они не имели статусных и педагогических стереотипов, каковы неминуемо вырабатываются у всякого, кто на протяжении долгого времени тянет преподавательскую лямку. Кроме того, вузы всегда находились под более плотным административным и бюрократическим контролем, а от преподавателей требовалось и требуется выполнение многих ритуальных, технических действий в виде отчетности, далеко не всегда продуктивных совещаний и проч. Это иссушает сознание, превращает преподавательскую работу в конвейер. Академические исследователи же всё-таки находились немного в другом положении и даже в советское время имели чуть больше личной свободы. Поэтому и наши учителя в магистратуре подходили к процессу преподавания как к работе в творческой мастерской, что вдохновляло и нас.

Итогом нашего обучения в магистратуре должна была стать подготовленная магистерская диссертация и после публичной защиты, получение диплома. Это был диплом негосударственного образца и я его не получил — уж не помню по какой причине, но не связанной с неуспеваемостью: все экзамены сдал и итоговую работу защитил. В данном случае credentials не важны, важно, что я был там и что я был там именно в то время.

Из впечатлений о процессе обучения стоит упомянуть ИНИОН РАН. Мне он видится символом несовершившегося утопического прорыва советской науки к мировым лидерским позициям: сделаны огромные инвестиции, достигнуты большие результаты, но все это либо осталось невостребованным, либо пришло в упадок. В 1960–70-е гг. в районе метро Профсоюзная возник целый академический кластер: было построено несколько модернистских зданий, где разместились важные научные центры — Центральная медицинская библиотека, куб Академии сельхознаук, Институт Океанологии, к которому широкая, но вечно нуждающаяся в ремонте лестница, «Дом с ухом» (высотное здание с огромной лентой Мебиуса в качестве декоративного элемента) — ЦЭМИ, Институт экономики, Институт Дальнего Востока, Архив Академии наук и т.д. В основном, эти здания были спроектированы на излете оттепели и возведены в первой половине семидесятых, а потому в архитектурном смысле были решены в модернистском стиле — ненаступившее прекрасное светлое будущее НТР отражалось в запыленных окнах ИНИОНа с его огромными внутренними пространствами, стеклянными стенами, главной лестницей, переброшенный через давно высохший пруд и колпаками потолочных круглых окон-фонарей. Плюс потрепанная, но стильная мебель, пришедшая прямиком из декораций в «Сталкере» Тарковского. После Пензы, масштабы и размах ИНИОНа поражали. Впрочем, в конце девяностых и само здание и атмосфера в нем навевали мысли об ушедшем прекрасном прошлом, но довольно грустном настоящем: модернистские фасады и интерьеры ветшали и требовали ухода, буфет радовал образцами советской столовской кухни, которая вошла в моду только через десять лет, да и объем закупаемой зарубежной литературы снизился — библиотечные фонды старели, хотя именно там можно было найти достойные американские и британские книги по соци-

альным наукам, приобретенные в предыдущие годы. В ИНИОНе¹¹ был книжный магазин, продававший научную литературу, в том числе сборники реферативных обзоров, готовившиеся сотрудниками этого института. Знаю, что сейчас к этому жанру научной работы нередко относятся с презрением, однако, думаю, что его важность сохраняется и в настоящее время — это и функция просвещения, и функция картографии ключевых публикаций по различным дисциплинарным областям.

Что же я вынес из обучения в «кухтеринской» магистратуре? Слишком много, чтобы ответить просто. Думаю, здесь началось мое превращение из «никого», имевшего какое-то высшее образование в того, кто связывает свою профессиональную биографию с социологическими исследованиями и социальными науками. Здесь же я встретил своего Учителя в социологии — Инну Феликсовну Девятко, которая во многом предопределила мой дальнейший путь. Не хочу говорить громких слов о «социологическом мышлении» или «социологическом воображении», но к концу обучения я стал немного понимать чем включенное наблюдение отличается от массового опроса, чем функционализм — от постмодернизма, а идеи Мишеля Фуко от работ Эмиля Дюркгейма. Также я получил навыки социологического письма — того как создаются тексты, хотя и не могу похвастать тем, что в полной мере смог реализовать эти навыки. Может самое важное, что я усвоил ключевые составляющие настоящей академической культуры — коллегиальность, ориентация на содержательный результат, антибюрократичность, вовлеченность, открытость к диалогу, неформальность, дружелюбие без круговой поруки, понимание важности критики со стороны коллег и многое другое. Сейчас это мне помогает в общении с коллегами и в работе, но зачастую и мешает спокойно относиться к тем или иным административным новациям и формам удушающего бюрократического контроля. Но такова жизнь...

Я не знаю, должен ли был магистр готовить какую-либо итоговую работу, если да, то какой тебе было посвящено Ваше исследование?

Завершение магистратуры предполагало подготовку и защиту диссертации. При выборе темы работы я долго обсуждал её с Инной Феликсовной, которая, например, предлагала мне ориентироваться на социологию медицины — направление очень перспективное, что я понял намного позже. Тогда же, я имел очень узкий кругозор, особенно в социальных науках, и поэтому не очень хотел уходить далеко от привычного мне менеджмента, рассмотрев его уже социологической перспективе. Так в качестве темы работы был выбран сюжет профессионализации менеджмента в России в контексте становления бизнес-образования. Развивая эту тему, я, в конце концов, подготовил кандидатскую диссертацию и уже на протяжении долгого времени специализируюсь в области социологии профессий. Ну а что из этого получается — тут можно судить только по публикациям.

---

¹¹ Фрагмент об ИНИОН РАН был написан мною в декабре 2014 г., еще до знаменитого пожара. Когда я поехал на пожарище спустя неделю и увидел остатки ИНИОНа, то понял, что этой библиотеке уже не быть тем, чем она была прежде — с точки зрения атмосферы, архитектуры и с может быть с точки зрения содержательного наполнения. Кто знает — вероятно будет что-то новое, лучшее и современное, но это уже не тот ИНИОН — символ советской Большой науки в период, когда достигла вершины и стала спускаться вниз по склону истории.

Закончились «Кухтеринские курсы», как дальше пошла Ваша жизнь?

Я бы не называл магистерскую программу Центра социологического образования «курсами»: «Кухтеринские курсы» это месячные стажировки, которые проходили в центре, а мы всё же были слушателями полноценной магистратуры. Для того чтоб понять, какие решения и почему мной были приняты по окончании кухтеринской магистратуры, нужно немного рассказать о ходе нашей жизни в то время.

Два месяца до нового 1999 года прошли очень быстро и за этот время наша немногочисленная группа магистрантов хорошо перезнакомилась друг и с другом, и многие успели подружиться. Тем более долгое отсутствие стипендии из-за финансового кризиса 1998 года, новизна обстановки и академический энтузиазм вполне этому способствовали: были бесконечные посиделки в ДАС–2 на Островитянова 35а, городские прогулки, включение в изучение научной литературы и многое другое. Наш курс состоял из людей, приехавших из разных регионов страны – Томска (прибывшие оттуда нам представляли его исключительно как «Северные Афины» за уникальную университетскую культуру, там существовавшую), Нижнего Новгорода, Ульяновска, Сыктывкара, Перми, Краснодара. Были и москвичи, охотно присоединившиеся к нашей «дасовской» тусовке.

Унификация городской жизни, произошедшая в двухтысячные благодаря потребительской революции и десятилетию экономического роста, тогда еще не добралась даже до многих областных центров, а поэтому контраст между уже благополучной и яркой Москвой и многими региональными городами, находившимися в состоянии постсоветской депрессии, был очень заметным. Например, приехав на первые новогодние каникулы в Пензу, я был поражен какой-то безлюдности, неприкаянности и холодной зимней тьмой городского пространства на фоне живой, освещенной Москвы. Пенза оставляла впечатление города, находящегося в глубоком кризисе и прошедшего какой-то большой исторический катаклизм: так, наверное, выглядел Петроград в 1921 году – гражданская война вроде завершилось, но жизнь еще не оттаяла от её ужасов: атмосфера как в недавнем фильме «Роль» (реж. К. Лопушанский, 2013 г.). На мой взгляд, первые признаки оживления пензенской жизни наступили где-то после 2003 года.

Впрочем, вернемся в Москву. После новогодних каникул атмосфера в нашей группе неуловимо изменилось: общих тусовок и безудержного веселья стало меньше – нужно было работать над эссе, обдумывать диссертацию и вообще определяться с будущим. Мой приезд в столицу 11 января 1999 года, однако, сопровождался чудовищной головной болью после вынужденно выпитого ужасного самогона, который мне усиленно предлагали милиционеры, работавшие вахтовым методом в Москве и оказавшиеся со мной в купе, куда они сели на одном из полустанков недалеко от Пензы. По пути они не только старались напоить меня дурным самогоном, но и делились историями о своих криминальных приключениях в Москве во время патрулирования.

С февраля я и мои одноклассники начали задумываться о подработках, поскольку большинству стало очевидным, что после окончания обучения в свои города они не вернуться, и будут искать возможности для закрепления в Москве. Подработки пришли по линии приятельских отношений с саратовскими аспирантками Г. С. Батыгина Насти и Тани, также живших в ДАСе и участвовавших в наших посиделках. Они работали в сфере политконсалтинга,

и как раз с зимы 1999 года стартовал очередной электоральный цикл по выборам в Государственную Думу. В то время на этих выборах были мажоритарные округа и партийные списки, а сами избирательные кампании проходили весело — со скандалами, подкупами, разоблачениями и разухабистой политической рекламой. Естественно, были нужны организаторы и аниматоры этих «политических утренников», а поэтому появилось занятие политического консультанта и аналитика, куда в поисках заработков и приключений устремились многие обедневшие академические интеллектуалы из гуманитариев, в то и вовсе «вечные аспиранты». Российский политический PR процветал, о чем реалистично написал В. Пелевин в своем «Generation Пи», а я поделился своими впечатлениями в скромном эссе, изданном в журнале «Рубеж» в конце 2000 г.¹² Не минула чаша сия и нас.

Настя и Таня работали в одной из политконсалтинговых московских контор, и эта контора занималась всем циклом аналитического и организационного сопровождения избирательных кампаний: исследованиями, черным и белым PR, аналитикой, формированием имиджа кандидатов и многим другим. Бизнес был выгодный и быстрорастущий, а значит, для его развития требовались люди. Мигранты-магистранты, каковыми мы были, вполне подходили в качестве недорогой рабочей силы.

На первом этапе нас задействовали в качестве интервьюеров, проводивших анкетные опросы в подмосковных городах. Помню, как Фархад, известный тогда социолог, и сотрудник этого агентства стоял у карты Московской области и, подобно полководцу, распределял силы опросного десанта. Мне достались Дубна и Красноармейск. Обычно я выезжал ранними хмурыми февральскими утрами по выходным и проводил весь день на улице в поисках респондентов. В Дубне, я обосновался у крупного продуктового магазина и приставал к покупателям, а в Красноармейске фланировал на площади, куда пребывали местные автобусные рейсы. Серенький день, серенький, перепаханный и прокисший во время оттепели снег на автобусной площади, подковой окруженной железным рядом «комков» с чипсами, пивом, лимонадом, сникерсами, и я с анкетами, пристающий к прохожим. Отказов от интервью было меньше чем ожидалось — думаю, сейчас проводить уличные опросы сложнее: всем надоели рекламные приставалы.

Тут уместно вспомнить и о своем первом интервьюерском опыте, который я получил еще в Пензе года за два до переезда в Москву. Мой одноклассник и хороший друг Игорь Р. получал пару заказов на «поле»: один по теме внедорожников УАЗа, второй — от «табачников». Оба заказа пришлись на летний период, но для них требовались респонденты разного типа. «УАЗ» думал о выпуске новой линейки коммерческих внедорожников и его интересовали люди, отвечающие за транспорт в разных организациях. Помню, что бывал на пензенской базе МЧС — тогда «спасатели» еще напоминали интеллигентных альпинистов из песен Визбора, а не выпускников кадетских корпусов. Также запомнился неудачный визит на Компрессорный завод, поразивший меня мертвой тишиной и пустотой — промышленность находилась в упадке. «Сигаретный опрос» был «квартирником», мне досталась не самая благополучная часть города — относительно свежая панельная застройка на Окружной, населенная преимущественно рабочими

¹² Абрамов Р.Н. Трансформация методов социологического исследования под влиянием практики политического консалтинга: опыт включенного наблюдения // Рубеж (альманах социальных исследований). 2000. № 15. С. 188–210, <http://ecsocman.hse.ru/data/341/420/1216/aBRAMOW.pdf>

заводов Терновки и Южной Поляны. Я ходил и мучительно пытался набрать респондентов согласно полученной квоте и следуя правилам по-квартирного отбора. Поиск затруднялся тем, что в качестве респондентов в основном нужны были мужчины, которые реже бывали дома в будние дни, а выходные проводили на даче или рыбалке. Зато увидел разных людей, интерьеры, образы жизни — от молодой семьи начинающего алкоголика, куда я навевался раза три, а жена каждый раз ссылаясь на «недомогание мужа» и просила прийти еще раз, до предпринимателя с большим подозрением отнесшегося к опросу, отказавшегося давать свои контактные данные и сведения о доходе, но все же пустившего меня в квартиру, где всю гостиную занимала массивная мягкая мебель — два кресла и диван, обтянутые синтетическим плюшем траурных коричневатых оттенков — верный признак преуспеяния в Пензе того времени.

Итак, с февраля 1999-го года большинство моих одноклассников по кухтеринской магистратуре в той или иной форме вовлеклись в практический политконсалтинг. Надо сказать, некоторые остались там на несколько лет или оттуда начали свою блестящую карьеру в бизнесе в качестве специалистов по маркетингу. Думаю, что где-то в марте я понял, что не собираюсь возвращаться в Пензу или переезжать в Саратов, а поэтому стал размышлять о том, что делать дальше. Во время обучения в кухтеринском центре мы несколько раз бывали с экскурсиями в Шанинке, а поскольку я ощущал, что одного года мало для полноценного социологического образования, то я решил попробовать поступить туда. Еще у меня приходила всё большая уверенность в том, что я хотел бы, чтобы моим научным руководителем была Инна Феликсовна Девятко, что также было возможно при условии, что я остаюсь в Москве.

По условиям нашего обучения мы могли провести лето в общежитии ДАСа, а потом, после защиты магистерской диссертации, должны были его покинуть. Денег на жилье не было и это тоже влияло на образовательные и профессиональные карьеры моих сокурсников. Не помню, как именно так произошло, но уже в июне 1999 года я стал подрабатывать не только в качестве интервьюера, но и в роли «аналитика» всё в том же политконсалтинговом агентстве. Что значит работать «аналитиком» в этом организационном контексте? Это значит быстро писать отчеты по результатам качественных и количественных исследований и это ремесло мне пришлось осваивать на ходу. Не буду здесь останавливаться на его особенностях, тем более, что кое-что я описал всё в той же статье в «Рубеже».

Лето 1999 года прошло быстро и весело: конечно, я что-то делал и для магистерской диссертации, но в основном работал и развлекался с коллегами по политконсалтинговой фирме. Помню, как нередко попивали вино из бутылки на траве в парке у Китай-города, где Памятник Героям Плевны, как несколько раз выбирались в ночные клубы, начиная от буржуазного джазового «Л—Клуба» на Таганке вечером и заканчивая это путешествие ближе к утру в по-гусарски игрой в бильярд с кием в одной руке, и бутылкой шампанского в другой где-нибудь на брутальной «Свалке», что тогда располагалась у метро Профсоюзная. Впрочем, это было раз или два, не более — ограниченные бюджеты и недостаток свободного времени не располагали к долгим загулам.

Во второй половине августа я узнал, что поступил в МВШСЭН и передо мной возникла дилемма: оставаться ли в политконсалтинге, где руководством компании мне уже были высказаны заманчивые обещания растущего мате-

риального благополучия и карьерных высот или снова переходить на паек из стодолларовой стипендии. Я выбрал МВШСЭН и, хотя еще некоторое время продолжал сотрудничать в политконсалтинге, это уже была фрагментарная проектная работа.

Итак, в 1999 году Вы поступили в «Шанинку», много ли студентов тогда набрали на социологию? Всех сразу прикрепили к наставникам или какое-то время читались лишь общие курсы? Чьи курсы оказались для Вас наиболее интересными? Удалось ли продолжить работу под руководством Инны Феликсовны Девятко?

Да, я решил, что приоритетом станет обучение в Шанинке и работа над кандидатской диссертацией, а поэтому оставил регулярную работу в политическом консалтинге. Какие-то проекты я продолжал делать вплоть до весны 2000 года, но уже в качестве приглашенного аналитика и без выездов в региональные командировки для участия в электоральных PR–кампаниях, приносящих основной доход коллегам. Насколько я помню, наша группа в Шанинке состояла приблизительно из 20–22 человек и оттуда вышли теперь уже ставшие очень известными и именитыми исследователи, преподаватели, организаторы науки и аналитического бизнеса – Д. Стребков, Д. Рогозин, Н. ДAUDРИХ, М. Добрякова, О. Синявская, М. Рассохина и другие. Я не помню точно процедуру выбора научного руководителя в Шанинке, помню только, что я советовался с Г. С. Батыгиным, показав ему свою магистерскую диссертацию из Института социологии РАН, но, в конце концов, моим научным руководителем стал В. В. Радаев. При этом я не разрывал связи с «кухтеринским центром» и И. Ф. Девятко, твёрдо решив готовить кандидатскую диссертацию под её руководством. Тема работы в Шанинке также была связана с проблематикой management studies, только акцент был сделан на социологию профессий, в связи, с чем я познакомился с работами Т. Парсонса, Э. Дюркгейма и других по данной проблематике.

Трудно сказать, какие именно курсы оказались самыми интересными в Шанинке, поскольку, как и в «Кухтеринском центре», каждый курс был авторским, а преподаватели, не зажатые вузовской бюрократией, свободно подходили к формированию программ курсов и содержанию занятий. Пожалуй, просто перечислю тех преподавателей, курсы которых я посещал: Г. С. Батыгин, А. Ф. Филиппов, А. О. Крыштановский, В. В. Радаев, Б. Ю. Кагарлицкий, В. В. Вагин, Н. Е. Покровский, В. А. Ядов, В. В. Сапов и другие. Всем преподавателям я очень благодарен не только за лекции и семинары, но и за советы по подготовке эссе и выпускной работы, которые оказались очень важными для меня в дальнейшем.

В то время «шанинцы» жили в общежитии на территории тогдашней АНХ, в гостинице для слушателей программ МВА. Моя комната была на двенадцатом или тринадцатом этаже, и я её делил с Владимиром К., учившимся на факультете «Менеджмент в культуре». Из обзорного окна был виден проспект Вернадского с высотками административных зданий позднего советского времени. Тогда городской пейзаж с бесконечным движением автомобилей по освещенному проспекту казался воплощением биения пульса мегаполиса: сегодня Юго-Западная застроена так плотно, что брежневские корпоративные здания теряются на фоне небоскребов девелоперского бума последнего десятилетия.

Сравнивая Шанинку и магистратуру Кухтеринского центра, могу сказать, что и там и там у меня были прекрасные преподаватели и хорошие условия для обучения и исследовательской работы. Конечно, масштабы деятельности МВШСЭН уже в то время были намного больше, чем работа Кухтеринского центра, но в целом обе эти точки были исключительно важными для становления нового социологического образования и обновления исследовательской повестки дня в российской социологии.

Я не помню, «Шанинка» давала второе образование или являлась аспирантурой? По какой проблематике Вы готовили итоговую (дипломную или кандидатскую) работу?

Как я уже говорил, в Шанинке я продолжил работу над исследованием становления профессии менеджера в России и международном контексте. Помимо чтения литературы, я вел эмпирическое исследование — встречался с руководителями и основателями бизнес-школ и расспрашивал их том, как происходило становление нашего бизнес-образования.

Шанинка не была аспирантурой и помимо магистерского диплома Манчестерского университета, по окончании полного курса мы получили сертификат о профессиональной переподготовке. Вручение дипломов в Шанинке традиционно является главным событием года и проходит в торжественной обстановке в соответствии с традициями и ритуалами британских университетов. Помню, что примерка мантии и академической шапочки стал важным символическим актом, обозначившим новый этап в жизни.

Роман, теперь, пожалуйста, расскажите о Вашем кандидатском исследовании: проблематика, методология, как шла работа, когда состоялась защита?

Название темы моего диссертационного исследования «Легитимация профессиональной власти менеджеров: историко-теоретический анализ института бизнес-образования в России» на слух звучит как тема работы, выполненной в духе социологии управления — подобных защищается множество на кафедрах менеджмента теми, кто преподает соответствующие дисциплины или является практикующим консультантом по управлению. Однако с этой традицией моя работа почти не имела ничего общего, что и позволило мне защищаться по теоретической специальности 22.00.01. Ключевая идея исследования заключалась в том, чтобы, используя концептуальный аппарат критических management studies, социологии профессий и социологии организаций реконструировать профессиональный проект менеджмента (или в советском варианте — науки управления) в контексте развития бизнес-образования. В теоретической части работы я обратился к классическим и современным концепциям социологии организаций, также рассмотрел некоторые аспекты трансформации профессий на фоне расширения роли высшего образования как центра производства специалистов. Заметное место уделил истории НОТ (научной организации труда) как формы менеджериальной идеологии. Здесь я опирался на зарубежную литературу и на русскоязычные источники: от публикаций по теме НОТ 1920-х гг., которые можно было найти в ИНИОНе до вполне достойных аналитических обзоров 1970—80-х гг., посвященных критике «западного менеджизма» и «корпоративизма», в которых на основе современных источников вполне релевантно

раскрывались составляющие менеджериальной революции и трансформации организационной контекста в условиях позднего капитализма. Тогда же прочитал «Властвующую элиту» Р. Миллса, стал немного знакомиться с неомарксистскими концепциями идеологии Д. Лукача, А. Грамши и т.п.

Эмпирическое исследование, которое в рамках моей специальности носило скорее иллюстративный характер, представляло собой цикл интервью с лидерами российского движения за легитимацию бизнес-образования в виде MBA (Master of business administration). Это были руководители бизнес-школ – Академии внешней торговли, Школы бизнеса МГУ, Высшей школы бизнеса и предпринимательства при АНХ и т.д. Интервью получились крайне содержательные и интересные – многие из информантов начинали в качестве академических ученых в начале 1970-х гг. и хорошо знали то, как появились первые ростки управленческого образования современного типа в период перестройки. Транскрипты интервью приложены к тексту диссертации.

Защита состоялась в самом начале декабря 2000 г. в Институте социологии РАН. До этого я представлял концепцию работы, а затем и проходил предзащиту в секторе Истории и теории социологии Института социологии РАН, который тогда возглавлял Ю. Н. Давыдов. Сектор тогда работал над многотомником «Истории теоретической социологии» и я, будучи аспирантом сектора, присутствовал на его заседаниях, где обсуждались и будущие тома этого издания и проходили содержательные семинары, где сотрудники представляли результаты своей работы. Всё происходившее там захватывало меня, поскольку я был свидетелем (в большей степени) настоящих научных дискуссий, касающихся истории социологической теории и её современного состояния. К тому же получилось так, что я стал членом коллектива, состоящего из авторов оранжевого «соросовского» учебника по социологической теории, который так помог мне при поступлении в «кухтеринскую» магистратуру.

Возвращаясь к кандидатской, могу сказать, что защита прошла благополучно, хотя деталей я не помню из-за волнения. Оппонентами на защите была Н. Е. Покровский и М. Ф. Черныш. На основе диссертационного исследования, существенно его расширив и дополнив новым материалом, через несколько лет я подготовил монографию, посвященную исследованию менеджмента как профессии¹³. Но это было позже.

Роман, еще раз нарушу хронологическое развитие нашей беседы. Мы с Вами познакомились в 2011 году после моего ознакомления с Вашей небольшой заметкой памяти А. Д. Ковалева. Так получилось, что именно Вы меня познакомили с жизнью и делом этого человека; одну из передач о российских социологах на «Радио Свобода» я позже посвятил ему. Не могли бы Вы здесь рассказать об А. Д. Ковалеве и Ю.Н. Давыдове, с которым я был очень поверхностно знаком?

Мой научный руководитель И. Ф. Девятко работала в секторе теории и истории социологии Института социологии РАН и еще, будучи магистрантом, я стал посещать заседания этого сектора. Тогда он располагался в небольшой узкой комнате на третьем этаже института, напротив правого входа с лестницы. Возглавлял тогда сектор Ю. Н. Давыдов и в то время сотрудниками этого сектора кроме И. Ф. Девятко были В. В. Сапов, А. Д. Ковалев, А. Б. Гофман,

¹³ Абрамов Р. Н. Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии. М.: УРСС, 2005.

В. Н. Фомина, Л. В. Ясная, А. А. Зотов, М. С. Ковалёва. Нередко на заседаниях присутствовал В. И. Шамшурин. Возможно, я кого-то забыл, но думаю, что основной состав вспомнил. О каждом коллеге можно сказать много хорошего, поскольку все сотрудники сектора являются интеллектуалами в европейском смысле этого слова и интеллигентами в российском понимании. Эрудированные, порядочные, отзывчивые люди, с которыми всегда можно поговорить об Аристотеле, русской философии XIX века, классической немецкой философии, истории социологии и современной социальной теории. Это отнюдь не означает, что интеллектуальный треп – их главный жанр. Наоборот – многочисленные публикации, переводы, активная преподавательская деятельность свидетельствует о серьезной и важной работе, которую вели и ведут сотрудники сектора. К сожалению, сегодня от нас ушли Ю. Н. Давыдов, А. Д. Ковалев, В. Н. Фомина...

Мне кажется, что сам процесс формирования исследований в области истории и теории социологии в советское и постсоветское время заслуживает пристального внимания, и, к сожалению, менее известна и изучена, нежели история массовых опросов или заводской социологии. Возможно, кто-то из аспирантов возьмется сделать исследование на эту тему.

Я не могу сказать, что я был хорошо знаком с Ю. Н. Давыдовым. Я читал его работы социологического периода, видел как он общается с коллегами на секторских посиделках, немного говорил с ним в неформальной обстановке и не более того. Помню, что он положительно отнесся к моей диссертации, а также то, что он, чувствуя себя нездоровым, активно работал, стремясь завершить большой замысел – многотомную историю теоретической социологии, до сих пор являющуюся центральным текстом по этой теме на русском языке.

Как-то я спросил его о том, почему он стал «подписантом» в поддержку диссидентов Гинзбурга и Галанскова, понимая, что это негативно отразится на его карьере. Он ответил: «А как же иначе? Я не мог иначе! Я не думал тогда о последствиях». Для самого Ю. Н. Давыдова наука была делом жизни, и, пережив взлёт интеллектуальной славы в 1960-х годах, он спокойно относился к «медным трубам», сосредоточившись на главном – теории социологии и социальной философии. Ю. Н. Давыдов опубликовал множество блестящих работ, однако, пока отсутствует по-настоящему глубокий их анализ, который позволил бы вернуть им тот интерес, которого они заслуживают. В период «быстрой науки» так мало возможностей для вдумчивого чтения. Я полагаю, что о Ю. Н. Давыдове могут многое рассказать люди, знавшие и работавшие с ним многие годы и, безусловно, воспоминания о нем и анализ его работ достойны отдельной книги.

С А. Д. Ковалёвым я также познакомился, начав посещать заседания сектора истории и теории социологии. Помимо общих бесед в секторе и чтения его работ я более плотно взаимодействовал с ним при создании и преподавании курса «Теория социальных институтов» на тогдашнем факультете социологии НИУ ВШЭ. Я вместе с А. А. Кожановым вел семинары по этому курсу и мы обменивались с А. Д. Ковалевым идеями по его развитию, хотя оригинальная концепция и программа курса были сделаны Александром Дмитриевичем.

Далее, я приведу несколько фрагментов из моей статьи памяти А. Д. Ковалёва, опубликованной несколько лет назад в «Социологическом журнале»¹⁴.

¹⁴ Абрамов Р. Н. Памяти А. Д. Ковалева: эссе об интеллектуальной скромности // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 144–153

«После окончания философского факультета МГУ(1966 г.) А. Д. Ковалев поступил в сектор теории и методологии социологии в 1968 году – в период создания Института конкретных социальных исследований АН СССР. Во главе сектор тогда находился Ю. А. Левада, вскоре изгнанный из стен института. Именно в те последние годы и даже месяцы «либерализма» А. Д. Ковалев определил для себя ключевые принципы работы и круг интересов. Содержательно А. Д. Ковалев занимался чтением, переводами и анализом ключевых теоретических текстов по социологии и социальной философии. Не менее важным стало участие в создании и восприятии уникальной культуры работы с текстами и теоретическим знанием, которая стала результатом усилий руководителей и сотрудников историко-теоретического отдела института. За годы своего существования сектор не раз менял название и своих руководителей, среди которых такие известные и столь отличающиеся между собой советские и российские социологи как Ю. Н. Давыдов, И. С. Кон, Г. В. Осипов.

В 1970-е г. после организационного и идеологического разгрома институт переживал трудные времена. Это отразилось на академическом статусе многих молодых сотрудников, которые на долгие годы лишились возможности защищать свои диссертации по истории и теории социологии. Так и А.Д. Ковалев стал кандидатом философских наук только в 1985 г.

А. Д. Ковалев и его коллеги нашли собственную нишу, позволяющую не слишком оглядываться на решения очередного партийного пленума и медленно, но верно формировать адекватное представление заинтересованной аудитории о мировых тенденциях в области теоретического социологического знания. Основными формами этой работы стали реферативные обзоры важнейших статей, публикуемые мизерными тиражами ИНИОН АН СССР, аналитические обзоры, обобщающие ключевые зарубежные публикации по той или иной теме, статьи, написанные в жанре «критики буржуазной социологии», но максимально полно и достоверно освещающие содержание работ ведущих социологов – Т. Парсонса, И. Гофмана и др. Кроме того, велась работа по реконцептуализации классического наследия социальной философии с точки зрения его значения для развития социологической мысли.

большим этапом работы сектора, в котором принял активное участие А. Д. Ковалев, стало многотомное издание «Истории теоретической социологии», охватывающее социальную мысль от античности до современности. Предпосылки для появления этого издания были созданы еще в конце 1970-х гг., когда публиковались первые сборники по истории буржуазной социологии. Новый многолетний проект был связан с выполнением миссии просвещения, систематизации социологической мысли и развития российской истории и теории социологии в соответствии с мировыми тенденциями. Также это издание должно было послужить фундаментальным учебником для студентов и аспирантов¹⁵. Сегодня можно констатировать, что все перечисленные цели были блестяще реализованы.

Работа переводчика социологических текстов – тяжелый труд, требующий терпения и аналитического склада ума, а также ответственности за результат: только так можно избежать халтуры. А. Д. Ковалев перевел работы ведущих представителей мировой социологической мысли Т. Парсонса, Э. Гидденса, И. Гофмана и других. Вместе с Л. А. Седовым сделан перевод и публикация книги Т. Парсонса «Система

---

¹⁵ Сравнительный анализ композиции этого многотомного издания со структурой фундаментального учебника Е. Шацкого см. Зотов А.А. Две стратегии в изучении истории развития социологических теорий (попытка сопоставления книги Е. Шацкого и пятитомника Ю.Н. Давыдова и соавторов)/ Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии. Сборник научных докладов симпозиума, 3–4 октября 2011 г. Под ред. И. Ф. Девятко, Н. К. Орловой. М.: Институт социологии РАН, 2011, с.255–275.

современных обществ»¹⁶, где А. Д. Ковалевым была сделан перевод интеллектуальной автобиографии американского социолога. Кроме того, будучи смертельно больным А. Д. Ковалев успел завершить работу над небольшим, но чрезвычайно важным ТЕКСТОМ Т. Парсонса «Пролегомены к теории социальных институтов»¹⁷, в котором автор теории социетальной эволюции еще в 1930-е гг. наметил основные векторы развития своей будущей теоретической модели. И, конечно, многом благодаря А. Д. Ковалеву на русском языке увидели свет основные работы И. Гофмана — «Представление себя другим в повседневной жизни»¹⁸, и «Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта»¹⁹. К книге, где И. Гофман представляет драматургический подход как теоретическую оптику рассмотрения социального порядка, А.Д. Ковалев подготовил вводную статью, позволяющую отобразить положение гофмановской теории на координатной сетке социологического знания.

Я познакомился с А. Д. Ковалевым, будучи молодым аспирантом, участвующим в заседаниях и семинарах сектора истории и теории социологии. А. Д. Ковалев мной воспринимался как наследник оттепельной интеллигенции: внимательный, вдумчивый, доброжелательный, эрудированный, самоироничный. Внешне мне он напомнил кого-то из братьев Стругацких, и это, наверное, не только впечатление от его внешности, но и общее впечатление от личности. Когда мы стали общаться теснее, первые впечатления меня не обманули: А. Д. Ковалев действительно воплощал собой исчезающий интеллигенции периода оттепели.

Личная и профессиональная биография А. Д. Ковалева и собственный опыт общения с ним заставили меня задуматься о неожиданном свойстве этого ученого, которое так не соответствует нашему времени, когда логика фондового рынка с его бесконечной гонкой за рост биржевых котировок становится логикой жизни академического сообщества. Обретение научной репутации теперь схоже со стремительным надуванием курсовой стоимости на бирже, где всё более существенную роль играет искусство самопрезентации, включенность в медийный контекст и способность реагировать на меняющуюся научную моду. Вполне вероятно, подобная трансформация института науки неизбежна и позиция публичного интеллектуала становится важнее роли кабинетного ученого. И всё же академические занятия философией и теоретической социологией предполагают некоторую внутреннюю интеллектуальную аскезу, позволяющую сосредоточиться на главном. Это то, что можно назвать интеллектуальной скромностью, то есть способностью наступить на горло своему тщеславию и предложить максимально нейтральный и объективный анализ источника. Это качество также означает отсутствие административных амбиций, нежелание стать «академическим генералом», но остаться пусть не столь известным, но честным и профессиональным тружеником науки. Именно этими качествами в полной мере обладал А. Д. Ковалев. Его интеллектуальная скромность не означала самоуничижения

¹⁶ Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография/ пер.А.Д.Ковалева/Парсонс Т. Система современных обществ. Науч.ред.перевода М.С. Ковалева.М.: Аспект-Пресс, 1997, с.210–266.

¹⁷ Парсонс Т. Пролегомены к теории социальных институтов (перевод А.Д. Ковалева)/ Глобализация и социальные институты: социологический подход. Отв.ред. И.Ф. Девятко. М.: Институт социологии РАН, 2010, с.295–330.

¹⁸ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-пресс, Кучково поле, 2000.

¹⁹ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. Пер. с англ.М.: Институт социологии РАН, 2003.

или косности мышления. Это была скромность свободно мыслящего, отлично эрудированного интеллектуала, который прекрасно понимал текущий общественный и политический контекст, но никогда в своих переводах, теоретических интерпретациях и статьях не позволял собственным амбициям и комплексам искажать суть обсуждаемых концепций.

При этом профессионализм понимается не только как безупречное знание источников, но и скромность — когда собственные эмоции, страхи, надежды и предпочтения отступают перед требованием максимально объективного, беспристрастного, но содержательно и стилистически насыщенного теоретико-исторического анализа. Кто знает, возможно, личная скромность А.Д. Ковалева, как и скромность его коллег по сектору, сыграли злую шутку с историей нашей социологии — и вот уже кажется, что теоретическое социологическое мышление возникло только с возникновением в постсоветской России первых зарубежных научных фондов.

Он рассматривал свою работу как призвание и глубоко погружался в предмет исследования. Его размышления о природе социальных институтов, функционализме и организации повседневной жизни в феноменологической перспективе остаются востребованным аналитическим базисом теоретической социологии. Переводы социологических текстов, сделанные А. Д. Ковалевым, вошли в золотой фонд российской социологии».

Возможно, читателям мой рассказ о коллегах покажется несколько скучным — нет ярких историй, баек, анекдотов из их жизни. Дело тут и во мне, конечно, к сожалению, я не умею долго в голове хранить удачные шутки, диалоги, блистательные ремарки, которые, конечно, имеют место быть. А что касается профессиональной стороны дела, то публикации являются самым важным и ценным источником понимания качества и уровня работы ученого. Говоря об уровне, я не имею в виду формальный квартиль в Scopus или статус «ваковского» журнала — я имею в виду содержательную ценность и возможность работы с идеями, аналитическими наработками автора, пусть даже эта публикация когда-то выходила в институтском сборнике, изданным мизерным тиражом на дурной оберточной бумаге, с плохим качеством ротапечной печати и выпадающими листами. Только внимательный читатель может судить о качестве работы своих коллег и поэтому я могу призвать не судить о работе того или иного ученого по чужим устным или письменным отзывам (и по моему отзыву тоже), а взять его работы и прочитать. Тогда станет понятнее — кто и что сделал.

Что касается «давыдовского» сектора, то он и сейчас активно и вполне успешно работает под руководством И. Ф. Девятко и, я надеюсь, что эта работа будет продолжена.

Перечитав все, могу сказать, что тема Вашей кандидатской и ее интерпретация делают честь и Вам, и И. Ф. Девятко. Есть «историко-теоретический анализ», есть «институт», есть «образование», предзащита — в секторе Истории и теории социологии. После такой работы Вы спокойно могли двигаться в любом направлении, к тому же, имея опыт политконсультирования. Чему Вы отдали предпочтение? Как начиналась жизнь после завершения 2000 года?

Не знаю, что имеется в виду под «любым направлением», но на момент защиты диссертации моя ситуация была такова. Я доживал свой срок в ДАС–2 на Островитянова, жена поступила в Шанинку и жила в общежитии на Юго-Западной. Работы тогда не было, поскольку в последние месяцы перед защитой я занимался доработкой текста и всякими сопутствующими бюрократическими делами. Деньги, заработанные в политконсалтинге, заканчивались. Так что в декабре 2000 г. передо мной действительно лежал весь мир, и можно было пойти в любую сторону.

Как-то так сложилось, что всё-таки я не хотел порывать с научной деятельностью, и весной 2001 года стал научным сотрудником сектора теории и истории социологии Института социологии РАН. Коллеги, работавшие в то время в академических институтах, знают о смехотворно низком уровне оплаты труда: в науке можно было выжить либо «сидя на грантах» (предпочтительнее — зарубежных я), либо имея вторую занятость в виде практических проектов и разных подработок.

Так поступил и я, став аналитиком в небольшой PR-компании, занимавшейся бизнес-коммуникациями, консалтингом, event-managment, рекламой, исследованиями и прочими аналитически-организационными услугами для бизнеса. Гибкий график и разнообразное содержание работы делали её вполне привлекательной. К тому же я стал бывать на всяких встречах в только-только отстраивающихся организационно и пространственно российских компаниях разного уровня, и это был любопытный опыт наблюдения за игрой клерков в настоящих «менеджеров», «пиарщиков», «джиджарщиков», «рекламистов».

Что еще произошло в то время? Осенью мы с женой съехали из наших общежитий и переехали в двухкомнатную квартиру в Новогиреево, на отдаленную улицу Сталеваров (позже пришлось жить и на ул. Новаторов в районе Ленинского проспекта), которую сняли вместе с однокурсниками по Шанинке. Квартира находилась в длинной грязно-бежевой девятиэтажке брежневской поры с бесконечным числом подъездов: наш был, кажется, четырнадцатый. Сама квартира оставалась закрытой много лет, поскольку её владелица после расставания с мужем нередко оказывалась на лечении в психиатрической клинике, а жить переехала к родителям. Мы стали первыми арендаторами и когда заехали в квартиру, то оказались в музее поздней советской эпохи — начиная от продуктов, вроде, пачек грузинского чая, датированных 1987-м г., и заканчивая мебелью и одеждой — всё хранилось на своих местах примерно с конца восьмидесятых. Это создало и некоторые сложности для нас — не оказалось места для вещей. Несмотря на удаленность от метро и другие неудобства, это всё же было не общежитие, а поэтому мы вполне наладили свой быт. Прожили в этой квартире мы около года и съехали, потому что у хозяйки возникла какая-то паранойя по поводу нас как арендаторов.

Думаю, что опыт съема московского жилья на рубеже девяностых-двухтысячных стоит описать и ретроспективно исследовать — это был абсолютно черный рынок без всяких правил. Московский строительный бум только начинался, а поэтому сегмент аренды, главным образом, составляли, так называемые, «бабушкины квартиры» без ремонта со старой мебелью и атмосферой бесприютности, тлена и упадка. К тому же многие из этих квартир имели вид чрезвычайно затасканный из-за частой смены арендаторов, относившихся к интерьеру

сняемого жилья без пиетета. Тогда мало кто из арендодателей задумывался о косметическом ремонте «под сдачу», а IKEA с её понятной и недорогой мебелью пришла на рынок только в марте 2000 года, и в то время её мебель отнюдь не рассматривалась в low-cost сегменте. Также объявления о сдаче в аренду приходилось выискивать в газетах — соответствующие интернет-ресурсы находились в зачаточном состоянии. Что было интересного в этих квартирах — это библиотеки: бесконечные тома «анжелик» и серенькие четырехтомники Джека Лондона перемежались с классикой, качественной современной литературой и периодикой. Было что почитать.

Поводя итог этому периоду своей жизни, могу сказать, что это был обычный переход от полустуденческого формата к формату интеллектуального гастарбайтерства — кочевание по съемному жилью, работы и подработки при попытках сохранения основной линии, связанной с научной деятельностью.

Если бы меня попросили охарактеризовать общее в Вашем стиле ответа на мои вопросы и в рассказах Виктора Вахштайна, Дениса Подвойского и Дмитрия Рогозина, я сказал бы: «Биография в контексте повседневности». Интересно, каждый из Вас пришел к подобному дискурсу самостоятельно или это свидетельство принадлежности к общей школы?

Трудно говорить о принадлежности нас к общей школе и, возможно, к одному поколению: всё-таки В. Вахштайн — это уже дерзкое постсоветское поколение, ракетой устремившееся к вершинам научного и административного успеха, тогда как я до шестнадцати лет жил в СССР. К тому же и профессиональное становление происходило у нас с названными Вами коллегами по-разному, хотя и в одном контексте. Свои ответы на вопросы, как Вы помните, Борис Зусманович, я начал давать летом 2014 года, и это интервью было сделано больше чем наполовину к моменту, когда были опубликованы соответствующие тексты уважаемых коллег.

Поэтому тут я скорее могу просто порассуждать о своём взгляде на этот жанр. Как я уже говорил, о профессиональной деятельности того или иного ученого, в первую очередь, следует судить по его академическим публикациям, а не по событийной насыщенности его личной биографии, истории его семьи или социальном происхождении. Одновременно, биографические интервью могут быть источником информации для исследователей социальной истории той или иной научной дисциплины: этот метод активно используют историки, антропологи, социологи. В таком случае становится не столь важно имя конкретного информанта, сколько произведенный им рассказ о своей биографии, который ложится в ряд других подобных нарративов как источник информации для исследователя. Тогда есть смысл собирать биографические нарративы, хотя, на мой взгляд, более интересными и содержательными являются устные и письменные воспоминания и биографические интервью «старейшин» тех, чья профессиональная и личная биография в основном состоялась и они, во-первых, свободны в своих суждениях, а во-вторых, у них есть, что рассказать о себе, своем окружении. В этом отношении собранные Вами материалы интервью со старшим поколением советских и российских социологов бесценны, поскольку формируют коммеморативное пространство нашей дисциплины, и служат важным источником для исследований истории отечественной социологии.

Возможно, интервью с коллегами моего возраста и более младшего поколения не столь значимы в этом контексте. Кроме того, я, например, не знаю — останусь ли в профессии или буду «вычищен» в ходе в одной из кампаний по повышению эффективности российской науки и образования. В таком случае моё интервью интересно лишь как кейс «drop out» — неудачника от профессии. Мне кажется, что накопленные Вами, Борис Зусманович, материалы интервью и опыт коммуникаций с коллегами в процессе сбора этих материалов нуждаются в рефлексии второго порядка — анализа характера этих коммуникаций и обобщения методологических аспектов данного исследования. Это было бы интересно в контексте растущего объема исследований социальной памяти и знания о прошлом в социальных науках.

Когда я (как Вы помните, не без некоторого сопротивления), согласился на это интервью, то видел его не как самопрезентацию собственной уникальной биографии, а как один из нарративов, который может оказаться полезным для исследования и понимания характера времени (zeitgeist) и деталей повседневности этого времени, которые обычно ускользают от аналитического взгляда. В юности на меня сильное впечатление произвела биографическая проза И. Бродского (отрывок его эссе «Полторы комнаты» был опубликован в журнале «Ровесник» на рубеже 1980-х—1990-х годов), блестящий текст В. Набокова «Далекие берега» и, позже уже в начале 2000-х годов прочитанные мною воспоминания известного художника и свидетеля взлета Серебряного века А. Бенуа. Стилистически безупречные, погружающие в жизненный мир своих героев и их время, тексты.

Наряду с этим, на протяжении примерно десяти лет я активно интересовался ностальгией по советскому периоду (в первую очередь — меморизацией эпохи брежневского застоя) и искал, читал и анализировал как опубликованные воспоминания об этом времени (например, деятелей московского концептуализма), так и многочисленные «народные свидетельства», разбросанные по блогосфере и российскому сегменту интернета. Эти свидетельства порой представляют собой завершённые и блестящие с точки зрения стиля памятные заметки, иногда — они становятся результатом обмена репликами в блогах, и во всех этих случаях они чрезвычайно любопытны в контексте исследований социальной памяти. Думаю, что эта работа также повлияла на меня в процессе ответов на Ваши вопросы.

Вот именно, что же было или стало основной линией? Единство методологии или верность одному предмету? Или нечто иное...

Полагаю, что ни то ни другое. В основном в академической сфере я работал с данными, которые можно отнести к, так называемой, «качественной социологии», но это не является осознанно выбранной идеологией, поскольку в рамках своей практической и профессиональной деятельности (например, в ФОМе, где И. А. Климов, С. Г. Климова вместе с другими коллегами — А. А. Ослоном, Г. Л. Кертманом, Л. А. Паутовой, Л. А. Пресняковой, А. В. Чуриковым, Е. Б. Галицким стали моими наставниками в области методов исследований и хорошими коллегами, создавшими уникальную творческую и дружескую

атмосферу) я также анализировал данные массовых опросов, а благодаря участию в проектах о folk science под руководством И. Ф. Девятко, имел дело с экспериментальными методами в социологии.

То же и в отношении верности предмету — начинал я с исследований в области management studies, затем переориентировался на социологию профессий. Однако, это не значит, что я не интересовался городской социологией, социологией высшего образования и, конечно, историей и теорией социологии. Например, мой академический интерес к социологическим аспектам ностальгии возник из личного интереса к эпохе застоя и её коммеморации сегодня. Просто мне хотелось что-то написать об этом, и начал я с эмпирического анализа ностальгического сегмента российской блогосферы, а затем и рассмотрел ностальгию как теоретический концепт. Другая тема — популяризация научного знания стала объектом моего интереса, поскольку я в среднем школьном возрасте активно читал «Химию и жизнь» и был очарован текстами и графическим исполнением журнала, а в 2011-м г. блестящий социолог науки и заместитель декана факультета социальных наук НИУ ВШЭ Андрей Кожанов предложил рассмотреть феномен Popular Science в контексте теорий социологии науки и научного знания. Так был реализован коллективный проект с участием магистрантов и студентов НИУ ВШЭ.

Боюсь, что всё это выглядит немного не фундаментально — я не могу поклясться верности какого-то одному методу, предмету, теоретику или описать свою работу как миссию по изучению или даже просвещению общества, скорее я могу сказать, что для меня крайне важно мнение моих учителей, близких друзей и коллег о сделанных мною исследованиях и написанных текстах. Этой оценки достаточно.

Роман, извините, я прервал описание того, как развивалась Ваша жизнь после 2000 года... с тех пор, однако, прошло полтора десятилетия... Какие из своих публикаций Вы бы отметили в первую очередь? Какие курсы Вы читали, какие ведете сейчас в Вышке? Стажировались ли Вы за границей, участвуете ли в международных проектах?

Да, постараюсь ответить по порядку. В течение этих лет я занимался теоретическими и эмпирическими исследованиями в области социологии профессий. Из крупных публикаций, стоит вспомнить монографию, посвященную профессиональному проекту менеджмента в СССР и России, которая вышла в 2005-м г. Довольно много статей посвящено интерпретациям зарубежных теоретиков социологи профессий. Были статьи, посвященные профессиональной культуре рабочих-металлургов, профессионализации научной журналистики, профессиональному теннису, академической профессии и др. Не буду все их перечислять здесь — электронные ресурсы доступны.

Нужно сказать, что в Великобритании и США это одна из немногих дисциплинарных областей в социологии, сохранившая своё теоретическое ядро, язык и исследовательские традиции, что с одной стороны делает её чуть старомодной, с другой — позволяет ей сохранять социологический взгляд на феномен профессий и занятий. Другое дело, что мир профессий тоже меняется — это и следствие неолиберального поворота в социальной политике большинства стран мира,

и результат масштабных технологических изменений (появление интернета, компьютеризация), а также влияние социальных трансформаций, изменивших социально-профессиональную структуру многих стран.

Где-то с 2008 г. у меня появились публикации, посвященные социальной памяти, ностальгии, и особенно ностальгии по позднему советскому периоду. Эта тема возникла в связи с личным интересом к семидесятым годам в СССР — и в целом, к эпохе застоя как особому времени, когда замедление развития страны сопровождалось многими очень интересными и важными неофициальными активностями — альтернативное искусство, литература, рок-андеграунд — всё то, что так ярко «выстрелило» в перестройку. Также меня занимал вопрос о том, почему где-то с конца девяностых годов в российском обществе началась ностальгия по тому времени, что проявилось в телепрограммах, возвращении некоторых советских «брендов» на прилавки супермаркетов и общее восприятие брежневской эпохи как относительно благополучного периода покоя и декаданса. К настоящему времени у меня вышел цикл статей, в которых я пытаюсь разобраться и с постсоветской ностальгией и с феноменом ностальгии в контексте теоретической социологии.

Преподавать для студентов (если не считать работу учителем в гимназии) я начал в 2001 г., когда вел семинары на социологическом факультете ГАУГНа при Институте социологии по курсу «Современные социологические теории», где лектором была И. Ф. Девятко. Затем в течение нескольких лет я полностью вел курс «Современные социологические теории». Параллельно для магистрантов «кухтеринского центра» я провел первый самостоятельный курс по социологии профессий, в котором кажется, впервые в России были отражены классические и современные работы по этой теме. При подготовке программы этого курса я вдохновлялся британской и американской традициями исследования занятий и профессий, а также уделил внимание истории профессий, опираясь на работы представителей французской Школы Анналов.

В 2002-м гг. И. Ф. Девятко была приглашена в НИУ ВШЭ, где ей предложили возглавить кафедру на факультете социологии (теперь, после ряда мер по повышению эффективности управления в университете, этот факультет вошел на правах департамента в мегафакультет социальных наук). Вместе с А. А. Кожановым я вошел в состав кафедры анализа социальных институтов. Кстати, поиск названия кафедры сопровождался некоторыми «политическими» перипетиями на уровне факультета, поскольку исходно была идея назвать наше подразделение кафедрой теоретической социологии, что наилучшим образом отражало характер научных интересов сотрудников. С начала 2003-го г. началась преподавательская работа в НИУ ВШЭ. Я пересобрал курс «Социология профессий», который читается на четвертом курсе бакалавриата. Также в 2004-м г. я стал читать курс по выбору «Сравнительный анализ образовательных систем», который перерос в курс «Социология образования». В разные годы он был обязательным или по выбору и в зависимости от возможностей, отведенных временем курса мы обсуждали самые разные темы — от истории школьного образования и его роли в формировании национальных государств до жанра «академических романов» на примере Дэвида Лоджа, Владимира Набокова и других. Примерно в 2005-м г. я разработал и начал читать курс «Социологический анализ идеологии» для магистрантов программы «Комплексный социальный анализ». Это

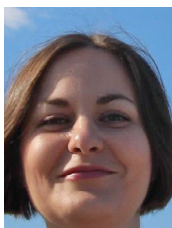
теоретический курс, связанный с эпистемологическим анализом идеологии как социально-философского понятия. Мой интерес к идеологии в этом ключе начался еще в то время, когда я занимался исследованием профессионализации менеджмента и показал роль менеджериальной идеологии в данном процессе. Также меня интересовали идеи и интеллектуальная биография Д. Лукача, А. Грамши, Л. Альтюссера, С. Жижека, что стало дополнительным стимулом для создания курса.

Я не считаю, что у меня есть выдающиеся способности к преподаванию — скорее, это важная часть работы любого академического профессионала. Конечно, в исследовательских центрах можно сосредоточиться исключительно на исследовательской деятельности, но преподавание в умеренных объемах является полезным для структурирования собственного мышления. Самым неприятным моментом в преподавании (и здесь я выскажу банальную точку зрения, которую неоднократно слышал и читал у других коллег) является окружающая этот процесс тяжеловесная бюрократия, которая, кажется, призвана внушить отвращение профессионалу к своей работе. Бесконечные циркуляры с требованием внесения декоративных поправок в программы курсов в режиме аврала и под угрозой штрафов и административных мер в случае невыполнения абсурдных требований, не только дискредитируют руководство университетов, но и подрывают мотивацию преподавателей. Некоторые коллеги видят в этом административном угаре даже следы «теории заговора», призванной разрушить нашу академическую систему, отвлекая силы ученых на «покраску травы», вместо содержательной научной и образовательной работы, я же, будучи исследователем менеджериализма и шире, бюрократии, полагаю, что это саморазвивающийся процесс, который не контролируется даже инициаторами методических инноваций, возможно искренне заинтересованных в непрерывном росте эффективности науки и образования. Знаю, что есть оазисы, где преподаватели и исследователи работают по старинке, и их syllabus на уровне содержания и авторского исполнения, в первую очередь отражает авторский взгляд на предмет, а не является результатом механического следования малопонятным бюрократическим ритуалам. Думаю, что ближайшие годы покажут, как отразится столь пристальное внимание к оформлению и бесконечному обновлению программ курсов на качестве обучения и мотивации академических профессионалов.

Впервые я поехал за рубеж для участия в научном мероприятии довольно поздно — в возрасте 27 лет в 2002-м г. Это была летняя школа в Центрально-европейском университете в Будапеште по образовательной политике. Конечно, это была поездка, наполненная впечатлениями научного и туристического характера. Потом, в 2007-м г. состоялась стажировка в Великобритании у известного социолога профессий Майкла Сакса в Линкольнском университете. Далее, я провел четыре месяца снова в ЦЕУ, где работал над исследованием посткоммунистической ностальгии в странах Восточной и Центральной Европы. Также был по программе Фулбрайт в США, где, в том числе вместе с коллегой вел курс, посвященный коллективной памяти и мемуаристике. Стараюсь ездить на конференции по мере возможностей. Участие в международных научных форумах и стажировки очень полезны для расширения горизонтов видения и обмена опытом и знаниями с коллегами по всему миру.

Отдельно хочу сказать о том, что на протяжении всех этих лет в качестве part time научного сотрудника работаю в Институте социологии в отделе теории и истории социологии, который долгое время возглавлял Ю. Н. Давыдов, а сейчас – И. Ф. Девятко. Там мы ведем активные исследования, видимым результатом которых являются публикации и проведение Давыдовских чтений – редкого для России события, где вдумчиво обсуждаются вопросы социологической теории и истории социологии.

То есть идёт обычная жизнь, обычного исследователя и университетского преподавателя, в которой есть свои преимущества и свои проблемы.

Интервью с Агнией Ивановной АЛЕСИНОЙ

«Я ЧЕЛОВЕК, ВОСПИТАННЫЙ СТАЕЙ СОЦИОЛОГОВ, С ЭТИМ ВСЕ ПОНЯТНО»

Алесина А. И. — окончила социологический факультет Санкт-Петербургского университета (2006 г.), старший исследователь отдела качественных исследований, компания «О+К» (с 2007 года).

Основные области научного интереса: маркетинговые исследования (автомобильный, IT, фармакологический, ритейл, FMCG рынки), этнология, политическая антропология, конфликтология, Кавказский регион и Закавказье.

Интервью состоялось: июнь 2015 г.

Завершается июнь 2015 года, проведено и размещено в «Галерее респондентов» 120 интервью. Беседы продолжаются, но приближается конец одиннадцатилетнего процесса интервьюирования, и все актуальнее становится вопрос о содержании, линиях анализа собранной информации.. Интервью с Агнией Ивановной Алесиной, помимо того, что дает возможность для изучения еще одной жизненной траектории, еще одного пути в социологию и смежные с ней научные направления, позволяет сконцентрироваться (в будущем) на ряде направлений сравнительных биографических поисков.

Агния относится к младшей страте VI поколения советских / российских социологов, т.е. тех, кто родился в интервале 1971-1982 годов. Изучение этой профессионально-возрастной когорты началось в феврале 2014 года, и к настоящему моменту проведено 18 интервью с представителями этого сообщества. Старшим из них в конце года будет 44 года, младшим — 33. Старшие родились за полтора десятилетия до Перестройки, но их социализация, выбор ими профессии происходили в перестроечные и начальные постсоветские годы. Там более, сказанное распространяется на младших представителей рассматриваемого поколения.

Среди моих собеседников, представляющих VI поколение, есть исследователи без научных степеней, кандидаты и доктора наук. Но всех их объединяет то, что их путь в науку начинался уже в новой, постсоветской России. Они — первая генерация новых, собственно российских, социологов.

Рассказанное Агнией Алесиной также будет изучаться в контексте исследований истории современной петербургской (ленинградской) социологии. Наибольшее количество бесед (46) проведено с московскими социологами. Несколько менее (40) — с социологами, работающими или долгое время работавшими в Ленинграде / Петербурге. Все это открывает перспективы к многомерному и динамическому восприятию и описанию полувекового процесса становления и развития одной из старейших социологических школ страны.

Придет время, и российские историки науки обратятся к анализу механизмов формирования корпуса исследователей рынка и задач, к решению которых они обращались. И в этом отношении движение Алесиной и других представителей VI поколения российских социологов дает нам то новое, что не встречалось (и не могло произойти) в судьбах их старших коллег. Речь идет о вхождении в цех исследователей рынка непосредственно после получения университетского социологического образования. Пионерами анализа российского рынка на рубеже 1980-х — 1990-х годов были социологи III когорты, прошедшие долгую школу серьезных академических и прикладных исследований.

Обратим внимание на заголовок интервью: «Я человек, воспитанный стаей социологов, с этим все понятно». Имеется в виду тот факт, что мама Агнии — Мария Алесина — социолог (см. интервью с нею), и ее друзья принадлежат к тому же профессиональному цеху. Прочитую фрагмент интервью с Агнией:

«Меня растила мама, не без помощи друзей-коллег. Поэтому вокруг всегда были преимущественно социальные психологи и социологи. Причем не только в Ленинграде-Петербурге, но и на отдыхе. Мама и Ко снимали на лето дачи в Усть Нарве (курортный поселок на берегу залива, недалеко от Нарвы). Поэтому дружили семьями, дети общались на пляже, родители занимались своими и чужими детьми, и происходило взаимовлияние и «впитывание» различных социализирующих паттернов.

В 90-е, когда я все еще была ребенком, сильное влияние оказали и политические процессы, и референтные персоны из близкого окружения. Мама брала меня с собой на различные политические конференции, митинги. Мой первый митинг был в защиту гостиницы Англетер (мне было 5 лет).

Сказанное Агнией подводит нас к одной из главных, сквозных тем данного историко-социологического проекта — «как становятся социологами» и к одной из поисковых задач, возникших в процессе анализа собранной информации — «в какой мере социологическое творчество биографично».

Митинг в поддержку Б.Н.Ельцина на Дворцовой площади (Ленинград, не позднее 1991 года).

Слева направо: Софья Васильева (журналистка, помощник Г. Старовойтовой), Людмила Иодковская (социолог, помощник Г. Старовойтовой), Мария Алесина (социолог, подруга Г. Старовойтовой), Агния Алесина, Наталья Гришина (социальный психолог), Галина Старовойтова, Ольга Старовойтова (сестра Г. Старовойтовой), Галина Маркелова (помощник Г. Старовойтовой), Алена Прохвятилова (дочь Натальи Гришиной)

Богатая коллекция биографических данных позволяет обозначить множество путей в социологию, и в частности, — связать поиск ответов на оба приведенных вопроса с рассмотрением мало изученной в российских (и зарубежных) историко-научных исследованиях темы — появлением социологических династий, или преемственности профессии «социолог» внутри семьи. Обратимся к фото-галерее моих собеседников http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207; с ними со всеми уже проведены интервью. И здесь немало «семейных» портретов.

В. А. Ядов и его сын Н. В. Ядов, к тому же — воспоминания Владимира Александровича о его покойной жене Л. Н. Лесохиной; есть интервью с А. Г. Здравомысловым, его дочерью Е. А. Здравомысловой и ее мужем — В. М. Воронковым; весьма интересен случай: В. Н. Ярцева-Смирнова, ее дочь — Е. Р. Ярцева-Смирнова и внук — Р. В. Кононенко; представлено также интервью с покойным мужем Е. Р. Ярцевой-Смирновой П. В. Романовым и его дочерью — Е. П. Романовой. Есть еще две пары мать-дочь: В. В. Гаврилюк и Т. В. Гаврилюк, а также И. А. Григорьева и А. В. Дмитриева. Проведены интервью с социологами, родители которых тоже социологи: с О. М. Барбаковым (сыном Л. Г. Барбаковой), А. М. Руткевичем (сыном М. Н. Руткевича), И. Н. Тартаковской (дочерью Н. М. Тартаковского), А. Ф. Филипповым (он рассказал не о себе, но об отце — Ф. Р. Филиппове). Мне также известно, что по стопам значительной части социологов, портреты которых представлены в галерее, пошли их дети. Среди них: Е. И. Башкирова, Ю. Р. Вишневский, Р. С. Могилевский, Г. В. Осипов, Г. И. Саганенко, Б. Г. Тукумцев, Л. Н. Федотова, Н. Г. Хайруллина, Ф. Э. Шереги.

Что обещает изучение преемственности профессии «социолог» внутри семьи? Прежде всего, эта тема относится к анализу механизмов формирования российского социологического сообщества. Вторая очевидная задача — выявление каналов сохранения накопленных в науке исследовательских традиций и нравственных императивов. И третье обстоятельство — преемственность профессии следует рассматривать в рамках концепции биографичности творчества социологов, которая представляется мне весьма продуктивной при решении ряда проблем историко-научной природы.

Алесина А. И.: «Я человек, воспитанный стаей социологов, с ЭТИМ ВСЕ ПОНЯТНО»

Агния, я часто начинаю интервью с вопроса о родительской семье, но так как только что я закончил интервью с Вашей мамой, которую знаю много десятилетий, то сейчас ограничусь вопросом о Ваше редком имени? Как оно к Вам пришло?

Да, я человек, воспитанный стаей социологов, с этим все понятно.

Имя Агния в переводе с санскрита — огонь. Это лучший подарок от мамы. Нет никаких проблем с идентификацией, все запоминают имя и его достаточно. Ни с кем не спутать. Имя редкое, но при этом не вычурное.

Есть два минуса:

1. Как только называешь себя, в 90% случаев собеседник считает обязательным/оригинальным спросить «как Барто»? За 33 года это немного поднадоело.

2. Некоторые думают, что Агния — сокращение от другого имени Агнесса. А разница принципиальна. Агнесса от латинского «игнес» — ягненок. Да и само имя слишком манерное.

В общем, я своим именем довольна, а по поводу соответствия судить не мне.

Про Барто я как-то забыл начисто, а вот рассказ Василия Аксенова вспомнил, хотя читал его в «Юности» очень давно. Я могу додумывать Ваши слова: «Я человек, воспитанный стаей социологов», но для будущих читателей нашей беседы, пожалуйста, поясните.

Меня растила мама, не без помощи друзей-коллег. Поэтому вокруг всегда были преимущественно социальные психологи и социологи. Причем не только в Ленинграде-Петербурге, но и на отдыхе. Мама и Ко снимали на лето дачи в Усть Нарве (курортный поселок на берегу залива, недалеко от Нарвы). Поэтому дружили семьями, дети общались на пляже, родители занимались своими и чужими детьми, и происходило взаимовлияние и «впитывание» различных социализирующих паттернов.

В 90-е, когда я все еще была ребенком, сильное влияние оказали и политические процессы, и референтные персоны из близкого окружения.

Мама брала меня с собой на различные политические конференции, митинги.

Мой первый митинг был в защиту гостиницы Англетер (мне было до 5 лет).

Этого я почти не помню, но зато прекрасно помню митинг в поддержку Ельцина в 91-ом.

Таким образом, логично, что у меня сформировался некоторый круг интересов, распространенных в среде маминых знакомых — политика, социология, этнология, конфликтология и т. д.

Из своего собственного остались интерес к зоологии, ветеринарии, биологии. Но когда в школе началась химия, я поняла, что ничего с естественнонаучными специальностями у меня не выйдет.

Потом наступил пубертат и протест. Вела я себя весьма отвязно, учебу запускала. В результате на какое-то время даже бросила школу, а потом заканчивала 9–11 классы экстерном.

К моменту поступления в университет я успела поработать и немного лучше представляла, что бы мне хотелось изучать, чем те, кто поступал в возрасте 17 лет сразу после школы.

В начале меня интересовали непосредственно социология и антропология, а маркетинг представлялся какой-то разновидностью проституции.

В дальнейшем, насмотревшись на университетскую «кухню», я поняла, что все ровно наоборот.

Обстановка на факультете была мерзкой. Квалифицированных преподавателей всего немного. Остальные либо были переименовавшимися преподавателями марксизма-ленинизма, либо просто сумасшедшими безграмотными профанами.

В итоге представление о социологической теории я получила от доцента Васильковой, методам научил Сергей Дамберг, а моим ангелом хранителем был мой научный руководитель Виктор Бочаров.

После получения диплома я из вредности захотела поступить в аспирантуру, что и сделала. Ну а потом окончательно утратила интерес к университету и отчислилась.

Первый год проработала в очень непрофильной компании, но получила прекрасный опыт в IT отделе, который мне оказался полезен в будущем.

Через год решила все-таки найти что-то ближе к качественным исследованиям и увидела в ЖЖ (livejournal) объявление о вакансии менеджера по качественным исследованиям.

Прекрасно написано, живо... я буду рассматривать написанное как конспект нашей беседы, постараемся развернуть сказанное. В моих интервью я уже встречал слова типа: «Потом наступил пубертат и протест». Но пубертат наступает (почти) у всех, протест – нет, и он имеет разные формы и порожден разными обстоятельствами. Теперь, через многие годы, как бы Вы все это объяснили?

Были внешние причины и внутренние, конечно, тоже.

Казалось, что мама делает что-то неправильно, ее принципы не работают. Да и времени у нее было мало. А я стала обзаводиться новыми знакомыми, большинство из которых были из локального окружения и прямо скажем, не лучшего качества. Но все это было настолько отлично от маминого, что пришлось в самый раз, на контрасте.

Этот протест не имел никаких особенно идейных смыслов, а шел по пути наименьшего сопротивления. Просто окунулась в среду с низким порогом входа.

И с одной стороны, всего этого лучше было бы избежать. Но с другой стороны, я получила опыт общения с совершенно другими людьми, что теперь помогает мне понимать более широкие круги населения (не люблю это слово, но гражданами их точно не назовешь).

Вылезла я из этого общими усилиями, в частной школе уже как-то все было попрличней, а поступление в университет вообще отрезало всех подростковых знакомых.

Но зато теперь я могу лучше понимать мотивы своих респондентов и разговаривать с ними на понятном языке. Для меня существует меньше границ, чем для большинства исследователей. Ведь это серьезная проблема, когда социологи изучают наиболее доступных и приятных людей, а например, простую квоту по респондентам без высшего образования заполнить не могут.

Помню, как Леонид Евсеевич Кисельман, в годы перестройки активно проводивший уличные опросы, на инструктаже интервьюеров объяснял, что если Вы видите нескольких людей, выбирайте для опроса наименее приятного. Тогда в среднем все получится равномерно.

Теперь я прекрасно нахожу общий язык с автослесарями и строителями, которые бывают моими респондентами.

Выше Вы написали, что к моменту поступления в университет лучше представляли, что бы Вам хотелось изучать, чем 17-летние, пришедшие сразу после школы. Почему, в силу каких причин Вы остановили свой выбор на социологическом факультете?

Я с 12 лет работала на опросах и имела некоторое общее представление об этом. Кроме того всегда интересовалась историей, политикой. Но поступать на истфак или отделение политологии на философском факультете было как-то уж слишком узко. Кроме того меня интересовали вопросы, связанные с этничностью. Пока училась экстерном в последних классах, ассистировала в фонде «Стратегия», ходила на различные конференции. И как-то по совокупности обстоятельств решила поступать на соцфак. А потом мама принесла мне распечатки учебных планов на разных специализациях соцфака и я выбрала социальную антропологию. Мне казалось, что это интереснее, чем учиться на общей социологии. По большому счету, я была права. Нам лучше давали качественную методологию и методы. Это очень помогло мне в дальнейшем сориентироваться в собственных методологических предпочтениях. И этим я и занимаюсь, пусть и в другой прикладной области.

А уже во время учебы на факультете я стала более предметно общаться с неуниверситетскими социологами. И мне очень помогла учебная практика в «Центре независимых социологических исследований» (ЦНСИ) и доброе отношение ко мне его руководителя Виктора Воронкова.

Также я участвовала в разных семинарах, организуемых одним из лидеров изучения молодежи и молодежных сообществ Владимиром Костюшевым.

Итак, действительно уже немало зная и умея, Вы осознанно поступали на социологический факультет. Теперь, немного прокомментируйте сказанное выше: «Обстановка на факультете была мерзкой». В каком году Вы поступили? Что вызывало столь резкое неприятие?

Дело было весной 2001 года, когда я раздумывала, на какую специальность на факультете поступать, мамина коллега дала ей контакты одного из факультетских функционеров, чтобы я с ним посоветовалась. Из разговора было очевидно, что речь идет не о консультации, а что человек не прочь оказать содействие в поступлении на возмездной основе.

Я проигнорировала этот намек, но в дальнейшем мои отношения с этим функционером не сложились.

А обстановка была такова, что преподавали очень непрофессиональные или наоборот, одиозные люди.

На кафедре тоже была весьма неоднозначная обстановка. Все преподаватели должны были проявлять лояльность одному человеку. Кто-то боялся за свою нагрузку, кто-то за защиту степени и т. п.

Ну а я естественно, выбрала нелояльного научного руководителя, у которого не было желания и причин пресмыкаться.

А с точки зрения учебного процесса беда была в том, что доступ к преподаванию получали за лояльность, а не за квалификацию и реальный исследовательский опыт.

Мне повезло, что тогда на факультете еще было несколько специалистов, способных научить чему-либо студентов. В последствие, когда я уже закончила учебу, эти преподаватели покинули факультет. И теперь я вообще не представляю, кого там выпускают и чему учат.

У большинства преподавателей почти нет реального опыта исследовательской работы. Узкий кругозор, нет установки на сотрудничество с неуниверситетским научным сообществом. Я уж молчу про украденные диссертации, которые сейчас стали общим местом, благодаря Диссертнету.

Наверное, если бы я поступала сейчас, то выбрала бы факультет социологии Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге.

Агния, я эмигрировал в Америку в начале 1994 года, потому не знаком лично и плохо знаю новые поколения петербургских социологов. Пожалуйста, расскажите подробнее о тех Ваших преподавателях, которые оказали на Вас заметное влияние, помогли определиться в поле профессии. Вы назвали: доцента Василькову, специалиста по методам Сергея Дамберга и Вашего научного руководителя Виктора Бочарова.

Начну с Валерии Валентиновны Васильковой. В настоящее время она профессор, доктор философских наук, профессор кафедры социологии культуры и коммуникации. По моему мнению, она, несомненно, увлеченный социологической теорией человек. Мы слушали курс Валерии Валентиновны по методологии в социологии. Это был самый ценный теоретический курс за все обучение, который позволил нам разобраться в парадигмах, понять их различия и последовательность появления. Да и вообще знать отличие методологии от методики (о чем многие сейчас и не знают). Валерия Валентиновна очень живо и увлекательно давала, казалось бы, скучный теоретический материал.

Второй теоретический курс по истории социальных учений был у Дмитрия Иванова. Он давал материал очень сухо, но как-то доходчиво и почему-то было интересно. И заставил меня прочитать Государя (спасибо ему за это).

Ну, а собственно, инструменты в руки дал Сергей Дамберг. Вообще, он невероятно крут и как исследователь, и как преподаватель. У Сергея Вадимовича не было степени, поэтому он и вел семинары по лекциям другого преподавателя. Так вот от его семинаров толку было в сто раз больше, чем от 90% остальных курсов. Студенты на факультете «ходили на Дамберга», как ходят на спектакль с конкретным знаменитым актером. Сергей Вадимович знал то, чему учил из собственной практики, а не из чужих книжек или лекций. Один из немногих на факультете «некабинетных ученых». Он говорил «в поле вам нужно вчера».

И еще рассказывал о принципах полевой работы. Объяснял, почему нельзя обижать интервьюеров, как не бояться отказов респондентов (даже в самой грубой форме). Рассказывал о важности формулировок вопросов в анкете, о гибкости работы с гайдом и т. п. К сожалению, Дамберг покинул факультет и всем, кто учился после меня, очень не повезло.

Виктор Владимирович Бочаров представляет одновременно и старую школу этнографии, и более современные, более аналитические течения современной социальной антропологии/этнологии. У Бочарова есть бесценный опыт полевой работы в Африке. Я выбрала его научным руководителем первоначально, потому что хотела заниматься чем-то на стыке социологии и политологии. А Бочаров занимался политической антропологией, в основном, на примере традиционных обществ. Его работы по политической антропологии и антропологии возраста уникальны в российской научной литературе.

К счастью, в последствие оказалось, что Виктор Владимирович еще и близкий мне по духу человек, с редкими на факультете либеральными ценностями. Кроме того, он был еще и очень заботливым научным руководителем, опекающим своих студентов и всегда готовым отстаивать их интересы.

Как потом выяснилось, у мамы и Бочарова были общие знакомые и они даже участвовали в одном исследовательском проекте в Абхазии, но в разные годы.

Виктор Владимирович также покинул факультет, его порядочность и несгибаемость были там очень не кстати.

По какой теме Вы писали диплом?

Я писала диплом по социокультурному анализу грузино-абхазского конфликта. Рассматривала использование исторического ресурса обеими сторонами. Тема была не из нейтральных, восприятие ее на кафедре тоже. У меня, как у любого исследователя, был личный интерес в предмете. Как обычно, женщины занимаются гендером, лесбиянки дискриминацией сексуальных меньшинств, а нацмены (представители национальных/этнических меньшинств) собой. Простите за некорректность.

Суть диплома была в том, что обе стороны конфликта апеллируют к историческим аргументам в то время, как более эффективно работать с экономическими и правовыми аспектами.

И вот университет закончен. Что дальше?

А дальше я нашла работу в IT отделе одной очень странной компании. В мои задачи входило создание контента на сайте, продажа рекламы и примитивный анализ рынка.

Несмотря на полное несоответствие полученному образованию и интересам, я считаю год работы в этом месте очень удачным и ценным. Я получила много знаний в области IT технологий, а также работала под руководством замечательного человека, с которым дружу по сей день. Вообще, мне до сих пор везло с начальниками.

Через год я поняла, что занимаюсь не тем и перспектив на том месте для меня нет. Решила искать что-то более близкое к исследованиям, но в маркетинге.

На глаза попало объявление о вакансии менеджера по качественным исследованиям в компании, о которой я не знала совсем ничего. Договорилась о собеседовании. В это время навела справки, услышала позитивные отзывы.

Да, забыла сказать, что еще в первый год после университета мы с подругой и однокурсницей проводили пару микро исследований для знакомых.

С отчетом по такому микро исследованию я и пришла на интервью. Как сейчас помню, директор попросил «очень рано не приходите». А для меня, патологической совы, это было очень приятно.

Меня взяли ассистентом в отдел качественных исследований, с условием, что через полгода я должна быть в состоянии самостоятельно вести проекты.

Это был 2007 год, объемы исследований резко увеличились, и меня сразу допустили к модерации. Через 3 недели после начала работы я вела фокус группы в Петербурге и Архангельске, а осенью меня отправили делать интервью в Киеве. Так все и закрутилось. Мне очень понравился демократичный стиль корпоративной культуры и свободный график. Директора интересовало, чтобы работа успешно делалась, а в какое время и в каком месте было не важно. И это после компании, где компьютерная база фиксировала время начала работы и ее завершения, где сотрудники тупо отсиживали часы.

И было интересно учиться новым вещам в процессе, осваивать приемы, изучать новые темы, потому что каждый новый проект – новый рынок, новый клиент, новый продукт, новая аудитория.

А потом пошли проекты для иностранных клиентов: иногда прямых, иногда через иностранные агентства. И это тоже было увлекательно. Мне нравилось общаться с иностранцами. Не хватало только уровня знания языка, приходилось набирать разговорный опыт, выкручиваться по ходу дела.

У меня с английским вообще длинная и сложная история. В начале 5 класса, когда стало очевидно, что язык все не начинается, мама в очередной раз пошла в английскую школу (лучшую в районе), чтобы узнать, нет ли там места. И в этот раз меня взяли. Но мне пришлось наверстывать с репетиторами за год программу 2–5 классов. Потом в подростковом возрасте я забросила учебу и язык. Затем усиленно занималась английским опять с репетитором перед вступительным экзаменом. На факультете английский преподавался очень слабо, и я забыла многое из того, что учила до университета. Сейчас на работе я постоянно что-то добираю.

И вот я так и работаю в исследовательской компании, одной и той же, уже 8 лет. В России, в сфере маркетинга, такая лояльность работодателю не очень распространена. Но мне грех жаловаться. Меня многому научили, дали много возможностей, обеспечили максимально комфортные условия. Бывали у меня профессиональные неудачи, были сбои по моей вине, но в целом, я чувствую себя на своем месте и с близкими по духу людьми, занимаюсь своим делом.

Есть еще один немаловажный нюанс...принципиальная позиция нашей компании – не делать электоральных проектов и не корректировать результаты исследований в интересах заказчика. Возможно, для американских коллег такое уточнение выглядит странно, но в российских условиях это важно.

Вы уже несколько раз говорили о качественных методах, но пока называли лишь фокус-группы. Какие еще методы Вы имеете в виду и какими активно пользуетесь?

Фокус группы для нас остаются наиболее часто используемым, но далеко не единственным методом исследования.

Второй по частоте использования метод — интервью. Мы называем их глубинными, но строго говоря, глубинными они не являются, это нечто более поверхностное, чем нарративы, используемые в социологии.

Лет 5 назад в моду в маркетинговых исследованиях в России вошла, так называемая, «этнография» (на Западе это случилось намного раньше).

Почему «так называемая»? Потому что используются, вроде бы, этнографические методы погружения в интересующие практики, но в сильно урезанном в глубину и по времени виде, т. е. более поверхностно, чем в научных исследованиях.

К таким «этнографическим методам» я бы отнесла и домашние визиты, и дневники, и совместные покупки, и различные технологичные методы, например, когда респондент сам снимает ролики про себя по заданию исследователя.

Также, лет 5 назад, стали широко использоваться форумы, блоги, различные сообщества на общедоступных ресурсах в сети или на специальных платформах для исследований.

Пожалуйста, приведите пример, опишите схематически одно из Ваших исследований, какая задача решалась? Как решали? Что получилось?

Был проект для постоянного клиента — производителя продуктов питания из категории, в которой нет прямых аналогов и конкурентов.

Задача — понять, правильно ли располагаются продукты клиента в магазинах или их нужно переместить в другой отдел. Нужно было определить, где скорее такой продукт будут искать и покупать.

Мы решили отбирать респондентов из двух сегментов: реальные потребители продуктов клиента и потенциальные.

С реальными все понятно, но вот как отобрать потенциальных, по каким признакам?

Обычно в роли потенциальных потребителей бывают люди, покупающие продукты брендов конкурентов. А тут конкурентов нет.

По результатам предыдущих исследований для этого клиента мы знали некоторые особенности целевой аудитории.

В итоге я предложила отбирать респондентов по следующим характеристикам:

- Работающие, стремятся покупать продукты, подготовленные к приготовлению (продукт клиента экономит время на приготовление)
- Продвинутые, ориентированы на новые и редкие виды продуктов, экзотические блюда, этнические кухни, любят экспериментировать (продукты клиента носят этническую окраску)
- Сторонники здоровой пищи, ценящие натуральность (продукт клиента отличается натуральностью, что редко в категории продуктов быстрого приготовления)
- Со средним и высоким доходом (продукты клиента представляют собой антипод дешевых ненатуральных продуктов быстрого приготовления)

Как это все измерить?

Самым надежным оказалось в отборочной анкете задать вопросы о репертуаре потребляемых блюд и продуктов. Отсортировали людей по предпочтениям и отрицаемым продуктам. На выходе получили тех, кто любит экзотику, покупает натуральные продукты, подготовленные к приготовлению, избегает ненатуральных продуктов.

Ну а дальше был использован метод совместных покупок, когда модератор идет вместе с потребителем в магазин, наблюдает за поведением, задает вопросы и ставит задачу.

В данном случае, мы поставили задачу респонденту в незнакомом магазине (это важно, чтобы поиск не шел по накатанной) найти и выбрать продукты для приготовления блюда в ситуации цейтнота. Таким образом были выявлены продукты-субституты (заменители) и ближайшие категории для продукта клиента.

После этого ставилась вторая задача: модератор давал словесное описание продукта клиента (потенциальным респондентам) и просил найти его в магазине. Таким образом выявлялось потребительское представление о месте выкладки продукта клиента в магазине.

На выходе были сформулированы рекомендации о правильных и неправильных местах расположения продукта клиента в магазинах. Были определены желательные и нежелательные «соседи» для продукта.

И что? Как на это отреагировали потребители? Для них же делали?

Проект относительно свежий, вопросы по выкладке с сетевыми ритейлерами быстро не решаются. Это достаточно забюрократизированные структуры. Надеюсь в скором будущем увидеть результаты. К слову сказать, бывает приятно видеть через какое-то время после исследования в магазинах новые продукты, которые мы тестировали и разрабатывали или концепции позиционирования, нашедшие реализацию в рекламной коммуникации. Особенно, если эти продукты потом еще и становятся популярными. Но, как правило, это не очень быстрый путь.

По каким ценностным или / и поведенческим характеристикам вы типологизируете потребителей? Изучаете ли вы динамику ценностных или / и поведенческих характеристик потребителей? Что по этому поводу можно сказать?

Ценностями мы занимаемся мало. Тем более их динамикой. Для того, чтобы изучать ценности в динамике нужен более глубокий и продолжительный проект.

В количественных исследованиях бывают панели или волны, когда одно и то же измеряется много раз на протяжении нескольких лет. Но в маркетинговых исследованиях, в основном, измеряются практики, а не ценности.

Вообще, мы иногда задаем некоторые характеристики целевой аудитории, но самые общие и банальные, например, семейные ценности или приоритет карьеры.

Также бывает, что уже при анализе материала мы выявляем некоторые ценностные ориентации аудитории, сегментируем ее.

Честно говоря, я с большим недоверием отношусь к маркетинговым исследованиям, в которых описываются целостные профили потребителей по ценностно-психографическим характеристикам (такое встречается). Я как-то смо-

трела описание «психотипов» потребителей, которое было сделано нашими конкурентами. Там было все очень красиво и обстоятельно расписано. Мне стало интересно, как это было получено? Я прочитала транскрипты фокус групп (а это совсем не метод для получения подобных выводов) и увидела, что там было задано всего 2–3 вопроса, с натяжкой могущих быть использованными для описания профиля потребителей. А остальное исследователь просто высосал из пальца.

В наших исследованиях играют роль менее глобальные вещи, которые в социологии не могут быть отнесены к ценностям. Однако, в маркетинге, более прикладные вещи лучше работают.

Я могу сегментировать респондентов по ориентации на традиционность или новаторство, склонность к экспериментам или консерватизм.

В совсем прикладном смысле характеристиками могут служить приверженность здоровому образу жизни или досуговая активность. Но это скорее практики, чем ценности.

Если существует клиент, для которого аудитория изучается регулярно, на протяжении нескольких лет, то можно сказать, что мы смотрим динамику изменения практик. Но это скорее исключение, чем типичная ситуация.

Но Вы работаете уже 8 лет... есть ли у Вас, пусть не количественные, но общие представления о динамике потребителя, иначе рынок невозможно изучать... можно ли дать самое общее описание? То, что Вы излагаете на конференциях?

Есть некоторые общие тренды...

Например, модели потребления приближаются по многим характеристикам к европейским. Потребители больше задумываются о рациональности, серьезнее подходят к выбору.

Увеличивается доля покупок в сети, соответственно, уменьшается в оффлайне. Для некоторых рынков это особенно значимо, например в IT-секторе, в электронике, в туризме.

Большую роль в значимых покупках играет вообще информация в сети. Сейчас многие без прочтения отзывов о том или ином товаре ничего не покупают

На автомобильном рынке до последнего времени шло повышение доли покупки по европейской модели (рациональной) за счет снижения доли модели третьих стран (престижное потребление, гонятся за видимостью, а не содержанием).

Также есть тренд по здоровому образу жизни (питание, досуг, спорт). И здесь дело не в том, насколько потребители что-то в этом понимают, а в том, как позиционировать для них продукт. Для других стран это давно стало общим местом, для России актуально только последние лет 5. Эта ниша пока еще не заполнена и здесь есть место для новых идей и продуктов.

А вот платформа экологии, на которой работают многие производители в Европе и США, в России не востребована. Экологичность — это последнее, что может быть фактором выбора продукта, упаковки.

До последнего времени россияне позитивно относились к европейскому/американскому/японскому происхождению продуктов. За этот год отношение изменилось, потребители стремятся выбирать российское. Здесь, я бы отступила

от маркетингового дискурса... У людей в головах жуткая агрессивная иррациональная каша. К сожалению, я вижу это на примере реальных потребителей (в т. ч. в регионах), а не заказных опросов.

В основном мне приходилось брать интервью у создателей фирм по изучению общественного мнения и рынка, назову: Башкирова Елена (Башкирова и партнеры), Демидов Александр (GfK-Россия), Задорин Игорь (ЦИРКОН), Шереги Франц (Центр социального прогнозирования и маркетинга) и т. д. Я всегда спрашивал их об истории их бизнеса. Вы знаете, кто создатель фирмы, в которой Вы работаете, когда она была создана, с чего начинается ее история...?

Компания «О+К» была создана Олегом Дембо и Кириллом Бурдеем в 1999 году.

Олег и Кирилл были выпускниками факультета социологии СПбГУ, работали в «Гэллапе» у Р.С. Могилевского, а затем решили начать свой бизнес.

Название компании по первым буквам имен основателей.

На момент моего прихода (лето 2007 года) Кирилл покинул компанию, а Олег остался единственным собственником.

За пару лет до этого был открыт московский филиал компании, которым руководил наемный директор.

Олег до сих пор является единственным собственником компании и моим непосредственным руководителем, что меня очень устраивает. Кроме профессионализма в какой-то высочайшей степени, Олег еще и очень понимающий и интересующийся человек, руководствующийся здравым смыслом (что не часто в наших широтах).

Да, интересно, я и думал, что ваша фирма – продолжение, развитие какой-то ранее существовавшей структуры, скорее всего – Р. С. Могилевского (ясно, что не В. М. Воронкова, не Н. В. Ядова). Но вы нашли свою методологию, свой путь... Изучаете ли вы влияние рекламы на потребителей, если да, то как это делается? Тестируете ли вы рекламу?

Я бы не назвала нашу компанию развитием или продолжением компании Романа Семеновича, у него есть АСИ, а компания Олега – это отдельный проект, с другой культурой и принципами.

Тестирование рекламы в готовом виде или концепций для будущей рекламной коммуникации – одно из типовых направлений наших исследований.

Чаще всего для тестирования рекламы и концепций позиционирования используется метод фокус групп. В количественных исследованиях мы сейчас много используем онлайн опросы, где респондент имеет возможность посмотреть нужные материалы и оценить их.

Это понятно... но задача рекламы – «продавать», все другие критерии – второстепенны. Как вы узнаете, какая «копия» продает лучше?

Изучаем восприятие потребителей, в том числе, намерение купить.

Стандартно список пунктов, по которым оценивается реклама выглядит примерно так (это не значит, что мы прямо так и спрашиваем):

- Спонтанные впечатления
- Что запомнилось

- Понимание идеи (что Вам хотели сказать? В чем смысл?)
- Привлекательные моменты
- Раздражающие/негативные моменты
- Уникальность идеи/реализации
- RTB
- Намерение к покупке
- Сравнение вариантов (если есть)
- Направления доработки лучшего варианта

В недавних интервью с руководителями GfK Александром Демидовым и Мариной Безугловой они рассказывали о своей системе Big Date; свои версии Big Date есть во ВЦИОМ, РОМИР. Вам знакома эта методология? Она используется вами?

Мне известна эта методология в широком смысле. В качественных исследованиях мы точно с этим не работаем.

Грубо говоря, биг дата анализ большого объема информации и, в целом, анализом данных мы занимаемся. С другой стороны, специальные методики, предназначенные для обработки именно объемной информации мы не используем.

Я понимаю, что Вы работаете на «фабрике», и все же каждое из Ваших исследований содержит нечто новое о потребительском поведении разных групп населения. Не думаете ли Вы обобщить полученные выводы содержательного и инструментального плана в кандидатской диссертации?

Я как-то уже поступала в аспирантуру, но мне там было неинтересно.

Вероятнее, когда-нибудь написать монографию по своему опыту исследований. Интересно было бы подготовить какой-то спецкурс по методам. Для диссертации у меня совсем нет мотивации.

Вообще, меня всегда интересовала проблема дистанции между декларацией потребителей и их реальными практиками, а также методы дифференцирования декларации от практик. Вот об этом я бы хотела когда-нибудь написать и рассказать.

Интервью с Полиной Анатольевной АМБАРОВОЙ

«СМОТРИ НА МИР И ВРЕМЯ РЕАЛИСТИЧНО, ДУМАЙ ОПТИМИСТИЧНО»

Амбарова П. А. — окончила факультет искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета (1998 г.); кандидат социологических наук (2002 г.); доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина). Основные области исследования: социология времени, социология культуры, социология управления.

Интервью состоялось: январь — февраль 2015 г.

Середина февраля 2015 года. Позади сотня проведенных интервью, это еще не завершение бесед с коллегами-социологами, но все же момент, отстоящий намного дальше от начала работы, чем от ее завершения. И если раньше мои традиционные вводки в интервью (я называю их «зонами свободы», ибо сам распоряжаюсь их объемом и содержанием) были короткими и несколькими словами лишь представляли моих собеседников, то в последние полгода они стали пространными. В них я стремлюсь подытоживать сделанное в течение десятилетнего периода интервьюирования и в общих чертах обозначать направления анализа собранной биографической информации.

Интервью с екатеринбургским социологом Полиной Анатольевной Амбаровой привлекает к себе внутренней энергетикой моей собеседницы, ее трезвым, здравым подходом к жизни, свойственным людям, впитавшим с детства ценности простого труда (где сразу виден его результат), леса и реки, доброй хорошей музыки. Кроме того, сказанное ею дает мне возможность вернуться к одной из тем, которые интересуют меня, поскольку представляются важными для оценки сделанного.

Я имею в виду многоаспектную и пока трудно формализуемую тему взаимоотношения поколений современного российского социологического сообщества. Еще на рубеже 1980-90-х годов в России активно действовали представители лишь первых четырех профессионально-возрастных когорт (Таблица 1); пятая, старшим из которых было около 30 лет, а младшим — менее 20, только входила в науку. К тому же социологическое образование пребывало в зачаточном состоянии и подготовка кадров в основном велась через аспирантуру в небольшом числе научных организаций, таким образом, связь между поколениями ученых преимущественно была лично-опосредованной.

В настоящее время, как видно из Таблицы 1, в российской социологии работают представители семи поколений, и наше сообщество – высоко гетерогенно во многих отношениях. Задержимся на его возрастной стратификации.

Самые старшие родились через 10–12 лет после Октябрьской революции. Дедушки и бабушки некоторых из них были дворянами по происхождению или получили эти звания за заслуги перед страной. Родители ряда моих собеседников участвовали в Первой мировой и Гражданской войнах и с энтузиазмом строили новую жизнь. Некоторые социологи первого поколения воевали на фронтах Великой Отечественной войны, те, кто еще не достиг призывного возраста, ежедневно следили за ходом войны, теряли родных, с нетерпением ожидали Победу. Даже значительная часть представителей четвертого поколения помнит полет Юрия Гагарина.

Самые младшие в седьмом поколении родились после уже после развала СССР, и для них все, относящееся к 70-ти летнему его существованию, – история. Наши самые молодые коллеги родились почти через полвека после 9 мая 1945 года, и космические полеты для них – обыденность, значительной части населения страны не интересная. Старшие – застали время появления «голубого экрана» в дома, когда «на телевизор» ходили в гости, младшие – по окончании школы пользовались Интернетом.

Первые поколения «пробивали» право заниматься социологией, все были социологами-самоучками, жили и работали за «Железным занавесом», материалы первых опросов обрабатывали вручную или на перфорационно-сортировочной технике. Представители седьмого поколения изучают социологию в российских университетах, в Англии, Германии, США, Франции, многие имеют или будут иметь научные степени от ведущих Западных факультетов социологии и не могут представить свою жизнь, работу без персонального компьютера и изощенного специализированного софтвера.

Таблица 1

**Главные функции первых семи поколений
советской / российской социологии**

Поколение	Годы рождения представителей поколения	Кол-во опрошенных	Доминантная функция
I	1923 – 1934	8	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	Конец 1920-х – начало 1930-х	13	Расширение предметного поля исследований
III	1935 – 1946	23	Развитие эмпирических методов
IV	1947 – 1958	23	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959 – 1970	13	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971 – 1982	15	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983 – 1994	5	Вхождение в глобальное социологическое сообщество
Итого		100	

Понятно, что в новых обстоятельствах – в силу обозначенных и большого числа не названных причин – личностно-опосредованной механизм формирования новых поколений социологов перестал быть сначала – единственным, потом – доминант-

ным. Межпоколенная система коммуникации внутри нашей огромной, дисперсной и высоко гетерогенной социологической общины постоянно усложняется. И если еще 20–25 лет назад она (межпоколенная коммуникационная система) могла наблюдаться с нескольких удачно найденных «точек» и моделироваться с помощью относительно простых графов, то сейчас для этого нужна сеть смотровых площадок, новые приборы для рассмотрения близко и далеко расположенных объектов. Кроме того, необходима новая, более сложная концепция видения и анализа связей между профессионально-возрастными стратами.

Мое историко-социологическое исследование началось в конце 2004 года, а первые интервью были завершены и опубликованы на следующий год. Стремление каким-то образом упорядочить накапливавшиеся интервью и соображения общего характера заставили меня задуматься о построении конструктивной типологии поколений социологов, скорее всего это было в первой половине 2007 года. Во всяком случае, в ноябрьско-декабрьском выпуске журнала «Телескоп» была опубликована моя статья «Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с “человеческим лицом”» [1]. В ней впервые я попытался изложить свое видение «лестницы поколений» и рассмотреть движение конкретного ученого в социологию в опоре на ее личные, биографические данные и на поколенческие характеристики; так получилось, что это оказалась Галина Старовойтова, Тогда писал: «Принадлежность к поколению — не титул и не звание. Система поколений — это лишь особый историко-научно-ведческий концепт, инструмент, позволяющий полнее описать становление отечественной социологии, ее коммуникационные сети, ролевые позиции ученых, соотнести “институциональное” и “человеческое”. Этот подход — деталей я, естественно, не помню — показался мне интересным и через несколько месяцев в том же журнале была опубликована статья со сходным названием: «Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с “человеческим лицом”» [2].

Их объединяло то, что Голофаст и Старовойтова принадлежат к третьему поколению, формировались в рамках «ленинградской социологической школы», и оба — независимо друг от друга — прошли сквозь так называемую «Сайгонскую культуру». «Сайгон» — общепринятое название кафе, располагавшегося в центре Ленинграда, в котором собирались молодые андеграундные поэты и музыканты, а также люди из диссидентских кружков, группировок. Голофаст недолго принадлежал к первой общности, Старовойтова — ко второй.

Моя убежденность в работоспособности концепта «социологического поколения» постепенно укреплялась, иначе в электронной переписке с В.А. Ядовым, она составила содержание статьи «Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека» [3], состоявшейся в 2008 году, мы не обсуждали бы эту тему. Тогда в моей коллекции было лишь одно интервью с социологом пятого поколения, а изучение биографий более молодых социологов никакими планами не предусматривалось. Рассказывая Ядову о сложившейся ситуации, я замечал: «Заявило о себе пятое поколение (1959–1970), чьи годы рождения группируются вокруг временной отметки 1964–1965; многие из них уже отпраздновали свое сорокалетие. Думаю, что это люди принципиально иных воззрений на мир, на прошлое СССР/России, на историю советской/российской социологии, чем все предыдущие поколения. Их двадцатилетие пришлось на начало перестройки. Совсем сложно говорить о шестом и только зарождающемся седьмом поколениях. Годы рождения первого приходятся на интервал с 1971 по 1982 годы (то есть многим уже за тридцать), вторые — в буквальном смысле “дети перестройки”; старшие из этой возрастной когорты уже профессионально определились, а самые младшие (родившиеся в начале 1990-х) — на пороге выбора профессии.

Ясно одно: жизненный опыт и ощущение мира, с которыми они входят в жизнь, принципиально иные, чем то понимание жизни и своего места в ней, с которым начинало социологию твое поколение».

За прошедшие с момента конструирования лестницы поколений годы мне удалось не только с той или иной степенью обстоятельности рассмотреть семь ступеней этой конструкции, но увидеть новые возможности в когортном анализе нашего профессионального сообщества. Процесс становления и смены поколений может рассматриваться как эффективный подход к исследованию истории современной российской социологии.

В Таблице 1 указаны поколенческие интервалы, т.е. временные интервалы, в которых заключены годы рождения представителей семи страт нашего профессионального сообщества. В следующем столбце – количество респондентов каждого поколения, беседы с которыми были завершены к концу января – началу февраля 2015 года; их общее число тогда равнялось 100. Замечу, процесс интервьюирования продолжается, и общее число бесед к лету может достичь – 120.

В третьем столбце Таблицы 1 названы функции каждого из поколений; такими они мне виделись в 2010 году, когда в поле моего анализа находились лишь жизненные траектории представителей четырех поколений и количество опрошенных не достигало и полусотни. Безусловно, в процессе дальнейшей работы многое будет уточнено, могут быть откорректированы названия поколений, но в любом случае, мне кажется, что функциональный подход к пониманию сущности поколений может оказаться плодотворным для раскрытия механизмов становления и функционирования поколений российских социологов, а значит – истории отечественной социологии. Более того, тема личностного и поколенческого в динамике поколений вполне может стать одной из ключевых

В своем рассказе о вхождении в социологию, о работе над уже подготовленной докторской диссертацией по темпоральной проблематике Полина Амбарова – представитель шестого поколения социологов щедро называет имена своих учителей и наставников, а также авторов книг, по которым она осваивала различные разделы социологии. Если видеть в этом списке нечто общее, типичное, то подобная, но более богатая совокупность имен позволяет говорить – в первом приближении – о контактном (личностном) и внеконтактном (не личностом) влиянии социологов первых поколений на становление различных социологических поколений.

Понятие «личностного влияния» распространяется на случаи, когда молодые социологи посещает лекции и семинары своих преподавателей, обучаются у более опытных специалистов в аспирантуре, консультируется с ними при выборе темы докторской диссертации и ее разработке, а также на все формы взаимодействия младших коллег со старшими. Внеконтактное общение – это, прежде всего, чтение книг и статей различных ученых, изучение материалов об их творчестве.

Безусловно, можно и нужно анализировать контактное и внеконтактное общение на разных уровнях: личное-личное, личное-поколенческое и поколенческое-поколенческое.

Когда П. Амбарова называет имена авторов, работы которых она читала и конспектировала: В. Артемов, С. Белановский, Л. Гордон, А. Готлиб, Б. Грушин, И. Девятко, Б. Дубин, Э. Клопов, А. Крыштановский, Ю. Левада, В. Патрушев, Г. Петросян, Г. Пруденский, В. Семенова, Г. Татарова, Ю.. Толстова, Н. Хренов В.. Ядов, В. Ярская-Смирнова, то фактически она очерчивает круг своего внеконтактного общения на уровне «личное-личное». Отмечая влияние на нее Юрия Рудольфовича Вишневого, Елены Викторовны Грунт, Гарольда Ефимовича Зборовского, Льва Наумовича Когана

и других, она задает значимые, ядерные точки в области ее контактного «личное-личное» общения. Замечу, как правило, когда речь идет о старших коллегах, то контактное общение дополняется внеконтактным.

Но эту же информацию можно трактовать как указание (применительно к П.Амбаровою) на «личную – межпоколенную» коммуникацию. Например, к первому поколению относятся: Б. Грушин, Л. Коган, Ю. Левада, Г. . Г. Пруденский, В. Ядов; есть и группа социологов третьего поколения: Ю. Вишневский, А. Готлиб, Г. Зборовский, Г. Татарова, Ю. Толстова, Н. Хренов, В. Ярская-Смирнова.

Предполагаю, что интересные историко-социологические задачи и трудно предсказуемые результаты могут быть получены, если поколения рассматривать не просто как совокупность социологов, года рождения которых расположены в одном поколенческом интервале, но трактовать поколение как носитель доминантной (критериальной) функции и, конечно, же функций, характерных для других поколений.

Завершая этот текст, отмечу одно важное для меня обстоятельство. Я радостно удивлен тому, что немалое число социологов из «списка Амбаровою», как в заметной степени определивших направление и содержание ее научной деятельности, в разные годы были моими собеседниками. Вот они: В. Артемов, А. Готлиб, Ю. Вишневский, Г. Зборовский, В. Семенова, Г. Татарова, Ю.Толстова, В. Ядов, В. Ярская-Смирнова. Таким образом, можно предположить, что проведенные биографические интервью дают возможность для изучения становления поколений российских социологов.

И это крайне важно для понимания нашей истории.

1. Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1230371054493134file.pdf

2. Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 25–33. http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530346289952file.pdf

3. Докторов Б. , Ядов В. Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Социальная реальность. 2008. № 4. С. 47 – 81. <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-346.pdf>

Амбарова П. А. «Смотри на мир и время реалистично, думай оптимистично»

Полина Амбарова – это Ваша фамилия по рождению или после замужества? В любом случае, Вы знаете ее происхождение? Насколько глубоко Вам знакома история Вашей родительской семьи?

Амбарова – это моя девичья фамилия, полученная по традиции от отца – Анатолия Иосифовича Амбарова. Мне пришлось поменять ее лишь однажды, ненадолго, потом «вернуться» к ней снова и уже никогда не менять. Из ближайших родственников я, пожалуй, единственная, кто сохранил ее. Правда, однажды я выступила и под фамилией своей мамы – Александры Сергеевны (в девичестве Двойниковой). Мне нужно было поставить подписи под двумя заметками в газете, в которой я работала корреспондентом. Одной фамилии не хватило и пришлось позаимствовать у мамы. Мне трудно было сдержать смех, когда мама прочитала заметку, увидела знакомую фамилию и обратилась ко мне со словами: «Представляешь, на Урале тоже есть Двойниковы! Вот, смотри». Мне пришлось признаться в своей проделке с фамилиями и немного ее расстроить – у мамы сильно развито чувство землячества и ностальгия по ее малой родине – рязанской земле.

Происхождения своей фамилии я не знаю, но встречала ее упоминание в интернете у людей из разных регионов России. Наверно, это не самая редкая фамилия.

История моей семьи – и по отцовской, и по материнской линии – в подробностях мне известна только до поколения бабушек-дедушек. К сожалению, мне почти не довелось общаться с ними – бабушки умерли, когда я была еще маленькой, дедушек я вообще не застала – оба они прошли войну, были сильно изранены.

Семья Амбаровых, по разговорам, была исконно уральской, проживала в селах и деревнях Ирбитского района. Город Ирбит, в котором я появилась на свет, – один из старинных не только уральских, но и российских городов, был основан в 1631 г. Иваном Спициным, сначала под названием Ирбеевской слободы. Именно там гремели знаменитые Ирбитские ярмарки, описанные в романе Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы».

Я люблю бывать в этом городе, несмотря на плачевное состояние памятников архитектуры – изумительной красоты одно- и двухэтажных каменных домов, изукрашенных каменным узорочьем – и несмотря на угасшие заводы, из которых самым знаменитым на всю страну был Ирбитский мотоциклетный завод. На этом заводе много лет работали мои родители и почти все соседи по дому. Мы жили совсем близко, на ул. Советской, и иногда ходили с сестрой встречать маму со смены. Видели, как заканчивается рабочий день у заводчан, как идут они через проходную, прощаются друг с другом... Крыши многих домов, ограждения в Ирбите были выкрашены «знаменитой» зеленой мотоциклетной краской.

Именно в этом городе прошло мое советское детство: с бабушками у подъезда, с играми в «казаки-разбойники» в большой дворовой компании. Переезд нашей семьи в 1980 г. на другое место жительства совпал со смертью бабушки.

С тех пор обязательно раз в год кто-то из нашей семьи приезжает в Ирбит на могилу к ней. Это традиция: прибраться на могиле, пройти мимо знакомых до буквы старинных камней, вросших в землю, а потом зайти в старую церковь, в которой до сих пор сохранился ярко-синий со звездами потолок (как помню из детства).

Дед по отцовской линии был деревенским кузнецом. Человек он был суровый, и мой отец его боялся, особенно тогда, когда тот был побрит (почему-то таким он казался ему еще более суровым). Бабушка была хорошей стряпухой, готовила очень вкусную выпечку. От бабушки отец унаследовал любовь к пирогам и от деда — мастеровитость и «золотые руки». Трудно сказать, чего он не умеет делать: может выстроить дом (на его счету три больших капитально отстроенных дома), отремонтировать любой прибор (кроме, конечно, электронных), сконструировать механизм, инструмент. Его так и называют соседи и знакомые — «наш Кулибин».

Трудное военное и послевоенное детство не позволило отцу получить образование. Но, если бы это случилось, из него получился бы хороший инженер, а может быть и инженер-конструктор. Впрочем, отсутствие формального образования не помешало ему заниматься самообразованием. Отец много читал и до сих пор читает. В гараже хранятся многолетние подшивки журналов «Моделист-конструктор», «Техника — молодежи», отдельные номера которых я потихоньку от него выдергивала и читала. Помимо интересных научно-познавательных заметок в них печатали фантастические рассказы.

Может быть, благодаря этому, а скорее всего из-за того, что отец никогда не возражал против моего присутствия во время его работы, я научилась каким-то нехитрым приемам мужской домашней работы, которые мне до сих пор пригождаются в быту. Мне очень нравилось смотреть, как плавится олово, как пахнет канифоль, как из-под отцовских рук что-то появляется. До сих пор мы с ним нет-нет и садимся один на один, чтобы обсудить какие-то технические «проекты» (дачного дома, водопровода) обязательно с элементами «автоматизации».

Семья мамы, так же, как и у отца, была большой деревенской семьей. Из десяти детей пятеро погибли на войне. Пятерых оставшихся бабушке — Анне Михайловне — пришлось поднимать одной. Ее муж — Сергей Иванович Двойников — был демобилизован в конце войны из-за ранений и умер почти за месяц до окончания войны и рождения своей последней дочери Саши (моей мамы). Семья пережила пожар, в котором сгорело все — и дом, и вещи, и семейные фотографии. Бабушка с такими же погорельцами ходила с корзиной по деревням, собирая продукты и одежду. Работала водовозом на ферме, зимой возвращалась домой в одежде, покрытой коркой льда, выпивала несколько стаканов горячего чая и только тогда приходила в себя.

Никого из детей бабушка не отдала в интернат или родственникам (хотя те просили), всех подняла сама. Все пятеро оставшихся детей «вышли в люди». Трое сыновей уехали строить Магнитку и там осели, завели семьи.

Чем жили и занимались родственники по линии бабушки, не знаю. А вот по линии деда история известна. Семья была «крепкая», поскольку держала постоянный двор. Трое сыновей жили дружно и все были женаты на Аннах. Бабушка вышла за деда в 16 лет. Свадьбу играли скоро: бабушка, Анна Михайловна, была красивой — статной, высокой, с черными выразительными глазами — и пригля-

нулась невысокому и коренастому Сергею Ивановичу. Бабушка сохранила свою красоту даже в старости, несмотря на тяжелую жизнь, рождение десятерых детей, пять похоронок. Моя сестра унаследовала от нее красивые темно-карие глаза.

Дед в колхозе почти не работал, служил лесником и всегда говорил бабушке: «Ничего, Аннушка, проживем хорошо». Действительно, семья никогда не бедствовала. Может быть, эта черта была семейной. Два других брата деда тоже жили зажиточно. Один, правда, бежал в леса, когда раскулачивали. Другой остался в деревне, но жил на особинку — выращивал с женой помидоры и качал мед, затем куда-то продавал или сдавал.

Почему я считаю это семейной чертой? Потому что моя мама унаследовала ту же домовитость и рачительность. Наша семья, хоть и жила, как многие советские семьи, небогато, но никогда не бедствовала благодаря маминому ведению хозяйства: в доме было всегда чисто, всегда была вкусная, сытная еда, пироги, мясо, рыба, заготовки. Надеюсь, что это передалось по наследству и следующим поколениям нашей семьи.

К сожалению, я почти не поддерживаю связей с нашей многочисленной родней (это делает моя сестра через социальные сети). Но в кругу ближайших родственников у нас культивируются тесные семейные связи: мы очень близки с сестрой и воспитываем и принимаем всех наших четверых детей как одинаково родных. Иногда мне приходится выступать посредником между ней и ее «кризисным» ребенком, иногда она защищает или воспитывает моих детей. У меня хранятся небольшие записи семейных историй и родословных, записанных со слов родителей. Но это лишь то небольшое, что удалось сделать за время коротких разговоров. Хорошо, что сейчас есть техника и можно записывать, чтобы сохранять для детей семейную память.

Вы пошли в школу в Ирбите или уже на новом месте жительства? Какие воспоминания о школьных годах: как шло учение? что читали? что вообще интересовало?

С переездом из Ирбита в Рефтинский — поселок городского типа — закончилась детсадовская жизнь. Отец в поисках лучшей жизни за несколько лет до этого уехал на строительство Рефтинской электростанции, а затем перевез и всю нашу семью — маму, меня и мою старшую сестру Веронику. Поселок был «молодым», с чистыми широкими улицами, огромным Дворцом культуры с Зимним садом и осетрами в маленьком бассейне. В нем были построены благоустроенные дома с горячей водой в кране!!! После Ирбита для меня это было самым удивительным делом. До переезда в Рефтинский я думала, что ванна существует в доме для того, чтобы полоскать в ней белье, а моются люди в бане.

Школа, в которую я пошла через несколько месяцев после переезда, располагалась в трех минутах от дома. Одновременно я поступила в музыкальную школу по классу фортепиано. В учебе примером для меня во многом была старшая сестра. У нее всегда все было в порядке — уроки, учебники, тетрадки, все было чистенько и аккуратно, училась она старательно. И несмотря на то, что у меня уже появились школьные подружки, я тянулась к ее компании, особенно когда она закончила восьмилетку и поступила в музыкальное училище в соседнем городе Асбесте. Тогда у нас дома стали появляться ее подруги по училищу. Они привозили комплекты пластинок с записями опер (иногда оперетт), обсуждали

фильмы. А мы с сестрой потом слушали оперы с клавиром. Иногда они брали меня с собой на концерты в Асбест или Екатеринбург. В музыкальной школе мне было легко учиться, потому что многое я уже знала и, например, на уроках музыкальной литературы воспроизводила отрывки просто по памяти. По примеру сестры я даже хотела потом поступить в музыкальное училище, но обязательно по классу фортепиано. К сожалению (или к счастью), меня остановило предупреждение педагогов о том, что это невозможно из-за маленькой руки и соответственно недостаточно хорошей техники. Мне предлагали теорию музыки, что было совсем не интересно.

В общеобразовательной школе (как и в музыкальной) меня знали почти все учителя (конечно, из-за сестры). Училась я хорошо и легко, поэтому поддерживать «репутацию» семьи было нетрудно. Школьные годы не оставили каких-то очень ярких событий в моей памяти, хотя я помню всех учителей и все это время. Событий, может быть, и не назову, но воспроизведу атмосферу последних двух школьных лет, когда сформировались интересы, определившие дальнейшую жизнь.

Мне было примерно шестнадцать лет, когда я резко поменяла свое окружение. В 10 классе я попала в смешанный класс, образованный из учеников других классов. Среди них оказались девочки, любившие хорошую музыку и хорошую литературу. Кроме того, появился человек, который объединил нас и наши интересы. Это был преподаватель литературы Лидия Ивановна Кочнева, Лидиван, как мы ее звали. Это было время, когда стали читать Гранина, Шаламова, изучать поэзию «серебряного века». Я часто бывала в доме у Лидии Ивановны, брала читать книги из ее библиотеки. Именно через нее, через ее дом и ее детей мне открылся путь в университет. Ее старшая дочь — Алена — училась в те годы на филологическом в Уральском университете. Умница, красавица, легкая во всем...

Я рано научилась читать, дома книг было немного (все домашние книги при переезде подарили городской ирбитской библиотеке), и я с первого класса стала ходить в библиотеки, которые только были в поселке, брала книги у подруг. Кроме того, родители не жалели денег и выписывали для нас журналы — «Юный натуралист», «Уральский следопыт», «Музыкальная жизнь», «Студенческий меридиан», «Юность». Читала всегда и везде, где только было можно — Майн Рида, Марка Твена, запоем — Владислава Крапивина, всю классическую детскую литературу. У моей тетушки с папиной стороны дома были исключительно хорошие книги. Она жила (и до сих пор живет в Екатеринбурге), и я, приезжая иногда к ней на каникулы, читала собрания сказок народов мира и литературные сказки. Помню свои впечатления от печальных сказок Андерсена и страшных немецких народных сказок.

С тех пор я продолжаю свято верить, что «книга — лучший подарок». В старших классах начала собирать книги для домашней библиотеки. Вначале это были сборники поэтов «серебряного века» (Гумилев, Цветаева, Ахматова, Мандельштам), книги и альбомы по искусству. Все свои книги потом я всегда возила с собой, по всем городам-весям. Много привозила из поездок из других городов, покупала в букинистическом магазине на Вайнера в Екатеринбурге (но это было уже позже, в годы учебы в университете).

Когда встал вопрос о выборе вуза, то колебаний никаких не было — это был университет. Собственно, сомнений по поводу выбора факультета тоже не было. По крайней мере, для меня было ясно: из трех — филологического, журфака и факультета искусствоведения и культурологии — последний был самым привлекательным. Хотя бы потому, что я не знала, как туда поступить. Дело в том, что первым экзаменом нужно было сдавать историю искусства, но ни в одной из школ ничего подобного не изучали. Весь последний, 11 класс я самостоятельно готовилась. Поступила на заочные подготовительные курсы, писала контрольные. Получив их обратно с рецензиями, расстраивалась в ответ на замечания типа «Старая литература». А какая еще литература была в поселковой библиотеке? Старые книги, журналы, буклеты. Искала книги по знакомым, по другим библиотекам. До появления Интернета было еще лет 10.

Вообще-то я была обычной советской школьницей: бегала в выходные и каникулы по окрестным сугробам или лужам (в зависимости от сезона), выкладывала «секретики» из стекол, была октябренок (в комсомол, когда подошел возраст, можно было уже вступать или не вступать по желанию). Потом были школьные компании, в которых слушали В. Бутусова, В. Цоя, первые влюбленности, занятия классическими танцами и дискотеки. Надо отдать должное моим родителям: они никогда не мешали мне в выборе интересов, друзей, занятий. Но я не помню ни одного случая, когда они бы пропустили учебный концерт в музыкальной школе, родительское собрание или другое мероприятие, связанное с дочерьми. Они всегда брали нас с собой — в кино, на индийские фильмы, в поездки к родственникам, на рыбалку, летнюю и даже зимнюю. Кстати, благодаря рыбацкой страсти моих родителей (мама, пожалуй, до сих пор более страстный рыбак, чем папа) я чуть не родилась на льду далекого озера в глухом углу Ирбитского района. Буквально за два дня до родов в январские морозы мама еще ночевала в палатке на льду и толкала с папой наш «ушастый» «Запорожец».

И вот школа позади. Вы решились поступать на факультет искусствоведения и культурологии или в последний момент передумали? Поступили с первой попытки?

Выпускной в школе пришелся на 1992 г., время смутное в политическом и экономическом отношениях, но очень интересное для меня в личном плане. Все социально-экономические и политические передряги больше осознавали и испытывали на себе родители, а я, как и все мои одноклассники, скорее была озабочена будущим.

В университет я поехала поступать без родителей, с подругой Юлей Гуляевой (она наперекор своей семье, в которой были одни медики, хотела стать психологом). Мы самостоятельно нашли жилье, устроились на абитуру. Утром бегали на курсы, днем сидели в библиотеке, а вечером — на кухне большой коммуналки в самом центре Екатеринбурга, на проспекте Ленина напротив Главпочтамта. К нам в гости приходила еще одна знакомая девушка, которая в то время уже училась в университете на социологическом факультете и одновременно на факультете социальной психологии Гуманитарного университета. Как ни странно, я не заинтересовалась тем, чему она училась, — ни социологией, ни социальной психологией. Но слово «социология» уже мелькало в наших разговорах.

Да, я поступала на культурологию. Мы были вторым набором на эту специальность, конкурс был высоким, и главную конкуренцию нам составляли выпускники СУНЦа (специализированного учебно-научного центра УрГУ — лицея). Мне не хватило одного балла для поступления на очное отделение, так как получила одну единственную четверку как раз по истории искусства. Недолго думая, я перевела документы на заочку и 4 августа была зачислена в университет. Надо сказать, что на следующий год я вновь попыталась поступить на очное, но ушла прямо в начале экзамена (на то были причины личного характера). Никогда потом не жалела об этом.

В группе заочников (она была большой — 25 человек) оказалось очень много интересных людей. С двумя из них я до сих пор иду по жизни. Первая — Марина Козлова (Коваль), в семье которой я прожила в качестве ее члена все 12 университетских семестров. Вторая — Альбина Железникова — прирожденный педагог (сейчас работает и в школе, и в одном из университетов Екатеринбурга). С ней я не только училась, но и некоторое время жила в одном из военных городков Свердловской области.

Марина работала в замечательной библиотеке им. Герцена, расположенной в старинном особняке на ул. Чапаева. Сейчас все дома на этой улице отреставрированы, сама улица стала чистой, светлой, красивой. А тогда она была не менее красивой, но тенистой, заросшей липами и тополями, с узенькими тротуарами с торчащей вкривь-вкось плиткой. Когда я приходила к Марине в методический отдел в один из флигелей, там, как правило, уже «заседала» компания филологов, которые рассказывали интересные литературные байки, истории из университетской жизни, филологически «хулиганили».

Марина возила из библиотеки домой огромные сумки с книгами и альбомами, которые мы изучали, читали и конспектировали. Это избавляло нас от многочасовой работы в библиотеках и давало возможность основательно все изучать. Особенно хорошо было летом на огромной Маринкиной лоджии, на старом диванчике, который сейчас «доживает» на ее даче. Здесь мы читали, дремали после бессонных сессионных ночей, ели абрикосы или клюкву в сахаре (смотря по сезону), слушали радио-болтушку, праздновали дни рождения (мой приходился на зимнюю, Маринин — на летнюю сессию).

Нам повезло. Лекции читали лучшие на тот момент университетские профессора и доценты. Первое занятие вел профессор Всеволод Иванович Колосницын — талантливый ученый-филолог и культуролог, замечательный лектор и чудесный человек. Он пришел на занятие в легком летнем пиджаке и сандаликах, чуть присел на край стола и так, небрежно покачивая ногой, негромко начал рассказывать нам о том, что такое культурология, история культуры и искусства.

Второй фигурой, которая поразила нас, был Лев Наумович Коган — в отличие от невысокого, худощавого Колосницына, очень большой и очень громкий. Он читал «Введение в специальность» — один-единственный курс, очень короткий, который я бы назвала «Погружение в специальность». Естественно, не было в его лекциях никаких определений, концепций, были образы, были имена, была философия профессии. Первая книга по социологии, попавшая в мою библиотеку, принадлежала ему — это была «Социология культуры». На моей рабочей полке этот тоненький учебник стоит рядом с коганской «Теорией культуры».

Обе книги исчерканы, истрепаны, заклеены, прочитаны вдоль и поперек, от начала до конца и наоборот. Позже появились у меня и другие книги Когана — «Философия: серьезное и веселое. Очерки о философии Уильяма Шекспира», «Цель и смысл жизни», «Вечность», «В четвертом измерении», «Зло», «Человек и его судьба». Льва Наумовича мы знали и слушали в то время не много, а за год до нашего выпуска из университета он ушел из жизни.

Вообще надо сказать, что учебный план, по которому мы учились, был выстроен очень необычно. Специальных курсов по культурологии как науке нам не читалось, но зато крупными блоками изучалась история искусства, мировая и отечественная история, философия, а также литература. Сквозь призму этих наук и личное общение с некоторыми преподавателями формировалось культурологическое видение. Мне кажется, что в те годы не все в университете еще толком понимали, что такое культурология, и поэтому ее всегда скромно, через запятую, ставили после искусствоведения. Искусствоведы с издевкой называли нас «дилетантами широкого профиля», а мы доказывали, что знаем искусство не хуже, чем студенты-искусствоведы, и можем рассказывать не только о Лотмане или Хёйзинге, но и подробно знаем технологию подготовки холста или можем сказать (и даже доказать), кисти какого художника принадлежит копыто правой ноги вороной лошади на крошечном фрагменте репродукции. И не удивительно, ведь нам читали мэтры уральской школы искусствоведения — Г. Б. Зайцев (известный коллекционер, один из первых организаторов художественных аукционов в постсоветское время), С. В. Голынец, С. П. Ярков, А. М. Раскин, А. Ю. Каптиков. Роль Анри Юрьевича Каптикова была особая. Историк русской архитектуры, знаток русской художественной культуры, он первый начал читать нам историю искусства культурологически, причем и через философию искусства, и через исследование повседневных практик.

Студенческая жизнь заочника сильно отличается от образа жизни студента-дневника. Приходилось работать и учиться, учиться и работать, а учились и работали мы все взахлеб. Все, чему учили нас, переносили в практическую работу, и наоборот. И всегда во всем было напряжение, плотность — и в учебе, и в работе, и в личной жизни. Как я уже говорила, мне не пришлось учиться в университете на дневном отделении, и я не жалела об этом потом. Думаю, что эти шесть лет научили меня даже большему, чем это могло бы быть. Возможно даже, я бы не пришла в социологию, поскольку особенности именно заочного обучения заставили меня обратить внимание на эту науку. Пришла я в нее по необходимости, а осталась по желанию.

Прежде всего, похоже, Вы не написали о своей работе... вы ведь, по-моему, должны были работать по характеру учебы...

К сожалению, нет такой работы, которая бы в полной мере соответствовала моей первой специальности. Хотя интересно было бы увидеть запись в трудовой книжке: «С такого-то числа работает в должности культуролога...».

К счастью, я могла работать (и работала) в различных местах. Недолго — 1,5 года — корреспондентом в газете «Рефт» в том самом поселке, где жила с родителями (в течение последнего школьного года я училась в Школе юнкора и уже была знакома с редакцией). Срок не долгий, но за это время я приобрела большой и жизненный, и трудовой опыт. Приходилось общаться с разными

людьми, искать интересные сюжеты, нужную информацию, писать материалы различных жанров, осваивать навыки технической редакции (я еще застала время печатной машинки и линотипов, компьютерная верстка и печать только-только входили в газетную практику). Все эти знания и навыки пригодились потом. Наша небольшая редакция на 80 % состояла из университетских людей и соответственно в ней создавалась особая атмосфера, разговоры и отношения. Хотя меня журналистика никогда особо не привлекала, тем не менее это был жизненный старт, замечательный и полезный во всех отношениях.

В последующие годы мне приходилось много ездить (это было связано с семейными обстоятельствами) и, соответственно, постоянно менять работу, почти каждые 1,5–2 года. Но среди многочисленных видов занятости главной и постоянной была педагогическая деятельность. Я начала работать в школе сразу, как только выпустилась из нее. Сначала это была музыкальная школа, школа искусств, затем еще и общеобразовательная. Иногда приходилось работать сразу в двух школах. Преподавала мировую художественную культуру, историю, культуру Урала, историю музыки, организовывала литературные гостинные, музейные экскурсии. И конечно, фигурально выражаясь, мне в школе было тесно. Меня буквально распирало от того знания и образования, которые я получала в университете, многое оставалось «про запас». В итоге пришло понимание того, что все нужно кардинально менять.

Через год после окончания университета я оставила школу и уже никогда в нее не возвращалась. Правда, опыт учительства очень пригодился в университете: мне легко было структурировать лекции, выстраивать практические занятия, организовать работу студентов, писать рабочие программы, за непри-
нужденным, на первый взгляд, разговором и художественными примерами четко видеть дидактику, логику, цели занятия. Получается, что педагогическую практику я проходила все шесть лет не на словах, а на деле, как бы готовясь к преподаванию в вузе. Кстати, некоторых своих школьных учеников я потом встречала в университете и даже учила.

Итак, учились Вы пять или шесть лет, значит – закончили в 1997 или 1998 годах. Вы привыкли к Екатеринбургу... Что было дальше?

Университет я закончила в 1998 г. и сразу прикрепилась соискателем на факультет социологии УрГУ. Шансов поступить в социологическую аспирантуру у меня как не социолога практически не было. Екатеринбург к тому времени стал родным и очень притягательным, но переехать в него удалось только через год. Я бы не сказала, что мне пришлось привыкать к нему, как-то сразу влилась в этот город, в его темп, ритм, масштабы. Может быть, в этом определенную роль сыграл мой кочевой образ жизни.

В 1999 г. я с радостью окунулась в новую жизнь. В ней уже появилась наука: к моменту переезда я сдала кандидатский по философии, начала писать диссертацию, были поездки на конференции, публикации. Первый год был очень не простым, не в плане адаптации, а в плане работы. Нужно было зарабатывать, чтобы снять квартиру, обеспечить себя, нужно было готовиться к кандидатскому по иностранному. Вставать чаще всего приходилось в 4–5 часов утра, чтобы переводить тысячи, учить диалоги и пр. Затем бежать на работу (тогда я работала в небольшом негосударственном вузе). Вечером – английский или самостоятель-

ные занятия по социологии, работа с книгами, журналами в «Белинке» (областной библиотеке имени Белинского). А еще хотелось почитать, сбежать в театр и... поспать. Мне кажется, тот темп, который я задала себе в тот год, никогда больше не снижался, а может быть даже увеличился с годами.

Социологию мне пришлось осваивать самостоятельно, по учебникам Зборовского, Фролова, Смелзера и... книге Дж. Александера на английском языке! Только потом я поняла, на что замахнулась. К сожалению (а может быть к счастью), все свои переводы я выбросила, поэтому сейчас не могу оценить свой переводческий «труд». Этот сложный 1999 год закончился успешной сдачей очередного кандидатского, переходом на работу в Уральский политехнический университет (знаменитый УПИ), перездом в собственную квартиру и замужеством.

С Юрием Рудольфовичем Вишневым я познакомилась на Файнбургских чтениях в Перми еще до того, как перешла работать к нему на кафедру социологии и политологии. Я тогда плохо знала уральских социологов, практически никого, кроме Л. Н. Когана, Елены Викторовны Грунт, моего научного руководителя и ученицы Льва Наумовича, и заочно — Гарольда Ефимовича Зборовского — по его учебникам. Тогда в Перми я впервые увидела М. А. Слюсарянского, Г. В. Разинского, В. А. Мансурова, познакомилась с екатеринбургскими социологами — Н. И. Шаталовой и Ю. Р. Вишневым. Причем с последним — при веселых обстоятельствах. На дружеском банкете вдруг появился очень громкий, веселый, большой человек, точно не пермяк, и взял на себя роль тамады. Я спросила у Н. И. Шаталовой, кто это, и она с удивлением ответила: да ведь это Вишневский! Так я познакомилась с главным тамадой Урала.

В какой-то момент у меня появилась возможность устроиться на профильную кафедру — кафедру культурологии, но что-то тогда меня остановило. Через две недели мне позвонил Юрий Рудольфович и пригласил на кафедру. Так я окончательно осталась в социологии и на той кафедре, с которой не расстаюсь уже пятнадцать лет.

**... ясно, Вы заработали себе право быть в нужном месте и в нужное время...
С чего Вы начали свою деятельность на кафедре Ю.Р. Вишневого?**

Нет, я думаю, что это произошло по другим причинам (или законам). В терминологии синергетики это означает «выпасть в аттрактор». Просто формируется некая область деятельности, интересов, людей, событий, которых ты притягиваешь и к которым притягиваешься сам. И все, что ты предпринимаешь (случайно или сознательно, «для того, чтобы» или вопреки), подталкивает тебя к той траектории, которая тебе необходима в этой жизни.

Начну с того, что на кафедре у Ю.Р. Вишневого я сразу почувствовала себя комфортно, и это чувство с тех пор не покидало меня. Я считаю, что мне крупно повезло: иметь работу, которая нравится, иметь профессию, которую никогда не хотелось менять, иметь руководителя, от которого не хочется уходить — это дорогого стоит.

Придя на кафедру, я сразу приняла ее «формат». Кафедра выпускающая, много лет готовит студентов по управленческим специальностям. Социология, которая когда-то была основной дисциплиной, читаемой преподавателями кафедры социологии и политологии УПИ, в 1990—2000-е гг. ушла на второй план, а сейчас, в связи с изменениями образовательных стандартов, и вообще

на последний. Я начала читать социологию студентам технических факультетов, и менеджмент — студентам нашего факультета — факультета гуманитарного образования. Недолго выполняла ассистентскую работу и очень быстро перешла на лекции и дипломирование. «Засиживаться» не давали, да и не хотелось. А вскоре — в 2002 г. — состоялась защита диссертации, которая положила конец беззаботной ассистентской жизни. Вообще на кафедре всегда царил дух свободы и можно было ее брать, сколько унесешь (как у Ельцина).

Социологию я читала, как песню пела (по крайней мере речитативом). Конечно, в переносном смысле, но отчасти — и в прямом. Дело в том, что студенты-технари — слушатели особые. Для них социология, философия, культурология представляют собой «плетение словесных кружев», только мешающих освоению их профессии. Поэтому очень быстро я поняла, что академический стиль преподавания социологии только мешает и мне, и студентам. Придуманый мной художественно-публицистический стиль включал различные жанры и приемы: биографический (когда сквозь призму биографии социолога, в рассказе об особенностях его личности вдруг вычерчивается концепция, теория, созданные им), фольклорный («иллюстрации» в виде анекдотов, слухов, баек, афоризмов, каламбуров и проч.), литературно-кинематографический (мною приводились примеры, сюжеты, ситуации, высказывания героев известных фильмов, романов, рассказов). Все это «работало» на то, чтобы возник эффект переинтерпретации действительности. Я как бы говорила: «Я рассказываю вам о том, что вы уже знаете, но это можно понимать иначе. Все знакомое, обыденное должно стать незнакомым и непонятным, то, что было невидимым, должно стать очевидной реальной силой, влияющей на вашу личную жизнь и судьбу». Эти приемы помогали мне излагать историю социологии, сложные для будущих инженеров теории Конта, Парсонса, не говоря уже о том, насколько это легко было делать по проблемам социологии личности, культуры. Даже методы социологии осваивались нетрадиционно: на материалах университетского сленга («большак»=большой перерыв, «паркет»=холл третьего этажа главного корпуса с паркетным полом, «теплый»=теплоэнергетический факультет и пр.), граффити, надписей на партах, подоконниках аудиторий (факультеты, на которых я читала, в то время считались «бедными» и мебель в аудиториях стояла старая, сплошь исписанная студенческими «мудризмами»).

Я очень сожалею, что сейчас социологию приходится читать редко и небольшими курсами. В большей степени она осталась для меня только наукой и моим собственным образом жизни и мышления. Думаю, что если бы ее сохранили в качестве обязательного для всех специальностей предмета, мы бы получали профессионалов иного качества — думающих, рефлекслирующих, способных видеть за формулами и технологиями человека.

Кроме преподавания, конечно, была наука. И в ней тоже была свобода: можно было выбирать кафедральную тему, а можно было заниматься тем, что тебе интересно. Можно было влиться в научную группу, а можно было работать в одиночку...

Первые годы университетской жизни были связаны с еще одной сюжетной линией, характеризующей культуру Уральского политеха. Это кураторство. Безусловно, этот институт существует во всех вузах, но в УПИ он был и остается краеугольным камнем внеучебной работы со студентами. Мы с моими моло-

дыми коллегами прошли «курс молодого куратора»: несколько лет курировали академические группы, хотя ненамного отличались по возрасту от своих подопечных, ходили на учебу и конференции. Помню, как-то в УПИ проводился день здорового образа жизни, и нас обязали прочитать студентам лекцию о ЗОЖ. Скучотища! Но социология опять выручила. Я дала задание провести блиц-опрос студентов и преподавателей университета, состоящий из одного вопроса: «Что такое здоровый образ жизни?». А потом мы все вместе весело обсуждали результаты. Самым интересным и здравожизненным оказался ответ Ю. Р. Вишневого, который «попался» моим анкетерам: «Здоровый образ жизни, — сказал он, — это здорово жить!».

Вернусь к началу ответа на заданный Вами вопрос. На кафедре, на которой я оказалась вроде бы так, случайно, работали не случайные для меня люди. С ними я познакомилась намного раньше моего прихода в университет. Видимо, все те, с кем нужно идти по жизни, все-таки притягиваются. Например, с Татьяной Анатольевной Юшковой, несмотря на ее уход в другой вуз, не только поддерживаем контакты и дружим, мы просто породнились. Поэтому моя профессиональная биография состоит еще из встреч, разговоров, противоречий с этими замечательными людьми — из всего того, что составляет сущность человеческих отношений.

Какую тему Вы избрали для кандидатского исследования? Как работа шла? Когда Вы ее завершили и защитили?

Кандидатская диссертация была посвящена профессиональной культуре офицеров современной российской армии. Как я уже говорила, в социологию меня привела еще в годы учебы в университете необходимость. Несколько лет подряд я писала курсовые работы на тему «Смысл русской иконы», связанную с научными интересами моего руководителя. Однако смысл темы, да и самой русской иконы, несмотря на три или четыре курсовые и огромное количество богословских, культурологических, искусствоведческих и иных книг, прочитанных мной, так и остался для меня темным. Может быть, я бы поняла его к 5 или 6 курсу, но как раз в это время у нас читалась «Социология культуры». И это решило мои проблемы.

Курс вела ученица Льва Наумовича Когана Елена Викторовна Грунт. Высокая, красивая, приветливая, она рассказывала о живых людях, их реальных мнениях, оценках, образе жизни, интересах и мотивах поведения. Это было понятно, зримо и интересно. Окончательное решение о том, что нужно менять тему, руководителя, а может быть и научное направление, было принято после прочтения книг двух Коганов — Льва Наумовича и Леонида Борисовича. Город, горожане, городская культура, культурные потребности, самореализация... Так я вышла на проблему художественных потребностей социальных общностей. Но в то время единственной доступной для меня общностью были жители военных городков, офицеры.

Сначала возникла тема дипломной работы (это была первая выпускная работа по социологии культуры на факультете культурологии, и было немного страшно от ожидания реакции комиссии и руководства кафедры), потом была написана сама работа, на ее основе — сразу две публикации. Как оказалось,

труднее всего было набрать текст диплома с помощью только появившегося персонального компьютера, в редакторе «Лексикон», чем провести анкетирование и проанализировать материал. Работать было легко.

Также легко далась тема кандидатской и исследование по ней, хотя в то время у меня уже возникли проблемы с объектом эмпирического исследования. Военные организации чрезвычайно закрытые, приходилось пользоваться всеми возможными путями — официальными, полуофициальными, неформальными, личными связями. Помогали все — научный руководитель, знакомые, друзья, преподаватели военных кафедр УрГУ и УПИ, друзья мужа — военные журналисты.

Вторая проблема, возникшая по мере появления эмпирического материала, — это его обработка и анализ. Все-таки отсутствие профессионального социологического образования давало о себе знать здесь достаточно остро. Я купила программу «Vortex», разработанную екатеринбургским социологом Денисом Шкуриным, самостоятельно ее освоила, тем более, что она была несложной (SPSS была еще впереди), обработала массив и... опять зашла в тупик. Термины «корреляция», «коэффициент Спирмена», «факторный анализ» и пр. для меня были высшей математикой. Пришлось учиться, читать книги, ходить на консультации к знакомым социологам, обивать порог социологической лаборатории, которой тогда заведовала Оксана Шубат (с ней мы сейчас случайно или неслучайно(?) работаем в одной научной группе). До сих пор я до конца не преодолела в себе «комплекс профессиональной неполноценности» и с пиететом отношусь к тем коллегам, для которых статистическая обработка данных представляется социологической эквилибристикой.

«Благодаря» этой проблеме моя библиотека и архив конспектов весьма существенно пополнились работами В. А. Ядова, Г. Г. Татаровой, И.Ф. Девятко, А. О. Крыштановского, Ю. Н. Толстовой. Потом появились книги по качественным методам исследования А. Готлиб, С. Белановского, В. Семеновской и др. Помню мою первую реакцию от «Стратегии социологического исследования» В.А. Ядова. Было желание все закрыть: книгу, свое исследование, тему, диссертацию и пр. Но после, наверно, десятого прочтения «Стратегии» (а читала я ее и целиком, и по частям, главами и абзацами, вдоль и поперек, с карандашом, выписками, рабочими материалами своей программы и инструментария), стало проясняться. Я поняла, что смысл и стратегию социологического исследования, в отличие от смысла русской иконы, я все-таки найду.

Работа состоялась, даже успешно прошла социологическую «цензуру» Н. Н. Маликовой, главного специалиста по организации и методам социологического исследования факультета социологии УрГУ, и в апреле 2002 г. была защищена. Эту защиту мои коллеги помнят до сих пор, потому что она была в прямом смысле кафедральной: диссертации представляли трех молодых преподавателей кафедры Ю. Р. Вишневецкого. Может быть, не так мы были хороши, как нас было много.

Через некоторое время, достаточно быстро, я отошла от темы диссертации. Для меня это была действительно квалификационная работа. Я училась мыслить и действовать социологически, преодолевая в себе культуролога и определенную научную маргинальность. Мне кажется, не все это удалось, культурологические «уши» нет-нет, да и высовываются, иногда мешая, иногда помогая мне в сегод-

нышних исследованиях. Свои достижения в этом направлении я вижу хотя бы в том, что четко определяю возможности той и другой науки в исследовании одного и того же феномена, где их можно соединить, а где они кардинально расходятся и мешают друг другу.

Зачем (или почему) Вы выбрали тему, связанную с опросом военнослужащих, Вы же понимали, что возникнут трудности со сбором данных? Не проще ли было приняться за разработку теоретической проблематики, лежащей в области пересечения культурологии и социологии?

Да, я понимаю, «нормальные герои всегда идут в обход». Но у меня так не получилось. Тема была уже определена руководителем, теоретическая часть продвигалась хорошо, был задел, и бросить все на полдороге не возникало даже мысли. Проблемы с эмпирикой были, но они все равно решались и не было причин отказываться от работы. Мне кажется, такие проблемы достаточно часто возникают у социологов: туда не пускают, здесь не разрешают, там опасаются чего-то. Я воспринимала эту ситуацию как нормальную. Иногда было даже интересно находить выход из той или иной ситуации.

Сейчас я понимаю, какие интересные темы можно было бы исследовать на стыке социологии и культурологии. Но понимание этого пришло позже, с опытом работы в социологии и определенной свободой, которая наступает после защиты диссертации.

Полина, только что увидела свет Ваша монография «Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей», поздравляю Вас. Ниже я попрошу Вас рассказать о содержании книги и Ваших основных выводах. А сейчас, пожалуйста, поясните, как Вы от интересов культурологического плана и изучения профессиональной культуры военнослужащих перешли к анализу темпоральной тематики?

Спасибо. Эта книга — определенный (конечно, промежуточный) итог в работе, которая началась несколько лет назад. В 2004 г. пришлось осваивать новый курс — межкультурные коммуникации (его «сбросили» нам лингвисты, читавшие его как страноведение). Это была удача, «Остапа понесло»...

Проблемы понимания Другого, символические границы культурных групп, латентные межкультурные конфликты, язык и культура, этнокультурная политика, кросскультурный менеджмент, глобализация и сохранение культурной самобытности, инкультурация, категоризация культуры и многое другое. И все это опять изучалось и потом рассказывалось (замечу — не гуманитариям, а управленцам, экономистам) через историю, литературу, социологические исследования, фильмы, иллюстрации, анализ повседневных ситуаций и жизненных историй.

Результаты освоения этой области науки и практики были различными: три учебных пособия (которые до сих пор мне самой нравятся), ряд публикаций, программы дополнительного образования и самое главное — выход на тему, которая сегодня для меня стала главной — проблема времени. Постепенно из всего массива межкультурной проблематики она стала основной. Я стала осознавать, что о чем бы я не говорила, над чем бы не размышляла, везде возникает тема времени — до, после, вместе с основным сюжетом анализа, а порой и вместо него.

Кроме того, интерес к времени подогревался личными и профессиональными задачами. С 2009 г. резко возросла моя занятость: в семье появился второй ребенок, я очень быстро вернулась к работе в университете, муж заканчивал докторскую диссертацию и выходил на защиту, выросла учебная нагрузка на кафедре, нужно было осваивать новые курсы, образовательные технологии дистантного обучения, разрабатывать электронные образовательные комплексы и многое другое. Хотелось серьезно заниматься наукой, нужно было все успеть. Мои сутки растягивались на 26–28 и более часов, время уплотнялось и стремительно летело. Не думаю, что это были только субъективные ощущения, объективно российское общество в те годы качественно изменялось, стремительно менялось положение дел в сфере образования и науки, появились новые требования и новые возможности в университете, который получил статус федерального.

Все сошлось в единой точке — теоретический интерес к социальному времени и практическая необходимость управлять им, плюс мое биографическое время, мой собственный возраст. А той самой отправной точкой послужила встреча с профессором Г. Е. Зборовским, для которого социальное время оказалось не просто одной из научных тем, а, по его собственным словам, «первой любовью». Его идеи, советы, концептуальное видение определенных проблем определили в дальнейшем границы моего научного поиска и окончательно оставили в рамках социологии. Долгое время я работала самостоятельно, мечась между социологией, культурологией и философией. Окончательную точку в моем стихийном освоении темы времени поставило решение пойти в социологическую докторантуру. Так начался новый этап в моей научной работе.

Первоначально меня интересовало понимание времени и отношение к нему в различных культурах. Поскольку время выступает базовой категорией культуры, я искала его отражение в различных ее формах и комплексах. По мере углубления в проблематику я вышла на такой поворот в теме, как страх перед временем и способы его преодоления. Я начала изучать мифологию, работы по средневековой культуре (прежде всего Ф. Арьеса), философию страха (С. Кьеркегора и др.), немногочисленные современные работы по проблемам избегания смерти, ностальгии. Однажды я поняла, что в работе над этим аспектом надо остановиться: слишком много страха, пессимизма и других негативных эмоций я начала пропускать через себя, не только свои страхи, но и чужие, накопленные за многотысячелетнюю историю человечества. Так начался поворот к противоположному полюсу — надеждам, связанным с временем, ожиданиям.

...и что? Какую собственно исследовательскую проблему Вы перед собой поставили? Как ее анализировали, на основе какой методологии? К каким главным методологическим и содержательным выводам Вы пришли? И последний в этой обойме вопрос, личного плана: помогло ли это в упорядочении собственного времени? Поделитесь опытом...

Книга посвящена управлению темпоральными стратегиями поведения социальных общностей, формируемыми в условиях нелинейной динамики социального времени. Ее главная идея заключается в том, чтобы показать, как возможно и насколько необходимо регулирование темпорального поведения представителей различных социальных общностей с целью ориентации их жизненных стратегий на социальное время (в самом широком спектре его про-

явлений). В книге доказывается, что качество жизни, успешность и реализация потенциала социальной общности во многом зависят от того, выбрано ли социальное время в качестве стратегического ресурса и ориентира ее жизнедеятельности или нет, насколько позитивно воспринимаются социальной общностью нелинейное время и его свойства, в какой мере развиты темпоральные навыки и потребности у членов социальной общности.

Основную проблему книги я бы сформулировала в виде двух противоречий: 1. Противоречие между необходимостью и стремлением одних социальных общностей к максимальной реализации выработанных ими эффективных, конструктивных темпоральных стратегий и реальными социокультурными условиями, препятствующими этому. 2. Противоречие между объективной необходимостью других социальных общностей формировать инновационные, конструктивные темпоральные стратегии поведения и отсутствием у них потребности, знаний и опыта в выстраивании четкой темпоральной позиции и стратегии поведения.

Актуальность исследования названной проблемы была связана как с острыми проблемами социальной практики, так и с особенностями развития самого научного знания о социальном времени. С одной стороны, мы наблюдаем проблемы «прессинга времени», связанные с чрезвычайным ускорением всех социальных процессов, возникновением ситуации высокой неопределенности и ограниченными способностями людей управлять своей жизнью, своим поведением в этих условиях. С другой стороны, мы видим недостаточность традиционной теории и методологии изучения социального времени (реализующей прежде всего количественный подход к нему) и необходимость развития концепций социального времени в его современной нелинейной конфигурации, с резкими темпоральными поворотами, разрывами, замедлением/ускорением, многоуровневостью и многовекторностью. Также очевидно отсутствие управленческих подходов к регулированию жизненных стратегий с учетом влияния фактора времени.

Замечу, что анализ современной отечественной литературы по социологии времени показал отсутствие терминов «нелинейного времени» (исключение составляют работы С. А. Кравченко) и «темпоральных стратегий поведения» в социологическом тезаурусе. Концепция нелинейного времени и его динамики как таковая не разработана в отечественной социологической науке, в ликвидации этого пробела и состояла одна из задач моего исследования.

Главные методологические предпосылки предпринятого мной исследования связаны с работами постмодернистов — З. Баумана и Дж. Урри. Их труды для многих социологов стали «локомотивом», стремительно продвигающим и направляющим научный поиск путей решения актуальных, сложных, смысло-жизненных проблем современности. Полагаю, что изучаемый мной вопрос также относится к этому предметному ряду. Однако книги Баумана и Урри — ключевые, но не единственные в разработке методологических основ исследования управления темпоральными стратегиями социальных общностей. Дело в том, что в них изложены постулаты новой теории времени (нелинейного, текучего, мобильного, мгновенного и т.д.), но нет опыта эмпирического его исследования. Поэтому, конечно, огромное значение для меня имел тот огромный пласт социологического знания, который был связан с традиционным подходом к социальному времени и который нашел свое воплощение в конкретных методиках эмпирического изучения социального времени. Я имею в виду исследования вре-

мени, а также его бюджетов (Г. Виленски, Ж. Дюмазедье, М. Каплан, С. Паркер, В. Д. Патрушев, Г. А. Пруденский, Р. А. Стеббинс, Д. Робинсон, Ж. Фридман), отечественную философско-социологическую традицию изучения различных видов социального времени – рабочего, вне рабочего, свободного, досуга и т. д. (В. А. Артемов, А. Л. Гордон, Б. А. Грушин, Г. Е. Зборовский, Э. В. Клопов, В. Д. Патрушев, Г. С. Петросян, Г. П. Орлов, Н. А. Хренов и др.), коллективной и исторической памяти, а также времени поколений, биографии и жизненного пути (В. Н. Ярская, Б. В. Дубин, Ю. А. Левада, В. В. Семенова и др.).

Методологию собственного исследования я бы изобразила в виде четырехлистника, в котором первый лист – это методология изучения темпоральных явлений, второй – теория социальной общности, третий лист – методология исследования темпоральных стратегий поведения, четвертый – управленческий поход. Судя по объему выше написанного мной о социальном времени и порядке перечисления составляющих элементов методологии уже можно говорить, что изначально главный интерес был связан с темпоральной проблематикой. Однако сегодня имеет смысл говорить и о смене приоритетов: управление временем выходит на первое место, о чем свидетельствует название книги.

Помимо теоретико-методологического материала в книге содержатся результаты эмпирических исследований темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей, которые были проведены небольшим научным коллективом, включающим, помимо меня, профессора Гарольда Ефимовича Зборовского и ассистента кафедры Анечку Кузьминчук. Эти исследования в 2014 г. были поддержаны РГНФ, что не только придало нам уверенности в значимости нашей темы, но и обеспечило финансовыми ресурсами проведение массовых опросов и качественного исследования. На первом этапе мы провели анкетирование студенческой молодежи (выборка охватывала государственные вузы Екатеринбурга, N=1200) и волонтеров Екатеринбурга и Каменск-Уральского (выборка составила 600 человек). На втором этапе были проведены глубинные интервью с представителями научно-педагогического сообщества и бизнес-сообщества (предпринимателями, менеджерами, фрилансерами).

Хотя мы изначально предполагали, что представители всех четырех общностей будут демонстрировать инновационные темпоральные стратегии поведения, на самом деле оказалось, что в большей степени они сформированы только в бизнес-сообществе и в отдельных группах научно-педагогического сообщества. К сожалению, волонтеры и студенческая молодежь, при всех замечательных их качествах, в большинстве своем не обнаружили интересующих нас новых, конструктивных темпоральных стратегий. На мой взгляд, ситуация с волонтерами не выглядит критичной, потому что общность чрезвычайно дифференцирована, имеет подвижные границы, структуру, проходит первые этапы своего становления в российском обществе. Главный вывод по ней связан с осознанием специфичности временного капитала данной общности, реализуемого не в профессиональной сфере, а именно в области волонтерской работы: для волонтеров время (прежде всего, свободное время) – это ресурс, который они при непрямом конвертировании обменивают на другие социальные блага, это ресурс, который они добровольно отдают другим людям (в отличие от тех же менеджеров или фрилансеров, для которых дефиниция «время – деньги» в определенном смысле остается актуальной).

А вот ситуация со студенчеством настораживает. Их отношение к времени, способность жить в турбулентных режимах нелинейного времени, не говоря уже о стремлении использовать те преимущества, которые оно дает для развития, самоосуществления, жизненного продвижения, далеки от тех показателей, которые сегодня не только желательны, но просто необходимы молодежи.

Я называю не все результаты исследования, поскольку о них можно прочесть в книге, но только те, которые действительно заставляют задуматься о проблемах темпорального существования социальных общностей и которые необходимо решать с помощью инструментов «мягкого», регулирующего управления. Кроме того, это результаты, связанные с определенными находками методического плана. Речь идет о «глубинниках», к которым, честно признаюсь, было страшно приступать: все-таки время — это тоже «звук не для земных ушей», и было не ясно, как сработают вопросы о восприятии нелинейного времени (понятие которого оказалось очень трудно операционализировать), биографическом времени и др. Но после одного—двух интервью страх прошел. Информанты легко шли на контакт, проявляли живой интерес к проблематике, раскрывались не только передо мной, но и перед самими собой. Многие из тех, с которыми мне впоследствии довелось еще раз встретиться, признавались, что, рассказывая «о времени и о себе», открывали себя заново. Более того, эта саморефлексия подтолкнула некоторых из них что-то изменить в своей жизни, принять какое-то жизненно важное решение, просто задуматься над тем самым драгоценным временем, которое на самом деле дороже денег.

Именно тогда, в период проведения «глубинников», я в полной мере поняла, что такое профессиональная ответственность социолога. Не ставя целью вмешательство в личное поле (пространство-время) информантов, тем не менее невольно я это делала. Я рада, что от этого был только положительный психотерапевтический и социальный эффект. Надо сказать, что он сказался и на мне.

Как я уже говорила, к проблеме времени я пришла не только из чисто научного интереса, но и необходимости выстроить траекторию собственной жизни. Совру, если скажу, что теперь мне все стало понятно, и я приобрела все необходимые темпоральные способности и навыки. Вовсе нет. Хотя количество прочитанных книг, освоенных методик тайм-менеджмента действительно перешло в определенное качество жизни. Наверно, объективно я стала успевать больше, по крайней мере, больше, чем некоторые из моих коллег или близких, благодаря умению расставлять приоритеты, все четко планировать, чувствовать время, его нелинейные изгибы и пульс, иногда жить сразу в нескольких его измерениях. Но это всего лишь технология. На самом деле больший эффект был в другом. Погружаясь в жизненный мир моих собеседников, я ощутила, что время живое. Оно переливается красками (как заметила одна из моих собеседниц), оно многомерное (как 3D, по мнению другой), оно проявляется в таких формах социальной жизни, о которых я и не подозревала («и это тоже время? и это тоже о нем?» — говорила я себе в этом случае). Время нужно любить, с ним можно и нужно дружить, договариваться. Воевать с ним, обманывать его бесполезно и даже вредно. Может быть, говоря об этом, я опять уйду из рамок социологического дискурса, и из социолога превращаюсь в 300-летнюю черепаху Тортиллу? (кстати, черепаха в мифологии многих народов была связана с темпоральной символикой вечности, бессмертия, начала сотворения времен, предсказания будущего и т. д.).

В качестве P.S. Про время и социологию.

Мне кажется, что социология, как никакая другая наука (может быть, за исключением истории), связана с временем. У истории и социологии разное отношение к времени и разные отношения со временем. Мне пришлось интервьюировать двух преподавателей-историков и двух социологов (хотя считается, что этого нельзя делать, но я все равно интервьюировала, поскольку они имели иное первое образование – экономическое и естественнонаучное). Совершенно очевидно было, что их понимание и восприятие времени кардинально отличаются. Историки «привязаны» к прошлому и даже при описании прошлого показывали, как в древности, местонахождение прошлого в направлении от себя (будущее оставалось за плечами). Социологи же, напротив, ориентированы на настоящее и будущее. Нарисованные ими образы времени были больше похожи на футуристические картинки или постмодернистскую архитектуру. Их представления оказались более позитивными, чем у историков. Вообще я мало встречала пессимистов среди коллег по профессии. Их мало и в старшем, и в среднем, и в младшем поколениях, хотя судьбы у многих из них были далеко не простыми. Да и та реальность, с которой социологам приходится работать, далеко не радужная. Наверно, втягиваясь в социологическую орбиту, я интуитивно чувствовала это.

Социологи не просто занимаются настоящим по необходимости, им нравится настоящее и будущее. А мне нравится девиз, который соответствует духу, природе нашей науки: смотри на мир и время реалистично, думай оптимистично. На том и стоим.

Интервью с Анной Петровной БАГИРОВОЙ

«СКОРЕЕ НАС УЧИЛА САМА УНИВЕРСИТЕТСКАЯ АТМОСФЕРА»

Багирова А. П. — окончила Уральский государственный университет (ныне — Уральский федеральный университет) по специальности «прикладная социология» (1995 г.) и Магнитогорский государственный технический университет по специальности «бухгалтерский учет и аудит» (1996 г.). Кандидат социологических наук (1998 г.), доктор экономических наук (2009 г.), профессор, заместитель директора по науке Института государственного управления и предпринимательства УрФУ. Основные области исследования: родительский труд, социология семьи, эмиграционные установки диаспоральных этносов. Интервью состоялось: февраль — август 2014 г.

Интервью с Анной Петровной Багировой — не первая моя беседа с социологами шестого поколения. К ним я отношу тех, кто родился в 1971-1982 годы и кто в принципе не мог самостоятельно работать в социологии в советские годы. Другими словами, это первая когорта собственно современных российских социологов. И у них — все «не так».

В 1989 году с группой магнитогорских школьников, победителей специально организованного конкурса, она отправилась в США, где жила в американской семье. Посещение местного госпиталя изменило ее планы стать врачом, а случайно попавшая в ее руки книга Владимира Шляпентоха «Социология для всех» определила ее поступление в Уральский государственный университет на специальность «Прикладная социология». Это был 1990 год. Безусловно, никто из социологов первых четырех поколений не мог в школьные годы познакомиться с повседневной жизнью американцев, а первые два поколения — слово социология слышали от своих преподавателей (если слышали) лишь с прилагательным «буржуазная».

Обучаясь социологии в Свердловске, Анна одновременно получила экономическое образование в Магнитогорске; в прежние годы это было практически невозможно.

Ее дипломная работа и кандидатская диссертация были посвящены изучению факторов еврейской эмиграции. До перестройки этой темой, если и занимались, то лишь «компетентные службы». Опять — не так.

В 25 лет Анна досрочно закончила аспирантуру и стала кандидатом наук по социологии. Она с огромным уважением относится к своим учителям и коллегам и высоко ценит «социологическое благословление» профессора Гарольда Ефимовича Зборовского.

Через одиннадцать лет она защитила докторскую диссертацию по экономическим наукам, в которой излагались результаты анализа «родительского труда» — феномена и категории социально-экономического характера. Это была пионерная работа, и сейчас Анна продолжает исследования в этом направлении.

В последние годы профессор Багирова много и успешно занимается преподаванием, исследовательской деятельностью, руководит аспирантами (четверо из которых уже стали кандидатами наук) — и проводит большую научно-организационную работу.

Анной Багировой многое сделано, но еще большего можно от нее ожидать. Пусть «не так» в позитивном, созидательном звучании станет девизом ее жизни.

Багирова А. П.: «Скорее нас учила сама университетская атмосфера»

Аня, Вы принадлежите, если иметь в виду мою классификацию поколений современных советских/российских социологов, к шестой когорте. Это социологи, родившиеся в период с 1971 года по 1982 гг.. Ваше поколение будет образовано из специалистов, из которых никто не работал по профессии в советское время. Это — весьма знаменательно. И многое у вас «не так», как у старших... или у них «не так», как у вас... начнем наш разговор. Где Вы родились? Из какой Вы семьи, что вообще вы знаете о ваших предках? Старшие поколения социологов мало знали, от них многое скрывалось... Вы формировались в другое время...

В моей семье сочеталось порой кажущееся несочетаемым. Предки по папиной линии — из еврейского местечка Ярышев в Винницкой области. Бабушка и дедушка — дочь владельца мехового магазина и пролетарий, с тремя своими братьями в составе «еврейского призыва» уехавший строить Магнитку. Перед самым началом войны бабушку занесло на Украину, она оказалась в гетто, оттуда бежала и чудом осталась жива. У всех моих прадедов и прабабок по папиной линии жизнь закончилась в один и тот же день. Дедушка воевал, после ранения вернулся в Магнитку, закончил горно-металлургический институт и работал на комбинате. С бабушкой они прожили долгую счастливую жизнь, показав нам, внукам, пример оптимизма, терпения, доброты, семейных отношений.

С маминой стороны бабушка и дедушка — дочь кулака и батрак, женившиеся в один день, поскольку нависла угроза раскулачивания и ссылки в Сибирь. Они жили в маленьком городке в Башкирии, но были выходцами с Украины.

Мои родители создали межнациональную семью (в начале 70-х такое встречалось не так часто), что не дало им эмигрировать в 90-е, когда уехали наши многочисленные магнитогорские родственники. Моя мама успешно заведовала экономической кафедрой в горно-металлургическом институте, а папа всю жизнь проработал инженером на комбинате (сначала конструктором, а потом техническим аудитором). Через месяц после 60-летия и выхода на пенсию он неизлечимо заболел...

Я верно понял, что Вы родились в Магнитогорске? Как прошли школьные годы? К каким предметам у Вас больше душа лежала? Успели ли Вы побыть в комсомоле или, когда Вам по возрасту можно был в него вступать, этой организации уже не было? Обучение в старших классах совпало по времени с перестройкой. Как школьники воспринимали все происходившее в стране?

По стечению обстоятельств я родилась в башкирском городке Сибая, но выросла в Магнитогорске. Почти все школьные предметы давались мне достаточно легко, особенно всегда нравилась математика. Помимо школы, я занималась в секции художественной гимнастики и училась в музыкальной школе. Все это я очень любила, и посвятила этим увлечениям 7-8 лет. В комсомол вступила (хотя это уже и не было обязательным) под давлением традиций — семья наша

всегда была «правильная»: бабушка с внуками в первых колоннах на демонстрациях, бабушка всегда знала, кому из нас, как и что надо сделать (при этом сама она нечасто выходила из дома), и т. д. и т. п.

Да, вокруг бушевали страсти, все менялось, но мы, школьники, казалось, не замечали этого... Рискну предположить, что молодыми людьми этот ход событий воспринимался более спокойно, чем взрослыми, казалось, так и должно было случиться. Мы еще не успели «испугаться», не очень осознали, какая жизнь нам уготована в советские времена, и не особо понимали, что она на наших глазах так резко меняется... Школьники, наверное, воспринимали все изменения так, как это осознавалось в их семьях.. Не помню, чтобы мы с одноклассниками что-то всерьез такое обсуждали... Зато дома (у нас была огромная библиотека) стали появляться «Дети Арбата» (по-моему, в «Роман-газете»), «Архипелаг Гулаг» (в каком-то американском издании) и т.д. - причем все это доставалось родителям всего на несколько дней. Я, конечно, тоже пыталась успеть прочитать все прежде, чем это нужно было передавать следующим счастливым... Изменились и некоторые учителя. На уроках литературы мы вдруг начали изучать серебряный век, на обществоведении – перестроечную публицистику (вспомнился сборник «Иного не дано», что-то еще...).

Личное осознание перестройки для всей нашей семьи пришло в тот момент, когда меня – вопреки еврейской фамилии и американским родственникам – в составе делегации школьников от Магнитогорска (победителей специально организованного конкурса) отправили в США с «миссией доброй воли». Пожалуй, мало кто из родственников, друзей семьи, да и я сама верили, что меня в последний момент не заменят на кого-то «более подходящего». Это был 1989 год. Наверное, начало шестого поколения социологов в Вашей классификации, Борис Зусманович, – последние, кто может понять, почему я говорю об этом здесь. Гремевшие по советскому телевидению Саманта Смит, Катя Лычева, потом выставка «Информатика в жизни США», проехавшая по шести советским городам (в том числе на месяц остановившаяся в Магнитке) – на тот момент это, пожалуй, все, что было известно нам, школьникам, жившим в закрытом городе, о жизни вне СССР.

О той моей поездке хотелось бы рассказать чуть поподробнее. Мы – ученики 9 классов – конечно, не были готовы увидеть то, что увидели. Это были ребята из обычных семей, победившие в олимпиадах по школьным предметам (которые мы и ехали изучать в американском колледже), при этом так или иначе занимавшиеся спортом и проявившие себя в творчестве. Отбирали нас открытым конкурсом, результаты печатались в городской газете. Из Магнитки в Америку на целый месяц поехали около 30 ребят. По несколько дней мы жили в двух разных семьях, а все остальное время – в кампусе колледжа. Все, что мы видели и где бывали – музеи, школы, больницы, кинотеатры, магазины, зоопарк в Bronx – производило неизгладимое впечатление. В Магнитогорске в то время целый ряд продуктов питания можно было купить только по талонам (эта норма касалась курицы, и колбасы, и масла). Металлургический комбинат тогда начал обменивать металл в Китае на одежду и обувь (это называлось бартер), и право купить эти товары получал тот, кто выигрывал в своем подразделении лотерею. Так вот, моему папе, зная, что его дочь едет в Америку, кто-то подарил выигравший

билет; так я оказалась счастливым обладателем спортивных тапочек красного цвета. В нашей группе путешественников еще несколько человек были точно в таких же...

Что удивило в колледже, так это свободное, на равных, общение студентов и преподавателей, раскованность студентов. Питание в столовой по принципу all inclusive. Запомнились исследования в научной группе – горящими глазами молодых ученых, студентов, настойчивостью, интересом, необычайной атмосферой, наполненной пытливостью и тягой к знаниям.

Когда мы вернулись домой, в жизни многих наступил психологически очень тяжелый период. Помню, как целую ночь я рассказывала об увиденном папе, а потом просто замолчала... Было ощущение, что «сказка» закончилась и никогда не вернется. Абсолютно ничего не хотелось. А впереди ведь был выпускной класс... Я даже не помню, как потом оказалась опять в своей школе, как снова и снова рассказывала о поездке сверстникам...

... Мне кажется или так оно и есть, что наши, как бы сейчас сказали, «мобильные» умы, легко восприняли произошедшие в стране изменения, до конца не осознавая их. Многие из нас уехали поступать в вузы в разные города, даже не понимая, что больше такой мы родную Магнитку не увидим. Впереди были приватизация (которая сразу и сильно коснулась магнитогорского металлургического гиганта, где у многих работали родители), рыночная экономика, непрогнозируемое личное будущее...

Да, действительно, удивительная история... не было желания искать возможности для обучения в Америке? Какой вообще путь Вы выбрали после школы?

Интересно, но даже мысли не возникало о том, что мы как-то можем «зацепиться» в Америке... Вспоминается такая деталь: по возвращению, в единственном тогда международном аэропорту «Шереметьево-2» у нас собрали загранпаспорта, и больше мы их не увидели. Мы ведь возвращались в СССР, и даже в самых заветных мечтах не могли представить, что наступят времена, когда мы будем летать в другие страны не по разу в год...

Та поездка повлияла на выбор моей профессии. До нее я готовилась к поступлению в медицинский институт, и даже проходила обучение в профильном УПК (по-моему, это расшифровывалось как «учебно-производственный комбинат»; двухлетнее обучение в нем в выпускных классах школы давало возможность поступать в медицинский вуз). Когда мы с подружкой жили в американской семье, «мама» с «папой», узнав, что мы – будущие врачи, решили сделать нам экскурсию по обычной американской больнице. Идея, конечно, была замечательной, и никакого «злого умысла» не преследовала. Но я, побывав там, навсегда отказалась от этого профессионального выбора – столь большая пропасть разделяла американскую и советскую медицину, что работать в последней мне показалось для себя уничижительным.

Дальнейший же выбор профессии во многом оказался случайным: социология тогда вдруг стала очень актуальной, «модной» наукой, для поступления надо было сдавать математику (а я ее хорошо знала и любила), учиться можно было в Свердловске (а это всего час лета от Магнитогорска) и т. д. Да, еще был такой факт: знакомая родителей работала социологом на Магнитогорском

металлургическом комбинате, и она дала почитать мне несколько книг. Среди них оказалась «Социология для всех» В.Э. Шляпентоха. Пожалуй, то чтение окончательно и направило меня на специальность «Прикладная социология» Уральского государственного университета.

А чем же социология и книга кланяющегося Вам В. Э. Шляпентоха привлекали Вас? В какую сторону неслись Ваши мысли?

Приятно и почетно, спасибо... Первое впечатление от этой книги было то, как интересна и разнообразна социология. Хотелось участвовать в исследовании всех проблем сразу, попробовать себя в изучении разных объектов. Впоследствии, кстати сказать, меня какое-то время действительно бросало из стороны в сторону: были и пенсионеры, и учителя, и люди еврейской национальности, и студенты, и молодые родители, и т.д.

Привлекло в социологии и то, что, как показалось, в ней все зависит от людей – самих социологов. Для качественной работы не нужно дорогостоящее, отсутствующее тогда оборудование (я ведь сравнивала с медициной), необходимы настроенные определенным образом мозги, хорошие учителя, желание учиться. Сейчас немного стыдно об этом говорить, но еще возникло ощущение, что профессиональный труд социолога не так уж сложен...

Пожалуйста, максимально подробно о годах обучения: с явками, паролями, датами...

Наша группа будущих социологов призыва 1990 года оказалась вторым набором кафедры прикладной социологии Уральского государственного университета. Мы в своем роде еще были экспериментом, многое на нас «обкатывалось»: это касалось как преподавательского состава, так и перечня дисциплин, их содержания, методик преподавания. Будучи сама преподавателем, сейчас я понимаю, что нашим учителям что-то удалось, а что-то – не совсем. Хотя впечатляющие результаты нашего выпуска говорят сами за себя: 5 человек в скором времени после окончания университета стали кандидатами социологических наук, преподающими те или иные профессиональные дисциплины, еще несколько с головой окунулись в социологическую практику.

Размышляя о годах обучения, приходит ощущение того, что нас, скорее, учила сама университетская атмосфера: кафедра прикладной социологии была в составе философского факультета, и лишь когда мы учились на пятом курсе, она вошла в созданный в 1994–1995 годах факультет политологии и социологии...

Безусловно, были дисциплины и – самое главное – преподаватели, давшие нам «ремесло».

Прежде всего, к ним относится Наталья Николаевна Маликова, на первом же курсе познакомившая нас со статистикой. Все на ее занятиях было просто и понятно и, скажу к слову – трое в прошлом студентов нашей группы сейчас преподают именно статистику. Это, конечно, ее заслуга.

Посчастливилось нам учиться и у основателя уральской социологии Льва Наумовича Когана. Его «Социология культуры», сочетающаяся с великолепным ораторским искусством, мощью личности Льва Наумовича (которую, надо отметить, он не экономил даже на студентах) оставили неизгладимый след в нашей памяти и – поистине – ощущение прикосновения к чему-то великому.

Нельзя не вспомнить Гарольда Ефимовича Зборовского и Георгия Петровича Орлова. К сожалению, они вели у нас какие-то небольшие, даже, наверное, факультативные курсы вроде «Социологии конфликта» и «Индустриальной социологии». Именно здесь была развита системность мышления, логичность рассуждений, понимание предназначения теоретической социологии.

Очень интересна была история зарубежной социологии, которую на старших курсах вела Евгения Станиславовна Баразгова. Мы читали тогда труднодоступные работы классиков и современных социологов, занимая очередь за единственным экземпляром в «филкабе» (философском кабинете – читальном зале для студентов-философов, социологов и политологов). Обсуждение работ Мертона, Парсонса, Вебера, Турена, Тоффлера, Белла на семинарах привило необходимому будущим социологам искусство интерпретации и творческого мышления.

О многих отраслевых социологиях мы узнали от преподавателей кафедры прикладной социологии: Ольги Викторовны Рыбаковой, Ларисы Леонидовны Рыбцовой, Леонида Васильевича Сысолятина. Елена Львовна Могильчак познакомила нас с методами измерения в социологии. За годы учебы мы в силу объективных причин практически ничего не узнали о компьютерных программах обработки информации; заложенной базы хватило для того, чтобы все это освоить впоследствии самостоятельно. Возглавлял кафедру тогда и продолжает это делать сегодня Анатолий Васильевич Меренков – его теория единства в человеке биологического, психологического и социального лежала в основе всех преподаваемых им курсов.

Пожалуйста, порисуйте портрет Льва Наумовича Когана, чем же его лекции «магнитили»?

Какое точное слово – «магнитили»... Во-первых, как я уже заметила, они были чрезвычайно просты для восприятия и понимания. Казалось бы, он не говорил ничего неизвестного нам – хотя, конечно, материал был абсолютно для нас новый. Это ведь, наверное, и есть основной признак преподавательского мастерства – уметь рассказать просто о сложном... Материал был великолепно логически выстроен, изобиловал результатами проведенных под руководством Льва Наумовича исследований... Кроме этого, завораживала, конечно, сама манера вести занятия – его раскатистый баритон был слышен далеко за пределами аудитории. Увлеченный рассказом, он гулял по аудитории (видимо, поэтому деканат специально ставил занятия в больших аудиториях), мог в процессе взять что-то с одной парты и спустя какое-то время положить совершенно на другую... Его всегда сопровождал ореол величия... Мы едва соприкоснулись с той глыбой, которую Лев Наумович представлял собой как человек, ученый, преподаватель, организатор. Но даже это полугодовое общение с ним в роли студентов очень заметно повлияло на наше профессиональное становление.

Очень хорошее замечание: «нас, скорее, учила сама университетская атмосфера»; что же это была за атмосфера? Что ее определяло?

Самое главное было то, что это была атмосфера поиска знаний, глубоких знаний. Будучи студентами сначала философского факультета, мы ведь столкнулись с необходимостью очень много читать и размышлять о прочитанном.

Другая часть обучения — социологическая — отличалась тем, что преподаватели нашей кафедры сами, по сути, еще учились на нас, учились преподавать... Приобретенные именно тогда умения самостоятельно добывать знания, не пасовать перед трудностями, браться за любое, даже самое сложное дело, проявлять инициативу многим из нас помогло впоследствии (когда все быстро менялось и в науке, и в жизни) состояться профессионально.

Студенческие годы — не только учеба, это и разнообразные формы освоения культуры, путешествия, неформальные дискуссии, новые встречи... чем эта сторона университетской жизни запомнилась?

«Соседство» с философами по факультету и общежитию сыграло определенную роль в дальнейшем жизнеощущении. Хотя всерьез они социологов и не воспринимали (обзывая нас позитивистами), даже пассивное участие в их дискуссиях сказывалось на дальнейших художественных вкусах. Это касалось и литературы, и кино, и театра...

Не помню уже, как, но именно в студенческие годы я узнала о появившихся тогда во многих крупных городах (в том числе и Екатеринбурге) еврейских организациях. Они проводили семинары, конференции, отмечали праздники, организовывали молодежные лагеря. Наверное, нет смысла говорить здесь об этом подробно, но именно в тот период передо мной встал серьезный выбор, связанный с возможностью эмиграции. О целесообразности такого шага много спорили в еврейских молодежных лагерях и, надо сказать, что подавляющее большинство приобретенных там друзей, как и в целом посещавших такие лагеря молодежи, в скором времени действительно уехали.

У меня же благодаря тем поездкам появились научные интересы. Одним из еврейских лидеров в Екатеринбурге был и сейчас остается Михаил Оштрах. В отличие от некоторых активистов того времени, целью его деятельности было сохранение еврейского наследия и создание еврейской национально-культурной автономии на Урале. Именно с общения с ним (а он, кстати сказать, ученый — биофизик) и начались мои социологические исследования еврейского населения. Спустя какое-то время он познакомил меня с Владимиром Давидовичем Шапиро, профессором Института социологии РАН, который руководил большим проектом по изучению российского еврейства. Благодаря участию в том проекте я попробовала вкус уже настоящей работы социолога.

Студенту никогда не хватает денег, даже если он получает стипендию, если ему помогают родители. Тем более — начало 1990-х... Вы работали в студенческие годы?

Пожалуй, первая серьезная работа и была связана с проектом В. Д. Шапиро. Я была руководителем полевых работ в Екатеринбурге. Это был 1994 год. В задачи входила вся организация интервьюирования 300 евреев, поиск которых осуществлялся методом снежного кома, в соответствии с характеристиками выборочной совокупности. Интервью длилось больше часа и затрагивало самые разные аспекты: национальное самосознание, эмиграцию, знание истории и языка, соблюдение еврейской традиции в родительской и собственной семье и т. д. Конечно, интервьюеров нужно было инструктировать, помогать им, и это тоже входило в мои обязанности. Многих респондентов я опрашивала и сама.

Впоследствии проект расширился до Украины, Владимир Давидович предложил мне поработать и там. Я тогда училась на 5 курсе. Уехать надо было на месяц, и я выбрала Киев. Работа была знакомая, желающих поработать в качестве интервьюеров пенсионеров было много, и, несмотря на то, что нужно было опросить уже 500 респондентов, у меня оставалось много свободного времени для экскурсий по Киеву...

В студенческие годы я пробовала себя и в еще одном виде профессионального труда. Наш одноклассник, Денис Шкурин, разработал программу обработки количественных данных «Vortex» (об SPSS тогда никто не знал). С ее помощью обрабатывались все исследования, которые проводила кафедра и университетская социологическая лаборатория. Кому-то надо было вводить в базу информацию из анкет, мне это нравилось и получалось довольно быстро... Да, надо сказать, что тогда у меня появился первый компьютер (по-моему, это был или 1993, или 1994 год). Если в процессе возникали какие-то сложности, выяснялось, что программа работает некорректно, Денис сразу же что-то в ней доделывал... Надо сказать, что «Vortex» по-прежнему живет, постоянно совершенствуется (последние версии, например, предусматривают возможности многомерного анализа), и сейчас нет ни одного социолога-выпускника университета, который бы им не владел.

Ну что же... Вам повезло: и тема (российское еврейство) – интересная и мало изученная, и признанный специалист в этой исследовательской области – Владимир Шапиро. Вы только занимались организацией поля или включились и в анализ собранной информации?

«Повезло» - это, наверное, очень мягко сказано. Я бесконечно благодарна судьбе, что она познакомила меня с Владимиром Давидовичем.

Действительно, тема еврейства в силу моего полукровного происхождения была мне интересна всегда. В студенческие постперестроечные годы появилась возможность дискутировать о национальной идентичности – как в кругу студентов, так и с молодежью, вовлеченной в те или иные формы еврейской жизни. О том же, чтобы сделать российское еврейство объектом своих исследований, мне кажется, я даже и не мечтала. Все же сильна была еще «закрытость» этой темы, высок риск возможного неприятия... Когда же появился Владимир Давидович Шапиро с российским проектом, конечно, все эти опасения в один момент были сняты. У меня родилась дерзкая идея не только писать диплом, но и продолжать исследования по этой теме в рамках кандидатской диссертации (впоследствии, кстати, именно Владимир Давидович придумал формулировку ее названия)... Несколько интервью в Москве (куда меня пригласили «на учебу» в рамках проекта) и около полусотни в Екатеринбурге я провела самостоятельно – надо ведь было «почувствовать» объект. Тем более, Владимира Давидовича всегда интересовала эта обратная связь с интервьюируемыми, которая выходила за рамки заполненного опросника. Надо сказать, что я многому научилась у В. Д. Шапиро – его скрупулезность, четкость и тщательность в работе, требовательность и внимание к мелочам (казалось мне) позволили мне увидеть организационную сторону высокопрофессиональной социологической работы, которая, как известно, во многом предопределяет достоверность и качество получаемых результатов.

К сожалению, мне не пришлось вместе с Владимиром Давидовичем работать и дальше, принимая участие в анализе результатов того проекта — да и кто бы мне это позволил сделать, я ведь была студенткой... Но он любезно поделился первичными данными по российскому массиву. Блок вопросов, связанных с эмиграцией, я — по условиям договоренностей — анализировала сама, на основе собственных гипотез, «не подсматривая» в выводы, сделанные В.Д. Шапиро и его коллегами (надо сказать, что результаты их исследования были опубликованы позже, чем я защитила кандидатскую диссертацию)... Готовую работу я возила Владимиру Давидовичу и, получив его благословение, успешно в Екатеринбурге ее защитила.

В 1970 году я участвовал во Всесоюзной переписи населения как переписчик, ходил по адресам. Я до сих помню некоторые встречи, обстановку комнат (в том районе, где я работал, не было отдельных квартир). Наверное и у Вас были и сохранились какие-то эмоции по поводу встреч и общения с респондентами. Ведь и для них все это было ново и необычно...

Действительно, для многих респондентов это интервью было воспринято как редкая возможность поговорить о своем еврействе: о том, как оно воспринималось в семьях их родителей, бабушек и дедушек, о том, как все это — в подавляющем большинстве — с годами ушло из их жизни, из жизни их детей и внуков (в Екатеринбурге расцвет «еврейской жизни» начался несколько позже)... Старшее поколение говорило на идише... Конечно, люди рассказывали о своих непростых судьбах, о том, как они оказались в Свердловске, как создавали семьи... Помню, одна женщина призналась, что она несчастлива в браке из-за того, что национальность ее мужа иная, нежели у нее... Один молодой человек совершенно не ощущал себя евреем, несмотря на запись в паспорте, отрицал все еврейское... По свидетельствам специалистов, антисемитизма в Свердловске почти не было, но респонденты часто говорили, что сталкивались с его проявлениями... Вообще, для меня это был калейдоскоп судеб интересных, разных людей, которые вели со мной откровенную, открытую, неспешную беседу. Многие интересовались, конечно, моей национальностью, семьей, профессией — думаю, что это тоже располагало респондентов к столь необычному для них разговору.

Что же составило содержание дипломной работы? Были ли сложности с отбором материалов, с интерпретацией полученных результатов?

Дипломная работа была посвящена факторам еврейской эмиграции. Поскольку к тому времени у меня сложился круг еврейских знакомых и друзей, сложностей со сбором материалов не было. Мне сейчас сложно вспомнить детали (тем более, что последующая кандидатская была во многом по этой же проблеме, а диплом писался на бумаге обычной ручкой — ничего не сохранилось). Помню, что читала работы Л. Л. Рыбаковского, В. Д. Шапиро, В. И. Переведенцева, Ю. В. Бромля, Ж. А. Зайончковой, изучала историю еврейского народа, труды Т. Герцля. Одним из выводов, основанных на результатах эмпирического исследования, стало то, что респонденты, в целом не сталкиваясь с проявлениями антисемитизма в быту, на работе, все же говорят, что эмигрируют из-за него. Заведующий нашей кафедрой и руководитель моей дипломной работы

А. В. Меренков тогда изучал стереотипы населения, и это повлияло на мой вывод о том, что одним из факторов еврейской эмиграции является не сам антисемитизм, направленный на конкретного человека, а стереотипное представление о его возможности.

Сложностей в сборе и интерпретации материала, похоже, не было никаких — вспоминается такой факт: защита диплома была назначена на июнь, работу я завершила еще в апреле, и весь май мы с папой путешествовали по Израилю, встречаясь с многочисленными родственниками. Кстати сказать, беседы с ними подтвердили правильность сделанных выводов о преимущественно экономическом характере той волны эмиграции.

Не уникальный, но и несчастный случай, как Вам удалось одновременно с освоением социологии получить и экономическое образование?

Второе образование — это была возможность, которую на семейном совете решили не упускать. Видя, как мне легко учиться в Университете, возникла идея совместить это обучение с экономическим заочным образованием в Магнитогорском государственном техническом университете. По-моему, я тогда была на 4 курсе в УрГУ... Приезжая домой в Магнитку на каникулы, я ходила на занятия с заочниками, сдавала все, что могла, и возвращалась к своей основной учебе. Честно говоря, всегда воспринимала экономическое образование как что-то не очень нужное, «про запас», «на всякий случай»... Особых усилий не прилагала — ну что можно выучить и сдать за 3-4 дня... Все, что я осваивала, с таким же успехом и скоростью улетучивалось... Конечно, многие дисциплины пересекались, и мне их перезачли. Где-то, скажу честно, помогала мама, которая работала в этом университете... Из всех изученных таким образом дисциплин больше всего понравился экономический анализ, который я потом много лет преподавала сама (конечно, тогда уж я в нем разобралась досконально)...

Итак, в 1995 году закончен УрГУ, что было дальше? Как развивались события?

Дальше, в том же 1995-м, было поступление в аспирантуру. Так получилось, что места в родном УрГУ не оказалось, но зато были места в Уральском политехническом университете (УПИ), где, собственно, своих выпускников-социологов никогда не было. Нас с подругой-однорукпницей, Анастасией Бельковой, с радостью и большим радушием взял к себе на научное руководство заведующий кафедрой социологии и политологии УПИ Юрий Рудольфович Вишневский...

Новый вуз, конечно, сильно отличался от нашего университета. Во-первых, УПИ был просто огромный, в нем бурлила студенческая жизнь (в частности, это проявлялось на большом перерыве («большаке»), когда огромное фойе («паркет») заплотнялись на своих спевках стройотрядовцы). Привычная нам университетская «камерность» ощущалась только на кафедре социологии и политологии, и то недолго — с коммерциализацией образования, в которую кафедра кинулась одной из первых, это чувство быстро прошло. Во-вторых, УПИ был «технарским» вузом, и нас, гуманитариев, особо всерьез технари не принимали: наука наша — не наука, читаемые нами курсы — не учеба и т.д. Еще был такой непростой для выпускников социологического факультета момент: в УПИ студентам-технарям читался общий курс «Социология» объемом около 48 часов. Каково же было наше

с коллегой недоумение, когда мы в качестве аспирантов проходили педагогическую практику! Мы не могли понять, как можно прочитать за 4 часа историю социологии (в университете на ее изучение отводилось около 200 часов), еще за 2 – методику социологического исследования и т. д. Вместе с тем, упийские преподаватели социологии (у большинства из которых было философское образование) с честью с подобной задачей справлялись и во многом помогали нам.

Аспирантура запомнилась занятиями философией и английским, сдачей кандидатских экзаменов, подготовкой диссертации, которая более или менее успешно совмещалась с работой, массой новых знакомых и друзей. Именно в тот период я начала преподавать экономику в одном колледже и параллельно работать социологом в аналитическом центре в другом. Конечно, я понимала, что эта деятельность временна (в первую очередь этим приходилось заниматься из-за денег, ведь аспирантская стипендия у гуманитариев была крайне низкая), и основные усилия были связаны с работой над диссертацией.

...вы пишете — «массой новых знакомых и друзей». Это очень интересно... Каким был Ваш круг новых людей? Что именно Вас с ними объединяло?

Пожалуй, объединяли прежде всего молодость и аспирантура, остальное скорее разъединяло, но именно в силу этого было особенно интересно... Учась в УрГУ, мы общались с философами по профессии и складу мышления, а в УПИ нас окружали технари. Открытием стало, что такое общение тоже может быть увлекательным и полезным... Деканом нашего факультета гуманитарного образования был Виктор Иванович Кашперский — доктор философии с техническим образованием. Его лекции по философии для аспирантов заметно отличались от тех, которые мы слышали в УрГУ — причем не простотой (учитывая не совсем привычную к постижению философии аспирантскую упийскую братию), а стройностью, структурированностью, «техничностью» рассуждений... Уникальны были и лекции Германа Викторовича Мокроносова, где он знакомил нас с разработанной им теорией единства общественных отношений и жизнедеятельности личности, основанной на его прочтении Маркса.

Какую тему для диссертации Вы избрали? В чем Вам виделась главная исследовательская проблема? Кто был Вашим руководителем?

У научного руководителя, которым стал Юрий Рудольфович Вишневский, доктор философских наук, профессор, зав кафедрой в УПИ, был и остается единый подход к диссертациям — развитие темы дипломной работы. Эмиграция была массовой, тема оставалась актуальной. Основной проблемой стало изучение процесса развития эмиграционных настроений диаспоральных этносов, сфокусированное на российских евреях. Все респонденты были поделены на группы — в зависимости от стадии, интенсивности их эмиграционных настроений (теория была построена на идеях работы Ж. Т. Тощенко «Социальное настроение»). Затем каждая группа изучалась отдельно и в сравнении с соседними, на основе чего делались выводы о тех представлениях, изменение которых стало ключевым для усиления эмиграционных настроений. Честно говоря, все выводы я переносила на себя, проживала как бы изнутри — мне было интересно, почему

же не уехала я, в чем мои мысли отличны от мнений моих респондентов — тех изученных групп, которые приняли решение эмигрировать. Надо сказать, что этим методом я нашла для себя какое-то обоснование собственных действий...

Ну а с формальных позиций — работа над диссертацией шла достаточно быстро, руководитель ставил какие-то сроки, я их старалась выдерживать. Защита состоялась в сентябре 1998 года, незадолго до завершения обучения в аспирантуре. Мне было 25 лет.

Да, Вы многое успели: два высших образования и завершенная кандидатская диссертация. К этому моменту Вы уже были замужем?

Почти. Как-то так оказалось, что два этих важных события в моей жизни пересеклись, и буквально «наползли» одно на другое — свадьбу мы сыграли меньше чем через два месяца после защиты. Семья будущего мужа была связана с высшим образованием и наукой, а дед супруга — Александр Васильевич Бакунин — был известным уральским историком, организатором науки.

После защиты Вам скорее всего предложили работу на кафедре. Или не так?

Это произошло само собой. Кафедра начала стремительно расти: из скромной, читающей социологию и политологию студентам технических специальностей, она за короткий период превратилась в выпускающую будущих менеджеров в социальной сфере. В конце 90-х в России как раз наступил бум подготовки менеджеров... Кафедра набирала много первокурсников, причем не только в Екатеринбурге, но и в многочисленных, расположенных по всему Уралу, филиалах и представительствах УПИ. Число преподавателей кафедры выросло в разы (в какой-то период нас было около 80 (!)), большинству приходилось осваивать новые для себя дисциплины, и тут же, «с колес», их преподавать... Мое экономическое образование оказалось, надо сказать, весьма кстати — вместо социологии для технарей (второстепенной и ненужной — в их понимании — дисциплины) я с большой радостью стала читать любимую статистику и экономический анализ будущим менеджерам... Научные интересы в тот период, честно сказать, отошли на второй план — вместе с кафедрой надо было ориентироваться в быстро меняющейся обстановке, поспевая за все возрастающим спросом абитуриентов и их родителей на такое образование.

Создается такое ощущение, что Вы не были связаны с социологами Москвы (за исключением В.Д. Шапиро), Петербурга, других крупных социологических центров России. Так ли это? Ведь Вы, наверное, участвовали в различных конференциях, семинарах, знакомились с Вашими ровесниками, старшими по возрасту социологами?

Действительно, Борис Зусманович, подобного общения было немного. Тому вижу несколько причин. Во-первых, кафедра социологии УПИ была немного «на периферии» социологического образования в Екатеринбурге. Не забывайте, что эта кафедра никогда не готовила социологов-профессионалов, в отличие, скажем, от кафедры прикладной социологии УрГУ и ряда других вузов Екатеринбурга и Урала. Конечно, это влекло за собой определенное игнорирование нас социологическими центрами и Урала, и России. Кафедра, если можно так сказать, решала другую важную для социологической науки задачу — задачу выживания «общеобразовательной» социологии в техническом вузе. При этом,

разумеется, преподаватели реализовывали и собственные проекты, наиболее масштабный из которых – мониторинговый проект «Студент» (1995 – 1999 – 2003 – 2007 – 2009 – 2012), посвященный исследованиям различных аспектов социокультурной жизни студенчества. В одном из этапов этого проекта (1999 года) довелось участвовать и мне.

Вторая причина, по которой внешние контакты были минимизированы – финансовая. Общеуниверситетский статус кафедры накладывал свои ограничения и в этом плане, о финансирующих поездки фондах мы тоже ничего не знали... Сейчас ситуация в корне изменилась. Университет стал федеральным, а молодежная наука превратилась в одно из наиболее поддерживаемых направлений. Сегодня даже наши студенты имеют возможность участвовать в различных конференциях в городах России и, надо сказать, активно этим пользуются.

Рискну предположить, что в определенном смысле ограниченность узко-профессиональных контактов преподавателей нашей кафедры с социологическим сообществом компенсировалась более широким гуманитарным общением, что позволило нам достаточно разносторонне воспринимать мозаику происходящих событий как в университете, так и далеко за его пределами. Мы работали в тесном взаимодействии с философами, культурологами, психологами, историками – все эти кафедры составляли факультет гуманитарного образования тогдашнего УПИ, все вместе старались выжить, не только доказывая свое «право на существование», но и открывая новые направления подготовки студентов, реализуя новые – зачастую междисциплинарные – исследования. Из этого сотрудничества впоследствии рождались совместные гранты, конференции, диссертационные советы.

Когда Вы задумали работать над докторской диссертацией? Как возникла проблематика исследования? Какие сложности были видны сразу? Были ли неожиданности в разработке темы?

Желание продолжить научную деятельность пришло, честно говоря, только спустя годы. Оно, конечно, должно было «вызреть»... За это время родился и вырос сын, расцвело «коммерческое» образование с массой возможностей заработать для преподавателей, затем была административная работа в негосударственном вузе... Все эти внешние обстоятельства отодвинули науку на периферию интересов, хотя, конечно, понимание того, что когда-то я к ней вернусь, никогда меня не отпускало. Переломный момент наступил после моего знакомства с профессором нашего Университета, экономистом Анатолием Михайловичем Ильшевым – для этого человека подготовка научных кадров в тот период жизни стала основным занятием, которому он посвящал себя целиком. Видимо, «разглядел» меня и он, предложив три научных направления, которые были интересны прежде всего ему, и отпустив меня подумать обо всем об этом на лето 2007 года... Надо ли говорить, что с самого начала сентября 2007 года я стала вникать в проблематику родительского труда (или, как мы его тогда называли – репродуктивного труда). Анатолий Михайлович познакомил меня со своими наработками в этой сфере, с трудами его учеников. Конечно, у меня зародились определенные сомнения.

Прежде всего, они были связаны с необходимостью внедрения результатов экономических исследований — а тут было ясно, что наши идеи не лягут ни в одну концепцию демографической, семейной политики (по крайней мере, в ближайшие годы). В связи с этим Анатолий Михайлович мне предложил выход на систему образования, которую можно рассматривать как один из механизмов подготовки к родительскому труду. Это требовало изучения основ педагогики, не очень интересной мне науки... Были опасения и такого рода: экономисты-«трудовики» всегда исследовали профессиональный труд, ни о каком родительском труде они не слышали и слышать не хотели. Это влекло потенциальные сложности с прохождением диссертационного процесса: публикации, рецензенты, оппоненты, диссертационный совет, ВАК. Каким-то слабым утешением звучали тогда слова Анатолия Михайловича о том, что в нашем Университете планируется создание совета по экономике труда, где эта проблематика будет горячо приветствоваться.

Если отбросить эти два сомнения прежде всего организационного характера, то тема родительского труда понравилась мне сразу: во-первых, идея восприятия родительства как трудовой деятельности мне показалась правильной (напомню, у меня ведь был маленький ребенок) и перспективной; во-вторых, она не была «кондово-экономической», тут в полной мере были востребованы мои социологические знания и интересы; в-третьих, огромны были напор будущего научного консультанта и моя уверенность в том, что в случае необходимости он защитит и непонятное экономистам направление в целом, и меня как его приверженца... Надо сказать, что последующие годы показали, что с тем выбором я не ошиблась, ни в одном его пункте...

Итак, решено было работать над исследованием репродуктивной активности — так было названо качество репродуктивного (родительского) труда, необходимого для преодоления негативных демографических тенденций. Эта категория «родилась» так: читая немногочисленную литературу по репродуктивному труду, написанную моим консультантом в соавторстве с его первой докторанткой, я оставляла на полях какие-то заметки. Среди них были словосочетания, с которыми ассоциировалось у меня прочитанное. В конце концов появился список из десятка таких категорий, одна из которых — репродуктивная активность — была признана Анатолием Михайловичем наиболее перспективной.

Работа началась с изучения... учебников по экономике труда. Потом пошли монографии — Гастев, Струмилин, Тоффлер. Потом работы, в которых так или иначе можно было найти обоснование понимания родительства как труда, как сектора экономики — Маркс и Энгельс, Коллонтай, Радаев, Барсукова, Бек. Были и демографы (Рыбаковский, Елизаров, Архангельский, Зверева), и социологи-фамилисты (Антонов, Медков, Харчев), и трудовики (Тощенко, Кравченко, Дряхлов, Щербина). Конечно, Беккер, Шульц... Разумеется, это далеко не полный перечень того, что изучалось... Я ушла с административной работы, существенно потеряв в деньгах, но научная работа меня, надо сказать, захватила. Я много выступала на конференциях, доклады, как правило, вызывали много вопросов, высказывались разные мнения (от «какой труд? это же счастье!!!» до «как правильно, почему мы раньше сами-то не догадались, идея ведь на поверхности...»). Трудовики принимали нас лучше, демографы — хуже.

Ситуация усугублялась тем, что Анатолий Михайлович в силу своего горячего, бескомпромиссного характера далеко не со всеми коллегами был в хороших отношениях.

Спустя некоторое время после начала этой работы, на конференции в Сургуте, куда Ильшев привез всех своих учеников, я познакомилась с будущей коллегой Оксаной Шубат — она в то время писала кандидатскую диссертацию. Оксана была асом в статистике, в многомерных методах статистического анализа. Именно благодаря общению с ней, а потом и курсам по SPSS в Московском экономико-статистическом институте у меня в работе появились исследования межрегиональной и межстрановой репродуктивной активности, выполненные с помощью методов регрессионного, факторного, кластерного анализа.

Конечно, в работе были и периоды спада. Когда-то они были связаны со сложностью и нежеланием решать задачи, которые ставил Анатолий Михайлович, когда-то — с отсутствием (как мне казалось) перспектив защиты... В феврале 2009 года наступил день, когда Ильшев радостно сообщил, что в нашем университете открылся диссертационный совет по экономике труда. Он лично прикладывал к этому много усилий, но раз за разом ВАК по каким-то причинам отказывал.. И вот это событие произошло. На мой вопрос, сколько совет существует, Ильшев ответил, что до конца года (2009) — точно, потом планируется изменение номенклатуры научных специальностей, в связи с чем возможно закрытие всех существующих советов в стране... На мое изумленное восклицание о том, что мне не успеть написать работу за это время, Ильшев ответил, что на меня он, собственно, и не рассчитывает, есть, мол, и другие желающие и готовые защититься...

Конечно, меня это очень задело. Работа к тому времени была готова чуть больше чем наполовину, много необходимых публикаций уже было сделано. И вдруг такая реакция Ильшева — сейчас понимаю, что он на меня в тот момент был несколько в обиде, потому что пару месяцев не видел от меня никакого нового материала. Пришлось мне напроситься на встречу, захватив с собой отчет о промежуточных итогах и сформулировав все возможные обещания. В итоге мне были поставлены условия: готовность работы и всех недостающих публикаций к 1 сентября, предзащита на кафедре с присутствием внешних экономистов-трудоустроителей в первых числах сентября. Если на заседании будет принято положительное решение, то защита — в декабре 2009 года.

Самый сложный организационный момент здесь был — публикации. И тут Ильшев сыграл огромную роль. Он находил в моих текстах то, что может превратиться в статью, подсказывал, где это лучше опубликовать, зачастую сам договаривался с редакциями. В итоге публикаций было так много, что некоторые «доброжелатели» на защите говорили о якобы «подпольном цехе», который писал эти работы... Только близкие люди и Ильшев знали, как тяжело все это давалось, сколько приходилось работать без сна и отдыха...

Чему меня научила работа с Анатолием Михайловичем? Кроме содержательных моментов (сама идея родительского труда, разработка методологии анализа, структурирование научной работы) у меня появилось умение организовывать научную деятельность — как свою, так и — впоследствии — своих учеников. Многие личностные качества, которые пришлось сформировать и развить

во всем этом процессе (уверенность в правильности своих идей; умение, как он говорил, «держать удар»; просчитывание каких-то ситуаций; гибкость там, где это необходимо «ради дела») — тоже его заслуга.

Что удалось выявить? Каковыми были главные теоретические выводы?

Во-первых, было дано глубокое обоснование того, что родительство — это труд. Определен круг «заказчиков» этой деятельности, которые, правда, себя таковыми не считают. Причина, на мой взгляд, кроется в том, что семья сегодня выступает своего рода «дешевым удовольствием» для государства, и такая ситуация всем (кроме родителей) очень выгодна. Родители же зачастую сами способствуют подобному восприятию, считая, что мамы «сидят дома» с детьми, что их труд второсортный (в отличие от профессионального), что они рожали ребенка «для себя» и т. д.

Во-вторых, была разработана методология анализа родительского труда. Она ориентировалась прежде всего на анализ затрат, возникающих в ходе этого труда (временных, финансовых), и анализ его результатов (вот тут и потребовались навыки многомерного статистического анализа). С последним аспектом возникали сложности в первую очередь этического характера («Как можно оценивать результаты труда родителей...», «А если ребенок родился больной..., родители в этом виноваты?» и т. д.). Действительно, тема спорная, но находящая все же свое решение в западной науке, прежде всего, в русле социэкономии... Надо отметить, что сегодня и у нас темы качества населения, «качества рождаемости» поднимаются все чаще. Этому способствовала политика стимулирования рождаемости — прежде всего, программа материнского (семейного) капитала... В своей работе я пошла и дальше — была сделана попытка предложить систему показателей, оценивающих эффективность родительского труда. Часть из них предполагалось собирать социологическими методами.

Еще одна идея состояла в том, что для того, чтобы родительский труд реализовывался грамотно, а его результаты были качественными, будущие родители должны этому где-то учиться. Одна глава работы была целиком связана с педагогикой, с методикой преподавания соответствующих дисциплин, с акцентами, которые необходимо расставлять в уже существующих курсах. Для этого, в частности, выбирались дисциплины, где сейчас (пусть эклектично) говорится о семье, родительстве, человеческом капитале. В каждую такую дисциплину было предложено добавить определенные темы, которые бы помогали формировать у выпускников высшей школы компетенции в сфере родительского труда. В итоге была разработана концепция перехода вузовского образования к «репродуктивно-ориентированному».

По-мне, так, понятие «родительского труда» весьма содержательно, здесь синтетично смотрятся концепции социологии, экономики, педагогики, есть простор для анализа. После защиты докторской Вам удалось продолжить изучение этой темы или в силу разных обстоятельств, Ваши исследовательские интересы сместились в новые области?

Темой родительского труда я продолжаю заниматься очень активно. После защиты докторской и благодаря ей появились ученики, коллеги, с которыми мы исследуем отдельные аспекты этого вида труда. Тема действительно многогранна,

сегодня мы работаем и в социологическом, и в экономическом поле. В социологию исследование органично вошло после поддержки темы грантом РГНФ Анатолием Ивановичем Антоновым, который был экспертом по моей заявке (Это я узнала позже и случайно, в разговоре с ним на Валентеевских чтениях в МГУ). Много для меня значило и своего рода «социологическое благословение», полученное от Гарольда Ефимовича Зборовского, по работам которого я изучала социологию еще будучи студенткой и который с недавнего времени плодотворно работает на нашей кафедре. Он пристально следит за поворотами нашей темы, подсказывает, помогает и поддерживает, радуется нашим достижениям.

Согласна с Вами: тема имеет перспективы в разных исследовательских областях. Прежде всего это социология семьи, социология труда, экономическая социология, демография, экономика труда, экономика народонаселения. Хотелось бы, чтобы кто-то взялся за изучение педагогических, психологических, юридических аспектов родительского труда... Новые идеи и планы сейчас рождаются благодаря обсуждениям результатов наших исследований на российских и зарубежных конференциях, изучению иностранной литературы. Уральский федеральный университет, где в принципе родилась эта тема, давая сегодня широкие возможности, ставит и новые задачи, к выполнению которых мы с коллегами стараемся приближаться. Например, только что мы вернулись с Всемирного социологического конгресса в Йокогаме, где я работала в рамках исследовательского комитета Family Research. С одной стороны, это позволило познакомиться с актуальными исследовательскими трендами (успешное родительство, материнство и отцовство, конфликт между семьей и работой, поддержка семьи обществом и др.), с другой – понять, что наши исследования лежат в русле общемировых тенденций.

Сегодня я работаю с научной группой единомышленников, которая состоит из преподавателей, аспирантов, соискателей, время от времени появляются студенты. В первую очередь хочется сказать об Оксане Михайловне Шубат, с которой мы познакомились, занимаясь каждый своей темой под руководством профессора Илышева. Учет затрат времени на родительский труд, представления и знания о будущем труде студенческой молодежи, детерминанты вторых рождений, выявленные на основе опроса беременных женщин (идея этого исследования родилась и была реализована, когда мы с Оксаной ожидали своих вторых детей), особенности реализации родительского труда в отдельных социальных группах и общностях (в частности, сейчас нас особенно волнует тема материнства в академической среде) – это эмпирические исследования четырех последних лет. С Оксаной Михайловной мы издали две монографии, написали большое количество статей в ВАКовских журналах, сейчас пытаемся пробиваться в столь востребованные сегодняшним научным сообществом издания, входящие в Web of Science и Scopus. Пока дается тяжело, но не в наших традициях отступать – работаем, учимся признаваемому в научном мире академическому письму, участвуем в зарубежных конференциях, Университет создает условия, рассчитываем на результат...

Несколько качественных исследований проведено с молодым преподавателем нашей кафедры Анжеликой Ворошиловой. Это – биографические эссе студентов на тему родительского труда, глубинные интервью с чиновниками, реализующими меры семейной и демографической политики. После Конгресса

появились планы углубления анализа результатов качественных исследований с помощью специально предназначенных для этого прикладных программ, позволяющих применять к качественным данным известные методики количественного анализа (например, кластерный анализ).

На теоретическом уровне мною разрабатываются проблемы понимания родительского труда как социального института, социального процесса и деятельности, его взаимодействия с другими социальными институтами, вопросы мотивации и стимулирования родительского труда. Крайне актуальной для нашего общества сегодня является сложнейшая тема качества результатов родительского труда, к изучению которой мы постепенно приблизились за эти годы.

Здесь самое уместное поговорить об Йогогамском социологическом конгрессе. Какова была его сквозная тема и много ли было участников? Сколько было российских социологов, наверное, с кем-либо из них встретились впервые и познакомились?

Тема конгресса была связана с проблемами неравенства и вызовами, возникающими в связи с этим для мировой социологии. Этой теме было посвящена пленарная сессия и, конечно, доклад Президента Международной социологической ассоциации Майкла Буравого. Его выступление перед 4-тысячной аудиторией из 120 стран мира, пожалуй, захватило дух каждого присутствующего. Он очень наглядно и убедительно продемонстрировал «социологию для всех» в своей интерпретации — публичную социологию. Искусно оперируя яркими образами (от Папы Римского до Карла Поланьи), он привел восхищенных слушателей к выводу, что социология сегодня стоит перед вызовом, который все мы обязаны, объединив свои усилия, принять и преодолеть.

Всего же на конгрессе работало более шести тысяч социологов, объединившихся в 55 исследовательских комитетов. Для каждого комитета была организована программа, включающая собственные тематические заседания и мероприятия, общие с другими родственными комитетами. Численность российской делегации в этот раз превысила все предшествующие конгрессы — нас было более 160 человек. Отмечу, что в нашем комитете россиян было совсем немного — свои результаты, помимо нас с Анжеликой Ворошиловой, представили лишь два молодых исследователя из Института социально-политических исследований РАН.

Много ли участников собрал ваш исследовательский комитет Family Research? Кто из зарубежных лидеров этого направления был? Кто из россиян работал в вашем комитете? Чему было посвящено Ваше выступление или участие в дискуссии? Как были восприняты Ваши построения, выводы?

В нашем комитете работало около 300 человек. Последние восемь лет это комитет возглавляет профессор Венского университета Rudolf Richter, известный своими работами о родителстве, отцовстве, межпоколенных отношениях в семье. Он, как и вице-президент Rudy Seward из Университета Северного Техаса, присутствовали на всех заседаниях, активно участвовали в дискуссиях. Более того — в силу, видимо, малочисленности россиян в этом комитете, Rudolf Richter отдельно пригласил нас с Анжеликой Ворошиловой на социологический форум, который пройдет через 2 года в Вене и также будет организован Международной социологической ассоциацией. Российскую социоло-

гию в нашем комитете представляли также москвичи Светлана Сивоплясова и Евгения Сигарева из ИСПИ РАН с постерным докладом, тема которого оказалась созвучна нашим исследованиям — они изучали представления о семье студенческой молодежи нескольких российских городов. Кроме того, на совместном заседании с комитетом «Женщины в обществе» (он, кстати, согласно статистике Конгресса, оказался самым многочисленным) выступила Татьяна Карабчук из Высшей школы экономики с интересным докладом по результатам кросскультурного исследования на тему «Карьера против детей: эффекты институционального влияния на субъективное самочувствие женщин в европейских странах». Наш же доклад был посвящен динамике ценностей семьи и родительства студенческой молодежи — мы представили результаты качественного изучения полутора сотен биографических эссе, написанных студентами Уральского федерального университета. Наши выводы были созвучны результатам коллег из самых разных стран мира — семья сегодня переживает многовекторную трансформацию, но при этом остается эффективным социальным институтом, реализующим уникальные социокультурные, экономические, психологические механизмы для жизнедеятельности, поддержки вовлеченных в его деятельность людей.

Одним из важных результатов конгресса для нас (кроме многочисленных идей и новых контактов, конечно) стало знакомство с программой обработки результатов качественных исследований. К своему стыду, раньше мне не довелось узнать об их существовании (правда, впоследствии выяснилось, что не мне одной — наши университетские социологи также пребывали в неведении по этому поводу). Возможности подобных программ напоминают SPSS, позволяя применять хорошо знакомые нам количественные процедуры к материалам, собранным в процессе интервью, фокус-групп, написания текстов и т.д., а затем визуализируя результаты обобщений. Существенно облегчается ввод информации в программу (например, для ряда социальных сетей может быть использована функция автоматического переноса), а выводы, которые могут быть сделаны на этой основе, для меня (в душе все же «количественника») во многом становятся более обоснованы... В планах — изучение программ подобного класса, знакомство с ними коллег по кафедре, магистрантов, аспирантов, активное их использование в исследовательской деятельности.

Интервью с Юлией Михайловной БАСКАКОВОЙ

«РАБОТА «ФАБРИЧНОГО» ИССЛЕДОВАТЕЛЯ МОЖЕТ БЫТЬ НЕ МЕНЕЕ СЛОЖНОЙ И УВЛЕКАТЕЛЬНОЙ, ЧЕМ РАБОТА ИССЛЕДОВАТЕЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО»

Баскакова Ю. М. — окончила факультет социальных и гуманитарных наук Саратовского Государственного университета (2004 г.), кандидат политических наук (2006 г.), руководитель исследовательских проектов ВЦИОМ, старший научный сотрудник Института социологии РАН, доцент Финансового университета при правительстве РФ. Основные области исследований: социально-политические процессы; методология количественных исследований. Интервью состоялось: сентябрь-декабрь 2014 г.

Я знаком с Юлией Михайловной Баскаковой менее трех лет, но, думаю, не ошибусь, говоря о том, что уже в ближайшие года она может стать одним из лидеров среди аналитиков политических и социальных процессов, опирающихся в своих выводах на данные о состоянии общественного мнения. До конца лета 2014 года это мое предположение базировалось на чтении ряда ее публикаций и знакомстве с двумя ее выступлениями на конференциях «Продолжая Грушина», проводимых ВЦИОМ. В середине сентября указанного года Юля приняла мое предложение рассказать о себе, о своем вхождении в социологию и о своей текущей работе. Прошло несколько месяцев, и вот наша беседа закончена. Информация, полученная мною, подтвердила то мое почти интуитивное допущение.

Юля родилась накануне перестройки. Она училась в начальной школе, когда её страна стала называться Россией, и закончила школу за несколько месяцев до ухода первого президента России Бориса Ельцина со своего поста. Сложно объяснить, почему девушка из небольшого провинциального Балаково, окончившая с медалью школу в 1999 году, решила стать политологом. Сама она, вспоминая тот период, сказала, что ее представление о политологии на момент поступления в университет было довольно общим. И заметила: «профессия историка или философа воспринималась исключительно как профессия учителя. Политология звучала интереснее».

Скорее всего так и было, тогда практически никто не знал, что такое политология, но, полагаю, что все происходившее в стране, не проходило стороной и городок атомщиков Балаково и могло исподволь подталкивать человека к такой интеллектуальной «экзотике».

С тех пор прошло всего полтора десятилетия. Юля получила политологическое образование в Саратовском университете, ее дипломное исследование стало основой книги, а позже — кандидатской диссертации. К моменту защиты диссертации она год проучилась в Дипломатической Академии МИД РФ, и после ее завершения предпочла дипломатической работе исследовательскую, и вот она уже шесть лет является сотрудником аналитического отдела социальных исследований во ВЦИОМ. И как следует из сказанного ею, работа «фабричного» исследователя для нее может быть увлекательнее работы академической направленности. Это очень нечастое, но ценное качество для полстера, успешно справляющегося с теоретическими разработками.

Объясняя Юле цели моего историко-социологического проекта, я писал ей о моем стремлении отыскать, найти, описать пути (модели) входа различных групп социологов в социологию. На мой взгляд, это важно само по-себе, но еще важнее — для понимания того, какой наша наука будет через десятилетия. Кем она будет делаться на всем этапе первой половины наступившего столетия? Сохранится ли связь (и какой она будет) между всеми поколениями советских / российских социологов или наследие первых будет лишь прошлым? В 2008 году отмечалось 50-летие современной российской социологии, значит — в 2058 году будет отмечаться столетие. И Юля вместе с ее ровесниками сможет участвовать в том форуме как человек, заставший в живых Б. А. Грушина, Ю. А. Леваду,

В. А. Ядова и других первопроходцев изучения массового сознания.

Мне кажется, что после беседы с Юлией Баскаковой я несколько лучше стал представлять, как в социологию, в познание общественного мнения приходило и приходит поколение, формировавшееся в постзастойный период, и полнее представлять картину ближайшего будущего российской социологии.

Ю. М. Баскакова: «Работа «фабричного» исследователя может быть не менее сложной и увлекательной, чем работа исследователя академического»

Юля, информация в Интернете сообщает, что Вы окончили Саратовский университет, Вы и родились в Саратове или в том регионе? В Вашей фамилии слышны тюркские мотивы, представители тюркских народов испокон веков жили в тех местах... и вообще, насколько глубоко Вы знаете историю Вашей семьи?

В Саратове я оказалась случайно и жила там недолго — только в период учёбы в университете. Мои родители родом из Нижегородской области, они — первое поколение нашей семьи, получившее высшее образование. Бабушки и дедушки родом из нижегородских деревень.

Родители закончили Горьковский институт инженеров водного транспорта и их отправили работать по распределению на Балаковский судоремонтный завод. Балаково был быстро строящимся промышленным городом, где молодым людям было проще получить квартиру, самореализоваться. В Балакове я закончила школу, а потом поступила в Саратовский университет.

Да, помню время, когда по радио часто говорили о Балаково... Юля, мы пропустили очень важное (часто) время — Ваши школьные годы. Как шли дела в школе? Какие предметы Вам нравились? О каком продолжении учебы думали в старших классах?

Мне нравилось учиться и учёба давалась мне легко. Рано научилась читать, в школе перечитала всё, что было тогда доступно в окрестных библиотеках. Школьные предметы давались без труда, увлекательным казалось практически всё — скажем, прорешать задачник по физике или алгебре или прочитать учебник химии было ничуть не менее интересно, чем книжки по истории.

Мне крайне повезло с учителями — с 8 класса я поступила в первую городскую гимназию (там были вступительные экзамены и довольно большой конкурс). Большинство учителей были буквально фанатами своих предметов, вкладывали в нас невероятное количество сил и времени, проводили бесчисленные дополнительные занятия (которые не всегда оплачивались). Скажем, чего стоили ежесубботные занятия по программе заочной физико-технической школы — до сих пор помню (и разделяю) восклицание математички: «корень N-ной степени — это же как музыка звучит!». Все мои одноклассники поступили в вузы, многие — в столичные.

Выбрать направление для поступления в вуз «по интересам» мне было сложно: не было направлений, которые воспринимались как «точно не моё». Проориентации у нас не было никакой и представления о том, как выглядят различные специальности — тоже. Гуманитарные науки, как тогда казалось, давали возможность получить более интересную и живую специальность с точки зрения свободы и возможностей развития. В итоге поступила практически случайно — у меня были грамоты с областных олимпиад по истории и обществозна-

нию — эти экзамены сдавались при поступлении на «политологию», а школьная медаль давала право вместо сдачи экзаменов проходить собеседование.. в общем, так было проще.

Юля, безусловно, в жизни каждого фактор случайности крайне важен, мы это знаем из литературы, мы это видим в своей жизни. И все же, может быть мы сегодня попытаемся понять, почему девушка из промышленного городка Балаково, население которого в конце прошлого века составляло 200 тыс. человек, имея медаль за успехи в школе, поступала в Саратовский университет, а не решила поехать, скажем в Москву, Питер, Горький? И почему не более традиционные гуманитарные направления: философия, история, филология, журналистика, а — вдруг — политология? Вы что-либо читали об этом разделе науки?

Наверное, если смотреть назад с текущих позиций, можно рассуждать о направлениях и возможностях выбора. В тот момент всё выглядело несколько иначе — вспомним, что это был конец 90-х, когда интернета как информационного ресурса не было, а экономические условия были несколько сложнее, чем сейчас.

Моё представление о политологии на момент поступления — 1999 год — было довольно общим — как и у многих сегодняшних студентов (я преподаю и в какой-то степени могу об этом судить). Образовательные программы тогда только формировались (а сейчас непрерывно меняются) и какой-либо осознанный выбор специальности, как мне представляется, возможен только тогда, когда есть представление о конкретном желаемом виде занятий. Небольшой промышленный провинциальный город атомщиков не давал здесь каких-либо ориентиров: профессия историка или философа воспринималась исключительно как профессия учителя. Политология звучала интереснее.

Возможности уехать в столицу ограничивались крайне скудными финансами: семья инженеров в 90-е была, мягко скажем, небогатой (подвиг Ломоносова не каждому по плечу). Саратовский университет был не только ближе, но и знакомее — о нём много рассказывали учителя, мы ездили туда на конференции и олимпиады. Лучший вуз области с дореволюционной историей, традициями и замечательной библиотекой — у меня пока не было повода разочароваться в сделанном выборе.

Юля, я вообще считаю, что жизнь должна быть «нормальной», подвиг не должен быть обыденностью... и вот, Вы — студентка. О библиотеке Вы сказали, старые университетские библиотеки — это чудо. Какие предметы сразу Вам приглянулись? После какого курса начиналась специализация?

Политология тогда была совсем новой специальностью — кафедра политических наук была создана на основе общеуниверситетской кафедры истории КПСС, а курсы составлялись на основе переводных публикаций. На этом этапе помимо преподавателей научного коммунизма к тематике подключился ряд естественников по базовому образованию. К началу 90-х было издано и переиздано много классических книг, а подборка отобранных для переводов изданий была сделана со вкусом (это особенно хорошо видно, оглядываясь назад). Факультет социальных и гуманитарных наук, к которому кафедра относилась, тоже был новым, а программы — свежесформированными, как и многие предметы гумани-

тарного цикла (та же культурология или регионалистика). Может быть, поэтому, специализация началась практически сразу — большинство преподававшихся дисциплин имели приставку «политическая»: политическая история, политическая география, политическая психология и т.п. Это уже тогда казалось немного странным и искусственным, но, наверное, было оправданным в период самоопределения российской политологии как самостоятельной области знания.

Подход к обучению был достаточно фундаментальным, здесь сказывалась университетская традиция: нас активно побуждали читать первоисточники, следить за научными журналами, участвовать в студенческих конференциях. Вместе с тем, не было ясного понимания, к какой профессиональной деятельности нас готовят. Нам читался довольно широкий спектр юридических дисциплин, модным предметом была «прикладная политология», где разбирались правила ведения избирательных кампаний, был довольно широкий набор общегуманитарных предметов. Считалось, что политолог сможет работать чиновником или политтехнологом, но рынок труда для такого рода специалистов в провинции не сильно просматривался, поэтому многие из моих сокурсников рассматривали обучение просто как получение высшего образования.

Основным пробелом в нашей учебной программе являлось практически полное отсутствие математики, чего мне очень не хватало — я не верю в чисто гуманитарное знание: математика задаёт структурность и системность. Преподаваемый подход к политологии как к гуманитарной науке мне крайне не импонировал — соответствующий аппарат не воспринимался как позитивный и устойчивый.

Пытаясь расширить кругозор, в процессе учёбы получила дополнительное образование в рамках российско-американского бизнес-колледжа при университете. Это был вполне полноценный двухлетний очный вечерний курс бизнес-администрирования, одна из первых попыток организовать российский аналог МБА. В наши головы пытались вложить курсы западных теорий менеджмента и маркетинга, мировой экономики и государственных инвестиций — все специальные дисциплины, которые могла предложить кафедра национальной экономики нашего факультета.

Университет давал редкую по тем временам возможность выхода в интернет. Один из известных тогда сетевых ресурсов привел к виртуальному знакомству с рядом интересных людей, в частности, с профессором Пенсильваннского университета С. В. Утехиным. Его энциклопедические знания и фантастический энтузиазм задавали для меня критерии того, чем должен являться учёный. Очень полезным был и другой сетевой ресурс — Auditorium (также давно закрытый).

Практически единственным направлением, где просматривалась возможность для содержательных количественных измерений и исследований, была сравнительная политология. Поэтому когда нужно было выбирать специализацию, я выбрала направление сравнительных политических исследований. Его вела Т. Н. Митрохина, которая позже стала руководителем моей дипломной работы и кандидатской диссертации. Химик по базовому образованию, в своих лекциях она с дотошностью естественника большое внимание уделяла как методологическим вопросам, так и работе с эмпирическим материалом, вовлекала студентов в научную работу.

Дипломную работу я написала про индексный метод, кандидатскую — про количественное моделирование в политологии. Уклон в количественные измерения естественным образом выводил в сторону электоральных исследований. В частности, я рассматривала влияние различных показателей развития регионов, включая разнообразие доступных СМИ, на результаты голосования. Эта работа выиграла президентский грант на подготовку кандидатских диссертаций, благодаря чему тогда же мне удалось опубликовать свою первую монографию в соавторстве с научным руководителем.

Вы в целом обозначили, как осваивали науку о политике... но для политологов характерно освоение еще двух видов деятельности: анализ, часто работа в тех или иных политических, общественных организациях и изучение, описание, исследование текущих политических процессов, в частности, это приходится делать тем, кто специализируется в прогнозировании. Вам прививали навыки работы в политических структурах, обучали разбираться в реальной политике?

Все это было на теоретическом уровне в формате околонучной работы, курсы только формировались, а ассортимент политических структур на региональном уровне был не разнообразным. Практику я проходила в областном комитете информации и печати, а на последнем курсе вуза работала пресс-секретарем в областном минэкономике.

Губернатор решил, что всем структурам областного правительства надо больше взаимодействовать со СМИ, для чего в каждом ведомстве была введена неофициальная должность пресс-секретаря. Неофициальная — потому что в штат оформляли «подснежниками», на разные свободные должности. Я, например, одно время числилась в бухгалтерии. Основной задачей было помочь журналистам наладить контакт с чиновниками, получать информацию о работе министерства, предоставлять для печати данные об экономике региона. Мои коллеги относились к журналистам недоверчиво и даже самую безобидную информацию предоставляли неохотно, опасаясь, что «всё перевернут», а те, в свою очередь, не слишком доверяли официальным данным. У прессы были свои трудности — Саратов был далеко не самым уютным городом для независимой журналистики. За два года работы мне удалось сделать некоторые шаги для преодоления взаимного отчуждения: организовать регулярный выпуск материалов для прессы, сделать более открытым общение с региональными изданиями и журналистами.

Какие возможности для работы над кандидатской диссертацией открывал Вам президентский грант, в каком году это произошло? Ваша первая монография была до кандидатского исследования или по его итогам? Чему она была посвящена?

Моя диссертация выросла из дипломной работы (2004 год) — практически с момента поступления в Университет я планировала профессиональную деятельность в академической сфере — мне было интересно заниматься исследованиями и преподавать. Аспирантский грант был предназначен для подготовки диссертации и должен был как-то поддерживать научную работу — стипендия была символической. Грант тоже оказался небольшим: исходная сумма была по инстанциям урезана почти вдвое, и её сложно было истратить в связи со специфическими требованиями к бухгалтерской отчетности. Научный руководитель дала мне хороший совет: воспользоваться грантом для печати нашей с ней совместной

монографии, что мы в итоге и сделали. А на оставшуюся сумму я приобрела свой первый компьютер. Помимо чисто материального аспекта, важен был и моральный — и грант, и полученная годом ранее Потанинская стипендия поддерживали веру в возможность самореализации в рамках выбранной специальности.

Кандидатскую, она называлась «Моделирование политической реальности: количественные аспекты», я защитила (2006 год) через полгода после выхода монографии — эта работа была моим первым исследованием, имеющим эмпирическую базу. Научный руководитель ориентировала меня на работу с индексным методом, но я по неискушенности решила замахнуться на большее. Важным уже тогда казалось выбрать направление которое быстро не исчерпывается и его можно не один год последовательно развивать и дорабатывать.

Прикладная (тогда не вполне банальная) идея была в том, чтобы посмотреть, что влияет на выбор избирателей, в частности — выявить связь между результатами выборов в регионах и социально-экономическими и социо-культурными параметрами их развития. Мне удалось собрать данные и сконструировать интересные переменные (помню, что привлекала данные по демографии, экономические индикаторы, показатели человеческого развития и много других вплоть до объемов рекламы в СМИ по регионам). После изысков с разного рода преобразованиями удалось в итоге получить довольно приличную базу данных из различных открытых источников по всем регионам, объединить их и, повертев данные в Statistica, построить модель, связывающую электоральные предпочтения и разные факторы.

Мой основной интерес тогда состоял в изучении и продвижении количественных методов для политического анализа. Более того, была идея, что можно построить работающую многофакторную модель — задача не для аспирантки, а для НИИ. Эмпирические результаты сегодня выглядят менее актуальными. Неожиданным было то, что агитация и пропаганда играли большую роль, чем социально-экономический фактор. Оглядываясь назад на этот текст (он сейчас выложен мной на academia.edu), я вижу в нем немало задора и претензий, порой подменяющих технологизацию, но вдали от исследовательских центров и их традиций трудно было надеяться вырваться на большее.

Название Вашей кандидатской порождает вопрос: В какой мере «моделирование» и «количественные аспекты» тождественны и различны? Мне сложно представить моделирование — даже если вспомнить советскую классику, книгу В.А. Штоффа — без «количественного». Вы опирались в своих построениях лишь на российских аналитиков или у Вас была возможность для ознакомления с американской литературой?

Если речь о Штоффе, то он рассматривает модель как категорию отражения и как раз возражает против сведения понятия «модель» до уровня «математической модели». Модель как упрощенный образ объекта не обязательно должна быть квантифицируемой, если она выполняет свою основную функцию — замещать объект исследования таким образом, чтобы ее изучение давало о нем новую информацию. Меня же интересовала именно возможность численных измерений и вывода количественных закономерностей.

Недостатком просматриваемых в мое время публикаций по политологии я видела их спекулятивность — обилие терминов и рассуждений, слабо соотносимых с фактами по количественным шкалам. Вместо политологии получалась «болтология» (так мою специальность называет бабушка). Сейчас эта проблема выражена меньше (возможно, сказывается западное влияние), хотя и теперь многие любители порезонерствовать о планах и помыслах президента / губернатора / любого чиновника называют себя политологами. В этой среде я пыталась нащупать и защитить в спорах более твердую почву (вроде опоры для рычага по Архимеду): интерес представляли традиции, в рамках которых делались попытки аккуратно считать и предсказывать. Истоки приводили к работам англичан Петти и Мальтуса, логически все это приводило к теме множества альтернатив (моделей) для описания реальности и выбора среди них по неким критериям. Отсюда существовал логический выход на работы по моделированию (как Simulation, так и Modelling) и на системный подход и системный анализ как один из способов построения моделей — его в России активно развивает и продвигает О. Ф. Шабров, который выпускает альманах «Моделирование в социально-политической сфере» и к которому я обращалась за рецензией на автореферат. Впоследствии в этом альманахе вышла моя статья (тоже выложена на academia.edu), в которой я попыталась свести некоторые метафоры в духе системного подхода. До какой-то степени альтернативой выглядел мультиагентный подход, где уже был ряд любопытных программных разработок.

Отдельное замечание о книге В. А. Штоффа.

Наверное, любопытно было бы послушать Штоффа в те времена, когда официальный взгляд на мир был обязательным. В этом плане работа Штоффа, на мой взгляд, была крайне важна. Потрепанный томик Штоффа стоит у меня на книжной полке и я с ним сверилась — конечно, восемь лет с защиты диссертации — это не так много, но в том темпе, который у меня сегодня сложился, это довольно немало. Доступ к западной литературе в тот период у меня был много более ограничен, чем сейчас, если не говорить о переводных изданиях. Впрочем, он бы мне тогда мало помог — английский в требуемом объеме я освоила позже. А современный уровень математизации американской политологии, конечно, несопоставим с нашей.

Итак, аспирантура успешно завершена защитой кандидатской диссертации и книгой. Какими были дальнейшие планы? Что в действительности получилось?

На момент защиты диссертации я уже год была слушателем Дипломатической Академии МИД РФ. Шанс получить второе образование появился неожиданно — в академию на бюджетной основе по направлениям органов власти принимались государственные служащие, которые успешно сдали экзамены.

Академия стала прекрасной возможностью выучить английский язык — до этого со школы со мной тянулся немецкий. Языки в академии преподавались на высочайшем уровне: здесь блестящие преподаватели и очень продуманная система подготовки. В начале учебы мне попался на глаза текст о том, что для успешного освоения языка на каждый час занятий в классе следует отводить 4 часа самостоятельной работы. Я взяла этот принцип за правило самым буквальным образом и он дал отличный результат.

Дипломатическую карьеру я при этом всерьез не рассматривала, несмотря на наличие возможностей и две пройденные в МИДе практики: с одной стороны, это не вариант для семейной жизни, с другой — жёсткая иерархичность и ориентация на субординацию вплоть до чиновничества, привычные для российской государственной службы, за два года чиновничества в меня так и не въелись.

Таким образом, после окончания академии мне нужно было выбрать дальнейшее направление движения. Академическая сфера оказалась довольно закрытой: при том, что заработки преподавателей довольно низки, для меня остается загадкой, как в России люди устраиваются преподавать. Насколько я могу судить, конкурсы обычно проводятся номинально, «для своих», со стороны люди на кафедры и в исследовательские институты попадают редко. Пришлось искать себе применение в коммерческой сфере, искать направления, которые были бы мне интересны. Сфера исследований оказалась наиболее подходящей — для меня она делала реальной возможность не просто работать, но и получать, и создавать новое знание о мире. Это невероятно ценная возможность, которую я не могла не использовать.

Меня приняли аналитиком в отдел социальных исследований, которым руководила Е. И. Пахомова. С тех пор у меня менялись только должности, тогда как направление деятельности сохраняется. Параллельно преподаю и стараюсь поддерживать научную активность, участвуя в работе отдела микрополитических исследований ИС РАН под руководством С. В. Патрушева.

Не могу пройти мимо такой экзотики, как Дипломатическая Академия МИД РФ, такого сюжета у меня не встречалось; были выпускники МГИМО, были — мечтавшие, но не поступившие. Какие предметы, помимо круглосуточного английского, вы изучали? Современную историю, PR, политический анализ? Все это Вам и сейчас явно не лишнее...

Академия нацелена на профессиональную переподготовку государственных служащих перед их поступлением на работу в структуры, занимающиеся международной деятельностью. Туда принимали только людей с вузовскими дипломами, мы даже назывались не студентами, а слушателями. Слушателям предлагался широкий набор курсов, связанных с дипломатической службой (от этикета и протокола до переговоров) и международными отношениями (от теории и истории до международной безопасности), а также набор правовых дисциплин.

Диплом я и там умудрилась написать про моделирование — «сравнительный анализ моделей национальной безопасности» — тема крайне необычная для данного заведения. Выделила группы показателей, подобрала международные статданные, построила корреляции — общая идея была в том, что на безопасность следует смотреть комплексно с позиций устойчивого развития, а для наращивания внешнего влияния продуктивнее развивать экономику и soft power, чем военную мощь. Тогда это не сочли антипатриотичной крамолой.

К сожалению, я не знаком с Е.И. Пахомовой... еще все впереди... чем занимается Ваш отдел? Чем занимаетесь собственно Вы?

Отдел социальных исследований вскоре был объединен с отделом политики в общее управление социально-политических исследований. Я начинала как аналитик, потом стала самостоятельно вести проекты, все более сложные.

Исследовательская деятельность прекрасна разнообразием тематик даже в рамках одного направления, не говоря уже о разнообразии задач и методов. Проектный принцип работы подразумевает полную ответственность руководителя проекта за весь исследовательский цикл от постановки задач, разработки программы и инструментария до подготовки итоговых аналитических материалов и презентации их Заказчикам. Такой подход часто создаёт ёмкое пространство для творчества и экспериментов: ты проходишь с Заказчиком весь путь от понимания проблемы до рекомендаций по её решению. Иногда возникает иллюзия, что некоторые вещи ты видишь лучше Заказчика (порой пытающегося использовать опросы для решения узкокорпоративных задач), и здесь важно следовать профессиональному этическому кодексу.

В этом смысле работа «фабричного» исследователя при случае бывает сложнее и азартнее работы исследователя академического (тем более, псевдоакадемического). Перед нами обычно не стоит вопрос «возможно ли это сделать?», обычно вопрос формулируется по-другому: «как это сделать?». Поиск ответа на сложные вопросы в рамках ограниченных сроков и ресурсов — это, помимо прочего, драйв. Я часто задаю студентам вопрос о том, чья ответственность выше — сотрудника социологической службы или исследователя вуза, который ведёт исследования по своей теме. «Фабричный» социолог обязан выдать продукт (как врач) и не может выдать продукт низкого качества (почти как врач) — его результаты, с одной стороны, нужны Заказчику для решения конкретных проблем «здесь и сейчас», а с другой — они часто публикуются и становятся широко известными и доступными для профессиональной критики. За некачественную работу исследователь моментально расплачивается деловой репутацией, которая является его основным капиталом и самооценкой (которая важна ничуть не менее).

Спектр проектов, которыми я успела позаниматься, достаточно широк: когда-то пробовала их считать, но давно перестала, когда общее число далеко перевалило за сотню. Широта тематики обусловлена тем, что наше управление часто проводит исследования по сопровождению деятельности органов власти, у которых различные направления деятельности и задачи. Скажем, если у маркетолога основная цель — понять, как сделать продукт более продаваемым, то в нашей сфере круг задач крайне широк.

Наверное, ближе всего к маркетингу электоральные исследования: изучить предвыборную ситуацию, дать рекомендации по формированию имиджа, измерить всевозможные рейтинги. В этой сфере наиболее интересны задачи прогнозирования — как на основе ответов респондентов об их предпочтениях составить прогноз результатов. В странах с устоявшейся партийной и избирательной системой, где правила не меняются десятилетиями или веками, технология прогнозирования отработана. У нас же крайне высок уровень неопределённости, что связано с постоянным изменением правил игры: меняются партии, законы, уровень конкуренции, интерес населения к выборам регионального и местного уровня крайне низок, а мы в этих условиях делаем прогнозы. Зато задача крайне интересная.

Доводилось проводить всероссийские экзит-поллы — тоже очень увлекательный вид исследования, где российская специфика добавляет свою сложность: почти десяток часовых поясов, огромные расстояния между населенными пунктами, разница в погодных условиях, местная специфика регионов — всё это необходимо учесть. Если Morgan Poll в Австралии может себе провести sms-опрос по части своей панели, а в Британии можно провести опрос на паре сотен тщательно отобранных по истории голосования участков, у нас задача куда более экстремальна.

Много проектов было связано с обеспечением деятельности органов государственной власти — им, как правило, нужны не просто красивые слайды с цифрами по данным опросов, а комплексные аналитические продукты, содержащие серьёзные выводы и рекомендации. Для МИД мы проводили исследования среди соотечественников за рубежом — это был мой первый самостоятельный проект. Для Минздрава мы делали сопровождение программы развития донорства крови, для МВД — комплексное исследование безопасности личности от противоправных посягательств, для Общественной палаты — строили социальную стратификацию современного российского общества. Проводили исследования для Федеральной таможенной службы, федеральной антимонопольной службы, Госнаркоконтроля, Министерства транспорта, Министерства труда и многих других структур, часто работаем с региональными администрациями.

Помимо работы на заказчиков, ВЦИОМ регулярно проводит инициативные проекты — порой при поддержке грантов, порой — на свои средства. На прошлой Грушинской конференции был презентован проект, в котором мне повезло принять участие — «Электоральная панель» — исследование, для России уникальное. В течение нескольких месяцев мы опрашивали одних и тех же людей о происходящих политических событиях, тестировали их на «политическую грамотность», выясняли их идеологические предпочтения. По его итогам мы опубликовали коллективную монографию, в которой мой раздел посвящен изучению форм социального недовольства и возможностям его перехода в политический протест.

Вы пишете: «Иногда возникает иллюзия, что некоторые вещи ты видишь лучше Заказчика». Почему Вы считаете это иллюзией? На мой взгляд, исследователь, консультант и должен знать предмет лучше Заказчика, иначе, в чем же функции исследования и консультирования?

Я вижу это немного иначе: исследователь исходно не погружен в проблемную сферу Заказчика, он вне его задач. Слишком самоуверенный взгляд со стороны часто оказывается крайне упрощенным и наивным хотя бы потому, что круг задач исследования порой не редуцируется к жёстко очерченному предмету. Априорное представление о процессах нередко является столь же далеким от истины, как идиллии Руссо о благородных и беззаботных дикарях. Думающий и опытный исследователь умеет разговорить заказчика и выявить проблемные моменты и вчерне представляет, где и как искать ответы.

Если Заказчик действительно понимает, что он хочет, то функции исследователя — помочь ему перевести его бизнес-вопросы на язык анкет и сценариев, подсказать оптимальные методы сбора данных, а потом содержательно и максимально корректно эти данные с ним проинтерпретировать.

В сложных ситуациях, когда у Заказчика ещё нет полноценного понимания проблемы, толковый исследователь на основе своего опыта может помочь ему поставить правильные вопросы и сформировать представление о потенциально возможных результатах — фактически исследователь становится здесь консультантом. Но применять полученные данные потом будет именно Заказчик и здесь может возникнуть множество разноплановых нюансов, которые исследователю не всегда известны и, как правило, не подконтрольны.

Несколько последних лет я погружен в методологию и методы прогнозирования президентских выборов в США. По наблюдениям за гонкой 2008 года была написана книга «Явление Барака Обамы», есть небольшая онлайн-книга о схеме и опыте прогнозирования Алана Лихтмана, по итогам выборов 2012 года написана, но еще не выпущена книга. И никогда я не видел в американских моделях параметра, допуска на фактор «административного ресурса», тогда как он постоянно присутствует в разговорах с российскими полстерами, в статьях политологов. Что Вы скажете о роли этого фактора в российских общенациональных и региональных выборах?

Наверное, ситуация во многом диктуется наследием времен КПСС, законодательством и правоприменительной практикой. В России пока не было аналога Уотергейта, зато был «человек, похожий на генерального прокурора». Очевидно, что уровень конкуренции на политическом поле несопоставим с американским, а установка власти на консервацию такого порядка прослеживается и невооружённым глазом. Все это приводит к тому, что даже в отсутствие влияния подобного ресурса административный фактор автоматически предполагается существующим и существенным.

С другой стороны, тема интересная. В статьях о прогнозировании я также не видела «допуска на административный ресурс», хотя в разговорах она, конечно, звучит. Я думаю, что это тот случай, когда вопрос важнее, чем ответ — если он возникает, значит, с доверием к выборам не всё в порядке.

Бывает так, что результаты выборов довольно далеки от прогноза в силу разных причин. Наши американские коллеги находятся в более комфортной ситуации: много проще оттачивать математические алгоритмы в условиях, когда избирательная система не меняется десятилетиями. То ли дело у нас: власть всех уровней постоянно реформируется, меняется длительность легислатуры, избирательные системы, правила проведения выборов. Порой выборы отменяются и снова вводятся, как это было с губернаторами. Это исключает использование, например, электоральной истории, затрудняет настройку прогнозных моделей. В итоге, когда прогноз не сходится с результатом выборов, это не всегда следствие применения административного ресурса. Скажем, когда уровень интереса к выборам невысок, явка составляет менее 20%, а избиратель принимает решение непосредственно в день выборов в зависимости от настроения — пойти или не пойти, проголосовать «как большинство» или «против власти», с какой точностью можно прогнозировать результаты партий? Здесь есть много методических аспектов: построение выборки, избегание социально-одобряемых ответов.

Особенно трудно прогнозировать результаты выборов регионального и местного уровня. Часто наши модели показывают завышенную явку и завышенный результат инкумбента или лидирующей партии. Причина — в том, что респонденты склонны декларировать намерение участвовать в выборах, даже

если на самом деле они не собираются туда идти. Бывает и наоборот, когда в ходе опроса намерение участвовать в выборах выражают около половины избирателей, а по результатам выборов явка зашкаливает. Иногда к выборам по советской традиции в буфеты завозят дешевые пирожки и пирожные — можно ли считать это административным ресурсом? Порой неудачные результаты кампании или несбывшиеся прогнозы заманчиво списать на неконтролируемый фактор. Здесь легко возникают разговоры об административном ресурсе и у кого-то появляется искушение использовать опрос как критерий истины, что, на мой взгляд, непродуктивно. Избиратель может изменить своё мнение в любой момент и апеллировать следует не к опросам, а к механизмам контроля над прохождением выборов.

Спасибо, Юля, за наводку на книгу по исследованию на «электоральной панели». Я получил pdf-макет книги, действительно ВЦИОМ удалось осуществить уникальный проект; похоже, вы раньше других российских полстеров вошли в зону современной методологии «больших данных» (big data). Конечно, я начал ознакомление с этой работой с чтения Вашего раздела. Очень логично и содержательно. У Вас есть задумки продолжить такой полстерский и одновременно теоретический анализ общественного недовольства? Может быть, не только в связи с выборами, но в рамках более широкого социолого-политологического рассмотрения. Не думаете ли Вы о работе над докторской диссертацией, хотя я по себе и по рассказам Ваших коллег, прошедших этим путем, знаю, как сложно это сделать «фабричным» исследователям.

Я смотрю на это оптимистичнее. Даже здесь «фабричный» исследователь — социолог располагает рядом преимуществ: в частности, он постоянно находится в потоке эмпирических данных, которые он ежедневно обобщает и осмысливает, а искать объяснения данным — сложнее и интереснее, чем подбирать данные под готовые объяснения. Исследователь-прикладник привык жёстко планировать и структурировать свою работу, легко справляется с большими массивами данных и разбирается в методиках их получения. Если ему интересна околонучная деятельность — а мне она интересна — то подготовить диссертацию ему не сложнее, чем вузовскому преподавателю или сотруднику академического института. Сложнее всего находить время, чтобы следить за литературой по теме и что-то более-менее регулярно писать — здесь помогают терпенье и труд. Но если поставить себе задачу, то всё как будто вполне реально.

Конечно, фабричная технологичность имеет свои оборотные стороны — будучи нацеленным на прикладной результат, сложно не выпускать из виду более общий процесс. Я стараюсь их сбалансировать, участвуя в исследовательском проекте сектора микрополитических исследований ИС РАН «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия». Может быть, и докторская в итоге напишется.

Среди прочего, во ВЦИОМе мне импонирует то большое внимание, которое здесь традиционно (наверное, еще со времен его основателей) уделяется созданию благоприятной среды для научной активности. Научные советы, методические семинары, ежегодные конференции, научный журнал и книжный клуб, подписка на электронную библиотеку — не всякая академическая организация

может похвастать чем-то подобным. А есть еще и инициативные исследования, например, как «электоральная панель», по результатам которой мы подготовили названную (к слову, не первую) книгу.

Во ВЦИОМе работает программа зарубежных стажировок – сотрудники, которые в достаточной степени владеют иностранным языком и стремятся повысить квалификацию, могут получить грант на обучение. Благодаря этой программе, я дважды получила возможность пройти стажировку в рамках двухнедельной *Methods Summer Programme* Лондонской школы экономики и политических наук, на курсах «*Statistical Methods for Social Research using SPSS*» и «*Qualitative Research Methods*».

Сам факт наличия подобных возможностей имеет не только утилитарное значение: он создает внутреннюю атмосферу, даёт понимание, что для организации важна не только способность сотрудника выполнять определенный функционал, но и стремление поддерживать свой научный уровень, а значит – и научный уровень ВЦИОМ. Это заряжает энергией и вселяет уверенность в том, что прикладные исследования вполне совместимы с теоретической рефлексией.

Поскольку я – математик, то долго исходил из того, что общественное мнение – это то, что мы померили. Выборка делалась тщательно, вопросы анкет тестировались.. что еще? Как-то в Публичной библиотеке я встретился с И.С. Коном, и он в процессе разговора сказал: «Что вы там Борисы меряете... Общественного мнения нет». Он имел в виду Бориса Максимовича Фирсова и меня, хотя – думаю – отчасти и Бориса Андреевича Грушина. Лишь позже я начал понимать природу общественного мнения, и тогда возникли вопросы относительно того, что же мы измеряли. Как Вы думаете, есть ли сейчас в России общественное мнение? Является ли то, что измеряет ВЦИОМ, «Левада-Центр», ФОМ, другие полстеры общественным мнением или это какая-то иная фракция массового сознания?

У меня нет удовлетворительного ответа на этот философский вопрос и тем более «на все времена»: тема соотношения реального и идеального тянется не одно тысячелетие и вряд ли когда-нибудь завершится. Применительно к социологии ее интересно повернул Т.Шанин: число понятий принципиально не должно быть конечным. Постановка П.Бурдые о том, что «общественное мнение не существует» также по своему логична, но упрощает, как любая провокация.

Мне больше импонирует известная метафора Платона в известном диалоге, где он рассуждает о тенях, которые свет отбрасывает на стене. Каждая тень – проекция, множество теней даёт обобщённое представление о некоем образе, но насколько этот образ отвечает исходному – вопрос. Насколько абстрактная сущность вообще может рассматриваться как существующая объективно, а не только в ее частных и заведомо несовершенных проекциях? Платон не знал начертательной геометрии, а качество проекций очень зависит от методов их получения и здесь важна размерность – во сколько пунктов опроса можно вместить человеческую личность? Опять же, как отделить влияние наблюдателя? Я к тому, что само по себе понятие общественного мнения, стационарного и принципиально делимого от опроса, может не иметь смысла. Утрируем: в государстве, где отсутствует система массовых коммуникаций, где не проводятся опросы, может ли существовать общественное мнение?

Если двигаться далее, сама постановка о мнении статична, а не динамична — с этой стороны разговор о «сознании» выглядит более продуктивным. Если развернуть в сторону математики, проекции начертательной геометрии опережают деталь, которую по ним будут делать. Мнения или «фракции сознания», которые мы получаем, помогают создать тот самый абстрактный образ.

Можно развернуть вопрос и иначе: пусть данные собраны и могли бы в перспективе дать некий образ этого общественного мнения (или если угодно — его модель), но сама эта модель не построена или недоступна по каким-то причинам. И что тогда можно сказать про общественное мнение, хотя опросы проведены?

Довольно регулярно в социальных сетях и СМИ попадают суждения о том, что опросы населения по широкому кругу опросов бессмысленны. Мне такая постановка представляется довольно циничной, поскольку так снимается тема общественной оценки многих действий: мол, масса некомпетентна, зачем принимать её в расчёт? Так гораздо проще, чем информировать, разъяснять, образовывать, вовлекать. Но насколько объективным будет любое информирование и не будут ли люди просто повторять то, что от них требуется? Круг замыкается. Проводить исследования грамотно означает — взвешенно относиться ко всему перечисленному и понимать, что и оно полностью все не исчерпывает.

Интервью с Виктором Семеновичем ВАХШТАЙНОМ

«МЫ БЫЛИ “МОРЕМ МОЛОДЫХ”, КОТОРЫЕ “ВЫПОЛЗЛИ ИЗ ТЬМЫ”»

Вахштайн В. С. — окончил факультет психологии Пензенского государственного педагогического университета (2002 г.); MA in sociology, Московская школа социальных и экономических наук, «Шанинка» (2003 г.); кандидат социологических наук (2007), заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, профессор факультета социальных наук МВШСЭН; главный редактор журнала «Социология власти». Основные области исследования: социальная теория, социология повседневности, социология образования. Интервью состоялось: сентябрь 2014 г. — январь 2015 г..

Конец января 2015 года — время подведения итогов сделанного в прошлом году и планов на будущее. Безусловно, на это потребуется время, но начать можно сейчас. Причин и поводов — масса, в том числе, и завершившееся в начале года биографическое интервью с Виктором Вахштайном. Его рассказ — о личном, о его пути в социологию, о сделанном им. Но я увидел в результатах нашей беседы, как и в ряде других, проведенных в последний год, подтверждение своих рассуждений о плодотворности поколенческого прочтения истории современного этапа советской / российской социологии. Много в такой методологии историко-наукоеведческого поиска не ясно, но, очевидно, ждать полного прояснения — бессмысленно.

Если иметь, в виду развитие данного исследования по истории советской/российской социологии, то завершившийся недавно 2014 год оказался очень богат событиями; назову три из них.

Первое — этому проекту исполнилось десять лет. Все началось с моей статьи о жизни и творчестве Бориса Андреевича Грушина в летнем выпуске питерского журнала «Телескоп» и осенней заметки там же «История есть, только если она написана». Как показало время, она стала программой моей многолетней работы историко-биографической направленности.

Второе, благодаря ряду обстоятельств, в прошедшем году резко возросло количество проведенных интервью; с 2005 до 2013 годы было проведено и опубликовано 52 интервью. К концу 2014 года их число превысило 80, а еще через месяц вплотную приблизилось к сотне.

Третье обстоятельство: на протяжении 2005–2012 годов моими собеседниками были социологи первых четырех поколений, т.е. те, кто родился до 1958 года. Причины к тому было много, и одна из них – родившиеся позже мне долго казались слишком молодыми в качестве «информаторов» при изучении прошлого нашей науки. Лишь 2013 году было проведено первое интервью с представителем пятой профессионально-возрастной группы (годы рождения: с 1959 до 1970) и начато изучение биографий исследователей, шестого поколения советских / российских социологов; к нему относятся те, кто родился в промежутке между 1971 и 1982 годами. Знакомство с социологами пятого и шестого поколения происходило легко, быстро, к концу 2014 года суммарное количество бесед с представителями двух этих групп приближалось к 30.

Но спустаться ниже по лестнице поколений мне не хотелось, еще в первом полугодии 2014 года я говорил о проблематичности того, что я вообще, и по крайней мере – в ближайшие годы, буду изучать седьмую когорту (родившиеся в интервале 1983–1994 гг.). Боялся исключительной неизвестности для меня этой общности. Когда в начале 1994 года я уезжал из России, старшеньким было 10–11 лет, а самые младшенькие еще и не родились. Возраст социологов этой страты нашего сообщества сейчас варьирует в интервале от 20 лет до 31 года, и у меня было основание считать их «слишком» молодыми для беседы о прожитом и сделанном. Однако в конце августа я решился на такой шаг.

В целом, интерес к поколениям социологов, годы рождения которых приходят на последнюю треть прошлого столетия (точнее, с 1959 по 1994 гг.), возник прежде всего в связи с постепенно складывавшемся пониманием процесса развития послевоенной советской/российской социологии, с осознанием неправомочности, искусственности его «разрыва», неминуемого последующего при анализе и описании лишь жизненных траекторий представителей старших и средних поколений. Когда-то я ввел понятие «толстого настоящего», понимая под этим своего рода «присоединение» к сегодняшнему дню событий и фигур все более удаляющегося прошлого. Именно так я поступал при изучении биографии и творчества Джорджа Гэллапа и смог остановиться лишь опустившись к временам колонизации Америки английскими поселенцами и возникновения первой формы американской демократии – Городского собрания Новой Англии. В частности, при стремлении лучше понять характер психологического образования Гэллапа – по окончании университета он имел Ph.D. по психологии – и при обсуждении темы передачи накапливаемого в науке опыта от одних поколений к другим, мне удалось построить несколько траекторий преемственности, связующих Гэллапа через его преподавателей с одним из основоположников американской психологии Уильямом Джемсом.

В данном исследовании, исходящем из моей концепции второго рождения советской социологии, «утолщение настоящего» можно было осуществлять только за счет перехода от бесед с представителями первых поколений социологов к более поздним. Но это концептуальное допущение, как мне кажется, в логическом отношении верное, было сложно положить в основание практики

интервьюирования. Поначалу моими собеседниками были старшие по возрасту коллеги, потом — мои ровесники или социологи, родившиеся в 1950-х, с ними со всеми мне было легко говорить, и не только потому, что с большинством из них я был знаком, но потому, что знал, чувствовал атмосферу их жизни. В шестом поколении ситуация иная; так, на данный момент проведено 17 интервью с социологами этой страты, но с девятью из них я никогда не встречался. Из семерых респондентов следующей генерации я пока лично знаком лишь с одним.

Но теперь, когда сомнения в правомерности изучения биографий социологов шестого и седьмого (тем более, пятого) поколений рассеялись, когда построена система общения с ними, я понимаю, что все это было необходимо сделать. Иначе, в рамках короткого перечня профессиональных поколений было бы очень сложно изучать многие проблемы динамики науки, другими словами, без интервью с поздними поколениями автоматически снижается ценность информации, полученной от представителей первых когорт. Я бы сказал, что в этом случае значительно ослабевает такая функция истории науки, как соединение — в самых разных формах — поколений ученых.

В 1970 году Владимир Шляпентох, уже многие годы живущий в Америке, опубликовал книгу «Социология для всех», в которой впервые познакомил советскую интеллигенцию с возможностями и методами социологии, интерес к которой и надежды на которую в те годы были очень высокими. Эта книга была заслуженно высоко оценена социологами, работавшими в 70-х, однако для них она не была знаковой, многое в ее содержании было им знакомо. Но два интервью, проведенные в 2014 году, свидетельствуют в пользу того, что книга оказала влияние на формирование нашего социологического сообщества. В начале 1970-х активист-комсомолец, а ныне — академик, директор Института социологии РАН Михаил Горшков (5-е поколение) вспоминает, что в процессе втягивания в работу с молодежью он открыл для себя литературу по проблемам молодежи — В. Т. Лисовского и С. Н. Иконниковой. Но социальная проблематика становилась все более интересной после того, как в руки попала книга В. Шляпентоха «Социология для всех». Появилось углубленное желание узнать, что такое прикладные социологические исследования и как они проводятся».

А вот как описывает свое знакомство с социологией молодой екатеринбургский социолог, профессор Анна Багирова (6-е поколение); она завершала школу и задумывалась о выборе профессии: «социология тогда вдруг стала очень актуальной, «модной» наукой, для поступления надо было сдавать математику (а я ее хорошо знала и любила), учиться можно было в Свердловске, это всего час лета от Магнитогорска. Да, еще был такой факт: знакомая родителей работала социологом на Магнитогорском металлургическом комбинате, и она дала почитать мне несколько книг. Среди них оказалась «Социология для всех» В.Э. Шляпентоха. Пожалуй, то чтение окончательно и направило меня на специальность «Прикладная социология» Уральского государственного университета». Конечно, я написал Шляпентоху о том, что в Екатеринбурге есть социолог, пришедший в науку после чтения его книги, ему было очень приятно, ведь прошло свыше сорока лет после выхода книги в свет, а для Багировой привет от Шляпентоха был почти как послание с Марса. В моем понимании, и это акт соединения поколений.

Поколенческий подход к прошлому-настоящему-будущему отечественной социологии может рассматриваться как процесс становления и смены поколений социологов, это – общая, генеральная задача. Пока же можно сказать одно, все эти поколения формировались в различных социально-политических средах, на разных этапах развития самой социологии. Инструментом такого историко-научно-исследовательского исследования может стать функциональный анализ, т.е. определение и изучение функций каждого из поколений и того, как они осуществлялись.

Тема функций социологических поколений, их ролей в развитии науки стала обсуждаться мною в 2010 году, но тогда в поле моего анализа находились лишь жизненные траектории представителей четырех поколений и количество опрошенных не достигало и полусотни. Сейчас наступает время вернуться к рассмотрению этой темы, ибо уже есть биографические материалы о социологах семи поколений и количество опрошенных удвоилось. На конец января на сайте проекта было размещено 96 интервью, кроме того есть около полудюжины законченных бесед, но еще не вынесенных в Интернет, и примерно десяток почти завершённых интервью. «Почти» означает, что в разговоре с собеседниками уже обсуждаются события его жизни в настоящее время.

Назначение настоящего текста не предполагает сколь-нибудь полного освещения тематики функций поколений, но я назову их (Таблица 1) и слегка аргументирую «имя» функции, которая – как мне кажется – возложена историей, динамикой развития отечественной социологии на шестое поколение

Таблица 1

Главные функции первых семи поколений советской / российской социологии

Поколение	Годы рождения представителей поколения	Кол-во опрошенных	Главная функция
I	1923 – 1934	8	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	Конец 1920-х – начало 1930-х	13	Расширение предметного поля исследований
III	1935 – 1946	25	Развитие эмпирических методов
IV	1947 – 1958	28	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959 – 1970	18	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971 – 1982	17	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983 – 1994	7	Вхождение в глобальное социологическое сообщество
Итого		116	

Представления о функциях – следствие макроанализа полувекового развития российской социологии и изучения свыше сотни интервью.

Безусловно, 116 биографий социологов в статистическом отношении не репрезентируют все сложно организованное многопоколенное и дисперсное сообщество советских/российских социологов. Но эта совокупность респонден-

тов — не группа «случайных» людей, это — «лидерское», рискну сказать — «элитное» множество ученых, во многом определявших развитие советской/российской социологии на протяжении более полувека и давших импульс основным трендам в ее динамике на несколько десятилетий вперед. Методология настоящего историко-социологического изыскания, вообще говоря, не требует наличия группы ученых, статистически репрезентирующих ту или иную генеральную совокупность социологов, к тому же я вообще сомневаюсь в возможности построить такую выборку; уж очень неопределенна природа и параметры этого гипотетического генерального множества. Обсуждаемый проект и задумывался, и сложился как совокупность «кейсов», его можно трактовать как монографическое исследование меняющейся во времени реальности с помощью целенаправленно настраиваемой измерительной технологии.

Монографическое социальное исследование валидно, если оно в достаточной полноте выявляет и описывает ситуации, процессы, характерные для изучаемого объектно-предметного пространства. В целом о многих свойствах этого пространства можно судить априори, но действительная картина изучаемого фрагмента социальной реальности проясняется лишь по мере накопления и предварительного рассмотрения информации о его свойствах и динамике. Так, в нашем случае, можно было гипотетически, прибегая к принципам макро историко-наукоеведческого анализа, построить серию траекторий вхождения философов, историков, экономистов, математиков, филологов в социологию, но лишь беседы с ними позволили увидеть, как это происходило, благодаря и вопреки чему.

Каждый человек, рассказывая историю своей семьи, описывая процесс ранней социализации, получения образования, начало и развитие собственной карьеры, выстраивает нечто уникальное, единственное. Вместе с тем это уникальное во многом является цепочкой сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях его коллег, прежде всего — его ровесников и представителей его социологического поколения. Все эти более или менее часто встречающиеся жизненные коллизии образуют «матрицу событий», или «событийный каркас» большинства биографий.

Внутри этой матрицы располагаются различные событийные зоны. К примеру, есть множество рассказов социологов первого и второго поколений о трудностях и невзгодах пережитых ими в военные годы, есть несколько воспоминаний об их жизни в блокадном Ленинграде. Такова среда, в которой формировались эти когорты, и каждое новое интервью, в котором отражены переживания военного времени, повышает плотность событийной ткани в соответствующей матричной «ячейке», но не увеличивает количество самих ячеек.

Пока количество интервью оставалось небольшим, содержание каждого нового заметно увеличивало количество матричных ячеек, это означало, что результаты анализа собранной информации имели низкую логическую валидность. Но постепенно, с ростом числа бесед новые ячейки в матрице стали появляться все реже, происходило лишь уточнение границ уже существующих. Вот это-то и позволяет говорить о валидности, или логической репрезентативности, собранного массива информации. Основанием для приведенных рассужде-

ний являются выводы и практика статистического последовательного анализа (statistical sequential analysis), предложенного в конце 1940-х американским математиком А. Вальдом.

17 бесед с социологами седьмого поколения, тем более, учитывая высокую гетерогенность его состава, это немного для всестороннего анализа данной совокупности, но это уже — неплохая база для формулировки предварительных выводов, гипотез об ученых этой когорты и о функциях поколения в целом. Тем более, что все, наиболее характерное для каждого поколения, не возникает на «пустом месте». Оно зарождается, а, значит, может быть обнаружено в предыдущих стратах и не исчезает в последующих. Согласно Таблице 1, социологические страты V–VII представлены 42 специалистами, что уже значимо и в статистическом отношении. Более того, главная функция, которой наделено шестое поколение — «Определение характера постсоветской российской социологии», зародилась много раньше, чем данная когорта в принципе могла приступить к ее реализации. В силу своего возраста молодые социологи реально могли включиться в исследовательский процесс лишь в первой половине «нулевых» годов текущего столетия, но к тому времени их старшие коллеги уже около двух десятилетий размышляли о сути, характере, содержании постсоветской социологии.

Им всем помогал опыт, понимание сделанного и стремление к обновлению парадигматики российской социологии, расширению предмета и объекта исследований, обогащению языка науки. Но прошлое не могло не тормозить подобное движение, слишком много было пережито; и в жизни, и в профессиональной деятельности. Главная особенность шестой профессионально–возрастной страты нашего сообщества заключается в том, что первичная социализация большинства из ее представителей проходила в СССР, а ее профессиональное становление — в новой, независимой России. По сути, они стали собственно первыми социологами постперестроечной России. Не могу не отметить, что Виктор Вахштайн, принадлежащий к шестому поколению, сам называет его «первым постсоветским поколением».

И в этом я усматриваю особую близость этого поколения и первого, которое стояло у истоков современного этапа отечественной социологии. Социологам первого призыва предстояло выйти из недр, традиций, императивов, исторического материализма и обосновать существование социологии как самостоятельной науки. На это ушли десятилетия, но к моменту становления шестого поколения они решили эту задачу. Молодые входили уже в новую социологию, хотя не стоит упрощать этот процесс, он — многоаспектный и не заверченный.

12-ти летний интервал формирования поколения социологов — это результат специальной типологической процедуры, включающей в себя предположение о необходимости разделения (при специальном анализе) этой совокупности на более однородные по возрасту группы. Таким образом, внутри двенадцатилетки выделяются четыре «трехлетки». Первая из них — родившиеся в 1971–1973 годах — это «старшая страта» шестого поколения, следующие две трехлетки: 1974–1976 и 1977–1979 — это годы рождения середины, центра, ядра поколения. Те, кто родился в 1980–1982 годах, составляют младшую часть поколения.

Виктор Вахштайн принадлежит к младшей прослойке шестого поколения, и это уже само по себе во многом определило и особенности его социализации, и путь его вхождения в социологию; имеется в виду поле, пространство возможностей, в котором, исходно, он оказался, а позже, — которое он сам активно создавал.

Кто из социологов первых пяти поколений в принципе мог бы (потенциально) пройти такой путь в социологию, как Виктор? Он так начинает свой рассказ: «Середина 90-х годов — пик так называемого еврейского возрождения. Я очень интенсивно включился в эту жизнь в 15 лет и оставался «внутри» до 21-го. А центральным элементом всей этой конструкции — еврейского национального возрождения — были так называемые Бейт-Мидраши: особый формат работы с текстами, разбор изложенных в них аргументов как ходов в шахматной партии. Мы учились видеть идеи как вещи. Так получилось, что практика бейт-мидрашей объединяла трех вечных антагонистов (и самых активных игроков в этом культурном пространстве): ортодоксальных религиозников («датим»), автономистов-традиционалистов («Гиллель») и светских сионистов («Сохнут»). Все читали тексты, все учились с ними работать как с ресурсом собственного воображения и мышления. И не важно, кто во что верил или не верил. Закончилось все, конечно, тем, что на мидраши мы все реже брали религиозные тексты и все больше — теоретические. А потом я уехал в Москву учиться социологии».

Много лет назад я начинал разработку особенностей третьего поколения социологов с анализа биографии Валерия Борисовича Голофаства, который пришел в социологию после многих лет поэтических поисков и обучения на филологическом факультете ЛГУ. Именно тогда я начал задумываться о биографичности социологического творчества и о том, насколько работа с текстами формирует сознание социолога. Несколько лет назад я в аналогичном ключе писал статью о жизни и творчестве Геннадия Семеновича Батыгина, который очень рано стал задумываться о природе художественного текста. Батыгин был одним из учителей Вахштайна, и Виктор поделился своими воспоминаниями о нем. Таким образом, открываются очень заманчивые перспективы изучения особенностей творчества социологов, для которых текст обладал многослойностью смыслов и требовал особого отношения. Пару лет назад я написал небольшое эссе о Голофастве под названием «В нем всегда присутствовала “дисциплина текста”, присущая людям поэзии»; хотел бы, чтобы это было началом обозначенной темы. К сожалению, и Батыгин, и Голофаств, с которыми меня связывали дружеские отношения, ушли из жизни до того, как я приступил к интервьюированию социологов.

Отвечая на мои вопросы, Виктор рассказывает о себе, но в этом повествовании я нахожу много сюжетов и линий, двигаясь из которых и вдоль которых, можно пытаться понять суть, особенности его (шестого) поколения и по-новому увидеть всю поколенческую структуру нашего профессионального сообщества.

Интервью с Виктором Вахштайном позволит узнать его тем, кто лично не знаком с ним, а тем, кто думает, что знает его, понять, знают ли они его...

Вахштайн В. С. : «Мы были “морем молодых”, которые “выползли из тьмы”»

В последнее время я все более интересуюсь предысторией, или предбиографией, моих собеседников... действительно, когда-то я читал, что имя человека — важнейшая информация о нем... действительно, это так... но имя — в широком понимании, не только имя собственное, но, конечно, и оно... много лет назад я спрашивал Жана Терентьевича Тощенко, откуда у него французское имя, Александр Филиппов рассказал историю имени его отца — Фридрих, петербургский социолог Тукумцев поведал о своем имени и отчестве — Будимир Гвидонович... и так далее... Не знаете ли Вы, происхождение Вашей фамилии — Вахштайн, мне кажется, здесь даже второе «а» редкое. Вообще, насколько глубоко Вы знаете историю своей родительской семьи?

Историю своей семьи я знаю довольно хорошо; по отцовской линии чуть лучше, чем по материнской. Фамилия Вахштайн происходит из Австро—Венгрии, где ассимиляция еврейского населения была довольно высокой. Изначально она писалась как «Вахтштайн» («сторожевой камень»), но потом «т» редуцировалась. Почему она не транслитерировалась в более привычное русскому уху «Вахштейн» — отдельная история. После аннексии Северной Буковины и ее присоединения к СССР в 1940 г. старший брат моего деда настоял на сохранении именно такого «спеллинга». Среди вахштайнов было традиционно много раввинов и библиотекарей. Что, в общем-то, не удивительно, семья отца родом из Черновиц — для них это был сакральный город, что-то среднее между еврейским Эльдorado и еврейской же Атлантидой. В нем я провел довольно большую — судя количеству воспоминаний — часть детства. (Другую его часть я провел у второй своей бабушки, в Тбилиси).

Уже во взрослом возрасте я попытался найти — чем же таким отметились Черновцы в научном мире. Ну не может же быть так, чтобы город был настолько заметен в культуре и совсем незаметен в науке. В общем, единственное, что мне удалось найти о судьбоносной роли черновицкого университета (рядом с которым мы жили) в истории социальных наук — это дуэль Йозефа Шумпетера с местным библиотекарем. Шумпетера сослали из Вены на восточную окраину империи, в Черновцы, за бретерство и несносный характер. Он уже через несколько месяцев вызвал на дуэль университетского библиотекаря за то, что тот отказался выдавать книги его студентам. Небезосновательно — книги были дороги, и студенты имели свойство их периодически пропивать.

Виктором же меня называли в честь прадеда — меховщика, театрала, капрала австро-венгерской армии и лидера местной ячейки еврейской социалистической партии «Бунд». Точнее, не Виктором, а Авигдором. Но в еврейских семьях двойное произношение имени (одна версия — для христианского мира, другая — для ближнего круга) всегда было скорее нормой. Виктор-Авигдор, Самуил-Шмуэль, Семен-Шимен... Теперь вот моя дочь, Эрна-Эстер, названная в честь моей бабушки.

Впрочем, о своих предках я могу рассказывать долго — на каком-то этапе для меня стало важно поднять эти биографические пласты, постараться запомнить и опереться на все эти семейные истории. Думаю, такой интерес вообще свойственен «первому постсоветскому поколению».

Да, прав Флоренский и более старые авторы, имя — многое говорит... о многом говорит.

Виктор, Вы пишете: «Ну не может же быть так, чтобы город был настолько заметен в культуре и совсем незаметен в науке». Вы правы, и, допускаю, что Ваш вывод был бы иным, если бы Вы рассматривали науку, которую развивали в Черновцах, к примеру, как продолжение традиций интерпретации Торы. Ведь это самая настоящая философия, семантика... Не знаю, учились ли Вы у Г. С. Батыгина, но он на эту тему много думал и обсуждал ее...

Есть такая гипотеза о влиянии процессов ассимиляции и еврейского просвещения (наскалы) на университетскую науку — мол, люди, поколениями читавшие Тору, вдруг вырвались на оперативный простор европейских университетов. Она всегда вызывала у меня сомнения. (Чтобы в ней усомниться достаточно посмотреть: кто читал Тору, а кто вырвался на оперативный простор.) Просто это две очень разные традиции обращения с миром и текстом, существовавшие порознь большую часть своей истории. Так что наука (пусть даже черновицкая наука начала XX века) — это одно, а иудейская традиция работы с текстом — совсем другое. Между ними, несомненно, есть пересечения и гомологии, но если смотреть на эти интеллектуальные традиции исторически, их нужно рассматривать как непересекающиеся множества.

Впрочем... кто же из нас смотрит на мир исторически?

Я учился у Геннадия Семеновича Батыгина в Шанинке, и наш курс был последним, кто слышал его лекции (он умер за месяц до синопсиса — предзащиты диссертаций). Меня всегда поражало, как ему удается использовать одновременно отсылки к хасидским притчам, греческой «пайдейе», диссертации Роберта Мертона об энтузиастических сектах, этосу научного познания, количественным исследованиям, римскому праву, неокантианству марбургского толка, пролетарской поэзии Гастева и филологии в духе Гаспарова. Вот как?! А для него все это были части единой мировоззренческой конструкции, организованной вокруг базовой метафоры: «мир как текст». Видеть мир сквозь эту метафору для него было естественно и, более того, равнозначно «следованию традиции».

Самое интересное, что его текстоцентричная методологическая установка — свести всю изучаемую область мира к некоторому корпусу прецедентных текстов — как-то легко уживалась с его предельно позитивистским отношением к методической работе. «Мир есть текст» — эта метафора в Батыгинской концептуализации вовсе не предполагала герменевтического продолжения «...и потому нуждается в интерпретации». Ровным счетом наоборот! По Батыгину получалось: «мир есть текст... поэтому, чтобы увидеть мир, нужно собрать корпус прецедентных текстов и провести количественный анализ частотных распределений употребления тех или иных лексем в данном узусе».

Забавно. Я и мой однокурсник по Шанинке Дима Куракин восприняли очень большую часть батыгинской философии познания. Много из того, что мы написали с Куракиным в соавторстве про прикладную эпистемологию социоло-

гического исследования — прямое продолжение наших разговоров с Батыгиным в Шанинке. Но... Настаивая на связи своей методологической позиции с иудейской традицией, Батыгин лукавил.

А может быть, и нет. Просто так странно понимал иудейскую традицию.

Ведь батыгинское поколение — полностью ассимилированное и большую часть жизни не имевшее никакого представления о существовании еврейской традиции — прошло огромный путь ее самостоятельной реконструкции. Они во взрослом возрасте (и при не самых благоприятных обстоятельствах) открывали для себя хасидский мистицизм — даже если не видели различий между хасидами и миснагедами. Они сами учили язык — пусть иногда путали иврит с идишем. Они осваивали комментарии Рамбама — хотя иногда считали Новый завет органической частью Ветхого. Это интеллектуальный подвиг, конечно. Но от такой реконструкции «иудейской традиции» оставалось очень странное ощущение: как от песен еврейского диссидентского подполья 1970-х годов — бардовский фольклор, казачья удаль, политический протест плюс несколько отсылок к Святой земле и два-три слова на иврите. «Иудейская философия» Батыгина явственно отдавала Аристотелем, Кантом, Когеном, русской литературой и учебой на философском факультете МГУ, помноженными на метафору мира как текста.

Мы поколенчески находились в иной ситуации. Середина 90-х годов — пик так называемого еврейского возрождения. Я очень интенсивно включился в эту жизнь в 15 лет и оставался «внутри» до 21-го. А центральным элементом всей этой конструкции — еврейского национального возрождения — были так называемые Бейт-Мидраши: особый формат работы с текстами, разбор изложенных в них аргументов как ходов в шахматной партии. Мы учились видеть идеи как вещи. Так получилось, что практика бейт-мидрашей объединяла трех вечных антагонистов (и самых активных игроков в этом культурном пространстве): ортодоксальных религиозников («датим»), автономистов-традиционалистов («Гиллель») и светских сионистов («Сохнут»). Все читали тексты, все учились с ними работать как с ресурсом собственного воображения и мышления. И не важно, кто во что верил или не верил. Закончилось все, конечно, тем, что на мидраши мы все реже брали религиозные тексты и все больше — теоретические. А потом я уехал в Москву учиться социологии.

Когда Батыгина уже не стало, я начал вести семинары по социальной теории, валидировал свой курс по социологии повседневности... Тут стало понятно, как именно нужно выстроить теоретические семинары — так, как мы работали с текстами на бейт-мидрашах. (Ведь прошло всего два года с того момента, как я вышел из этой культурной среды и включился в другую, научную, московскую.) Отсюда родился формат «Шанинского аналитического чтения». Это просто перенесенный, транспонированный в академическую рамку способ работы с текстами. Он существует в Шанинке уже десять лет, а в последние годы распространился в некоторых других регионах. В конечном итоге, наука — это не производство знания, а производство идей. Бейт-мидраш как метод чтения — просто один из способов такого производства.

Здесь тоже след поколенческих различий. Для Батыгина традиция — предмет интеллектуального освоения. И он берет из нее метафору «мир как текст». Для меня же это была практика — прежде всего, практика определенным образом организованного коллективного чтения. Мир не сводится к тексту,

а текст — к миру. Позднее мы попытались это сформулировать с Андреем Корбутом и Мишей Соколовым в своем манифесте: «Слова не отражают мир и не создают его. Они просто делают его видимым».

Читая, мы реконструируем заложенную в тексте систему различений, ищем его аксиоматические допущения, смотрим, что этот язык дает нам возможность увидеть, о чем позволяет говорить, какие вопросы позволяет поставить и на какие — ответить. Я чувствовал смысл и ценность того, что делал Батыгин, но сам никогда не пытался отнестись к «иудейской традиции», находясь в принципиально ином онтологическом регионе — мире науки. Скорее, задача была в том, чтобы обратить бейт-мидраш, как практику чтения прецедентного текста, на пользу теоретической работе в социологии.

Мне очень интересен Ваш рассказ о Г. С. Батыгине, и не только потому, что это рассказ об учителе, тогда как для меня он был коллегой, с которым меня связывали годы дружеских отношений. Но дело и в том, что в 1994 году я эмигрировал в Америку, и потому видел его лишь в самом начале пути к тем взглядам и к тому стилю общения, о котором Вы рассказали.

Теперь Виктор вернемся к траектории Вашей до московской жизни. Где Вы родились, чем занимаются Ваши родители? Где прошла основная часть Ваших школьных лет? Под руководством кого Вы осваивали систему работы с текстами, характерную для Бейт-Мидраша?

Я родился и прожил большую часть своей жизни в Пензе. Мои родители — журналисты, проработавшие сорок лет на радио (отец) и телевидении (мама). Все то время, которое я не проводил вместе с сестрами у своих бабушек в Черновцах и Тбилиси, я отирался на пензенской телерадиокомпании. Там же впервые начал работать, помогая отцу с прямыми эфирами. До сих пор напряженная атмосфера эфирной студии мне кажется какой-то... домашней что ли.

Мои родители оказались в Пензе по разным, но одинаково курьезным причинам. Мама — дочь военного, служившего в Тбилиси, окончила Тбилисский госуниверситет, факультет журналистики, даже опубликовала что-то о развитии русскоязычной публицистики на Кавказе, и попала под «распределение». Она намеревалась поехать работать поближе к родственникам — в Пермь, но... В общем, Вы уже поняли. 75% населения нашей необъятной родины не различают Пермь и Пензу, мама оказалась в их числе, и вскоре обнаружила себя на пензенском телевидении. Папа мечтал поступить во ВГИК и стать фотографом. (Он до сих пор очень хорошо снимает.) Но родители убедили его поступать в черновицкий университет. В 1964 году. С фамилией Вахштайн. Нет, не так чтобы у отца совсем не было шансов... Но учеба и до университета не была его сильной стороной (в последствии он учился в пяти вузах, из которых окончил один). В итоге, отец оказался в Пензе, в политехническом институте, просто потому что «...лучше ты будешь учиться на инженера там, куда тебя возьмут, чем не учиться там, куда не возьмут... к тому же вот смотри, туда прошел сын дяди Миши и если что, будет, у кого спросить...». Моя бабушка знала шесть языков, писала стихи на немецком, до 80 лет могла перечислить все полотна Ренуара, цитировала на румынском Михая Эминеску и — формально не имея вообще никакого образования (их вместе с дедом выгнали из последнего класса лицея за

участие в коммунистическом подполье) — была самым образованным человеком в моей семье. Однако когда речь заходила о будущем единственного сына превращалась в архетипическую местечковую еврейку.

Сложные отношения между моей семьей и пензенским образованием характеризует один примечательный случай. Русский — не родной язык отца. До семи лет он говорил практически исключительно на идише. (Сейчас у него, конечно, правильный и богатый язык, но это потребовало от него уже во взрослом возрасте уймы усилий и дополнительных занятий.) Поступив в пензенский политех, отец в первую же сессию завалил английский. И вместо передачи пошел на немецкий (которого не знал совсем). Вытянув билет с темой, он без подготовки на своем родном идише очень бегло с выразительной интонацией и жестиком описал все, что требовалось. Комиссия притихла. Переглянулась. Председатель безмолвно поставил «отл.» в зачетку и вполголоса предупредил отца: «Молодой человек, я не знаю, где Вас готовили, но лучше избавьтесь поскорее от этого баварского диалекта — он привлечет к вам ненужное внимание». С третьего курса отца все-таки отчислили, и он пошел работать на завод.

Отношения с родным городом у меня складывались в широком эмоциональном диапазоне: от яростной ненависти до спокойного отвращения. Примирился я с ним только в последние годы (то есть, примерно, лет через десять после того, как оттуда уехал). Сейчас я люблю возвращаться, и жду каждого нового приезда с любопытством — город наконец-то стал мне чужим. Все самое ценное, что было встречено мною в Пензе, Пензу, мягко говоря, недолюбливало. Сейчас я понимаю, какая это роскошь — не идентифицироваться с тем, что тебя окружает. При этом мне страшно везло с учителями. В лицее со мной занимались Светлана Валентиновна и Константин Николаевич Улановы — поэтому свою первую «научную работу по обществознанию» я опубликовал в каком-то пензенском сборнике в 16 лет. Выбирая вуз, пошел по пути наименьшего сопротивления — туда, куда призерам всероссийских олимпиад не нужно было сдавать экзамены. Но выбрал психологию. Она тогда казалась мне настоящей наукой. В университете на парах почти не появлялся и регулярно публиковался в местных сборниках благодаря своему другому учителю — Юрию Ивановичу Кривову. Он читал со мной Парсонса и теории социализации, разбирал тексты экзистенциалистов, настаивал на том, чтобы я больше переводил (кстати, те свои переводы я публикую до сих пор). С 2014 г. Юрий Иванович — мэр моего родного города. Думаю, это большой шаг вперед для Пензы и маленький — для Кривова.

Выше Вы заметили, что оставались «внутри» еврейского возрождения до 21-го года, т.е. уже после окончания школы. Это была форма образования, самообразования, Вы планировали профессионализироваться в этой области?

Да, в синагоге я бывал чаще, чем в университете. Синагогой в Пензе называется «общинный дом», в котором до революции находилось еврейское самоуправление, а сейчас — все еврейские организации от воскресной школы и библиотеки до, собственно, синагоги. Начиная с 11-го класса, мы с друзьями по «Гиллелю» издавали свою литературную газету. Гиллель — студенческое движение

культур-автономистов, т.е. тех, кто верит, что при помощи слегка реформированного (консервативного) иудаизма можно создать насыщенную культурную среду в «странах рассеяния». Частью такого средообразования и был бейт-мидраш.

Позднее, уже курсе на третьем, я вышел из движения, а годом позже получил приглашение из Самары (где находился поволжский центр Еврейского агентства в России) возглавить молодежку «Сохнута» в Пензе. И ушел к бывшим политическим оппонентам. (Если коротко резюмировать основные различия: автономисты верят, что Израиль — это опционально, а иудаизм — обязательно. «Сохнутовцы» — наоборот.) Но тогда, к концу 90-х началу 00-х накал борьбы уже спал, противостояния сионистов и автономистов не наблюдалось. Еврейское агентство «Сохнут» изменило приоритеты — массовая эмиграция закончилась, основная миссия была выполнена — и вся гигантская машинерия «Сохнута» переориентировалась на другие задачи. В первую очередь — просветительские и образовательные. Тогда же в Еврейское агентство стали приходить люди, которые раньше обходили его стороной. В Самаре сложился очень интересный круг тех, кто занимался неформальным образованием — бейт-мидрашами, семинарами, школами, детскими лагерями. Названия наших семинаров того времени: «Память и реальность», «Автор — читатель — герой», «Архитектура и текст», «Четыре поколения израильской литературы», «Тора / Сценарий», «Идеальные города» и т. д. Работа с текстами опять стала связующим элементом.

Нет, никто из нас не хотел профессионализироваться в этой сфере. Хотя те, кто остался в «цевете» (команде) все же профессионализировались и сделали неформальное образование своим основным занятием. Но большинство разбежалось, каждый вынес с собой что-то из этой практики. Кто-то в педагогику, кто-то — в современное искусство. Я — в социальную теорию.

По каким предметам Вы были призером всероссийских олимпиад? Это Улановы толкнули Вас в обществоведение или прежде всего радио? Я не понял, Ю. И. Кривов был Вашим школьным учителем или уже университетским?

Улановы — школьными учителями, Кривов — университетским. Я оканчивал финансово-экономический лицей. В 90-е годы экономика стала идеологией, наши учителя молились на плохо переведенный учебник «Junior Achievement», на месте пионерских организаций в продвинутых школах создавались «бизнес-клубы», а вместо ветеранов на открытые занятия поговорить о своей жизни приглашали успешных бизнесменов. Уроки английского заменялись уроками «Business English». Вместо сочинения на тему «Как я провел лето» мы писали сочинение «Stock market and long-term investments». Этого на тот момент было достаточно, чтобы на всю жизнь невзлюбить экономику.

Улановы преподавали историю и социологию, отличаясь удивительным для Пензы свободомыслием. Вместе со Светланой Валентиновной я поехал в Москву и выиграл что-то такое всероссийское про «граждановедение». Однако нет, в социологию я тогда пойти не решился — мне хотелось заниматься настоящей экспериментальной наукой, открывать законы человеческого поведения. С 9-го класса я зачитывался книжкой Фресса и Пиаже «Экспериментальная психология», ставил эксперименты на (бедных) живших у нас кошках. Мой роман с психологией длился пять лет в университете. (Точнее, в библиотеке.) Собственно, уже там за меня взялся Кривов. На втором курсе включил в свой проект РГНФ

(что для пензенского университета было чем-то неслыханным) и намекнул, что мне все же стоит заняться нормальной теоретической работой. Поэтому решение уехать учиться после университета я принял сравнительно рано с его подачи. Но о социологии тогда речь еще не шла. Этот выбор я сделал уже позднее – познакомившись с Шанинкой.

Вы были очень глубоко вовлечены в еврейскую культуру, изучали иврит, не думали об эмиграции в Израиль?

Конечно, думал. И до сих пор чувствую себя в Израиле куда больше дома, чем в Испании (которую последний год считаю своим основным портом приписки). Но я с 9-го класса знал, что буду заниматься наукой, хотя и понятия не имел – какой. В Израиле же я не нашел ничего, что было бы мне интересно в научном плане. И чем ближе я знакомился с израильской наукой позднее, тем больше убеждался в правильности своего выбора.

Жаль, что так получилось. В США в колледже я «брал» курс Investments и изучал методологию Mutual Funds (в России их называют Паевыми Фондами), думаю, если бы мне пришлось читать эту тему школьникам, половина пошла бы в брокеры. Тогда просто российские учителя не знали «эту материю».

Сначала короткий вопрос (?), что значит в данном случае Испания как порт приписки?

Да, жаль не Вы у нас преподавали экономику...

Испания – это долгая история, которую сейчас не хочется рассказывать с конца. Просто год назад завертелась череда забавных и нелепейших событий (связанных с публикацией данных нашего исследования «Евробарометр в России»), завершившаяся, впрочем, ко всеобщему удовольствию моим отъездом в южную Валенсию. Там за последний год я провел 6 месяцев, остальные – в Манчестере и других интересных местах. Сейчас на три месяца приехал в Москву, но к новому году планирую вернуться домой, в Аликанте.

По какому направлению психологии Вы заканчивали университет, делали дипломное исследование?

На первых курсах я планировал заниматься экспериментальной наукой (что довольно наивно звучит в условиях Пензы конца 90-х), потом переключился на клиническую психодиагностику (благо, практика в психиатрической клинике быстро избавила меня от иллюзий), на последних курсах занимался исключительно теоретической психологией, старался показать, как социально-психологическая теория может ответить на вопросы, поставленные экзистенц-философией.

Тогда же у меня появилась идея совместить приятное с полезным. В дипломе (а он, по старой советской традиции, не мог быть чисто теоретическим) я пообещал исследовать связь между ценностными ориентациями и локусом контроля. Но делать это на своих сокамерниках по вузу было бы тратой времени. Поэтому я поехал на полгода в Штаты, в Йеллоустонский национальный парк работать поваром в ресторане. Так что первое мое самостоятельное исследование получилось кросс-культурным: мы весь день «стояли в лайне» (моя официальная позиция называлась «Line cook II»), потом еще несколько часов тихо выпивали у себя в кают-компании (тихо – потому что большинству не было 21-го), а потом я доставал опросники Роттера и Рокича... Чудом уцелел.

Но, конечно, самым ценным в той поездке были не дурацкие психологические тесты, а удивительная возможность наблюдать, как гигантская отлаженная корпоративная машина существует за счет множества локальных хитростей и уловок. Мои друзья-повара обязаны были на время обеденного перерыва «выходить из системы» (check out), чтобы им не платили за то время, что они обедают. Наши, разумеется, никогда этого не делали. Поэтому машина автоматически вычитала у них час рабочего времени, полагая, что они «просто забыли». Когда это стало ясно через месяц, средняя продолжительность обеда у сотрудников упала до 20 минут (они честно выходили из системы на 20 минут, а обедали все равно на рабочем месте в рабочее время). Аналогичная история была у официантов. Они должны декларировать свои чаевые и платить с них налоги. Если их не декларировать совсем, HR вас уволит – потому что если вам не платят чаевых, значит вы плохой официант. «Минимально приемлемый порог» вновь был найден очень быстро. Выяснилось, что официант за вечернюю смену зарабатывает в среднем от 15 до 20 долларов.

Я фиксировал в дневнике все эти мелкие ходы, тактики, уклонения, поражаюсь параллельности сюжетов поведения у поваров, официантов, менеджеров, хостов. А спустя несколько лет прочитал у Гарфинкеля «...убрать все эти незаметные нерелексивные практики, чтобы посмотреть, на чем держится социальный порядок – все равно, что убрать стены, дабы увидеть, на чем держится крыша» и понял, что до поступления в Шанинку был стихийным этнометодологом.

Диплом я защитил легко. В кулуарах после защиты мне задали только один вопрос – когда я уже, наконец, уеду из города.

Я дважды погружался в психологию. В конце 1960-х помогал ленинградским психологам из коллективов Б. Г. Ананьева и Е. С. Кузьмина в математической обработке экспериментальных материалов, в 1970 г. – защитил кандидатскую по психологии. И в начале этого века, когда изучал биографию Джорджа Гэллапа, писал в университет Айовы, где он учился, получил его личное дело со всеми изучавшимися им предметами, читал книги его преподавателей, которые обучались у Фехнера, Гельмгольца. И вообще Гэллап и первые американские полстеры вышли не из социологов, как в России, а из психологов, в их понимании, они изучали установки. Так что в Шанинке Вы в принципе могли во всю использовать и свои знания в области экспериментальной психологии, но Вас уже потянуло в этнометодологию. Сегодня, по прошествии более десятилетия, в чем Вы видите причины возникновения Вашего интереса к этой методологии?

Я Вам страшно завидую! Вы застали Ленинградскую школу, о которой я только слышал...

Исследование установок – проверенный мост между двумя дисциплинами. Сколько диверсантов пересекли по нему междисциплинарную границу (причем, в обоих направлениях). Благодаря исследованиям установок масса социологов 60-х годов сделали себе репутацию в психологии (взять того же Владимира Александровича Ядова с его «Диспозиционной концепцией регуляции социального поведения»). Правда, с парадоксом Лапьера им справиться так и не удалось. Мой вступительный реферат в Шанинку был отчасти об этом – почему в принципе невозможно полагаться ни на какие (даже самые точные) измере-

ния установок, если исходить из допущения, что они действительно позволяют «предсказать» поведение. Пришлось искать другие пути трансфера в социологию. Точнее, я их не искал — они меня нашли.

Если честно, я вовсе не хотел переквалифицироваться. Это не было осознанное решение: «Пойду в социологи!» Я мог бы и до сих пор оставаться психологом, а все заинтересовавшие меня тогда повседневные действия объяснял бы психологическими механизмами и диспозициями, даже не зная слов вроде «этнометодология» или «фрейм-анализ». Моя последняя пензенская публикация — о психологической природе феномена трансценденции. (Смешно, как некоторые темы не отпускают и возвращаются после долгого перерыва, даже если ты за этот перерыв успел сменить дисциплину, школу и город.)

После университета я поехал в МГУ, в надежде поступить в аспирантуру на кафедру психологии личности к А. Г. Асмолову. Но по дороге свернул в Шанинку, на день открытых дверей. Там я увидел две вещи:

а) библиотеку (в начале 2000-х библиотека Шанинки производила неизгладимое впечатление на неискушенные умы — настоящая библиотека настоящего английского университета);

б) А. Ф. Филиппова, на тот момент декана «шанинской» социологии.

В общем, в этот день все стало на свои места. Я понял, что мне нужно продолжать заниматься фундаментальной теорией. Потом отдал себе отчет в том, что мне все равно, какой теорией заниматься — социологической или психологической. Я решил, что должен учиться здесь — любой ценой, в этой библиотеке, у этого человека. Пакет документов для отдела аспирантуры МГУ полетел в корзину. И я сел писать реферат про установки и социальное поведение. А через месяц уже переехал в Москву.

Поначалу, я думал, что смогу использовать свой психологический «бэкграунд». Выбирал темы, в которых можно было пользоваться ресурсом прежнего образования. (Именно так я начал заниматься Ирвингом Гофманом и фрейм-анализом, о котором, правда, первый раз услышал не в университете, а на одном из бейт-мидрашей.) Но очень быстро стало понятно — на этой дистанции нет «шорт-катов». Социология — это язык (той же языковой семьи, что и психология, но явно иной языковой группы). Его придется осваивать с нуля. А когда это случилось, какие-то темы, над которыми я думал в университете — природа трансценденции, повседневная рутинизация, ситуация как структурный контекст действия — вернулись в социологическом переводе. Но этому предшествовал год радикального отказа от всего, чем я занимался предыдущие пять лет, и воинствующий антипсихологизм. С психологией получилось как с родным городом. Она должна была стать достаточно чужой, чтобы снова стать интересной.

В каком году Вы поступили в Шанинку, кто кроме Г. С. Батыгина и А. Ф. Филиппова преподавал Вам социологические курсы? Что на Вас производило большее впечатление: новые темы, концепции, имена или система преподавания, открытость, приглашение к дискуссиям? Кто еще одновременно (год-два раньше или позже) учился социологии? Есть ли у нас сегодня право говорить, что происходило формирование «шанинской» социологической школы?

Я переехал в Шанинку осенью 2002-го года. Первый год жил там же — в общежитии на кампусе. Основной круг преподавателей включал в себя А. Ф. Филиппова (Социологическая теория), Г. С. Батыгина (Методология исследования), В. В. Радаева (Социальная стратификация, Экономическая социология). Опционально я слушал курсы Т. И. Заславской, В. А. Ядова, Л. М. Дробижевой, С. П. Баньковской.

Сложно сказать, что производило наибольшее впечатление. Мы были «морем молодых», которые «выползли из тьмы». Кто-то из «тьмы» своих регионов, кто-то из «тьмы» 90-х. Дима Куракин, окончивший МГУ тремя годами ранее, успел поработать в диком риэлтерском бизнесе (в частности, ездил с битой на «разборки») и пришел в Шанинку читать книги. Для меня это было первое вхождение в академический мир. Атмосфера неангажированного научного поиска. Абсолютная свобода выбора курсов и исследовательских тем. Интенсивное общение на семинарах. Постоянное чтение (я никогда столько не читал ни до, ни, увы, после). Постоянная погруженность в тексты — в Шанинке нет устных экзаменов или тестов, единственная форма отчетности: научная статья.

Спускаясь после пар в столовую, вы видели «кружки»: группа студентов вокруг Крыштановского в одном углу, группа студентов вокруг Филиппова — в другом. Преподаватели уходили, студенты оставались и образовывали общий круг. Тогда в учебных заведениях еще не запретили продавать алкоголь. В мае мы все поехали на море — на турбазу, где работала мама одной из наших однокурсниц. В поезде обсуждалась теорема Томаса, тонкости перевода немецкого «Gemeinschaft», логистическая регрессия, проблема детей-маугли у Дюркгейма, преимущества марбургского неокантианства перед баденским, ограниченность метафоры «поведение вопроса» применительно к анализу опросного инструментария... В конце поездки проводники в нашем плацкартном вагоне стали нас демонстративно игнорировать. (Они явно предпочитали баденское неокантианство марбургскому.) На турбазе я как-то заснул у костра под разговоры о социальной организации жизни енотов и проснулся утром — когда Куракин с однокурсницами уже разработали теорию нового речевого акта («енотатив», акт социального конструирования енота).

Вообще о Шанинке конца 90-х — начала 00-х довольно много написано и будет написано еще больше. Это уже легенда. Недавно я поднял свои конспекты, аудиозаписи лекций, сделанные Митей Куракиным, эссе своих однокурсников... И понял ужасную вещь: моя память все переокрасила в неоправданно радужные тона. Будем откровенны: мы были дико мотивированными, плохо образованными и зачастую откровенно глупыми студентами. Дети-маугли по Дюркгейму. Те, кто учились после нас — гораздо умнее и несоизмеримо лучше подготовлены. Эссе, за которые мы получали 70 и выше (британский эквивалент «пятерки»), сегодня не получили бы и 60-ти. Лекции наших учителей носили откровенно просветительский характер и были ориентированы на заведомых дикарей, читающих на английском по слогам. Да и сама Шанинка была именно просветительской институцией, которая по условию Дж. Сороса не могла учить москвичей бесплатно и давала стипендии только амбициозной молодежи из регионов. Но в этом и был драйв — остаточный драйв 90-х. Вся школа затачивалась Теодором Шаниным под просвещение и формирование нового поколения уче-

ных. Именно так и было записано в миссии: «нового поколения». В единственном числе. Мне просто повезло стать частью этого поколения, которое и писало уже следующую повестку дня.

Поколенческий драйв Шанинки станет чуть понятнее, если мы посмотрим на демографические тренды постсоветской науки. Сегодня очень сложно найти социолога 45-ти лет. Либо 27–37, либо 55+ Потому что в 90-е воспроизводство научных кадров прервалось, аспирантуры опустели. Все, кто мог, или уехали заниматься наукой за рубеж, или предпочли заняться чем-то другим в России. Возник поколенческий разрыв. Те социологические имена из поколения 27–37, которые мы слышим сейчас, – это почти сплошь выпускники Шанинки.

Из тех, кто остался в науке, со мной учились Дима Куракин и Лера Малик. Тремя годами ранее – Дмитрий Рогозин, Денис Стребков и Роман Абрамов. Годом раньше – Тагир Калимуллин, Зоя Котельникова и Иван Забаев. Двумя годами позже – Григорий Юдин. Еще чуть позже прошел через Шанинку один из самых ярких социологов моего поколения – Андрей Корбут. Мои ровесники, кстати, продолжают составлять значимую группу шанинских абитуриентов и выпускников. Из недавних – Антон Смолькин и Иван Напреенко. Из старших коллег, пришедших в Шанинку учиться, уже будучи состоявшимися учеными – Алексей Титков. А дальше началось новое поколение, антропологически иное, но не менее интересное (Наиль Фархатдинов, Павел Степанцов, Игорь Чириков, Константин Фурсов, Евгений Варшавер, Тимур Османов, Василий Кузьминов, Кирилл Пузанов – всех достойных упоминания я, к сожалению, сейчас не перечислю).

Была ли шанинская школа школой? Если понимать под школой единство аксиоматики и общность «когнитивного стиля», то нет, не была. Уникальность Шанинки была в том, что сразу несколько очень сильных и очень разных ученых делили друг с другом общее пространство и общих студентов. Каждый из них создавал свой «кружок». Но школой это так и не стало, ни тогда, ни сейчас. Сегодня Шанинка – это интеллектуальный клуб, объединяющий несколько поколений ученых. Но все же школы суть нечто большее, чем социальное, институциональное или поколенческое явление. Они существуют в мире идей, а Шанинка – просто дверь в этот мир.

Сегодня утром получил очередной ответ от одного из моих собеседников: «Извините за отступление, Борис Зусманович, множество раз брали интервью у других, брали интервью у меня, но только сейчас прочувствовал, что такое «серийность» в Лумановской интерпретации новостных сюжетов. Ожидание вопросов и написание ответов уже само по себе приобретает форму самостоятельности нарратива. В общем, в ходе интервью испытываешь интересные ощущения». Как прокомментируете?

Да, очень похожие ощущения. Подобное общение по переписке дает возможность построения совсем иного нарратива. Я никогда не верил в идею внутреннего диалога, но в подобной беседе грань между внутренним и внешним стирается, получается такой диалоговый дневник. Новый для меня жанр – его рефлексия еще ждет своего часа...

Осень 2002 года, Г. С. Батыгину – 51 год, А. Ф. Филиппову – 44, В. В. Радаеву – 41. Молодые преподаватели отбирали себе подготовленных студентов, с которыми они могли бы (потенциально) обсуждать «наболевшее». Это создавало предпосылки

для открытой, активной формы обучения, да и модель обучения, предложенная Теодором Шаниным, была рассчитана именно на это. Выше Вы немного рассказали о характере и содержании общения с Батыгиным, он и стал Вашим ментором? Под чьим руководством Вы делали дипломное исследование, чему оно было посвящено?

Сейчас ностальгия и моя многолетняя лояльность Шанинке опять все испортят... Но я постараюсь быть объективным.

Недавно с Павлом Степанцовым и Василием Кузьминовым мы провели исследование политических режимов российских университетов – смотрели, как распределяются разные типы ресурсов, как принимаются решения, как устроена внутренняя и внешняя коммуникация. Вот если оттолкнуться от этой метафоры – политического режима – Шанинка начала 00-х была меритократической республикой, во главе которой (на всех этажах) стояли харизматические лидеры. У руля – главный харизматик, Теодор Шанин. О нем я еще не раз вспомню, но, будучи студентами, мы его видели всего несколько раз – в мой год он уже давно не преподавал. Факультет управлялся «сообществом равных» – еще четыре харизматичных лидера: Филиппов, Батыгин, Радаев и Крыштановский. Влияние первых трех было огромно и тотально, как ковровые бомбардировки. Александр Олегович читал элективный курс и поражал аудиторию точно.

Уже окончив Школу, я выяснил, насколько там все было непросто в отношениях внутри «харизматической четверки». Однако на поверхности ничего этого видно не было. Конечно, преподаватели конкурировали за самых перспективных студентов, а студенты – за внимание «своих», наиболее значимых авторитетов. Ведь на факультете училось всего 20 человек, а элективные курсы читались для пяти-шести.

Я пошел в Шанинку из-за Филиппова, но в первые полгода попал под влияние всех трех основных преподавателей. Это был пик их научной и исследовательской карьеры. Только Батыгин был уже полностью состоявшимся ученым (и потому уделял неформальному общению со студентами больше времени), Радаев строил свою школу социологии рынков (в каждом шанинском выпуске есть по когорте его учеников), Филиппов заканчивал работу над одним большим теоретическим проектом, социологией пространства, и начинал следующий – теорию социальных событий. Они не учили – они показывали, как должен работать ученый.

Влияние Батыгина было очень сильным, но нет, он не был моим учителем. Хотя самые высокие оценки в Шанинке я получил за его курс. Увы, я так и не заговорил на его языке, хотя мы с однокурсниками регулярно сбегали на его семинары в ИС РАН. Что-то остановило – вероятно, неготовность принять его аксиоматику, которая строилась на метафоре «мир как текст». Мы несколько раз подолгу общались в библиотеке. Я заговаривал о концептуализации пространства в социологии, и он тут же переформулировал это в категориях «пространство как текст». То же последовательно произошло с темами идентичности, архитектуры и утопии. Сошлись мы в итоге на почве общей любви к Ирвингу Гофману. Наши диалоги напоминали классические хасидские притчи:

Я: Ребе, почему деревья растут корнями вниз и ветвями вверх?

Батыгин: Нельзя ответить на этот вопрос, не посадив дерева. Вот тебе лопата.

Я: Ребе, какой чудесный инструмент! Почему его следует держать древком вверх, а штыком вниз?

Батыгин: Нельзя ответить на этот вопрос, не разобравшись, как крепится древко к штыку. Вот тебе отвертка.

Я: Ребе! Отвертка — это удивительно! Почему отвертки делятся на крестообразные и плоские? При каких условиях мы можем помыслить, например, шестигранную отвертку?

На месте Батыгина я бы уже давно ответил: «Вот тебе стена — убей себя об нее». Но Геннадий Семенович был терпелив. Он не ответил ни на один из моих вопросов, предпочитая переформулировать их до неузнаваемости. И просто снимал с полок книги, которые я исправно читал.

Радаев был полной противоположностью Батыгина. У него всегда все было четко по расписанию. Он вставал в 5 утра, чтобы приехать в Шанинку до пробок, два часа читал приготовленную на день литературу, в 9.00 уже начинал семинар. Я никогда не встречал настолько дисциплинированного человека. Он и учил этому — писать, очень жестко структурируя свои тексты, постоянно работать над композицией. Радаев был единственным преподавателем, который мог взять у администратора факультета телефоны студентов и обзвонить их в 10 вечера, чтобы дать фидбэк по эссе: «Хороший текст, но слишком аморфный... Поставьте более четко проблему и, пожалуйста, не на третьей странице, а на первой... К чему вы во второй главе сделали это отступление? Лучше убрать — потом про это напишете другое эссе. Здесь очень сильно не хватает сюжета с Z... Вам надо прочесть вот это и вот это — если сочтете релевантным, развеите это вот в этой части... А в остальном — поздравляю, хорошая работа». Вы вешали трубку уже другим — обнадеженным и поверившим в свои силы человеком — а потом смотрели на заметки, и понимали, что текст нужно переписать от первого до последнего предложения.

Радаев ничего не делал понарошку, он всегда работал в полный контакт и требовал того же. Помню, что по условию его курса нужно было написать эссе и распечатать его перед экзаменом. Пока слушатели писали экзамен, Радаев читал их тексты. Один из самых толковых студентов, учившихся после нас (он потом уехал в Штаты и канул в американской системе образования), подошел к ВВР и сказал что-то вроде: «простите, я не успел распечатать / принтер сломался / будильник не прозвонил / я все исправлю»... Батыгин, который превратил профанацию формальных академических правил игры в своего рода спорт, тут же ответил бы: «эссе? а разве нужно было что-то распечатать? не берите в голову!». Радаев просто отвернулся и ушел.

Где-то в середине года Вадим Валерьевич предложил опубликовать мое эссе в качестве статьи в своем журнале — «Экономическая социология». Это была моя первая московская публикация: к теории резидентальной стратификации. Если бы наши сферы академических интересов хоть сколько-нибудь пересекались, я столкнулся бы с непреодолимым искушением — писать у Радаева. Но для этого нужно было разбираться в экономической социологии. А любое словосочетание, включающее в себя слово «экономический», в тот момент вызывало у меня приступ агорафобии.

Впрочем, я всегда знал, что писать диссертацию буду у Филиппова. Я поступил в Школу, чтобы заниматься теорией и в течение года старательно начитывал всю необходимую литературу, ставил теоретический язык. К Филиппову я пришел с проектом магистерской диссертации: исследовать пространственную организацию классических утопий — от платоновской Атлантиды до «Города Солнца» Кампанеллы. «Это замечательный исследовательский проект! — сказал Александр Фридрихович, который как раз закончил книжку «Теоретические основания социологии пространства» — Дерзайте!». Через месяц я приполз с повинной. Проблема в том, что мой интерес к идеальным пространствам и утопическому воображению вышел из наших семинаров в Самаре. Но одно дело — разбирать канонические тексты и чертежи, а другое — создавать теоретический метаязык говорения о связи воображения и пространства. Полный провал. Никакого метаязыка не получилось. Я решил, что просто еще не готов справиться с этой проблемой. Филиппов сказал: «Ну конечно! А что Вы думали, можно вот так вот просто замахнуться на такую серьезную тему?».

В итоге я написал магистерскую диссертацию по социологии пространства — о связи воображения, памяти и места, о структуре утопических сообществ, о тех, кто приходит раньше, и тех, кто приходит позже, о Макондо Маркеса и Янки-Сити Уорнера. На этом тексте учеба для меня закончилась.

Это очень хорошо, что Вы вспомнили о Саше Крыштановском, сложная ему выпала судьба, а человек он был светлый, жизнеутверждающий и честно относился к делу...

Виктор, меня вот что интересует, в какой мере в Шанинке студентов знакомили с работами советских социологов? Батыгин как редактор социологических журналов, инициатор подготовки книги по истории советской социологии и автор вводной главы по советской социологии, вышедшей под редакцией В. А. Ядова, прекрасно знал эту тему. Учили ли вас читать советские социологические тексты, в которых обязательным было признание первенства Маркса и Энгельса в разработке главных проблем социологии, цитирование партийных документов, говорили ли вам о том, что авторам книг и статей запрещали использовать многие иностранные термины, слова, признавать, скажем, заслуги Питирима Сорокина или вспоминать полевые исследования Владимира Шляпентоха? Говорили ли вам о жесточайшей цензуре и самоцензуре?

Здесь важно не совершить ошибки ложной контекстуализации: шанинский факультет имел очень опосредованное отношение к советской социологии. Зная о том, что Теодор был другом Юрия Левады, что Шанинка начиналась с Интерцентра (отцами-основателями которого были Шанин и Заславская), что в Школе преподавал Ядов, а Гудков и Дубин регулярно участвовали в симпозиуме «Пути России», нужно помнить, что никто из перечисленных мэтров не имел прямого отношения к нашему факультету. Парадоксально, но факт. В Шанинке уживались две поколенчески очень разные социологии. Одна — народническая, крестьяноведческая, политически ангажированная, либеральная. Ее сосредоточием был симпозиум «Пути России» и исследовательские семинары Интерцентра. Вторая — академическая, сциентистская, теоретическая, индифферентная по отношению к проблемам России, погруженная в актуальные западные дискуссии или в почтенную философскую классику. Собственно, она и «дер-

жала» факультет. Батыгин, Филиппов, Радаев и Крыштановский представляли как раз вторую группу. Пропать отделяла их от Левады, Гудкова, Заславской или Ядова.

Когда мы пишем летопись, нам хочется видеть преемственность. Но ее не было. То есть ее не просто «не было видно». Некоторые выпускники Шанинки давних лет, ушедшие после Школы в аспирантуру ИСРАНа, рисуют идиллическую картину: мол, в Школе преподавали все вместе — левадовцы и фомовцы, Заславская и Батыгин, Ядов и Филиппов... И диссиденты-шестидесятники возлежали перед аудиторией вместе с методологами-позитивистами аки волки с ягнятами. Это трусость памяти: людям хочется верить, что между разными частями их жизни нет противоречий. Но если бы Ядов и Филиппов просто случайно оказались в одной шанинской аудитории — произошла бы взаимная аннигиляция. И это касается не только их двоих.

Вы говорите Батыгин — историк советской социологии, и это, конечно, правда. Мы все помним ту книгу с интервью, да и поколенчески он был ближе к своим информантам. Но его отношение к изучаемому периоду и поколению было почти энтомологическим. Батыгин — последовательный сциентист. Если он когда-то и цитировал своих информантов, то в неизменно саркастическом ключе — политически ангажированная социология 60–80-х была для него не наукой, а объектом изучения. («Посмотрите, как трогательно и комично этот экземпляр принимает боевую стойку и цитирует Парсонса в политической баталии... В действительности он бьется не за истину, а за возможность размножения».) Изучать их — было его способом провести разделительную черту между собой и ими.

Филиппову не требовалось и такого усилия. Он считал, что пропасть между ним и советскими социологами пролегла в тот момент, когда он уехал учиться в Билефельд к Луману. И хотя он никогда не переставал считать себя учеником Ю. Н. Давыдова в его отношении к советской (и особенно ранней постсоветской) социологии сквозило плохо скрываемое экзистенциальное отвращение. Которое он, как вежливый человек, в публичных выступлениях всегда старался замаскировать нарочитой политкорректностью. Впрочем, дважды его прорывало, и он высказывал все, что думает о старших товарищах в своих статьях о советской социологии. Чтобы не было двусмысленности: советскими для него были абсолютно все — особенно антисоветски настроенные — социологи-шестидесятники и их наследники.

Радаев же (самый молодой из тройки учителей) и вовсе классический образчик шанинского социологического факультета. Он был полностью погружен в дискуссию с западными коллегами, которые составляли для него релевантный круг собеседников. Старшие товарищи почитались и регулярно упоминались, но... Если Вы положите рядом радаевские тексты по экономической социологии и статьи представителей «новосибирской школы», Вы сразу почувствуете ту разницу, о которой я говорю. Это не тексты двух разных поколений. Это порождения двух разных культур.

И в тоже время — благодаря шанинско-манчестерской системе — никакого конфликта цивилизаций, никакой войны миров. Мы слушали обязательные курсы у Филиппова, Батыгина, Радаева и переходили на элективные курсы к Ядову, Заславской, Дробужевай. Первые возвели стену между собой и совет-

ско-постсоветской социологией, вторые... а вторые и были советско-постсоветской социологией. Я исключительно тепло отношусь к Л. М. Дробижевой (от нее я очень много узнал о «школе Бромлея»), с восторженным удивлением — к В. А. Ядову, и сохранил почтительное отношение к Т. И. Заславской (примерно за полгода до ее смерти мы были вдвоем с Теодором у нее в больнице). Есть какой-то мощный поколенческий драйв в том, как они рассказывают о своей борьбе в 60–70-е гг. — о той самой цензуре и самоцензуре. Но Ядов на лекциях всерьез обсуждал маниакально-депрессивный психоз как объяснение «циклов российской жизни» (для советского социолога вообще нормально было поговорить со студентами о загадках русского национального характера). А Татьяна Ивановна настоятельно просила нас ознакомиться с вершиной творчества новосибирской школы социологии — теорией институциональных матриц Кирдиной и Бессоновой.

Мне был 21 год. Когда я — после лекций Филиппова, Батыгина и Радаева — прочитал теорию институциональных матриц... Мне вдруг открылось страшное. И те и другие не могут быть одновременно учеными. То есть, либо Батыгин с Филипповым, либо институциональные матрицы. А еще я понял, что все ведь прекрасно видят это безумие — видят, что это феерический псевдонаучный бред, порожденный отсутствием доступа к нормальным источникам, репрессивной политической ситуацией тридцатилетней давности и индивидуальными психическими отклонениями. Что нет принципиальной качественной разницы между институциональными матрицами, социетальными трансформациями и какой-нибудь самопальной «социологией жизненных сил» самобытного барнаульского самодума С. Григорьева, которому в Москве руку может подать разве что Добренюков. Но все будут молчать, и отдавать дань уважения. Потому что люди-то хорошие и достойные, на их долю такое выпало, что не приведи Б-г, и они все же остались достойными, хорошими людьми. А если тебе этого мало — иди, читай своего Гофмана, пока есть такая возможность, и не докапывайся до других. Им, может быть, и так немного осталось.

Я тогда полностью принял эту этическую позицию. Когда после Шанинки я поступил в аспирантуру, чтобы писать диссертацию про Гофмана, Татьяна Ивановна Заславская остановила меня в коридоре и спросила: «Как Вы можете заниматься Гофманом, когда российское общество так стремительно меняется?! Вот его надо изучать, а не Гофмана!». И мне стало стыдно. Я почувствовал себя ренегатом, дезертиром с идеологического фронта. А потом испугался, что, кажется, шаткое равновесие между двумя поколенческими мирами, сосуществующими в Шанинке, может быть нарушено в любой момент. Но оно просуществовало примерно до 2006-го, и окончательно рухнуло только в 2009–2010-м.

В начале нашей беседы Вы немного рассказали о Г. С. Батыгине. Несколько выше Вы отметили, что Ваша магистерская диссертация была написана по тематике, разрабатывавшейся А. Ф. Филипповым. Не могли бы вспомнить, как произошло Ваше с ним знакомство и как протекало Ваше общение?

Познакомились мы на дне открытых дверей в Шанинке. Я потом об этом знакомстве рассказывал часами и описал его недавно в вышкинской книжке «Ученики об учителях». Филиппов же спустя пару месяцев после моего переезда

в Москву заметил в разговоре с женой (Светланой Петровной Баньковской): «К нам поступил какой-то любопытный молодой человек армянской наружности — кажется, Вахштян».

Но самое главное, конечно, это то, как он с нами занимался. Я никогда до этого не проходил такой интенсивной интеллектуальной прокачки. Выглядело это примерно так: «...Вы следите за мыслью? Два решения: кантовское и лейбницевское. (Кстати, Вы уже дочитали «Критику чистого разума»?) Пространство как форма созерцания и пространство как порядок объектов. Тот факт, что сегодня решение Лейбница куда популярнее (кстати, о Лейбнице — я принес Вам Латура, он на английском) не означает, что возможности кантовского языка описаний исчерпаны. Давайте посмотрим, что делает с его аргументом Зиммель. (Кстати, что из Зиммеля Вы уже прочитали? Все, что переведено? То есть, Вы не читаете по-немецки? Ужасно. Я буду с Вами заниматься. Единственный способ выучить язык — начать переводить. К завтрашней нашей встрече переведите первых три катрена «Лорелей» и постарайтесь сохранить стихотворный размер). Итак, пространство как форма. Но форма чего? Мы знаем кантовское решение. Зиммель же делает здесь любопытный маневр...».

К концу года регулярное общение с АФ и Куракиным приобрело форму психологической зависимости — вычитав что-то, я немедленно кидался писать АФ письмо, а потом бежал искать в Шанинке Куракина, либо в кафе, либо в библиотеке. Ни разу не было случая, чтобы АФ не ответил по существу, какой бы завиральной ни была высказанная идея.

В какой-то момент Диме приснился сон, что мы, как обычно, сидим втроем в шанинском кафетерии, и он говорит Александру Фридриховичу: «Что Вы думаете о Баранове? Его стоит читать?». «Баранов — койот, — отвечает АФ, — его подобрала в Гималаях советская экспедиция». Куракин проснулся в холодном поту и первым делом проверил, кто такой Баранов и не был ли он действительно койотом. Потому что если так говорит АФ, так оно обычно и есть. Даже во сне.

Пиком нашего интеллектуального общения стало обсуждение текста Александра Фридриховича «Конструирование прошлого в процессе коммуникации» (написанного для препринта ИГИТИ по просьбе И. М. Савельевой и А. В. Полетаева) — первого текста Филиппова по теории социальных событий. АФ написал пять страниц и отправил нам с Куракиным для критики и комментирования. Мы писали, что думаем о каждом абзаце — как можно развернуть аргумент, где можно сделать другой ход, какие дополнительные теоретические ресурсы можно использовать в данном конкретном месте. Он писал еще несколько абзацев и снова отправлял нам. Это напоминало игру в шахматы (переходящую местами в фехтование) — мы предлагали ходы, он их отбрасывал один за другим, как не выдерживающие критики, но иногда (где-то один из раз из десяти), реагировал, переписывал фрагмент, добавлял аргументы, выводил наиболее уязвимые тезисы из-под удара.

Александр Фридрихович в конечном итоге приучил нас работать с архитектурой теоретического текста так, как если бы это была шахматная партия с Б-гом: не все ходы одинаково удачны. Нужно сначала изучить все классические партии. Их развязки нам уже известны — ничего невозможно ни убавить, ни прибавить. («Посмотрите, как выстроил свою схему Вебер! Это красивейшая конструкция... И без единого гвоздя!»). Потом перейти к более спорным и менее

очевидным комбинациям. Попытаться просчитать их последствия на несколько шагов вперед. («Чтобы отстоять свой основной тезис он просто вынужден сделать это допущение. Видите? Теперь ему некуда отступить. Еще шаг и он оказывается во власти чистой метафизики! Все. Конец. Дальше за ним даже ученики не идут. Теперь вернемся на три шага назад и попытаемся понять, где здесь ошибка...»). Через некоторое время мы стали замечать, как контуры теоретических аргументов проступают сквозь вполне очевидные, повседневные вещи: Гоббс в очереди на автобус, Зиммель – в диалоге трех друзей, Бурдые – на эскалаторе метро, Гофман – в советской квартире. Мир вдруг наполнился теорией. Красота идей делала его куда более привлекательным местом.

Я знаю очень мало людей, которые способны увидеть в социологической теории завораживающую, геометрическую красоту. Тех, кто может производить по-настоящему оригинальные идеи еще меньше. Филиппов – один из очень немногих.

Виктор, большое Вам спасибо, Ваши ответы-очерки о Г.С. Батыгине и А. Ф. Филиппове весьма интересны для понимания современной истории отечественной социологии, мне хотелось бы специально обсудить, «есть ли она или ее нет», но сейчас – более специальный вопрос. Выше я просил Вас рассказать о том, учили ли вас читать советскую социологическую литературу. Теперь – учили ли вас писать научные тексты? Как Вы знаете, в американских колледжах есть специальные курсы типа “Writing,” “Critical writing,” “Academic Writing,” и вообще студенты постоянно отчитываются о работе текстами. Возможно, Теодор Шанин заложил подобные традиции и в предложенную им систему образования?

Именно так. Тут главное не переоценивать силу индивидуального влияния. Теодор Шанин как-то пошутил: «В Англии люди приходят и уходят, а институты остаются. В России – наоборот». Текстцентризм – ключевое свойство британской образовательной системы как таковой. Теодор просто перенес ее на российскую почву. Собственно и тогда, и сейчас основная форма отчетности в Шанинке – «essay», научная статья. Вы пишете четыре статьи по двум обязательным курсам и четыре – по четырем элективным. Потом все лето пишете диссертацию (которая может состоять из ранее написанных текстов не более чем на треть). В итоге выходит небольшая книжка. На каждый свой текст Вы получаете развернутую рецензию преподавателя курса, затем – рецензию второго экзаменатора с факультета и, наконец, рецензию внешнего экзаменатора из Великобритании. Иногда все рецензии по объему получаются как половина самого эссе. В таких условиях студенты очень быстро учатся писать – им деваться некуда.

У нас был курс «Academic writing» в рамках интенсива по английскому (напомню, мы были слабо подготовленными студентами – люди приезжали из регионов часто с минимальным английским; сейчас ситуация в корне поменялась – студенты часто знают по два языка на хорошем уровне). Геннадий Семенович читал элективный курс «Научное редактирование», основной месседж которого был: нужно серьезно относиться к оформлению библиографии (прекрасный пассаж в духе Батыгина: «...есть разные системы кавычек: визуально «елочки» гораздо лучше “лапок”»). Но сказать, что нас систематически «учили писать» я не могу. Мы учились писать в процессе письма. Писали, получали

рецензии в духе «проблема не поставлена, отсутствует интрига, нет сюжета, композиция ужасная, текст ведет автора больше, чем автор — текст», обсуждали, переписывали, снова получали по голове... Сейчас мы стараемся больше внимания уделять ремесленной части (в эти выходные я еду со студентами Шанинки в Подмоскowie на тренинг по методологии исследования и по технике академического письма). Но не могу сказать, что что-то радикально изменилось в подготовке. Все же письмо — это навык. Если много и систематически писать, он сам появится. Ну или не появится, но тогда лучше выбрать другую сферу деятельности.

Давайте вернемся к реконструкции траектории Вашей жизни, с того момента, который Вы выше обозначили словами: «На этом тексте учеба для меня закончилась». Что было дальше?

А дальше был 2003 год. Год рождения просвещенного авторитаризма и поколенческой шизофрении...

Здесь я должен сделать небольшое отступление на 4 года назад. В 1999-м вступил в партию. Сейчас — когда слово «партия» в обиходном языке снова воспринимается как «the Партия» — эту фразу невозможно произнести без истерического смеха. Между 2010-ми и 1970-ми куда больше общего, чем мы бы хотели видеть. Но в 1999-м фраза «Я вступил в партию» предполагала вопрос: «В какую именно?». Моя партия называлась РДП «Яблоко».

Откровенно говоря, уже тогда «Яблоко» было партией потрепанной жизнью антисоветской интеллигенции. И я вступил в нее из чувства солидарности с этой самой интеллигенцией — прежде всего, со своим отцом, который входил в региональный совет. Часть моих друзей по еврейской тусовке поступили точно так же. Все мои самые близкие учителя в Пензе были бескомпромиссными «яблочниками» (Кривов успел даже побыть доверенным лицом Явлинского на президентских выборах 2000 года, мы объездили всю пензенскую область с агитационными мероприятиями; а в машине по дороге он пел под гитару песни ДДТ о войне в Чечне). К тому же в конце 90-х я был дико политически активен — вел какие-то занятия для молодежи, ездил на все обучающие семинары, участвовал в уличных акциях (один раз директор театра позвонил отцу и попросил, чтобы его сын больше не устраивал пикетов у входа в святилище пензенской Мельпомены — это нервирует театральную публику). В голове у меня в 18 лет была чудовищная каша: я пытался поженить классический либерализм с экзистенциализмом на базе иудейской интерпретации свободы воли и тезиса «тикун олам». В общем, когда вы учитесь в откровенно слабом провинциальном университете, вы не знаете, что такое системность и последовательность, зато у вас остается масса времени на самообразование и странные формы побочной активности. А еще вы постоянно ищете новые источники такого самообразования. Обучающие семинары партии «Яблоко» в подобной ситуации — как раз то, что нужно. Особенно, когда на них преподают московские профессора (половину из них я потом встретил в Шанинке) вперемешку с представителями американских демократов (NDI) и республиканцев (IRI), французских социалистов (фонд Жореса) и немецких либералов (фонд Наумана).

Раз в три месяца я приезжал в Москву на семинары Московской школы политического образования (не путать с Московской школой политических исследований Е. Немировской — ее окончил мой отец). МШПО — проект Явлинского. Григорий Алексеевич всегда вкладывался в образование своих активистов и аналитиков. В итоге активисты плавно становились аналитиками, а аналитики уходили в «Единство» (позднее — «Единую Россию»).

Темы яблочных школ: региональный политический анализ, медиа-исследования, партийные системы, формы представительства, конституционное право и т. п. Лекции там читали Шейнис, Алексеева, Ионин, Кантор, Дегтярев, Рыженков... ну и Явлинский, конечно. Организатором была Галина Михайловна Люхтерхандт-Михалева, которая в начале 2000-х создала в партии аналитическую службу, think tank по немецкому образцу. На «яблочных» семинарах я познакомился с Лешей Титковым (он у меня читал лекции, а спустя 10 лет поступил в Шанинку и мы поменялись местами) и Лилией Васильевной Шибановой (основательницей «Голоса»). Там же впервые услышал про Шанинку от Ларисы Тарадиной.

В общем, когда я переехал в Москву и встал вопрос заработка, я очень быстро оказался в когорте аналитиков у Михалевой, а через полгода — директором отдела информационного анализа и медиа-исследований. В соседнем кабинете сидел мой приятель Илья Яшин, руководитель партийной «молодежки», этажом ниже — Леша Навальный, а дальше по коридору — Е. Б. Мизулина. Сейчас уже не верится...

Первый год в Москве я разрывался между работой в аналитике и Шанинкой. Весной стало ясно: нужно выбирать. Вообще, выбор между политикой и наукой — это моральный выбор. Не в смысле выбор между «моральным» и «аморальным». (Наука по самой своей природе куда аморальнее политики.) А именно выбор, опирающийся на какие-то иные основания — не научные и не политические. Как ни странно, мне помог его сделать Александр Фридрихович Филиппов. Одной своей лекцией про Вебера и его «Науку как призвание и профессию». Пока я работал в аналитике, мне казалось, что такая работа — это единство политической и интеллектуальной позиций. Но единство оказалось на поверку ложным. Нельзя одновременно строить в стране демократию и решать научную проблему. Есть синагога, а есть бордель — и там и там надо бывать, но не надо путать одно с другим. Есть политика, и есть наука. Есть общественная активность, и есть наука. Есть искусство, и есть наука. Есть популярное медиа-пространство, и есть наука. Это базовая веберовская идея ценностного суверенитета науки. Для меня она стала своего рода отправной точкой той самой поколенческой шизофрении: не пытаться зарабатывать деньги наукой, не пытаться выдавать за науку работу в прикладных исследовательских проектах. Поэтому к работе в аналитике я так и относился — зарабатываю на жизнь, оттачивая ремесло.

Моя политическая ангажированность полностью испарилась к началу 2003-го года. Но совсем уйти я не мог — в декабре были выборы. И я перешел на четверть ставки, чтобы сосредоточиться на учебе в Шанинке. А осенью, когда я уже сдал диссертацию Филиппову и вернулся на свое рабочее место, в офис нашей партнерской аналитической структуры (Агентство стратегических коммуникаций) вошли люди в пронзительно голубой униформе и предъявили ордер. Они выломали сервер (буквально выломали, при помощи лома

и такой-то матери), на котором лежали все мои аналитические записки. Полным ходом шло «дело Ходорковского», над которым со стороны партии работал мой отдел — мы отслеживали информационные вбросы, смотрели, как через оплаченные публикации нагнетается антиолигархическая истерия. Нам посоветовали до декабря на работе не появляться. Что было дальше Вы знаете — РДП «Яблоко», оставшись без всей своей информационной базы и поддержки, как крейсер «Варяг» ушла на дно. Я честно отстоял последнюю вахту в ночь выборов. Так кончилась моя политическая карьера.

Это был декабрь 2003-го. Нужно было как-то платить за квартиру (из общезжития выселили еще летом) и зарабатывать на жизнь, желательно не отнимая времени от научных занятий. Помог случай.

Случай звали Дмитрий Михайлович Rogozin. Он втянул нас с Куракиным в один из своих авантюрных проектов с А. Б. Долгиным (удивительный персонаж эпохи 90-х), а потом познакомил с Давидом Львовичем Константиновским. И понеслось...

Давид Львович сначала предложил нам с Димой быстро написать отчет на уже имеющихся данных. (По иронии судьбы наш первый проект с Константиновским был последним проектом Фонда Сороса в России.) А через 48 часов после сдачи отчета позвонил и предложил провести большой опрос во всех республиках бывшего СССР в рамках какого-то другого проекта. Так начались семь лет совместной работы с Давидом Львовичем. За эти семь лет мы сменили пять институций, провели больше 30 исследовательских проектов, написали в соавторстве четыре книжки по социологии образования, объездили втроем два десятка регионов... Но это та часть моей жизни, которая пришла на смену аналитике — зарабатываем деньги, оттачиваем ремесло. Наукой оставалась работа с теорией.

Помню, как мы с однокурсниками сидели на кухне у Тани Глезер, обмысливали получение своих шанинских дипломов. Наступал 2004 год. И тогда состоялся очень важный для меня разговор с Митей Куракиным. Мы поняли, что не сможем работать так, как Rogozin — вести большие прикладные проекты и выкраивать из них что-то для своих научных занятий (например, проводить методические эксперименты за счет заказчика). Потому что наши научные занятия — это теория. И тогда было решено поделить мозг на две части: одна должна постоянно работать над решением фундаментальных теоретических задач для диссертации и будущей книжки, вторая — совершенствовать навыки, получать опыт, зарабатывать деньги. Залог успеха: чтобы два этих полушария работали автономно и не в ущерб друг другу. Сотрудничество с Давидом Львовичем в качестве исследователей-фрилансеров давало такую возможность. («Главное, не садиться на ставку в маркетинге, это — смерть!») И где-то семь лет нам удавалось следовать этим курсом.

Вторая часть плана предполагала внедрение в аспирантуру к Филиппову. Мы с Димой немного перестарались и поступили в три аспирантуры (ИС РАН, ГУГН и Вышку). По совету Александра Фридриховича выбрали Вышку — он тогда преподавал на кафедре «Общей социологии» у Н. Покровского.

Мне, честно говоря, из всего обучения в аспирантуре больше всего запомнились вступительные экзамены. В комиссии сидели А. Ф. Филиппов и Н. И. Лапин. Я вытянул билет. Первый вопрос — институциональные матрицы

Кирдиной-Бессоновой. Тяжелый вздох. Как? Вот как? За что? Ладно, нужно выкручиваться. Я рассказал про структурный функционализм, проследил траекторию понятия «институт», мягко обошел вопрос о новосибирских матрицах и перешел к современному неоинституционализму. Засыпающий Николай Иванович почувствовал подвох. Когда я закончил, он посмотрел на меня из под своих брежневских бровей и спросил:

– Матрицы?

Я молчал. Он попытался сформулировать вопрос более развернуто, но прозвучало это так:

– Матрицы – это ... ммм... Матрицы? ... ну вот, скажем, матрица... Матрица... Матрица...

Филиппов не выдержал, повернулся к Лапину и тихо сказал:

– Перезагрузка!

– Что? – удивился Николай Иванович.

– Фильм есть такой, – пояснил Александр Фридрихович. – «Матрица. Перезагрузка».

Так я поступил в Высшую школу экономики. И первый год остро чувствовал, что вернулся в свой родной пензенский вуз. После Шанинки это просто не укладывалось в голове. Но мне было наплевать, потому что появилась возможность регулярно общаться с Филипповым и его коллегами по ИГИТИ.

Партийно-строительный аспект (фрагмент) истории Вашего поколения в моей «летописи в лицах» отечественной социологии ранее не был представлен. Спасибо. Я давно провел интервью с Н. И. Лапиным и Д. Л. Константиновским, беседую сейчас с Дмитрием Рогозиным, предполагаю – с Александром Филипповым... поколенческое движение дает объемность... самое время обратиться к теме, которой мы коснулись в нашей переписке: «Была и есть ли советская/российская социология?». Есть ли в темной комнате черная кошка или ее вообще нет?

Помните старый советский анекдот про могилу неизвестного солдата Мойши Рабиновича? Про то, что его звали Мойша Рабинович, мы знаем, но неизвестно был ли он солдатом. Так же и с советской / постсоветской социологией. Мы точно знаем, что она была – мы не знаем, была ли она социологией. Еще точнее – была ли она наукой.

Собственно, этот вопрос имеет непосредственное отношение к недавнему «спору о социологизме» (<http://polit.ru/article/2010/10/08/socio/>). Если социологи науки правы и наука – это не что иное, как социальный институт, то да, была. Потому что тогда социологией следует считать все, чем занимаются кандидаты и доктора социологических наук в социологических институтах, в редакциях журналов, на социологических факультетах и кафедрах. Этот тезис (несколько нерелевантно, но весьма полемически) был высказан в нашей дискуссии о состоянии постсоветской социологии Н. Романовским и Ж. Тошенко (<http://isa-global-dialogue.net/we-have-it-all-but-do-we-have-anything-further-confirmation-of-the-lamentable-state-of-russian-sociology-august-20-2012/>).

Коллеги-социологи полагают, что у нас нет никаких оснований для проведения границы между наукой и не-наукой «изнутри» самого знания. Напротив, «эпистемологи» свято верят, что проблема демаркации (отнесения чего-то

к «науке» или «не-науке») должна решаться безотносительно к социальным обстоятельствам рецепции, валоризации и т.д., исключительно исходя из содержания высказывания. И вот тут-то начинается все самое интересное...

Философия науки оставила нам в наследство всего несколько критериев демаркации:

1. Наука — это язык описания мира. Есть корпус социологических языков. Благодаря им теоретики рационального выбора из Китая лучше понимают теоретиков рационального выбора из Штатов, чем своих соседей — структурных функционалистов (хотя сидят с ними на одной кафедре). Высказывание является научным, если сделано на языке данной науки, в рамках конвенций той или иной теории.

2. Эмпирическая наука — это совокупность высказываний об объекте. Эмпирическое высказывание является научным, если а) сформулировано на языке конвенциональной теории, б) может быть опровергнуто в рамках конвенций той же теории.

3. Наконец, наука — это ценностнорациональное действие познания мира. Познание ради познания. Ученый не имеет права сказать «Я познаю этот мир, чтобы сделать его лучше / построить демократию / заработать денег / помочь ближним / давать советы власти». Он имеет право только на неангажированное, ничем иным не мотивированное познание. Если им движут другие цели — он просто не ученый (а политик, меценат, бизнесмен, активист и пр.).

По этим трем критериям большинство известных мне текстов за авторством советских социологов не являются научными. Они или изначально политически ангажированы, или просто сугубо эмпиричны: то есть, теоретического языка там либо нет совсем, либо его заменяет идеология. Зачастую, хорошая, правильная, «наша», либеральная идеология. Но от этого не менее кондовая.

Недавнее исследование замечательного петербургского антрополога Дарьи Димке показало любопытный факт: подавляющее большинство статей в журнале «Социс», опубликованных до конца 80-х годов в жанровом отношении являются манифестами, а не научными статьями.

Однако интересующий меня парадокс состоит в другом — в том, что в истории советской социологии мы найдем куда больше науки (в обозначенном выше смысле), чем у тех же авторов за двадцать с лишним лет, прошедших после распада СССР. Те же самые люди, которые в советские годы искренне старались усовершенствовать теорию социальной установки (В. Ядов), добиться достоверности эмпирического знания (Ю. Левада), ратовали за освобождение науки от идеологии (Т. Заславская), в 1990-е стали куда более идеологичны, непримиримы по отношению к «неангажированному теоретизированию» и «методологизму».

Показательны в этом отношении тексты Л. Д. Гудкова. Он недавно собрал их все под одной обложкой — в книге «Абортивная модернизация». Еще в 2006 году Лев Дмитриевич на симпозиуме «Пути России—2006» сформулировал свою позицию предельно четко: «Вопросы теории и методологии социальных наук имеет смысл обсуждать только в контексте как самой идеологии социальных наук, так и реальной практики исследования. А это значит — только с учетом характера отбора теоретического и концептуального инструментария (что в ходу, для чего, какие концепции, что объясняют и для кого?). Кто является инстанцией, удостоверяющей и сертифицирующей результаты научной (и преподава-

тельской, образовательной) работы. Соответственно, кто заказчик исследований, на кого ученый внутренне ориентируется, что определяют его мотивацию и пр.» Лев Дмитриевич, по факту, постулирует тезис о «партийности социологии» по аналогии с печально известным тезисом о «партийности литературы». Отсюда его искренняя неприязнь к чистым теоретикам в башне из слоновой кости. Они ведут себя непатриотично: «Заемствуемый концептуальный и теоретический язык — вещь небезобидная. Он создает эффект имитации собственной деятельности “под большую и настоящую” науку, стерилизуя собственные потенции работы и необходимость вдумываться в то, что же, собственно, представляет собой страна родимых осин».

Собственно, его партийная позиция — просвещать неразумное общество, поработанное циничной властью и активно эту власть воспроизводящее — то, что мы видим каждый раз вместо результатов исследований. Это называется узурпация моральной позиции — родовая травма советской интеллигенции. В текстах старших товарищей я постоянно спотыкаюсь о моральные суждения, замаскированные под аналитические (Л. Д. Гудков: «Простой пример: в российской прессе прошла информация о выделении из бюджета более миллиарда рублей на финансирование партии “Единая Россия” и других прошедших в парламент партий, но она никого не взволновала. А зря.»). Как несостоявшегося клинического диагноста меня поражает легкость постановки диагнозов: «...неуверенность людей в себе... робость, пассивность, астения, аутизм, склонность к навязчивому и безостановочному, непродуктивному копанию в себе... хроническая тревожность, комплекс жертвы либо же диффузная, безадресная агрессия, демонстративное самоутверждение и самодовольство, характерное для подростков, футбольных фанатов или телеведущих» (это тоже из «Абортивной модернизации»). К сожалению, подобный поток интеллигентского сознания, претендующий на научность, это скорее правило, нежели исключение. Что лично мне стало понятно сильно позднее, уже в «деле Куракина» (см. статьи Ядова и Чепуренко).

Конечно, вопрос о том что есть наука, — вечный, и не здесь нам рассматривать детально. Возможно, Вы удивитесь, но одним из таких вечных вопросов в математике (аксиоматической науке) является: «Что значит доказать?» Но вернемся к Вашей жизненной траектории. Прошел первый год в Шанинке, и Вы встретились с А. Ф. Филипповым. Что последовало?

Последовала жизнь на два фронта. В аспирантуре с подачи Филиппова я сразу же начал ходить на семинары Института гуманитарных историко-теоретических исследований, где подпал под обаяние Андрея Владимировича Полетаева и Ирины Максимовны Савельевой. Это было самое живое место в Высшей Школе Экономики — там собиралась «гуманитарная молодежь» (Наташа Самутина, Боря Степанов), там действительно завязывался какой-то междисциплинарный диалог. По сравнению с ИГИТИ соцфак Вышки — как минимум, его теоретическая часть — выглядел уныло. ИГИТИ же был больше клубом, чем институцией. Сегодня в Шанинке мы стараемся сохранить именно такой, клубный формат. Когда пишешь текст и знаешь, что комментировать его будут Филиппов и Полетаев... Мне дико не хватает этого сейчас...

Филиппов больше работал с формой, стилем, логикой и композицией статей, Полетаев заваливал литературой, ликвидируя пробелы в моем стохастическом образовании. Комментарии Филиппова на полях моих первых публикаций я буду помнить всю жизнь: «Латур стремится устранить дихотомию субъекта и объекта...», комментарий АФ: «На хрена тебе это, дяденька Латур? – спрашивают пионеры». Или: «Раскол между структуралистским и интеракционистским аргументом намечается в самом языке гофмановской теории», комментарий АФ: «Так и вижу, стоит Гофман и размахивает своим расколотым языком».

Свободное время мы с Куракиным проводили на даче у Александра Фридриховича и Светланы Петровны. Но свободного времени было немного – работа в проектах по исследованию образования с Константиновским шла полным ходом. С Давидом Львовичем мы за несколько лет объездили около десятка регионов, вели опросы, интервью, фокус-группы (на моей первой фокус-группе в Чувашии подрались учителя), овладевали «низким жанром» отчета по проекту. Это была «вторая жизнь», полная скорее экзистенциального, чем интеллектуального напряжения. Константиновский – гениальный руководитель исследовательской команды. Этика исследования – это не этика научного поиска (всегда аутичного и индивидуалистского по своей природе). Мы с Куракиным научились писать в соавторстве так, что спустя год не могли отличить – кто какую часть текста написал.

В общем, 2003–2007 – это четыре года исследовательского угара и академического драйва. За это время я опубликовал около двадцати статей, переводов и рецензий, подготовил сборник «Социология вещей», написал в соавторстве две книжки по итогам наших исследований образования, закончил диссертацию по теории фреймов. Но все это было вторично по отношению к самому сильному чувству этого периода – чувству принадлежности к интеллектуальной и исследовательской среде. Ощущению того, что каждый твой текст – на самом деле просто диалог коллег в твоей голове.

А потом не стало Полетаева.

Виктор, а что если мы снова уклонимся от собственно временной развертки Вашей жизненной траектории? У нас был длительный перерыв в связи с тем, что с шанинскими выпускниками Вы провели две недели в Тбилиси, обсуждая тексты по социологии смерти. Помню покойного Игоря Семеновича Кона, еще живя в Ленинграде, он говорил мне: «Не хочу заниматься образом жизни. Хочу – образом смерти». Мне интересно не только то, какие тексты по социологии смерти вы анализировали, но и в какой мере 20-ти летние студенты понимали то, что они обсуждали... ведь смерть – это трагедия, чтобы глубоко обсуждать социологию смерти, надо в какой-то мере «прикоснуться» к смерти... не так ли?

Хм... Это очень хороший вопрос. Но сначала давайте избавимся от одного очень распространенного в разговоре о смерти «идола» – Идола Возраста. В повседневном языке мы часто связываем смерть и старость. Иногда почти до синонимии: старость как «жизнь на пороге смерти». Но ведь любая жизнь – это жизнь на пороге смерти. Ни у одного возраста нет монополии на смерть. Ни близость смерти, ни ее большая вероятность, ни объективная предрасположенность (болезнь) не являются достаточными условиями такой монополии. У подростка свои отношения со смертью, у человека средних лет – свои, у больного чело-

века — свои. И ни одни из этих отношений не являются привилегированными. Возраст — не залог достоверности или какой-то сверхрациональной «правды» в суждении о смерти.

Поэтому да, двадцатилетние люди могут «прочувствовать» эту тему ничуть не меньше, чем люди семидесятилетние. Они во многом избавлены от бытовых и литературных клише («смерть как трагедия», «мистерия смерти», «смерть как примирение» и пр.). Опыт прикосновения к смерти есть у каждого. Равно как и экзистенциальный опыт скорби. Другое дело — как перевести это экзистенциальное переживание в социологическую концептуализацию? Как перевести «смерть» на язык социологии?

Увы, все, что называется сегодня «социологией смерти» — это следствие псевдонаучного малодушия. Страх смерти (и одновременно влечение к ней) заставляет социологов писать о фреймировании смерти, о ее социальном бытовании или вовсе — о социальном конструировании. Каковы образы смерти в культуре Х? Как люди говорят о смерти в повседневном общении? Какова социальная машинерия, позволяющая человеку примириться сегодня с собственной смертностью? Таковы вопросы на повестке дня «социологов смерти». И они не имеют к смерти как экзистенциальному событию, в сущности, никакого отношения. Как социологи мы говорим не о ней, а о ее легитимных субститутах — «разговоре», «бытовании», «образе». Социолога-теоретика же должен занимать единственный вопрос: какова социологическая концептуализация смерти? Что можно сказать о смерти, не покидая языка социальной теории и в то же время — не подменяя ее наблюдаемыми эмпирическими коррелятами (потому что смерть не тождественна разговору о ней с интервьюером).

Мы с коллегами, выпускниками Шанинки разных лет, попытались найти эту точку — в которой смерть уже является социологически описуемым феноменом, но еще не теряет своего экзистенциального измерения, не подменяется привычными социологическими субститутами. Собрали корпус релевантных текстов и две недели назад поехали в Тбилиси, читать. Каждый день брали один текст и работали с ним в логике шанинского аналитического чтения (в лучших традициях Бейт-Мидраша).

Я попробую привести один пример.

У Георга Зиммеля есть текст «Смерть и Бессмертие». В нем еще чувствуется старый неокантианский осадок, но сам автор уже не неокантианец — ему в тот момент куда ближе немецкая философия жизни. И вот мы начинаем читать текст как запись шахматной партии: реконструируя ходы, анализируя их совместимость и импликации. Зиммель делает первый ход: «Большинству людей смерть представляется смутным пророчеством, парящим над их жизнью и лишь в момент своего осуществления как-то связанным с ней подобно тому, как над жизнью Эдипа витало пророчество, что он когда-нибудь убьет своего отца. В действительности же смерть с самого начала изнутри связана с жизнью». Что значит «изнутри связана»? Зиммель запрещает нам мыслить смерть как что-то внешнее по отношению к жизни. Она не является какой-то самостоятельной сущностью, нет никаких своевольных богинь судьбы, которые бы в определенный момент просто перерезали бы нить вашей жизни. Каждая жизнь в каждом своем моменте уже содержит смерть — старая и довольно банальная идея «жить значит умирать».

Но вот он делает следующий ход: смерть — это формообразующий момент жизни. Как это понимать? Возможно, наша жизнь приобретает некоторое единство — подчеркнем, логическое, консистентное единство — только в момент смерти. Гештальт закрывается. Логика приходит в биографию *post mortem*. Однако здесь вводится важное различие: любая ли смерть является формообразующим моментом? Нет, говорит Зиммель: «Некоторые... умирают потому, что жизнь случайно кончилась; смерть не являет собой границу, положенную их внутренним жизненным процессом; это — те люди, жизнь которых вообще не имеет формы в высшем смысле... Здесь речь идет, собственно говоря, о различии между смертью и убийством».

То есть, убийство как «внешняя смерть» отличается от «внутренней смерти» тем, что не закрывает гештальт, не придает жизни завершенность — к нему как раз применима метафора «перерезания нити»? Получается, жизнь априорно неконсистентна — придать ей форму может только смерть, но не любая, а лишь та, что «положена изнутри жизни»? Здесь появляется первая развилка. Либо мы принимаем эту интерпретацию на основе процитированного фрагмента (и исследуем текст абзац за абзацем, чтобы понять, что нам дает и к чему обязывает такое решение), либо ищем альтернативную интерпретацию.

Возражения против данной трактовки очевидны. Форма — это остаток неокантианского категориального аппарата у позднего Зиммеля. Форма предполагает некоторое внутреннее единство (в данном случае внутреннее единство жизни). Именно поэтому Зиммель против абсолютизации момента смерти — смерть уже есть в каждом моменте жизни; по Зиммелю нельзя сказать: жизнь — это процесс, смерть — это момент. А значит, мы не можем сказать то, что сказали выше: логика не приходит в биографию *post mortem*. Дальше. Как быть с солдатом, убитым на войне? Это не просто смерть, а гибель — в предложенном выше различии. Значит, его смерть случайна? То есть, она не закрывает гештальт, не является формообразующим моментом? Нет разницы между гибелью солдата и гибелью мирных жителей? Как тогда быть с введенным Зиммелем критерием случайности?

Обратившись к тексту и исследовав две альтернативные трактовки, мы скоро вынуждены будем сделать выбор в пользу иной интерпретации. Форма жизни не пуста. Она наполнена тем, что Зиммель называет жизненными интенциями. Это событийная логика — тот доминирующий экзистенциальный стиль, который придает событиям биографии внутреннее единство еще до смерти. Ключевая характеристика этой логики — интенциональность. По ту сторону интенциональных событий вашей жизни лежат иные события — случайные или каузально связанные, объективные и исторические. Что находится на стыке жизненной интенции и каузальности «внешних» событий? Здесь у Зиммеля появляется категория судьбы.

С судьбой все уже не столь очевидно. Тут более двух интерпретаций и каждая нуждается в прояснении, прослеживании, столкновении с иными опциями. Наиболее правдоподобная (по итогам обсуждения) трактовка такова: судьба — это оператор селекции. Т.е., то, что отбирает «внешние», объективные события, размещенные в историческом времени, и делает их событиями вашей жизни, переносит их в иную, экзистенциальную темпоральность. Поэтому солдат не может умереть на «чужой войне». К моменту смерти это уже «его» война.

Моя жизнь последние десять лет неразрывно связана с полетами и переездами. Я немного боюсь летать, но провожу в самолете около ста часов в год. Это не прихоть, хотя я не смогу объяснить это рационально. Все, что я смогу ответить: «Вот так я живу». Если завтра я погибну в авиакатастрофе, никто не сможет сказать: «Какая нелепая и случайная смерть». Потому что в моем случае эта смерть не будет «внешней» — она легко впишется в событийную логику моей жизни. Это будет формообразующий момент. (Честно говоря, эта мысль меня немного успокаивает.) Самоубийство Делеза — продолжение логики его письма. Гибель солдата — продолжение его образа жизни. Именно в этом (и только в этом) контексте можно говорить о смерти не как о драме, а как о трагедии: «Трагедия позволяет нам чувствовать, что случайное именно в своей глубочайшей основе есть необходимое. Несомненно, что герой трагедии погибает от столкновения между внешними для него данностями и его собственной жизненной интенцией; однако то, что это происходит, глубоко предначертано именно ею — в противном случае его гибель была бы не трагическим, а лишь печальным происшествием».

Категория судьбы, как «оператора неслучайности случайного» вообще очень важна для ранней немецкой социологии (см. понятие «судьбической общности» у Фрайера). Но у Зиммеля — если приведенная реконструкция верна — появляется еще одна опция. Зиммель говорит о судьбе именно как о категории в кантовском смысле! То есть, о чем-то, что стоит между имманентным и трансцендентным (раз) и о том, что придает форму, правда не чувственным данным, а событиям (два). Можно пройти в эту сторону еще несколько шагов и посмотреть, что нам дает такой ресурс интерпретации (прочтение Зиммеля через Канта). Но мы не пойдём в эту сторону. Мы сделаем шаг дальше по пути выбранной логики интерпретации — триада «интенция / судьба / история» — и упрёмся в противоречие. Потому что дальше Зиммель пишет о бессмертии. О том, что выходит за пределы жизни. И говорит о бессмертии двух типов: бессмертия лягушки (каждая лягушка по-своему жива до тех пор, пока жив лягушачий род в целом) и бессмертия Гёте. Первое бессмертие он выносит за скобки. Второе бессмертие — это превращение событий частной интенциональной жизни отдельных индивидов в события исторические. То есть, бессмертие (в противоположность судьбе) — это оператор обратной селекции: фрагменты вашей биографии отчуждаются от событийной логики вашей жизни и приобретают статус «объективных», «исторических» событий. Бессмертие — это антисудьба. «Страдания юного Вертера» провоцируют волну самоубийств. Бессмертие Гете (его жизненная интенция отчуждается в романе) становится судьбой его читателей (внешнее по отношению к их жизни событие самоубийства главного героя апроприируется их жизненной интенцией).

Пока противоречия нет. Правда теперь уже непонятно, как читать Зиммеля через Канта, потому что бессмертие вряд ли может быть понято как аналогичная судьбе «динамическая категория» (так Зиммель переиначивает кантовские априорные категории, выводя их из сферы познания на экзистенциальный простор). Бессмертие — это судьба, вывернутая наизнанку. Ок, пусть так. Вывернутая наизнанку, она все равно вписывается в описанную выше схему.

Но дальше — хуже. Зиммель вдруг делает очень странный гегельянский ход. Он говорит о том, что оппозиция жизни и смерти «снимается» в бессмертии. Что за бред? Как так? Откуда вообще взялась оппозиция? Как объяснить появление

в тексте вот этой фразы: «Жизнь сама требует смерть как свою противоположность, как “другое”, которым становится нечто и без которого это нечто вообще не имело бы своего специфического смысла и своей формы. Жизнь и смерть стоят на одной ступени бытия как тезис и антитезис»?! Какой, к чертовой матери, тезис и антитезис, если мы уже зафиксировали ключевую позицию: Смерть не противостоит жизни и не обладает собственным содержанием. Смерть присутствует в каждом моменте жизни и может либо быть формообразующим ее элементом, продолжая логику интенциональной событийности, либо идти в разрез с этой логикой, становясь внешним по отношению к форме жизни событием...

Вот все, что я описал выше, до этого парадокса, занимает где-то полчаса обсуждения. Это прелюдия. Мы реконструируем ходы, проясняем различия, смотрим, что они нам дают для осмысления каких-то собственных примеров. В тот момент, когда мы обнаруживаем парадокс — напряжение между зиммеле-«кантианской» и зиммеле-«гегельянской» концептуализацией смерти — начинается собственно работа. Столкновение трактовок, переописание, выход на новый уровень проблематизации, работа с кейсами (смерть младенца, самоубийство, смертельная болезнь, знание даты своей смерти, дожитие, написание завещания, массовая гибель и т.д.). Парадокс заставляет глубже погружаться в текст, эксплицитировать более тонкие различия, смотреть — как мы можем увидеть мир через призму этого языка. И каждый раз заново возвращаться к вопросу: обладает ли смерть своим собственным смысловым содержанием? А на следующий день — следующий текст.

Я назову только несколько текстов, с которыми мы успели поработать. Квентин Мейясу, современный философ, один из создателей спекулятивного реализма, «Дилемма призрака» — интересный сюжет об условиях возможности «действенной скорби» («призраками» Мейясу называет как раз тех, кто умер «неформообразующей» смертью, по Зиммелю). Текст Филиппова по теории событий — попытка осмыслить смерть как «абсолютное событие первого рода». Текст Мишеля де Серто «Неназываемое: умирать» — о напряжении между смертью и языком повседневности. Глава книги другого современного философа Тимоти Мортон «Магическая смерть» — о теореме Геделя, проблеме телесной хрупкости и метафоре смерти как перевода. К сожалению, мы не успели как следует разобраться с темой смерти в музыкальной теории и социологии музыки (де Нора) и концептуализацией самоубийства в теории рационального выбора (Фельдман).

В день мы тратим примерно два-три часа на такую работу. Остальное время — ездим по стране и общаемся. В конце концов, это не совсем школа — мы просто выбираем страну, скидываемся, снимаем дом, запасаемся текстами и отправляемся читать. Первую такую инициативную школу мы провели в 2010-м в Израиле по языковым утопиям, потом в 2011-м в Черногории по теориям рефлексии, в 2013-м мы сделали две школы — по социологии архитектуры (в Киеве—Одессе) и по метафоре монтажа (в Аликанте-Мадриде). Сейчас уже начинаем думать про следующую.

А что, Ваш современный-и-традиционный метод аналитического чтения включает построение каких-либо матриц, графов текстов, некое конструктивистское оформление?

Нет, напрямую нет. Я вообще противник графических схематизаций. Хотя в пылу обсуждения все жестикулируют, изображая руками «различения», и выглядит это иногда действительно очень странно — как доказательство теоремы, которое нужно чертить в воздухе.

Думаю, все дело именно в интуиции «различения». Мышление начинается с того, что мы проводим черту. Я взял эту логику от Филиппова, тот от Лумана, тот — от фон Ферстера и Спенсер Брауна. Несколько лет назад мы провели с Михаилом Соколовым и Андреем Корбутом шуточный круглый стол на тему «Формализм как стиль социологического теоретизирования». Хотя я по-прежнему не уверен, что «формализм» — подходящее название. Просто геометрическая интуиция в работе с идеями. Каждый эксплицирует ее по-своему. Мы с Андреем и Мишей попытались схватить эту интуицию в своем печально известном поколенческом манифесте:

6. Текст состоит не из фактов, а из слов.

6.1. Слова не создают мир и не описывают его. Они лишь делают его видимым.

6.2. Смысл теории состоит в том, чтобы, убрав слова, оставить лишь чистые линии.

6.2.1. Тексты и вещи — две стороны одной линии.

6.2.2. Мир — это совокупность линий и образованных ими плоскостей.

6.2.2.1. Размывание линий — предательство мира.

6.3. Не надо размазывать манную кашу по белой скатерти.

Про кашу, это точно, не возразишь... наверное самое время спросить о Вашей кандидатской работе... как происходил выбор темы? Что составляло главную исследовательскую проблему? И т. д.

Диссертацию я писал по фрейм-анализу Ирвинга Гофмана. Точнее о том, как нам реорганизовать все здание социологии повседневности (она же микро-социология) на основаниях разума и прогресса — т. е., теории фреймов.

Если серьезно, в психологии есть проблема, поставленная Уильямом Джеймсом — проблема верховной реальности. У нее весьма любопытная предыстория. 20-го января 1843-го года Эдвард Драммонд, личный секретарь премьер-министра Роберта Пиля был застрелен Даниэлем Макнотеном, владельцем небольшого деревообрабатывающего предприятия в Глазго. Макнотен был одержим манией преследования: ему казалось, что правящая партия консерваторов регулярно подсылает к нему шпионов. Он решил нанести упреждающий удар, выстрелить первым, и жертвой должен был стать не Драммонд, а сам премьер-министр Пиль. Макнотен предстал перед судом, где сообщил о преследованиях со стороны партии тори. Медицинское заключение диагностировало несомненное психическое расстройство параноидного типа. В итоге Макнотен был признан невиновным на основании помешательства. Его препроводили в психиатрическую лечебницу, где он и скончался двадцать два года спустя. Однако, взбуряженная происшествием, палата лордов потребовала от специально созданной комиссии судей ответить на «гипотетический вопрос». А именно: «Если человек под влиянием болезненно-бредового восприятия фактов действительности совершает преступление с тяжелыми последствиями, то освобождает ли его это от юридической ответственности?». Судьи ответили на него следующим образом:

«если под влиянием заблуждения человек полагает, будто на его жизнь покушается другой человек, и убивает такого человека, как он убежден, в целях самозащиты, — убийца может быть освобожден от наказания. Если же его заблуждение состояло в том, что покойный якобы причинил серьезный вред его репутации и благосостоянию и он убил этого человека в отместку за такой предполагаемый вред, убийца подлежит наказанию». Иными словами, Макнотена оправдали не потому, что он в момент совершения преступления находился в иллюзорном мире, созданном его болезненным воображением. И не потому что, как утверждал его адвокат, он не мог контролировать свои действия. Его оправдали, потому что в его воображаемом мире на него велась безжалостная политическая охота, и он действовал в нем из соображений самозащиты, покушаясь на главный источник опасности. Если бы Макнотен — находясь в таком же точно состоянии — выстрелил в Драммонда, чтобы «передать послание Пилю», его бы, скорее всего, осудили на казнь. Поскольку тогда это уже не было бы самозащитой даже в мире безумия. Английские судьи тем самым признали, что мир безумия является миром *sui generis*, «структурно подобным» миру здравого смысла, и его обстоятельства имеют решающее значение для вынесения вердикта.

Но что значит «структурно подобным»? И что имеет решающее значение: структурное подобие миров или их суверенность, независимость друг от друга?

Спустя полстолетия после выстрела на Даунинг-стрит в Гарварде была издана книга Уильяма Джеймса «Принципы психологии». В главе «Восприятие реальности» Джеймс впервые обосновал тезис о множественности относительно автономных (но подобных друг другу) миров, предложив попутно их первичную классификацию: мир повседневных физических вещей, мир науки, мир абстрактных истин, сверхъестественные миры, мир иллюзий и предрассудков, мир безумия. Главное их свойство — непротиворечивость. Все эти миры — здравого смысла, науки, литературы или безумия — блокируют сомнение в их собственной реальности до тех пор, пока вы находитесь «внутри». Вы не сомневаетесь в реальности стула, на котором сидите. Дон Кихот не сомневается в реальности великанов. Физик не сомневается в реальности атомов. Это не значит, что в атомах, великанах и стульях нельзя усомниться — это лишь значит, что в них нельзя усомниться, пока вы находитесь в их мире (здравого смысла, безумия или физики).

Джеймс доказывает, что мир обыденных физических вещей, ощущений и здравого смысла — это верховный мир, доминирующий над остальными. В социологию всю эту проблематику множественных миров перенесет Альфред Шюц, и так возникнет социология повседневности. И у Джеймса, и у Шюца все миры замкнуты и упорядочены (повседневность занимает среди них привилегированное положение). Но Ирвинг Гофман сумел иначе решить «джеймсовскую проблему». Для этого он а) размыкает миры — показывает, как содержание одного мира (к примеру, повседневности) может становиться содержанием другого (игры или представления), б) отказывается от иерархии. Повседневность лишается привилегий. Теперь мы изучаем как фреймируются конкретные взаимодействия людей лицом-к-лицу и как получают прописку в том или ином мире. Как взаимодействия переключаются, транспонируются из одного мира (системы фреймов) в другой.

Главное же, что отличает программу Гофмана — это ее удивительная чувствительность одновременно и к фундаментальным философским вопросам (существует ли верховная реальность повседневной жизни?) и к очень конкретным взаимодействиям людей здесь-и-сейчас (что происходит с событием драки, когда оно становится игрой в драку? инсценировкой игры в драку? репетицией инсценировки игры в драку?). То есть, это очень эмпирически заточенная, ориентированная на наблюдателя теоретическая программа. Я как раз хотел связать эти уровни — показать, что между философией и социологическим исследованием нет зазора. Потому что социологическое исследование — это и есть «полевая философия».

Думаю, были и какие-то иные причины выбрать Гофмана. Гофман — психолог для социологов и социолог для психологов. Философ для полевиков и полевик для философов. Он точно посередине двух этих осей. И двух этих разрывов, которые — и мои разрывы тоже на тот момент. Потому что через год после Шанинки я все же попытался собрать пазл из разных частей своего «бэкграунда».

Когда я пришел с этим замыслом к Филиппову, он сказал: «Поле, на которое Вы ступаете, кажется Вам непаханным. А на самом деле оно минное». Но через два года работы над текстом «минное поле» неожиданно перестало быть метафорой. Потому что меня позвали поработать «на минные поля».

После падения партии «Яблоко» некоторые ее члены организовали Ассоциацию «Голос». Мы остались в хороших отношениях, время от времени я консультировал какие-то «голосовские» проекты, а позднее вошел в их попечительский совет (что мне совсем недавно припомнили люди в погонах). В 2005 году друзья из «Голоса» предложили мне поработать в миссиях электорального наблюдения ОБСЕ на Балканах. Я поехал в Албанию, на границу с Косово (тогда еще непризнанной республикой). За следующие несколько лет с похожими миссиями объездил Боснию, Хорватию и Восточную Украину.

Балканы, конечно, имеют свою специфику. Там вы работаете бок о бок с бывшими полевыми командирами, которые рисуют для вас карты оставшихся минных полей, иногда натываетесь на заброшенные склады с оружием, интервьюируете беженцев... Интересная и нервная работа. Но меня поразило другое. Все мои представления о том, как должны фреймироваться взаимодействия лицом-к-лицу рухнули. Выборы на Балканах могут фреймироваться как ритуальное сакральное действие, как карнавал и сабантуй, как спортивное состязание, как театральное представление... И каждый раз наблюдатели вынуждены отвечать на вопрос — это все еще голосование? Или это уже игра в голосование? Голосование в кавычках? В общем, совершенно фрейм-аналитический вопрос. Там я написал свою первую англоязычную статью о рефрейминге и транспонировании электоральных событий. Включить этот текст в диссертацию я, впрочем, не рискнул. И так представитель ведущей организации поначалу отказался писать отзыв, «потому что текст пахнет шпионажем». (Потребовалось неожиданное вмешательство харизматичного Александра Фридриховича Филиппова, чтобы его убедить.) Все-таки шел 2007 год. Антишпионская истерия была еще впереди, но в академических институтах люди обладают чутьем особого рода.

Защитился я в Высшей школе экономики удачно, без черных шаров. Но, если честно, защиты своей не помню. Все было как в тумане. И на следующий день снова вылетел в «поле».

С тех пор, однако, говоря высоким штилем, минуло почти десять лет. Скорее всего для Вас это не был один долгий, тягучий, монотонный интервал времени? Пожалуйста, обозначьте на нем некие веховые, «особые» точки.

Сложно сказать. Нет, конечно, не монотонный интервал. Но и не совокупность взаимосвязанных событий. Просто из-за этой поколенческой шизофрении несколько жизней протекали параллельно в разных измерениях и по какому-то случайному стечению обстоятельств их связывали с одним человеком. Что-то вроде бегового круга на стадионе, где рядом бегут прикладной исследователь, ученый-теоретик и журналист и у каждого своя полоса препятствий, свой темп прохождения, свои риски выхода из игры. Причем, они не соревнуются друг с другом. Другая метафора: микшерский пульт звукооператора. Вы добавляете «исследовательских проектов», убираете «теоретических текстов», отключаете «журналистику» — либо звучит, либо не звучит.

Что считать «вехой» или «рубежным событием» в такой модели? Например, уход одних персонажей и появление других. Переезд в Москву прервал мои связи с еврейскими организациями. Восстанавливал я их спустя много лет уже в другой роли — как прикладной исследователь, оценивающий на деньги американских и израильских заказчиков работу тех организаций, в создании которых когда-то принимал участие. В какой-то момент к двум основным идентичностям — ремесленной и теоретической — добавились второстепенные трэки «медийного персонажа» и «политика-администратора». Они продолжают жить своей жизнью до сих пор. И тогда основные вехи — это возвращение в Шанинку деканом родного факультета (2008), уход из нее в большую (около)академическую политику (2011), отъезд из страны (2013).

Другой способ концептуализации «рубежных событий» — смотреть, что повлияло на все параллельно проживаемые жизни. Тогда их еще меньше. Например, «дело Куракина» (2010) или, опять же, отъезд (2103).

Но все это очень поверхностные, внешние «рубежи». Выход книги обладает статусом абсолютного события для ученого, но мало влияет на остальные жизни. Запуск «Евробарометра в России» обладал огромным значением для меня как прикладного исследователя и ровным счетом ничего не значил для меня как для ученого. Запуск своего факультета, открытие нового исследовательского центра, создание большого института, издание своего научного журнала — все это важные события для меня как политика-администратора. Они ничего не значат для других идентичностей (и меньше всего — для научной). Это не мешает мне гордиться всеми этими структурами и работать на их развитие. Может быть, как раз самые главные вехи — те, которые «внутри» отдельных идентичностных треков.

Интересно, что защита кандидатской не была рубежным событием ни в каком смысле. Потому что кандидатская — это ритуально-политический акт жертвоприношения, не имеющий рационального содержания. К моменту защиты меня уже более или менее знали по публикациям, «Социологию вещей» читающая публика встретила неожиданно хорошо, я валидировал свой курс в Манчестере, несколько лет как преподавал в Шанинке и Вышке, ездил с публичными лекциями в разные места. Одна из первых таких лекций была в Питере в Европейском университете 23 марта 2007 г. — ровно через неделю

после защиты. От той поездки у меня до сих пор осталось много добрых друзей в Питере – Миша Соколов, Даша Димке, Кирилл Титаев. По гамбургскому счету, это куда больше «веха», чем кандидатская.

После защиты я ровно полгода был абсолютно счастлив. Проекты начали, наконец, приносить дивиденды в виде репутации и денег. Филиппов взял меня в свой Центр фундаментальной социологии на какую-то символическую ставку старшего научного сотрудника, которая позволяла чувствовать себя частью «теоретического клуба». Публиковался довольно много – «поля» и отчеты оставляли массу времени, чтобы держать себя в тонусе. Ездил на разные школы и стажировки в западные университеты, начал работать над книжкой по итогам диссертации... Все шло, как было запланировано: оттачиваем ремесло в проектах, параллельно решаем свои теоретические задачи. Два трэка – научный и ремесленный – давали каждый свою отдачу и практически не пересекались...

И в этот момент раздался звонок. А вернее два звонка. Мы как раз с Куракиным и Давидом Львовичем вели исследование в Дагестане. Череду полетов выдалась очень плотной, между Новосибирском, Махачкалой и Ярославлем было по одному дню на передышку. В день приходилось вести по три фокус-группы и по несколько экспертных интервью. А по ночам, под виски, мы еще успевали разбирать конспекты и делать наброски отчетов. В Дагестане кроме всего вышеперечисленного нужно было быть хорошими гостями, выпивать и говорить о политике, уметь правильно отреагировать на тост... Поэтому первый звонок застал меня в Дербенте, в крепости, на которую мы с Куракиным залезли, чтобы на короткое время ускользнуть от внимания приглашающей стороны.

Сначала позвонил Теодор Шанин. Он, кажется, за год до этого ушел с поста ректора Школы, став ее почетным президентом. Сказал: «Мне с тобой нужно поговорить. Только не говори Каспржаку, что я звонил. Как приедешь – набери меня». Анатолий Георгиевич Каспржак занял пост ректора Школы после Теодора. Он в этот момент как раз пытался разобраться с происходящим в Школе и искал возможность удержать этот корабль на плаву – после ухода большинства западных спонсоров и резкого ухудшения политического климата. Он позвонил мне примерно через 45 секунд после Теодора: «Вы не в Москве? Нам бы нужно было увидеться. Только не говорите Шанину, что я Вам звонил».

Думаю, два этих коротких звонка до сих пор входят в сотню самых важных в моей жизни.

Прекрасно, мне и нужен был такой каркас для продолжения нашей беседы. Кое-что мне уже известно из нашей переписки, очень ценной для меня, но все равно мы об этом поговорим особо. Но начну с Вашей лекции в Европейском университете в СПб 23 марта 2007 года. Что заставляет Вас сегодня, спустя 7,5 лет, помнить эту дату и считать лекцию «вехой» на Вашем профессиональном пути?

У здания социологической теории очень причудливая архитектура. В фундаменте у него (как и у любого другого строения на этой территории) заложено коллективное производство знания. То есть, наука – это, казалось бы, по определению коллективное предприятие. Но теоретическая проблема – что-то вроде одноместной кельи под самой крышей. (В феноменологии это называется «парадоксом Финка»: содержание мира теории не может быть адекватно передано в коммуникации теоретиков здесь-и-сейчас). Поэтому ритуал инициации

теоретика выглядит так: научный руководитель закрепляет приставную лестницу в коллективном производстве знания, аспирант лезет по стене дисциплины, пока не находит в ней «свою нишу», начинает ее долбить и обустраивать, а научный руководитель, взмахнув на прощанье рукой, лестницу отбрасывает. Все. Теперь это Ваша задача — связывать свои аутичные ниши в мире идей и коллективное производство знания.

В свое время Филиппов поразил меня фразой: «Я купил книжку Бенно Верлена и обрадовался — тот уже написал все, что я хотел написать о пространстве». Я говорю: «Александр Фридрихович, точно обрадовались? Не напились с тоски, не впали в депрессию, а обрадовались?». Он говорит: «Конечно, обрадовался! Я понял, что я — не сумасшедший. Есть хотя бы еще один человек, который думает в ту же сторону. И, значит, просто нужно рыть дальше».

Поездка в Питер в марте 2007 года — это был такой пробой диэлектрика. Теоретика-аутисту сложно поверить, что где-то есть целый университет, в котором люди читают те же книги, что и он, следят за теми же публикациями тех же авторов. Для меня Волков и Хархордин были абстрактными фигурами, невидимыми партнерами по шахматной игре, коммуникация с которыми возможна только в мире идей (и потому это, скорее, квазикоммуникация по Шюцу). А тут вы, расширяя свою нишу, долбите стену и вваливаетесь в чужой коридор, весьма разветвленный и хорошо обустроенный, после чего появляются живые хозяева и предлагают прогуляться по своему теоретическому лабиринту, показывают разные строительные решения — что, как, с чем связано.

Но, конечно, Вергилием в Европейском университете для меня стал Михаил Соколов. Мы тогда оба занимались Гофманом (он — ранним, я — поздним). Миша прочитал мой автореферат, написал на него иронично разгромный отзыв, а потом позвал прочитать лекцию в ЕУ. Мы встретились у метро Чернышевская. До лекции оставалось еще два часа, и Соколов решил показать мне «социологический Петербург».

— Вот, окна квартиры Ядова. А вот тут жил Здравомыслов. Они, как Вы понимаете, жили в двух шагах друг от друга. Вы примерно представляете себе размеры петербургской диаспоры в сегодняшней московской социологии? Каждый второй известный московский социолог — на самом деле петербуржец.

— Может, заберете их обратно? — робко поинтересовался я.

— А Путина у Вас обратно не забрать? — осведомился в ответ Соколов.

После этой репризы на двадцатой минуте знакомства дружба завязалась сама собой. Хотя у нас по-прежнему непреодолимые разногласия в прочтении Гофмана.

«На всю толщину» понимаю Филиппова и согласен с ним; это огромная радость — прочесть то, о чем хотел написать... Что принес разговор с Шаниным? Имела ли смысл встреча с Каспржаком?

Это были два очень разных разговора. Сейчас история Шанинки придиричливо переписывается ее выпускниками. И, я боюсь, Каспржак войдет в анналы школы, как человек крайне недипломатичный, прямолинейный, принимающий резкие и непопулярные решения. Напротив, Теодор — сакральная фигура, трансцендентное существо, отец-основатель и человек-скала. Но я был «внутри» последние двенадцать лет. При всем моем восхищении Теодором (мы сделали

серию биографических интервью с ним — «Миры Теодора Шанина» — первое опубликовали всего месяц назад), все же нужно понимать, что Каспржак — комиссар, он первый бросится на вражеский бастион, увлекая Вас за собой. И первым получит пулю, закрывая Вас от нее. (Что в каком-то смысле и произошло.) А Шанин — человек, который читает Вам возвышенную проповедь перед отправкой на фронт: благословляет, вдохновляет, отпускает грехи, заглядывает в душу и требует подвига, не уточняя какого именно.

Я пришел к нему домой, мы проговорили четыре часа, обсуждая в основном перипетии мирового исторического процесса и место Шанинки в нем. Он периодически переходил на иврит, тестируя мои остаточные знания, расспрашивал про мою биографию, интересовался моим кругом чтения. Время от времени рассказывал байку из своей фантастически богатой биографии. Я вышел окрыленным. Было ощущение прикосновения к чему-то по-настоящему великому. Отношения сложились практически сразу — какие-то очень личные и совершенно не профессиональные отношения — Теодор всегда подчеркивал, что ему важнее, чтобы я продолжал писать и публиковаться, чем моя работа на благо Школы. С тех пор несколько лет подряд мы встречались пару раз в месяц и говорили об израильской политике, неокантианстве, деле «Альталены», проблемах языковой адаптации мигрантов, крахе университетской автономии, ранних националистических движениях в Польше, студенческой революции 1968-го и многом другом. Почти никогда — о работе. При этом в первый вечер он ничего конкретного мне не предложил. Конкретика — прерогатива ректора.

А ректором как раз был Каспржак, который сидел в кабинете, зарывшись в финансовую, кадровую и административную отчетность, и курил одну сигарету за другой. В отличие от Теодора, который знал меня как ученика Филиппова и социолога-теоретика, Анатолий Георгиевич наблюдал совсем другую сторону моей жизни. Он был рецензентом нескольких наших проектов по исследованиям образования и примерно представлял, чем я занимаюсь в свободное от чтения и письма время. Вернее, чтение и письмо казались ему моим хобби, а проекты — работой. Поэтому и с Каспржаком отношения сложились сразу же, но у другого моего «Я» — того, которое за пять лет в Москве научилось зарабатывать на исследованиях.

«В общем, ситуацию в Школе Вы себе представляете, — сказал Анатолий Георгиевич. — Половина западных спонсоров от нас ушла. Остался только Сорос, но мы даже не знаем, как правильно теперь у него взять денег. Годовой дефицит Школы — больше миллиона долларов. Чтобы сэкономить деньги, я увольняю всех, про кого не могу с уверенностью сказать, что без него Школа рухнет. На Вашем факультете дефицит больше, чем на других. Все осложняется тем, что Крыштановский умер, совместная программа с Вышкой в этом году закроется и Радаев тоже уйдет. Набор рухнет. Есть риск не набрать даже на бюджетные места. Рогозин уже шесть лет тянет деканскую лямку и умоляет его отпустить обратно в поля. Если Вы согласитесь стать деканом, я не смогу платить Вам нормальную зарплату. Но я могу гарантировать Вам полный карт-бланш. И помощь в привлечении сюда исследовательских проектов, которыми мы будем закрывать дыры в бюджете Школы. При условии, что через год факультет выйдет на самоокупаемость и не проиграет в качестве образования».

Пока выслушивал это предложение, я «стрельнул» у Анатолия Георгиевича сигарету. Через год я уже выкуривал пачку в день, у меня появился первый нервный тик, я испортил отношения с половиной своих знакомых, но факультет вышел на самоокупаемость практически без платных студентов, а еще через год был назван в числе четырех лучших факультетов социологии в стране (http://theoryandpractice.ru/posts/1500-4-luchshikh-instituta-dlya-postdiplomnogo-obrazovaniya-v-oblasti-sotsialnykh-nauk?utm_source=tnp&utm_medium=search).

Чем лучше шли дела на факультете, тем хуже мне становилось физически. Я начал понимать Рогозина. Хотя я никогда так интенсивно не учился, как в последующие три года.

Виктор, благодаря чему Ваш факультет вскоре стал одним из лучших в стране? Вы смогли пригласить новых преподавателей? Вы ввели какие-либо новые курсы?

Я уже припоминал шутку Теодора: в Англии люди приходят и уходят, а институции остаются; в России наоборот. Шанинка – английский университет, она пережила всех своих основателей (кроме самого Теодора). Ее не нужно было делать лучше – ей нужно было дать сохраниться: финансово, административно, политически. Ничем другим мы и не занимались.

Первым делом я кинулся к выпускникам, тем, кто уже успел что-то сделать в науке после выпуска. Я до сих пор ценю куда выше тех, кто откликнулся тогда, в самый критический момент, а не выждал несколько лет, чтобы убедиться – да, все ок, ресурсы нашлись и Школа жива. Но репутация работала на факультет. Туда по-прежнему уходили лучшие выпускники Вышки (включая сына ректора, который предпочел Шанинку родному соцфаку ГУ–ВШЭ). Выпускники 2002-го подхватили курсы ушедших учителей, выпускники 2007-го сделали свою Лабораторию экспериментальной социологии. Начинали преподавать совсем молодые дарования (Павел Степанцов подхватил у Теодора курс по социологии знания уже на следующий год после выпуска). Это был самый молодой социологический факультет в стране. Читали открытые гостевые лекции преподаватели из Кембриджа, Манчестера и Йеля. Приезжали профессора из Германии, Израиля, Франции, Италии. Каспржак не обманул и привел несколько крупных исследовательских проектов НФПК, Министерства, Всемирного банка. Преподаватели даже не знали, что зарплату им платят не из бюджета факультета (там были только долги), а из денег, которые мы зарабатывали на исследованиях. Из них же Школа платила свой ежегодный взнос в Манчестер за валидацию программ – 200 тыс. фунтов.

Я совершенно искренне пытался сохранить все исторические связи Шанинки, включая совместную программу с Вышкой. Поехал к Радаеву. Мы пообедили. Вадим Валерьевич тепло осведомился о нынешних делах в Московской школе, потом дал несколько хороших административных советов и предложил закрыть эту тему: «Моя история в Московской школе закончена. После смерти Крыштановского меня с ней ничего не связывает. Делайте то, что считаете нужным».

Благодаря «ребрендингу» о Шанинке стали больше говорить в СМИ. Началась быстрая медиатизация. Это позволило привлекать больше ресурсов, хотя под угрозой оказалась традиционная камерность и герметичность факультета.

Мы позволили себе расширить пул программ. Тогда же мне пришлось поехать в Манчестер и пробивать новую программу по политической социологии на ректорате. Манчестерский эдвайзер заранее предупредил, что человека до 30 лет британские администраторы (все бывшие профессора) всерьез не воспримут и шансов мало. Нужно было быстро состариться. Мой парикмахер пятнадцать минут выяснял, уверен ли я, что хочу добавить седины на висках. Но программу мы открыли.

Для меня же эти три года были каким-то ночным кошмаром. Вместо трудов по социальной теории, я изучал трудовое и налоговое законодательство. В библиотеке появился всего несколько раз (и то, потому что мы переносили туда совещания из-за нехватки аудиторий). У одного моего манчестерского коллеги в кабинете висит плакат; памятка профессору, ставшему администратором: «First year – stop writing, second year – stop reading, third year – stop thinking». И это очень точное описание постакадемической деградации.

Но тяжелее всего, конечно, резкая ломка всей сложившейся системы отношений. Пока вы хороший студент – на вас сыплются предложения, поощрения и проекты. Когда вы становитесь подающим надежды молодым ученым – вас зовут с лекциями и выступлениями. Когда вы становитесь самостоятельным политическим «игроком» и оператором каких-то скудных академических ресурсов, вы не сразу можете перестроиться – потому что те же самые люди, которые вас когда-то приглашали, включали в проекты, абсолютно иррационально из добрых побуждений инвестировали в вашу карьеру и репутацию, вдруг, готовы идти на серьезные издержки, чтобы эту репутацию подорвать, если ваши действия как-то затрагивают их интересы. Причем, подорвать даже без выраженной пользы для себя, повинувшись тому же иррациональному инстинкту академического мира. Я вдруг увидел совсем другую сторону научной жизни. И понял, что оказался перед выбором. Либо сохранять теплые отношения со значимыми людьми, либо делать то, что считаешь нужным, вести свою игру, чтобы... Чтобы что? Если бы речь шла просто о карьере, я бы, наверное, не предпринимал никаких резких движений. Но в тот момент речь шла о выживании факультета и возможности сохранить нишу, которая мне была дорога не только как память. Хотя это сейчас хорошо говорить – «Мне плевать, что обо мне думают и говорят коллеги. Я еще успею простудиться на их похоронах». А тогда подобная резкая смена отношения воспринималась очень болезненно.

Впрочем, продлился мой кошмар недолго – всего три года. На третий год Каспржак понял, что стратегия, которую он реализовывал (полная автономия Шанинки от всех «крупных игроков», превращение в небольшой «образовательный бутик», вроде дорогих школ МВА) нереализуема в нынешних условиях. И ушел с поста ректора. А я понял, что мне пора. И тоже ушел. Правда, недалеко. Уже через неделю после моего увольнения мне позвонил Владимир Александрович Мау, ректор РАНХиГС (так стала называться Академия народного хозяйства, после того как проглотила Академию госслужбы). Спустя полгода в РАНХиГС появился новый философско-социологический факультет, Центр социологических исследований и проект «Евробарометр в России».

В нашей переписке Вы отметили, что закончили подготовку данных Евробарометра, что позволит Вам издать сборник «Россия на пороге кризиса: 2012–2015. Опыт социографии». Еще до отъезда в Америку, а это было

в 1994 году, я несколько лет получал толстые тетради Eurobarometer с данными опросов общественного мнения населения стран Европейского содружества. Насколько я помню, эти исследования родились в начале 1970-х. Вы имеете в виду этот Проект или некий иной?

Почти. Дело в том, что Академия (кстати, вместе с Вышкой) — это такой флагман модернизации периода 2000-х годов. В России только крупные прогрессистские университеты готовы инвестировать в масштабные исследовательские проекты. Мы с коллегами (половина из которых были выпускниками соцфака Шанинки, а вторая — философского факультета МГУ) как раз закончили делать новый факультет в Академии (он был построен как «Шанинка в бакалавриате», в итоге за четыре последующих года из 18 набранных на первый курс студентов до первого выпуска дожили шесть). И Владимир Александрович предложил сделать исследовательский центр — площадку для реализации большого европейски-ориентированного исследовательского проекта. Не помню, почему мы остановились на «Евробарометре». Но в нем было достаточно методологической свободы, чтобы включить туда те сюжеты и гипотезы, которые были нам с коллегами теоретически интересны. С тех пор мы делаем этот опрос регулярно дважды в год, в 10 регионах России.

У нас был длительный перерыв. В мои планы входило спросить Вас об одном из Ваших любимых проектов — журнале. Пожалуйста, расскажите о нем.

В мои планы вовсе не входило делать журнал. В России уже есть один хороший просветительно-теоретический журнал — «Социологическое обозрение». И журнал «Социология власти» далеко не сразу стал моим любимым проектом (и уж точно никогда не был моим детищем в полном смысле слова). Боюсь, здесь мне снова потребуется институционально-историческое отступление. Простите, если их становится слишком много.

Когда Каспаржак реализовывал концепцию Шанинки как автономного и независимого «образовательного бутика», я пытался то же самое сделать с факультетом. Мы с Анатолием Георгиевичем назвали этот проект «Школа факультетов» — Шанинка как конфедерация независимых исследовательско-образовательных структур, каждая из которых зарабатывает как может, а внешние (тогда еще остаточные спонсорские) деньги тратятся на поддержание межфакультетских структур (прежде всего, великой шанинской библиотеки). Теодор мне сказал: у тебя ничего не выйдет, нужно искать баланс интересов, а не продавливать свои под видом общего блага. Так и получилось. Проект заблокировали на уровне попечительского совета. Каспржак как премьер-министр, правительству которого выразили недоверие, ушел в отставку. И я счастливо ушел вслед за ним. Абсолютно разочарованный и в академическом сообществе (после «дела Куракина»), и в политической игре на институциональном поле.

Проблема в том, что моя репутация «административно-политического оператора» (в переводе на язык академического сообщества — «законченной сволочи») уже сформировалась. И из всех предложений, которые на меня посыпались, самым заманчивым было предложение Владимира Александровича Мау — сделать «Шанинку в бакалавриате», с британской моделью образования, свободным выбором курсов, «западным контентом», сильной теоретической ориентацией и т.д. Факультет не нужно было делать самокупаемым — мы

договорились, что он будет убыточным первые пять лет. И у меня был полный карт-бланш на формирование преподавательского состава. Я подписался, даже не очень понимая, на что я подписываюсь. А обстоятельства этого щедрого предложения были таковы.

Академия народного хозяйства при Правительстве (вуз «гайдаровской команды») за год до того — на волне медведевского президентства — проглотила Академию госслужбы при Президенте (где оседали старые службисты еще с брежневских времен). Выглядело это как известная картинка де Сент-Экзюпери — удав, проглотивший слона, потому что РАГС с его филиалами был в разы больше АНХ. Владимиру Александровичу нужно было как-то «переварить» это затхлое и чудовищное в своей косности образование. Для этого ему потребовались «новые силы» — команды людей, которые могли бы постепенно заместить рагсовские подструктуры. И мы в целом подходили на эту роль. Новый Философско-социологический факультет должен был вытеснить старую рагсовскую социологию, новый Центр социологических исследований с его «Евробарометром» — заместить старый Центр, занимавшийся обследованиями госслужащих и прочими странными вещами. За Центр я ухватился с интересом (нужно было зарабатывать деньги, в том числе и на факультет), за проект «Шанинки в бакалавриате» — с радостью. Но никого, особенно, «вытеснить» и «замещать» не хотелось. И компромисс был достигнут. Старая рагсовская команда сокращается вдвое, за ней остается их факультет социологии управления и ваковский журнал «Социология власти», мы спокойно делаем новый факультет и Центр.

А дальше повествование переходим в область легенд и мифов. Легенда гласит: Высшая школа экономики как усердный санитар академического леса решила составить черный список журналов, в которых приличному человеку не стоит публиковаться. И многие журналы Академии, унаследованные от РАГСа, попали в этот список из-за стандартных коррупционных схем (брали деньги с аспирантов за публикации, навязывали подписку на журнал, публиковали откровенный бред за деньги и т. п.). И только-только наш Центр и Факультет вышли в какой-то нормальный режим существования, мне позвонил Владимир Александрович и попросил «заняться журналом». Заняться в данном случае означает уволить всю старую команду, набрать новую, не вылететь из ваковского списка и не попасть в «черный». Я не просто не горел желанием это делать — я не знал, как. Мы, конечно, хотели бы и изменить название, и сделать новую концепцию журнала, но... Одно дело хотеть, другое — смочь это сделать. Пока я нашел нужных людей и собрал портфель приличных статей, мы почти год ничего не выпускали.

А полтора года назад, когда со мной случился очередной кризис на тему «какой херней я опять занимаюсь?» нужно было расставлять приоритеты. Я уезжал из страны, пытаясь отбросить все лишнее и оставить за собой что-то, что мне по-настоящему интересно и хоть как-то связано с моими теоретическими интересами. Приоритеты оказались таковы: 1. Шанинка. 2. Журнал. 3. ФСФ. 4. Центр в Академии. 5. Институт городских исследований при мэрии, который мы сделали в 2012 г. (но это отдельная история). Журнал неожиданно вышел на второе место. И действительно, за эти три года мы выпустили больше десятка номеров по актуальным исследовательским темам — социология технологий,

институциональная теория, феноменологическая философия, теория коммуникации, теория практик, исследования сообществ, урбанистика, микросоциология политики, исследования возрастной стратификации и т.п. Сейчас собираем номер по утопическому воображению, на очереди – социология академического мира, исследования правоприменения, социология вещей, теория фреймов. К счастью, все быстро забыли про слово «власть» в названии, сейчас оно носит чисто декоративный характер. Так что я даже рад, что в свое время Мау навязал мне этот проект.

И Вы написали, что несколько недель жили без интернета и прочих благ цивилизации и дописывали книгу по социологии повседневности. Я думаю, что для большей части человечества, в том числе – россиян повседневность и не включает многих благ цивилизации, тем более – Интернет. Как жилось? О чем написали?

Про человечество судить не берусь, в случае с россиянами – это уже не совсем так.

Просто на одной из недавних защит в Вышке, ко мне подошел Леонид Григорьевич Ионин (его книга «Социология культуры» в свое время произвела на меня сильнейшее впечатление, а Куракин из-за нее и вовсе решил уйти из физики в социологию) и предложил написать продолжение «Теории фреймов», но на нормальном человеческом языке для «непосвященных». Что я и сделал. Кстати, наш с Вами разговор о концептуализации смерти у Зиммеля туда вошел, как часть одного из эссе. Спасибо Вам за это.

Отдельная история – Институт городских исследований при мэрии может быть очень интересной. Пожалуйста, Виктор, поподробнее...

Это, в общем, не одна, а несколько историй.

Первая – история десятилетия «прогрессоров». 2000-е годы в России – период безудержного карго-культа и нефтяного государственного модернизма, кульминационной точкой которого стало противостояние (не во всех, но во многих сферах) прогрессистской бюрократии и консервативной интеллигенции. Обычно же все наоборот: революционные интеллигенты требуют вывести страну из застоя, «чтобы все было как в нормальных странах». А консервативные чиновники в стилистике героев Салтыкова–Щедрина повторяют: «защитим, не позволим, сохраним, преумножим». Да? Так вот на памяти моего поколения все было ровно наоборот. Молодые люди в галстуках на высоких чиновничьих позициях говорили: «А давайте иностранцев позовем, а давайте Нобелевских лауреатов сюда притащим работать, а давайте конкурс отгрохаем открытый – на весь мир. Ну, чтобы все как у больших, все как в нормальных странах было». (Можно сколько угодно издеваться над нефтяным карго-культом, но этот прогрессизм – пожалуй, самое ценное, что было в ушедшем десятилетии; хотя многие его проявления действительно курьезны и смехотворны.) А люди в вельветовых пиджаках, джинсах и водолазках отвечали: «Не позволим! Руки прочь! Это наше исконное! Мы за это святое в 90-е годы с голоду умирали».

В академическом мире проблема упрощалась (и одновременно усложнялась) тем, что эта граница пролегла внутри самой системы: на стороне прогресса оказались Вышка и Академия, на стороне «защитим и сохраним» – МГУ и большая часть институтов РАН. А в мире культуры прогрессистские голоса были

в абсолютном меньшинстве — весь этот чуждый модернизм воспринимался как еще одно средство коррумпированной бюрократии покуситься на святое (чаще всего, на здания в центре Москвы и Петербурга). Это было внешнее, а не внутреннее противостояние.

Сейчас все возвращается в привычное русло; эпоха просвещенного авторитаризма закончилась, чиновники и интеллигенция снова поменялись риторикой. Но тогда у всех прогрессистски настроенных интеллектуалов был когнитивный диссонанс. Чиновничество — «чуждый класс», иметь с ним дело, все равно, что продать душу дьяволу, но вторить за друзьями своих родителей «уберите лапы от исконных наших ценностей» было решительно невозможно. Я к тому моменту уже был сыт по горло риторикой постсоветской интеллигенции — узурпацией моральной позиции, склонностью собственную пустоту и бессодержательность маскировать обличительством и морализаторством. Поэтому с легкостью принял сторону прогрессистской бюрократии.

Вторая история — история Москвы. Мы часто говорим, что «Москва — не Россия», но, по моим ощущениям, Москва — это гипер-Россия, ее политическая и пространственная метонимия (такая часть, которая обладает наиболее характерными чертами целого в гипертрофированном виде).

Из-за того, что почти 20 лет у власти находилась одна и та же элита, Москва представляла собой заповедник, идеальный объект для какого-нибудь институционального экономиста — «правила игры» здесь не менялись десятилетиями, успело вырасти целое поколение чиновников, для которых модель неэффективного государственного капитализма была единственно мыслимой. Став мэром, С. Собянин обнаружил, что он ничего не может сделать — система коррупционной солидарности спаяла городские службы на всех этажах — все, от вице-мэра до директора районной художественной школы, чувствовали себя «скованными одной цепью». Поменять правила игры, не поменяв игроков, было невозможно. Началась «модернизация молотом». Городской департамент культуры тогда возглавил Сергей Капков, в прошлом — правая рука Р. Абрамовича и директор-реаниматор Парка Горького. Стоит ли говорить, что он столкнулся с той же проблемой, что и Собянин. И прибег к тому же решению.

Капков через своего советника (и мою хорошую подругу) Наташу Фишман предложил мне «заняться» исследовательским институтом при московском минкульте — собрать команду нормальных исследователей с западным образованием, предложить городу несколько масштабных «долгоиграющих» проектов, в общем, сделать новый институт городских исследований. Его щедрое предложение сильно напоминало предложение В. А. Мау, потому что при департаменте уже был один институт (Московский институт социально-культурных программ) и от меня, по сути, требовалось то же, что за год до того в Академии — провести оценку, понять, есть ли там что-то живое, уволить старую команду, набрать новую. Я сразу предупредил, что после того, как новый институт заработает — я уйду, что для меня это проект на 1–2 года, способ построить еще один постшанинский исследовательский центр в интересующей меня сфере социологии города. Но задача оказалась сложнее, чем показалось на первый взгляд.

Исследовательские институты при городских министерствах на протяжении многих лет выполняли важную задачу — отмывки денег. Их побочной функцией было производство правильных слов, релевантных историческому моменту.

Когда я пришел в МИСКП, я был готов ко всякому, но не к тому, что я увидел. Ежегодный сборник работ исследователей московской культуры был озаглавлен «Культурная безопасность москвичей», официальный сайт института назывался еще характернее — «Русский сход». Риторика основных исследователей представляла собой утонченную смесь цитат из Евангелия, «Протоколов сионских мудрецов», Морального кодекса строителя коммунизма и должностных инструкций. В итоге, из 74 сотрудников через несколько месяцев в штате осталось 4.

Капкову написали открытое письмо с призывом остановить «еврейский фашизм». Появилась серия довольно плохо написанных статей об устроенном мной терроре. Последняя из них завершалась особенно проникновенно: «... Не потому ли новый хозяин Московского института социально-культурных программ Виктор Вахштайн, отныне известный как ликвидатор старой, “отжившей свой век” команды недотёп-культуротников, явно пытавшихся совместить старые православные идеалы с новомодными либеральными веяниями, так любит демонстрировать свою печатку с шестиконечной звездой Давида? Как говорили предки, “по грехом нашим”. Неужели и теперь не вспомним Евангельское: “Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит” (Мф. 12;25)? Так что отныне нам — либо выматываться, куда глаза глядят (коль россияне, значит, в рассеяние), либо уж возвращаться к самим себе — в Православное Самодержавное Царство. Ибо третьего — не дано» (<http://www.russhod.ru/2012/07/%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82-%D1%83%D1%80%D0%B0/>).

Я очень многому научился в первый же год. Я выяснил, как работает «коррупционная солидарность». Директор имеет «законное право» брать откаты с аренды помещения, если она завышена на 30–50% (прежний институт платил 950 тыс. руб. в месяц за особняк в центре Москвы). Мы сразу же отказались от аренды. Исследователи «кормятся» от проектов, а рядовые сотрудники... Спустя полгода работы мне потребовалась доска и флип-чарт в кабинет. Обычно этим занимается завхоз. Но завхоз заболела, мой зам. позвонила в фирму, с которой всегда работал Институт, там сначала спросили, где наш завхоз, потом назвали некоторую сумму. «Дорого что-то», сказал я. Ну ладно, главное, чтобы быстро доставили. После второго звонка в фирме удивились: в смысле доставили? то есть, вам на самом деле доска нужна? настоящая, да? мы обычно работаем по-другому...

В общем, это был насыщенный год. Первое, что мы выяснили — у Департамента культуры не было даже базы данных своих учреждений. Поскольку эта функция возлагалась на отделы внутри департамента (театры, кинотеатры, музеи — это все разные феодальные вотчины). А в некоторых отделах отчеты подведомственных учреждений хранились в картонных коробках под шкафом. Департамент не был даже уверен в том, где именно проходит граница его ведомства — музыкальные школы «зависли» между департаментами образования и культуры.

В целом институт как проект удался. Новая команда сделала несколько громких проектов — «аудит Москвы» (аналогичный аудиту Лондона накануне олимпийских игр 2012-го), мониторинг повседневных практик, исследования общественных пространств, исследования городских сообществ, исследования рутинных форм мобильности... Я ушел, как и планировал, полтора года спустя.

Но команда Института — Алина Богаткова, Павел Степанцов, Иван Напреенко, Кирилл Пузанов — и сейчас делает самые интересные, на мой взгляд, исследовательские проекты на тему городской жизни в Москве.

В доперестроечные годы некоторыми стимулами для написания и защиты докторской диссертации было незначительное повышение оклада исследователя и возможное профессорство для преподавателей, к тому же докторам разрешалась (не автоматически) совместительство. Теперь кандидатская, принимаемая на Западе как Ph.D, уже позволяет занять позицию профессора в российских и зарубежных университетах, а возможности совместительства для каждого, особенно в Москве и ряде крупных городов, практически не ограничены. Предполагаете ли Вы защитить докторскую диссертацию?

Есть ли у Вас видение своей социологической деятельности, активности на ближайшие, скажем, пять лет?

Вы совершенно правы, докторская степень — это атавизм российской академической системы. Если бы сейчас выбор стоял: защита докторской или отъезд на PhD к одному из ценимых мною теоретиков — Дрейфусу, Ло, Латуру, Зерубавелю (увы, половина из них уже на пенсии, а вторая — не берет аспирантов), то решение было бы очевидно. После «Куракингейта» мое отношение к диссертационной машинерии несколько поменялось и, что-то мне подсказывает, что это новое сильное чувство взаимно. При этом я допускаю: через какое-то время докторскую все же придется защитить — просто чтобы продолжать прикрывать свои проекты и институции — но с моей стороны это будет акт небывалого конъюнктурного цинизма. Пока отбиваюсь.

Что касается профессуры... Есть только один вуз, в котором я бы хотел быть профессором. И, к счастью, это желание тоже оказалось взаимным. После ухода с деканства новый ректор Шанинки — Сергей Зуев — предложил мне остаться на профессорской позиции. За что я ему ужасно признателен.

Нет, никто не видит себя через пять лет. А если видит, то это видение следует считать оптической иллюзией. Батыгин в своем последнем интервью сказал: если буду жив, буду заниматься тем, чем занимаюсь сейчас или тем, что сочту нужным на тот момент. Зиммель в конце жизни признался: «В сущности, до 30 лет я был чудовищно глуп». До 30 лет он заложил основы теории социальной дифференциации. Но никто не застрахован от такого авто-вердикта. И слава Б-гу.

Виктор, после получения этого ответа мне казалось логичным закончить наше интервью. Но Вы прислали мне на «закуску» рукопись книги, пока имеющей название «Восприятие реальности. К социологии множественных миров». Книга небольшая, и я уже внимательно ознакомился с ней; тема и стиль делают чтение легким, даже захватывающим. Принимая во внимание сюжеты и Ваши к ним комментарии, книга при нормальной ее раскрутке может вытеснить с рынка последние истории Акунина. Какое место эта книга занимает в Ваших теоретических и литературных работах?

Спасибо на добром слове. Но, если честно, у меня нет готового ответа на Ваш вопрос. Когда я полтора года назад уехал, я поначалу мог читать только художественную литературу — Ч. Мьевиля, Н. Стивенсона, Дж. Барнса, Д. Митчелла — и только потом вернулся к размеренному социологическому чтению. Наверное, это как-то сказалось на стиле письма (при том, что привычный для меня жанр

работы — это хардкорная неудобочитаемая теория). К тому же, главным источником творческого принуждения — то есть, людьми, которые все время донимают вас вопросом: где текст? текст где?! — на тот момент были мои друзья из научно-популярного проекта «Постнаука». Им я и отдал для промежуточных публикаций какую-то часть будущей книжки. Поэтому когда Леонид Григорьевич предложил мне написать что-то на популярном человеческом языке, черновики уже были. Получился социологический детектив — расследование влияния одной философской идеи на наш современный способ мышления

Но следующая книжка, которую я должен отправить Олегу Паченкову в конце этого лета (рабочее название: «Пересборка города», о ресурсах акторно-сетевой теории в городских исследованиях), будет все такой же нечитаемо теоретической. И следующая за ней (запланированная пока на 2017 г.) — «Действующие вещи. Исследования по социологии материальности» — тоже.

Года через два после начала этого безумного институтостроительства у меня в очередной раз случился кризис — зачем я все это делаю и не пора ли запереться в библиотеке? Евробарометр вышел на проектную мощность (еженедельно мы публиковали данные исследований в своей колонке в «Ведомостях», давали СМИ по три-четыре комментария в неделю), Институт, Центр и Журнал заработали в штатном режиме, в Шанинке я продолжал читать свой курс по теориям повседневности. Но административно-политические игры не доставляли никакого удовольствия. Это все интересно только на первом этапе, когда есть задача собрать из людей, идей и ресурсов какое-то новое институциональное единство. А дальше — только маневры уклонения, удержания и приращения. Весьма унылые маневры. Я перестал читать и писать, даже почту открывал с потаенным ужасом. На лице Паши Степанцова — блестящего теоретика-витгенштейнианца, а по совместительству главного аналитика во всех моих проектах — явственно проступили черты экзистенциальной тоски. Я прокручивал в голове разные сценарии бегства на одну из интересующих меня PhD-программ по истории науки.

И тут вмешалось провидение. В своей колонке в «Ведомостях» мы публиковали провокационные данные — о том, что самые успешные люди в стране уже давно спланировали пути эмиграции для себя и своих детей, о растущем недовольстве политической ситуацией, о том, что треть страны (а в Москве и Дагестане — почти половина) считают полицейских источником угрозы своей жизни и благополучию. Но написано все это было довольно тяжелым социологическим языком и ничьего внимания не привлекало. А в «Евробарометре» есть блок вопросов, посвященных измерению уровня субъективного благополучия (так называемый «индекс счастья»). Появился он там из-за «парадокса Истерлина»: американский экономист Истерлин доказал, что нет прямой корреляции между счастьем и доходом. Человек может много зарабатывать и быть совершенно несчастлив, и, наоборот (на самом деле, там все не так просто — счастье это пороговая величина — я сейчас утрирую). По Истерлину, со счастьем сильнее всего связаны образование и состояние в браке. Более удовлетворены жизнью люди образованные и женатые / замужние.

Мы проверили эту гипотезу на наших массивах и обнаружили, что в России эта корреляция тоже есть, но со знаком «минус» — женатые люди более несчастны. (Равно как и более образованные.) Мы жизнерадостно описали эту находку в «Ведомостях» на понятном людям языке: <http://www.vedomosti.ru/>

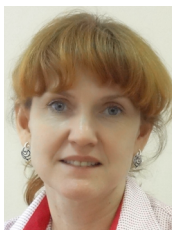
opinion/news/14166681/schastlivy-porozn Статья разлетелась по интернету. На следующий день позвонил Владимир Александрович Мау и со смехом сказал, что статья привлекла внимание «в верхах». Кстати, сказал он, поздравляю — вы в кои-то веки написали что-то понятное, моя жена положила мне газету на стол со словами: «...ваши социологи доказали, что в России лучше быть вдовой, чем незамужней». Мы с Пашей посмеялись и улетели отдыхать в Испанию.

Владимир Александрович перезвонил через час после приземления. Уже никакой иронии в голосе. Коллеги, я не понимаю, что там в Администрации происходит, но вы даже не представляете, кто ополчился на нас из-за этой статьи. Говорят, Академия за государственные деньги разрушает институт семьи. О чем ваша следующая колонка? Я ответил, что о склонности к риску в разных социальных стратах (этот блок вопросов в «Евробарометре» мы придумали, чтобы проверить гипотезу Канемана). Пришлите мне, пожалуйста, — попросил Владимир Александрович, — звучит зубодробительно академично, не докопаются.

Через 12 часов пришел ответ из Администрации Президента. «...вот опять упираемся в вопрос трактовок... я бы не сбрасывал со счетов, что в отличие от западных стран, наше государство является в более высокой степени социально ориентированным...». Глуповатая пошлость (тогда еще не ставшая общим местом даже в СМИ) и чудовищный русский язык.

В общем, мы закрыли линейку публикаций. Мау принял весь удар на себя в Администрации. Потом ему звонил полковник из известного ведомства и выяснял, в курсе ли он, что я — член попечительского совета «Голоса». Когда я вернулся, со мной тоже поговорили. Было лето 2013-го, но уже стало понятно, что страна меняется, «золотые двухтысячные» моего поколения закончились. За время отдыха в Испании я присмотрел небольшую и дешевую (из-за жуткого экономического кризиса в Южной Европе) квартиру. Сказал Владимиру Александровичу, что уезжаю — читать, писать, думать. Он повел себя в высшей степени достойно: отказался закрыть проект (просто рекомендовал какое-то время не высываться с публикациями), настоял на продолжении работы всех наших структур. А я с семьей уехал в Испанию.

Так что теперь я учусь жить на несколько стран. Около полугода провожу в Испании, полгода — в других местах (включая Москву). Благодаря тому, что Школа архитектуры и образования (SEED) Манчестерского университета дала мне “honorary fellow” и открыла доступ ко всем своим библиотечным ресурсам, надеюсь больше времени в этом году проводить в Англии.

Интервью с Ольгой Александровной ВОЛКОВОЙ

«МНЕ ОЧЕНЬ ПОВЕЗЛО С ЛЮДЬМИ, С КОТОРЫМИ Я ВСТРЕЧАЛАСЬ ПО МЕРЕ ОСВОЕНИЯ ПРОФЕССИИ...»

Волкова О. А. — окончила филологический факультет (1994) и психологический факультет (1996) Балашовского педагогического института; доктор социологических наук (2007 г.); профессор кафедры социальной работы (СГУ), заведующая кафедрой социальной работы (БелГУ). Основные области исследования: теория и методология социологии, профессиональная идентичность, социология социальной работы, психология социальной работы. Интервью состоялось: сентябрь-ноябрь 2014 г.

...конец ноября 2014 года. Около десяти месяцев назад, 5 февраля 2014 года, я отправил первый вопрос интервью Ларисе Паутовой, доктору социологических наук, много и успешно работающей в области исследований общественного мнения. Так началось мое изучение шестого поколения советских/российских социологов, тех, кто родился в интервале между 1971 и 1982 годами. Старшим из них на момент завершения текущего года будет 43 года, младшим — 32. Все они родились еще в СССР, но в социологию входили (некоторые еще лишь войдут) в России. Они — первое поколение собственно российских социологов.

Беседа с Л. Паутовой показала мне важность целенаправленного изучения этой новой профессионально-возрастной когорты, представители которой еще 40-50 лет будут находиться «в строю». Во-первых, открывается возможность уже сейчас немного заглянуть в будущее и представить, кем будет создаваться, развиваться наша наука в первой половине XXI века и кто будет учить социологов середины и второй половины нынешнего столетия. Особенности развития поствоенной российской социологии этой генерации отведена особая роль — путем личного общения соединить ученых первых поколений советской социологии с теми, кто будет знать их имена лишь по учебникам.

Во-вторых, анализ биографий и траекторий вхождения в науку социологов шестого поколения открывает новые перспективы для изучения процессов становления нашего профессионального сообщества, изменений методологии социологии и исследовательской проблематики. В частности, просматривается новая историко-социологическая и науковедческая проблема — многоаспектное сопоставление первого и шестого поколений. Для этого есть весомые основания. Старшие сделали очень много. Они содействовали «второму рождению» социологии в России, положили начало освоению Западного теоретического и инструментального опыта и добились признания социологии в качестве самостоятельной науки. Перед младшими стоит задача равной трудности — осуществить прорыв «в обратную сторону». Изучить сделанное советскими социологами и понять, что из этого багажа может представить интерес для международного социологического сообщества, объединяющего страны с разной социально-политической организацией и разными культурными особенностями.

Но потребуется время для осознания подобной миссии. Пока же представители шестого поколения, что закономерно, решают проблемы собственной профессиональной идентификации, ищут свое место в научном мире. Стартовые позиции Ольги Александровны Волковой были весьма скромными, она училась в единственной в селе школе, в которой работали ее родители. Понимание ею этого и стремление к расширению окружающего мира естественно были связаны с использованием ресурсов большого города. И она решительно двигалась в этом направлении.

Закончила школу в 1989 году, поступила в Балашовский педагогический институт, на первом курсе вышла замуж и родила дочку. Получила специальность «филология» и сразу же — второе высшее образование, «практическая психология». Ее пригласили на кафедру социальной работы, и одновременно она училась в аспирантуре Саратовского государственного университета. В 29 защитила диссертацию по педагогике, осуществив комплексное исследование проблем профессионального самоопределения. Выиграла несколько конкурсов на право обучения на престижных курсах Москвы, Петербурга, Казани, Харькова, а затем стала докторантом факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. На первой встрече заведующий кафедрой, профессор А.О. Бороноев заметил: «Вот, теперь и комсомольцы начинают защищать докторские!», в 36 лет она защитила докторскую диссертацию. Теперь она совершенствует свой немецкий и английский, чтобы лучше знать достижения западных исследователей и менеджеров социальных программ.

Биография Ольги Волковой дает нам одну из моделей вхождения в социологию людей, развивающихся самостоятельно, вне сложившихся научных центров. От них можно многого ожидать, но надо понимать, что им очень трудно.

Волкова О. А.: «Мне очень повезло с людьми, с которыми я встречалась по мере освоения профессии»

Ольга, согласно биографической справке, приведенной в книге «Социологи России», Вы родились в городе Балашове, Саратовской области, там получили образование и до недавнего времени жили и работали в Саратове. Ваши родители, дедушки и бабушки тоже из тех краев? И вообще, насколько глубоко Вы знаете историю Вашей семьи?

О моих предках я знаю от родителей, дедушек и бабушек. Истории жизни известны до четвертого поколения, то есть до прадедушек и прабабушек. Почти все они жили в одной деревне в Саратовской области, Романовском районе. Села «Ежовка» теперь уже нет. Школу в ней закрыли и свет отключили в 1980-е годы. И сразу же население стало уезжать. Оставались лишь те, у кого не было детей, отсутствовала возможность перебраться куда-то в более цивилизованное место, или те, кто хотел умереть в родной деревне. Последние — Ваня и Паня (брат и сестра) — жили вдвоем несколько лет. Те, кто приезжали на кладбище или за фруктами (около всех бывших домов в деревне были прекрасные сады), привозили им хлеб. Последней умерла Паня. В начале 1990-х какие-то «лихие парни» хотели поживиться скотиной, которая содержалась во дворе и была источником пропитания стариков. Нападавшие отстрелили пожилой женщине руку и ограбили. Так местных жителей не осталось вовсе.

В Бывшей деревне до сих пор на кладбище есть несколько могил, в том числе и моих дедушки, прабабушки, прадедушки.

Насколько я знаю, все мои предки были крестьянами, по национальности русскими. Мне неизвестно о том, чтобы в моем роду были представители других национальностей. Итак, русские крестьяне... История всей страны отразилась и на них.

Один из прадедов по отцовской линии Яков служил в известной конной дивизии В. И. Чапаева. В боях и погиб. Жену-красавицу с несколькими детьми несколько раз звали замуж. В очередной раз она согласилась. Этим дети были очень недовольны, так как потеряли все льготы, которые имели в результате героической гибели отца.

Другой прадед по отцовской линии Прокофий остался вдовцом с четырьмя дочерями на руках после смерти первой жены. У прабабушки Марины, тоже овдовевшей, было две дочки. Мне известно, что она ходила пешком из Ежовки в Киево-Печерскую Лавру замаливать грехи умершего мужа.

Итак, у Прокофия было четыре дочки, а у Марины две. После того, как они сошлись, у них родилось еще две девочки. И получилось всего восемь девочек. Так что во всей семье, состоящей из 10 человек, надел давали только на одного прадеда. Ему приходилось брать в аренду землю и нанимать людей для посева, ухода и уборки урожая. Насколько я помню, он купил со временем две лошади и построил мельницу. Получилось, что кулак... Односельчане предупредили вечером, что утром придут его раскулачивать. Он укрылся в соседней деревне. Но это не спасло семью. Дом, мельницу, лошадей забрали. Прабабушка Марина с двумя младшими дочками (моей бабушке Рае было три года, а ее сестре Тане —

пять) — все трое вышли на улицу босиком на снег. До этого на всех на них были новенькие валенки, что также являлось предметом, видимо, «кулацким», поэтому подлежало изъятию. Соседи дали какую-то старенькую, потрепанную обувь. С тех пор моя бабушка Рая всю свою жизнь боялась людей в форменной одежде. Если таковые неожиданно появлялись поблизости, то она сразу же шла мыться и менять нижнее белье: мочевого пузырь так реагировал на ассоциацию из раннего детства. Прадеду быть в бегах вскоре надоело, и он вернулся в родную деревню, но все равно был отправлен в тюрьму в г. Пугачев Саратовской области. Там и сгинул.

От бабушки Марины достались ее Псалтырь и Библия — не в виде текста, а в картинках. Библию она принесла из Киево-Печерской Лавры. На карточках из плотного картона представлена вся Библейская история. Они упакованы в специальный деревянный ящичек со стеклянным окошком. Несколько карточек, правда, было утрачено еще до меня. Псалтырь я иногда читаю. Понимать текст помогает то, что при получении мной первого образования нас неплохо учили древнерусскому языку.

Сын Прокофия и Марины, Василий Яковлевич, мой дед, работал в колхозе, а для своей семьи держал большую пасеку. С 16 лет прошел три войны. С Великой Отечественной вернулся израненный, вскоре и умер. Бабушка осталась с четырьмя детьми. Работала, как и все, за трудовни. Когда набиралась корзина куриных яиц, она доила вечером корову и шла с вечера в ближайший город. К утру приходила на базар, продавала яйца и шла назад с денежками. К вечерней дойке возвращалась домой. Говорит, что сильно не уставала, «да и волки были только издали, близко не подходили»...

Прадед по материнской линии Семен, по словам моего деда, «голь перекатная», всю жизнь отдал обработке земли, в Ежовке же и похоронен.

Второй прадед по материнской линии Василий 25 лет служил, был военным портным. Однажды он пошел зимой драть лыко (он с семьей жил в селе Красавка Самойловского района) и не вернулся. Весной в лесу нашли ремень с пряжкой. В семье стало еще голоднее. Два брата пошли работать, а прабабушка с моей бабушкой Машей и ее сестрой Галиной стали работать на колхозной ферме. Им разрешалось питаться кормом, который давали животным. Поэтому и выжили. Местная учительница взяла бабушку Машу в няньки. Ее научили чисто-пречисто стирать белье, шить, вязать, плести кружево. У бабушки были прекрасные задатки, и она стала искусницей. Намного позже, когда она вышла замуж, деревенские бабы приходили смотреть, какие накрахмаленные простыни сушились на веревке и дивились опрятности Марии. Бабушка научила меня рукоделию. Видимо, наследственность взяла свое. Окружающие удивлялись, глядя на меня, как это пионерка и комсомолка ходит в собственноручно плетеных кружевных воротничках и манжетах на коричневой школьной форме.

И еще бабушка Маша всю жизнь потом не ела грибов и смотреть даже на них не хотела: возникали потуги на рвоту. Я всегда удивлялась, как это можно даже не попробовать такую вкуснятину: грибочки, жаренные в сметане. А это были, как оказалось, последствия голода. В войну моя бабушка училась в школе механизаторов, была в ней отличником. Низенького роста, щупленькая... Возила на полutorке урожай, который собирали в поле. На сиденье подкладывала подушку, чтобы было видно дорогу. И только уже намного позже, когда подросли деревен-

ские мальчишки, она перешла на почту, где продолжала работать даже после того как вышла на пенсию. Я о бабушкиной работе в качестве механизатора узнала только после моего тридцатилетия. У меня всегда была ассоциация бабушки с домашними варениками, блинчиками, хлебом из печи. Мне же бабушка Маша всегда внушала, что я девочка, и поэтому должна вести себя соответствующим образом. И маме она говорила то же самое. Я старалась в это верить. Ну и соответствовать, насколько это получалось. Но ведь я тогда не знала, что она не всегда была вот такой «у-тю-тю» бабулечкой, а работала механизатором, за рулем ездила и мелкие поломки сама чинила. А оба бабушкиных брата ушли на войну и не вернулись, остались только фото с фронта... Вернулась только ее любимая подруга. Дома среди фотографий лежит фото красивой девушки в военной форме, со взглядом, выражающим одновременно и ужас, и восторг. На обратной стороне написано «Дорогой подруге Марии. Берлин. 9 мая 1945 года».

Муж бабушки Маши, мой дед Витя, был инвалидом детства и на войну по этой причине не ходил. Его много раз просили быть председателем колхоза, но он каждый раз отказывался, оправдываясь тем, что говорит всегда «с картинками», а уж если ругается, то уж совсем почти одними «картинками». По его мнению, председатель должен был быть «уважительным» человеком, к чему считал себя не способным (или не желающим). Так учетчиком всю жизнь и проработал. Бабушкин опыт работы в качестве отличника-механизатора был стерт из коллективной памяти семьи. Дед всегда говорил, что у баб мозгов мало, они занимаются только «куклячьими игрушками» (то есть шьют, вяжут, готовят кушать и проч.). Этому мнению он придерживался абсолютно обо всех особах женского пола, исключение составляли лишь две его дочки и внучки. Вот они (то есть, мы), по его мнению, были очень даже умными: «все в деда». Технике всегда предпочитал велосипед и лошадь с телегой или с санями. Строил дома, клал печи, шил обувь. И все у него было «эдакое»: наличники на окнах — с деревянным кружевом, сандалики — с кожаными завитками. Бывало, сделает — и сам залюбуется.

Да, типично-драматическая история простой русской деревенской семьи, все эти люди — герои... такое выдержать, не озвереть, детей вырастить... Теперь, пожалуйста, о Ваших родителях, о детских годах.

Я родилась в городе Балашове Саратовской области. Родители в то время были еще студентами. Позже, по существовавшей тогда практике, по распределению мы уехали в сельскую местность. Так что школьные мои годы прошли не в городе. Школа была в селе единственной, мои родители работали в ней же. Причем папа был директором. Все мои проступки и шалости были в школе всем известны. Почти каждый день дома мне предъявлялись претензии по поводу моего поведения днем. И я завидовала тем ребятам, у которых родители работали в колхозе. Такой «тотальный» контроль компенсировался тем, что мой папа был заядлым рыбаком и охотником. Мы с ним вдвоем ездили почти всегда, за исключением зимы. По-моему, я с детства была девочкой озорной и самонадеянной.

Моя сестра на несколько лет младше меня. У нее стабильно за все четверти по всем предметам стояла оценка «5», а по математике «3». Однажды на совещании в районном отделе образования руководитель ругал директоров школ за то, что они плохо работают с коллективом и не отслеживают справедливость оценок, так как некоторые учителя излишне строги и придирчивы к детям. В качестве

примера привел школу, директором которой был мой отец, и рассказал о недопустимых оценках моей сестры. Отец вынужден был говорить, что учителя, наоборот, очень объективно оценивают знания школьников. «Значит, — сказал руководитель Районного отдела народного образования, — ваш коллектив мало внимания уделяет конкретным детям колхозников, раз подобные случаи происходят». Тут отец вынужден был признаться, что обсуждаемый ребенок — это его собственная дочь (Далее — немая сцена в стиле «К нам едет ревизор»). Так что моя сестра, как и я, была не в восторге оттого, что учится в школе, где работают родители.

Какие предметы родители преподавали в школе? Думаю, как в любой сельской интеллигентной семье у родителей была неплохая библиотека художественной литературы. Что Вы любили читать? Наверное, сразу решили стать учителем?

Папа преподавал русский язык и литературу в старших классах. Мама работала в библиотеке. Дома книг было много. Библиотека классической литературы, в основном, русской. Очень много сказок. Но я помню, что все книги были толстыми и напечатанными мелким шрифтом, хотя и с красивыми цветными иллюстрациями. Поэтому я уже по окончании пятого года своей жизни, как только мама научила меня читать, была записана в сельскую библиотеку. Там я сама могла выбирать тоненькие детские книжонки, написанные огромными буквами. А потом я стала читать сказки в книгах домашней библиотеки. Наверно, это было влияние родителей — в том, что я читала почти исключительно русскую классику. До сих пор приносит радость чтение произведений А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, И. А. Крылова, Ф. М. Достоевского и других. Я по собственному желанию учила наизусть понравившиеся мне стихи русских поэтов. А таких было много. Думаю, благодаря этому развивалась память. Я думала о том, чтобы стать учителем русского языка или адвокатом (в то время последнее еще не было так модно, как в 1990-е и в начале 2000-ых годов).

В каком году Вы закончили школу? И что затем?

Школу я закончила в 1989 году. Как бы там ни было, стало ясно, что впереди ждет масса проблем и искушений. Но дорога оказалась более тернистой, чем предполагалось тогда. Пришлось много работать над собой и как будущим профессионалом, и как человеком. И чем старше я становилась, тем в более сложные жизненные ситуации попадала. Их нужно было научиться решать. Но выход из них требовал постоянной работы над собой, приобретения новых знаний, самосовершенствования. Сразу после школы поступила учиться в Балашовский педагогический институт и на первом курсе вышла замуж. Дочка у нас появилась тоже в студенческие годы, как и у моих родителей. В общем, свободной студенческой жизни у меня не получилось. В 1994 году получила специальность «филология», в 1996 году — второе высшее по специальности «практическая психология». Сразу стала работать на кафедре социальной работы. Параллельно училась в аспирантуре в Саратовском государственном университете.

В силу каких причин Вы решили получить второе высшее образование?

Меня всегда интересовало общественное устройство и индивидуальные особенности людей. Я понимала, что работа над собой — это процесс, длящийся на протяжении всей жизни. Мы добиваемся каких-то серьезных изменений в себе

и в собственной жизни только в результате постоянной кропотливой работы по обновлению имеющихся и нахождению новых знаний. Учиться на собственном опыте и на собственных ошибках – способ эффективный и запоминающийся. Но на его использование и апробирование во всевозможных сферах не хватит нескольких жизней. Психологическая наука позволяет в некоторой степени преодолеть недостатки метода «набивания собственных шишек», которые однако лишь в некоторой степени позволяют не наступать на старые грабли.

Как только в нашем институте появилась возможность получить психологическое образование, я сразу поступила учиться на вечернее отделение. Преподаватель, теперь уже профессор, Валентина Васильевна Гриценко, мигрировавшая из одной из стран ближнего зарубежья по причине политических событий тех лет, открывала эту специальность. В свой первый выпуск она вложила все, что знала и умела. Чтение специфической литературы, изучение психологических теорий и практик позволили мне прийти к пониманию того, что для каждого человека существуют собственные, эффективные только для него пути саморазвития. Это обусловлено генетикой, образованием и воспитанием, темпераментом. Не смотря на то, что в жизни существуют переломные моменты, для меня самым подходящим и естественным оказалось постепенное развитие и регулярная работа над собой.

По какой теме Вы проводили диссертационное исследование? Каковы основные результаты Вашей работы?

Мне всегда было непонятно, почему некоторые люди жалуются на свою работу и ругают ее. Удивляло, зачем же выбрали именно такую, по какой такой причине получали образование, не нравившееся изначально или разонравившееся позже. Кандидатская диссертация подготовлена на тему «Педагогические условия и средства профессионального самоопределения будущего учителя». Это комплексное исследование, включавшее научные положения психологии, социологии, педагогики. Я пыталась определить, какие факторы влияют на профессиональное самоопределение, и определить, в первую очередь для себя, как правильно вести профориентационную работу со школьниками.

Мне очень повезло с людьми, с которыми я встречалась по мере освоения профессии. Моя первая заведующая кафедрой социальной работы Татьяна Павловна Дурасанова научила меня многому не только по работе, но и по жизни. Мудрая женщина, компетентный специалист, прекрасный человек. Несмотря на значительную разницу в возрасте, мы общались очень близко. Делали совместно научные исследования и методические разработки для студентов. Когда Татьяна Павловна читала лекции или писала методички для студентов, основным ее принципом считала доступность. Ей как-то удивительно удавалось преподнести самый сложный материал (с сухой научной терминологией) в простой форме, что позволяло значительно повышать качество знаний студентов.

Кандидатскую диссертацию Вы защитили в 2000 году, чем после этого Вы стали заниматься?

Я продолжала работать на кафедре социальной работы. Преподавательская деятельность, не прерываясь, всегда сочеталась с научной. По возможности я старалась посещать научные мероприятия. Я с самого начала работы на кафе-

дре была ответственной на научную работу со студентами. Мне это нравилось. Помню, как мы со студентами в первый раз поехали на Всероссийскую студенческую Олимпиаду по социальной работе в Мордовский государственный университет, в город Саранск. Стояли мы на перроне, прямо перед нами поезд. В справочной нам объяснили, что сейчас этот поезд уйдет, а на его место встанет следующий, в который нам и нужно будет зайти. Просто поезд немного якобы задерживался. Итак, проводница перед нами закрыла ступеньки и весел спросила, не ходим ли мы поехать с ней. Студенты ответили, что нам, к сожалению, нужен другой, опаздывающий поезд – в Саранск, которого мы дисциплинированно и терпеливо ждем. Ответ проводницы нас шокировал: «Ребята, именно этот поезд в Саранск и уходит, а другого сегодня уже не будет!». Минуты через полторы мы всей командой уже сидели в своем вагоне и дышали как запыхавшиеся песики. В итоге мы привезли из столицы Мордовии награды со студенческой Олимпиады. На кафедре нас встречали как победителей.

И все-таки я оставалась больше прикладником, пока жизнь не свела меня с философом Путиловой Лидией Максимовной. Она является специалистом по теории познания, онтологии и истории философии, философской антропологии. Ей свойственен панорамный взгляд на общество. Тема ее докторской диссертации «Сущность самопознания в опыте ментальной идентификации (в контексте философской антропологии)». В трудах Лидии Максимовны переплетаются философские, социологические и экономические аспекты, например, в одной из ее работ «Философская и социологическая достоверность метафизических свойств российского бытия». Именно Лидия Максимовна подтолкнула меня к изучению проблематики профессиональной идентичности и профессиональной маргинальности как явлениям, особым образом переплетающимся между собой на постсоветском пространстве, когда доктор наук в 1990 году мог торговать спичками у метро... Сама она о себе говорила, что с детства мечтала всю себя полностью посвятить семье и детям, и в этом самореализоваться. А на самом деле чувства к мужу и к детям переплелись с любовью к философии. Помню, однажды она сказала: «Время идет. Умирать не страшно. Страшно то, что накопленные знания уйдут вместе со мной. Надо успеть написать хотя бы две книжки...».

Дальше было выиграно несколько конкурсов и получено несколько стипендий для обучения на курсах: «Социальная структура» в рамках проекта «Специализированные социологические курсы» (Фонд Форда; Центр социологического образования Института социологии РАН, г. Москва); «Социология социальных проблем» (Фонд Форда; Центр социологии культуры, Казанский государственный университет, г. Казань); «Статистика без слез: регрессивное моделирование с использованием пакета NESSTAR» (Фонд Форда; Независимый институт социальной политики, г. Москва); Летний Университет «Современная социология: исследовательские и образовательные стратегии» в рамках проекта «Совершенствование социально-экономического образования в вузах» (Национальный фонд подготовки кадров; факультет переподготовки специалистов по социологии и социальной работе Санкт-Петербургского государственного университета). Преподавателями были блестящие российские ученые Ю.В. Веселов, В. И. Ильин, Д. В. Иванов, В. В. Козловский, Н. Е. Покровский, А. А. емкина, В. А. Ядов, И. Г. Ясавеев и другие.

Потом я попыталась окунуться в «виртуальное образовательное пространство». И оказалась одной из тех, кто был отобран для получения стипендии для обучения на курсе дистанционного обучения по гендерным исследованиям «Введение в гендерные исследования» в рамках программы «Университетская сеть по гендерным исследованиям для стран бывшего СССР» (Фонд Дж. Д. и К. Т. Макаруров; Харьковский центр гендерных исследований, Харьковский национальный университет, сентябрь 2006 г. – май 2007 г.). Читать и писать приходилось достаточно много, тем более что с вопросами гендера я близко знакома раньше не была. Часть материала была на английском языке. А я-то с детства в школе учила немецкий, его же сдавала в качестве экзамена кандидатского минимума. Весь наш класс искренне не понимал, зачем нам уроки немецкого языка. Важность всех остальных предметов все-таки в той или иной степени осознавали: русского языка, математики, химии, рисования, пения. Это все было, на наш взгляд, нужно. На вопрос о том, зачем нам учить немецкие слова и забивать ими голову, наша учительница, которая раньше работала в колхозе, а потом по направлению поступила в пединститут (но вовсе не на инъяз) и проучилась там много лет (около восьми – был в школе такой курьез, хотя остальные учителя были практически все со специальным, профильным педагогическим образованием, даже физкультурник), отвечала: «вдруг опять война, а вы не сможете разобрать смысла в речи захватчиков». Это нас, патристически воспитываемых пионеров, кое-как мирило с уроками немецкого. А английский я вынуждена была начать учить вместе со своей дочкой, которая выбрала в школе английский язык. В семье же никто этого языка не знал. Но теперь я точно знала, зачем учила английский – для дочки. Да и значимость иностранных языков, особенно английского, стала к концу 1990-ых годов для меня, аспирантки, вполне очевидна. В общем, в силу своей упертости, все рекомендуемые материалы дистанционного курса «Введение в гендерные исследования» я прочитала, задания выполнила в полном объеме. Успешному окончанию курсов я должна была быть благодарна своей прилежности. Организаторы курсов обещали выписать и прислать сертификаты всем, кто закончил курс. Затем на несколько моих электронных писем я получала ответы о том, что сертификаты готовятся и скоро-скоро будут рассылаться. А потом и вовсе мне не отвечали. Так я осталась без подтверждающего документа, потратив на эти курсы времени продолжительностью в учебный год. Я даже два года назад пробовала возобновить переписку, но опять-таки безуспешно. Видимо, для меня обучение на курсах был тем случаем, когда процесс важнее сертификата.

В «Справочнике социологи России» сказано, что в 2007 году Вы защитили докторскую диссертацию по социологии в Санкт-Петербургском государственном университете. Пожалуйста, расскажите об этом подробнее...

В Санкт-Петербург я приехала в 2004 году на специализированные социологические курсы (я выиграла конкурс, который предполагал финансирование пребывания и обучения в Санкт-Петербургском государственном университете). В нашей группе преподавал молодой доктор социологических наук Дмитрий Владиславович Иванов. Он и заведующий кафедрой Асалхан Ользонович Бороноев взяли меня под свою «опеку». Когда я впервые вошла в кабинет заведующего кафедрой, он выпалил: «Вот, теперь и комсомольцы начинают защи-

шать докторские!». И как-то так легко решил, что работа будет написана по специальности 22.00.01 – теория, методология и история социологии, а научным консультантом станет тоже «комсомолец», с которым мы вместе зашли в кабинет к Асалхану Ользоновичу.

В советское время, чтобы подготовить докторскую диссертацию, нужно было потратить десятилетия. А их у «комсомольцев» их за плечами не было. Я тоже в начале своего научного пути испытала «все прелести» заказа и получения изданий в диссертационном зале Российской государственной библиотеки, Библиотеки академии наук (Санкт-Петербургского научного центра), архивов. Заказ, ожидание в течение нескольких часов, на руки только три диссертации за один раз... Берешь эти три диссертации, которые, казалось бы, по теме мне подходят. Но на самом деле – нет, не о том. И опять заказ, опять ожидание. Проживание в Москве и в Санкт-Петербурге, даже в студенческих общежитиях, съедало основную часть зарплаты. Спускалась в буфет РГБ и смотрела, какой же мне купить коржик, чтобы он был самым дешевым и смог утолить голод ученого, который, как говорится, жив «не хлебом единым». В Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга готовили пшеничную кашу. Ее подавали в тарелочке безо всяких кулинарных изысков. Видимо, каша пользовалась спросом. Такие, как я, нищие ученые были благодарными посетителями библиотеки. Вся теория Г. А. Маслоу об иерархии потребностей еще тогда мне казалась несоответствующей действительности. В 1990-е годы посетители научных библиотек предпочитали на обед съесть пшенку, но сделать какую-нибудь достаточно дорогую копию редкого архивного документа. Так что своими первоочередными потребностями и своим поведением теорию Г. А. Маслоу опровергала не только я.

Асалхан Ользонович всегда осторожно подбирает преподавателей и докторантов на свою кафедру теории и истории социологии. К представителям нашего поколения относится по-разному, в зависимости от человека. Он говорит, что среди поколения «последних комсомольцев» и родившихся позднее, много таких, с кем бы он «в тайгу не пошел». Но многим молодым ученым доверял серьезную научную и организационную работу.

Итак, моим научным консультантом стал Дмитрий Владиславович. Увидев первую же страницу написанного мной текста, он сказал: «Ну зачем такие длиннющие тире? Поставьте покороче». А тире я до того момента ставила монументальные, вот такие: «—». Теперь в «знаках» не терплю путаницы, отмечая, где тире длиннющие, где нормальные, а где и не тире вовсе, а просто дефисы. Дмитрий Владиславович вычитывал мои тексты добуквенно. И уже при обсуждении диссертации на кафедре свои предложения и замечания высказывали Николай Александрович Головин, Олег Иванович Иванов, Петр Иванович Смирнов, Валерий Хазраилович Тхакахов и другие мэтры теоретической социологии.

Выигранный в 2007 году грант Фонда Карнеги в области социальных и гуманитарных наук позволил мне стажироваться три месяца в Смольном Коллегиуме Санкт-Петербургского государственного университета, осуществляя исследование «Научная интеллигенция в миграционных потоках советского и постсоветского периодов». В это время я проводила обобщение и анализ интервью, взятых ранее у ученых, вынужденных вернуться из бывших республик Советского Союза в Россию в 1980–1990-е годы. Благодаря этим интервью, я увидела периоды расцвета и упадка целых научных школ существовавших

в республиках, образованных международными коллективами. Так я впервые столкнулась с практическими проблемами гендера и их решением в традиционных обществах, где приехавшая в республику женщина-ученый приравнивалась по статусу к местным статусным мужчинам.

Со времен докторантуры и до сих пор я благоговейно отношусь к Асалхану Ользоновичу Бороноеву и Дмитрию Владиславовичу Иванову, к этим талантливым ученым с великолепными человеческими качествами. Время от времени обращаюсь к ним за консультациями по тому или иному вопросу. Всегда получаю гениально простые ответы и помощь. В 2007 году я защитила докторскую диссертацию по специальности 22.00.01 – теория, методология и история социологии. Тема «Социологическая модель социальной работы в сфере профессиональной идентификации в современном российском обществе». ВАК утвердил решение диссертационного совета уже в 2008. Асалхан Ользонович предлагал остаться в Санкт-Петербурге, содействуя в очень заманчивом трудоустройстве. Среди социологов Асалхан Ользонович обладает удивительным и непререкаемым авторитетом. Роман Алексеевич Костин однажды сказал: «Если Бороноев кого-то порекомендовал, значит, этот человек не подведет». Но непреодолимые трудности с устройством жилья не позволили мне в то время переехать в город на Неве.

Санкт-Петербургская социологическая научная школа наложила отпечаток не только на взгляды в методологии, но на демократический стиль взаимоотношения с коллегами, даже вне Санкт-Петербурга. Помню, как Николай Генрихович Скворцов, занимая руководящий пост, вместе с методистами и делопроизводителями сидел за «круглым столом» и руководил процессом поиска неточностей в учебном плане, вникая во все цифры, которые никак не хотели сходиться. И именно он первым нашел ошибку в математических расчетах.

В чем заключалась основная проблема Вашего исследования? Каковы основные элементы предложенной Вами модели? Ваше исследование было сугубо теоретическим или базировалось на проведенных Вами эмпирических исследованиях?

Работа по компоновке имеющегося материала, накопленного ранее в ходе инициативных исследований и проектов, поддержанных научными фондами, шла нелегко. Рассматривались, помимо социологических, некоторые экономические и психологические аспекты. Комплексный анализ проводить, с одной стороны, трудно, а с другой – интересно. Пересечение разных дискурсов порой дает возможность для формулирования неожиданных выводов. Например, о том, что социальная работа как профессиональная деятельность может оказать позитивное влияние на человека, потерявшего идентичность с профессией. Работа, направленная на восстановление идентичности, влечет за собой трудоустройство безработных граждан, повышение производительности труда, улучшение самочувствия людей, налаживание взаимоотношений в семье.

В 1990 годы многие граждане бывшей огромной страны оказались в ситуации, которая нарушила устоявшиеся профессиональные статусы. Социальная сфера и сфера занятости были кардинально трансформированы. В диссертационном исследовании разрабатывалась социологическая модель социальной работы, опирающаяся на зарубежные и отечественные подходы и основывающаяся на российской ситуации с учетом происходивших в нем процессов.

В практике социальной работы нашей страны в 1990-е годы ориентация была направлена на активное заимствование западных моделей социальной работы. Они применялись зачастую в неадаптированном для российского населения виде. На мой взгляд, в настоящее время все больше возрождаются собственные, самобытные для России формы и виды практической социальной помощи. Это видно на примере развития регионов. Например, в Белгородской области последний год активно развивается социальное партнерство в оказании помощи беженцам («всем миром»).

Отметив о «компоновке имеющегося материала», Вы фактически сказали, что занимались анализом и, возможно, самой социальной работой, до докторантуры. Когда и как это произошло? Вы знали о работах других российских социологов в этой области? Связаны ли Вы были тогда, да и сейчас с саратовскими социологами, в частности, с В.Н. Ярской-Смирновой?

Я работала на кафедре социальной работы с 1997 года. С этого же времени стала проводить научные исследования. В основном это были инициативные разработки, связанные с привлечением студентов к научной деятельности. И с этого же времени я вместе со студентами принимала участие в практической социальной работе – как во время студенческих практик, так и в рамках волонтерской помощи. Мы активно сотрудничали с учреждениями социальной сферы города Балашова Саратовской области.

Саратовские социологи сыграли особенную роль в моем становлении как ученого. Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова готовила отзыв на автореферат моей докторской диссертации, выступала в качестве эксперта моих первых аспирантов. Когда в очередной раз мой аспирант выходил на защиту, я буквально нервничала из-за того, что Елена Ростиславовна не анализировала автореферат. Когда я ей об этом сказала, она рассмеялась и ответила, что она на этот раз не эксперт и мне пора перестать верить в собственные предрассудки, а работать самостоятельно. С ней мне было очень полезно работать в гранте РГНФ 2006–2009 годов «Динамика социального и профессионального статуса специалистов традиционной медицины в России». Я научилась тогда собирать и расшифровывать глубинные интервью, взятые у людей, которые достаточно специфичны – представителей этномедицины. Беседы проводились на рабочем месте этномедиков. Они старались выбирать время, в которое у них меньше посетителей. И, конечно, говорили о том, что, тратя на меня время, теряют деньги. В то время зарплата в вузах, как обычно в постсоветское время, была совсем небольшая. Но интервью были нужны. Приходилось, конечно, платить или угощать коробочкой конфет. Хорошо еще, что я уходила от них без синяков, ссадин и прочего. Их пациенты показывали подобное на своем теле, пока я сидела в очереди, дожидаясь встречи. Следы на теле оставались от применяемых этномедиками предметов, которые для меня казались странными при применении в лечебных целях – столовые ложки, колесики, палочки и все такое прочее...

Договориться о встрече было проблематично. Поступало множество вопросов с выяснениями того, зачем мне это нужно. Понять их было нетрудно. Часть из них работала нелегально, то есть некоторые этномедики не стояли на учете в территориальном налоговом органе. Такая незарегистрированная деятельность, конечно, была запрещена. Мои респонденты опасались, что я являюсь

«разведчиком» из налоговых органов. Такое в малых городах практиковалось. Работники-«налоговики» за обнаружение такого «подпольного» потенциального налогоплательщика получали в то время большие премии. Многие этномедики изначально регистрировались как индивидуальные предприниматели, но потом уходили в «подполье» из-за размеров налоговых выплат или из-за собственной жадности. Кроме того, налоговики еще могли отслеживать количество клиентов, которых принимал медик в день. И далее в добровольно-принудительном порядке у него повышалась официальная цифра дохода. Следовательно, и платить-то нужно было в казну тоже больше. В небольшом бывшем «купеческом городке» такое поведение распространялось не только на этномедиков, но и на других предпринимателей. Так сказать, в роли «провокаторов» выступали сотрудники государственных налоговых органов.

Руководителем гранта был профессор Института социологии РАН Мансуров Валерий Андреевич. С ним я познакомилась, когда обучалась на курсах «Социальная структура» в рамках проекта «Специализированные социологические курсы» (Фонд Форда; Центр социологического образования Института социологии РАН, г. Москва, сентябрь – октябрь 2004 г.). Валерий Андреевич пробудил во мне интерес к социологии профессий и профессиональных групп.

Меня заинтриговали Ваши слова: «Я научилась тогда собирать и расшифровывать глубинные интервью, взятые у людей, которые достаточно специфичны – представителей этномедицины». Ведь социологи, с которыми я беседую, тоже (если не еще более) специфичны. В чем «изюмина» глубинных интервью с этномедиками? Могу ли я использовать элементы Вашей технологии расшифровки в моей работе? Ведь у меня уже свыше 80 текстов глубинных интервью, объемом от 40000 до 500000+ знаков...

Пожалуй, в расшифровке интервью я обрела для себя новое, когда оказалась в ЦНСИ (Центре независимых социологических исследований, г. Санкт-Петербург). Я принимала участие в одном из научных семинаров. Директор центра Виктор Михайлович Воронков пригласил меня посещать центр в любое время. Я с преобладающим удовольствием приняла приглашение и стала пользоваться привилегиями сотрудников центра. Коллектив, возглавляемый Виктором Михайловичем, как раз занимался расшифровкой собранных интервью. На одном из рабочих столов я увидела правила расшифровки. Уж и чего там только не было: и круглые скобки, и квадратные, и всякие символы... Я, конечно, заинтересовалась. В общем, коллектив ЦНСИ при расшифровке обращал свое внимание не только на текст, но и подробнейшим образом на подтекст, и на поведенческие, невербальные проявления со стороны информантов. Для нашего проекта у этномедиков было полезным и интересным то, что они позволяли фотографировать некоторые инструменты, которыми они работали. Изображения на фотографиях давали дополнительную информацию о деятельности. Инструменты были экзотические... Ваша же, Борис, технология, пожалуй, еще больше специфична и требует особого опыта проведения и анализа такого – дистанционного – интервью. При транскрипции Вы же не можете указать специфические фонетические проявления //гмыканье, хмыканье, фыркание// или речевые звуки //задергался глаз, задрожали коленки//.

У меня, может быть, есть некоторая своя специфика в используемой методологии. В ходе анализа зачастую использую: — психолингвистический подход — междисциплинарное направление, изучающее процессы порождения, восприятия и понимания текста как иерархическую систему, где в тесной взаимосвязи выступают низший, сенсорный, и высший, смысловой, уровни; иерархичность осмысления текста выявляется в постепенном переходе от интерпретации значений отдельных слов и выражений к пониманию смысла целых высказываний и затем к осмыслению общей идеи текста; — психосемиотический подход — междисциплинарное направление, сочетающее изучение процессов общения и деятельности человека с учетом генезиса (исторической природы) используемой символики (знаков), объективирующих и материализующих общественно-исторический опыт и навязывающих людям устоявшуюся семантику (значение) и перцепцию (восприятие) знаков, символов; — трансформационную модель исследования порождения речи¹, в которой используется концептуальное положение о поверхностной и глубинной структуре предложений (о поверхностной структуре, которую человек формально воспроизводит, слышит или воспринимает при чтении, и о глубинной структуре, связанной со смыслом высказывания; некоторые фразы, обладая одной поверхностной структурой, имеют две глубинные семантические структуры, то есть два варианта смыслового толкования); — теорию социально ориентированного общения (опосредованного через радио, телевидение, прессу, сеть Интернет)², предполагающего изменение в социально-психологической или социальной структуре общества или стимуляцию прямых социальных действий через воздействие на психику членов конкретной социальной группы или общества в целом.

Применяю комплекс методов и методик: — сравнительно-исторический метод, дающий возможность проводить сравнения и аналогии между социальными процессами, происходящими в различные исторические периоды; — лингвистический анализ (включающий семантический, грамматический, синтаксический, стилистический анализ), целью которого является выявление системы языковых средств, с помощью которых передается идейно-тематическое и эстетическое содержание текста; — нарративный анализ («сюжетный» анализ), дающий возможность комплексного лингвистического, психологического, социологического изучения законченных повествований (в том числе, интервью); — семиотический метод, позволяющий рассмотреть изображение, сопровождаемое надписью и устной речью, как процесс информационного обмена, как комплекс семиотических систем: 1) вербальных (речевых); 2) визуальных (неречевых); — дискурс-анализ, позволяющий изучать сложное единство: 1) речевой практики и 2) внеречевых факторов, необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об условиях и участниках коммуникации; — методики семантического шкалирования и ассоциативные методики, позволяющие исследовать психолингвистические характеристики текстов, ориентированных на воздействие, психологию речевых стереотипов, факторы селективности в восприятии текстов массовой коммуникации³.

---

¹ Хомский Н. Язык и мышление. — М.: Изд-во Московского университета, 1972. — 126 с.

² Психолингвистические проблемы массовой коммуникации / Под ред. А.А. Леонтьева. — М.: Наука, 1974. — 148 с.

³ Леонтьев А.А. Психолингвистика речевого воздействия // Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1997. — С. 169–175.

К примеру, вот отрывок из текста анализа.

«Репортер: Она, мишень, а скажите это, ну это Вам от хозяев квартиры осталось или...»

Роман: Нет, это мы сами тренируемся.

Репортер: А вот тренируетесь. Ну вот, а.

Роман: Вот у нас же есть тут, собственно говоря, все необходимое для этого, для тренировок. Это один, где-то тут еще было...».

В материалах имеются невербальные способы совершения и угрозы совершения насильственных действий: сознательная и намеренная демонстрация предметов, связанных с проявлением насилия: мишень для пулевой стрельбы; предмет, схожий с пистолетом «ПМ», находящийся в кобуре скрытого (оперативного) ношения; предметы, схожие с патронами; предмет, схожий с пистолетом типа револьвер. В особенности сильное эмоциональное воздействие имеет демонстрация предположительно огнестрельного оружия (или предмета, создающего данный визуальный эффект, сознательно со стороны участников интервью) — оружия, предназначенного для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда⁴; пистолета и револьвера — гражданского огнестрельного оружия самообороны ограниченного поражения⁵. В материалах имеются образы угрозы совершения насильственных действий в будущем (мишени).

Как защита докторской диссертации изменила характер Вашей научной и преподавательской деятельности?

После защиты докторской диссертации я не стала заниматься научной работой меньше, чем до защиты. Но это событие изменило характер преподавательской деятельности. И, хотя уже не была ответственной за НИРС, но стала еще активнее проводить исследования вместе со студентами. Я с 2010 года работаю в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. И, не смотря на то, что занимаю должность заведующей кафедрой, с энтузиазмом работаю со студентами, хотя времени на индивидуальное общение с ними практически нет. Мне до сих пор нравится передавать им тот опыт, который я имею, и слышать от них новые идеи. Хотя в общей массе студентов становится, по-моему, все больше безразличных, неинициативных. Тем более, среди студентов, обучающихся по направлению «социальная работа». Юноши и девушки не видят для себя перспектив, зная размер заработной платы в данной сфере. Но время от времени я встречаю талантливых — таких, с которыми мне интересно и легко работать. Я предпочла их выбирать и работать именно с ними.

Я стала еще больше сотрудничать со студентами и аспирантами, пытаюсь научить их писать академические тексты. Пытаюсь объяснить что-то им, я все больше узнавала сама. Со временем я понимаю, что мои ошибки превращаются в их ошибки. Это повышает ответственность, которой на российских профессорах сейчас и так много. Груз чрезмерной нагрузки очень давит и мешает науч-

⁴ Статья 1. Основные понятия, применяемые в настоящем Федеральном законе // Об оружии: закон Российской Федерации. Принят Государственной Думой 13 ноября 1996 года (в ред. от 12.03.2014 N 27-ФЗ) // Консультант Плюс. — URL: <http://base.consultant.ru>.

⁵ Статья 3. Гражданское оружие // Об оружии: закон Российской Федерации. Принят Государственной Думой 13 ноября 1996 года (в ред. от 12.03.2014 N 27-ФЗ) // Консультант Плюс. — URL: <http://base.consultant.ru>.

ному творчеству. Имея первое филологическое образование, я могла бы сама развиваться интенсивнее в написании академических текстов и помогать своим студентам, аспирантам.

Мысль о недостаточном владении иностранными языками постоянно тревожила мою совесть. И поехала я на Мальту в Международную школу английского языка. Один из преподавателей был фанатом своего дела. Мама — мальтийка с тогда еще колониального острова, папа — истинный англичанин из Лондона. И вот договорился он в правительстве Мальты, что приведет он свою группу на одну из тусовок по поводу решения социальных проблем Мальты. Я истерически боялась всегда остаться одна и заблудиться. Именно это, конечно, и случилось. В один момент я не увидела никого из своей группы в здании правительства. До отхода последнего автобуса из столицы — города Валлетта — в город Слима, где мы жили, оставалось 15 минут. Я осознала, что залив меж Валлеттой и Слимой я вряд ли преодолёю вплавь, а до автобусной остановки я могу за оставшееся время только долететь, я «полетела». Наверно, женщины так бегают только на олимпиадах или к любимому мужчине. Когда я вскочила в автобус, увидела мирную картину: все мои согруппники сидели здесь довольные, в состоянии «сыто-пьяно». А я-то практически не пью. Как я, трезвая, могла отстать от своей выпившей компании, не понимаю до сих пор.

Имея подобный опыт, уже несколько позже, в немецком городе Мюнстр, где я осваивала немецкий на Международных летних курсах немецкого языка и культуры в Лингвистическом центре Вестфальского университета, я первое время ни на миг не отходила от куратора.

Позже, обучаясь на краткосрочных курсах «Деловой английский язык в профессиональной коммуникации» в Борнвильском колледже английского города Бермингем, я уже чувствовала себя немного спокойнее, без истерик. Но истерики были у других членов группы. Некоторые над ними смеялись, а я, вспоминая свои курьезы, заблудившись сочувствовала. Даже когда мы коллективно стояли у входа в средневековый Замок Уорвик... В тот день несколько человек, у которых были входные билеты на всю группу, по ошибке сели на другую электричку и уехали на ней в соседний город. Психов и ругательств было много. Все происходило у арочного входа на территорию замка, на фоне деревянных чучел с головами из тыкв. А я сочувствовала не тем, кто здесь, а тем, кто в злосчастной «не той» электричке.

К получению звания профессора дошла в 2012 году, через пять лет после защиты докторской. Это все равно вызвало нарекания со стороны некоторых коллег. Советник ректора, пожилой уважаемый профессор, когда увидел пакет документов, пронзительно на меня посмотрел и медленно, нравоучительно произнес: «Чтобы стать профессором, нужно сначала состариться». Но так думали не все, поэтому документы были оформлены.

Да, пожалуйста, расскажите о Ваших собственных основных публикациях. И если можно, опишите, насколько сложно сейчас в России издать книгу, как решаются финансовые вопросы?

Одна из наиболее интересных моих работ, на мой взгляд, это «Социологическая модель социальной работы в условиях маргинализации» (Челябинск: ИИУМЦ «Образование», 2006). Издательство «Образование» даже в то время

проводило серьезное рецензирование монографий, которые публиковало. В монографии обосновано такое построение отрасли социологического знания как профессиональная идентичность в условиях маргинализации российского общества. После 1990-х годов профессиональная маргинальность была распространена, поскольку многим людям вынужденно пришлось заниматься не свойственным им видам деятельности. Ведь выживать-то было надо, и детей «кормить-одевать-обувать». Это уже позже стало нормальным явлением профессиональное переобучение и переквалификация.

Думаю, маргинализированные виды деятельности будут все больше приобретать характеристики профессий и включаться в соответствующие официальные квалификационные справочники. Существующие сегодня профессии, вероятно, будут все в большей степени маргинализироваться (становиться «пограничными», «окраинными» – так в 1990-е годы учитель истории оставлял свою работу и начинал трудиться в должности автослесаря). Имеются в виду все взаимоинтегрирующиеся профессии, которые, на первый взгляд, друг с другом тесно не связаны (изначально подобное можно было сказать об ученых и инженерах в области кибернетики). Иногда ученые говорят об однозначном понимании профессионального маргинализма как негативного явления, так как, например, маргинальный врач – это абсолютное зло. Но в некоторых случаях именно те врачи, которые не соответствуют общепринятым стандартам, помогают больным бороться с болезнями и вылечивать их.

Но не все молодые люди хотят заниматься творчеством, применять в учебе и на практике междисциплинарные подходы. К сожалению, мы уже увидели в начале XXI века, что до сих пор «модные» профессии менеджера, экономиста и юриста не находят места на современном рынке труда. Не смотря на это, школьники и их родители стереотипно выбирают именно их, даже не взирая на то, что учиться нужно на коммерческой, а не на бюджетной, основе. Помню, однажды в приемную комиссию пришел юноша с мамой. Они долго рассматривали перечень предлагаемых вузом специальностей. Когда работники вуза им предложили помочь, мама сказала: «Да, да, помогите. Никак не разберемся. Где у вас тут на начальников учат?». Не сразу сообразив, наши девушки неуверенно указали на ГМУ. Мама была очень довольна после того, как ей расшифровали аббревиатуру («государственное и муниципальное управление»). А сыночку, видимо, было все равно.

Если, например, будущий студент еще в школе легко и с удовольствием занимается литературой и ему никак не удастся выучить химию, то ему не стоит выбирать профессии, связанные, например, с применением нанотехнологий. В отличие от второй половины XX века, когда, получая специальность, человек трудился в одной и той же сфере народного хозяйства до достижения пенсионного возраста, то теперь это практически невозможно. Людям постоянно нужно учиться, осваивать новые для себя виды деятельности, получая второе профессиональное образование и заниматься самообразованием.

Издать и реализовать книгу в настоящее время, конечно, не просто. Реальнее, конечно, заплатить за издание из средств гранта. Ну, или, накопив из собственной зарплаты. Но реализовать тираж тоже не просто. Можно опять-таки воспользоваться услугами издательства или посреднических организаций. Но для того, чтобы заработать денег на жизнь и на новые публикации, мно-

гие авторы-социологи забирают часть тиража и самостоятельно разносят их по книжным магазинам. Хорошо, если социолог крепок и силен, как Атлант. А нам, хрупким девушкам, такие походы трудны. Тем более, что в магазины лучше обращаться столичные, один раз доставив туда книги, а в следующий – чтобы забрать «выручку», если она есть. А я, как и многие, живу не в столице.

Чтобы написать книгу, нужно затратить много времени. А его сейчас, как и у всех работников системы высшего образования, катастрофически не хватает. Большой объем аудиторной нагрузки, бюрократизация учебного и организационного процессов, преувеличенное количество заполняемых бумаг, имеющих очень сомнительную практическую значимость. Я уже несколько лет думаю о том, чтобы дописать учебное пособие по организации самостоятельной работы студентов и переработать, дополнить и отдать в издательство новую редакцию своего учебного пособия «Современные методы социологических исследований». Но сейчас время является очень ценным ресурсом, его катастрофически не хватает даже на обеспечение повседневной работы. И еще у меня есть большое желание глубже окунуться в комплексный анализ визуального материала. Мое образование в области филологии, практической психологии, социологии позволяет мне производить междисциплинарный – лингвистический, психологический, социальный анализ. Думаю, у такого подхода есть будущее в плане практической значимости. Комплексный анализ позволяет использовать междисциплинарную методологию, не рассматривая один и тот же материал с позиции языка (анализ текста и подтекста), с позиции визуального образа (цвета, формы, размещения на плоскости и прочего), с позиции социологической рефлексии. Социоллингвистика, психосемиотика, психоллингвистика, иконография, геральдика, бихевиоризм – все эти научные направления соединяются воедино и позволяют осуществлять интереснейший анализ статических и движущихся объектов. Такое рассмотрение материала позволяет взаимоинтегрировать некоторые термины, являющиеся специфическими для конкретных наук. Потенциал заключается в осуществлении глубокого анализа материалов, являющихся объектами предварительных психолонгвистических исследований и психолонгвистических экспертиз в рамках судопроизводства.

Потенциал разработки такого подхода состоит не только в диагностическом назначении, но и в преобразовательном. Меня заинтересовала идея В. Сысуева, который, проводя анализ нелинейных мыслительных конструкций, ввел в современный научный арсенал понятие «визуальный оксюморон»⁶. Данная форма репрезентации характерна для некоторых визуальных объектов. Оксюморон известен как лингвистический термин, обозначающий сочетание слов, противоречащих друг другу по своему значению. Визуальные оксюмороны имеют, как минимум, не менее сильное эмоциональное воздействие, чем вербальные. Например, на открытке 1920 г. к 1 Мая видим человеческие образы, идеографики (графические образы), обозначения цифр и букв. Надпись: «Силен ты

⁶ Сысуев В. Нелинейные мыслительные конструкции. URL: <http://bor.satcomtel.ru/klassika/misc/unlin.html#Оксюмороны>.

ныне, и нет сильнее тебя, и не будет. Твои владенья необъятны. Ты — царь мира». Ярко выражен оксюморон и в лингвистическом, и в визуальном ракурсах: «пролетариат — это царь».

Очень и очень многие кадры из нашей собственной жизни представляют собой подобные, нелогичные оксюмороны — сочетание несочетаемого.

В свое время, по воспоминаниям советских социологов, многие из них испытывали сложности в издании своих работ в силу цензуры. Сейчас есть нечто аналогичное, если не явно, то — «атмосферно», порождающее самоцензуру?

Да, конечно, есть темы, которые заведомо руководством вуза не рекомендуется затрагивать. И старшие коллеги тоже в таких случаях предупреждают. Например, очень модной является тема коррупции. Но сбор полевого материала затруднен неискренностью ответов и трудностями сортировки материала, представляемого в результатах исследования. Не рекомендуется разрабатывать темы, связанные с прогнозированием, так как они считаются очень рискованными. В настоящее время трудно предугадать те факторы, которые в разной степени смогут прямо или косвенно кардинально изменить даже статистически подтвержденные и научно обоснованные прогнозы. Быстрота протекания и непредсказуемость социальных процессов затрудняют прогнозирование социальных явлений. Есть сложности с оформлением заявок в международные и зарубежные фонды. Если удачно решаются проблемы финансирования исследований за счет средств грантов, то здесь есть опасность попасть под подозрение в непатриотизме. Есть сложности с работами, касающимися социальной истории. Иногда работники правоохранительных и судебных органов ведут себя прямо-таки странным образом, обвиняя сотрудников научно-исследовательских центров (некоммерческих организаций) в использовании средств, поступающих из-за границы. В нашумевших случаях «иностранных агентов», например, показательна ситуация с «Центром социальной политики и гендерных исследований», директором которого был Павел Васильевич Романов. С другой стороны, привлечение средств и наличие зарубежных грантов является бонусом для любого научного сотрудника или преподавателя вуза. Темы, связанные с неравенством, хоть и приветствуются, но они опасны тем, что задевают за больное «имущество имущих». Последствия излишней бюрократизации учреждений высшего образования и прихода в руководство вузов бывших руководителей из властных структур много обсуждаются и негативно оцениваются, но ученые эту тему исследуют мало и с осторожностью. Также исследованию все больше подвергаются темы, связанные с анализом людей и социальных групп, характеризующихся низким или средним социально-экономическим уровнем жизни. Представители бедных слоев населения исследуются чаще, чем представители среднего класса. А олигархи и члены их семей в научных трудах как предмет социологического анализа практически не присутствуют. Мы можем найти научные труды о рабочих и служащих, о менеджерах низшего, среднего и высшего звеньев. Но жизнь крупных собственников мы встречаем почти исключительно в изданиях желтой прессы, но не на страницах научных журналов и монографий.

Как Вы сейчас себя идентифицируете: социолог, исследующий проблематику социальной работы? организатор социальной работы, тяготеющий к научному анализу? специалист по подготовке кадров в области социальной работы?

Последние годы я работаю в должности заведующей кафедрой социальной работы в Белгородском государственном национальном исследовательском университете и поэтому большое количество времени уделяю вопросам теоретической и практической подготовки студентов. В связи с этим приходится изучать огромное количество нормативно-правовых и методических документов. Бюрократия в системе высшего образования расцветает буйным цветом. Это просто какой-то «электронно-папирусный» документооборот, подразумевающий делопроизводство как в «бумажном», так и дублирующем его электронном виде. В настоящее время мне все же удастся быть социологом, изучающим проблематику социальной работы. Хорошо, что профессиональное общение с магистрантами и аспирантами позволяет нам проводить интересные полевые исследования. Именно результаты такой научной работы наполняют образовательный процесс живительной силой, показывая реальные проблемы современности. Специфика профессии предполагает также и тесную связь с практикой социальной работы. Научные мероприятия на нашей кафедре проводим с привлечением сотрудников социальной сферы. Совместно с Управлением социальной защиты населения области создана базовая кафедра региональных исследований социальной работы. В образовательном процессе принимают участие руководители и специалисты социальных организаций и учреждений. Так что в рамках профессиональной деятельности, кроме преподавательской и научной деятельности предполагается и участие в организации и реализации практических социально направленных мероприятий: социальных акций, работы волонтерских групп.

Если иметь в виду Вашу профессиональную деятельность, как (кем) Вы видите себя в конце этого десятилетия?

В динамично развивающемся обществе XXI века крайне трудно давать какие-либо прогнозы. А в отношении своей собственной жизни можно только очень примерно что-то предполагать. Во-первых, хотелось бы сконцентрироваться на более узкой проблематике. Тема профессиональной маргинализации видится мне достаточно перспективной для исследований и имеющей практическую значимость. Во-вторых, есть намерение совершенствовать методологию комплексного психолингвистического анализа вербальных и невербальных материалов. В-третьих, немецкий и английский языки «ждут не дождутся», когда же я их наконец-то освою. Надеюсь, что время и пространство в эпоху глубоких социальных перемен позволит мне оставаться ученым и творческим преподавателем одновременно.

Ольга, очень надеюсь на то, что будущее предоставит Вам эту возможность. Спасибо за беседу.

Интервью с Григорием Эдуардовичем ГОВОРУХИНЫМ

«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА УЖЕ В ЦЕЛОМ ОЧЕРЧЕНА...»

Говорухин Г. Э. — окончил исторический факультет Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института (1997 г.); доктор социологических наук (2011 г.); Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, профессор кафедры истории и юриспруденции, руководитель центра изучения общественного мнения и рынка. Основные области исследования: власть и властные отношения, социология управления, социальные взаимодействия в осваиваемом пространстве, социальные связи профессиональных групп.
Интервью состоялось: сентябрь — октябрь 2014 г.

Мне уже приходилось писать, что каждое из проведенных интервью для меня особое. Я помню самого первого моего респондента, первого среди тех, с кем до начала беседы не был лично знаком, первую из опрошенных женщин, первого не столичного (Москва и Петербург) социолога, помню, с кого начинал изучение представителей первых шести поколений советских/российских социологов.

Как я могу забыть это интервью? Оно — стало 80-м законченным интервью. Еще три-четыре года назад число «50» казалось мне мифическим, недостижимым, и поэтому какое-то странное чувство я испытывал, когда этот «порог» был достигнут, и как-то незаметно для себя я пошел дальше. 80-е интервью тоже не последнее, но мотивом к продолжению бесед является не стремление к увеличению массы биографического материала. Есть острое желание самому познакомиться с новыми коллегами и зримее представить, отразить многообразие нашего профессионального сообщества.

Мои беседы начались во второй половине 2004 года, но до конца 2010 года на моей «опросной карте» была представлена лишь Европейская часть России, причем доминировали Москва и Санкт-Петербург. В 2011 появилась Тюмень, и до лета 2014 года этот Западно-Сибирский город оставался самой восточной точкой осваиваемого социологического пространства. В июне того года появился Хабаровск, и к концу осени я добрался до Комсомольска-на-Амуре. Восточнее на континенте нет крупных социологических центров. Может быть, лишь на Сахалине.

Григорий Эдуардович Говорухин (1973 г. рождения) — коренной дальневосточник. Его дед по материнской линии приехал в эти места в 1936 году, когда Комсомольску-на-Амуре было четыре года, и неформально он назывался «Копай-городом». Родители отца — тоже дальневосточники, родились недалеко от Благовещенска. В кратком рассказе Говорухина о родительской семье отражены события, известные многим лишь по книгам: русско-японская война и канонерка «Кореец», партизанские движения в Спасске и бои на Волочаевской сопке. Увлечение прошлым города, семьи определило его интерес к истории и позже подвело к социологии.

В родных для Григория местах произошло и его профессиональное становление: исторический факультет университета в Комсомольске, аспирантура в Хабаровске, докторская диссертация по социологии (2011 г.), посвященная анализу процессов освоения пространства Дальнего Востока.

До самого последнего момента наше интервью развивалось подобно многим другим, в спокойном академическом духе. Мне хотелось, основываясь на материалах трех интервью: с профессором Говорухиным и двумя хабаровскими профессорами социологии Леонидом Бляхером и Илдусом Ярулиным, оценить, каковы перспективы развития социологии на Дальнем Востоке. Ведь в доперестроечные времена на социологической карте страны не было этого региона. Но Григорий Говорухин определил меня. Отвечая на мой очередной вопрос, он сказал: «Профессиональная социологическая площадка Дальнего Востока, если не в полной мере проявилась, то уж точно очерчена». Цель беседы оказалась достигнутой.

Говорухин Г. Э.: «Профессиональная социологическая площадка Дальнего Востока уже в целом очерчена...»

Григорий, Ваша биографическая справка, приведенная в книге «Социологи России», указывает, что вся Ваша жизнь связана с Комсомольском-на-Амуре. Можно сказать аналогичное и о Ваших родителях, дедушка и бабушка, когда Ваши предки появились, в тех краях?

Родители моей мамы были первостроителями города Комсомольска-на-Амуре. Город был заложен в 1932 году, дед по материнской линии, из того что я помню, приехал в город, который тогда имел неформальное название «Копайгород», в 1936 году. В общем, так скажем, он не из самых первых первостроителей, приехал он с Украины, долго жил до того времени в Киеве, после службы в Красной Армии, судя по всему, по комсомольскому призыву приезжает на Дальний Восток.

Бабушка оказалась в городе в 1934–35 году и уже здесь познакомилась с моим дедом. Затем в 1939 году уехала к родителям в Казань, чтобы родить мою маму и снова, уже с моей мамой, приехала в Комсомольск, кажется в 1940 году, после чего она уже никуда из города надолго не уезжала. Вообще семья бабушки активно дрейфовала на протяжении почти 50 лет, пока ее родителей, брата, сестру и их детей не разбросало по всей тогда еще царской России и СССР. Семья бабушки была с Белостока – это тот, что в Польше, переехали они первоначально в Пензу еще в начале века, когда конкретно сказать сейчас очень сложно, во всяком случае, к 1913 году они уже там были и войну встретили уже далеко от линии фронта. Где все свое детство бабушка провела, я точно не знаю, но помню ее рассказы о том, что она в подвале пережидала черносотенные погромы и, будучи, еврейкой польского происхождения скрывалась от погромщиков.

Полагаю, что для моего деда приезд в город был частью начинающейся партийной карьеры, и она у него активно пошла в гору именно в Комсомольске, для бабушки приезд был романтикой, неким интересным приключением, о котором она читала в книжках. При этом показательно, что когда уже в конце 50-х годов моя мама со всем классом в романтическом порыве попыталась уехать на целину, родители ее непустили и, между прочим, ни одного из учеников из класса их родители также на целину не пустили.

Родители отца были дальневосточниками, в том смысле, что родились на Дальнем Востоке недалеко от города Благовещенска. Со стороны бабушки ее родители были ссыльно-поселенцы и по преданию в 90-е годы XIX века были направлены подальше от центральных губерний. Вообще семья бабушки была достаточно активной. Принимала участие и в русско-японской войне. Один из родственников служил на канонерской лодке «Кореец» (та что была потоплена вместе с «Варягом»), попал в плен к японцам, за что и был расстрелян уже в 1937 году. По бабушкиной линии был и участник в битве на Шипке, получил крест от генерала Скобелева (потом этот крест долгое время передавался из поколения в поколение, но до меня уже не дошел). В общем, семья была боевая и видимо революционно настроенная. Со стороны дедушки по линии отца предки выехали на Дальний Восток добровольно. Ехали с Украины и ехали за земельными наде-

лами. Собственно первый Говорухин на дальнем востоке был мой прапрадед, который плохо звучащую украинскую фамилию Говорухо, будучи волостным писарем, без проблем сменил на русско-произносимую Говорухин.

Родители отца были постарше родителей мамы и активно приняли участие в революционных событиях. Во всяком случае, дед был участником партизанских движений, воевал в Спасске, на Волочаевской сопке, был ранен. Впоследствии стал председателем колхоза, был арестован по политической статье в 1937 году потом попал под «бериевскую» амнистию и умер в 1945 году пару месяцев не дожив до окончания войны.

Отец переехал в Комсомольск-на-Амуре к своей старшей сестре, которая перебралась сюда вскоре после войны.

Ясно, здесь Ваши корни. Не уникальный случай, но очень нечастый. Чем занимались Ваши родители, надеюсь, они живы. Историю семьи Вы от них узнавали?

Случай, учитывая специфику Дальнего Востока, все-таки скорее уникальный. В этом видится вообще специфика дальневосточного региона. Несколько лет назад, в рамках наших с Леонидом Ефимовичем Бляхером исследований, где-то совместных, где-то индивидуальных, мы попытались обосновать идею того, что Дальний Восток — это территория «проточной культуры» или «проточного пространства». На протяжении многих десятков лет в составе России/СССР эта территория пополняется населением за счет миграционных волн. Работает своеобразный принцип переселения народов, когда одна волна пришла, другая схлынула. С учетом общей статистики остаться там, где корни на Дальнем Востоке, если не редкость, то уж точно не типично.

Да, теперь о родителях. Родители — это такие типичные представители технической интеллигенции из поколения шестидесятников, когда и получили высшее образование. К огромному моему несчастью они уже давно умерли. У обоих был рак...

И, мама, и отец были инженерами. Я бы сказал, инженерами-гуманитариями. Собственно интеллектуальный бэкграунд я получил именно из семьи и, конечно же, главным образом от родителей. Мама — инженер строитель, продвигавшаяся по партийной, если уж быть точным, по профсоюзной линии, а папа — начальник одного из бюро авиастроительного завода.

Об истории семьи отчасти конечно я знаю от родителей, но в семье сохранился огромный архив писем, из которого формируется классный кейс. Думаю, со временем сделать такой контент анализ переписки. Архив содержит материалы от начала 20 века и времен первой мировой войны до 70-х годов прошлого века.

Спасибо, Григорий, за очень искренний рассказ о семье... замечу, недавно тюменский социолог, профессор Юлия Беспалова издала очень интересную книгу о своей родительской семье на базе дневников и писем... не дайте пропасть архиву Вашей семьи.

Из рассказанного Вами можно допустить, что родители мягко вели, подталкивали Вас в «гуманитарную» сторону. Что Вас интересовало в школе? Особенно в старших классах?

Вам спасибо за присланную книгу, обязательно прочту и воспользуюсь Вашим предложением по поводу архива. История повседневности, как в историческом, так и в социологическом дискурсе, интересный продукт современной действительности. Вдобавок меня лично в последнее время начинает тянуть в сторону какого-то подведения предварительных итогов собственной жизни, и как следствие анализа семейных вех...

По поводу предварительных итогов, с большим интересом недавно прочитал Ваше интервью с А.Н. Алексеевым. В связи с чем стал пересматривать отношение к институциональным и не институциональным жизненным перспективам.

Да, извините, перехожу к Вашему вопросу. В отношении родительского «мягко вели» я думаю, что здесь сложно говорить о том, что они именно вели, пусть даже мягко. В полной мере речь идет о хабитусе, в терминологии классика. Была создана некая модель поведения, отказаться от которой мне было просто невозможно. Хотя, если именно это и означает мягко вести, то абсолютно с Вами согласен.

Разговоры с отцом, обсуждение книг и фильмов, ежегодные туристические поездки с родителями (главным образом с мамой), по городам, имеющим историю, а в детстве лет так до 12–13, мне казалось, что это любой город старше Комсомольска и имеющий дореволюционное прошлое, в конечном итоге сформировали у меня манию к собирательству всего, сколько-нибудь старого. Газеты, открытки, марки, в общем, все, что было или казалось продуктом той, еще не моей, эпохи. Моей, и тут можно в полной мере говорить, страстью стало какое-то накопительство. Позже, в старших классах это вылилось в коллекционирование российских монет. Нумизматика стала одним из главных интересов в жизни вплоть лет до 20. Да, а параллельно с ней (нумизматикой) начинается другая страсть или мания, тут как угодно, увлечения греческой мифологией. Сначала на уровне чтения и перечитывания Гомера, Вергилия, Аполлодора и греческих трагиков, а потом в формате околонучных исследований и аналитики нюансов мифологической эпистемы. В том или ином виде болезнь греческой мифологией переросла в любовь к истории античности и истории вообще.

Опять же подводя итоги, думаю, что могу с полной уверенностью сказать, что в процессе научной социализации я дрейфовал от культурологии, как области гуманитарного знания вообще в рамках семейного образования, до истории и получения высшего исторического образования, а затем к философии и защите кандидатской по специальности «социальная философия» до социологии.

Забавно, питерский социолог Владимир Ильин рассказывал мне о том, что историком его сделала старинная монета, которую он нашел в детстве... а чуть попозже я пришлю Вам интервью тоже с питерским социологом, корни рода которого находятся в любимых Вами эллинских временах.

А, Вы знаете, мой интерес к нумизматике и истории, в общем, то начался тоже с одной единственной монеты, до сих пор помню, это николаевский пятак 1837 года.

Судя по всему, это такой социальный фрейм рекрутирования в историческую науку.

После всего Вами сказанного естественно предположить, что Вы достаточно рано решили стать историком и с этой мыслью прошли через всю школу. Так это было?

В общем да, Борис Зусманович, в старших классах я уже точно для себя окончательно решил, что стану историком. Это было время переоценки ценностей, приоткрытие фактов советской эпохи, постоянного бурления идеологических мнений. Одним словом, мне казалось, что именно историк мог бы заглянуть в какие-то ямы и вытащить оттуда правду жизни. Вернее так: я эту правду знал, но чтобы не спорить до хрипоты со всеми, в том числе и с собственным отцом, мне нужны были железные факты, которые я мог бы предъявить как весомый аргумент собственной непогрешимости.

За увлечением античностью в 10–11 классах появился интерес к истории дореволюционной России довоенного периода и времен репрессий советского времени, начиная с 1929 года. Затем я занялся изучением вторичных источников первой мировой войны. В общем и целом я укрепился в решимости пойти на истфак. Это был 1991 год. Я думал, что как историк я уже состоялся, осталось только институализировать свое, личное «думал» в общее, коллективное «знаю». Набор тогда на специальность был, что-то около 9–10 человек на место, а к экзаменам я готовился скверно и, конечно же, провалился. Это было мое первое крупное разочарование, от которого я вынес главную истину: «Не люблю проигрывать».

Когда Вы серьезно погружались в историю, у вас был какой-либо круг общения? Исторический кружок, общество, клуб? Вы стремились работать в архиве?

Извините за отступление, Борис Зусманович, множество раз брал интервью у других, брали интервью у меня, но только сейчас прочувствовал, что такое «сериальность» в Лумановской интерпретации новостных сюжетов. Ожидание вопросов и написание ответов уже само по себе приобретает форму самостоятельности нарратива. В общем, в ходе интервью испытываешь интересные ощущения.

Да, перехожу к вопросам. До тех пор пока я не поступил на истфак, определенного круга тематического общения у меня так и не сложилось (разве что постоянные дебаты с отцом). Причин этому несколько. Исторический факультет в Комсомольске появился в 1989 году, т.е. тогда, когда я начинал по-настоящему увлекаться историей. Только через два года после открытия факультета в город стали приезжать преподаватели, принадлежащие к определенным научным школам. В частности, Томской школе. Только в начале 90-х годов ими начинала привноситься в город цеховая сплоченность вокруг истории. И только тогда стал формироваться более или менее исторический узус, в рамках которого стали появляться кружки, да, что там просто общение.

Кроме того, любое профессиональное общение затруднялось отдаленностью города от научных центров.

При этом сказать, что я был уж совсем герметичен в своем интересе, нельзя. Я пытался списываться с авторами отдельных журнальных статей, но безрезультатно. Зато пока писал письма, честно готовился к полемике. Сам себе представлял визави, представлял себе его возражения мне. В общем, вот такая была отчасти шизофреническая игра.

Кроме того, я состоял в клубе нумизматов и там активно общался с профессиональными любителями, среди которых были, с моей точки зрения, очень приличные знатоки. Вообще гуманитарная составляющая до начала 90-х годов в Комсомольске-на-Амуре была очень условной. Комсомольск – это город промышленный, нацеленный на формирование технической интеллигенции,

для которых гуманитарии были ни больше не меньше — способом расширения горизонтов, но не коллегами-учеными. Кстати и сегодня в городе не удается преодолеть стереотип прикладного характера гуманитарного знания.

«Не люблю проигрывать» — это некий личностно-этический вывод, а что в предметно-организационном плане? Вы сохранили преданность истории и решили делать вторую попытку поступления на истфак или были сомнения в верности избранного пути?

Я повторил попытку на следующий год и уже тогда поступил. На самом деле я сомневался, нужно это или нет. По большому счету я не хотел быть историком. Меня тянуло к древностям (видимо, это отголоски любви к античности, но уж какая там античность на Дальнем Востоке), а как мне тогда казалось, удовлетворить эту тягу я мог только в археологии. Специальность «археология» была только где-то в Сибири, уже даже не помню где. А к моменту моего поступления стало понятно, что папа болен, сестра была далеко, оставлять родителей я не захотел. Ну и стал пробовать поступать на истфак повторно. Хотя Вы знаете, то, что написал, звучит уж больно эсхатологично. Конечно, меня закусало. Как же так могло быть, что бы сам я и не поступил. Поэтому в другой раз уже готовился к экзаменам как нужно. Конкурс, как помню, был человек 9—10 на место, тем сильнее у меня был задор.

Верные рассуждения, я бы даже сказал, по-американски протестантские. Семья — одна из базовых ценностей.

Итак, цель достигнута, Вы — студент истфака. Какую Вы там застали атмосферу? Какие временные, пространственные, предметные области науки Вас привлекали в первую очередь?

В момент моего поступления истфак, как упоминал выше, был в состоянии становления. Это состояние угадывалось в постоянной смене прописки деканата и кафедр, чехардой с расписанием, но в целом уже угадывалось нечто, что могло бы быть названо духом истфака. Такое, знаете, состояние интеллектуальной элитарности. Даже, наверное, снобизма. Высокий балл на конкурсе, большой отсев студентов (до 30% после первой сессии) позволял нам всем думать, что мы-то, как раз и есть интеллектуальная элита страны. К слову сказать, из более 50 поступивших до финала дошло что-то около 20, двое из которых стали докторами наук и один кандидатом.

Что касается учебы в целом, то, несмотря на то, что во время первых курсов практически пришлось переехать ночевать в библиотеку, мне было легко. Видимо дело в том, что я выбрал, что называется, свою дорогу. Дисциплинарно особый интерес был к истории античного мира и «отечке» (отечественной истории). Причем, здесь важны уже были даже не сами предметы, а семинары к ним. Вот именно там, в общей полемике, я получал удовольствие.

Наверное, такое отношение к учебе стало возможным еще и потому, что большинство преподавателей были старше нас лет на пять-семь и защищали свои диссертации уже на моей памяти. Пишу и вспоминаю, что это было время взаимного «запоя» агностикой. Мы спорили по любому вопросу, собственно интерес к спору и становился главной темой учения. Затем это увлечение заставило всех активно искать аргументы к спору, а значит самостоятельно искать информацию.

Спасибо, дух, атмосферу обучения Вы передали, чувствуется... какую тему Вы выбрали для дипломного проекта?

Название темы я сейчас уже не воспроизведу, но направление работы помню. Я занимался историей церкви, начиная с периода ее институализации никейских времен. Основной интерес заключался в определении взаимодействия институтов православной и католической церквей и института государства. Тема в те времена вполне популярная, но я занимался ею, потому что мне на самом деле было интересно.

Итак, обучение завершено. Что дальше?

А дальше встал вопрос работы. Так получилось, что на меня вышла заведующая кафедрой философии и социологии технического института Золотарева Лилия Николаевна и пригласила работать на кафедре ассистентом. Все предельно просто. Это был 1997 год. Зарплата была, прямо скажем, смешная и одним из способов не умереть с голоду самому и семье, а я уже был к этому моменту женат и у меня был сын, становится выбор академической карьеры. Выбор в том плане, что я решил, если уж работать в вузе, то нужно расти. И вопрос вставал даже не относительно науки, это и не обсуждалось, поскольку было для меня очевидным фактом, вопрос был именно о карьерном росте как таковом.

1998 год был для меня годом тяжелым. У меня умирает мама, вместе с тем я окончательно решил, несмотря на совершенно реальный голод, остаться в вузе. До этого были серьезные сомнения. В этом году меня проводят по кафедре ассистентом на 5 лет.

В 1999 году умирает сначала дед (чуть больше чем через полгода после смерти мамы), а потом и мой кот. Как бы странно это ни звучало, для меня это было равно порядковым кошмаром. Череда смертей моих близких привели меня к будущей теме исследования, чисто философского характера: «Социальное время в экзистенциальных пограничных ситуациях (проблема конструирования безвременья)». В сентябре 2000 года я поступил в аспирантуру к Леониду Ефимовичу Бляхеру с практически готовой идеей будущей диссертации, а в апреле 2002 года защитился.

Вообще нужно сказать, что Леонид Ефимович для меня становится реальным примером современного ученого, открытого для частного интеллектуального общения. Знаете, я только в общении с ним понял, что такое творческий порыв. Как-то вот сумел он мне это дать. При этом для меня важен был еще и чисто человеческий опыт общения с ним. Я приезжал к нему в Хабаровск, понятно денег особенно не было, а командировочные — что-то около 70 рублей — старался сохранить, чтобы привезти домой. И вот в таком прямо скажем, полуголодном состоянии приходил на консультацию к Леониду Ефимовичу, и во время наших обсуждений он ухитрялся мне подкладывать деньги в карман. Этот кейс был для меня почище всяких банальных нравоучений о бескорыстном служении науке.

Дальше, в финансовом плане пошло все много проще. При поступлении в аспирантуру я стал старшим преподавателем, а после защиты кандидатской мне дали внутреннего доцента. В общем, все обычно.

Вопрос исследований становится также менее сложным. У меня начался дрейф в сторону практической социологии. Вместе с коллегами я начинаю «раскручивать» социологию и социологические исследования в Комсомольске. А параллельно – выезжать на конференции, участвовать в исследовательских проектах. В 2006 году я перешел работать деканом в педагогический университет на свой родной факультет. В 2009 году, не без церемоний с ВАКом, защитился уже по социологии. В 2012 году благополучно ушел из деканов и теперь работаю профессором на кафедре родного вуза и одновременно в коммерческой фирме директором по персоналу и коммуникациям (пытаюсь применить свои теоретические знания властных взаимодействий из докторской диссертации).

За это время я успел развестись и снова жениться. Жена у меня кандидат филологических наук. В таком творческом порыве мы за 10 лет совместной жизни только в этом году написали совместную статью. Так, что вопрос науки для меня теперь становится уже где-то даже делом семейным.

Спасибо, Вы дали пространство для ряда новых вопросов. Прежде всего, о чем было Ваше кандидатское исследование?

Идея была такой. Все социальные институты встраивают человека в пространство социальных же взаимодействий. Поскольку жизненный цикл и самого общества и социальных институтов существенно больше жизненного цикла человека, в определенных ситуациях возникает перекося социальных паттернов человека и его личностных установок. Общество ориентирует человека на условную вечность: «тебе это нужно потому, что будет завтра». Практически это выглядит следующим образом: человек всеми социальными конвенциями ориентирован на то, что у него есть будущее, ради которого необходимо что-то предпринимать. Учиться потому что завтра это пригодится в работе, рожать детей потому, что завтра можно гордиться тем, что они вот такие и так далее. Эта формула работает до того момента, пока человеку не объявляют о том, что у него будущего нет потому что он, например, умирает. Физически он еще дееспособен, а вот социально оказывается в состоянии безвременья. Все привычные социальные установки перестают действовать, и встает вопрос о формировании в конце жизни новых установок. Описание входа и выхода в «безвременье» меня и интересовало в работе. Это в двух словах о кандидатской.

Вы указали на свои контакты с Л. Е. Бляхером. А с какими либо московскими, петербургскими, сибирскими социологами Вам приходилось контактировать, участвовать в общих проектах?

Да, конечно. Удаленность пространства, безусловно, ограничивает общение, но не останавливает его абсолютно. Прямо и косвенно осуществлялось и осуществляется общение с коллегами за пределами Дальневосточного региона. Например, были совместные проекты с В. В. Радаевым. Поскольку моя докторская была связана с изучением власти и властных отношений, моим оппонентом стал В. Г. Ледяев, в рамках докторской диссертации также активно взаимодействовал с А. И. Ковалевой (за что ей огромное спасибо), В. Луковым и Вл. Луковым, были совместные проекты с К. Титаевым. Контактывал, как

Вы говорите, с А. Олейником, Э. Панеях, А. Ф. Филипповым, В. И. Дятловым. В общем да, с кем-то знаком лично и по работе, с кем-то — в рамках работы заочно.

К вопросу (вопросам) о докторской диссертации мы перейдем ниже, а сейчас к тому, что впрямую навеяно Вашими словами: «Удаленность пространства, безусловно, ограничивает общение...». Поступает ли в Ваши края (библиотеки, магазины) современная российская, зарубежная социологическая литература или удастся приобрести ее лишь будучи в командировках, участвуя в различных конференциях...?

Совершенно определенно с литературой очень трудная ситуация. Наиболее существенным источником информации является интернет. Печатные тексты, а я сейчас говорю даже не о книгах, но и о журналах также, практически не доходят. Канал доставки литературы, правда, несколько шире, чем только личное приобретение, но очень ограничен.

Григорий, пожалуйста, разверните ваш ответ... совсем не понимаю, как можно без новой литературы?... в Интернете книг, заведомо, мало... покупаете ли вы книги по Интернету, есть ли у вас сетевой доступ в какие-либо онлайн-библиотеки... Есть ли межбиблиотечная сеть?

Да, Вы правы, схожие формы заказа книг есть и у меня, видимо я, не правильно понял вопрос. Конечно, я заказываю книги, конечно, по-прежнему есть межбиблиотечный абонемент (МБА), опять же есть возможность в инете поискать электронный вариант книги. Но, и мы с Вами столкнулись уже с этим, на примере книги «Социологи России». Ограниченный тираж, либо сугубо дефицитная книга чаще всего, в случае, заказа по МБА будет идти очень долго, либо вовсе не придет. Старые книги могут быть вообще не перенесены на электронный носитель, и тогда остается надежда купить их, если будут и если повезет, только на электронных аукционах типа «Молоток» и ему подобные.

Конечно, как я объясняю своим студентам, кто хочет — тот сможет. Найти при желании можно все и в наших краях. Очень остро только встает вопрос оперативности получения информации.

Теперь, пожалуйста, расскажите о работе над докторской диссертацией: В чем проблема? Кем разрабатывалась ли эта тематика раньше? Что Вам удалось показать?

Да, работа, в силу своей привязанности к социологии чисто региональная. Хотя, уверен, что фреймы с рассматриваемой проблемы можно снимать везде. Работа посвящена осваиваемому пространству, полагаю, в американском формате она в большей степени подходила бы под антропологическое исследование. По крайней мере, пару лет назад с одной из моих коллег, которая только вернулась из Кембриджа, Натальей Рыжовой, мы спорили по поводу институциональной прописки отдельных исследований, и я пришел к выводу, что антропологический сюжет темы вполне себе очевиден.

Осваиваемое пространство, о котором я говорю, это, конечно, пространство Дальнего Востока. Освоение пространства идет, как смею надеяться, мне и удалось показать, по определенному принципу маркировки территории. Сначала формируется ядро поселения (например, типичный советский город таким

ядром назначает промышленное предприятие — одно или несколько), затем, как эффект кругов на воде, от ядра начинают распространяться социальные объекты, обслуживающие его предприятия жилые районы, в общем все, что становится впоследствии частью единого города, округа, региона и пр.

Показательно, что разрушение инструментальных основ поселения приводит к сокращению маркировок в пространстве и сужению самой обжитой территории, в связи с чем возникают социальные пространственные лакуны. Это те территории, которые в сознании населения, респондентов, фигурируют как «а что, у нас есть еще и такой район?» Такие лакуны расширяются по мере сокращения контроля над территорией. В этой связи мне было интересно оценить роль власти и властных взаимодействий как по существу чуть ли не единственного индикатора контроля распадающегося социального пространства.

Вообще Дальний Восток, как впрочем, и ряд схожих фронтальных территорий, обладает специфическими особенностями, укладывающимися в понятие «проточного пространства». В таком пространстве вход миграционных потоков определяется неким социальным или политическим заказом общества и государства, а вот выход является естественным процессом окончания социального заказа и уже по существу стихийен. В случае, когда таких заказов нет, регион начинает медленно, но верно терять население. Это и становится причиной появления социальных пространственных лакун.

Вопросами освоения территории напрямую и опосредованно занимались, как известно многие исследователи, в том числе конечно, и классики. Думаю, с полной уверенностью могу сказать, что интеллектуальными генераторами идеи для меня стали Л. Е. Бляхер, А. Ф. Филиппов, В. Л. Цымбурский. Идея «схлопывания» пространства Игоря Дмитриевича Саначева, который шел параллельным курсом в исследованиях (скорее философских, чем социологических) утвердила меня во мнении, что, в общем-то, принципы сокращения социального пространства есть продукт не только и не столько региональный, сколько онтологический. Это в некоторой степени развернуло работу в сторону методологии и поиска методов обнаружения признаков лакун, а также методов исследования маркировки пространства.

А Вам не кажется, что сейчас просто существует «мода» определенного типа исследования (я не понимаю часто, какого) называть антропологическими, тогда как проще и естественнее «подвигать» границы, содержание самой социологии? Ведь она не дана нам как нечто сформировавшееся раз и навсегда? На чем основано решение об антропологичности Вашей трактовки освоения пространства Дальнего Востока?

Мне кажется, Вы попали вопросом прямо в десятку. Диссертация, как любое институциональное исследование, зажато в железобетонные границы шифра. Думаю, все кто занимается наукой в рамках статусных границ написания диссертации, отчета по проекту и пр. прочувствовал на себе железные тиски конвенции жестких парадигм. В строгом смысле слова социология может быть вот такой антропологичной, историчной и философичной, и в рамках своих личных исследовательских границ я могу раздвигать горизонты социологии на любые расстояния. Более того, эти расстояния будут всегда вполне приемлемыми в условиях научного сообщества как такового, где работает принцип интересно/

неинтересно. Вот в рамках научной прописки, адресации исследования приходится придерживаться принципа условно приемлемых границ социологии. В этом случае, если бы Макс Вебер сегодня попытался бы защититься по социологии, в нашей стране к нему было бы много вопросов по дисциплинарной принадлежности, в особенности в отдельных региональных советах.

Вообще мне в этом смысле несказанно повезло. Советы, в которых я защищал работу, не страдали узко конфессиональной ограниченностью. С докторской диссертацией встал вопрос о том, к какому направлению она была бы ближе. Даже при наличии эмпирических данных поля мне все-таки казалось, что работа ближе к социальной философии (отсюда условно ее антропологический характер). Приехал в диссертационный совет по философии во Владивосток. Прошел представление на кафедре мне были назначены эксперты. И вот тут началось странное... Эксперты стали болеть, председатель совета куда-то уехал. Отказа по работе не было, но и постановления на защиту не последовало. В общем, неопределённость продлилась что-то около года. Потом я, понимая, что нужно любое дело доводить до конца, поехал в Хабаровск в социологический совет к Ярулину Илдусу Файзрахмановичу.

Вот тут, если позволите, схожу в рефлексии. Региональное научное сообщество, не знаю насколько можно всерьез говорить о региональности научного сообщества, как и самой науки, имеет свою заданность. На Дальнем Востоке есть большое количество, с моей точки зрения, прекрасных социологов. Причем социологов сподвижников, если социология как наука получила легитимную прописку в России только с конца 80-х начала 90-х годов с момента открытия первых советов и появления первых фондов, то на Дальний Восток она пришла в это время лишь номинально.

Раскручиванием интереса к социологии в регионе начали заниматься лишь в конце 90-х-начале 2000-х годов. И. Ф. Ярулин, Л. Е. Бляхер, Н. М. Байков, И. Д. Саначев, Е. Ли это те люди, которые стали, каждый на своем уровне, готовить общество и власть к тому, что есть возможность получить достоверные данные об обществе. При этом каждый из этих людей – это определенное направление в социологии, зачастую слабо пересекающееся (направление) конвенционально. В этом смысле каждый из них выступая локомотивом направления, возглавляет узкий круг единомышленников, что, в общем, нормально и логично, но, к сожалению, этот круг еще не в полной мере может быть назван научной школой. В нем нет того что можно было бы назвать научным гумусом. В этом смысле эти разные люди с разными научными целевыми установками вынуждены организовываться на едином поле конференции, диссертационного совета, Совета при губернаторе и т.д. Получается эклектика.

Все, выхожу из рефлексии. Вот в такой совет я и пришел. И именно в таком совете я защищался. Когда через год я проходил защиту в диссертационном совете МОСГУ у А. И. Ковалевой, где на тот момент, как бы вычурно это ни звучало, еще чувствовалось присутствие А. А. Зиновьева, у меня возникло ощущение, знаете, некоего научного и интеллектуального единства членов совета (там от В. А. Лукова я и услышал идею о широте социологии). Я потом встречался и работал с коллегами, с которыми тогда познакомился, и укрепился во мнении, что, несмотря на всю разность этих людей, их всех объединяет общее понимание

того, какой должна быть социология. Благодаря разности подходов к пониманию социологии членов совета, которых удалось собрать И. Ф. Ярулину, сам совет оказался ориентирован на научность, а не на жесткую парадигмальность.

Само собой разность в понимании возможностей социологии во всем пространстве Дальнего Востока усиливает рефлексию на жесткость границ социологии.

Хотя, я абсолютно с Вами согласен, что можно и нужно раздвигать границы наук. Неслучайно открытия в науки делаются маргиналами, т. е. людьми, находящимися за пределами заданных форм. В этом смысле меня мало беспокоила условная антропологичность моей работы. Я лишь констатировал факт прописки исследования. Работа построена на массиве исторических фактов, поскольку тема работы «Символизация осваиваемого пространства», в ней значительная доля философской рефлексии. Взвесить «проточность» пространства иным способом не получалось.

Не могу удержаться от слов благодарности, похоже, благодаря «рефлексивности», Вы сделали чудесную заявку на очерк о становлении социологии на Дальнем Востоке. Это надо делать сейчас, пока все живы и активны... если у Вас нет времени или душа не лежит, нагрузите этой темой нового аспиранта...

Спасибо за поддержку. Нужно подумать, как это развернуть. Возможно, это можно будет сделать даже в виде такого элективного курса как история науки... ну, это я продолжаю рефлексировать. Спасибо, действительно подумаю.

Вы рассматривали лишь советский и постсоветский периоды освоения Дальнего Востока или с начала его освоения российскими казаками?

Я начал рассматривать пространство Дальнего Востока с периода XIX века, его официальной регистрации как Российской территории. В строгом смысле слова это период царской России, куда входили так называемые сплавы с последующей организацией полувоенных поселений – это часть, основанная на истории. Конечно, я цеплял советскую и постсоветскую историю, где в качестве данных использовался материал социологического поля.

Не предпринимали попытку сопоставления механизмов освоения Дальнего Востока и, скажем, Запада США: Калифорнии, Техаса?

Вы знаете, для ряда конференций я готовил материал, о символической идентичности механизмов освоения Комсомольска-на-Амуре и Лас Вегаса. Это были тематические конференции, и там это было интересно, но не более того. Сказать, что я предпринимал серьезную работу по этому поводу, я не могу, хотя вынашиваю в планах проделать серьезный анализ освоений территорий, но тут мне было бы интереснее зацепить Китай, Австралию.

Вот фрагмент из моего интервью с социологом и демографом Владимиром Мукомелем: «А при выборе темы диплома я взбрыкнул и сменил как географию, так и акценты: дипломная работа была посвящена экономико-демографическому развитию Австралии. Самым парадоксальным образом именно эта тема помогла мне осознать значимость миграции не только для экономического и демографического, но и социального развития территорий...». И было это в начале 70-х.

Да, интересно. К вопросу о том, что могло бы повлиять или подтолкнуть к теме... Как ни странно общие повороты моей темы были концептуально сформулированы в игровой реальности. У моего старшего сына были стратегические компьютерные игрушки, в которые мы резались и вместе, и по отдельности... Несмотря на общую заданность алгоритмов развития предлагаемых сценариев, эти игры стали для меня симуляторами реальности. Я от многих своих коллег и тех, что младше меня, и тех, что старше слышал, что компьютерные игры могут выступать катализаторами идеи. Так что, наверное, это и не странно вовсе. Такое яблоко Ньютона масмедийного пространства. В целом, полагаю, непринципиально, при каких обстоятельствах пришла идея. Современные технологии позволяют создать матричные модели социальных процессов, а уж на что они выводят исследователя, является личным творческим процессом ученого.

В каком году Вы защитили докторскую и по каким направлениям работаете с тех пор?

В 2009 году. Сегодня отчасти ухожу от темы, а скорее всего не ухожу, а копаю вглубь объектов, рассматриваемых ранее только вскользь. Мне интересна повседневность в социальной, политической рефлексии. Вот именно в такой последовательности. Политика и социум рефлексировать на повседневные процессы, что вызывает особенно отчетливое противоречие между государственным и социальным. Отсюда оценка символики интеракций, отсюда – рассмотрение процессов, которые в некоторых случаях могут обозначаться как социальная метафизика.

После защиты стал больше заниматься исследовательскими проектами, стала интересна методология. Вообще, как будто стало больше времени для того, что интересно, может это потому, что ушел из деканов.

Насколько активно Вы работаете в сфере прикладных социологических исследований?

Последние два года особенно активно. И тут несколько причин: во-первых подготовлено само исследовательское поле. За это время обучились более или менее профессиональные прикладники, которые могут осуществлять методологически простейшие операции в рамках социологического поля. Но этого мало. Сформировался интерес общественности к социологическим данным. Кстати, в этом году в городе был первый набор бакалавров-социологов, удалось открыть (с большими трудностями, вообще сейчас это делается все труднее), магистратуру по социологии.

Сам процесс подготовки социологического поля занял около 10 лет. Сейчас нельзя говорить о том, что социология как прикладная наука «на ура» принимается населением, но это уже явно радикальный сдвиг от экзотической науки в сторону ее прагматической целесообразности. Как результат, сегодня отдельные городские СМИ с удовольствием пользуются перепечатками отчетов по проводимым омнибусам, используют данные, полученные нами в ходе разных замеров. В общем, процесс популяризации прикладной социологии привел к тому, что заказчиков прикладных исследований становится с каждым годом все больше. Во-вторых, я это говорю без ура патриотизма, просто личное наблюдение в отношении количества поддержанных прикладных проектов, усилился интерес

государства к самому Дальнему Востоку, как следствие — больше поддержки собственным проектам и увеличение числа западных проектов, ориентированных на дальневосточный регион и Комсомольск-на-Амуре.

В этой связи найти деньги на проведение исследований становится значительно легче, чем когда бы то ни было, ну, и работы становится больше, тьфу, тьфу...

Да, я прочитал о Ваших планах закольцевать страну интервью с социологами из Калининграда. Предлагаю личный кейс. У меня был период в жизни, когда жил в Калининграде, в общей сложности я провел в нем несколько месяцев. Вот там социология в полной мере определила судьбу одного из ведущих вузов. Университет имени Канта стал федеральным именно благодаря тому, что в нем проводились социологические исследования. Ректору вуза удалось убедить местного губернатора в том, что университет может быть полезен власти своими трансграничными исследованиями, на основании чего губернатор продавил новый статус вуза.

Нечто подобное возникает сейчас и на Дальнем Востоке, с меньшим резонансом правда, но похоже с большей последовательностью, чем в Калининграде. По моим личным наблюдениям социология Дальнего Востока обладает большей самостоятельностью. Я могу не советоваться с ректором вуза о том, какими исследованиями мне заниматься. Больше того, у меня могут быть и личные политические предпочтения, которые я буду с профессиональной точки зрения поддерживать. Все это в полной мере относится и к моим коллегам из Хабаровска. На другом конце страны, как я успел понять, вся тематика исследований должна была проходить определенную цензуру. Хотя возможно, это особенность только Балтийского Федерального университета.

Григорий, во время перерыва нашего интервью я нашел одного Калининградского социолога-полстера, и мы начали нашу беседу. Так что через пару месяцев я, возможно, как Вы говорите, «закольцую страну».

А теперь, расскажите пожалуйста об исследованиях общественного мнения на Дальнем Востоке: когда Вы начали проводить опросы, тематика, технология сбора данных...

Первые массовые исследования начинались в конце 90-х годов, я тогда еще не принимал в них активного участия, но, так или иначе, знаком с их тематикой. Это были количественные опросы по определению имиджа, сегрегационной стратегии и молодежи (отношения молодежи к власти, выборам и пр.) городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре.

Исследования, из тех, что проводились мной лично, начались в годах 2003-2004. Это были квотированные по полу и возрасту «квартирники». Заказчиками их на протяжении нескольких лет выступала краевая администрация. По существу, они были по своей цели электоральными, но в них, как это традиционно встречается, задавались параметры личного экономического статуса жителей. Вопросы «Как изменилось Ваше благосостояние за последний год» или «Сколько денег у Вас уходит на еду и квартирную плату» впоследствии стали отправными точками для оценки динамики благосостояния городов.

Где-то в это же время запускается серия опросов по оценке трудовых ресурсов Хабаровского края. Заказчиком выступал Центр занятости населения. Целью таких опросов становилось определение количества вынужденных безработных в поселениях края. В ходе таких опросов, для меня лично стала показательной тенденция к вымиранию Дальнего Востока. Из личного моего кейса помню, как в 2006–2007 я повез студентов своего факультета для исследования «уровня безработицы» в Солнечный район – это шахтерский район в 60 км. от Комсомольска. Сам Комсомольск в то время производил впечатление умирающего поселения с локальным благоустройством, но для моих студентов, которые за редким исключением могли тогда попасть, в лучшем случае, в самую дальнюю часть на карте – Владивосток, Комсомольск был крупным населенным пунктом. И вот, приезжаем мы в поселок Солнечный – районный центр, где выбиты стекла в домах на центральной улице, где на 30 тыс. человек населения действовало три-четыре магазина. Мои ребята начинают фыркать что-то вроде: «Вот это дыра». А дальше мы поехали по поселкам. И, вот тут у них всякое фыркание прекратилось, потому что началась тихая депрессия.

Я работал со списочным составом безработных района. Согласно полученным спискам, более 80% населения имели статус безработных. В общем, это было правдой, потому что практически во всех населенных пунктах мы увидели развалившиеся здания ГОКов (горно-обогатительные комбинаты), закрытые магазины, опустевшие пятиэтажки. Особенно, что произвело впечатление на меня – это пустые улицы (было часа три дня) и, натурально, стаи кошек. Все поселения района, кроме самого Солнечного, который уже выглядел в глазах моих студентов подлинным столпом «столичности», напоминали руины после бомбежек.

В 2006 году я начал проводить исследования, которые получили общее название «оценка социального самочувствия населения». Это псевдо-панельные поквартирные исследования с гнездовой выборкой (в качестве гнезд выбираются одни и те же улицы, районы), проходящие 2 раза в год. Целью исследований было определение отношения населения к своему уровню жизни и местным органам власти. Сегодня по требованию федералов проводятся схожие по цели исследования: «Уровень удовлетворённости населения качеством предоставляемых муниципальных услуг». Это масштабные исследования с общей тематикой вопросов по всем крупным населенным пунктам страны.

Параллельно при поддержке фонда Форда где-то в том же году я начал проводить большое исследование по символизации социального пространства города Комсомольска-на-Амуре. В основу этого проекта была положена оценка общественного мнения горожан с уличным опросом в местах остановок общественного транспорта. Данные количественного опроса закреплялись глубинными полуформализованными интервью и фокус-группами, собранными с учетом возрастных квот. В ходе этого проекта была сделана попытка выявления прозрачности пространства, исходя из его социально-экономической составляющей. На основе этого исследования и были обозначены выводы о социальных лакунах городского пространства, когда при «снятии фреймов» интервью в сознании жителей практически всех возрастных групп экономически слабо развитые территории отсутствуют.

После 2006 года исследования по оценке общественного мнения стали регулярными, но все они за редким исключением, носили, что называется, рамочный характер.

Последние несколько я провожу исследования по отношению к экологической ситуации в крае. Это преимущественно «уличники» в части количественных исследований и заданные экспертные интервью в части качественных. Квотирование по таким опросам преимущественно строится исходя из территориального расположения экологически неблагополучных предприятий города и края.

По исследованиям общественного мнения, пожалуй, все.

А по-моему, это лишь начало. Григорий, своим ответом на последний вопрос Вы принципиально обновили, обогатили свой образ. Обидно, если бы эта Ваша деятельность не была бы отражена в интервью.

У Вас есть постоянная структура (Группа, Центр) для проведения опросов? Вы контактируете с другими сибирскими и европейскими организациями по изучению общественного мнения? Разрабатывается ли тематика общественного мнения студентами, аспирантами?

Я являюсь руководителем Центра изучения общественного мнения и рынка в аббревиации ОМир. Центр является институализированной структурой для проведения самостоятельных исследований и получения заказов на проведение исследований от коллег. Сегодня Центр проводит порядка 15–20 исследований в год, что конечно немного, но с учетом небольшого штата, вполне хватает для того чтобы закрыть потребность в опросах городов Дальнего Востока. ОМИР – это структура, существующая в большей степени на, так называемых, хоздоговорных темах. Помимо этого есть еще и Дальневосточный институт социально политических исследований (ДВИСПИ) – это более широкая площадка, включающая в себя еще и хабаровских коллег. Я вхожу в институт на правах исследователя, который берет на себя отдельные участки работ связанные, как правило, с чисто научной тематикой, результатами которой становятся диссертации. И, сразу отвечаю на Ваш вопрос о тематике: разрабатывается часть таких тематик, в том числе и по общественному мнению, моими младшими коллегами студентами и аспирантами.

Так вот навскидку наиболее активно рассматриваемыми темами обеих структур (ОМИР и ДВИСПИ) сегодня являются миграция – по профессиональным и возрастным кластерам, – экология, лидерство в общественных и политических движениях. Направление, которое мы сейчас в рамках Центра начинаем поднимать – профессиональные группы дальневосточных бюджетных и коммерческих предприятий. Пока рано говорить о каких-то уникальных вещах в границах этих предприятий в сопоставлении с «западными», но очевидно, что они выявятся.

Что касается контактов с другими организациями, то треть из тех исследований, что мы проводим, делаются по заявке наших коллег из западной части России. Если честно, я сегодня уже затрудняюсь сказать, кто из них сегодня представляет какой регион. Чаще всего, эти исследования идут на основаниях личных контактов с людьми, которые сегодня могут иметь отношение к одной организации, а завтра к другой. Есть правда более или менее стабильные органи-

зации-партнеры ИС РАН, Вышка, в рамках отдельных своих структур, частные заказчики. Недавно был совместный проект с московским Лонг-медиа. В общем, конечно, думаю, можно с уверенностью говорить о том, что я и те группы, к которым я имею отношение, входят в некоторую социологическую сеть страны.

Очевидно так же, что при увеличении работы меня будет ждать управленческий кризис. Возникнет потребность в расширении штата и по оформлению его на иных отношениях, но тут нужен будет еще и постоянный источник финансирования, а с этим пока многое не ясно.

Судя по российским СМИ, Дальний Восток становится важнейшей зоной внимания правительства. Это обусловлено многими обстоятельствами, и одно из них – рост экономической и политической мощи Китая и значительной миграцией китайского бизнеса и населения в районы Камчатки и материковой части Дальнего Востока. Как общественное мнение высказывается по всему этому комплексу вопросов?

Если позволите, я начну отвечать с конца. По поводу Камчатки у меня нет данных о сколько-нибудь серьезных опросах по трансграничной тематике, а вот, как Вы говорите, по материковой части такие исследования проводились и данные были. Такие исследования шли относительно регулярно последние 10–15 лет. Очень часто инициаторами таких исследований становились не исследовательские группы, хотя и такие тоже были, а чиновники, и интересовало это их преимущественно, потому что культивировалась идея некой внешней угрозы на Дальнем Востоке. В рамках той же идеи проводился экологический мониторинг загрязнения Амура, защиты животных, вывоза ценностей и пр. Идея так себе, но в условиях удаленности и заброшенности всего региона в то время такая идея могла стать идеологическим основанием для консолидации россиян на дальних рубежах. В этом контексте, кстати, шло осознание строительства новых маркеров в регионе. И чаще всего классическими маркерами становились и на территории Приморского края, и на территории Хабаровского и, отчасти Амурской области, православные храмы. В 90-е годы власти этих территорий начали вновь столбить и «метить» пространство, прописывая его в привычном культурно-символическом коридоре «а ля-рус». Так вот в русле «идеологичности» мы (это и я в том числе) стали запускать большие опросы общественного мнения, в теле которых были обязательные вопросы об отношении жителей регионов к внешней угрозе. Добавлю, что была череда не только количественных, но и качественных исследований.

На основании подавляющего большинства проводимых исследований становилось понятным, что проблема «захвата территорий Дальнего Востока» у местных жителей стоит на уровне 6–10 строчки. Традиционно после ЖКХ, зарплат, преступности, страха потери работы (кстати, в последнее время такой проблемы уже так же нет) и пр. В этом случае даже 6–8% численности китайской диаспоры от общего населения Владивостока, что отмечалось в нулевых годах нашего века, для населения не было критичным. Исключение составляла, пожалуй, Амурская область и город Благовещенск, где на территории города стали строиться китайские коммерческие центры только для китайцев. Но и даже там коннотации общественного мнения в отношении соседей были в их пользу.

В настоящее время, вот буквально меньше месяца назад, прошел еще один опрос на эту тему. Проводил не я, но с отдельными результатами исследования я знаком. Наибольшую национальную угрозу население Дальнего Востока видит в... цыганах. Образ жителя Китая дрейфует от скорее нейтрального к скорее положительному. В значительной степени население беспокоят украинское переселение, но и то только в той части, что им обещают большие экономические преференции, чем местным жителям.

Вопрос населения на Дальнем Востоке — это вообще большой вопрос. Людей, из тех, кто хотел бы остаться, больше беспокоит факт, что людей мало, а не то, какой они национальности. Хотя, здесь, как чуть выше попытался показать, тоже не все однозначно.

Но это все, так скажем, социальная проблематика вопроса. Экономическая же сторона вопроса рассматривается населением исключительно положительно. Дело в том, что большая часть товаров — это касается и промышленных, и продовольственных, имеют китайское происхождение. И здесь, даже неважно завозится это или нет. Выехать в Китай рядовому дальневосточнику очень просто и по времени, и по деньгам. Поэтому китайских товаров в избытке. При этом, конечно, качество этих товаров очень невысокое. В отдельных регионах ДВ более 70% так называемого средне бюджетного населения традиционно считало, что отечественный производитель или товары из других стран более предпочтительны, чем товары из Китая. Правда, если говорить о промышленных товарах, то на российском ДВ сформировалась когорта и предпринимателей, и потребителей, которые четко обозначают разницу между промышленным производством китайских товаров и кустарным. Очевидно, что промышленный пользуется большим спросом. Тем не менее, китайское в большинстве случаев всегда относилось к категории второго сорта.

Когда я жил в Калининграде, мы с женой зашли в какой-то магазин посмотреть куртки. На мой вопрос это у вас что-то турецкое? (а для ДВ это как бы класс повыше, хотя тоже условно). Продавщица не без гордости нам ответила «Что вы, настоящий Китай». Вот для нас это было основанием ничего не покупать в этом магазине.

Сегодня после введения обоюдных санкций против России, отношение к качеству товаров китайского производства не изменилось, но изменилось отношение к оценке стабильности. И, если раньше на вопрос: «Как Вы оцениваете качество жизни в регионе?» Можно было услышать: «Ужасное, поскольку мы едим нитратные продукты из Китая, и вынуждены мыть руки водой, загаженной там же». Сегодня люди начинают говорить о том, что качество жизни сносное. Потому что в результате санкций китайские товары: а) все равно не исчезнут и б) в цене не подрастут.

Политический вопрос более неоднозначен. Опрошенные в подавляющем большинстве считают, что дружба с Китаем — это факт положительный, но когда вдруг летом этого года стала гулять информационная утка о том, что крупные заводы с ДВ из-за своей убыточности могут быть выведены в Китай, население единодушно отреагировало негативно. То же самое недовольство возникло, когда Китаю была передана часть территории Хабаровского края. В этом смысле риторика такова: мы готовы дружить, но не за наш счет. При этом мои коллеги отмечают, что сам нарратив политических дискуссий людей возрос, что отража-

ется в разговорах людей в магазинах, на улицах в общественных учреждениях. Мы и китайцы братья навек – таков общий слоган сегодняшнего обывателя. Но вот эта тема требует дополнительного исследования.

Что касается общего внимания к Дальнему Востоку со стороны правительства – тут вообще сложно. Во-первых, Дальний Восток большой и территориально очень растянут. В глазах стороннего наблюдателя политические и экономические вложения в территорию ДВ выглядят шагом позитивным, а житель ДВ начинает задавать вопрос, а куда конкретно пойдут деньги. В последнее время большой интерес правительства страны идет к приморскому краю. Туда стягиваются ресурсы, там же формируется властный аппарат ДВ, там же идет строительство ДФУ (Дальневосточного федерального университета), там же идет модернизация городской (Владивостокской) инфраструктуры. С другой стороны, в результате ликвидации последствий потопа, деньги направлялись локально, что, в общем-то, и понятно, только в определенные территории. Отсюда, все это общее материально-политическое благо так размазано по территории трех Франций, семи Бельгий и двух Германий – это собственно то, в чем традиционно меряется территория ДВ, что практически незаметно среднестатистическому дальневосточнику. Во-вторых, новые предложения по общей экономической ситуации, в числе таких предложений – идея с ТОРами (территориями опережающего развития) населением воспринимаются сдержанно: а уж больно не понятно, что это такое. В целом, конечно, такое внимание к себе людьми отмечается как факт положительный, но главное, то, ради чего это все задумывалось (если не брать чисто политический аспект) – сохранение и приумножение численности населения – пока не «стреляет». Миграционный отток не изменился. Кажется, на все ответил.

Надеюсь, что вскоре у меня будет четыре интервью с дальневосточными социологами: уже завершено и опубликовано интервью с Л. Бляхером, идут беседы с Э.Леонтьевой и И. Ярулиным, и вот – наше. Как в целом организована социологическая жизнь в вашем регионе? Есть ли журнал, проводятся ли регулярные встречи, представлен ли «голос социологов» в СМИ и т.д.?

Прежде всего, эта жизнь худо-бедно организована. Существует некий профессиональный клуб, разношерстный в своей тематике, методологии, научных интересах, о чем мы ранее уже говорили, но это уже вполне самостоятельное сообщество людей, говорящих на понятном им языке. Площадкой для того, чтобы поговорить на этом языке становится диссертационный совет. Есть и специализированный журнал «Власть и управление на Дальнем Востоке» он больше гуманитарный, чем социологический, но достаточно много публикует социологов, есть вестник одного из вузов, который с регулярной периодичностью публикует результаты социологических исследований касающихся региона. Нечасто, но все же запускаются общие проекты, которые задействуют социологические сети региона. С Э. Леонтьевой, например, относительно недавно, приняли участие в оценке миграционных настроений студентов региона... При этом профессиональная жизнь, даже в формате условного единения, локализуется в Хабаровске, отчасти Владивостоке, совсем фрагментарно в Благовещенске и Комсомольске. Понятно, что для меня быть частью социологической сети сопряжено с большими, хотя и не смертельными, сложностями,

связанными с переездами (Комсомольск находится в 400 км от Хабаровска). Дистанционный формат, с моей точки зрения, менее результативен, но он регулярен.

Что касается, СМИ... как-то так получилось, возможно, это связано как раз с тем, что я оказался единственным прикладником в Комсомольске и по комсомольской ветке, последние два года к моим социологическим работам появляется определённый интерес. Понятно, что в СМИ идет научпоп, но, во всяком случае, возникает ощущение востребованности и тебя самого, и исследований, которые проводишь. Периодически читаю не только в журналах, но и в медийных источниках своих коллег. Есть правда, тенденция... читаю только одних и тех же. Видимо у журналистов сложился устойчивый ассоциативный ряд по поводу того, кто может являться экспертом социологом/ политологом. Думаю, несмотря на такую ангажированность отдельных исследователей, все это конечно влияет на популяризацию нашей науки.

Еще один формат социологии становится доступен, организован или близок к организации: Совет при губернаторе. Совет о-о-очень совещательный, в него отказались войти ряд моих коллег, но уже тот факт, что он возникает, становится индикатором интереса власти к социологии. В условиях популяризации социологии сегодня в регионе все больше становятся востребованными именно профессиональные исследования, а не примитивные PR-проекты. Профессиональная социологическая площадка Дальнего Востока, если не в полной мере проявилась, то уж точно очерчена.

Григорий, очень оптимистичный вывод... здесь и закончим нашу бесед. Большое спасибо.

Интервью с Константином Вадимовичем ГРИГОРИЧЕВЫМ

«НЕ СКАЖУ, ЧТО ГОД РАБОТЫ В РОЛИ “МУНИЦИПАЛЬНОГО СЛУЖАЩЕГО” БЫЛ СОВСЕМ БЕСПОЛЕЗЕН»

К. В. Григоричев — окончил исторический факультет Барнаульского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук (2000), начальник научно-исследовательской части, руководитель лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета.

Основные области исследования: процессы субурбанизации и формирования социального пространства пригородов, мигранты и принимающие сообщества, региональные демографические процессы

Интервью состоялось: ноябрь-декабрь 2014 г.

19 января 2015 года Елена Григорьева, дизайнер сайта Центра социального прогнозирования и маркетинга и со-участник создания электронной интерактивной книги «Биографические интервью с коллегами-социологами», разместила в фото галерее респондентов 90-е интервью¹. Это означает, что позади — долгая история и большая работа.

Фото галерея, являющаяся одним из важнейших элементов этого онлайн-нового издания, имеет вид геометрической фигуры, в которой десять столбцов и постепенно увеличивающееся количество строк; последняя из которых иногда заполнена полностью, но чаще — урезанная. Понятно, в тот момент, когда последняя строка — полная, фигура приобретает вид прямоугольника. Легко понять, что сейчас вся совокупность фотографий образует прямоугольную матрицу, в которой девять строк и десять столбцов

---

¹ Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-сост. А. Г. ... в. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014. URL: <http://www.sociopi.ru/707/publ.html?id=385>

Фото галерея респондентов на 19 января 2015 года

Следующая прямоугольная матрица фотографий будет иметь 10 строк и 10 столбцов, т.е. будет квадратом, содержащим 100 фотографии советских / российских социологов. Конечно, я жду этот момент, однако, было бы неверно утверждать, что в конце 2004 года, т. е. 10 лет назад, когда мои беседы с коллегами лишь начинались, у меня была цель – провести 100 биографических интервью. Подобная цель была невозможной. Она казалась бы мне нереалистичной, недостижимой и, скорее всего, не мотивировало бы работу, а, наоборот, тормозила бы ее. Ибо нельзя стремиться к тому, чего нет и быть не может.

На старте работы лишь было желание поговорить со старыми, добрыми коллегами об их пути в социологию, о работе, немного о прожитом и было смутное представление о том, что собранная информация когда-либо будет использована при изучении истории современного этапа российской социологии. В первые два года работы (2005 и 2006 гг.) в питерском журнале «Телескоп» было опубликовано 10 интервью; затем, открывшиеся тогда новые возможности позволили в 2007 году закончить и опубликовать 11 интервью. Во все последующие годы, с 2008 по 2013, ежегодно публиковалось от 4 до 8 бесед, и за все эти шесть лет — 31 интервью. Все они первоначально выходили на страницах различных журналов, а затем начиная с 2011 года, размещались в ранних версиях книги «Биографические интервью с коллегами-социологами». Таким образом, к завершению 2013 года было проведено и опубликовано 52 интервью.

Но (!) в 2014 году — в силу ряда обстоятельств — произошел мощный скачок в технологии сбора и публикации материалов бесед. И активно этому способствовал выход в свет 4-го издания «Биографических интервью с коллегами-социологами». Стало возможным размещать завершённые интервью непосредственно в Интернете, не дожидаясь их появления на страницах журналов.

Главным мотивом ускорения процесса интервьюирования стала накопившаяся за десять лет усталость от проведения бесед; это очень сложное, по многим причинам, дело, и в течение десяти лет я занимался им практически ежедневно. К тому же, все острее ощущалось желание закончить сбор информации и перейти к ее анализу. Ведь собираемая, постоянно увеличивавшаяся информация не мертва, не неподвижна, она давит на исследователя, многое определяет в его поведении.

Отмечу еще один момент, для кого-то — возможно, метафизический, для меня — «физический», реальный. К весне 2014 года, когда количество завершённых интервью приближалось к 60, вдруг «замаячило» представлявшееся ранее сугубо мифическим число 100. Некоторые мои друзья уже начали намекать на необходимость сотни интервью, я не отказывался, хотя считал это лишь дальнейшей перспективой. Но в моем пифагорейском сознании числа не абстракты, они говорят. Постепенно планка — «100 интервью» уже не казалась недостижимой, и ее преодоление виделось не рекордом, а нормальным завершением операции по сбору данных.

При этом, матричная структура галереи, в которой постепенно происходило увеличение фотографий, превратилась в динамическую модель процесса интервьюирования, а она, как известно, обладает «властью» над ее создателем.

Теперь, когда опубликовано 90 интервью, можно открыть «обратный счет»; до 100 осталось 10, 9, 8,... и так до «биографического квадрата»

Интервью с Константином Вадимовичем Григоричевым дает возможность начать 10-ый ряд в нашей матрице и продолжить две достаточно новые линии нашего проекта. Одна из них — изучение социологов шестого поколения, тех, чьи годы рождения заключены в интервале 1971-1982 гг. Вторая линия — исследование биографий и деятельности наших зауральских коллег. Он родился в Челябинске, его студенческие и аспирантские годы прошли на историческом факультете Барнаульского педагогического университета, несколько лет он работал в Казахстане и с 2006 года живет и работает в Иркутске. В целом, он человек, с достаточно рано сложившимися научными интересами, включающими в себя

демографические, миграционные и этномиграционные процессы в Сибири. Несмотря на молодость, он обладает солидным теоретическим опытом в разработке указанной тематики, участвовал в экспедициях, работал в административных и властных структурах, включен в преподавание различных курсов.

Здесь я должен извиниться перед Константином. 30 октября 2014 года в Тихоокеанском государственном университете в г. Хабаровске он успешно защитил докторскую диссертацию по социологии на тему: «Пригородные сообщества как социальный феномен: формирование социального пространства пригорода», а через пару дней я, даже не дав ему отдышаться, отправил ему приглашение к интервью.

10 ноября мы начали нашу беседу и в первой половине декабря закончили.

К. В. Григоричев: «Не скажу, что год работы в роли “муниципального служащего” был совсем бесполезен»

Константин, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. К примеру, мои интервью с петербургскими социологами Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Еленой Эмильевной Смирновой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры...

Ваша фамилия, похоже, — нечастая производная от имени Григорий. Что Вы знаете о ее происхождении? Насколько Вы вообще знакомы с прошлым Вашей родительской семьи?

К сожалению, сведения об истории фамилии у меня скорее отрывочные: в семье крайне редко поднималась тема ее истории дальше, чем поколение родителей моих родителей. О происхождении фамилии нередко говорит мой отец Вадим Владимирович: «Наша цыганская фамилия». Несколько раз упоминался его дед, который «был таборным цыганом и до самой смерти подписывался крестиками». Имени прадеда достоверно я не знаю, могу только предполагать по имени деда (папиного отца), которого звали Владимир Владимирович. Над моими цыганскими корнями часто посмеиваются (сероглазый блондин плохо вписывается в образ цыганского табора), но младший брат отца — Алексей, в молодости был совершенно цыганского вида: крупные смольные кудри, темные глаза, бесшабашный характер. Так что цыганское происхождение фамилии мне кажется вполне реальным. Особенно если учесть вспыльчивость и некоторую суровость нрава моего папы и деда...

Родителей отца я знаю не очень хорошо: наша семья довольно рано уехала из родного города папы (и моего) — Челябинска, когда мне было два или три года. По распределению после окончания Челябинского политехнического папу отправили в город Воткинск в Удмуртии, где он работал на заводе Минсредмаша. Там в Воткинске родился мой младший брат. Позже наша семья переехала в Павлодар (Северный Казахстан). Как следствие, в Челябинске мы оказывались не часто, а позднее, когда мои родители разошлись, контакты совсем ослабели. Помню, что дед Владимир Владимирович после войны (по рассказам отца, он воевал в морской авиации в Северном флоте) до самой старости работал на Челябинском трубопрокатном заводе простым рабочим. Дед частенько грубовато проходил по «белым каскам» и подчеркивал свое рабочее происхождение. Хорошо помню едва ли не единственный совместный с родителями отца Новый год, когда дед Володя с некоторым пренебрежением сказал, что «праздник надо встречать в спецовке». Папина мама — Римма Григорьевна, напротив, работала как раз инженером и очень славилась виртуозными чертежами. У отца была просто невероятной красоты готовальня, доставшаяся ему от бабушки. В детстве я часто рассматривал находившиеся в ней циркули и рейсфедеры как произведение чистого искусства, плохо понимая их назначение. Насколько я знаю, бабушка жива, но контактов у меня с ней нет...

Родителей моей мамы — Маргариты Николаевны, я знал чуточку лучше, поскольку с 78 года до начала 90-х они также жили в Павлодаре. Мамин отец — Николай Дмитриевич Губин, по коротким рассказам бабушки, происходил из «вятских поповичей». Сам дед Николай о своей семье никогда не говорил. Бабушка — мамина мама — Лидия Андреевна происходила из рода Мартыновых (тех самых, один из которых вошел в историю русской литературы). Однако ее отец, как рассказывала бабушка, довольно рано ушел из семьи «по убеждениям», работал инженером-путейцем где-то в Закавказье и Средней Азии. Бабушка не очень любила говорить о прошлом своей семьи. Думаю, это связано с опытом 30—40-х, когда вспоминать о дворянском происхождении было небезопасно. Да и сама она была убежденной большевичкой. Едва ли не самые ранние мои воспоминания о ней связаны с ее «колыбельной» песней: «Там вдали за рекой». Лишь однажды она попыталась рассказать мне о своих родителях, но в силу подростковой неразумности я не проявил должного интереса и внимания. Теперь же, увы, восстановить эту историю, наверное, почти не реально.

С дедушкой бабушка Лида познакомилась на фронте. О подробностях они оба почти не говорили, но, вероятно, это произошло в 43-м. Дед Николай, после окончания «пехотного училища» (именно так он его называл) в должности командира пулеметного расчета оказался на Курской дуге, где в первом же бою был тяжело контужен и война для него закончилась. Бабушка же, воевавшая, если я правильно помню, с 42 года (санинструктор, долго была на переднем крае, затем медсестрой в полевых госпиталях), вынесла его из боя. Как сложились их отношения в семью, они оба практически не рассказывали. В 46-м у них родился старший брат мамы — дядя Юра, а в 52-м — моя мама. Вскоре мамина семья переехала в Иркутскую область в строящийся тогда город Ангарск, где прожила до конца 70-х. Сейчас никого из родственников в Иркутской области не осталось, и то, что я оказался здесь — такая замысловатая петля.

Очень у вас интересная история, в ней многие важнейшие страницы постреволюционной и даже глубже истории страны. В школу, похоже, Вы пошли в Павлодаре, и там проучились все годы? Чем запомнились школьные годы? Были ли гуманитарные интересы, которые позже привели Вас в социологию? Или все было не так однозначно?

Восприятие октябрятско-пионерской составляющей детства у меня было, наверное, очень типичным. Прием в октябрятки помню почти как вчера: поздняя осень, темное утро, несколько классов взволнованных, накрахмаленных ребятшек, суетящиеся учителя и многозначительные пионеры, поглядывающие на нас свысока. Жуткое волнение, ощущение чего-то невероятно значительного, какой-то магии... Чуть позднее одним из волнующих и отчасти травматических «октябрятских» сюжетов стало мое не участие в «параде октябрятских войск». К нему я не смог выполнить ответственное задание — написать лозунг «Родина мать — умей ее защищать» (даже странно, как прочно помниться), а потому был с позором исключен из числа марширующих... Прием в пионеры был не менее волнующим, но уже менее торжественным, не магическим событием. Возможно потому мне не хотелось быть в числе пионерских лидеров, а комната под вывеской «Пионерская» таинственной дверкой в каморке папы Карло не воспринималась. Сходив пару раз на занятия горнистов, интересоваться пионерскими делами

я практически перестал. Хотя галстук носил с удовольствием — просто нравился он мне как единственная стильная вещь во всей школьной форме. «Мы не были шпаной, мы галстук пионерский, сжимали в кулаке от гордости смеясь...» — очень точно узнал себя, когда услышал много лет позднее Ивасей.

В это же время (году в 86-м кажется) я начал заниматься туризмом и спортивным ориентированием. Сначала это были школьные соревнования, потом все стало заметно серьезнее, пошли разряды, походы. Туризм дал возможность побегов из города и другой — не пионерской романтики, дал новые слова, песни, отношения. Именно у костров, а не в литературных кружках впервые услышал песни Окуджавы, Галича, практически весь набор из «политехнического». Ночами слушал рассуждения старших товарищей о «шестидесятых» (в основном в литературном и бардовском контексте). Эти разговоры хорошо ложились на восторженное отношение к Высоцкому, песни которого очень любит отец. Стихи и прозу Высоцкого, с которыми я познакомился классе в седьмом из рукописной отцовской тетради, я не столько понимал, сколько принимал как откровение. Интересно, что запомнившиеся тогда строки («мы тоже дети страшных лет России...») позже не ушли, как многое другое, что казалось важным, значимым в подростковые годы, а много раз возвращалось. Словом, размышления о жизни, как она устроена и почему люди такие, а не иные у меня появились скорее в связи с литературой и поэзией, и специфическим пластом творчества «золотого» времени бардов.

Комсомол стал уже не рациональным, а скорее «приличным» поступком. Образ Павки Корчагина, яркий и значимый для меня классе в пятом-шестом, стал скорее образом литературным, и вне литературы почти не воспринимаемым. Ни как долг, ни как призвание, ни даже как инструмент карьеры вступление в комсомол я не воспринимал. Показательно, что из всего торжественного приема в комсомольцы, хорошо помню только комичную сцену чтения «Стихов о советском паспорте» однокашником: жутко стесняясь, краснея на огромной сцене (билеты вручали в одном из больших городских ДК) в широченных брюках-«бананах», Иван, запинаясь и смущаясь, как будто объясняясь в любви, с паузами с трудом произносит: «Я... достаю... из широких штанин...» В двух рядах от меня смеялся, складываясь почти пополам, третий секретарь райкома комсомола. И вот этот образы краснеющего на сцене однокашника и смеющегося на торжественном мероприятии комсомольского вожака напрочь перебили весь остававшийся у меня к тому моменту пиетет.

Буквально через полгода стало ясно, что в комсомоле мне делать нечего от слова «совсем». Весной девятого класса, чтобы вовлечь меня в комсомольскую жизнь (я даже взносы в 2 копейки платил крайне не аккуратно), моя хорошая приятельница по туристической секции, и по совместительству — секретарь комсомольской организации школы, попросила заменить ее «на секретарстве» на пару месяцев, пока она лежит в больнице. За неполных два месяца я напрочь развалил комсомольскую работу: кабинет комитета комсомола стал «вольнодумствующей курилкой», где во время прогуливаемых уроков обсуждались походы, стихи, история, но месту «политической и комсомольской работе» не находилось вовсе. Это скорее было «игрой в комсомол», легким стебом, и в таком качестве и осталось. Узнавая в последствие о политических и бизнес-карьерах комсомольских работников я, вопреки фактам, испытывал иррациональное недоверие: как

могут строиться столь серьезные стратегии на подобном несерьезном фундаменте? Популярный тогда фильм «ЧП районного масштаба» казался основанным на возможно реальных, но, безусловно, не здешних событиях.

Не могу сказать, что в школе меня сильно тянуло к гуманитарным наукам. Как многие сверстники лет в 9–10 зачитывался «историческим» томом детской энциклопедии, но больше ее «археологической» частью. Где-то в это же время прочитал ефремовское «Лезвие бритвы». Вообще очень любил читать — Жюль Верн, потом Лондон, постепенно перечитал почти все, что было в доме, включая советскую «классику». Был записан разом в несколько библиотек и везде стоял в очередях на ту или иную книгу. Пожалуй, это самое сильное воспоминание о школьном детстве — безудержное какое-то чтение. Времени на него оставалось немного — помимо школы у меня была музыкальная студия по классу фортепиано (никогда после не жалел об этих семи с половиной годах мучений, но тогда было до соплей обидно мучиться с музыкальным домашним заданием, когда сверстники гуляют), различные спортивные секции, занятия у мамы в ансамбле (она у меня хореограф). Поэтому при каждой возможности хватался за книгу: за едой (если был один), одеваясь, делая вид, что учу уроки... Мама со смехом вспоминает, как находила книги, спрятанные мною в самых неожиданных местах для того, чтобы можно было ночью незаметно читать (отец строго следил за нашим режимом дня).

Но серьезного увлечения именно гуманитарными науками не было. Лет в 13, кажется, я твердо решил стать врачом-хирургом, пошел в научное общество школьников при Дворце пионеров и несколько лет прилежно его посещал. Мне очень нравились и теоретические занятия, и своего рода «практика» в больницах (нас водили и на операции, и на дежурствах бывали, и даже ассистировали на простых манипуляциях). Много из того, чему научился тогда, до сих пор очень пригождается. Но мечта рухнула, когда стало очевидно, что химия навсегда останется для меня самой загадочной и непостижимой наукой. Не наукой даже, а какой-то магией, таинством. Поскольку, не смотря на весь юношеский задор, мне иногда (но не часто!) удавалось трезво оценивать свои возможности, с мечтой о «меде» пришлось расстаться.

Вялая попытка закончить подготовительные курсы в Павлодарском индустриальном институте убедила и меня, и маму в том, что техническое образование — «не мое». Хотя до восьмого класса с точными науками у меня отношения складывались успешно, тригонометрия и логарифмы с интегралами мне не покорились. И, наверное, главное — мне становилось все более скучно с «железками»: самой сложной техникой, которую я понимал и всегда мог наладить, был велосипед. А обычные подростково-юношеские разговоры об авто, появившихся тогда первых компьютерах, особого интереса у меня не вызывали. Научившись писать простые программы на программируемом калькуляторе и не получив ожидаемого чуда (казалось, что должно получиться нечто эдакое), интерес к новинкам техники почти потерял. Позже, когда стали доступны персональные компьютеры, интерес к ним вернулся, но это было уже много позднее.

Понимание того, что медицина мне не доступна, а техника и естественно-научные сферы — не интересны, совпали по времени с брожением умов в конце 80-х. Как-то неожиданно для меня и, кажется, сверстников, оказалось можно говорить о самых разных вещах. Суть именно в этом «можно»: разумеется, мы

в своем кругу говорили на самые разные темы, но вдруг из частного пространства они оказались вынесены в публичное. И не только не пресекались, но и активно поддерживались частью учителей. Пришло ощущение драйва, какого-то не всегда рационального увлечения темами недавней истории и современного общества, даже какой-то погруженности в эту сферу. Стремительная переоценка пионерско-комсомольских ценностей (в комсомол я успел приняться) «удачно» совпало с юношеским бунтарством. В последнем классе я перешел в другую школу и после едва ли не первого сочинения поссорился с учителями литературы. Эпиграфом к своим рассуждениям о романе Горького «Мать» я поставил короткий отзыв о романе, как-то походя почерпнутым из дневников Толстого: «Скучно». Двойка (наверное, совершенно справедливая) стояла сразу после эпиграфа, даже без прочтения моих пространных рассуждений о романе и его несоответствия моим представлениям пред-советской России. И как-то и дальше отношения с учителем не сложились. Наверное, поэтому потребность обсуждать прошлое и настоящее не реализовались в литературной сфере, хотя было очень увлекательно говорить о том или ином вопросе, отталкиваясь от текста. И естественным образом мне все больше стали интересны уроки обществоведения, которые тогда воспринимались как довесок к «истории».

Слова «социология» при этом вообще не употреблялось. Думаю, я даже не знал о нем (хотя не поручусь). Почти все наши рассуждения об обществе, так или иначе, вытекали из исторических сюжетов, и, пожалуй, я искренне воспринимал «общественную» проблематику как раздел истории. Поэтому к окончанию школы в силу склонностей и интересов я все больше склонялся к поступлению на исторический: писал письма в институты и университеты, интересовался конкурсом, условиями поступления. Было очевидно, что придется уезжать из дома, поскольку в Павлодарском педагогическом (единственная местная альтернатива «Индусу») исторического факультета не было.

Спасибо, Вам удалось показать движение. Не скучно. Чем же завершились Ваши поиски?

Поиски завершились историческим факультетом Барнаульского педагогического. Совсем не потому, что хотелось быть учителем, скорее так сложилось. С первого захода я не поступил. Мне срезали балл на экзамене по истории на вопросе, который я до сих пор с удовольствием задаю коллегам-историкам и ответа пока не получил: «Назовите немарксистские рабочие партии в революции 1905 года». Несколько месяцев я проработал грузчиком в родном городе, а затем поступил на рабфак все-того же Барнаульского педа. Совершенно не жалею об этом, казалось бы потерянным годе. С одной стороны, это была жесткая, но нужная школа жизни: общежитие вместе с физкультурным факультетом, голодный 91-й и прочие прелести. С другой стороны — на рабфак преподавать историю пришла молодая преподаватель института, незадолго до этого защитившая кандидатскую — Татьяна Кирилловна Щеглова. Она стала, по выражению Виктора Иннокентьевича Дятлова, моей научной мамой. Фактически с нее началось развитие этнографии некоренного населения и устной истории на Алтае и мне повезло учиться и работать с ней. Человек строгий и волевой, она, тем не менее, давала мне большую свободу в определении интересных тем, подходов, взглядов. Каждое лето, начиная с 92 и до 2002, я ездил в полевые экспедиции

по районам Алтайского края, где основным методом работы были интервью. Видимо, тогда и сложились мои предпочтения в исследовательской работе: до сих пор мне более интересны качественные методы. Знаю, что эти экспедиции продолжаются до сих пор, и каждое лето Татьяна Кирилловна едет со студентами в «поле», иногда тянет присоединиться, но пока не получается...

Студенческие годы, кроме, разумеется, веселой жизни, стали возможностью войти в научную среду. Как раз с начала 90-х на истфаке создается лаборатория исторического краеведения, где я работал сначала на общественных началах, а потом и на ставке лаборанта. Там мне довелось познакомиться поближе с «внутренним миром» научного коллектива, появилось ощущение приобщения к нему, повстречаться со множеством интереснейших людей. На четвертом курсе вышла первая публикация (небольшие тезисы), ощущения от которой, наверное, знакомы всем, кто пишет. Думаю, работа в лаборатории заменила мне увлечение КВНом или иной самодеятельностью и другими традиционными студенческими занятиями. Разумеется, это никак не отменяло участие в разного рода вечеринках («ботаником» в полном смысле я не был), но вносило в жизнь какой-то дополнительный стержень, который постепенно становился основным.

Уже ко второму-третьему курсу мне все более интересными стали темы, связанные не столько с этнографической проблематикой, сколько с развитием населения. Диплом был посвящен миграционным процессам середины XX века на Алтае в связи с основными событиями советской истории этого времени. Как-то незаметно возник интерес и к историко-демографическим исследованиям (причем более демографическим, чем историческим), что определило и тематику кандидатской. В аспирантуру я поступил там же в педагогическом университете по отечественной истории. Несмотря на все бытовые сложности, аспирантура прошла гладко и вполне результативно: закончил в октябре 2000-го с текстом и через месяц защитился в Алтайском госуниверситете.

Складывается такое ощущение, что в университете Вы с утра до вечера и на протяжении всей недели были на лекциях, в библиотеке и экспедициях. Возможно, конечно, но скорее всего были и другие стороны студенческой жизни. Пожалуйста, поделитесь своими воспоминаниями о них...

Описанный выше опыт политический активности в школе, возможно, стал мощной прививкой от любой партийной деятельности. Уже в студенчестве мне было не интересна и скучна любая около партийная активность: региональными отделениям возникавших тогда партий и движений я интересовался примерно также, как и разного рода религиозными конфессиями, также массово появлявшихся в первой половине 90-х. Знакомство, один-два визита на мероприятия (будь то партийное собрание или чтение религиозной литературы) и расставание навсегда. С юмором и ноткой пустой гордости на вопросы о «партийных» пристрастиях отвечаю, что единственной партией, в которую я вступил осмысленно и по зову сердца, была студенческая «партия анархистов-гедонистов». «Партия» эта была создана на пятом курсе «на троих», и главным ее постулатом значилось: «гедонизм одного человека, заканчивается там, где начинается анархизм другого». При всем смехе, идея не хуже многих.

Почти все студенческие годы я прожил в общагах. Общежитие — особый мир, по крайней мере, у меня осталось такое послевкусие от в общей сложности шести лет, прожитых в нескольких студенческих общежитиях. Даже странно, что этот сюжет — общаги начала девяностых — не попал в фокус социологических работ до сих пор, насколько я знаю. Мне встречались интересные зарисовки из сегодняшних общежитий, но девяностые, кажется, прошли бесследно. Начало девяностых везде было временем болезненных родов новых отношений, но в общегае этот интимный процесс был открыт обозрению всех живших там. Здесь хорошо было видно, как мои сверстники вписывались в новую систему жизни, пытались осваивать ниши, возникавшие или становившиеся доступными тогда, в том числе и криминальные и около криминальные. Не скажу, что я тогда всерьез анализировал происходящее с окружающими людьми и со мной, скорее интуитивно что-то принимал, что-то отторгал — самых разных примеров было множество. Однокурсник, с которым я довольно близко приятельствовал, торговал на рынке поддельными сертификатами и прочими документами, которые были нужны для торговли. Короткая история его «коммерческого» взлета и падения прошла у меня перед глазами буквально за несколько месяцев: шальные, безумные просто по студенческим меркам деньги, абсолютная не готовность к ним, бездумные покупки, кутежи — и милый деревенский парень превратился в «синяка» с потухшими глазами. Среда, в которую он попытался встроиться, лихо его переварила и выбросила. Такие типажы потом легко узнавались по отстраненным взглядам, поношенным лицам, обиженной безразличности к жизни. Такие иллюстрации неуспеха...

Другой вариант «неуспеха» — знакомый «военрук» Витька, с которым мы вместе ходили тренироваться в универовский спортзал. Он с самого начала нашего знакомства не скрывал, что для подработки ходит «постоять» (обозначить силовое присутствие на «стрелках»). Позднее как-то рассказывал о том, что делается это под прикрытием «корочек» отряда по содействию милиции, была тогда подобная структура. Несколько раз «обламывал» гостей, приходивших посмотреть на наших тренировки (рукопашный бой) и желавших со мной познакомиться. Смысл этого я понял, когда Виктор на одном из «постоять» получил тяжелое ранение... До сих пор вспоминается, как проход по краешку...

Интересно было видеть, как по-разному выстраивали стратегии выживания деревенские и городские ребята, жившие в общежитии — местные, барнаульские были мало вхожи в мир общаги, только гостями. Большая адаптированность к городским условиям студентов из городов, компенсировалось у «деревенских» визитами родителей с «передачками» и наличием родственников в городе (Барнаул до сих пор очень деревенский город). Для «деревенских» вообще были мало характерны рискованные стратегии, которые диктовались необходимостью выживания — всегда можно было уехать домой «подкормиться». У приезжих из городов шансов на это почти не было — отсюда рискованные авантюры (мне самому случалось наниматься на срочную ночную разгрузку фуры, явно пригнанной не по месту назначения), иногда реальный голод. Возможность всегда прокормиться в общежитии — это все-таки в значительной мере миф, или точнее — стереотип, не всегда работавший в начале девяностых.

По вечерам весной и ранней осенью, когда можно было «торчать» в окнах, мы сначала с интересом, а потом скорее безразлично рассматривали соседнее общежитие, где жила наша педовская элита — «иняз». Это общежитие, в отличие от нашего и прочих, которые я знал, жило по совершенно особому графику: ближе к 9–10 вечера к подъезду стягивались редкие тогда еще иномарки, в которые стайками слетались «иностранки», чтобы к утру, «усталыми, но довольными» вернуться обратно и успеть к 8 на занятия. Интересно, что этот сюжет не воспринимался тогда живой иллюстрацией к «Интердевочке», а был вполне нормальной частью повседневности. То, что раньше и позднее резало глаз, в тот момент было органично — крутятся девочки, кто как может, никто не осудит.

Отдельная история — студенты физкультурного факультета — «спортачи». Они разительно изменились за мои студенческие годы. На рабфаке (это осень 1990 весна 1991) я застал еще последние наборы «военруков» (совмещенная специальность «учитель физкультуры — НВП»), которые были людьми суровыми, тяжелыми, казавшимися намного старше нас (на самом деле — лет на 5–6 максимум), но имевших более или менее понятные правила жизни и отношений. Неписанные эти правила вряд ли были хорошими или плохими, гуманными или жестокими, но они были. Поняв их ценой довольно болезненных (в прямом смысле) ошибок можно было вполне сносно с «военруками» сосуществовать, а иногда и приятельствовать. Отмена НВП как школьного предмета, как теперь понимаю, не только стала символом демилитаризации школы и причиной исчезновения «пенсионных» рабочих мест для отставных офицеров. Изменились и требования к поступающим на физкультурный, что «удачно» легло в тренд криминализации жизни... Уже через год-два в составе «спортачей» произошел какой-то качественный слом: в подавляющей своей массе они стали выглядеть и вести себя откровенно мелко уголовно... Ощущение от этой перемены я очень точно узнал в прочитанных где-то в это же время бунинских «Днях окаянных»: «Как-будто самые отвратительные хитровские типы, стократно умножившись...». Самое тяжелое было понимать, что выпускники и даже старшие курсы «спортачей» делились примерно поровну: на тех, кто будет сажать, и тех, кого будут ловить. В общаге между ними особой разницы не было, и предпосылок к ее возникновению не ощущалось. Не часто, к счастью, сталкиваясь впоследствии с милицией/полицией убеждался, что таких предпосылок и не появилось... Эти сюжеты мне приходили на память и при чтении Волковского «Силовое предпринимательства», и при интервьюировании следователей в рамках небольшого проекта с питерским европейским университетом. Но в общаге об этом почти не думалось, это было «реальностью, данной нам в ощущениях»: два перелома носа я заработал как раз там.

Мои научные занятия в этот момент стали таким вариантом эскапизма. Часы, проведенные в архиве, библиотеке, в лаборатории на факультете давали ощущение другой реальности, в которой голова — это не просто место, в которое едят. Это стало компенсацией тем «побегам» из города, которые давал туризм в школе, поскольку ресурсов для походной юности не было... Формировался другой круг общения, лишь частью пересекающийся со студенческим кругом, живущий по своим, более понятным и близким мне правилам. Мои научные и околонучные занятия однокурсниками сначала не замечались, потом воспринимались как чудачество, к пятому курсу стали некой «достопримечатель-

ностью» (с моего курса в науку, насколько я знаю, пошел только я). Хорошо помню фразу однокурсника, сказанную кому-то постороннему обо мне: «Он не ботаник, он умный». Синий диплом с двумя «тройками», но рейтингом в первой десятке на курсе хорошо укладывался в эту формулировку, сильно льстившей тогда моему самолюбию.

Окончив университет, Вы начали работать или продолжили обучение в аспирантуре?

К пятому курсу как-то самой собой сложилось твердое представление о том, что после университета я из него не уйду, а буду заниматься наукой. Это не было каким-то единовременным, тщательно обдуманым и взвешенным решением. Просто незаметно перестали восприниматься как устраивающие меня все другие варианты развития событий: милиция или ФСБ (довольно много моих однокурсников оказались в этих структурах), школа, работа не по специальности... Весной 96-го на одном из заседаний лаборатории, где я работал, всплыла тема моего предстоящего ухода в связи с окончанием университета. Хорошо помню внутреннее мое возмущение — куда это я ухажу? Поскольку место в аспирантуре ежегодно выделялось только одно, и под него уже планировался другой человек, возникла проблема конкурса и договоренностей о приеме в аспирантуру (не секрет, что при ограниченном числе мест конкурс часто становился пустой формальностью). Вопрос решился довольно просто — на год меня отправили в «магистратуру». Таковой тогда, разумеется, не было. Под этим названием работали годичные курсы повышения квалификации, куда зачисляли по несколько человек с каждого факультета. Фактически, это был год на подготовку к аспирантуре, набор материала, подготовку и сдачу кандидатских экзаменов по философии и иностранному. Плюс необременительные (хотя местами весьма интересные) занятия по психологии управления, системам организации управления и т.д. Можно сказать, что нам давался базовый набор знаний и практик по управлению школой — весьма полезный, как впоследствии оказалось, багаж. Летом 97-го я получил «советский» диплом о переподготовке, по которому оказался «менеджером в сфере образования». Такое вот несоветское содержание в советской форме. Вопрос о поступлении в аспирантуру был решен, и уже в июле этого года я мог уверенно сказать, что с октября буду аспирантом.

Аспирантура стала временем не только возвращения в «нормальный» мир — отец купил нам тогда дом на окраине Барнаула, но и началом вхождения в преподавательскую среду. Не скажу, что меня туда сильно влекло — работа в архивах, библиотеках и с полевыми материалами доставляли гораздо большее удовольствие. Но реалии аспирантской семьи, рождение дочери возможности для других вариантов заработка почти не давали. Преподавать пришлось довольно много и это стало хорошим тренингом, хотя всерьез учительское ремесло и «педагогику как искусство» я так и не полюбил. Сейчас я, разумеется, преподаю, но поскольку совместитель, то имею возможность преподавать только те курсы, которые мне близки и интересны. Правда, уже на втором году аспирантуры выяснилось, что головой можно зарабатывать не только в аудитории: выигранная муниципальная стипендия, первый соросовский грант... Хотя по нынешним представлениям, эти удачи свалились на меня довольно поздно, но они удачно совпали с моим взрослением и дали понимание, что можно даже занимаясь наукой кормить

семью. Даже кризис 98-го был пережит на подъеме именно за счет соровского счастья: получая чуть меньше двухсот долларов в месяц в дополнение к двойной (основная плюс муниципальная) аспирантской стипендии и половине ставки преподавателя я чувствовал себя если не богатым, то обеспеченным человеком. Это очень пригодилось впоследствии, поскольку ориентировало искать заработок не физическим трудом (хотя и он случался позже), а на работы, так или иначе связанные с тем, что я умею и люблю делать.

Что удалось показать в диссертации? Прошло полтора десятилетия после ее защиты, время подтвердило Ваши выводы? А что пошло не так, как Вы думали, предполагали?

Диссертация была связана с реконструкцией демографических процессов в Алтайском крае, и главной задачей было восстановить их характер и привязать к ключевым событиям в стране. Конечно, многое в той работе сейчас я бы сделал иначе, многое, как теперь понимаю, было довольно поверхностно, куча сюжетов осталась просто не замеченными. Но были, как мне кажется, и важные находки. Одним из самых интересных для меня стал сюжет о послевоенном голоде и его отражением в демографических процессах конца сороковых — эта тема, насколько я представляю, до сих пор остается практически неизученной. Большим открытием для самого себя стал анализ миграционных процессов в связи с освоением целины: неожиданно выяснилось, что долгосрочное влияние этих процессов на численность и структуру населения оказалось заметно меньшим, чем следовало из стереотипной картины послевоенной истории...

Главное, что выяснилось уже по ходу написания, что мне в большей степени интересны современные миграционные процессы, нежели исторические реконструкции. Защита, как казалось тогда, «развязывала руки» в выборе того, чем заниматься в науке. Думаю, тут сыграли роль и масштабный приток мигрантов на Алтай в девяностые (да и мои родители перебрались сюда в это время), со многими мне довелось пересекаться в экспедициях и первые интервью с мигрантами у меня появляются в это время... Это оказалось безумно интересно, поскольку события, которые находились в фокусе разговора, стали буквально живыми, а не реконструируемыми собеседниками или мною, как исследователем. Интерес добавляло и то, что кроме «процессов» и «структур» в исследовании вдруг появились живые люди. Это было и приятным открытием, и проблемой одновременно, поскольку сюжет «конкретной личности», «биографии» воспринимался как что-то мелкое, «нерепрезентативное», «частный случай». Видимо это стало следствием позитивистской парадигмы истории, в которой, преимущественно, шла у нас подготовка учителей истории. Переживание и рациональное осмысление этого «противоречия» затянулось у меня на несколько лет. Пожалуй, только с середины «нулевых», когда мне повезло начать работать с Виктором Иннокентьевичем Дятловым, этот вопрос для меня разрешился.

Но в 2000—2001 у меня была довольно сложная развилка: продолжить историко-демографическую линию, которая оказалась новой и востребованной, или заняться собственно демографическими исследованиями. Социологические и антропологические сюжеты пока были на периферии, и как серьезное направление я их, наверное, даже не рассматривал. Тогда большую роль для меня

сыграли две школы: зимняя по устной истории в Европейском университете в Питере и летняя по демографии в Усть-Каменогорске. Последняя меня увлекла больше, и выбор оказался в пользу современных демографических сюжетов.

Пожалуйста, расскажите немного о Викторе Иннокентьевиче Дятлове, большинству социологов его работы не известны. Складывается представление, что как историк он подошел к исследованиям в парадигматике исторической социологии.

Виктор Иннокентьевич, думаю, очень хорошо известен всем российским исследователям миграционных процессов и диаспор. Историк-арабист по образованию и значительной части научных интересов, он с начала девяностых вместе с небольшим тогда коллективом учеников и коллег начал исследования этномиграционных процессов на востоке России. Одним из первых в России Виктор Иннокентьевич начал дискуссию о содержании термина «диаспора» на страницах одноименного российского журнала, одним из учредителей которого он является. Его усилиями, фактически, сложилась школа изучения взаимодействия трансграничных мигрантов и принимающих сообществ, прежде всего в условиях гетерогенного переселенческого общества Сибири и Дальнего Востока. Под его формальным и неформальным руководством выполнено множество больших межрегиональных проектов по миграционной и диаспоральной проблематике, сложилась и работает, наверное, крупнейшая исследовательская сеть к востоку от Урала, включающая больше сорока коллег — историков, социологов, экономистов, антропологов. Именно в этих проектах мы познакомились с Леонидом Бляхером, Натальей Рыжовой, в ряде проектов принимал участие Владимир Изявич Мукомель, Сергей Алексеевич Панарин, Бхавна Даве, Сергей Рязанцев, Андрей Коробков...

Но и, на мой взгляд, и по мнению коллег (возьму на себя смелость говорить от их имени), пожалуй главное — это удивительные человеческие качества Виктора Иннокентьевича. Его умение создать невероятно душевную и одновременно очень продуктивную систему отношений в исследовательском коллективе. Это особенно сложно в рамках сетевой работы, когда нет постоянного контакта. Но вот уже много лет друзья и коллеги всегда с воодушевлением относятся к любому предложению работать с ним. Мне крайне сложно проговорить все то, что связано с Виктором Иннокентьевичем, «уважаемым и обожаемым» по словам его учениц.

Вы написали портрет очень интересного ученого и человека, более того, обозначили корни целого научного направления. Замечу, интервью с Леонидом Бляхером уже проведено, с Владимиром Мукомелем — успешно идет.

Похоже, Барнаул становился Вам тесен? Вы все же оставались там или думали о смене места работы?

Тесен становился не столько Барнаул, сколько альма-матер — хотелось уйти с очевидной траектории: ассистент, читающий «что дали», затем доцент со «своими» базовыми курсами, а в далекой и не очевидной перспективе — докторская и возможное профессорство. Дело не в длительности процесса, а в его основном содержании и предписанной на годы вперед размерности заданного средой ритма. Хотелось большое заниматься наукой, делать что-то новое — такое плохо

оформленное, но чрезвычайно мощное желание. Вместе с тем, возникло и более точное понимание неких неперемennых для меня условий: категорически не хотелось «под погон». За пару недель до защиты кандидатской мне предложили место заместителя начальника научной части в недавно созданном в Барнауле юридическом институте МВД. При всей близости этой должности к интересующему меня роду занятий и заманчивому в провинции статусу офицера милиции («сразу дадут лейтенанта, диплом из ВАКа придет – «старшего», а там лет через 5 до майора дорастешь»), отказался я от этого предложения без особо тяжких раздумий. Для меня всегда было важно иметь возможность жестко не согласиться с начальством, а «погоны» таковую исключают чуть больше, чем совсем...

Спустя пару лет мне предложили перейти в Алтайский госуниверситет, обещая минимальную преподавательскую нагрузку и широкие возможности для занятий наукой. Я согласился практически не раздумывая, но долго сотрудничества не получилось по разным причинам.

В 2001 году мне повезло попасть на летнюю школу, которую проводил в Усть-Каменогорске НЕСР. Три безумно интересные недели, масса знакомств и увлечений привели к тому, что я стал быстро вливаться в работу молодых казахстанских ученых и преподавателей, работавших в сфере социально-демографических исследований. Эта деятельность активно поддерживалась известным чешским демографом Томашем Кучерой в партнерстве с моим хорошим другом и замечательным ученым-демографом Сашей Алексеенко. Несколько раз бывал в казахстанских городах как участник конференций, семинаров и у меня невольно складывалась образ продвинутой страны, где университетские и научные сообщества быстро развиваются по европейской модели. Справедливости ради скажу, что такой образ складывался не только у меня.

Летом 2003-го я уволился из Алтайского госуниверситета и уехал в Караганду. Лето прошло в увлекательных хлопотах, связанных еще и с участием в новой НЕСР'овской школе по миграции, которую проводила в Смоленске Ирина Молодикова. Именно там я познакомился с Владимиром Изявичем Мукомелем, Галиной Сигизмундовной Витковской, еще несколькими замечательными людьми. А ближе к сентябрю начались типичные эмигрантские хлопоты: мой российский диплом кандидата был никому не интересен, меня даже официально не принимали на работу, хотя лекции я уже полным ходом читал. Только после прямого вмешательства ректора меня, наконец, оформили на работу в должности не остепененного старшего преподавателя. Кандидатский диплом удалось ностарифицировать только через полгода и лишь при неофициальной поддержке завкафедрой, симпатизировавшей мне. У нее была подруга в казахстанском ВАКе, которой то ли с третьей, то ли с четвертой попытки удалось завершить эту вполне абсурдную процедуру. Процесс этот оставил ощущение бытового сюрса: диплом не подтверждали, поскольку процедура защиты в России в 2000 году не соответствовала действовавшей в Казахстане в 2003 году. Содержание работы не интересовало никого, а вот оформление реферата стало камнем преткновения. Пришлось «переиздать» автореферат, включив в него резюме на английском и казахском. До сих пор не знаю точно, что было написано в резюме на казахском...

Вхождение в коллектив кафедры всемирной истории и международных отношений было связано с несколькими составляющими культурного шока. Прежде всего, языковой: кафедра, как и большинство в казахстанских вузах, была двуязычной, и при обсуждении какого-либо вопроса часть коллег могла внезапно перейти на казахский. Оставшаяся часть присутствующих оказывалась изолированной, включая заведующую кафедрой... Это был острейшим шоком, поскольку по тональности разговора, жестам, взглядам часто было видно, что речь идет, в том числе и о вопросах, касающихся тебя. Стимулом, однако, для изучения языка это не становилось, поскольку и профессиональное, и бытовое общение шло на русском.

Большинство коллег, либо уже много лет работали на кафедре, либо были выпускниками КарГУ – коллектив был давно и прочно знакомый, многопоколенный. Моя «чужеродность», однако, была не только проблемой, но и важным ресурсом: меня никто не знал как студента или аспиранта, и в коллектив я пришел вполне взрослым человеком, с какой-никакой репутацией. Это избавляло, с одной стороны, от отношения в стиле «мой мальчик», с которым часто сталкиваются выросшие и работающие на «своем факультете», а с другой – от дополнительной работы, которую время от времени «в порядке шефской помощи молодому преподавателю» свешивали на молодых ребят старшие коллеги...

Знакомство с «научной сферой» факультета было для меня несколько неожиданным: ближе к новому году попросили сдать отчет о публикациях за прошедший год. Как просили, принес перечень своих 8 или 9 публикаций, вышедших за тот год, и получил уточнение: нужно только за один год, а не все ваши публикации. После того, как «недопонимание» разъяснилось, кафедра стала лидером «по науке» на факультете. Казалось бы, должно работать только в плюс. Но позже друзья мне шутливо пояснили, что это «неприлично»: нужно было спросить, сколько нужно, есть же еще и аксакалы. Доля шутки в этой шутке, конечно, была...

Тем не менее, участие в нескольких научных проектах и пусть шапочное, но знакомство с известными авторами, дало инструмент для закрепления своих позиций. Приходилось осваивать правила игры и волей-неволей включаться в нее: упомянутые в разговоре несколько имен позволяли успешно выпадать из локальной иерархии, позволять себе безнаказанно нарушать неофициальный дресс-код и правила поведения, курить в туалете и совершать прочие «мелкие пакости». Иногда делал это не только по внутренней убежденности, но и по велеанию шила в известном месте. Всегда читал лекции и вел семинары в свободной манере, не считая неприличным присесть верхом на парту или делать лирические отступления в рамках предмета... Однажды меня застал в таком виде один из факультетских начальников: я что-то рассказывал студентам, сидя верхом на парте, и по привычке был одет в джинсы и свитер. Вызвав коридор, он укорил меня, апеллируя к статусу «Вы же доцент!». Ответил я ему в классическом стиле – «И что?» и не получив ответа вернулся к студентам.

Вообще приоритет внешнего при зачастую совершенно пустом содержании был, как мне показалось, одной из ярких черт тогдашнего казахстанского вуза. Дресс-код, подчеркну – совершенно неофициальный – очень сильно меня тогда резанул. Для молодежи деловой костюм был буквально «строевым мундиром»: символом одновременно и принадлежности к цеху, и успеха, и потенциала...

Молодые ребята, принятые ассистентами после магистратуры, первым делом покупали костюм, нередко стоимостью в несколько своих зарплат... Галстук и пиджак считались непременно атрибутами «серьезного» преподавателя, безотносительно содержания его занятий. Примат внешнего, стиль «важно казаться, а не обязательно быть» остался для меня одной из главных примет того времени и места... Разумеется, это не означает, что среди моих казахстанских коллег не было серьезных преподавателей и исследователей. Но самые интересные из них постоянно выбывали: кто — в более перспективные казахстанские университеты, кто в Россию. Хотя несколько моих знакомых, к которым я отношусь с большим уважением, до сих пор, насколько я знаю, работают в КарГУ.

Другое впечатление от работы в карагандинском универе — это ощущение участия в постановке провинциального театра абсурда. Стремительно меняющиеся не только планы и стандарты, но и системы работы со студентами. Начав работать осенью 2003-го, я сразу столкнулся с совершенно абсурдной системой организации учебного процесса, которую метко называли «9 с половиной недель» с отсылкой к тематике широко известного фильма. Учебный год делился не на семестры, а на четыре блока длиной те самые пресловутые 9,5 недель. В каждом блоке полагалось строго определенное количество часов лекционных и практических занятий, экзаменов и зачетов. Учебные курсы разбивались как бог на душу положит в центральном аппарате университета, где содержанием предмета не сильно озадачивались. Наиболее абсурдный пример такой разбивки, с которым я столкнулся, предполагал проведение в первом (сентябрь—октябрь) блоке всех семинаров, во втором (до нового года) аудиторных часов не было, но стоял экзамен по этому курсу, в третьем блоке предполагался зачет по курсу, ну а в четвертом оставалось время для лекций. Вместе с завкафедрой приходилось придумывать такие замысловатые схемы решения этих головоломок, что куда там Великому комбинатору... Все это украшалось сверху, как тортик кремовой розочкой, невероятным количеством отчетной документации. Как преподаватель, я должен был вести три(!) журнала текущей(!) отчетности, в которые заносить подробную информацию о каждом занятии. Разумеется, большинство коллег (и я в их числе) не делало этого регулярно — это было и невозможно. В результате непременным атрибутом завершения каждого блока становилось общекафедральное действо — «заполнение журналов»: надо было видеть преподавателей, обложившихся календарями, собственными конспектами, калькуляторами (количество часов должно было сходить по вертикали, горизонтали и кажется даже по каким-то еще кривым). А поскольку нередко занятия приходилось переносить (из-за блочной системы — нельзя же принять экзамен, не прочитав ни одной лекции), заполнение журналов априорно становилось нарушением трудовой дисциплины... Сейчас, когда у нас в вузах стремительно растет система отчетности, у меня все более крепнет уверенность, что мы идем по неверному пути Паниковского. А статьи об эффектах гиперрегуляции и в том числе и в системе образования Леонида Бляхера, Эллы Панеях, других авторов все более укрепляют в этой мысли...

При всей бешеной аудиторной нагрузке (по количеству «горловых» часов казахстанские вузы уже тогда сильно опережали российские) и невообразимо длинном перечне читаемых курсов (они менялись едва ли не ежегодно) это был интересный, полезный и местами приятный опыт. До сих пор помню, как меня

распирало, когда узнал, что заочники, пропуская две предыдущие пары других преподавателей, специально приезжали ко мне, потому как «интересно». Пожалуй, только там впервые я почувствовал некий отклик на свои преподавательские усилия и научился получать от этого какое-то удовольствие.

В Казахстане не очень много удавалось писать, но несколько интересных сюжетов все же, как мне кажется, получились. Одной из острых тем была проблема миграционного потенциала русскоязычного населения, системы его мотивов к отъезду и условий реализации этого потенциала. Было очень интересно смотреть, как меняется восприятие России, Союза, возможности эмиграции и адаптации в Казахстане в разных поколениях. В этом смысле очень показательным для меня стало исследование путей и инструментов рекрутинга абитуриентов из Казахстана в российские вузы: в центре внимания оказалось поколение, социализировавшееся уже вне союзного контекста, ориентирующееся на новые ценности и жизненные стратегии. Кстати, наверное, здесь я впервые в полной мере почувствовал возможности инструментов качественного исследования — в серии интервью «всплыли» ответы на множество вопросов, «не поднимавшихся» в массовых опросах.

Работая в Казахстане, я в первый, и очень надеюсь, в последний раз, столкнулся с отголоском советской традиции цитирования «классиков марксизма-ленинизма». Только место «великой троицы» и решений очередного съезда КПСС заняли цитаты президента страны... Не то, чтобы это было обязательным... но публикация без такой ссылки была несколько не комильфо, на что мне несколько раз ненавязчиво указывали. Сейчас не слежу за публикациями, выходящими в Казахстане (только очень выборочно, по именам), но еще 7–8 лет назад это было нормой.

Важнейшим для меня опытом, почерпнутым в Казахстане, стала работа с алмаатинским бюро УВКБ ООН. Дело затевалось на интересе содержательном и прагматическом: с одной стороны, было увлекательно поработать в новой сфере, связанной с видами миграции, которые, как правило, оставались в стороне от моих интересов, с другой — банальный поиск дополнительных ресурсов. Написал письмо на официальный адрес, попросил помочь в разработке спецкурса по проблемам беженцев. На мое письмо очень быстро откликнулись, прислали огромную бандероль с книгами, журналами, разного рода материалами и пригласили на учебный семинар. Довольно быстро созрела идея учебно-методического центра для партнеров казахстанского бюро УВКБ: образовательная и издательская деятельность. В течение двух лет проводили учебные семинары, издали учебное пособие по правовому статусу беженцев, несколько сборников документов, издавали бюллетень... Работа и сама по себе очень интересная, но еще и давала возможность встреч с самыми разными людьми: переселенцами из Чечни (после второй войны их очень много оказалось в Казахстане), таджикским и афганскими беженцами, уйгурами... Правда, после отъезд из Казахстана мои связи с УВКБ довольно быстро потерялись, а тематика ушла.

Вы сказали об отъезде из Казахстана, когда это произошло и куда Вы отправились?

В самом начале декабря 2006-го я переехал в Иркутск — новый для меня город, где я к тому времени знал всего несколько человек. Попытка устроиться в университет на переформатировавшуюся тогда кафедру современной отечественной истории не увенчалась успехом: доцент со стороны был менее привлекателен, чем вчерашние аспиранты, но свои. Расстраивался, конечно, серьезно: репатриация оказалась немногим проще эмиграции. Но все к лучшему, ближе к новому году меня согласились взять на работу в мэрию Иркутска на должность начальника отдела стратегического планирования в только что созданное управление стратегического планирования и инновационной деятельности. Надо сказать, мне снова повезло: управление это создавалось по инициативе вице-мера Игоря Вячеславовича Бычкова, ненадолго тогда пришедшего в мэрию из Института динамики систем и теории управления СО РАН. Доктор физмат наук, член-корр, сейчас он возглавляет Иркутский научный центр и все — тот же Институт. Насколько я понимаю, созданное управление было попыткой как-то систематизировать, привести в понятную логику работу администрации города, жившую тогда своей особой логикой, не всегда доступной человеку не из бюрократической среды.

Перед управлением (а в нем поначалу нас работало всего два человека — начальник управления Николай Потороченко и я) было поставлено три основные задачи. Прежде всего, координирование работы по подготовке программ развития города на ближайшие 5 лет (до 2012 года). Энтузиазм, с которым я поначалу взялся за работу, быстро проходил: подходы, порядок работы, отношение к ней совершенно не совпадали с привычными мне. Одна только посылка «надо написать текст, а цели и задачи выработаются позднее» сформулированная представителем генерального подрядчика, стала для меня немаленьким потрясением. Нет, я знал такой подход в студенческих курсовых, но чтоб вот так определять программный документ немаленького города... Нам тогда удалось включить в программу несколько ключевых для развития города проблем, ранее вообще не попадавших в поле зрения городских властей: характер миграции, перспективы изменения структуры населения. Не знаю, насколько это помогло развитию города, но причастность к усилиям сделать его лучше греет до сих пор.

Другой задачей, которую мы пытались решать, была координация муниципальных программ. Знаете, именно тогда я убедился, что анекдоты рождаются не на пустом месте, а то и сами формируют действительность. «Мэрские» ведомства — комитеты — жили в параллельных реальностях: планы одного никак не стыковались с другим. После первого анализа мой начальник делал доклад на ВАКе (высшей административной комиссии — своего рода надстройка над всеми структурами администрации) и зачитывал список улиц города, по которым предполагалось положить асфальт, а через год — водопровод. Говорят, тогдашний мэр орал так, что было слышно двумя этажами ниже. Самое забавное и грустное было в том, что обе программы были взаимно согласованы профильными комитетами. Таких примеров было довольно много, даже удивительно, как Иркутск при таком подходе довольно спокойно пережил 90-е — в городе не было ни веерных отключений, ни серьезных коммунальных аварий. Но попытки выстроить систему согласований и координации успешно провалились: по наивности и неопытности в административных играх мы предложили логичную, как нам казалось, схему. Все профильные программы передавать нашему управлению

для согласования с уже действующими и перспективными планами. И никак не могли понять, почему практически все структуры мэрии принимали это предложение в штыки. Мысль о том, что нас воспринимают, как конкурентов пришла сильно не сразу...

Самой масштабной, наверное, задачей была разработка программы празднования 350-летия Иркутска. Дело было, конечно, не в празднике, а работавшей тогда схеме получения прямого федерального финансирования на развитие города. Самым сложным было разобрать и как-то систематизировать идеи депутатов городской думы, представляющие собой тогда пару пачек бумаги, высотой около полуметра каждая. Взявшись их разбирать, я погрузился в красочный и пугающий своим буйством мир депутатских фантазий. Чего там только не было! Одна идея строительства сети «обзорных вышек, соединенных между собой фуникулерами», для того чтобы «иркутяне и гости города обозревали Иркутск с высоты птичьего полета»... Как мы только не комментировали возможность полюбоваться на город из замерзшей напрочь гондолы фуникулера при скромных для Иркутска минус 25 градусах... А строительство зоопарка с «экзотическими африканскими животными»! Были, конечно, и здравые идеи, многие из которых в последние 2—3 года реализуются уже совсем другим составом иркутской администрации. Но больше двух месяцев я то плакал, то смеялся... К лету седьмого года программа была готова, сверстаны годовые планы, предложения о бюджете программы, но все закончилось ничем: конфликт между мэром и губернатором застопорил продвижение программы в Москву. К идее юбилея вернулись лишь пару лет спустя, когда и времени, и ресурсов оказалось заметно меньше, чем могло бы быть.

Вообще, взаимодействие с «депутатским корпусом» было отдельной и крайне невеселой песней. Отношение администрации и думы априорно выстраивались обеими сторонами как затяжная позиционная война, раскрашивавшаяся время от времени показательными стычками. Иного смысла, кроме демонстрации деятельности, большинство таких стычек не имели. Самым сложным для меня было выстраивание диалога с депутатами, упрекавшими администрацию города в выполнении решений, которые они же сами и принимали не далее как несколько месяцев назад.

Работать в администрации становилось все сложнее психологически. При вполне нормальных человеческих отношениях с коллегами крайне угнетала бессмысленность выполняемой работы. Привычка «подбивать бабки» за неделю или месяц показывала, что несмотря на реально высокую нагрузку и постоянную занятость сухой остаток деятельности был мало заметен... Не скажу, однако, что год работы в роли «муниципального служащего» был совсем бесполезен. За несколько месяцев пришло понимание процессуальности работы администрации — должен идти процесс, *show must go on*, а его результат — дело даже не третьестепенное. С этой позиции бюрократическая логика — единственно верная: на любую бумагу главное дать ответ в «установленный» срок почти безотносительно содержания. Главное — держать мяч в воздухе... Полезный опыт оказался — сейчас понимание этой процессуальной логики и навыки письма на канцелярите до сих пор часто помогают при «письменном» общении с разного рода административными инстанциями.

Отработав год в мэрии, я вместе с Николаем Потороченко перешел работать Фонд регионального развития Иркутской области. Такие вне-бюрократические структуры тогда, кажется, возникали во многих регионах, и позволяли губернаторам решать вопросы не разрешимые в рамках правительства. Здесь разрабатывались планы развития проблемных территорий области, с привлечением серьезных экспертов готовилась концепция развития Иркутской агломерации (часть работ делал Центр стратегических разработок «Северо-Запад» Княгинина, Центр стратегических исследований ПФО Сергея Градиrossoвского, привлекались серьезные демографы и географы Никита Мкртчян и Сергей Артоболевский и многие другие). Главное, что здесь нашел для себя – это попытка увидеть реальность и проектировать развитие на ее основе. Интересное было время и работа, но подкравшийся летом 2008-го мировой экономический и региональный политический кризисы привели к постепенному сворачиванию работы Фонда. Помимо знакомств с интереснейшими людьми, здесь начало формироваться представление о жизни власти в двух реальностях: существующей в отчетах и складывающейся на самом деле. Было и трудно, и интересно наблюдать, как серьезные люди во властных структурах пытались разрешить это вполне шизофреническое сочетание объективных процессов и соцреализма в ждановской его трактовке (писать не о том, что есть, а о том, как должно быть). Как постепенно нарастает это разрыв и исчезает само понимание его наличия. Признаком последнего стал постепенное исчезновение заказа на объективную информацию. Если еще в 2008 году просили написать «как надо» и отдельно «как на самом деле», то уже спустя пару лет второй вариант был почти не востребован.

Для меня, однако, кризис прошел мягко и почти незаметно: в мае 2008 года меня пригласили работать административным директором в Межрегиональный институт общественных наук (МИОН) при Иркутском университете. Это был проект ИНО-Центра, финансирувавшийся на паях Минобранауки, Фондом Мак-Артуров, Институтом Вильсона и еще несколькими организациями. Подобных институций было создано девять – от Калининграда до Владивостока, призванных развивать социально-гуманитарные исследования и образование. Тематикой Иркутского МИОНа стала Сибирь и ее место в России и мире. К моменту моего прихода в МИОН его работа шла уже больше пяти лет, сформировалась несколько направлений. Постепенно центр активности сместился в сферу миграционных и диаспоральных процессов, было выиграно несколько больших грантов от Министерства, удалось провести целый ряд больших межрегиональных проектов, о которых я чуть раньше говорил. Это был один из самых полезных для меня периодов – была масса времени (администрирование проектов МИОНа не предполагало включения в университетскую иерархию с вытекающими из нее обременительными обязанностями), быстро расширились контакты, интересы, было ощущение важного внутреннего роста.

Два года назад мне предложили работу в университетской администрации – заведование научно-исследовательской частью. Так что теперь я в составе той самой «вузовской бюрократии», которую так жестко и нередко справедливо клянут коллеги по университету. Но и тут есть другая сторона медали. Если коллеги-преподаватели зачастую обвиняют «университетских чинуш» в увеличении вала ненужных бумаг, видят их как еще одного паразита на теле общества, то я часто ощущаю себя буквально на баррикадах, ограждающих университет от атак из-вне:

со стороны министерства, регионального правительства, массы контролирующих органов всех мастей. Пытались подсчитать с коллегой количество только ключевых «мониторингов» и «информаций», которые подает университет в течение года — перевалило за сотню. Масса распоряжений и рекомендаций, прямо или косвенно подталкивающих университет к невыгодным ему решениям, нередко противоречивые указания дают ощущение неуправляемого процесса, машины пошедшей вразнос...

В этой ситуации наука остается отдушиной и формой эскапизма, который в том или ином виде был мне нужен всегда. Это, конечно, не в полной мере бегство от реальности, скорее возможность отключиться от текучки, попытаться мыслить, а не думать над очередным запросом из министерства. Заниматься наукой в таком режиме, наверное, не самый продуктивный вариант, но счастье, что такая возможность есть.

Можно допустить, что Ваш интерес к миграционным процессам постепенно трансформировался в исследовательскую программу, реализация которой позволила Вам подготовить докторскую диссертацию, которую Вы успешно защитили в октябре этого года. Если это так, пожалуйста, расскажите обо всем поподробнее.

Да, так и получилось. Около шести лет назад я проводил анализ миграционных процессов в пригородном районе Иркутска. Специального интереса именно к пригороду тогда не было — просто небольшой заказ от районной администрации на определение специфики развития мелких муниципальных образований. Помимо анализа статистики там предполагалась серия интервью с работниками муниципальных администраций о развитии поселений. Пользуясь случаем, я добавил в гайд несколько пунктов о присутствии иностранных мигрантов. И вдруг выявились совершенно неожиданные вещи: привычная картинка мигрантов как исключенной, даже стигматизируемой группы не складывалась. Напротив, мигранты (как из постсоветской Центральной Азии, так и из Китая) выглядели хорошо интегрированными, довольно тесно включенными в жизнь локальных сообществ. Выявились устойчивые практики неформального найма мигрантов администрациями, и наоборот — найма местных жителей на работу к мигрантам. Последние случаи оказались довольно широко распространенными в пригородных поселениях, сложились устойчивые речевые обороты, не только фиксирующие такие практики, но маркирующие статус нанимающихся... Словом, оказалось, что отношения мигрантов и принимающих сообществ в пригороде серьезно отличаются от устоявшихся взглядов, описываемых в основном на «городском» материале.

Попытка понять, из чего и почему складываются эти особенности, привела к неожиданному открытию: оказалось, что при формальном отсутствии пригорода у Иркутска (как и у других российских городов), на границе города и сельского района стремительно разрастается очень интересное пространство — не сельское и не городское. В первых же интервью, которые я попытался взять у жителей пригородных поселков, всплыли интереснейшие определения своего места жительства: «ни к селу, ни к городу», «село городского типа», «не городской «спальник» города». Да и визуально пригородные поселки заметно выбивались из привычной «колхозной пасторали», не повторяя при этом ни «частного сектора» городских районов, ни краснокирпичных коттеджных поселков «ново-

русского периода». Главным ресурсом их роста оказались вовсе не мигранты из сельских районов, а горожане, перебирающиеся сюда на постоянное место жительства. Это совершенно не вписывалось в образ пригорода, как «аэродрома подскока» для сельских жителей, стремящихся в крупный город. Невольно стали всплывать образы «страны пригородов», которые на первый взгляд плохо совмещались с сибирскими реалиями.

Закономерно появилось желание понять, что же это такое — современный пригород? Феномен это Иркутска или более масштабное явление? Как возникают и чем живут пригородные сообщества? Постепенно стала складываться картина особого социального пространства, находящегося «в тени»: отсутствующего де-юре, формирующегося и функционирующего, преимущественно, на основе неформальных практик (экономических, властных), и, как правило, невидимого для государства. Интервью с «муниципалами», сопоставление полевых наблюдений и статистики сложились в картину двойной реальности у властных структур («по отчетности» и «по факту»)… «Другая реальность» обнаружилась и при попытке анализа пригородной тематики в местном медийном пространстве: хотя пригород стал привычной повседневностью иркутян, в региональных изданиях пригорода, фактически, не было.

Мне показалось, что за частным случаем, который я наблюдаю в Иркутске, присутствует масса интересных процессов и проблем. Затем, наверное, как в любом исследовании: чем дальше, тем больше вопросов, новых поворотов. Да и само противоречие, когда существующее по факту явление формально полностью отсутствует, оказалось весьма интригующим. Встреченные же в публикациях маститых географов и урбанистов утверждения, что предпосылок, почвы для развития субурбанизации в России пока нет, еще более подогрели мой интерес.

Удачно сложились и возможности для «поля»: в администрации пригородного района оказались хорошие знакомые, с которыми мне довелось работать раньше. Это позволило войти в «поле» не только на земле, но и «сверху»: получилось выстроить целую серию интервью с одними и теми же людьми «во власти» на протяжении нескольких лет. Такой лонгитюд оказался и полезен, и увлекателен — крайне интересно наблюдать, как меняется представление управленцев об объекте управления, как рефлексиируют по поводу необходимости втискивать реальную картину в прокрустово ложе «форм», «справок», «информаций», буквально конструировать иную реальность. Вообще то, что формирование пригорода — динамично развивающийся процесс, на мой вкус, добавляет интереса, вносит какую-то важную интригу, дает ощущение очевидца событий. Это очень добавляет драйва, без которого я плохо представляю науку.

Так, проблематика обозначилась. К каким теоретическим выводам Вы пришли относительно форм, многообразия пригородных зон Сибири? Есть ли специфика рассмотренного Вами процесса в Европейском и Дальневосточном регионах? Каково будущее пригородных зон? Можно ли и как этим процессом управлять?

Честно говоря, я не пытаюсь построить всеохватной типологии пригородов. И мне крайне сложно сравнивать пригороды восточной и европейской части страны — круг публикаций по пригородной тематике у нас пока невелик, а возможности для «поля» серьезно ограничены. Потому пока я ограничился пригородами сибирскими, сравнивая формирующиеся за счет сельско-город-

ской миграции (яркий пример — пригороды Улан-Удэ, центра Бурятии), дачные пригороды советского времени и пригороды, формирующиеся за счет субурбанизационной миграции.

Я попытался сосредоточиться на новой модели пригорода, связанной с движением горожан за пределы города. Мне представляется продуктивным взглянуть на формирующиеся на основе такого движения пригороды как на сообщества транслокальные, складывающиеся и живущие за счет эксплуатации границы между городом и сельском как главного ресурса. Ресурс этот, как мне кажется, чрезвычайно масштабен и многообразен, и далеко не исчерпывается разницей тарифов, уровнем цен и доходов. Едва ли не более важным, чем эти различия, становится включение во взаимодействие с локальной (номинально — сельской) властью «городских» социальных сетей, использование в построении пригородной системы отношений «городских» статусов. Значительная часть локальных бизнес-схем строится на основе городского опыта, сформированных ранее практик, связей, отношений. Вместе с тем, это и не простое расширение города: пригород вписывается в систему социальной организации, номинированной и структурой административно-территориального деления, и системой управления, и организацией физического пространства. В результате, формируется пространство, тесно связанное как с городом, так и сельским пространством, но не тождественно ни одному из них.

Маргинальность этого транслокального пространства, однако, не означает его временность, не предполагает абсорбацию пригорода городом в обозримой перспективе. Напротив, мне кажется, что существующая в России жесткая система структурирования регионального пространства, в том числе и через организацию властного поля, обеспечивает сохранение ресурса для развития подобных пригородных сообществ. Мне представляется, что развитие подобного типа пригородов может в значительной мере компенсировать бедность российской урбанизированной среды, стать в какой-то мере альтернативой малым городам, заполнить лакуну в поселенческой структуре.

Но здесь важно еще одно обстоятельство: подобный пригород и его сообщество возникает и динамично развиваются в условиях, когда государство «не видит» их. Пока новый феномен вписывается властью в устоявшийся и номинированный образ, без учета объективных процессов, две «карты» пространства — сложившаяся «благими намерениями государства», и формирующаяся реально, «снизу» успешно сосуществуют. Не случайно в большинстве сфер повседневности пригорода преобладают неформальные практики. Попытка «увидеть» пригород, так или иначе выделив его из дихотомии город-село, приведет, как мне кажется, к исчезновению главного ресурса существования пригорода.

С этим связаны, на мой взгляд, возможности и ограничения управления этим процессом. Эффективными могут быть только косвенные меры, а более привычное российском властному менеджменту прямое вмешательство будет мало эффективным...

Как бы Вы могли описать людей, заселяющих пригороды? Что это за социальная общность, из кого она формируется? Как там вырабатываются правила, механизмы самоуправления?

Люди, заселяющие пригороды, наверное, самый интересная для меня тема. Во-первых, это очень неоднородная группа. Если в Штатах, например, пригороды долгое время (особенно в период формирования) были в значительной мере социально однородны, то в нашем случае переселенцы в пригород — очень разнообразны. Здесь и бизнес (мелкий и средний), и преуспевающие представители «свободных профессий», интеллигенция, квалифицированные рабочие и т. д. Поскольку построить дом в пригороде зачастую оказывается заметно дешевле, чем купить квартиру в городе, в пригородные поселения перебираются и семьи с относительно небольшими доходами, даже неполные семьи... В результате складывается своеобразная группа жителей пригородов («пригорожан»), аналога которой в современной России, как мне кажется, найти довольно сложно. Высоко гетерогенная, она довольно быстро консолидируется, формирует представление о себе как о «горожанах, сбежавших из города», обособляя себя как от города, так и сельского «мира». Интересно складывается и система отношений внутри этой группы и на ее границах. С одной стороны, в противовес традиционным для сельской местности неформальным кланово-родственными отношениями, взаимодействие заметно формализуется: в повседневность входят практики официальных запросов к властным структурам, «подключение» разного рода контролирующих инстанций для «решения» тех или иных проблем. С другой стороны, привычные для горожан дистанции здесь стремительно сокращаются. Переселенцы из города открывают для себя соседей — не в качестве малознакомых «вредителей из-за стенки», но как членов одного сообщества. Мне представляется важным и достаточная открытость таких сообществ: в них достаточно легко инкорпорируются представители новых групп и сообществ, те же трансграничные мигранты, например. Быстро актуализируются и развиваются сетевые отношения, включающие помимо собственно «пригорожан» жителей города и прилегающих к пригороду «традиционных» сельских поселений.

Особенно динамично это процесс идет в небольших пригородных поселках, где производство такого соседства рефлексивируется самими его участниками: с этой целью создаются специальные общественные пространства (например, пруд с зоной отдыха, куда могут попасть только жители поселка), организуются совместные работы и праздники. Это в прямом смысле конструирование сообщества, причем это очень динамичный процесс, который можно отследить в начальных этапах до каких-то результатов на протяжении нескольких лет. Здесь очень рельефно проявляется формирование «альтернативной власти», представляющей собой, как мне кажется, подлинное местное самоуправление. Будучи формально включено в вертикаль муниципальных администраций, фактически такое сообщество действует через неформальных лидеров, не обладающих зачастую формализованными статусами.

Дать обобщенный портрет жителей пригородов поэтому довольно сложно. Но, как мне кажется, их общей характеристикой может быть несколько не социологический термин — «человек фронта». Такое описание, на мой взгляд, очень емко характеризует специфику отношений, складывающихся здесь, включая ориентацию на неформальные практики, открытость, предприимчивость и многое другое. Конечно, применительно к современной России термин «фронт» звучит несколько непривычно, тем более для социолога, но в американской

традиции исследований субурбии, насколько я понимаю, он вполне принят... Да и других направлениях социологических исследований он появляется все чаще — взгляд Сильвии Сассен на мегаполис как фронтир, например.

Вы родились в 1973 году, менее месяца назад защитили докторскую диссертацию по социологии, т.е. многое сделано. А какими Вам видятся Ваши ближайшие годы? Есть ли желание сменить тематику исследований, хотелось бы провести несколько лет в европейских или американских университетах?

Не могу сказать, что у меня есть точный план на будущее. Скорее оно определяется сложившимися и новыми научными интересами, выстраивающимся партнерством с коллегами. Безусловно, пригород останется одним из центральных сюжетов для меня. Сейчас, например, начинаю очередной такт работ, связанный с повседневностью пригорода. Есть задумки по более глубокому анализу неформальной пригородной экономики. Одновременно приходят новые темы, связанные с миграционной тематикой. Вместе с Виктором Иннокентьевичем Дятловым и несколькими коллегами летом — осенью этого года сделали пока небольшой проект по изучению механизмов этнизации городского пространства, прежде всего, через «этнические» рынки. Подготовили по его результатам специальный номер университетского журнала, который должен выйти из печати к новому году. И, думается, у этого проекта будет продолжение. Есть масса интересных сюжетов по социологии Иркутска, прежде всего, о развитии сообщества городского района, сложившегося как поселок при авиазаводе, своего рода — город в городе, постепенно открывающийся городу и миру...

Очень много спонтанных тем, которые рождаются случайно, внепланово. Осенью так внезапно родилась совместная статья с Леонидом Бляхером о границе и ее приходе в сообщества, живущие далеко от рубежей страны. Множество полу-авантюрных идей и проектов рождаются в кулуарах конференций и семинаров, а, как известно, часто самые авантюрные идеи дают самые интересные результаты. Вообще, чем дальше, тем больше захватывает дух такого доброкачественного авантюризма, который не понятно куда вынесет.

Несколько лет в зарубежных университетах — это, конечно, очень заманчиво. Конечно, хотелось бы. Возможности таких стажировок как-то прошли мимо меня в девяностые — начале нулевых. Но несколько поездок в Карлов университет в Праге, Центрально-Европейский университет, к коллегам в Японию дали вкус к таким визитам, да и с практической точки зрения — это был хороший толчок в работе. Хотя, честно говоря, специально этим вопросом я пока не озадачивался — последний год-полтора было не до масштабных планов на будущее.

Да, это понятно. А не могли бы Вы кратко описать Иркутскую социологическую жизнь? Есть ли в городе другие социологические кафедры? Есть ли кандидатские, докторский Совет? Какие возможности с публикациями? К каким городам региона Вы тяготеете?

Социологическая жизнь в Иркутске, конечно, есть, но она очень разная и разрозненная. На мой взгляд, более или менее консолидированного сообщества, даже просто «тусовки», не сложилось. Есть скорее несколько более или менее локальных социологических сообществ, выстраивающих свои профессиональные связи с другими городами и странами самостоятельно. Наверное,

старейшей социологической структурой города является кафедра социологии и социальной работы Байкальского университета экономики и права (бывший институт народного хозяйства). Здесь еще, если не ошибаюсь, во второй половине 60-х — начале 70-х была создана социологическая лаборатория, на базе которой проводились первые исследования «рабочих кадров». Где-то на рубеже 80—90 появляется и кафедра, аспирантура. Основной тематикой здесь остается рынок труда, потому исследования проводятся преимущественно эконом-социологические с явным преобладанием экономики. В моем университете работает институт социальных наук, появившийся в середине девяностых. Здесь самые интересные работы, как мне кажется, делает Олег Кармадонов и его ученики по проблемам социологии символа, социокультурной солидарности... Есть кафедра социологии и социальной работы в технического университете, но с ее коллективом я почти не знаком.

Пожалуй, самые интересные персоналии и организации, работающие в социологической сфере, в Иркутске сложились вне вузов и академических центров. Одним из первых появился Исследовательский центр «Внутренняя Азия», созданный Виктором Иннокентьевичем Дятловым, в начале двухтысячных. Центр занимался региональными исследованиями в сфере этнокультурных и этномиграционных процессов, делал большие проекты при поддержке Фонда Форда в Сибири, Казахстане, Киргизии, Монголии. Сейчас Центр, фактически, перешел в университет.

Из проектов Дятлова того же времени выросла еще одна, успешно работающая до сих пор, организация — Центр независимых социологических исследований и образования. В 2000—2002 под руководством Виктора Иннокентьевича в ИГУ выполнялся грант Форда «Этнополитическая ситуация в Восточной Сибири: мониторинг и анализ». Из одного из направлений этого проекта и коллектива, работавшего над ним, в 2002 г. появляется названный центр, которым руководит Михаил Рожанский. Насколько я знаю, ЦНСИО тесно связан с Центром Виктора Воронкова, поддерживает тесные связи с французскими социологами, демографами, историками, массой коллег из других регионов и стран. За последние 5—7 лет они провели много интересных работ, сделали несколько очень интересных книг по проблемам малых моногородов, современным университетским сообществам. В последние несколько лет очень интересным направлением стали работы Рожанского и его коллег в сфере исторической памяти. Но, наверное, самая большая работа Михаила Яковлевича — это неформальное социологическое образование. ЦНСИО постоянно делает самые разные образовательные проекты: от летних школ до «воскресного лектория», проходящего по субботам. Я бы сказал, что если университетские центры серьезно дистанцированы друг от друга, то ЦНСИО — едва ли не единственная площадка, где встречаются коллеги из самых разных структур. Нельзя, конечно, сказать, что все работающие в социологической и «около социологической» сфере, связаны с ЦНСИО. Но его важнейшая роль в социологической в широком смысле жизни региона несомненна.

Возвращаясь к формальной стороне дела: аспирантура по социологии есть, кажется, во всех крупных вузах города. Исключение, наверное, только медицинский. А вот советов в городе по социологии нет. Одно время работал совет по социальной философии в нашем университете, но он прекратил работу

еще до моего прихода в ИГУ. Защиты каждый вуз выстраивает по своим наработанным схемам, что во многом определяет характер диссертаций и подходы. Университетские диссертации по социологии, как правило, защищаются в Улан-Удэ, где привычны очень формализованные количественные исследования. В других вузах существует другие наработанные схемы, «намоленные места» для защит. Так же и с публикациями: разумеется, есть несколько иркутских изданий, входящих в пресловутый ваковский список (правда, к лету следующего года этот список, видимо сильно сократится в связи с новыми требованиями), где публикуются аспиранты и коллеги. Публикации за пределами региона довольно сложны и нередко дороги. Центральные журналы — особая проблема не в силу даже качества текстов (хотя и это то же большой вопрос), но часто в силу отсутствия «выходов» на редакции. При самой независимой и непредвзятой позиции редакций рекомендации и знакомства продолжают быть значимым фактором...

Это создает серьезную, как мне кажется проблему и характеристику региональной социологии (по крайней мере, у нас). Университетская наука требует формализации статусов и значит защит. Неширокий и в последние пару лет быстро сокращающийся спектр советов, с которым налажены связи, заставляет выстраивать работу «под требования» советов. Диссоветы же в нынешней свистопляске министерских оптимизаций стараются не выходить за пределы устоявшихся и работающих шаблонов, и, едва ли не главным становится пунктуальное, если не больше, соблюдение формальных требований к диссертациям. В этом смысле мне сильно повезло (похоже, я вообще довольно везучий человек) защищаться в хабаровском совете, где мои «качественные» разработки нашли понимание. Да и в целом, выход за пределы устоявшихся вузовских связей чаще и легче всего происходит за пределами вузовской науки, на личных связях и отношениях. Я бы сказал, что вообще все самое интересное в нашей науке получается на неформальных человеческих связях и отношениях. Эта составляющая «провинциальной» науки — как раз то, что выпадает из известной схемы «аборигенной и туземной науки» Михаила Соколова и Кирилла Гитаева. И именно эта составляющая, как мне кажется, является более значимой, нежели формализованная «научная жизнь» провинции. Если можно так выразиться, только за пределами этой «формы» и идет настоящая жизнь...

Мне кажется, что пока мы обошли вниманием Вашу преподавательскую деятельность. Прежде всего, в целом, какова сейчас Ваша учебная нагрузка? какие курсы Вы в последние годы разрабатывали и вели?

И второе, что Вы могли бы сказать о Ваших сегодняшних студентах? Что их интересует в социологии? Каковы их перспективы найти работу по специальности?

Нагрузка у меня не велика — поскольку я совместитель, то всего три курса в год, и есть возможность читать то, что самому интересно и нравится. Это четыре занятия в неделю в осеннем семестре, и по два — в весеннем. После казахстанского опыта — просто праздник какой-то. Поскольку преподаю я на отделении политологии, то и все мои курсы, так или иначе, привязываются к политологической тематике: два курса связанные демографией региона и один — политическая регионалистика. Первые два связаны с моими интересами в демографической проблематике, и я их сам предлагал, когда формировался учебный план по политологии. Последний (регионалистика) появился у меня скорее по просьбе

заведующего кафедрой — нужно было срочно «подхватить» курс и поначалу не особенно нравился мне, был в советском смысле «нагрузкой». Но постепенно получилось развернуть курс от классического политологического содержания в сторону социологического взгляда на регион. Поскольку читаю регионалистику на первом курсе, то едва ли не главной задачей ставлю «ломку шаблона» у ребят. Иногда это и вправду становится ломкой, когда приходит понимание, что нет данности, что регион — это во многом конструкт, подвижная такая сущность. Плюс много читать приходится им, поскольку неизбежно подключается и социологическая литература.

Студентам, конечно, бывает сложно, поскольку параллельно идут другие курсы, где все те стереотипы, которые я пытаюсь преодолеть, используются как базовые понятия, такой раздрай получается. Все-таки совместить идеи, например, Скотта с учебниками политологии (особенно «региональными») бывает не просто... Но мне думается, что лучше сразу, на первом курсе дать понимание не шаблонности жизни, представление о том, что реальность далеко не всегда совпадает с формулировками из учебников и данными официальных документов... Это наверное как раз из моего «мэрского» опыта вырастает, какое-то подспудное желание если не ликвидировать эту немного шизофреническую картину мира во власти, то хотя бы подтолкнуть к пониманию наличия проблемы как таковой...

И, конечно, это возможность самому размышлять. Что мне нравится в работе со студентами — возможность размышлять в диалоге, пусть даже в режиме учебной аудитории. Поскольку моя научная проблематика хорошо укладывается в учебные курсы, довольно часто получается обкатывать какие-то идеи, проговаривать их, пробовать на зуб аргументацию. Бывает именно со студентами интересно проговорить свежую идею — приходится максимально точно формулировать, объяснять несколько раз и с разных стороны. И по анекдоту: даже если студенты с третьего объяснения не поняли, то хотя бы сам понимать начал...

В это смысле, я не разделяю частого скепсиса коллег в отношении нынешних студентов и особенно студентов-политологов. Конечно, есть влияние специфики отбора, часто самые интересные и одаренные ребята уезжают «в столицы». Сказывается и конъюнктурные моменты — чиновничество как профессия (именно так его нередко определяют студенты) весьма и весьма привлекательно. Но часто приходят очень интересные ребята: думающие, открытые к небанальным подходам и идеям. Правда к третьему-четвертому курсу многие из них встраиваются в основное русло нашего политологического образования и часто уже говорят на канцелярите. Поэтому очень рад, что встречаюсь со студентами на первом курсе, когда есть возможность сразу их «отравить» возможность думать иначе. Когда к нам в Иркутск приезжают коллеги, почти всегда «эксплуатируем» их в формате лекций или ходя бы неформальных встреч, и всегда стараюсь привести на эти встречи первокурсников. Пару лет назад у нас прочитал недельный курс Леонид Бляхер и нынешние мои третье- и четверокурсники до сих пор помнят его, кое-кто пробует использовать идеи в курсовых, дипломных. Думаю, что без встречи с ним и той ломки, которая случилась на первом курсе, вряд ли бы они эти идеи восприняли.

Кстати, большой проблемой при работе со студентами-политологами (а по отзывам коллег — и социологами) оказывается внеисторичность их образования и мышления. Это довольно странно: профильный экзамен по истории присутствует на обеих специальностях. И дело даже не в объеме исторических фактов — часто этот багаж довольно большой — а понимания преемственности процессов и событий. Любой анализ региональной ситуации, будь то в политологической или демографической плоскости, они почти интуитивно выстраивают по принципу «здесь и сейчас», «раньше ничего не было». Возможно, это режет мне глаз потому, что «в девичестве» я историк, но думается, что причины все же глубже, в том числе и в большом поколенческом разрыве с родителями, возможно, стремительного изменения мира, оставившего мало работающих связей с прошлым... В этом смысле показательна часто встречающаяся у моих студентов ностальгия по «советскому» — полностью новому конструкту, никак не связанному ни с опытом родителей, ни с советскими образами (хотя бы кино- или литературными).

Но самое сложное для меня в работе со студентами — это довольно часто встречающаяся боязнь самостоятельно думать. Отсюда и желание не понять, а угадать правильный ответ, и шок от того, что правильного, единственно верного, ответа может не быть, и готовность легко принять плоскую картину мира. Но все же это, как мне кажется, не поколенческая черта, скорее проблема среды. Есть и другая проблема для меня как для преподавателя — ставшая популярной модель самопиара, активность ради заметности, узнаваемости. Для меня всегда важно соотношение формы и содержание, и форма, не наполненная осмысленным содержанием, меня как-то не вдохновляет. Для ребят же часто красивая форма, возможность ярко выступить, показать себя (даже не сказав ничего содержательного) оказывается важной сама по себе. Попытка обсудить смысл подобной активности, ее инструментальность, понять «зачем?», часто оказывается диалогом эскимоса и папуаса... Понятно, что за этим есть более или менее осмысленная стратегия, в той или иной степени рефлекслируемая, но смысл и ценность организации того или иного «ивента», от меня иногда ускользает как оттенки снега в определении эскимоса от жителя южных морей.

Но все-равно со студентами мне интересно. Интересно потому, что разные, потому, что другие, потому, что уже есть дистанция, но она еще не в два поколения. Да и просто нравится мне приходить к ним. Особенно если не по четыре лекции каждый день.

Спасибо, Константин, Ваш рассказ очень содержателен.

Интервью с Владиславом Павловичем ЗАСЫПКИНЫМ

«В итоге, поскитавшись во Франции около трех месяцев, я вернулся в Сургут»

Засыпкин В. П. — окончил Тюменский государственный университет, доктор социологических наук, первый проректор Сургутского государственного педагогического университета, председатель Югорского отделения РОС. Сургут. социология образования, методология опросов, сравнительный анализ образовательных систем России и зарубежных стран, социолингвистика. Интервью состоялось в 2014 г. .

Интервью с Владиславом Павловичем Засыпкиным продолжалось менее пяти месяцев, это — очень короткий срок, тем более, что лично мы не знакомы. Рассказанное им о себе впечатляет своей внешней простотой, естественностью, своеобразной «линейностью» и одновременно раскрывает перед нами образ современной, целеустремленной личности, молодого, но уже много сделавшего и набирающего силу исследователя. Любовь к французскому языку привела юношу из интеллигентной сургутской семьи на филологический факультет Тюменского университета. Получив солидную филологическую и лингвистическую подготовку и приобретя переводческую практику во Франции, он подготовил кандидатскую диссертацию, связанную с вопросительными предложениями во французском и испанском языках. Позже это помогло ему найти нетривиальные подходы к анализу конструкции вопросов социологических анкет. Но в социологию его привели преподавание иностранных языков и участие в ряде прикладных исследований в области образования. Несколько лет назад он защитил докторскую диссертацию по социологии образования и теперь совмещает свои теоретико-эмпирические поиски и разработки с большой педагогической и организационной деятельностью на посту первого проректора Сургутского государственного педагогического университета и председателя Югорского отделения РОС.

Владислав Засыпкин — молодец, он принадлежит к шестому поколению советских/российских социологов. У него многое впереди, и уверен, он еще многое сделает и в науке, и на ниве подготовки социологических кадров.

Засыпкин В. П.: «В итоге, поскитавшись во Франции около трех месяцев, я вернулся в Сургут»

Владислав, сейчас Вы живете в Сургуте... Вы и родом из тех краев? Пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье...

Я родился в Тюмени 20 октября 1971 года. Это мой родной город, у меня с ним очень много связано. А в Сургуте я с 1976 года, приехал с папой и мамой, точнее, они меня привезли, после того, как в семье моими родителями было принято окончательное решение перебраться на север (папа уже тогда работал в Сургуте больше года). С тех пор Сургут – мой второй родной город. Здесь меня водили в детский сад, здесь я окончил школу, здесь я отслужил в армии, вернувшись из Тюмени после университета в 1994 году. Теперь в Сургуте у меня работа, семья, коллеги, друзья. Таким образом, если не считать пятилетний университетский период моей учебы в г. Тюмени, то в Сургуте я почти всю свою сознательную жизнь.

Интересен тот факт, а я узнал об этом уже взрослым, что тогда в середине 70-ых мои родители стояли перед серьезным выбором, поехать ли им на комсомольскую молодежную стройку в Сургут или в Припять, на всесоюзную стройку в совсем тогда ещё молодой только отстраивающийся город. Скажу сразу, что Припять рассматривалась ими очень серьезно. Во-первых, в новом молодом городе у молодых семей было гораздо больше возможности получить хорошую работу и, что самое главное, жилье, во-вторых, у папы украинские корни (его мама, моя бабушка из Николаевской области), в-третьих, там теплее и комфортнее. Но ... победил Сургут, он ближе к Тюмени, да и все родственники тоже рядом. Вот так, сибирские и уральские корни моих родителей взяли верх.

Моя мама, Людмила Николаевна Засыпкина, до замужества Медведева, родилась в Омске. В середине 50-х с родителями переехала в г. Тюмень, где окончила школу и Тюменский педагогический институт, и к тому времени, в 70-х, уже несколько лет работала учителем истории. Папа, Павел Николаевич Засыпкин, родился в Свердловске, он также в конце 50-х с родителями переехал в Тюмень, где, впоследствии, учился в военном училище, но, не окончив которого, стал работать на Тюменской ТЭЦ. Мои родители поженились в 1970 г. Они могли бы остаться в Тюмени, причем, для этого были все возможности, их родители (отцы, оба фронтовики) занимали руководящие должности на все той же Тюменской ТЭЦ, а вот мамина мама, моя вторая бабушка, уже не один десяток лет работала в системе образования г. Тюмени учителем начальных классов. Мои родители были молоды, у них было огромное желание сделать что-то самим и с самого начала. Их родители поддержали это желание. Вот так я и оказался в Сургуте. Сегодня, мои папа и мама, отработав по тридцать с лишним лет на севере, вернулись в Тюмень, они теперь на пенсии, воспитывают внуков, с ними уехала моя родная сестра, у неё в семье двое детей.

Вспоминая то время, я бы сегодня сказал, что у нас была типичная советская семья: мама – учитель истории, папа – водитель, я – пионер, сестра – октябренок. Жили мы в типовой двухкомнатной квартире московского проекта в центре города, а вокруг был с нуля строящийся город. Мама периодически говорила

отцу: «Павлик, мы с тобой живем на стройке». Действительно так и было, старый Сургут с его деревянными застройками и деревянными тротуарами уступал место пятиэтажным панельным типовым новостройкам, возникавшим с невероятной скоростью. Город строился микрорайонами: «Энергетик», «Строитель», «Нефтяник», «Геолог» и т. д. В каждом микрорайоне был свой центр с площадью и Домами культуры, поэтому все жители Сургута всегда говорили, что живут в «центре», других мест просто не было. Если и были, то страшные окраины, застроенные «балками». Это сегодня Сургут – современный город с хорошей транспортной инфраструктурой, раньше все было по-другому. Вдобавок к этому очень короткое лето и почти сразу зима. Снег ложится уже в октябре, а последний тает во второй половине мая, и все это на фоне короткого светового дня, поэтому благодаря отцу основным активным времяпровождением у меня был зимний спорт (хоккей, лыжи и, даже, горные лыжи).

Папа очень спортивный человек, ещё в Тюмени профессионально (если можно так сказать о том времени) занимался русским хоккеем и футболом, играл за городскую тюменскую команду «Рубин». Любовь к спорту, точнее к регулярным физическим нагрузкам, привил мне именно он. Папа и мама много читали, и поэтому нехватки книг в доме не было. Доступ к литературе и возможность её выписывать и покупать, которые были у отца (книгами у него на производстве, по-моему, занимался профком), служили своеобразной компенсацией очевидной нехватке культурной составляющей в молодом городе. Дома читали русскую и зарубежную классику, обязательным атрибутом библиотеки была серия «Жизнь замечательных людей». У мамы была неплохая историческая библиотека по древней и российской истории, это и «Жизнеописания» Плутарха, «История Рима» Т. Моммзена, позднее появились «Очерки по истории римской империи» Р. Виппера. Ключевский соседствовал на полке с многотомным академическим изданием «Истории СССР» и трехтомником «Истории КПСС». Были отдельные издания Маркса, Энгельса и Ленина, в середине 80-х у мамы появилось много «перестроечной» и другой общественно-политической литературы. Родители всегда выписывали много газет и журналов: «Литературная газета», «Роман-газета», «Учительская газета», «Труд», местные издания и, конечно же, «Советский спорт» для папы и «Пионерская правда» для меня и т.д. Был и самиздат, точнее перепечатанный на пишущей машинке Солженицын, Булгаков, Войнович, анекдоты И. Губермана, эпиграммы В. Гафта, в доме слушали записи В. Высоцкого. Мои родители никогда не были в партии, более того, маминого отца в конце 50-х исключили из КПСС, так как он, будучи председателем колхоза, отказался сеять кукурузу в сроки указанные партией. Позже его восстановили. Вообще вольнодумие в доме было в чести, хотя к власти всегда относились с уважением. Все это идет от моего любимого деда «бунтаря», маминого папы Николая Тимофеевича Медведева.

Возвращаясь к теме книг, не скажу, что я читал днями напролет, много времени занимала школа, спорт, пионерская, а затем и комсомольская общественная работа. Вместе с тем литература и чтение – это то, чему мои родители и я, благодаря им, уделяли очень много времени. Много из прочитанного в доме обсуждалось и рассказывалось. Необходимо сказать, что несмотря на рабочую профессию моего отца у нас, все-таки, в большей степени была учительская семья. Авторитет интеллектуального труда в доме был незыблемым.

А в целом, как бы Вы сегодня, уже будучи социологом, как охарактеризовали социальную, информационную, интеллектуальную обстановку Сургута 1970-х – первой половины 80-х?

Несмотря на возраст (а Сургут возник во второй половине XVI века как казацкий острог и в разные периоды своей истории становился даже уездным городом), его население до индустриального освоения было малочисленным, что, кстати, стало одной из причин потери им городского статуса на заре советской власти. В 70-ые и 80-ые из небольшого заштатного села он превращается в серьезный индустриальный город с населением в четверть миллиона человек. Этот период принято называть вторым рождением города. Сургут становится крупным многонациональным городом, собравшим молодое трудоспособное население со всего СССР.

Сургут принимал всех. Кроме нефтяной и газовой отраслей здесь очень интенсивно развивается энергетический комплекс, строительная отрасль, транспорт. До 1975 г. в Сургут можно было добраться только малой авиацией или водным транспортом, а зимой ещё автомобилем по «зимнику». Только в 1975 г. в городе запущена железнодорожная ветка, связывающая его с югом Тюменской области и Транссибом. Параллельно интенсивно развивается социальная сфера: детские сады, школы, профтехучилища, больницы, учреждения культуры, досуга, дополнительного образования детей (музыкальные и спортивные школы), кино-театры, библиотеки, Дома быта и т.д.

Многие из тех, кто приехал в город, как тогда говорили, «за длинным рублем», оседают в Сургуте, создают семьи. Правда, по данным различных опросов, которые проводились и проводятся в городе и округе, до 50% проживающего здесь населения не планировали и не планируют связывать своего будущего с Югорским севером. «Временщики» - так здесь называют тех, кто ходит с обратным билетом в кармане.

Вопрос сохранности генофонда, закрепления в Югре населения, всегда стоял очень серьезно. Это было объективной трудностью, дело в том, что кроме работы по узкопрофильным промышленным специальностям (нефтяник, газовик, геолог, строитель и т.д.) здесь молодежи больше нечего было делать. Был и определенный информационный голод, кроме местной газеты «К победе коммунизма», все центральные, даже тюменские, такие как «Тюменская правда», например, приходили в Сургут с суточным опозданием, т.е. мы всегда читали вчерашние газеты, которые вдобавок получали только после обеда или вечером, журналы же приходили с опозданием в месяц. Основным источником свежей информации было радио и телевидение. Информационно-культурный и социально-культурный слой в городе был очень тонким. Первый вуз появился только 1995 году, до этого выпускники школ массово уезжали учиться, как тогда говорили, на «большую землю», которая чаще начиналась с Тюмени и Свердловска. Именно там были музеи, театры, художественные галереи. Туда всегда стремились. Сургуту было не до этого. Летом и осенью сургутяне занимались заготовками продовольствия на предстоящую зиму: рыба, ягоды, грибы. Дачные участки появлялись медленно и не у всех, поэтому с большой земли везли почти все: овощи, фрукты, мясо и, все те же, ягоды и грибы.

Культурный досуг горожан, в особенности работающей и учащейся молодежи, был незатейливым. В каникулы – это кинотеатр. В Сургуте в то

время их было целых два. Школьникам выдавали абонемент на детские сеансы (10 маленьких синих билетиков по 10 копеек). Мама в школу в последний день занятий перед каникулами для этого давала целый рубль, насколько помню, билеты распространяли в школах централизованно. Фильмы для детей шли до обеда, после обеда и, тем более, вечером в кинотеатр детей уже не пускали. Для тех, кто был старше, организовывались развлекательные мероприятия в Домах культуры микрорайонов города. Именно тогда в Сургуте стали зарождаться самодеятельные народные, да и не только, танцевальные и музыкальные коллективы, которые сохранились в городе и сейчас, и приносят ему славу на всероссийских танцевальных и музыкальных площадках. В Сургуте действовали музыкальные школы и единственное на севере музыкальное училище, в котором готовили педагогов и исполнителей. Досуг и отдых горожан большей частью был коллективным. Так, для Сургута были характерны общегородские субботники по озеленению города. В них активное участие принимали все жители, что называется «от мала до велика». Нельзя не сказать об общегородских ежегодных демонстрациях 7 ноября и 1 мая, праздниках на Новый год, Масленицу и т.д. Кроме того, в большой городской праздник превращались различные выборы в городской и районные советы и т.д.

Оторванность от цивилизации здесь ощущалась очень остро, и это касалось не только информационной и культурной составляющих, хотя их не хватало в большей степени, но и многие материальные блага всегда здесь были большим дефицитом. Правила доступа к ним были такими же, как тогда и во всем Советском Союзе. 70-ые и 80-ые – это период, когда в Сургуте можно было сделать только профессиональную карьеру производственника или комсомольского работника. В это время Сургут – не только город молодых, но и город постоянно обновляющегося населения, собственные пенсионеры, точнее, пенсионеры – как социальная общность, появляются здесь только в 90-ые и вместе с ними и вся соответствующая социальная инфраструктура. Местное постоянное население Сургута формируется медленно. Многие из тех, кто достигал пенсионного возраста, возвращались на свою родину, другие уезжали, не дожидаясь этого. Причины разные: и климат, и географическая удаленность, и многое другое, о чем я уже говорил. Тогда прошло ещё очень мало времени для того, чтобы Сургут стал комфортным городом для проживания всех категорий граждан.

Как припоминаются школьные годы, учителя, какие были интересы?

Школьные годы вспоминаю с удовольствием. Скажу больше, мне всегда нравилось учиться, и я делал это с увлечением. Секции и кружки, которые я посещал после уроков, школа пионерского актива и многое другое – все это было связано со школой. Школьная жизнь была очень насыщенной. В среднем звене я ходил в радиокружок, занимался фотографией, волейболом, увлекался хоккеем, дзюдо, плаванием. Специально готовился и поступил в музыкальную школу по классу гитары, правда, вот учиться не стал, не сложилось. Желание заниматься музыкой реализовал в школьном пионерском отряде барабанщиков (шутка). Пионерская жизнь – это особая история. Я был, как тогда говорили, «пионером-активистом», а в старших классах – председателем Совета школьной пионерской дружины. Хорошо помню, что, будучи в шестом классе, я выиграл общегородской конкурс среди школьников, посвященный истории пионер-

ской организации, как понимаете, меня готовила мама. В результате в качестве награды получил бесплатную путевку во Всероссийский пионерский лагерь «Океан» на Дальний Восток. Там я провел целую смену в сорок незабываемых дней. Позже, уже в восьмом классе, городской пионерской организацией был направлен во Всероссийский пионерский лагерь «Орленок». До сих пор храню свой дневник с той поры, значки и прочие пионерские атрибуты.

Что касается учебы, то мне она давалась достаточно легко. Я был гуманитарием (история, география, литература, в старших классах — обществоведение — это дисциплины, которые я изучал с удовольствием), хотя и точные дисциплины осваивал без особого труда. Трудности, пожалуй, были с физикой, поэтому и возникло желание посещения радиокружка, а в школьном учебном комбинате, будучи уже в старших классах, я записался на обучение автослесарному делу. Сработал принцип: «Клин клином вышибают», на практике все эти механизмы, радиотехнические и электротехнические секреты оказались совсем не такими сложными, как в теории. Вместе с тем особая любовь — это французский язык, который я начал учить, как и все школьники тогда, в четвертом классе.

Так получилось, что в пятом я уже ходил на дополнительный факультатив к семиклассникам. Все это привело к тому, что моей главной школьной мечтой было стать военным переводчиком. Я к ней шел медленно, но верно. Правда, вот реализовать её удалось только частично. Любовь к языкам — это от мамы. Она в свое время выбирала между историческим факультетом и факультетом иностранных языков в пединституте Тюмени. По результатам вступительного экзамена она проходила и туда, и туда. Любовь к истории взяла верх. Как понимаете, любимой учительницей была именно мама. Буквально, мама в моем классе преподавала обществоведение: помню, что меня это настолько увлекало, что я с удовольствием конспектировал тексты Ленина, Маркса, Энгельса. Мне это очень помогло позднее на семинарах по истории КПСС в университете. Но дома в маминой библиотеке хранилась ещё литература и учебные книги на немецком языке, учебники по польскому и английскому языкам. Мой же выбор выпал на французский язык, не могу объяснить почему. Для меня он действительно был очень интересен. Может быть потому, что в доме слушали и любили Джо Дассена, Мирей Матьё, Эдит Пиаф, Далиду и других французских исполнителей, а фильмы франко-итальянского производства, особенно с Луи де Фюнесом, были самыми любимыми и ожидаемыми на телевидении и в кинотеатрах.

В основном все, о чем Вы написали, проходило в доперестроечный период, но завершали Вы школу в самые бурные перестроечные годы. Что сохранилось в Вашей памяти о том времени? Вы еще застали комсомол или уже все рассыпалось?

Да, застал, и до заката тогда было ещё далеко. В отношении себя, могу сказать, что мне довелось пройти полный цикл идеологического воспитания, который проходили в то время дети и учащаяся молодежь СССР.

В комсомол я вступил, как и было положено, по рекомендации моих старших товарищей, комсомольцев школы. Это случилось достаточно рано, мне было 14 лет (весна 1986 г.). Очень хорошо помню, как это происходило. Во-первых, нужно было хорошо знать Устав ВЛКСМ (цели, задачи, структуру организации, моральные принципы, права и обязанности комсомольца и т.д.), во-вторых, нужно было хорошо ориентироваться в решениях, которые принимались комсо-

мольскими и партийными съездами; в-третьих, нужно было разбираться в международной обстановке и ещё многое другое. Но самое интересное — это были «вопросы ловушки», которые задавала комиссия по приему в комсомол. Меня, например, спросили, сколько стоит Устав ВЛКСМ. Ответ я, что 2 копейки (а это буквально так и было, я его, как сейчас помню, купил вместе с комсомольским значком в киоске «Союзпечати» около моего дома), то неизвестно ещё, приняли бы меня или нет. Правильный ответ я знал: «Устав — бесценный».

Я оставался комсомольцем до того момента, как эта организация перестала существовать, т.е. вплоть до конца 1991 года. Более того, уже, будучи в университете (1989 г.), мне пророчили вступление в кандидаты в члены КПСС. Об этом первым заговорил сам преподаватель дисциплины «История КПСС», вероятно, здесь свою роль сыграли мои школьные конспекты ленинских, да и не только, работ. Но этого не случилось, да и я не особо об этом мечтал.

Мое комсомольское прошлое было не таким бурным и запоминающимся, как пионерия. Дело в том, что, став комсомольцем, я в течение двух лет занимался в школе пионерскими делами как наставник (раньше таким комсомольцам присваивали почетный статус «старшего пионера», я тоже был его обладателем, даже особый нагрудный знак выдавали). Но когда меня выдвинули к избранию на пост секретаря школьной комсомольской ячейки, я взял самоотвод. Помню, что в какой-то момент мне стало вдруг, именно вдруг, все это не так интересно, как раньше. Причин тому было две. Самая главная причина — это подготовка к поступлению на переводческий факультет, а так как мой выбор пал на Московское высшее военное пограничное училище КГБ СССР им. Моссовета, ведь я мечтал стать именно военным переводчиком, то языковую подготовку необходимо было сочетать с интенсивными физическими тренировками, что занимало много времени. Правда, скажу сразу, что моей мечте не довелось сбыться в полной мере: в год моего поступления в том вузе этот факультет закрыли, и, я (здесь опущу подробности) остался «на гражданке», поступив на факультет романо-германской филологии Тюменского госуниверситета и получив впоследствии диплом лингвиста, преподавателя иностранных языков. Но это было гораздо позднее. А тогда, в перестроечные годы была ещё одна причина, другая, но не менее важная. Причина моего отказа от активной общественной комсомольской жизни — это именно те события, о которых Вы спрашиваете. Я очень хорошо помню это время. Публикации в газетах, репортажи, новые телепередачи, такие как: «Прожектор перестройки», «Взгляд», и, конечно, советско-американские телемосты, которые вели Владимир Познер и Фил Донахью, а ведь это были в чистом виде ток-шоу, телевизионный формат, который не был нам знаком. После советских «Сельского часа» и «Специальных выпусков сессий Верховного Совета» они воспринимались как настоящая информационная революция.

Мы все понимали и искренне поддерживали М. С. Горбачева в том, что нужно было менять в первую очередь «мышление», но не знали как. При этом мы его критиковали за то, что он начал с «ускорения», а не собственно с «перестройки». Помню, рассуждали так: неужели они там наверху не понимают, что нельзя перестроиться «на ходу при высоком ускорении». Это был период действительно настоящего, как нам тогда казалось, свободомыслия, эпоха гласности и ускорения, перестройки и демократизации. Я очень хорошо помню, как дома

родители и я, мы вместе сопереживали и поддерживали советских участников телемоста СССР-США, отстаивавших и доказывающих преимущества плановой экономики, но, тем не менее, соглашались с необходимостью перемен и ждали их. Прекрасно также помню, что многое менялось и в школьном образовании: появлялись советы учащихся и родителей, дни самоуправления школьников. В образовании это была эпоха педагогов-новаторов (педагогика Амонашвили, методика опорных конспектов Шаталова). Эти изменения мне были близки, и я знал о них не понаслышке. Проблемы реформирования образования бурно обсуждались дома. Вспоминаю ещё такой факт, что, отвечая на выпускном экзамене по истории в школе на вопрос о политике СССР в этот период, я говорил о достижениях Горбачева только во внешней политике, но критиковал его за неудачи во внутренней, и комиссия со мной соглашалась. А вот мои ощущения после экзамена: школьник может открыто критиковать партию, и получает за это высокую положительную оценку членов комиссии. Это на самом деле было чем-то невероятным. Именно тогда, я стал, наконец-то, понимать рассказы родителей об «оттепели 60-ых», а «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, другие книги, которые появились в доме, многое перевернули в сознании. К сожалению, они тогда перевернули только наше, того времени, восприятие советского прошлого, но, будучи по своей сути и содержанию трагичными, не содействовали оптимистическому и конструктивному взгляду на будущее.

В завершении добавлю, что сейчас я понимаю, что мой пионерско-комсомольский задорный период в жизни был, если так можно сказать, очень серьезной школой самовоспитания, и в этом, по моему мнению, большой плюс той советской системы: мы сами планировали, организовывали и проводили строго по плану множество мероприятий (сегодня это называют тайм-менеджментом), мы сами продумывали и реализовывали «Дни полезных или добрых дел» (сегодня я бы это назвал социальным проектированием). Тогда этому было одно название – НОТ (научная организация труда), и нас этому учили.

Итак, Ваш подростковый, юношеский интерес к языкам к окончанию школы стал основой для выбора профессии. Почему Вы остановились на Тюменском университете, а не попробывали поступать в один из московских или петербургских ВУЗов? У Вас уже был опыт самостоятельного перевода прозы или поэзии или общения с иностранцами? Как прошло поступление? Какие языки стали для Вас при обучении основными?

Так получилось, что Тюменский госуниверситет выбрал не я, а он меня, точнее обстоятельства тому предшествовавшие. Начну по-порядку.

Вспоминая последний год школы, должен заметить, что до сих пор у меня осталось в памяти ощущение неизбежности отъезда из Сургута. Эта была участь любого выпускника школы, который стремился продолжить обучение в вузе. Я был готов поступать в Московский военный вуз, ну, а гражданские вузы мной просто не рассматривались. Я даже не помню, чтобы интересовался каким бы то ни было из них. Хотя, конечно, знал и о МГИМО и Московском институте иностранных языков им. Мориса Тореза, и МГУ, и о свердловских вузах. Мои одноклассники, школьные друзья уезжали поступать в томские вузы: Томский политехнический, Томский госуниверситет. Я же тогда считал, что свой

выбор давно сделал (у меня уже был печальный опыт непрохождения комиссии в Свердловское суворовское училище после 8-го класса). Поэтому остановить меня никто не мог, даже родители, они просто смирились.

Вообще, все, что произошло сразу после окончания 10-го класса — это была почти детективная история (опять шутка). Дело в том, что в это же время в Тюмени мой двоюродный брат бросает Тюменский нефтегазовый, не доучившись на первом курсе, для того, чтобы поехать поступать в Горьковское высшее военное ракетное училище в солидарность со мной. Вот так в июне 1989 года мы оказались в военно-полевых курсантских лагерях, я в Подмосковье в погранучилище, а мой двоюродный брат, Денис Медведев, где-то под г. Горький у ракетчиков. Система поступления в военный вуз отличается от гражданских. Там всех абитуриентов сразу берут в оборот, делят на отделения, взводы и роты, назначают командиров из числа курсантов; жесткий распорядок дня, дисциплина, физподготовка, теоретическая подготовка и т.д. Только через несколько дней, когда я стал понимать вообще, где я, мне удалось узнать, что моего факультета уже как год в этом училище не было, и мне надо было выбрать из имеющихся или уезжать домой, и я был такой не один.

Не знаю до сих пор, как это вышло. Ведь и набор вступительных испытаний там был «мягко говоря» не тот: математика, физика, химия, а не французский, история и литература, которые я готовил. Просто какое-то наваждение. Это сегодня абитуриенты имеют возможность получить всю достоверную и полную информацию. А тогда было так: прибыл в училище, сдал документы, значит — в строй и вместе со всеми по приказу все вступительные испытания проходишь. Вот так. Вероятно, в Сургуте в то время не только газеты и журналы приходили вчерашние, но и городской военный комиссариат тоже получал старую информацию, а других источников о военных вузах, как Вы понимаете, у меня не было. Так как перспектива инженерно-технических и военно-тактических специальностей мне была не очень интересной, я принял решение уехать. Вступительные экзамены в гражданские вузы были в июле, поэтому я успевал подать документы. Вот здесь и появился для меня Тюменский университет. Он возник случайно, как единственный вариант, так как других у меня просто не было. Ведь я был совершенно уверен, что поступлю в военное училище в Москве, даже, наверное, чересчур самоуверен. Но, увы. Я был первый раз в Москве, точнее, даже не в Москве, а в подмосковном лесу. В итоге, отец меня оттуда забрал и увез в Тюмень. Вот так, ещё и не начавшись, завершилась моя офицерская карьера военного переводчика. Настроение было ужасным, осадок на душе от неисполненного долга и несбывшейся мечты давил и мучил меня...

Брат же мой, в отличие от меня, поступил, отучился, а теперь уже и отслужил. Он уволился в запас подполковником. Живет сейчас со своей семьей во Владивостоке.

Я же, в свою очередь, через несколько дней после моих московских военных приключений, уже, будучи в Тюмени, готовился к поступлению на факультет романо-германской филологии...

Всего в тот год в ТюмГУ на французский зачислили 36 человек, при конкурсе 5 человек на место. На французский брали со знанием любого иностранного языка (английским, немецким), поэтому и конкурс был солидный. Вступительные экзамены я сдал очень хорошо. Написал сочинение по теме,

связанной с современной советской прозой. Должен сказать, что здесь сыграла свою положительную роль домашняя библиотека. Потом сдал на отлично французский, и ещё устный экзамен по литературе и русскому языку. В итоге набрал 14 баллов из 15 возможных, и сразу был зачислен, так как это и был проходной балл. Да к тому же я был единственным юношей, поступавшим на французское отделение.

Горечь московских неудач вскоре стала забываться. Учеба поглотила меня целиком. Пришлось очень много работать, так как мой сургутский французский оказался не таким уж и французским. Он был хорош для поступления, но в университете пришлось все начинать заново. Да и откуда ему было взяться. Франкоговорящих иностранцев я никогда не видел, ну а самым аутентичным французским источником, который я знал и мог читать ещё в школе, была газета французских коммунистов “L’humanit”. Её иногда продавали в ларьках тюменской союзпечати. Художественными переводами в школе я не занимался, а вот политинформации по зарубежному источнику проводил.

В университете все было по-другому. Весь образовательный процесс был ориентирован на изучение и познание языков: современных — французского, русского и английского, и древних — латинского. Была и литература, но нас готовили по программе лингвистической подготовки, поэтому мы подробно изучали, в первую очередь, языкознание, практические курсы морфологии и синтаксиса русского языка, практической и теоретической фонетики и грамматики французского, потом были курсы лексикологии, истории французского языка (старофранцузского, среднефранцузского, новофранцузского). Латынь мы также изучали диахронно, т.е. от архаической до «вульгарной», галло-римской. Потом с третьего курса был и английский, а на четвертом — факультатив по китайскому языку. В аспирантуре пришлось осваивать испанский. Мы очень много читали на языках, преимущественно на французском, хотя были книги и на английском, куски на латыни, но это — большей частью в учебных целях. Огромное количество того, что читалось, заучивалось наизусть. Мы много писали, смотрели и слушали фильмы и передачи. В специализированных фонолабораториях мы имитировали звуки, интонацию вплоть до региональных особенностей французского разговорного языка. Потом были стажировки, поездки, работа переводчиком. Я учился с большим увлечением, и теперь понимаю, что, наверное, московские приключения лета 1989 должны были произойти, чтобы, как говорят, почувствовать разницу. В университете фактически сразу, наконец-то, я понял, что это именно то, чего я хотел и к чему стремился, будучи в школе.

Похоже, попытку поступления в военное училище и собственно поступление в Тюменский университет надо рассматривать как нечто единое, связанное. Вас готовили переводчиками или преподавателями языка? Думаю, что, несмотря на большую учебную загруженность, у Вас была и внеучебная «вольница». Как Вы проводили свободное время?

Нас готовили преподавателями иностранных языков. Хотя сегодня, отработав 20 лет в педагогическом вузе, скажу, что в Тюменском университете это скорее была классическая подготовка лингвиста, собственно, как, наверное, и должно было быть в классическом университете. Мы занимались нюансами языка, деталями, частностями, смыслами, двойственностью языковых смыслов,

обусловленных как системой языка, так и социальными контекстами. Педагогика была вторична, помню её как обычную рядовую дисциплину (не в обиду моему педагогу), просто она (педагогика) для меня не была главной.

Мы занимались текстами. Текстами разножанровыми. Чаще это была проза, проза классическая и современная, редко поэзия. Поэзия чаще сочеталась с фонетикой, так как это ритм, мелодика и т.д. Как и положено мы осваивали теории. Все начиналось со структурализма Фердинанда де Соссюра, затем были Шарль Балли, Альбер Сеше, Андре Мартине, Эмиль Бенвенист. От двойственности языкового знака, лексики, мы перешли к синтаксису, постигали в том же ключе текст. Потом была французская интерпретация текста, дискурс-анализ: Ролан Барт, Патрик Серио, Мишель Пешё, Мишель Фуко. Затем текст как знак по Юрию Лотману и Михаилу Бахтину. Непосредственно источники были в очень ограниченном доступе. Копии, иногда оригиналы, привозили нашим преподавателям французские стажеры, которые уже тогда работали у нас в университете. Было сложно. Оттого даже иногда скучно, но это в начале. Зато всегда увлекательно после первых успехов анализа. Это как головоломки. Подготовка же к преподаванию была вторичной.

С благодарностью и любовью вспоминаю университет, потому что и «вольница» была настоящая. У нас был студенческий франкоязычный театр, это было на младших курсах, вплоть до третьего. Я туда попал только после успешного выступления на фонетическом конкурсе, который проводился обычно на первом курсе. Конкурс включал декламацию поэтического текста или прозы на языке. Успех мог быть только в том случае, если это приближено к оригиналу (интонация, смыслы, подача и прочие штучки). Я читал басню Ля Фонтена “La Cigale et la Fourmi” («Стрекоза и муравей»). Потом было публичное чтение на языке «с листа». Мне попался, по-моему, кусок из Пруста «В поисках утраченного времени» (“A la recherche du temps perdu”) про неожиданные детские воспоминания и ощущения автора, нахлынувшие на него после того, как он попробовал, будучи взрослым, кусочек пирожного «Мадлен».

Театр был любительским. Режиссером и вдохновителем был любимый всеми студентками молодой тогда преподаватель кафедры французской филологии Октябрьский Михаил Юрьевич. Мы ставили небольшие пьесы, отрывки из пьес Жана Ануя, пьес театра абсурда Э. Ионеско, С. Беккета. Нашими зрителями были студенты и преподаватели факультета. Ежегодно весной накануне сессии театр делал постановку, которой предшествовал длительный репетиционный период. Все было серьезно: текст, костюмы, грим, прогоны, даже отбор на роли. Была конкуренция. Моей первой ролью была роль дворецкого с одной единственной репликой. Я один раз за весь спектакль выходил на сцену и с торжественным видом громко говорил, что в гости пожаловали г-н и г-жа такие-то, ну и потом сразу уходил. Вот такая роль – а ля «Кушать подано!». Вероятно, уж очень колоритно это сделал, так как уже на будущий год я играл одну из главных ролей пьесы Ануя «Африканская любовь». Это была комедия. Для этой пьесы пришлось осваивать арабский акцент. Я играл роль богатого султана, у которого его друг бедуин, спасший однажды ему жизнь (эту роль играл сам Михаил Юрьевич Октябрьский), отбивает какую-то там по счету, не помню, жену. Мы даже специально ставили поединок на клинках с прыжками и кувырками. Был грим, кожа должна была быть смуглой, в общем, все атрибуты. Дома, в уни-

верситете, как Вы понимаете, был абсолютный успех. Апогеем стал наш дебют в Москве. В тот год Посольство Франции на Якиманке организовало театральный фестиваль молодежных франкоязычных любительских театров. Нас туда командировал университет. В Москве тоже был успех, мы заняли первое место, в зале были овации. Зрители, а это работники посольства, французы, как нам потом сказали «лежали на боку от гомерического смеха!», виной тому арабский акцент, он у нас особенно удался. Мы сами не знали, что это может быть так смешно. Нас потом спрашивали, сколько времени мы провели в Марокко! Невинная комедия в нашей интерпретации приобрела почти этнополитическую окраску. Нам подарили много подарков, это были книги, и мы получили приглашение участвовать в конкурсе на будущий год. Следующий год был для нас не такой успешный. Кусок из исторической пьесы Ануйя «Бекет, или Честь Божья» оказался сложным для нас. Да, и формат фестиваля изменился, там стали участвовать студенческие театры из профессиональных театральных училищ. С французским у них были проблемы, ну, а вот игра, конечно, вне конкуренции. Все равно, это был незабываемый опыт.

В это же время и позже, на старших курсах, я ходил в политическую студию при университете. Мы учились анализировать политические события, которых в стране было хоть отбавляй, мы анализировали публичные выступления Горбачева, Ельцина, других политиков, события начала 90-ых, сравнивали различные точки зрения, учились делать прогнозы. Много внеучебного времени занимала работа переводчиком в Тюмени, были стажировки и работа во Франции: июль – август 1991 – стажировка в детском летнем лагере на Лазурном берегу Франции. Нас направило Французское посольство за наши театральные успехи. В ноябре – декабре 1991 – обучение в Высшей школе переводчиков Сорбонна – Дофин. Потом были стажировки во Франции в туристических фирмах, в ассоциациях по культурному обмену и т.д. Думаю, что для тюменского студента мне очень повезло с учебной и, особенно, внеучебной деятельностью. У меня остались самые теплые воспоминания о моих пяти годах учебы в университете.

Вы обмолвились об аспирантуре. Она была сразу после завершения университета или Вы какое-то время работали по полученной специальности? Какую тему Вы разрабатывали в аспирантские годы?

После университета летом 1994 года я отработал в очередной раз во Франции. У меня были попытки остаться там учиться и работать, я даже направлял резюме своей дипломной работы одному профессору из Сорбонны (к сожалению, забыл его имя). Мы с ним говорили по телефону, и он готов был меня взять для подготовки диссертации. Но главную проблему мне так решить и не удалось: разрешение на работу. В итоге, поскитавшись во Франции около трех месяцев, я вернулся в Сургут. Почти сразу принял решение устроиться на работу тогда ещё в педагогический колледж (сегодня Сургутский государственный педагогический университет) преподавать французский язык и латынь. Что собственно и сделал. Осенью вышел на работу, а в октябре того же года поступил в заочную аспирантуру в Московский педагогический университет по целевому направлению из педколледжа на специальность «Романские языки». В аспирантуре разрабатывал и через пять лет (в 1999 г.) защитил диссертацию на тему «Неполные и односо-

ставные вопросительные предложения в диалогической речи во французском и испанском языках» на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Работу делал на основе диалогов их театральные пьес, как понимаете, пришлось осваивать испанский. Суть работы, если кратко, заключалась в том, чтобы найти вторичные смыслы в вопросах и то, как это отражается в их внешней структуре, а также то, как их (смыслы) можно обойти в ответах. Мне это очень пригодилось в последствии, когда я стал заниматься социологией, в частности, при разработке анкет и гайдов интервью.

Таким образом, практический опыт в этом направлении у Вас есть. Прекрасно. Пожалуйста, два-три примера приведите... эта тема очень актуальна..

Согласен. Действительно, очень актуальна. Ведь от того, как спросить, как задать вопрос, зависит результат. Только разница между социологией и лингвистикой в том, что социолог думает, как спросить, т.е., как точнее сформулировать вопрос, а лингвист анализирует, что уже спросили и какие средства при этом использовали, а также их соотношение. Другими словами, если говорить о синтезе интересов, то социолог и лингвист идут по встречным направлениям одной дороги.

Поясню. Так, например, будучи сотрудником лаборатории региональных исследований нашего университета, я вел инициативное социологическое исследование, посвященное учительству и входил в группу, изучающую проблемы толерантности и межэтнических отношений в школе. Передо мной стояла задача нарисовать социальный стереотипный портрет городского учителя. Во время разработки инструментария исследования я принял решение отказаться от традиционной анкеты и провести эксперимент на свободную интерпретацию псевдотавтологий. Это не мое изобретение, а по своей сути в чистом виде лингвистический эксперимент, хорошо известный и описанный в лингвистической семантике как отрасли языкознания. Он используется для того, чтобы выявить разницу между сходными в семантическом отношении лексемами или синтаксическими конструкциями, а также построить их иерархию. Мне показалось, что если его применить в социологическом опросе, то можно получить интересный результат. Что, собственно, и было сделано. Так, для выявления стереотипного образа учителя респондентам мной задавался вопрос: Если бы Вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по-вашему, он имел в виду? А затем предлагалась собственно реплика тавтология: Учитель есть учитель. Хитрость здесь в том, что если бы у меня стояла задача приукрасить образ учителя, то я бы дал другую реплику к моему вопросу: Учитель — это учитель. Дело в том, что свойства приписываемые учителю в первом и втором случаях не тождественны. Во втором случае они будут преимущественно положительные, а вот в нашем случае, первом, мы получили массу интересных, в том числе и отрицательных коннотаций таких как «жаба», «злюка» и т.д. Не поймите превратно, я не ставил задачу очернить образ, нет, наоборот, он как раз получился очень живым, т.е. со своими плюсами и минусами, которых, конечно, было гораздо меньше. Кстати, результаты исследования были опубликованы позже в «Журнале социологии и социальной антропологии» в г. Санкт-Петербурге в № 2 за 2007 год.

Другой пример. Это уже из моих давних диссертационных наблюдений, впоследствии я взял это на вооружение при проведении интервью, да и не

только. В диссертации помимо разных прочих задач, я должен был найти коммуникативное различие между односоставным вопросительным предложением и неполным вопросительным предложением, а также их коммуникативной ролью в диалогической речи. Дело в том, что в романском языкознании была определенная узконаучная полемика на этот счет, я естественно здесь это опущу. Так вот, проанализировав более 1500 примеров различных диалогических ситуаций, я установил, что в диалогическом тексте частный односоставный вопрос, т.е. вопрос о причине, цели, времени и т.д., включающий в свою структуру только специальное вопросительное слово, семантически открывает отвечающему большое пространство для ответной реакции. Проиллюстрирую сказанное: - (1) Я не поеду с тобой в кино. — (2) Почему? (Почему ты? Почему ты не поедешь? почему ты не поедешь со мной? почему ты не поедешь со мной в кино?) — (3) Потому что у меня много дел (Потому что хочу в театр; Потому что ты плохо водишь машину и т.д.). Более того, такой вопрос чаще способствует нелинейному развитию диалога, что собственно видно из примера. Реплики 1 и 3 хоть и связаны как части сложноподчиненного предложения, но могут развить диалогическую ситуацию в любое русло. Частный же неполный вопрос семантически ограничивает коммуникативное пространство ответа за счет того, что жестко привязан к первой реплике структурно, и может, в свою очередь, не включать специальное вопросительное слово. Так, в нашем примере это может быть вопрос-догадка: Занят? который бы предвосхитил ответ о причине; вопросы-подхваты: Со мной? или В кино?, или обе реплики вместе: Со мной? В кино? (так называемый вопрос-парцелляция), — которые не исключают выяснение причины, но фокусируют внимание собеседника на интересующем только нас направлении беседы.

Вот, собственно, может быть не очень иллюстративно, дело в том, что в романских языках на уровне синтаксиса это работает несколько иначе, но все же, если в общих чертах, то так.

Я уже не говорю о том, что такие знания помогают в оценке правильности поставленного вопроса или предлагаемой для ответа шкалы в закрытом вопросе, а также последовательности вопросов в анкете. Ещё один пример. Так, однажды к нам в университет в лабораторию обратились представители одной очень серьезной организации (не буду её называть), которая хотела провести опрос с целью выявления мнения и оценок жителей города об их деятельности. Их анкету венчал вопрос об оценке деятельности этой организации с тремя вариантами ответа: Оцените деятельность нашей организации — а) хорошо; б) удовлетворительно; в) не слышал о такой организации. Забавно, мало того, что здесь была грубая ошибка в шкале, но вот что еще интересно. Можно, конечно, понять их желание получить только положительные оценки населения их деятельности. Но какой бы они, представители этой организации, сделали бы вывод на основе полученных данных, обнаружив, например, что какая-то доля опрошенных, ответив, естественно, при этом, на предыдущие вопросы анкеты о содержании и характере деятельности этой организации, выбрала для этого последнего вопроса последний вариант ответа, т.е. в)! Вот так бывает.

Естественно, я не претендую на совершенство в «вопросе о вопросах», хотя знаю, что это очень сложная, интересная и актуальная для социологии тема.

Возможно, здесь есть нечто новое в синтезе лингвистике и методике конструирования вопрос... подумаю... а пока вернемся к траектории Вашей жизни; все шло в целом гладко, и как Вы «прыгнули» в социологию?

На самом деле все произошло очень гармонично. Ведь параллельно моей работе преподавателя французского языка и латыни я с 1998 года стал возглавлять кафедру германских и романских языков в педагогическом университете, тогда ещё институте. И помимо всякой прочей организационной и административной работы по роду своей деятельности должен был бороться за набор, за сохранение французского языка как в нашем университете, так и в школах города. Уже тогда ни о чем особо не подозревая (то, что проникаю в совершенно новую для себя сферу), я проводил микроисследования среди школьников и студентов, выявляя мотивы их выбора иностранного языка для изучения.

У нас на кафедре падала учебная нагрузка, я это в первую очередь сам и ощущал. В школах ситуация была вообще катастрофической, учителя французского переходили на преподавание других языков, чаще немецкого или английского, или вообще на пенсию. Выясняя через ответы учащихся, что выбор иностранного языка, в основном, определяется родителями, мы стали проводить разъяснительную работу среди них. Потом оказалось, что «пятой колонной» выступало руководство школ. Им было так выгоднее, удобнее составлять расписание, формировать нагрузку, да, и, к тому же, не надо было убеждать и уговаривать родителей и пр. В итоге за двадцать лет (с 1994 года) из более чем 20 школ города французский язык (да, он и тогда был не везде) безвозвратно ушел. Сегодня его преподают только в двух-трех муниципальных школах и в таком же количестве частных школ. Нас не услышали.

Постепенно исследования стали масштабнее. Потом я участвовал в полевых этапах по другим заказам, это в основном исследования студентов и старших школьников. До 2003 года я ничего из этого не публиковал, да и не думал этого делать. Действовал по принципу: принял участие, провел поле, да и все. Конечно, что-то использовал в институте на внутренних конференциях, совещаниях для иллюстрации проблем, и не более того. За несколько лет таких исследований в режиме самоучки я осваивал нюансы социологического полевого исследования. Конечно, не было написанных программ, обоснований, основной инструмент - только анкета. Все это появилось гораздо позднее. Преподавать английский я не хотел, да и без меня там народу хватало, поэтому необходимо было искать альтернативу.

Так, в 2004 году наш институт получил заказ от Администрации Сургутского района на проведение социологического исследования на тему «Ценностные и профессиональные ориентации школьников Сургутского района». В институте меня спросили, не хотел бы я взять в разработку эту тему. А я вот как-то так взял и легко согласился. Откровенно говоря, дополнительный заработок был не лишним. У меня был год времени на это, была небольшая группа и административный ресурс. Там проблема была в том, что некоторые территории Сургутского района расположены далеко от Сургута и труднодоступны, и поэтому без помощи районной администрации только ресурсами института, даже теми которые были выделены, эту тему двинуть было сложно. Как Вы понимаете, здесь все было уже по-настоящему: и программа исследования, и её обязательное согласование с заказчиком, и расчет выборочной совокупности, и обработка массива данных

тогда ещё в Excele, а также все, что окружает исследование: согласование сроков, официальные письма, контроль бюджета, командировки т.д. Скажу кратко – мы успешно справились, акт о выполненных работах был сразу подписан заказчиком. Знаю, что глава районной администрации использовал наш отчет в своей работе. Видимо, действительно, получилось, так как были хорошие отклики о полезности проведенной работы, а наш ректор мне вдруг неожиданно при очередной встрече задала вопрос: «Не хочу ли я продолжить эту работу, т.е. проведение социологических исследований, но уже под руководством профессионалов с перспективой подготовки и защиты докторской диссертации?». Я пообещал подумать. Вот так чуть позже, уже подумав, я оказался на собеседовании у доктора философских наук, профессора Клары Григорьевны Барбаковой в г. Тюмени. В Тюменской области было только два вуза с ректорами женщинами во главе: институт Клары Григорьевны Барбаковой и наш институт, теперь университет, Надежды Васильевны Коноплиной, доктора педагогических наук, профессора. Естественно, ректоры хорошо знали друг друга.

Был и другой фактор моего ухода в социологию. Я все дальше уходил в моих научных интересах от традиционной структурной лингвистики в сторону социолингвистики, дискурс-анализа, прагматики. Междисциплинарные сферы меня интересовали все больше и больше. У меня был долгий период раздумий (почти метаний), попытки заниматься сравнительным образованием (многое из того, что было исследовано, я потом использовал в своих работах, но это было потом). Социология открывалась для меня постепенно.

К началу «нулевых» в России уже было многое сделано в области социологии образования: классические исследования В.Н.Шубкина и его последователей, работы Екатеринбургских социологов, Е. Э. Смирновой, Ф. Э. Шереги и далее. Имелась ли в Сургуте возможность ознакомиться с этими исследованиями, был ли доступ к зарубежной литературе?

Да, тогда уже мне были известны эти авторы, однако с большинством из них я знакомился благодаря «Соцису», который выписывала и городская, и институтская библиотеки. Не могу сказать, что в Сургутских библиотеках социологической литературы было в достатке. В начале «нулевых» работ по социологии образования почти не было. Как сейчас помню, что нашел тогда только «Социальные проблемы образования» Ф. Г. Зиятдиновой и социологию образования Ф. Р. Филиппова, кстати, и та и другая книги стали сегодня уже большой редкостью. Позже появились очерки по социологии образования А. М. Осипова и его соавторов. Прикладные исследования по социологии образования Ф. Э. Шереги я нашел только в Московской библиотеке. Так как в Сургуте мы регулярно получали «Социс», мне, конечно, были известны работы и Г. Е. Зборовского, и В. С. Собкина. После того, как работы Г. Е. Зборовского стали публиковать в «Гардариках», они появились и в Сургуте, а исследования В. С. Собкина и его коллег можно было уже найти в интернете на официальном сайте института социологии образования РАО.

В сургутских же библиотеках чаще встречались работы по общей социологии и социологии труда Ж. Т. Тощенко, методологии социологического исследования В. А. Ядова, социологии культуры. Были работы по социологии молодежи В. Т. Лисовского и социологии северного города Г. В. Куцева. Что касается

зарубежных авторов, то чаще можно было найти переводные работы П. Бурдые, избранные произведения М. Вебера, разные издания книг и произведений П. А. Сорокина. Хорошо помню хрестоматию по американской социологии, изданную в конце 90-х, по-моему, в МГУ, там были отрывки из Роберта Мертона, Талкотта Парсонса, Чарльза Кули и других. Все эти книги были в одном, двух экземплярах и чаще для доступа только в читальном зале. В сургутских вузах социология почти не читалась, поэтому и особого спроса на эту литературу не было. Когда она стала входить в учебные планы, студенческий спрос на эту литературу увеличился. Тогда полки книжных магазинов заполонило огромное количество книг с названиями «Социология», «Основы социологии» и пр., поступавших по принципу доступности, а не качества. Хорошая, добротная социологическая литература, в том числе и классики, стали появляться гораздо позднее.

В систематическом виде через серьезные теоретические источники социология образования, да и социология в целом, открылась для меня только в 2004–2006 гг., когда я стал уже регулярно работать в этом направлении и, в связи с этим, целенаправленно ездить в Москву, чтобы знакомиться с этой литературой в РГБ, приобретать её для себя. До этого, это напоминало хаотические бросания на любую книгу, название которой начиналось на «Социо...».

Клара Григорьевна Барбакова, к сожалению, уже несколько лет тяжело больна, и хотя нас связывают давние и очень добрые отношения, я не смог побеседовать с ней. Удалось ли Вам с ней поработать, если «да», то какие у Вас о ней воспоминания сохраняются?

Да, я знаю об этом. Не встречался с Klarой Григорьевной тоже очень давно. В 2013 году мне довелось быть в Москве. Я приехал в Институт социологии РАН для того, чтобы принять участие в работе круглого стола по проблемам образования, организованном исследовательским комитетом по социологии образования РОС, а также решить ряд вопросов в самом РОС. Именно там в РОС среди различных фотографий, прикрепленных на стене, я случайно обнаружил себя на общей фотографии, сделанной на одной социологической конференции в 2007 году. Это была одна из многих, подчеркну, многих научных социологических конференций в г. Тюмени, которые регулярно организовывались Klarой Григорьевной Барбаковой и её коллегами.

С Klarой Григорьевной мы проработали совместно более четырех лет с 2005 по 2009 гг. Именно благодаря Klаре Григорьевне мое постижение социологии стало систематическим. Первое, что я хочу сказать, - она очень добрый и мудрый человек. Клара Григорьевна меня поправляла, направляла, сдержано отчитывала за мои ляпы, но так как-то всегда тонко и интеллигентно. Это, кстати, не случайно. Её самый основной, как мне известно, да и не только, научный, но и жизненный интерес – это исследование такой сложной темы о том, что такое интеллигенция и интеллигент. Мне хорошо знакома её книга, написанная совместно с Валерием Андреевичем Мансуровым «Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия».

Консультации с Klarой Григорьевной были очень содержательными и полезными. Естественно, многое было для меня новым, пожалуй, почти все! Признаю это, не стыдясь. Причем, самые запоминающиеся – это её повествования о многих интересных и странных, хотя каких странных, вполне понятных,

событиях становления социологии как науки в нашей стране, её учителях. Так, я узнал, например, о Галине Михайловне Андреевой. Точнее, что значит узнал? Ведь, ещё до встречи имя Г. М. Андреевой было известно мне как имя крупного отечественного психолога. Я знал её работы по социальной психологии, в частности, по теории каузальной атрибуции. Ещё до того, как я стал заниматься социологией, это были тогда мои междисциплинарные интересы (в лингвистике — это теории о «человеке-говорящем» и «человеке-слушающем», их коммуникативном взаимодействии, приписывании смыслов и пр.). Это очень яркое воспоминание о неожиданной для меня актуализации такого знания. Потом, благодаря советам Клары Григорьевны, познакомился с трудами Тамары Моисеевны Дридзе. Узнал, что она в свое время кончила «ин-яз». Передо мной открывался, простите за пафос, мир социологии, такой разной, сложной, но очень, как оказалось, близкой мне. И это благодаря теоретическим урокам Клары Григорьевны.

Я приезжал к Кларе Григорьевне домой, консультации она проводила в основном у себя. Это всегда были незабываемые для меня поездки. Прямо с поезда «Сургут — Тюмень», преодолев более 800 километров за 14-15 часов, утром я приезжал к ней. Уже дома всегда была небольшая экскурсия, организованная Klarой Григорьевной по её домашней очень богатой научной библиотеке. Она всегда обезоруживающе говорила: «Владислав Павлович! Вы — с дороги, сейчас буду Вас кормить, а Вы будьте здесь (прим.: в кабинете) и изучайте!». Я оставался в кабинете и все мои попытки помочь ей по кухне разлетались в клочья на стадии плохо озвученной мной идеи, даже мысли или предложения. Все было очень вкусно: и книги, и супы, и салаты, и пирог, второе, торт, мороженное. Мы шутили: я говорил спасибо и что ухажу, так как собственно все — сыт! Но это было только началом. Потом мы разговаривали ..., удивительно, сколько она тратила сил и времени на создание такой атмосферы. Она всегда была и остается восхитительной женщиной и профессиональным педагогом. Потом у нас была работа: беседа о том, как все идет, о том, что я сам сделал, что прочитал, что думаю о прочитанном, с кем и с чем сравнивал точки зрения и т.д. В общем, шла работа, нормальная такая работа.

Клара Григорьевна — просто хороший, искренний, ответственный, многознающий и мудрый человек. Для меня это было незабываемым профессиональным и личностным общением и, конечно, Уроками. Уверен и знаю, что каждый докторант ощутил эту заботу на себе. Хочется пожелать выздоровления и здоровья Кларе Григорьевне!

Вы начали ездить в Москву... наверное, и в Институт социологии РАН? С кем из московских социологов Вашего возраста и постарше Вам удалось познакомиться, может быть, поработать?

Все о чем, я начал рассказывать, а также мои поездки в Москву, происходили почти одновременно. Да, поездок было много: это и конференции, и работа в библиотеках. В целом, куда бы ни ехал, везде записывался в библиотеку: Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, и, даже, Геленджик, и Анапа. Кстати, в небольших южных городах, точнее, в их библиотеках, можно было найти самые неожиданные источники по истории социологии, переводную литературу и т.д.

В Институт социологии РАН я стал ездить позднее, конечно, встречался и общался там и с Давидом Львовичем Константиновским, и Валерием

Андреевичем Мансуровым, и Зинаидой Тихоновной Голенковой. Зинаида Тихоновна консультировала меня по проблеме моей докторской, за что я ей очень благодарен. Несколько раньше у меня была возможность познакомиться с социологами из Санкт-Петербурга. Я приезжал участвовать в научной конференции на факультет социологии СПбГУ, посвященной проблеме социологического диагноза культуры, организованной Владимиром Вячеславовичем Козловским, Русланом Геннадьевичем Браславским и их коллегами, опубликовал у них в Журнале социологии и социальной антропологии статью. Уже на этапе защиты докторской диссертации очно познакомился с Владимиром Самуиловичем Собкиным, директором института социологии образования РАО. До этого и до сих пор с интересом слежу за их исследованиями. Что касается конкретно-социологических полевых исследований, то сотрудники моей лаборатории и я вместе с ними, помимо наших собственных, принимали участие в полевых исследованиях, проводимых Левада Центром, но это только заочно, что называется, по запросу. Так сложилось, что мне выпала удача познакомиться и пообщаться с Вадимом Валерьевичем Радаевым, хотя не по социологическому поводу, он приезжал к нам в университет, если я не ошибаюсь, в рамках крупного проекта по разработке и подготовке стратегии развития высшего профессионального образования в стране. Они изучали региональные вузы, ну а я, будучи проректором, вместе с моими другими коллегами были в теме и поучаствовали в этом.

При Ваших знаниях языков Вам, наверное, хотелось поближе узнать зарубежных социологов, изучить их теоретические подходы и исследовательские методы. Смогли Вы это сделать?

Откровенно говоря, очень хотелось бы. Пока могу об этом говорить с частичкой «бы». Только вот как-то не сложилось. Был печальный опыт общения с одним финским исследователем. Кратко, к нам в университет приехал магистрант из одного университета Финляндии, и попросил помочь ему провести социологическое исследование у нас в Сургуте (он не социолог, его специализация — социальная география). Дал анкеты, матрицу, и сказал: «Проводите». В общем, уехал. Потом была переписка с его университетом. Мне объяснял в переписке его руководитель, что это нормальная практика академической взаимопомощи и общения. Правда, когда я задавал вопросы о совместных публикациях, сотрудничестве, договоре, то не услышал ответа. Финский исследователь уехал, а мы остались! Вы знаете, в Сургуте, надеюсь, социология постепенно набирает обороты. Даже появляются частные коммерческие конторы, но там чистой воды маркетинг. Хорошо, пусть зарабатывают. Ну, а мы до сих пор многому учимся, уже есть и результаты, и готовы поделиться тем, что нами делается. Мы просто пока очень «маленькие».

Клара Григорьевна, если я верно помню, налаживала международные связи с социологами, развивая контакты с университетами северных территорий: в Финляндии, Канаде, со Скандинавскими странами. Похоже, такие контакты есть и в Якутии... не пробовали?

Знаю, что она очень активно работала в этом направлении. Даже успешно. Студенты её института ездили на стажировки. Мне было бы интересно поучаствовать или провести сравнительное исследование. Правда, особой активности

в этом направлении пока не предпринимал, так как считаю, что должны быть свои наработки, принципы, предложения. Сейчас нам уже есть, что показать (я имею в виду лабораторию региональных исследований СурГПУ и Югорское отделение РОС), поэтому стоит задуматься и на эту тему. Что касается Якутии, то я был в Якутске на большом форуме, который был организован Арктическим университетом (это консорциум российских и зарубежных университетов), в который наш университет входит, но ни тогда, ни сейчас ничего интересного для нас пока я найти не могу. Там очень специальные направления, связанные с природопользованием, экологией Арктики и прочее. Были контакты и с коллегами из США, Калифорнийский университет в Фуллертоне, я там был на семинаре, посвященном проблемам развития высшего образования, Ассоциация культурных и академических обменов (г. Сиэтл). Но также это все пока остается на уровне намерений. Идеальный вариант – это, конечно же, поучаствовать в конкурсах грантовой поддержки. Ну ... будем искать!

Вы уже дважды в нашей беседе вспомнили о работе над докторской диссертацией. Пожалуйста, расскажите, когда Вы приступили к этой работе, какую проблематику Вы исследовали, что удалось показать.

Целенаправленно я начал работать над темой с 2004 года, это направление я предложил Кларе Григорьевне, и она после обсуждения согласилась консультировать меня. Завершал исследование под чутким руководством Гарольда Ефимовича Зборовского. Он в итоге и стал моим научным консультантом по диссертации, старшим наставником и, если он не будет против, другом. Тема докторской диссертации «Модернизация педагогического образования: социологический анализ». Было бы странным, если бы я взялся за другую тему, работая в педагогическом вузе и проработав в нем к тому времени уже 10 лет. Я начал углубляться в эту тему уже имея задел и наработки по учительству, по мотивации школьников к получению именно педагогического образования, опросы учителей, родителей и т.д. Мне помогли и все те исследования, о которых я говорил раньше. Они помогли нащупать проблемы. Подтолкнула меня к этому реальная ситуация, сложившаяся в нашем регионе, да и не только в регионе, в стране в целом. Это и сокращение сети педагогических вузов, их закрытие и слияние, обвинения в адрес именно педагогических вузов в том, что во всех бедах в российском образовании виновны именно они; это и введение ЕГЭ, и изменение, скорее, усложнение роли и функций учительства и, как следствие, необходимость понимания глубоких изменений института педагогического образования, и многое другое.

Скажу так, что если бы я не сломал случайно, но, как сейчас понимаю все-таки своевременно, ногу, то не завершил бы работу вовремя (это правда!). К началу 2010 года у меня накопились результаты собственных проведенных исследований, большой теоретический материал (аутентичные источники) по зарубежным странам. Все это требовало систематизации. Причем, я понимал, что в условиях действительно интенсивных реформ в образовании, многие из полученных данных могут устареть, точнее, потерять свою актуальность. Т. е. к времени «Ч», т.е. времени, когда можно и надо было все обобщить и концептуализировать, у меня уже было достаточное количество наработок, публика-

ций в различных журналах и сборниках, и даже вышли две книжки, было также собрано много другого материала (статистики, исследований прошлых лет).

Это был самый трудный этап. Не хватало времени... И вдруг оно появилось... Появилась возможность спокойно дома все осмыслить, обдумать и изложить.

Что удалось показать? Удалось показать, что педагогическое образование — это основа для воспроизводства допрофессионального образования и профессиональной общности педагогов. А посему реформы в образовании надо начинать не с его уничтожения как вида образования и не с общей школы, т.е. внедрения ЕГЭ, ГИА и прочих аббревиатур, а именно с сохранения педагогического образования, создав необходимые для этого социальные условия и технологии, которые способствовали бы его развитию, так в частности, чтобы «новый» учитель не воспроизводил в классе устаревших шаблонных схем обучения и воспитания, ставших революционными ещё во времена Я. А. Коменского, но, к сожалению, остающихся до сих пор актуальными. Удалось показать, что модернизация модернизации рознь. Модернизация образования не может иметь ничего общего только с экономическими механизмами, товаризацией, по Марксу; и даже её понимание как рационализация (по Веберу), здесь также не подходит, так как имеет отношение к обществу как социально-экономическому организму, а точнее к построению основ капитализма. А что значит капитализм в образовании? А это значит привнесение рыночных принципов и правил взаимодействия в этой социальной сфере. Для российского образования — это серьезная встряска, так как затрагивает его социально-культурные основы, принципы и традиции. А это, на мой взгляд, одна из причин того, что многие реформы идут со скрипом и встречают сопротивление общества. Модернизация образования не исходит напрямую, жестко из модернизации общества. У этих «модернизаций» разные «профили». Модернизация образования — это процесс социальный. Здесь мне близка позиция Шмуэля Эйзенштадта. Он, конечно, не писал о педагогическом образовании, но он говорил о том, что возрастающая автономность и специализация институциональных сфер, а это, на мой взгляд, то, что произошло с образованием и с педагогическим образованием, только открывают новые возможности для их развития. Действительно, возникает проблема интеграции различных социальных сфер, их взаимодополняемости, но ведь это не та проблема, которую нельзя решить или надо решать методом «ампутации». Имеется много способов преодолеть такой кризис. Мне кажется, что это неисчерпаемая тема.

Владислав, Вы — заведующий кафедрой и декан социологического факультета Сургутского государственного университета (если что-то не так, пожалуйста, поправьте меня). В любом случае, расскажите о Вашем факультете, составе кафедр, по каким специальностям Вы готовите студентов.

В Сургуте два государственных вуза регионального подчинения: Сургутский государственный университет и Сургутский государственный педагогический университет. Я с самого первого дня моего трудоустройства в Сургуте (август 1994) до сих пор работаю в педагогическом университете.

Первоначально Сургутский государственный педагогический университет был педагогическим училищем (1986), потом высшим педагогическим колледжем (1993), педагогическим институтом (1995), и, наконец, педагогическим универ-

ситетом (2005). Сургутский государственный университет, в отличие от нашего вуза, создавался на пустом месте, если не ошибаюсь в 1993 или 1994 годах как муниципальный вуз, тогда это было можно, т. е. законодательство позволяло. Имея серьезную финансовую поддержку города, но полное отсутствие кадров руководство этого вуза, с одной стороны, стало массово приглашать профессуру со всей России, с другой, поглощать имеющиеся на территории Сургута средние профессиональные учебные заведения. Получение нами статуса педагогического института стало своеобразной защитой от такой агрессивной местной политики. Хотя признаюсь, что «сливать» нас пытались и после этого ещё несколько раз, и даже тогда, когда мы стали университетом. Мы, простите меня за такое сравнение, до сих пор стоим в защитной стойке. По-другому нельзя, в России за последний год-два количество педагогических вузов сократилось в 2,5 раза. В нашем случае, все такие попытки не увенчались успехом благодаря работе коллектива и, конечно же, нашему бессменному ректору, её имя я уже называл, Коноплиной Надежде Васильевне, доктору педагогических наук, профессору.

Мы – небольшой по российским меркам региональный вуз с очень хорошей базой и инфраструктурой, и эффективный педагогический вуз по оценкам федеральных и региональных властей. У нас около 2500 студентов (бакалавров, магистров, аспирантов) очной и заочной форм обучения. Мы – единственный вуз в Тюменской области, который готовит выпускников по направлению «Социология». У нас есть группы студентов по направлению «Организация работы с молодежью» (тоже социологическое направление), уже четвертый год функционирует аспирантура по социологии, и в этом году мы делаем первый набор на направление подготовки бакалавров по социологии. Все это происходит на одном из шести факультетов нашего педагогического университета, который называется: «Факультет социально-культурных коммуникаций», а именно на кафедре философии и социологии. Наш же сосед, Сургутский государственный университет, социологов не готовил и готовит, а также не имеет соответствующей кафедры.

В Сургутском государственном педагогическом университете я с самого начала работал на должностях ассистента, преподавателя, заведующего кафедрой, проректора по научной работе. Сегодня – занимаю должности первого проректора, заведующего научной лабораторией региональных исследований и по совместительству профессора кафедры философии и социологии того факультета, о котором я уже сказал. На кафедре все, кто задействован в подготовке социологов, имеют ученые степени кандидата наук. Кафедру философии и социологии возглавляет кандидат культурологии, доцент Салават Рифгатович Аминов, факультет социально-культурных коммуникаций – кандидат педагогических наук, доцент Римма Анатольевна Белошапка. На факультете ещё ведется подготовка специалистов по социально-культурной (досуговой) деятельности и дизайну. Кафедра философии и социологии – молодая, ребята не старше 40 лет, активно занимаются наукой, социальным проектированием. У меня же в лаборатории как внештатные главные научные сотрудники трудятся хорошо известные Вам доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Гарольд Ефимович Зборовский (УрФУ, г. Екатеринбург) и доктор социологических наук, профессор Елена Анатольевна Шуклина (УрФУ, г. Екатеринбург). В ближайшее время, очень надеюсь, ожидаются защиты кандидатских диссертаций

ции по социологии двух моих научных сотрудниц Ольги Владимировны Власовой (под руководством Г.Е. Зборовского) и Светланы Викторовны Овчаренко (под моим руководством) (стучу по дереву, мы марксисты народ суеверный!). Кроме того, для исследований я привлекаю специалистов из других сфер, так с нами, в коллективе лаборатории, уже несколько лет трудится кандидат филологических наук Светлана Сергеевна Дрига, она – начальник научного отдела нашего вуза, но, будучи специалистом в дискурс-анализе СМИ, с удовольствием подключается к нашей работе для проведения интервью. В нашем университете мы открыли региональное отделение (Югорское отделение) Российского общества социологов. Другими словами, в Сургуте социология прошла свой первый этап институционализации и не только благодаря созданию кафедр и открытию специальностей в Сургутском государственном педагогическом университете. Мы активно проводим полевые социологические исследования, публикуемся. Вот самые крупные из них: «Проблемы социокультурной адаптации детей мигрантов в ХМАО-Югре», «Учительство ХМАО-Югры как социально-профессиональная общность». В разработке тема по социологии детства «Дети в системе дополнительного образования северного города». Параллельно по заказам исследовательских центров мы проводим поля (анкетирование, глубинные и полуструктурированные интервью). В общем и целом работы много.

Похоже, все это прежде всего – следствие Вашей активности, но, можно думать, что Вас поддерживают местная власть и бизнес. Вам удалось найти с ними общий язык?

Прежде скажу, что все, что уже сделано, и, надеюсь, ещё будет сделано – это во многом и целом благодаря Гарольду Ефимовичу Зборовскому. Ведь его научное консультирование моей докторской постепенно перетекло в совместную научную работу на базе нашей лаборатории, которая с 2010 года коренным образом изменила направление своих исследований. Наверное, по-другому и быть не могло. Сейчас, думаю, что было бы странным, если бы мы перестали работать совместно. Чуть позднее к нам присоединилась Елена Анатольевна Шуклина. В лаборатории она курирует методологические аспекты проводимых нами исследований. За несколько лет совместной работы у нас сложилась своя определенная система совместного взаимодействия и работы. Я это очень ценю. Тот социологический коллектив, который сформировался в университете, – заслуга наших уральских коллег.

Что касается поддержки властей, то мы её ощущали все последние годы. Здесь поймите меня правильно. В нашем университете, как я уже говорил, мы открыли направление подготовки бакалавриата по социологии при поддержке региональных властей, более того нам удалось их убедить выделить бюджетные места для развития этого направления. Думаю, мы их не подведем, так как уже сегодня, в период приемной кампании мы имеем конкурс из 280 заявлений на 15 бюджетных мест, и это не предел (приемная кампания продолжается). Конечно, я понимаю, что это предварительные результаты, тем не менее такие цифры говорят об интересе, которые проявляют школьники и их родители к этому направлению подготовки (оговорюсь, не без наших усилий), а также о том, что эта специальность престижна, востребована на региональном рынке труда и, следовательно, имеет перспективы для развития. Более того, мы полу-

чали и продолжаем получать заказы на проведение социологических исследований в регионе от региональных и муниципальных властей, и проводим их. Я не говорю о том, что наша научная лаборатория целиком финансируется из регионального бюджета. По результатам исследований сами власти организуют общественные слушания с приглашением всех заинтересованных лиц. Так, исследование «Проблемы социокультурной адаптации детей мигрантов в ХМАО-Югре» мы проводили по запросу комитета по социальной политике Думы ХМАО-Югры.

Кстати, его руководитель, Наталья Леонидовна Западнова, – кандидат социологических наук, что мне представляется вполне «симптоматичным». Комитет дважды организовал с нашим присутствием такие слушания с приглашением представителей департаментов образования, молодежной политики, социальной политики, представителей диаспор, общественных организаций, прессы и т. д. Затем такие встречи прошли и в муниципалитетах. Дело закончилось принятой исполнительной властью региона соответствующей программы, которая, по моему мнению, очень неплохо работает: увеличили количество часов на освоение русского языка для таких детей в тех школах, где это необходимо, стали создавать программные школы в этом направлении, подключили общественность, СМИ и т. д. К нашей одноименной монографии, написанной по результатам этого исследования, проявили интерес не только представители округа, она получила положительную оценку представителей других регионов России. Другими словами, проблема стала всеобщим достоянием, и обсуждать её стали конструктивно. Надеюсь, что и в дальнейшем такой диалог будет сохраняться и развиваться.

Интервью с Дмитрием Александровичем Лушниковым

«ЭТО БЫЛА СУДЬБА, ПРЯЧУЩАЯСЯ ЗА ЦЕПОЧКОЙ СЛУЧАЙНОСТЕЙ»

Лушников Д. А. — доктор социологических наук (2007 г.); заведующий кафедрой социологии Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). Основные области исследования: Социология социальных изменений: кризисы, дезорганизационные процессы и практики, социально-политические технологии; социальная антропология: механизмы индивидуального и массового сознания и поведения; социологическая теория, социология религии. Интервью состоялось: июль — октябрь 2014 г.

Дмитрий Александрович Лушников — из пока мало представленного в нашей историко-социологической литературе шестого поколения российских социологов. Это те, кто родился в 1971-1982 годах. Старшие из них — только-только перешагнули границу сорокалетия, младшие — в раннем тридцатилетии. Зная, как долго формируется научное поколение, можно утверждать, что данное профессионально-возрастное сообщество находится в процессе становления. Но одно можно сказать определенно — это первое поколение социологов, вошедшее (отчасти — входящее) в нашу науку уже в постсоветское время. Так, Дмитрий в 1991 году лишь поступил на исторический факультет Ставропольского государственного университета.

Лушникову на роду было написано стать историком, и он им стал. Через историю он вошел в социологию, защитил кандидатскую диссертацию по социолого-исторической проблематике (2000 г.), а затем открыл для себя проблему социальной дезорганизации и в 2006 году стал доктором наук.

Нередко докторская работа — подведение итогов сделанного, уверен, что для Лушникова она — мощная предпосылка к исследованиям по уже очерченной им, достаточно широкой, проблематике и по новой, которая будет порождена сегодня не известными нам социально-политическими вызовами.

Интервью с Дмитрием — одно из самых коротких в моей практике, но это никак не следствие его молодости (41 год). Просто он с интересом рассказывает о своем деле, особенно — о новых проектах, но «тухнет» при рассказе о себе. Уверен, вскоре он осознает наличие глубинных связей между личным и профессиональным, пока это у него несколько различные «департаменты».

В целом же я благодарен Дмитрию Лушникову за беседу, она многое открывает нам для понимания мира тех, кому историей предписано делать российскую социологию первой половины XXI века.

Лушников Д. А.: «Это была судьба, прячущаяся за цепочкой случайностей»

Дмитрий, когда я изучал книгу «Социологи России», в которой нашел Вашу краткую биографию, мое внимание привлекло название кафедры, которую Вы возглавляете – «кафедра социологии и теологии». В связи с этим у меня два тесно связанных вопроса. Первый, в Интернете мне встречались в американских университетах кафедры типа «философии и теологии». Здесь я понимаю, философия и теология – две общие системы взглядов на мироустройство. Вы знаете, на Западе философию не относят к науке. Но социология – из другого ряда, она – наука, пусть не совсем в бэконовском смысле, и все же, что объединяет социологию и теологию?

Меня всегда интересовала связь теологии, антропологии, религиоведения и социологии. Большинство классиков социологии посвятили свои работы проблематике религии в становящемся индустриальном обществе Западной Европы. Если обратиться к истории американской социологии, то значительная доля ее родоначальников имела теологическое образование и даже степени, кто-то в молодости думал стать пастором. Связь социологии и теологии носит определенно как объективный, так и некий «мистический» характер, это во многом связано с жизненной позицией и «миссионерски-реформаторским» характером ее основоположников, мечтавших об активной роли социологии в переустройстве общества. История поисков гражданской религии О. Контом тому наиболее яркий пример.

И вот вторая группа вопросов: Какова история возникновения Вашей кафедры? Какие социологические и теологические предметы Вы преподаете? Если Ваша кафедра выпускающая, то какого рода специалистов она готовит?

Свою историю наша кафедра начинает в 1998 году, когда была образована кафедра социологии и социальной работы Северо-Кавказского государственного технического университета. Кафедру возглавил доктор педагогических наук, профессор Шаповалов Валерий Кириллович, благодаря которому и появилась новая специальность.

Преподаватели кафедры участвовали в проекте по подготовке специалистов по «истории и культуре ислама», проведении социологических исследований, нацеленных на выявлении потенциальной и реальной потребности в специалистах подобного профиля в регионах, где проживают мусульмане.

Направление подготовки по специальности «Теология» – «Государственно-конфессиональные отношения», Акцент делается на христианской и, непосредственно, православной теологии, некоторые преподаватели теологических дисциплин являются священнослужителями.

В 2012 году путем разделения кафедры социологии и социальной работы была образована кафедра социологии и теологии Северо-Кавказского федерального университета. Что касается меня, то я не преподаю теологические дисциплины, однако читаю курс «Социология религии» уже относительно много лет.

Вы мне написали, что сейчас Вы передали «теологию» другой кафедре, но до последнего времени какая часть, доля студентов специализировалась по социологии и какая – по теологии? Где работают Ваши выпускники по обоим направлениям? Ведь, насколько я понимаю, университет готовит инженеров.

Северо-Кавказский государственный технический университет в 2012 году был объединен с другими вузами в Северо-Кавказский федеральный университет. У нас еще не было выпуска студентов-теологов. Что же касается студентов-социологов, то они работают практически во всех отраслях региональной экономики и социальной сферы, в исследовательски-аналитических и управленческих структурах, правоохранительных органах. Наша давняя мечта о том, чтобы в регионе сформировался относительно устойчивый спрос на студентов-социологов, начинает постепенно материализовываться.

Есть ли в других университетах Ставрополя кафедры социологического профиля?

Наша кафедра единственная, выпускающая социологов в регионе. Кафедры в других вузах преподают курс общей социологии студентам других специальностей. Как следствие, социологические спецдисциплины преподаем только мы.

Мы еще поговорим о Вашей кафедре и о развитии социологии в регионе. Но сейчас – о Вас. В книге «Социологи России», которая познакомила меня с Вами, сказано, что Вы родились под Ленинградом, в поселке Вещево, Выборгского района. Зная неплохо те края, могу предположить, что Ваши родители – не местные. Вообще, насколько глубоко Вы знаете историю Вашей семьи?

Я родился в семье военнослужащего, половину жизни прожил в военных гарнизонах. Отец – летчик, мама – учительница, типичная советская семья. Историю семьи знаю достаточно хорошо. Отец родом из Курганской области, мама – местная ставропольчанка. Они познакомились, когда отец учился в Ставропольском летном училище.

Отец родом из Курганской области, из «деревни с поэтическим названием» Клоктухино. Жители деревни являются потомками староверов-двоеданов и разделяются всего на несколько фамилий, между которыми устанавливаются матриониальные связи. Занимались сельским хозяйством, все мужчины служили в армии, во время Великой Отечественной войны – в сибирских дивизиях, однако профессиональных военных было немного. Отец, Александр Мелентьевич, поставил перед собой весьма амбициозную в те времена задачу – стать военным летчиком и ему это удалось. Он поступил в Армавирское авиационное училище, закончил уже ставропольское. Во времена курсантской молодости познакомился и женился на моей матери Бровковой Татьяне Андреевне. Мама происходила из с. Северное Ставропольского края, из семьи казаков Хоперского полка, переселившихся на Азово-Моздокскую оборонительную линию. У нее в роду были учителя, что, возможно, предопределило и ее профессиональный выбор. Моя, мама, ее родная сестра и мой дядя закончили исторический факультет Ставропольского государственного педагогического института.

Где и когда Вы пошли в школу? Где Вы учились в старших классах? Что интересовало? О каком профессиональном пути Вы задумывались?

Я пошел в школу в 1980 г. в п. Золотая Долина Приморского края, где проходил службу мой отец, в старших классах учился в г. Севастополе, а школу закончил в месте с «далеко непоэтическим названием» п. Угольные Копи Анадырского района Магаданской области.

Я всегда «жадно» интересовался историей, видно сказались гены со стороны мамы. С другой стороны, я мечтал стать военным, поэтому военная история интересовала меня в первую очередь. В старших классах я думал о поступлении в военное училище, но достаточно абстрактно, не выбрал ни конкретное училище, ни род войск. Наверное, именно поэтому мой путь на исторический факультет был предопределен.

Трудно допустить, что во всех маленьких городках, где Вам пришлось жить в школьные годы, были хорошие библиотеки. Скорее всего, книги, в том числе, по истории, были дома. Так это?

Источники чтения были разнообразны, какие-то книги брались в библиотеке, собиралась домашняя библиотека, книги «ходили по рукам» и у друзей всегда можно было «пожиться» чем-нибудь новым и интересным. Но все-таки основным источником чтения являлись библиотеки.

И в какой университет Вы поступили? И пожалуйста, расскажите о студенческих годах, ведь они, чаще всего, очень яркие, памятные...

В 1991 году мне посчастливилось поступить на исторический факультет Ставропольского государственного педагогического института, позже преобразованного в Ставропольский государственный университет. Исторический факультет в советское время являлся своеобразной кузницей кадров для региональной элиты. Факультет имел яркую историю, мощные профессорско-преподавательские кадры, соответствующий урону контингент обучающихся. Начальные навыки аналитической и научно-исследовательской деятельности сформировались под воздействием преподавателей исторического факультета, о которых вспоминаю с любовью и благодарностью. Учиться было относительно легко, интересно и, главное, весело, так как среди однокурсников было много замечательных и интересных личностей. Годы обучения запомнились, в первую очередь, именно ярким и насыщенным общением в студенческой среде, было много чего, что «можно вспомнить, но детям не рассказывать».

Было бы очень интересно узнать, кто из преподавателей оказывал на Вас наиболее сильное влияние, какие разделы истории Вас наиболее привлекали, какими были Ваши первые аналитические разработки... среди социологов старших поколений много историков по базовому образованию, и Ваша информация расширяла бы наши представления о движении из истории в социологию.

Характерно, что наибольшее впечатление не только на меня, но и на моих сокурсников оказали преподаватели медиевисты. Большое впечатление оставила Валентина Павловна Невская, крупнейший советский медиевист-византолог. Навыки и умения аналитической работы с первоисточниками заложила Ирина Александровна Краснова, читавшая курс истории Средних веков. Интерес к социальной и культурной антропологии формировался под влиянием Дурова Анатолия Андреевича.

Меня привлекали практически все разделы истории, но особый интерес я питал к истории Древнего мира, Нового и Новейшего времени. Всегда выделял военный, военно-политический, социально-экономический и социоструктурные аспекты и их взаимосвязь, это была излюбленная проблематика в студенческое время. Первый опыт анализа исторического материала я получил в рамках курса «История Древнего мира», выполняя работу по образу дворца правителя микенской эпохи в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. На старших курсах я занимался дипломатической и военной историей открытия «второго фронта» в Европе.

Увлечение историей предопределило мой интерес к социологии социальных изменений, социальной антропологии, социологической теории.

Вы пошли в школу в 1980 году, таким образом, скорее всего, в комсомоле Вы не состояли или я ошибаюсь? Но будучи школьником, студентом Вы каким-то образом участвовали в общественной жизни?

Я прошел практически все стадии социализации в советской системе, был октябренок, пионером и комсомольцем. Будучи школьником, участвовал в общественной деятельности, был председателем Зала боевой славы в севастопольской школе. В институте один год был заместителем секретаря комитета комсомола по организационной работе, а также руководителем профсоюзной ячейки факультета. Однако я не рассматриваю себя как человека, способного к серьезной общественной работе, все-таки планида не та, куда ближе существующая погруженность в научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность, да и организационная работа в качестве заведующего кафедрой отнимает достаточно много времени.

Я спросил про комсомол, поскольку пытаюсь понять, какие импульсы, события вели Вас в социологию; дело в том, что многие наши ведущие социологи старших поколений пришли в социологию, пройдя через комсомольско-партийную работу. Такова реальность того времени, Ваше поколение уже этого не застало. Но могу я Вас, Дмитрий, просить проинтерпретировать Ваши слова: «Увлечение историей предопределило мой интерес к социологии...»? Почему это именно с Вами произошло? Замечу: социальные изменения – стержневая тема исторической науки.

Случайность проявила некую закономерность. После окончания университета я работал ассистентом в первом частном вузе Ставрополя на кафедре истории и прочитал свой первый учебник социологии из интереса – это был учебник Н. Смелзера. Таким образом я убедился, что именно этого материала мне не хватало для понимания особенностей исторического процесса, как на уровне мегатрендов, так и анализа повседневности. Случайно узнал, что в Северо-Кавказском государственном техническом университете есть кафедра социологии и там есть место ассистента. Так я и «попал в социологию» окончательно, позже поняв, что это была судьба, прячущаяся за цепочкой случайностей.

Увлечение историей предопределило относительную легкость погружения в социологию. Пожалуй наиболее ярким звеном перехода от истории к социологии послужили работы представителей школы «Анналов» Ф. Броделя и Ж. Ле Гоффа.

Да, согласен... вот – его величество случай, подготовленный чем-то... именно «Случайность проявила некую закономерность». Вам повезло, что первым оказался

именно Смелзер...он пишет без тумана.

Пожалуйста, завершим линию с получением образования. В каком году Вы закончили университет и какой теме было посвящено Ваше исследование?

Я закончил университет в 1996 году. Тема дипломного исследования — «Дипломатическая и военная история открытия «второго фронта» была выбрана мной самостоятельно, так как эта проблема была актуальна для исторической науки, муссировалась в публицистике и, опять же, была на стыке с военной историей, которой я всегда интересовался. Разбирая хронологию и нюансы военно-политических стратегий, операций и дипломатических игр, мне удалось составить собственное представление о причинах задержки открытия «второго фронта» союзниками в Европе. До этого я писал курсовую работу по Нормандской десантной операции, что «испортило» просмотр мною голливудского фильма «Спасение рядового Райана». Увлечение военной стратегией предопределило мой интерес к социально-политическим стратегиям властных элит и политтехнологиям.

Чем, как Смелзер достроил Ваше понимание особенностей исторического процесса? Как начиналась Ваша работа на кафедре социологии?

Ознакомление с учебником Н. Смелзера не оказало на меня «эффекта разорвавшейся бомбы», но вызвало острый интерес к социологическим теориям, описывающим мезо- и микроуровень организации общества. В те времена я был поклонником аналитической психологии К.Г. Юнга, интересовался социальной психологией и социобиологией. Макротеории были для меня понятны, я уже на тот момент разбирался в системном подходе и теории объективистов-системщиков воспринимал быстро. Даже штудии теории Т. Парсонса и его некое «аналитическое графоманство» я воспринимал относительно легко.

На кафедре социологии и социальной работы Северо-Кавказского государственного технического университета работалось легко, чему способствовал замечательный коллектив и заведующий — Валерий Кириллович Шаповалов. Начал с чтения курса «Социология» для студентов несоциологических специальностей, что позволило вникнуть в науку, систематизировать основные идеи, представления, научный тезаурус. Далее читал курсы «Социология религии» и «Социальная антропология», объект-предметная область которых мне была близка, понятна и интересна.

Пожалуйста, расскажите обстоятельнее о Валерии Кирилловиче Шаповалове, я не знаком с его исследованиями.

Основал первую «выпускающую» кафедру социологии в регионе д. пед. наук Шаповалов Валерий Кириллович. Открытие специальности «Социология» впервые в регионе, да еще и в техническом вузе было смелым поступком. Валерий Кириллович хоть и является доктором педагогических наук, еще с 1980-х годов занимался социологическими исследованиями, давно «прикипел душой» к социологии. Круг его исследований разнообразен и включает социологию образования, в частности, исследование его этнокультурной направленности, социологию карьеры, социологию социальной работы и мн. др.

Наверное, вскоре после начала работы в области социологии Вы решили и кандидатскую диссертацию делать по социологии? Или по истории? Или на стыке?

Начав работать в системе высшего образования, я понял, что это мое, я способен на этот вид деятельности, мне нравится интеллектуальное творчество и относительная свобода самовыражения. С историей как направлением профессиональной деятельности было покончено, я полностью переключился на занятия социологией. Понимая, что без остепененности в нашей системе «не выживешь» и мой холостой статус и отсутствие детей — относительные явления, я погрузился в работу над кандидатской диссертацией. Была выбрана тема «Социальная дезорганизация и обыденное религиозное сознание в современном российском обществе», которая лежала на стыке между социологией и социальной антропологией, к которой я с самого начала питал слабость.

Как строилась концепция исследования? Это была теоретическая работа или проводился сбор и анализ эмпирических данных? Что удалось доказать, какими были основные выводы?

Конечно, меня в первую очередь увлекла теория, эмпирика, представленная во второй главе, была для меня одной из первой и наивной «пробой пера». Объектом исследования являлось воздействие процесса социальной организации на обыденное религиозное сознание в современном обществе. Однако для этого я осуществил экскурс (в духе эволюционистского редукционизма, маскирующегося под структурализм) к истокам религиозности — к мифологическому сознанию примитивного социума, пытаюсь обнаружить базовые архетипические механизмы взаимовлияния социальной дезорганизации и религиозного сознания. Основные выводы были вполне очевидны: социальная дезорганизация в обществе детерминирует дезорганизацию обыденного религиозного сознания; эволюция обыденного религиозного сознания от мифологического сознания примитивного общества до обыденного религиозного сознания в современном индустриальном/постиндустриальном обществе, в общих чертах тождественна воздействию социальной дезорганизации на обыденное религиозное сознание некогда устойчивого и стабильного общества и др. Таким образом, посредством моих интеллектуальных потуг «онтогенез повторил филогенез» в очередной раз.

В каком году Вы защитили кандидатскую? Очень крутой переход: от истории открытия «второго фронта» до таких социорелигиозных сюжетов. Действительно, Вас эта тема завлекла... сразу начали думать о докторском исследовании по проблематике религиозности или по социальной дезорганизации?

Кандидатскую диссертацию я защитил в 2000 г., работал над ней достаточно быстро, так как с основной научной литературой по проблематике был знаком до этого — сказался интерес к смычке юнгианской аналитической психологии, антропологии и религиоведения. Это был для меня своеобразный личный путь поиска сакрального. Что же касается интереса к явлению и процессу дезорганизации, то это скорее было продиктовано хорошо известным принципом выбора проблематики «у кого что болит...» и являлось следствием моей личной неустраивенности, а также восприятия происходившего в стране.

Через некоторое время после защиты кандидатской диссертации я начал задумываться о докторской. Осознание необходимости следующего шага было продиктовано не столько личным тщеславием, сколько пониманием того, что без этой степени придется и дальше считать копейки и мучиться неуверенностью в завтрашнем дне.

Меня больше интересовала дезорганизация, нежели социология религии, поскольку в моем восприятии это был масштабный «настоящий социологический» объект исследования, бросающий вызов мне как социологу-теоретику. Это был ответ на определенный вызов в духе «а не замахнуться ли нам на Вильяма, нашего Шекспира».

Верно ли я понимаю, Дмитрий, что в описываемый Вами период Вы были своеобразным «отшельником»? С профессиональными социологами Москвы, Петербурга не были знакомы, до всего доходили самостоятельно?

Да, безусловно, это было некое «отшельничество», однако нельзя назвать его абсолютным. Большим подспорьем для саморазвития и профессионального роста явились курсы в Центре социологического образования Института социологии РАН по теоретической социологии, возглавляемые тогда И. Ф. Девятко, кои я имел счастье посетить. И. Ф. Девятко произвела сильное впечатление, я жадно впитывал особенности ее социологического мышления и культуры, логику работы с теоретическими конструкциями. Мимолетно на конгрессах и конференциях знакомился и с другими великими, но их отношение к провинциальным социологам было снисходительным и на близкий контакт никто из них не шел. Я понял, что не стоит рассчитывать на «звезд».

Как обстояло (и как сейчас обстоит) дело с социологической литературой? В какой мере она доступна Вам?

С литературой никаких проблем я особенно не видел и не вижу, «стремящийся, да обрящет». Пополняю собственную библиотеку, но, в основном, нахожу источники в Интернете. Когда начинал свою профессиональную деятельность в качестве преподавателя социологии в конце 1990 -х, начале 2000-х годов, действительно испытывал «книжный голод», но со временем Интернет, как и Кольт всех уравнил.

Но самый «равный» это тот, кто с Кольтом... Некоторым из Ваших ровесников, не только москвичам, повезло в том плане, что они обучались на краткосрочных курсах или по развернутым программам в Англии, США, Финляндии.. Вы не пробовали искать такие варианты?

На зарубежных курсах я не был и, честно говоря, попасть на них, даже в начале научной карьеры, слишком рьяно не стремился. Сказывались проблемы в знании и использовании английского языка, занятость и пр. Не хватало информации о зарубежных стажировках и курсах, но это, наверное, не может быть оправданием, кто ищет, тот всегда найдет. Также не было важного для русского человека внешнего стимула в виде «пинка» со стороны руководства. Хотя, надо признаться, что заведующий кафедрой Шаповалов Валерий Кириллович постоянно меня «сверлил» необходимостью подучить английский и покинуть территорию Богом хранимого Отечества с целью обучения иностранным премудростям. Но, как говорят французские социологи — *c'est la vie*.

В хронологическом отношении мы дошли до момента, когда Вы подумали «а не замахнуться ли нам на Вильяма, нашего Шекспира». Как бы Вы сегодня реконструировали процесс Вашего осознания «дезорганизации» как темы своего исследования?

Так как я увлекался проблематикой экологических кризисов, был знаком с трудами Медоуза, Форрестера, прочих представителей Римского клуба, историков, занимавшихся кризисами тех или иных цивилизаций, еще в первой половине 2000-х годов, я понимал неизбежность кризиса современной модели капитализма и постиндустриального общества, всей «Мир-системы» по И. Валлерстайну. Дезорганизацию я рассматривал как системное явление от макро- до микроуровня социальной реальности. Поняв, что не испытаю проблем с ее исследованием и описанием как макросистемного явления и процесса, мне захотелось, в частности, детализировать ее универсальные механизмы, чему и была посвящена докторская диссертация. Помимо этого, мне хотелось описать социальную дезорганизацию на микросоциологическом уровне, редуцируя ее до уровня социальных ритуалов и интерактивного взаимодействия.

В качестве методологического основания концепции исследования был выбран системный подход, как наиболее общий по отношению ко всем объективистским подходам, в большинстве своем комплементарным системному. В частности был детализирован системно-процессуальный подход, основанный на «процессуальном образе» объекта, развивающийся от идей А. Уайтхеда до работ П. Штомпки, М. Арчер и Н. Лумана и представляющий объект исследования в качестве системы, состоящей из комплекса процессов.

Не могу сказать, что стремился с кем-либо обсуждать концепцию исследования, так как относился к работе как к ребенку, которого нежелательно показывать всем раньше сорока дней. Безусловно, отдельные моменты обсуждал с друзьями по профессии, социологами, философами и даже биологами. Послал свою монографию И. Ф. Девятко, она ответила в положительном ключе, это меня воодушевило. Ее благосклонность добавила мне немного самомнения и много научной дерзости, «Вильям наш Шекспир» был обречен на постановку в моем самодеятельном театре.

Из отечественных авторов, так или иначе занимающихся социальной дезорганизацией, наибольшее впечатление на меня произвели работы А. С. Ахиезера, И. И. и А. И. Пригожих, А. П. Назаретяна и В. В. Васильковой. Работая еще над кандидатской диссертацией, я увидел, что социологических работ по социальной дезорганизации в России на тот момент было достаточно мало и большинство из них находилось в концептуальных рамках популярного тогда синергетического подхода. Исключение составлял, несомненно, А. С. Ахиезер, использовавший социокультурный подход и тонко «чувствующий» дезорганизацию во всей ее полноте и изменчивости. Особенностью первой главы докторской диссертации был экскурс в область тектологии, общей теории систем, кибернетики, синергетики, теории социальной энтропии, теории информации и т. п. с переходом к анализу социальной дезорганизации собственно в классической и современной социологии. Причем приходилось не столько с кем-то из классиков и современников полемизировать, сколько в большинстве своем «сочинять за них», поскольку далеко не все социологи интересовались данным явлением.

Общая канва была несколько фантазийной, в духе — а что является социальной дезорганизацией с позиции теории А. и в чем дезорганизация с позиции теории В. отличается от ее понимания А.?

Ваша работа носила сугубо теоретический характер или Вы проводили какие-либо прикладные исследования? В какой мере Вашими разработками, выводами интересуется руководство региона, политические и бизнес структуры?

Последняя глава диссертации была эмпирическая. Я детализировал и систематизировал явления депривации, неудовлетворенности и социального недовольства в качестве основных критериев социальной дезорганизации, разработал аналитическую таблицу выявления «депривационного комплекса», связывающую тип депривации, дуальные ментально-поведенческие аспекты ее проявления и индикаторы, позволяющие произвести операционализацию, исходя из того или иного объекта исследования дезорганизационных явлений и процессов. Далее я верифицировал аналитическую конструкцию на двух объектах: 1) макродетерминированная социальная дезорганизация на мезоуровне социальной организации (отношение льготников к прошедшей реформе по «монетизации льгот», количественное исследование); 2) макродетерминированная социальная дезорганизация на микроуровне социальной организации (факторы неудовлетворенности браком, приведшие к разводу в интерпретации женщин в неполных семьях, качественное исследование).

Интересуются не столько разработками, сколько мнением о тех или иных проблемах.

Когда Вы завершили свое докторское исследование? Я слышал, что сейчас есть трудности с выходом на защиту в связи с необходимостью наличия публикаций в журналах из ВАКовского списка и дороговизной публикации книг. Вы столкнулись с этим? Где состоялась защита?

Диссертационную работу я закончил осенью 2005 г., а в июне 2006 г. состоялась защита в диссертационном совете при моем вузе, тогда Северо-Кавказском государственном техническом университете. Когда я защищался требовалось всего три ВАКовских публикации, так что мне повезло, в отличие от сегодняшних докторантов. Монографию опубликовал в издательстве университета бесплатно. Сейчас докторантам конечно же тяжелее в плане публикаций и их оплаты.

Нет ли у Вас желания собственно исследовательскую деятельность совмещать с политико-консультативной? Ведь рекомендации специалиста по вопросам социальной дезорганизации могут быть полезны при обосновании различного рода социально-экономических и прочих программ развития региона?

Желание есть, собственно я этим иногда и занимался (выборы, деятельность в качестве эксперта). Мне всегда хотелось сделать из социологии некое оружие, инструмент социальных изменений, согласуюсь с максимой Маркса «...не только объяснять, но и менять». Нисхождение социологии от контовской «царицы социально-гуманитарных наук» до роли социолога, как специалиста по опросам населения, казалась мне отказом от первородства.

Поэтому из теории социальной дезорганизации я перешагнул к проблематике технологий манипуляции массовым сознанием, информационных войн и т.п., что нашло отражение в хорошо известной экспертам в данной области книге «Технологии цветных революций».

Пожалуйста, пароли, явки... Дмитрий, расскажите об этой работе: когда и где книга вышла, события каких стран Вы анализируете, каковы общие выводы?

Книга вышла в 2010 г., в Москве в ИНФРА–Мовском издательстве РИОР и переиздано в 2014 г. там же. Материал был собран и обобщен до событий «арабской весны» и второго Майдана, но своей актуальности книга совершенно не потеряла, хотя затрагивала события в Сербии, Грузии, Киргизии, Тайланде, Молдавии и Украине первого Майдана. Я написал ее вместе с коллегой и другом социологом Гапичем Александром, который является специалистом по социальным сетям, новым медиа и эмпирическим исследованиям. Книга была не только результатом обобщения применяющихся технологий, но и нашего конструирования новых и установления системных связей между существующими. Мы ввели даже новые термины «эверсор» происходящий от латинского *eversor* – (разрушитель, сокрушитель), в латыни «*eversio*» обозначает также политический переворот и «эверсионные технологии», коим интерпретировали данный вид деятельности, не получивший пока профессиональной квалификации.

Книга включает следующие разделы: основные характеристики «цветных революций»; оценка возможностей осуществления цветной революции: исследовательская составляющая; сценарии цветных революций; подготовительная стадия цветных революций; ответы на использование властью административного ресурса; раскрутка «революции»: технологии управления массами; политическое рейдерство; социальные сети в цветных революциях; блоги: дополнительные преимущества в раскрутке цветной революции; эверсионные мобберные технологии; возможности форумов для обеспечения эверсионной деятельности; эверсионные технологии мобильной связи; эверсионные технологии распространения и управления слухами; эверсионные директ-технологии.

Не побоюсь этого слова, наша книга является, наверное, единственной подобной работой в мировой социологии и политологии. Есть издания, посвященные частным аспектам данных технологий, известные работы Джина Шарпа по ненасильственным технологиям политического протеста – «библия» цветных революционеров-эверсоров, исследования «умной толпы» Говарда Рейнгольда и т.д. Мы же пытались все эти аспекты свести воедино, пытаясь «до конструировать» некоторые социально-политические технологии, стараясь понять логику и направление мысли организаторов, провести общую последовательную линию от подготовки до реализации сценария. Еще в 2009 году, когда писалась книга, я выдвинул очевидную гипотезу о том, что социальные изменения, порожденные мировым экономическим кризисом, актуализацией военно-политического аспекта международных отношений приведут к возникновению симбиотического типа социально-политических «ненасильственных» технологий гражданского неповиновения и военной стратегии и тактики: теории и практики «неправильных (иррегулярных) войн» Фридриха фон Хейдта; «малых войн» А. Дробова; «мятежных войн» Е. Э. Месснера; «неконвенциональных войн» Мартина ван Кревельда; стратегии и тактики партизанской, диверсионной и террористи-

ческой войны, городской герилы. Все это породило новые технологии информационных войн в периоды вооруженных конфликтов, что мы вскорости могли наблюдать по событиям в Ливии и Сирии.

Какой самый общий вывод следует сформулировать — этим надо серьезнейшим образом заниматься именно социологам, не ограничиваясь уже набившей оскомину проблематикой «информационных войн» и геополитической конспирологией «управляемого хаоса» (очень сомнительным со строго научной точки зрения теоретизированием Стивена Манна). Нужны лаборатории и ситуационные центры, которые по аналогии с оборонными НИИ и конструкторскими бюро будут изучать оружие противника и ковать свое.

Я так понимаю, что раз мы говорим о технологиях, то их где-то и кто-то создает, в России этой силой чаще всего признается Америка. Это ли показало Ваше исследование? В какой мере «цветная революция» детерминируется внутренними обстоятельствами (политика, экономика... внутри страны) и внешними? Можем ли мы — пусть с большими оговорками — считать Революцию 1917 года разновидностью «цветной» — «красной»?

«Цветные революции» детерминированы в основном внутренними факторами, внутренняя нестабильность порождает внешнюю слабость, зависимость от внешних сил — один из основных факторов, но и она лишь следствие внутренней слабости политического режима и общества. Представление о том, что «злые американцы» могут развязать цветную революцию, где захотят, не соответствует действительности. Безусловно, лидеры в данных технологиях американцы, но лидеры в soft power, плюс им помогает их главенствующая роль в существующей Мир-системе. В отношении hard power латиноамериканские, африканские и ближневосточные режимы еще американцам «форы дадут». Компрадорская по характеру элита уже, будучи расколота, быстро раскалывается в процессе внешнего влияния, тайно договаривается, перекупается, перебегает и «цветные революции» представляют собой элитные перевороты, которые осуществляются на волне стихийного (как в Тунисе) или организованного (второй Майдан) относительно массового, но, так или иначе, совершенно объективного народного протеста возникшего в столице или на периферии (ливийская Киренаика).

Любая «великая» или «классическая» революция являет стадию собственно переворота, то есть свержения власти. Но в случае именно революции, а не «цветной революции» элитным переворотом все не ограничивается. Представители части «старой» элиты и контрэлиты сносят существующий режим, как в цветной революции, но в случае классической революции к власти приходят представители общества, относящиеся к слоям, располагающимся в социальной структуре ниже контрэлиты и Мирабо с Дантоном, князь Львов и Милюков вынуждены уступить место Робеспьеру и Ленину.

Вообще данные дифференциации связаны в науке с дискурсом о разнице между государственным переворотом и революцией, начавшимся с деления Марксом и Энгельсом революций на политические и социальные и «упершимся» в феномен «бархатных революций» в Восточной Европе, а потом уже в феномен «цветных революций».

Очень похоже, что при разработке «цветных революций» Вы оказались внутри своих прежних научных и донаучных интересов: история воин, религия,

дезорганизация. Так это? Что планируете на ближайшие годы? Или на ближайшие годы и тема «цветных революций» не потеряет своей актуальности?

Конечно, именно мои интересы позволили мне взяться за эту работу, понимать и «чувствовать» материал.

Я «плохой отец» своих произведений, я их делаю, а потом бросаю и переключаюсь на другую тематику. Не могу долго «нянчиться» с одной работой или темой, начинаю охладевать и терять интерес. Поэтому отправляю своих «детешек» в самостоятельное плавание, но общую канву исследовательского интереса не теряю. Безусловно, проблематика «цветных революций» и дезорганизационных политических технологий не только не теряет своей актуальности, а наоборот актуализируется. Но не исключено, что в научно-исследовательском плане я ее отставлю на некоторое время. Планирую более масштабный и интересный, на мой взгляд, проект книги, тематика которой будет находиться на стыке социологии знания, социальной антропологии, семиотики, психологии, биологии и религиоведения. С генерацией идей научных произведений у меня проблем не возникает, но есть огромная проблема свободного времени для творчества, характерная для постсоветской профессуры.

Интервью с Михаилом Викторовичем МАМОНОВЫМ

«МЕНЯ ИНТЕРЕСОВАЛА, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ»

Мамонов М. В. — окончил исторический факультет Саратовского государственного университета (1995 г.), кандидат политических наук (1998 г.), руководитель исследовательских проектов Всероссийского центра изучения общественного мнения (с 2010 г.), доцент кафедры «Прикладная социология» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (с 2012 г.). Основные области научного интереса: управление политическим процессом, управление общественным мнением, оценка эффективности коммуникации, социология общественных и политических кампаний, электоральный процесс..
Интервью состоялось: май-июнь 2015 г.

Начало июля 2015 года, завершено интервью с Михаилом Викторовичем Мамоновым, это — еще один рассказ о жизни и профессиональном пути российского социолога. Рассказанное Мамоновым уникально, ибо отражает прожитое им и именно его опыт. Но одновременно биография Михаила Мамонова может рассматриваться как история жизни представителя VI поколения советских / российских социологов, как одного из аналитика общественного мнения, как специалиста, сформировавшегося и многие годы работавшего в Саратове, заметной «точке» на социологической карте России, и уже ряд лет живущего в Москве. И тогда, открываются большие возможности для изучения его жизненной траектории в пространстве «геометрий» жизни большого числа социологов, поделившихся воспоминаниями о своем пути в социологию. Дело в том, что к настоящему времени уже проведены интервью с 17 социологами VI поколения, с более чем 30 исследователями общественного мнения и рынка, с представительным (свыше 10) количеством социологов Поволжья, в том числе — Саратова.

Так рассказ Мамонова о прожитом им дополняет, вливается в общую книгу судеб российских социологов.

Мамонов М. В.: «Меня интересовала, прежде всего, электоральная действительность»

Михаил, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, мои интервью с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем сразу открывают очень интересные личностные миры и историко-культурные миры...

Ваша фамилия — Мамонов — мне думается, восходит к добиблейскому «Мамона» и имеет множество смыслов. Вы не знаете, как эта фамилия возникла в Вашем роду? И вообще, насколько Вы знакомы с прошлым родительской семьи?

Сюжеты семейной истории, по большей части, находились в нашей семье в зоне молчания. Этому есть свое объяснение.

Мои предки по линии отца — из зажиточных крестьян Смоленской губернии. По случайным упоминаниям бабушки, «Мамоновы всегда крепко стояли на ногах», потому что работали много и держали большое хозяйство. Очевидно, именно зажиточный статус и определил происхождение семейной фамилии и, в дальнейшем, стал причиной многочисленных семейных проблем и тайн. Мой дедушка, родившийся на рубеже веков был самым младшим из четырех братьев и единственным, кто дожил до почтенного возраста. Его два старших брата погибли в Первую Мировую. Сам же он пережил становление советской власти исключительно благодаря тому, что послушался совета своего отца — моего прадедушки. По его совету он переехал в город. Цепкий ум настоящего хозяина и интуиция подсказывали моему прадеду, куда приведет аграрная политика новой власти и чем она закончится. Он посоветовал двум оставшимся сыновьям переехать в город, затеряться среди новых людей и начать новую жизнь. Мой дед, очевидно, по молодости лет, воспринял совет с большим вниманием и уехал в город Демидов. Поселился со своей семьей на самой окраине у городского кладбища. Его брат, решил остаться в деревне. Позднее он был репрессирован.

В первые дни войны дед был мобилизован и, практически сразу же, попал в плен. Лагерь военнопленных, в котором он находился, разместили неподалеку от Демидова. Его в колонне пленных, разглядела соседка о чем и сообщила моей бабушке. И она с малолетним ребенком на руках, коим был мой папа, пошла просить у немцев освободить дедушку. До сих пор не могу понять, как ей, абсолютно неграмотной женщине, удалось упросить немцев отпустить плененного мужа. Но это произошло. То ли победа немцам казалась уже реальной, то ли орущий ребенок размягчил их сердце, то ли общий хаос тотального наступления сделал свое дело, но его миновала судьба других пленных. Весь период оккупации дедушка провел дома. Он оказался единственным мужиком на всей улице и проблемы каждого дома на улице стали его проблемами. После освобождения он снова ушел на фронт, был ранен, стал инвалидом. Он не попал под каток послевоенных репрессий, как выживший после плена и живший на оккупированной территории. Наверно, спасла инвалидность, боевые награды и принцип «тише воды, ниже травы». При не дюжих организаторских способностях, хозяйской хватке,

дедушка никогда не стремился занимать постов и «быть на людях». Всегда был скромен и незаметен. Проработал до пенсии на технических должностях и жил по правилам советского общества.

Правильность своего принципа он внушал и своим детям. Он категорически запретил им поступать в вузы. Ни папа, ни его сестра не стали поступать в вузы, хотя и способности и возможности для этого были. Очевидно, дедушка понимал, что историю такой семьи, где были и репрессированные и плененные, лучше не афишировать, а поступление в вуз могло опубличить непростые страницы семейной истории.

Историю маминой семьи я совсем не знаю. Мама стала сиротой в 6 лет. Сначала умерла ее мама, потом, практически сразу после возвращения с фронта, умер и отец. Сказались ранения. Мамино детство — это скитания по дальним родственникам и забота государства. Знаю лишь, что ее родители — из рабочих.

Посмотрел я, что же это за город Демидов Смоленской области. Небольшой, но с очень древней и интересной историей... Вы там родились, там учились? Что вспоминается?

Родители после свадьбы переехали в город Вязьму все той же Смоленской области, где родились мы с сестрой. В Вязьме я и пошел в школу, в которой отучился первые четыре года, после чего мы переехали в город Волжский Волгоградской области.

Каких-то ярких воспоминаний о школе не осталось. Все было как у всех. Учился я неплохо, был активен и жил полноценной сначала пионерской, а потом и комсомольской жизнью. Какое-то время был даже мелким начинающим пионерско-комсомольским функционером школьного масштаба. Из запомнившегося в этот период, наверно, выделю два сюжета: переезд из Вязьмы в Волжский и поездку в «Орленок». Они не столько были связаны в обучением и школой, сколько с познанием другой реальности.

Когда я учился в пятом классе наша семья переехала в Волжский — город — спутник Волгограда. Он поразил своим масштабом, правильной организацией и каким-то внутренним выпендрежем. В городе был и полноценный стадион, и бассейн, и розы на улицах, и фонтаны, и много того, чего в Вязьме не было и быть не могло по причине забитости и забытости всей Смоленской области. Так уж повелось, что Смоленщина всегда была полем каких-то битв и сражений. С завидной регулярностью там все разрушалось и заново отстраивалось. На это уходили огромные ресурсы и силы. Но в результате, удавалось лишь восстановить разрушенное, но не более того. В Волжском меня поразил не только город, но и люди. Они были другие и мне поначалу было сложно понять и принять правила этого города. Вязьмичи — очень радушные, добрые и открытые. Жизнь в этом небольшом городке, по моим детским воспоминаниям, протекала как в песне А. Варум «Где без спроса ходят в гости/ Где нет зависти и злости, милый дом/ Где рождение справляют/ И навеки провожают всем двором». В Волжском в отношениях между людьми сквозили недоверие, настороженность. Так, по крайней мере, мне казалось. И это несоответствие между красотой и помпезностью города и настороженностью в отношениях между людьми, порождало дискомфорт. Он сохранился и сейчас. Я не могу до конца понять этот город, он не вошел в мою жизнь. Конфликтность города определялась его историей. С одной стороны, это

была «уголовно-комсомольская стройка»: местную ГЭС и крупные предприятия строили заключенные и активисты, прибывшие в город по комсомольским путевкам. С другой, из города сделали картинку для «братских народов». В город приезжали многочисленные иностранные делегации. Как правило, посещение местной ГЭС и города входило в программу наряду с посещением Мамаева Кургана. А поэтому город должен был быть красивым, чистым и помпезным. Так оно и было. Но это формировало ощущение фальши. И, наконец, город был богатым: крупные заводы, хорошие зарплаты, дешевые продукты — это все то, что определяло повседневную жизнь горожан. По сравнению с Волжским, Вязьма была городом бедных людей, но именно бедность задавала особую душевность отношений. Так вот новый школьный мир был для меня тяжел в восприятии и привыкании. Наверно, года полтора понадобилось для того, что привыкнуть к новым условиям и правилам жизни, но потом все наладилось.

Второе событие, потрясшее меня, — это поездка в «Орленок». В этом сюжете было и приятное и не очень. Первоначально меня, как активного пионера, планировали отправить в «Артек». На школу выделили целевую путевку. Но, как это бывает, самым достойным из всех оказался внук директора школы. Было непонятно, обидно, но через год я поехал в «Орленок». Это были ярчайшие 40 дней, что-то необычное, какое-то не рутинно-советское. Не было пионерского занудства, показухи, формализма. Это была другая полноценная жизнь. Запомнилось многое: и орлятская школа и коллективные творческие дела и разговоры у костра.

Но, в целом, школьные годы были очень приятными. Мне нравилось учиться и многое получалось. Школу я закончил с серебряной медалью.

В каком году Вы закончили школу? И что дальше? О чем задумывались? Что получилось?

Школу я закончил в 1990 году и в этом же году поступил в Саратовский университет на исторический факультет. Несмотря на то, что в школе я учился неплохо и закончил ее с медалью, вариантов поступления было немного, точнее — два — химический или исторический факультет. Интерес к химии сформировался благодаря учительнице химии. Сейчас сложно определить отношение к этому предмету — то ли это было увлечение по убеждению, то ли по принуждению. Химичка была педагогом авторитарным, но очень «сильным», и химию, мы если не любили, то уважали. Я был победителем различных химических олимпиад и мое поступление на химфак было бы логичным продолжением «романа с химией». Но свою роль сыграли родители — «химический вариант» был для них неприемлем. Так что оставался истфак. Этот вариант был мне ближе и интересней.

Историей я увлекался всегда. Она захватывала и интриговала. К началу 11-го класса выбор был сделан окончательно и я стал целенаправленно готовиться к поступлению на исторический факультет. Интерес к истории подстегивал и дух времени. Конец 80-х — это период тотального переосмысления отечественной истории, многочисленных исторических публикаций и дискуссий. Страна дышала историей и не хотелось оставаться в стороне от этого процесса. Как и положено «правильному выпускнику» я записался на подготовительные курсы. Волею случая, это оказались курсы при истфаке Саратовского университета. В момент поступления на курсы я не имел никакого представления

ни об этом университете, ни тем более — об истфаке. Все определил именно случай. Я разослал письма в несколько вузов с просьбой предоставить информацию о подготовительных курсах. Первым ответил Саратов. Письмо из Волгоградского университета пришло месяца через три. Вслед за заочными курсами наступило время и очных, уже перед самым поступлением. Таким образом, я и оказался в Саратове. К поступлению готовился основательно: отработал все пособия по истории, которые издавались в тот момент специально для поступающих, готовился и по другим предметам. Но я очень надеялся на медаль. Тогда обладатели медали сдавали только один экзамен и в случае отличной оценки поступали без сдачи остальных предметов. Так и получилось в моем случае. Я поступил после первого экзамена.

Каких-то особых планов относительно результатов обучения я не строил. К моменту завершения 11 класса комсомольский запал прошел, и мне была интересна учеба, а не общественная деятельность, хотя истфак к этому располагал. На истфак традиционно поступали комсомольские активисты с прицелом на комсомольско-партийную карьеру, но, как я уже сказал, время было не для таких карьер, да и интерес к общественной деятельности уже прошел. Мне было интересно именно учиться.

Отлично. Как шло погружение в историю? Какие области истории как науки Вас наиболее интересовали?

Больше всего меня интересовал советский период истории. Было интересно практически все за исключением войн. Логике в военных действиях я не улавливал, а поэтому и интереса к этим страницам истории никогда не питал. Постигание советской истории началось лишь на третьем курсе, а на первых двух изучался древний мир, средневековье и Новое время. Несмотря на то, что это было несколько «не мое», учиться было интересно. Причина — высоко профессиональный преподавательский состав. Истфак СГУ — это старая школа, где каждый преподаватель — яркая личность. На лекциях многих мы сидели открыв рот. Это был не сухой пересказ учебников, а нечто большое и величественное, какое-то особое прикосновение к чему-то поистине достойному. На истфаке работало много преподавателей «с именами» — авторы вузовских учебников и просто великолепные и интереснейшие ученые. Несмотря на то, что вуз я закончил уже 20 лет назад, я с необычайным пиететом отношусь к своим вузовским преподавателям. Они учили думать, реконструировать логику событий, внимательно работать с фактами. Истфакских преподавателей всегда отличала щепетильность, внимание к деталям. Для примера — один из преподавателей запросто мог не поставить отличную оценку, если студент не знал марку трактора, на котором Паша Ангелина выдавала свои трудовые подвиги. Тогда такая требовательность вызывала непонимание. Сейчас — улыбку.

Единственным из современных предметов на первых курсах была «политическая история». Это был предмет — «дитя перестройки». Его читали преподаватели бывшей кафедры «истории КПСС». И если уж говорить откровенно, то политическая история сводилась к изучению все той же КПСС. Это был период становления политологии и кафедры историков партии постепенно трансформировались в кафедры политологии. Преподавание политической истории было этапом этой эволюции.

Когда наступило время выбора кафедры специализации, вопрос решился легко. В то время «очереди» на кафедру политологии не было. На долгие годы эта кафедра стала для меня родной: там я писал диплом, обучался в аспирантуре и защищал диссертацию. Выбор именно этой кафедры определялся как новизной всего того, что там пытались изучать, так и интересом к реальной политической жизни. Со временем пришло понимание, что это интересней, чем изучение традиционной истории.

Мой диплом был посвящен реформам. Я пытался анализировать логику процесса реформ, выявлять наиболее типичные риски. Тема была достаточно широкая, но это и было интересно. Я мог не ограничиваться описанием отдельных кейсов, а попытаться уловить общие закономерности. Сейчас понимаю, что в дипломе явно не хватало системности, глубины, но тогда это казалось допустимым.

Да, Михаил, здесь хотелось бы задержаться... какие аспекты «реальной политической жизни» привлекали Вас в первую очередь? К моменту, когда Вы начали изучать политическую историю, процесс перестройки прошел уже несколько этапов, потом – ГКПЧ, Беловежское соглашение. Какую оценку всему происходившему давали Ваши преподаватели?

Я поступил на истфак в 1990 году, еще при СССР. Это был предпоследний год существования Советского Союза, но судьба страны в значительной степени была предрешена. Талоны, очереди, пустые полки магазинов, локальные и не очень конфликты – все это было повседневной реальностью.

Истфак в целом был на передовой политических дискуссий. Это отражало дух нашего факультета. Все дело в том, что истфак СГУ – это «рассадник вольнодумства». Так было всегда, не только в период демократической волны. В 60-е годы студенты истфака составили ядро саратовской Группы революционного коммунизма. Было громкое дело, суды, наказания. Но дух факультета это не сломало. На факультете всегда поощрялась самостоятельность мышления и наличие позиции. Так что к перестроечным временам факультет подошел «во всеоружии». Да и кто еще мог по-новому говорить о политике, как не историки. С политологами тогда была напряженка. Политическая жизнь на факультете и около него кипела: постоянные дискуссии в аудиториях и вне их стен. В скверике рядом с истфаком находилась «демократическая палатка», где периодически жили местные демократы. Это была открытая дискуссионная площадка.

Но единой оценки происходящих событий у преподавателей не было и сами оценки менялись очень быстро. На истфаке были и представители демократического движения, и очевидные консерваторы. Но каждый уважал позицию оппонента. Если говорить о доминантных оценках, то вначале – это подъем и поддержка. Исключение составляла тема распада СССР. Это не принималось большинством. Преобладало ожидание обновления, а не ликвидации. Был силен запрос на очищение и вера в силу косметического ремонта экономики и политической системы. Но уже в начале 92-го года демократический запал поослаб. Постепенно он сходил на нет. Возможно, взрослые проблемы придавили преподавателей. Это был период нечаянно нагрянувшей бедности, потери своего места в обществе, непонимания происходящего процесса. Инфляция и общий хаос только усиливали непонимание и, наверное, разочарование в себе за то,

что не могли понять раньше перспективы происходящего, к чему все идет. Это часто сквозило в оценках. Наибольшее раздражение вызывали статусные потери и утрата своего особого положения генератора идей общественного развития.

Если говорить о себе, то мой политический интерес оформился рано. Меня интересовала, прежде всего, электоральная действительность и все что было связано с выборами. Это было наглядно, конфликтно и практически всегда содержало интригу.

Вы поступили в аспирантуру сразу после завершения университета или сначала поработали? Какая проблема была в центре Вашего диссертационного исследования?

В аспирантуру я поступил сразу после завершения университета, но работать начал будучи ещё студентом. Если не ошибаюсь, то после третьего курса. Очень хотелось кушать. Это был небольшой бизнес. Со временем меня перестало это увлекать, да и после завершения университета предложили более интеллигентную работу. В 1995 году по инициативе кафедры, при поддержке ректората университета в Саратове было создано специализированное среднее учебное заведения гуманитарного профиля «Лицей гуманитарных наук». Создавался лицей с «чистого листа» и преподаватели, а также аспиранты кафедры составили костяк лицея. Пригласили и меня. Мне предложение показалось интересным. Привлекала новизна и отсутствие жесткой регламентации. Это был период, когда строгих рамок в образовании не было. Идея лицея — качественное среднее образование с участием вузовских преподавателей и нешкольный подход к организации образовательного процесса. Достаточно быстро я стал заместителем директора этого лицея. Так что процесс обучения в аспирантуре приходилось совмещать с очень интенсивной работой на ниве реального образования. Тем не менее, диссертацию мне удалось написать и защитить. Она была на стыке политологии и истории. Я пытался применить логику парадигмального подхода к анализу политического процесса. Мне показалось интересным попытаться оценить возможность применения подхода Т.Куна в политологии. Моя диссертационная работа носила теоретический характер.

Михаил, вот здесь, пожалуйста, подробнее... в чем проблема? кем и как она решалась до Вас? В чем своеобразие Вашего подхода?...

Еще в студенческие годы меня поразила книга Пола Хейне «Экономический образ мышления». Поразила не только простотой изложения, а это — бесспорное достоинство автора, но и размышлениями о том, что поведение человека ограничивается, прежде всего, некими когнитивными схемами и представлениями о реальности и возможностях. Самое главное — это именно представления о возможном поведении. Одну и ту же проблему можно решить по-разному. Пробки в городе можно регламентировать административно, а можно отказаться от административной регламентации и ввести плату за въезд в город. Результат, возможно, будет один и тот же, но механизм его достижения — разный, как и средства затраченные на достижение. Хейне, как раз и поразила меня идеей с одной стороны вариативности поведения, с другой, признанием неких коридоров мышления за пределы которого человек, как правило, не в состоянии выйти. Это признание стало для меня «открытием», поскольку в первый раз книга была

издана в начале 90-х, когда я ее собственно и прочитал. Меня заинтересовали две проблемы — содержание вариантов и механизм формирования неких схем оценки действительности и, соответственно, формирования поведения. О Куне я уже говорил и повторяться не буду. С его помощью, мне показалось, что я приблизился к пониманию самого процесса формирования изменений и их возможного индикатирования, когда у каждой стадии функционирования научной парадигмы есть свои симптомы, которые, подчас не очевидны, в случае если их не воспринимать как именно симптомы состояния. И третья поразившая меня работа — это книга Н. Кондратьева о больших экономических циклах, в которых он доказывал неизбежную смену состояний, подкрепляя свои выводы данными статистики. Из всех «цикловиков» мне наиболее интересными показались именно выводы Кондратьева. В итоге сформировалась некая интерпретация политического процесса, а именно, что политический процесс, есть лишь смена определенных состояний, отличительной чертой которых является именно доминантный образ мышления, реализуемы в практике, моделях поведения, институтах, но тем не менее логика этих практик, принципы функционирования — одинаковы, так как они определяются именно одним образом мышления. И не столь уж и важно как они называются, и насколько все процессы публичны. Главное, что логика действия одна и та же, преодолеть которую оказывается очень сложно.

Однако такая смена подчиняется законам цикличности и крайне протяженная во времени. При этом для каждого этапа можно подобрать свой набор индикаторов, который и будет свидетельствовать о реальном, а не «парадном» состоянии системы. Цикличность определяется большими циклами Кондратьева. То есть переход от одного состояния в другое возможен только как способ преодоление кризиса, при этом общественно-политические циклы длиннее экономических, потому что образ мышления устойчив и человеку крайне сложно отказаться от обычных представлений. Он будет их до последнего приспособлять и не откажется от того, что привычно. Смена алгоритма действия — очень болезненный процесс для самого человека, системы в целом. Я пытался в своей работе верифицировать данный подход, но не могу сказать, что все получилось ясно и просто. Но один из выводов состоял в том, что смена парадигмы мышления в России должна совпасть со сменой столетия. Но увы, этого пока не произошло. Перестройка, а затем и демократизация сменили лица, но не сменили принципы. Это отчетливо фиксируется, к примеру, в таком наглядном пространстве как партии. В диссертации мне скорее самому себе хотелось сформулировать мысль, что не важно что и как называется, важно что за этим стоит и важно, какие принципы реализовываются. К сожалению для России и постсоветского пространства мы видим нежелание отказаться от логики, определившей всю историю прошлого века. В итоге — отсроченная конфликтность, постепенное усиление противоречий. Не думаю, что я сейчас бы выбрал эту тему. Вся дальнейшая работа была связана с прикладными исследованиями и практической деятельностью в сфере политики и управления.

Интересный подход, в те годы ряды Кондратьева многих привлекали... Как долго Вы проработали в лицее, куда потом пошла траектория Вашей жизни?

В 1998 году, практически одновременно с защитой диссертации, я сменил и место работы. Мне предложили работу в саратовском областном правительстве. Это было не первое предложение, но на этот раз я согласился. Хотелось изменений, да и работа в системе среднего образования постепенно надоедала. Лицей очень быстро вышел на нужный уровень и занял свое место в образовательной системе города. Постепенно становилось скучно. Задача «создание» сменилась на задачу «поддержание», а это уже совсем иной подход, да и люди были нужны иные, чем в первые два года начала большого пути этого учебного заведения. Таким образом, в конце 1998 года я перешел на работу в Правительство области, где и проработал 8 лет.

В течение всех восьми лет у меня было два направления работы: функционал по должности и неофициальный функционал, связанный с политическим консалтингом самого широкого профиля. Это касалось и текущей политической ситуации, и избирательных кампаний, и отдельных конфликтных ситуаций. В той или иной степени я принимал участие в большинстве общественно-политических действий в регионе. Как правило, эта деятельность была непубличной, что предоставляло определенную свободу мысли и действий.

За восемь лет я поработал в разных подразделениях, но все они занимались внутренней политикой — это были информационно-аналитические подразделения. Моя чиновничья карьера складывалась весьма успешно. Последние годы я работал первым заместителем министра информации и печати Правительства области. С этой должности я и ушел «в отставку».

Это был крайне интересный период. Во-первых, это был период погружения в реальность. А она отличалась от того, что было прописано в книжках про политику. Иногда складывалось впечатление, что люди, которые пишут научные книжки по общественно-политическим процессам, описывают что-то свое, только им ведомое.

Во-вторых, это был период постоянных изменений и трансформаций. Все бурлило. Приходилось работать в условиях многозадачья. Тогдашний губернатор Аяцков любил держать всех в тонусе, постоянно фантазируя идеями. Очень много сил занимали выборы. Избирательные кампании шли чередом. В них я участвовал как в качестве аналитика, так и социолога. В большинстве избирательных кампаний, да и не только избирательных, я входил в аналитические группы. Это предполагало масштабное погружение в процессы, их анализ, выявление трендов, потенциальных проблем, каких-то неочевидностей и разработку предложений, рекомендаций по их решению.

Ну и в-третьих, тогда и произошло погружение в прикладную социологию. Социологией приходилось заниматься много. Привлечение внешних социологов в те годы на уровне регионов было не очень принято как по причине отсутствия денег в бюджете, так и по причине того что, внешние социологи не давали ответы на вопросы о том, что происходит на самом деле и что делать в той или иной ситуации. Поэтому задачи пытались решать внутренними ресурсами. Тогда же мне стала очевидна дистанция между теоретическим и прикладным подходами в гуманитарных науках: если представители первого «ищут истину» и «способствуют пониманию процессов», то второго — решают проблемы. Точек пересечения у них — не так много, к сожалению, для первых и вторых.

В 2005 году я перешел на работу в Поволжскую академию госслужбы (ПАГС), где продолжил заниматься тем же самым – прикладным консалтингом, только на более системном уровне. Там я проработал вплоть до переезда в Москву в 2010 году. А в Москве первым местом работы стал ВЦИОМ, где я сейчас и работаю.

В пагсовсом периоде было свое очарование. Было спокойней и размеренней, но это позволило покопаться в опыте предшествующих восьми лет, попытаться ответить на вопросы как формируются оценки власти населением, в чем причина успеха одних региональных политиков и неудачи других, как выявить реальные, а не декларируемые запросы населения, где ловушки синзетивности и парадности. Как-то сразу у нас образовался небольшой неформальный аналитический кружок, в рамках которого мы и пытались по-иному посмотреть и на ситуацию и подходы к изучению политических процессов. Со временем этот кружок оформился в более устойчивый научный коллектив, мы начали получать гранты, в том числе РГНФ, РФФИ и другие. Мы пытались сфокусировать на изучении роли депривационных разрывов в политике, их влиянии на формирование оценок населения. Наш подход был в русле того, что в свое время описал А. Токвиль. Было интересно и, главное, это работало.

Поволжье, Саратов, в частности, места «социологические». С кем из специалистов Вы сотрудничали? Какие книги читали?

Саратов действительно «социологическое место». В городе представлена и академическая, и вузовская, и глубоко прикладная социология. Одним из центров социологической мысли и практики, особенно в части социально-политических исследований, был институт аграрных проблем РАН, с одним из бывших сотрудников которого Вы совсем недавно проводили интервью. Речь об Илье Штейнберге. Наряду с фундаментальными исследованиями, этот институт участвовал и в решении прикладных задач. Несмотря на то, что постепенно позиции этого института в Саратове ослабевают, он до сих пор остается одним из социологических центров. С коллегами из института всегда было очень интересно работать.

Но взаимодействовать мне приходилось чаще с прикладниками, то есть теми, кто в большей степени был ориентирован на решение конкретных проблем, чаще всего, по оценке власти, решению электоральных и иных проблем, а также всевозможных конфликтных ситуаций. Прикладная социология в Саратове развивалась и развивается сейчас в двух основных форматах: социологические лаборатории при вузах и структуры в составе политехнологических команд. Практически при каждом крупном вузе была своя социологическая лаборатория. Самые продуктивные – при Политехническом университете, где очень плодотворно работала В.Н. Ярская, Академии госслужбы, экономическом университете и классическом университете. Позже были созданы такие лаборатории при Академии права и других вузах. Среда была всегда конкурентная. Кроме того, и в других городах области были небольшие социологические лаборатории. В качестве примера могу привести Балаково, где один из местных социологов Константин Мокин создал свой центр, который на регулярной основе проводил исследования общественно-политической проблематики, и особенно активно – по вопросам межнациональных отношений. В разной степени при-

ходило работать с лабораториями академии госслужбы, эконома, университета, а также с балаковскими коллегами. Если о персоналиях, то это было время совместной работы с Р. Пашьяном, К. Мокиным, Г. Дыльниковым, Т. Калугиной, Л. Константиновой, В. Чепляевым, Ю. Тарским, Т. Черняевой. Это – специалисты высочайшего уровня, которые могли показать правильный путь и помочь разобраться в сложных вещах. Наверно кого-то не назвал, но тогда факт общения как-то не рефлексировался. Вторую группу, как я уже сказал, составили политтехнологи. Их интерес к социологии был исключительно утилитарным, но работать с ними было необычайно интересно. Это и М. Клопыжников, и О. Фомин, и Александр Лучинин, и многие другие. «Чистыми» социологами их назвать нельзя, но социологии они были не чужды, поскольку реальных выборов без социологии не бывает. Если говорить в целом, то в тот период мое общение ограничивалось преимущественно саратовскими коллегами.

Книги того периода я бы условно разделили на три группы: классики, методологи и прикладники. Работы первой и второй группы позволили частично преодолеть отсутствие базовой подготовки. Среди прикладных наряду с социологическими работами больше всего приходилось читать политологов и коммуникативистов. Во-первых, потому что политическая социология закрепилась как направление моих интересов, а во-вторых, потому что именно в рамках коммуникативистики наряду с социологией всегда активно обсуждался вопрос как формируется общественное мнение и где каналы эффективной коммуникации? Коммуникативистика позволяла понять технологию процесса формирования повестки дня населения. Социологам это не всегда удается, они фиксируют уже результат.

Пожалуйста, приведите один-два примера из Вашей практики консультанта...

Публичные примеры связаны с выборами. О них говорить можно, хотя непубличных случаев значительно больше, но не совсем корректно с моей стороны говорить о помощи тем, кто ещё и сейчас в хорошей управленческой форме. С выборами – проще. Один из самых интересных случаев был на выборах депутатов Саратовской областной Думы. По одному из округов власть решила «протащить» «своего кандидата» – лидера профсоюзной организации фактически не работающего авиационного завода. Кандидат оказался крайне тяжелым. Это был тот редкий случай, когда говорить о человеке было нечего. Не было личной истории, не было интриги, была только работа, дача и все. Человек всю жизнь проработал на одном заводе, прожил в одном доме и всю жизнь покупал вещи в одном магазине. То есть не было ничего такого, за можно было бы «зацепиться», из чего можно было лепить образ. И тогда меня пригласили помочь выстроить стратегию избирательной кампании. В мой функционал не входила организация работы агитаторов или работа с избирательными комиссиями. От меня ждали ответ на вопрос о том, как можно «продать» этого кандидата избирателям. Ознакомившись с ситуацией, я хотел отказаться, но не удалось, и тогда началась кропотливая работа с погружением в жизнь района, завода, пришлось отрефлексировать образ жизни и мысли жителей, попытаться нащупать то, чтобы их объединяло, что вызывало отклик в душе. Тяжелая была работа. Это был один из заводских районов города, кстати он так и назывался – Заводской, где все социально-экономические проблемы были на лицо: массовая безработица, нера-

ботающие предприятия, преступность, бедность и т.д. Говорить людям о политике, каких-то перспективах было бесполезно, они жили в другом измерении, но в какой-то момент нащупалось то, что их действительно объединяло, что было дорого и понятно. Это — судьба своих предприятий.

Оказалось, что даже те, кто состоялся в новых условиях, тосковал о своем заводском прошлом, о своей бригаде, о заводских традициях, о тех людях с кем работали. Они могли критиковать все, кроме своего завода, который к тому времени уже не работал. Это была не ностальгия, это что-то большее — система их жизненных координат. И тогда мы предложили простую и, как оказалось, очень удачную тему — раскручивать идею заводского характера. Люди не хотели голосовать за человека, убеждать их в достоинстве кандидата было абсолютно бессмысленно, они хотели голосовать за что-то более важное для них — бывших заводчан, — и формула «заводской характер» оказалась очень удачной. Идея «пошла», и на фокус-группах это было отчётливо заметно. Очень быстро началось саморазвитие идеи, когда люди стали наполнять эту размытую коннотацию положительным смыслом. Оказывается, не у каждого заводчанина есть этот самый характер, а ценность человека с заводским характером — не в должностях и публичных заслугах. Это вообще — настоящий человек, который может и правду-матку в глаза сказать, и начальника послать, и протянет руку помощи в трудную минуту, и вообще по жизни не подведет и не предаст. Люди сами нам подсказали, чем наполнить этот образ. При разговоре о заводском характере всплывала песня из кинофильма «Весна на Заречной улице» ... «и заводская проходная, что в люди вывела меня». Вот такой небольшой эпизод.

Сейчас описывая его можно все уложить в несколько абзацев текста, но тогда пришлось много поработать, протестировать десятки идей, провести ни одну серию исследований, чтобы ощутить, прожит эту идею. И таких эпизодов было много. Обычные технологи не могли решить такую задачу, многие из них мыслят шаблонно, у них заранее все готово, но их идеи, претендующие на универсальность часто не работают в сложных ситуациях. Это был один из таких случаев.

Вы не завершили сюжет... чем закончилась эта избирательная кампания?

Избирательная кампания завершилась успешно.

Один вопрос с двумя аспектами. Что Вас гнало в Москву и не испытывали ли Вы страха относительно того, впишетесь ли в новую среду?

Любой провинциальный город имеет свои рамки, границы, даже самый интересный, такой как Саратов. Наверно, это была основная причина периодически возникавшего желания переехать в Москву. Своего потолка в Саратове, как полагал, я уже достиг. Работа в органах власти меня не интересовала, хотя предложения и поступали. Работы же практической со временем становилось все меньше. После отмены губернаторских выборов, изменения контура политической системы, политическая жизнь в регионах быстро стагнировала. Жесткая централизация власти, повышение управляемости политической системой привели к постепенному умиранию политики на региональном уровне как таковой. Власть интересовал только один уровень взаимодействия — федеральный. Локальные проблемы и пути их возможного решения интересовали все меньше.

Основная задача власти постепенно стала сводиться к наведению внешнего лоска, формированию картинке бесконфликтности ситуации в регионе. В этих условиях запрос на проработку отдельных проблем, разработку вариантов их решения постепенно угасал. Конечно, оставались выборы, но реальных избирательных кампаний было мало. Уровень администрирования выборов постепенно рос, что опять же привело к затуханию реальной политической жизни в регионе. Интересные избирательные кампании были скорее исключением. Оставалась сфера научной деятельности, но она в регионе имеет большую специфику. Это, скорее, работа для себя и за свой счет. Даже грантовая поддержка не решала этой проблемы. Нам удавалось получать гранты и РФФИ и РГНФ, но не было практического выхлопа, пользы от этих научных изысканий.

И кроме того, когда поездка на конференцию превращается в проблему и ты вынужден постоянно бороться с околонучной бюрократией, отвоевывая даже грантовые деньги, интерес к научной работе ослабевает. Да и вообще вписаться в «федеральный» научный процесс живя в регионе сложно. Так что в какой-то момент решение о переезде окончательно оформилось. Скажу откровенно, что предложения о переезде в Москву периодически поступали и касались, прежде всего, работы в чиновничьих или околочиничьих структурах. Но как сказал, это меня не интересовало. Для себя определил, что хотелось бы перейти на работу в исследовательскую структуру, связанную с решением прикладных задач. В этом направлении и искал. Отвечая на вопрос о страхе – его скорее не было. Во-первых, решение о переезде «созрело». Во-вторых, риск меня захватывает. Мне интересно решать сложные задачи, пробовать себя в чем-то новом. Ну, и в-третьих, вернуться в Саратов я всегда мог. Так что страха не было.

Вы сразу ехали работать во ВЦИОМ или были варианты?

Работать я поехал во ВЦИОМ, хотя другие варианты были, но менее интересные. Они были связаны с решением уж очень мелких и ситуативных задач. Во ВЦИОМе оказался скорее случайно. Это был 2010 год. Я предполагал, что шансов найти интересное место в Москве в предвыборный год должно быть больше. И мой расчет оправдался. Когда я говорю о случайности, то предполагаю, прежде всего, способ трудоустройства – с помощью сайта рекрутинга hh.ru. Я откликнулся на появившуюся вакансию от ВЦИОМа. Послал резюме, потом – несколько собеседований и в итоге мне предложили поработать с условием испытательного срока, и я согласился. Весь процесс трудоустройства занял месяца полтора и с конца сентября 2010 года я работаю во ВЦИОМе.

Безусловно, отказываться от человека с Вашим опытом – безрассудство... я думаю, Москву Вы знали по предыдущим поездкам, и все же... было сложно входить в среду города? Втягиваться в его ритм...

Не согласился бы с Вашим утверждением. Как показал опыт моих бывших коллег, чиновников очень не охотно берут на работу, особенно, в Москве. Есть установка относительно их природной лени и ограниченности. Так что опыт в данном случае – сомнительное преимущество. По поводу городской среды и ритма города – проблем не было, московский ритм и московская «движуха» – это то, чего мне со временем не хватало в Саратове, хотелось большей динамики, крупных задач под которые нужно расти, меняться, а как уже писал выше, реше-

ние о переезде созрело. Это не был порыв души. Это был глубоко продуманный шаг с понимаем возможных перспектив и рисков, включая временных бытовых лишений. Страшила не работа, страшил быт. Одно дело, когда у тебя все устаканилось и определилось, другое — когда ты все начинаешь с чистого листа в части организации своей жизни. Это действительно было сложно и именно это вызвало некоторую тревогу. Но и эти проблемы были быстро преодолены.

Рабочие сложности возникали, но они носили локальный характер. Все дело в том, что у новичков во ВЦИОМе нет «периода раскачки», тебе не дают время, чтобы осмотреться, присмотреться и т.д. Перед тобой ставят задачу и ты ее решаешь. А это предполагает быстрое вхождение в процесс. Первый проект мне дали на второй или третий день работы. Проект был небольшой, но полноценный. Бесспорный плюс ВЦИОМа — очень комфортная среда для каждого и ориентированность на результат. Если обращаешься за помощью — тебе обязательно помогут, подскажут, дадут совет и укажут на ошибки. Я сам не ожидал, что процесс вхождения в работу будет таким быстрым и комфортным.

Наверное, уже определилась тематика исследований, закрепленных за Вами? Что это за круг тем?

Это изначально были политические исследования и исследования, заказчиком которых выступает политических блок федеральных органов власти. Постепенно произошло сужение проблематики. Сегодня, это, прежде всего, электоральные процессы в стране в целом и региональный политический процесс, хотя четкого разделения проектов между сотрудниками в рамках одного подразделения во ВЦИОМе — нет. Много определяется ситуативной загруженностью сотрудников, личными интересами. К примеру, в прошлом году у меня было интересное исследование по протестным акциям медиков. А в этом — мы разбирались с гражданским обществом в Крыму, то есть говорить об узкой специализации — сложно. Факторов распределения проектов тоже много. Это и научный интерес, и опыт, и специфика заказчика. Но я пытаюсь фокусироваться на прикладных исследованиях. Это соответствует стратегии развития компании и моим интересам. Специфика прикладных исследований — в принципиально ином формате итогового продукта. Заказчик, как правило, ждет четкой и в чем-то упрощенной картины действительности, некой карты ситуации. Но это не предполагает упрощенного подхода. Скорее наоборот: чем меньше возможности представить свой результат — тем ценнее каждое слово.

Я знаю, как сложно «на фабрике» опросов заниматься наукой, и все же, Вы защитили кандидатскую диссертацию более полутора десятилетий назад. Не думаете ли о подготовке докторской?

Сложный вопрос. Но он — без ответа. В возможность защитить докторскую диссертацию в фабричном потоке, я не верю. Причин много, в том числе и многозадачность. Когда у тебя 5–6 разных по содержанию и характеру проектов, тебе надо погрузиться, вникнуть в каждый из них, нет возможности фокусироваться на какой-то одной теме. К сожалению, это — правда. Сегодняшний период я бы назвал периодом накопления материалов и отработки подхода, благо возможности для этого есть, и есть возможность тестировать отдельные идеи не откладывая «в долгий ящик». Но комплексно обобщать, анализировать

все имеющиеся материалы сложно. Для этого необходимо изменение формата работы. Закладываться на работу «проходного» характера не хочется. Но если все сложится как планируется, то в течение пяти лет работа будет подготовлена.

Вы уже несколько лет преподаете в Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Кто Ваши студенты: вчерашние школьники или люди с высшим образованием и опытом работы? Что Вы им читаете?

В Финансовом университете я работаю по программам бакалавриата и магистратуры, так что можно сказать, что мои студенты – вчерашние школьники. Я читаю «Политическую социологию», «Изучение социально-экономических и политических процессов», «Связи с общественностью», так что тематика курсов соответствует моим научным и прикладным интересам.

Интервью с Надеждой Андреевной НАРТОВОЙ

«ТО, ЧТО ОНИ ГОРЕЛИ СОЦИОЛОГИЕЙ, ГОРЕЛИ СВОЕЙ РАБОТОЙ, ГОРЕЛИ НАМИ, ОЧЕНЬ ВДОХНОВЛЯЛО»

Нартова Н. А. — окончила факультет мировой культуры СПб университета культуры и искусств (2002 г.), аспирант кафедры «Социология, социальная антропология и социальная работа» Саратовского государственного технического университета. Старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», СПб департамент социологии; научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Основные области научного интереса: гендерные исследования, социология тела, исследования материнства/родительства и репродукции.

Интервью состоялось: май-июль 2015 г.

Около десяти лет назад, изучая путь Джорджа Гэллапа в науку, я ввел понятие «*траектория преемственности*». Речь шла о направленном анализе нескольких поколениях американских и европейских психологах, у которых обучался в университете Гэллап и которые учили его учителей. К моему удивлению, я нашел короткие траектории преемственности, «связывавшие» Гэллапа с европейскими основателя экспериментальной психологии и первыми американскими психологами.

Позже, в 2006-2007 годах после проведения первых интервью с советскими / российскими социологами я решил посмотреть, кто их обучал социологии, кем и как передавался им опыт социологических исследований. Оказалось, что в послевоенное время социология не преподавалась в университетах, проведение социологических исследований на рубеже 1950-х — 1960-х годов было не возрождением дореволюционной и ранней советской социологии, но ее вторым рождением в СССР. В свете этого положения было естественно рассматривать тех, кто стоял у истоков современной отечественной социологии, представителями первого поколения советских социологов и задуматься о поколенческой стратификации нашего сообщества социологов.

Так в 2007 году появилась конструкция, образованная последовательностью профессионально возрастных страт и названная мною «пирамидой поколений». Каждая из этих когорт объединяет исследователей, родившихся внутри пристыкованных друг к другу 12-летних временных интервалов.

Первое поколение образуют социологи, родившиеся в 1923–1934 гг. Представители этой профессиональной когорты самостоятельно стали заниматься социологией, у них не было учителей, наставников. Второе поколение — это ученые, подавляющая часть которых родилась в интервале: конец 20-х — 1934 год. Они — первые ученики социологов первого поколения. Время рождения социологов третьего поколения — 1935–1946 гг., четвертого — 1947–1958 гг., пятого — 1959–1970 гг., шестого — 1971–1982 гг. и седьмого — 1983–1994.

Первоначально поколенческая типология иргала лишь роль инструмента упорядочения, группировки информации, получаемой в процессе биографических интервью, но позже обнаружился, раскрылся и содержательный смысл поколенческой иерархии. Более того, появилась возможность трактовать развитие советской / российской социологии как процесс возникновения новых поколений социологов, их вхождения в науку. Таким образом, воспоминания участников интервью, их рассказы об учителях, наставниках, консультантах стали эмпирической основой для анализа межпоколенных коммуникаций.

И теперь, после завершения интервью с Надеждой Андреевной Нартовой, я могу сказать, что ждал подобный материал, он нужен в качестве иллюстрации некоторых моих теоретических построений и как стимул к дальнейшим поискам... Значительно раньше такого интервью у меня не могло быть. Надеяться на получение содержательной траектории преемственности можно было, как теперь стало понятно, лишь при изучении биографий социологов VI и VII поколений, но я долго не приступал к беседам с ними. Интервью с первым представителем VI когорты я начал только в феврале 2014 года, а с социологами VII поколения — летом того же года.

Надежда Нартова принадлежит к VI поколению, и вообще говоря, можно было ожидать, что в ее воспоминаниях будут элементы траектории преемственности, но — как я думаю сейчас — лишь принадлежности к VI или VII поколениям мало. На получение такой информации с бóльшей вероятностью можно было надеяться лишь в интервью с человеком, получившим социологическое образование в Петербурге или в Москве, отчасти — в Екатеринбурге и Поволжье. В других городах и регионах — в силу менее продолжительной истории развития в них социологии — шансы на это значительно ниже

Но, конечно, нужна еще и особая «личная история». В биографии Нартовой она есть. Полюбив еще в юности кроить и шить одежду, она после школы поступила на технологический факультет СПб Университета технологии и дизайна. Но вскоре поняла, что это — не ее путь, на учебу она ходила со слезами на глазах. Ее увлекли беседы с ровесницами, обучавшимися по гуманитарным дисциплинам в Петербургской Академии культуры и искусств, и она, не завершив 2-го курса, решила изучать социологию культуры. И преодолев многие трудности, поступила.

И здесь она испытала буквально шок от вводного курса Игоря Ивановича Травина. Приведу фрагмент из ее воспоминаний: «Собственно, не важно, как называлась та дисциплина, важно, что это был Игорь Иванович. Он совершенно

завораживал собой, тем что рассказывал, тем что обсуждали. Было иногда совсем непонятно, но очень интересно. Учиться начинали рано, ехать мне было далеко, но даже мысли о том, чтобы пропустить или прогулять Травина в восемь утра не возникало». Затем Надежда прослушала курсы О. Б. Божкова и Г. И. Саганенко, обучалась под руководством Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной.

Это не просто фамилии знакомых мне коллег, это люди, близкие мне по пониманию многих профессиональных и гражданских проблем. И потому мне легко понять мысли и чувства Надежды, навеянные встречами с этими учеными. С Саганенко я знаком полстолетия, с Божковым и Травиным — четыре десятилетия (они принадлежат к III поколению социологов), Здравомыслову (IV поколение) и Темкину (V поколение) я знаю с их ранней молодости. Кроме того, с этими пятью социологами мною были проведены интервью. Таким образом, мне ясно, в какой интеллектуальной и человеческой среде провела Нартова студенческие годы.

Принципиально и то, что Саганенко и Божков входили в социологию непосредственно под руководством А. Г. Здравомыслова и В. А. Ядова, а потом много лет работали в возглавляемом Ядовым научном коллективе. Что касается Елены Здравомысловой, то здесь не нужна много говорить, она — дочь А. Г. Здравомыслова и свою диссертацию делала у Ядова.

Тот факт, что социологу VI поколения (Надежде Нартовой) оказались созвучны, близки воззрения на социологию и на мир социальных отношений социологов старших поколений, формировавшихся в рамках «ленинградской социологической школы», может служить индикатором актуальности вопроса о существовании и жизненности ленинградской социологической школы и рассматриваться как призыв к продолжению историко-социологических поисков отличительных черт этого научного сообщества.

Нартова Н. А.: «То, что они горели социологией, горели своей работой, горели нами, очень вдохновляло»

Надя, каждый, кто читал о «петровских временах», кто бывал в Эрмитаже, где установлены копировальные станки, встречался с фамилией изобретателя А.К. Нартова. Вы не знаете, Вы – из этой семьи? Что вообще Вы знаете об истории Вашей семьи?

Спасибо, Борис Зусманович, за вопрос. Может и хотелось бы иметь отношение к сподвижнику Петра I, тем более, что и фамилия Нартовых не самая распространенная, но нет. По материнской линии мой дедушка – Лопаткин Валентин Федорович, из крепкой крестьянской вятской семьи, а бабушка – Нина Сергеевна Смирнова – из семьи священников из Тверской области. Они оба приехали учиться в Ленинград, дедушка в военное училище, бабушка в торговый институт. В Ленинграде же у друзей познакомились, поженились и родилась моя мама. Дедушка был военным, семья, как водится, переезжала, но дедушка сделал успешную карьеру и они осели в Ленинграде.

Дедушка по папиной линии – Нартов Семен Григорьевич – из Воронежской области. Они с братом рано осиротели, выросли в детском доме, оба стали военными и женились на двух сестрах. Папина мама Римма Федоровна Сафронова из простой архангельской семьи была учителем. К сожалению, я ее никогда не видела – она погибла, попав под машину, когда папе было 16 лет. Папина семья, так же меняла места жительства, и в один из таких переездов папа с мамой оказались в одном классе в Мурманске. Однако поженились они уже в Ленинграде, после того, как папа, Нартов Андрей Семенович, закончил пограничное училище в Голицино, а мама – Лопаткина Наталья Валентиновна, доучивались в Ленинградском политехническом институте. В Ленинграде родилась и я. Как и полагается семье военных, то мы тоже прожили несколько лет на маленьких заставах на границе с Финляндией, позже два года в Ташкенте. После чего папа уехал в Афганистан, а мы вернулись в Ленинград, и я пошла в первый класс.

Мама, получив инженерное образование, переезжая вслед за папой стала работать учителем. И может быть она бы до сих пор преподавала физику, но 16 сентября 1994 года папа погиб во время операции на Таджики-Афганской границе, во время которой он командовал ДШМГ. Папе было 40 лет, а маме 39. Чтобы поднимать меня, 16-летнюю, и мою 13-летнюю сестру мама ушла работать в паспортный контроль в аэропорту Пулково. Это тяжелый хлеб с подвижным графиком, ночными сменами. Через несколько лет она поменяла работу и стала старшим кассиром в аптеке. Теперь она работает экономистом в плановом отделе одного известного Петербургского театра. Я восхищаюсь мамой, ее смелостью менять виды деятельности, кардинально переучиваясь и осваивая каждый раз совершенно новые навыки.

Я думаю, что историю моей семьи можно назвать «советской», потому что она складывалась благодаря тем условиям и ресурсам, которые поставляло советское и раннее постсоветское общество, например, получение высшего

образования и возможность карьер, но и трансформировалась, из-за накладываемых ограничений и принуждений, страдала и теряла в его, подчас чудовищных, конфигурациях.

...Надя, у Вас в полном смысле героическая семья... Итак, Вы пошли в первый класс. В каком месте еще Ленинграда Вы жили? Как пошло учение?

Жили мы первое время у бабушки и дедушки в большом многоквартирном относительно новом доме, но в старом промышленном районе Ленинграда. Сложно придумать ориентир, чтобы объяснить где. На ум приходит Финляндский вокзал как некий центр Калининского района, но от вокзала до дома было еще минут 20 транспортом и столько же пешком. Другой ориентир — кинотеатр «Гигант». В детстве он был ценен имеющимся около него киоском «Мороженное». И если в других магазинах мороженное было делом удачи и случая, то в нем его почти всегда, постояв немного в очереди, можно было купить. В 90-е кинотеатр переопределили в казино-клуб «Гигант-холл», тополя в маленьком скверике перед крыльцом вырубили, а киоск убрали.

Район вокруг Калининской площади — это очень специфическое место. Действующие заводы перемежаются с тихими, почти провинциальными жилыми кварталами. И до сих пор, хотя рядом с бабушкиным домом идет активная застройка большими жилыми комплексами, когда приезжаю туда, не покидает ощущение заколдованного пространства застывшего или застрявшего где-то в 80-х. И дело не только в мужичках в олимпийках с хозяйственными сетками, в странных магазинчиках, зеленых тихих дворах, а в самом ощущении совершенно другого ритма людей, транспорта, ветра.

В первом классе я попала к совершенно удивительной учительнице Людмиле Федоровне. Не было и недели, чтобы мы не съездили на экскурсию, не сходили бы в театр, не было бы какого-то праздника с конкурсами, участием родителей и т.п. Я привыкла к такой активности с мамой, и была очень рада, что она есть и в школе. Училась я хорошо. Конечно, это связано с учителем, но еще и с тем, что я старшая дочка и внучка, поэтому весь педагогический запал моих родителей и бабушки с дедушкой был направлен на меня. И попробуй тут плохо учиться.

Ну и конечно, годы в начальной школе были совершенно октябрятско-пионерскими: с построениями, октябрятскими звездочками, приемами в пионеры, сбором макулатуры, празднованиями 70-летия Великой октябрьской революции. Не смотря на то, что дома «партийности» не было, я свято верила в коммунизм. Была убеждена, что при коммунизме, который непременно наступит, все будут работать, но не получать зарплату, а просто брать в магазине то, что им нужно. И очень рассчитывала, что вместо еды, которая меня не интересовала, смогу брать шоколад.

Помимо общеобразовательной в 7 лет меня отдали в спортивную школу по плаванию. Признаю, что мне по девчачьи хотелось на ходить на танцы, или заниматься балетом. Но моя очень физкультурноориентированная бабушка верила только в спорт. А поскольку первое время возить на занятия делегировалось ей, то и выбор был на ее усмотрение. После окончания начальной школы я пошла в спортивный класс, который был организован ДСЮШ «Динамо» в школе рядом с бассейном, что позволяло проводить две тренировки в день, а между ними уроки. Так что следующие два года был довольно изматывающий режим. Однако

в школе, на мой взгляд, к нам относились, как обычно к спортсменам — снисходительно. Занятия были по программе, но без ажиотажа. Так что учебы особой не было.

В плавании каких-то значимых результатов я не показывала, да и удовольствия не получала. Но поскольку мы занимались в открытом бассейне, то вот это ощущение, когда ты плывешь, а у тебя перед лицом снежинки, очень любила. Это и правда удивительно.

В шестом классе (в силу реформирования мы проскочили 5-й класс) моя спортивная карьера закончилась, поскольку стало очевидным, что это совсем, ну совсем не мой путь развития. И я перешла в школу, в которой работала моя мама. Училась сначала в классе с углубленным (положа руку на сердце надо признать, что со слегка углубленным) изучением английского языка, а с 10-го — в физико-математическом.

Спасибо, Надя, ленинградцы моего поколения помнят район «Гиганта» еще более сельским, Вы понимаете, «там не было войны».

Так или иначе, но в школах Вы узнали многое по разным направлениям. Какие были планы на продолжение образования? Как, почему именно они сложились? Под воздействием каких обстоятельств?

Как я уже сказала, старшие классы в моей школе были специализированные: физико-математический и гуманитарный. Во многом это было деление на учеников «посильнее» и «послабее». Выбор будущих вузов у моих одноклассников был самым разнообразным, многие шли на экономические специальности. Когда пришло время решать мне, куда и на кого идти учиться дальше, на семейном совете были отвергнуты гуманитарные специальности, как профессии с высокой степенью неопределенности, и начат поиск той, которая потенциально способна прокормить. Экономика и менеджмент меня не прельщали, медицина и фармакология не подходили — была четверка по химии, да и при виде крови я падаю в обморок. Оставались инженерные. К тому времени я уже несколько лет занималась в различных кружках районного Дома пионеров и школьников, а моим основным был так называемый кружок «Моделирование и конструирование одежды», проще говоря «кройки и шитья» с чудесным педагогом Мариной Николаевной Лесковой, с которой я дружу до сих пор. Я очень хорошо шила, неплохо вязала. И в начале 90-х это было очень важное умение, поскольку позволяло в буквальном смысле одеваться. И посоветовавшись с мамой, я решила пойти на технологический факультет Университета Технологии и Дизайна по специальности «Инженер-технолог трикотажного производства», в надежде в будущем одеть всю страну в модный и интересный трикотаж. Да и казалось, что в любом случае людям всегда будут нужны трусы, майки и носки.

Вступительными экзаменами были физика, математика и сочинение. Собственно те дисциплины, которым посвящалась большая часть учебной нагрузки в школе. К тому же я пошла на подготовительные курсы. Которые, с одной стороны, добавляли часов физики и математики в неделю, с другой — давали возможность сдать в мае «репетиционные экзамены», которые могли быть засчитаны как вступительные в Университет, и как дополнительные выпускные.

Так что мой 10, и в большей мере 11 классы прошли под девизом физики и математики. Учились как проклятые. Мне кажется, что большую часть суток я проводила за решением задач по физике. Это все, конечно, создавало довольно стрессовую ситуацию, которую я снимала шитьем. Вставала в шесть утра, чтобы до уроков час шить, час учиться, час шить. Вечером же была в основном только учеба. Но надо сказать, что мне очень нравилась школьная физика, потому что она ориентирована на логическое, поэтапное решение/доказательства и т.п. И решение задач приносили большое мыслительное удовольствие.

В мае я сдала экзамены, получила свои пятерки по физике и математике и трояк за сочинение (грамотность – это битва всей моей жизни, и пока я ее проигрываю), и как многие мои одноклассники чувствовала себя уже вполне поступившей. В июле в основную приемную комиссию увидела себя в списках зачисленных. Так я и стала студенткой Университета Технологии и Дизайна. Но надо отметить, что после окончания школы, я больше ни разу не села за швейную машинку. До сих пор.

Это бывший «Текстильный» на Большой Морской? И Вы его закончили?

Да, это он, и нет, не закончила. Несмотря на то, что студенткой быть оказалось очень здорово – больше мобильности, новые друзья, да и взрослый статус, учиться в Текстильном мне не нравилось. В университет я ходила буквально со слезами на глазах. Хотя, конечно, училась хорошо. Но скорее из-за сложившегося габитуса и силы воли, а не азарта и увлеченности. Как сейчас помню, что при наличии соблазна поступить как многие мои сокурсники и заплатить за выполнение работы, я, сжав зубы и повторяя как мантру «не боги горшки обжигают», чертила бесконечные эпюры по начертательной геометрии. Понимание того, что инженерные дисциплины не твое приходило не только ко мне. Так моя подруга бросила Университет и поступила на библиотечный факультет тогда Академии культуры и искусств. А поскольку она была из другого города, то я стала бывать в общежитии «Кулька». И тут, как не смешно, мне открылся другой мир – я увидела, что люди в рамках программы читают книжки, на которые у меня после сопромата не остается ни времени, ни сил. И я поняла, что так дело не пойдет, что заниматься тем, что тебе не нравится нельзя, и что надо что-то решать.

Я стала присматриваться к гуманитарным вузам, понимая ограничения подготовки: у меня физико-математический бэкграунд, на новые подготовительные курсы и репетиров денег нет, времени тоже не очень много, поскольку это была весна. На мой тогдашний взгляд было три варианта Педагогический институт им. Герцена, СПбГУ и Академия культуры и искусств. В Герцена был огромный конкурс, про большой университет я не очень знала, а про Кулек могла выяснить. В первом приближении выбор пал на две специальности «История мировой культуры» и «Социология культуры». К первой, возникал резонный вопрос – что с ней делать и где работать. А вот социология, поскольку я как и многие нынешние абитуриенты очень смутно представляла себе, что это такое, выглядела как-то загадочно, многообещающе и, хочу добавить, научно. Более подробные справки показали, что эту специальность делает группа активистов из Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

Что все они занимающиеся исследованиями социологи. Что набирают они только 10 человек. И в целом, что это, прямо говоря, уникальная специальность, она же возможность.

Дома разговор о том, что я на втором курсе бросаю один вуз и буду поступать в другой, был не очень простым, но в итоге меня родные поддержали. И я начала готовиться. Сдавать надо было историю (профилирующий), английский язык и сочинение. Никакой системы, что именно и как готовить у меня не было. Я занималась по конспектам друзей, монографиям, каким-то учебникам. Мне помогли мои бывшие учителя литературы и истории, совершенно бесплатно дав мне несколько уроков и консультаций. Возможно это была несколько хаотичная, но какая-то живая подготовка. И в июле 1997 года, как и положено, я сдала экзамены и поступила! Для меня это было большое дело и большая радость, но я даже и не подозревала, что буквально через месяц начнется совершенно для меня новая жизнь фаната социологии.

... очень интригующе. Продолжайте...

Первый курс начался, если я не путаю, с «Введения в социологию», которое делал Игорь Иванович Травин. Собственно, не важно, как называлась та дисциплина, важно, что это был Игорь Иванович. Он совершенно завораживал собой, тем что рассказывал, тем что обсуждали. Было иногда совсем непонятно, но очень интересно. Учиться начинали рано, ехать мне было далеко, но даже мысли о том, чтобы пропустить или прогулять Травина в восемь утра не возникало.

Потом добавились Олег Борисович Божков, Галина Иосифовна Саганенко, Майя Михайловна Русакова. Я уже не помню точно кто какой курс и на каком году обучения вел, потому что они для меня не преподаватели в Университете в прошлом, а люди в моем жизненном и профессиональном пространстве в настоящем. Да, у меня были к ним вопросы, несогласие, иногда может и критическое отношение. Но то, что они горели социологией, горели своей работой, горели нами очень вдохновляло. Я это очень ценю и очень благодарна им за это.

Учиться в Кульке было по-разному. Основной корпус программы составлял широкий комплекс гуманитарных предметов: история, литература, история искусства и т.д. Было много замечательных педагогов, интересных лекций, и вдохновляющих подготовок к экзаменам. Например, по многим «частям» литературы к экзамену ты должен был прочитать ряд текстов. Если не успевал в течении семестра — читал во время сессии. Но каждый раз среди множества разных книг была та, которая становилась откровением. И ради такой вот одной не жалко было бессонных ночей, судорожного ведения читательского дневника и прочих радостей экзаменов. Однако было и много неудачных предметов, откровенно слабых преподавателей. Но что было для меня однозначно хорошего в Кульке — он не мешал тебе жить. И да, возможно в Университете культуры на тот момент было не самое лучшее социологическое образование, какое можно себе представить. Но если ты хотел социологии — ты ее мог получить.

Так конце первого курса нас повели показывать «живых социологов». И в какой-то момент привели в сектор Социологии общественных движений СИ РАН, которым руководил Владимир Владимирович Костюшев. И он рассказал, что делает молодежный семинар. И, конечно, в следующем сентябре я туда заявила. Было очень интересно. В первое время я не понимала и поло-

вины слов. Поэтому приходилось читать в два раза больше. Но это был славный семинар, много читали, обсуждали, делали свои проекты по исследованию молодежных культур и субкультур. Там я написала свою первую, корявую, но честно отработанную статью. Владимир Владимирович очень важный человек в моей жизни. Он не только делал площадку для неформального, но реального социологического образования и профессионализации, но и очень поддерживал.

Во время учебы я стала работать у Ольги Липовской в Петербургском центре гендерных проблем. Там укрепился мой зародившийся интерес к гендерным исследованиям и феминизму. Я познакомилась с Татьяной Михайловной Герасимовой, которая стала моим неформальным научным руководителем.

Я не знаю, как формируется сфера научных интересов, наверное этот процесс как и любовь нельзя разложить на составляющие. Внутри происходит какая-то химия, и некоторые вещи становятся бесконечно интересными, завораживающими, приносящими удовольствие. И мне очень повезло, что я встречала людей, которые этот интерес разделяли, поддерживали и учили.

К пятому курсу стал вопрос – что делать дальше. Продолжать образование или выходить на рынок труда. Татьяна Михайловна рассказала о конкурсе стипендий Фонда им. Г. Белля, поддержала написание заявки, и я получила стипендию. В то время стипендия была двухлетняя, а ее небольшие деньги, тем не менее, при скромных запросах позволяли жить. И соответственно вопрос решился – я буду поступать в Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Я поступила на общую магистерскую программу Факультет политических наук и социологии. Оказывается на нем была Гендерная программа, но я о ней тогда не знала. Моим научным руководителем к моему великому счастью стала Анна Темкина. Программа была годичная. Это был год аскезы, которая приносила удовольствие. Много учились, мало спали, другой жизни практически не было. Но у нас была очень живая и очень горящая группа, много обсуждали, спорили. Было здорово. После окончания магистерской я поступила на аспирантскую программу к Анне Адриановне. Я думаю, что во-многом, той которой я стала, меня сделала она. Это сложно описать, но я думаю, что это одно из самых значимых событий в жизни – иметь научного руководителя, которого ты безмерно уважаешь, который близок тебе по отношению к жизни и профессии, и который не жалеет времени и сил на тебя, уча видеть и работать. Я горжусь, что была и остаюсь ученицей Темкиной.

В это время начались первые школы, конференции, семинары вне университета. Т.е. та самая профессиональная социализация и включение. Я познакомилась со многими замечательными гендерными исследователями, «взрослыми» и «молодыми». Заложились дружеские и профессиональные сети. Думаю, что значительная часть моих коллег и друзей появились в моей жизни тогда. Я надеюсь, что мне еще представится возможность рассказать о них.

Гендерная программа под руководством Анны Темкиной и Елены Здравомысловой это не только образовательная, но и исследовательская структура. Поэтому они активно вовлекали в проекты аспирантов. Для меня это были первые опыты участия в коллективных проектах как интервьюера, исследователя, координатора.

Анна Темкина и Елена Здравомыслова плотно работали с Анной Роткирх и Университетом Хельсинки в целом. Анна Роткирх стала для меня еще одним очень значимым человеком. Я знала ее работы и они меня очень вдохновляли. Поэтому было честью просто познакомиться с ней. А полученные консультации, поддержка и похвала просто окрыляли. И еще важно, что Анна Роткирх находила маленькие стажировки в Хельсинки. И тогда это было очень важно. Поскольку позволяло работать в их библиотеке. И возвращаться домой с килограммами распечатанных статей и ксерокопий книг.

Три года в Европейском университете было очень живыми, рабочими, и тяжелыми одновременно. Конечно, это было для меня первоклассное образование. И большой шаг в профессии. Да и события, которые происходили в моей жизни тогда объединяют меня со многими исследователями моего поколения — это и стипендия и школа Фонда им. Г.Белля, и школа по гендерным исследованиям Харьковского центра гендерных исследований в Форосе, стажировки в Университете Хельсинки и Гендерном Центре Европейского гуманитарного университета, да и многое другое.

...песня, спасибо, Надя. Это интересно не только с собственно историко-социологической точки зрения (ибо все напрямую восходит к истокам ленинградской социологической школы — А. Г. Здравомыслову и В. А. Ядову), но и просто с человеческой. Травин, Костюшев, Темкина, Здравомыслова, Божков, Саганенко — люди, которых я знаю десятилетиями, ценю, которых считаю единомышленниками по широкому кругу вопросов; рад тому, что наше интервью будет в коллекции с воспоминаниями Божкова, Здравомысловой, Саганенко, Темкиной, Травина. Безусловно, в плане учителей Вам редкостно повезло... какую тему Вы разрабатывали в аспирантуре?

К аспирантуре я уже была увлеченным гендерным исследователем, феминисткой по убеждениям и имела активистский опыт. Меня всегда интересовала тема сексуальности, и, в частности, гомосексуальности. И дипломная, и магистерская и аспирантская работы были посвящены лесбийству. В еще «детской» дипломе я смотрела на социальное исключение, в магистерской как происходит разделение приватного и публичного в рамках женского гомосексуального опыта, в диссертации фокусировалась на производстве нормативной лесбийской идентичности в публично-приватной, преимущественно интернет сфере женской гомосексуальности, смотрела на культурных предпринимателей, механизмы производства и концепции лесбийства. Несмотря на то, что за два года обучения на аспирантской программе (а аспирантура в ЕУ была 2-х годичная) я довольно сильно продвинулась, и после окончания в 2005 году даже получила еще стипендию на один учебный год, чтобы все завершить, к моему глубокому сожалению непосредственное написание диссертации пришлось отложить, т.к. я очень сильно заболела и много месяцев провела в больнице. В тоже время нужно было работать, и, конечно, новые проекты и обязательства так же забирали львиную долю времени и сил. Поэтому написание диссертации растянулась. А когда в 2008 году я решила этот проект все-таки закончить, оказалось, что культурный и политический климат в стране изменился, тема стала очень проблематичная для ВАКовских журналов и диссертационных советов. Помню, что после нескольких неудачных контактов с журналами и диссоветами, я через

Елену Омельченко консультировалась с Игорем Семеновичем Коном, который сказал, что да, с советами для такой ситуации сложно, и он уже не знает, кто может взять, что журналы будут либо отказывать или просто не отвечать, и остается только два варианта: либо на баррикады и бороться, либо менять тему, и он бы советовал менять. Я в тот момент была беременная, и скажу честно, войны не хотелось. Посоветовавшись и Анной Темкиной, и с Еленой Омельченко, через тяжелые раздумья я решила тему менять. Так что моя диссертация о лесбийском пространстве первой половины 2000-х осталась не завершенной, и думаю, что осталась в том времени и контекстуально и концептуально. Я и жалею и не жалею одновременно. Жалко, потому что не довела до логического конца. Не жалко, потому что было интересно и плодотворно, а еще, потому что, даже когда стало понятно, что данная тема стала проблемой для российской академии, были люди которые поддерживали, были журналы, которые не боялись. И я им очень благодарна и очень их уважаю.

Я же вместо несложившейся диссертации, родила в январе 2009 года дочку, что тоже считаю своим огромным достижением. А новый опыт позволил найти мне другую интересную для меня тему: несовершеннолетнее материнство. Я стала постепенно собирать материал, по возможности включать эту тему в другие проекты, чтобы была возможность делать эмпирику. Конечно, сейчас, на диссертационный проект остается очень мало времени в силу огромного количества других обязательств. Но в прошлом году я поступила с этой темой в самую гендерную государственную аспирантуру в нашей стране – на кафедру Социологии и социальной антропологии Саратовского государственного технического университета, чьей заведующей является Наталья Игоревна Ловцова. Моем научным руководителем согласилась стать профессор Валентина Николаевна Ярская. Так что я снова или все еще аспирантка. И как у любого аспиранта, мне кажется, что все еще впереди и я все сделаю.

... посмотрите мое интервью с В.А. Ядовым; он описывает ситуацию с кандидатской диссертацией С. И. Голода по сексуальным проблемам... в конце концов, Голод написал работу о труде женщин... Надя, где Вы работаете? В какого рода исследованиях участвуете?

Борис Зусманович, Ваше интервью имеет потрясающий терапевтический эффект. Отвечая на Ваши вопросы еще раз понимаешь, как тебе везло в жизни, какие замечательные учителя, коллеги и друзья в нее пришли. Вспоминаешь книги и идеи, которые вдохновляли, встречи и поездки, которые случались, захватывающие разговоры, обсуждения и споры на семинарах, на кухнях, с коньяком и без. И, отвечая на ваш вопрос, с работой мне тоже очень везло. Еще во время учебы в Европейском я познакомилась со «старшими» коллегами, т.е. теми, кто учился на старших курсах. Среди них была замечательный социолог, а потом и мой близкий друг и коллега, Ольга Бредникова. Она работала в Центре независимых социологических исследований, которым руководил Виктор Воронков. Я думаю, что через нее я стала узнавать о мероприятиях ЦНСИ, бывать на их семинарах. В 2004 году получила маленький внутренний грант ЦНСИ на исследование. Позже была принята в научные сотрудники, а с января 2005 года стала полноправным работником с трудовой книжкой. ЦНСИ стал моей жизнью, семьей и домом, и по духу, и по вовлеченности и по

количеству времени, проводимого на работе. Я всегда много работала. Поскольку академический заработок очень нестабильный, тем более в независимом центре, то конечно брался за любую работу: и администрирование чего-нибудь, и координирование, и исследовательская работа. Бывало, что я лишь на несколько часов днем возвращалась в свою комнату (после окончания школы, я довольно быстро стала жить самостоятельно и снимала комнаты) поспать, и опять уходила на работу, где с вечера до утра писала какой-нибудь отчет. Были интересные гендерные проекты, например, по исследованию секс-работниц, по исследованию вспомогательных репродуктивных технологий с университетом Цюриха, по той же теме, но с другим фокусом с Гендерной программой ЕУ. Но я работала и в других, не связанных на прямую с моей темой, исследованиях – например, вместе с финской коллегой Вирпи Кайсто из Университета Лаапеентранты изучала взаимодействие и соседство двух пограничных городов: Светогорска и Иматры. ЦНСИ, во многом, не только значимая часть моей жизни, но и мой профессиональный университет.

В 2004 году я познакомилась с Еленой Омельченко, человеком ставшим очень важным для меня и в профессиональной и в личной жизни. Она тогда руководила НИЦ «Регион» в Ульяновске. И мы вместе с ней, от лица Региона и ЦНСИ, делали много замечательных семинаров, школ и конференций по сексуальности, телесности, биовласти и т.п. После рождения дочки было сложно с проектами, а значит и с заработком. Хотя, когда ребенку было 7 месяцев, после собеседования (не знаю, кто меня рекомендовал) с Николаем Евгеньевичем Копосовым, руководителем Смольного института свободных искусств и наук СПбГУ, меня пригласили туда преподавать на программу социологии и антропологии. Но зарплата была такой смешной, что не позволяла не только жить, но и оплачивать всю стоимость няни. И в какой-то момент, Елена Омельченко, которую уже пригласили в Высшую школу экономики в Санкт-Петербурге заведовать кафедрой социологии, и которая уже открыла Центр молодежных исследований в НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, позвала меня подключиться к проекту по молодым семьям. Я с радостью и благодарностью согласилась. Дальше стало больше проектов и добавилось преподавание. В итоге с 2012 года я полноценный научный сотрудник Центра молодежных исследований и ст.преподаватель департамента социологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Я участвую во-многих проектах центра, но самый любимый и основной для меня – это Научно-учебная группа «Социальные исследования тела» под руководством Е.Омельченко, в рамках которой мы уже пятый год получаем гранты от «Вышки» на исследование различных аспектов молодежной телесности. В рамках этой группы мы выпустили сборник по первому проекту, и, конечно статьи. Сейчас идет совершенно завораживающий проект про конструирование возраста. Так что впереди еще много работы и много интересного.

Интервью с Ларисой Алесандровной ПАУТОВОЙ

«Я С РАДОСТЬЮ ОЖИДАЮ ИЗМЕНЕНИЙ»

Паутова Л. А — окончила Омский государственный университет, доктор социологических наук, директор проектов Фонда «Общественное мнение» (г. Москва). Основные области исследований: общественное мнение, социальные представления, исследования молодежи и инновационных, локомотивных групп, краудсорсинг. Интервью состоялось в 2014 году.

Историко-биографический проект журнала «Телескоп» существует без малого 10 лет, и к этому моменту завершены или находятся в стадии завершения беседы с более 60 социологами. Поскольку с некоторыми респондентами проведено по два и более интервью, то их общее количество явно превышает 70. Общение с каждым из коллег для меня незабываемо, но есть в этом долгом разговоре особые «точки». Я помню, кто согласился быть самым первым респондентом, кто был первым, среди тех, с кем до начала беседы я не был лично знаком, кто был первой из опрошенных женщин-социологов или первым не столичным (Москва и Петербург); я помню, с кого я начинал изучение представителей первых пяти поколений советских/российских социологов.

Интервью с Ларисой Паутовой — тоже долгожданная веха в моем проекте. Оно открыло двери в пространство бесед с представителями шестого поколения отечественных социологов, т.е. тех, кто родился в 1971–1982 годы. Особый интерес к этой генерации профессионалов (и будущих профессионалов) заключается в том, все вместе они — образуют первое поколение собственно российских социологов. Допускаю, что кто-либо из них ещё успел поработать в социологическом коллективе до лета 1991 года, когда распался СССР. Но были они очень молоды, и стаж их работы к тому времени был слишком мал, чтобы серьезно относить эту гипотетически существующую «наногруппу» к социологам советского периода.

Мне очень приятно, что Лариса завершила рассказ о своей жизни словами: «...я с радостью ожидаю изменений. Мне кажется, социологам вообще нечего бояться. Они любую ситуацию могут понять, принять или изменить».

Хочу, чтобы эти слова оказались вещими

ПАУТОВА Л. А.: «Я С РАДОСТЬЮ ОЖИДАЮ ИЗМЕНЕНИЙ»

Лариса, как мы выяснили в нашей предварительной переписке, Вы принадлежите, если иметь в виду мою классификацию поколений современной советской/российской социологии, к шестой когорте. Это социологи, родившиеся в период с 1971 года по 1982 гг.. Ваше поколение будет образовано из специалистов, из которых никто не работал по профессии в советское время. Это — весьма знаменательно. И многое у вас «не так», как у старших... или у них «не так», как у вас... начнем наш разговор. Где Вы родились? Из какой Вы семьи, что вообще вы знаете о ваших предках? Старшие поколения социологов мало знали, от них многое скрывалось... Вы формировались в другое время...

Я родилась на Урале в г. Кургане, однако в двухмесячном возрасте меня перевезли в Новосибирск, где учились в Новосибирском государственном университете. Поскольку родители — уральцы, в нашей семейной истории переплетены самые разные национальности и сословия: сосланные в XIX веке поляки, белорусы, переехавшие на Урал после начала первой мировой войны, сбежавшие из Петрограда от революции и голода мелкие дворяне, уральские купцы, раскулаченные русские крестьяне, и снова поляки, теперь уже с Центральной Украины. Для Урала и Сибири такая пестрота в порядке вещей. Польско-дворянскую линию я знаю хорошо (до середины XIX века точно, можно и дальше покопать). Крестьянские истории, как это часто бывает, раскопать не представляется возможным. О репрессированных, раскулаченных и «недобитых дворянах» я знала. Мое взросление совпало с перестройкой, когда об этом можно было говорить спокойно. Впрочем, одно белое пятно семейной истории 30–40 гг. было раскрыто самим отцом только в нулевые. Официальная версия-камуфляж, которую я годами описывала в школьных сочинениях о войне, рассыпалась благодаря простейшему поиску в интернете. Мы узнали совсем другую версию событий — неожиданную, печальную и противоречивую.

Позже родители вместе со мной переехали из Новосибирска в Омск, где в 1974 году открылся университет. Но сердцем они долго оставались в Академгородке. Я хорошо помню рассказы про диссидентов, вольный дух Академгородка, ресторан «Золотая долина», но особенно про учителя отца — знаменитого академика А. Д. Александрова.

Позже, учась в Санкт-Петербурге, я познакомилась с Александровым и несколько раз была у него дома. «А. Д.» расспрашивал про социологию, читал по памяти Ахматову и производил на меня впечатление символа научности.

Кстати, по совпадению моя матушка училась у Марии Ивановны Черемисиной — сестры Татьяны Ивановны Заславской. Позже, когда Татьяна Ивановна стала депутатом Верховного Совета СССР я ее воспринимала почти как близкого знакомого.

Мои родители по-прежнему работают в Омском университете, оба доктора наук. Отец — математик, мама — филолог. В детстве меня брали на лекции и университетские праздники. Я выбрала для себя самый ожидаемый путь ребенка из научной семьи: после школы — университет, после университета — аспирантура. Отец был моим неформальным научным руководителем. Начиная заниматься

социологией, я долго была под его влиянием. Моя кандидатская диссертация напирана математическими терминами и социо-кибернетическим подходом. В соавторстве с отцом у нас вышло несколько книг. Мамины филологические книги также были мной прочитаны и использованы в работе — статья про ассоциативный эксперимент в социологии возникла явно не случайно.

Если говорить о поколениях, то мои родители — типичные интеллигенты-семидесятники. Они были воспитаны на «Beatles» и «Rolling Stones», любили Тарковского, Лема и Стругацких, а позже не особо скрывали от меня своих либеральных симпатий. Перестройку они встретили на ура. Все новые передачи и трансляции коллективно просматривались, перестроечные газеты-журналы прочитывались. Я помню в деталях события конца 80-ых, 1991 и 1993 года. Отец всегда был страстным бойцом с теми обстоятельствами, которые он считал неразумными. Большая и малая политика всегда были вокруг него и на нашей кухне. Думаю, что это сильно повлияло на меня как на социолога, поскольку периодически меня сильно тянет в политические дискуссии. Порой мне кажется, что с таким разоблачительным настроением я должна была работать в Левада — центре.

Похоже, Вы — первый человек в моей коллекции биографии российских социологов, кто не состоял в комсомоле... или Вам немного знакома эта реальность?

Мое поколение болезненно воспринимало идеологическое лицемерие вырождающейся партии-комсомола. Двойной стандарт и маразм всегда раздражает подростков. А в то время жизнь была ими особенно наэлектризована (к сожалению, я это все чаще чувствую сегодня...). Такие, как я, воспитаны на «Курьере», «Ассе», «Меня зовут Арлекино», «Легко ли быть молодым?» (на «Маленькую Веру» и «Интердевочку» тогда не удалось попасть по малолетству). И все-таки, несмотря на отторжение системы, я — «последний из комсомольцев». Даже входила в комитет комсомола школы. Вступала в организацию одна в пустом зале. Секретарь райкома смущенно спросил о моих мотивах. Я воодушевленно ответила, что хочу принять участие в перестройке комсомольской организации. Вероятно, ощущала себя девичьим воплощением песни «Мы ждем перемен» Виктора Цоя. Секретарь удивился, пробормотал какие-то заученные фразы и вручил билет. Масштабы моей перестройки однако были незначительны. Мы проводили классные часы о репрессиях 30–50-ых и эмоционально разоблачали культ личности. Однако гораздо большим успехом у старшеклассников пользовались дискотеки: для парней включались ранее не одобряемые Metallica, Bon Jovi, AC/DC, Aerosmith, а для девушек — «Ласковый май», Женья Белоусов и Modern Talking. Поступив в университет в 1990 году, я ответственно пыталась встать на учет в организацию. Однако комсомол умирал, а бывшие активисты занимались бизнесом и крутили в студклубе видео (от Рэмбо» до «Калигулы» и «Греческой смоковницы»). В 1991 после XXII съезда все закончилось и официально — историческая роль ВЛКСМ была признана исчерпанной. Перестраивать было уже нечего. Членский билет у меня до сих пор хранится....

Выше Вы заметили: «...учась в Санкт-Петербурге...». Означает ли это, что после окончания школы (в Омске?) Вы поехали учиться в Санкт-Петербург? Почему не в Новосибирский университет? Какой факультет Вы выбрали?

Это история с почти синергетическими эффектами жизненного поворота. На третьем курсе исторического факультета было желание перевестись в Новосибирский университет на гуманитарный факультет. Я даже ездила в Академгородок, ходила на лекции к известным специалистам (в то время не было пропускной системы, можно было свободно пройти в учреждения). Но что-то меня остановило. Возможно, уже не хотелось менять свою жизнь ради музы истории Клио. Хотелось чего-то другого. Ответ пришел неожиданно.

В середине 90-ых начался очередной виток интереса к социологии. Появились новые книги и журналы, стали создаваться социологические центры. Помню моего отца-математика часто привлекали для создания выборок социологических опросов: они особенно были нужны во времена бесконечных бурных избирательных компаний 90-ых. Мой курс был одним из первых, не освоивших научный коммунизм. Нам уже преподавали социологию. Первоклассный преподаватель Ирина Анатольевна Огородникова (выпускница философского факультета УрГУ) читала большой теоретический и практический курс социологии. Скажу честно, я не сразу поняла социологический метод. Историки – народ замкнутый, со своеобразным академическим снобизмом. Было очень сложно сломать историческое мышление, привязанное ко времени и событиям. Получив свои пятерки, я, возможно, забыла бы про социологию и стала историком культуры. Или как вариант, поступила бы позже на психологию, которая мне всегда нравилась. Была еще третья дорога – отделение теологии ОмГУ, куда меня также звали, поскольку я специализировалась на византийской культуре и иконописи. Прямо как в сказке: «Едет богатырь по дороге, видит – впереди развилка, три дороги, камень». Было сложно выбрать. Но вот тут жизнь сделала первый резкий разворот: созданной на месте кафедры научного коммунизма (!) кафедре социологии понадобился молодой специалист с «новым сознанием». Заведующий кафедрой Александр Владимирович Бутаков предложил мне место ассистента и направление в аспирантуру факультета социологии СПбГУ.

Я подумала немного, согласилась и никогда не жалела об этом. Так сложилось, что мне всегда нравилась социальная философия, я ходила на философские чтения в университете, дома была хорошая библиотека. Социология мне показалась близкой дисциплиной. Некоторые историки меня отговаривали: «Лариса, ты с ума сошла. Что такое социология по сравнению с историей? Зачем тебе «продажная девка империализма»? Ты точно пожалеешь...». Но было поздно. Я уже подседа на социологический наркотик, прочитав Сорокина, Бурдьё и Гидденса. Ирина Анатольевна занималась со мной, ответственно готовя к поступлению в аспирантуру (так она стала моим первым учителем в социологии). Вот так неожиданно для всех два человека – А. В. Бутаков и И. А. Огородникова – поставили меня на социологические рельсы. И я буду им всегда признательна. Социологическая дорога оказалась моя...

Я поступила в аспирантуру факультета социологии, и декан Асалхан Ользонович Бороноев позвал меня к себе. Ему понравился мой вступительный реферат о социальной стабильности, а также тот факт, что я – сибирячка. Так проблематика стабильности стала моей многолетней темой в сложные времена террористических актов, экономического хаоса и политической чехарды.

Для меня Санкт-Петербург имеет особое значение. Как я уже говорила в 1917–1918 предки моей мамы уехали из Петрограда на Урал. Это было своеобразным возвращением домой. До решающего экзамена по специальности я символически ходила к дому предков на Английском проспекте. Несколько раз хотела переехать в Питер насовсем, но не сложилось...

...забавно, в Вашей семье сохранился адрес, по которому жили мамыны предки до Революции...

Мой дед тщательно собирал всю информацию и фотографии от родственников. В 70–80-ые любил работать в архивах и раскапывать информацию. Его интриговала семейная история: польский ссыльный Сапега-Ольшевский и brave офицеры Балтийского флота. Докопав до какого-то забытого семейного казуса, дед, кажется, потерял к архивам интерес. Надо как-то заново заняться этим...

Верно ли понял, что на четвертом курсе исторического факультета Омского университета Вы «заболели» социологий, и после окончания истфака в 1995 году поступили в социологическую аспирантуру СПбГУ? А когда к Вам пришло увлечение историей и как проходили студенческие годы?

Во всем виноваты прабабушкины стулья, на которых по семейному преданию сидел декабрист Свистунов. Я так увлеклась исследованием, что втянулась в историю декабристов на Урале и Западной Сибири. Внимательное обследование старинных стульев показало, что на них не мог сидеть ни Свистунов, ни Кюхельбекер, ни кто-то другой из их современников. Легенда разрушилась, но интерес к истории остался. Он подогревался громкими разоблачениями «белых пятен» истории: репрессии 30–50-ых, переосмысление роли Ленина, новый взгляд на советскую историю в целом. Учебников не было, училась по вырезкам из газет и журналов да и лекциям прогрессивных преподавателей. В конечном итоге, такая волна всеобщего интереса к истории окончательно затянула меня на истфак.

Годы учебы в университете замечательны по определению. Было весело, несмотря на бардак 90-ых и ощущение, что завтра все рухнет. Мы с энтузиазмом пробовали новую жизнь на вкус – сникерсы, йогурты, чипсы, подозрительная Сангрия и суровая водка «Распутин». Особо были востребованы навыки распознавания «паленых» продуктов и вещей: водки – по змею пузырьков при взбалтывании, сапог – по швам на подметках, одежды – по торчащим ниткам. Мы учились и любили, а в это время из открытого доступа в библиотеке убрали Маркса-Ленина-Сталина, развалили СССР, разогнали ГКЧП, расстреляли Белый дом. Зато стало можно открыто читать русскую религиозную философию, Троцкого, Бухарина, Солженицына. поголовно увлеклись Львом Гумилевым. Ксероксов и интернета не было, читали и конспектировали много. Действительно много читали, поскольку все время что-то новое появлялось: от собрания сочинений Бердяева до Плейбоя и Спид-инфо. Постперестроечный религиозный подъем тоже многих затронул. Я, например, успела многим поинтересоваться: православие, католицизм, агни-йога, Блаватская. Быстро-быстро сбежала от бахаи и адвентистов.

По-прежнему общаюсь с моими боевыми друзьями-историками. Самые стойкие остались верны истории. Вообще знакомые разлетелись в 90-ые в самые разные стороны: в науку, бизнес, банкиры, в «бандиты», тюрьму, наркоманию, Чечню, за границу. А я вот — в социологию...

Забавное совпадение. Герой скандального романа Сергея Минаева «Духless. Повесть о ненастоящем человеке» — мой ровесник и историк по образованию в своей книге написал: «Поколению 1970—1976 годов рождения, такому многообещающему и такому перспективному. Чей старт был столь яростен и чья жизнь была столь бездарно растрачена. Да упокоятся с миром наши мечты о счастливом будущем, где все должно было быть иначе... R.I.P»

А. О. Бороноев в последние годы занимается историей русской дореволюционной социологии, Вы — историк, как получилось, что Вы не принялись за разработку историко-социологической проблематики?

Полагаю, что у шефа на кафедре было уже достаточно аспирантов, специализирующихся на истории социологии. Они учились не только у Бороноева, но и легендарного Анатолия Андриановича Галактионова, Риммы Павловны Шпаковой. Моя вступительная работа, видимо, была с претензией на теорию социологии. В это время мне нравился Парсонс и социокбернетика. Какая история социологии? Я со всей своей юношеской энергией принялась систематизировать и генерализировать, явно злоупотребляя естественно-научными терминами. А когда услышала в Питере Никласа Лумана, то вступила в комитет по социокбернетике Международной социологической ассоциации. Уверена, что Бороноев — отличный педагог, чувствующий особенности ученика. Он понял, что я встала на свои рельсы, и только подтолкнул меня в выбранном направлении. Я творила, он присматривал и страховал. Просто идеальный шеф.

Лариса, с кем из петербургских социологов Вы сблизились, сотрудничали?

Так сложилось, что я сначала побаивалась питерских интеллектуалов и держалась смущенно-отстраненно. Однако на меня влияли очень многие мэтры, помогая своими точными советами: Владимир Владимирович Козловский, Петр Иванович Смирнов, Олег Иванович Иванов, Валерий Дмитриевич Виноградов. Очень пришлось кстати исследования Сергея Исаевича Голода по стабильности семьи (к сожалению, он недавно умер), работы по этнической социологии и психологии Зинаиды Васильевны Сикевич (позже она была моим оппонентом). Социологи Европейского университета всегда вызывали у меня особое почтение: интеллектуалы, люди мира, профи, изящно различающие и препарирующие социальную реальность (Вадим Волков, Олег Хорхордин, Михаил Соколов). Но ближе всех оказались работы Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. В период увлечения гендеристикой я познакомилась с Анной Андриановичей и даже побывала у нее дома. Чудо-женщина и замечательный исследователь.

Больше всего сблизиться довелось с Дмитрием Ивановым, с которым вместе поступали в аспирантуру и позже защищались в один год. Дмитрий, безусловно, супер талантлив. В 1998 году на социологическом конгрессе в Монреале я с восторгом наблюдала, как он вошел в десятку лучших молодых социологов ISA. Его работы по виртуализации были началом новой digital эпохи. Свежие, дерзкие и методологически точные. Я равнялась на него, а позже приглашала его

в Омск, чтобы он вдохновил студентов-социологов. В настоящее время Дмитрий Иванов – доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского факультета социологии.

А теперь – о содержании кандидатской диссертации и процессе работы над ней?

Тема кандидатской диссертации – «Проблема стабильности социальных систем». Это была усердная аспирантская эквилибристика с дефинициями. Мне доставляло аналитическое удовольствие выделять контекст употребления таких понятий в истории социологии как «стабильность», «устойчивость», «равновесие», «устойчивое развитие» и т. п. Будучи примерной дочерью математика, проводила аналогии с естественными науками. Эти сравнения были отнюдь не пользу социологии, где понятие «стабильность» весьма расплывчато и нагружено оценочными смыслами. Однако исторический аспект не особо увлекал, поскольку хотелось самой поупражняться в логических построениях. И тут вдохновила книга новосибирского социолога Людмилы Корель по социологии адаптации. Людмила Васильевна предлагала свою классификацию социальной адаптации. Мне эта идея понравилась, и я выделила под три десятка видов стабильности (конечно, не столько самостоятельно, сколько на основании анализа других исследований). Позже Петр Иванович Смирнов посоветовал мне выделить некое сквозное основание деления вроде валентности в периодической системе Менделеева. Поразмышляв, я согласилась и внесла измерение «изменчивость». Тогда в схеме появилась стройность. Позже было приятно видеть, что работу цитируют. А в одном автореферате даже увидела плагиатный кусочек своей диссертации. Несмотря на удивление, было лестно.

Сам процесс написания диссертации был полностью поглощающим. Не знаю, как работают другие, но я становлюсь монодоминантной, концентрируюсь на теме. Все, что происходит в жизни, пропускаю через работу (художественные книги, рекламу, театральные спектакли, житейские истории и семейные конфликты). Параллельно у меня собирается разный околонучный «сор» в виде картинок, вырезок, заметок и т.п. Когда захожу в тупик, вся превращаюсь «в слух»: впитываю все, что говорят эксперты, и жду, когда «осенит». Рано или поздно появляется рабочая схема и текст. Сначала интуитивно шла к такому алгоритму. Теперь уже воспроизвожу осмысленно, особенно общение с коллегами. Пропуская через себя поток информации и опыт других, постепенно нападаешь на след своей работы.

Защищалась я в знаковый момент: спустя месяц после дефолта 1998 г. Примерно тогда появилось выражение мне в тему: «Наступил стабилиз..ц». Родители не смогли приехать в Питер, т.к. банки выдавали деньги только по 100 рублей в день в порядке очереди. У меня была заначка от соросовской аспирантской стипендии, которая и пошла на командировку и банкет. А на питерских прилавках была ажиотажная пустота. Помню, родители девушки, с которой я защищалась, радовались, что успели купить «икру-водки-коньяки» до дефолта. Один из вопросов во время защиты был эмоционален: «Вот Вы про стабильность пишете... На дворе полный бардак. Как же нам спасти Россию?». Скажу честно, работающего рецепта спасения России у меня нет до сих пор...

На этом завершился «петербургский» период Вашей жизни или стали работать в Петербурге?

Так сложилось, что я осталась в Сибири. Асалхан Ользонович Бороноев предлагал работу на кафедре теории и истории социологии. Но параллельно поступило более заманчивое предложение для «девушки репродуктивного возраста» – предложение выйти замуж. Социология социологией, но замужество – это святое. Тем не менее, после защиты были очень важные для меня годы. Кандидатская диссертация – это прежде всего квалификационная работа. Я понимала, что социологом надо было еще стать. Следовало «нарастить мышечную массу». И я с удовольствием занималась сразу несколькими направлениями.

Во-первых, надо было еще поучиться, желательно у маститых социологов. Все-таки бэкграунд был исторический. Мне довелось посетить несколько летних/зимних школ, где преподавали гранды российской социологии: А. Ф. Филиппов, В. А. Ядов, Г. С. Батыгин, И. Ф. Девятко, Н. Е. Покровский, Л. Д. Гудков, В. В. Радаев, А. О. Крыштановский и др. Такие школы были не только социализацией молодых региональных специалистов, но и какой-то «апостольской миссией». За две недели мне передавали сакральное социологическое знание, я же его потом с удовольствием транслировала студентам: от старых баек и профессиональных анекдотов до новых имен, книг, трендов и невинных сплетен. Также почти каждый год доводилось ездить на симпозиум «Куда идет Россия?» («Пути России»). Даже планировала уже, будучи кандидатом наук, поучиться на магистерской программе в Шанинке.

Во-вторых, довелось побывать на хороших постдокторских стажировках и конференциях (Канада, Норвегия, Испания, Венгрия, Польша). Эти поездки показали, что ни в коем случае нельзя замыкаться на «провинциальном» уровне тематик. Хотелось, живя далеко от центров социологии, думать и действовать глобально. Видимо, хотелось брать пример со своего омского преподавателя, историка Анатолия Викторовича Ремнева, работы которого в области Empire Studies получили международное признание. Он привлекал меня в свои проекты, совместные с западными коллегами, питерскими историками и московскими социологами (Еленой Борисовной Шестопап, например). Это был мощный заряд креатива и научной энергии. Никаких банальностей и тривиальностей. Только новые подходы в сочетании с добротной академической школой. Не так давно Анатолий Викторович умер в возрасте всего лишь 56 лет. Думаю, сейчас в Омске сложно найти гуманитариев, сопоставимых по энергетике и масштабу личности.

Мне также довелось работать в интересном проекте с математиками: Александром Константиновичем Гуцом, Виктором Коробицыным, Александром Лаптевым и Юлией Фроловой. В рамках гранта Central European University мы занимались компьютерным моделированием социальных систем и выпустили три небольшие, но интригующие книги для студентов. Любя и тоскуя, называю этот свой период «объективистским угаром». Меня поглотила формализация и желание поиграть в имитации. Время способствовало увлечению симуляциями: страну охватила компьютеризация и виртуализация. Было интересно формализовать социальные процессы, заменить людей социальными агентами и поиграться в социологически ориентированные компьютерные модели. Наши компьютерные социальные чудо-агенты захватывали чужие этносы, проигрывали выборы, женились и расходились. Но именно в этот момент, наблюдая как у математиков на дисплее компьютера социальные агенты буквально поедают друг друга, я поняла, что очень мало знаю о реальных людях: их правилах, уста-

новках, алгоритмах действия. Это ощущение появляется и сегодня. Но работа в поллстерской компании все-таки ликвидировала самые большие пробелы в знаниях.

И, наконец, была в моей биографии и гендерная тематика. В начале нулевых это был очень модный вопрос. В возрасте под 30 женщины нередко задумываются о «тайнах пола». Мой интерес к опасной теме подхлестывался еще и появлением грантов по гендеристике. У меня был такой грант на разработку учебного курса по гендерной тематике. Два года я шокировала парней-студентов феминистскими темами, вдохновляла девушек чтением Симоны Бовуар и Суламифь Файерстоун. Помню, мои слушатели даже рисовали на занятиях образ мужчины и женщины, а потом мы эмоционально выявляли гендерные стереотипы (конкурс «В каждом рисунке гендер!»). Минус этого периода состоял в бесконечных дискуссиях с моими знакомыми парнями—историками, которые, кажется, были уверены, что я сошла с ума. Плюс — в знакомстве с интересными исследователями (Анной Темкиной, Татьяной Барчуновой и др.). Глубокого исследователя гендерных проблем из меня, правда, не вышло. Я родила, окончательно осознала, что мир гендерно ассиметричен и на этом успокоилась...

Вспоминаю сейчас эти годы и вижу разные траектории, по которым могла развиваться жизнь. Тогда же была настолько увлечена всем и сразу, что не могла отследить те варианты, которые предлагала судьба. Но верно одно: очень много «двигалась» и видимо достаточно осмысленно. Подобно лягушке из притчи, попав в молоко, усиленно перебирала лапками. Вот, видимо, и взбила молоко в масло.

Да, «постдокторское» время Вы проводили весьма эффективно, прошли — похоже — лучшую из возможных в России в те годы школ. Что-то вело Вас: судьба или интуиция... и в какую сторону далее Вас повели эти силы? Наступило условно стабильное время или турбулентности продолжались?

Если говорить о стабильности в обществе, то, конечно, в нулевые мы стали ощущать устойчивость под ногами и чуть большую уверенность в будущем. Данные опросов это подтверждали и по-прежнему подтверждают. Однако, я склонна использовать оценки Юрия Левады: «относительная стабильность», «иллюзия стабильности», «имитация стабильности». Мне такие акценты близки до сих пор.

Возникла определенная стабильность и на работе: в Омском университете открылась специализация «Социология», появились студенты-социологи. Мы с удовольствием институционализировались, осваивали новые курсы, выращивали профессионалов. Выпускники первых лет были очень яркими личностями. Многие остались в исследовательской сфере и сейчас делают первоклассные проекты.

Что вело меня в это время? Сложно понять, что же в большей степени влияет на цепочку событий: правильно сфокусированные усилия или же «поток», выносящий на новую жизненную площадку. Пока я не состою в состоянии «отрефлексировать» свой опыт под этим углом зрения. В юности усвоила одну банальную формулу: «Прорыв зависит от усердных «попочасов», отведенных на аналитику, и «самолеточасов», потраченных на важные встречи». С возрастом начинаешь фокусировать усилия и правильно организовывать и то, и другое. Почти хими-

ческая реакция усилий и встреч в какой-то момент создает новые перспективы. Сейчас же часто ощущаю, что в изменениях всегда присутствует нечто, не поддающееся измерению. Это особенно видно, когда находишься в тупике. Не помогает ничего: можно сколь угодно грести лапками, думать-размышлять и все без толку. Но потом отпускаешь ситуацию и ждешь. Со временем приходит волна, и начинается новый этап.

В 2001 году Бороноев неожиданно предложил мне начать писать докторскую. Не скажу, что бы я планировала или особенно хотела этого. Однако именно в тот момент было ощущение тупика. Живя в Омске, не знала куда дальше двигаться. Наверное, поэтому согласилась и поступила в докторантуру факультета социологии СПбГУ. Странно, что спустя пару месяцев появились и другие жизненные альтернативы: стажировки в американских вузах и ...беременность. Америке пришлось сказать «Погоди пока, дорогая. Сейчас не до тебя». Свою книгу «Повседневные представления о стабильности» я посвятила дочке как полноценному соавтору. Одну главу дописывала в роддоме, другие — в перерыве между кормлениями и гуляниями. Монография во многом устарела, но по-прежнему мне нравится своей оригинальностью и искренностью (например, главы назывались «Думая о стабильности», «Чувствуя стабильность» «Рисуя стабильность»). Пришлось комплексно помучить бедных респондентов: несчастные давали ассоциации со словом стабильность, формулировали суждения и оценки, сравнивали, ранжировали и даже рисовали. В какой-то момент текст не лепился. Например, мне не совсем было понятно, что именно ощущают некоторые респонденты, когда говорят «*Стабильность — это когда сегодня так же, как вчера и как будет завтра*». В одно утро, когда в очередной раз варилась каша, менялись памперсы и сыпались одни и те же проблемы, до меня внезапно дошло, что же такое «стабильность»: «Ах, вот они про что говорят! Все понятно. Одноитожество».

В конечном итоге эта небольшая монография сыграла кардинальную роль. Одним из рецензентов была великолепная Галина Галеевна Татарова, с которой я ранее познакомилась на конференции (после доклада, помню, услышала от нее что-то вроде «А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться»). Она показала книгу Светлане Гавриловне Климовой, а та, в свою очередь, Ивану Климову. Позже мне написал Иван, сказал хорошие слова. Так началось мое сотрудничество с ФОМом. Я написала для «Социальной реальности» статью "Стабильность по-украински" vs "стабильность по-российски" (было бы интересно, кстати, написать продолжение). Будучи в ФОМе и общаясь с Григорием Львовичем Кертманом, я сказала, что собираюсь переехать в Москву. Через какое-то время получила приглашение работать в ФОМе. Так получилось, что даже не пришлось искать работу. Приехала в столицу, обустроилась, закинула ребенка в детский сад и вышла на работу в ФОМ в отдел к Ивану Климову. Вот такая новая волна....

Да, так, а что с докторской?

Все состоялось в 2007 году. Чуть позже, чем полагается (все-таки с ребенком сложнее писать). Защитилась хорошо, ровно, без проблем. Асалхан Ользонович и питерские коллеги очень меня поддерживали. Большое им спасибо. Сам процесс творчества мне понравился. Вспоминая, как все развивалось, могу выделить несколько ярких встреч. Прежде всего, общение с Еленой Борисовной Шестопап, вдохновившей меня и на докторантуру, и на книгу. Когда я была у нее

в гостях, она показала несколько добротных эмпирических исследований, по мотивам которых были написаны монографии. Мне запомнилось следующее: «Лариса, попробуй. У тебя обязательно получится. Но главное, ты получишь колоссальное удовольствие». Ее эмпирические исследования мне всегда нравились, особенно вариации ассоциативных методов (ассоциирование политиков с цветом, запахом, животным). Многие удалось заимствовать и неплохо реализовать в исследованиях стабильности.

Другой источник вдохновения — работа Евгения Головахи и Александра Кроника по психологическому времени личности. Через них узнала о временном тесте Коттла, который потом удачно применяла, «вынуждая» украинских и российских студентов ассоциировать стабильность с временными кругами — прошлым, настоящим и будущим. Евгений Иванович любезно отозвался на мое письмо и позже дал отзыв на работу.

Ранее уже говорила, что училась в летней школе у Александра Фридриховича Филиппова. Потом несколько раз пересекалась с ним в Москве. Мне всегда нравилось бывать на секциях Филиппова, где собирались прекрасные социологи: Светлана Баньковская, Виктор Вахштайн, Вадим Волков, Андрей Корбут, Михаил Соколов. Видимо, я пыталась неуверенно и неточно подражать таким замечательным интеллектуалам. Уж очень хотелось видеть мир так же, как и они. Но я вижу его иначе. Видимо, я — больше эмпирик и популяризатор данных, но не теоретик социологии, социальный ученый. Во всяком случае, сейчас. Но что важно, Александр Фридрихович корректно сказал мне важную вещь: «У Вас получаются отличные эмпирические зарисовки. Двигайтесь туда. Ваши эксперименты с временными кругами очень даже хороши». Позже он поддержал меня в моем решении пойти работать в ФОМ. Очень благодарна за такой комментарий. Спокойно приняв мысль «я — не Вахштайн», завязала с теоретизированием и занялась тем, что получается лучше. Сейчас же сама часто говорю студентам и юным коллегам, что надо играть свою мелодию, искать свой путь.

И, наконец, важнейшее звено — Юрий Львович Качанов. Это было исключительно виртуальная коммуникация, мы никогда не встречались. Но Качанов очень помог мне своими советами и идеями. Пришлось, практически полностью переделать первый вариант текста, но это того стоило. Думаю, Юрий Львович не увидел реализации всех своих пожеланий в конечном варианте диссертации, но в целом остался доволен.

Если же совсем просто сформулировать идею диссертации, то это звучит так: мы по-разному ощущаем, представляем, оцениваем, воображаем, требуем, критикуем и отвергаем стабильность. А чтобы понять, как и почему это происходит, надо разобраться с тем, что такое сознание (социальное сознание). Сами понимаете, первое, что мне пришлось тогда штудировать — это книги Бориса Андреевича Грушина. К счастью, мне довелось его и увидеть, и услышать.

Итак, в ФОМ Вы работаете с 2007 года. Какая тематика стала для вас стержневой? Можно ли сказать, что Вам часто при интерпретации результатов опросов удается опираться на общие разработки о природе стабильности — изменчивости? Не наблюдаете ли Вы, что нередко эта изменчивость направлена не вперед, а назад: тоска по СССР, по брежневским временам?..

Начну со второй части вопроса. Безусловно, опыт исследования стабилизационного сознания пригодился. Прежде всего — само понимание структуры массового сознания, особенностей его проявления в самых разных ситуациях, контекстах, группах. Владея методологией, можно изучать и другие социальные представления, ценности, установки, настроения. ФОМ дал доступ к огромному массиву все время обновляющихся данных. И если раньше у меня в голове была теоретическая матрица исследования социального сознания и локальный эмпирический опыт, то в ФОМе можно было замерять самые разные аспекты «социальной атмосферы». Отчасти это поллстерское занятие напоминает мне работу моей московской приятельницы-метеоролога из центра ФОБОС. Она владеет методикой замера изменений погоды, и ей по большому счету все равно, что именно анализировать и прогнозировать: московскую слякотную погоду или олимпийскую сочинскую.

Если говорить о стабильности в России, то могу заметить, что с 2007 года запрос на стабильность сильно поменялся. Стабильность — понятие относительное, и в зависимости от контекста в ее палитре появляются новые краски. Все чаще смысловой водораздел идет вокруг концептов «стабильность-застой», «стабильность-изменения», «стабильность-стабильности по-путински», «зачем нужна такая стабильность?». Еще несколько лет назад стало понятно, что лозунг стабильности почти исчерпал свой креативный политический потенциал, что нужны новые идеи. Данные показывают, что идеализация брежневской устойчивости еще сохраняется, но в локомотивных социальных группах зреет запрос на иные цели: на обновление, на достойную стабильность в сочетании с движением вперед и справедливостью.

ФОМ — постоянно меняющаяся исследовательская компания. Мне приходилось работать с самыми разными тематиками и запросами. Первый проект был связан с молодежью, а точнее с новым несоветским поколением, рожденным после 1983 года. В конце нулевых такая тема стала привлекать внимание очень многих: власть,

СМИ, образование, бизнес (особенно интернет-бизнес). Такой ФОМовский проект был скорее публичным, нежели коммерческим: мы публиковали много данных опросов, выступали на мероприятиях в СМИ, снимались в документальных фильмах про «путинское поколение». Мне нравилось быть частью публичного конструирования тематики и проблематики нового поколения. Это направление особенно интересно, ведь помимо социологической насыщенности и острой актуальности, поколенческие сопоставления позволяют многое понять и о себе, и о своих родителях, и о детях.

Другой проект, менее известный непосвященным, — региональные исследования. В течение четырех лет мне приходилось вести социологические проекты по заказу региональных администраций и бизнеса. Это очень ценный боевой опыт. Во-первых, пришлось осваивать кухню социально-политических и предвыборных исследований, и что особенно важно, с учетом региональной специфики. Во-вторых, учиться общаться с крупными клиентами в регионах, которые все очень разные и очень не простые. Сибирский опыт мне здесь, конечно, пригодился. В Омске довелось наблюдать региональную политическую элиту, информационные войны, жёсткие противостояния. Все это очень помогало

понять запросы клиентов, их потребности, страхи, особенности общения. Иногда серьезно думаю, а не заняться ли теперь такой областью как GR (Government Relations).

Еще одна тема – инновации, инновационный бизнес. От тематики стабильности я закономерно перешла к новшествам и модернизации. Думаю, этот процесс закономерный: от познания неизменности и сохранения к исследованию возможности изменений. В ФОМе были очень яркие проекты с Фондом «Сколково» и другими институтами развития. Во многом по собственной инициативе я поддерживала проект «Люди-XXI» – локомотивной группы социальных инноваторов. Благодаря инновационному и региональному проекту много путешествовала по стране: Ярославль, Тверь, Архангельск, Карелия, Томск, Пермь, Екатеринбург, Новосибирск, Иркутск, Красноярск, Хабаровск, Казань, Липецк, Самара, Ростов-на-Дону, Воронеж, Псков, Калуга, Владимир. К сожалению, пока не доехала до Владивостока и Петропавловска-Камчатского, хотя такая возможность была. Но что особенно важно, удалось познакомиться с людьми особой породы, теми самыми инноваторами: предпринимателями, стартаперами, экспертами, инвесторами, бизнес-ангелами, инновационными менеджерами. Все они одержимы разработкой новшеств и их внедрением в жизнь. Мне очень нравится такая тусовка. Там время бежит быстрее, все немного сумасшедшие, но каждый раз после такого общения поднимаешься на какую-то новую ступеньку.

Немного еще о ФОМе. В первые годы пришлось не сладко. Мой опыт исследований – это «дамское рукоделие» по сравнению с опросной машиной ФОМа. Многому училась буквально с нуля, наравне с молодыми специалистами. Но статусные глупости мало волновали. Хотелось научиться тому, что умеют бывалые сотрудники. Помимо исследовательских навыков ФОМ дал еще две важные специализации – менеджмент исследовательских проектов и продажи/маркетинг исследований. Оказалось, что желание общаться и навыки вхождения в самые разные социальные сети – ценный социальный капитал. Приходилось пробовать себя в самых разных бизнес-ипостасях. Некоторым коллегам это категорически не нравилось. Я же рискнула освоить новые роли, немало раз набила шишек, но в конечном итоге справилась. Теперь управление исследовательскими проектами и продвижение нравится не меньше аналитики. Думаю, ФОМ был подарком судьбы. Только здесь я смогла раскрыть свои качества. Об этом всегда говорю коллегам.

Лариса, конечно, Вы верно сделали, что прошли все этапы полстерского дела. Вы понимаете, с чем имеете дело... Мы вернемся к этому, а сейчас - не прошу статью, но в самых общих чертах, что же это сегодня «стабильность по-украински» и «стабильность по-российски»? Мне кажется, что актуальнее вопроса нет...

Если говорить о моих сравнительных исследованиях 2005 года, то цель их была скорее методологическая, нежели содержательная. Хотелось показать, как смысловая конфигурация стабильности меняется в различных контекстах. Очевидно, что представления о чем-либо существенно варьируются в зависимости от пола, возраста, образования, дохода, политических пристрастий, а в случае стабильности, еще и профессии. Однако обращение к украинскому (а также белорусскому и польскому материалу) высветило новые грани конструирования образа стабильности. Идея пришла после сравнения своих впечатлений от посе-

щения Киева до и после оранжевой революции (2004, 2005, 2006 гг). С помощью украинских коллег я провела небольшой экспериментальный опрос студентов Киева и Ивано-Франковска с привлечением психосемантических и других проективных методов (свободный ассоциативный эксперимент, тест Люшера, проективный рисунок). Сравнение с данными по российским экспериментальным группам выявило интересные политические отсылки, некую политическую, идеологическую «обертку» образа. До украинской революции 2004 года стабильность имела статус легитимации режима. Однако в последние годы правления Л. Кучмы (а позже В. Януковича) тема стабильности активно обсуждалась и в оппозиционных, и в научных кругах. Основными смысловыми различиями были, как и в нынешнем российском варианте, проблемы «стабильность или застой». Очевидно, что дискурс оранжевой революции был нацелен против риторики стабильности. Образ реформ, изменений и новой Украины был не совместим с догмой кучмовского режима («За нашу Победу! За нашу Украину! Свобода или феодализм? Движение или застой? Перемены или конец! Снова в застой? Вы хорошо подумали?»). Вечная история: власть цементирует себя с помощью идеи стабильности, оппозиция раздувает огонь революции, вызывая ветер перемен.

Разговоры о стабильности в Украине и в 2004 г., и в 2014 г., конечно же, актуализировали геополитические темы: Европа, Евросоюз, Россия, США («...ни одного кацапа в пределах галактики...», «Стабильность для Украины – головой на Запад, спиной на Восток», «близость к Европе», «независимость от Америки» и т.п). Российские респонденты чаще говорят о стабильности как о порядке, сильном государстве. Такая уж у нас ментальность.

Интересный факт состоит в том, что какое-то время моя семья выбирала между Москвой и Киевом. Проанализировав ситуацию, мы выбрали относительно сытую, авторитарную «стабильность по-российски» в ее жестком столичном варианте.

Наблюдая за событиями 2013-2014 г., появляется соблазн снова сделать сравнительное исследование, силами ФОМа и кого-то из украинских поллстеров. Надо подумать обязательно...

Хватает ли у Вас времени на преподавательскую работу? Иногда это полезно, так как способствует выработке широкого взгляда на предмет своей деятельности, уточнению концептуальных конструкций.

Я много преподавала в Омске. Как только в ФОМе представилась возможность не работать со студентами, решила взять паузу. Если коллеги просят что-то в небольших объемах «почитать», почти всегда соглашаюсь. Так приходилось выступать перед студентами ВШЭ, МГИМО, МГУ, магистрантами Шанинки. На базовой кафедре ФОМа в ГУ ВШЭ, наконец. Последние годы я постоянно где-то выступаю – доклады, мастер-классы, лекции, пресс-конференции. Аудитории самые разные: чиновники разных уровней и бизнесмены, общественники и библиотекари, коллеги, потенциальные заказчики и журналисты. Даже сейчас, будучи в декрете, практически «на сносях» должна выступить на конференции Esomar. Жадничаю, не могу лишиться себя удовольствия и добровольно отказаться от доклада.

Я много рассказывала Вам про свои саморефлексии, поиски себя и своего пути. В какой-то момент окончательно поняла, что публичные выступления – это одно из самых интересных и вдохновляющих занятий. Хорошо это или плохо, но я – «публично зависимая». Нравится вдохновлять и делиться опытом. В вузовском формате по многим причинам это не всегда удается делать. Преподавание из творчества и миссии превращается в рутину. Поэтому я сейчас очень разборчиво берусь работать со студентами. По душе – заинтересованные профессионалы. С ними ты – не учитель, а эксперт, собеседник и даже игрок.

Мне кажется, что наша беседа состоялась не случайно. Чувствую, что закачивается очередной жизненный этап. Не знаю, какой очередной виток сделает биография и кем я буду через полтора года: менеджером исследовательских проектов, аналитиком, ведущим мастер-классов или еще кем-то. Но я с радостью ожидаю изменений. Социологам, мне кажется, вообще нечего бояться. Они любую ситуацию могут понять, принять или изменить.

Интервью с Денисом Глебовичем Подвойским

«...Я ЖИВУ В 114-М ГОДУ XX ВЕКА»

Подвойский Д. Г. — окончил социологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1995 г.), кандидат философских наук (2000 г.); доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов, ведущий научный сотрудник отдела теории и истории социологии Института социологии РАН.

Основные области исследования: теоретическая социология, социальная философия, история общественной мысли. Интервью состоялось: сентябрь — октябрь 2014 г.

За десять лет проведения интервью с советскими/российскими социологами у меня выработалось определенное правило: сопровождать публикацию текста интервью — журнальную или онлайн-овую — «вводкой». Это — зона абсолютной свободы, небольшое пространство (порядка 2000 - 2500 знаков), которое я наполняю по собственному желанию. Один вариант — представление читателям моего собеседника, другой — описание той или иной особенности работы над интервью, третий — подчеркивание специфики нашего общения с респондентом и т. д. К настоящему моменту завершено около 80 интервью, соответственно, написано такое же количество «вводок», которые в совокупности составляют брошюру объемом 4-5 а. л. Возможно, когда-нибудь я постараюсь все собрать и проанализировать; ведь в серии коротких текстов одного автора может присутствовать некоторая скрытая даже для него «пружина», которая обнаружится (если она там есть) при изучении всего массива сообщений.

Всматриваясь в обозначенное десятилетие, я не припомню, чтобы особенно задумывался относительно содержания вводных текстов, их подсказывал процесс и результат интервьюирования. Но интервью с Денисом Подвойским — особое, по многим параметрам не такое, как предыдущие. Объем большинства ранее проведенных биографических бесед находится в интервале 40 000-80 000 знаков, есть несколько коротких — порядка 35 000 знаков, есть «двойные», порядка 150 000 знаков; такова, например, беседа с красноярским социологом-религиоведом, профессором Людмилой Григорьевой. Однако размер текста интервью с Д. Подвойским заметно больше — 200 000 знаков, т. е. 5 авторских листов. Фактически, это — небольшая книга.

Неверно думать, что такой outstanding объем текста стал следствием какого-либо нашего предварительного с обсуждения характера интервью, поиска особых тем или необычного жанра. Все было как всегда, тем более, что до того, как я отправил ему приглашение к интервью, я не знал его. Я «обнаружил» Дениса Глебовича Подвойского, когда искал для проведения интервью социологов шестого поколения (1971–1982 гг. рождения). 26 июля 2014 года я отправил ему электронное послание: «Уважаемый Денис Глебович, короткую информацию биографического характера о Вас, в которой есть и краткие данные о ваших исследованиях, я нашел в недавно вышедшей в Москве книге «Социологи России». Обратил внимание на Ваше сотрудничество с Г. Батыгиным, с которым я находился в долгих, дружественных отношениях. Обратился к Ларисе Козловой, которая вас очень лестно охарактеризовала...».

Появление развернутых текстов биографических интервью социологов шестого поколения, в этом плане Подвойский не одинок, я объясняю несколькими причинами. Одни из них относятся непосредственно к данному случаю, другие – допускаю – носят более широкий характер.

Во-первых, Денис – наблюдателен, его мышление – ассоциативно и рефлексивно, и он прошел уникальную школу Г. С. Батыгина, обучавшего своих младших коллег методике творческой работы с текстами. Во-вторых, судьба предоставила ему редкостную возможность для изучения многих страниц истории страны через осмысление прошлого своей семьи и, похоже, он, в целом, воспользовался этой возможностью. Потому, к примеру, если рассказ о семье в большинстве интервью укладывается в несколько абзацев, максимум в две страницы, то в данном случае – это поллиста. Замечу, примерно столь же обстоятельна в рассказе о семье и названная выше Л. Григорьева.

В-третьих, не исключаю, что при приближении к сорока годам у людей – иногда они это осознают и даже культивируют в себе, иногда все протекает скрытно для них – возникает стремление обернуться, посмотреть назад, понять, осмыслить, как жил, что сделал. И в этом отношении они рассматривают приглашение к интервью как подвернувшийся удобный случай для подобного анализа. И здесь, думается мне, интервьюер, с которым они не знакомы лично (во всяком случае, на момент начала опроса) и/или который физически (географически) весьма удален, оказывается, по-своему, «оптимальным» собеседником. Нечто вроде того, когда в поезде дальнего следования пассажиру встречается сосед по купе, готовый слушать и задавать вопросы о прожитом; иногда делиться своими воспоминаниями.

Не могу не назвать и еще одну причину: некоторые сорокалетние социологи, активно и успешно работающие в науке и уделяющие много времени преподаванию, иногда ощущают недоверие к себе со стороны старших коллег. Производственная рутина, необходимость обсуждения и поиска ответов на постоянно возникающие научно-организационные вопросы, огромное число личных, семейных проблем приводит к потере контакта между учеными разных поколений. Старшие видят своих молодых коллег еще недостаточно зрелыми в научном и гражданском отношении, а последние постепенно осознают, что не могут донести до первых свои профессиональные и общечеловеческие размышления. Интервью, которое я трактую и строю как беседу, отчасти восполняет для сорокалетних этот коммуникационный дефицит. Ведь я на три десятилетия старше самых старших представителей шестого поколения.

Мне же эти интервью представляются крайне важными в историко-наукоеведческом плане, ибо раскрывают многие малоизвестные аспекты развития постперестроечной российской социологии и, таким образом, углубляют видение всей более чем полувековой динамики нашей науки. Мой интерес подогревается еще и тем, что я не наблюдал непосредственно становление этой профессионально-возрастной

когорты. Когда в 1994 году я переехал на постоянное жительство в Америку, старшим из представителей шестого поколения было лишь 23 года, они лишь заканчивали университет как философы, историки, экономисты, политологи и не представляли, что вскоре (или в будущем) станут социологами. Денису Подвойскому был 21 год, он еще был студентом МГУ. Могу допустить, что обстоятельность, подробность их рассказов вызвана — пусть отчасти — тем, что они почувствовали мою искреннюю заинтересованность в том, чтобы как можно полнее знать и понять прожитое ими.

По-видимому, нет необходимости оговаривать тот факт, что объем интервью — это некая его интегральная характеристика. В частности, она указывает — в общем случае — на множество и разнообразие обсужденных тем, на многосторонность их анализа. Она обещает интересное чтение, узнавание нового... Читайте, все это есть.

Д. Г. Подвойский : «...Я живу в 114-м году XX века»

I. Из детства сотканный.....	4
II. Не расстанусь с комсомолом — буду вечно молодым....	11
III. От палочников к животному под названием «человек»	16
IV. А alma mater в молодости была отнюдь «не дурнушка»	20
V. Давно пора, ядрена мать, умом Россию понимать... ..	28
VI. Добрый гений фальсификационизма	34
VII. Семь лекций по истории социологии плюс еще одна...	41
VIII. В тяжелых, нежных лапах бюрократии	49
IX. Побочный продукт «тектонической ломки».....	61

I. Из детства сотканный

Денис, Николай Ильич Подвойский — фигура достаточно известная людям старших поколений, учившимся в советских школах, смотревшим революционные фильмы 1950-х— 80-х годов. Скорее всего, Вы принадлежите к этой семье Подвойских. Какова история Вашей фамилии и в каком родстве (если) Вы состоите с Николаем Ильичем Подвойским? Я вас об одном прошу, не думайте, что последний вопрос я придумал именно для Вас, я Вам писал, что в моем проекте тема семьи моих собеседников одна из сквозных.

Да, определенное отношение к семье Н. И. Подвойского я имею — непосредственное и опосредованное одновременно. В шестилетнем возрасте меня усыновил внук Н. И. Подвойского Глеб Львович Подвойский, женившийся на моей маме. Впоследствии, правда, уже в начале 90-х этот союз распался. Наверное, всякий согласится — довольно амбивалентная ситуация. Тем не менее, я оказался и продолжаю оставаться более или менее интегрированным в жизнь этой (в целом, довольно слабо интегрированной) семьи — и на уровне личных отношений и в широком символическом смысле. Историю предков моего приемного отца я знаю относительно неплохо — благо, об их жизни довольно много написано, и к тому же у меня был многолетний опыт близкого общения с некоторыми представителями старшего поколения этой семьи. Кстати, Николай Подвойский в ней отнюдь не единственная заметная фигура. Вообще семьи старых большевиков — интересный объект для изучения, не только чисто исторического, но потенциально — социологического.

В сообществе российских революционеров, как и во всякой группе «тесного общения», возникали связи не только «деловые» (и до и после революции 1917 года); то же касается и поколения их детей, сформировавшегося до войны. Многие из них друг на друге переженались. В общем, это такой клубок иногда довольно причудливо пересекающихся биографий. Ядро этой узкой прослойки компактно уместилось на двух-трех аллеях Новодевичьевого кладбища, тех, что ближе всего к старой монастырской стене.

Всем известно, что данная группа очень сильно пострадала от репрессий. (Так, другой дед отца был расстрелян по одному из наиболее знаковых послевоенных «политических процессов»). Но, конкретно, Н. И. Подвойскому суждено было умереть своей смертью – в подмосковном санатории, в 1948 году. В 30-е – 40-е он вообще уже был чуть-чуть «не у дел». Пик его «политической карьеры» приходится, несомненно, собственно на Октябрьский переворот и Гражданскую войну. Кстати, быть может, это его и спасло.

Надо сказать, что потомки довоенной советской элиты в основной своей массе (хотя и не без исключений) утратили выраженные элитарные позиции в социальной структуре в послевоенное время, предполагающие реальный доступ к власти, управлению и распределению ресурсов. Я имею в виду детей и внуков тех, кто «пришел в революцию до революции» или сразу после нее. Большая их часть влилась в состав обширного социального тела советской интеллигенции, порой его верхних «этажей», но не всегда. Советская номенклатура сталинской и постсталинской эпох формировалась по преимуществу из людей «другого сорта» – более ориентированных на воспроизводство «капиталов» (в смысле Бурдьё) в семейных кругах, гораздо более прагматичных, психологически чуждых интеллигентской революционной романтике, часто – выходцев из беднейших слоев населения. Об этом хорошо написано у М. Восленского. От старых же большевиков многим из их потомков достались лишь символические почести – наподобие старых фамильных гербов у обедневших дворян. В системе привилегий позднего социализма они имели шанс, при наличии соответствующей установки, а такая была далеко не у всех, получить в лучшем случае «объедки». Ведь страной тогда уже давно управляли персонажи иного типа.

В общем, не очень простые семейные обстоятельства сделали меня носителем этой фамилии и отчасти исторической памяти, с ней связанной. К слову сказать, сегодня с фамилией Подвойский жить несколько проще: на нее реагируют уже очень немногие – обычно исторически подкованные люди пожилого возраста. У нас в семье ходит такая байка: обычная девушка из 1990-х, слыша фамилию Антонов-Овсеенко (секретарь Петроградского Военно-революционного комитета, «напарник» Подвойского по организации штурма Зимнего), интересуется, кто этот мужчина и какое он имеет отношение к Тане Овсиенко. У каждого времени – свои героини. Впрочем, у Татьяны Овсиенко, поющей про шофера-дальнобойщика, есть то преимущество, что она револьвером при аресте Временного правительства не размахивала.

По иронии судьбы почти все потомки Н. И. Подвойского носят сейчас другие фамилии. А я вот оказался с ней. То есть здесь вполне уместна вариация шутки, которую любил Геннадий Семенович Батыгин: «в этом негритянском ансамбле только один негр, да и тот – Рабинович». Да и фамилия, в сущности, не такая уж и редкая. Только в области социальных и гуманитарных наук в России сегодня работают, точнее мне известны, как минимум, пять обладателей данной фамилии (не считая меня). И все они, кажется, не родственники. С двумя из них я даже знаком лично.

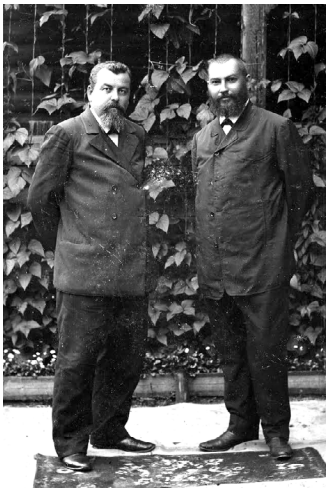
В свете сказанного Вами, можно допустить, что Ваша материнская линия выходит из того же большевистско-революционного клубка? Или это ложное предположение?

Как я уже говорил, эта узкая среда детей революционеров существовала, скорее, до войны, в послевоенное время она «рассасывается». Уже поколение внуков старых большевиков отстоит достаточно далеко от их «славных» деяний — и во времени, и идейно. Многие внуки со своими дедами даже не пересекались: скажем, Н. И. Подвойский умер, когда моему отцу было всего два года.

Семья моей мамы не революционная, в ней тоже на периферии (если себя принять за условный центр) и в прошлом, и в настоящем были и есть отдельные люди, сделавшие себе имя в разных сферах. Но если брать только прямую восходящую ветвь (боковые не беру), то здесь история такая. Биографию маминного отца определила война. До войны он учился в горном институте и впоследствии был направлен на боевую переподготовку в авиацию. Сразу после войны доучивался в известной Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского. Вся его последующая жизнь была связана с военной авиацией. Никакой исключительной карьеры он не сделал и, по-видимому, не стремился, выйдя в отставку в чине подполковника, что тоже, конечно, отнюдь не плохо. Советская власть армию, авиацию и флот очень ценила, а военные летчики воспринимались в стране, начиная с 30-х, как настоящие культурные герои. Этим людей можно было бы назвать своего рода «рыцарями социалистического модерна». Кинематограф, песни, соцреализм, монументальная пропаганда, скажем, эстетика московского метро, — все это поддерживало имидж профессии. «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц...», «Потому, потому что мы пилоты, небо наш, небо наш родимый дом...» и т. д. и т. п. Эта патетика воспроизводилась в нашей (базово материнской) семье, и активно транслировалась бабушкой уже после смерти деда, который не дожил и до шестидесяти.

Если шагнуть на поколение выше, то задеваем уже частично дореволюционную эпоху. Дедовы отец и мать — люди 1890-х годов рождения встретили революцию уже сформировавшимися, хотя и молодыми людьми, и на них она, судя по всему, особого впечатления не произвела. Они были родом из близких к Москве губерний. Прадед — Сергей Васильевич Соловьев из Иваново, как тогда сказали бы из Иваново-Вознесенска, из семьи приходских священников, насколько я понимаю, позднее оставивших это «опасное» по тем временам занятие. Успел послужить в царской армии в нижних офицерских чинах: сохранились эффектные фотографии в военной форме, умилявшие потомков, особенно женского пола. Но о его участии в военных кампаниях «Империалистической» и Гражданской войн мне ничего не известно. В дедовских анкетах советского времени в графе «чем занимались ваши родители на момент Октябрьской революции» было написано: отец — студент Киевского коммерческого института, мать — слушательница каких-то из женских курсов (их тогда было много). В общем, люди — непролетарского происхождения. Тем не менее, особых трудностей с советской властью у них не было. Можно сказать, прадед в советское время работал по специальности: в планово-экономическом управлении Министерства речного флота.

Прабабушка — более известный мне сюжет. Нигде толком не работала и всегда была «за мужем» и «при муже», а после его смерти «при сыне», и наконец, в конце жизни — «при невестке». Она дожила до глубокой старости, была слепой полжизни, а в последние годы еще и лежачей. Мы жили вместе, периодами — даже в одной комнате. В детстве она была моим главным неофициальным

А. И. Самойлов, управляющий Товарищества «Никанор Дербенёв и Сыновья» (слева) с «коллегой по работе»

информантом по части дореволюционного прошлого. Ее рассказы будоражили воображение. Она была родом из Владимирской губернии, и предки ее еще в начале XIX века, можно предположить, были простые крестьяне. Но об этом она не вспоминала. Подъем семьи пришелся на рубеж XIX—XX веков. Ее отец — Алексей Иванович Самойлов был управляющим очень успешной и крупной текстильной мануфактуры, позднее, естественно, национализированной и ставшей градообразующей для ныне районного центра — г. Камешково (недалеко от Суздаля и Коврова). Текстильная промышленность была экономическим профилем раннего, дореволюционного этапа индустриализации этого региона. Капиталы принадлежали известной в тех местах купеческой династии Дербеневых. Прапрадед же был их доверенным лицом (существует предположение, что и дальним родственником), и организатором всей жизни на фабрике и в поселении, вокруг него образовав-

шемся, кем-то вроде сегодняшнего «исполнительного директора». Он был типичным представителем нарождающегося слоя «эффективных менеджеров» народно-православного образца, тем, по кому проливают слезы нынешние поборники национально-консервативного капитализма. Он был своего рода «неофициальным отцом города» для этого растущего населенного пункта: руководил строительством школы и новой церкви, будто бы сам выбрал место для строительства фабрики. Семья у него была огромная: не то 12, не то 13 детей. Все дожившие до совершеннолетия были поставлены на ноги, девочки удачно выданы замуж. Быт был уже совершенно не крестьянский — модные европейские платья, шляпки, юноши — студенты реальных училищ, в форме с нашивками, в фуражках. В общем, картина ясная: «гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные».

Большая семья Управляющего (остатки фото, пережившего «не без потерь» весь XX век)

Прабабушка якобы была любимицей отца; это иллюстрировалось, например, байкой, что однажды она потеряла в дороге тысячу рублей (огромная сумма, — вполне возможно, что преувеличение), которые были предназначены для осушения какого-то болота, и он ее простил. Вспоминала про подъем патриотических настроений перед Русско-Японской войной, когда дети использовали кричалку «эй, микудо [микадо] дело худо, перебьем твою посуду». Жалела убиенного Государя Императора, хотя и называла его то и дело «Кровавым», и особенно жалела цесаревича. И это в начале 80-ых, когда о таких вещах никто еще открыто не говорил, а она говорила, конечно, вполголоса, исклю-

Дочери Управляющего. Мой главный информант по части дореволюционного прошлого — «Баба Таня» (сидит, в центре)

чительно для уха маленького мальчика. Она читала по моей просьбе заученные с детства басни Лафонтена на французском языке, что рождало во мне священный трепет, хотя французский она знала не лучше Кисы Воробьянинова.

Прапрадед умер с 1918-ом и был похоронен у старой церкви, реконструкция которой осуществлялась в начале века под его руководством. Его жена умерла только в конце сороковых, получив незадолго до смерти за свои репродуктивные достижения орден Мать-Героиня. Все дети в начале 20-х разъехались в ближайшие города: большинство в Москву, некоторые — в Иваново, в Нижний. Стали кто-кем — в основном, инженерами.

Прабабушке у нас дома позволялось оставаться старорежимным человеком: у нее над кроватью висели иконы в закопченных окладах, на которых были видны отметины многолетней жизнедеятельности антропофильных насекомых. Очевидно, она не была глубоко верующим человеком, но сохраняла определенный уровень идентификации с «теми» временами, в том числе и через демонстрацию поверхностного православного обрядоверия.

А. И. Самойлов и его жена Мать-героиня (которая, молясь, про картошку на плите вспоминала)

Кстати, насчет религиозности: ее мать, — та, что Мать-Героиня, «классическая набожная старуха в платке» молилась в своей комнате, по ироническим воспоминаниям абсолютно атеистичной бабушки, которая ее застала в последние годы жизни, приблизительно так: «господи помилуй, господи помилуй, господи помилуй, ... Наташ, а картошка на плите не подгорела?, ... господи помилуй, господи помилуй...».

Чуть-чуть о семье бабушки — маминой мамы, оказывавшей на меня не меньшее, а, может, и большее воспитательное воздействие, чем родители. Она закончила мехмат МГУ и всю жизнь работала преподавателем математики в одном из московских отраслевых технических вузов. Она была человеком очень строгим, аскетичным и внутренне дисциплинированным. Всегда гордилась своими сибирскими корнями, хотя и с раннего детства жила в Москве. Она очень рано лишилась матери — дочери якобы какого-то политического ссыльнопоселенца, от которого осталась лишь одна красивая фотокарточка (старик с умным, волевым лицом и шикарнейшей седой бородой) и никакой мало-мальски достоверной информации.

[Бабушкин дед], Иркутск, 1913 год. За что этого человека сослали в Сибирь, — неизвестно. Наверное, было за что...

Бабушкин отец, Владимир Игнатьевич Докукин родом со станции Зима, что на Транссибе, из очень простой рабочей семьи, начавший трудиться еще ребенком для прокормления семейства: пример «правильного» социального восхождения советского времени. Вступил в партию еще в Гражданскую войну, принимал участие в установлении Советской власти в Сибири, и был направлен по идеологической линии в середине 20-х на учебу в Москву. Учился среди прочего в известном Институте Красной профессуры, был командирован в Америку на длительный срок как раз в пик Великой Депрессии, потом имел служебные контакты с Вознесенским («ленинградское дело»). Как его не забрали после этого, не

понимаю — хотя чемоданчик с джентльменским набором для посетителей Лубянки всегда был наготове. Впоследствии он был заведующим разными «идеологическими» кафедрами в крупных московских вузах, много десятков лет — кафедрой политэкономии в МВТУ. У него была своя, новая семья, бабушка же, сохраняя с ним ровные, уважительные отношения, жила проблемами и заботами семьи своего мужа, о котором я уже рассказывал.

В. И. Докукин, 1926 год

Часто ли Вам и другим ребятам из семей, предки которых упоминались в учебниках, книгах о Революции и Гражданской войне, дома говорили: «Ты должен..» учиться и вести себя так, чтобы «твоему дедушке (прадедушке...) не было стыдно за тебя»?

Может быть, кто-то когда-то и говорил, скорее, — это могли быть «посторонние». В семье (в узком смысле) — нет. Вообще никакого культа революционных предков конкретно в моей семье не было. Я знаю одну такую семью папичных родственников, где похожее наблюдалось. У нас — нет. Формат воспитания и семейной жизни с большинством ее паттернов задавался, скорее, маминой семейной линией, достаточно жесткой, но без апелляции к памяти о «героических свершениях». И потом для многих потомков революционных знаменитостей через три и более поколения, особенно тех, кто моложе меня и у кого не было относительно продолжительного опыта советской социализации, роль этого биографического следа в сознании почти нулевая. Другая эпоха, другие интересы, другие референтные группы.

Чтение мемуаров Евгения Евтушенко «Волчий паспорт» показывает, что станция Зима и ее округа, были местом высокой концентрации интеллекта и здравомыслия... Легко предположить, что в вашем доме была серьезная библиотека и был «самиздат» («тамиздат»), хотя того возраста, когда люди читали такую литературу, Вы достигли ко времени начала перестройки, и уже всем можно было читать очень многое.

Да, относительно социальной среды станции Зима я осведомлен. Но, к слову сказать, своего прадеда, того, который сибиряк, я видел раз пять, не больше, в гостях. Он уже был глубоким стариком, и перемолвился я с ним за жизнь от силы десятью-двадцатью словами. Неофициальная нонконформистская культура позднего социализма не была основной интеллектуальной пищей моих родителей и бабушек (я имею в виду период до 1985 г.). К Солженицыну, например, бабушка просто относилась отрицательно, приводя в подтверждение авторитетное для нее мнение мужа ее тетки — австрийского военного врача из Вены, попавшего в плен на Восточном фронте в Первую мировую, и оставшегося в России, работавшего потом в медуправлении РККА, и, естественно, отсидевшего сколько требуется за свое «происхождение», человека, судя по фотографиям, с идеально-типической «арийской» внешностью узким черепом, высоким лбом, в очках-таблетках и еле заметными тонкими усиками. Так вот, дядя Жорик

(в прошлом — Георг) говорил в свое время бабушке, что книги Солженицына о лагерной жизни нечестные какие-то. Да и потом, среди моих знакомых более позднего времени все сходилось во мнении, что Шаламов гораздо лучше.

Самиздат читали некоторые дальние родственники и те, с которыми не было тогда непосредственного контакта. Например, приемная дочь моего прадеда-сибиряка, Августа Владимировна Докукина-Бобель вышла в 60-е замуж за молодого итальянского коммуниста-физика, приехавшего в СССР на стажировку

«Монополия»: играем в еще не наступивший капитализм

к будущему Нобелевскому лауреату Абрикосову, потом уехала в Италию, в Геную, где преподавала много лет славистику и историю русской литературы, прежде всего XX века. Куда уж тут без самиздата и тамиздата! Но именно семья, в которой я рос, была гораздо более стандартно советская.

Библиотека в доме, действительно, была большая, ее остатки я потом многократно перевозил с квартиры на квартиру, спасая от участи отпра-

виться на помойку. Но она была в основе своей обычная — собрания сочинений основных русских и зарубежных классиков, те, что можно было легко достать, литература для детства и юношества, всякие приключения, исторические романы, мемуары, ЖЗЛ, путеводители, книги по искусству и т.п. У бабушки была своя закрытая полка с книгами по математике. У другой бабушки было много редких довоенных книг по истории партии и марксизма, где упоминались разные запрещенные имена, вроде Бухарина и т.д. Была Большая Советская Энциклопедия, 2 издание, то, что в 50-е выходило. Для меня она была символом абсолютной учености — стояла на верхних полках, добраться до нее было технически сложно, но никого кроме меня она не интересовала. Я вообще всегда любил справочно-энциклопедическую литературу и путешествовал по ней как по лабиринту, перепрыгивая от статьи к статье через «гипертекстовые» ссылки. С художественной же литературой у меня в детстве не складывалось слишком хороших отношений — она мне казалась затянутой, нудной, особенно романистика. Вообще, по-настоящему много и систематически читать я стал только, когда стал студентом.

В детстве у меня было много популярных книг о животных и природе — Даррелл, Гржимек, Акимушкин; для меня выписывали журнал «Юный натуралист». Я почти молился на дореволюционное трехтомное издание «Жизни животных» Брэма, которое, несмотря на антикварный вид, было полностью отдано в мое распоряжение. Интерес к зоологии, разумеется, на дилетантском уровне, я сохранил и сегодня. Также во всех квартирах, в которых я обитал в своей жизни, на стенах были развешены географические карты, включая и «отхожие места». Они были и остаются поныне объектом моего пристального внимания.

Последние десятилетия уже сам их везде развешиваю. Каждый раз, когда просыпался, первое, что попадалась на глаза, это – очертания Новой Зеландии. Надеюсь, когда-нибудь удастся там побывать...

Во второй половине 80-ых была невероятная мода на толстые журналы – «Новый мир», «Знамя», «Дружбу народов» и т.п. Все это в семье появлялось. Некоторые вещи оттуда я читал – но, скорее, историко-публицистического, а не художественного плана.

II. Не расстанусь с комсомолом – буду вечно молодым

Вы заканчиваете школу в конце 1980-х? Какими были те годы для Вас? Вы успели побыть в комсомоле?

Это очень сложный, многоплановый и болезненный для меня вопрос. Старшие классы, Перестройка, брожение умов, общий культурный и политический климат того времени – тогдашний опыт был крайне психологически травматичным, но важным. В некотором роде именно оттуда начинается мой путь в направлении социологии и общественных наук.

Я закончил школу в 1990-м году. Мне довелось поучиться в трех школах, с середины пятого класса и до выпуска – последняя, та, о которой стоит рассказывать. Это была математическая школа, куда меня перевели по настоянию бабушки (напомню, она у меня была математик). Я никогда не проявлял особой склонности ни к математике, ни к разделам естествознания, основанным на ней. Просто это была одна из лучших школ в районе, жили мы тогда в Измайлово, старой московской окраине, не изобиловавшей хорошими школами. Школа имела среди местного детско-подросткового населения неофициальное название – «еврейка». Действительно, процент ребят с соответствующим пятым пунктом в метрике или на лице, в том числе «шифровавшихся», был велик, во всяком случае – гораздо выше, чем в среднем, в городе, за пределами школы. Это придавало школе известный колорит, хотя и создавало особого рода проблемы, которые не решались, а, скорее, замалчивались.

Я не хочу развивать здесь эту тему, поскольку она в данном случае не основная. Просто понятно – что школа была непростая, и состав непростой, много претендующих на статус «вундеркиндов», много амбициозных, как детей, так и родителей. Учителя тоже были не совсем простые. Скажем, нашим классным руководителем несколько лет, как раз в самую что ни на есть Перестройку, был никому тогда не известный учитель немецкого языка Михаил Павлович Шишкин, впоследствии лауреат русского Букера и множества других литературных премий, автор «Венериного волоса», «Взятия Измаила» и «Письмовника». Сегодня по мотивам его книг лучшими московскими театрами ставятся пьесы. Хотя особых интеллектуальных контактов и доверительных отношений у меня с ним не было, к сожалению. Вот кто уж читал активно сам- и там-издат, так это он.

Учиться было очень тяжело, но школа решала свои задачи. После нее дети с легкостью поступали на мехмат и ВМК, в физтех, МИФИ, не говоря уже о чисто технических вузах, и потом еще на остаточных школьных знаниях на первых курсах институтов без труда держались. Тройка считалась в школе «неплохой» оцен-

кой, которую еще нужно было заслужить. При переходе из неполной средней в полную среднюю, т.е. после 8-го — классы ополовинивались, а на место изгнанных, набирались «talанты». Я со своими средними оценками еле прошел над границей отсева. Девочек в классах было не больше пятой части. Основной социальный контингент — дети ИТРов. Перестройка очень сильно будоражила сознание старшеклассников, и в стране и в школе было очень много идейной и просто человеческой агрессивности. Вместо того чтобы крутить романы (девочки были в дефиците) и ходить на дискотеки, подростки поглощали тоннами «Московский комсомолец», «Московские новости», «Огонек», «Аргументы и факты» и прочие издания. В этой среде попу презирали, мода на западный «металл» тоже постепенно отошла, слушали русский «социальный» рок: Гребенщикова, Цоя, Шевчука, Кинчева, «Наутилус», «Крематорий» (я называю только самые известные). Я, в общем, тоже слушал, но никогда «не фанател», хотя надо признать, у всех этих авторов и коллективов есть хорошие песни, выдержавшие проверку временем, «немейнстримно перестроечные».

Так вот, в этой самой обстановке я «сто раз успел пожалеть», что я — Подвойский, а «не Сидоров и не Петрыкин». С чего все начиналось? Осуждение культа личности, развенчание сталинизма, социализм с человеческим лицом, новое мышление, гласность. Я в школе был ответственный за сбор средств на общество «Мемориал» сдавали немногие, собрали, как сейчас помню, — 54 рубля. Дальше пошло поехало. Со Сталина перекинулись на Ленина и всех, кто рядом. Рухнула вся официальная концепция истории, положительные и отрицательные персонажи поменялись местами. Большевики в массовом историческом сознании превратились из героев в преступников, душегубов, повинных в гибели миллионов и несчастью десятков миллионов людей. Вот эти самые, сто, двести, тысяча человек, и Н. Подвойский в их числе, и другие ему подобные, банда, сговорились и напали на несчастную Россию и надругались над ней. Жила-была себе страна Россия процветала (знаменитые показатели 1913-го). Купола золотились, торговля шла полным ходом на богатых ярмарках, люди радовались, юнкера ухаживали за барышнями, барышни хихикали, все поголовно ели блины с икрой, пили водку из хрустальных штофов, Николай — душка и красавец, Столыпин — мудрый герой-реформатор, и т.д. и т.п. Эдакий лубок в стиле кустодиевских народных гуляний или фильма «Сибирский цирюльник». Пришли большевики живодеры и все растоптали. А потом еще Деникин, Колчак на белых конях, стремившиеся спасти Россию от распространяющейся большевистской заразы. Царская охранка, третье управление — хорошо, золотопогонники и белоэмигранты — прекрасно. Поручик Голицын, корнет Оболенский, институтка — дочь камергера, вино и мужчины, моя атмосфэра. — Все эти люди соль земли русской.

От этого невозможно было просто отмахнуться — этот контент был везде, лез отовсюду. Получалось, что я (без вины виноватый) несу ответственность за все это безобразие, я — лично. Защищаться, оправдываться, спорить было бесполезно — никто ничего ни слушать, ни слышать не хотел. Эти годы научили меня на будущее не афишировать подробностей своего «темного» семейного прошлого. С другой стороны, я понимал, что здесь что-то не так, так не бывает. В странах, где все замечательно, революции не происходят. Новая, нарождавшаяся тогда модель истории такая же предвзятая фальсификация, как и старая, советская.

Я не считал себя советским ретроградом и не был им. Пускай реальный социализм полон недостатков, пускай Брежнев — старый маразматик, а Сталин — чудовище, пускай даже Ленин — диктатор и одержимый радикал, а Подвойский — «тупой бурбак»¹ и «маньяк дисциплины» (характеристика данная ему Буниным в «Окаянных днях»), но ведь сама-то идея хорошая, думал я тогда. Тогдашняя критика советского социально-исторического проекта напоминала «огульное охаивание», «пляску на костях поверженного великана», которого можно было бы просто по-человечески похоронить, по-простому, без особых почестей. «Пинать мертвого льва» казалось мне каким-то вандализмом.

Н. И. Подвойский,
1903 год

Одновременно я ощутил трагическое противоречие, «вилку» между идеей и ее осуществлением: социализм ведет к ГУЛАГу, как христианство к инквизиции — неизбежно ли это, спрашивал я себя. Всегда ли радикально сформулированные, непримиримые в отношении несовершенства мира «благие намерения» ведут прямой дорогой в ад? Вскоре я прочел созвучные моим мыслям «гарики» Губермана: «Мне Маркса жаль: его наследство свалилось в русскую купель: здесь цель оправдывала средства, и средства обо<...>али цель»; «Возглавляя партии и классы», вожди «вовек не брали в толк», «идея, брошенная в массы» как «девка, брошенная в полк». Хотя марксизм, конечно, создавался основоположниками именно для этой цели: не как чисто кабинетная мудрость, но для того чтобы воспламенить массы на грандиозное коллективное действие.

Я, конечно, вступил в комсомол, самым первым в классе, из принципа, в декабре 1987-го. Я считал себя тогда, как минимум, «социалистом», пускай не ярко «красным», но «розовым», что-то в стиле мягкой социал-демократии. Вступать было совершенно не обязательно, и никто меня не уговаривал и не принуждал ни в семье, ни где-то еще. Тогда уже стало более или менее понятно, что «не быть комсомольцем» не проблема для построения будущих карьер (хотя многие, тем не менее, вступали, «на всякий случай», даже те, кто считал себя «воинствующими антикоммунистами»). Потом вошел в комитет комсомола школы. Был «замом» секретаря, естественно, по идеологии, чем еще более укреплял свой имидж «коммунистической сволочи». Секретарем же был нынешний вице-премьер Аркадий Дворкович — он старше меня на год. Когда он закончил школу, я стал секретарем. Меня избирали в Первомайский райком комсомола, а также делегатом постоянно действующей Московской городской комсомольской конференции — органа, который имел официальное право определять судьбу Московской комсомольской организации вместе со всей ее «подотчетной собственностью», включая здание Дворца молодежи на Фрунзенской и газету «МК», по духу своему в ту пору уже абсолютно «не комсомольскую».

Один эпизод всплывает. На одном из больших заседаний райкома я должен был толкать речь — «от школьников», очень волновался, готовился. Начал я ее фразой, которую потом процитировала местная газета «Измайловский вестник» как образец правильного молодежного вольнодумства: «Идет уже

¹ Н. И. Подвойский по происхождению был малороссийским «поповичем», и до поступления в ярославский Демидовский юридический лицей, следуя семейной традиции, учился в Нежинском духовном училище и Черниговской духовной семинарии.

пятый год Перестройки, а в школах еще пишут сочинения на тему «Партия сказала, Комсомол ответил есть!». В общем, был я чистый «обновленец» и «ревизионист»...

Познакомившись с тогдашней, совершенно уже разлагающейся комсомольской средой, я сделал свои выводы. В этих структурах работали дядьки 25–40-летние, а мне было 16–18 (все это накрылось, как известно, в 91-м). Я не был вхож в их неформальные круги общения – в банях с ними не парился, и не могу сказать, в какой мере их жизнь соответствовала картине, изображенной Юрием Поляковым в «ЧП районного масштаба». Одно было ясно точно – они готовились к конвертации капиталов, власти и статуса. Идеи их интересовали меньше всего, они были люди практические. А я – наоборот, был «идейный» и совершенно «непрактический». Вероятно, они смотрели на таких как я с некоторым снисхождением, маленький еще, дурачок, жизни не знает, в облаках витает. «Идейным» я был не в смысле «верности идеям», как тогда говорили, а в том, что меня, действительно, по сути ничего кроме идей в жизни не интересовало.

И потом, еще один немаловажный мотив обращения к комсомолу. Скучно и тоскливо мне было учиться в школе с физико-математически-программистским уклоном. Из школьных предметов меня куда больше интересовали история, биология, география. Но в системе приоритетов школы они были явно на вторых ролях (хотя и учителя по ним были неплохие). Такая «стратификация» с математическим циклом дисциплин наверху очень ощущалась, проявляясь не только в распределении часов. Я абсолютно не воспринимал комсомол как этап карьерной лестницы и предпосылку успеха во взрослой жизни, скорее, как «дискуссионный клуб» по актуальным социальным вопросам, «площадку» для разговоров о человеческих проблемах (откровенного, «тошнотворного» официоза в комсомоле конца 80-х, по крайней мере, в Москве, уже не было). И я бежал в «общественную работу» от дифференциального и интегрального исчисления, от Бейсика и Фортрана, хотя по натуре (темпераменту) никогда не был «активистом», никогда не хотел и не умел никем управлять или руководить. Других форм канализирования и реализации интересов моя жизнь школьного периода просто не предполагала.

В те годы возникало (и исчезало) множество различных общественно-политических клубов, объединений, обществ, в том числе – исторического, литературного плана. Не увлекались ли Вы теми или иными периодами истории страны, не пробовали свои силы в журналистике?

Насчет участия в обществах, объединениях, клубах – в общем, нет. Или совсем немного.

На самом исходе комсомольской эпохи я помогал моему приятелю из другой школы создавать комсомольскую ячейку по функциональному признаку, т.е. не привязанную к конкретной институции (школе, предприятию) – своего рода клуб по интересам. Это, правда, была его инициатива. У новой организации было забавное название «Демократический союз конгениалистов», ее даже утвердили в райкоме. Заседали мы потом в новом формате раза четыре, потом все само собой развалилось. Приятель мой позднее занялся организацией российского скаутского движения. А наш школьный комитет комсомола, весьма

камерный, когда я уже был секретарем, т.е. 1989/90 г. был похож на маленький подростковый интеллектуальный клуб. У меня было два друга из параллельного класса, придерживавшихся приблизительно моих взглядов, члены комитета. Нам доверяли ключи от школы, и мы заседали втроем в большом, пустом и темном здании сталинской постройки, часто в кабинете музыки, где один из друзей играл на пианино, а все мы вместе обсуждали различные исторические, политические, общественно значимые темы. Конечно же курили, порой крепкие кубинские сигареты типа Лигераса или Партагаса, от которых ужасно драло горло. Но зато представляли себя бог знает кем — маленькими ЧеГеварами или Фиделями, восклицаящими «Socialismo o muerte!». Расходились по домам почти ночью. Оба друга, кстати, стали учеными — один экономистом и историком экономических идей, другой — биохимиком.

Но, в сущности, мы были «те еще» Фидели. Используя другой ряд очень условных ассоциаций, можно сказать, что мы тяготели к интеллектуальному стилю каких-нибудь народников-заговорщиков или петрашевцев не более, чем к стилю салонных гегельянцев-шеллингианцев, Любомудров или членов кружка Станкевича. В одной из популярных тогда «философских частушек» Кнышева пелось: «комсомольская ячейка оттого первичная, что в ней первично бытие, сознание ж в ней вторично». По-видимому, наша комсомольская ячейка была каким-то «странным исключением», поскольку в ней первичным было именно сознание.

В журналистике себя не пробовал, хотя уже тогда зарождается тяга к «текстопроизводству», которая начнет мало-помалу реализовываться только в студенческие годы. Кстати, обычная моя оценка за школьные сочинения по литературе в последних классах была 2(3)/5, т.е. двойка-тройка за содержание, пятерка за русский язык.

Историей я интересовался всегда, прежде всего отечественной, но западной тоже (история Востока и стран Третьего мира как-то проходила мимо меня). В раннем детстве очень интересовался Петровской эпохой и шире — периодом от конца XVII — до начала XIX-го, «галантным веком», эпохой париков и камзолов. Скорее, из «эстетических» соображений. Почему-то особенно любил Алексашку Меньшикова и командора Витуса Беринга. Потом это прошло.

Само собой, интересовался советской историей — не потому что особо «нравилась», а потому что понимал, вернее сначала, наверное, чувствовал, что это важно, что это что-то беспрецедентное в мировой истории, хотя и чудовищно трагическое, и потом свежее. Это совсем живая история, близкая, которая к тому же еще «болит», постоянно напоминает о себе в настоящем. Я считаю, что даже XIX век был «совсем недавно». Для меня субъективно менее реален XXI век, я лично продолжаю жить в XX-м. Вот сейчас конкретно, я живу в 114-м году XX века. А ключ к XX-му во многом спрятан в XIX-м (по крайней мере, во второй его половине). Поэтому-то мне совсем не близок нынешний философско-социологический дискурс о постмодерне. Россия с модерном-то толком разобраться не может.

Мне кажется, в России XX век продолжается, т.е. историческая драма «хронометрически минувшего» столетия отнюдь не закончена, просто играют новые акты пьесы. Все время, конечно, что-то меняется (скажем, Интернет

появился, и это потенциально очень многое может изменить в обществе, хотя и преувеличивать его значение тоже не стоит). Но многое лишь видоизменяется, а многое остается как раньше, или немного иначе, но похоже.

III. От палочников к животному под названием «человек»

В книге «Социологи России» сказано, что Вы окончили социологический факультет МГУ. Когда, под воздействием каких обстоятельств Вы узнали о такой науке как социология, какие социологические книги были для Вас самыми первыми?

Постараюсь начать издалека, перекинув мост из предыдущего ответа. Хотя я и увлекался историей, никогда не думал, что могу и хочу быть историком (хотя в итоге, в некотором роде стал им — ведь я занимаюсь уже без малого четверть века историей идей).

Московский зоопарк, 1976 г. Очень боялся подходить к этому огромному, страшному животному

В детском и подростковом возрасте думал, что стану биологом, в смысле зоологом-натуралистом. Программа «В мире животных» многие годы была моей любимой телепередачей. Одно время посещал в качестве «вольнотрушателя» КЮБЗ — старейший московский биологический кружок («Клуб юного биолога зоопарка»), своего рода «площадку молодняка», «инкубатор» порастающих кадров для биофака МГУ. Чтобы стать «действительным членом» клуба, нужно было еще написать и защитить особого рода научную работу, причем не теоретическую, и не обзор литературы, а на основе собственноручно собранных эмпирических данных — все как у взрослых. Я, было, начал, а потом передумал. Темой моей были палочники — насекомые такие, на зеленую веточку похожие. Они у меня активно размножались в банке, ... гермафродиты, кормил я их листьями традесканции зимой и одуванчиками летом...

В общем, это было очень стойкое и многолетнее увлечение. Класса, наверное, до 8-го думал, что пойду в будущем на биофак. Начал листать справочники для поступающих, читать о кафедрах, и довольно быстро понял, что современное биологическое образование — это не только увлекательные экспедиции по наблюдению за животными, но это еще и химия, много химии, и много еще чего, вплоть до физики и математики. В общем, не то. А надо было быстрее определяться и начинать готовиться к поступлению. Последние два школьных года был «на профориентационном распутье».

И понял, в конце концов, что по-настоящему меня интересует одно единственное животное на свете, животное под названием «человек». Но всегда точно знал, что хочу быть именно «ученым», человеком мысли, а не действия, тем про кого древние говорили *cui vivere est cogitare*, если, конечно, не считать, что мысль и слово тоже действия.

В этом смысле комсомольский этап был «проходной», я это уже тогда понимал. Внутренне я чувствовал, что мой альянс с комсомолом или шире с коммунистически-социалистическими идеями — какой-то негармонический.

Во-первых, у меня были сильные сомнения насчет правоты «материализма», тогда еще чисто интуитивные. И, во-вторых, мне хотелось прежде всего *изучать мир*, а не *изменять его*, ровно в противоположность одиннадцатой заповеди старика Карла. Изменяют пусть другие, если смогут. Хотя уже тогда наклеывался вопрос: а можно ли вообще что-то в мире изменить, что-то существенное, чтобы люди были счастливы, чтоб не страдали, чтобы были, по возможности, умны, деликатны, добры, чтоб понимали друг друга, и т. д. и т. п.? В ту пору я еще не знал известной формулы Витгенштейна, что «философия должна оставить все как есть».

Наконец, надо признаться, мне еще в мои комсомольские годы не очень-то нравились тексты Ленина, совершенно безотносительно к тогдашней критике в его адрес, оправданной или не очень. И это касалось не только его статей на «злобу дня», посвященных практике революционного действия или социалистического строительства, но и чисто теоретических, вроде «Материализма и эмпириокритицизма». Не нравилась прежде всего манера, стиль, они казались мне какими-то грубоватыми, резковатыми, а аргументы безапелляционными. Хотя я об этом ощущении и никогда не говорил тем, кто Ленина боготворил. Например, моя вторая бабушка, папина мама, очень яркий пример. Она до самой смерти сохраняла исключительную живость ума, в постперестройку активно читала либеральную прессу, относилась с подозрением или даже легким презрением к зюгановской КПРФ, ненавидела Сталина, но когда речь заходила о, пускай, даже минимальной критике Ильича, сразу же вставала в стойку и готова была драться не на жизнь, а на смерть. И ее по-человечески, т.е. биографически, можно было понять: ведь она воспитывалась и прожила полжизни в семье близких друзей Ленина и Крупской...

О цикле социальных и гуманитарных наук, т.е. тех, что о человеке, я тогда не имел четкого представления. Ведь в школах что тогда было «про человека» история да литература, еще крошечная, ханжеская по общему мнению, этика и психология семейной жизни.

Было еще «обществоведение». И это особый разговор. Что это был за предмет тогда – в конце 80-х? Один урок в неделю, в последнем классе, традиционно его полагалось вести учителям истории, как бы в нагрузку. Для них самих он был отчасти чужеродным, они не только толком не знали как его нормально вести, но в то время еще и просто стеснялись, настолько он по своему содержанию был неадекватен, не соответствовал реалиям жизни за окном. Помню, как выглядел учебник – не как все остальные школьные учебники, дизайн совсем другой. Естественно, красный цвет обложки, да и написан он был не для школьников специально, а предназначался, кажется, для какого-то начального этапа политучебы. Шел 1989 год, в 88-ом XIX партконференцию все по телевизору смотрели, совершенно демократическую, с новой риторикой, а потом будет Первый съезд народных депутатов. А тут этот учебник, допустим, 1987 года выпуска, какое-нибудь пятое издание, т.е. текст реально из 70-х пришел. Помню папину фразу, брошенную после беглого пролистывания книги (без разъясняющих комментариев) – «сусловщина какая-то». В общем, дети, особенно в нашей матшколе, данный предмет ненавидели и/или презирали. И все на него забивали, в том числе учителя.

Я догадывался, что должно быть где-то какое-то другое, «нормальное», интересное, адекватное обществоведение. Поиск продолжался. Экономика, т.е. исследование хозяйства, меня не трогала, среди сфер общественной жизни казалась самой приземленной, будничной, материальной, не то что «культура», искусство, религия. Только потом, благодаря Веберу, я «узрел духовное измерение» в данной области. Психологию тоже почему-то не рассматривал. Круг сузился до двух: Философия и Социология. Выбор внутри этой пары был сделан не столько по велению «души и сердца», сколько под воздействием совокупных внешних обстоятельств. Я до сих пор считаю себя социологом лишь процентов на шестьдесят, максимум, на шестьдесят шесть и шесть в периоде. Минимум на треть и по интересам, и по многолетнему кругу чтения, и по фактическому содержанию полученного образования я – философ. Мой профиль социальная теория и ее история, области выражено мультидисциплинарные и весьма, так скажем, «философические».

Почему была выбрана социология? Семья тут, конечно, отчасти повлияла. Если не брать дальних или умерших родственников в семье никаких реальных ученых-гуманитариев не было: кругом, везде и всюду масса «технарей», а конкретно в ближайшем окружении, бабушка – преподаватель математики, мама – инженер-химик, папа – экономист, работавший в издательской сфере, тоже, в общем, «полугуманитарий». То, что «гуманитарнее» экономики, не воспринималось как «серьезная профессия», особенно для мальчика. А уж философия – это вообще, царство болтовни и пустого трепачества, тем более в большинстве случаев какого-то неискреннего, фальшивого (здесь сказывался советский опыт бытования философских идей в вузах – истмат, диамат, научный коммунизм. Все это вызывало у многих людей отторжение). Такое отношение к философии обычно не транслировалось открыто, но подразумевалось, чувствовалось во всем. Ну, социология, еще ладно, еще туда-сюда, хоть как-то, тем более она, мол, модная, «молодая» и «перспективная». Были и другие аргументы, уже не семейные: на философский надо было сдавать это самое «обществоведение», а с ним вообще «дело швах», как сдавать непонятно, а на социологию в этот год вместо обществоведения историю – уже гораздо лучше, яснее. Кроме того про философию в МГУ говорили, что туда редко кого со школьной скамьи берут, а предпочитают «рабочую косточку», отслуживших в армии, «с большим жизненным опытом», чуть ли не только членов партии. Это было лишь отчасти правдой, но проверить было невозможно. Да и, в целом, только что отделившийся от философского соцфак тогда, возможно, к удивлению внешних наблюдателей его нынешнего состояния, считался куда более продвинутым, «прогрессивным» и «либеральным». А философский как будто «мхом порос» и время там остановилось. Напомню, в тот год на философском еще набор на научный коммунизм существовал (что казалось полным анахронизмом), только потом из него политологию сделают.

Ну, короче, решил, что буду пытаться поступать на социологию, хотя философия всегда тут где-то рядом, под боком была. Что я знал о социологии и социологах в ту пору – почти ничего. О философах и философии, кстати, больше (информация была более доступная). Знал, правда, такие имена как Заславская, Левада, Бестужев-Лада, вернее – реагировал на них. В доме появлялись разные книги про «новое мышление», «переосмысление прошлого» вроде «Иного не дано» и т.д. Но я их, скорее, почитывал, чем читал обстоятельно. Тем более это

не была социология, но скорее «докторальная публицистика», очень популярный в те годы жанр. Игоря Семеновича Кона опознавал как «крупного специалиста по сексу» и члена редколлегии газеты СПИД-инфо, а не как социолога или историка социологии. Читал всякие статьи из Литературки и других газет, написанные советскими социологами, о чем и кем конкретно не помню. С начала 1990-го, т.е. за полгода до поступления, начал выписывать «Социс», который тоже больше листал, проглядывал, чем читал. Но все-таки постепенно и исподволь привыкал к новым словам, темам, терминам, имена запоминал. На день рождения в 1989-ом, когда уже было ясно, что собрался на социологию, одна из бабушек подарила «Социологический словарь», коричневый такой, карманного формата, под редакцией Гвишиани и Лапина. Очень скоро, думаю, сразу после поступления у меня появился черный «давыдовский» словарь «Современная западная социология», книга, сыгравшая в последующие годы колоссальную роль в моей профессиональной социализации, — это единственная книга в моей библиотеке, зачитанная до дыр в самом прямом смысле.

Но до поступления о западной социологии, даже о классиках, я ничего не знал. Хорошо помню разговор на вступительном экзамене по немецкому: принимала его у меня, как я потом выяснил заведующая кафедрой немецкого языка гуманитарных факультетов. Она меня спрашивает: а кого из немецких социологов Вы знаете? Я растерялся, опустил глаза и сказал: Маркса и Энгельса. Хотя понимал, что не такого ответа она от меня ждет. Тогда она, слегка улыбнувшись, спросила: а про Макса Вебера ничего не слышали? Я честно ответил: нет, извините, не знаю такого.

Сегодняшним 17-летним, конечно, гораздо проще открывать социологию — было бы желание, да и школьное «обществознание» при всех его недостатках находится уже на совершенно другом уровне. А тогда была почти полная пустота информационная.

С философией было чуть-чуть получше, хотя я отлично понимал, что есть литература более и менее идеологизированная, и ту, которая менее, найти сложно. А еще чтобы мало-мальски доступным языком была написана — почти несбыточная мечта. В доме было книг десять от силы, которые можно было бы назвать философскими и при этом не посвященными исключительно марксизму-ленинизму. Еще я что-то находил в школьной библиотеке и при сборах макулатуры — то, что собирались списывать и выбрасывать. Так ко мне попала в руки книга Фейербаха «Основы философии будущего» 1936 года издания, которую я честно пытался читать на отдыхе, а мои насмешливые родственники иронизировали, что она у меня все время открыта на одной и той же — тринад-

Феномен «показного чтения» (по М.П. Шишкину):
Баба Таня и ее правнук (1914/1989)

цатой странице. Помню, в школьную турпоездку я взял с собой книгу Юзефа Боргоша про Фому Аквинского из серии «Мыслители прошлого», пытался хоть что-то понять. Классный руководитель и будущий писатель Михаил Павлович Шишкин, нас сопровождавший, заметил что-то вроде того, что демонстративное чтение таких книг может произвести хорошее впечатление на окружающих, на девушек, например. Правда, я в этом до сих пор не уверен.

И, наконец, последний пример такого рода. В домашней библиотеке была единственная книга из элитной серии «Литературные памятники», — той, что для высококобых. Это были «Опыты» Монтеня. Я читал их выборочно — в них очень дробное оглавление, кусочки небольшие, и восхищался, прежде всего, стилем. Первоначально я именно подобного стиля и искал, наивно полагая, что вся философия должна быть такая. Эссеистика основателя жанра эссе проглатывалась и переваривалась прекрасно, оставалось приятное послевкусие и больше ничего. Навык восприятия сложных философских и социальнонаучных текстов вырабатывался небыстро, уже в университете.

IV. A alma mater в молодости была отнюдь «не дурнушка»

Как Вы думаете, Ваши однокурсники были столь же начитанными или народ был разным?

Все, конечно, относительно, но, по-моему, не был я тогда особо начитанным, так — «поднахватался» всякого. Особенно если читаешь словари и энциклопедии годами, кажется, будто все обо всем знаешь. После 1990-го года — другой этап начался. Тогда уже, действительно, превратил чтение в методу и основной образ жизни.

Насчет публики, обучавшейся на тогдашнем Соцфаке, — здесь требуется некоторое введение, контекст. Год моего поступления вообще, думаю, не очень показательный, из ряда вон выходящий. Во второй половине 80-х социологические кафедры в МГУ существовали под крышей философского факультета, и были они уже тогда «выпускающими» давали специальность «прикладная социология». Потом, наконец-таки, пробили просто «социологию». Это означало и символически и институционально полную эмансипацию дисциплины — можно было отделяться. Соцфак официально отделился в начале лета 1989-го, прямо перед вступительными экзаменами. Ну, естественно, люди массово не успели отреагировать. А новые факультеты в МГУ десятилетиями не открывались (не то, что позднее). В Москве единственной альтернативой Соцфаку МГУ, — если человек хотел на социологию пойти, — был Институт управления, который на Ждановской (шпана называла — Ждань, будущее Выхино). Короче, открытие факультета — это было событие. Проходит год, когда я как раз в последнем классе учился. Все про новый факультет узнали, и ... ломанулись. В результате — пиковый конкурс: 14 человек на место. На гуманитарных факультетах МГУ всегда были большие конкурсы, но не такие. Интересно, что потом, в последующие годы кривая конкурса была четко нисходящая, пока не стабилизировалась, не знаю уж на какой отметке. Т.е. люди со временем поняли, что социология это вам «не Клондаик и не Эльдorado», не экономфак и не юрфак. А в моем 1990-м поступила куча людей явно из-за завышенных конъюнктурных ожиданий,

из-за шумихи и первого впечатления. Насколько я могу судить, обладая отнюдь неполной информацией, в социологию, как бы мы ее широко ни понимали, после окончания пошли единицы. Вообще время было очень сложное: профессиональная структура вся рухнула, статус «интеллигентских» профессий (преподавателей, научных сотрудников) упал ниже всяких мыслимых планок. Люди по всей стране отказывались от учебы, бросали институты, меняли все планы и профориентации, окунались в непредсказуемый новый капитализм.

Я при поступлении недобрал один балл. Но мне повезло: для таких как я, тех у кого был недобор в 1–2 балла, открыли вечерний. По социальной базе не вечерний старого типа — не для взрослых, на момент поступления уже работающих. Почти все, кто там оказался, сразу после школы были. Но правила советские сохранялись в этот последний год советской власти: работать надо было официально, и все завели трудовые книжки, настоящие или липовые. Я не на бумаге, а реально служил лаборантом на экономфаке на полставки — курьерствовал, канцелярские товары закупал, печатал документы всякие одним пальцем на машинке, в то время как машинистки и секретарши чай гоняли. На втором курсе перевелся на дневной, многие перевелись — со мной или чуть позже.

Что за люди учились — разные. Около ста человек на курсе было. Много, конечно, «мажоров», золотой молодежи образца позднего социализма — раннего капитализма: дети ответработников, дипкорпуса, журналистов крупных газет, предпринимателей новых. Многие за границей подолгу жили, в языковых спецшколах учились. Меня, кстати, в школе многие тоже «мажором» считали, причем совершенно ошибочно. В нашем «семейном нуклеаре» машина только в середине 80-х появилась — да и то, запорожец (как тогда говорили «позор семьи»), а двухкассетник — мечта почти каждого московского подростка — причем секунд хенд, кажется, в 90-ом. Социальные связи в моей «большой семье» вообще довольно любопытный феномен. Предельная атомизация, «антиклановость». Люди обычно встречаются на свадьбах, похоронах и юбилеях, и это — в лучшем случае, если пригласят. Поэтому неважно, какие у тебя родственники, живые и мертвые, близкие и далекие, и сколько среди них знаменитостей, важно только каков статус конкретно твоих родителей, и что они реально в состоянии для тебя сделать. Мне кажется, в целом, интеллигенция российско-советская в крупных городах (не в национальных окраинах) была какая-то удивительно «несемейственная», индивидуалистичная. Типичный «анонимный» пример из жизни маминых дальних родственников еще в 50-ые: родные брат и сестра, он министр, академик, крупный общественный деятель, она — билетная кассирша на Курском вокзале. И не потому даже, что отношения плохие, просто — у каждого своя жизнь. Кстати, подобные микросоциальные конфигурации, когда чужой успех перед твоими глазами разворачивается, но при этом является «не твоим» успехом, создают исключительно благодатную почву для цветения разного рода деприваций и ресентиментов...

Кто еще учился? Дети и внуки некоторых известных философов и социологов, в том числе работавших на факультете, ребята и девушки из провинции, те, кто в общежитиях жил, часто очень карьерно ориентированные, но не по части науки — какая тут карьера палец сосать. Были люди постарше — после армии, в том числе после «Афгана», с «рабфака». Были целевики, от Госкомитета кинематографии (не уверен, что правильно передаю название), человек десять,

наверное. Все по-разному учились, оценки — не показатель. На гуманитарных факультетах вообще оценки традиционно завышенные ставят. Но, по-моему, большинство преподаваемыми дисциплинами мало интересовалось или сугубо выборочно — тем, что, как тогда казалось, может пригодиться в практической жизни. Были, конечно, исключения единичные. Например, мой приятель тех лет — Кирилл Тарасов. Он сейчас доктор наук, в МГИМО работает, социолог кино и масс-медиа. Он как бешеный все годы студенческие английский учил и Спенсера читал (почему именно Спенсера не помню).

Причина умеренного интереса к учебе у многих сокурсников отчасти могла объясняться тем, что они на социологию пришли, изначально представление о которой было, конечно, весьма приблизительным, а их продолжали, неважно под какими вывесками, кормить философией. Я был невероятно рад этому обстоятельству, а большинство — нет.

Вы сразу выбирали направление обучения или ведущую кафедру или отделение?

Нет, официально специализация со второго курса начиналась — не помню с осени или с зимы. В начале второго курса, т.е. я уже на дневном был, мы должны были определиться и образовать новые группы, уже по кафедрам специализации. Спецпредметов, кстати, потом довольно много было в общем объеме дисциплин. Были люди, которые кафедры меняли, я — нет. Когда поступал плюс еще год думал, что пойду на кафедру социологии культуры. Помню, еще до поступления, день открытых дверей, его завершающую, «кафедральную» часть: от кафедры социологии культуры выступал Виктор Петрович Коломиец, мой нынешний «коллега по редколлегии» Социса, первый живой социолог, которого я увидел на близком расстоянии. Я хотел заниматься теорией с «культурологическим» уклоном (правда, при всем моем интересе к культуре как срезу социальной жизни я не люблю и стараюсь не употреблять термина «культурология»). Но где живет эта самая теория, я до конца не понимал: ни кафедры с таким названием, ни предмета головного в расписании не было. На втором курсе ситуация для меня прояснилась. Получалось так: специальные теории живут на кафедрах «отраслевых» социологий, а большие теории живут на кафедре истории социологии, куда я и направился.

Надо добавить к этому, что за время обучения, т.е. с 1990 по 1995 год, количество кафедр выросло вдвое. В 90-м их было пять — истории социологии, МКСИ, социологии культуры, образования и воспитания (она, как оказалось, из кафедры комвоспитания преобразовалась), социологии труда и еще социальной информатики. Потом на наших глазах открылись кафедры политологии и социологии политических процессов, социологии международных отношений, социологии организаций, социологии семьи и социологии коммуникаций (кажется, ничего не забыл и не перепутал). Когда открыли социологию организаций, да еще заведующим американца сделали, туда сразу чуть ли не треть курса рванула. — Естественно. А на нашей истории социологии была тишь да гладь.

Почему Вы избрали историю социологии? Это было самое теоретическое направление?

Да, именно поэтому.

Мне уже тогда были очень неприятны постоянные столкновения с тем, что я называю «демоскопическим предрассудком». Я имею в виду представление о социологии как о ремесле опросов общественного мнения, распространенное у нас отнюдь не только в обывательской среде. У меня, кстати, есть специальная статья на эту тему. «Социология как наука «без лица»» называется². Так вот, ни в одной стране мира не наблюдается ничего подобного — только в России. Когда поколение Ядова и Левады вело позиционные бои с истматчиками, находясь при этом в явном численном меньшинстве, советская общественность усвоила, что социология — это опросы. Ну так получилось. Опросы и вправду были тогда самой распространенной методикой сбора данных, и на Западе тоже — «лазарсфельдовская» школа. С серьезной же, респектабельной теорией социология тогда в СССР ни у кого не ассоциировалась. Поскольку эту нишу занимал «ненавистный истмат», а про западную мысль никто ничего толком не знал, нельзя было. «Крамольные» лекции Левады для студентов журфака и книгу Яна Щепаньского «Элементарные понятия социологии» народ тоже тогда не читал. Я говорю про 70–80-е. Потом истмат с научным коммунизмом были повержены, но имидж социологии уже устоялся. Опросы и все тут.

А меня-то опросы «по жизни» совсем не интересовали, хотя я и очень уважаю и уважал добротные эмпирические исследования. В моем представлении социология как раз начиналась там, где сбор данных заканчивался, и начинались их *анализ* и *интерпретация* (хотя, разумеется, эти процессы должны предполагать и взаимно обуславливать друг друга). Я субъективно готов был стать социологом, посвятить этому жизнь, только при том условии, если эта самая социология претендует на объяснение социальных отношений и процессов, на установление взаимосвязей между явлениями социального мира. Поэтому я в те годы «страстно разыскал» теории. И нашел ее, вернее не ее, а их — много разных теорий.

Отлично помню, как уже на первом курсе, даже не от социологии сначала, а от истории философии я получил огромный мобилизующий интеллектуальный удар. «Встань и иди!». Я почувствовал, что передо мной открылась новая вселенная, состоящая из идей, концепций, подходов, при помощи которых я могу понять, что происходит в мире человеческом. Я недоумевал: как философия и родственные ей дисциплины могут быть не интересны кому-то, как их можно считать оторванной от жизни схоластической ученостью. Ведь они же работают на каждом шагу, эвристика из них «так и прет», они объясняют в большей или меньшей степени почти все вокруг, все, что нас окружает и все, что находится в нас самих. То есть я говорю, конечно, не о какой-то конкретной, определенной теории, а об их бесконечной совокупности, теориях, созданных тысячелетия или столетия назад, современных или тех, что еще предстоит создать. Сразу же после Платона и Аристотеля, т.е. буквально на первом семестре первого курса, я понял, что никакой я не марксист, не материалист, не коммунист, а кто я предстояло узнать в процессе чтения тех самых книг, которые сочинили «для библиотеки все эти римляне и греки»..., а также немцы, французы и прочие, ...русские, конечно, тоже.

Действительно, кафедра истории социологии позволяла максимально (из возможного на данном факультете) удовлетворить мои комбинированные философско-социологические интересы. Как я уже говорил, философский компонент в нашем образовании был очень большой. Т. н. ГОС первого поколения (госу-

² Подвойский Д. Социология как наука «без лица» // <http://polit.ru/article/2008/10/01/dpodvoiski>

дарственный образовательный стандарт) еще не действовал и даже не был разработан. Реально учебные планы от курса к курсу менялись, и формировались, судя по всему ad hoc, из предметов преподавателей, которые на конкретный момент времени были в распоряжении кафедр. Кроме общего курса философии, был большой курс ИЗФ – истории зарубежной философии, отдельно – история русской философии, потом еще логика, этика, эстетика. Но и в заявляемых как социологические предметах было много философской начинки. И это понятно, обслуживали учебный процесс, в основном, люди с базовым философским образованием и философскими степенями. На нашей кафедре, само собой, философского было еще больше – в виде спецкурсов соответствующей тематики.

Я уже говорил, в нашем учебном плане не было курса общей (систематической) теории социологии (может быть, никто не мог набраться смелости читать такое). Учебников в точном смысле слова, конечно, никаких не было, и это – отдельный разговор. В общем, «большую теорию» читали только «в лицах», т.е. в формате истории социологии, а теории меньшего калибра, т.е. специальные социологические теории, в курсах других кафедр или спецкурсах.

Кафедра истории социологии была, так сказать, «епископская», ну то есть «деканская». Заведующий – В. И. Добреньков – правил кафедрой почти как «отсутствующий лендлорд», поскольку совмещал должности заведующего, декана и проректора по гуманитарным факультетам (т.е. был человек объективно занятой). В общем, студенты кафедры специализации в учебном процессе сталкивались с ним редко. Хотя, справедливости ради стоит сказать, что он все же вел у нас один предмет – спецсеминар по Эриху Фромму (у него про Фромма кандидатская была). Самой заметной фигурой на кафедре был, конечно, Никита Евгеньевич Покровский. Он в представлениях, наверное, теперь не нуждается. Он тогда не был ни доктором, ни профессором, не уверен, что даже доцентом был (потом, конечно, стал). Преподносил он себя с большим достоинством и вкусом, и все ощущали, что перед ними – маститый социолог, мэтр, голова. Одевался он по тем временам очень стильно, носил клубный пиджак, но, главное, внешность... внешность у него была как у настоящего иностранца. Такой фенотип. Он был автором книг про раннюю американскую философию, про Генри Торо, за что, кажется, лауреатом премии Ленинского комсомола стал. Но этот философский след при нас не эксплуатировал. Для нас он был в первую очередь специалистом по современной американской социологии и, особенно, по функционализму Р. Мертона.

Про «интерпретативные» теории Елена Ивановна Кравченко рассказывала, у нее потом книги о Вебере, Дж.Г. Миде, И. Гофмане выйдут; про общественную мысль Центральной Европы и балканского региона – З. Т. Голенкова. За русскую социологию, в основном, отвечала Е. И. Кукушкина. Сорокина мы очень много штудировали. Историю военной социологии вел И. В. Образцов, ныне завкафедрой социологии в Лингвистическом университете. Е. В. Гараджа читала спецкурс «Европейская идея истории», в основном, отталкиваясь от книги Р. Дж. Коллингвуда «Идея истории», которую я с огромным удовольствием прочел. Выходец с кафедры истории социологии (на несколько лет раньше меня учился, а потом там работал) – Владимир Геннадьевич Николаев, замечательный

специалист и переводчик огромного количества фундаментальных социологических текстов. Я с ним много позже познакомился, но лицо уже тогда опознавал — больно эффектная борода у него была.

Меня немного огорчало, что на кафедру не приглашали людей из Академии наук, конкретно из «давыдовского» сектора (многие из Института социологии тогда на соцфаке преподавали, но не историки социологии). Имена Ю. Н. Давыдова, Л. Г. Ионина, А. Б. Гофмана, А. Д. Ковалева, А.Ф. Филиппова и др... многие годы оставались для меня лишь персонифицированными абстракциями, именами авторов книг и статей, которые я читал и по которым учился. Как мне стало известно позднее, большинство из них тогда просто не занималось преподавательской деятельностью, они пойдут (из тех, кто пойдет) в вузы лишь во второй половине 90-ых, причем в другие.

Кстати, о книгах — ситуация с сегодняшней несопоставимая. Начинали мы учиться по книге «История буржуазной социологии XIX — начала XX века» под редакцией И.С. Кона 1979 года выпуска (для своего времени неплохой, но уже не для нашего). Потом появился ее «апдейт» «История социологии в Западной Европе и США», еще книга Раймона Арона «Этапы развития социологической мысли». Был сборник «Американская социология» 1972 года, книга Джонатана Тёрнера «Структура социологической теории». Классики были еще в основной своей массе не переведены. Хотя Вебер с Дюркгеймом уже были. Сорокина начали активно издавать. Но, в целом, информацию собирали по крупицам — по статейкам, по обрывкам; из маленьких лоскутков свои представления о социологии сшивали. Много читал из дореволюционного книжного фонда.

За выходящими новыми книгами охотился, скупая все, что, казалось, хоть как-то относилось к фундаментальной проблематике социальных наук и философии. По книжным московским носился — высматривал подобного рода литературу, тогда еще никакого изобилия «умных» книг не было. Помнится, в последний месяц существования СССР увидел в каком-то сельпо в Рязанской области, недалеко от городка Елатьма «Похвалу глупости» Эразма Роттердамского. В этом магазине, по-моему, кроме нее только спички, да бычки в томате продавались. Веселый наборчик, не правда ли? Сел у речки или на лавочку под березкой, гуманиста почитал, бычками закусил, папироску выкурил — благодать! Смешно до ужаса и очень «по-позднесоветски». Не могу сказать, был ли спрос на Эразма в этих местах. Я же был просто счастлив, что отхватил, урвал такую ценность, притом при таких «самобытных» обстоятельствах, приблизительно как Генка Ляпишев из «Большой перемены», купивший в подобного типа магазине «О природе вещей» Тита Лукреция Кара. Чуть позднее книг стало появляться больше. Но начало настоящего бума на рынке интеллектуальной литературы, по моим наблюдениям, относится, скорее, ко второй половине того десятилетия.

Вообще, ранний Соцфак был совсем не такой, каким в 2000-е стал. Сегодня наслышанные о положении дел на факультете люди, особенно молодые, косо смотрят на тебя, если говоришь, что закончил Соцфак. — В смысле: ну и образование у тебя, — не предмет для гордости. Обидно очень. Не могу сказать, что образование давали прямо-таки прекрасное, но нормальное, выучиться можно

было, если захочешь. Я, главным образом, сам учился, выполняя задания, сидя в библиотеке, читая, конспектируя, лекции лишь указывали общее направление. И потом сложно все было, и нам, и самим преподавателям, все «внове».

Тогда по коридорам другая публика ходила: не с длинными бородами или в рясах, иностранцы постоянно появлялись. Завкафедрой социологии организаций вообще американец числился — Стивен Райнсмит, огромный такой — шкаф, мы шутили — похож, мол, на фермера из какого-нибудь кукурузного штата, стоит только ковбойскую шляпу надеть. Спецкурс по социологическому анализу феноменов «нетрадиционной» религиозности — культов и сект тоже американка вела Шэрон Линзи, прямо с переводчиком приходила. Гидденс приезжал (я, правда, не застал), известный политолог, создатель концепции политической системы — Дэвид Истон.

Много «своих» специалистов хороших было, и штатников и совместителей. Ядов³ какой-то спецкурс, думаю, по методологии, читал (не у меня), Лапин общий курс «Социальные системы и процессы», Бестужев-Лада — социальное прогнозирование. Социологию религии Виктор Иванович Гараджа вел, прекрасный религиовед, очень умный человек, но при этом «тихий», «в себе». Курсы по социальной и политической психологии — Елена Борисовна Шестопал. На кафедре социологии труда В. В. Щербина и В. Н. Шаленко работали. Благодаря последнему я разобрался в проблематике социологии конфликта. На той же кафедре А. И. Кравченко, еще не ставший «многотомным писателем». Читал он историю социологии труда и экономсоциологии, в которой, несомненно, разбирался. Ю. П. Аверин читал интересный курс по теории социального управления. В. В. Радаев захаживал, еще совсем молодой (хотя он и сейчас молодой). Основной курс ММТКСИ (методологии, методики и техники конкретных социологических исследований) читала вдова А. Г. Харчева — Валентина Геннадиевна, с большой экспрессией читала. Я, правда, не сразу в него «въехал», но потом разобрался. На кафедре МКСИ много «игровиков» было, последователей Щедровицкого. Теорию измерений и анализ данных Ю. Н. Толстова вела, какой-то спецкурс прикладной, политологический — Г. А. Сатаров. Вообще политологический компонент был очень добротный, большой и совершенно не идеологизированный. Социологию международных отношений вели П.А. Цыганков и Д. М. Фельдман, демографию — ученик Б. Ц. Урланиса В. А. Борисов.

В первой половине 90-ых Соцфак был реально основной площадкой социологического образования в Москве. Ни Вышки тебе, ни Шанинки; РГГУ и РУДН социологию как выпускающую специальность тоже еще не открыли.

Вы застали самое начало становления факультета социологии. К началу 1990-х марксистско-ленинская философия уже не была идеологией страны, как Вам подавали труды Маркса и Ленина?

---

³ Никогда не забуду, при каких забавных обстоятельствах я впервые услышал фамилию «Ядов»: В один из первых дней учебы нас — первокурсников отправили в библиотеку 1 Гуманитарного корпуса получать комплекты минимально необходимой «учебной» литературы. Стоим, почти давимся в маленьком помещении, а из-за стеллажа то и дело выходят сотрудницы библиотеки со стопками книг. Кто-то за стеллажом формирует эти наборы. И вдруг слышим голос этого кого-то (женский, разумеется): «социологи, имейте в виду, яда на всех не хватит». Кто-то засмеялся, кто-то «про себя» удивился, но никто поначалу не понял. Мне все-таки «яда отсыпали» — в стопке была ядовская книга по методологии социологических исследований, кажется, такая серо-голубая.

Очень интересный вопрос и сложный. Надо учитывать, какая была обстановка за окном. Я учился на Соцфаке и до «путча» 91-го и после. Был период, когда, кажется, компартию даже собирались запрещать. Помню, осенью 91-го две девочки перед началом лекции по одному из «номинально марксистских» предметов перекидывались мнениями: «уже сейчас-то можно это безобразия прекратить..., бред этот надоело слушать...». А одна из инспекторов учебной части, по-видимому, считавшая себя «большой демократкой», комментируя лежавшую в моем деле (ничего уже не значившую тогда) райкомовскую рекомендацию, и реагируя на мою фамилию, говорила коллегам: «по наследственной пошел, ... совок». Антикоммунистические настроения тогда достигли апогея, превратившись почти в истерию. Все это, естественно, сказывалось на учебном процессе.

В моей зачетке на первом курсе еще оценка по «диамату» стояла. Но, в сущности, что это был за диамат? — Нам рекомендовали учебники Алексеева/Панина (их несколько было) по философии и теории познания. Они были написаны уже для перестроечных времен — мягкие достаточно. Был еще небольшой лекционный цикл, посвященный истории марксистско-ленинской философии. Там нам с учетом того, что мы социологи, про вклад Энгельса в «эмпирическую социологию» рассказывали («Положение рабочего класса в Англии» и т. д.), про ранний советский марксизм — Бухарина, Деборина, Аксельрод-Ортодокс и т. д. О Бухарине я даже реферат писал по известной в те годы книге С. Козна. Политэкономия на втором курсе вела профессор «старой закалки», очень жесткая. Переступая через себя, говорила про Кейнса, Хайека, Фридмена, Гэлбрейта, но книгой ее жизни, несомненно, был «Капитал». Все эти штуки учили: товар-деньги-товар, деньги-товар-деньги штрих, норма прибыли, прибавочная стоимость, и т. д. Какие-то робкие отголоски истории партии на уровне риторики, очень уже облегченной, внутри курса отечественной истории.

Но в остальном советский марксизм в нашем образовании сошел на нет. Это произошло очень резко. Те, кто во второй половине 80-ых учились, его еще по полной программе получили, а нас миновала чаша сия. Могу представить, насколько сложно было преподавателям: надо было «перековываться» на ходу, готовить совершенно новые курсы, которые раньше не читались, старый багаж процентов на 70 был непригоден, а информации для самообразования на русском было крайне мало.

В литературе, книгах, статьях, которые читать приходилось, фонового советского марксизма, конечно, было хоть отбавляй, т.е. в тех источниках, которые в 70—80-е выходили. И мы ими активно пользовались, поскольку, особенно поначалу, ничего другого толком не было, осуществляя селекцию при чтении, отделяя зерна от плевел. Но на лекциях, семинарах (за исключением тех предметов, о которых я только что говорил) собственно о Марксе почти ничего. Просто взяли и вырезали, чтобы не гневить «демократически настроенную молодежь». Это было несправедливо, но объяснимо.

В одном из старых учебников по логике в качестве примера «энтимемы» значилось известное ленинское высказывание «учение Маркса всеильно, потому что оно верно». Ведущая семинар, почти под хохот аудитории и уж точно под ухмылки, робея, объясняет: «Все верные учения являются всеильными, учение Маркса верно, следовательно, учение Маркса всеильно...».

Поразительно: отдельно фигура Маркса в курсе истории социологии и спецкурсах не рассматривалась, такая была общая аллергия на имя. О западном марксизме тоже говорили мало. Фромм, например, подавался как психоаналитик, фрейдист. Напротив, критика марксизма была в ходу. Я сам очень много тогда читал по теме «вокруг Маркса и марксизма», поскольку это для меня всегда был «больной вопрос». И русских критиков, не очень спокойных (Бердяева, Булгакова, Струве, Франка и т.д.), «Вехи», «Из глубины», и западных, в первую очередь «Открытое общество» и «Нищету историцизма» Поппера, еще Арона, Хайека, и, скорее, сторонников, типа Перри Андерсона («Размышления о западном марксизме»). Социологию конфликта тоже без Маркса было постичь невозможно, и историю русской общественной мысли. Кроме того, большинство крупных западных социологов так или иначе высказывалось о Марксе, находилось под его прямым или косвенным влиянием — т. е. слова из песни не выкинешь, — и Вебер, и Парето, и Дюркгейм. Все это контекстуально обсуждалось в аудиториях. Иначе говоря, Маркс везде маячил где-то на периферии, но как таковой, сам по себе, как большая фигура не рассматривался. Потом, когда страсти улягутся, Маркс тихо и незаметно вернется в новое российское социологическое образование, хотя конечно, в совсем другом, более скромном «статусе», но я тогда уже закончил учебу.

V. Давно пора, ядрена мать, умом Россию понимать...

Вы правы относительно существования в России «демоскопической» интерпретации социологии. Отчасти, это отголосок той борьбы, которую вели Левада, Осипов, Ядов за самостоятельность социологии, отчасти, в силу того, что Грушин идентифицировал себя как социолог. Но следует помнить, что полстерства не было. Замечу, в США в 1930-х, изучение общественного мнения трактовалось либо как отрасль журнализма, либо как задача прикладной психологии. Ведь речь шла об изучении массовых установок. Первые полстеры — Джордж Гэллап, Хэдли Кентрилл, Генри Линк имели Ph.D. по психологии.

Безусловно, Вам повезло с преподавателями... к кому Вы примкнули на старших курсах, по какой теме готовили дипломное исследование?

Сразу хочется отреагировать на слово «примкнули». «Примкнуть» было не так-то просто. Нам, действительно, преподавали некоторые хорошие специалисты, но не могу сказать, что был кто-то — к кому хотелось прямо-таки пойти в ученики, «послушники», чтобы «слушать» и «слушаться», у чьих ног хотелось бы сидеть и внимать, с открытым ртом. Да и не предлагали особенно, а навязываться не хотелось. К студентам обращались обычно с просьбами о черновых переводах, либо — с анкеткой побегать. С предложениями «настоящего сотрудничества» публикации, участие в конкурсах, конференциях, совместные проекты, пускай и неравновесные в иерархическом смысле, и т.д. я такого особо не припомню (говорю не только за себя). Это был такой общий стиль: отстраненность какая-то, дистанцированность. Все это немного огорчало и удручало. В университете, в котором я работаю уже без малого двадцать лет, отношение к студентам совершенно другое — гораздо более домашнее что ли, о них пекутся,

всячески помогают, что-то предлагают, стараются создать «зеленую улицу», особенно для тех, кто проявляет интерес к науке. Хотя последних, увы, оказывается очень немного.

Как я уже говорил, специализация у нас начиналась довольно рано: со второго курса, а это предполагало написание курсовых работ. Первая моя курсовая была посвящена «психологии народов» Вильгельма Вундта — говоря несколько вульгарным языком, меня уже тогда интересовала тема «различия национальных менталитетов». (Сегодня само понятие менталитета, на мой взгляд, уже совершенно дискредитировано всякими произвольными паранаучными и идеологически ангажированными рассуждениями). Правда, никакой содержательной информации о «психологии» конкретных народов у Вундта я не нашел, но зато открыл для себя область общей методологии социально-гуманитарного познания и размышления о соотношении индивидуального и коллективного в человеческом мире. Спустя восемь лет я заставил себя написать статью о «социологических мотивах» в творчестве этого немецкого ученого — чтобы материал не пропал. Г.С. Батыгин, принимавший статью в «Социологический журнал», и не слишком довольный моими тогдашними магистральными пристрастиями, посетовал: «А неплохая диссертация получилась бы!».

Моим научным руководителем все студенческие годы был молодой преподаватель Дмитрий Игоревич Водотынский, он вел у нас семинары по истории социологии, а также читал спецкурс «Политическая социология в США». Уже на пятом курсе, буквально перед защитой диплома он пригласил меня и сообщил, что уходит из МГУ в Институт США и Канады, потом он профессионально дрейфовал в сторону прикладной политологии и политического консалтинга. Отношения у меня с ним были очень доброжелательные, при этом он предоставлял мне стопроцентную свободу, на которую я из-за своей неисправимой «глупости и гордости» уже тогда претендовал. Относительно того, что мне делать, что читать и о чем писать — я всегда принимал решения самостоятельно. Такая ситуация устраивала нас обоих.

Генезис моих тогдашних интересов очень легко просматривается в предшествующем тексте этого интервью (надо сказать, что я полностью не избавился от них и поныне). Меня лично очень беспокоил вопрос: как и почему стал возможен советский общественно-исторический проект, этот удивительный зигзаг социальной динамики, почему советское общество возникло, почему оно развивалось так, а не иначе, и почему оно в конце концов разрушилось. Мой диплом, размером 250 страниц, напечатанный еще на машинке, «скромно» назывался: «Некоторые аспекты теоретико-социологического анализа исторического развития России в XX веке». Причем в тексте я указывал, что — это только набросок, а основная часть работы впереди. Я, конечно, никогда бы не смог написать текст такого объема за один предвыпускной семестр. Писал я три года, складывая фрагменты, которые на третьем и четвертом курсах сдавал в качестве курсовых. Сегодня защита диплома такого размера и с такой претензией во многих вузах была бы попросту невозможна, а тогда — пожалуйста. Просто последние 200 страниц были «вежливо» названы в оглавлении «приложением», хотя никакое это было не приложение.

Еще в школе я прочел книгу Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» — основная ее идея мне очень понравилась. Большевизм как особого рода феномен, не только политический, но и культурный, утверждал Бердяев, есть закономерное порождение всего предшествующего хода российской истории. Разумеется, не в официозно-марксистской, советской трактовке — не в смысле неизбежности пролетарской революции, назревания противоречий «молниеносно развившегося» капитализма и т. д. и т. п. Поскольку все указывало на то, что большевики совершили революцию «ради и во славу Маркса, но совершенно не по Марксу». Мое личное отношение к большевизму и советской системе в университетские годы было уже, по меньшей мере, двойственным, и, возможно, даже чаша весов аксиологических и моральных начала склонялась к отрицательным значениям. Но, с другой стороны, я усвоил тогда веберовский императив «свободы от оценки», который требовал взгляда на факты и их сочетания *sine ira et studio*. Еще я выработал для себя особую версию детерминистской методологии, побуждавшую смотреть на историю как на «сугубо закономерный» процесс — закономерный не в метафизическом смысле, и не в версии каких-то конкретных монокаузальных теорий, а в том смысле, что определенные комплексы причин, объективных и субъективных, природных, экономических, политических, культурных, сцепляясь друг с другом, приводят к определенным последствиям и поток реальности настоящего застывает, превращая вариативное, становящееся будущее в ставшее, «неслучайное» прошлое. Все студенческие годы читал, много всякого и разного — тексты философские, социологические, исторические, политологические, экономические, зарубежные и отечественные, имевшие прямое отношение к интерпретации российского опыта XX столетия и не имевшие. Много конспектировал, все от руки, только цитатник занимал две толстые тетради в клеточку.

Мой «мегапроект» уже тогда был обречен на неудачу, хотя в полной мере ясно это мне станет гораздо позднее. Причин много. Во-первых, гигантомания. (Хотя многих интеллектуалов она ни раньше не смущала, ни сегодня не смущает. Правда, для таких людей высок риск предстать «смешными» и «наивными» в глазах серьезных ученых-специалистов). Во-вторых, предпочтение социально-философского и историософского чтения (хотя абы кого я не читал, но, в основном, «великих», «классиков»). И, наконец, в третьих, — опора на довольно старые тексты, по преимуществу, XIX и первой половины XX вв. Например, о достижениях западной исторической социологии второй половины XX века я почти ничего не знал. В общем, как говорили, кажется, про «доблестных» французских генералов, опаздывал в своих представлениях о стратегии и тактике, как минимум, на одну войну. Хотя субъективно мне самому «старые» тексты совсем не казались таковыми, ведь я же их открывал для себя впервые, да и не только я (поскольку раньше они были большинству людей в России недоступны). На защите меня, конечно, похвалили, оценили за смелый «замах на Вильяма нашего, на Шекспира», но не более того. Хотя я и слыл в факультетских кулуарах «воткнутым в науку», и одним из лучших студентов курса, никто меня работать в альма-матер не пригласил. Да и, учитывая ряд позднейших обстоятельств, наверное, к лучшему. Правда, в аспирантуру заочную меня приняли. Но как приняли, так и отчислили, спустя четыре года — по истечению срока обу-

чения. Свою бывшую кафедру я посещал раз-два в год по долгу аттестаций или каких-то эпизодических рецензий, но фактически был не вовлечен в ее жизнь, работая в другом университете.

Что тематика диссертационного исследования, предложенная кафедрой, не устраивала Вас, или у вас были, как, по-моему, говорил Михаил Светлов, «стилистические разногласия» с руководством кафедры, факультета? В каком университете Вы начали работу?

Нет, никаких разногласий, обычная незаинтересованность. И тему мне никто не навязывал, да я бы и не согласился, чтобы мне ее «сверху» спускали. Я был полон решимости продолжать писать свой «трактат», у меня уже в голове «концепция» была и довольно четкий пошаговый план, при помощи которого я намеревался «понять Россию умом», постичь ее «неисповедимые» пути. Наверняка, разногласия и противоречия возникли бы потом, но они не возникли, потому что для этого кто-то должен был хотя бы узнать, а чем, собственно, занимается данный аспирант. Как бы то ни было, фактические отношения с МГУ у меня прекратились

Дети разных народов и социальных слоев в больничных робах. Бабье лето 1989 г., Соколиная гора

в 1995-ом, сохраняясь последующие четыре года только на чисто формальном уровне.

А тем временем, надо было искать работу. Я решительно исключал для себя варианты деятельности в опросной индустрии, тем более у меня был опыт студенческих подработок в названной сфере, из которого мной были вынесены отрицательные впечатления. Ну не мое это, и все. В общем, я понятия не имел — куда податься. И тут звонит

моя однокурсница — Оля Хесина, и говорит: «Денис, я тут проходила собеседование в Университете дружбы народов — им преподаватель социологии нужен. А я, вот, кажется, не смогу принять их предложение. Не хочешь вместо меня попробовать. Я сначала немножко напрягся (обычные представления стороннего человека, они и сейчас распространены в народе): «Лумумба», одни иностранцы из Третьего мира... Как им преподавать? ... и т. д. и т. п. Но других вариантов все равно не было... И я пошел собеседоваться в «Лумумбу», кстати, уже тогда он назывался просто «Российский университет дружбы народов» (РУДН).

«Лихие девяностые» заставили университет существенно модифицировать свою традиционную специализацию. Он перестал быть исключительно кузницей кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки. Данное направление, конечно, сохранилось и продолжает поддерживаться, но основной студенческий контингент изменился. Как и в других вузах, начали открываться новые специальности, размножаться и почковаться факультеты и кафедры. Российских студентов в аудиториях стало большинство, на ряде образовательных направлений — подавляющее. Меня приняли на кафедру социологии и культурологии, очень скоро культурология отпала, осталась просто социология. Кафедра эта — одна

из «дочек» большой общеуниверситетской кафедры философии, обслуживавшей в советское время все направления и специальности УДН им. П. Лумумбы. В первой половине 90-х она не просто была разделена. Образовавшиеся кафедры превратились в выпускающие, университет открыл прием на «философию», «социологию», «политические науки» (процесс открытия новых специальностей продолжался потом многие годы и продолжается до сих пор). Первых студентов-социологов набрали, кажется, в 1993-м. К 1995-му они подросли, и им надо было начинать читать спецдисциплины. Кафедра, естественно, нуждалась в тех, кто это будет делать. Вот на этой волне и я случайно подвернулся. Когда я пришел на собеседование, сразу же сказал: товарищи, делайте со мной, что хотите, но эмпирические и методические дисциплины я читать не умею, не хочу и не буду. Я, мол, – историк и теоретик. И реакция была благосклонной – это связано было отчасти с тем, что на кафедре базово работали выходцы с философского факультета МГУ, может, и не такие категоричные в своих ориентациях как я, но способные понять тягу человека к теории.

В общем, начал я работать – вел занятия и на непрофильных специальностях, и «своим», т.е. будущим социологам. Довольно быстро и лекции мне дали читать, думаю, даже не потому, что оценили какие-то мои способности, а просто потому, что кто-то должен был работать, в то время как потребности образовательного процесса постоянно наращивались и усложнялись. У «своих» я поначалу семинары по общей социологии и истории социологии вел. Свобода была полнейшая: семинарист сам решал, как вести семинары, о чем говорить, оценки выставлял в большинстве случаев он же. Лектора мои были совместители «с именем», «люди приходящие и уходящие», которых лишними проблемами кафедральное начальство старалось «не обременять». По-моему, в году 98-ом дали мне уже официально лекционный курс истории социологии, хотя степени к тому моменту у меня еще не было. Психологически влиться в профессию было не так просто, я по жизни человек не слишком контактный, но приходилось переступать через себя. И к тому же я тогда был лишь немногим старше своих студентов: в самом начале – года на три, не больше. Но служба службой, а в свободное время (которое тогда еще было) я садился за свои амбарные книги и писал свой «злосчастный опус» три года минимум, и еще год на машинке перепечатывал. Лишь в 99-ом – текст удалось перенести на компьютерный носитель.

У меня есть опыт работы «в стол», во второй половине 70-х я активно изучал биографию Карла Пирсона, не только философа, но статистика и основателя «Биометрики», хотя понимал, что после ленинской критики издать книгу о нем будет невозможно. Перед отъездом я вынес на помойку массу тетрадей с выписками и несколько десятков катушек микрофильмов его работ. И все же сейчас я не считаю тот опыт бессмысленным. Неужели Ваш «мегапроект» полностью растаял, ничего Вам не дал, ничто не получило дальнейшего развития?

Нельзя сказать, что совсем ничего не дал. Это была своего рода «проба пера». Размер, правда, великоват – около тысячи страниц (позднее у меня не будет и близко такой «графоманской» продуктивности). Большой такой «блин комом» получился, точнее даже, – может, и «не комом» по форме, но не вполне пригодный для еды. Наверное, если писать «сухо», можно было бы уложиться и в половину объема. Но я в этом тексте активно экспериментировал со словом.

В нем было очень много «дешевой литературщины», сопряженной не столько с этико-идеологическими оценками и мировоззренческими сентенциями, их я как раз стремился избегать; но было очень много пафоса, возвышенной, цветистой речи, метафор и т.д. Базаровское предостережение «о друг мой Аркадий ... об одном прошу тебя: не говори (и не пиши — Д.П.) красиво» было на все сто процентов в мой адрес. Начиналась работа лозунгом Спинозы «non indignari, non admirari, sed intelligere», а заканчивалась сетованием Экклезиаста, что «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». В общем, стиль опознаваемый.

Что же касается содержания, то, очень схематично, мысль была такая: Россия, как и всякое общество, имеет ряд черт, одни из которых являются родовыми, т.е. типическими для всех социальных систем определенного этапа развития, а другие — видовыми, т.е. специфическими, особенными. Эмпирическое, конкретно историческое пересечение или воплощение указанных свойств системы определяет вектор ее развития: в России, как я полагал, родовые и видовые факторы социальной динамики вступают в диссонанс, тянут систему в разные стороны: первые к демократии, рынку, индивидуализму, вторые — к автократии, коллективизму и т.д. Отсюда циклы реформ-контрреформ, бесконечные оттепели и заморозки, и т.п., т.е. имеют место постоянные флуктуации, движение системы в одном направлении сменяется на новом витке движением в противоположном, т.е. систему все время «колбасит». На тот момент мне был известен только один похожий диагноз, представленный в работах А.С. Ахиезера (он эту особенность развития называл, кажется, «инверсионными циклами»). Но у него был иной понятийный аппарат, да и более масштабная перспектива — вся история России. Я же брал только XX-й век, ну и XIX-й отчасти, как предпосылку. Применительно к данному периоду я пришел к заключению, что у страны не было потенциала успешной модернизации по классическому либерально-демократическому и рыночно-капиталистическому сценарию, хотя падение ветхих автократий на каждом из этапов было неизбежным. Поэтому-то этатизм все время возрождался: исчерпавшее себя самодержавие рухнуло, «свято место» занял большевизм, превратившийся в сталинизм, впоследствии смягчившийся в хрущевско-брежневские времена, потом пришел и их черед отправляться на свалку истории, а далее — делался осторожный прогноз, что у нарождающейся демократии тоже особых шансов нет и, вероятно, будет наблюдаться в том или ином виде возвратное движение, возможно, ослабленный по сравнению с предыдущими волнами, авторитарный дрейф. Реалии российской жизни начала нового (XXI) века превратили рассуждения подобного рода в банальность, секрет Полишинеля, характеристику угрюмых будней, в то, что известно всем. Работа, правда, писалась в период с 1993 по 1998-ой, в ельцинские времена, в явной «противофазе» доминирующим интенциям публичной интеллектуальной жизни, — когда вышеуказанное развитие событий для многих было неочевидно.

Однако, ближе к фактической судьбе самого текста. На базе одной из его частей я сделал в 2000-ом кандидатскую диссертацию. Тема была сильно заужена, хотя и, как не заужай, все равно осталась довольно широкой, и звучала: «Антиномия «Россия — Запад» в концепциях культурной самобытности». Защищался я по философским наукам. Через пять лет, в 2005-м, данный кусок, т.е. где-то четверть первоначальной работы, мне удалось опубликовать как

монографию небольшим тиражом в нашем университетском издательстве. Во введении я вынужден был честно констатировать, что со второй половины 90-х «авторский взгляд на проблему «Россия — Запад» и связанную с ней проблему самобытности претерпел существенные изменения», и что «теоретическая позиция, выносимая на суд читателя в данной работе, отнюдь не является «безупречной»». В первоначальном варианте введения было сказано даже жестче, что-то вроде: автор на момент издания уже не разделяет многих идей, которые излагаются в публикуемой книге. На что редактор, читавшая рукопись, спросила: а зачем тогда вообще публиковать? В результате формулировки «в духе самобычивания» были смягчены. Действительно, сегодня многие пассажи из писаний той поры кажутся мне просто смешными, но вместе с тем, я не могу сказать, что все написанное тогда в содержательном отношении было абсолютно неверным. Багаж, который я тогда накопил, «надумал» и «передумал», «обмозговал», прописал, остался со мной и поныне, и отчасти работает. Ведь изъян созданных текстов заключался, на мой взгляд, не столько в самих излагаемых мыслях, сколько в категоричности и радикализме суждений, некоторой наивности, и, конечно, в способе и манере подачи материала.

VI. Добрый гений фальсификационизма

Нашелся кто-нибудь, кто помог Вам разобраться в Ваших мыслях и как-то справиться с текстом?

Человеком, перетряхнувшим все в моей голове, оказавшим огромное влияние на мою последующую «идейную эволюцию», стал Геннадий Семенович

Г. С. Батыгин

Батыгин. По отношению к моим затянувшимся юношеским штудиям он выступил своего рода «запоздалым добрым гением фальсификационизма», тем, кто с легкостью и при этом с большим изяществом и тактом обрушил созданную мной необоснованно амбициозную интеллектуальную постройку. Причем обрушение это произошло не мгновенно, но происходило медленно, как процесс, в моем сознании, а субъектом деконструкции был я сам. Здание, как я смею надеяться, все же не обратилось в пыль, но, скорее, в руины, которые при желании можно было использовать для будущих — не столь грандиозных, но насущных целей: приблизительно как жители Средиземноморья употребляли части разрушенных храмов, театров, акведуков, древние могильные плиты при строительстве своих домов, а фрагменты рядов античных колонн — для развешивания сохнувшего белья.

С Геннадием Семеновичем (далее — Г.С.) я познакомился в 1995 году, однако наше плотное общение приходится на последние четыре года его жизни, где-то с 1999-го. Даже в эти годы я не относился к кругу его ближайших учеников, как, например, Дмитрий Рогозин или Иван Климов. Он никогда не называл меня по имени и «на ты» при закрытых дверях. Многие помнят его «избыточный» формат

вежливости в речевых этикетах по отношению к коллегам и студентам. Я совсем не был посвящен в его личные дела и проблемы. Когда мне сообщили, что его не стало, я буквально оторопел: я не знал, что он по лезвию ножа ходит, что он сердечник со стажем. А ведь он так много курил, на велосипеде катался, работал как проклятый. Тогда у меня сразу же начали всплывать его фразы, типа — «а ведь я мог бы не дожить до конца советской власти, вот было бы досадно».

Геннадий Семенович работал у нас на кафедре «привилегированным» совместителем, приходил один раз в неделю и рассказывал про то, что ему в данный момент было интересно — и этот материал легко укладывался в рамки дисциплин «Общая социология», «История социологии», «Методология социологического исследования». Его перекидывали с курса на курс, потом на магистров поставили. Нас с ним (как лектора и семинариста) то спаривали, то распаривали. В любом случае, как я уже говорил, семинарист тогда был совершенно автономной фигурой и мог фактически строить свои преподавательские действия независимо от лектора. При первой или второй встрече он подарил мне свою свежеезданную книгу по методологии социологических исследований; поначалу я посещал его лекции, более или менее покрывающие материал, излагаемый в упомянутой книге. Потом перестал. Жил я тогда очень далеко от университета, а занятия у нас были обычно в разные дни. Хотя Г.С. сразу произвел на меня хорошее впечатление, и было ясно, что передо мной «несоветоидный»⁴ тип обществоведа, я все же проявил общую холодность, прежде всего к тематике его тогдашних лекций. Я подумал тогда: ну высоколобый МКСИшник, «теоретик и методолог» эмпирических исследований, правда, очень умный, мыслящий широко и глубоко. О других областях его интересов я ничего не знал. Проходят годы. Отношения — почти здравствования, как поживаете? Ну иногда вместе экзамены принимали — они тогда еще устные были. Ему коллеги по кафедре сообщили, конечно, что этот «ненормальный» пишет там чего-то, диссертацию защищать не собирается и вообще всю статистику портит. Не знаю уж, попросили ли его со мной «поработать» или он сам вызвался. Но факт тот, что Г.С. начал подробно расспрашивать о моих стратегических исследовательских планах и текущем их состоянии, и предлагал свою помощь. Какое-то время я даже его «динамил», говоря, что рано еще — работа, мол, не завершена, вот как допишу, Геннадий Семенович, сразу к Вам! Мне даже передавали его шуточный вопрос, заданный на кафедре в мое отсутствие: «а профессор Подвойский тут случаем ничего не оставлял для ассистента Батыгина?». Я тогда явно не осознавал, с ученым какого масштаба имею дело.

Но в 99-ом я вроде как дозрел. Тогда с оргтехникой было гораздо хуже и процессы производства и обработки текстов сильно растягивались. Мы встретились с Г.С. в Шанинке, куда я притащил в двух руках четыре здоровенные папки с текстом, озаглавленным «Россия в XX веке: опыт концептуальной интерпретации логики общественно-исторического развития». Сохранились его карандашные комментарии: так на заглавной странице две части названия обведены с разъясняющей пометкой «плеоназм». А в верхней части той же стра-

---

⁴ Выражение Л. Г. Ионина.

ницы написано: «Получился роман». Лариса Алексеевна Козлова рассказывала мне потом: когда Г.С. принес эти папки, она спросила – ты что, все это будешь читать? А Г.С. ответил что-то вроде: он ведь совсем один, мается, надо помочь...

Через какое-то время папки ко мне вернулись, вместе с нижеприводимым письмом. Письмо это, как и неофициальный отзыв Г.С. на моей защите, я привожу здесь не только потому, что содержащаяся в них информация сильно повлияла на меня лично, но и потому, что данные тексты кажутся мне образцом блестящей, отрезвляющей, побуждающей в размышлению научной критики, а также могут быть потенциально адресованы множеству обществоведов, стремящихся высказывать свои «ценные» и «не очень» соображения по поводу «особых путей» развития России. А в последнее десятилетие об этом говорят буквально все кому не лень. Сегодня у нас почти каждый считает себя специалистом по русскому менталитету и национальному характеру.

«Уважаемый Денис Глебович!

Позвольте извиниться за слишком длительное чтение Вашей работы (зато читал внимательно) и предложить Вашему вниманию мои комментарии. Я попытаюсь сформулировать их в максимально отчетливой форме, без опасения затронуть Ваше самолюбие, поскольку уверен в Вашем профессионализме и способности критически отнестись и к критике, и к дифирамбу.

Прежде всего, я должен разделить вопрос о защите диссертации и мои соображения о том, куда идет Россия. Вы вложили огромный труд в решение вопроса о дуализме российского пути. Однако здесь я мало могу быть Вам полезен, потому что практически ничего не понимаю в этом, хотя моя специализация и связана с историей России. Это, скорее, вопрос публичных дебатов или увлеченности русской идеей, чем профессиональный вопрос. Несомненно, Россией можно и нужно заниматься, можно защитить диссертацию. Но дело не в диссертации. Я думаю, что рассматриваемые Вами особенности России созданы великой русской литературой. В центре этого стиля – Бердяев. Этатизм, культурная самобытность, эсхатологизм, военный тип общества, преобладание нравов над законом – все это кажется мне литературными образами России, столь же впечатляющими, сколь впечатляющи образы евреев, англичан, чукчей. Я могу поверить, что черта русских – отвращение к систематическому труду, но эта вера безосновательна, так же, как и убеждение в том, что евреи – трудолюбивые проходимцы, а протестанты – честные и бескорыстные работяги. Я не могу поверить также, что русские – припадочные мазохисты (недавно читал об этом обзор), что Россия создает принципиально отличную от западной науки форму мысли, которой нет названия, но которая похожа на исихазм и причащение богу. В книге «Этика любви...»⁵ Ю.Н. Давыдов связал способность любить с Россией, а способность рассуждать, лгать и своевольничать – с Западом. Вот и у меня в журнале опубликована статья «Патриотизм»⁶ о метафизике любви (прежде всего к России). Аналогичные «переносы» присущи историческим и социологическим суждениям о пролетариате и буржуазии, женщинах и мужчинах, расах и т.п. Но я не верю, что русской душе (по Бердяеву) присуще вечное искание таинственного града Китежа, стремление к запредельному. Даже если бы и верил в Россию и все, что ей приписывается, суть дела бы не изменилась. Проблема в том, что «Россия» не может быть предметом дисциплинарно организованного знания. Ваша работа кажется мне качественно выполненным образцом публицистического рассуждения, которое нельзя ни опровергнуть, ни принять. Например, «закон олигархизации» и универсальная тенденция к демократизации, триада «массовизация – демократизация – дезэтатизация»

---

⁵ Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия. М.: Молодая гвардия, 1989.

⁶ Имеются в виду статьи А.Н. Малинкина, опубликованные в «Социологическом журнале» в 1999 г. (№№ 1/2, 3/4).

вполне убедительны, но возразить нельзя, потому что сама стилистика текста не предполагает опровержения. Должен сказать, что пишете Вы ясно и правильно, но стилистика оставляет желать лучшего. Многие фрагменты (особенно эпиграфы) претенциозны и театральны – пожалуйста, не обижайтесь. Например, в начале века самым популярным был эпиграф «Не плакать, не смеяться, а понимать», и я был удивлен, увидев его в Вашей работе. Я очень не советую Вам рисовать графики исторического пути России, особенно цветом.

Основной вопрос научной работы – качество материала (для историка – источники). Ваша работа основана на цитатах, кажущихся убедительными в силу их выразительности. Но когда дело доходит до конкретных проблем, обсуждать практически нечего. Мне как историку общественных наук в СССР в 40-е годы из российских сюжетов более всего близка история большевизма и «тоталитаризма». Но Ваши оценки революции и советской истории не опираются на серьезные источники. Уже много лет идет дискуссия между «тоталитаристами» и «новыми ревизионистами». <...> Стоит посмотреть монографию Айзенштадта по истории империй. Другой вопрос, который обязательно требует качественных источников (в отличие от вопроса о культурной самобытности), это влияние природно-климатических факторов на хозяйственный уклад. Есть очень сильные работы. Сейчас без ссылки на исследования Милова об этом писать не принято. А у Вас серьезно рассматриваются суждения Монтескье о величине территорий.

Я должен еще раз повторить, что Ваша работа выполнена качественно, лаконично (несмотря на несоразмерный объем), и, главное, концептуально. Ее можно опубликовать в качестве книги. Вырезав ее часть, можно уверенно защитить диссертацию. Например, можно взять главу о культуре (третья папка) и без особых трудностей скомпоновать из нее диссертацию, не выходя за пределы избранного Вами жанра.

Но у меня есть и неординарная рекомендация. Я считаю, что Вам следует прекратить увлечение российской идеей, поскольку Вы способны к профессиональной научной работе. О российской идее можно вещать, а исследовать ее нельзя. Вещателей и без Вас достаточно. Советую Вам написать диссертацию по истории социологии на тему «Масса как субъект социального действия». В первой папке есть крепкий текст о массовизации. Задача заключается в том, чтобы сделать на его основе хороший обзор исследований массового сознания и поведения и посмотреть теоретическим взглядом на эту проблему. Это будет серьезным вкладом в наше ремесло.

Еще раз прошу не обижаться, если я загнул что-нибудь не то. Буду рад быть Вам полезным.

27 июня 2000. Г.С. Батыгин».

Очень батыгинский текст... После этого письма и, наверное, Ваших разговоров с Геннадием Семеновичем, Вы смогли определиться с кандидатской диссертацией?

Вполне вероятно, что если бы мои папки попали к кому-нибудь другому, реакция была бы иной. Но об этом можно только гадать. Глупее всего было бы сделать вывод, что уважаемый профессор ничего не понял в твоём «гениальном» произведении, не оценил его по достоинству. Критика была достаточно взвешенной, отнюдь не «отфонарной». Я зализал раны и порадовался, что меня «побил хороший человек» и ... правильно сделал – так мне и надо. Была принята программа минимального преобразования части, посвященной культуре, предложенная в вышеприведенном письме. За полгода я превратил указанный фрагмент в «диссертабельный» текст и вышел на защиту.

Сама защита была событием весьма примечательным, очень отличающимся от типового случая «стандартных» вузовских защит эпохи девяностых-двухтысячных. Защищался я как соискатель, по основному месту работы. Батыгин –

научный руководитель. Оппоненты — люди, вполне предсказуемые, один из них — Виктор Иванович Шамшурин вообще, по словам Г.С., человек «близкий ко мне по мировоззрению». Но Г.С. предупредил: Денис Глебович, готовьтесь, я буду с Вами полемизировать. Его отзыв, как и полагается диссертационным документам, был доступен мне заранее. Так что я был осведомлен, да и мотивы основные возможной полемики были к тому времени уже не раз проговорены в ходе многочисленных личных встреч. Вообще письменный отзыв научного руководителя не являлся обязательным в списке бумаг, требующихся для защиты, и его, конечно, никто кроме меня не читал. Хотел ли Г.С. тем самым «закрепить урок» или же обеспечить мне интересную, полноценную защиту — думаю, и то, и другое. Происходит защита — выступаю, отвечаю на вопросы, оппоненты дают благожелательные отзывы, отвечаю на их замечания, и тут выступает Батыгин — по существу дела, а не с формальной оценкой личности диссертанта, говорит спокойно, негромко, обстоятельно развертывая свои мысли. Сказал он приблизительно следующее:

«Положение о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий обязывает меня обратить внимание научного сообщества на личные и профессиональные качества соискателя, имеющие важное значение для оценки проведенного им диссертационного исследования. Д. Г. Подвойский является опытным, высококвалифицированным специалистом. Его методологическая подготовка, общий уровень исследовательской культуры и компетентность в истории социальных и философских учений заслуживают высокой оценки. Работа над диссертацией продолжалась много лет, и теоретические установки Д. Г. Подвойского можно считать вполне сформировавшимися. Моя роль в руководстве диссертационной работой сводилась преимущественно к рекомендациям по организации материала и его лексико-фразеологической обработке, и мои представления об антиномии «Россия – Запад» значительно отличаются от позиции моего коллеги-диссертанта, которую я глубоко уважаю и рассматриваю как серьезный вклад в социальную теорию. Основные положения и выводы работы сформулированы предельно ясно и лаконично и, несмотря на значительный объем, текст диссертации исключительно информативен и в определенной степени реферативен – за ним стоит серьезная работа, содержание которой выходит за рамки указанной темы. Несомненно, что работа будет продолжаться, и данное обстоятельство обязывает меня отнестись к основным положениям и выводам диссертации Д. Г. Подвойского критически и, в надежде на добровольный отказ автора от разделяемых им теоретических установок, указать на недостаточно обоснованные суждения. Это как раз тот случай, когда научному руководителю можно выполнить задачу неофициального оппонента.

Д. Г. Подвойский недостаточно критически принимает общую установку неокантовской философии на радикальное разделение номотетического и идиографического методов и, соответственно, наук о природе и наук о культуре. Действительно, если постулировать культуру – ценности и субъективно полагаемые смыслы – в качестве предмета социологического и социально-философского исследования, то волей-неволей приходится интерпретировать эти ценности как культурно (и отчасти религиозно) замкнутые «монады». Когда Вебер не выходит за рамки номиналистических рассуждений, он вынужден принять за аксиому смысловую замкнутость индивидуального действия, понять которое можно только при условии (als ob) его логичности и рациональности (или, на крайний случай, переживания). Отсюда необходимость конструирования «идеальных типов» действия, которые служат у Вебера средством обнаружения рациональных объяснительных моделей в формах знания. У Канта эта задача решалась применительно к чистому разуму и рациональной морали. А у Вебера, стремившегося конвертировать

Канта в социологию (в нечистый разум), это допущение очень неубедительно – стоит только вслед за Парето представить значение рациональных «производных» и иррациональных «осадков» в структуре действия. На социетальном уровне (на уровне «союзов») Вебер вынужден мистифицировать религиозные ценности в качестве «интереса эпохи» и подойти к вечной теме несопоставимости истины добра и красоты и «войны богов». Д. Г. Подвойский тоже мистифицирует культурный детерминизм и развивает веберовскую идею, исходя из убеждения в уникальности русского культурно-исторического типа. Здесь, как и во многих других эпизодах в истории социальной мысли, влияние публицистики Н. А. Бердяева способствовало принятию на веру таких описаний, которые на веру принимать не следует. Типичными для российской общественной жизни Д. Г. Подвойский считает «антибуржуазность», коллективизм, хозяйственный и политический индифферентизм, революционный деструктивизм. Образ таинственной русской души связывается в диссертации с эсхатологием. Здесь следует указать на явный недостаток диссертационного исследования, связанный с кажущимся пренебрежением автора к конкретному материалу по социальной истории России, истории хозяйственных, семейных и культурных институтов и истории «повседневности». Ориентация преимущественно на философские источники сопряжена с невниманием к опровергающим фактам и форсированием подтверждающих иллюстраций. Например, антибуржуазность и антиутилитаризм присущи и новоевропейским и современным религиям спасения и массовым протестантским движениям на Западе. Идеологии эпохи «позднего капитализма» пронизаны духом антибуржуазности, однако в шелеровском «Ресентименте» великолепно показана и вырожденная буржуазность «антибуржуазных» (в том числе пролетарских) ценностей. Советская история в этом отношении – образец буржуазной модернизации. С коллективизмом дело обстоит не менее сложно. Если речь идет о развитии частного права как маркера индивидуализма, то в России, действительно, господствовал коллективизм, но никакие коллективистские идеологии (и общинная, и пролетарская) не могут приписываться культурному типу как таковому. «Хозяйственный и политический индифферентизм» и «революционный деструктивизм» также представляются мне рецепцией мифа о русской душе, созданной прозападной русской публицистикой. Вряд ли можно говорить о хозяйственном и политическом индифферентизме в России после нескольких столетий почти непрерывных экономических и политических преобразований (иногда неудачных). Еще более сложен вопрос об эсхатологием. Если не принимать в расчет богословскую традицию, связанную с учением о последних временах, страшном суде, миллениуме и искуплении («И паки грядущего со славой судити живым и мертвым, Его же царствию не будет конца...»), то под эсхатологией, скорее всего, имеются в виду бытовавшие в публицистике XIX века представления о смысле жизни и предназначении человека. В этом отношении русская ментальность совершенно не эсхатологична. Д. Г. Подвойский верно формулирует идею: моральное кредо эсхатологической ориентации выражено в безапелляционном высказывании, что мир есть зло. Если так, то эталоном эсхатологиема является альбигойская ересь. Иными словами, пока человек жив, он должен готовиться к расплате – таким образом эсхатологием сопрягается с непрерывным изживанием греха. Но и тот феномен культуры, который Макс Вебер и Д. Г. Подвойский считают образцом капиталистического этоса, протестантизм, также изрядно эсхатологичен и пронизан деструктивизмом. Кальвинистская установка, избранная Вебером в качестве паттерна западного высокоморального отношения к миру, была изначально связана с кровавым насилием, иконоборчеством и ненавистью ко всем формам культуры, а не только к римскому первосвященнику. В литературе по истории идей есть опыты связывания русского революционаризма XIX – начала XX века с религиозно-реформационным процессом. Европейский протестантизм породил и такие опасные литературные жанры, как утопия и дискурс о справедливости, привившиеся в русской литературе. В какой мере российская ментальность эсхатологична? Я не вижу

решения проблемы без ее четкой локализации. Но в любом случае исследователь не должен верить чисто литературным образцам национальных и социальных характеров – слишком велик риск этнографических мистификаций. <...> Здесь лучше быть скептиком и историком.

Второе мое замечание касается самой контроверзы «Запад — Россия». Кажется, что это опять же не столько социально-исторический, сколько литературный факт. «Запад» проблематизировался в русской публицистике как миф, но и в западной литературе русская *dukhovnost* изрядно мистифицирована благодаря серебряному веку и непрерывным модификациям евразийской идеи. Во всяком случае, автор сильно преувеличивает конкретность и осязаемость проблемы «Запад – Россия».

Все мои замечания имеют полемический характер. Автор диссертации вполне последователен в отстаивании своей позиции, которая заслуживает если не признания, то уважения...(далее следовали финальные фразы, типичные для положительных отзывов на диссертации — Д.П.)...

15 декабря 2000. Профессор Г. С. Батыгин».

Это выступление окончательно пробудило диссертационный совет. Из присутствующих в зале я, наверное, был единственный, кто относительно спокойно все воспринял. Совет всполошился, все начали защищать меня и критиковать позицию руководителя — открыто, а потом (после защиты) еще и келейно. Такая реакция была естественной, т.к. был нарушен привычный ритуал, фоновые ожидания. Коллективные представления «добродушного» совета были оскорблены. Но Геннадий Семенович, пользуясь своим весом в научном сообществе, смог проигнорировать мнение Совета (и правила игры), и добился своего: поскольку он обращался, главным образом, не к Совету, а ко мне (в надежде, что я откажусь от своих «заблуждений»). Разумеется, все это на результат защиты никак не повлияло — черных шаров у меня не было. Представление было разыграно мастерски. Одна умудренная опытом коллега, член Совета, активно защищавшая меня от нападков «злобного руководителя», сказала, когда все закончилось, что за свою многолетнюю профессиональную биографию, начатую еще в 50-ые, сталкивалась с подобным лишь дважды — и в первом (не моем) случае, в гораздо более мягкой форме. В общем, на людей мероприятие произвело некоторое впечатление. К похвалам я вообще не был особо приучен и был польщен, когда услышал от Галины Галеевны Татаровой: «молодец, слышана, дрался, как лев». У Г.С., кстати, эта ассоциативная тема (не в отношении меня, а в принципе) часто тогда проскальзывала: «слабые нам не нужны», «надо держать удар».

В дальнейшем мотивы батыгинской критики начали прорастать во мне самом, уже независимо от личности Г.С. Кстати, не со всеми из них я был вполне согласен, или даже, точнее, не все из озвученных им когда-либо аргументов, казалось мне, имеют ко мне отношение. Но заявлять — «помилуйте, ведь я так совсем не думаю», полагая при этом, что меня неправильно поняли или недостаточно внимательно прочли, смысла тоже никакого не было. В любом случае Геннадий Семенович указал на достаточное количество реальных недостатков работы, чтобы мое собственное отношение к ней принципиальным образом изменилось.

Наше сотрудничество на этом, разумеется, не закончилось. Но российско-европейский след в моей маленькой научной биографии ушел на периферию, можно сказать, что я на тот момент устал от данной темы. Не исключаю, что к ней придется еще вернуться. Хотя в новейшей обстановке «деловой и отстраненный»

научный или даже философский разговор о «путях России», скорее всего, будет очень затруднен — в связи с почти повсеместной глухотой и идеологической ангажированностью «квази-патриотически» и «оборонно» настроенного общественного сознания.

Г.С. при наших встречах в Институте социологии в последующие два с половиной года — в моменты перекусов — иногда надо мной подшучивал: Денис Глебович, не хотите ли водки выпить, из холодильника, без водки — Россию не понять, специалист по русской идее должен пить водку. Я конфузился и отвечал, что я, мол, больше по коньяку или по вину (что, правда, не делало меня автоматически знатоком загадочной французской или армянской души)... Вылезает наслаивающееся воспоминание, к делу отношения не имеющее. Один раз мы пили в Секторе социологии знания чай с принесенной мной шоколадкой. Г.С. сказал — «надо же, действительно, вкусная шоколадка», а я ответил: «да, ей особенно хорошо мадеру закусывать». Г.С. посмотрел на меня с большим удивлением, но промолчал. Наверное, подумал — вот пижон. Хотя настоящие пижоны, конечно, шоколадкой мадеру не закусывают...

VII. Семь лекций по истории социологии плюс еще одна

В каком году состоялась защита Вашей диссертации и какими стали Ваши отношения с Батыгиным после завершения этой работы?

Переделка моих писаний под диссертацию и подготовка к защите, а также сама защита — события второй половины 2000-го года. В дальнейшем, профессиональные контакты с Геннадием Семеновичем стали еще более тесными. Он меня постоянно приглашал на организуемые им в Секторе социологии знания ИС РАН методологические семинары. И я ходил. Некоторые темы докладов очень любопытные были, много междисциплинарных, или даже выходящих за пределы социологии в собственном смысле. У Г.С. была на этот счет очень правильная позиция: никогда не знаешь, что и когда может пригодиться. И, конечно, в науке очень важен междисциплинарный диалог. В академических институтах и вузах процветает узкодисциплинарное сектантство, побочный продукт неизбежной специализации. Это — болезнь, и с ней надо бороться, разумеется, не путем разрушения структур специализации, но через развитие умения преодолевать устанавливаемые ими барьеры. Послушать представителей другого научного цеха может быть очень полезно для твоих же собственных профессиональных нужд, не только для расширения кругозора. Так открываются новые темы, проблемы, ракурсы, новая оптика.

Разброс тематики семинаров был очень большой: от рефлексии С.В. Чеснокова о поэзии московского концептуализма эпохи застоя, Д. Пригове и Л. Рубинштейне, до наблюдений биологов-полевиков за социальной этологией голубых песцов на Командорских островах. Семинар посещали, в основном, люди из Шанинки, «корпоративная тусовка» на выезде; у меня встроиться в нее не получилось. С Батыгиным же я продолжал контактировать «сепаратно».

В начале 2000-х опубликовал несколько статей в «Социологическом журнале», в том числе упоминавшуюся выше статью о Вундте. Мне больших психологических усилий стоило привыкнуть к батыгинскому стилю редактирования.

Для своего журнала он статьи отбирал сам и с большой строгостью, а уже принятые статьи проходили процедуру очень жесткого редактирования. Даже если ведущим статью редактором был не он, все равно — на финальном этапе сам осуществлял свою, дополнительную редактуру «поверх». Мне казалось, что по моим статьям буквально бульдозером проезжают, причем это был особого рода бульдозер, высокотехнологичный, «умная машина». Все «красоты», избыточность безжалостно зачищались. Я очень «страдал» от этой правки, и то и дело пытался сопротивляться. К результатам собственного текстопроизводства я уже тогда относился довольно трепетно, а стиль и форма выражения мысли имели для меня большое значение. Я всем этим очень дорожил, держался за свои «вымученные», «добытые из душевных недр» слова. А Г.С. «рубил с плеча» и был в своем праве, ведь это был его журнал. Часто он эпатировал обреченно-подавленного редактируемого словами: редактору виднее, автор в своих текстах ничего не понимает. Но постепенно я адаптировался (человек ко всему привыкает), и после опыта батыгинских правок мне, наверное, уже никакие редактора не страшны.

Опять же, позднее я в полной мере ощутил, какая это была хорошая (хотя и болезненная) школа. Не скажу, что я стал резко писать по-батыгински, но иначе, не как в «лихой и глупой» молодости. К сожалению, сегодня в эпоху скоростного письма и компьютерного бытования текстов культура письменного языка существенно видоизменяется, и, на мой взгляд, не в лучшую сторону. Параллельно идет угасание сложного и виртуозного ремесла профессиональной редакторской работы. По роду своей деятельности мне приходится постоянно редактировать какие-то тексты, и от Батыгина в этой области я очень многому научился.

С другой стороны, иногда Геннадий Семенович меня подбадривал, играя на моем честолюбии, как он это умел делать — в полушутку, с иронией, но с серьезным выражением лица и голоса: «когда я работаю с Вашими текстами, чувствую себя Фидием — я просто отсекаю все лишнее» (хотя эта фраза, кажется, принадлежит Микеланджело, но Фидий делал ровно то же); «Я прочитал — Ваш слог выкован из стали, все кристально ясно» (при этом он мог быть не согласен с содержанием, но это уже другой вопрос); «Я говорил о Вашей статье, поданной в Вестник РАН, с Каринэ Акоповной Щадиловой. Она была там на редколлегии — Ваше имя славят во всех синагогах»... и т. д. и т. п. Иногда он ругал мой язык и стиль, иногда хвалил.

Главным же нашим совместным с Г.С. проектом стал учебник по истории социологии. Наша кафедра в конце 90-ых получила большой институциональный грант под цели развития социологического образования, там был компонент, предполагавший разработку УМК (учебно-методических комплексов) по социологическим дисциплинам. Я вообще-то по части грантов был и остаюсь человеком очень «диким», толком не знаю, как их получать и выигрывать, и всегда очень отпугивает — постоянная сопровождающая документация, технические отчеты. Но тут дело было коллективное, и нам с Г.С. досталось среди прочего задание создать комплект учебных материалов по истории социологии. Про хрестоматию, программу курса и планы семинарских занятий говорить не буду, т.к. это более кухонные, вспомогательные вещи; хотя программа наша якобы пользовалась раньше в Сети определенным спросом, о чем говорили, в частности, сотрудники известного социальнонаучного ресурса Рунета — пор-

тала «Эксоцмен» (Экономика. Социология. Менеджмент). У меня к концу 90-ых уже своя, довольно развернутая программа по курсу истории социологии была и в начале следующего десятилетия я ее дополнил материалами, полученными от Геннадия Семеновича. Учебные программы, в просторечии «методички», на мой взгляд, — это вообще не такой простой жанр, если подходить к нему серьезно. Как я говорю студентам, — «путеводитель по голове лектора».

Учебник же мы делали с нуля. Г.С. предложил формат, ориентируясь на западные книги типа *key concepts of sociology*. Это значит: берем персоналию, «большого классика» и разбираем его на части по схеме: основная теоретическая идея; биография; кто на него повлиял из предшественников; далее важнейшие дидактически обработанные блоки авторской концепции, расположенные в определенной логической последовательности, т.е. реконструкция системы теоретических описаний, даже если эта система в явном виде и не существовала; наконец, влияние, оказанное на последователей и вклад в социологическую традицию в целом. Таким образом должна была просматриваться на панорамном уровне история социологической мысли в ее «преемственности и изменении». Задача — очень сложная. На Западе это все уже думано-передумано, у нас — почти ничего. О проблемах преподавания истории теоретической социологии в России я могу говорить и писать очень много, но здесь, видимо, — не место. В любом случае, методическая оснащенность этого предмета заметно уступает таковой, скажем, в области истории философии — там хоть какая-то школа была изучения домарксистских учений.

В России серьезных, вдумчивых специалистов по истории социологии в перестройку и раннюю постперестройку было раз, два и обчелся: Давыдов и его круг, частично Кон, в Ленинграде — Голосенко, ну, в общей сложности, человек тридцать. Появилась многотомная «История теоретической социологии» Давыдова и сотоварищи. — Грандиозный труд, монументальная коллективная монография, но никак учебник. Одновременно в конце 90-х — 2000-е вышло у нас уже довольно много книг по истории социологической теории, включая те, что претендуют на название учебников. Но реально — это все галопом по Европам и Америкам, очень конспективно, поверхностно, на автора или школу по несколько страниц, а то и абзацев. Мы изначально хотели писать по-другому — вьедливо, подробно, чтобы читатель строем мысли классиков проникся, всю мощь их аргументации оценил, хотели толковать и растолковывать, поскольку сами классики для уровня восприятия нынешних студентов писали слишком сложно, как говорится, «без сто грамм не разберешься». Вот мы и решили попробовать выступить в качестве такого медиума — между мудреным классиком и сознанием российского студента наших дней.

Сели за столы, каждый за свой, и поняли, что каждая персоналия, в среднем, страниц по 30-40 выходит. И можно всю жизнь потратить на то, чтобы таким макаром всю историю социологии описать, даже если брать только фигур «первого ряда». В итоге, за два с лишним года семь глав написали: семь глав — семь «классиков». Геннадий Семенович — Спенсера, Маркса, Парсонса и Ирвинга Гофмана (он тогда параллельно организовывал большой перевод последнего — «Анализ фреймов»). Я — Конта, Дюркгейма и Вебера. Смеялись — «Семь лекций по истории социологии» получилось, прямо как у «нашего» Гофмана — Александра Бенционовича. Этим массивом перед фондом

отчитались, но останавливаться не собирались, еще планировали главы две-три-четыре написать. Но как бы то ни было, сколько бы мы еще ни писали, все равно получился бы текст, не покрывающий всего поля истории теоретической социологии, т.е., в сущности, — избранные интеллектуальные портреты. Хотя и здесь есть достойные образцы, на которые можно было бы ориентироваться: у нас тот же Гофман, на Западе (из известных в России) — «Мастера социологической мысли» Л. Козера или «Этапы развития социологической мысли» Р. Арона. Я тогда взялся за Питирима Сорокина, чтобы сравнить счет, т.к. отставал на одну фигуру от Г.С., он знал об этом и ждал результата. Текст был готов в июне месяце 2003-го, но Геннадия Семеновичу не довелось его прочесть. 1 июня он ушел, вернее, уехал на велосипеде...

Так в нашем неоконченном проекте я остался один. Тогда же в июне 2003-го я написал небольшую памятную статью о Геннадии Семеновиче для журнала «Социологическое обозрение»⁷. Формально, правда, проект был закончен, а лучшие материалы фонд (НФПК) планировал издавать. Издали и нашу книгу — в 2004-м, а в 2007-ом — переиздали, уже в другом издательстве. Текст еще довольно долго, более года доводился до относительной готовности, поскольку был объективно сыроват. Мне помогали, чем могли, Л. А. Козлова и Н. Я. Мазлумянова. В первой части предисловия к учебнику Геннадий Семенович написал: «оба автора несут ответственность за все, что удалось и не удалось сделать каждому из них». Эта фраза топором врубилась в мою голову. Если Батыгин имел дело с моими частями, кроме одной, на начальной стадии работы и «в моем присутствии», то я — с его частями, на финальной, в последний год перед выходом книги, и его уже не было рядом. Сначала я просто читал внимательно и редактировал батыгинский текст, боялся, но редактировал.

Потом уже в издательстве мне попался весьма ученый редактор, имевший опыт научного редактирования книг по общественным наукам. И он мне как-то при разборе очередных замечаний говорит: а знаете, у Вас год выхода дарвиновского «Происхождения видов...» в главе о Спенсере неправильно указан (эту главу Г.С. писал). Я сказал: быть такого не может, мой покойный соавтор был человек фантастической компетентности, научной точности и педантичности. Потом посмотрел, проверил — редактор был прав. Я вспомнил батыгинскую фразу насчет взаимной ответственности, и начал все сначала: проверял вдоль и поперек, все, что только можно проверить и в чем можно было «фактически» ошибиться: и в своих частях и в его. В результате были сделаны еще многие десятки исправлений по всему текстовому массиву, в датах, цитатах, названиях, именах, библиографических описаниях, и я очень рад, что эта работа была проделана.

Батыгинские части в книге по содержанию очень хороши и глубоки, думаю, лучше моих. Но у Г.С. не было возможности заняться финальной выделкой текста, он просто не успел; поскольку о скорейшей отправке «рукописи» в издательство речь еще не шла. Параллельно с написанием глав для учебника он делал еще сотню важных дел — готовил к изданию переводы И. Гофмана, А. Шютца, коллективную монографию о состоянии социальных наук в современной России,

⁷ См.: <http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/31/1211857253/3_2_5.pdf> или на бумажном носителе: Подвойский Д. Геннадий Семенович Батыгин [In Memoriam] // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: «Владимир Даль», 2008.

выпускал свой журнал. Перечисленные публикационные проекты на момент его смерти были уже почти на выходе, и все они, слава богу, увидели свет, проросли. Моя задача заключалась в том, чтобы по нашему конкретному проекту по возможности совладать с этим самым «почти». Хотя все равно потом были найдены новые издержки текста; на них, в частности, указывали некоторые внимательные и сведущие в проблематике читатели, например, Николай Валентинович Романовский. Работа над ошибками в науке – процесс бесконечный. Геннадий Семенович порадовался бы...

Правда, результатами публикации и распространения книги я остался не вполне доволен, и это притом, что принимал «в логистике» второго издания довольно активное участие. Первое издание вообще не поступало в продажу, и было разослано по вузовским библиотекам почти поштучно, где было по существу похоронено. Второе издание было более доступным для заинтересованных лиц, были сделаны рассылки некоторым экспертам, и несмотря на отдельные лестные оценки, тоже как-то «рассосалось», не оставив заметного следа и воспоминаний у профессионального сообщества. В те годы (2004-2007) я ощутил на практическом уровне, что продвижение книжной продукции, в т.ч. научной и учебной, на рынке очень сложное дело, и достоинства самой книги или имени авторов – отнюдь не решающие слагаемые успеха. Судьба книги напрямую зависит от того, насколько просто, быстро и своевременно она попадает в нужные руки, доходит до той самой аудитории, которой предназначена.

Не так давно одно очень солидное и продвинутое по части маркетинга издательство предложило мне переиздать книгу, но с условием – доработать материал до соответствия «Образовательным стандартам нового поколения». Проще говоря, чтобы покрытие тематического поля истории социологии было исчерпывающим, т.е. чтобы про каждое имя из высланного мне длинного списка говорилось хотя бы по абзацу. Я ответил: извините, «анпосибл», для этого мне потребовалось бы выбросить старую книгу на помойку и написать новую, причем такую, которую писать не имеет никакого смысла – ни с содержательной, ни с дидактической точки зрения. Отчасти успокаивает то, что А. Б. Гофман, Козер, Арон, Голосенко-Козловский, и проч. также в Стандарт бы не вписались.

Денис, похоже, с кончиной Г.С. Батыгина и завершением работы над вашей совместной книгой, начался новый этап Вашей жизни? Если совсем в целом, Вы в какой-то форме продолжаете исследовать проблематику, по которой сотрудничали с ним или (пусть, частично) вернулись в пространство «мегапроекта» или нашли нечто принципиально новое (если такое существует)?

Новый этап? – Можно и так сказать. Я только было начал, благодаря Батыгину, помаленьку выкарабкиваться из скорлупы своего профессионального одиночества и отчасти интеллектуального «провинциализма», и снова в это болото угодил. Хотя, конечно, и на другом уровне. Думаю, здесь очень важен структурный контекст, макро и микро, а также его изменения в последние два десятилетия. Я за всю свою трудовую постстуденческую биографию ни разу не сменил основного места работы. Университет дружбы народов оказался той площадкой, на базе которой разворачивались и до сих пор разворачиваются мои основные телодвижения. Нельзя сказать, что я сроднился с этой средой, нет – скорее, повинуюсь текущей жизненной необходимости, врос в нее.

Насколько я могу судить и сравнивать, и по собственным наблюдениям, и по воспоминаниям и мнениям окружающих, жизнь современного вузовского преподавателя в России (не того, кто «совместительствует» в вузе или читает эпизодические курсы, а полноставочника, для кого университет — основная сфера приложения усилий, и соответственно, основной источник доходов) очень отличается и от преподавательской жизни эпохи 70-80-ых, и от жизни академических работников. Всем известно: на Западе университет — это научное и учебное учреждение в равной мере, в России — прежде всего учебное (несмотря ни на какие декларации обратного с высоких трибун). Исключения есть, но они единичны. Задача преподавателя де-факто — не производство, а воспроизводство знания.

Плюс ко всему, за последние двадцать лет, и это происходило на моих глазах, характер трудовых преподавательских будней, обязательств формальных и неформальных, претерпел существенные изменения. Во второй половине 90-ых (отлично это помню), исполнив свои преподавательские в точном смысле обязанности, я со спокойной душой уходил домой, где предавался своим «научным» или «псевдонаучным» занятиям. Денег, естественно, почти не было, но зато «безденежной» свободы было предостаточно. (Хотя, как верно заметил Александр Сергеевич, «в наш век железный без денег и свободы нет»). В 2000-е такая реальность постепенно улетучилась. Преподавательская нагрузка стала «обрастать» бесчисленным количеством сопровождающих ее административно-технических, делопроизводительных «нюансов» и «моментов», перманентным и принудительным бюрократическим бумаготворчеством. Эта бумажно-компьютерная, главным образом, отчето-производительная стихия буквально поглотила многие университеты. Такой общебюрократический тренд, причем бюрократизация эта с типично российским налетом, т.е. принимающая порой нелепые, трагикомические или трагифарсовые формы. О данной теме, на мой взгляд, «кричаще» актуальной, можно и нужно говорить отдельно. Она нуждается не только в оценке, но и, если угодно, в социологическом диагнозе. Но здесь пока не буду в нее углубляться. Я просто хотел кратко обрисовать ситуацию, в которой вузовские работники не имеют нормальной возможности читать и писать, но обычно лишь урывками «почитывают» и «пописывают» наукой занимаются (если вообще занимаются) в свободное от основной работы время, порой без всякой грантовой поддержки, т.е. совершенно «забесплатно».

Как говорил режиссер дома культуры, герой Е. Евстигнеева из «Берегись автомобиля», «ведь насколько Ермолова играла бы лучше вечером, если бы она днем, понимаете ли, работала у шлифовального станка». Конечно, преподаватели обычно работают отнюдь не у шлифовального станка, но, так сказать, «по специальности», постоянно воспроизводя на определенном уровне свою квалификацию. Однако объективное распределение времени и трудозатрат преподавателя оказывается слабо располагающим к ведению методически организованного образа жизни ученого, исследователя. Олег Алексеевич Оберемко, близкий коллега Г.С. Батыгина, при встрече всегда первым делом спрашивал: «Ну как, писать что-нибудь удастся?» (видимо, больной вопрос для многих). Мой стандартный и совершенно искренний ответ: «Да куда-там!» (или вариант: «да так, всякую ерунду», или — «по мелочи»). Обратный ответ обычно симметричен: «Почти то же самое. Что поделаешь!».

Я по-прежнему продолжаю заниматься историей и теорией социологии, включая и широкий философский фон данной области. Это, так сказать, инвариант моей профессиональной жизни. Но прежде всего — с учетом только что обозначенных обстоятельств — как преподаватель соответствующего цикла дисциплин. Писать удается в общем-то довольно мало и, в основном, если так можно выразиться «по случаю» или «под заказ», «по просьбе коллег». (Все это меня, конечно, коренным образом не устраивает). Бывает, прочтешь какую-то книгу или серию публикаций, или — со студентами какую-то тему особенно подробно обсуждаешь, мысли, впечатления, слова накапливаются, а потом пропадут, исчезнут, забудутся, уйдут в пассив, а жалко ведь, и пока тема «на языке», садишься — пишешь. Или на конференции какой-то просят выступить (вообще не очень люблю конференции, пустое довольно занятие, если не считать латентных функций по завязыванию контактов). Выступаешь, неизбежно готовишься, материал какой-то оформляется, в итоге — статья получается. Какие-то вещи просто пишешь, потому что «наболело» и т.д. Вот таких разноформатных статей за последние десять лет, может, около дюжины написал, некоторые — в соавторстве, но чаще один.

Приведу некоторые примеры. Всегда интересовавшую меня тему предпосылок возникновения социологии как особого интеллектуального проекта в статье описал, во многом для учебных нужд (этой теме большинство учебников отводит максимум по паре страниц с общими словами, а то и меньше). Комментировал концепт «публичной социологии» у Майкла Буравого, хотел показать генеалогию подобных идей — ведь все это отнюдь не ново. О текущем состоянии социологии и гуманитарных наук в России несколько статей написал. Отдельные развернутые рецензии важных книг, например, «Четырех социологических традиций» Рэндалла Коллинза. Еще про «россиеведческие штудии» М. Вебера, про концепцию «текучей современности» З. Баумана. Про «языки социологии», или шире — особенности категориального аппарата и понятийной работы в социальных науках, статья есть. Потом, про «мировоззренческий статус» социологического знания, задачи «социологического просвещения» вольная импровизация по мотивам веберовской «Науки как призвания и профессии». Недавно почти «карманную» реконструкцию проблематики теорий модерна и модернизации в статейном формате смастерил — очень плотный текст получился.

Другой жанр (хотя тематика та же) — энциклопедический. Лет семь-восемь назад мне предложили написать несколько статей для Большой российской энциклопедии (БРЭ) — первой официальной энциклопедии в постсоветской России, ну то есть фактической наследницы трех изданий Большой советской энциклопедии (БСЭ), а если считать и дореволюционное время — энциклопедии братьев Гранат. Предложением этим были задеты мои детские чувства, о моем трепетном отношении к БСЭ как части семейной библиотеки я уже рассказывал. Я воспринял открывшуюся возможность как почетный, почти священный долг, сопряженный с большой ответственностью (хотя, думаю, это исключительно «мои биографические тараканы», и другие пишущие для энциклопедии относятся к своим материалам проще). И в данном случае, как и в других, проявилась моя «архаическая» для XXI века привязанность к традиционным формам бытования учености.

Увы, особенно в области справочно-информационной, энциклопедической, новые, электронные ресурсы стремительно вытесняют классические — те ряды томов в дорогих переплетах, которые выполняют параллельно функцию украшения интерьеров. Говорят, один начальник из Министерства культуры, от воли которого зависело продвижение многолетнего проекта БРЭ, как-то недавно сказал: «зачем нужна эта энциклопедия, когда есть Википедия». Короче, кликнуть две-три ссылки в Интернете, в любую тему «въедешь». Чудовищное варварство. Иными словами, все эти Британики, Брокгаузы-Эфроны, энциклопедии ДидроД'Аламберов на помойку пора выносить, списывать, вдогонку к Марксам и Энгельсам. Гутенберг с Иваном Федоровым в гробу переворачиваются. Так что не знаю, какая судьба ждет Энциклопедию (еще 10 томов осталось выпустить). Если она не будет должным образом оцифрована и продвинута в виртуальном мире, или вход в «ресурс» будет платным и необщедоступным, — думаю, самая печальная. Будет украшать какие-то статусные помещения и почти безлюдные залы библиотек, создавая лишние проблемы для уборщиц в их извечной борьбе со статичной пылью.

Тем не менее, я как человек, ориентирующийся на «референтных мертвецов» и минувшие эпохи, живущий в настоящем образами прошлого, продолжаю ловить своего рода «кайф» от этой работы. После окончания интервью планирую приступить к своей сороковой статье для Энциклопедии. Процесс производства таких статей — очень хлопотный, а результат — маленький, иногда просто крошечный, текст, несколько абзацев. В начале работы почти над каждой статьей обкладываюсь книгами, роюсь в Сети, и не потому, что не знаю проблематики, а чтобы взвесить каждое суждение, слово, которое войдет в текст, чтоб не ляпнуть никакой глупости, не дезинформировать будущего читателя (а будет ли такой?), и выдавливаю потом из себя слова буквально по капле. Когда материал написан, начинается длительный процесс согласования и редактирования. Более пяти лет вершителем судеб моих статей выступает Юрий Николаевич Попов — высококлассный, очень опытный и при этом строгий редактор «старой школы», заведующий редакцией философии издательства «Большая Российская Энциклопедия», принимавший участие в выпуске множества словарей и энциклопедий, включая третье издание БСЭ.

Но все это вместе — и преподавание, и «большие» статьи, и «малые» — укладывается в традиционное для меня (хотя и очень широкое) дисциплинарное русло — социальную теорию и ее историю. Хотя я на этом уже погорал, но «классики» до сих пор кажутся мне более актуальными, понятными и эвристичными, чем, скажем, многие теоретики конца XX — начала XXI вв. Я говорю «в среднем», т.к. и с той, и с другой стороны есть исключения. У классиков надо отделять ветхое от вечного, как у «живых классиков» глубокие, интересные и по-настоящему новые мысли от интеллектуальных «понтов».

Актуальность же социологической классики для нас определяется, на мой взгляд, тем, что Россия, как ни крути, страна «догоняющей» модернизации, и притом с очень ломаным, «проблемным» модернизационным вектором, реверсирующим и рецидивизирующим. Россия еще не освоилась с модерном, да и модерн здесь — всегда какой-то иной, особенный. А ведь классическая социология — это и есть, в очень значительной степени, дискурс о модерне, сложный, амбивалентный, а не чисто оптимистический или апологетический (как неко-

торые думают). Поэтому классика нам сейчас в самый раз. Да и разобраться в ней, освоить, прочесть ее внимательно в России не было толком возможности, поэтому приходится открывать многие, «азбучные» для кого-то истины только сейчас.

Хотя интервью и не место для цитат, позволю себе привести слова В. Г. Николаева, историка социологии, чувствующего ровно то же (у него, правда, речь шла о значении идей Дж. Г. Мида, но сказанное имеет универсальное значение): «Если и в самом деле ... новое возникает в настоящем как в единственном локусе реальности, то новое — это не то, чего еще не было в объективном, не для нас существующем прошлом, а то, что появляется в настоящем как новое для нас — пусть даже как часть прошлого, но такого эмерджентного прошлого, которое обусловлено настоящим и его практическими нуждами. Идеи Мида [сюда легко подставляются имена других классиков — Д.П.] в российском контексте могут обладать такой новизной, какой они в других контекстах уже не обладают, а мы погружены, прежде всего, в этот контекст, а не в какие-то другие»⁸.

Что же касается некоторых новейших западных авторов и их российских приверженцев, то у меня при обращении к их идеям часто создается двойственное впечатление, порождающее некоторую неудовлетворенность. Во-первых, нередко оказывается, что новизна тех или иных идей — кажущаяся, т.к. многое из того, что подается сегодня за «открытие и прорыв», уже не раз звучало и обсуждалось в истории социальных идей, благополучно забытой или не изученной, как следует. И, во-вторых, часто приходится констатировать, особенно в области содержательной проблематики, например, оценок новейших тенденций общественного и культурного развития, сделанных в других точках ойкумены, что «все это как-то не про нас, или не совсем про нас» (я имею в виду — не про Россию).

Но все же, должен признаться, интерес к истории мысли всегда носил для меня, в конечном счете, служебный характер. Чья-то концепция, старая или новая, должна быть, прежде всего, созвучна, релевантна каким-то моим мыслям, отвечать для меня лично на какие-то вопросы, поставленные жизнью за окном, сегодняшней жизнью. В то же время история мысли, социологической, философской или какой-то иной — это своего рода «пропуск» в царство теории, в моих глазах единственно надежный. Кто плохо знает историю своей науки, пренебрегает ей — не может быть хорошим теоретиком. (По крайней мере, это верно для социальных и гуманитарных наук, с естественными, возможно, — ситуация несколько иная). Это — отнюдь не просто затертое пафосное высказывание. Я многократно убеждался в этом на практике, сталкиваясь с дискурсом «ново-явленных теоретиков», коих сейчас развелось великое множество. Некоторые из них выглядят просто смешно.

VIII. В тяжелых, нежных лапах бюрократии

Денис, спасибо, именно на такой, широкоформатный ответ я и рассчитывал... в нем есть — по крайней мере — два пласта. Потому, - два вопроса.

Первый. А что, собственно Вас, не устраивает в таком режиме деятельности преподавателя? Похоже, Вы достаточно свободны в выборе и построении курсов,

⁸ Николаев В. Г. Идеи Джорджа Герберта Мида и их значение для социологии // Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов. М.: ИНИОН РАН, 2009. С.18.

в стиле общения... хотелось бы иметь посильнее студентов? Делайте, как еще в годы моего обучения на матмехе (полвека назад) семинары на 2-3-5 человек... мы очень быстро росли... Что касается писать? Я исхожу из того, что создание текстов — не творчество (творчество — процесс постоянный), но технология... а потому писать надо ежедневно и делать установленную себе норму... скажем, 2000-3000 знаков... это немало... за пару недель — лист... у меня на протяжении многих лет, уже здесь, в Америке, норма была — 4000 знаков...

Вопрос второй: конечно, занимающиеся историей прекрасно понимают, что «нового-нового» не бывает, историк во всем узреет былое, ... но новое, как переоткрытие, реинтерпретация, случается часто, ибо аналитик, исследователь (в какой бы области науки он не работал) знает ограниченное прошлое... только историк-профессионал может сказать, что воспринимаемое нами как новое в ином контексте, в решении других задач существовало... аж до Аристотеля... Это я к тому, что не должно быть историко-научного «чистоплюйства». К тому же есть ученые разного стиля: В.А. Ядов говорит о себе и Б.А. Грушине, что они не эрудиты, не лезут в прошлое, стремятся к обнаружению, пусть малого, но нового... а, к примеру, И.С. Кон прежде всего стремился знать тему во всем ее развитии...

В целом, конечно, должен согласиться с замечаниями, вмонтированными в Ваши вопросы. Начну, пожалуй, с последнего. При написании предшествующих абзацев менее всего хотел показаться снобом. «Чистоплюйство» в науке, историческое или какое-то еще, как, впрочем, и в жизни, может быть проявлением мелочности. Но противоположным полюсом на этой шкале оказывается безапелляционный и самонадеянный дилетантизм. Правда, как всегда, где-то посередине. Как-то я выступал оппонентом на одной защите в Институте социологии, говорил что-то про «спор о методе», неокантианство, историческую школу в политэкономии, про Г. Шмоллера упомянул. А В.А. Ядов, председательствовавший в Совете, между прочим, хотя и без вызова, говорит в аудитории: А я вот, Шмоллера не знаю! В этот момент я подумал (с Ядовым у меня никогда личных контактов не было): ну и ладно, черт с ним, с этим Шмоллером, на нем свет клином не сошелся, и со Штаммлером тоже, и с Иерингом. Я тоже много чего не знаю, а еще больше не умею. В SPSS работать не умею; коэффициент ранговой корреляции не посчитаю, хотя когда-то, наверное, мог. А вот от Вебера, Дюркгейма, Парсонса ... etc ... социологам лучше не отмахиваться. Но кто наперед отличит важное от неважного, существенное от не очень существенного, главное от второстепенного? И потом важное для чего? При определенной оптике, для кого-то Шмоллер, может, и поважнее Вебера оказаться.

Грань тут тонкая. Скажем, у того же Ядова есть довольно свежий текст, который называется «Трансформация постсоветских обществ: что более значимо — исторически традиционное или недавнее прошлое?». Тема с учетом моих старых интересов — мне очень близкая, и то, что Владимир Александрович там пишет, мне понятно, и я во многом тоже так думал и отчасти думаю — всякий там менталитет, ценности, культура, препятствующие либеральной модернизации, «зависимость от колеи» предшествующего развития. Но ведь это все от фонаря говорится, мы должны принять это на веру. Что бы сказал по сему поводу Батыгин? — Если бы был последователен, ровно то же, что он когда-то говорил и писал по поводу моих «спекулятивных измышлизмов» (см. выше). В общем, между вьедливостью и дотошностью, с одной стороны, и вольным полетом

мысли и фантазии, с другой, должен быть какой-то здоровый компромисс. Как у Вебера: труд ученого — сочетание страсти, обеспечивающей догадку, и трудолюбия, обеспечивающего надежный результат.

Теперь насчет преподавательского труда и научного текстопроизводства. И здесь Вы правы: наверно, грех жаловаться. «По сравнению с Бубликовым» вообще неплохо живут живущие на этом свете, в том числе и российские преподаватели, стремящиеся заниматься наукой.

Что касается свободы преподавания, т.е. свободы в аудитории, это, слава богу, пока сохраняется. У нас «на социологии», по крайней мере. Настоящая социология вообще «не вполне благонадежная» дисциплина, «неверноподданническая», с полудиссидентским имиджем. Поэтому-то «власть» ее недолюбливает. А, например, в некоторых бывших «братских» республиках еще десять лет назад начались разговоры об обязательном чтении предметов типа «основы национальной идеологии», и дисциплину эту должны были преподаватели обществоведческих кафедр вести, социологи в частности. Об этом мне коллеги из Узбекистана рассказывали, когда я приезжал в Самаркандский университет лекции читать.

Насчет «сильных» студентов или их недостатка — что тут поделаешь, какие есть. Очень мотивированных студентов и/или толковых, талантливых всегда немного, но они попадаются. Другое дело, лишь немногих, единицы можно сподвигнуть пойти по пути науки, особенно теоретической социологии, уж больно «неприземленное» занятие.

Основная неудовлетворенность, о которой я говорил выше, иного рода — текучка, хроническая нехватка времени на действительно важные дела, на науку, да и на реальные нужды преподавания, разработку новых курсов, подготовку к лекциям. Одна из моих бабушек, когда я робко, еле заметно намекал, что, мол, условия для интеллектуальной работы нынче не те, не как у классиков дворянской литературы XIX века — возмущалась моей прихотливости и завышенным требованиям, и говорила, что близко знала человека, который успешно написал докторскую, сидючи на кухне коммунальной квартиры. Хорошо известно, что многие и в заключении писали (в одиночках вообще сам бог велел). Тот же Грамши. Про русское лагерное сочинительство я и не говорю, само собой. Конрад Лоренц в советском лагере для военнопленных писал гвоздем на пакетах из под цемента, а в качестве чернил использовал марганцовку. С другой стороны, многие введения к известным западным научным трактатам содержат воспоминания о длительном и лишенном бытовых и финансовых забот уединении, позволившем реализовать те или иные творческие планы. Конечно, эпоху и социальную группу не выбирают, и глупо сетовать, что у тебя нет Михайловского, Спасского-Лутовинова или Ясной поляны, и по вечерам к тебе не приходит нянюшка и не говорит: не желаете ли, батюшка, чаю откусать, а-то ведь весь день в библиотеке просидели, все пишете-пишете, перетрудились небось?! А наяву, в нашем XXI-ом, «какая тут свобода», как писал Пригов, «когда опять стоит посуда» [грязная].

Может быть, я, конечно, слишком избалованный, но для нормальной работы — как погружения в чужие тексты, так и создания собственных — мне нужно сосредоточение на теме в течение определенного временного отрезка, желательно продолжительного, фиксация внимания на одном и отсечение всего постороннего, что-то похожее на контовскую «мозговую гигиену» (хотя у Конта

она, конечно, принимала крайние, иногда уродливые или комические формы). Тем не менее, если что-то серьезное читаешь или пишешь, то желательно — полное погружение, отвлекаться — только на еду и сон. Но современный «пролетароидный интеллеktуал», обязанный своим материальным существованием «службе», дающей «зарботок», не может позволить себе такой роскоши. Поэтому великое умение — искусство залегания на дно, бегства от «суеты мира», в том числе и от служебных обязательств, своего рода «научный эгоизм» (типа «не мешайте мне, я творю»). Кажется, в каком-то интервью А.Б. Гофман вспоминал о методическом распорядке жизни и труда, который выстраивал в течение многих лет И.С. Кон, — как-то Гофман позвонил Кону в неподходящее, «уединенное рабочее» время и тот его за это отчитал. Вот — характер. Не могу сказать, что я это приветствую по-человечески, но зато результат налицо.

Теперь давайте представим себе отдельно взятое университетское подразделение — кафедру, скромную такую — человек десять штатного состава. Совместителей не берем — они отчитали свое и уходят, но и получают за это, естественно, две копейки. Что же тем временем делают те самые десять «полноставочников», кроме, разумеется, преподавания? По приблизительным прикидкам объем работы соизмерим с тем, что в иных местах целый факультет делает вкуче с многочисленным вспомогательным персоналом. Кафедра является выпускающей и сервисной одновременно — т.е. и свои студенты имеются, и другие специальности нужно обслуживать. Все текущая студенческая отчетность письменная, устных экзаменов, сессии в старом смысле давно не существует. Стало быть, горы контрольных, рефератов, эссе и т.п. проверять. Оценки выставляются по сложной балльно-рейтинговой системе — в конце семестра все эти баллы складываются и выводится итоговая. Вся эта «цифирь» заносится в разные компьютерные базы, включая личную страницу преподавателя в Сети. Студенты, естественно, пишут курсовые и дипломы, им руководители полагаются плюс рецензенты. Сложно сказать — кем быть проще. Рецензенту надо работу прочесть и отзыв написать, а руководителю — обеспечить, чтобы работа определенным требованиям соответствовала, а если студент не в состоянии это сделать сам (а такое бывает часто) руководитель должен это сделать за него, ну то есть фактически работу в приличный вид привести.

На кафедре полный цикл обучения имеется: бакалавриат, несколько направлений магистратуры, аспирантура, свой диссертационный совет. Изготовление внешних отзывов для сторонних организаций — тоже важная неформальная часть работы (просят же люди). Свой журнал имеется, ежеквартальный, ВАКовский, «все дела», не с самой что называется плохой репутацией. Там экспертизу и редактирование статей надо проводить. Еще сборники студенческих научных работ ежегодно выпускаются — тоже редаktура требуется. Нагрузку надо считать — за часы бороться, ведь часы — это зарплата. Учебная, научная, внеучебно-воспитательная работа — все это подотчетные виды деятельности, т.е. требующие оформления соответствующей документации. Кафедральные отчеты по самообследованию по определенному списку документов регулярно формируются. Постоянные профилактические проверки и мониторинги деятельности вышестоящими инстанциями — чтоб жизнь медом не казалась. Почему нет отчетов по индивидуальному пользованию туалетами не понимаю, уже пора вводить. Нет ни года, ни семестра, чтобы не было еще

какой-то «большой» напасти в виде какой-нибудь плановой или внеплановой аттестации, аккредитации, лицензирования, иницируемой высоким и не очень начальством бюрократической «инновации». А что такое фактически подготовка к аккредитации или «переформатирование» учебно-методических комплексов — абсолютно неблагодарная и столь же бессмысленная работа по производству сотен страниц, бумажных или компьютерных. Какому-нибудь начальнику или его аппарату придет в голову «умная мысль» что-нибудь «оптимизировать». Дается установка — все начинают «оптимизировать». Эти послы исходят как от внешних структур — от министерства, так и от своих же — постоянно размножающихся департаментов проректоров, всяких учебно-методических управлений, отделов качества и т.д. Каждый день секретариат деканата рассылает на кафедры горы приказов и распоряжений. Не исполнишь — не сносить головы. Еще каждый год надо верстать учебные планы, «рабочие» и «стабильные». При этом постоянно меняются Образовательные Стандарты, то они «старого» поколения, то «нового», то министерские, то собственные, университетские. Разные курсы могут по разным стандартам учиться. Чокнуться можно.

Но люди ничего, как-то живут, справляются. А Вы говорите — две-три-четыре тысячи знаков текста для себя любимого. А нам начальство прямо говорит (или более «деликатно», но смысл сохраняется): не на себя надо работать, а на университет, хлеб свой вы должны отрабатывать. Вот вчера только в качестве члена рабочей группы был на одном мероприятии по подготовке международной аккредитации магистратуры, которая как с неба свалилась. Как пелось в одном раннеперестроечном мультике — «комиссия по дырочкам, коллегия по щелочкам, инспектор по отверстиям для маленьких жучков...». О причинах и последствиях такого положения дел в вузах (а тенденция эта общая, хотя и проявляющаяся везде по-разному) можно говорить много. Но, как бы то ни было, в своей маленькой точке социального пространства остро ощущаешь: «мертвый хватает живого». И справедливости ради следует сказать, что я — объективно отнюдь не самый занятой по части вовлеченности во всю эту бюрократическую кухню. Но многие, особенно те, кто вовлечен более, по-моему, просто смирились. Может быть, просто люди ставят перед собой несколько иные жизненные задачи, чем я, и поэтому не «кипятятся» так, а ведь можно было бы, как восклицал раздосадованный дядя Ваня, а вслед за ним Хоботов из «Покровских ворот», стать «Достоевским, Шопенгауэром» ... Или если даже не стать, то хотя бы попробовать, попытаться. А если не хотеть стать шопенгауэрами, можно, конечно, и отчеты пописать. Чай, не на лесоповале и не на рудниках.

И не подумайте, что я здесь «ругаю» в условно завуалированной форме конкретно свой Университет, ничего подобного. Если бы все было так просто! Мой университет определенно, по многим параметрам лучше десятков других столичных вузов. Любой кейс, взятый из более широкой совокупности, *mutatis mutandis* — не более чем пример общей закономерности. Это Вам подтвердят сотни и тысячи сотрудников и преподавателей разных российских образовательных учреждений. Везде, конечно, есть свои детали, нюансы, но вектор доминирующей тенденции один и тот же.

Тогда не могли бы Вы поделиться своими соображениями о проблемах российского высшего образования в целом?

Упомяну лишь две — условно «внешнюю» (1) и условно «внутреннюю» (2).

(1) Отношение нашего государства, да и бизнеса, к высшему образованию и людям, работающим в данной сфере, можно охарактеризовать как «близкое к презрительному», если угодно, как «к ущербным». И это — несмотря на дипломы, ученые степени и звания, которые предпочитают получать в демонстративно-квалификационных и имиджевых целях начальники всех мастей, политики, управленцы, хозяйственники. Вообще, очевидно, нынешнее российское государство не считает свою интеллигенцию «цветом нации», «не видит ее в упор», не ориентируется на нее не только «на деле», но даже «на словах»; порой в ней и вовсе видят «пятую колонну». То есть слов у власти для этой группы населения нет (кроме эпизодически ругательных — «отстаньте, мол, очкарики, не до вас!»). На многие масштабные общественно значимые проекты у государства и крупных компаний деньги находятся, на Олимпиаду, например, всякие спортивные чемпионаты и первенства, а также, конечно, на укрепление «порядка» и «боеспособности». Иначе говоря, силовые ведомства, спорт являются в представлении «сильных мира сего» национальными приоритетами, а наука и образование — нет. Вопреки мудрому совету обаятельного силача Владимира Турчинского [читай книги — качай мозги!], государство предпочитает качать исключительно мышцы своих граждан. За мозги отвечают другие инстанции — СМИ, последние годы церковь активно подключилась. Результаты известны.

Общий социальный статус (не только экономический, но и профессиональный) работников высшего образования в России в сравнении даже с поздним советским временем неизмеримо понизился. Государство посылает преподавателям ироничный привет от Леонида Утесова: «так будьте ж здоровы, живите богато, насколько позволит вам ваша зарплата, а если зарплата вам жить не позволит, тогда не живите, никто ж не неволит». В любом случае — «мы (власть) тут не причем». Финансово вузы выживают за счет собственной (более или менее успешной) коммерческой деятельности, а ее возможности в условиях «прихотливой», отчасти перекошенной и деформированной конъюнктуры востребованных специальностей, диктуемой не только объективными запросами рынка труда, но и всевозможными «текущими модами», для многих вузов и направлений профессиональной подготовки являются сильно ограниченными.

Одним из вариантов отношения государства и бизнеса к высшему образованию является «технократический» или «узко прагматический» подход: Суть его сводится к следующему: «Так, ребята, чему вы там студентов учите? Это все — ерунда. Вы должны срочно переключиться на подготовку специалистов в «приоритетных» и «конъюнктурных» отраслях науки и техники! Иначе вы только небо коптите...». При этом приоритетность часто определяется «волюнтаристически», исходя из тех или иных узкогрупповых интересов, людьми, далекими от реалий (вос)производства научного знания. Но, например, фундаментальное, классическое (не прикладное) университетское образование, как и фундаментальная наука, институты во многом «оранжерейные». От них можно требовать только одно: чтобы «они просто были» и соответствовали «высоким стандартам», вырабатываемым в их собственных рамках, а не где-то вовне. Конечно, эти виды деятельности стоит поддерживать не только из-за их «интеллектуальной красоты», которая «видна не каждому», в том числе не каждому политику или бизнесмену.

Здесь есть и прагматический (в широком смысле) момент: пути научного прогресса неисповедимы, поэтому никто не знает точно, что может оказаться полезным завтра. Но не менее важна и ценностная сторона дела: одной из ключевых функций университетского образования является просветительская функция, формирование расширяющейся «культурной прослойки» общества, интеллектуальное развитие нации. Однако, вероятно, в иерархии жизненных приоритетов большинства лиц, наделенных в современной России властью и экономическим влиянием, эти «блага» занимают одно из последних мест.

Конечно, в Академии наук ситуация не лучшая, несмотря на многочисленные разговоры в связи с ее предстоящим реформированием. Скорее всего, большинство обещаний просто блеф. Ядов очень любит на публику рассказывать анекдот из 90-ых про Черномырдина: «мол, докладывают ему, Виктор Степаныч, ученым совсем зарплаты урезали, а они все равно на работу продолжают ходить. А тот отвечает — так надо брать деньги за вход». В.В. Путин, кажется, на какой-то встрече с учеными ставил им в пример математика Григория Перельмана. Смысл считывается легко: вот на него, Гришу, ориентируйтесь, а вы все ноете, денег просите; если достигнете чего — мы вами гордиться будем, а если нет — сами виноваты. А денег мы Вам не дадим, удавимся — не дадим. Да и зачем Вам деньги, Киса, на что Вы их потратите? Вы жить-то, по-настоящему, не умеете. Есть, конечно, всякие «Сколковы», «Роснано» и прочие «кормушки» для особо привилегированных, но ведь это все скорее — высокие технологии, а не наука в точном смысле.

(2) Проблемы условно «внутренние». Их я уже отчасти касался, и попытаюсь, по возможности, не повторяться. Общая проблема большинства российских вузов, хотя и выраженная в разной степени в разных местах: чудовищная по масштабам бюрократизация в сочетании с авторитарным, командно-административного типа менеджментом. Российское высшее образование в этом смысле — слепок, репрезентативная модель всего российского общества. Административный ресурс, в т.ч. право распределять финансовые средства и рычаги позитивного и негативного стимулирования персонала, находится в руках управленческого корпуса. Постоянно разрастающийся бюрократический аппарат, внутренне связанный отношениями личной лояльности и зависимости, речь идет отнюдь не только о высших эшелонах организационной пирамиды, фактически противопоставлен учебным подразделениям, занимающимся собственно преподаванием, оказывающим реальные образовательные услуги, т.е. кафедрам.

Разветвленная сеть административных подразделений, конечно, создается в целях «оптимизации», «организации», «координации» и всего такого, однако, в большинстве случаев они сохраняют за собой лишь контрольно-регулятивные и регламентационные функции, в том числе право «казнить и миловать». А исполнительские функции, включая львиную долю делопроизводства, ложатся на плечи все тех же многострадальных кафедр. То есть бюрократия не упрощает, а усложняет жизнь в вузах. Преподаватели в дополнение к аудиторной работе, которая нередко для многих из них отходит на второй план, вынуждены заниматься нескончаемым производством разного рода внешней и внутренней отчетности, составлением планов, графиков, написанием служебных записок в ожидании проверок, контрольных комиссий и т. п. Но об этом уже, в общем, шла речь. Разумеется, значительная часть порождаемой таким образом документации

является фиктивной, сфабрикованной, не отражающей реальное положение дел, поскольку ее главная задача «создавать видимость» и удовлетворять формальным бюрократическим требованиям, «симулировать» и «имитировать».

Российское высшее образование, опять же — как и российское государство, провозглашает курс на «модернизацию», поощрение «инноваций», развитие «конкурентоспособности» и т.п. Однако, выдавшим виды соотечественникам, конечно, обманываться не приходится — все это бывало в истории России, в том числе сравнительно недавней. Российская бюрократия прекрасно умеет вписываться в любые тренды, «догонять и перегонять» на словах, имитировать все что угодно, делать «хорошую мину при плохой игре», строить и перестраивать потемкинские деревни. Под лозунгом «борьбы за качество» ведется «борьба за показатели». Таковыми могут выступать успеваемость, посещаемость, количество отчисленных студентов, дисциплина на занятиях, отсутствие опозданий, «защищаемость» диссертаций, «остепененность» коллектива, количество выданных свидетельств о повышении квалификации, информационно-техническая оснащенность, использование компьютерных средств, «интерактивность» и т.п. А при оценивании научной работы — индексы цитируемости, количество публикаций в определенном типе изданиях, высчитываемые весьма сомнительными способами, измеряющими все что угодно, кроме действительного качества. Как в детских учреждениях — предусмотрит расписание «гуляемость», «купаемость», «повышаемость сознания», но при этом же «повысится зеваемость и скучаемость наполнит мироздание» [песенка такая была]. Компьютеризация и информатизация учебного процесса для некоторых технократов от образования становится своего рода идеей-фикс. Но если рассудить здраво: можно читать хорошие лекции, стоя с мелом у доски, или без всякого мела, и плохие — с мультимедийным проектором.

«Гонка за показателями» приводит неизбежно к их «инфляции» и «девальвации», например, при демонстрации и наращивании фиктивных достижений (скажем, публикационного потока как индикатора объема проводимой сотрудниками научной работы в целях привлечения дополнительных финансовых средств). Планка постоянно повышается, а реальное качество — нет. Возможно, оно даже падает, ведь время, отводимое на «заботу о существе дела», сокращается. В любом случае объективные и субъективные, временные и психологические трудозатраты участников этой гонки непомерно возрастают, несмотря на то, что по существу мы имеем дело здесь с типичным «бегом на месте».

Маниакальное администрирование является заразной самовоспроизводящейся болезнью. Университет можно сравнить с армией, где солдаты и младшие офицеры (т.е. преподаватели) воюют, а над ними надстраивается огромный полупаразитарный штаб, заведующий документооборотом. Все кругом занимаются делопроизводством. От солдат требуется, чтобы они после боевых действий сидели в окопах и сочиняли отчеты о проделанной работе — сколько единиц боевой техники противника уничтожено, сколько живых потерь и т.д. Иначе, пайку не дадут, тем более — ордена и медали. Сделал доклад, провел семинар — отчет. Сварила борщ — отчет. Организовано посещение студентами кино или театра — подавай отчет о внеучебной работе. Можно даже вообще в бой не ходить, а просто фантазировать. Войско не воюет, а пишет отчеты о войне. И никого не волнует, что война, в сущности, проиграна, ведь мерилom является документация, а по

отчету — все хорошо («прекрасная маркиза»). И оценивают людей не по факту, а по отчету, фиксирующему факт. Чтобы быть эффективным в глазах начальства и не создавать проблем — надо заниматься показухой.

Сейчас в народе любят говорить про текущие социальные реалии: «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Кафка, не Кафка, а то, что Гоголь и Салтыков-Щедрин живее всех живых — это точно. Булгаков в одном из своих фельетонов 20-ых годов рассказывает о «гениальной личности» Макушкине, который писал протоколы собраний трудового коллектива наперед. Тогда это, наверное, могло вызывать смех или удивление. Сегодня это никого не удивит. — Обычная практика, привычное дело.

Роберт Мертон в своей версии функционализма показал: одна и та же деятельность, институт, обычай могут быть одновременно функциональны и дисфункциональны в разных аспектах, для разных социальных агентов. Так вот, для самовоспроизводства бюрократии вышеописанные практики в краткосрочной и среднесрочной перспективе функциональны, т.к. позволяют привлекать ресурсы, и демонстрируют оправданность и целесообразность существования соответствующих административных подразделений, но в стратегической и долгосрочной перспективе для отрасли в целом, т.е. для самой системы образования, а также для тех, кто обеспечивает содержательную деятельность в ее рамках, т.е. для преподавательского корпуса, они же совершенно дисфункциональны, губительны. Как в биологии: если стратегия адаптации паразита приводит к смерти жертвы, то надо искать новую жертву, т.е. нужен постоянный приток живого материала, к которому можно было бы присасываться. Почти все к чему бюрократия прикасается своей «костлявой рукой», любое хорошее дело превращается в камень. Хотя и ясно, что без администрирования никакая институциональная система функционировать бы не могла. Парадокс и правда жизни.

Недавно принимал участие в одном «камерном» симпозиуме — так там все коллеги об этом в один голос говорили (М. В. Масловский, Р. Н. Абрамов и др.). И не только применительно к российским реалиям. Бюрократический «порядок знания» и производимые им социальные механизмы активно вмешиваются в академический порядок, и фактически разрушают его. Идеология «эффективного» (прежде всего для самого себя) менеджизма победоносно шествует по планете, ломая все направо и налево, затапливая последние островки свободы и «чужой», не подконтрольной бюрократии профессиональной автономии. Пришла пора писать новые антиутопии в продолжение линии Замятина — Хаксли — Оруэлла.

Тем не менее, в нашем высшем образовании пока еще работают сотни и тысячи прекрасных, ответственных и компетентных специалистов, любящих свое дело и выполняющих свою работу качественно, совершенно независимо от любых «формальных показателей» и «требований сверху», людей, привыкших в меру сил человеческих «плыть против течения», профессионально реализующихся по большей части вопреки, а не благодаря обстоятельствам. И, кажется, эти люди заслуживают лучшего к себе отношения — как со стороны «властей предержащих» всех уровней, внутри и вне системы образования, так и общества в целом.

Многие из вашего профессионального поколения (в моей классификации оно — шестое) учились или стажировались за границей. У Вас есть такой опыт?

Этим вопросом Вы задели, наверное, самую больную для моего профессионального самолюбия тему. Иностранные языки — были и остаются наиболее слабым звеном в моем образовании. Хотя «он знал довольно по латыни, чтоб эпиграфы разбирать», не могу сказать, что владею хоть одним иностранным языком в той степени, в какой это необходимо для углубленного «академического туризма». В детстве языковые знания как ценная компетенция в моем ближайшем окружении не рассматривались — не те еще времена были. Английский, которого у меня ни в школе, ни в университете не было, надо было изучать самостоятельно. А я в отличие от моего разумного приятеля Кирилла Тарасова налегал главным образом на специальные и общегуманитарные предметы, т.е. на то, что меня живо интересовало. В университете выделялась категория девочек, которые вообще на все «забивали», кроме языков — знали, что делали.

Мой базовый язык — немецкий. На первом курсе он у меня очень хорошо шел, потом перевелся на дневной — а там (немецкая группа единственная была) одни дети дипработников: шпрехают как на родном. Ну и я «просел», хотя усердием пятерки свои получал — не так давно выбросил подсобные тетради с переводами вручную тысяч слов. Нас тогда, независимо от уровня языковой подготовки, кафедра почти профессиональные переводы делать заставляла — хрестоматии собирались выпускать. Мне Номо sociologicus Ральфа Дарендорфа достался. Я, надо сказать, неплохо справился — меня хвалили. Потом, когда спустя много лет данный фрагмент на русском в другом переводе вышел — сравнивал, похоже получилось. Я когда перевод делал, за две недели на восемь килограммов похудел — от натуги. Еще был у меня опыт в середине 90-ых разных международных выездных семинаров по широкой социальной проблематике. Уже в РУДН были периоды спорадических языковых повышений квалификации. Где-то в начале 2000-х даже небольшой курс лекций «через пень колоду» на немецком прочел для студентов-политологов из Германии. Года два назад ездил налаживать контакты с Бременским университетом.

А стажировка в точном смысле была лишь единожды и всего-то месяц — во Фрибургском университете, в Швейцарии, у коллеги Батыгина — Эдварда Свидерского, в Центре восточноевропейских исследований. Во Фрибурге я, в основном, в библиотеке с западной советологической и руссиеведческой литературой работал, но также и с источниками по истории теоретической социологии и научной критике марксизма. В прошлом, это было такое «старое логово» интеллектуалов-«антисоветчиков», устроенное на базе католического университета, приютившего по конфессиональному признаку «гордых ляхов» во главе с Юзефом Бохеньским, знаменитым философом-неотомистом и монахом-доминиканцем. И жил я даже во время поездки в соответствующем месте: в общежитии-конвикте со студентами-теологами. Моя «келья» прямо под капеллой располагалась. Столовая по случаю религиозных праздников в «декорацию» фильмов про Средневековье превращалась. Вернее, это была совсем не декорация, монахи-то настоящие, в парадном облачении своих орденов. Впечатления сильнейшие...

И вдобавок мне всегда «(не) везло» мои зарубежные знакомые, интересные люди, как на подбор прекрасно говорили по-русски. Резюмируя, могу сказать с полной скромностью и честностью: хотя я и способен читать и понимать иностранные профессиональные источники, и, само собой, легко ориентируюсь

в библиографиях, аннотациях и оглавлениях (конечно, не на венгерском, финском и эстонском), фундамент моего образования держится главным образом на русскоязычных переводах, а не на текстах на языках оригинала. Те, кто учился позднее, в основной своей массе знают языки гораздо лучше. Хотя вместе с этим повышением общей иноязычной культуры появился и новый тип молодого исследователя, про которых Г. Г. Татарова иногда иронично замечает: «выучили языки, прочли две-три свежие западные книги, и теперь считают себя супер-специалистами, презрительно взирая на весь остальной мир». Очень точное наблюдение. Но нас, плохо знающих языки, это, увы, ни в коем случае не оправдывает.

Правда, многие знакомые, в том числе друзья-немцы, шутили: что мой русский — почти иностранный, т. к. содержит огромное количество иностранных слов. И это было действительно так, особенно раньше, когда я активно осваивал научную и философскую терминологию, внедряя ее, иногда без меры, в свою повседневную речь.

Заверяю Вас, далеко не все потеряно... Теперь — о будущем, хотелось бы — не очень отдаленном. Нет ли в Ваших планах написания книги теоретической направленности, в этом явно существует потребность. Не задумываетесь ли Вы о работе над докторской диссертацией? В определенном смысле это очень полезно...

Конечно, планирую — и книгу, и диссертацию. Насчет не очень отдаленного будущего — не уверен. Я уже, как минимум, семь лет материал начитываю, но текста — ни строчки, если не считать фоновых статей, где волей-неволей задеваю проблематику, по которой читаю и над которой размышляю. Темпы черепаши, поскольку занимаюсь «главным» по остаточному принципу. А по-другому не получается. Сегодня — одно (вот сейчас, например, интервью), завтра — другое (например, статья в энциклопедию), потом — к докладу подготовиться, отзыв написать, статью чужую отредактировать... и т. д. и т. п. А ведь все это надо делать, за этими делами — люди стоят. Это — либо служебное обязательство, либо профессиональный или моральный долг, или и то и другое одновременно. Вот так собственные магистральные планы неизбежно отодвигаются на периферию «бюджета времени». Се-ля-ви.

Защищать докторскую, разумеется, надо. Кругом коллеги (университетские), те, кто с маломальскими амбициями, все защищаются. Вообще докторов наук в возрастах около сорока уже довольно много развелось. А почему бы не защищаться, если в науке и образовании работаешь, или где-то около, и доступ имеешь? Другое дело — какие это доктора, какие диссертации за этим стоят, каков реальный вклад? То есть доктора докторам рознь. Я говорю не только об «условно молодых» докторам, но и о докторам вообще. А среди них очень много совершенно сторонних по отношению к науке людей чиновники, начальники всякие, вузовские (сам бог велел) и невузовские. Мне многие свежие докторские по социологии по долгу службы приходится просматривать, еще как члену двух журнальных редколлежий читать и обрабатывать статьи докторов и докторантов, кандидатов и аспирантов. Не скажу за всю Одессу, но четко выделяется немалая доля докторско-профессорских текстов, на которые без слез не взглянешь, и по сравнению с которыми статьи продвинутых аспирантов шедевром покажутся. В Академии, кажется, к докторским по «благородной традиции» несколько по-иному относятся. Никто не форсирует, не спешит, все в своем внутреннем

ритме движутся. На защиту выходят, когда совсем уже созреют или даже перезреют. Я имею в виду не объективное созревание, а субъективное чувство того, что ты готов, что можешь предложить профессиональному цеху достаточно качественный интеллектуальный продукт.

Меня все коллеги (искренне верю в их добрые побуждения) постоянно, много лет теребили. Сейчас уже меньше — надоело. Когда защищаешься, ну когда? А я все руками развожу. Опять же вариация освещенной выше «бюрократической» темы: существуют планы-графики защит диссертаций не только по кандидатским, но и по докторским. Защищаемость — один из «показателей» кадрового роста, эффективности научной деятельности подразделения и одновременно функционирования диссертационного совета. Мне неоднократно намекали, что я всю статистику «порчу». На каком-то этапе я просто сорвался, что со мной бывает крайне редко. (Я вообще очень спокойный снаружи, только внутри — беспокойный): Вы вообще, товарищи, чего — понимаете, чего говорите, какой еще план-график — февраль 10-го, апрель 11-го, сентябрь 14-го года? (предполагаемые даты защиты). Быстро только кошки родятся, а докторская — это серьезное дело, халтурить не собираюсь. Естественно, на меня как на дурака посмотрели, но главное — из планов-графиков исключили, т.к. поняли — по данной части непродавливаем. Ну ничего, в кандидатах походит, помается, сам потом прибежит рано или поздно со своей «макулатурой». Все, конечно, помнят, как Иван Васильевич Бунша говорит Шурику: вы своими разводами нам все показатели [морального облика] разрушаете (в то время как дом борется за почетное звание образцового по части «культуры и быта»). И помните, что Шурик отвечает: когда Вы такое, Иван Васильевич, говорите, такое впечатление, что Вы бредите. Но, что поделаешь, когда «маразм крепчает», у людей притупляется ощущение нелепости происходящего, вырабатывается привыкание к абсурду. Мой начальник всегда повторяет фразу: «если не можете изменить систему, измените свое отношение к ней». А я не могу, не хочу, не получается — во всяком случае, если речь идет о важных для меня вещах. «На сем стою и не могу иначе» — как говорил автор 95 тезисов.

Моя большая ошибка заключается в другом. Я никогда не воспринимал на субъективном уровне диссертации, докторские ли, кандидатские ли, даже студенческий диплом как работы, в сущности, «квалификационные», возможно, даже «проходные», но всегда чуть ли не как *opus magnum* — то, от чего все рты пооткрывают и скажут — гениально! Но это же наивно, верить в такое, и вся современная реальность бытования текстов — научных, философских и иных — (редчайшие исключения, наверное, возможны) об этом говорит. В данном смысле батыгинские наставления — добрый совет относиться к производимому знанию более ремесленно и специфически профессионально, без гигантомании и запредельных амбиций — на меня мало подействовали. Я студентам, магистрам и аспирантам похожие советы даю, а вот сам продолжаю жить по иным правилам.

Недавно на русском языке вышла книга известного американского социолога, выходца из Советского Союза, Георгия Дерлугьяна, по сути, хорошо сгруппированный сборник статей, но с «очень скромным» названием: «Как устроен этот мир?». Не слабо, да? Но надо сознаться, что и меня, в конечном счете, темы меньшего масштаба мало интересуют. А Вы говорите — диссертация! Как по такой теме «нормальную» диссертацию написать и не предстать

при этом полным идиотом (чего совсем не хочется)? Хотя я сегодня — гораздо более «стреляный воробей», ученый жизнью, чем «на рубеже тысячелетий» был, когда с предыдущим проектом возился. Знаю, чего мы, в сущности, «стоим на земле нашей грешной». «Жизнь, она, повсюду та же самая, дни свои прокашлял и гуд-бай». Но все же хочется между кашлем и соплями, в этот экзистенциально растянувшийся «миг» хоть что-то путное сделать.

IX. Побочный продукт «тектонической ломки»...

Денис, я помню, просил Вас потерпеть немного, «на пару затяжек». Я поторопился, не рассчитал набранной скорости: тормозить — опасно, может занести в кювет... давайте еще немного поговорим...

Вы целенаправленно занимаетесь социологическими теориями и историей социологии. Немогли бы Вы сказать, в какой мере Ваши теоретико-социологические построения базируются на историческом анализе той среды, того времени, когда те или иные социальные (философские) учения возникали?

Пожалуй, этот вопрос продолжает предыдущий, но в несколько ином ракурсе. Считаете ли Вы, что изучение истории социологических учений, будь то Спенсер или Маркс, Парсонс или Гофман, Конт или Дюркгейм... не может дать ответов на множество вопросов без изучения биографий, внутреннего мира ученых? Я все более убеждаюсь в биографичности творчества не только поэтов, композиторов (что тривиально), но и социологов. Так, мои многолетние исследования биографии и научной деятельности «отца» изучения общественного мнения Джорджа Гэллага показывают, насколько глубоко эта его деятельность была порождена его предбиографией, обстоятельствами его ранней социализации и тем, что условно можно назвать демократическим духом американского общества.

С Вашего позволения, я объединю ответы на два этих вопроса, поскольку они и вправду напрямую связаны. Тема, которую Вы затронули, имеет прямое отношение к методологической дилемме «интернализма — экстернализма» в науковедении. Если очень грубо (как я сам это понимаю): интернализм утверждает, что наука развивается, движимая, главным образом, своими внутренними закономерностями. Что это означает? Есть какая-то научная традиция, сформировавшаяся на определенный момент времени. Есть те, кто усваивают эту традицию и развивают ее. Т. е. если я — ученый А, и у меня есть предшественники В, С, D и т.д., я постараюсь изучить их наследие и пойти с данным багажом дальше — как карлик на плечах гигантов. Знание благодаря моим скромным усилиям подрастет. Потом кто-то, какой-то последователь или ученик E или F залезет, сядет мне на шею и поедет дальше. Вот она — преемственность, вот они — изменения. Что-то, естественно, из достижений предшественников по ходу выбраковывается, отбрасывается теми, кто идет по их стопам. Ну и так далее...

Что же получается? Сидишь себе в своей башне из слоновой кости, книгами, приборами, экспонатами да образцами набитой, только учеников, простерилизованных от «внешней заразы», по пропуску впускаешь. Но так ведь не бывает. Это ведь — модель, идеальный тип. Ветер все равно в форточку дует, воздух снаружи заносит. — То есть, я хочу сказать, от биографии и эпохи не скроешься.

Кстати, Г. С. Батыгин все время подчеркивал, что он — интерналист. Такой подход четко прослеживается в его текстах в нашем совместном проекте, да и в самой концепции построения нашей общей книги, предложенной им первоначально. Но про Геннадия Семеновича никогда нельзя было сказать наверняка, что он на самом деле думает, поскольку он был мастером весьма сложных вербальных провокаций по отношению к людям, которых хотел испытать или чему-то научить. Но, действительно, когда он писал об интеллектуальных биографиях классиков в своих главах, он имел в виду, прежде всего жизненные обстоятельства, в рамках и под влиянием которых разворачивалось усвоение ими идей предшественников (характер образования, круг профессионального чтения и т. п.). Такие штуки как темперамент и психотип конкретного ученого, неразделенная любовь, отношения с родственниками, эстетические вкусы, дух эпохи, материальные условия жизни, самые разнообразные (внеаучные) культурные факторы творчества, войны, революции, разные социальные изменения и потрясения — все это выносилось за скобки. А это — именно то, воздействие чего на эволюцию науки акцентируется в экстерналистском подходе.

И здесь возможно множество вариантов «частных» экстерналистских объяснений, совсем непохожих друг на друга. Фантазирую: например, психологизм в каком-нибудь крайнем фрейдистском стиле мог бы поэкспериментировать с гипотезами о влиянии сексуальных комплексов ученых или отношений с родителем противоположного пола на характер математических построений и теорем, доказываемых этими самими учеными (нарочно придумываю такую «малоправдоподобную» гипотезу). Социологизм, в т. ч. с культурологическим уклоном, как объяснительная модель мне как социологу, не до конца переболевшему культурным детерминизмом, естественно, ближе. Ученый работает, выбирает темы, отбрасывает одни идеи и предпочитает другие, «эволюционирует», отказывается от «заблуждений» прошлого и т.д. под влиянием тысячи обстоятельств, в том числе социальных и культурных (из какой он был среды, знал ли, что такое бедность, изгнание, травля, свидетелем каких событий ему довелось стать, в спокойное или переломное время жил, был ли одинок по-человечески и профессионально, каких религиозных и политических убеждений придерживался, кем был по этническому происхождению и т.д.).

Биография ученого, как и любого человека, это такая призма, констелляция, в которой сходится множество лучей, факторов и детерминант. Легко показать, насколько абсурдны по отдельности вульгарные версии психологизма, социологизма, эконом-социологизма в марксистском стиле, культурдетерминизма шпенглеровского толка, «национал»-детерминизма. Скажем, нельзя легко и просто объяснить утверждение Аристотеля, «что есть господа по природе, и рабы по природе» тем, что он сам был из среды рабовладельческой аристократии. Как говорилось в одном известном фильме: «товарищ Ленин, между прочим, тоже из дворян», но при этом — вождь мирового пролетариата. А Энгельс был вообще «буржуин» первостатейный. Многие дети богачей становились радикальными социалистами, а дети священников воинствующими атеистами, — и это, конечно, не просто так (хотя и далеко не все). Здесь все сложнее, чем кажется на первый взгляд. Короче, нужен какой-то аккуратный комбинированный подход, включающий и интерналистские, и разнообразные экстерналистские компоненты.

Понятно, что для истории точных и естественных наук интернализм лучше подходит. По идее, хотя она тоже, скорее всего, ошибочна, на действия физиков социокультурные, психологические и т.п. факторы должны оказывать минимальное влияние. Мол, нерелевантны тематике их штудий. В «Семнадцати мгновениях весны» Холтоффу из аппарата Мюллера, — тому, кого Штирлиц бутылкой коньяка по голове огрел, — хотя он и «нацистский офицер», было совершенно понятно, вопреки идеологическим установкам НСДАП, что национальность бабки физика Рунге не имеет особого значения, когда речь идет о результатах исследовательской деятельности последнего. «Пускай у него и дед был бы евреем» — от этого ничего в его лаборатории не изменилось бы. Но социолог не может доверяться расхожему мнению о «когнитивной чистоте» естественных наук. Кому как не нам — социологам — знать, что и мышление естествоиспытателя хотя бы отчасти «экзистенциально обусловлено» (как сказал бы К. Мангейм), т. е. в некоторой степени детерминировано практическими и групповыми интересами, «интересом эпохи», если такой может быть выявлен, специфической культурой, и т. д., а говоря языком А. Шютца — индивидуальной биографической ситуаций, которая, как известно, социальна насквозь.

Но когда мы обращаемся к науковедческому и историко-научному изучению общественных наук, в т. ч. социологии, это оказывается еще в «сто раз» вернее. И здесь чистый интернализм значительно хуже работает. Социология, как верно и образно выражался Г. С. Батыгин, — это «нечистый разум», почти «нечистая сила» (эта шутка была бы невозможна в других языках). Чистый (*rein, pure*) — значит отвлеченный, абстрактный, нейтральный, формальный, «без примеси», пребывающий во внесоциальном, внепсихологическом, внекультурном, внерелигиозном, внеполитическом, иначе говоря, внебиографическом измерении, в «вакууме». Социология и социологи сидят где-то посередине в большом континууме между математиками, физиками и химиками, с одной стороны, и художниками и писателями, с другой. Биографическая детерминированность философского знания, наверное, в среднем, сильнее выражена, чем знания социологического. Хотя философии бывают разные. Венский кружок, аналитическая философия, логика — это вам, понимаете ли, не философия всеединства или Тейяр де Шарден! Разные типы социологий, впрочем, тоже очень сильно друг от друга отличаются по части «роли личностного фактора».

Правда, признание неизбежной и неизбывной биографической обусловленности социально-гуманитарного знания, думаю, не предполагает полного уподобления его искусству в этом отношении. И, в конце концов, внутренняя специфика существует у любого вида деятельности как такового и определяется хотя бы отчасти им самим, а не его конкретными носителями с их конкретными судьбами, мыслями и чувствами. Ведь поэт и композитор тоже сочиняют стихи и музыку в определенных жанровых и стилевых форматах, которые могут задаваться определенными правилами, стандартами и эталонами мастерства, кажущимися в конкретную эпоху универсальными и над-биографичными.

В связи с этим разговором приходит в голову ряд конкретных примеров из истории социологической мысли. Символично, что проект «позитивной философии» вышел из под пера бывшего студента парижской политехнической школы, причем недоучившегося. Этим отчасти объясняется как характер и содержание самой концепции контовского позитивизма, так и ее непомерные амбиции.

Противопоставление «общины» и «общества» у Тённиса может рассматриваться (опять же лишь до известной степени) как теоретическое оформление и отголосок сравнения сельского и городского образов жизни, а Тённис, будучи сыном фермера из шлезвигского поморья, должен был особенно остро ощущать данный культурный контраст. Напротив, Зиммель — «певец и диагност мегаполиса», стоявший у истоков социологической урбанистики, социологии моды, знавший толк в «женской культуре», темах любовных приключений, флирта и т.д., прожил почти всю жизнь в Берлине, где бы известен как «большой эстет», вхожий в мир богемы, дружил с поэтами С. Георге и Р.-М. Рильке. Ну а знаменитый портрет «чужака» списан Зиммелем фактически с обобщенного образа его собственной этнической группы. Интерес Адорно к социологии музыки и шире — музыковедению напрямую связан с тем, что он сам с детства дружил с роялем, а мать его была оперной певицей. Некоторые крупные критики марксизма и социализма (скажем, Карл Поппер) стояли в молодости на социалистических позициях, но потом разочаровались в своих идеалах по тем или иным «биографическим» причинам. Хотя, конечно, связи научного творчества и личных биографий ученых не всегда такие простые, но могут быть очень причудливыми, замысловатыми.

Не уверен, что смогу вполне внятно ответить на Ваши вопросы. Когда писал, отчасти сам запутался, т.к. очень много дополнительных методологических проблем возникает, нуждающихся в уточнении, детализации, оговорках. В общем, дело ясное — что дело темное.

Про влияние «предбиографии» хотелось бы сказать особо. Она сказывается постоянно в текущей жизни, и в личной и в профессиональной. Я сам выбирал и продолжаю выбирать только темы, которые меня по-человечески беспокоили или беспокоят. Но это, думаю, не ведет автоматически к «предвзятости точки зрения», «ангажированности». Также совершенно согласен с психологами: детство и юность огромное значение имеют. Казалось бы, детство давно прошло, да и короткое было, после него уже много воды утекло. И, тем не менее, оно постоянно пробивается, дает о себе знать в нашей взрослой жизни. Мне нравится фраза: взрослых нет, есть постаревшие дети. Я сам чувствую, что весь из детства соткан; продолжаю во многом воспроизводить, хотя и в модифицированном виде, конфликты, проблемы и коллизии, которые там были. И это, кстати, порой очень неконструктивно оказывается — давно бы преодолеть и пойти дальше. Что-то, конечно, преодолеваешь, но далеко не все. И это проблема не только психологическая, но и социокультурная — у Бурдьё «гистерезис габитуса» называется. Т. е. — «запаздывающий» габитус. Обстоятельства, условия изменились, а человек за ними не поспевает. Правила игры — другие, новые, а актер отчасти еще по старым играет. «Субъективные» структуры более инерционные оказываются, чем «объективные». И на уровне общества в целом — то же. «По капле и себя раба выдавливаешь», а «запас рабства» — еще целое ведро. Раньше говорили: что бы мы ни делали, одни танки получают. А что изменилось? ...

Добавлю еще пару слов относительно первой части Вашего вопроса. Так, в своей статье о предпосылках возникновения социологии, сегодня нахожу ее во многих отношениях неудовлетворительной, я постарался показать, насколько ранняя социология на фундаменте позитивизма была детищем эпохи торжествующего модерна. Это никакая не новость, но у нас об этом толком не писали в литературе по истории социологии. Вообще, я считаю, что социология может

и должна регулярно лупить саму себя собственной плеткой — т.е. стремиться уяснить свои социальные и культурные корни и истоки. Например, я спрашиваю у моих студентов: почему те формы общественной мысли, которые существовали в Античности и в Средневековье, не были похожи на современную социологию? А ответ надо искать в области наших исторических знаний об особенностях античного и средневекового обществ, их культуры, ценностей, социальной структуры, образа жизни и мысли людей тех эпох.

Можно также спросить, почему российская общественная мысль была непохожа на западную, несмотря на мощнейшую рецепцию на русской почве самых разных европейских идей? И правильный ответ при всей его допустимой неоднозначности может быть тоже только исторически или, если угодно, «макро-биографически» фундированным, если под биографией понимать «конкретную физиономию» событий, т.е. «биографию» не личности, но профессионально-интеллектуальной группы (такой как социологи или философы) или даже целой страны.

В какой мере Вы знакомы с историей российской, от дореволюционного времени до наших дней, социологии? В какой мере рассматриваете себя, свое профессиональное поколение, в качестве продолжателей того, что было сделано первыми послевоенными отечественными социологами (я имею в виду: Т. И. Заславскую, А. Г. Здравомыслова, И. С. Кона, Г. В. Осипова, В. А. Ядова и других представителей этого поколения) и следующими когортами социологов?

В определенной мере знаком. Как, кажется, видно из предшествующего рассказа: меня всегда интересовала российская проблематика в ее различных измерениях. Тем более, особенно раньше, я очень много всего прочел по истории русской общественной мысли, как дореволюционной, так и эмигрантской. Ну а история общественных наук в Советском Союзе и ее социологический компонент, включая и «второе рождение» социологии после войны, тоже — темы знакомые, пускай и панорамно. Мне приходилось эпизодические курсы по истории отечественной социологии читать, участвовать в создании учебно-методических материалов по названной дисциплине. Да и потом: я же «типа, ... социолог», получил образование, живу и работаю по данной специальности в России, и, наконец, со «специфически исторически» сфокусированным взглядом. Поэтому, естественно, история российской социологии мне небезразлична. Конечно, история российской социологии и история русской общественной мысли — это не совсем одно и то же. Последняя область — гораздо шире, но все равно провести четкую грань невозможно. Другое дело, специальных текстов по истории именно отечественной социологии, кроме главы в учебнике про П. А. Сорокина, и энциклопедической статьи о Н. И. Карееве, я не писал. Как я уже говорил, у меня есть несколько статей, посвященных состоянию современной российской социологии и гуманитарных наук, и в них есть соответствующие исторические экскурсы. В общем, я, конечно, что называется, «в теме», но не могу себя назвать историком русской социологии в узком смысле, каковым был, скажем, И. А. Голосенко.

В какой мере считаю себя продолжателем дела, начатого предыдущими поколениями российских / советских социологов. Вклад «первопроходцев» я уважаю и ценю; прекрасно понимаю, как сложно было продвигать незави-

симум социальную науку в условиях авторитарного режима. Правда, сегодня в отношениях «социология и власть» тоже все отнюдь не благополучно (но это уже другая тема). «Советоидный» тип обществоведа мне не близок, но я отнюдь не считаю социологов первых поколений выжившими из ума стариками, да и отнюдь не все социологи советского времени были «советоидами», т.е. официозными конъюнктурщиками на службе власти. Скорее, наоборот. Позиция М. Соколова, озвученная им в эмоциональной статье о «столкновении академических цивилизаций», мне совсем не близка. «Молодые» социологи, мнящие себя

Со студентами РУДН, 2012 год

виртуозами столового этикета, а «старших товарищей» уподобляющие варварам, питающимся сырым мясом с ножа, если и могут считаться «цивилизованными», то разве что в смысле Руссо, — племенем испорченных прелестями жизни людей, по сравнению с которыми так называемый «дикарь» предстает верхом человеческого благородства.

Непреодолимой пропасти между собой и социологами старше меня я лично не чувствую — говорю за себя, а не за поколение. Те, кому двадцать или тридцать с крышкой (или даже возраст не единственный фактор), работающие в международно ориентированных исследовательских «оазисах» вроде Высшей школы экономики, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Шанинской школы, по выражению Г. Г. Татаровой «молодые да ранние», могут этот разрыв ощущать, предвкушая окончательный уход «стариков» со сцены. Я совсем не из этой компании. Как видно опять же из всей рассказанной выше личной профессиональной истории, я — эдакий «последыш» советской эпохи, побочный продукт «тектонической ломки» мировоззрений и болезненного переосмысле-

ния прошлого. Прошлое вообще меня не отпускает. Мои интересы, вкусы, и не только узкопрофессиональные, все какие-то «ретроспективные», не от мира новых технологий и постиндустриального общества.

Потом у меня нет какой-то выраженной поколенческой профессиональной идентичности. Мне близки и понятны, хотя и в каждом случае с возможными оговорками, тексты И. С. Кона, Ю. Н. Давыдова, Р. П. Шпаковой, Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовского, Л. Г. Ионина, А. Б. Гофмана, Н.Е. Покровского, Н. Л. Поляковой, И. Ф. Девятко, А. Ф. Филиппова, С.П. Баньковской, Н. Н. Зарубиной, М. В. Масловского, А. А. Зотова, В. Г. Николаева, П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой ... etc., хотя в этом списке, который отнюдь не полон, люди разных возрастов и разных профессиональных поколений.

Единственная претензия в адрес поколений отцов-основателей, которая у меня имеется, и о которой я уже говорил: это их невольная причастность к формированию демоскопического предрассудка – искаженного представления о социологии и социологах в российском общественном сознании. Мне это в жизни очень мешает. Ведь социолог – это же «должно звучать гордо». Хотя я и не имею ничего против профессиональной индустрии опросов общественного мнения, но меня возмущает и ранит мгновенная ассоциация почти любого нашего соотечественника: социология значит опросы. Я думаю, мы должны сделать все возможное и невозможное, мы как профессиональный цех, и это в наших же интересах, чтобы переломить данный «провинциально российский» миф о социологии. Надо бороться за повышение интеллектуального статуса российской социологии, оказавшегося заниженным «по недоразумению». Общество должно признать, увидеть в нас экспертов по широкому спектру проблем, связанных с социальной жизнью, коими мы как профессиональная группа в действительности и являемся. Не для того чтобы аплодировать нам и осыпать нас почестями, но просто по минимальной справедливости – зря что ли мы всю жизнь книжки читали и головы ломали, в том числе и над теоретическими сюжетами.

Г. С. Батыгин безусловно является одним из первых, кто начал систематическое изучение истории советской социологии. Вы не думаете продолжить этого рода его поиски?

В предложенной Вами формулировке – скорее, нет, чем да, по крайней мере, пока. Притом что меня очень интересует, скажем, история советской повседневности, на которую можно было бы посмотреть социологическим взглядом, и к этой области когда-нибудь, если руки дойдут, надеюсь обратиться. Вместе с тем, я вижу двоякую важность изучения истории советской и новейшей российской социологии. Ведь кроме специальной исторической или историко-научной, науковедческой задачи такое изучение (например, тот впечатляющий биографический проект, которым Вы занимаетесь) выполняет исключительно стимулирующую функцию по отношению к коллективной профессиональной рефлексии людей, представляющих одно, хотя и весьма разношерстное, сообщество. В некотором смысле это помогает ощутить общность судьбы и понять, что все мы пассажиры одного рейса, который плывет известно откуда, но неизвестно куда, и мы можем, хотя бы частично, скорректировать маршрут в наших общих интересах. Социологи хоть и изучают общество, и всякие такие темы как

солидарность, интеграция, консенсус, но сами-то, как «сапожник без сапог», очень слабо интегрированы и консолидированы на широком общепрофессиональном поле. А совместное перелистывание семейных фотоальбомов (доказано, кажется, все тем же Бурдье), чтение мемуаров и биографий очень укрепляет групповую сплоченность. И нам, российским социологам, это было бы очень даже невредно...

* * *

Интервью с Геннадием Геннадиевичем СОРОКИНЫМ

«Я – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ. НАУКОЙ ЗАНИМАЮСЬ В СВОБОДНОЕ ОТ РАБОТЫ ВРЕМЯ»

Сорокин Г. Г. — окончил физико-математический факультет Ишимского Государственного педагогического института (2003 г.), кандидат социологических наук (2006 г.), доцент (2012 г.). Тюменский государственный нефтегазовый университет, кафедра бизнес-информатики и математики. Основные области исследования: социология образования, геронтосоциология.

Интервью состоялось: ноябрь 2014 г.

Интервью с Геннадием Геннадиевичем Сорокиным вписывается в серию бесед с молодыми социологами Сибири и Дальнего Востока, проведенных во второй половине 2014 года. Он родился в 1981 году в Ишиме, южной части Тюменской области, там закончил школу, получил образование на физико-математическом факультете Ишимского Государственного педагогического института, учился в социологической аспирантуре Тюменского государственного университета, там же защитил кандидатскую диссертацию по информационной культуре. Сейчас работает в Тюменском государственном нефтегазовом университете.

Беседа с ним дает ряд интересных историко-научных наблюдений.

В составе третьего социологического поколения работали и продолжает работать немалое число математиков, физиков, компьютерщиков, которые приглашались в социологические коллективы для обработки собранной информации, обоснования выборок и оказания других форм помощи в проведении теоретико-эмпирических исследований. Геннадий представляет младшую часть шестого поколения, он пришел в социологию, когда задачи, возлагавшиеся на математиков третьей когорты уже в целом были решены. Он связывал с социологией возможность обучения в аспирантуре, защиты кандидатской диссертации с последующим вхождением в науку и в преподавательский процесс. Ему удалось осуществить эту задумку, но — как и можно было предположить — за эти несколько лет у него возник интерес к разработке собственно социологической проблематики — феномен геронтообразования в России. Он стал социологом и сейчас готовит докторскую диссертацию. Однако парадоксальность развития социологии в нашей стране не исчерпала себя. Последние годы он работает на математической кафедре, среди сотрудников которой около десяти человек обладают учёными степенями по социологии.

В моей типологии социологических поколений 1981 год расположен в районе нижней возрастной границы шестой профессионально-возрастной когорты, родившиеся двумя годами позже уже относятся к седьмому поколению. Но для всех, кто родился в первой половине 1980-х и учился не в столичных ВУЗах, характерно относительно позднее знакомство со своими коллегами из других регионов и учеными из ведущих социологических центров России. Экономические кризисы, следовавшие один за другим, тормозили установлению профессиональных контактов. Это отмечает Сорокин, и об это говорят многие его ровесники. По-видимому, шестое и седьмое, отчасти – пятое поколения будут более «раздробленными», чем старшие когорты.

И предстоит понять, каким образом это обстоятельство будет определять развитие российской социологии в ближайшие годы. С одной стороны, это может дать рост новым, региональным школам социологии, с другой – породить разного рода напряженности, конфликты.

Сорокин Г. Г.: «Я – преподаватель. Наукой занимаюсь в свободное от работы время»

Геннадий, в своем письме Вы написали, что родились в Ишиме, что родители недолго проработали учителями в деревне, а потом, я так понял, перебрались в Ишим, где уже работали не по полученной профессии. Они и родом из Ишима или оказались в Сибири по распределению. Что они преподавали? И знаете ли Вы, почему они ушли из учительства?

Родители у меня родом из Сибири. Папа родился в Ишиме, а мама в селе Называевское Омской области (сейчас город Называевск). Мама приехала в Ишим учиться в институте. Здесь они и познакомилась с отцом. По образованию мама преподаватель литературы и русского языка. Отец окончил физмат, преподавал математику. После окончания вуза родители распределились учительствовать в маленькую деревню. Папу назначили директором крохотной деревенской школы, в которой было 16 учеников и 17 человек преподавателей и обслуживающего персонала. Когда они, отработав положенные три года, возвращались в Ишим, то убегали не только от профессии учителя, но и от деревенского быта. В деревне и сейчас-то не особенно комфортно живётся городскому человеку, а тогда удобств не было никаких. Зимой за водой ходили на речку в прорубь. Очень не хватало детского садика, куда можно было бы отдать мою старшую сестру.

Что же касается профессии учителя, то плюс в ней был только один – большой летний отпуск. Работа отнимала слишком много времени, сил и нервов. Проработав половину дня в школе, учителя часто шли по домам “двоечников” и “прогульщиков” проводить разъяснительно-воспитательную работу с родителями. Тогда это был обязательный элемент работы школьного педагога. Почти все вечера были заняты проверкой тетрадей. Зарабатывали советские учителя по тогдашним меркам неплохо. Но те же деньги можно было получать, работая на производстве с меньшими затратами сил. Отец за время работы в деревне зарекомендовал себя хорошо и ему предложили должность директора большой школы в посёлке городского типа. Но он это расценил, как “...переезд из маленькой тюрьмы в большую...” и отказался. Родители вернулись в Ишим и устроились в организации на должности, где даже не требовалось высшее образование. Мама рассказывала, что первое время на “обычной” работе в транспортной организации была счастлива от того, что в пять часов можно было уйти с работы и не вспоминать о ней до следующего дня. Но думаю, что полученное образование всё-таки родителям пригодились. Отцу оно помогла продвинуться по карьере. Специалистов инженеров тогда в нашем городе было мало, поэтому, инженерные должности нередко занимали выпускники физмата. В организации “Ишиммежрайгаз” отец сначала был грузчиком на развозке газовых баллонов, потом мастером по ремонту оборудования, затем занимал руководящие должности невысокого уровня (начальник службы внутридомового газового оборудования, мастер газонаполнительной станции и т. п.). Мама до пенсии работала бухгалтером. Но её литературное образование оказалось полезным при воспитании детей. Она много занималась со мной и с сестрой, привила нам любовь

к чтению. Читать и писать я умел уже в четыре года, сестра – в пять. Мы всегда консультировались с мамой по вопросам русского языка (я до сих пор это делаю). Очень полезными для меня оказались мамины уроки по написанию сочинений.

Очень ценным мне представляется Ваше замечание об активном чтении. Социологи старших поколений, которым сейчас 80–85 лет, и следующих когорт рассказывали, что они читали. Постарайтесь и Вы повспоминать, охватив не только совсем детский период, но и школу. Наверное, Вы читали не только книги, которые были дома, но и в городских библиотеках?

В школе я много читал. У родителей была хорошая библиотека, но и городские библиотеки я тоже посещал. Интересовали меня в основном приключенческие романы. Книги Купера, Рида, Хаггарда, Конан Дойла перечитывал по несколько раз. Почему-то практически не читал русских авторов. Возможно, русской литературы мне хватало в школе. Книги во времена моего детства ещё надо было достать. В библиотеке самые интересные книжки были либо “на руках”, либо в очень потрёпанном состоянии. В старших классах читать было уже некогда. Я начал посещать школу программирования, стал заниматься спортом. Кроме того последний год я доучивался в уникальном образовательном учреждении Ишимском городском общеобразовательном лицее. Там нас обучали лучшие преподаватели города, 14 наших педагогов имели учёную степень. Учёба поглощала всё моё время. Чтение из удовольствия превратилось в инструмент. В студенческие годы тоже особенно развлекаться чтением было некогда. Появилась необходимость в подработке. Уже после окончания института, работая в вузе, я поймал себя на мысли, что, в принципе, я читаю достаточно много, но всё прочитанное относится исключительно к моей профессиональной или научной деятельности. Сейчас я, наверное, пишу больше, чем читаю (чукча не читатель – чукча писатель). Если я обнаруживаю у себя пробелы в знаниях, например в истории или географии, то стараюсь посмотреть онлайн какой-нибудь документальный фильм или заглянуть в википедию.

Вы учились в старших классах школы во второй половине 1990-х, комсомола уже не было; но какой-либо общественной деятельностью Вы занимались?

Меня приняли в пионеры в год, когда пионерскую организацию официально отменили. Галстук я поносил всего два месяца. Никаких общественно-политических или даже просто патриотических объединений в моё школьное и студенческое время просто не было. Были творческие объединения, в которых студенты занимались музыкой и хореографией, организовывали студенческие праздники. Был институтский актив, который играл в самоуправление. Насколько мне известно, какое-то подобие молодёжных общественных объединений начало появляться только в середине 2000-х. Например, “Молодая гвардия” – кузница кадров для “Единой России”. Но думаю, что даже если бы что-то подобное было в моё время, я бы не был его активным участником. К активистам партий, движений, объединений и т.п. я относился и отношусь, как к болтунам и бездельникам.

Отец – по образованию математик, учились в специальной школе, изучали программирование, наверное с выбором профессии проблем не было? Или все же какого рода размышления все же были?

Вы совершенно верно подметили, что проблем с выбором профессии не было. Просто выбора-то особого и не было. В институте моего города я мог выучиться только на учителя. Моя свобода выбора состояла лишь в определении направления: от трудовика до преподавателя иностранного языка. Но математика мне всё-таки была близка. Мой выбор – физико-математический факультет Ишимского Государственного педагогического Института также определило то, что на математическом факультете давали специальность “преподаватель информатики”. Я надеялся, что уж с этой специальностью смогу найти себе работу вне школы. Сейчас я понимаю, что учился в вузе, который отстал от своего времени лет на 10–15, причём и в хорошем и в плохом смысле. В моём вузе осталось очень многое из наследия качественного советского образования. Пожилые преподаватели работали на совесть, студентов-платников практически не было, отчисляли неуспевающих нещадно, о взятках мы даже ничего и не слышали. В итоге вуз давал качественные теоретические знания. Эти знания открывали выпускнику хорошие перспективы для работы в образовании или науке, но оказывались совершенно бесполезны в других, даже смежных сферах. Например, профессиональным программистом среднестатистический выпускник физмата работать не мог – квалификация не позволяла. Эти рамки, отчасти, определили моё педагогическое будущее. Ещё одним фактором была необходимость избежать армии. Мне совсем не хотелось терять два года жизни, а учёба в аспирантуре представлялась хорошей возможностью “откосить”. Надеюсь, что безысходность как путь в социологию – это не типичная история социологов моего поколения?

Пока не ясно, причем здесь аспирантура по социологии? Вам в институте читали социологию? Откуда Вы узнали о существовании такой науки (я, как Вам писал, – тоже математик по базовому образованию, по-моему, я такого слова даже не знал). И потом Вы могли с тем же успехом искать аспирантуру по экономике, информатике, педагогике? Как вообще возникла социология?

Российская система высшего образования устроена таким образом, что преподавателю без учёной степени в ней делать просто нечего. Он постоянно будет находиться под угрозой увольнения. Такая политика привела к тому, что в нашем вузе уже не остаётся ассистентов – их “выживают”. Также наметилась устойчивая тенденция к уменьшению числа профессоров. Последние, дожив до 80 лет, почему-то начали умирать. Сейчас в университете остаются только доценты, которые защитив свои кандидатские диссертации, расслабились и успокоились. Поскольку я планировал работать в вузе, то нужно было писать диссертацию. Я обращался к разным профессорам, представителям разных направлений науки. Но одни, хотели работать со своими бывшими студентами, другие искали аспирантов только на платную форму обучения. Кто-то скептически относился к моему “провинциальному” образованию. В аспирантуру по математике я не стал поступать, потому, что мой институтский курс ориентировался совершенно на другие разделы. С информатикой тоже не получилось – мои знания были далеки от реальной практики. Ко мне проявляли интерес профессора различных технических направлений, которые нуждались в математической обработке результатов исследований и разработке соответствующих компьютерных программ. Но по контексту наших бесед было ясно, что мы с ними расстанемся, как только я решу их проблемы. Спустя год напрасных поисков, совершенно

случайно узнал, что есть возможность поступить в аспирантуру по социологии Тюменского государственного университета. Небольшой курс общей социологии нам в институте читали, поэтому некоторое представление об этой науке я имел. В беседе с моим будущим профессором Верой Владимировной Гаврилюк я, к своей радости, узнал, что диссертацию можно построить на стыке областей интересов информатики и социологии. Таким образом, я и попал в социологию. В своей кандидатской диссертации я исследовал феномен информационной культуры социального субъекта.

Вообще ситуация прихода в социологию “иностранцев”, типа математиков или “технарей”, в России – это обычное дело. Часто такие люди попадают в аспирантуру, потому, что умеют составлять компьютерные программы или разрабатывать математические модели, да так в этой науке и остаются. Конечно, социологи со специальным образованием обладают широким социологическим кругозором, но им не хватает “алгоритмизации мышления”. В то же время “социологов-математиков” рецензенты всегда хвалят за логичность и последовательность изложения материала. Может быть поэтому на кафедре социологии коллеги приняли меня доброжелательно.

Кстати, моё “провинциальное” образование помогло мне и ещё одному выпускнику ишимского физмата без труда поступить в аспирантуру на бюджетные места, выдержав достаточно большой конкурс. В то же время наши конкуренты с “правильным” образованием своими знаниями “не блеснули”.

Итак, Вы поступили в аспирантуру, к каком году это было? Определили тему кандидатского исследования. Работы каких российских и Западных социологов стали для вас основополагающими? Не испытывали ли Вы проблем с тем, чтобы найти необходимую литературу? Работали ли Вы в научных центрах Москвы, Петербурга, сибирских городов?

В аспирантуру я поступил в 2004 году. Свою научную деятельность начал, собственно, с изучения основ социологии. Читал учебники, вместе со студентами посещал лекции опытных педагогов. Самыми информативными и самыми полезными мне показались учебники социологии Н. Смелзера и Г. Е. Зборовского. Базой для моей диссертации стали работы таких исследователей информационного общества как Э. Тоффлер, Д. Белл, З. Бжежинский, А. Турен, Э. Гидденс, Дж. Нэсбит, И. Масуда. Большое влияние на меня оказали труды Ж. Т. Тощенко и Г. А. Ключарева, посвящённые изучению феномена функциональной неграмотности. С литературой проблем не было. Библиотеки тюменских университетов могли похвастаться солидным фондом, в городе функционировала современная областная библиотека. К тому же, во время моей учёбы в аспирантуре уже начала работать онлайн библиотека российских диссертаций, мне не нужно было ехать в Москву, чтобы поработать в Ленинской библиотеке.

В научных центрах я никогда не работал. Как и большинство моих коллег, я зарабатываю на жизнь преподаванием. Наукой занимаюсь в свободное от работы время. Несколько раз меня приглашали в исследовательские группы для подачи заявок на гранты. Но такие группы функционировали только на период разработки заявки или (если выигрывали грант) на период работы над общим проектом.

Вы отмечаете: «В своей кандидатской диссертации я исследовал феномен информационной культуры социального субъекта». Пожалуйста, поясните, в чем Вы видели проблему Вашего исследования, что удалось показать.

Научная проблема состояла в следующем противоречии: в условиях перехода к информационному обществу возрастают требования к социальной и профессиональной компетенции социального субъекта, но при этом уровень функциональной грамотности значительного числа россиян снижается. В диссертации я исследовал роль информационной культуры как компонента функциональной грамотности. Изучив стратегии поведения представителей различных социально-демографических групп в ситуации нехватки актуальных знаний, я доказал, что знания и умения, необходимые для работы с информацией, сегодня входят в минимум знаний, необходимых для полноценного выполнения индивидом своих профессиональных и социальных функций. Высокий уровень информационной культуры необходим для поддержания социальной и профессиональной компетентности индивида на уровне, соответствующем современным стандартам функциональной грамотности.

Очень интересно, выстраиваются, как и должно быть в историческом исследовании, «сети»; в рамках моего Проекта я провел и опубликовал интервью с Ж. Т. Тощенко и Г. Е. Зборовским, только что закончил беседу с Г. А. Ключаревым. Пожалуйста, расскажите об эмпирической базе Вашего диссертационного исследования, как Вы ее создавали...

В качестве эмпирической базы выступали данные анкетных опросов, четырёх категорий респондентов: школьников, студенческой молодёжи, лиц в возрасте трудовой активности и пенсионеров. При классификации респондентов я отталкивался не столько от их возраста, сколько от ведущего вида деятельности. Я пытался соотнести степень сложности информационной ситуации, в которой находился респондент с эффективностью действий, которые он предпринимал для адаптации к изменяющейся информационной среде. Исследуя информационную культуру пожилых, я впервые узнал о присутствии в современном обществе проблемы образования представителей старшего поколения. Данная проблема меня заинтересовала и, сразу же после защиты кандидатской, я сосредоточился на новом направлении исследования. Кстати, у Г. А. Ключарева я имел удовольствие брать интервью как у эксперта в области геронтообразования.

Вы указали ряд зарубежных авторов, по которым Вы осваивали проблематику информационного общества, знаете, что на Западе уже многие годы изучают разные формы воздействия информационной культуры различные социальные образования, не пытались ли Вы найти возможность поучиться в каких-либо зарубежных университетах, ведь там много программ различной продолжительности? Сейчас это не столь уж сложно...

Конечно, поучиться в хорошем зарубежном университете или образовательном центре было бы здорово. Можно было бы изучить методы и подходы к исследованию информационной культуры, которыми пользуются зарубежные коллеги. Я бы мог провести опросы зарубежных респондентов, аналогичные тем, которые я проводил в России и потом сопоставить результаты, определить национальные факторы формирования информационной культуры личности. С боль-

шим интересом я изучил бы зарубежный опыт образования взрослого населения. То есть для моего исследования и для моего профессионального становления такая заграникомандировка была бы, определённо, полезной. Да и просто посетить уроки опытных зарубежных социологов, имеющих большой практический опыт, было бы интересно. Но на каждое “бы”, есть своё “но”.

Во-первых, такой насущной необходимости у меня не было. Информации хватало, в том числе и книг иностранных авторов.

Во-вторых, на кафедре социологии я и так был в положении “выскочки”. Я неизвестно откуда появился, имел наглость поступить на дефицитное бюджетное место в аспирантуру, без проблем получил работу и койку в общежитии. Если бы я ещё попробовал выбить заграничную стажировку.... думаю, нашлось бы много людей, которые объяснили мне, что я и так имею больше, чем мне причитается. Я бы настроил против себя всю кафедру.

В-третьих, тогда, как и сейчас, любой российский учёный, пишущий кандидатскую или докторскую диссертацию, стремиться завершить работу как можно скорее, пока ВАК не ужесточил требования. Уехать на несколько месяцев за границу значило бы потерять драгоценное время.

В-четвёртых, возникли бы языковые проблемы. Я имел хорошие оценки по иностранному языку в школе, вузе и аспирантуре, но лишь начав серьёзно изучать язык уже в тридцатилетнем возрасте, осознал всю ничтожность моих знаний. Думаю, что эта проблема типична для многих российских учёных и просто образованных людей. В школе и вузе нас учили только читать и переводить. В некоторых анкетах до сих пор на вопрос о знании языка можно выбрать пункт “перевожу со словарём”. Забавная оценка знания языка. Так любой человек может написать про любой язык. Как-то на отдыхе в Турции я познакомился с турком, который спросил меня, почему русские так плохо знают английский язык. С грустью и гордостью пришлось объяснить, что нас учили быть солдатами и рабочими, наша система образования не готовила людей к путешествиям по миру.

Ну и, наверное, самая главная причина заключается в том, что отправка аспирантов на стажировку за границу в моё время широко не практиковалась. Я за время учёбы в аспирантуре не припомню ни одного такого случая, хотя контактировал с ребятами, обучающимися по всем направлениям. Сейчас наши учёные (преподаватели вуза) иногда летают за границу для обмена опытом или на конференции. Некоторые отправляются на краткосрочное обучение по приглашению зарубежных образовательных центров. Ну и есть единичные случаи, когда учёный отправляется за рубеж по своей инициативе (сам договаривается с иностранными партнёрами, выбивает деньги из университета и т.д.). Но ещё раз подчеркну, что такие случаи крайне редки. Время от времени наш университетский департамент по международным связям запрашивает у нас пожелания на заграникомандировки. Но для чего он это делает, я не знаю. Мне ничего не известно о случаях, когда чьи-то конкретные пожелания были бы удовлетворены.

Да, понимаю, мне казалось, что теперь это проще, чем в 70-х – 80-х, наверное, проще было в 90-х... жаль, а что Вы скажете о возможности участия в региональных, межрегиональных конференция? Замечу, в Москве и Петербурге, очень часто проводятся школы, конференции с участием лучших отечественных специалистов и зарубежных ученых. Для Вас это тоже проблематично?

Если бы Вы спросили меня лет пять назад (до кризиса 2008 года), я описал бы Вам достаточно радужную картину. У всех подразделений университета (кафедр и институтов) были собственные бюджеты, в которых предусматривались значительные суммы на повышение квалификации сотрудников и на участие в конференциях (две отдельные статьи бюджета). Преподаватели, активно занимающиеся наукой, имели возможность ездить по стране, общаться с коллегами. Иногда в конце отчётного периода нас в авральном порядке отправляли на какую-нибудь конференцию или курсы, лишь бы все деньги были потрачены (иначе в следующем году бюджет урежут).

И, надо признаться, иногда выпадали интересные командировки. Так в 2008 году, я побывал в Москве на необычной конференции. Обычно соберутся несколько сотен социологов, поговорят каждый о своём. А участникам слушать выступления, не касающиеся их темы, скучно. Здесь же конференция была мультидисциплинарной, на неё приехали не только социологи, но и экономисты, демографы, медики, социальные работники, педагоги. И все учёные говорили об образовании пожилых, каждый с точки зрения своего направления. Было очень интересно.

Мне здорово повезло, что кандидатскую диссертацию я писал именно в этот “тепличный период”. Для научной работы я имел все необходимые условия.

Потом грянул кризис. Все бюджеты сократились во много раз (“оптимизировались”). Командировки стали редкими. Для повышения квалификации сотрудников начали направлять в основном на курсы, проводимые в рамках самого университета. Два года назад меня направили по федеральной программе в Санкт-Петербург. Университет должен был софинансировать мою поездку. Мне с огромным трудом удалось “наскрести” по разным подразделениям необходимую сумму. При этом я никак не мог понять логику происходящего. Зачем заставлять человека куда-то ехать, если даже денег на это нет?

Но, нужно сказать, что не всё так плохо, как может показаться. В нашем городе ежегодно организуется несколько конференций различного уровня. Мы имеем возможность в них участвовать. Кроме того, можно заочно участвовать в конференциях по всей России и “ближнему зарубежью”. Правда, бесплатных конференций сейчас практически не проводится, а оргвзнос иногда просят такой, что дешевле опубликоваться в журнале из списка ВАК.

Профессор Вера Владимировна Гаврилюк не только ввела Вас в социологию, под ее руководством Вы подготовили и защитили кандидатскую диссертацию. Что бы Вы могли сказать о работе с ней, о ее стиле общения? Кто еще из тюменских социологов оказал Вам помощь в профессиональном становлении?

Действительно, Вера Владимировна очень многим людям открыла дорогу в социологию и многих поддержала на этом пути. Если начало моей карьеры как социолога, по сути, является чередой случайностей и удач, то самая большая удача – это, конечно же, встреча с Верой Владимировной. Изначально я пришёл договариваться о поступлении в аспирантуру к другому профессору. Во время разговора на кафедру вошла Вера Владимировна и подключилась к нашей беседе. Выяснилось, что ей такой аспирант нужнее. Так я попал “под её крыло”. Сейчас я понимаю, что лучшего наставника у меня просто и быть не могло. Профессор Гаврилюк не только известный учёный, но и педагог с большими и успешным

опытом научного руководства аспирантами. Стиль работы Веры Владимировны с молодёжью отличается демократичностью. Она никогда не давит на своих подопечных, не навязывает свою позицию, а лишь, направляет, давая тем самым возможность для развития и роста. Даже направление и тему исследования аспиранты профессора Гаврилюк определяют сами. Нас с Верой Владимировной объединяла не только наука, но и профессиональная деятельность. Более пяти лет она была моим непосредственным начальником. Но Вера Владимировна как руководитель – это тема отдельного большого интервью. Среди всех её качеств как учёного, педагога и управленца я бы особо выделил умение “слушать и слышать” собеседника. Этого качества, по моему, сегодня очень не хватает как учителям, так и людям, наделённым властью. Мы продолжаем сотрудничество с Верой Владимировной в научной сфере. Вот уже более восьми лет она “на общественных началах” консультирует меня по докторской диссертации. Объективно, если бы не встреча профессором Верой Владимировной Гаврилюк, я не знаю, как бы сложился мой путь в социологической науке.

Что касается помощи других тюменских социологов, то помогали многие. Кто-то позволял посещать свои лекции, кто-то давал совет или конструктивно критиковал. Некоторые поддерживали добрыми словами или просто человеческим отношением. Но называть одного или пятерых мне бы не хотелось, чтобы не обидеть остальных.

Вы написали мне, что постепенно вырисовывается направление Вашего докторского исследования феномен геронтообразования в РФ, его сущность, социальную роль, перспективы и т.д. не могли бы Вы развернуть сказанное, в чем суть Вашего поиска, какова мера изученности этого феномена, как, пусть в общих чертах видится методология этого исследования, что может составить его эмпирическую базу?

Вот уже восемь лет я изучаю феномен геронтообразования в России; опубликовал две монографии и больше 50-ти статей. Под пожилым возрастом, для определённости, я понимаю возраст “60+”. Хотя, конечно же, определение границ и критериев старости – это тема отдельного долгого разговора. В настоящее время социология не часто обращается к проблемам пожилых людей. Исследователей интересует в основном молодёжь. Невысокий интерес учёных к данной проблематике вполне объясним, он отражает общее отношение общества к старикам. В массовом сознании пожилые люди – это “социальный балласт”, иждивенцы, которые исчерпали свой трудовой и репродуктивный ресурс. Но на самом деле всё не совсем так. Сегодня увеличивается средняя продолжительность жизни и возраст “дожития”. Отмечаются тенденции улучшения здоровья и материального благосостояния пожилых людей. Среди представителей старшего поколения появляется всё больше граждан, которые могут и хотят жить, а не доживать. Они сохраняют высокий уровень социальной активности и остаточной трудоспособности. Я уверен, что эти люди могут из иждивенцев превратиться в значимый экономический, социальный, культурный и др. ресурс развития общества. При условии, конечно, что для этого будут созданы определённые условия. Одним из таких условий, по моему мнению, является

доступ к актуальному образованию. К, сожалению, многие мои коллеги не воспринимают идею образования стариков всерьёз. Эта идея кажется им несколько экзотичной и несвоевременной.

Сам феномен геронтообразования, как и различные его аспекты, пока мало изучен. В России, социологов, обращающихся к его исследованию, можно пересчитать по пальцам (Т. М. Кононыгина, М. Э. Елютина, Э. Е. Чеканова и др.). В то же время актуальность проблемы образования пожилых граждан в нашей стране и мире повышается. В условиях демографического старения характеристики возрастающей социально-демографической группы геронтов, в силу простых статистических законов, становятся характеристиками всего социума. Если старики в обществе полуграмотны, то такое общество неизбежно деградирует. Развития культуры, науки или экономического роста в таком обществе скоро не будет, даже если сейчас всё кажется благополучным.

За время работы над темой я провёл ряд исследований:

- Изучил зарубежный и отечественный опыт реализации образовательных программ для старшего поколения. В России мною была проанализирована деятельность 104 специализированных учреждений.

- Опросил более 200 экспертов в области геронтообразования (социологов, врачей, социальных работников, управленцев, экономистов и т. д.). Опрос проводился различными способами. Иногда это была личная беседа, иногда через электронную почту.

- Провёл анкетирование участников проектов геронтообразования (700 человек из 9 городов РФ).

Сопоставив воедино результаты всех исследований, я осознал, что картина получается неполной. Пришлось опросить контрольную группу респондентов — пожилых людей, не участвующих в программах геронтообразования. Финальным аккордом стала серия глубинных интервью с 20-ю пожилыми учащимися.

Большое место в моём исследовании отводилось включённому наблюдению. На протяжении нескольких лет я работал в качестве преподавателя в нескольких образовательных проектах для представителей старшего поколения. Именно наблюдение дало мне массу интересной информации, которую другим способом получить было бы просто невозможно.

Мне хотелось бы верить, что написание докторской приближается к своему логическому завершению. Сейчас работа находится на стадии обсуждения, критики, доработки и переработки.

Уверен, что США — не на первом месте в мире по образовательным программам для «синьоров», так в стране называют пожилых; думаю, что в ряде европейских странах ситуация лучше. Тем не менее, замечу, я окончил американский колледж и получил степень в 58 лет. Мое появление в аудиториях никого, в том числе и меня, не смущало, там были мои ровесники и люди постарше. Как Вам в целом видится система образования для взрослых, пожилых в России?

Да, Вы абсолютно правы. В Европе или Китае программ геронтообразования реализуется больше чем в Америке, но США тоже находится далеко не последнем месте. По некоторым источникам, практики образования пожилых граждан впервые начали реализовываться именно в Соединённых Штатах (как форма досуга

обеспеченных американцев). Насколько мне известно, сегодня в США образование в различных формах получает каждый третий гражданин старше 50 лет.

В России каких-то юридических ограничений для участия взрослого населения в программах формального образования нет. Но присутствие в аудиториях представителей разных поколений – это большая редкость (имеется в виду очное обучение). Взрослые россияне предпочитают учиться заочно. Основной причиной такого выбора мне представляется необходимость получить образование без отрыва от профессиональной деятельности. Среди заочников иногда встречаются и студенты в возрасте “за пятьдесят”, но в основном это люди тридцати-сорока лет. Конечно, качество заочного образования ниже, чем очного. Раньше в дипломах даже была пометка о том, что студент учился заочно. Но, фактически, получить качественное образование студент может и в заочной форме, если сам этого захочет. Тем более, что многие заочники уже работают по профессии, практические аспекты своей работы они знают лучше педагогов. Им нужен только диплом. У взрослых россиян также есть возможность получения дополнительных образовательных услуг в различных образовательных центрах. Посредством интернет технологий, в России реализуются и дистанционные образовательные программы. В принципе, в нашей стране существуют хорошие условия для обучения взрослыми людьми формального и неформального образования.

Системы образования пожилых в нашей стране пока нет и в ближайшем будущем она вряд ли появится. Да и вообще, я не уверен, что в России нужна система образования геронтов, аналогичная той, что существует для людей среднего возраста. Конечно, развивать геронтообразование нужно и государственная поддержка очень бы в этом помогла. Например, государственные гранты для учреждений или налоговые льготы для спонсоров были бы весьма кстати. Но практика показывает, что в РФ выживают и успешно работают те образовательные учреждения для старшего поколения, которые создаются не на “пустом месте”, а на базе образовательных и культурных центров, а также учреждений социальной защиты населения. Я думаю, что и геронтообразование в масштабах страны будет успешно развиваться, если стратегия его развития окажется связанной не с созданием чего-то принципиально нового, а с поиском ниши в уже существующих организациях и институтах. Практическая реализация такой стратегии будет во многом зависеть от восприятия обществом сущности образования старшего поколения. Если обучение геронтов будет восприниматься как инструмент решения актуальных социально-экономических проблем или инвестиции в человеческий капитал, то в качестве базы для развития геронтообразования целесообразно использовать учреждения формального образования (вузы, центры повышения квалификации и т. д.). Здесь, помимо прочих, могли бы быть реализованы программы профессиональной подготовки представителей старшего поколения. Уже сегодня специалисты служб занятости констатируют, что возможности трудоустройства пожилых граждан могли бы быть существенно расширены, при условии появления программ профессиональной переквалификации, учитывающих специфику пожилого возраста. Если геронтообразование будет восприниматься обществом и государством преимущественно как направление социальной работы, то наиболее подходящим пространством для реализации специализированных образовательных проектов окажутся учреждения социальной защиты населения, а также культурные центры (например,

библиотеки). Очевидно, что цели функционирования проектов в данном случае будут связаны с организацией досуга пожилых людей, оказании им помощи в преодолении различных жизненных трудностей.

Лично у меня нет никаких сомнений в том, что геронтообразование в нашей стране в ближайшем будущем будет активно развиваться в той или иной форме. Вопрос в том, сможет ли общество по достоинству оценить и рационально воспользоваться его потенциалом.

Вы несколько раз упоминали о своей преподавательской деятельности. Как она развивалась, что Вы преподаете сейчас?

Свою преподавательскую деятельность я начал в 19 лет, будучи ещё студентом. Мне доверили вести кружок программирования в лицее, который я незадолго до этого окончил. Для меня это была возможность развиваться как профессионалу и зарекомендовать себя. Уверен, что и то и другое мне удалось. Мои подопечные с успехом выступали на олимпиадах различного уровня. После окончания обучения меня пригласили на преподавательскую работу сразу в три вуза. Выбрал Тюменский государственный нефтегазовый университет, поскольку предполагал, что здесь у меня будут хорошие условия для поступления в аспирантуру и работы над диссертацией. Год пришлось проработать на кафедре высшей математики в поисках места в аспирантуре. Поступить удалось в аспирантуру другого вуза – Тюменского государственного университета. С этого момента начинается моя карьера как преподавателя социологии. Думаю, что мой заведующий кафедрой (она же научный руководитель) дала мне, таким образом, не только возможность зарабатывать на жизнь, но и “методом погружения” освоить малознакомую науку. Спустя год я вернулся в Нефтегазовый университет. В 2006 году В. В. Гаврилюк пригласили в этот вуз, чтобы открыть кафедру социологии, и несколько её учеников последовали за ней; и что принципиально, кафедру предстояло открыть в инженерном вузе. Первое время после открытия кафедра активно развивалась, у нас было много студентов и работы. Я преподавал дисциплины: “Социология” и “Социология религии”. Основная масса студентов в то время поступала к нам “по зову сердца”, с ними было легко и интересно работать.

Потом в стране начались изменения, связанные с переориентацией системы образования на “инженерные рельсы”. На нашу специальность перестали давать бюджетные места. Те, кто приходил теперь получать профессию социолога, были далеко не самыми лучшими студентами. В основном это были троечники и двоечники, которые надеялся получить высшее образование, идя по пути “наименьшего сопротивления”. Я вообще считаю странным деление учащихся на “гуманитариев” и “технарей” в зависимости от их способностей. Во-первых, гуманитарные науки – это науки об обществе и человеке, а не науки, не требующие знания математики. Во-вторых, мне как-то с трудом вериться, что на свете существует студент, который по истории, иностранному языку, социологии и философии имеет пятёрки, а по математике – двойку. Разумнее делить студентов на “способных к учёбе” и “условно способных к учёбе”. Так вот те студенты, которые к нам стали приходиться, были гуманитариями в самом плохом смысле этого слова. Работать с ними было чрезвычайно тяжело. Вдобавок ко всему дисциплина “социология” исчезла почти из всех новых программ подготовки

инженеров-бакалавров. На нашей кафедре стал ощущаться дефицит нагрузки. Те, кто мог, искали работу на других кафедрах. Я вернулся на кафедру математики сначала на половину ставки, затем моё присутствие здесь всё увеличивалось. Уже несколько лет я не преподаю социологию. Сейчас специализируюсь на преподавании информатики, программирования и математической логики. И я не один оказался в такой ситуации. Коллеги с учёными степенями по медицине устроились на кафедру физкультуры. Один из наших преподавателей, кандидат богословских наук, который в будни преподавал философию и религиоведение, а по выходным одевал рясу и шёл просвещать детей в церковную школу, сейчас работает на кафедре физики. Ему неожиданно пригодились первое образование.

На моей математической кафедре в настоящее время работает около 10 человек с учёными степенями по социологии. Но, в отличие от меня, в их трудовой биографии не было “рокировок” со сменой профиля педагогической деятельности. Они всегда преподавали математику. Такая ситуация во многом объясняется тем, что заведующий кафедрой Олег Михайлович Барбаков сам является доктором социологических наук. Он активно поддерживает развитие социологии в нашем инженерном вузе. Помогая своим аспирантам-математикам с определением направления исследования, Олег Михайлович часто пытается найти тему на стыке математики и социологической науки.

Учить студентов-инженеров приятно и интересно. Может быть оттого, что группы на 100% заполняются бюджетниками. К нам приезжают толковые ребята со всей России и “ближнего зарубежья”.

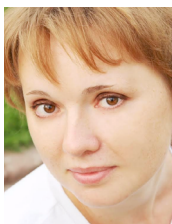
В общем, в нашей стране закончилось “время лириков” и пришло “время физиков”. Хотя... социологи в России никогда “лириками чистой воды” и не были.

Ох, если бы? Толковых молодых людей – хоть лириков, хоть физиков – немало, но они почти не востребованы. Возможно, в Сибири ситуация лучше, но в европейской части страны среди молодежи довлеет пессимизм относительно будущего. Как Вам видится ближайшее будущее Ваших студентов?

Будущее это весьма туманно. Найти работу, пробиться в жизни без денег и связей будет тяжело, даже толковым ребятам с хорошим образованием. Это капитализм. Кто-то из сатириков очень метко пошутил, что люди, выросшие СССР, теперь понимают, что всё то, что им говорили про коммунизм – это неправда, а всё, что рассказывали про капитализм – правда. Я заметил, что первокурсники, как правило, описывают своё профессиональное будущее в ярких красках. Никаких сомнений в удачном трудоустройстве. Для старшекурсников, напротив, характерен пессимизм, разочарование в полученном образовании и скептические прогнозы относительно перспектив трудоустройства. Возможно, это связано с тем, что многие к этому времени уже пытались найти себе подработку. Статистика говорит, что 70% россиян работает не по специальности. И в этой связи не очень понятен смысл перехода нашего образования от специалитета к бакалавриату. В сложившихся условиях нужно за время обучения в вузе давать студенту как можно больше практических знаний из разных областей, обучать не одной, а нескольким профессиям. Такой подход повышает шансы выпускника на трудоустройство. На деле же всё происходит “с точностью до наоборот”. В российском профессиональном образовании установилась тенден-

ция на подготовку узких специалистов. В частности, мне как социологу с одной стороны и преподавателю инженерного вуза с другой, обидно, что инженеров теперь не обучают основам социологии. Социологические знания пригодились бы любому руководителю, да и просто офисному работнику. Например, для составления каких-либо отчётов, построения прогнозов и т. д.

Ну, тут ничего не поделаешь. В своё время мы тоже как-то пробивались, работали и учились, чем-то жертвовали, от чего-то отказывались... Это нормальный путь профессионального становления, взросления человека и обретения им самостоятельности. Пробьются и наши ученики.

Интервью с Ириной Владимировной ТРОЦУК

«В “ТЕКСТАХ” Я ОЩУЩАЮ СЕБЯ МАКСИМАЛЬНО КОМФОРТНО»

Троцук И. В. — окончила магистратуру факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (РУДН) по направлению «Социология» (2003), кандидат социологических наук (2005), доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации.

Основные области исследования: методология и методика социологических исследований, методы работы с текстовыми (неформализованными) данными, качественные методики социологического исследования.

Интервью состоялось: октябрь-декабрь 2014 г.

В интервью о своей жизни, своем профессиональном становлении Ирина Владимировна Троцук отмечает «ошеломляющее воздействие» на нее Галины Галеевны Татаровой. Мне это очень радостно, и поскольку я называю вводки в интервью моей «зоной свободы», это — возможность самому распоряжаться содержанием и формой такого небольшого функционального текста, то напишу это введение в виде письма профессору Г. Г. Татаровой.

Дорогая Галя, мне не надо гадать, Ира написала, что она родилась в 1978 году. Ты представляешь, мы знали друг друга до ее рождения; это сколько же лет мы в социологии? Ты обязательно прочти мою беседу с Ирой, можно предположить, и из ее слов о тебе, и из ее характера, который обнаруживается в ее рассказе, что она будет помнить тебя *всегда*.

Что это означает? Если все будет хорошо, и наши младшие коллеги будут с интересом и пользой работать в социологии так долго, как наши учителя, то Ирина будет работать еще четыре десятилетия или дольше, т.е. захватит начало второй половины этого века. По моей 12-летней типологии поколений советских / российских социологов, она принадлежит к младшей страте шестого поколения (родившиеся в интервале 1971–1982 гг.). Легко прикинуть: годы рождения социологов седьмого поколения — 1983–1994 (их я уже начал интервьюировать); восьмое поколение — 1995–2006 гг.; девятое — 2007–2018 гг.; десятое — 2019–2030 гг.; одиннадцатое — 2031–2044 гг. Сама можешь продолжить этот ряд.

Из приведенных рассуждений следует, что Ира Троцук, вернее — Ирина Владимировна Троцук, будет обучать даже социологов 11-го поколения... во многом сохраняя тот дух преподавания, ту атмосферу общения со студентами, который ты ей продемонстрировала.

Вот, Галя, что такое *преемственность* в науке.

Сил тебе, куража и таких учеников, как Ира!

Троцук И. В. : «В “текстах” я ощущаю себя максимально комфортно»

Ира, Вы москвичка по рождению? Пожалуйста, расскажите о Вашей семье, насколько глубоко (далеко) Вы знаете ее историю?

Нет, я не москвичка по рождению. Я переехала в Москву в сознательном возрасте — в 15 лет, в 1993 году, но чувствую себя москвичкой: здесь у моей родительской семьи впервые появился свой дом, своя квартира, и я знала, что это надолго, навсегда, что здесь я не буду чувствовать себя чужой и временной.

Родилась я в самой обычной семье двух советских инженеров (гражданской авиации и линий электропередач) в городе Баку в 1978 году. Родители моего отца перебрались в Баку еще до его рождения. Дедушка почти всю жизнь проработал в бакинской воинской части прапорщиком. Его родных выслали с Полтавщины в Омскую область, где он и родился, пошел в армию, попал в Баку, где остался на сверхсрочную и до пенсии работал в части прапорщиком. Сколько я себя помню, дедушка занимался вопросами снабжения какой-то воинской части, а бабушка работала швеей в интернате в центре города. Бабушка родилась где-то под Иваново, по набору попала в Баку, где встретила дедушку и вышла за него замуж.

В семье отца было двое сыновей, но между мальчишками была большая разница в возрасте, поэтому особенно близких отношений между ними не сложилось. Мой дядя, младший брат отца, поступил в Рязанское военное училище, после окончания которого несколько лет служил в Германии. Его возвращение пришлось на годы распада Советского Союза, поэтому накопленные к тому моменту связи и материальные возможности были использованы для переезда в Рязань, где он со своей второй семье проживает до сих пор.

По отцовской линии я не знала других родственников, кроме бабушки и дедушки. По моим воспоминаниям, они вели достаточно тихий и замкнутый образ жизни, чаще всего общались только с соседями, изредка выезжали к родственникам бабушки под Иваново, а чтобы кто-то из родственников приезжал к нам я не помню. Смутные детские воспоминания рисуют мне образ очень высокого сухого старика с одним глазом, который был то ли моим прадедушкой, то ли дядей моего дедушки из Троцуков, который пару раз приезжал в Баку. На Украине у нас родни не было, поэтому когда мой отец поступил в институт гражданской авиации в Киеве, то жил на квартире не у родственников — просто снимал комнату. Как это иногда случается, люди оказались настолько душевными, что даже после окончания вуза и возвращения в Баку отец несколько раз ездил к ним в гости, захватывая меня с собой.

У родителей отца не сложились отношения с моей мамой, поэтому мы не особенно близко с ними общались, хотя и жили вместе в одной трехкомнатной квартире до отъезда моих родителей в длительную командировку в Тегеран примерно в 1988—1989 году. После переезда младшего сына в Рязань они тоже решили перебраться из Баку в Россию: после вынужденного отъезда почти всех армян из города с началом карабахского конфликта и потянувшихся за

ними и даже раньше в эмиграцию евреев русские жители, с грустью отмечая, как необратимо меняется облик города, старались тоже перебраться к «своим». Однако мои бабушка с дедушкой по непонятным для нас до сих пор причинам переехали сначала в Белгород, видимо, по совету знакомых, промыкались там несколько лет, почувствовали все тяготы жизни двух пожилых людей вдали от детей в совершенно чужом городе, начали болеть и перебрались в Рязань, где и доживали остаток жизни.

Семья моей мамы была совершенно иной по характеру и стилю жизни. Я очень плохо помню свою бабушку Лелю — она рано умерла. По мнению моей мамы, в силу малолетства я просто не могу помнить те несколько моментов, которые до сих пор ярко стоят у меня перед глазами, хотя память у меня отвратительная, — какие-то всполохи воспоминаний, связанные с бабушкой и странным вареньем из помидоров, которое бабушка вроде бы даже не варила. Мой дедушка Коля был моряком, окончил морское училище, с началом Отечественной войны ушел на фронт, но был почти сразу ранен, поэтому, как шутили в семье, поговорить не успел. Всю жизнь он провел в плаваниях по Каспию на малых каботажных судах, уходя на пенсию, как мне кажется, в ранге капитана малого плавания. Я отчетливо помню его возвращения из плаваний не образами, а невообразимой гаммой необычных запахов, которую перебивал соленый вкус моря и табачного дыма. Как и почему он попал в Баку, я не знаю. В семье помнят, что родом он был из Курской области, а его сестра жила в Гудермесе.

Бабушка не работала, воспитывала троих детей, была невообразимо талантлива в кулинарии, по страшной бедности обшивала всех детей, а все свободное время тратила на составление библиотеки — ее страсть к книгам передалась моему дяде и, как кажется моим близким, и мне. Дома читали все и запоем, вся квартира была заставлена книгами, многие приобретались (обменивались на макулатуру) сразу в нескольких экземплярах, чтобы у каждого из трех детей в семье был свой. В доме часто собирались гости, друзья всех членов семьи и соседи. Бабушка с дедушкой были феноменально добрыми и безотказными людьми, свято верили в необходимость для своих детей получить высшее образование.

По семейной легенде после Первой мировой войны моя прабабушка, пытаясь найти пропавшего без вести мужа, почему-то в своих поисках добралась до Баку, где надежда ее оставила, она решила прекратить поиски и осталась в Баку со своей дочерью — моей бабушкой Лелей. Ничего, кроме того что родом моя прабабушка была с Поволжья, семейная память не сохранила. Единственный контекст, в рамках которого в семье иногда обсуждались родственные связи, — полужутливое выяснение, насколько я по происхождению украинка. По материнской линии в роду были только русские, отец был наполовину русский, т.е. я на четвертинку украинка, но никаких иных связей с украинским происхождением, кроме фамилии, в семье не осталось: мы жили в Азербайджане, поэтому и мы себя, и окружающие нас идентифицировали исключительно по языку, и все члены моей семьи всегда считали себя русскими.

Сейчас в Баку у нас никого не осталось: мой дядя по маме умер очень рано, в 40 лет, мой дедушка, его отец, пережил его на несколько лет. После смерти бабушки он женился вновь и переехал в Камышин. Моя тетя вышла замуж в Баку, но очень скоро у ее мужа умерла мама, и они переехали к его отцу в Ардон, в Северную Осетию, где я прожила полтора года — меня вывезли из Баку в разгар

карабахского конфликта, когда родители находились в командировке в Тегеране. Затем меня забрали в Тегеран, где я прожила с родителями два года, а из Тегерана мы переехали в Москву с помощью коллег отца по работе в Аэрофлоте. Родители были уверены, что здесь у меня больше шансов на счастливую жизнь, чем в Баку, который перестал быть тем многонациональным городом, где прошла их молодость и первые одиннадцать лет моей жизни.

15 лет, похоже – 8-ой класс... как, чем Вас встретила новая школа? Было сложно вписаться в новую жизнь?

Это был десятый класс, я заканчивала одиннадцатилетку, хотя в итоге отучилась десять лет: в тот период российская школа переходила на обучение в одиннадцать лет, поэтому из третьего класса дети переходили сразу в пятый, чтобы в итоге получить аттестат об окончании одиннадцатилетки. Несмотря на то, что московская школа была моей четвертой по счету, большего ужаса, чем в первый мой день в ней, я прежде не испытывала, и до сих пор помню, как меня охватил ледяной озноб, тряслись руки и дрожал голос. Но тут, видимо, нужно сделать отступление и объяснить, почему в достаточно зрелом возрасте и после смены трех разных школ я испытывала столь сильные негативные эмоции.

Свою первую школу, двадцатую, в городе Баку я любила всем сердцем. У нас был очень дружный класс, настолько дружный, что наши мальчишки ходили драться с мальчишками из другого класса, когда с началом карабахского конфликта кто-то из них ударил нашу одноклассницу просто за то, что она была наполовину армянкой. Когда мои родители уезжали в длительную командировку в Тегеран, мне было примерно одиннадцать лет, и я категорически отказалась бросать свою любимую школу и уезжать с ними. Бабушка с дедушкой согласились за мной присмотреть, и до начала карабахского конфликта и армянских погромов в Баку жизнь моя в связи с отъездом родителей почти не изменилась. Но когда многие из моих одноклассников вместе с родителями резко уехали из Баку, в город ввели войска, занятия отменили, мы пару месяцев вместо уроков весело лазали по БТРах, по ночам начали стрелять, дома мы закладывали окна подушками, потом школу заполнили ребята из отдаленных районов, которые почти не говорили по-русски и некрасиво к нам приставали, я согласилась, чтобы меня в середине учебного года, зимой, перевезли к тете в Северную Осетию.

Идти в школу в Ардоне в первый раз мне было страшно, но на фоне всего произошедшего в Баку, очень бедной, почти впроголодь жизни у тети и какого-то безумного по бакинским меркам зимнего холода – приходя утром в школу, я не могла писать отмороженными пальцами, проблемы адаптации к новой школе отошли на второй план. Ребята там были дружелюбные, я со многими сразу подружилась, уровень подготовки у меня был настолько высоким по местным меркам, что я сразу стала круглой отличницей, а мое появление в середине года мало кого удивило, потому что в городе было много беженцев из Южной Осетии, и ребята привыкли к тому, что в школе в разных классах в разное время появлялись новые ребята. В этой школе я проучилась полтора года, после чего мои родители, устав постоянно летать в Россию и обратно, чтобы меня забрать, привезти или повидать, решили, что с них хватит и устроили меня в школу в Тегеране.

Вот здесь мне пришлось тяжело. У меня был неплохой английский, но идти учиться в бывшую американскую школу, где абсолютно все предметы велись на английском, да еще и школа была только для девочек, мне казалось невообразимо несправедливым и ужасным событием в моей жизни. Утешало только два обстоятельства: во-первых, все лето английским со мной занимался папа, и я сама старательно зубрила слова и читала кучу старых советских учебников; во-вторых, в школу было определено еще несколько девочек из посольства, вместе с которыми мы ездили в школу на такси. Школа оказалась очень милой, девчонки были со всех стран земного шара – у многих родители работали в посольствах или в частных компаниях, одну девочку из Сербии родители отправили к дяде, работавшему в Тегеране, почти по тем же причинам, почему меня перевезли из Баку в Осетию, больше всех нас забавляла Мишель, родившаяся и выросшая в Америке в семье выходцев из Ирана, которую родители отправили в Тегеран к бабушке для «перевоспитания» в духе исламских традиций. Так что школа встретила меня хорошо, и единственный нервный срыв у меня здесь случился лишь потому, что я надеялась на спокойные несколько месяцев обучения английскому языку, но не задалось. Всех новичков в школе сначала определяли в так называемый «термик», где, независимо от возраста, все сидели в одном помещении и учили английский язык. Как только ребенок достигал уровня, хоть как-то достаточного для обучения по школьной программе, его мгновенно отправляли в обычный класс по возрасту. Меня отправили в обычный класс на второй день, в связи с чем у меня дома случилась недолгая, но очень горькая и искренняя истерика, невероятно повеселившая мою маму. Потом все шло весьма неплохо, хотя, конечно, просто мучительно было учить два предмета: что-то типа этики (мы читали переводы сур и трактований Корана) и очень странный комплекс из химии, биологии и физики в одном предмете.

В Москве мое шоковое состояние при поступлении в школу длилось достаточно долго по целому ряду причин. Во-первых, в школу меня удалось пристроить только в октябре, т.е. я пропустила целый месяц занятий, что мне казалось каким-то непростительным проступком. Но мы очень долго решали вопросы с продажей квартиры в Баку, покупкой квартиры в Москве, оформлением гражданства и нахождением школы, где был бы «нормальный» английский (в нескольких ближних к дому школах вообще не было преподавателей английского языка). Во-вторых, в Тегеране я училась по американской системе двенадцатилетнего школьного образования, что не было указано в моих документах, согласно которым я просто закончила девятый класс. Поэтому на просьбу родителей определить меня в девятый класс московской школы директриса ответила отказом: ей было проще сослаться на документы об окончании девяти классов и определить меня в десятый класс, чем обосновывать для высших инстанций необходимость вновь отправить меня в девятый класс. В итоге я пропустила программу целого года, которую нагнала по всем предметам, кроме математики (тригонометрии и геометрии). Здесь меня спасло от сплошных двоек только то, что учитель математики был завучем: с алгеброй я как-то справлялась, потому что в десятом классе пошли новые темы, а вот совершенно непонятная геометрия случалась пару раз за четверть, и я как-то умудрялась получать по контрольной раз в четверть, на основе которой и выставлялись оценки, четверку. В-третьих, в первый же мой день в школе меня посадила к себе девочка, которая очень

хотела прекратить общаться со своей бывшей подругой. Это очень усложнило мои отношения с ее бывшей подругой, но я обрела своеобразного попечителя, благодаря чему два года в школе прошли вполне неплохо.

Что касается вписывания в новую жизнь в Москве, то было сложно, интересно и хорошо одновременно. Я прекрасно отдаю себе отчет, что вряд ли мою жизнь в Баку и Тегеране можно охарактеризовать как отмеченную модным сегодня понятием «стигма инаковости», но в значительной степени это было так и очень часто проявлялось/ощущалось. В новой московской жизни было много сложностей, обид и огорчений, но в то же время и масса приятных хлопот по обустройству, новых открытий и возможностей, а главное — ощущение себя на своем месте.

Похоже, Ира, Вы оканчивали школу с принципиально БОльшим житейским, социальным опытом, чем ваши ровесники, одноклассники. Вы это ощущали? Итак, Аттестат зрелости на руках... какие были планы? Что удалось реализовать?

Я очень явственно ощущала недостаток житейского опыта, потому что тот, что у меня имелся, совершенно не соответствовал новым обстоятельствам. Я почти не ориентировалась в городе, меня пугало огромное количество абсолютно безразличных друг к другу людей везде. Я поражалась манере своих одноклассников спокойно относиться ко всему, что вызывало у меня страшные душевные страдания: к заслуженным и незаслуженным двойкам, к школьным мутно-навязчивым официозным мероприятиям, к поразительно разным типажам преподавателей и школьников — по материальным возможностям, поведенческим замашкам, привычкам, взрослости, распушенности. Особенно меня выводила из равновесия манера учителей постоянно переходить на личности в негативном ключе (скажем, наш классный руководитель иногда морщился и говорил, какое отвращение у нее вызывают зевающие ученики), что мне было удивительно и крайне непривычно. У школьников меня поражала манера выпрашивать оценки — отличницы вполне могли разрыдаться из-за четверки, а у их родителей — привычка ходить в школу (с подарками, поговорить с учителями, что-то выяснить и пр.).

Мои родители считали, что я вполне взрослая, чтобы решать свои школьные проблемы самостоятельно, поэтому мама меня, конечно, сочувственно выслушивала, но у нее и мысли не возникало пойти в школу и поговорить с учителями. Это, кстати, некоторых из них несказанно раздражало: они открыто удивлялись, что мои родители «не знают дорогу в школу», но мы семейно решили, что родители проживут и без этой ценной информации. Мой папа пошел в школу лишь один раз за два года моего обучения, в день сдачи первого итогового экзамена: учительница по физкультуре решила положить конец доставшей ее практике нехождения моих родителей в школу и пригрозила, что не допустит меня к сдаче экзамена, поставив мне двойку по физкультуре в год. Я, конечно, сообщила об этом классному руководителю и завучу, но папа на всякий случай решил зайти со мной с утра в день экзамена в школу, чтобы убедиться, что его ребенку дадут шанс получить аттестат зрелости. В итоге все обошлось как бы само собой, без вмешательства папы, но я, конечно, перенервничала. Так что мой жизненный

опыт, все, что было со мной раньше, до этой конкретной школы, моих одноклассников и учителей не волновал и не интересовал: для них я была просто плохо ориентирующимся в московских реалиях подростком.

Еще до получения аттестата зрелости я начала заниматься дополнительно с преподавателем из Российского университета дружбы народов, потому что собиралась поступать именно туда на лингвистику. С английским у меня все было хорошо, поэтому я ездила на занятия в свой, как мне казалось, будущий вуз, к преподавателю русского языка, чтобы подготовиться к сочинению. Выбор специальности был сделан предельно просто: я любила иностранные языки, мне казалось, что у меня неплохо получается говорить и переводить, поэтому я хотела поступить на отделение лингвистики. Поскольку с математикой не ладилось, то, насколько я помню, лингвистика в РУДН была единственным подобным направлением в московских вузах, где не требовалось сдавать математику. Меня совершенно целенаправленно срезали на последнем экзамене, поставив четверку как раз за сочинение: потом через дальних знакомых выяснилось, что в вузе было несколько абсолютно бластных факультетов и специальностей, куда входила и лингвистика, поэтому поступить на нее «со стороны» у меня не было никаких шансов. В общем я долго и горько рыдала где-то в коридорах напротив приемной комиссии, пока совершенно ошарашенный папа не сказал, что я пойду учиться на платное отделение. Я совершенно отчетливо помню, как мгновенно скалькулировала в голове стоимость обучения за год и за все пять лет, оценила возможности семейного бюджета, тут же испытала столь резкий шок, что перестала рыдать и просто физически чувствовала, как высохли слезы на глазах, взяла папу за руку и увела из РУДН, твердо заявив, что платно учиться я категорически не собираюсь и не буду. Я не могу вспомнить каких-то конкретных эмоций моих родителей, кроме предсказуемого расстройств, — их скорее огорчало мое горе горькое. Чтобы меня отвлечь, мы отправились в почти десятидневный речной круиз из Москвы в Санкт-Петербург через Кижы и Валаам. В то же время их утешало два обстоятельства: во-первых, моя любимая тетя Валя тоже не с первого раза поступила в вуз в Баку, завалив экзамен по химии, и целый год усердно занималась, чтобы сдавать экзамены вновь — со второго раза она стала студенткой; во-вторых, они шутили, что «я девочка и в армию мне не идти», поэтому можно спокойно готовиться и поступать на следующий год, что я собственно и сделала, только поступила уже не на лингвистику.

Что же через год заменило лингвистику? Как пошло учение?

Смирившись с тем фактом, что еще год я не буду студенткой, я приняла два решения: во-первых, устроиться на работу; во-вторых, чтобы не забыть все, что я знаю, пойти на какие-то подготовительные курсы. Идея трудоустройства родителей несколько напрягла, поэтому в поисках работы мы пошли по пути подключения всевозможных знакомых — в итоге меня определили секретарем-референтом в небольшую компанию по подбору персонала. Ее владелицы, две молодые женщины и сестры, были очень своеобразными внешне, поведенчески и по манере ведения бизнеса, но в то же время очень хваткими людьми. Их очень забавляла моя боязнь всего и вся, но устраивала моя исполнительность, поэтому полгода все шло относительно неплохо, пока я не стала вновь старательно готовиться к поступлению в вуз, периодически пропуская работу, и тогда мы приняли

совместное решение, что мне пора увольняться. Это время я вспоминаю с удовольствием в значительной степени потому, что огромную часть обязанностей секретаря составляли по сути курьерские разъезды с документами, поэтому «по долгу службы» я исходила вдоль и поперек почти весь центр Москвы, стала лучше ориентироваться в городе, почувствовала его «своим».

Что касается подготовительных курсов, то поскольку я совершенно не понимала, куда пойду поступать в следующем году, но чувствовала, что вряд ли на лингвистику и опять в РУДН, то решила пойти на курсы, на которых точно, как мне казалось, будут учить хорошо и хорошему. Я не помню, почему выбрала курсы при филологическом факультете МГУ, но в итоге пошла заниматься по вечерам именно туда. Скорее всего, свою роль сыграло и время начало занятий (часов в шесть вечера, т.е. я как очень маленькая по возрасту имела полное право спокойно уходить с работы на час раньше, чем все остальные взрослые сотрудники, и успевала вовремя приходиться на курсы), и их расположение — нужно было доехать до станции метро Университет со станции Спортивная, где я работала. Первые полгода заниматься на курсах было очень интересно, хотя часто я вообще ничего не понимала в литературоведческих лекциях университетских преподавателей. Периодические мы группой на что-то забивали, потому что ужасно нравились друг другу, а еще больше нам нравилось гулять вместе, и делать это большой компанией при хорошей погоде нам казалось более правильным, чем сидеть в душных аудиториях. Примерно полгода все шло очень хорошо, но потом на пару недель пропал один мальчик из нашей компании: оказалось, что по причинам, которые на тот момент мне были совершенно непонятны, он покончил собой. В итоге нас как будто отрезало друг от друга и от курсов — настолько все это не укладывалось в голове.

Родители мои, кстати, примерно в сентябре-октябре того года, как я не поступила, уехали в длительную командировку по папиной работе — сначала на год в Хельсинки, потом на четыре года в Стокгольм, поэтому жила я со своей тетей и двоюродным братом.

Я, честно говоря, не помню, почему я все же опять решила поступать в РУДН. Родители подняли все возможные и невозможные связи, просто чтобы максимально реалистично оценить мои шансы на поступление. Я отчетливо помню, что поступабельных (куда можно было теоретически попасть «со стороны») направлений на тот момент нам было названо два — экология и социология, из которых я выбрала более понятное хотя бы в том смысле, что это «про людей», а не «про природу». Поскольку к сочинению я как бы была готова, английский не забыла, то с преподавателями по русскому и английскому я занималась примерно пару месяцев, как, впрочем, и профильным предметом — обществознанием. Тут мне с преподавателем повезло в том смысле, что мы с ней прочитали не некие учебники для абитуриентов, а несколько принципиально важных книг, из которых я совершенно точно помню «Протестантскую этику и дух капитализма» М. Вебера — она произвела на меня неизгладимое впечатление.

Экзамены на этот раз я сдала без проблем и поступила на социологию. В то время в университете не было факультета гуманитарных и социальных наук — он отделился от историко-филологического как раз в годы моего обучения. Наше направление стало одной из первых площадок для введения бакалавриата и магистратуры, у нас постоянно менялись форматы оценки знаний и пр., поэтому

у моего курса было впечатление, что на нас постоянно ставят некие эксперименты. Первый год обучения прошел очень весело, потому что мы все учились на так называемом подготовительном факультете: раньше все студенты РУДН получали гарантированное право по окончании обучения обрести два диплома — о профессиональном высшем образовании и переводчика, поэтому нас разбили на несколько групп, и мне «повезло» учить арабский, потому что идти в английские группы, куда собрали людей с самым разным уровнем языка, включая нулевой, мне казалось странным. Группой мы жили весело в том смысле, что были ужасно разные, поэтому либо вместе проворачивали стандартные студенческие шалости типа коллективных сбеганий с занятий, либо ссорились и выясняли отношения по глупостям или крупностям. К сожалению, с арабским у меня не задалось, потому что изначально слишком хорошо задалось: в группе меня за это недолюбливали сразу, а уж когда после летних каникул все вернулись к учебе с нулевым арабским, а я за лето еще и улучшила свои знания, то пришлось мне четыре года бакалавриата ходить белой вороной и терпеть наезды за то, что я любимчик и достала всех своим арабским. Проблема еще была в том, что после полугода обучения арабскому руководство кафедры вдруг осознало то ли ненужность социологам данного языка, то ли вообще осознало факт его преподавания, и у нас попытались его отнять и заменить английским. Это решение нас возмутило, тем более что в РУДН было требование не выпускать из вуза только с восточным языком, и со второго полугодия у нас так и так начинался английский как второй иностранный. На тот момент нам всем нравилось рисовать закорючки справа налево, мы сходили к начальству и уговорили его оставить нам арабский. Но когда на первом курсе оказалось, что язык по факту оказался нужен только мне, то одноклассники стали ходить к начальству и просить нас от арабского избавить. В бакалавриате это было уже невозможно сделать, но в магистратуре арабский убрали, поэтому по факту у меня есть красивая корочка о том, что я когда-то учила арабский, но диплом переводчика с английского языка.

Первые курсы, да и вообще все годы обучения я помню очень плохо, хотя училась с нескрываемым удовольствием, читала запоем и покупала книги и учебники в совершенно невероятных количествах, как и художественную литературу XX века. Учебные курсы у нас были очень разные по уровню сложности, интересности, содержанию и нужности — для профессии и по жизни, преподаватели — соответственно, тоже, очень разнокалиберные. В бакалавриате меня неизменно восторгал и в то же время пугал Геннадий Семенович Батыгин, лекции, комментарии, приветствия, забавные высказывания которого я прекрасно помню до сих пор, как и то забавное обстоятельство, что, выходя после его пар, мы неизменно обнаруживали у дверей аудитории стоящих в очереди и желающих с ним переговорить наших кафедральных преподавателей. При всем моем обожании я почему-то смертельно боялась его неодобрения, поэтому перед устным экзаменом настолько перенервничала, что чувствовала себя отвратительно, еле-еле доехала до университета, забыла, когда «Маркс стал марксистом» (это был вопрос Батыгина), честно в этом призналась, что вызвало его благодушную усмешку и ответ «ну и бог с ним», у меня отлегло от сердца, и больше подобной робости и страха я в общении с ним не испытывала. В магистратуре то же ошеломляющее воздействие на меня оказала Галина Галеевна Татарова: сначала своими лекциями и объяснениями она просто ошарашила меня пониманием,

что я вообще ничего не знаю и, наверное, профнепригодна, а потом благодаря ей у меня в голове вдруг сложился какой-то красивый порядок, за что я до сих пор ей бесконечно благодарна, как и за массу других вещей, которые она делает и продолжает для меня делать. Кроме того, оба этих чудесных преподавателя и профессионала были невообразимо душевными, добрыми и заинтересованными людьми, как и многие другие преподаватели кафедры, что, видимо, и определило мое согласие устроиться сюда на работу, когда мне поступило данное предложение после окончания магистратуры.

Сложности в нашем женском студенческом коллективе, конечно, были, я воспринимала их как неизбежность, даже если они меня ужасно расстраивали, поэтому главной моей проблемой все годы учебы было то, что мне хотелось всего и сразу, мне все было интересно. Не помню, почему я сначала увлеклась контент-анализом и писала в связи с этим выпускную бакалаврскую работу, а вот в магистратуре мои интересы и мысли были настолько не собираемы, что я попросила своего научного руководителя направить меня хоть куда-то. Она вручила мне номер «Социологического журнала» на предмет почитать-сориентироваться, я начиталась, выбрала нарративный анализ, и в общем-то в сфере текстового анализа до сих пор пролегают мои личные профессиональные интересы, которые редко встраиваются в мои непосредственные обязанности на разных работах и исследовательских проектах.

Ира, нарративный анализ — неохватная глазом тематика, что именно начали Вы делать? Какого плана тексты, с какими целями Вы изучали тогда?

Чтобы ответить на этот вопрос, видимо, необходимо некоторое уточняющее предисловие, хотя сегодня, по прошествии пусть небольшого в масштабах жизни, но крайне насыщенного разнокалиберными фактами количества лет, мне сложно четко воспроизвести взаимосвязи событий. С первого курса обучения у нас было очень много различных предметов, которые читали разные преподаватели, поэтому у меня долго не складывалось ни общее впечатление о будущей профессии, ни четкое понимание того, что же меня интересует больше всего прочего. Учеба моя шла по вполне школьно-ботанической модели: я запоем читала все, что задавали и более того, и, поскольку не работала (это позволяли заработки находящихся в заграничной командировке родителей и, наоборот, не позволяли длительные выезды к ним два раза в год — примерно на месяц зимой и на два месяца летом), продолжала запоем читать художественную литературу. У нас дома была большая библиотека, вывезенная из Баку: при переезде в Ардон моя тетя увезла незначительную часть книг, я же, собирая наши контейнеры в Москву, забрала из Баку практически все, что можно было увезти, за исключением обширной библиотеки моего умершего дяди, в которую в основном входили детективы и фантастика. Кроме того, после того как мы немного обжились в Москве, все имеющиеся у меня свободные деньги я вкладывала в книги, в основном в литературу XX века: ее у нас практически не было, но постепенно я сформировала свою собственную обширную библиотеку этого периода (в эти годы не только издавались поэты и писатели XX века, но и многие люди по бедности распродавали свои позднесоветские издания), который, наверное, могу назвать любимым.

В общем, в «текстах» я ощущала себя максимально комфортно, чтение доставляло и продолжать доставлять мне невероятное удовольствие, и, видимо, этот факт сыграл свою роль в выборе темы моей выпускной бакалаврской работы. Дело в том, что в том учебном плане, по которому я училась в бакалавриате, каждый год мы писали курсовую работу по какому-то определенному предмету: на первом курсе это была общая социология, на втором — история социологии, на третьем — методология и методика социологического исследования. Кроме того, мы постоянно писали (по крайней мере, насколько я помню и могу судить по сохранившимся у меня многочисленным файлам) разные рефераты и делали переводы и по другим предметам. Я совершенно не помню, на какую именно тему писала курсовую работу на первом курсе, но на втором курсе это были основные этапы деятельности Питирима Сорокина, а на третьем курсе я неожиданно для себя самой увлеклась социометрией и написала курсовую работу про социометрический опрос. В итоге на четвертом курсе я вдруг осознала, что совершенно не понимаю, куда идти дальше, потому что имею в копилке сделанных за четыре года учебы работ тексты про евразийство, смену тенденций секуляризации и сакрализации в искусстве Древней Греции на различных этапах его развития, трансформацию моделей системы образования в российском обществе, книгу Питирима Сорокина «Главные тенденции нашего времени», теорию социального конфликта, о социокультурологической концепции Алена Турена, теоретико-методологические основания метода фокус-групп, а также перевод статьи Джона Кросника про метод опроса и главы про природу причинно-следственных связей в социологии из непонятного учебника и т.д.

Вероятно, в значительной степени вектор моих будущих научных интересов определила преподаватель политической социологии, которая высоко оценила две мои творческие работы, чье выполнение хорошо «легло» на мою увлеченность текстами. Одна работа была сделана по предложенному преподавателем плану: задача состояла в том, чтобы охарактеризовать сложившийся в российском обществе образ одного современного политического лидера по публикациям в средствах массовой информации (я писала про В. В. Путина по массмедийным материалам за 2000 год). Вторая моя творческая работа по политической социологии предварялась забавным, на мой нынешний взгляд, уточнением, которое звучало так: «Возможно, моя работа не совсем соответствует поставленной перед нами задаче, но мне хотелось не просто разобрать по предложенным Вами пунктам программу какого-либо национал-патриотического движения или статью, проникнутую духом национализма или шовинизма, но понять сам феномен национализма, его конкретные проявления в современной России. Особенно же мне хотелось увидеть, насколько часто статьи в уважаемых изданиях, посвященные критике национал-патриотической ориентации, ее тезисов о мессианской роли России, избранности славянской расы или масонском заговоре, невольно содержат пропаганду тех же положений или склоняются к той же точке зрения». Я увлеченно проштудировала все номера журнала «Социологические исследования», «Вопросы философии», «Отечественная история», «Литературной газеты», «Российской газеты», «Аргументов и фактов», а также газет «Лимонка» и «Завтра» за период от нескольких месяцев до года. В тот период не только официально позиционировавшие себя в качестве националистических последние два издания публиковали статьи по интересующей

меня теме, но и в уважаемых научных изданиях и ежедневных средствах массовой информации постоянно встречались материалы о поисках русской национальной идеи, попытки ее сформулировать и т.д. Мои творческие работы настолько впечатлили преподавателя, что она попросила меня серьезно подумать о поступлении в магистратуру не на социологию, а на политологию.

Вот тут я неожиданно осознала, что крайне комфортно ощущаю себя «внутри» социологии, и решила оценить, насколько и в каких форматах могу работать с условно политологической проблематикой в сугубо социологическом контексте и социологическими методами. Возможно, тут сказался и личный биографический опыт, но в конечном итоге свою дипломную работу я стала писать на тему, которая звучала примерно так: «Война как предмет социологического изучения». Первую половину текста составляла так называемая «теоретическая часть» (суммирование основных научных подходов к изучению войны/военных конфликтов и вариантов ее социологической концептуализации на разных уровнях изучения), вторую половину — «практическая часть», результаты собственного эмпирического исследования особенностей отражения российско-чеченского вооруженного противостояния в российских средствах массовой информации в период с ноября 1994 года по 2000 год (начала антитеррористической операции на территории Чеченской Республики), реализованного с помощью классического варианта метода контент-анализа. Тема была встречена с некоторым удивлением на кафедре, но я с невероятным удовольствием прочитала массу книг про искусство войны и проблемы агрессии, а также все статьи из еженедельных аналитических журналов (на тот момент это были «Профиль», «Эксперт» и «Коммерсантъ-Власть»), посвященные чеченской тематике, за 1994–2001 годы.

В магистратуре ситуация повторилась в том смысле, что мои интересы и мысли оказались вновь трудно собираемы в какую-то одну тему, но я четко знала, что продолжать военно-социологическую проблематику не хочу, хотя интерес к текстам не утратила. Буквально совсем недавно я обнаружила в компьютере давнюю папку с файлами для магистерской диссертации, названную почему-то «магистерская социолингвистика»: видимо, я намеревалась двигаться куда-то в ту сторону. Насколько я помню, когда я попросила научного руководителя направить меня хоть куда-то, и она вручила мне номер «Социологического журнала» на предмет почитать-сориентироваться, я выбрала статью про нарративный анализ, потому что это был единственный текстово-ориентированный, по крайней мере в нужном и интересном мне русле, материал.

Безусловно, то, что нарративный анализ — неохватная глазом тематика, я поняла далеко не сразу. Вернее, из статьи Е. Р. Ярской-Смирновой все было одновременно предельно понятно и столь же неясно. Поэтому схема магистерской диссертации стала складываться у меня по мере прочтения все большего количества текстов, которые я искала весьма банальным способом — вбивая во всевозможные поисковики слово «нарратив». В целом же мне хотелось обозначить особенности концептуализации данного понятия и производных от него в рамках разных дисциплинарных направлений (философии, лингвистики, истории, психологии), чтобы понять специфику собственно социологической трактовки любых вербальных конструкций со словом «нарратив» и провести его эмпирическую интерпретацию: мне всегда было принципиально важно суметь корректно перейти с уровня теоретических обобщений и методологических

изысканий к реальной исследовательской практике, т.е. грамотно осуществить реверсивные передвижения от концептов к операциональным определениям и от эмпирических индикаторов к конструктам.

К сожалению или к счастью, на тот момент я еще не работала, не в последнюю очередь потому что вышла замуж и ждала ребенка (кстати, очень забавно получилось: наш очень большой набор в магистратуру пришел на первый курс после летних каникул, почти в полном составе выйдя замуж, хотя детей сразу завели всего двое, включая меня). Поэтому начать практическую аналитическую работу с нарративами в ходе написания магистерской диссертации мне не удалось. Моя достаточно активная исследовательская деятельность в тот период была связана с реализуемым на кафедре сравнительным российско-чешским социологическим проектом по изучению ценностных ориентаций студенческой молодежи двух стран (в частности, патриотического настроения), который осуществлялся посредством анкетирования и не предполагал мягких форматов интервьюирования, способных предоставить мне хотя бы некие мини-нарративы личного опыта. Однако обойтись вообще без какого бы то ни было реального нарратива, который я могу рассмотреть с содержательной и «социологически-преparatorской» точки зрения, пусть и в исключительно иллюстративных целях, мне казалось неправильным.

Я вспомнила, что на третьем курсе у нас было задание взять развернутое интервью на тему «Представления о праве и справедливости», и в качестве информанта у меня выступала давняя мамина подруга, которую жизнь сталкивала не только, как и любого из нас, с несправедливостью, но и с правоохранительными органами (муж ее бил, выпивал, она принудительно сдавала его на лечение от алкоголизма, позже он бросил ее и детей с армянскими фамилиями в Баку, и ей пришлось срочно менять им фамилии в разгар карабахского конфликта и т. д.). Я решила вновь обратиться к ней по целому ряду причин: во-первых, она всегда поражала меня и мою маму своей незаурядной памятью на детали, людей и незначительные события прошлого; во-вторых, в силу сложной судьбы, как мне кажется, она всегда испытывала некоторую смутную потребность быть услышанной и понятой; в-третьих, ее близкая дружба с моей мамой сделала меня невольным свидетелем многих событий в ее жизни, а о других я знала из рассказов мамы, которая никогда не была склонна к идеализациям и гиперболизациям и всегда отличалась реалистичностью оценок, т.е. я могла сопоставить биографический нарратив информанта с реальной событийной канвой ее жизни. Я попросила тетю Валю написать мне свою автобиографию и через несколько недель получила многостраничную романтизированную авторскую версию ее жизни под поэтичным названием «И подводя итог минувшей жизни...», знакомство с которой заставило меня раз и навсегда признать и принять тот неизбежный факт, что то, что человек думает и, тем более, говорит о себе является изменчивой и не соответствующей действительности нарративной конструкцией. Все проблемы нарративного анализа, обусловленные не тем, что человек сознательно и целенаправленно врет, а тем, что одна и та же фабула жизни может быть искромсана на любые «куски» — детали и события, слеплена в любые каузальные последовательности и сюжетные линии, может многократно поменять оценки и характеристики всех персонажей, проявились здесь предельно наглядно.

В общем-то, с тех пор, независимо от того, как складывается моя профессиональная карьера (а, честно говоря, занимаюсь я по большей части количественными исследованиями, а в рамках качественных проектов обычно не выхожу за рамки корректного описания и систематизации экспертных оценок, не занимаюсь полноценным нарративным или дискурсивным анализом), я стараюсь отслеживать происходящее в сфере текстового анализа в социологии и смежных дисциплинах, потому что искренне верю, что какими бы ни были объективные жизненные обстоятельства, человек может и должен стараться заниматься тем, что ему действительно нравится.

Ира, Вы очень живо описали, как все происходило... как Вы нашли свою исследовательскую поляну. Но я не понял фразу: «Поэтому начать практическую аналитическую работу с нарративами в ходе написания магистерской диссертации мне не удалось». Вы все же сделали магистерское исследование? По какой теме?

Если вы спрашиваете про полноценное эмпирическое исследование, то нет, я его не провела — представленный в моей магистерской диссертации биографический материал играл исключительно иллюстративную роль. Причиной тому была не моя лень или нежелание собирать эмпирический материал (я не вхожу в число социологов, с презрением относящихся к эмпирической работе, коих встречала, очень ценю и люблю собирать, редактировать, анализировать и интерпретировать количественные и качественные данные), а постепенное, по мере нахождения все новых научных и публицистических текстов по нарративам, осознание того факта, что как раз со сбором эмпирических данных под «вывеской» нарративного анализа или просто с использованием релевантных ему понятий («нарратив», «сюжет», «структура», «дискурс» и пр.) все обстоит весьма неплохо — данных уже накоплено огромное количество как в сугубо социологических проектах самой разной тематики, так и в междисциплинарных (скажем, в русле нарративной терапии или социолингвистического анализа). Поэтому мне показалось более важным попытаться разобраться с теоретико-методологическими основаниями социологического обращения к нарративам, прежде всего личного опыта, но не только, и с понятийно-категориальным аппаратом аналитической работы в данной области, систематизировать ключевые тематические приоритеты и предметное поле практического применения нарративного анализа к решению социологических задач и т. д. Так что эмпирическое исследование я не провела, но магистерскую диссертацию написала. В итоге ее тема звучала как «Нарративный анализ в социологии: подходы к определению и возможности практического использования».

На тот момент у меня еще не вполне оформилось понимание, что фактически я вторгаюсь в сферу текстового анализа, не сложилось оно и позднее, когда на аналогичную магистерской работе тему я защищала кандидатскую диссертацию, но, тем не менее, оно постепенно выкристаллизовывалось, причем, как и очень многие вещи в моей жизни, под влиянием совершенно неожиданных обстоятельств. Дело в том, что я периодически вбивала в Интернет-поисковики запросы со словом «нарратив», и однажды наткнулась на жесткую критику в свой адрес в полном смысле слова «откуда не ждали». По мотивам своих нарративных изысканий я опубликовала в нашем кафедральном журнале статью, где давала обзор социологически релевантных заимствований категориального аппарата

и некоторых методологических принципов из целого ряда смежных с нашей дисциплиной областей, в частности, из психологии. На мой взгляд, статья по содержанию и авторскому посылу была более чем нейтральной, ни на какие «истины в последней инстанции» не претендующей и уж тем более никоим образом не отмеченной каким бы то ни было претенциозным социологическим снобизмом. Но обнаружившие мою статью на просторах Интернета приверженцы нарративной терапии обвинили меня в полной некомпетентности за непонимание сути таковой и одновременно успокаивали друг друга заверениями, что подобную гадость в малоизвестном журнале вряд ли кто-то прочитает. С одной стороны, я расстроилась, потому что меня всегда огорчают любые радикально-жесткие оценки с «чужой колокольни», особенно в ситуации, когда они совершенно беспочвенны – уж на экспертность в нарративной терапии и психологии я не претендовала. С другой стороны, мне стало очевидно, что люди совершенно не разводят практики (исследовательские, психотерапевтические и пр.) и их объективированные в виде текстов результаты. Аналитические подходы к последним могут весьма условно принимать во внимание или вообще не учитывать специфику конкретного дисциплинарного или иного подхода к их получению, потому что любой текст может представлять интерес для последующего анализа, независимо от целей своего «порождения» и/или использования в прошлом (хотя, безусловно, таковые не могут не влиять на его структуру, жанровую специфику, содержательные акценты, тематические линии и пр.).

Так что, начиная с магистерской диссертации, мои профессиональные интересы в большей степени оказались сконцентрированы в области методологии текстового анализа, а не практического использования его методических приемов применительно к конкретным предметным областям в эмпирических исследованиях.

Итак, учеба завершена, ребенок растет, как дальше жизнь пошла?

Очень сложный вопрос по двум причинам: во-первых, в силу отвратительной памяти мне трудно восстановить верную последовательность конкретных событий, и я могу несколько путать, что именно за чем последовало; во-вторых, жизнь шла одновременно и своим чередом, и достаточно бурно в самых разных направлениях, поэтому ответить в целом про ее ход, наверное, не получится. Хотя в целом, с позиций сегодняшнего дня, видимо, можно сказать, что жизнь пошла бурно-суетливо-насыщенным путем, «тактически» и «стратегически» вполне традиционным для любой работающей мамы. Сразу после окончания магистратуры руководство кафедры предложило мне остаться работать на кафедре, на что я с радостью согласилась, потому что, невзирая даже на самую большую загрузку в самые пиковые моменты учебного года, подобная работа, во-первых, оставляет возможность проводить достаточно много времени с ребенком, по крайней мере, решая все необходимые вопросы с хождениями по медицинским, образовательным и прочим учреждениям; во-вторых, предоставляет очень большой отпуск, в значительной степени компенсирующий неизбежные переживания работающих мам о том, что они слишком мало времени проводят со своими детьми.

Получив диплом магистра в июне, уже в июле я готовила массу разнообразной отчетности по грантам Мирбанка, а с сентября начала вести занятия по практикуму по методологии и методике социологических исследований,

параллельно думая о кандидатской диссертации — о ней мне постоянно напоминало начальство. Поскольку в то время существовали вариативные форматы написания кандидатской диссертации (уже отмененное сегодня соискательство, в частности), в аспирантуру с подачи руководства кафедры я не пошла, а была оформлена соискателем. Требования к защитами в то время также были существенно более простыми, особенно в том, что касается нынешнего безумного количества сопроводительных документов, которые нужны в нескольких экземплярах, отсканированные и т.д. Поэтому на защиту я вышла через два года после окончания магистратуры, не в последнюю очередь потому, что меня весьма энергично подгоняло мое начальство, мотивировавшее меня, в том числе, и достаточно высоким уровнем магистерской диссертации, которую я фактически «дописала» до кандидатской. Насколько я помню, именно с моей защиты на нашем факультете начал свою работу Диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по социологии.

Кроме того, сразу после окончания магистратуры я начала работать (но в значительно меньшем объеме, поэтому можно говорить о подработке или совместительстве) в Интерцентре Московской высшей школы социальных и экономических наук. Пригласил меня на работу Никулин Александр Михайлович, на которого я произвела хорошее впечатление в то время, когда он читал нам на первом курсе магистратуры лекции по истории эмпирической социологии. Первые несколько лет я занималась в основном написанием рецензий и переводами для ежегодного сборника «Крестьяноведение: Теория. История. Современность», параллельно выполняя функции своеобразного научного секретаря Теодора Шанина — готовила ему реферативные обзоры по разным историческим темам и периодам в рамках его исследований судеб российского крестьянства в начале XX века совместно с Виктором Петровичем Даниловым.

Ира, здесь вопрос — очевиден. О чем была Ваша кандидатская диссертация, кто был Вашим руководителем?

Чтобы ответить на этот вопрос, придется опять вернуться к моей выпускной бакалаврской работе. Возможно, я делаю слишком много отступлений-пояснений, но они мне кажутся принципиально важными для правильной интерпретации происходящего читателем, поэтому немного отвлекусь от сути вопроса.

Когда я была студенткой третьего курса, на рубеже 1999–2000 годов в рамках производственной практики часть нашей группы принимала участие в совместном российско-чешском исследовании ценностных ориентаций молодежи. Насколько я помню, сравнительное эмпирическое исследование патристического настроения студенческой молодежи двух стран в формате анкетирования было реализовано через два года, когда я уже была студенткой магистратуры, а на третьем курсе бакалавриата небольшая группа студентов нашей кафедры (с разных курсов) с преподавателями выезжала в Прагу для подготовки будущего проекта (в том числе согласования выборки и опросного инструментария) и своеобразного наблюдения за иными социокультурными реалиями. Как мне тогда казалось, наиболее эмпирически ориентированным преподавателем на кафедре социологии в то время была Пузанова Жанна Васильевна, поэтому я решила, что написать хорошую бакалаврскую работу с обязательной для меня эмпирической частью я смогу только с ее помощью. Моя «военная» тема ее несколько удивила,

но эмпирическая часть вроде бы заинтересовала, хотя именно по данному, единственному, поводу у нас состоялся достаточно напряженный разговор. Не помню ее аргументов, но она была однозначно против проведения контент-анализа отражения российско-чеченского вооруженного противостояния в средствах массовой информации. Вернее так: ей импонировала идея практической части диплома, контент-анализ как метод ее реализации и предлагаемый мной объект (еженедельные аналитические журналы), но категорически не устраивал предмет — она предлагала рассмотреть отражение бомбардировок Белграда и в целом событий на территории Сербии в годы косовского конфликта в средствах массовой информации, причем как российских, так и западных. Я столь же категорически уперлась, обосновывая свою позицию и куда большей важностью чеченских кампаний для российского общества, и значительно большей доступностью материалов (хотя на мой запрос в редакции журналов с просьбой предоставить доступ к старым публикациям никто не удосужился ответить), и, видимо, еще чем-то. В итоге мне была предоставлена полная свобода действий в эмпирической части диплома, а в теоретической части я уже давно работала вполне автономно.

На мой взгляд, при максимальной степени обобщения, можно выделить три условных типа дипломников с точки зрения особенностей взаимодействия с научным руководителем: (1) тип «я спокойно работаю сам, не трогайте меня»; (2) тип «мне нужно постоянно все рассказывать, все объяснять максимально часто и подробно, не бросайте меня ни на минуту»; (3) смешанный тип, которому могут быть нужны разные вещи в разные моменты времени, на различных этапах написания диплома (например, бывают чудесные, но очень переживательно-эмоциональные девочки, которые прекрасно работают самостоятельно, но примерно за месяц-полтора до защиты диплома переходят в режим почти «психологического террора»: у них начинается жуткий мандраж и им нужно не столько научное консультирование и рациональные объяснения, сколько психологическая поддержка в формате мантр «все будет хорошо»). Я явно отношусь к первому типу, поэтому в ходе написания бакалаврской работы в 2001 году я еще изредка обращалась к научному руководителю, потому что это был мой первый опыт написания серьезного собственного текста подобного типа, в рамках подготовки магистерской диссертации в 2003 году уже почти не обращалась (в том числе потому, что, как мне казалось, ни сама тема, ни избранный мной формат исключительно методологического ее рассмотрения не были особенно интересны моему научному руководителю), а кандидатскую диссертацию, согласовав с научным руководителем ее общий план (фактически продолжение магистерской диссертации), я писала совершенно автономно (руководство кафедры только подгоняло меня с точки зрения темпов ее завершения и выхода на защиту).

Название кандидатской диссертации, видимо, говорит само за себя «Нарративный анализ в социологии: возможности практического применения», как и специальность, по которой я защищалась в 2005 году: 22.00.01 — «теория, методология и история социологии». С позиций сегодняшнего дня многие моменты в диссертации кажутся мне не доведенными до логического конца или хотя бы правильного формата, но в целом и сейчас я согласна с постановкой исследовательской задачи: оценить «статус» нарратива и нарративного анализа в социологии с точки зрения возможностей их практического применения, рас-

смотрев для этого широкую междисциплинарную теорию и практику обращения к данным понятиям. Если суммировать проделанную мной работу, то фактически она сосредоточена на трех моментах: во-первых, систематизация определений и трактовок нарратива как сложного междисциплинарного конструкта в тех предметных областях, к которым социология обычно (и особенно в данном случае) тяготеет в своей страсти к категориальным, концептуальным и методическим заимствованиям (философия, лингвистика, история и психология); во-вторых, попытка теоретической интерпретации понятий «нарратив» и «нарративный анализ» посредством обозначения сложившихся здесь социологически релевантных подходов и специфических для нашей дисциплины проблем, обусловленных, в частности, тем, что в рамках качественного подхода уже существует масса устойчивых обозначений для «вещей», перекатегоризировать которые нарративный анализ и пытается; в-третьих, оценка конкретных аналитических решений и выделение тех предметных областей в эмпирических социологических исследованиях, которые в большей или меньшей степени претендуют на получение и/или использование нарративов (медийных, биографических и пр.), а также разработку и применение приемов нарративного анализа.

Наличие кандидатской диссертации внесло какие-либо изменения в направление Ваших исследований, стали ли Вас активнее привлекать к преподаванию. сотрудничали ли Вы с социологами других институций, работавших методами контент-анализа и другими приемами анализа текстов?

Это одновременно очень простой и очень сложный вопрос. Простой он потому, что особых изменений в моей жизни в связи с обретением степени кандидата социологических наук не произошло. Вернее так: изменения если и произошли, то имели к собственно кандидатской степени весьма опосредованное отношение. Попробую обозначить их понятным прежде всего для себя самой способом.

Во-первых, когда все вокруг тебя убеждают, что кандидатская диссертация — это важно/нужно/обязательно и пр., ты, с одной стороны, соглашаешься с окружающими тебя людьми, которые старше/умнее/статуснее, с другой стороны, в очередной раз оглядываясь и отмечая, сколько вокруг «остепененных», причем совершенно разного «качества», понимаешь, что сегодня любые степени — что кандидатские, что докторские — скорее формальность, чем объективный маркер неких научных/академических достижений.

Во-вторых, нормальное написание нормальной диссертации, как мне казалось, по крайней мере до того, как я сама к нему приступила, видимо, по результатам просмотра кинофильмов советских лет (а я их очень люблю), предполагало некоторую отрешенность от всех прочих забот и сосредоточенность на вдумчивой, неторопливой работе над текстом диссертации с редкими отвлечениями на интересные дискуссии с сочувствующими тебе или работающими в том же тематическом русле коллегами. Но, к сожалению, большинство моих знакомых, как и я, написали диссертации ценой каких-то невероятных усилий именно с точки зрения почти героического выдиранья из бурного потока рабочих и семейных хлопот времени на диссертацию. Вряд ли это правильно по каким-то идеальным стандартам научной работы, но в большинстве известных мне случаев все происходит именно так, и, наверное, такова уже некая норма остепенения

в нашем сообществе. Хорошо еще, если у человека тематика диссертационного исследования хоть как-то ложится (пусть просто «рядом») на общее направление работы и/или профессиональных интересов, и тогда, как правило, большую часть кандидатской диссертации составляет так называемая «эмпирика», которая, как правило, порождает у членов диссертационного совета очень конкретные вопросы по заинтересовавшим их особенностям эмпирического проекта или сделанным по его результатам выводам (на такие, фактуальные, вопросы проще отвечать). Если же подобного удачного совпадения рабочей рутины и диссертационной проблематики не случается, то до защиты диссертации доходят либо гиперувлеченные своей темой люди, либо гиперупертые (по каким-то причинам, нередко формально-карьерным, им принципиально важно защититься и обрести ученую степень), либо совмещающие в себе оба эти качества.

Не знаю, к какой именно категории можно отнести меня, но, вероятно, к первым, потому что я с невероятным удовольствием в любую свободную минуту начитывала весь доступный материал по нарративному анализу, хотя нельзя забывать и о неизбежном административном давлении на любого молодого сотрудника образовательных и научно-исследовательских организаций, которые заинтересованы в поголовном остепенении своих кадров. Мои претензии на гиперувлеченность объясняются тем, что собственно никаким текстовым анализом в рамках своей непосредственной работы я не занималась. По большей части на кафедре социологии РУДН я руководила производственной практикой части студентов третьего курса, с которыми мы проходили полный цикл эмпирического социологического исследования, реализуемого посредством разных форматов опросного метода, но в подавляющем большинстве весьма формализованного и стандартизированного анкетирования, начиная с разработки программы и заканчивая подготовкой отчета. Впрочем, нужно признаться, что до отчета с ребятами мы доходим далеко не всегда: если оказывается, что в течение учебного года следует собрать очень разные данные и в очень большом количестве, то главным становятся эмпирические распределения, а не аналитика, более того, зачастую она просто не нужна и не может «получиться», исходя из зондажного характера экспресс-опросов.

Третья проблема с написанием кандидатской диссертации у меня лично была связана с тем, что по каким-то «старорежимным убеждениям», которые, кстати, со мной разделяют немногочисленные глубоко уважаемые и любимые мной преподаватели, мне казалось, что коллеги стремящегося остепениться должны быть заинтересованы в его защите и стараться ему помогать. Но тут опять же оказывается, что (а) все слишком заняты в принципе; (б) все слишком заняты своими тематиками, и людям действительно сложно или совершенно не хочется отвлекаться на вопросы, случайно или целенаправленно не оказавшиеся в фокусе их научных интересов (не вижу ничего страшного в дифференцированной социологической компетентности, но зачастую люди настолько глубоко уходят в реферативно-теоретические изыскания, что крайне плохо ориентируются не только в эмпирических исследованиях, но даже их методологических основаниях); (в) с коммуникацией в нашем социологическом сообществе даже на уровне отдельных коллективов ситуация далеко не столь идеалистичная, как я себе ее представляла.

Более того, в те уже относительно далекие годы диссертация и автореферат не размещались в открытом доступе в Интернете, не требовалось наличия именно ВАКовских публикаций, поэтому возможности информировать широкую социологическую общественность о своих исследовательских интересах были более ограничены, чем те, что буквально принудительно навязываются нынешними формально-административными требованиями к претендующим на обладание учеными степенями. Хотя следует признать, что если в процессе написания бакалаврской и магистерской я просиживала часами и днями в библиотеках (крайне редко в «Ленинке», очень часто — в более камерной по своей атмосфере и пространству «Иностранке»), то к началу работы над кандидатской диссертацией я почти полностью отказалась от самой мысли проводить время в библиотеках. Во-первых, за прошедшие годы мной было куплено невероятное количество книг. Во-вторых, мной уже была прочитана масса библиотечной литературы, а моя маленькая районная библиотека примерно в эти годы решила избавиться от целой кипы ненужных (ими никто не пользовался) ей изданий, куда из читального зала попали, в частности, словарь по постмодернизму и номера журнала «Вопросы философии», которыми я удачно разжилась. В-третьих, Интернет к тому времени развился и информационно насытился до уровня, достаточного для того, чтобы недостающие мне материалы можно было скачать из сети, не выходя из дома или находясь на рабочем месте.

И, наконец, последнее мое (и не только мое) открытие, связанное с защитой кандидатской диссертации, состоит в том, что, как это ни удивительно, в жизни после защиты почти ничего не меняется. Если вы работаете в образовательном или научно-исследовательском учреждении, то кандидатская степень нужна как некоторое формальное подтверждение своей «профпригодности» и своеобразная гарантия безопасности в случае сокращений. Защита позволяет избавиться от постоянных вопросов коллег и руководства из серии «ну когда уже», «чего не защищаешься» и пр., поэтому остепенение с этой точки зрения действительно выступает как абсолютная необходимость. Как только ты защитился, то возможностей для выбора дальнейшего пути у тебя оказывается фактически три: многие категорически отказываются продолжать формализовывать свои достижения в формате остепенения и открыто заявляют, что не планируют и не будут писать/защищать докторскую диссертацию, невзирая ни на какие внешние давления и завлекательные посулы; вторые, наоборот, рассматривают кандидатскую диссертацию лишь как первый необходимый шаг на дороге к полному остепенению и настойчиво продолжают свою гиперувлеченный, гиперупертый или смешанный путь; третьи придерживаются выжидательной стратегии — после защиты кандидатской диссертации с формальными требованиями человека в любом случае на некоторое время оставляют в покое, поэтому можно позволить себе просто не думать о том, насколько докторская диссертация является для тебя возможностью или необходимостью. Я допускаю, что это слишком большое упрощение, что мотивов и факторов, влияющих на процесс и последствия остепенения существенно больше, но, по крайней мере внешне, данная типология вполне объясняет ситуацию и отношение к степеням в социологическом сообществе.

Что касается сотрудничества с другими институциями, то сама организация отечественной социологии не предполагает такового в хорошем открытом западном формате, потому что носит клановый характер. Я не отношусь к нему

однозначно негативно: это одна из возможных и весьма неплохо работающих стратегий выживания в неустойчивой российской институциональной среде социологического профессионального сообщества, внутри которого сохраняются очень сложные отношения вследствие переплетения научных споров, исследовательских противоречий, финансовых ограничений и личностных неприязней. Поэтому, невзирая на степень личной открытости к сотрудничеству, фактически получается, что каждый российский социолог преимущественно аффилирован с одной базовой институцией, по совместительству сотрудничает еще с одной-двумя, в нем заинтересованных, а на большее его вряд ли может хватить просто в силу необходимости заниматься сложнейшим тайм-менеджментом. Конечно, по мере возможности все мы стараемся участвовать в различных семинарах, конференциях и пр., но тут опять же многое зависит от твоей институциональной аффилиации: богатые и заинтересованные организации максимально способствуют профессиональной мобильности своих сотрудников, богатые, но незаинтересованные или бедные, независимо от степени своей заинтересованности, — не способствуют, причем если в первых ты работаешь на условиях совместительства, то возможности получить финансовую поддержку на профессиональную мобильность в рамках участия в мероприятиях, а не полевой работы, сводятся на нет.

Что касается преподавания, то по мере написания кандидатской диссертации и публикации соответствующих статей, кафедра стала привлекать меня к разработке авторских курсов по интересующей меня проблематике. Поскольку текстовый анализ как исключительно подход к работе с уже «готовыми» текстовыми данными — вещь для студентов сложноватая, то у меня, несмотря на ежегодное проведение абсолютно «количественных» анкетирований квотных выборок студенческого контингента РУДН, сложился имидж «качественника», а потому сначала я разработала курс по качественным методам для магистров, затем, уже после защиты кандидатской диссертации, курс по нарративному анализу для магистров, а чуть позже адаптировала первый курс в качестве выборного для студентов четвертого курса бакалавриата и разработала для них же выборный курс «Методы работы с текстовыми данными в социологии», где в простой и практической форме мы с ребятами разбираем проблемы перенастройки нашей социологической «оптики» и «воображения» на работу с текстами/кодами/символами и разработку инструментария очень авторских по самой своей сути методов (скажем, контент-анализа).

Очень интересный анализ, спасибо, Ира.

После завершения диссертационных дел прошло почти десять лет. Удалось ли Вам за это время побывать в европейских, американских научных центрах, работающих в интересующих Вас нишах? Если смогли, то что новое удалось Вам там узнать, есть ли у Вас возможности для использования зарубежного опыта в преподавании, в собственных научных исследованиях?

Мои зарубежные поездки начались еще до защиты диссертации, но как в то время, так и сегодня крайне редко связаны с теми моими исследовательскими интересами, что получили хотя бы частичное оформление в диссертационной работе, да и то по большей части опосредованно и постольку-поскольку.

Постараюсь выстроить небольшую хронологию, хотя и не уверена в ее временной правильности, но она сама по себе покажет, сколь отдаленное (почти никакое) отношение мои рабочие поездки имели к проблемам текстового анализа.

Моя первая поездка за рубеж состоялась, насколько я помню, в феврале 2000 года, когда, согласно условиям проекта, финансируемого Мирбанком, для подготовки к эмпирическому исследованию в Чехию должны были выехать не только сотрудники кафедры социологии, но и студенты разных курсов. Наша студенческая команда состояла в основном из моих одноклассников (все мы были студентами третьего курса бакалавриата) и пары студенток магистратуры. Вполне предсказуемо в Прагу поехали только девочки, что вполне отражает гендерную ситуацию с обучением на социологических факультетах и специальностях — мальчиков здесь обычно немного, хотя со временем, по мере продвижения по профессиональной иерархии, гендерный баланс у социологов выравнивается и даже смещается в противоположную сторону (среди известных социологов мужчин, как мне кажется, больше, чем женщин). На тот момент перед нами стояла задача внимательного наблюдения за социокультурными особенностями организации повседневности у чешского студенчества, с чем мы справлялись с нескрываемым удовольствием, потому что Прага — прекрасный город, а отсутствие необходимости готовить сложную формализованную отчетность делало пребывание в ней еще более прекрасным. Эта поездка запомнилась мне несколькими моментами: во-первых, несколько основных преподавателей кафедры социологии все мы, студенты, увидели с совершенно неожиданной стороны, что всегда случается при переходе от жестко дистанцированного формализованного общения к неизбежно более неформальному в походном режиме; во-вторых, мы познакомились с совершенно чудесными чешскими коллегами; в-третьих, я запомнилась руководству кафедры созданием некоторых сложностей, потому что приехала в Прагу не вместе со всеми из Москвы, а сразу после каникул от родителей из Стокгольма. В целом поездка была странно-волнительной, пугала неопределенностью и непредсказуемостью происходящего, поразила реалиями жизни в хостеле и «человеческими» особенностями поведения, казалось бы, давно знакомых преподавателей, но оставила после себя приятно-забавное впечатление в хорошем смысле студенческих и походных реалий.

Вторая моя условно рабочая поездка состоялась опять в Прагу, но уже в 2002 году, примерно в то же время (в феврале у нас традиционно проходит производственная практика у студентов бакалавриата) и примерно тем же, но менее многочисленным студенческим составом. На этот раз мы целенаправленно поехали согласовывать опросный инструментарий для изучения патриотического настроения студенчества двух стран с нашими чешскими коллегами. Я очень плохо помню всю поездку, но отчетливо запомнила, как Милан Петрусек, замечательный человек и известный чешский ученый, объяснял нам сложности изучения патриотизма в Чехии: и неустойчивость терминологии, и содержательную размытость понятия, и иные референциальные рамки его эмпирического изучения. Тем не менее, мы согласовали инструментарий и параметры выборочной совокупности и реализовали сравнительное российско-чешское исследование. Насколько я помню, мы рассматривали патриотизм как социальную установку, включающую в себя три основных уровня — когнитивный, аффективный и конативный. Вполне ожидаемо на первых двух уровнях особых различий по студен-

ческим выборкам России и Чехии не обнаружилось: молодежь двух стран достаточно единодушно репрезентировала позитивное восприятие своей родины как страны/народа, независимо от самоидентификации респондентов в терминах патриотизма, и столь же единодушно негативно оценила деятельность правительства в экономической, социальной, образовательной и прочих сферах жизнедеятельности общества (думаю, тут мало что изменилось со временем); весьма реалистично охарактеризовала современное состояние своих стран и допустила для себя возможность временного выезда за рубеж, хотя для чешского студента в принципе уже тогда не существовало понятия «заграница» — Чехия была настолько интегрирована в европейское сообщество, что учеба и работа, скажем, в Германии не рассматривались чешскими студентами как полноценный «выезд за рубеж» в том смысле, какой в таковые вкладывали российские студенты в то время и сегодня.

Собственно получается, что со студенческих пор и поныне фактически все мои рабочие поездки связаны с участием в количественных проектах, а отнюдь не с реализацией моих исследовательских интересов в сфере текстового анализа. Я вижу тому несколько причин, прежде всего объективно-институционального свойства. Во-первых, разные институции закладывают в свой бюджет разные объемы финансовых средств на командировки своих сотрудников. С этой точки зрения на моем основном месте работы возможности для заграничных выездов незначительны, а там, где я работаю по совместительству, объемы финансирования значительно больше, но действуют строгие правила, согласно которым подобные расходы для совместителей не оплачиваются в централизованном порядке — средства на их командировки должны изыскиваться из дополнительно полученного от заинтересованных сторонних организаций проектного финансирования. Во-вторых, как правило, независимо от вашего должностного статуса, руководство организации заинтересовано в ваших международных передвижениях в том случае, если вы занимаете в ней достаточно высокие позиции, а потому не просто презентуете отдельные структурные подразделения организации или ее в целом, а имеете полномочия подписывать необходимые нормативные документы о международном сотрудничестве. Другой случай: вы заработали себе известное имя в той или иной научной области и опять же выполняете некие презентационные функции для вашего работодателя, но уже с точки зрения высокого научного авторитета и институциональной аффилиации. Ни тем, ни другим я похвастаться не могу, к сожалению, поэтому мои заграничные командировки, как правило, проходят исключительно в рамках реализации конкретных исследовательских проектов сравнительного характера, которые по определению требуют проведения совместных семинаров, переговоров и прочих непосредственных согласований организационных и методических моментов эмпирических исследований.

Поэтому географические траектории моих служебных поездок четко коррелируют с исследовательскими проектами кафедры социологии. С 2008 года мы реализуем сравнительный проект с нашими китайскими коллегами из пекинского Центра исследований молодежи и юношества. В рамках данного многолетнего исследования несколько раз китайская делегация приезжала в Москву, по-моему, не менее трех раз наша делегация посещала Центр в Пекине. Первоначально мы проводили опросы студенческих выборок в столичных вузах

двух стран, один раз затронули региональное измерение ценностных ориентаций молодежи – анкетирования были проведены в вузах Майкопа и Гуанчжоу. К 2011 году опросный инструментарий был дополнен небольшим тематическим блоком, призванным оценить, какие образы стран-соседей складываются у студенческой молодежи двух стран, и в то же время к проекту присоединились Сербия и Чехия, что расширило его географию, и наши совместные научно-практические семинары по проекту прошли, соответственно, в Белграде и Праге. На данный момент российская сторона существенно тематически и структурно модифицировала инструментарий опроса, и, возможно, к нашему проекту присоединится Казахстан, поэтому существует небольшая вероятность, что в рамках проекта я смогу посетить и эту страну. Иными словами, траектории моих служебных командировок определяются тем, с коллегами из какой именно страны мы реализуем очередной этап эмпирического исследования – согласовываем инструментарий и выборку, обозначаем институциональный формат нашего сотрудничества, подписывая соответствующие нормативные документы, или обсуждаем результаты опросов, сверяя мировоззренческие доминанты студенческой молодежи наших стран.

За эти годы, безотносительно упомянутого выше исследовательского проекта, я приняла участие в трех конференциях Европейской социологической ассоциации, которые состоялись в 2009 году в Лиссабоне, в 2011 году в Женеве и в 2013 году в Турине. Подавая тезисы на данные конференции, я отчасти учитывала и свои исследовательские интересы в сфере текстового анализа или «вблизи» него (как правило, на подобных мероприятиях не бывает секции, посвященной проблемам анализа текстовых/неформализованных данных, но они прекрасно вписываются в тематику секций по качественным методам), и те проекты, в которых принимала участие не по основному месту работы. Скажем, в 2009 году в тезисах и статье, которые были включены в соответствующие сборники конференции, я суммировала результаты интереснейшего проекта, который в течение нескольких лет совместно реализовывали Швейцарская академия развития, Институт социологии, МВШСЭН и Левада-центр. В нем использовался как количественный подход (большая анкета на общероссийской выборке молодежи), итоги которого я и представила в материалах конференции, так и качественный подход (серия биографических и групповых интервью), по результатам которого была подготовлена и издана в Москве коллективная монография, где я отвечала за аналитический блок и редактуру транскриптов интервью. В 2011 году я подала тезисы одновременно на две секции конференции в Женеве: в первых были отражены мои интересы в сфере текстового анализа, во вторых – результаты реализованного на базе кафедры социологии анкетного опроса, призванного оценить патриотический настрой российской молодежи. Аналогичным образом я поступила и в 2013 году, когда на очередную конференцию Европейской социологической ассоциации вновь подала тезисы на две секции: в первых были представлены итоги очередного этапа нашего международного проекта по оценке образа стран-соседей в мировосприятии (русской) студенческой молодежи; во вторых были обозначены те типы текстового анализа, что, как правило, используются для работы с теми слабо- и/или неформализованными данными, которые мы получаем в результате применения качественного подхода в эмпирических исследованиях.

Что касается моей работы в Центре аграрных исследований, то зарубежные выезды здесь опять же осуществляются в рамках конкретных проектов. Скажем, год назад мы всей командой Центра обсуждали в Лейпциге с нашими немецкими и барнаульскими коллегами организацию и методiku полевого этапа так называемого «Кулундинского проекта», призванного оценить социальные, а не только экономические и агрономические, результаты и последствия применения инновационных методик ведения сельского хозяйства в разных регионах Алтайского края.

Так что приходится с некоторой грустью констатировать, что объективно-институциональные условия и исследовательско-тематические приоритеты моей работы не способствовали моему непосредственному знакомству с ключевыми персоналиями и/или центрами, специализирующимися в сфере текстового анализа, поэтому я вынуждена ограничиваться знакомством с опубликованными текстами. И вряд ли ситуация здесь изменится, особенно учитывая нынешний российский финансовый кризис, объективно (если взглянуть на курс национальной валюты) сводящий к минимуму возможности многих образовательных и исследовательских институций по командировочным расходам своих сотрудников в случае их выезда за границу (причем это ограничение накладывается на уже обозначенные выше).

Похоже, что в самый раз попросить Вас рассказать о работе над докторской диссертацией. Что в этом плане уже сделано?

С докторской диссертацией я фактически выхожу на финишную прямую, что для меня несколько неожиданно. Дело в том, что после защиты кандидатской диссертации в течение нескольких лет я вообще не задумывалась над докторской, хотя обязательность ее написания подразумевалась руководством кафедры и факультета. Тема докторской диссертации оформилась у меня достаточно давно, потому что меня всегда огорчало игнорирование проблем текстового анализа в отечественной и зарубежной традиции с точки зрения тех принципиальных требований к эмпирической социологической работе, которые предъявляются к опросным методам и технологиям. Пару лет назад я подробнее переговорила с Галиной Галеевной Татаровой, которую очень хотела видеть своим научным консультантом в работе над докторской диссертацией – рассказала ей об общей задумке работы и предполагаемом мной формате ее осуществления. Но затем, на протяжении примерно полутора лет, занималась докторской постольку-поскольку, будучи занята кучей разных исследовательских проектов, преимущественно количественных, помимо двух основных мест работы. Однако мое любимое кафедральное руководство совершенно неожиданно поставило меня в план защит на 2014 год, что, конечно, оказалось нереализуемой задачей и не только потому, что в подобной работе сроки и планы – вещь заранее обреченная на провал, но и по формальным причинам. Не останавливаясь подробно на особенностях нынешней процедуры выхода на защиту, отмечу только, что с момента обсуждения диссертации на заседании кафедры и вывешивания окончательной версии работы на сайт диссертационного совета должно пройти не менее четырех месяцев.

Тем не менее, узнав о том, что меня включили в план защит, а его невыполнение грозит неприятными последствиями, я постаралась максимально мобилизоваться (честно говоря, свою кандидатскую диссертацию я тоже писала под внешним давлением в неприемлемые для меня, но в итоге выдержанные сроки. Лето 2014 года я полностью посвятила написанию докторской диссертации (практически все лето 2013 года тоже было посвящено этой работе, но тогда у меня было слишком много отвлекающих факторов личного характера, от которых я не хотела отказываться ради докторской, но потом поняла, что переоцениваю значение многих людей и вещей в своей жизни, а они того не стоят). В результате моя докторская диссертация меня категорически не устраивает, потому что слабо соответствует тому, что мне хотелось написать и защитить, но, с другой стороны, я понимаю, что, не выйди я сейчас на защиту, я бы просто погрязла, утонула в бесконечном количестве чужих и собственных текстов, что нужно подытожить проделанную за десять лет работу, и, возможно, замечания и критика оппонентов и членов диссертационного совета на защите лучше сориентируют меня, куда имеет смысл идти дальше. Так что, если все сложится благополучно, то в марте 2015 года я выйду на защиту.

Что касается моей оценки самого факта написания и защиты докторской диссертации, то здесь следует развести моменты организационно-формального и содержательного плана. Что я имею в виду под организационно-формальными аспектами: во-первых, от всех сотрудников научно-исследовательских и образовательных институций негласно ожидается постепенный «сбор» в течение профессиональной карьеры всевозможных ее обязательных атрибутов в виде всех существующих ученых степеней и званий (в подобной институциональной среде не только негласно, но и вполне открыто утверждается, что остепенение — вещь совершенно необходимая, независимо от того, чем именно человек занимается и считает ли нужным для себя лично обрастать статусными подкреплениями и подтверждениями своих исследовательских интересов и достижений). Во-вторых, если человек защищает достаточно успешно работу по «перспективной» (плохо изученной, непонятной, мало доступной и пр.) теме, то окружающие сразу видят здесь возможности продолжения и начинают сватать бакалавров в магистратуру, магистров — в аспирантуру, новоиспеченных кандидатов наук сразу после подсчета голосов членов диссертационного совета в конце защиты — в докторантуру или просто на защиту докторской (кстати, это очень забавная российская традиция: в роддомах и диссертационных советах любят приглашать за «следующим творением» — соответственно, ребенком или степенью).

С другой стороны, в большинстве коллективов существует негласная иерархическая последовательность: все всегда знают, кто за кем должен выходить на защиту кандидатской и докторской диссертаций, а также сколько времени должно пройти между кандидатским остепенением и замахом на докторскую. В каждой организации существуют свои представления о том, какой размер данного временного лага является нормальным, обязательным, приличным или, наоборот, неприличным и непростительным. Более того, есть и вполне устойчивые «нормативы» тех сроков, превышение которых и пропуск вперед тех коллег, кто по возрастным параметрам или по длительности работы в организации должны были выходить на защиту после тебя, фактически ставят на человеке крест в том смысле, что от него перестают ждать выхода на защиту, и руковод-

ство перестает ставить его в планы защит (сегодня во многих структурах существуют официально утвержденные планы по многим показателям академической и научной деятельности, которые раньше носили декларативно-информирующий характер, а сегодня обрели статус обязательных к исполнению). Скажем, в течение тех лет, что я вообще не задумывалась о докторской диссертации, мне несколько раз мягко намекали, что как бы еще рано и вообще далеко не моя очередь.

Третье формальное условие, которое, в отличие от названных выше первых двух, имеет сегодня жестко-директивный и потому принципиальный для защиты докторской диссертации характер, — количественные показатели отражения положений работы в публикациях. С относительно недавних пор в качестве таковых выступает наличие монографии и не менее 15 публикаций в изданиях, включенных в список Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации. Сложно оценивать оправданность и обоснованность данного требования, но лично мне соблюсти его было сложновато по ряду причин. Во-первых, как и многие другие социологи, работающие сразу в нескольких организациях и принимающие участие в самых разных проектах, я отчитываюсь по таковым публикациями, которые естественно не имеют к теме моих диссертационных изысканий никакого отношения. Иногда проблематику проектных публикаций и диссертационного исследования удавалось совместить, но получалось это достаточно редко. Так, в ходе качественно-количественного исследования молодежного самосознания в 2006—2008 годах на первом этапе проекта была проведена многочасовая групповая дискуссия в Москве, для корректной суммировки результатов которой в целях последующей разработки тематически последовательного гайда для аналогичных дискуссий в регионах Северного Кавказа и Закавказья я применила простейший вариант контент-аналитического метода. Или другой пример: в качестве интервьюера я принимала участие в проекте, основанном на методе экспертного опроса. После окончания полевого этапа участникам проекта предлагалось написать небольшой аналитический текст по результатам интервью на интересующую лично тебе тему — эта работа должна была оплачиваться отдельно. Не помню почему, но меня потянуло на методическую рефлексию: я подготовила аналитический очерк о том, почему люди, по всем формальным основаниям однозначно квалифицируемые как эксперты и соглашающиеся на участие в экспертном интервью именно в этом качестве, в ходе его проведения фактически отказываются от подобного статуса. Вряд ли подобная работа может характеризоваться как полноценный результат применения неких приемов текстового анализа, но речь шла именно о последовательном разборе отдельных деталей вербального и невербального взаимодействия интервьюеров и информантов. В итоге деньги мне за данную аналитику не заплатили как за не вписывающуюся в рамки необходимой заказчику отчетности, но статью на ее основе я опубликовала. Так что, как правило, свои интересы в сфере текстового анализа я реализовывала в формате объемных рецензий, например, на работы Ф. Р. Анкерсмита, Т. А. ван Дейка и С. Сонтаг: первый считается признанным авторитетом в области нарративного анализа в плане проработки многих его концептуальных моментов и прописывания базовых теоретико-методологических оснований нарративного поворота в целом; второй — родоначальник особой версии дискурс-анализа, которую вряд ли можно квалифицировать как социоло-

гическую, но она, несомненно, предлагает массу интересных лингвистических решений, удобных и важных для социологической работы; третий автор, на мой взгляд, фактически обосновал необходимость расширения границ нарративного анализа на визуальные объекты (эта идея скорее считается в работах Сонтаг заинтересованным и, видимо, несколько повернутым на данной теме читателем, чем прямо утверждается). Конечно, в итоге приходится признать, что мои рецензии по самим своим названиям не очень хорошо соответствуют обязательному для автореферата диссертации разделу под условным названием «отражение содержания диссертации в публикациях», хотя тематически и хронологически точно отражают процесс работы над докторской.

Во-вторых, задача любого соискателя любой ученой степени — не просто отражение содержания диссертации в публикациях как таковых, но именно в «правильных» публикациях. С одной стороны, для так называемой «апробации» это должны быть тезисы или статьи в сборниках конференций, с другой стороны — статьи в изданиях, входящих в список ВАК РФ. Для меня это требование также оказалось достаточно сложно выполнимым, потому что большая часть моих публикаций обоих типов была написана по мотивам и результатам тех многочисленных эмпирических исследований, в которых я участвовала в разном качестве (интервьюера, аналитика, методолога и пр.), но которые объединяет их количественный характер и фокусировка на молодежных проблемах и измерении ценностного многообразия современных обществ с помощью формализованных опросных методик. Кроме того, многие мои рецензии и базовые для докторской диссертации статьи были опубликованы в журналах, не входящих в список ВАК РФ, что автоматически сокращало обязательный и необходимый для выхода на защиту список публикаций, в которых были отражены основные положения диссертации.

Четвертое формальное требование, вступающее в силу с момента выставления на всеобщее обозрение итоговой версии докторской диссертации на сайте диссертационного совета, — договоренности с оппонентами и ведущей организацией. В настоящее время действует достаточно жесткое требование, согласно которому все три оппонента должны быть сотрудниками разных организаций и одновременно специалистами в той области, по которой защищается диссертант, что проверяется совершенно формальным образом — по тематике публикаций за последние несколько лет. Также и кафедра, которая готовит отзыв ведущей организации, должна если не специализироваться, то, по крайней мере, разбираться в проблематике диссертационного исследования, что проверяется аналогичным формальным образом — по наличию соответствующих публикаций у сотрудников кафедры. Здесь возникают следующие проблемы: во-первых, публикации по тематике диссертации могут иметься в наличии, но совсем не за последние несколько лет, что совершенно понятно и нормально (исследовательские интересы людей могут меняться, сохраняться, но не получать отражения в публикациях, подойти к своему логическому пределу и т. д.); во-вторых, люди могут быть признанными специалистами, скажем, в методологии социологического исследования и писать работы по общеметодологическим вопросам, а не по конкретной предметной области, по которой вы собираетесь защищаться; в-третьих, ваши предполагаемые оппоненты могут быть (а) слишком заняты, (б) не заинтересованы в оппонировании вообще, (в) не заинтересованы конкретно

в вашей теме, (г) состоять в сложных отношениях с вашим руководством/организацией/диссоветом/научным консультантом/другими оппонентами, (д) болеть, (е) испытывать семейные или иные сложности и потому отказаться брать на себя серьезные обязательства по подготовке отзыва и т. д.

На обозначенные сложности, с которыми человек может столкнуться в поиске оппонентов, нередко накладывается и следующее противоречие: с одной стороны, имеет смысл выходить на защиту с работой, в которой вы, возможно, и не совершаете великих научных открытий (в социально-гуманитарном познании это сделать достаточно сложно), но все же говорите своим коллегам что-то новое или начинаете некую важную методологическую дискуссию, отсутствие которой по тем или иным причинам вам кажется просто непростительным. Но, с другой стороны, чем более специфически-необычна тема вашей докторской диссертации, тем с большими проблемами вы столкнетесь, пытаясь найти оппонентов. Например, по методологии социологических исследований специалистов в российской науке не так и много, некоторые откажутся по объективным причинам невозможности прооппонировать вашу работу, другие — потому что не вполне комфортно чувствуют себя в вашей теме, третьи сочтут ее вообще несоциологической и т. п. Так что на непростые формальные требования в итоге наложатся и содержательные особенности докторской диссертации, о чем в процессе ее написания вряд ли кто-то серьезно задумывается. Впрочем, с этой точки зрения мне, несомненно, повезло: трое прекрасных специалистов согласились выступить оппонентами на моей защите — это, конечно, грозит мне серьезными замечаниями, что не может не пугать и не радовать одновременно, потому что мнения компетентных, но благожелательно настроенных людей не могут не способствовать прояснению многих важных для меня лично вопросов.

Написание докторской диссертации требует массы сил — интеллектуальных и эмоциональных, но особенно тяжело даются последние этапы, когда свой выстраданный и понятный тебе лично текст нужно правильно преподнести, выжав из него требуемые формальные моменты: научную новизну, положения, выносимые на защиту, и пр. Проблема не только в том, чтобы все эти вещи корректно и выигрышно прописать, но и в том, что они проходят обсуждение с коллегами, которые, к сожалению, могут категорически не разделять вашу точку зрения в содержательном плане (например, некоторым коллегам, которые не имеют ни малейшего представления об особенностях эмпирической работы, не нравится мое «обращение» с дискурс-анализом, потому что они просто не разводят специфические характеристики его бытования на разных уровнях — сугубо теоретическом, методологическом и эмпирическом), могут не принимать ваш ссылочный аппарат с точки зрения «набора» персоналий (но вы просто «физически» не можете удовлетворить пристрастия всех читателей вашей работы, если библиография подходит к семистам источникам, и штук сто вы оттуда уже выкинули, просто чтобы сократить ее до приличных объемов), могут быть возмущены вашей концептуальной наглостью (крайне симпатичное нам с Галиной Галеевной слово «метатеоретизирование» пришлось убрать из названия диссертации, потому что оно показалось моим коллегам слишком претенциозным, хотя, на мой взгляд, оно прекрасно отражает то, что я собственно пыталась сделать в своей работе), могут упрекать вас за общий стиль письма — как слишком «немецкий», «толстовский» и пр. Так что выход на защиту, как мне кажется,

сегодня стал достаточно сложным во всех смыслах предприятием, и мне ужасно хочется, чтобы все это поскорее, но успешно, закончилось, в чем у меня нет никакой уверенности. Тем не менее, пока я надеюсь на благополучный исход дела...

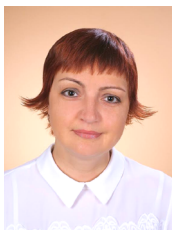
Самое начало 2015 года. Время – загадывать и мечтать... Что в планах на начавшийся год? На ближайшие годы?

Возможно, как и все люди, я склонна неправильно себя оценивать, но все же считаю себя предельно конкретным человеком с точки зрения жизненного планирования. Я никогда не испытывала особых иллюзий по поводу каких бы то ни было вопросов в жизни, у меня никогда не было каких-то душещипательных девчачьих грез и мечтаний: сколько я себя помню, у меня всегда были крайне конкретные запросы к мирозданию по всем поводам. Поэтому на ближайший год у меня есть четкий набор «мечт», которые в карьерно-рабочей сфере схематично сводятся к следующему: упорядочить ситуацию с журналом «Вестник РУДН. Серия “Социология”», в котором я выступаю ответственным секретарем редакционной коллегии, в том числе, пройти все необходимые процедуры, связанные с сохранением журнала в списке ВАК РФ; постараться защитить докторскую диссертацию и получить степень доктора социологических наук; поскольку в конце декабря меня, как это часто бывает в России, совершенно неожиданно ввели в состав диссертационного совета в качестве ученого секретаря, попытаться войти в курс дел настолько, чтобы нормально выполнять свои новые обязанности и не подводить людей, которые будут в нашем совете защищаться в будущем году или уже прошли защиту в конце декабря и готовят соответствующие пакеты документов; вывести на защиту своих четырнадцать дипломников и уговорить троих замечательных, творческих и неплохо пишущих магистров поступать в аспирантуру, потому что им это может пригодиться в жизни, а мне жаль с ними расставаться; вытолкать на защиту кандидатской диссертации одного очень сложного, но горячо любимого ребенка; довести со своим шепутным третьим курсом два наших исследования до логического конца (я лелею надежду получить от них два милых аналитических отчета); постараться максимально хорошо реализовать все те исследовательские проекты, что мы запланировали в Центре аграрных исследований, потому что мне очень хочется более полноценно в них участвовать не только на этапах разработки методологии и инструментария и подготовки отчетности, но и в полевых работах; попытаться не впасть периодически в депрессивные состояния, осознавая постоянную необходимость выполнять массу неблагодарной бумажной работы и бюрократической волокиты, которые неизбежно сопровождают любые интересные исследовательские проекты. Наверное, планов у меня должно быть и в итоге окажется больше, но это то, что сразу всплывает в голове.

Помимо этого, очень хочется массу всего написать: кучу статей придется подготовить в качестве отчетной документации по разным проектам, но еще столько всего хочется написать по тематикам, которые интересны мне лично. Периодически я с тоской смотрю на кипы книг в моей комнате, среди которых я живу, и с той же тоской – на бесчисленные папки на рабочем столе моего компьютера, забитые текстами из массы журналов и сборников, которые у меня просто руки не доходят прочитать, а также заполненные набросками статей, мно-

гие из которых я не напишу, потому что не успею со сроками или потому, что, отлежавшись некоторое время, эти зачаточные тексты утратят для меня смысл и перестанут быть интересны по тем или иным причинам.

У меня масса планов и в личной (нерабочей) жизни, связанных с ребенком, родителями, ремонтами, путешествиями, чтением, изучением иностранных языков, но я совершенно сознательно стараюсь даже не думать о возможностях реализации чего бы то ни было далее, чем в следующем 2015 году. Все вокруг слишком зыбко, непредсказуемо — как с точки зрения объективных реалий и взаимодействий с людьми, от которых в той или иной степени зависит течение моей жизни и карьера, так и в плане негарантированности собственного существования: в этом году скоропостижно скончались несколько очень молодых, далеких, но дорогих моему сердцу людей, а у многих других настолько радикально изменились взгляды, предпочтения, круг общения и жизненные обстоятельства, что я зареклась загадывать что бы то ни было на отдаленное будущее. Надеюсь, вы не сочтете подобные признания свидетельством моего пессимистичного настроения: я неисправимая оптимистка, безумно люблю жизнь во всех ее проявлениях, вижу крупинцы хорошего в любой жизненной гадости, поэтому думаю, что все так или иначе будет хорошо, почти хорошо или к лучшему...

Интервью с Оксаной Вячеславовной УСТИНОВОЙ

«ЕСЛИ НАША ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА БУДЕТ ОПИРАТЬСЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ, ТО ВСКОРЕ ОНА ПОТЕРПИТ ПОЛНЫЙ КРАХ»

Устинова О. В. — окончила факультет менеджмента Тюменского государственного нефтегазового университета (1999 г.), кандидат социологических наук (2003 г.), доцент (2006 г.). Тюменский государственный нефтегазовый университет, кафедра Маркетинга и муниципального управления. Основные области исследования: управление воспроизводством населения, репродуктивное поведение населения.
Интервью состоялось: апрель 2015 г.

Конец апреля 2015 года. После завершения беседы с Оксаной Вячеславовной Устиновой в моей коллекции стало 11 интервью с социологами Тюмени и Тюменского региона. Не знаю, удастся ли провести новые интервью, но уже и сейчас есть возможность для анализа процесса становления и развития социологии в этом регионе. Формально, это можно было начинать и несколько ранее, добавление одного интервью — даже при столь небольшой выборке — не может значительно изменить имевшуюся до этой беседы картину. Вместе с тем, рассказ Оксаны Устиновой ярче выявил то, что просматривалось и ранее.

Интервью с социологами Тюмени начались достаточно давно; беседа с Юлией Беспаловой состоялась на рубеже 2010-2011 годов. Но потом возникла пауза. Следующее интервью — с Людмилой Лебедевой — проходило в мае — сентябре 2014 г. Зато в конце 2014 — начале 2015 годов одно за другим были завершены девять интервью с тюменскими социологами, и, таким образом, сложились предпосылки для изучения тюменских социологов как некоей самостоятельной научной общности. Не сейчас, в будущем...

Рассказанное Оксаной Устиновой интересно во многих отношениях. Это еще несколько сюжетов из жизни тех, кто в подростковом возрасте наблюдал переход от застоя к перестройке и чьи школьные годы пришлись на начало 1990-х. Это еще одна траектория прихода в социологию представителя шестого поколения советских / российских социологов; в ее маршруте – и общее, присущее другим членам этой профессионально-возрастной когорты, и уникальное, единственное, что отличает ее путь от дорог, которыми шли другие. В частности, в рассказанном Устиновой обнаруживается глубокая пронизанность всего ее жизненного и профессионального опыта Тюменью, Тюменской проблематикой. Нечто аналогичное я замечал и в нескольких других жизненных историях, однако до поры до времени это «замкнутость» на Тюмень не порождала исследовательских вопросов. Но постепенно количество подобных наблюдений породило стремление к изучению данного феномена.

Таблица 1

География рождения, обучения и профессионализации

ФИО	Поко- ле-ние*	Место...			
		...рожде- ния	школа	высшее образо- вание	подготовка кандидатской / докторской
Бакштановский В. И	III	Новосибирск		Томск	Томск / Тюмень
Беспалова Ю. М.	IV	Тюмень			Тюмень-СПб / Тюмень-СПб
Гаврилюк В. В.	IV	Тюмень			Тюмень / Тюмень
Лебедева Л. В.	IV	Тюмень			Тюмень
Хайруллина Н. Г.	V	Тюмень			Тюмень / Тюмень
Абрамовский А. Л.	VI	Тюмень			Тюмень
Гаврилюк Т. В.	VI	Тюмень		Тюмень / Москва	Москва
Засыпкин В.П.	VI	Тюмень	Сургут	Тюмень	Сургут-Москва / Тюмень-Е-бург
Сорокин Г. Г.	VI	Тюмень			Тюмень
Устинова О.В.	VI	Тюмень			Тюмень
Фарахутдинов Ш. Ф.	VI	Ташкент	Ташкент - Тюмень	Тюмень	Тюмень

* Время рождения социологов третьего поколения – 1935–1946 гг., четвертого – 1947–1958 гг., пятого – 1959–1970 гг. и шестого – 1971–1982 гг..

В Таблице 1 в самом общем виде отражается сказанное выше. Лишь у В. Бакштановского (третье поколение советских / российских социологов) годы социализации, получения высшего образования и подготовки кандидатской диссертации протекали вне Тюмени. Его докторское исследование было сделано уже в Тюмени, а защита диссертации состоялась в Новосибирске. У десяти других – детство (полностью или частично), ранняя юность, студенческие годы проходили в Тюмени или в Тюменском регионе (Сургут), потом все они (кроме Т. Гаврилюк, завершавшей образование в Москве) учились в Тюменских университетах.

Аспирантура, подготовка кандидатских диссертаций и их защита у большинства опрошенных социологов прошли в Тюмени. Аналогичное можно сказать и о движении к степени доктора наук. Четверо из шести социологов шестого поколения готовили свои кандидатские диссертации в Тюмени и двое: Т. Гаврилюк и В. Засыпкин делали их под руководством московских ученых.

В Тюмени стала кандидатом наук Л. Лебедева и прошли ступени кандидата и доктора наук Ю. Беспалова, В. Гаврилюк и Н. Хайруллина. Первых двоих консультировали в работе над докторскими диссертациями ленинградские социологи С. В. Иконникова и В. Т. Лисовский, соответственно.

В. Бакштановский – создатель школы прикладной этики, методология которой синтезирует положения философии, этики и феноменологической социологии. Его учениками являются Ю. Беспалова и Л. Лебедева.

Все другие социологи, интервью с которыми проведены мною, относятся – с определенными уточнениями – к школе, создававшейся Кларой Григорьевной Барбаковой. Вот что говорит, В. Гаврилюк, работавшая с нею многие годы:

Клара Григорьевна понимала, что новое социологическое направление исследований, вряд ли сможет долго существовать в рамках кафедры философии, поэтому огромное внимание уделяла творческому, профессиональному росту своих учеников и последователей. У нее сложился широкий круг профессиональных контактов, и она приглашала известных ученых из Москвы, Ленинграда, Минска, Екатеринбурга, Перми и других центров, где были социологические лаборатории и проводились социологические исследования. Конференции, школы которые проводила Клара Григорьевна, сыграли, на мой взгляд, решающую роль в формировании слоя социологов-исследователей в нашем регионе.

Г. Сорокин обучался в аспирантуре и защитил кандидатскую диссертацию под руководством В. Гаврилюк и сейчас работает на кафедре, которую возглавляет профессор О. Барбаков, сын К. Г. Барбаковой.

Н. Хайруллина называет своим учителем Анатолия Николаевича Силина и признает заметный вклад К. Г. Барбаковой в успешную защиту ею докторской диссертации. При этом сам А. Силин в своей автобиографической книге «Опыт рефлексии» (Тюмень: Вектор Бук, 2006) отмечает плодотворность своего сотрудничества в области социологии с К. Г. Барбаковой.

Уже кандидатом наук, заинтересовавшемся социологией, обратился к К. Г. Барбаковой и выпускник филологического факультета Тюменского университета В. Засыпкин. Под ее руководством он постигал методологию социологии и навыки проведения эмпирических исследований. Консультантом по его докторскому исследованию был профессор Г. Е. Зборовский (Екатеринбург).

О. Устинова была аспиранткой Н. Хайрулиной, а сейчас при ее консультировании она уже работает над докторской диссертацией. Руководителем диссертационного исследования А. Абрамовского была профессор М.Л. Белоножка, делавшая первые шаги в социологию при поддержке Г.К. Барбаковой. Таким образом, в широком смысле все эти ученые принадлежат к школе Барбаковой.

Проведенный очень беглый анализ подводит к выводу о высокой степени «замкнутости» тюменской социологии «на себя», что особенно заметно в биографиях молодых социологов. Наиболее четко это отражено в ответе Г. Сорокина на мой вопрос, не работал ли он в научных центрах Москвы, Петербурга, сибирских городов:

В научных центрах я никогда не работал. Как и большинство моих коллег, я зарабатываю на жизнь преподаванием. Наукой занимаюсь в свободное от работы время. Несколько раз меня приглашали в исследовательские группы для подачи заявок на гранты. Но такие группы функционировали только на период разработки заявки или (если выигрывали грант) на период работы над общим проектом.

А. Абрамовский писал свое кандидатское исследование по проблемам дистанционного обучения. Он отметил, что осенью 2013 года участвовал в семинаре по этой проблеме, проходившем в МГУ. Но это смотрится как разовая акция, а не как его включенность в сообщество исследователей данной темы: «К сожалению, со многими учеными, исследовавшими дистанционное образование в высшей школе, я не знаком лично, хотя читал научные статьи многих из них. Возможно, в ходе дальнейших исследований для докторской диссертации, будет возможность пообщаться с видными экспертами в области отечественного дистанционного высшего образования лично». И О. Устинова основном лишь по книгам и статьям знает тех российских ученых, кто исследует процессы воспроизводства населения.

В целом, содержание интервью с тюменскими социологами — можно допустить — предлагает нам не редкую для современной России модель развития социологии, демонстрирующую разрыв связей между учеными региональных структур. Достаточно четко характер ослабления таких связей и причины этого явления в 90 - е годы рассмотрены недавно Л. Е. Бляхером. В частности он назвал: «...Сокращается число Всероссийских конференций, точнее, возможностей оплаты участия в них. Распадается система Всероссийского распределения. Соответственно, в регионы начинает пребывать намного меньше адептов центральных школ. “Приглашенные специалисты”, пожав плечами, отбыли на прежнее место жительства. Новые на смену не прибыли. Постепенно преподавательские позиции и позиции научных сотрудников заполняются местными кадрами, для которых реальность столичных (и иных) школ становится все более эфемерной. <...> журналов поступает в университетские библиотеки (по крайней мере, до середины 90-х) все меньше. Постепенно распадается и система “целевой аспирантуры”. Точнее, она оказывается разорванной материально-финансовым положением вузов и НИИ. <...> Командировка за счет вуза в центр становится явлением почти мифическим, а обучение и проживание в столичном городе превращается в тяжкий финансовый груз для соискателя ученой степени. При не особенно большой разнице в зарплате между старшим преподавателем со степенью и без нее и появлением возможностей для получения неформальных доходов и частных заказов мотивация к столичному обучению снижается. Поскольку требование наличия ученой степени у определенного процента работников сохраняется, постепенно формируются местные аспирантуры, докторантуры, диссертационные советы» [1].

Скорее всего в течение определенного времени наработанные в прошлом связи между научными школами будут восстанавливаться и новые – устанавливаться. Такова логика развития научного знания. Динамика этого процесса будет определяться политической ситуацией в стране и ролью социологии в обществе, финансовыми обстоятельствами, возможностями университетов и других социологических образований направлять своих сотрудников, студентов, аспирантов в российские и зарубежные научные центры, а также принимать у себя специалистов из других регионов и стран. Но очень многое зависит от сознания самих социологов, их отношения к себе, своим коллегам, своему профессиональному сообществу в целом.

Мое понимание специфики поколений советских / российских социологов во многом связано с приписываемыми (исходя из теоретических соображений и содержания бесед с ними) им функциями. Доминантной функцией шестой когорты является «Определение характера постсоветской российской социологии». По сути от них во многом и зависит, быть российской социологии единой, что не тождественно - «подчиненной центру», или раздробленной, регионально замкнутой. Обратимся к Таблице 1, в Тюмени есть группа молодых социологов, понимающих значение интеграционных процессов; среди них и Оксана Устинова. Значит и здесь будет развиваться этот современный позитивный тренд.

1. *Бляхер Л.* Социология в регионе: это как? // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015. № 4 (в печати).

Устинова О. В.: «Если наша государственная политика будет опираться на экономическое стимулирование рождаемости, то вскоре она потерпит полный крах»

Оксана, Вы, насколько я понял из письма профессора Нурсафы Хайруллиной, ее ученица. Вы и родились в Тюмени? Насколько глубоко Вы знаете историю своей родительской семьи?

Я родилась и всю жизнь прожила в г. Тюмени.

Мой дедушка по маминой линии – Пилецкий Иван Константинович (1927 г. р.), сын ссыльных поляков Пилецкого Константина Ивановича и Пилецкой Стефании. Их выслали из Польши сразу после революции 1917 года. Они проживали в Томской области, Тигульдеский район, Село Красная горка. Там у них родились пятеро детей, младшим из которых был мой дед Иван. Когда ему было 17 лет, в 1944 году, его забрали на военно-морскую службу, и он попал в г. Владивосток. Он прослужил 10 лет и после демобилизации остался на гражданском флоте, где дослужился до должности Капитана дальнего плавания. В 1968 году, во время рыболовецкого рейса на судне произошел пожар. Судно СТРМ–8408, после сдачи улова загрузило в Японии удобрение и направлялось в г. Советскую Гавань. Во время пожара удобрение стало выделять ядовитые газы, и по пришествии в порт вся команда была госпитализирована. И только мой дедушка, имея богатырское здоровье, от госпитализации отказался. А буквально через две недели у него началось быстротекущее заражение крови, которое привело к параличу дыхательного центра. Спасти его не удалось, умер дед 16.06.1968 г.

Бабушка по маминой линии – Пилецкая Ольга Марковна (1932 г. р.). Ее мама (моя прабабушка) – Грязнова Агриппина Осиповна (1912 г. р.), познакомилась с дедушкой – Дурасовым Марком Петровичем (1910 г.р.), когда у нее уже было две дочери – Анна и Ольга. Спустя некоторое время (в 1935 г.) у них родилась общая дочь – Надежда. В 1941 году прадед ушел на войну, познакомился с другой женщиной и женился на ней. Чтобы не было неприятностей (все-таки «Сталинские времена»), он поменял имя и стал Павлом Петровичем. По истечении некоторого времени он, все-таки, вернулся к прабабушке, но, как помнит мама, из-за этого в семье было много конфликтов.

В возрасте 36-ти лет моя бабушка осталась одна с двумя детьми. Поскольку ее молодость выпала на послевоенное время, ей не удалось получить образование, поэтому всю жизнь она зарабатывала тяжелым трудом – работала прачкой. Пока был жив ее муж, семья ни в чем не нуждалась, но когда он умер, все семейные тяготы легли на ее плечи. Сиротами остались моя мама, в возрасте 16-ти лет, и ее младший брат. Моя мама в то время закончила восьмой класс на одни пятерки, но, в связи с тяжелым материальным положением, устроилась на работу гардеробщицей в театр им. Горького во Владивостоке, и в течение двух лет (до окончания школы) днем – училась, а поздним вечером – работала. И, тем не менее, закончила школу с золотой медалью, о чем я расскажу чуть позже.

Мама часто вспоминает, как тяжело приходилось выживать. Бабушка стирала белье на дому, и маме приходилось наравне с ней целыми днями стирать и гладить. Денег едва хватало, и чтобы выглядеть не хуже своих одноклассниц, мама вязала (спицами) себе наряды. Это мастерство осталось у нее до сих пор. Вы не поверите — все дети и внуки обвязаны «с ног до головы». Она вяжет эксклюзивные костюмы, пальто, свитера, платья. Пожалуй, нет такой модели, которая была бы не под силу моей маме.

Мама также вспоминает, что стеснялась своего социального положения, но, несмотря на это имела неоспоримый авторитет, являясь лучшей ученицей школы.

Итак, моя мама — Пилецкая Лидия Ивановна (1952 г. р.), в школьные годы, будучи «круглой» отличницей, участвовала во всевозможных олимпиадах, конкурсах и всегда занимала призовые места.

Интересные факты: Выпускное сочинение на тему «Мы делу Ленина и Партии верны», мама написала в стихах. Она до сих пор помнит строчки из него: «Мы делу Ленина и Партии верны.

Мы дети замечательной страны.

Товарищ Ленин — слушайте,

Мы рапортуем Вам

О том, что жизнь кипучая посвящена делам».

В связи со злободневностью темы, сочинение мамы отправили в ГОРОНО для подтверждения отличной оценки, так как на кону стоял вопрос о золотой медали. Там проверили и поставили четверку с плюсом. Таким образом, медаль стала недостижимой. И на выпускном вечере ей выдали аттестат с одной четверкой. Отчаянию не было предела. Получив аттестат, на общих основаниях мама подала документы в Дальневосточный политехнический институт им. Куйбышева на факультет радиоэлектроники и приборостроения. Сдала четыре экзамена на пятерки и была зачислена в числе первых. В это время «злополучное» сочинение в стихах вернулось после очередной проверки в высших инстанциях с оценкой «отлично». Но, несмотря на то, что маму вызвали в школу, заменили аттестат на отличный и выдали медаль, той радости, которая могла быть при торжественном вручении заслуженной награды уже не было.

Во время обучения на четвертом курсе мама вышла замуж за моего отца. А на пятом курсе у них родился сын Анатолий, мой старший брат (всего детей в семье трое). По окончании института, в 1975 году, молодая семья переехала в г. Тюмень, откуда родом мой отец.

Всю жизнь мама ведет активный образ жизни. Она ветеран труда, почетный донор. В свои 62 года она пишет стихи, водит машину, занимается садоводством, и, самое главное, для всех своих внуков (а у нее их восемь) является репетитором по всем школьным предметам. Она до сих пор наизусть знает все правила английской грамматики, математических преобразований, геометрии и т. д.

Мой отец — Павлюченко Вячеслав Васильевич вырос в семье простых рабочих. Его мать — Прончатова Анна Ивановна (1925 г. р.), дочь ссыльных кулаков из Мордовии. Ее мама (моя прабабушка) — умерла очень рано, и бабушка жила со своим отцом — Прончатовым Иваном. Бабушка, не имея образования, всю

жизнь работала продавцом. Уже в мирное время ее наградили медалью «Ветеран труда». Помню, как в детстве я помогала бабушке фасовать конфеты – радостные впечатления сохранились до сих пор. Бабушка умерла в 2001 году.

Дедушка по отцовской линии – Павлюченко Василий Иванович (1926 г. р.). В 17 лет (в 1943 г.) его призвали из деревни Еловка Викуловского района Свердловской области на войну. На моей памяти дед все время вспоминал, как на промежуточной станции по пути на фронт он встретился со своим родным дядей Мишей, который возвращался домой без обеих ног. Другое воспоминание деда: при передвижении солдат по лесу во время привала, дед, по незнанию (ему всего 17 лет!), пытался развести костер, чтобы сварить картошку. За это его хотели расстрелять – дым от костра мог выдать нахождение советских солдат. И только неожиданная атака немцев спасла ему жизнь. Я не знаю точно, где воевал мой дед, но он часто вспоминал г. Кандалакшу (Мурманская область). Дед был танкистом, неоднократно награжден: орденом «Красная звезда», медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». После демобилизации дед жил в г. Тюмени, где познакомился и женился на моей бабушке. К сожалению, дедушка умер (2002 г.).

В семье моего отца было три сына. Мой отец – Павлюченко Вячеслав Васильевич (1953 г.р.) был средним. После школы он закончил Лесотехнический техникум по специальности техник-механик. В связи с обучением у него была отсрочка от армии, и поэтому призвали его только в 1973 г. в возрасте 20 лет. Служил он в г. Владивостоке, где и встретил мою маму. После армии до развала Советского Союза он работал водителем-дальнобойщиком, а после, когда расформировали его предприятие, в такси.

Удивительно, как это все в Вашей семье сохранилось? Кто-либо записывал? Есть дневники? Вы знаете книгу тюменского профессора Ю. М. Беспаловой «Обращение к себе», во многом она сделана на материале дневника ее деда...

Дневники в нашей семье никогда не велись. Бабушки и дедушки были практически малограмотными. К тому же времена были тяжелые – нужно было много работать, чтобы прокормить семью.

Моя мама обладает феноменальной памятью. Она не только помнит всю школьную программу, вплоть до каждой формулы, правила, теоремы. Она с легкостью воспроизводит события, фамилии и даты, о которых рассказывали наши предки.

Наверное в школу Вы пошли уже умея читать, считать и вообще – весьма подготовленной...

Подготовка к школе у меня была обычная детсадовская.

Училась я всегда очень хорошо – почти все пятерки, за исключением некоторых точных наук, которые мне давались сложнее. Зато мои сочинения не раз занимали призовые места на различных конкурсах. А уж когда проходили конкурсы чтецов, то тут мне не было равных. Я с полным проникновением читала С. Есенина, М. Цветаеву, Э. Асадова.

В то же время, я не могу сказать, что любила учиться. Мне больше нравилось заниматься общественной работой – организовывать концерты, помогать пожилым людям, собирать макулатуру. Я, кстати, и сейчас не могу выбросить

ни одного листочка бумаги (настолько нас в школьные годы приучили беречь природу), собираю все в пакет, а потом передаю женщине, которая обменивает макулатуру на корм для своих животных.

К одной пожилой бабушке – Татьяне Владимировне (в молодости учителю немецкого языка, труженице тыла), я проходила около 10 лет, помогая по хозяйству. Она стала нашей семье очень родным человеком.

Не могу сказать и то, что учиться было легко. Когда мои родители переехали из г. Владивостока в г. Тюмень, мама с целью получения квартиры устроилась работать не по специальности – начальником домоуправления. Но когда началась «Перестройка», мама, чтобы прокормить троих школьников, была вынуждена перейти в прачки. С развалом Советского Союза «мир перевернулся», прачке платили больше, чем инженеру. Отец перебивался случайными заработками в такси. Но денег все равно не хватало, даже на самое необходимое. Поэтому мы всей семьей одновременно мыли подъезды, стирали и гладили спецодежду в аптеку, магазин, диспансер, делали косметические ремонты. Только так и продержались. Можно сказать, что труд и забота о близких спасли нашу семью в то нелегкое время.

Кстати, мама ненадолго задержалась в прачках. Учитывая ее профессиональные знания и образование, уже через три года ее назначили заместителем начальника Тюменского областного Бюро судебно-медицинской экспертизы, где она проработала 20 лет.

Комсомола Вы уже не застали или немного зацепили?

В комсомол я не попала – не успела. Да и пионеркой я стала только благодаря тому, что галстук мне провязали одной из первых. Раньше это было своего рода поощрением – сначала принимали в пионеры отличившихся, а потом всех остальных. Так вот, меня приняли в пионеры, а остальные уже не успели.

Жаль, ничего плохого в пионерии не было – помогали старшим, несли ответственность за младших и стремились стать примером для них. Идея отличная, надо было ее сохранить, может быть назвать по-другому, но обязательно сохранить.

И все же к концу школы у Вас какие-либо представления о будущей профессии возникали?

Я всегда мечтала быть учителем. Даже не так – я точно знала, что буду учителем. Интерес к обучению детей у меня был с детства, и я любила все, что связано с этим процессом – организовывать, объяснять, проверять выполнение заданий, выступать наставником.

В школе я помогала учителям проверять тетради, была вожатой у младших классов, организовывала кружки.

Сегодня я очень счастлива, что состоялась в профессии и пятнадцать лет занимаюсь любимым делом.

Окончена школа. Вы пошли учиться на учителя?

В 1994 году в один момент все вузы перешли на договорную форму обучения. Бюджетных мест остались единицы. Моя семья не имела возможности платить за учебу, и я решила поступать на бюджет одновременно в три вуза на специальности: «Режиссура драмы и комедии», «Менеджмент», «Педагогика».

И поступила на «Менеджмент в социальной сфере» в Тюменский государственный нефтегазовый университет на бюджетное место. Я не знала, пройду ли я по конкурсу в другие вузы и потому не могла рисковать. Спустя три года после получения высшего образования я волею судеб вернулась в Приемную комиссию Нефтегазового университета (когда-то определившей мою профессиональную судьбу) в должности заместителя руководителя и проработала на ней более десяти лет.

Учеба в университете давалась очень легко. С третьего курса я устроилась секретарем одновременно в две организации, территориально расположенные по соседству – Тюменский научный Центр Сибирского отделения Международной академии наук Высшей школы (ТНЦ СО РАН ВШ) и Союз муниципальных образований Тюменской области.

Мне удавалось без труда совмещать учебу с работой. Это трудоустройство предопределило мою дальнейшую судьбу. Я познакомилась с известными учеными: К. Г. Барбаковой, А. Н. Силиным, В. Т. Лисовским, Н. Н. Карнауховым и многими другими. Эти люди произвели на меня неизгладимое впечатление – я поняла, что заниматься наукой – это вовсе не скучно, как мне казалось раньше, а интересно. Под руководством В. Г. Андрейкина (к.ф.н., доцента) я написала первую свою статью, О. В. Ревякина (к.ф.н., доцент) научила меня основам социологических исследований. В итоге университет я закончила с красным дипломом и рекомендацией для поступления в аспирантуру.

Я не совсем понимаю, что такое менеджмент в социальной сфере, что это такое? По какой теме Вы делали дипломное исследование?

Социальная сфера включает совокупность отраслей и организаций, выполняющих общую целевую функцию по удовлетворению потребностей населения. Мы, будучи студентами, изучали особенности управления организациями социальной сферы. На старших курсах, когда начались специализированные дисциплины, я решила, что мне ближе муниципальное управление. И это неспроста, я уже говорила, что на тот момент работала в Союзе муниципальных образований Тюменской области, председателем которого был Киричук Степан Михайлович (на тот момент глава администрации г. Тюмени). Руководил Союзом Андрейкин Василий Георгиевич, к.ф.н., доцент, на тот момент Член Комиссии Государственной Думы по разработке Федерального закона от 28 августа 1995 года №154–ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Ежемесячно мы проводили встречи, конференции, круглые столы, посвященные проблемам местного самоуправления, с непосредственным участием глав муниципальных образований Тюменской области, ХМАО–Югры, ЯНАО. Представьте себе, мне студентке-старшекурснице посчастливилось вести протоколы мероприятий, в которых принимали участие одновременно не менее пятнадцати мэров городов.

Поэтому тема моей дипломной работы была посвящена одной из актуальных проблем становления местного самоуправления в России – дополнительному образованию муниципальных служащих.

Каким образом Вы изучали основы социологических исследований? Это был учебный курс?

В практической части дипломной работы планировалось исследование эффективности организации дополнительного образования муниципальных служащих администрации г. Тюмени. Провести мой первый социологический опрос (составить анкету, разработать программу исследования) мне помогла Ревякина Ольга Васильевна, к.ф.н., доцент, на тот момент ученый секретарь Тюменского научного центра СО РАН ВШ. По результатам исследования вышла моя первая научная статья в очень престижном журнале «Налоги. Инвестиции. Капитал» (1999 год).

Похоже, университет Вы закончили в 1999 или 2000 годах. Как развивалась Ваша жизнь дальше?

Университет я закончила в 1999 году и сразу поступила в аспирантуру, которую также закончила с отличием. По приглашению Силина Анатолия Николаевича (д.с.н., профессор) я осталась работать на кафедре «Менеджмент в социальной сфере» в должности ассистента. Здесь я познакомилась с Хайруллиной Нурсафой Гафуровной (д.с.н., профессор), которую с тех пор считаю своим наставником и учителем.

В 2003 году, под руководством Нурсафы Гафуровны, я защитила кандидатскую диссертацию (по той же проблематике, что и дипломная работа). В этом же году меня перевели на должность доцента кафедры и одновременно назначили заместителем руководителя приемной комиссии Нефтегазового университета.

Хотелось бы несколько слов сказать о Нурсафе Гафуровне. Это человек с непреодолимой жизненной энергией и позитивным отношением к миру. Знаете, по таким людей говорят – человек, которому «все по плечу». Но это не значит, что у нее нет проблем. Просто Нурсафа Гафуровна, как мудрая женщина, опытный ученый, ответственный руководитель, всегда знает, как относиться к жизненным проблемам и решать их.

И еще одно из ее удивительных качеств – любовь к людям. Работая под ее руководством в приемной комиссии (она тогда занимала должность проректора университета), я ежедневно наблюдала картину, когда к ней на прием приходили люди за помощью. Нурсафа Гафуровна каждого выслушает и обязательно поможет.

А сколько у нее увлечений... Не поверите, но в свои 50 (в этом году у нее юбилей) она любому даст фору в катании на лыжах и роликах, езде на велосипеде, вождении автомобиля, садоводстве. Кроме того, она вышивает картины, возится с внуками. И это не считая того, что Нурсафа Гафуровна постоянно занимается наукой – пишет научные работы, проводит исследования. И все это с легкостью, с желанием, с интересом.

Я очень рада, что жизнь свела меня с таким интересным, позитивным, целеустремленным человеком.

Коллектив, которым руководила Нурсафа Гафуровна, даже посвящал ей стихи. Приведу выдержки из них:

И вот, подводя всему году итоги,
Отметим – горшки обжигают не Боги.
Богиня, как минимум есть среди нас.
Профессор и доктор, и женщина класс!

Поистине, лучшая женщина года,
И возит её эксклюзивная «школа».
И взгляд её строг — и немного лукавый,
Походка уверенна, чуточку плавна.
Строга, непреступна — но очень ранима.
Такая, как мы — но ни с кем не сравнима.
Руководитель высокого уровня
Нурсафа Гафуровна Хайруллина!

Пожалуйста, расскажите подробнее о своем кандидатском исследовании, обозначьте проблемы, общую методологию, главные результаты...

Тема моей кандидатской — «Управление профессиональной подготовкой муниципальных кадров: региональный аспект». Становление в России местного самоуправления сопровождалось множеством организационно-правовых проблем, одной из которых являлось кадровое обеспечение муниципальной службы. В середине 90-х российские государственные и негосударственные вузы начали подготовку специалистов по направлению «Государственное и муниципальное управление» (ГМУ). В только что сформированных органах местного самоуправления должности муниципальной службы занимали люди без специального образования — учителя, экономисты, юристы, экологи, технологи. В связи с этим остро встал вопрос о качестве кадрового потенциала органов местного самоуправления. Выход из сложившейся ситуации виделся в организации системы дополнительного образования муниципальных служащих.

В своей работе я проанализировала качество подготовки студентов вузов по специальности ГМУ, а также сложившуюся на тот момент систему дополнительного образования муниципальных служащих. Исследования (интервьюирование муниципальных служащих администрации г. Тюмени, анкетный опрос студентов трех ведущих тюменских вузов) показали, что и подготовка и дополнительное образование имеют множество проблем, существенно снижающих эффективность становления местного самоуправления в России. Это и отсутствие подготовленных преподавателей, и слабое научно-методическое обеспечение, и отсутствие интерактивных методов обучения и др. Кроме того, специальность ГМУ, приобретя мгновенно популярность, стала «козырем» практически для каждого высшего учебного заведения. Ее открывали и «сельскохозяйственные», и «музыкальные», и «художественные» вузы. Что говорить о качестве подготовки?

В диссертационной работе мной предложен перечень мероприятий, способствующих совершенствованию системы подготовки и дополнительного образования кадров органов местного самоуправления. Конечным результатом работы стала разработка концептуальной модели муниципального служащего, акцентирующей внимание на его профессиональных компетенциях. Удивительно, но предложенная идея, спустя много лет, нашла отражение в государственных образовательных стандартах третьего поколения, полностью изменивших подход к обучению студентов, сместив акцент с содержательной части дисциплин на конечный результат — студента, обладающего необходимыми профессиональными компетенциями.

В настоящее время, как мне кажется, тема, заявленная мной в диссертационной работе, потеряла прежнюю актуальность. Хотя по ней до сих пор пишутся статьи, защищаются кандидатские.

На мой взгляд, сегодня проблема качества подготовки и дополнительного образования муниципальных служащих является «надуманной». Инновационность дополнительного образования, которую современные ученые сводят к моделированию идеального служащего, компетентностному подходу в обучении и применению интерактивных методов обучения, еще в середине 90-х была предложена В. А. Гневко, А. Е. Когутом, В. Е. Рохчиным, Г. Р. Латфуллиным, С. М. Киричуком. Проблема на самом деле в другом – в нереализованности предложенных мероприятий.

Итак, кандидатская работа успешно завершена, как стала складываться Ваша научная и педагогическая деятельность? Какие проблемы интересовали Вас в исследовательском плане?

Педагогическая деятельность складывалась обычно, как у многих. А вот научные интересы поменялись. Около пяти лет назад мне в нагрузку поставили новую для меня дисциплину – «демографию». Я погрузилась в изучение работ Д. И. Валентея, А. Я. Кваши, А. Г. Вишневого, С. И. Голода, В. А. Борисова, А. И. Антонова, В. М. Медкова, В. Н. Архангельского, Л. Л. Рыбаковского, Н. М. Римашевской. С исследованием статистических данных, характеризующих демографические процессы, результатов научных исследований перечисленных ученых, у меня постепенно «прорисовывался образ» моей докторской диссертации.

В настоящее время Россия переживает демографический кризис. По прогнозам ООН численность населения страны уже к 2050 году сократится на 45 млн. чел. (или почти на одну треть), при том, что численность населения Земли растет. Что может быть актуальнее вымирания российского этноса?

Существует множество подходов, объясняющих демографический кризис в стране. Одни ученые разделяют эволюционные теории демографического развития, в частности, теорию «демографического перехода», и полагают, что низкий уровень рождаемости в России является исторической неизбежностью. Другие видят причину демографического кризиса в России в деградации институтов семьи и брака. Третьи винят духовное (нравственное, идейное, психологическое) неблагополучие населения и считают, что Россия переживает не демографический переход, обусловленный исторической эволюцией социально-экономических институтов, а деградацию института воспроизводства населения, причем по скорости распространения сопоставимую с эпидемиями XI–XIV вв. И еще много других теорий.

Несмотря на некоторые научные расхождения, ученые единогласны в том, что причина демографического кризиса кроется, помимо прочего, в деформации системы ценностей, выражающейся в стремлении людей к индивидуальным достижениям во внесемейной сфере, а порой и к эгоцентризму, нежеланию создавать семью и иметь детей вовсе.

В своей работе я исследую управление репродуктивным поведением в условиях социальной нестабильности. В работе подробно анализируется опыт России по управлению репродуктивным поведением, исследуется репродуктивное поведение россиян, ну и конечно разрабатываются предложения.

Оксана, почему Вы рассуждаете в терминах «управления»? Это след Вашего образования? Мне кажется, что правомернее работать в парадигме «социальной политики». Управление – черта вертикали, пирамиды, патерналистского общества, тогда как социальная политика подразумевает множество действующих институций, организаций, людей...

Попытки управлять репродуктивным поведением в мировой истории предпринимались многократно, причем как в сторону увеличения, так и в сторону сокращения рождаемости. Социальное управление репродуктивным поведением стало предметом активного исследования лишь в последние два десятилетия (с середины 90-х гг.), когда вышли в свет труды А. И. Антонова, И. В. Александровой, О. Д. Захаровой, Т. Р. Зелениной, В. В. Елизарова, В. М. Медкова, Л. Э. Лалаевой и др.

Следует отметить, что в социологии понятие «социальное управление» трактуется неоднозначно. Одни исследователи понимают под «управлением» процесс, другие – искусство принятия решений, третьи – способ организации деятельности, четвертые – правовое регулирование общественных институтов.

В социологическом энциклопедическом словаре социальное управление определяется как «один из основных видов управления, функция которого заключается в обеспечении реализации потребностей развития общества и его подсистем; функция его заключается в формировании критериев и показателей социального развития объекта, выделении возникающих в нем социальных проблем, разработке и применении методов их решения, в достижении планируемых состояний и параметров социальных отношений и процессов». Можно привести и другие определения, однако их сущность сводится к тому, что управляющий субъект воздействует на управляемый объект, преобразуя, координируя, направляя деятельность этого объекта для достижения необходимых субъекту управления целей. Субъектом, и объектом социального управления выступают люди и их формации (большие и малые группы, организации, сообщества, население территорий и т. д.).

Исследуя определение социального управления по отношению к репродуктивному поведению, можно отметить следующее. Целью воздействия государства как субъекта управления будет: сохранение и преумножение качественных и количественных характеристик населения для регулярного восполнения человеческих ресурсов, а, следовательно, трудового, интеллектуального, оборонного, экономического потенциала страны.

Поскольку репродуктивное поведение населения – сфера, затрагивающая не только общественные интересы, но и личностные, государство не может вмешиваться в нее с помощью прямых властных указаний. Поэтому основными методами воздействия будут: мотивация, стимулирование, социальная защита и т. д. Таким образом, воздействие на динамику демографических процессов возможно не прямо, а опосредовано, через демографическое поведение, а именно через принятие решений в сфере брака, семьи, рождения детей, выбора профес-

сии, сферы занятости, места жительства. В этом случае можно говорить о тесном переплетении демографической и социальной (а в рамках нее и семейной) политики государства.

Да, понятнее. Вы думаете анализировать интересующие Вас процессы на уровне своего региона, ряда регионов или в общенациональном масштабе?

Мои исследования охватывают Уральский Федеральный округ, в состав которого входит четыре области: Тюменская область (с автономными округами), Свердловская, Челябинская и Курганская.

Если обратиться к официальной статистике, то Тюменская область (с округами) относится к регионам с расширенным типом воспроизводства и положительным сальдо миграции, Челябинская и Свердловская области – к регионам с умеренно отрицательным естественным приростом, но с положительным сальдо миграции, а Курганская область – к регионам с высоким уровнем естественной убыли и отрицательным сальдо миграции.

Таким образом, в состав УрФО входят субъекты с различными типами воспроизводства населения, что позволяет наиболее глубоко исследовать особенности репродуктивного поведения населения.

Понятно, что репродуктивное поведение населения определяется множеством факторов, если иметь в виду страну в целом, какие факторы Вы назвали бы ведущими?

Если говорить кратко, репродуктивное поведение – поведение людей, связанное с вопросами рождения детей любой очередности, в браке или вне брака. Можно выделить следующие типы репродуктивного поведения: малодетное (потребность в 1–2 детях); среднететное (потребность в 3–4 детях); многодетное (потребность в 5 и более детях). Репродуктивное поведение является частью общего поведения людей и представляет собой их реакцию на внутренние и внешние стимулы.

Внутренние стимулы – потребности людей в детях (репродуктивные потребности), когда без наличия определённого числа детей человек испытывает нереализованность как личность. Здесь важную роль играют психологические мотивы, а также подсознательная ориентация индивида на модель семьи, в которой вырос он сам и которую он экстраполирует на личный опыт. Например, проведенные мною исследования показали склонность респондентов экстраполировать опыт репродуктивного поведения родителей на собственную жизнь – большинство респондентов (57,5%) считает семейную жизнь своих родителей образцом для подражания, что означает принципиальное согласие воспроизвести тот паттерн деторождения, который сформировался в данном генеалогическом древе.

К внешним стимулам репродуктивного поведения относится социальная ценность детей, показывающая насколько дети «нужны» обществу; нормы репродуктивного поведения, представляющие собой образцы поведения и т. д.

Необходимо отметить, что управление репродуктивным поведением населения – многофакторный процесс, включающий в себя социально-экономическую, психологическую, духовно-нравственную, национальную составляющие. Причем они отличаются по своей значимости в разные периоды исторического

развития, на разных территориях с различными типами воспроизводства населения, и имеют ограничения, как по силе, так и по продолжительности воздействия. В управлении репродуктивным поведением населения невозможно добиться стойких результатов, делая акцент на одних факторах, игнорируя другие. Лишь комплексный подход к управлению способен обеспечить вывод России из демографического кризиса и переход к расширенному режиму воспроизводства.

Учитывая результаты моих исследований, также очевидно, что особая роль государства должна, помимо прочего, уделяться системному воздействию на процесс формирования ценностных ориентаций личности со смещением акцента в сторону культуры созидания, укрепления семейных ценностей и института брака, а также многодетности.

Самого разного рода репродуктивные проблемы, вызовы стоят перед многими странами? Насколько Вам известен зарубежный опыт решения этих проблем?

Убыль населения характеризует не только Россию, но и многие страны: Украину (с 1998 г.), Богарию (с 1993 г.), Бельгию, Испанию, Германию, Швейцарию (с 2000 г.), Японию (с 2005 г.) и др. Депопуляция не только изменяет численность населения, но и нарушает численные пропорции между разными элементами демографической структуры, создавая острейшие политические и экономические проблемы, как, например, развал пенсионной системы. Правительства депопулирующих стран, в связи с невозможностью быстрого роста рождаемости, вынуждены компенсировать убыль населения притоком извне, то есть регулировать размах и темп иммиграции.

Тем не менее, за рубежом традиционными мероприятиями по стимулированию рождаемости остаются: обеспечение приоритетного стимулирования рождения второго и последующих детей путем увеличения размеров единовременных и ежемесячных пособий; введение дополнительных мер материальной поддержки семей; совершенствование жилищной, налоговой и кредитной политики в интересах семей с детьми.

Но есть и уникальные примеры. Например, в Японии, для увеличения рождаемости тратится около 30 млн. долларов на поддержание работы брачных агентств и производство детей-роботов, которые помогают парам почувствовать себя родителями. В Дании и Сингапуре проводят различные рекламные кампании, напоминающие молодым парам, что они должны исполнить свой гражданский долг, родив ребенка. Правительство Финляндии поощряет молодых мам «материнским социальным пакетом», состоящим из различных товаров, крайне необходимых семье, в которой появился новорождённый ребёнок.

Кстати, мы привыкли говорить о репродуктивных проблемах в контексте депопуляции. Но, например, ни для кого не секрет, что Китай и Индия, занимающие лидирующие позиции в рейтинге стран по численности населения, постоянно вводят программы, нацеленные на уменьшение количества семей и детей. Китай еще в 1970-х гг. был вынужден законодательно ограничить размер семьи, когда стало понятно, что огромное количество людей перегружает земельные, водные и энергетические ресурсы страны. Сегодня среднее количество детей, рождённых одной женщиной в течение жизни, в Китае снизилось с 5,8 до 1,8.

Вы работаете над докторской диссертацией; с кем из российских социологов-демографов Вы согласны в трактовке проблем и путей их решения, с кем — нет. Пожалуйста, поясните свою точку зрения...

В научной литературе представлено четыре основных подхода к управлению рождаемостью, как процессом воспроизводства населения.

Сторонники первого подхода разделяют эволюционные теории демографического развития, в частности, теорию «демографического перехода», и полагают, что низкий уровень рождаемости в России является исторической неизбежностью. Преодолевать кризис депопуляции следует по примеру развитых стран Европы за счет разработки грамотной миграционной политики, направленной на обеспечение внешнего замещения трудовых ресурсов. Сторонниками данного подхода являются А. Г. Вишневский, В. С. Захаров, В. И. Переведенцев. По их мнению, государство вряд ли может управлять рождаемостью и смертностью в ближайшей перспективе. В качестве серьезного аргумента ученые приводят тот факт, что даже если суммарные коэффициенты рождаемости возрастут до необходимых показателей (2,15 ребенка на 1 женщину), это не обеспечит уровня простого воспроизводства, не говоря уже о расширенном. Дело в том, что наиболее высокие показатели рождаемости наблюдаются в возрастной группе от 20 до 35 лет, а это женщины, которым согласно переписи населения 2002 г. было до 15 лет (1990–1995 г. р. и моложе). А их на треть меньше, чем в предыдущем поколении. В то же время, прогнозируется рост смертности, связанный с процессами старения населения — переходом в разряд пожилых поколений людей, рожденных в двадцать послевоенных лет, отличавшихся всплеском показателей рождаемости. Таким образом, ученые приходят к выводу, что единственным источником замещения населения является миграция. Следует отметить, что, хотя не со всеми аргументами сторонников данной концепции я соглашусь, рациональное звено в их предложениях есть. Нельзя сбрасывать со счетов, например, успешность российской демографической политики 80-х гг. XX в., 2005–2007 гг., однако нельзя не считаться и с объективными предпосылками динамики населения, связанными с изменением его половозрастной структуры, заложенной еще 20–30 лет назад в предыдущих поколениях.

Сторонники второго подхода видят причину снижения рождаемости в России, прежде всего, в кризисе институтов семьи и брака. Эту концепцию в отечественной социологии успешно разрабатывал В. А. Борисов и его последователи (А. И. Антонов, В. Н. Архангельский, Н. В. Зверева, В. М. Медков). Ученые полагают, что в основе демографического кризиса России лежит распространение малодетности, связанной с устойчивыми установками, сформировавшимися в общественном сознании. Малодетная семья становится наиболее «удобной» формой в современных социально-экономических условиях, с одной стороны, решая проблему потребности в детях, с другой — снимая проблемы значительных капитальных вложений на их социализацию. Как отмечает А. И. Антонов, для полного удовлетворения социально-психологических родительских потребностей достаточно одного ребенка. Социально-экономические стимулы многодетности перестали действовать, а новых стимулов к рождению нескольких детей не создано.

Уменьшение количества детей в семье ученые связывают с «распространением» рыночной экономики, с повышением социально-экономической нагрузки на семью, с ослаблением институтов брака, отцовства и материнства, с ослаблением взаимосвязи поколений, родственных связей. Жесткие рыночные условия, когда появление каждого ребенка в семье сопровождается существенными дополнительными затратами, ведет к изменению репродуктивного поведения, проявляющемуся в снижении потребности в детях до минимума.

Эти утверждения подтверждаются многочисленными социологическими исследованиями репродуктивных установок, регулярно проводимыми в России с 60-х гг. XX в. и наглядно демонстрирующими переход от многодетной модели семьи к малодетности или даже бездетности.

При этом ученые выступают противниками увеличения внешней миграции как источника воспроизводства населения. Так, по мнению А. И. Антонова, хотя миграционные потоки и вносят определенный вклад в обогащение, как национального генетического фонда, так и национальной культуры, однако широкое распространение миграции является источником национальной напряженности и национальных конфликтов.

По мнению сторонников данного подхода, основными направлениями государственного управления рождаемостью должны стать: социально-экономическая поддержка семьи, материнства, одиноких матерей, экономическое стимулирование многодетности. Необходима разработка не столько демографической, сколько семейной политики, способствующей возрождению национальной идеи.

В основе третьего подхода к управлению рождаемостью лежит идея о духовном (нравственном, идейном, психологическом) неблагополучии населения как основной причине демографического кризиса (В. Алиев, И. А. Гундаров и др.). Так, И. А. Гундаров, сопоставляя показатели рождаемости и смертности в РФ со странами Западной Европы, делает вывод, что Россия переживает не демографический переход, обусловленный исторической эволюцией основных социально-экономических институтов, а деградацию института воспроизводства населения. Основным тезисом его теории является сформулированный им «закон духовно-демографической детерминации»: «при прочих равных условиях улучшение (ухудшение) нравственно-эмоционального состояния общества сопровождается улучшением (ухудшением) демографической ситуации». Ученый полагает, что в целом жизнеспособность нации зависит не только от экономических условий, но и от эмоционально-нравственного состояния общества.

Либеральные реформы 90-х гг. сопровождались для России разрушением традиционных устоев, изменением нравственных критериев «добра», «зла», «справедливости», внедрением западной идеологии индивидуализма и потребительства, чувства «национальной ущербности». Эти факторы, по мнению ученого, стали источником мощнейшего стресса для всего населения России, сопровождавшегося психологической реакцией отторжения «новых идейных ценностей». На индивидуальном уровне это способствовало ухудшению психического и физического здоровья населения, а на общественном — неизбежному росту социальной напряженности, а также смертности, в том числе от внешних причин (алкоголизма, насильственной смертности, самоубийств). Эти выводы подтверждаются не только статистическими данными. На высокий уровень смертности населения России от предотвратимых причин указывают в своем

заключении и эксперты Всемирного банка, согласно которому Россия — одна из немногих развитых стран, где продолжает сокращаться ожидаемая продолжительность жизни. Причем смертность в стране, в основном, растет за счет сердечно-сосудистых заболеваний, ДТП и алкоголизма.

Высоким уровнем социальной напряженности И. А. Гундаров объясняет и резкое снижение уровня рождаемости. Наличие причинной зависимости между распространенностью психических заболеваний и снижением рождаемости он подтверждает эпидемиологическими и экспериментальными исследованиями, а также выводами ведущих мировых специалистов по психосоматической медицине. При этом И. А. Гундаров утверждает, что преодолеть проблему суженного воспроизводства можно и в условиях экономического кризиса, если усилия будут направлены на восстановление эмоционального и психологического благополучия нации. При этом в качестве рекомендаций для разработки государственных программ управления рождаемостью он предлагает 20% усилий направить на решение экономических проблем, и 80% — на возрождение духовного здоровья нации.

В исследовании В. Алиева активно доказывается влияние национально-культурного фактора на уровень воспроизводства в России. Ученый предлагает направить механизмы управления воспроизводством населения на разработку национальной политики в сфере культуры — снижение уровня индивидуализма и эгоизма, развитие любви и терпимости к людям.

С выводами вышеприведенных ученых трудно не согласиться, однако видеть причину суженного воспроизводства населения России только преимущественно в нравственных проблемах, на мой взгляд, не вполне обосновано.

Четвертый подход рассматривает причины снижения рождаемости в России как следствие комплекса социально-экономических проблем. Приверженцами этой теории являются российские социологи-демографы Б. С. Хорев, И. Б. Орлова, Н. М. Римашевская, Л. Л. Рыбаковский и др. Так, в работах Б. С. Хорева предлагается комплексный подход к решению проблемы суженного воспроизводства населения: сочетание активных мер поощрения рождаемости, разработка программ в области здравоохранения и гигиены труда, а также стимулирование миграционного потока из стран бывшего СССР. Схожей позиции придерживается в своем исследовании И. Б. Орлова, рассматривая воспроизводство населения в разрезе комплекса задач в области семейной политики, стимулирования рождаемости, здравоохранения, управления миграционными потоками, а также решения вопроса оптимизации развития территорий за счет стимулирования оптимального уровня их заселения.

Н. М. Римашевская в качестве основной причины катастрофического снижения уровня воспроизводства в стране рассматривает системный кризис, охвативший все стороны жизни населения России (низкое материальное состояние большинства российских семей в условиях кризиса, жилищные проблемы и т. д.). Помимо прочего снижение рождаемости она объясняет сокращением численности женщин фертильного возраста за счет вступления в него малочисленного поколения 1990—1995 гг. и ростом смертности. Основной проблемой Н. М. Римашевская считает даже не столько катастрофическое уменьшение численности населения, сколько ухудшение его «качества» — снижение

уровня физического и психического здоровья жителей России, а также широкое распространение «социальных» болезней – алкоголизма, наркомании, преступности и др.

Схожую позицию можно найти в исследованиях Л. Л. Рыбаковского, указывающего, что, в отличие от стран Западной Европы, депопуляция которых объясняется демографическим переходом, в России процесс снижения воспроизводства населения идет под влиянием существенного снижения рождаемости при значительном росте смертности. Эти процессы, по мнению Л. Л. Рыбаковского, происходили на фоне следующих проблем: существенных людских потерь в годы Великой Отечественной войны, а также в 90-е гг. XX в. (первые годы перестройки); изменения половозрастной структуры населения в сторону его старения; последствий демографической политики СССР (80-е гг. XX в.); влияния СМИ на изменение репродуктивного и сексуального поведения молодежи; замены в процессе социально-экономических реформ 90-х гг. традиционных ценностей ценностями рыночной экономики, что привело, с одной стороны, к росту предпринимательской активности молодых поколений, а, с другой – к «откладыванию» ими вопросов создания семьи и рождения детей. Перечисленные обстоятельства существенно «истощили» репродуктивный потенциал последующих поколений.

При этом Л. Л. Рыбаковский предлагает основные целевые установки государственного управления воспроизводством направить на сокращение смертности и привлечение мигрантов. Ученый утверждает, что возможности государства по повышению уровня рождаемости и восстановлению института семьи крайне ограничены, а потому управляющие воздействия в этих направлениях малоэффективны. При этом он приводит статистику за 2000–2011 гг., доказывая, что эффект от государственной политики по повышению уровня рождаемости населения распространяется лишь на 3–5 лет.

Интересную четырехфакторную модель управления воспроизводством населения приводят Якунин В. И., Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э. (авторы коллективного научного труда «Государственная политика вывода России из демографического кризиса»). В качестве ведущих факторов, определяющих уровень воспроизводства в России, они называют материально-экономические условия, идейно-духовное состояние общества, национальную идентичность Российского государства, а также государственную политику. Авторы монографии, на основании анализа статистических данных за достаточно большой интервал времени – с 1900 по 2005 гг., убедительно доказывают, что эти факторы существовали всегда, определяя репродуктивное поведение населения с различной степенью интенсивности. Значительный интерес представляет вывод ученых об отсроченном эффекте действия факторов – в рамках одного поколения (20–30 лет).

Мне также показалась интересной методика исследования и выводы ученых о зависимости материального фактора, уровня рождаемости и смертности. Очевидно, что материальный фактор при управлении репродуктивным поведением населения играет свою стимулирующую роль, но лишь до определенного уровня – при повышении уровня жизни он теряет свое стимулирующее значение.

Следует отметить, что эти выводы, несмотря на некоторую спорность методики исследования, представляют собой значительный интерес. Прежде всего, потому что они объясняют динамику воспроизводства населения в развитых странах Европы, характеризующихся существенными затратами на семейную политику.

В то же время, я уверена, что в случае, если российская государственная политика, по-прежнему, будет опираться преимущественно на экономическое стимулирование рождаемости, то в скором времени можно будет констатировать сначала снижение ее эффективности, а затем и полный крах.

Вы работаете только со статистикой населения Уральского региона или проводите и полевые исследования: опросы, наблюдения...?

На первом, пилотном, этапе я выявляла мнения жителей г. Тюмени о приоритетах в их системе ценностей, с целью выяснить, какую позицию в рейтинге занимает «желание иметь детей». Вторым этапом исследования стало изучение влияния различных факторов на репродуктивное поведение жителей в зависимости от территории проживания – крупный город (областной центр), небольшой город, сельская местность. Опросом были охвачены жители гг. Тюмени, Ишима, Тобольска, Ялуторовска и Заводоуковска, а также жители сельской местности Тюменской области. Третьим этапом стало выявление репродуктивных установок респондентов, проживающих в регионах с различным типом воспроизводства. На этом же этапе выявлялась оценка населением эффективности государственного управления репродуктивным поведением. Опрос проводился в регионах Уральского Федерального округа. На четвертом этапе был проведен экспертный опрос государственных и муниципальных служащих, занимающихся вопросами социальной политики, здравоохранения, образования.

По результатам исследования я планирую разработать Концепцию семейной политики, призванную нивелировать основной недостаток действующей системы социального управления репродуктивным поведением – ее антикризисный, а, следовательно, временный, краткосрочный характер.

Необходимость разработки такой Концепции признается и на государственном уровне. Так, в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 гг. в качестве одной из основных задач прямо указывается «Разработка и принятие программы, пропагандирующей ценности семьи, приоритет ответственного родительства, защищенного детства». К сожалению, на сегодняшний день целостной, работающей Концепции семейной политики в РФ не представлено. Отдельные попытки управления семейной политикой на законодательном уровне (например, Семейный Кодекс РФ, Федеральный закон от 29.12.2006 № 256–ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и др.) регламентируют отдельные вопросы правового статуса семей, но не решают задачу укрепления семейных отношений, популяризации семейных ценностей, формирования многодетной модели идеальной семьи.

Становление семейной политики в рамках социального управления репродуктивным поведением населения – новое направление для российского государства. В настоящее время управление распространяется лишь на отдельные аспекты внутрисемейных отношений (вопросы регистрации и расторжения

брака, институты усыновления, имущественные отношения между членами семьи), и, частично, на материальные стимулы репродуктивного поведения. Однако преодолеть духовно-нравственный кризис семейных отношений такие «полумеры» явно не способны. Необходимо активное применение социальных технологий, направленных на возрождение семьи как важнейшего общественного института.

Вместе с тем, основная проблема формирования единой семейной политики заключена в отсутствии серьезных концептуальных разработок по данному вопросу. До сих пор в большинстве своем научные труды по репродуктивному поведению населения ограничивались областью демографии, но не социологии управления. Кроме того, необходимо сказать и об относительной молодости «социального управления репродуктивным поведением». Даже в развитых странах Западной Европы и США социальные технологии, давно и успешно применяемые в политике, экономике, в сфере труда и занятости, весьма слабо распространяются на такую важную область управления, как воспроизводство населения. И в этом плане, пожалуй, более успешен опыт США, где функцию активной пропаганды семейных ценностей берут на себя общественные организации, кинематограф. Основными направлениями Концепции мной обозначены: 1). Духовное, экономическое, социально-политическое укрепление института семьи, возрождение семейных ценностей; 2). Укрепление института материнства, возрождение системы социальных, экономических, трудовых гарантий материнства; 3). Укрепление института отцовства; 4). Возрождение многодетной модели идеальной семьи; 5). Социальная поддержка детства. Уверена, что добиться успехов в социальном управлении репродуктивным поведением в условиях социальной нестабильности можно только при решении этих пяти ключевых задач.

Оксана, Вы еще в раздумьях о докторской диссертации или уже и в делах? По-моему, в России требуется преддокторская монография... Вы уже опубликовали? Если «Да» или завершаете работу, то, пожалуйста, расскажите о ней...

Я очень активно работаю над докторской. Моим научным консультантом выступила заведующая кафедрой Маркетинга и муниципального управления нашего университета, д.с.н., профессор Марина Львовна Белоножко, за что я ей очень признательна.

На сегодняшний день вышли две коллективные монографии в соавторстве со мной, в которых отдельные главы посвящены проблемам воспроизводства населения. Также, по предложению Нурсафы Гафуровны Хайруллиной, мне посчастливилось стать соавтором коллективной монографии «Тюменская область: мост из Европы в Азию» с участием ведущих российских социологов, которая готовится к изданию.

В развиваемой мною типологии советских / российских поколений социологов к шестой когорте относятся те, кто родился в 1971–1982 годах. Вы принадлежите к этой группе. Мое исследование показывает, что представители Вашего поколения активно осваивают зарубежный опыт: стараются читать новые книги, участвуют в международных конференциях, стремятся, хотя бы недолго, поработать на Западе. У Вас есть подобный опыт?

Безусловно, и в процессе работы над кандидатской диссертацией, и в настоящее время я стараюсь постоянно участвовать в международных конференциях. Более того, уже второй год я руковожу научной секцией «Глобальные и региональные проекты и их влияние на развитие человеческого капитала Северных территорий России» ежегодной Международной научно-практической конференции «Водные ресурсы и ландшафтно-усадебная урбанизация как факторы развития территорий России в XXI веке».

Но вот поучиться или поработать за рубежом мне не довелось. Незадолго до защиты кандидатской работы я развелась с первым мужем, оставшись с маленькой дочкой на руках. Через три года я вышла замуж за мужчину, у которого в автокатастрофе погибла жена и остались двое детей, младшему из которых было меньше года. Мне понадобилось невероятное количество сил и времени, чтобы наполнить наш дом атмосферой любви, заботы, радости. Через полтора года у нас родилась еще одна дочка. И количество детей достигло четырех. Я, когда меня спрашивают, сколько у нас детей, отвечаю — их так много, что утром они выходят из дома парами! Сегодня у нас очень крепкая, дружная семья.

Иногда задумаешься — как можно все успеть, откуда взять силы. Но с годами приходит уверенность — сил дается ровно столько, сколько потребуется. Главное, чтобы эти силы были направлены на созидание, любовь и веру.

* * *

Уважаемый Борис Зусманович! Интервью получилось очень интересным и необычным. Благодарю Вас за Ваше внимание ко мне.

Интервью с Шамилем Фаритовичем ФАРАХУТДИНОВЫМ

«МОЙ ВЫБОР БЫЛ ЗРЕЛЫМ, Я ВСЕ РАВНО ВСТАЛ БЫ НА ЭТОТ ПУТЬ»

Фарахутдинов Ш. Ф. — окончил факультет «Рационального природопользования и прикладной экологии» Тюменской государственной сельскохозяйственной академии (2003), кандидат социологических наук (2006), доцент кафедры социологии, заведующий научно-образовательной лабораторией изучения общественного мнения Тюменского государственного нефтегазового университета.

Основные области исследования: Социология образования, социология молодежи, методология и методы социологических исследований.

Интервью состоялось: декабрь 2014 г. — январь 2015 г.

Развиваемая мною профессионально-возрастная стратификация российского социологического сообщества представляет собою систему временных интервалов продолжительностью в 12 лет; и здесь, как и в любой подобной типологии, можно говорить о «чистых» типах и «смешенных». «Чистый» образуют те, кто родился в шестилетие, расположенное в середине поколенческого интервала, «смешенный» — родившиеся в первой и в последней трехлетках интервала.

Так, шестое поколение советских/российских социологов объединяет тех, кто родился в интервале 1971 — 1982 годы. Легко понять, что срединная «шестилетка» - это годы с 1974 по 1979; родившиеся в этот период относятся к середине, (условно) «ядру» поколения, здесь четче всего проступают характерные для данной когорты черты. Родившиеся в первой трехлетке (1971-1973 гг.) — это старшие представители шестого поколения, и в процессе их социализации, в путях, которыми они шли в социологию, может зримо проступить то, что присуще предыдущему, пятому поколению. Наоборот, социологи, годы рождения которых приходятся на последнюю трехлетку (1980-1982 гг.), образуют младшую страту шестого поколения, и в их собственно биографических и карьерных путях — в целом — можно будет обнаружить как присущее собственно шестому и более ранним поколениям, так и следующей — седьмой когорте.

Шамиль Фарахутдинов родился в конце 1981 года, т.е. в рамках обсуждаемой типологии, принадлежит к «самой» младшей части шестого поколения: его социализация во многом проходила в контексте формирования шестого поколения, но его профессиональная деятельность протекает и будет развиваться в среде, где в равной мере будут присутствовать социологи «его» и следующего поколения.

Вот что он сам вспоминает: «Пионером я успел побыть год или два. Но сильного идеологического воздействия, по всей видимости, данный факт на меня не возымел. Тем не менее, процесс социализации в детстве я прошел в полной мере, поскольку родители почти каждое лето отправляли меня в пионерские лагеря, где я активно участвовал во всех мероприятиях <...> Вообще, если говорить об общественной деятельности, то мне скорее это нравится чем нет». Похоже, что в воспоминаниях представителей седьмого поколения «пионерского детства» не будет, и они будут иметь совсем иное представление об общественной деятельности. Есть у меня еще одна гипотеза, Шамиль, по базовому образованию, эколог, в третьем-четвертом поколении социологов люди с естественнонаучным математическим, физическим, инженерным образованием были нередкостью, но в седьмом их будет мало. Теперь в стране существует социологическое образование, и носители его на старте карьеры будут иметь значительные преимущества в сравнении с теми, кто его не имеет; соответственно, они будут фаворитами на рынке труда.

Но у Шамиля есть мощное преимущество над многими его коллегами-ровесниками. Мало кто из них так скажет о поисках себя и своего дела: «Как выяснилось позже, я ошибался, и, на самом деле социология была тем, что я искал. То есть получилось не так, что я однажды проснулся и решил для себя — буду социологом. Наоборот, я нашел сферу, которая мне интересна, а потом уже выяснил, что это социология».

Шамиль уже многое сделал, но у него сохранилось желание учиться, он увлечен своим делом, у него есть амбициозные планы, он по-молодому нетерпелив... мы давно с ним знакомы, и я искренне желаю ему всего доброго.

Фарахутдинов Ш. Ф.: «Мой выбор был зрелым, я все равно встал бы на этот путь»

Шамиль, Вы и родились в Тюмени? Насколько глубоко Вы знаете прошлое Вашей семьи?

Я родился и вырос в Ташкенте 16 октября 1981 года, хотя мои исторические корни почти не имеют отношения к Узбекистану. Мой отец познакомился с матерью будучи студентом Томского политеха, где он учился на физико-математическом факультете. В то время он путешествовал по республикам СССР и его пригласили в Ташкент родственники специально, чтобы он познакомился с мамой. Знакомство удалось и закончилось браком, в результате родился я, а впоследствии еще 3 мои сестры. Две мои сестренки — двойняшки тоже родились в Ташкенте, а самая младшая уже здесь, в России, когда я был студентом первого курса.

Мама по национальности наполовину карачаевка, ее предки с Северного Кавказа. Её матери — моей бабушке пришлось уехать с родины в Киргизию со всей своей семьей. Это произошло в военные годы в результате сталинских репрессий, когда весь карачаевский народ был депортирован в Среднюю Азию. Чуть позже бабушка вышла замуж, после чего они с семьей переехали в Узбекистан, где и обосновались. В молодости бабушка была известна среди карачаевцев своей красотой.

Про дедушку (отца мамы) известно немного. Он умер рано, когда маме было всего 5 или 6 лет. Известно что он отличился на войне, где служил связистом. Недавно мой двоюродный брат через Интернет выяснил что дед проложил очень важную линию связи в ходе какого-то крупного сражения и это сыграло решающую роль в исходе боя. После войны дед закончил консерваторию, играл в филармоническом оркестре народных инструментов на контрабасе, преподавал в ташкентском пединституте на музыкальном факультете.

Мама закончила Ташкентский медицинский институт и всю жизнь, до сих пор, работает врачом-педиатром. Она родилась и выросла в Ташкенте, и до переезда в Россию жила только там. У нее две старшие сестры и один старший брат, все до сих пор живы-здоровы. Мой дядька до сих пор живет в Ташкенте и в последние годы частенько приезжает к нам в гости. Одна из сестер мамы — самая старшая живет с моими родителями в Тюмени, а вторая вернулась на историческую родину — в Кисловодск. Я каждый год после нового года езжу туда, чтобы отдохнуть и проведать тётку.

Со стороны отца ситуация следующая. Мой дедушка был из многодетной семьи в Башкирии (их было около 12 детей), и из-за нехватки денег был вынужден жить в интернате. В Сибирь он приехал со своей сестрой, которую советская власть направила для просвещения коренного населения. Здесь он вырос, получил образование (учитель истории), призвался на войну, женился и в старости умер. На войне дед был танкистом, и, говорят поменял 5 танков — каждый раз получая новый взамен подбитого старого.

Мать отца коренная сибирячка, род которой, по всей видимости, проживает на этой территории со времен золотой орды. Её, единственную, из всех моих родных бабушек и дедушек я помню хорошо, т.к. когда мы переехали в Россию она была жива и прожила до окончания моего обучения в вузе.

У отца — два родных брата и три сестры. Они все родились в деревне Карбаны Ярковского района Тюменской области. Один из братьев умер в 2007 году, остальные живы, дружны, постоянно общаются. Сам мой отец закончил, как я уже упомянул, физмат по специальности физик оптик-спектроскопист. Всю жизнь, за исключением первых 10 лет после переезда из Узбекистана, работал в области радиационной медицины. В Ташкенте это был онкологический диспансер (кстати тот самый, в котором от рака мозга излечился Солженицын), а в Тюмени он работал и продолжает работать в областной больнице. Занимается проверкой медицинских кабинетов, в которых используется оборудование с радиационным излучением (флюорографы, томографы и т.п.).

Это вкратце о моей семье. В свое время у меня было желание покопаться во всех генеалогических делах поглубже, но так и не получилось...

В Россию мы переехали в 1993 году. Сначала это было село Ярково — рай-центр в 108 км от Тюмени. Там я закончил школу и поступил в тюменский вуз. Через три года в этот же вуз поступили мои сестренки, потом к нам приехал отец, который жил с нами, пока мы учились. В итоге вся семья перебралась в Тюмень.

Здесь же хотел уточнить один момент, чтобы было более полное представление о моей семье. Обе мои тетки — сёстры матери в свое время не вышли замуж и всю жизнь прожили одни. Как я уже рассказывал, одна из них — старшая, сейчас живет с родителями, другая, в Кисловодске, тоже одна. Поэтому всю свою любовь они отдавали и сейчас отдают нам — мы всегда для них были как родные дети, соответственно и у нас тоже к ним особое отношение: не как к теткам — а как к матерям.

Шамиль, очень здорово; я постепенно разберусь, это в каком же Вы поколении человек с высшим образованием? В третьем? Очень многонациональная семья — интересно... традиции каких культур в вашей семье так или иначе соблюдаются?

Получается что в третьем, но насколько я знаю, многие из моих предков, были образованными людьми. Возможно это не было высшее образование в том смысле, котором мы его понимаем сейчас — ведь оно сложилось только в советское время. Но каждый раз, когда в Кисловодске мы с теткой приходим в гости к очередным родственникам, мне постоянно рассказывают о тех или иных моих «значимых» предках — религиозных деятелях, известных врачах, просветителях и т.п. Да и тётка не устаёт повторять что у меня со стороны матери «хороший род».

Однажды она водила меня в кисловодский краеведческий музей, где показала мою прабабушку, запечатленную на одной фотографии с Надеждой Крупской во время съезда горянок. В тот день мы пришли в пустой музей и женщина-экскурсовод — тоже карачаевка по национальности — нам рассказала о роли нашей фамилии в истории карачаевского народа. Деталей уже не помню, но я был сильно удивлен. Многое из того что она рассказывала даже моя тётка сама не знала.

Со стороны отца, честно говоря, глубже деда я еще толком не выяснил. Когда я в последний раз ездил к родителям, с целью поговорить об этом, отец был в командировке. Выясню — обязательно напишу.

Относительно многонациональности думаю вот что. Несмотря на то, что и география и народы разные — все мои родичи принадлежат одной группе — тюрки. Карачаевцы, башкиры, узбеки, татары (сибирские и казанские) — близкие родственники, у них очень похожий язык и их судьбы очень тесно переплетаются в истории. Это я говорю не потому что так где-то написано, но по своему опыту.

В традициях нашей семьи в той или иной мере есть элементы всех культур её составляющие. И это сформировалось еще в Ташкенте. Мы не правоверные мусульмане, скорее советские люди, тем не менее родители дяди и тётки знают все основные мусульманские молитвы. Все основные события в жизни человека будь то рождение, брак или смерть сопровождаются традиционными обрядами. Это кстати проявляется и у моих сестер, которые вышли замуж за русских — их мужья крестят своих детей, а сестры считают необходимым делать все возможное, связанное с нашими традициями. Разногласий на этот счет в их семьях не возникает. Кухня у нас по большей части восточная. Музыка слушаем ту, что транслируют по радио и телевидению, хотя иногда специально включаем традиционную. Недавно к нам в Тюмень приезжал ансамбль Хун Хуур Ту (это традиционное тувинское горловое песнопение). Я пошел на их концерт и почувствовал очень мощное ощущение своей близости к востоку, кочевничеству.

Что Вам рассказывали Ваши родственники о депортации, все ли доехали до Киргизии?

Тетка рассказала мне, что во время войны часть карачаевцев присоединились к немцам. Оказывали поддержку, воевали на их стороне. Это очень разозлило Сталина, и он депортировал весь народ. В нашей семье это произошло следующим образом. Моя прабабушка с сыном и дочерью (моей бабушкой) жили втроем в Кисловодске. У них была скотина в селе неподалеку, за которой приглядывали родственники. Однажды мать с сыном поехали на сенокос, чтобы помочь в содержании своей скотины, а 16-ти летняя дочь осталась одна дома. В это время приехал грузовик с людьми, которые сообщили о депортации и дали на сборы семь часов. Бабушка собрала самое ценное и ее вместе с вещами увезли на вокзал и посадили в товарняк. Прабабушку с дедом забрали с сенокоса прям в рабочей одежде, в которой они работали.

Условия были не лучшие, было холодно, правда голода в дороге, говорят, не было. На станциях людям давали возможность выйти, отдохнуть, набрать воды, снабжали продуктами. Поезд ехал около 3-х недель. За это время некоторые умерли — в основном старики и больные. Моих ближайших родственников несчастье во время депортации не коснулось. Суровые условия встретили народ уже в Киргизии. Там многие погибали от голода, в основном это коснулось многодетных семей. Брат моей бабушки был предприимчивым человеком, находил работу, кормил семью, улучшил жилищные условия. Так и прожили до тех пор, пока моя бабушка не вышла замуж и уехала в Ташкент. Чуть позже, карачаевцам была объявлена реабилитация и прабабушка с сыном вернулись в Кисловодск, а бабушка так и осталась в Ташкенте.

Многие из карачаевцев, воевавшие на стороне немцев, ушли вместе с ними в Германию, часть оттуда эмигрировали в Америку. Говорят там до сих пор сильны карачаевские диаспоры. Участников этих событий уже нет в живых, но их предки сейчас приезжают на Кавказ, ищут своих родственников, налаживают связи.

Я Вас так давно знаю, что мне казалось, Вы постарше... как шло учение в школе? Какие предметы Вам нравились более других? Что читали подростки в те годы? Вы уже не застали ни пионерии, ни комсомола, но какие-либо формы общественной работы сохранялись?

Так получилось что я научился читать очень рано. В 2,5 года мама показала мне буквы, а в три я уже свободно читал. Поэтому все мое детство прошло в «обнимку» с книгами. В раннем детстве я очень любил народные сказки, особенно восточные: Ходжа Насреддин и Алдар Косе были моими главными героями. Очень любил Легенды и мифы древней Греции. Чуть позже я переключился на приключенческую литературу: несколько раз перечитывал Робинзона Крузо, приключения Тома Сойера, Шерлока Холмса. С удовольствием читал советские детские книги типа: «Баранкин будь человеком», все части «Незнайки» Н. Носова, «Три толстяка» и т.п. Потом дело дошло до научной фантастики — Айзек Азимов, Герберт Уэлс, Братья Стругацкие... В старших классах взялся за естественнонаучную литературу — помню большое впечатление на меня произвела работа Мечникова «Этюды оптимизма» — я и сейчас привожу студентам этот труд как пример безупречной методологической работы. Долго размышлял над идеями Л. Н. Гумилева. Книг в доме хватало, так что без дела не сидел.

Потом увлекся гуманитарной литературой. После прочтения всего Дейла Карнеги взялся за З. Фрейда, К. Юнга, Ч. Ломброзо, О. Вейнингера. Наверное на этом этапе у меня сформировалось призвание в изучении людей, общества. Русскую классику я как-то в юности пропустил, и перечитал ее уже в студенческие годы. На младших курсах института я увлекался парапсихологией. Прочитал все на что хватило терпения и понимания. После окончания вуза уже приходилось читать не исходя из потребности, а в силу необходимости. Тем не менее не скажу что это не доставляло мне удовольствия от чтения. Сейчас по большей части слушаю аудиокниги, в основном, когда нахожусь в дороге. Читаю только то, что необходимо для работы и научной деятельности.

В школе я учился плохо. Не знаю как уж так получилось, но мне было не интересно. Из предметов любил биологию, а в старших классах, когда в процессе подготовки к поступлению в вуз возникла необходимость — как следует разобрался в химии и полюбил её. Когда уезжали из Ташкента, оценки у меня были — хуже некуда. По нескольким предметам учителя мне поставили итоговые тройки, только потому что мама попросила, сказав, что мы переезжаем в Россию. Здесь уже пришлось подтянуться, но все равно в итоговом аттестате у меня было пять троек. Возможно на плохую учебу повлияло также то, что я очень любил гулять на улице с пацанами. Наверное чтение и любознательность в какой-то мере мне компенсировали плохую учебу.

Пионером я успел побыть год или два. Но сильного идеологического воздействия, по всей видимости, данный факт на меня не возымел. Тем не менее, процесс социализации в детстве я прошел в полной мере, поскольку родители

почти каждое лето отправляли меня в пионерские лагеря, где я активно участвовал во всех мероприятиях. Кроме, сколько себя помню, в детстве я постоянно посещал какие-нибудь кружки или спортивные секции: выжигание по дереву, юный натуралист, юный техник, борьба, скалолазание и т. д. То же самое и в студенческие годы. Посещал спортивные секции, участвовал в дебюте первокурсника, студенческих вёснах... Вообще, если говорить об общественной деятельности, то мне скорее это нравится чем нет.

У Вас было много различных интересов, профессиональный выбор сделали еще в школе или прошли армию?

В армию мне не удалось сходить, т.к. сразу после вуза поступил в аспирантуру и защитился досрочно. Кандидатов наук в армию не берут. Несмотря на плохую учебу в школе, я окончил Тюменскую государственную сельскохозяйственную академию с красным дипломом. Не сказать, что мне было интересно (я учился на факультете рационального природопользования и прикладной экологии), просто раз уж хорошо знал биологию и при подготовке к поступлению выучил весь курс химии, дальше, по инерции, проблем с учебой у меня не было, ведь вся сельскохозяйственная наука строится вокруг этих двух предметов. Единственной своей заслугой в учебе считаю то, что я практически не пропускал занятия. В любом состоянии, после всех студенческих гулянок, я всегда ездил на пары.

Профессиональный выбор я сделал в институте. Причем получилась интересная история. Я уже рассказывал, что увлекался психологией, социологией и другими гуманитарными науками во время учебы. Так вот, когда пришло время выбирать место прохождения преддипломной практики и тему выпускной работы, я попросил своего руководителя разрешить мне самостоятельно выбрать направление и разработать его. В итоге я все лето просидел в библиотеке, изучая методологию и методы социологического исследования, классиков социологии. В результате составил анкету, по которой собирался опросить работников сельскохозяйственной отрасли и выявить степень сформированности у них экологического сознания. Я считал, что прежде чем вводить экологические технологии в производство с/х продукции – а этому нас как раз и учили, в отличие от агрономов, необходимо формировать экологическое сознание у рядовых работников отрасли.

Опросить по этой анкете мне так никого и не удалось, потому что осенью, когда пришло время защищать перед кафедрой отчеты по пройденной практике, меня сильно раскритиковали, сказав, что я занимаюсь не тем, чем нужно. В результате мне поставили единственную четверку в моем дипломе, мне пришлось сменить тему и проводить опыты на экспериментальном поле нашей сельхозакадемии.

В 2003 году после успешной защиты выпускной работы три или четыре кафедры приглашали меня в аспирантуру, но я отказался, решив либо идти в армию, либо заниматься тем, чем мне было интересно. Так я сделал свой профессиональный выбор и оказался в ТГУ у Веры Владимировны Гаврилюк, которая в меня поверила, за что до сих пор ей очень благодарен.

Чем бы Вы объяснили возникновение у Вас интереса именно к социологии? Вам читали что-либо по этому предмету, какая-либо социологическая книга случайно попала к Вам в руки? Какие книги Вы читали в то «запойное» лето?

По правде говоря, перед тем как зайти к Вере Владимировне, я наведалься на факультет психологии, где мне сообщили, что для поступления в их аспирантуру необходимо иметь либо медицинское, либо психологическое образование. То есть я со своим образованием в «калашный ряд» никак подходил. В любом случае у меня было желание работать не с личностью, а с социальными группами. Тогда я еще не сильно разбирался в тонкостях предмета разных гуманитарных дисциплин и «социальная психология» — сфера деятельности, которой занимаются психологи, мне казалась тем, чем надо для изучения экологического сознания. Как выяснилось позже, я ошибался, и, на самом деле социология была тем, что я искал. То есть получилось не так, что я однажды проснулся и решил для себя — буду социологом. Наоборот, я нашел сферу, которая мне интересна, а потом уже выяснил, что это социология.

По поводу того, как я к этому пришел. Не думаю, что какая-то особенная книга послужила толчком. Кажется, это началось в старших классах и усилилось на младших курсах вуза. В школе я подготовил фундамент, начитавшись вышеупомянутой литературы, а в институте пропустил все, что накопилось в подсознании через призму естественных наук. Я искал аналоги природных (экологических) процессов в общественных явлениях (некоторые из идей, зародившихся в то время, до сих пор сидят у меня в голове), пытался для себя развивать идеи Гумилева о влиянии природных явлений и феноменов на поведение различных социальных групп. Но постепенно от этого отошел, посчитав что у меня еще не накоплено достаточно эмпирических знаний и опыта, чтобы осуществлять такого уровня теоретизирования. В итоге и было принято решение заниматься изучением общества.

Возможно, то, что я только что сформулировал, не полностью соответствует действительности. Возможно, мне сейчас только кажется, что решение было принято именно так. По правде говоря, трудно сказать, когда именно и как я решил заниматься социологией. Не исключаю влияния каких-то мелких случайных факторов или удачного стечения обстоятельств, но в целом считаю что мой выбор был зрелым, и даже если бы в жизни была другая ситуация, я все равно бы встал на этот путь.

В то лето я действительно интенсивно работал в тюменской областной научной библиотеке. Возможно это было не свойственно моему возрасту, характеру, особенно в условиях хорошей компании, свободных месяцев и хорошей погоды, но это правда. Наверное, многие из тех, кто заслушивал мой отчет по практике на кафедре, решили, что я нашел хитрый способ избежать участи остальных студентов — провести все лето в каком-нибудь колхозе, но это не так. Я действительно изучал все что было связано с планируемым мной исследованием.

В первую очередь я ознакомился с литературой по методологии и методам социологических исследований. Читал Ядова, Батыгина, Белановского, Татарову, Толстову, Девятко и др. Далее я нашел и полистал учебники по социальной экологии, выделил в них то что посчитал нужным, и стал изучать дальше. Это доклады Римского клуба, концепция устойчивого развития, теория коэволюции Н. Н. Моисеева, теория ноосферы В. И. Вернадского. Добрался до

русского космизма, но глубоко вникать не стал. С удовольствием познакомился с Г. Спенсером, а от него перешел к классикам социологии: М. Веберу, Т. Парсонсу. В итоге я познакомился с социологией, а также составил программу исследования с инструментарием, судьба которых Вам уже известна.

Я понимаю, что Вы встретились с В. В. Гаврилюк, переговоры, успешно прошли вступительные экзамены и были зачислены в аспирантуру. Вы сразу нашли тему, по которой решили делать диссертацию, или необходимо было время, потребовался анализ различных проблемных областей? Как шла работа над диссертацией?

Тему мне не пришлось придумывать. Забегая вперед могу сказать что я защитился по теме «Институциональные основы формирования экологической грамотности». То есть фактически я закончил то, что начал в «запойное» лето. Конечно, было другое исследование — поменялись предмет и объект, но в целом свои научные интересы я удовлетворил.

Могу добавить, что успешному завершению работы способствовали два важных обстоятельства. Во-первых, с первых дней аспирантуры я начал преподавательскую деятельность, причем преподавал социальную экологию. Я хорошо разобрался в теме, познакомился и пообщался с Данило Марковичем — известным сербским социальным экологом, который был приглашен в Тюмень на какую-то конференцию.

Во-вторых, в то время Вера Владимировна работала над грантом РФФИ — «Функциональная неграмотность в условиях перехода к информационному обществу», и моя тема очень хорошо вписывалась в этот проект. Экологическую неграмотность мы рассматривали как один из аспектов общей функциональной неграмотности человека и блок вопросов для моей работы был включен в общую анкету.

Исследования я проводил с удовольствием. Наряду с работой над грантом я несколько раз ездил в Москву, где брал интервью у представителей общественных экологических организаций, экологически ориентированных деятелей, политиков, ученых. Работал в крупнейших российских библиотеках. Добрался до Государственной Думы, где пообщался с С. Н. Глазачевым, пытался поговорить с С. А. Тангяном — представителем нашей страны в ЮНЕСКО, но его в тот момент не было в стране и мне, по рекомендации его секретаря, пришлось встретиться с кем-то из его заместителей. Побывал на телевидении, где выпросил запись телепередачи посвященной функциональной неграмотности. Объездил ряд вузов и академических структур, пытаюсь встретиться со всеми, кто имел какое-то отношение к теме моего исследования.

После периода накопления материала и «созревания» я быстро оформил диссертацию — буквально за три недели написал текст, два раза обсудился на кафедре и защитился без чёрных шаров.

Значительную часть 1980-х я участвовал в советско-венгерском исследовании экологического сознания, так что понимаю важность и остроту экологической тематики. Вы рассказали внешнюю часть Вашей работы (объем проделанной работы), теперь, пожалуйста, подробнее о содержании Вашего исследования. В чем Вы видели проблему поиска, какова была методология Вашего исследования, к каким выводам Вы пришли?

В общем, идея была такая. В своей работе я попытался определить структуру экологической грамотности, представив её в виде «ядра» и «оболочки». «Ядро» – инертно и формируется базовыми институтами в процессе социализации – это семья, система образования, в какой-то мере религия. У разных обществ формы и содержание ядра различаются, в зависимости от окружающих природных условий, наличия природных ресурсов, их истории. Отдельные проявления базовых экологических знаний находят свое отражение в фольклоре народов, сложившихся традициях.

«Оболочка» более динамична, связана с текущей экологической ситуацией в месте дислокации сообщества и содержит знания об изменениях в окружающей среде в определенное время и в определенном месте. Содержание этого элемента со временем устаревает и во многом зависит от личной экологической активности индивидов, составляющих сообщество. «Ядро» и «оболочка» постоянно испытывают взаимное влияние и вообще, их следует рассматривать неразрывно. Графически это можно было бы представить в виде совокупности точек, плотность которых ближе к центру возрастает. «Оболочка» формируется под воздействием таких социальных институтов как: СМИ, институты гражданского общества (экологические организации), государство (имеется ввиду правовая система).

Построив такую концепцию, я стал рассматривать, как же все вышеназванные институты влияют на экологическую грамотность в современном российском обществе. Изучил систему экологического образования в нашей стране, сравнил ее с зарубежными. Рассмотрел, как осуществляется экологическое воспитание в современной российской семье, сравнил с воспитанием в традиционных культурах (кажется приводил пример с северными народами). Посмотрел, как освещают экологическую тематику наши СМИ. Изучил деятельность (в т.ч. просветительскую) общественных организаций. Сделал акцент на общественной экологической экспертизе. Провел обзор российской нормативно-правовой базы, связанной с экологией.

В итоге пришел к неутешительному выводу, что в современной России социальные институты не способны в полной мере сформировать экологически грамотную и ответственную личность и в этом направлении необходимо работать. Все вышесказанное – костяк, который, естественно, сопровождался данными эмпирических исследований, ссылкой на авторов, разбором терминов и понятий и т. п.

Идея конечно незамысловатая, но свою функцию эта работа, прежде всего как квалификационная, для меня выполнила.

Можно понять, что Вы защитили кандидатскую диссертацию в 2006 году. Так? Не было ли у Вас желания уйти из науки и заняться практической или организационной работой в области защиты окружающей среды? Тюменский Север дает множество поводов для этого? Или решили остаться в науке?

Именно так. Весной 2006 года прошла моя защита. В это время мы с Верой Владимировной и еще несколькими преподавателями уже перешли в нефтегазовый университет.

О практической деятельности я даже и не думал. Вкусив свободный график работы, почувствовав возможность творческой самореализации, личностного и научного роста, общения с интересными людьми, меня уже никакими «пряниками» невозможно было загнать в офис. Особенно на Север.

Переезд в Сибирь из Узбекистана сам по себе был для меня небольшой психологической травмой в географическом плане. Беднота природы, слишком длинные дни непродолжительного лета и короткие зимние дни, морозы, резкие перепады температуры, отсутствие ароматных фруктов, летние комары и мошки, все это неполный перечень того, к чему мне пришлось довольно долго привыкать. А когда я съездил в гости к двоюродному брату (сын сестры отца) в Ноябрьск, я сделал для себя вывод, что Север это не для меня — там все что я описал, было представлено трёхкратно. Со временем, правда, стал относиться к этим вещам спокойнее, но мне по-прежнему туда не хочется. Не хотелось и после окончания аспирантуры. Сейчас на Север все равно приходится иногда ездить. Периодически там появляются какие-нибудь проекты, но каждый раз возвращаясь оттуда я вздыхаю с облегчением.

Кстати, относительно недавно, буквально пару месяцев назад, было предложение устроиться на должность социолога в департамент внутренней политики ЯНАО (Салехард) за хорошую зарплату и жилье, но я не проявил к нему интереса. И вообще, я для себя давно решил, что качество жизни не пропорционально количеству зарабатываемых денег. А иногда наоборот, большие деньги приносят лишние проблемы. Кроме того Тюмень сам по себе комфортный город для проживания и дает возможность для заработка.

Про экологию как рабочую специальность я забыл сразу после поступления в аспирантуру. Были мысли преподавать её, чтобы не растерять, но и от этого тоже отказался. Зачем искать замену тому, что даёт все, что тебе нужно? В то же время я не категоричен. Если резко изменятся условия, возможно, что придется сменить вид деятельности. Но это должны быть очень сильные перемены.

Итак, Вам 25 лет. Получено образование, защищена кандидатская диссертация, есть дело, которое Вам нравится... 2006 год, пришла некая общественная стабильность, можно было подумать о перспективах, хотя бы на несколько лет вперед. Не думали ли немного поучиться в Москве или за границей? Какие предметные области стали Вас интересовать?

Естественно, стать социологом только в результате написания диссертации невозможно. Мне постоянно приходилось и приходится учиться.

В конце 2006 года я прошел небольшую стажировку в ФОМе. Несколько дней я приезжал в Фонд и знакомился с работой каждого из отделов. Тогда я познакомился с А. Б. Чуриковым, специалистом по расчетам выборок, с которым впоследствии мне приходилось неоднократно пересекаться на конференциях и других обучающих курсах. Помню, что как раз в период моей стажировки умер Ю. Левада, и руководители ФОМа ездили прощаться с ним. Тогда я еще плохо знал, что это был за человек, и когда я уже вернулся в Тюмень и узнал о нём получше, понял, какую утрату понесла российская социология.

В 2008 году было два мероприятия, которые существенно углубили мои профессиональные знания, интегрировали меня в социологическое сообщество. Сначала — весной, я учился в ИС РАН на курсах «Возможности программы

SPSS для анализа социологической информации», организованных Центром социологического и политологического образования С. Е. Кухтерина. Это была очень интенсивная и тяжелая, но интересная учеба. 18 дней с утра до вечера мы работали в компьютерном классе, а вечером делали домашние задания. Я и все мои однокурсники со всей России жили в ДАС (дом аспиранта и стажера), где мы познакомились, подружились и с некоторыми общаемся до сих пор. Я жил в одной комнате с Бушуевым Алексеем – парнем из Казани. Позже мы с ним вместе написали учебник по SPSS.

Потом была недельная летняя школа «Статистика без слез: регрессионное моделирование с использованием пакета NESSTAR». Мы жили в живописном пригороде Подмосковья на базе отдыха. На эти курсы приехали некоторые ребята из курсов по SPSS, где мы общались уже как старые добрые друзья. Сама по себе школа была не сложная, но дала очень мощный позитивный социологический заряд.

Таким образом в 2008 году я познакомился со многими людьми, не только моими молодыми коллегами, но и российскими учеными методологами. Так, у нас преподавали или были приглашенными гостями И. Ф. Девятко, Ю. Н. Толстова, Г. Г. Татарова, Г. Л. Воронин, М. Ф. Черныш, А. Б. Чуриков и многие другие.

Летом 2010 году я на протяжении месяца проходил стажировку во ВЦИОМе. Там я работал над проектом «Способность политической системы реагировать на общественные ожидания и опасения в условиях преодоления кризиса». Это была командировка в рамках моего обучения в докторантуре. В принципе, большого впечатления это событие на меня не произвело, поскольку я уже хорошо знал как работают «фабрики» общественного мнения. Было больше рутины. Положительным моментом здесь считаю знакомство с «детальями» полстерской работы.

Первый зарубежный опыт я получил в том же 2010 году, когда в составе делегации нашего университета поехал в Китай для налаживания контактов с китайскими университетами нефтегазовой сферы. Там я познакомился с девушкой из Казахстана, которая училась на какой-то из гуманитарных специальностей. Встреча с ней у нас была запланирована программой. В свое время она выиграла грант президента на обучение в Пекинском университете и к моменту нашей поездки обучалась на последнем курсе. Она рассказала мне много интересного про учебу в Китае, дала контакты своей подруги, которая училась на специальности «Социальная работа». К сожалению многого узнать мне у них не удалось, т.к. были проблемы со связью (у них тогда был заблокирован доступ к mail.ru). У меня до сих пор остался неудовлетворенный интерес к китайской социологии (в первую очередь методологии), поскольку информации о ней в открытых источниках мало, а языковой барьер мешает познакомиться с их литературой. По правде говоря, интерес к Китаю в целом у меня был всегда, и я надеюсь, что когда-нибудь удастся посотрудничать с китайскими коллегами.

В 2011 году в рамках федерального гранта развития инновационной инфраструктуры, который выиграл наш Нефтегазовый университет, была создана лаборатория изучения общественного мнения, которой я заведу и сейчас. За счет средств этого гранта я на пять недель ездил в Англию, где учился в BBSI (Bournemouth Business School International). Предполагалось что стажировка

позволит знакомиться с передовыми европейскими технологиями в области изучения общественного мнения, но мой языковой уровень, оставлял желать лучшего и не позволил мне с ходу взяться за англоязычную исследовательскую практику. Большую часть учебы я ходил на General English, и только в последнюю неделю посетил несколько уроков Marketing & Business skills. Тем не менее, именно эти курсы стимулировали меня к изучению английского языка, и следующие пару лет я посещал интенсивные языковые курсы.

Сейчас этот процесс приостановился, т.к. не хватает времени. Английский язык для меня как зубная боль. Я никак не могу взяться и основательно его освоить, чтобы свободно общаться на профессиональные темы с носителями языка, но в то же время кое-какой уровень у меня есть, и изъясниться с теми, для кого английский не родной я смогу. Периодически я обдумываю вариант получения второго высшего образования по английскому – чтобы некуда было деваться и пришлось выучить всю грамматику и лексику, отложив все дела. Но пока видимо не созрел. Наверное не хватает какой-то сверхмотивации, может совместного проекта или перспективы длительного обучения за рубежом.

В 2012 году была поездка с Верой Владимировной в Индию на социологический конгресс. Выступить там не удалось, хотя я основательно подготовился и практически выучил свой доклад. Зато почувствовал непередаваемую атмосферу международного обсуждения актуальных проблем, увидел «ниточки», связывающие людей одной профессии из разных стран мира.

За 10 лет моей работы в социологии были и другие курсы и стажировки, конференции, встречи с интересными людьми и все это я считаю моей учёбой. Но самая главная моя учёба – это проекты, над которыми приходится работать. Не знаю, хорошо это или плохо, но я считаю себя «социологом широкого профиля». Мне приходилось и приходится работать с самыми разнообразными исследованиями в самых различных сферах с применением практически всех методов получения и анализа эмпирических данных. Это и федеральные и региональные гранты, исследования для внутренних нужд университета, маркетинговые проекты, исследования для органов власти, консультирование небольших компаний, методологическая помощь людям, работающим над диссертациями, инициативные проекты и др. Конечно же, без постоянного поиска, самообразования, осуществление такой деятельности невозможно. Информации из открытых источников бывает недостаточно, поэтому периодически приходится искать людей, звонить, консультироваться. Обнаруживаются целые пласты, доселе не тронутые мной, но которые жизненно необходимо освоить: это математика, статистика, все что связано с выборкой, история социологии, иногда практика доводит до философии...

Обобщая, хочу сказать, что процесс обучения не останавливается. Если же говорить о том, чтобы специально выехать куда-нибудь на продолжительную учебу – то я не против, и если подвернется случай, то обязательно постараюсь им воспользоваться.

Теперь об интересующих меня областях. Как Вы уже, наверное, заметили, я отошел от социальной экологии и перешел к эмпирической социологии как предметной области. Обдумывая свой опыт, систематизируя и обобщая его я пришел к тому, что мне хотелось бы называть себя методологом. Мне стали интересны не сами результаты исследований, а то, как их можно получить

с минимальным искажением. Захотелось искать «изящные» способы решения конкретных сложных социологических задач. Я стал критически подходить к отдельным методам, описанным в учебниках, появилось желание дискутировать с авторами отдельных исследований. Считаю, что к каждому исследованию нужно относиться творчески, подходить ситуационно, где-то модифицируя существующие методы, а не прикладывать устоявшиеся «лекала» ко всем исследованиям. И возможно у меня еще не было возможности изложить все свои мысли в публикациях, но я думаю, что буду двигаться именно в этом направлении.

Другой темой, которая меня интересует, и которая неразрывно связана с предыдущей, является анализ общих процессов, происходящих в отечественной социологии. Это развитие муниципальной социологии, взаимодействие региональных исследовательских компаний (например в форме Ассоциации 789, проектов Циркона), тенденции переноса «центра тяжести» исследований в Интернет. Я с удовольствием посещаю ежегодную Грушинскую конференцию где эти все вещи обсуждаются. Надеюсь, что моя следующая диссертация будет посвящена этим вещам.

Еще несколько слов хотелось бы сказать о своей преподавательской деятельности. Уже лет 5 я преподаю дисциплины методологического характера: это «МИМСИ», «Анализ данных в социологии», «Социологические проблемы изучения общественного мнения». Это также заставляет меня учиться, чтобы грамотно транслировать свой опыт студентам. И возможно я иногда «грешу», отходя от учебного плана в преподавании этих дисциплин, но считаю, что даю ребятам больше чем те преподаватели, которые преподносят студентам «не свои» знания. В ближайшее время мне бы хотелось написать серию учебников или учебных пособий по указанным дисциплинам со своим видением организации проведения исследований.

Да, очень многообразное обучение, уверен, все принесет плоды. Очень важно входить в науку со своим поколением, зная его.

Вы сказали «перешел к эмпирической социологии», мне кажется, что сейчас чаще говорят о «прикладной социологии»; или это лишь разные названия одного и того же?

Уверен что это не так, но увидев этот Ваш вопрос, у меня рука сразу потянулась к поисковику, чтобы уточнить понятия. Сознательно не стал этого делать, решил сформулировать сам. Понятие эмпирическая социология, на мой взгляд, шире. Прикладная – та, что решает конкретные задачи. Эмпирическая же гармонично вливается в теоретическую, а вместе они – единое целое. В рамках эмпирической социологии возможна саморефлексия, саморазвитие. Грубо говоря, представитель прикладной социологии – практик, работника, штатный социолог в организации. Представитель эмпирической – исследователь, методолог.

Меня всегда интересовали и продолжают интересовать методы, потому, пожалуйста, прокомментируйте фразу: «Я стал критически подходить к отдельным методам, описанным в учебниках, появилось желание...». Приведите один пример.

Конкретные методы я сейчас трогать не буду, но пример приведу. Тема избита, но она фундаментальна, и от того как ее преподнести студентам, зависит дальнейшее восприятие ими многих вещей. В учебниках обычно есть разделы:

количественные методы и качественные методы. Хорошо если так, а то иной раз можно встретить и разные учебники. Конечно, авторы оговариваются, что одни методы должны дополнять другие и среди них нет «главных». Однако само их разделение, на мой взгляд, уже есть большая методологическая ошибка.

На первом же занятии по МИМСИ я студентам говорю, что всю совокупность методов можно представить в виде отрезка на одном конце которого находится «Идеальный количественный метод», на другом «Идеальный качественный». Ни того ни другого в чистом виде в природе не существует. Мы выделяем их только для того чтобы иметь возможность на что-то опираться при классификации. Эту идею я, кстати, взял у Отто Вейнингера, когда он рассуждал о поле и характере.

Почему не существует «Идеального количественного»? Да потому что практически нет анкет, в которых отсутствует открытый вариант «другое», а это уже качественная информация. Даже если в анкете нет такого варианта, в процессе анализа и описания результатов исследователь неизбежно вносит свои смыслы, т.к. не может быть абсолютно объективным. Еще есть вариант «затрудняюсь ответить», который содержит в себе массу скрытых смыслов, оставленных респондентами.

Почему не существует «Идеального качественного»? Потому что каким бы «качественным» не было исследование, мы обязательно используем логические приемы для его интерпретации: сравнение, обобщение, анализ, синтез... А это оперирование долями, частями — то есть количественными категориями.

Таким образом, каждый метод мы можем охарактеризовать как некую совокупность количественного и качественного в различных пропорциях. Один и тот же метод в разных исследованиях может менять свой характер. Например экспертный опрос: он может быть качественным, может быть количественным, а может находиться ровно посередине.

Студентам на практических занятиях я предлагаю численно оценить доли качественного и количественного в разных методах. Например: анкетный опрос: 95% (колич.) : 5% (кач.) и т.п.

Относительно конкретных методов, раз уж начал, тоже могу сказать несколько слов. Как правило, все методы всегда рассматриваются отдельно от выборки. Этого делать, на мой взгляд, нельзя, т.к. у людей не формируется понимание, для чего нужна выборка в результате все и всегда, вплоть до докторантов, пытаются применить какие-нибудь формулы для того, чтобы обосновать ее репрезентативность. Нет привязки к цели и задачам исследования, к специфике изучаемой социальной группы, или иному объекту исследования, если речь идет о работе с контентом. Есть множество других моментов, которые периодически вызывают у меня возмущение, но сейчас деталей уже не помню.

Ваша точка зрения понятна, спасибо. Теперь — еще один вопрос на уточнение. Чем занимается руководимая Вами лаборатория изучения общественного мнения? Какие методы сбора информации Вы используете? Кто является Вашим основным заказчиком, в какой мере он учитывает результаты Ваших исследований?

В настоящее время для меня это довольно болезненный вопрос. Инициатором создания лаборатории в 2011 году выступила Вера Владимировна. Она же ходатайствовала о назначении меня заведующим. В университете в то

время были средства на развитие инновационной инфраструктуры — грант, о котором я уже упомянул. Нам выделили помещение, закупили мебель и технику (компьютеры, диктофоны, видеокамеру и т.д.). Основной целью лаборатории, как и множества других созданных в университете структур является «диверсификация» заработков университета, увеличение финансового вклада от научной составляющей. Была обещана административная поддержка руководства по привлечению заказчиков.

К сожалению много денег заработать не получилось. Самостоятельно найти постоянных заказчиков не удалось, а конкурировать на рынке социологических услуг в Тюменской области от университета оказалось затруднительно в силу многих причин. Одна из них — «неповоротливость» вуза. Я имею ввиду отсутствие самостоятельности при принятии решения участвовать в том или ином конкурсе, устанавливать в торгах ту цену и сроки, которые я посчитаю нужной (в России все потребности государственных органов удовлетворяются только через конкурсы или торги). Все мои решения приходится согласовывать с различными университетскими структурами: юристами, планово-финансовым управлением, бухгалтерией... В условиях жесткой конкуренции на рынке в таких условиях работать очень сложно. Административной поддержки тоже не было.

В то же время, наверное, было бы несправедливо всю вину перекладывать на университет, в конце концов, все условия для функционирования лаборатории созданы. Есть и мои недоработки. Возможно, не всегда удавалось повлиять на руководство, уговорить их представить наши интересы в крупных региональных нефтегазовых компаниях. Можно было бы усилить образовательный аспект, хотя мне это не очень интересно.

В общем, сейчас существование лаборатории под вопросом, и я пытаюсь её сохранить. Предлагаю руководству проводить все внутренние исследования, необходимые для обеспечения качества образовательного и воспитательного процесса (это опросы студентов, преподавателей, работодателей) в лаборатории в зачет плана. Предлагаю маркетинговые исследования для университета, например изучать школьников старших классов и их родителей — как потенциальных абитуриентов (потребителей услуг вуза). Сейчас эти исследования проводят внутренние структуры, причем не всегда на соответствующем уровне. Переговоры по сохранению лаборатории ведутся, каков будет результат — пока не известно.

Чем мы занимались и занимаемся. Сразу хочу сказать, что мы с товарищем в 2007 году открыли свою фирму «Центр изучения региональных процессов» и часть плановых заданий лаборатории выполняли за счет договоров субподряда от нашего Центра. Также несколько конкурсов удалось выиграть и от университета. Это в основном исследования для принятия управленческих решений различными областными департаментами и комитетами. Были и внутриуниверситетские исследования, федеральные гранты, электоральные исследования для кандидатов в депутаты. Несколько раз проводили поле в регионе для столичных компаний. По завершению организованных нашим вузом олимпиад и конференций опрашивали участников. Брали на практику студентов.

Методы, в основном использовали те, что прописывались в технических заданиях, а они особым разнообразием не отличаются: массовые и экспертные опросы, фокус-группы, реже контент-анализ. Думаю что ни одно наше исследование не прошло в «пустую» и в той или иной мере учитывалось теми, кем было заказано.

Выше Вы отметили, что в 2010 году в рамках обучения в докторантуре Вы участвовали в одном из проектов ВЦИОМ. Вы проходили (или проходите) докторантуру в Москве? При каком университете? По какой теме? Кто Ваш консультант?

Я состоял в докторантуре нашего нефтегазового университета. Формально докторантура у меня закончилась, но я продолжаю работать, т.е. «созревать» для докторской диссертации. Общаюсь с экспертами, коллегами. Когда я туда поступил, мне было 28 лет, закончил – 31. То есть то, что она окончилась у меня без защиты, и даже без полного текста работы меня ничуть не смущает, т.к. считаю что для меня было бы тяжело в моем возрасте «носить» ученую степень доктора наук. На мой взгляд, это не только высокий статус, но и большая ответственность. Мне кажется, что доктор в большей степени должен быть мудрым, а не только эрудированным.

Тем не менее сам факт обучения в последней считаю не напрасным. Пребывание в докторантуре подразумевает определенные «поблажки» в виде наличия некоторого количества дополнительного свободного времени, большей возможности по сравнению с другими коллегами ездить в командировки. Этим я, насколько мог, пользовался.

Консультантом моей работы выступает Вера Владимировна. Она меня в этом вопросе особо не торопит, но периодически напоминает о необходимости не только «созревать», но и выдавать какие-то конкретные результаты.

Рабочая тема моей работы изначально звучала как: «Становление и развитие (института) общественного мнения в современной России». Но сейчас я склоняюсь, что лучше говорить не об общественном мнении, а об эмпирической социологии, поскольку общественное мнение существует независимо от исследователя и вообще, это очень динамичная и трудноуловимая «субстанция». Проще, наверное, рассказать, что именно я хотел бы исследовать и описать в своей работе.

В первую очередь это история. Под современной эмпирической социологией я подразумеваю постсоветский период. Мне интересны предпосылки того, как сформировалось текущее положение дел: организации, отдельные исследователи, заказчики и их потребности, условия работы социологов. Конечно же методы: как проводились исследования, осуществлялись обработка и анализ данных. Интересно также соотношение количества и качества информации, полученной советскими учёными.

Второе – то, что имеем сейчас. Хотелось бы провести классификацию всех типов исследователей, применяемых методов и методологических подходов, рассмотреть сферы применения социологической информации. Я думаю что здесь будет много интересного: социологические ассоциации и объединения, в том числе региональные, развитие общедоступных архивов и баз данных социологической информации, ситуация в вузовской, академической, прикладной социоло-

логии. Также необходимо обратить внимание на социологическое образование (все уровни), тенденции формирования так называемой «муниципальной социологии», особенности функционирования «фабрик» по изучению общественного мнения, площадки для обсуждения социологических проблем, социологическую периодическую литературу.

Основным результатом работы станет оценка текущей ситуации и поиск вариантов дальнейшего направления движения.

А Вы не пробовали под тем или иным углом зрения в свете Ваших гипотез проанализировать мои интервью? Все же огромная коллекция.. социологи всех возрастов, работавшие по самым разным темам...

Честно говоря, пока еще не пробовал, но не потому что в принципе не рассматривал такую возможность, но потому что еще не добрался. Я уже давно думаю о Ваших интервью, читал некоторые их, оценил колоссальный объем проделанной работы и полученной информации. Могу без всякого лукавства сказать, что Ваши труды лягут в основу многих аспектов моей диссертации.

Для работы с Вашими интервью необходима система. Я собираюсь подойти к ним как к первичному материалу, то есть мне для анализа надо будет написать отдельную программу исследования, где объектом выступят биографии. Думаю, что буду использовать контент-анализ. Нужно будет определить семантические единицы, единицы счета. Предварительно нужно будет выработать какую-то хронологическую систему: определить реперные точки и т.д. и т. п.

Да, расскажите. О необычных исследованиях, о ваших авторитетах, о сильных впечатлениях, связанных с научной деятельностью, о вашем образе жизни, тем более – о преподавательской деятельности...

О необычных исследованиях и сильных впечатлениях.

Здесь я бы хотел рассказать об исследовании, которое мне довелось провести в прошлом году. Это был заказ от Научного центра изучения Арктики, который находится в Салехарде. Данный проект моя организация выиграла в государственных торгах.

Несколько слов о заказчике. Основная их деятельность направлена на изучение экономических, социальных и этнокультурных процессов в Ямало-Ненецком автономном округе и на сопредельных территориях. Тема звучала следующим образом: «Современные этнокультуры Ямала: зоны риска и стратегии адаптации». Заказчиком предполагалось, что исследование будет носить этнологический характер и они, мягко говоря, не ожидали, что за проект возьмутся социологи. Таким образом, я влез в «чужой монастырь со своими методами».

У меня уже был кое-какой опыт исследований связанный с этническими и конфессиональными проблемами. Мы с Н. Г. Хайруллиной выполняли несколько проектов, в том числе, по коренным народам Севера, тюменским татарам (по результатам вышла монография), изучали религиозную и межнациональную ситуацию для Департамента по делам национальностей. Но здесь ситуация несколько отличалась. Нужно было организовать экспедицию в Шурышкарский район, провести серию интервью с коренными жителями, собрать фотоматериал

а также данные с похозяйственных книг района. В принципе — ничего страшного, но заказчик выражал серьезные сомнения по поводу того, что социологи смогут справиться с такой работой.

Наверное, и вправду говорят, что некоторые представители отдельной сферы знания могут сражаться за свою научную идентичность с «оружием в руках». Я же стараюсь избегать такого рода споры, поэтому не стал дискутировать с заказчиком по поводу того что социологи могут, а что — нет. Не стал рассуждать и о том, что в гуманитарном знании все методы в целом — универсальны, а свежий взгляд представителя смежной науки на проблемы, традиционно исследуемые этнографами и историками, может быть очень полезен. Упомянул лишь, что есть такая дисциплина — этносоциология и что знаю её не понаслышке.

Опущу детали связанные с разработкой, согласованием и утверждением программы исследования. Хлопот было много, но этот этап прошли. Самое интересное началось летом, когда лёд сошел с Оби и появилась возможность добраться и передвигаться по исследуемому району водным транспортом (зимой там очень холодно, а в межсезонье «ходят» только вертолёты).

До этого мне уже приходилось работать на Ямале, поэтому были знакомства в окружном руководстве. Кроме того я начал свое исследование в Салехарде и предварительно пообщался с представителями коренных малочисленных народов Севера (КМНС), занимающихся этнокультурной деятельностью в окружном центре. Побывал в общественных организациях, защищающих интересы КМНС. Познакомился с представителями СМИ и даже был приглашен на прямой эфир радиопередачи, где рассказал о предстоящем исследовании. Таким образом «подготовил почву» перед экспедицией.

До райцентра — поселок Мужы, добрался на теплоходе «Метеор». Там встретился с представителями администрации, которые, в дальнейшем, оказывали мне полную поддержку с транспортом, проживанием, встречами с необходимыми людьми. Все населенные пункты, которые входили в план экспедиции посещал ежедневными выездами из райцентра с возвращением обратно. Несколько раз, когда нужные деревни находились далеко, оставался ночевать там. Приходилось ездить на моторных лодках с местными рыбаками, медицинских катерах, с журналистами, которые готовили репортажи с Ямальской глубинки, с представителями районной власти. Ночевал тоже не всегда в гостинице. Приходилось останавливаться в домах у местных жителей, в школе-интернате, поселковых администрациях.

Основным методом исследования было глубинное неформализованное нарративное интервью. Ход общения определялся личностью респондента и сферой его деятельности, но цель была одна — определить характер и направленность изменений, происходящих в традиционной жизни КМНС. В случае если респондентом был представитель КМНС, то речь шла о его биографии, жизненном укладе, оценке современных процессов, происходящих в среде его народа. Если респондент представлял власть, общественные организации, СМИ, медицину, торговлю и т.д., то беседа велась уже как с экспертом. Иногда в одной роли выступали представители обеих категорий, тогда, соответственно, беседа проходила по «усреднённом» сценарию. Все интервью записывал на диктофон. Всё, что привлекало внимание — фотографировал. Где было возможно, собирал статистику.

За две недели экспедиции я посетил около десятка населенных пунктов Шурышкарского района и пообщался с большим количеством самых разных и интересных людей.

Простые рыбаки и оленеводы, рассказывали мне о своей жизни, языке, национальной одежде. При мне обсуждались ежедневные текущие бытовые проблемы. Кулинарные предпочтения КМНС я изучал методом «включённого наблюдения», сидя с ними за одним столом. Однажды даже пришлось пить водку и закусывать её сырой оленьей печеню. Местные предприниматели, из числа КМНС, скупающие и перерабатывающие продукты промысла рассказывали о своих экономических проблемах. Жаловались на то, что традиционная хозяйственная деятельность страдает из-за ухудшения экологической ситуации, связанной с добычей нефти и газа.

Встречался с известным на весь мир художником, занимающимся резьбой по дереву и плетением берестяных изделий, изготовлением традиционной домашней утвари. Он обстоятельно рассказал о ситуации с традиционными видами декоративно-прикладного творчества, представил свое видение его перспектив.

О специфике медицинских проблем КМНС мне многое поведал главврач района, с которым, как я уже упомянул, мне пришлось несколько часов ехать в одной лодке. До сих пор сожалею, что интервью с ним мне не удалось записать, т.к. в дороге было очень шумно из-за работающего мотора.

Посетил день рыбака – один из самых больших и любимых местными жителями праздников, учитывая, что рыболовство основной промысел КМНС в Шурышкарском районе. Этот праздник ежегодно организуется в одном из поселков. На нем награждают лучших работников отрасли, варят уху, устраивают конкурсы и игры.

Одну ночь я провел в школе-интернате, где меня разместили за неимением гостиниц в поселке. Дети на летний период уехали на каникулы к родителям, а в самом здании проводился ремонт. Вообще интернаты на Севере – это отдельная история. Их создавала советская власть, чтобы дать детям образование, а их родителям возможность спокойно заниматься промыслом. Некоторые исследователи считают, что именно интернаты сыграли решающую роль в утрате КМНС самобытности, сформировали иждивенчество. Я посмотрел, в каких условиях живут дети, поговорил с педагогами.

Отдельного внимания заслуживают краеведческие музеи, которые есть практически во всех поселках. Больше всего мне запомнился Овгортский. Изначально он открывался как школьный музей, и множество экспозиций: коллекция древних бронзовых предметов, чучела зверей и птиц, традиционная одежда, шаманские принадлежности собирались школьниками. Мне показался очень интересным один экспонат – карта-схема реки Сыня, с изображенными на ее берегах родовых территорий северных ханты. В другом музее, который мне довелось посетить был организован детский лагерь. Дело в том, что это музей-заповедник, который находится под открытым небом. Там были представлены различные виды традиционных жилищ, культовые места. Дети, проживая в лагере, учились готовить национальные блюда, ремонтировать традиционные лодки. Директор этого проекта рассказывала мне, что таким способом они пытаются возродить в детях чувство принадлежности к своей культуре.

Также в каждом поселке старался общаться с главой. Иногда попадались пожилые и мудрые люди, наблюдающие жизнь КМНС на протяжении долгого времени, а иногда молодые люди — только со студенческой скамьи. Их мнение тоже было очень интересно, поскольку позволяло «снять» впечатления человека, пришедшего на управленческую должность и впервые столкнувшегося с реальными проблемами простых людей.

Однажды в одном из поселков меня пригласили в гости. Это был большой хороший дом. Меня встретили в национальных одеждах. Среди них была представительница национальной интеллигенции — женщина, приехавшая из Ханты-Мансийска проведать своих родственников. Она оказалась кандидатом наук, писателем, известным среди ханты. Её точка зрения на перемены, происходящие в культуре КМНС, существенно дополнила картину, которая у меня сложилась к тому моменту.

Было еще много чего интересного в ходе этой экспедиции. И, несмотря на то, что по инициативе заказчика контракт по этому исследованию пришлось расторгнуть сразу по завершению полевого этапа, и заказчик и эксперты из Института этнологии и антропологии РАН, просмотревшие собранный материал однозначно согласились, что получены очень хорошие и качественные данные.

Люди, знакомые с ситуацией, говорили, что мне удалось получить такую информацию из-за моей национальности и внешности. Северные народы по своей природе недоверчивы, а я, мол, немного похож на них, поэтому ко мне было больше доверия. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но то, что это исследование проводилось мной с душой — факт. Я подходил к людям абсолютно открытый, а они отвечали мне тем же. Я очень глубоко проникся и предметом и объектом исследования, а разрыв контракта посчитал подарком судьбы, поскольку сейчас имею на этот материал авторское право и в следующем году планирую издать его в виде монографии. Я думаю, что ощущения, полученные мной в ходе этой экспедиции это и есть мои самые сильные впечатления связанные с научной деятельностью.

О научных авторитетах, и уважаемых мной людях.

Говорить об авторитетах в социологии мне сложно, потому что в эту науку я пришел с естественнонаучным образованием. То есть у меня сложилась призма, через которую я оценивал происходящие в обществе процессы. Всё что я читал, изучал, исследовал, занявшись социологией, укладывалось не в пустую коробочку, а теснило находящееся там, спорило с ним, находило компромисс. Скорее всего, тот период, когда от прочитанного создаются сильные впечатления и, соответственно, формируются научные авторитеты, был занят не социологией.

Наверное, поэтому общенаучными авторитетами для меня до сих пор остаются естествоиспытатели, некоторые из которых, свои идеи распространяли и на общественные сферы. Я уже упоминал И. И. Мечникова с его безупречной, на мой взгляд методологией, и Л. Н. Гумилёва, труды которого хотя и трудно назвать естественнонаучными, вызывают глубокое уважение, говорил о В. И. Вернадском. Другие наши соотечественники, имена которых в первую очередь всплывают у меня в сознании, когда используется эпитет «Великий» —

это, Д. И. Менделеев, К. А. Тимирязев, В. В. Докучаев, Н. И. Вавилов. С трудами и идеями каждого из них в той или иной мере я сталкивался во время учебы. Зарубежные «Великие» для меня это: Ч. Дарвин, Ж.-Б. Ламарк, Г. Мендель...

Говорить о современных социологах, как я уже упоминал, мне затруднительно. Я могу оценить для себя только тех людей, с которыми мне приходится сталкиваться в повседневной деятельности. Я больше чем уверен, в российской социологии очень много людей, которые могли бы заслужить мое уважение, но со многими я просто не знаком. Здесь, я бы не хотел использовать слово «авторитет», скорее хотел бы упомянуть отдельных людей и их качества, которые вызывают у меня уважение.

Это, в первую очередь Вера Владимировна Гаврилюк. Человек, который однажды поверил в меня, дал возможность заниматься социологией. Человек, которого я могу смело назвать Учителем. Я и сейчас очень часто захожу к ней за ценным советом и никогда не выхожу с «пустыми руками». Также хочется сказать о Мехришвили Ламаре Ленгизовне — в ней удивительным образом сочетаются такие качества как человеческая доброта, отзывчивость и высокий профессионализм, научная «мудрость». В Хайруллиной Н. Г. мне нравится целеустремленность, умение находить выход из любой ситуации. Здесь же хотелось бы упомянуть еще одного человека, с которым мне не приходилось работать, но вижу его практически каждый день. Он сидит в соседнем кабинете, и у меня всегда есть возможность оценить его чувство юмора и наблюдать его трудоспособность. Это Владимир Иосифович Бакштановский.

Среди тех людей, у кого мне приходилось учиться хочется назвать женщин-методологов: Г. Г. Татарову, И. Ф. Девятко, и Ю. Н. Толстова. Каждая из них по-своему кажется мне очень сильной и умной женщиной. И, наконец, не могу не сказать о Вас Борис Зусманович. Вы человек, который сильно активизирует мои умственные процессы, задавая нужные вопросы. Я никогда столько не писал от себя, как общаясь с Вами. И речь не только об этом биографическом интервью, вся переписка с Вами оказывает удивительное мотивирующее воздействие на меня. Мне нравится Ваша привычка всегда фиксировать любую информацию, четко систематизировать её. Помню Вашу тетрадь, которую я наблюдал на одной из грушинских конференций. Тогда кто-то дал Вам свою визитку и Вы немедленно вклеили её в эту тетрадь, сопроводив какими-то своими комментариями. Также удивляюсь Вашей работоспособности и продуктивности.

О преподавательской деятельности.

Как я уже упоминал, преподавать я начал с первых дней поступления в аспирантуру. И до сих пор я считаю эту деятельность самой важной для повышения уровня собственного профессионализма. Мне кажется, если у исследователя накапливается практический опыт, но он не озвучивается в аудитории, то дело не доделывается до конца. Недаром латинское крылатое выражение гласит: «*Nomines, dum docent, discunt*», что означает «учи других и сам поймешь».

Я очень часто формулирую в голове мысли, задавая себе вопрос: «как бы я объяснил это студентам?». Иногда в процессе преподавания в голову приходят новые идеи для решения той или иной исследовательской задачи. Но здесь главное не «переборщить». Я всегда удивлялся людям, способным каждый день проводить по несколько занятий. Лично меня хватает на 2, максимум 3 пары,

при условии, что занятия у меня не чаще 2 раз в неделю. Дальше заканчивается творчество и начинается рутина, которая не приносит никакого удовольствия ни мне, ни студентам.

Дополнение о семье отца

Объективной информации о семье отца от него самого мне получить так и не удалось. Отец мне сразу сказал, что он не сможет сказать о родственниках такое, что ему самому не нравится. Отправил меня к тётке, сказав, что всеми генеалогическими делами занимается она. Я до нее так и не добрался. Но от отца мне всё-таки удалось выяснить один интересный «методологический» факт. Оказывается мои предки хранили историю своей семьи при помощи окружающей их обстановки в доме. Это мог быть старый семейный ковер, или сучковатый деревянный потолок. Каждый элемент орнамента нес в себе информацию о родственниках, важных событиях в их судьбе. И рассматривая, например, ковер, бабушка часами могла рассказывать своим внукам историю своего рода.

Еще один, на мой взгляд, важный момент, о котором я не упомянул.

Два года назад я женился на девушке, которая тоже работает в нефтегазовом университете. Римма — гидрогеолог и защитилась буквально за год до нашей свадьбы. То что она тоже занимается научной деятельностью и преподает, что, на мой взгляд, способствует поддержанию благоприятной для научной деятельности атмосферы в доме.

Шамиль, только что наступил 2015 год. Будет естественно закончить нашу беседу вопросом о планах на начавшийся год и на ближайшие летия... Что главное?

Самое главное в ближайшие год-два — это закончить начатое. У меня есть одна плохая черта — я не всегда могу себя заставить довести дело до конца, откладывая его в «дальний ящик».

Очень трудно перейти на новый жизненный этап с долгами, которые все время тянут назад, обращая на себя внимание. Теперь же я чувствую, что время подошло. Наверное, наступил тот возраст, когда хочется не просто генерировать идеи, но тщательно их прорабатывать, оформлять и видеть конкретные результаты своего труда.

В первую очередь это публикации. Много чего накопилось: идеи, зарисовки, практически готовые, но не оформленные должным образом работы. Нужно подготовить пару учебников, пару монографий, и, самое главное — диссертацию. Речь пока не о защите, главное, чтобы был законченный текст, который можно обсуждать, дорабатывать.

В личной жизни, не связанной с наукой — хотелось бы достроить дом, который я начал в позапрошлом году. Было бы хорошо, наконец «победить» английский язык. И, наконец, думаю, что уже пора увеличивать численный состав своей семьи. В общем, планов много, надеюсь, что обстоятельства не помешают их реализации.

Интервью с Валерием Валерьевичем ФЕДОРОВЫМ

«ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЛИЧНЫХ ОПРОСОВ В РОССИИ НЕПРЕРЫВНО ПАДАЕТ, ПОЛСТЕРАМ ПОРА ПЕРЕХОДИТЬ К НОВЫМ МЕТОДАМ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Федоров В. В. — окончил философский факультет МГУ, Генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), кандидат политических наук, профессор Высшей школы экономики, награжден серебряной медалью имени Питирима Сорокина, главный редактор журнала «Мониторинг. Социальные и экономические перемены». Основные области исследования: общественное мнение, теория, методология, методы изучения общественного мнения, власть, социальные институты, политические процессы в России. Интервью состоялось в 2014 г.

Еще год назад я даже не планировал бы проведение интервью с Валерием Валерьевичем Федоровым, так как он не входил в совокупность социологов, в которой я искал своих будущих собеседников. Однако летом 2013 года я понял, что шестое поколение советских/российских социологов, которое образуют те, кто родился в интервале 1971-1982 гг., уже достаточно зрелое, и пришло время говорить с его представителями. Особый интерес к этой возрастной группе профессионалов (и будущих профессионалов) заключается в том, все вместе они образуют первое поколение собственно российских социологов. Допускаю, что кто-либо из них успел поработать в социологическом коллективе до лета 1991 года, когда распался СССР, но в любом случае стаж их работы в советское время был весьма незначителен.

Валерий Федоров, который с осени 2003 года возглавляет Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), один из наиболее известных в стране и за рубежом представителей рассматриваемой когорты социологов и полстеров. Он часто комментирует результаты опросов по российским центральным телеканалам, интервью с ним нередко публикуются в прессе, он регулярно выступает с докладами о состоянии общественного мнения в России на крупнейших отечественных и зарубежных научных форумах.

Валерий Федоров — публичная фигура, и отдельные факты его биографии легко найти в Интернете. Но в этом интервью, состоявшемся в первой половине 2014 года, он не только подробно рассказывает о себе, но также о деятельности ВЦИОМ и в целом об изучении общественного мнения в России.

Федоров В. В. : «Эффективность личных опросов в России непрерывно падает, полстерам пора переходить к новым методам исследования»

Валерий, у Вас нечастое сочетание имени и отчества: Валерий Валерьевич. В этом есть какой-либо смысл? Пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье, насколько глубоко Вы знаете историю семьи?

Мои предки по обоим линиям – родом из Тверской области. Дед по отцовской линии – из деревни Жилино Осташковского района, пошел в 1941 г. на фронт добровольцем, прошел всю войну, дошел до Венгрии, а после всю жизнь проработал на резиноделательном заводе «Искож» в Твери (тогда еще Калинин). Точно так же и бабушка – из тверских крестьян, их в годы коллективизации раскулачили, отобрали лошадь, но потом по решению Калинина вернули... Её первый муж был офицером-летчиком, погиб в 1942 г., после войны она вышла вторым браком за деда и до пенсии работала на том же «Искоже». Отец родился в 1946 г. в Твери, после школы работал на «Искоже», параллельно закончил вечернее отделение Калининского политехнического института по специальности «инженер-строитель-технолог». С мамой они поженились в 1972 г., а через год отцу дали распределение в Крым.

Мама родилась в 1948 г. в Севастополе, а детство провела в Северном Китае. Причина таких необычных передвижений – служба её отца, а моего деда, военным летчиком: на войну не успел, выпустился через год после ее окончания, а в жены взял девушку-бойца войск НКВД (потом служащую МВД). Поэтому детство мамы прошло в авиагарнизонах. В Твери она закончила педагогический институт по специальности «русский язык и литература», преподавала детям тверских карелов в Козлах, а затем вышла замуж. По Крыму мои родители покочевали пару лет, пока не осели в Керчи, где отцу пообещали квартиру за готовность работать начальником ЖЭКа. Еще был вариант уехать в Баку, но по здравому размышлению отец выбрал Крым.

Я родился в Твери в 1974 году, но через полгода был увезен в Крым, где мое рождение официально и зарегистрировали. С этой историей связан некий казус: если бы меня зарегистрировали, как и положено, в Твери, то после развала СССР я бы автоматически стал гражданином Российской Федерации. Но этого не произошло, и после учебы в университете мне пришлось принимать гражданство РФ специально. До этого же пять лет я прожил апатридом, с временной московской пропиской-регистрацией по учебе, со всеми вытекающими плюсами и минусами: без загранпаспорта, но и без необходимости учиться на военной кафедре, чтобы не служить в армии.

Вы родились в Твери... там же и школу закончили или жили в разных городах?

Всю жизнь до 16 лет я прожил в Керчи, с небольшими перерывами на гощение у бабушки-дедушки в Твери. Ходил в школу № 1 имени партизана-героя Володи Дубинина, она считалась лучшей в городе, с преподаванием английского с первого класса. В 1989 г., когда всю уже шла школьная реформа, на базе школы № 3 создали лицей с углубленным преподаванием истории и литературы, и на последние два года я перешел туда. Мама же у меня преподавала русский и литературу в школе № 6, с её ребятами я тоже тесно общался, так что, можно сказать, учился в трех школах, но в одном городе.

Но вузов у нас в Керчи не было, так что выбор, где продолжать обучение, был довольно широкий: Симферополь – наш областной центр, Киев – столица нашей

республики и, конечно, Москва. Побывав за последние два года школы по несколько раз в каждом из этих городов, я довольно быстро нацелился на Москву.

Насчет профессии было несколько вариантов: больше всего хотелось пойти в дипломаты, рассматривались также философия, история и, в меньшей степени, переводческая работа.

По мере приближения к поступлению стало понятно, что мой текущий уровень языка, увы, исключает и дипломатию, и переводы, так что я подал документы на философский факультет МГУ и факультет архивного дела Историко-архивного института (теперь – Российский государственный гуманитарный университет), благо это был первый год, когда разрешили поступать одновременно в несколько вузов.

Под воздействием каких обстоятельств у подростка в Керчи возникла ориентация на столь амбициозные профессии: дипломат, переводчик? Откуда интерес к философии, ведь такого предмета нет в школьной программе?

Видимо, дело в том, что я стал рано и много читать, благо оба родителя это дело тоже любили и исправно пополняли домашнюю библиотеку то трехтомным «Дипломатическим словарем», то очередной книжкой из академической серии «Философское наследие»... А примерно с 1988-89 гг. меня, как и практически всех советских людей в то время, стала особенно интересовать политика. До тех пор слушать международные новости было интереснее, чем внутренние, а тут все поменялось. Так что и в философии, и в дипломатии меня стали привлекать прежде всего политические аспекты: не Гуссерль и Хайдеггер, а Аристотель и Шмитт, и не кадровые бюрократы от дипломатии, а талантливые переговорщики и интриганы типа Меттерниха и Тайлейрана.

Нацеливаясь на дипломатическую, переводческую деятельность, задумываясь о получении философского образования, Вы должны были проявить определенную общественную активность. Но, похоже, комсомол уже прекращал свою деятельность?

В 1989-90 гг. начались какие-то трепыхания и в нашем крымском комсомоле, куда меня, как и всех сверстников, конечно же, приняли. Я избрался делегатом на областную конференцию, затем – в Киев на съезд комсомола Украины, где стал членом ЦК того, что называлось ЛКСМУ-МДС (Ленинский коммунистический союз молодежи Украины – Молодежь за демократический социализм). Это были времена, когда уже в воздухе носились идеи отделения Украины от Союза, западные области активно пытались «перевербовать» все украинские отделения общесоюзных организаций. Ровно это же происходило с украинским комсомолом – кстати, в нынешних событиях в Киеве регулярно встречаю в новостях своих тогдашних комсомольских вождей, которые дружным строем шагнули в ряды украинских «самостийников».

Пробовали ли Вы себя в молодежной журналистике?

Нет, Бог миловал. Если что и писал, то дневник – так сказать, политический, благо в те дни политических новостей и поводов для размышлений над ними было хоть отбавляй. Десяток увесистых тетрадей, наверное, и сейчас лежит где-то по углам нашей керченской квартиры. Вообще, я бы склонен более рисовать, чем писать – мы с сестрой ходили в изостудию, она так и пошла дальше в художники, стала кандидатом искусствоведения, а я «сошел с дистанции». Хотя, возможно, ближе к пенсии вернусь к этому делу – задатки никуда не делись, хотя и не рисую уже давно.

... итак, в 1991 году Вы подали документы на философский факультет МГУ и факультет архивного дела нынешнего РГГУ, какое это имело продолжение?

Экзамены в оба вуза проходили параллельно, последний экзамен в МГУ был на несколько дней раньше последнего экзамена в РГГУ. Я понял, что набираю проходной на философский и на последний экзамен в РГГУ уже не пошел. Так я поступил в МГУ,

и жизнь моя оказалась определена на несколько десятилетий вперед.

Из трех отделений — политического, религиозного и собственно философского — я выбрал политическое. Если смотреть объективно, это было самое слабое отделение на факультете — оно всего год как преобразилось в отделение политических наук из отделения «науки о том, чего нет», т. е. научного коммунизма. Преподавателям приходилось перестраиваться на ходу, у кого-то это получалось, но чаще не очень. Помню, один товарищ нам все рассказывал о Ленине и Крупской и их жите-бытье в женеvской эмиграции. Слушать это было смешно.

Но были, к счастью, и другие преподаватели — историки, историки философии, социальные психологи, логики, которые делали свою работу отлично. Их было много, некоторые и сейчас преподают на нашем факультете. К сожалению, систематического образования в сфере политической науки тогда в России получить было просто негде. Сегодня, четверть века спустя, ситуация стала лучше, но тогда всё, чему мы научились, либо было весьма оторвано от жизни, либо... мы этому научились не в университете, а за его пределами. Благо, как раз в этот момент происходило складывание современной российской политической системы, и тот, кому это было интересно, мог наблюдать за этим с максимально близкого расстояния, а при желании и сам участвовать в процессе.

У нас на курсе образовалось твердое ядро ребят, которые пришли не за «корочками», а потому, что политика как сфера изучения и применения своих сил была им по-настоящему важна и интересна. Десяток, а то и больше, из общего числа в 32 человека, связали свою жизнь с политикой, политической наукой, государственной службой, медиа. Процент, на мой взгляд, выдающийся! Сегодня среди моих однокашников — руководители медиа-холдингов, аналитических центров, политические консультанты. С учетом слабой постановки на тогдашнем факультете политического обучения каждый пробивался сам — в основном через практику, которую организовывали преподаватели. Кто-то стажировался в только что созданной Государственной Думе, кто-то работал в партийных штабах на выборах, кто-то — в газетных редакциях. А мы с моим близким другом Лешей Чеснаковым, который поступил к нам после так называемого «рабфака» (он был постарше и прошел трудную школу жизни в виде армейского стройбата), пошли работать по объявлению в Институт массовых политических движений Российско-Американского университета (ИМПД РАУ). И задержались там, точнее, в коллективе, который тогда работал в ИМПД, а затем уже в других стенах, надолго — я лично на 12 лет.

Так получилось, что годы, в которое Вы учились в МГУ и начинали на практике осваивать принципы и методы политических исследований, оказались для меня временем вхождения в американскую жизнь и практически полного отрыва от российской реальности. Конечно, позже я многое восстановил, и все же, назовите основные события, в поле которых Вы тогда жили и которые пытались понять.

Первым большим событием, конечно, стал августовский путч 1991 г. Эти три дня я провел в Крыму, но когда приехал в 20-х числах в Москву на учебу, вокруг Белого дома еще стояли танки и бронетранспортеры, знаменитый троллейбус, бетонные блоки, венки над местом гибели трех последних Героев СССР. Затем был декабрь 1991 г. — кончина СССР и полная неизвестность и непонятность, что же дальше? Но были мы тогда молоды и глупы, так что — нам было немножко страшно, но вместе с тем и весело. По сравнению с нашими родителями, которые все переживали очень тяжело, мы были в выигрышном положении — здоровье, задор, оптимизм, да еще и «играл гормон» - вопреки всем политическим неурядицам и пертурбациям. Весь 1992 и 1993 годы я провел в гуще политической жизни, что было связано с моей работой, о которой скажу чуть дальше. Особенно запомнились огромные антиельцинские митинги осени 1992 г. на Манежной площади, затем апрельский референдум 1993 г. («Голосуй да-да-нет-да!» против «Голосуй нет-нет-да-да!»). Кстати, как я позже узнал, именно

на этом референдуме ВЦИОМ провел первый в России экзит-полл). Столкновения на Первомайской демонстрации 1993 г. в Москве, в которых мне довелось лично поучаствовать. Блокада Белого дома — там я тоже побывал, пробирался огородами. Финал — первые выборы в Государственную Думу РФ в декабре 1993 г. Политический процесс зарулил наконец в более ли менее мирное русло, митинги стали не основной площадкой борьбы партий и кланов, а периферийной. Вместе с этим закончилась и моя митинговая жизнь — не меняя места работы, я из корреспондентов-полевиков перешел в более высокую лигу — в аналитики.

Что такое Российско-Американский университет (РАУ)? Это исследовательская или образовательная структура? Кто ее создал? Во что она трансформировалась?

Для меня до сих пор это большая загадка. Ходили слухи, что это большая контора была создана на деньги КПСС в момент, когда тамошние матерые волки из ЦК почуяли, что пора «сливать воду». Формально РАУ занимался международным сотрудничеством, обменами и т.д. Руководил им Алексей Подберезкин, в будущем — кандидат в президенты России, а затем помощник президента Медведева по социальным вопросам, ныне же — проректор МГИМО. В рамках РАУ было много групп и подразделений, одно из которых организовали три товарища: Владимир Березовский, Владимир Червяков и Николай Кротов. Называлось все это ИМПД — Институт массовых политических движений и занималось изучением только-только нарождавшейся российской многопартийности.

Чем занимался (занимается) Институт массовых политических движений РАУ? Понятно, что за 12 лет Вам пришлось, скорее всего, работать по различной тематике. Как в целом ее можно охарактеризовать? Вас больше привлекали теоретические поиски или прикладные политические исследования?

Наши отцы-основатели в 1988 г. выпустили книжку «Неформальная Россия», которая стала первым исследованием той густой и пока мутной массы, из которой со временем вышли российские партии и политические движения. В ИМПД главным проектом было издание многотомного сборника документов новых партий, образовавшихся после отмены шестой статьи Конституции СССР. А чтобы издавать документы, их сначала нужно было собрать. Сбором занимались так называемые корреспонденты, одним из которых стал я.

Мне поручили работу с левым сектором — анархистами, коммунистами, эсдеками. Нужно было с ними познакомиться, объяснить, чем мы занимаемся, наладить контакт и получить доступ к партийным документам и материалам. Для этого следовало ходить на так называемые «тусовки» — сходки, встречи, конференции, съезды, митинги. Вот этой полевой работой я и занимался два года. Постепенно набирался опыта и знаний и к концу этого периода уже писал информационные справки о партиях в электронный справочник — базу данных, который ИМПД стал формировать и предлагать на рынке. Теории там, конечно, никакой не было, чистая эмпирика, но ее было много, она была разнообразной и позволяла понять и прочувствовать процесс формирования российской партийной системы изнутри.

... кое-что припоминается, тем более, что еще в ИСЭП РАН в Ленинграде были люди, активно включившиеся в изучение неформальных объединений, среди них были А.Алексеев, В.Воронков, В.Гельман, А. Темкина... это было интересно, будоражило... а как шли Ваши дела в МГУ? Какую специализацию избрали, по какой теме делали дипломную работу?

Я специализировался по кафедре истории социально-политических учений (до 1991 г. — истории социалистических учений, разумеется), начал с изучения

работ Джона Стюарта Милля, потом перешел к Алексису де Токвилю и закончил Олвином Тоффлером. Последние два мыслителя имеют непосредственное отношение к социологической традиции – так, по сути, и началось мое знакомство с социологией. Приличных курсов по этой дисциплине у нас на факультете, увы, не было – возможно, это связано с тем, что незадолго перед этим в МГУ сформировался отдельный, социологический факультет. Проблема, связанная с историей мысли, известна: кого изучаешь, тому и доверяешь. Так что мои университетские годы во многом связаны с постижением социально-либерального учения Милля, теорией демократии и революции по Токвилю и тоффлеровским постиндустриализмом – все они оказали на мои взгляды несомненное влияние. Как, разумеется, и их методы изучения и описания социальной реальности.

Вы знаете, что в моих исторических исследованиях я неоднократно обращался к работам Джеймса Брайса, поскольку его труды во многом сформулировали исследовательскую философию Джорджа Гэллага. Вам рассказывали о Брайсе?

Увы, это имя мне знакомо только благодаря Вашим исследованиям. Как я уже говорил, социологию у нас почти не преподавали, в отличие от истории социальных и политических учений.

Похоже, Вы и Ваши однокашники были первыми в России специалистами, получившими политологическое образование. Допускаю, что спрос на вас был немалым. Чем Вы далее занимались в ИМПД? Не пробовали искать место в РАН или, наоборот, в новых партийных структурах?

С РАН мы начали сотрудничать в 1996 г., конкретно – с институтом Геннадия Васильевича Осипова, под нас там был образован Центр социальной информации, я позже, в начале нулевых годов, даже пару лет им руководил. Там и познакомился с Виктором Левашовым, Вячеславом Локосовым и рядом других серьезных исследователей. Но темп и формат работы академического учреждения сильно контрастировал с той школой, которую пришлось пройти в ИМПД, а чуть позже – в Центре политической конъюнктуры России (ЦПКР).

Центр образовался в конце 1992 г. из коллектива ИМПД и некоторое время сосуществовал с ним, а затем отправился в самостоятельное плавание. Если ИМПД занимался преимущественно «полевой» работой, т.е. сбором и публикацией документов новых партий и движений, то ЦПКР сконцентрировался на более высоком переделе – производстве аналитики по актуальным проблемам политического развития. Был еще немного экономики, социалки, проблем СНГ, но главное внимание уделялось все-таки внутренней политике. Березовский и Червяков, вставшие во главе ЦПКР, сформировали аналитическую группу, разработали линейку продуктов, главным из которых стали так называемые «ситанализы» разных масштабов и размерности. Стартовыми заказчиками и потребителями нашей аналитики стали иностранные посольства, немецкие фонды и некоторые отечественные политические деятели, включая работников тогдашних Верховного совета и Центробанка РФ.

Главной проблемой в нашей работе были источники. Прессы было много, она была вся неподцензурная, но дезинформации там зачастую было больше, чем информации. Приходилось учиться проверять и перепроверять данные, сравнивать открытую и закрытую информацию и т.п. Школа была потрясающая, темп работы – фантастический, напряжение периодически зашкаливало. Кто-то из коллег не выдерживал этого формата, тем более что с деньгами у Центра было туговато... Мне лично удалось справиться со всеми сложностями, так что в ЦПКР я проработал аж десять лет – с 1993 до 2003 г., начав с позиции младшего научного сотрудника и закончив директором Центра.

Вы уже дважды вспоминали своих друзей Березовского и Червякова. Пожалуйста, расскажите о них обстоятельнее.

Владимир Березовский — выходец из Днепропетровска, закончил истфак, в Москве работал в одном из райкомов партии, примерно с 1987 г. курировал там неформальные движения, одновременно изучая их. Владимир Червяков не закончил Свердловское высшее военно-политическое танковое училище — вылетел из него за «анархический заговор», после начала перестройки поступил на истфак МГУ, участвовал в анархо-коммунистическом движении вместе со своим старшим братом Александром, который был довольно известным лидером анархо-либерального движения. Как они познакомились, я не знаю, но в 1991 г. вместе с Николаем Кротовым уже создали Институт массовых политических движений, а затем — ЦПКР.

По складу характера оба были аналитиками и внесли немалый вклад в становление индустрии независимой аналитической деятельности в России в начале 1990-х гг. Своими взглядами и подходами к исследовательской работе я обязан прежде всего им, а не учебе в МГУ. Березовский интересовался прежде всего внутренней политикой, идеологией, проблемами элиты, Червяков — внешней политикой, проблемами СНГ, экономикой. Это был звездный альянс, собравший и воспитавший целую группу молодых исследователей, давший им путевку в политическую и экспертную жизнь. К огромному сожалению, оба моих руководителя ушли из жизни слишком рано, в расцвете лет — погибли в январе 1997 г. в автокатастрофе под Москвой. Время было беспокойное, многие подозревали политический заказ, но никаких следов этого не нашли.

Как я понимаю, то, чем Вы занимались, можно назвать прикладными политическими исследованиями. Ваше поколение было первым в России в этой исследовательской нише или на определенный российский опыт Вы уже могли опираться?

Увы, советские годы сделали неизбежным разрыв преемственности в этой дисциплине. Опирались, с понятными ограничениями, можно было либо на дореволюционные исследования (Моисей Острогорский), либо на работы диссидентов и невозвращенцев (Михаил Восленский). Березовский и Червяков на основе наработок западной элитологии и собственной информации об устройстве российской политической жизни разработали собственный концептуальный подход. Основным элементом политической реальности согласно этому подходу являлись «номенклатурно-политические группы» - элитарные образования кланового типа, группировавшиеся вокруг одного или нескольких высокопоставленных политических деятелей и быстро обраставшие финансовой, медийной и силовой периферией. Эти группы имели генетическую или другую связь с основными секторами советской экономики, такими, как ТЭК, АПК и ВПК, и представляли в каком-то смысле интересы их руководства в политике.

Именно этот подход мы уже реализовывали в наших практических исследованиях — создавая как масштабные картины состояния российского правящего класса, так и анализируя политическую конъюнктуру, «прочитывая» её сообразно теории номенклатурно-политических групп. На такую аналитику был большой спрос со стороны и самих участников политического процесса, и иностранных наблюдателей за ним. И всё бы ничего, но однажды, вероятно, в 1997 г., в беседе с Игорем Задориным я услышал от него следующее суждение: элита — это, конечно, важно, но из вашего анализа совершенно выпадают более крупные, масштабные социальные слои и процессы.

Похожую мысль высказывал неоднократно и Николай Кузнецов — видный аналитик и политтехнолог 1990-х гг., с которым мне тоже довелось немало поработать. Он считал, что за элитными «деревьями» аналитики ЦПКР упорно не видят социального

«леса» - и поэтому изучают не более чем рябь на поверхности воды, оставляя вне фокуса безмерно более важные фундаментальные процессы в социуме и культуре. Вот эти два мыслителя и подтолкнули меня лично к попыткам более широкого, нежели предлагает элитология, объяснения российской политической реальности.

С Джеймсом Брайсом и М.Я. Острогорским не пришлось пообщаться, а с Михаилом Сергеевичем Восленским в первые постперестроечные годы встретился на одной из конференций в Мюнхене; она была организована «Радио Свобода». К моему стыду я тогда не знал его «Номенклатуру» и попал впросак, в начале нашей беседы сделал ему «комплимент», сказал, что он очень хорошо говорит по-русски. Ничего не знал я и о Ваших рано погибших друзьях. А есть ли уже книги или словари по истории российских политических исследований? Замечу, Брайс был иностранным член-корреспондентом Императорской Академии Наук?

История российской политической науки еще ждет своего исследователя. Крупных работ по этой теме я не встречал, хотя попытки издавать какие-то справочники предпринимались. Но это все больше похоже на «мгновенные снимки» быстро меняющейся реальности, чем на изыскания историков науки. К большой радости, многие из основателей этой дисциплины в России еще с нами. Хотя и ушли из жизни уже многие. Кроме Березовского и Червякова хотел бы упомянуть в этом ряду, как минимум, Михаила Малютина — он был чистый, беспримесный аналитик, Нугзара Бетанели, который больше занимался политической социологией, Дмитрия Фурмана и Алексея Салмина, который в представлениях не нуждаются, а также Дмитрия Ольшанского, рассматривавшего политику с позиций массовой психологии.

И к каким выводам Вас привели обсуждения с И.Задорным и Н.Кузнецовым?

Вердикт был вынесен: хватит скакать по верхам, надо копать глубже, с уровня межклановых разборок и личностных поединков надо идти на уровень массовых интересов, ожиданий, ценностей, мотиваций. Практическая возможность заняться этим появилась только спустя годы — уже во ВЦИОМе. Специализацией же Центра политической конъюнктуры остался анализ верхнего, элитного слоя политических процессов.

ВЦИОМ Вы возглавили в 2003 году. Как это происходило? Кто Вам, тогда совсем молодому политологу без серьезного опыта изучения общественного мнения, предложил эту ответственную и публичную позицию? Были ли сомнения для перехода?

К 2003 г. ВЦИОМ уже многие годы как существовал сам по себе, без руля и без ветрил со стороны учредителя и владельца, каковым всегда было государство — сначала советское, затем российское. Роман с советской властью закончился примерно в 1989 г. — так, по крайней мере, рассказывает Алексей Левинсон, он считает, что Горбачев «разлюбил» ВЦИОМ, когда опросы стали демонстрировать разочарование советских людей в перестроечном курсе. Разлюбил, но финансирования не перекрыл и не упразднил, за что ему большое спасибо.

Затем был роман с новой российской властью — Юрий Левада даже входил в Президентский совет, учрежденный Борисом Ельциным (кажется, именно его Борис Грушин называл «ученым советом при Чингисхане»). Но и эти контакты довольно быстро прервались, с 1996 г. неофициальный статус «кремлевского центра» получил Фонд общественного мнения, чьи исследования сильно помогли команде Ельцина выиграть вторые президентские выборы.

Какие-то связи с властями сохранялись — как личные, так и коммерческие (в частности, много исследований делалось по заказам Министерства труда и социального развития), но с начала войны в Чечне позиция руководителей и ведущих

аналитиков ВЦИОМ по отношению к политике государства эволюционировала во всё более критическую. Зато контакты с либеральной оппозицией были весьма интенсивными — и дружескими, и политическими, и финансовыми.

С приходом Путина к власти Кремль постепенно стал возвращать влияние на политические процессы. Роль ВЦИОМа как старейшего и авторитетнейшего центра изучения общественного мнения в этом вопросе невозможно было игнорировать. С учетом статуса центра как сугубо государственного начались попытки наведения мостов, восстановления влияния на политику Центра. Сначала сценарий планировался мягкий — без кадровых перестановок, на уровне договоренности об отказе руководства Центра от публичной критики властей. Это вызвало сначала глухое, а затем открытое сопротивление Левады и всего коллектива. Был разработан план противодействия возможному перехвату управления: в 2002 г. вциомовцы создали одноименную некоммерческую организацию «Аналитическая служба ВЦИОМ», куда с разрешения Левады стали переводить контракты с заказчиками. В общем, обе стороны довольно быстро поняли, что полюбовно разойтись не удастся, и стали ускоренно готовиться к разводу — со всеми обычно сопутствующими этому процессу нервными эмоциями и битьем посуды.

Развод состоялся в 2003 г., поводом (но не причиной, конечно же) стало включение ВЦИОМ в программу приватизации. Первым этапом её является акционирование, что предполагало формирование новой структуры управления Центра — прежде всего, Совета директоров. Занималось этим Министерство труда РФ, которое, будучи правопреемником Госкомтруда СССР, курировало ВЦИОМ от государства. Вопрос о руководителе Центра обсуждался в Администрации Президента. Тамашнее Главное управление по внутренней политике рассматривало несколько кандидатур из числа социологов и политических экспертов.

Контекст ситуации был довольно напряженный — на носу были очередные выборы в Государственную Думу, на которых либералы пытались играть свою игру, развивался конфликт государства с одним из главных заказчиков и спонсоров ВЦИОМ — Михаилом Ходорковским. В августе предложение возглавить Центр поступило мне. Я был на отдыхе, на пляже в Тунисе, и честно говоря, у меня на осень 2003 г. были совсем другие планы, связанные в основном с консультированием на Думских выборах. Но предложение поступило в такой форме, что отказаться было сложно. Подумав, я решил с головой окунуться в этот водоворот страстей. В сентябре Совет директоров назначил меня генеральным директором, я пришел в офис на улице Казакова — и с тех пор вот уже одиннадцатый год работаю во ВЦИОМ.

Какой срок Вам дали на «раскачку»? Как Вы решали проблемы кадров и сети по сбору данных? Не помню, в те годы Вы использовали личные интервью или САТИ?

Тогда, как и сейчас, главным исследовательским проектом ВЦИОМ был регулярный общенациональный опрос — омнибус, мы называем его «Экспресс». При Леваде он проводился раз в месяц, и так продолжалось до января 2005 года, когда мы перевели его в еженедельный режим. Опрос квартирный, телефонная технология в её нынешнем виде по разным причинам не даёт адекватного результата, если дело идет об общенациональном опросе с обширной анкетой и разными, в том числе довольно сложными, видами вопросов. Мы одно время экспериментировали с телефонным омнибусом, но сочли это решение пока неподходящим для целей «Экспресса». Сейчас тестируем планшеты для интервьюеров, хотим заменить ими традиционные бумажные анкеты, но сам тип опроса остаётся прежним, квартирным.

Таким образом, в 2003 г. времени на раскачку у нас было всего ничего, примерно недели две, чтобы не пропустить очередную, сентябрьскую, волну омнибуса. Было непросто, но... «Нет задач невыполнимых!» Волна прошла, и постепенно, за несколько

месяцев, удалось выстроить работающий исследовательский конвейер, благо новая команда ВЦИОМ состояла из людей молодых, энергичных и работающих. Хотя и не во всём опытных. Зато смешно было читать потом на всяких компроматных сайтах и в подметных письмах, что якобы «Федоров проводит опросы силами агентов ФСБ».

Это точно, в России есть добрая традиция: деятельность одних привязывать к ФСБ, а других – к ЦРУ.

Есть два дополнительных вопроса. Первый, я помню, сколько времени и сил было затрачено Б.А. Грушиным на создание выборки и сети по сбору данных. У Вас была возможность воспользоваться этой наработкой или пришлось все создавать заново? Второй, в области интерпретации результатов опросов у Вас был свой (политологический) опыт, а как Вы и Ваши сотрудники осваивали методологию и технологию формулировки вопросов? Удалось ли тогда Вам лично, членам Вашей команды пройти обучение в Европе или США?

К 2003 г. почти в каждом российском регионе уже работали по две, а где и по три опросные фирмы, так что принципиальных проблем с проведением полей под общероссийскую выборку не возникало. Тем более что для многих из них работать на омнибусе известнейшей компании – дело чести. Конечно, были – и остаются – вопросы к качеству работы региональных полей, но это уже другая (и бесконечная) тема. Что касается выборки, то первый год с небольшим мы работали по выборке, существовавшей к моменту моего назначения, т.е. идентичной с выборкой Левада-центра. С 2005 г., с переходом на недельный шаг опросом, реализовали новую выборку. Её по нашему заказу разработала Группа ЦИРКОН Игоря Задорина.

Что касается формулирования вопросов и интерпретации результатов, то этим в обновленном ВЦИОМе занялись сразу две группы аналитиков. Одну возглавила Румия Ромашкина, социолог и политтехнолог из Твери, которая к тому времени уже сделала себе имя на выборных кампаниях разного уровня. Другую – Владимир Петухов из Института комплексных стратегических исследований РАН. Оба через какое-то время ушли в другие проекты, но до сих пор сотрудничают со ВЦИОМ в аналитической сфере: так, Петухов – мой заместитель по Научному совету ВЦИОМ, Ромашкина – член Научного совета.

Давно, 27 июня 2000 года в ходе нашего интервью Георгий Сатаров, который в течение трех лет был помощником президента Бориса Ельцина по политическим вопросам, сказал: «Уважающие себя фирмы не будут врать, им это профессионально невыгодно». Он имел в виду тот факт, исследователи общественного мнения, работающие на высшие эталоны власти, должны давать «наверх» не ожидаемую «верхами» информацию, а правильную. Как Вы думаете, почему СМИ нередко говорят о полстерах, в том числе и о ВЦИОМ, что они «подкручивают» данные, чтобы все смотрелось «как надо»?

Есть три серьезнейших ограничителя, не позволяющих полстерам фальсифицировать данные. Во-первых, конкуренция – на нашем профессиональном поле монополии нет и не предвидится. Во-вторых, профессиональная этика – наше сообщество не очень обширное, но очень активно общающееся друг с другом и дискутирующее не только на методические, но и на моральные темы. В-третьих, каждая фабрика опросов – это действительно фабрика, людей на ней работает много, возможностей для утечек масса, так что попытки фальсификации рано или поздно становятся достоянием гласности и портят репутацию фирмы. А рынок наш достаточно зрелый, репутация на нем дорогого стоит, и фальсифицировать данные для одного заказчика – значит в потенциале лишиться других. Все руководители полстерских фирм, несмотря на различие в политических предпочтениях и выборе заказчиков, это

хорошо понимают.

Что же до критики извне... Журналисты ругают полстеров, а все остальные — не-журналисты — ругают журналистов, прежде всего за необъективность и за то, что «плохие новости — их профессия»... Конфликты между разными профессиональными сообществами — дело обычное. К тому же журналисты, как и полстеры, бывают разные. Одним журналистам интересно разобраться в опросном деле, они много и увлеченно общаются с полстерами и, как результат, не делают грубых ошибок и не выдвигают бездоказательных обвинений в наш адрес. Таких, увы, немного — профессионалов в нынешних СМИ вообще немного, на мой взгляд. Скажем, Георгий Ильичев писал на темы опросов в «Известиях» и, позднее, «Новой газете» - делал это страстно, но умно. К сожалению, год назад он ушел из жизни...

Большинство же журналистов не заморачиваются изучением законов и принципов опросного дела, поэтому от них можно ждать чего угодно — и (случайно) удачного материала, и — тоже случайно — полной ерунды, от просто неверной интерпретации данных до фантазмагорических измышлений о том, «кому это выгодно» и «кто девушку танцует».

Есть и третья категория журналистов — в основном это колумнисты, публицисты — кто имеет твердую антиполстерскую позицию: все, что вы публикуете, ничего общего с действительностью не имеет, это просто политический заказ, поэтому полстеры, якобы не просто бесполезны, а и вредны, их надо уничтожать. Таких «мыслителей» не переубедишь — тем более что за такую точку зрения им, как правило, приплачивают люди, заинтересованные в демонизации полстеров и их данных. Почему заинтересованы? Потому что полстеры рисуют картину мира, которая категорически этих людей не устраивает.

На следующий день у меня состоялось интервью с создателем и руководителем Фонда «Общественное мнение» Александром Ослоном. Вспоминая годы становления Фонда, он рассказал о регулярных семинарах, на которых он рассказывал ведущим сотрудникам администрации Президента, иногда среди них был и В. Путин, о результатах опросов. Нечто подобное существует в Вашей практике?

Ослон, вероятно, рассказывал о второй половине 1990-х гг., когда работа с опросами в Администрации Президента только ставилась. Тогда, действительно, семинары и обучение были востребованы. Александр Анатольевич выполнил великую роль «евангелизатора» госчиновников, рассказал им, что такое опросы и зачем они нужны. Я возглавил ВЦИОМ, когда эпоха уже была другой: объяснять, зачем нужны опросы, подчиненным Владислава Суркова было не нужно. Так что в нулевых годах обучение такого типа сошло на нет. Но возобновилось в последние два года, после смены руководства политического блока АП. Вячеслав Володин делает большую ставку на обучение чиновников, тем более что среди них много новых лиц. Ослон и я с удовольствием участвуем в этом деле — поскольку тем самым цивилизуем, образовываем и растим, по сути, своих будущих клиентов.

Кто ваши клиенты? Каков характер их деятельности? В частности, есть ли среди них партии, и вообще партии изучают мнение населения, электората? Есть ли среди клиентов электронные СМИ, пресса? Занимается ли ВЦИОМ маркетинговыми исследованиями?

Попытаюсь описать несколько наиболее распространенных типов наших заказчиков. Первый тип: политик, вписанный в систему власти, ему нужны выборные рейтинги и прогнозы. Второй тип: чиновник федерального правительства, озабоченный общественным резонансом от деятельности своего ведомства и выполнением поставленных ему целевых показателей (а среди них часто встречаются те, что можно измерить только опросами). Третий тип: бизнесмен из крупной российской, часто

государственной компании, корпорации, озабоченный оптимизацией коммерческой стратегии, лояльностью персонала, отношением к своей компании населения территорий её присутствия и проч.

Можно было бы продолжить, но... Все остальные заказчики для нас – скорее исключения, чем типичные случаи. Почему так? Давайте прикинем, откуда могут прийти новые клиенты. Начнем с политики. Партийная система России сегодня, увы, скорее мертва, чем жива. Попытка её перезапуска, начатая в 2011-12 гг., не привела к появлению сколько-нибудь серьезных новых игроков. Старые партии прочно сидят на местах, выражая интересы не столько своих избирателей, сколько Кремля и собственных вождей – это, собственно, и позволяет им сохраняться на политической сцене так долго.

Даже «правящая партия» субъектом политической борьбы является лишь де-юре, но не де-факто. Скорее она – приводной ремень, инструмент, но лишь один из многих. Она не субстанциальна, а функциональна. В России прогрессирует процесс централизации политической системы, число игроков сокращается, а их деятельность уходит в непубличное пространство. «Болотное» движение и его быстрый крах показали, что потенциала новых, авангардных групп для создания новых политических сил, тем более при противодействии старых, недостаточно.

Поэтому на федеральном уровне заказчик может быть, по сути, только один – это Кремль. Конечно, он един во многих лицах, и даже в советскую эпоху система была «однопартийная, но многоподъездная» - так что некоторый люфт есть, но не более того. Больше пространства для маневра на региональном и локальном уровне, да и конкуренции там тоже больше – а исследовательских бюджетов, увы, существенно меньше.

Кстати, иностранное финансирование политических исследований существенно сократилось в последние годы, во многом в результате принятия закона об «иностранцах агентах». Какие-то исследования проводятся, но скорее эпизодически, чем регулярно. Как следствие, сократились исследовательские заказы и от некоммерческих организаций, значительная часть бюджетов которых до сих пор поступала из-за рубежа.

Неполитические исследования – более плюралистичная сфера, тут нет монополии (ситуации одного заказчика). Скажу больше: по объему этот рынок превышает рынок политических исследований примерно в 10 раз или даже больше. Но наши позиции на нём сильно уступают таким глобальным фирмам, как ТНС, Ипсос, Синновейт, Комкон, ГФК. Это касается и рынка медиа-измерений, и маркетинговых исследований.

Глобальные «мэйджоры» чувствуют себя на этих рынках тем лучше, чем более сами рынки консолидированы и монополизированы, включены в глобальную капиталистическую систему производства, дистрибуции, продвижения и продаж. Скажем, маркетинговые исследования в индустрии соков или в автомобилестроении – очень дорогая, доходная тема. Но национальным брендам, таким, как ВЦИОМ, там ловить нечего: глобальные производители выбирают на глобальных исследовательских тендерах глобальных подрядчиков, чьи штаб-квартиры находятся в Лондоне, Париже или Нью-Йорке. Не говоря уже о том, что опыт работы в этих нишах у западных исследовательских компаний огромен по сравнению с нашим, ведь рыночная экономика у нас стала развиваться всего четверть века назад.

Как видите, при всем богатстве выбора потенциальных заказчиков не так уж и много. Впрочем, это не мешает ВЦИОМу расти с темпом 25-30% в год на протяжении уже длительного времени. Ведь там, где один видит проблему, другой усматривает возможность. Наша команда – как раз из таких.

Меня здесь несколько удивило отсутствие среди заказчиков телевидения и это при том, что я ежедневно слышу по ТВ сообщения о том, что «по данным ВЦИОМ» (или ФОМ, или Левада-центра). Как у Вас поставлено взаимодействие со СМИ?

Слоны никогда не платят, гласит известная реклама... На самом деле платят, но не нам. Платят компании ТНС – за всероссийские медиаизмерения, это основное, что приобретают наши телекомпании. Радио платит за радиоизмерения компании КОМКОН. ВЦИОМ имеет интегрированную телерадиопанель, работающую на новых технических принципах (не дневники, как у КОМКОНа, и не стационарные пиплметры, как у ТНС) в Москве, но заказчик у нас – не медиа, а московское правительство. Есть планы запустить аналогичную панель еще в паре крупных регионов...

Кроме того, Первый канал и «Россия» периодически заказывают нам и\или ФОМу экзит-полы, или опросы на выходе с избирательных участков. Последний раз – в декабре 2011 г. (выборы в Думу) и в марте 2012 г. (выборы Президента).

Но нельзя сказать, что российские медиа охотно тратят деньги на исследования общественного мнения. В отличие от США, такая культура в нашей стране пока, увы, не прижилась. Возможно, это связано с меньшей независимостью и самостоятельностью отечественных медиа по сравнению с американскими, а также с их меньшей финансовой состоятельностью.

Вы знаете, что в исследовательской философии Б.А. Грушина роль СМИ в формировании общественного мнения признавалась ведущей (вспомним его «Таганрогский проект», и во ВЦИОМ он пытался строить работу, базируясь на этом принципе. Вы изучаете роль телевидения, прессы, Интернета в формировании мира россиян о мире...?

С этой темой мы сталкиваемся буквально каждый день, ведь личный жизненный опыт человека весьма ограничен по сугубо физическим причинам, тогда как медиа – всепроникающи. Из *homo sapiens*'а все мы давно стали *homo medialis*, т.е. медиальными людьми. Собственно, с этим явлением и связан наш проект по переводу медиаизмерений на новые технические принципы.

Дело в том, что несколько десятилетий назад, когда Грушин разрабатывал свой проект, советский человек читал в день одну-две газеты, а приходя вечером с работы, смотрел два-три канала ТВ, ну еще и радио работало – знаменитые три кнопки. Теперь же человек окружен медиа всюду: пусть газеты он почти не читает, но дома у него два или три телевизора, которые работают фоном, радио у него – в машине работает постоянно, а если он едет в электричке или в маршрутном такси, то там тоже работает телевизор. Человек, использующий ноутбук с вайфаем или смартфон, имеет возможность смотреть ТВ в прямом эфире или в записи, слушать интернет-радио. И это не говоря уже о количестве СМИ, которых стало в десятки раз больше! Кабельное ТВ, скажем, предлагает пару сотен каналов, и это – не считая иностранных, которых не меньше!

Человек сегодня буквально погружен в медиа, купается в бурном информационном потоке (некоторые даже тонут). При этом человек стал на порядок более мобилен, подвижен, изменчив, его уже не хватает на то, чтобы спокойно сидеть перед телевизором, не переключая каналы, полчаса или час – он все время шелкает пультом, перемещается с места на место, но медиа достают его везде. Потребление медиапотока становится постоянным, но при этом высокодискретным, поставщикам информации (точнее, инфотейнмента) приходится упаковывать свой продукт во все более мелкую фасовку – ведь сегодня у тебя уже не 15 минут славы, как когда-то констатировал Энди Уорхол, а минута или две – а то и 15 секунд!

Изучение *homo medialis* – занятие довольно непростое, но безумно интересное. Мы пока только в начале этого пути, но полны решимости идти по нему быстро и отважно.

В одной из своих книг М.К. Горшков отмечал существование двух десятков определений общественного мнения. Похоже, что это вызвано не только политическими, идеологическими различиями их авторов, но и временем рождения этих дефиниций. Менялись страна, характер СМИ, аудитория, население. Но были две основные конкурирующие точки зрения на природу общественного мнения: А.К. Уледов трактовал его как монистическое образование, Б.А. Грушин – как плюралистическое. Каким в этом плане является современное общественное мнение россиян? Допускаю, что в различных нишах функционирования общественного мнения наблюдаются разные тренды.

Как говорится, нет ничего практичнее хорошей теории! И современная история нашей страны дает массу материала для размышлений на эти темы. Возьмем только последний год: примерно до февраля 2014 г. наше общественное мнение демонстрировало все черты плюралистичности: база поддержки Владимира Путина и его консервативного курса составляла около 60% избирателей, причем эту группа медленно, но неуклонно сокращалась. Пропутинское большинство поддерживало инициативы по «закручиванию гаек», «национализации элиты», символическому противостоянию Западу, усилению влияния Русской православной церкви, утверждению так называемых традиционных моральных ценностей. Меньшинство, примерно 20-25%, оценивало и Путина, и его курс негативно, хотя и не могло ни противопоставить ему идейную альтернативу, ни нащупать на политической сцене фигуры, которых могло бы поддержать как конкурентов действующей власти.

Все поменялось буквально в течение одного месяца – с середины февраля по середину марта, когда под влиянием событий на Украине и присоединения Крыма вся внутренняя оппозиция Путину просто исчезла, база его поддержки расширилась до «экстатических», по выражению Бориса Фирсова, 80-85%. Вокруг президента создалось «крымское» большинство, говорить о каких-то альтернативах ему стало просто неприлично и немыслимо, произошла консолидация на патриотической и антизападной основе. Даже внутренние экономические проблемы, такие, как инфляция, всегда оказывающая угнетающее воздействие на настроения россиян, сместились на задний план: всё показалось ничтожным по сравнению с событиями исторического масштаба, в которые Путин вовлек Россию. О плюрализме тут говорить будет большой натяжкой – его очаги остались лишь кое-где в виртуальных социальных сетях, в реальной же жизни найти кого-нибудь, отрицающего, что теперь «Крым наш», не представляется возможным. Налицо полный монизм...

В общем и целом, развитие общественных настроений в последний год, как мне видится, блестяще подтверждает концепцию Михаила Горшкова, увязывающего монистический и плюралистический подходы в единое целое благодаря пониманию общественного мнения как динамического, подвижного и развивающегося явления.

В конце прошлого года я видел по ТВ пресс-конференцию группы знакомых мне аналитиков, в том числе и Вас, а потом читал в «Известиях» об этом событии. Речь шла о программе формирования положительного образа страны в глазах россиян и подготовке сборника «Россия удивляет». Пожалуйста, расскажите об этом проекте подробнее. Как он возник? Что в его рамках делается?

Спасибо за внимание к нашему скромному проекту. История его действительно очень интересна. Несколько лет назад, осенью 2011 г., на фоне кампании по выборам в Госдуму, известнейший в российской профессиональной среде маркетолог, работающий в глобальной компании ГфК Асхат Кутлалиев, сделал две презентации, в которых собрал массу любопытной статистики и опросных данных о том, что из себя представляет сегодня российская экономика, потребительский рынок, в каком направлении они развиваются. Идея Асхата была в том, чтобы показать: рассказы о том, что Россия на всех парах летит к пропасти, ничего общего с реальностью не имеет.

Идея о том, что мы бедные, сырые и убогие — абсолютна мифологична. Вот такой меседж оказался очень востребован в ситуации, когда образованная, продвинутая, прозападная часть нашего общества в очередной раз забилась в тщательно смодулированной истерике по поводу того, что «мы идем не туда».

Эта истерика была фоном и важным элементом политической кампании, развёрнутой в 2011 году Навальным и его командой под лозунгом «голосуй за кого угодно, кроме партии жуликов и воров». Чтобы дискредитировать Путина и партию власти, стали целенаправленно демонизировать не только все ими сделанное, но и страну в целом. Эта кампания очень хорошо срезонировала с традиционным для нашей интеллигенции чувством собственной неполноценности и страстным желанием эту неполноценность преодолеть, слившись в экстазе с «полноценным» образцом, под которым, разумеется, понимался Запад. Масштабы откровенно лживой пропаганды были беспрецедентными, хотя и действовали в достаточно узком спектре — через печать, интернет, отчасти радио. Этому потоку лжи и самобичевания Асхат в меру своих скромных сил противопоставил правду о том, что происходит. Резонанса большого его работа не имела, но профессионалы с ней познакомились.

Такова завязка этого сюжета. Развитием стал наш с Александром Ослоном и Дмитрием Бадовским разговор в начале 2013 г. Ослон рассказал, что участвовал в телешоу на одном из международных телеканалов, выступая там в роли «адвоката дьявола», т.е. рассказывая о том, что в России далеко не все так мерзко и ужасно, как себе это представляет обычно аудитория таких шоу. Ослон при подготовке к эфиру столкнулся с тем, что материалов, которые показывали бы ситуацию в нашей стране как минимум сбалансированно, практически нет. Зато таких, которые живописуют Россию в стиле «это же ужас-ужас-ужас» - хоть пруд пруди. И у Ослона родилась идея такой материал собрать и издать. Бадовский, он руководит ведущим прокремлевским фондом, финансирующим исследовательские, издательские, информационные проекты, согласился эту идею поддержать материально.

В ходе обсуждения выстроилась конструкция: ФОМ, ВЦИОМ, ГфК и Росстат дают материалы, мы — ВЦИОМ — их собираем, структурируем и публикуем. Сначала сделали сайт, затем, к концу 2013 г. - печатную версию, вступительную статью к которой написал Кутлаиев. Получился хороший образец коллективного творчества статистиков, полстеров и маркетологов.

Материал, на мой взгляд, следует сделать регулярным и обновлять как минимум раз в год. Чем хуже имидж России в мире, тем больше желающих разобраться, а что же происходит в нашей стране на самом деле. Именно таким людям и адресован наш проект.

Возможно, мы вернемся к обсуждению некоторых актуальных политических проблем, но сейчас хочу спросить Вас, как, в силу каких обстоятельств ВЦИОМ четыре года назад решил проводить конференции «Продолжая Грушина». В двух последних я принимал участие, но не знаю, как все начиналось.

Каждое дерево нуждается в корнях. Разрыв преемственности в развитии ВЦИОМа, случившийся в 2003 г., переживался нами достаточно болезненно. Поэтому чем более прочно новая команда вставала на ноги в сугубо профессиональном и рыночном смысле, тем более актуальным становился поиск моральных и этических ориентиров в нашей работе. И тут необходимы не только набор заповедей, определяющих, что в нашей работе приемлемо, а что нет (в конце концов, роль таких заповедей может играть Кодекс ЭСОМАР), но и фигуры учителей — тех безусловно признаваемых авторитетов не только в профессиональном, но и в моральном смысле, чьи труды, опыт, биография дают потомкам и преемникам столь важный для них пример исследовательского подвижничества — но и этически выверенного поведения.

Для нашей команды такой фигурой стал Борис Грушин. Не только потому что он одним из первых в отечественной традиции обосновал необходимость и возможность исследования общественного мнения — но и потому, что он, в качестве заместителя директора ВЦИОМ, лично создал первую всесоюзную сеть интервьюеров, без которой нельзя было начать регулярные опросы общественного мнения в СССР и России. Таким образом, Грушин — и крупный теоретик «опинионики», и её выдающийся практик. Немаловажным фактором, разумеется, стала огромная роль, которую Грушин сыграл в формировании ВЦИОМ как полстерской организации — ни Татьяна Заславская, ни Юрий Левада, при всех их талантах и подвижничестве, к собственно опросам общественного мнения до начала 1990-х годов имели мало отношения, и без Грушина поставить опросное дело во ВЦИОМе вряд ли бы удалось.

Итак, во второй половине 2009 года мы во ВЦИОМе, посоветовавшись с рядом уважаемых коллег, прежде всего с Игорем Задориным, решили ежегодно проводить научные конференции, которые назвали Грушинскими. Тут же возникла коллизия с журфаком МГУ, на котором Грушин долгое время преподавал социологию, и где в этот момент началось проведение собственных Грушинских чтений — тоже ежегодных. Попытка объединить усилия с журфаком успеха не принесла — на мой взгляд, главным образом по причине ярко выраженной «партийности» как исследовательского, так и журналистского сообщества. Если нас традиционно причисляют к «охранителям» (или даже «цепным псам кровавого режима»), то журфак проходит по ведомству «прогрессистов» и «либералов-западников». А Запад, как известно, есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись — так считает наш доморощенный «Запад».

Как бы то ни было, с 2010 г. мы провели уже четыре Грушинские конференции, взаимодействуя в основном с РАНХИГС (за что отдельное спасибо ректору Владимиру Маю). Они идут, по всем признакам, нарастающим темпом — со все большим количеством участников и мероприятий. Нам интересно заниматься этим и дальше, мы черпаем много интересных мыслей и идей на этих конференциях, теснее работаем с профессиональным сообществом. Надеюсь, и сообщество тоже получает от этого пользу.

Выше Вы вспомнили о том, что Ваша сестра — кандидат искусствоведения, а когда Вы защитили кандидатскую? По какой теме?

После университета я поступил в аспирантуру при нашем же философском факультете, планировал писать диссертацию по Олвину Тоффлеру. Но через год умер мой научный руководитель, профессор Николай Бочкарев — светлая ему память! Аспирантуру я тогда не закончил и вернулся к диссертации только через десять лет. Толчок дал Александр Юльевич Чепуренко с социологического факультета «Вышки» — он предложил ВЦИОМ создать базовую кафедру для налаживания практико-ориентированной подготовки студентов-старшекурсников. Кафедру мы создали, благо к этому времени в «Вышке» были уже аналогичные кафедры ФОМ, Левада-центра и ГфК. Заведовать кафедрой по статусу полагалось мне, но для этого обязательно нужна была научная степень. Так что пришлось пару лет, без отрыва от работы, писать и защищать диссертацию.

Защищался я в 2009 г. у себя на философском факультете МГУ, в ученом совете по политическим наукам, научным руководителем был замечательный Валерий Расторгуев — один из немногих ученых-гуманитариев старшего поколения, которые не только продолжают активную исследовательскую карьеру, но и получили реальный политический опыт. Валерий Николаевич занимается политической философией и в начале 1990-х гг. представлял в Совете Федерации РФ мою родную Тверскую область. Благодаря работе с Расторгуевым моя довольно-таки прикладная работа значительно обогатилась теоретическими изысками. Финальный вариант её названия

звучал как «Теоретические аспекты изучения электорального поведения россиян в период формирования современной российской государственности», специальность – теория и история политической науки. Речь в диссертации шла о том, как соотносятся эволюция электорального поведения, с одной стороны, социальная трансформация, информационно-коммуникационная революция и перемены в геополитическом положении России, её роли в мире, с другой. Позже по мотивам диссертации у меня вышла монография «Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян».

Почему, зачем в «Вышке» три базовые кафедры, приписанные к полстерским организациям? Вам не тесно?

Базовая кафедра, в отличие от обычной, не является выпускающей, у нее небольшой штат, а главный её смысл – в том, чтобы помочь студентам 3-4 курсов с получением навыков работы в исследовательском центре и практическим применением тех знаний, которые они получают в университете. Каждая из базовых кафедр делает семестровый спецкурс, при этом значительная часть занятий проводится не в Вышке, а у нас в офисе. Интерес обоюдный: университет знакомит студентов с работой ведущих исследовательских центров и помогает им определиться со своей карьерой после окончания курса, мы – присматриваем для себя потенциальных работников. Несколько человек, прошедших наш спецкурс, затем пришли к нам на работу, и мы ими вполне довольны. Знаю, что есть такой позитивный опыт и у коллег с других базовых кафедр.

Не толкаемся ли локтями? Пока удастся как-то решать возникающие коллизии. Впрочем, эта система в ближайшем будущем должна будет подвергнуться пересмотру – в «Вышке» запущена внутренняя реформа, факультеты и кафедры уходят в прошлое, на смену им идут департаменты. Посмотрим! Вообще-то наши базовые кафедры работают не только в «Вышке», но и в РГГУ (бывший Историко-архивный институт), МГИМО, а в Финансовом университете при Правительстве РФ у нас полноценная Кафедра прикладной социологии. Есть планы по сотрудничеству с РАНХИГС и РГСУ. Конечно, хотелось бы сохранить взаимодействие и с «Вышкой», благо учебная подготовка студентов-социологов у них прекрасная, и мы весьма мотивированы привлекать к себе на работу этих выпускников.

Возможно, я ошибаюсь, но похоже, что при наличии базовых и иного рода кафедр, где ведется подготовка специалистов по изучению общественного мнения, в стране до сих пор нет учебника по этому курсу. Если это так, то в чем дело?

Это не совсем так, определенные учебные пособия уже есть. Скажем, есть «Социология общественного мнения» Е. П. Сельковой из Амурского госуниверситета (http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/AmurSU_Edition/3057.pdf), вышедшая в 2011 г. Но если за вашим вопросом скрывается ожидание, что мы или наши коллеги-полстеры соберемся и напишем собственный, «от сохи» учебник, то скажу, что пока таких планов – или даже инициатив – не было. Все-таки это работа весьма специальная. Но не исключаю, что если объединение полстеров все-таки состоится, то это может быть одной из первых его задач. Так что – спасибо за идею!

Какие общие для всех российских исследователей общественного мнения проблемы Вы могли бы назвать?

Начну с проблемы постоянно падающей эффективности главного нашего исследовательского метода – личных опросов. Мало того что он самый дорогой, так еще и достижимость респондентов с каждым годом снижается, а возможности контроля качества довольно ограничены. Эта проблема существует не только в России,

но и на Украине, и в других странах, где face-to-face продолжает доминировать. Выход ищем в двух направлениях. Во-первых, это перевод личных опросов на безбумажную технологию (планшеты) с возможностями геолокации и аудиозаписи — это ускоряет весь технологический цикл, сокращает расходы на печать анкет и последующий ввод данных в компьютер, резко расширяет возможности контроля качества работы интервьюера. Сложностей с внедрением этой технологии много, и главная — нежелание самих интервьюеров, в большинстве своем женщин среднего и старшего возраста, осваивать планшеты.

Второй путь — развитие телефонных опросов. Этот метод получил мощный импульс благодаря экономическому кризису 2009 г., когда бюджеты заказчиков значительно сократились и полстерам пришлось искать более экономичные методы исследований. С тех пор в России образовалась целая индустрия колл-центров и телефонные опросы в ряде случаев успешно конкурируют с личными. Однако общенациональной телефонной выборке, которая давала бы адекватные данные о политических взглядах респондентов, насколько я знаю, пока построить никому не удалось. Есть сложности с базами телефонных номеров, не всегда удается правильно выдержать соотношение звонков на стационарные телефоны и на мобильники. Сами анкеты приходится делать короче и проще.

Кстати, возможен и третий путь — комбинированные опросы. Я знаю, что в Литве их делает наша уважаемая коллега Раса Алишаускене. В России такой опыт пока отсутствует.

Другой, не менее серьезный вызов связан с кадровым голодом и поколенческим разрывом. Система среднего и высшего образования в России переживает весьма болезненные пертурбации, и сегодня средний выпускник вуза — это молодой человек, который почти ничего не умеет делать, т.е. нуждается в дообучении прямо на рабочем месте, но при этом претендует на весьма приличную зарплату. Т. е. перебор амбиций — недобор знаний и умений. Тем более что по зарплатам мы не можем соперничать с Газпромом или Роснефтью! Собственно, поэтому и нам, и нашим коллегам приходится интенсифицировать сотрудничество с университетами. Проблема будет только обостряться ввиду демографических факторов — сейчас Россия переживает очередной период сокращения контингента молодежи студенческого возраста, и он продлится еще лет пять-семь как минимум.

Если говорить о более долгосрочных вызовах, то это архаичность и монополизированность отечественной политической системы и масс-медиа. Где мало конкуренции — там мало заказчиков, а запросы у них относительно простые и незамысловатые. Попытка перезагрузки политической системы, предпринятая после митингов на Болотной площади, дала лишь ограниченные результаты, так что новых людей с деньгами в политике не прибавилось. Медиа же по-прежнему носят преимущественно кэптивный характер, сами сидят на жесткой смете и ничего не заказывают, кроме собственных рейтингов — которые, в свою очередь, давно уже перестали отвечать реальности, так как делаются на основе устаревшей морально и физически технологии сбора данных.

Последний вызов носит внутренний характер и связан с раздробленностью, «партийностью» и фракционностью профессионального сообщества. Корень зла здесь, если мне позволено быть откровенным — позиция Левада-центра и Европейского университета, где работает множество талантливых, активно пишущих, весьма равнодушных к общественной жизни социологов. К сожалению, они ведут себя как самые обыкновенные сектанты, считая, что только им одним открыта высшая истина, а кроме них в России и поговорить не с кем — одни, мол, осколки научного коммунизма и цепные псы кровавого режима. Михаил Соколов несколько лет назад сделал интересное исследование состояния петербургского социологического сообщества, в котором

выявил два полюса — условно «западнический» и «евразийский», где первый полностью игнорирует существование второго, отказывает ему в праве именоваться частью сообщества и т. п. Конечно, никакие поиски истины, никакие профессиональные дискуссии в такой ситуации просто невозможны — они ограничиваются рамками междусобойчиков, где и так все друг друга знают и наперед могут предсказать, что кто скажет.

Принимая во внимание существование в России значительного числа организаций по изучению общественного мнения, наличие общих проблем, сдерживающих, осложняющих работу аналитиков, необходимость повышения качества опросов, несколько месяцев назад мы с Вами обсуждали идею проведения, возможно, на базе Грушинской конференции, Первого съезда российских полстеров. Как Вы сейчас относитесь к организации подобного форума?

Пятилетний опыт работы Оргкомитета Грушинской конференции убеждает меня в том, что нам, полстерам, есть о чем поговорить на профессиональной площадке. Назову навскидку только несколько тем: полстеры и медиа; полстеры и система высшего образования; полстеры и политические заказчики; проблемы методологии измерений общественного мнения; опросы в интернете; телефонизация опросов — и прочая, и прочая, и прочая. В этом контексте, действительно, вполне возможно развитие идеи Грушинской конференции — в постоянно действующую профессиональную ассоциацию полстеров.

Но чтобы эта идея стала материальной силой усилий одного ВЦИОМа, увы, недостаточно. Нужно явно выраженное согласие как минимум «большой тройки», т. е. ВЦИОМ, ФОМ и Левада-центра. Отказ хотя бы одного из трех лидеров, на мой взгляд, во многом обесценит саму идею — это будет объединение не профессионального, а фракционного типа. Но таких у нас и без того предостаточно! Что их множить еще больше... В свое время, когда история Грушинской конференции только начиналась, мы попытались объединить усилия с журфаком МГУ, но наткнулись на стену неприятия. Нам мягко дали понять, что мы «не того цвета кожи», чтобы они с нами сотрудничали. Вот такой вот лощеный атавизм советского принципа «партийности в литературе». Причем исповедуют его люди, которые себя считают демократами чистой воды, а нас — клеветами авторитарного режима.

Как бы то ни было, зерно, будучи брошено в здоровую почву, рано или поздно даст всходы. Уверен, что профессиональная ассоциация полстеров России имеет право на существование. Мы во ВЦИОМе приложим все усилия для того, чтобы эта идея была реализована.

Как говорят, на этой оптимистической ноте и приостановим нашу беседу. Вернемся к ней через несколько лет. Надеюсь, обсудим, как создавалась Российская ассоциация полстеров и как она начинала свою деятельность.

Поколение VII

Интервью с Антоном Львовичем АБРАМОВСКИМ

«МНЕ ПОВЕЗЛО РОДИТЬСЯ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ»

Абрамовский А. Л. — окончил факультет менеджмента Тюменского государственного нефтегазового университета, кафедра «Социальная работа» (Тюмень, 2005 г.), защитил кандидатскую диссертацию по социологии, специальность «Социология культуры» (2014, декабрь). С 2005 г. является преподавателем кафедры «Маркетинга и муниципального управления» Тюменского государственного нефтегазового университета; с 2005 г. руководит Информационно-маркетинговым центром «Абрамовский и Партнеры» (www.abramovsky.ru).

Основные области исследования: информационные технологии в бизнесе и образовании, развитие дистанционного обучения и образования в российской высшей школе. Интервью состоялось: февраль 2015 г.

Первые дни марта 2015 года. Позади более сотни проведенных интервью, это еще не завершение бесед с коллегами-социологами, но момент, отстоящий намного дальше от начала работы, чем от ее завершения. И если раньше — в 2004-2005 гг. - мои традиционные вводки в интервью (я называю их «зонами свободы», ибо сам распоряжаюсь их объемом и содержанием) были короткими и несколькими словами лишь представляли моих собеседников, то в последние полгода они становятся все более пространными. Пришло время подытожить сделанное за десять лет и в общих чертах обозначать направления анализа собранной биографической информации.

В развитии столь продолжительного проекта многое происходило в соответствии с планами, принимавшими во внимание мои научные интересы и организационные возможности. Нередко случалось, что обстоятельства заставляли корректировать план, но при этом я все же оставался в прежних границах исследовательского пространства. Но во второй половине лета 2014 года случилось то, что я не просто не планировал делать, но от чего «бежал».

В рамках беседе о сделанном в данном историко-наукведческом проекте Л. А. Козлова спросила меня, не собираюсь ли я, накопив определенный опыт бесед с социологами пятого и шестого поколений (см. Таблицу 1), «спуститься по “лестнице поколений” еще на одну ступеньку?»

Вот мой ответ: «Знаешь, никогда не говори никогда... но пока я, даже «мягко», не планирую беседы с социологами седьмого поколения. Сейчас старшим из них – 30 лет с небольшим; конечно, среди них уже есть кандидаты наук или имеющие степень Ph.D. от известных зарубежных университетов, но хотелось бы приступить к исследованию этой общности, лишь когда старшие из них подойдут поближе к 40-летию. Будет это в начале 2020-х, так далеко я свои планы не строю...» [1].

Таблица 1

**Главные функции первых семи поколений
советской / российской социологии**

Поколение	Годы рождения представителей поколения	Кол-во опрошенных	Доминантная функция
I	1923 – 1934	8	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	Конец 1920-х – начало 1930-х	13	Расширение предметного поля исследований
III	1935 – 1946	23	Развитие эмпирических методов
IV	1947 – 1958	24	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959 – 1970	13	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971 – 1982	16	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983 – 1994	8	Вхождение в глобальное социологическое сообщество
Итого		105	

Это было сказано в конце июля или начале августа 2014 года, и в тот момент я был уверен, что социологов седьмого поколения я интервьюировать не буду. Но уже 24 августа я отправил Дуне (Евдокии) Романовой просьбу рассказать о своей жизни и работе и на следующий день получил от нее ответ:

*Здравствуйте Борис Зусманович!
с удовольствием поучаствую в вашем проекте:)
мне 24, я родилась в 1990 году (но все еще в СССР).
я на рабочей встрече в Турции, но лучше начать работу уже сейчас, потом
будет еще сложнее со временем.
буду ждать ваших вопросов,
Дуня*

Так началось мое общение с представителями самого младшего поколения современной советской / российской социологии. Прошло всего полгода, и в моей коллекции уже имеется восемь интервью с социологами седьмой

когорты; столько же, сколько с «первопроходцами». Сейчас не буду останавливаться на причинах, в силу которых я все же отважился на беседы с молодыми социологами, отмечу лишь то, что практика работы в этом направлении подтвердила правильность сделанного разворота.

Во-первых, увеличились шансы открытия, обнаружения новых тенденций в механизмах формирования нашего профессионального сообщества и, таким образом, несколько усилилась роль футурологической составляющей данного исторического исследования.

Во-вторых, принципиально расширились возможности для сравнительного анализа главных характеристик семи страт нашего профессионального сообщества. Более того, появляются все новые аргументы в пользу плодотворности рассмотрения истории послевоенной советской / российской социологии как процесса становления и смены поколений. В частности, может оказаться полезным функциональное прочтение истории социологии, где в центре анализа будет динамика функций (предназначений) каждой когорты в коллективном возведении здания российской социологии.

В-третьих, свыше ста биографий социологов разного возраста — на данный момент, от 20 до 90 лет — это ценнейший материал для культурологического изучения российского общества и памяти людей на более чем вековом отрезке истории. Ведь в рассказах социологов всех поколений присутствуют описания жизни их родителей и более далеких предков, а значит — события дореволюционной России, Революции и Гражданской войны, индустриализации и коллективизации, Великой отечественной войны и далее. И все это — не абстрактно, через конкретные факты, незаживающие раны семей.

Вот фрагмент из приводимого ниже интервью с тюменским социологом Антоном Львовичем Абрамовским: «Мой дед родился в Белоруссии, во время немецкой оккупации был партизаном, воевал, как и многие люди того времени. Моя бабушка родом из Украины, во время войны немцы угнали ее и всю семью в Германию на работы. Но ей повезло — фрау, на которую ей пришлось работать, оказалась достаточно хорошим человеком. Несколько лет назад я даже нашел бабушкин фотоальбом, в нем есть несколько фотографий именно того периода ее жизни. После Победы у бабушки был выбор — оставаться в Германии или возвращаться в СССР. Она выбрала второе. Выбрала и до конца жизни боялась говорить о своей жизни в оккупации, считала, что до сих пор “стены слышат”». Вообще для меня тематика Великой Отечественной войны представляла и представляет интерес, ведь я внук тех, кто столкнулся с этим ужасом лицом к лицу”. Замечу, это слова человека, родившегося в 1983 году.

В Таблице 1 представлены доминантные функции каждого поколения. В дальнейшем их названия будут уточняться, поскольку четче, детальнее будет представление об историческом предназначении каждого поколения социологов, но сейчас, в моем понимании, главная задача седьмого поколения — стать полноценным элементом глобального социологического сообщества. Это не новая задача, по сути для ее решения еще в 1958 году, т.е. свыше полувека назад, создавалась Советская социологическая ассоциация. Но до перестройки, при жестком разделении социологии на буржуазную и марксистскую, при наличии

«железного занавеса» ни о каком реальном вхождении отечественной социологии в мировую социологическую науку не могло быть и речи. Четверть века, прошедшие после перестройки, создали предпосылки для такого движения.

Беседы с Варварой Бондарено, Александрой Дмитриевой и Александром Кондаковым (СПб), Ростиславом Кононенко и Айгуль Мавлетовой (Москва), Евдокией Романовой (Университет в Эль Пасо, Техас, США), Татьяной Гаврилюк (Тюмень) однозначно показывают, что они не только ориентируются на сотрудничество с зарубежными социологами, на освоение их опыта, но готовы к этому и многого добились на этом пути.

Траектория жизни Антона Абрамовского весьма интересна, не стандартна. Еще школьником, до поступления в Тюменский нефтегазовый университет он заинтересовался Интернетом и созданием сайтов, но поступил на гуманитарную специальность «Социальная работа» и, как он отмечает, о своем выборе не пожалел ни разу. В своем дипломном исследовании «Информационные технологии в социальной сфере» он успешно соединил оба своих интереса, и после окончания университета в 2005 году поступил в аспирантуру и начал преподавать на кафедре Маркетинга и муниципального управления.

В качестве кандидатской диссертации он избрал тему «Дистанционное образование на современном этапе развития российского высшего образования». Процесс написания диссертации растянулся на восемь лет, он защитил ее лишь в декабре 2014 года. Но летом текущего года исполнится 10 лет его информационно-маркетинговому центру «Абрамовский и Партнеры», основное направление деятельности которого – разработка Интернет-сайтов, реклама в Интернете и продвижение сайтов в поисковых системах.

Уже сейчас Антон Абрамовский как социолог, наблюдающий процессы глобализации, и как специалист, работающий во «всемирной паутине», понимает, что успех его профессиональной деятельности во многом будет определяться глубиной его собственного и всех российских коллег проникновения в глобальное социологическое сообщество. И видно, что он человек такого характера и такого настроения, который будет стараться идти и дальше этим путем.

И им же будут следовать многие, кому «повезло родиться на рубеже эпох».

1. Историко-биографическое исследование российской социологии: к десятилетию проекта. Б. Докторов отвечает на вопросы Л. Козловой // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2014. № 4. С. 19–28 <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/10-let-2013-unikalnomu-proektu-istoriya-sovremennoi-rossiiskoi-sociologii-v-licah>

Абрамовский А. Л.: «Мне повезло родиться на рубеже эпох»

Антон, профессор Тюменского нефтегазового университета Нурсафа Хайруллина рекомендовала Вас как молодого перспективного социолога, в сети я нашел, что одновременно Вы и успешный бизнесмен в области веб-технологий. Обо все поговорим, но сначала, расскажите о Вашей родительной семье, насколько глубоко Вы знаете ее историю...

Борис Зусманович, перед началом интервью я хотел бы поблагодарить профессоров Тюменского государственного нефтегазового университета Марину Львовну Белоножку и Нурсафу Гафуровну Хайруллину за их рекомендации, благодаря которым мы с Вами познакомились и начали работать над данным материалом. Мне очень приятно, что в рамках интервью мне представится возможность поделиться своими размышлениями относительно развития не только современной социологии, но и близких мне тем, таких как современные информационные технологии, дистанционное обучение и образование в высшей школе.

К сожалению, я не могу сказать, что знаю историю своей семьи очень хорошо. Расскажу то, что мне известно точно. Мой дед родился в Белоруссии, во время немецкой оккупации был партизаном, воевал, как и многие люди того времени. Моя бабушка родом из Украины, во время войны немцы угнали ее и всю семью в Германию на работы. Но ей повезло — фрау, на которую ей пришлось работать, оказалась достаточно хорошим человеком. Несколько лет назад я даже нашел бабушкин фотоальбом, на них есть несколько фотографий именно из того периода ее жизни. После Победы у бабушки был выбор — оставаться в Германии или возвращаться в СССР. Она выбрала второе. Выбрала и до конца своей жизни боялась говорить о своей жизни в оккупации, считала, что до сих пор «стены слышат». Вообще для меня тематика Великой Отечественной войны представляла и представляет интерес, ведь я внук тех, кто столкнулся с этим ужасом лицом к лицу. Стараюсь привить уважение к Родине и ее истории своему 8-летнему сыну Диме. В мае этого года повезу его в город Брест, в Брестскую крепость, надеюсь, ему там понравится.

Мои родители—врачи, к сожалению, их отношения не сложились и можно сказать, что меня воспитывали мама и бабушка, а отца я практически не помню. Детство мое было счастливым, несмотря на определенные трудности, возникшие у всех во времена 90-х годов, связанных с крахом СССР и становлением современной России. Поскольку мама, Александра Николаевна Абрамовская, человек с высшим образованием, с самого раннего детства я слышал, что нужно учиться, чтобы в итоге поступить в вуз. И я считаю, что если бы не мама и не ее стремление дать мне высшее образование, то моя жизнь могла бы сложиться совсем по-другому. Благодарен ей за то, что она не стала настаивать на том, чтобы я стал врачом и пошел по ее стопам, наоборот, она мне предоставила возможность выбора специальности, на которой мне было бы интересно учиться. На мой взгляд, давать своему ребенку возможность выбора—это правильно, это учит

самостоятельности и ответственности. Поэтому я не буду настаивать на том, чтобы мой сын Дмитрий пошел по моим стопам в науку, но я буду рад, если он после окончания вуза поступит в аспирантуру и защитит кандидатскую диссертацию.

В каком городе (каких городах) Вы родились, прошло Ваше детство и школьные годы? Что было помимо школы, что Вас интересовало в первую очередь?

Я родился в городе Тюмени, здесь же окончил школу №40, учился в классе с физико-математическим уклоном, хотя с детства легче всего мне давались гуманитарные предметы, такие как литература, русский и английский языки, история.

В середине 90-х годов в России начали появляться персональные компьютеры, и многие школьники были увлечены ими, в том числе и я. С друзьями мы изучали компьютерные программы, кто-то интересовался программированием, но меня интересовали графические редакторы, позволявшие делать коллажи из фотографий.

Чуть позже стал доступен Интернет, выход в глобальную сеть был через телефонную линию и модем, а иногда приходилось часами дозваниваться до провайдера, чтобы выйти в сеть. Была своя романтика в те годы, когда компьютер из диковинки превращался в предмет, к которому привык и почти не замечаешь.

В старших классах школы я увлекся созданием Интернет-сайтов, а после окончания вуза стал заниматься веб-разработкой профессионально.

Помимо увлечения компьютерами и компьютерными программами, я занимался английским языком. Не могу сказать, что я любил эти занятия и только во взрослом возрасте я понял, как много они мне дали, позволив чувствовать себя свободно при общении с людьми в других странах. Более того, знание английского языка очень помогло мне и при написании кандидатской диссертации. Я мог переводить статьи иностранных авторов и знакомиться с их опытом по тематике моего диссертационного исследования.

В школьные годы я активно участвовал в различных конференциях, делал доклады и даже занимал призовые места. В разные годы были разные конференции — по истории, литературе, биологии. Мне повезло и со школой и с учителями, нас не только учили, но и воспитывали, был достаточно дружный класс. Школа подарила мне друга, который идет по жизни со мной уже более 17 лет.

Мне повезло родиться на рубеже эпох, я застал время, когда индустриальное общество превращалось в общество информационное, когда сеть Интернет стала обязательным атрибутом жизни обывателя, а весь мир, можно сказать, сжался до маленького шарика, превратившись в «глобальную деревню».

Я бывал много раз в Тюмени, в этом городе у меня много коллег-друзей. С 1994 года я живу в Америке, и не застал становление Вашего поколения. А не могли бы Вы вспомнить, какую художественную литературу Вы, Ваше поколение читали в юности, какой музыке отдавали предпочтение?

Я не могу назвать свое поколение очень читающим, но в подростковом возрасте мне нравилось творчество писателей-фантастов, таких как Жюль Верн, братьев Стругацких. Любил читать книги Джека Лондона, там описывались настоящие, крепкие характеры, умевшие противопоставить себя жизненным обстоятельствам. Что касается музыки, то мне очень нравилась и нравится рок-

музыка, которую играли группы Парк Горького, Guns N' Roses, Queen... Сейчас, конечно, мои музыкальные вкусы несколько расширились, мне нравится и творчество Владимира Высоцкого, и к, примеру, английского певца Тома Джонса. Он, кстати, заинтересовал меня не только мощным голосом, но и потрясающей работоспособностью. В 2014 году я с семьей был на его концерте в Варшаве, в то время ему уже исполнилось 74 года, концерт был потрясающий, зал ликовал, а голос певца звучал так же чисто и звучно, как и на записях, которые я слушал дома. А вот вкус к литературе практически не изменился, все также люблю фантастику, читаю и научно-популярные книги, к примеру, Стивена Хокинга. Наверное, это связано с тем, что мне хочется хоть чуть-чуть заглянуть в будущее. Вообще я рад, что живу в XXI веке, ведь буквально за сто прошедших лет человечество совершило мощнейший рывок в своем развитии, к которому готовилось десятки тысяч лет. Понимая это, очень хочу знать, что будет дальше...

Я очень рад, что Вы – оптимист, в молодости так и должно быть. Но следует принимать и тех, кто придерживается пессимистического взгляда на будущее. Вы помните выражение: «Пессимист – это информированный оптимист»?

Итак, Антон, дело шло к завершению школы. Что Вы думали о своей будущей профессии? Куда задумали поступать? Поступили сразу?

Я думаю, что оптимисту легче жить, чем пессимисту, но в то же время я прекрасно понимаю, что всегда быть оптимистично настроенным практически невозможно, даже глупо, предпочитаю быть рациональным оптимистом.

Я закончил в школу летом 2000 года, а моя школа в то время тесно сотрудничала с Тюменским государственным нефтегазовым университетом, поэтому выбор вуза для обучения особо остро не стоял. Несмотря на техническую направленность вуза, я решил поступать на гуманитарную специальность «Социальная работа», поступил сразу, поскольку имел отличный аттестат и высокий балл при сдаче вступительных экзаменов. Признаюсь, что, поступая на эту специальность, я не особо понимал, кем я смогу работать после окончания университета, но само ее название говорило о том, что я буду работать с людьми, что меня вполне устраивало. Хочу сказать, что о своем выборе я не пожалел ни разу, было не только интересно учиться и повезло с преподавателями, но и была общественная жизнь, в которой я с удовольствием участвовал.

На кафедре «Социальная работа», на которой я учился, были замечательные преподаватели, о которых я до сих пор вспоминаю с теплотой. Они не только учили нас, но и в какой-то степени воспитывали. Кафедра не жалела ни сил, ни средств на студентов, с первого курса я начал участвовать во всевозможных научных конференциях и семинарах, причем не только тюменских, но и в иногородних. Ездили в Москву, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Красноярск, выступали там с докладами, а также участвовали в работе круглых столов. Под влиянием этих мероприятий я впервые на 3 курсе обучения задумался о поступлении в аспирантуру, хотелось развиваться в научном плане. После окончания университета в 2005 году, благодаря Ламаре Ленгизовне Мехришвили, я познакомился с моим будущим научным руководителем Мариной Львовной Белоножкой, которая оказала огромное влияние на всю мою дальнейшую жизнь.

Итак, в 2005 году я поступил в аспирантуру и начал преподавательскую деятельность. Самое забавное заключалось в том, что тогда мне пришлось вести семинары и лекции у студентов на год младше меня, которые не всегда воспринимали меня как преподавателя, ведь со многими из них я общался раньше в неформальной обстановке. Это сейчас, когда мне идет тридцать второй год, а моим студентам от 18 до 22 лет, подобных казусов не возникает. После защиты диссертации мои знакомые спрашивали меня, планирую ли я остаться работать в вузе или нет. Ведь не секрет, что многие получают научную степень и уходят работать в корпорации, где за эту степень получают дополнительные премии. А я уже не могу представить себе жизнь без Кафедры маркетинга и муниципального управления, на которой я работаю вот уже почти 10 лет, без заведующей кафедрой Марины Львовны, без своих коллег. Как я могу уйти оттуда, где мне интересно работать? Более того, скажу, что на кафедре я ощущаю себя на своем месте и это истинное счастье.

Университет, в котором я учился, а потом стал работать, дал мне очень многое, помимо высшего образования и работы на кафедре. Ведь со своей женой Екатериной я познакомился именно в университете. В нем же нашел друзей, с которыми мы вместе уже более десяти лет. Университет дал мне возможность развиваться, посетить не только многие города России, но и зарубежные страны. В 2007 году я посетил США, познакомился там с американским профессором Владом Гениным, с которым общаюсь до сих пор, расширил свой кругозор. Можно сказать, что Нефтегаз сыграл важнейшую роль в моей жизни, определил ее ход и развитие на десятилетия вперед.

Мне бы хотелось, чтобы и у моего сына в будущем был бы такой университет (не обязательно ТюмГНГУ), которой бы дал и настоящих друзей, и знания, и, возможно, семью. Поживем-увидим...

Вы не помните, какие курсы Вам предлагала кафедра «Социальной работы», кто руководил ею? По какой теме Вы писали свое дипломное исследование?

Кафедрой «Социальная работа» в то время руководила Скок Наталья Ивановна, в настоящее время Наталья Ивановна—профессор Тюменского государственного нефтегазового университета. За 5 лет обучения было много различных курсов в основном гуманитарной направленности, такие как: психология, социальная психология, социология, социальная политика, социальная работа с различными слоями населения. Во время учебы я проходил практику и в государственных организациях (например, Департамент социального развития Тюменской области) и в общественных объединениях (несколько лет сотрудничал с Тюменским отделением Всероссийского общества инвалидов, выезжая с ними летом на пару недель в лесной палаточный лагерь для организации спортивных мероприятий, называвшихся «Робинзонада»). После практики во Всероссийском обществе инвалидов я понял, как хорошо мне живется на этом свете, а также то, как много вокруг людей с физическими недостатками, для которых жизнь обычного человека—предел мечтаний. Но что характерно: многие из тех моих знакомых в этом обществе имели такую силу воли, такую энергию для преодоления трудностей, что мы, здоровые люди, могли им сначала позавидовать, а потом поучиться этому.

Время шло, в начале 2005 года мне предстояло выбрать тему для дипломного исследования. Поскольку я в то время уже был связан с информационными технологиями, то мне было интересно применить их в социальной сфере. Поэтому мой диплом так и назвался «Информационные технологии в социальной сфере». В рамках дипломного исследования мною и моим другом Андреем Пашковым были разработаны Интернет-сайты для Департамента социального развития Тюменской области и Тюменского отделения Всероссийского общества инвалидов. Диплом имел практическую направленность, а разработанные сайты проработали несколько лет, затем их поменяли уже без моего участия.

Размышляя о том времени, я понимаю, как нам всем повезло с преподавателями, которые вкладывали в нас свою душу, многому учили. Мой дипломный руководитель—Нина Алексеевна Ткачева, прекрасный человек и настоящий преподаватель теперь является моей коллегой по кафедре Маркетинга и муниципального управления. А те методы работы со студенческой аудиторией, которые она использовала при работе с нами, я перенял и использую их уже при работе со своими студентами.

Вы были в США по тематике социальной работы или по маркетингу? В каких университетах Вы побывали, что Вам показалось наиболее интересным?

В 2007 году, когда я учился на втором курсе аспирантуры, заведующая кафедрой Марина Львовна предложила мне в составе группы студентов и сотрудников ТюмГНГУ посетить США для участия в мероприятии «Специалист и глобализация бизнеса: новые требования, знания и навыки», которое проводил университет «Феникс», один из крупнейших частных вузов Америки. Именно там я познакомился с профессором Владом Гениным, деканом факультета бизнеса и информационных технологий университета «Феникс», и именно благодаря Владу наша поездка была столь хороша.

Помимо кампусов «Феникса», мы посетили Стэнфордский университет, который запомнился мне своей обширной территорией, красивыми зданиями, какой-то особенной атмосферой студенческого города. Мне очень понравилось то, что в этих университетах студенты имеют возможность не только получать теоретические знания, но и практически сразу применять эти знания в реальной жизни. В отечественных вузах теория иногда совсем не связана с практикой, а работодатели жалуются на то, что молодых специалистов приходится многому учить прямо на предприятиях.

Во время нашего тура я побывал в нескольких городах: в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Лас-Вегасе и каждый город мне запомнился по-разному. Лос-Анджелес—теплый и гостеприимный, Сан-Франциско, на мой взгляд, город, подходящий для жизни, Лас-Вегас—круглосуточный праздник. Сейчас, спустя 8 лет после окончания той замечательной поездки, я думаю о том, что было бы хорошо опять вернуться туда, сравнить свои новые впечатления об Америке с теми, которые я получил в 2007 году. Наверняка это будут разные впечатления, ведь прошло время и я смотрю на мир не так, как это было несколько лет назад.

Какую тему Вы разрабатывали в аспирантуре? Что удалось показать в кандидатской диссертации? Когда Вы ее защитили?

Тема моей кандидатской диссертации по специальности «Социология культуры» звучала так: «Дистанционное образование на современном этапе развития российского высшего образования». Процесс написания диссертации растянулся на целых 8 лет. Я должен был защитить ее еще в 2008 году, а закончил и защитил в декабре 2014 года. Почему так произошло? Все достаточно просто: после свадьбы, создания семьи и рождения сына мне пришлось зарабатывать деньги, открыть фирму, на научную деятельность оставалось слишком мало времени. Лишь в 2012 году у меня появилась возможность вплотную заняться диссертационным исследованием, разработать собственную модель организации дистанционного обучения в российских высших учебных заведениях. Тема дистанционного обучения в России — это предмет ожесточенных споров между противниками и сторонниками данной технологии обучения. Хотя уже в 2007 году, после посещения университета «Феникс» я понял, что в информационном обществе игнорировать дистанционное высшее образование просто невозможно, это объективная реальность вне зависимости от отношения к нему, а, следовательно, в моем научном исследовании изначально был потенциал для развития.

В рамках диссертационного исследования я проводил экспертные опросы руководителей соответствующих подразделений, центров, отделов, занимающихся организацией дистанционного обучения в отечественных университетах по всей России. Это дало мне возможность выявить ключевые факторы, влияющие на развитие данной технологии обучения в условиях модернизации российской школы, определить тесную связь между модернизацией отечественного высшего образования и глобализационными процессами. Помимо этого мною был проведен контент-анализ Интернет-сайтов российских вузов, реализующих дистанционное обучение, который показал их высокую заинтересованность в дальнейшем развитии данного процесса. Эта заинтересованность обусловлена, прежде всего, тем, что дистанционное обучение значительно влияет на конкурентоспособность вуза в образовательном пространстве, что особенно актуально в настоящее время, поскольку очевидно уменьшение количества студентов, в связи с демографическим провалом в 90-е годы XX века.

В процессе написания диссертации я столкнулся с определенной нехваткой материала по данной тематике, мне пришлось переводить зарубежные публикации, анализировать зарубежный опыт европейских, канадских, американских ученых. С другой стороны, это помогло сделать работу лучше и оригинальнее, поскольку появился другой взгляд на предмет моего исследования.

Над своим исследованием я работал с вдохновением, ведь данная тематика находится на стыке информационных технологий и высшего образования, а эти две сферы мне очень близки. В диссертационном исследовании удалось объединить мои знания из этих двух сфер, а получившаяся работа носит практический характер и может быть использована для организации дистанционного обучения в любом отечественном университете.

В процессе написания диссертации я понял, какое большое значение имеет поддержка и помощь научного руководителя, а также моих коллег по университету. Пожалуй, без этой поддержки и консультаций она бы до сих пор не была написана, а, уж тем более, защищена. Грызть гранит науки мне было нелегко, но сейчас, после защиты диссертации, я понимаю, какой большой объем работы

был проделан за эти годы, как много это дало мне в плане личностного развития. Появилось желание двигаться дальше, к докторской диссертации. Думаю, что она также будет связана с исследованием отечественного дистанционного высшего образования.

Вы пишете о дистанционном обучении как о технологии обучения. Мне представляется, что тем самым Вы принципиально сужаете понимание природы дистанционного обучения и обедняете предмет, проблематику Ваших исследований. Не вернее ли рассматривать дистанционное обучение как о форму обучения?

В диссертационном исследовании я доказываю тезис о том, что дистанционное обучение давно перешагнуло рамки технологии, по моему мнению, оно достойно полноценной формы высшего образования. Ведь, к примеру, в Российской Федерации существует официально признанная заочная форма обучения, эффективность которой ниже чем у правильно организованного дистанционного обучения в силу редких контактов между преподавателями и студентами и эпизодических занятий пару раз в год в течение 2–2,5 месяцев. В то же время дистанционное обучение предполагает постоянную работу над предметом, а общение обучающихся с преподавателями реализуется через специализированную образовательную среду, таким образом, студенты лучше понимают предмет, который они изучают.

Несмотря на высокую эффективность дистанционного обучения, в Федеральном законе «Об образовании» оно трактуется не как самостоятельная форма, а в большей степени как технология (через понятия «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии»), что, безусловно, сдерживает его развитие. Экспертный опрос, проведенный в рамках моей диссертации, показал, что более половины опрошенных экспертов полагают, что дистанционное обучение в будущем будет являться отдельной формой высшего образования, я полностью согласен с их мнением.

Несмотря на мою убежденность в эффективности дистанционного обучения, его достоинствах в сравнении с заочной формой обучения, я был вынужден работать в том нормативно-правовом поле, которое регулирует сферу образования в России в настоящее время, поэтому в некоторых параграфах я описывал дистанционное обучение как технологию, а не как полноценную форму высшего образования. Параллельно с этим я стремился доказать тезис о необходимости признания дистанционного обучения в качестве полноценной формы в отечественной высшей школе для его дальнейшего развития и совершенствования.

О докторской — чуть ниже... пожалуйста, расскажите о своем веб-бизнесе: когда Вы его основали, сколько времени ушло на раскрутку, в чем его специфика, что из того, что Вы предлагаете, не делают другие?

13 июля 2015 года моему малому предприятию, которое называется Информационно-маркетинговый центр «Абрамовский и Партнеры» исполнится 10 лет. Основное направление деятельности — разработка Интернет-сайтов, реклама в Интернете, а также продвижение сайтов в поисковых системах. За 10 лет активной работы было разработано более 150 сайтов для коммерческих заказчиков, а также несколько собственных Интернет-проектов, один из которых я хотел бы отметить особо — это сайт для детей и родителей «Твой ребенок.ру».

После рождения сына в 2006 году моей женой Екатериной был накоплен интересный материал по развитию детей, и в декабре 2007 года мы запустили этот проект, который с удовольствием развиваем до сих пор. За это время удалось существенно расширить географию посещений данного сайта, в настоящее время системы статистики посещений регистрируют пользователей более чем из 80 стран мира, хотя, конечно, 80% нашей аудитории проживают в Российской Федерации. Среднее количество посетителей данного ресурса в месяц приближается к 1 миллиону, но, на мой взгляд, это не предел, мы продолжаем работу по развитию проекта. Этот сайт, по моему мнению, является отличной иллюстрацией возможностей информационного общества, когда два человека, имеющие интересную идею, могут транслировать ее огромной аудитории. Именно эти возможности сети Интернет всегда привлекали меня, мне нравится работать в виртуальном пространстве, за 10 лет был приобретен определенный опыт работы и с коммерческими заказчиками, и с собственными Интернет-проектами.

Особенностью современного этапа развития Интернета в России является то, что она становится общедоступной, количество россиян, пользующихся глобальной сетью, стремительно приближается к 70 миллионам, становится все больше бесплатных возможностей для создания Интернет-сайтов. В связи с этим я отмечаю тенденцию снижения количества заказов на разработку Интернет-представительств, в то же время ежегодно увеличивается количество желающих разместить свои рекламные объявления в Интернете. Специфика деятельности ИМЦ «Абрамовский и Партнеры» заключается в том, что мы можем предложить рекламные возможности на собственных Интернет-площадках, чем не могут похвастаться многие наши конкуренты.

Что касается раскрутки бизнеса, то я никогда не стремился к масштабным рекламным кампаниям, поскольку, во-первых, это достаточно дорого, а, во-вторых, большинство моих клиентов пришло по рекомендациям, что и является лучшей рекламой. Если Вы спросите меня относительно планов по развитию компании, то в ближайшее время я собираюсь полностью сконцентрироваться на улучшении существующих Интернет-проектов, а также на запуске Интернет-сайта о моем любимом городе Санкт-Петербурге.

Выродились, живете, учились, работаете в Тюмени, при каких обстоятельствах Вы узнали и полюбили Петербург?

Санкт-Петербург, пожалуй, единственный город в России, в который я хотел бы переехать со своей семьей из Тюмени. А знакомство с ним началось зимой 2004 года, когда я учился на кафедре «Социальная работа» и нас, нескольких студентов, активно принимавших участие в жизни кафедры и университета, поощрили поездкой в Санкт-Петербург. Поэтому первый раз город на Неве я увидел зимой, был впечатлен не только красивейшей архитектурой, но и историей города, а также мне понравились жители Санкт-Петербурга, готовые не только подсказать дорогу приедем, но и проводить их до нужного места. В Москве, предположим, такого я не наблюдал, там все вечно куда-то бегут, приветливости и внимания к окружающим немного.

Второй раз я приехал в этот замечательный во всех отношениях город летом 2006 года уже с женой. Летом Петербург заиграл новыми красками, мы посетили Петергоф, увидели ночной город, посетили новые музеи

и достопримечательности. Потом были поездки в Санкт-Петербург летом 2008 года, а в 2014 году мы побывали в Северной столице России уже вместе с сыном, закончившим первый класс.

Лето 2014 года для нас было весьма интересным: мы посетили Польшу, греческий остров Корфу, а в завершении этого турне был Санкт-Петербург. Сейчас, вспоминая с сыном лето прошлого года, я чаще всего слышу от него не рассказы о Варшаве, не впечатления о морском побережье Греции, а о Санкт-Петербурге. И это мне очень нравится, мне бы хотелось, чтобы он вырос человеком, знающим историю своей страны и любящим ее. В августе этого года мы едем в Санкт-Петербург вновь, уверен, он откроется для нас с новой стороны.

Мне приятны Ваши слова, так как я родился в Ленинграде и до отъезда в Америку жил там... Вы задумали важное и интересное дело – сайт о Петербурге, и, думаю, Вы понимаете, что это – сложнейший историко-культурологический проект. Душа Петербурга – в его дореволюционном прошлом, но не только в Невском, Зимнем, Петергофе или Павловске, это – туристический вид на город. Петербург надо познавать через Пушкина-Ахматову-Бродского, Гоголя-Достоевского-Довлатова... Через Михаила Шемякина, «Митьков» и Бориса Гребенщикова. Что Вы думаете по этому поводу?

Здесь я полностью с Вами согласен, предстоит большая работа. Идея сделать подобный ресурс появилась несколько лет назад, с тех пор мы постепенно собираем различный материал для сайта о Санкт-Петербурге, но этот процесс еще очень далек от завершения.

В данном случае мало просто сделать красивый сайт с различными сервисами, здесь очень важна информационная составляющая, причем имеет значение не только количество информации, но и ее качество, уникальность. Ведь одной из основных проблем современного Интернета в России и в мире является дублирование информационных материалов на различных сайтах, что для данного электронного ресурса я считаю недопустимым.

В итоге должен получиться интересный проект, с большим количеством не только текстового, но и мультимедийного материала (тем более что сейчас скорость доступа в сеть Интернет это позволяет сделать). Сайт будет направлен в первую очередь на людей, которые, возможно, никогда не были в Санкт-Петербурге, надеюсь, что он станет для них некой отправной точкой, где можно будет найти интересную информацию об интересных местах и достопримечательностях этого города. С другой стороны нельзя забыть и о туристах, которые уже много раз были в Санкт-Петербурге, многое там увидели и узнали. Удивить подобную аудиторию несколько сложнее, необходим уникальный контент, который сможет заинтересовать опытных путешественников.

В заключении я бы хотел отметить, что вне зависимости от поставленных задач и возможных препятствий, любое дело будет иметь успех, если к нему подходить творчески и с душой. Конечно, придется приложить усилия, потратить много времени, но успех приходит лишь тогда, когда в него веришь. Так было с нашим ведущим проектом «Твой ребенок», так будет и со вторым масштабным проектом «Твой Петербург».

Дистанционное обучение было, есть и будет, различными аспектами организации, эффективности данной формы образования занимаются в России

и за рубежом. Вы знакомы со специалистами, изучающими соответствующую проблематику? Не предполагаете ли поучиться, поработать на Западе?

В процессе написания диссертации осенью 2013 года я посетил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, поучаствовал в работе семинара, посвященного развитию дистанционного образования в высших учебных заведениях России.

Перед участниками семинара выступали специалисты в данной сфере образования, были представители не только МГУ, но и МЭСИ (Московский государственный университет экономики, статистики и информатики), представившие свои инновационные разработки в данной области. К сожалению, со многими учеными, исследовавшими дистанционное образование в высшей школе, я не знаком лично, хотя читал научные статьи многих из них. Возможно, в ходе дальнейших исследований для докторской диссертации, будет возможность пообщаться с видными экспертами в области отечественного дистанционного высшего образования лично.

Конечно, мне было бы интересно дополнительно изучить зарубежный опыт западных стран в области дистанционного образования не по публикациям их ученых и экспертов, а на практике в реальной жизни, пройти стажировку, предположим, в Массачусетском технологическом институте или в канадском университете Атабаски, реализующем дистанционные технологии обучения с конца 1980-х годов. Если будет возможность пройти зарубежную стажировку, то я готов ею воспользоваться.

С работой на Западе все несколько сложнее, я никогда не думал переезжать из России в другую страну. Мне бы хотелось применить свои знания именно в своей стране, тем более что сейчас для этого государством создаются определенные возможности, существуют различные гранты и конкурсы для молодых ученых, позволяющие им реализовать свой творческий проект.

Антон, дело не в «воспользоваться», а в самостоятельных поисках; надо писать, узнавать... вопрос о работе на Западе не имеет отношения к «переезжать». Я живу в северной части Кремниевой долины, от меня 15 минут до Oracle, 25 — до Stanford, 27 — до Google. Там масса русских, которые работают год-два и уезжают домой. Поразмышляйте о работе над Ph.D. Ясно одно, в Вашем поколении социологов успешны будут лишь те, кто будет иметь опыт учебы, работы (3 месяца, полгода, год...) на Западе; социология глобализуется, тем более — такая тема, как дистанционное обучение.

Конечно, любой опыт, а тем более зарубежный, расширяет горизонты, дает новое видение мира и себя в этом мире. Глобализация — явление масштабное, значительно влияющее на нашу жизнь, ведь даже это интервью, когда мы с Вами расположены на расстоянии тысяч километров друг от друга, является тому подтверждением. Глобализация не обошла стороной и социологию, согласен с тем, что данный процесс будет лишь ускоряться и развиваться, а без знакомства с передовыми разработками в области дистанционного обучения в мире мои знания быстро устареют. Я это прекрасно понимаю, стараюсь быть в курсе последних новостей и тенденций в данной сфере, держать себя в форме в этом плане.

Еще мне imponируют Ваши слова о самостоятельности, ведь это очень приятно — самому двигаться в нужном направлении и осознавать это движение. Невольно вспоминаю русскую пословицу «под лежачий камень вода не течет», которая, не смотря на свою лаконичность, несет глубокий смысл.

В информационном обществе все меняется, и будет меняться столь стремительно, что те специалисты, которые не успевают вовремя понять происходящие трансформации, адаптироваться к ним, будут вынуждены уходить из профессии. Осознание этого, на мой взгляд, дает хорошую мотивацию к дальнейшему развитию и обучению, причем обучению как самостоятельному, так и в других государствах у опытных специалистов.

Интервью с Варварой Алексеевной БОНДАРЕНКО

«ЗАБАВНО, Я ВСЕГДА И ВЕЗДЕ САМАЯ МЛАДШАЯ»

Бондаренко В. А. — 2015 году оканчивает бакалавриат социологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; Университет Тампере, Школа социальных и гуманитарных наук, 01.08.2014 — 31.12.2014, Тампере, Финляндия

Основные области исследования: гендерные исследования, европейские исследования, практики чтения

Интервью состоялось 22-23 января 2014 г.

Моя вводка к интервью с Михаилом Тарусиным, которое состоялось в мае-июле 2007 года, начинается такими словами: «Я не планировал интервьюировать Михаила Тарусина. Во-первых, в 2007 году я еще не начинал «электронных бесед» с представителями четвертого поколения российских социологов, да и вообще молод он был для обстоятельного разговора о сделанном» [1]. Просто так получилось, что кто-то из сотрудников Фонда «Общественное мнение» затеял интервью с ним для создававшегося журнала «Социальная реальность», однако что-то не заладилось, и мне предложили завершить ту беседу.

Михаил родился в 1958 году, значит на момент начала нашего разговора ему было около 50 лет, и я считал его слишком молодым для биографической беседы. Таковым было тогда мое понимание профессионально-возрастной стратификации нашего научного сообщества и видение лишь становящегося историко-наукоедческого проекта. У меня не было тогда оснований думать, что «это надолго» и что через годы количество интервью достигнет сотни. Мое первое интервью было завершено и опубликовано в начале 2005 года, и в последующие два года к нему были добавлены еще девять. И самым молодым моим собеседником до Тарусина был Леонид Кесельман, который к тому моменту разменял шестой десяток.

Минуло почти восемь лет, и сейчас моя коллекция бесед с представителями 4-го поколения (родившиеся в интервале 1947-1958 гг.) советских / российских социологов выросла до 20 «штук»; интервью с ними давно стали обыденностью; к тому же старшие из этой когорты приближаются к семидесятилетию, а самые младшие уже перешагнули 55-ти летний порог.

Сегодня можно сказать, что ко мне весьма нескоро пришло понимание необходимости начать освоение новых профессионально-возрастных когорт. Лишь в начале февраля 2013 года стартовала моя первая беседа представительницей пятого поколения (родившиеся в интервале 1959–1970 гг.) красноярским социологом и религиоведом Людмилой Григорьевой, и через год (в феврале 2014 года) — я отправил первые вопросы интервью московской исследовательнице общественного мнения Ларисе Паутовой; она — первая из шестой когорты (родившиеся в интервале 1971–1982 гг.). Знакомство с социологами пятого и шестого поколения происходило легко, быстро, к концу 2014 года суммарное количество бесед с представителями двух этих групп приближалось к 30.

Но спускаться ниже по лестнице поколений мне явно не хотелось, в первом полугодии 2014 года я говорил о проблематичности того, что я вообще, и по крайней мере — в ближайшие годы, буду изучать седьмую когорту (родившиеся в интервале 1983–1994 гг.). Боялся исключительной неизвестности для меня этой общности, когда в начале 1994 года я уезжал из России, старшеньким было 10–11 лет, а самые младшенькие еще и не родились. Возраст социологов этой страты нашего сообщества сейчас варьирует в интервале от 20 лет до 31 года, и у меня было основания считать их «слишком» молодыми для беседы о прожитом и сделанном. Однако в конце августа я решился на такой шаг. Ибо я пришел к заключению, что смогу лучше понять жизнь, творчество российских социологов первых поколений, если узнаю механизмы, пути прихода в социологию их самых младших на настоящее время коллег и учеников.

Так, 25 августа 2014 года началась моя беседа с Евдокией Романовой (1990 г.р.), студенткой магистратуры Университета в Эль Пасо, Техас. В сентябре я приступил к интервью с Александром Кондаковым (1983 г.р.), в 2011 году он получил магистерскую степень с оценкой *Magna cum laude* в Международного института социологии права в Оньяти (Испания). Оба интервью завершились в конце года. Вскоре закончится еще одно интервью; моя собеседница обладает кандидатской степенью по социологии, присужденной ей Российским Государственным Гуманитарным Университетом в 2010 году накануне ее 25-летия.

Среди тех, кто 22 января 2015 года откликнулся на сообщение Александра Кондакова в Face Book о том, что он стал обладателем биографического интервью [2], мне показался интересным комментарий, автор которого — Varvara Bondarenko записала: «Безумно интересная биография!! Поздравляю с интервью!». Поскольку на ее странице указано, что она — бакалавр факультета социологии Санкт-Петербургского Государственного университета, я отправил ей message о том, что хотел бы провести подобное интервью и с ней. Варвара сразу согласилась, и наша работа буквально «закипела». Интервью было в целом завершено 23 января, т.е. на следующий день.

Что можно сказать о научной деятельности будущего бакалавра? Что она началась. Но рассказанное Варварой о себе, о своих школьных и студенческих годах позволяет предположить, что ее будущая исследовательская деятельность обещает быть успешной, плодотворной. Чего я ей искренне желаю.

Замечу, Александр Кондаков родился в 1983 году, Варвара Бондаренко – в 1994 году. Таким образом, их годы рождения располагаются на «полюсах» временного интервала, закрепленного за российскими социологами седьмого поколения.

1. Тарусин М.А.: «Мы формировались во времена отрицания» http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=206&id=35

2. Кондаков А.А.: «“Западная” академическая культура царила в классе» http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=206&id=129

Варвара Бондаренко: «Забавно, я всегда и везде самая младшая»

Варвара, согласно моей лестнице поколений, Вы принадлежите к седьмой профессионально-возрастной когорте советских / российских социологов, это те, чьи годы рождения заключены в интервале 1983–1994. Вы – на нижнем краю, это прекрасно. В силу многих причин первые три-четыре поколения отечественных социологов плохо знали (если вообще знали) истории своих семей, от детей многое скрывалось. Насколько глубоко Вы знаете прошлое своей семьи, кто для Вас придумал такое нечастое и красивое имя – Варвара, не знаете ли Вы происхождение фамилии – Бондаренко?

Забавно, я всегда и везде самая младшая. Сначала в школе (в начале первого класса мне не было и шести), потом в университете (когда на первом и втором курсе я была несовершеннолетней), вот теперь даже в списке поколений замыкаю интервал!

Мне всегда было интересно узнать историю своей семьи. Может быть, отчасти из-за того, что я живу только с мамой и бабушкой, и довольно мало знаю про семью отца. Дело в том, что отец мой родом из Сирии, а живет в Москве, поэтому довольно трудно узнать многое про родственников по отцовской линии. Последний раз с ним мы виделись где-то в 2003, а своих сводных братьев и сестер (а у меня их 5, по крайней мере на 2003 год) я видела только на фотографии. Знаю только то, что семья у него большая и довольно религиозная.

Что касается материнской линии, помню, еще когда я была маленькая, просила маму помочь нарисовать семейное древо, может оно даже у меня где-то до сих пор хранится. Потом я забросила это дело на достаточно долгое время, но заинтересовалась снова, когда одна студентка моего же факультета решила взять у меня биографическое интервью, чтобы посмотреть, как работает метод. После этого я начала пересматривать старинные фотографии, расспрашивать бабушку и маму. Затем я решила поехать к нашей родственнице – бабушкиной тете – которой на тот момент было 98 лет! Я оцифровала фотографии из ее архива, поспрашивала про то, как и где они жили. Я была у нее в июне. В августе она скончалась... Вообще я планировала найти у нее ответы на некоторые вопросы, которые, можно сказать, считаются семейными загадками. Например, мы точно не знаем, кто отец моей бабушки. Мы всегда думали, что это первый муж ее мамы, но бабушкина тетя категорически опровергла эту информацию. Просто ее слов мне было мало, и я, естественно, решила погуглить. Нашла сайт «Мемориал», посвященный памяти Великой Отечественной Войны. Там можно «вбить» данные человека, а сайт покажет все документы, где оно содержится. Так я узнала, что этот человек погиб в 1942-ом, а моя бабушка-то родилась уже после войны...

Вообще, я неплохо знаю историю своей семьи до пятого поколения включительно, начиная с меня. Знаю, что все женщины в нашем роду петербурженки, чем я почему-то как-то даже слишком горжусь. А вот мужчины все – кто откуда. Отец мой – из Алеппо, мой дедушка – из Тамбова, бабушкин «отец» – наполо-

вину поляк, наполовину — белорус. А со стороны дедушки, от кого мне и досталась моя фамилия, история совсем иная. Если бы я начала все это расписывать, хватило бы на целую книгу. Есть и довольно необычные ситуации, например, про то, что моя двоюродная прапрабабушка (даже выговорить сложно!) была королевой красоты, но у нее не было детей. Поэтому где-то еще перед революцией они с мужем решили украсть мою прабабушку и увезти в Германию...

Интересно и то, что ни у кого из моих родственников по моей ветви нет высшего образования. Видимо, я буду первая. Остался всего семестр! Мама работает в химической промышленности, бабушка — фармацевт, дед работал в тогда еще милиции, а оба моих прапрадеда занимались извозом.

А называли меня в честь моих двух прабабушек. И бабушкина, и дедушкина мама обе были Варварами. Очень жаль, что мне не довелось их знать. Слышала, что они были очень интересными, хоть и скрытными людьми.

Что касается фамилии, здесь все сложнее. Я знаю, что она значит («бочкодел») и откуда она у меня, но настолько глубоко, чтобы понять ее происхождение, копнуть мне, боюсь, не удастся.

Безумно интересная история, и Вы правильно сделали, что начали ее изучать. Петербургская линия как-то хранится в записях, фотографиях? И удивительно, что Вы — первая, кто будет иметь высшее образование. Но сначала школа, Вы начали в ней обучение в 2000 году? Почему Вас отдали так рано, до шести лет? По-моему, в России дети начинают учиться в школе с семи лет? Как шло учение? Что нравилось, что нет?

Фотографий сохранилось довольно много, некоторые — особенно любопытные, с историей — где-то помятые, где-то не хватает части. Есть и дореволюционные фотокарточки, где даже указан адрес петербургского фотоателье — они мне особенно нравятся. Вот с документами хуже — остался только один — свидетельство о крещении моего «прадеда» (того самого «отца» бабушки) 1913 года, а родился он в 1894, то есть аж на 100 лет старше меня! Все фотографии мы храним дома в альбомах времен СССР, но я предпочитаю оцифрованные версии, выложенные на личной страничке в социальной сети — так их можно пересматривать чаще.

Да, действительно, я начала учиться в 2000-м, закончила первый класс соответственно в 2001-ом. Было очень удобно — 2001-ый год — 1-ый класс, ну и так далее. Технически мне было без 11 дней 6, когда я пошла в школу. Мама решила прислушаться к мнению педагогов, которые сказали, что к школе я готова, так что, думаю, не было смысла ждать. Тем более, к школьному формату я привыкла уже с трех лет, когда меня отдали в развивающий центр, а потом и на курсы (!) по подготовке к школе. Вот поэтому там я и была самая младшая, а заодно и самая маленькая по росту — друзей было немного.

Зато учиться мне нравилось всегда. Конечно, без кнутов и пряников мамы не обходилось (сейчас как-то с этим сама справляюсь). Помню, как она меня заставляла переписывать всю тетрадку, если неаккуратно напишу одно предложение. Правда, аккуратный почерк это так и не выработало (врачом что ли стать надо было), но сейчас это не очень страшно, потому что все конспекты и работы теперь в электронном виде — безумно удобно в моей ситуации.

Самым любимым предметом всегда был английский язык. Не то что с первого класса — с первого дня! Я готова была делать д/з не только себе, но и заодно всем одноклассникам (нужно же было с пользой проводить уроки ОБЖ). Думаю, дело было в учительнице — она мне сразу понравилась. К слову, мы до сих пор тесно общаемся, уже как друзья семьи. Помимо английского, который фактически был факультативом, в школе был еще итальянский (основной язык) и французский — школа была языковая. Хотя, видно, и этого мне было мало — решила в частном порядке постигать азы немецкого, а в старшей школе — еще и начать финский. Поэтому класса, наверное, с пятого (если не раньше) мечтала стать переводчиком и думала поступать на филологический факультет. Не буду писать, что, к сожалению, но все изменилось, когда я перешла в другую школу, правда, об этом чуть дальше.

Отличницей, к слову, никогда не была. Всегда была какая-нибудь стабильная четверка по математике и что-нибудь, что где-то недоучила. Уже с первого класса, наверное, было ясно, что склад ума у меня гуманитарный и что развиваться нужно в этом направлении. Хотя сейчас иногда немного жалею, что не уделяла должного внимания математике или информатике — могло бы пригодиться.

В начале 8-ого класса я почувствовала необходимость сменить обстановку. Примерно в это же время вспомнила о существовании Академической Гимназии СПбГУ. О ней знала еще бабушка, через знакомую на даче. А я — через знакомую, которая пришла навестить свою старую школу, а заодно и рассказать о прелестях новой жизни. Тогда-то я и начала целенаправленно готовиться. Чтобы поступить в эту школу, нужно было сдавать экзамены по четырем предметам — русскому и литературе, английскому языку, истории и математике. Поэтому 8-ой класс был довольно тяжелый. Пришлось бросить немецкий и немного сбавить темпы обучения по «ненужным» предметам (кажется, так я научилась расставлять приоритеты — очень помогло перед ЕГЭ). К некоторым репетиторам ездить приходилось на другой конец города в субботу сразу после школы. А без них было не обойтись, поскольку уровень АГ был на порядок выше пусть и не очень простой, но районной школы.

Когда я поступила в АГ, у меня действительно началась новая жизнь. Как в плане обучения, так и в обыденном смысле. Я попала в «свою» среду, где все такие же «ботаники», которые любят учиться; появились и настоящие друзья. Что касается учебы, пришлось оставить итальянский и французский в прошлой жизни, но это ничто по сравнению с тем, что я приобрела. Так как поступила я в гуманитарный класс, мне повезло уже в 9-ом классе прослушать спецкурсы преподавателей вуза по литературе и истории. Можно даже в некотором смысле сказать, что учиться в университете я начала уже в 9-ом классе: у нас были пары, а не уроки, мы вели конспекты, а не зубрили монотонные учебники. Мы даже писали исследовательскую работу, которая-то потом и помогла мне понять, что я хочу от жизни. С конспектами, надо сказать, было забавно. Сначала я записывала все в одну тетрадку, а дома переписывала в другую (по особо любимым предметам), потому что свой быстрый почерк я могла понять только спустя максимум день после пары — по свежей памяти. Потом, когда я поняла, что мои навыки в области тайм-менеджмента оставляют желать лучшего, мы с подругой решили записывать лекции на диктофон (а потом на первом курсе соцфака все удивлялись, откуда он УЖЕ у меня!), а потом перепечатывали на компьютер.

Эти многочисленные конспекты мне оченьгодились на младших курсах, да и сейчас я бы их с удовольствием перечитала. Вот он — первый опыт транскрибирования текста — еще задолго до «социологической» жизни! ☺ Одного вот не понимаю — почему мы не догадались приносить ноутбук непосредственно на лекцию?

Ну а если в целом об Академической Гимназии, то как говорит одна АГшная преподавательница, «АГ — это не школа, АГ — это стиль жизни». Никакое другое высказывание не может описать гимназию лучше. Там какой-то особый коллектив неких энтузиастов — что преподавателей, что учеников. По крайней мере, раньше. С упразднением гуманитарного отделения, думаю, вся атмосфера пропала.

Я уехал из России, Петербурга, в 1994 году, так что Ваше поколение мне совсем незнакомо. Что Вы, Ваши ровесники читали, особенно в старших классах? Какую музыку Вы слушали? Какова была Ваша внешкольная активность?

Признаться сказать, к чтению никогда особой страсти не было. Не хотелось бы отвечать за все поколение, но лично я редко уходила дальше намеченной школой программы. Из-за этого мне немного стыдно, ведь не такие у меня представления о «правильном» образованном человеке. Что отличает наше поколение, так это что выросли мы на технике. Мне вообще крайне повезло — у меня компьютер появился с первого класса. Небось, где-то еще лежат те забавно оформленные тексты со ссылками на тогда еще только появляющуюся Википедию. Думаю, именно это занимало наше время в такой же степени, как чтение у наших родителей.

Как ни старалась мама, а особенно бабушка, привить мне любовь к чтению, что тогда, что и сейчас, если честно, художественную литературу, к своему стыду, не жалею. А вот социологическую — всегда пожалуйста. А если зарубежных авторов и на английском языке — так вообще бывает не оторваться. Жаль только, что читаю я крайне медленно. И вот сейчас я задумалась — сильной любви к чтению как таковой нет, а практики чтения изучаю!

Что касается музыки, с уверенностью могу сказать, что это была (да и сейчас), в основном, иностранная музыка. Поскольку я любила английский, англоязычные тексты вызывали у меня неподдельный интерес. Я даже подходила к учительнице, спрашивала, о чем поется, когда сама перевести не могла. Интернета-то тогда у нас еще не было, чтобы посмотреть слова и перевод. Что слышалось — то и пели. ☺. В основном, это была популярная музыка (она же «попса»). Но, кстати, культовая в то время Бритни Спирс мне никогда не нравилась! Постарше начала познавать прелести рока (типа старых-добрых Scorpions или Evanescence), хотя, видно, от старых привычек было сложно избавиться, поэтому продолжала слушать Sting'a и других разных исполнителей. По крайней мере, нужно же было занять чем-то себя во время часовой поездки в школу, а раз с чтением не задалось, то музыка одна и оставалась.

С внешкольной активностью как-то совсем грустно было. Помню, всегда терялась, когда меня спрашивали про хобби. Кто-то любил танцевать, кто-то рисовать, кто-то спортом занимался, а я что? А я давайте вам сочинение по английскому напишу? Так или иначе, все мои интересы были околешкольные. Путешествовать я тогда еще не начала, посткроссинг для себя вообще только

недавно открыла, просмотр сериалов интересом вообще как-то неприлично называть! Нет, конечно, когда я была маленькая, я ходила и в музыкальную школу (играла на домре, между прочим), и в бассейн, но рано или поздно все бросила – не мое. А вот в деятельности школьных газет участвовала в обеих школах. Различные конкурсы (чтецов, например) и олимпиады тоже занимали мое время. Если уж совсем честно, что есть «жизнь вне университета» я в полном объеме ощутила только уехав по обмену в Финляндию. Было ощущение, что в сутках магически прибавляется лишних четыре часа!

..объемно, наглядно, спасибо... и вот Вы завершали Гимназию СПбГУ, какие направления последующего обучения просматривались? Кем хотели стать?

Я уже упоминала, что долгое время хотела поступать на филологический факультет. Когда перешла в АГ, мне открылась масса других возможностей, поэтому в 9 классе я ничего конкретного не знала. На следующий год нам нужно было писать исследовательскую работу (по сути, чуть более объемный и интересный реферат) либо по истории, либо по обществознанию. Отечественная история меня никогда не вдохновляла так сильно, чтобы писать работу, поэтому я не раздумывая решила писать по обществознанию. Нам раздали список примерных тем, куда входили блоки по экономике, праву, политологии и социологии. Один из вопросов касался гендерной проблематики. Предлагалось написать общий реферат на тему, что такое гендерные отношения. Тогда еще я не подозревала, что это такое и с чем его едят. Наверное, поэтому и выбрала эту тему. Решила писать про опыт реализации гендерного равенства в Финляндии, потому что она показывает успехи в этой области, ну и потому, что меня всегда привлекала эта страна. Примерно тогда же начала учить и финский. Потом поучаствовала в своей первой конференции (для школьников) и даже заняла какое-то место (там нас оценивали преподаватели и назначали победителей за лучшие работы), потом в другой – понравилось. Думаю, так я и поняла, что мне действительно интересна эта область. Не только моя тема, но и сама вот эта среда – это же так увлекательно что-то изучать, а потом еще и обмениваться опытом и идеями с другими! Вот и стала узнавать, где это дальше можно изучать – посоветовалась с преподавателями, пообщалась с выпускниками, походила на всевозможные образовательные выставки и дни открытых дверей, ну так и вышла на факультет социологии.

На следующий год стала уже целенаправленно готовиться к поступлению на факультет социологии СПбГУ. Другие города не рассматривала – как-то совсем не хотелось из Петербурга уезжать. Целью был именно СПбГУ, как-то обидно было после АГ в другое место. Документы, подавала, конечно, буквально во все места – очень боялась не поступить. Мы все боялись. Думаю, на тот момент это была какая-то самоцель. Опять был очень тяжелый год. Сейчас на это смотрю уже, конечно, по-другому, но тогда казалось, что жизнь кончится, если никуда не смогу поступить. Правда, потом поуспокоилась, когда случайно выиграла олимпиаду по английскому, что давало мне автоматическое прохождение на факультет иностранных языков педагогического вуза. Но это не то, чего мне бы хотелось. Рассуждала я примерно так: языки я могу где угодно выучить, но хочу ли я их делать своей профессией, делом всей жизни? В этом я сомневалась. Надо сказать, я считаю, что мне очень повезло: выбрать в 16 лет область, в которой

будешь вариться всю жизнь, можно даже сказать, определить свое будущее — крайне сложно. Конечно, всегда можно сменить сферу деятельности, но разве не обидно начинать все сначала? А повезло мне потому, что вот уже около четырех лет прошло с тех пор, как я приняла решение связать жизнь с социологией, а я ни разу об этом не жалела. Хочется верить, что это то самое, мое, поэтому надеюсь, что все сложится так, что я буду этим заниматься в дальнейшем.

Итак, в 2010 (?) году Вы поступили на социологический факультет СпбГУ... был большой конкурс, собеседование? Много ли студентов было принято? Кто читал Вам базовые курсы, какими учебниками Вы пользовались?

Нет, поступила в 2011 году, отучившись до этого 11 классов в школе (2011/2012 учебный год был моим первым курсом).

Позволю себе Вас поправить. Учусь я на факультете социологии, а не на социологическом факультете. Казалось бы, что такого в этой маленькой детали, но именно она отличает нас от социологического факультета МГУ. Можно сказать, образует стержень нашей идентичности. Насколько я поняла, существует какое-то тихое противостояние между СпбГУ и МГУ. Все уважают труды друг друга — бесспорно, но, кажется, что незаметно пытаются соперничать и стать лучше друг друга. Ощущаю я это примерно так же, как и «противостояние» между Петербургом и Москвой — не скажет же коренной петербуржец «бордюр», а москвич — «порербрик». Мне кажется, в университетах примерно то же. Именно поэтому нередко нам подчеркивают эту нашу «особенность» — мы не как все, мы не просто «социологический факультет», это именно мы ввели «День Социолога», ну и так далее. Хотя, по большому счету, никаких качественных отличий мне обнаружить не удалось. Но нашим преподавателям виднее.

Что до поступления, какой был конкурс уже не помню — забыла как страшный сон. В год моего поступления уже была система ЕГЭ, нужно было сдать три экзамена (русский язык, английский и обществознание), никаких дополнительных испытаний не было. Отбирали нас по количеству баллов, составляли рейтинг. А само поступление идет в две волны. Первое заранее установленное количество человек считаются поступившими после определенной даты, но так как некоторые из списка могут предпочесть другие вузы, они выбывают из рейтинга, освобождая места в нем. Для этого и нужна вторая волна — подтянуть в рейтинге тех, кто изначально не прошел, но после появления вакантных мест претендовал на поступление. Я, к счастью, поступила с первой волны (меньше стресса) — баллы были неплохие, сначала была где-то в середине списка, а после первой волны оказалась даже недалеко от начала. На бюджетное отделение по направлению социология (а я могла себе позволить поступить только на «бюджет», запасного варианта не было) приняли довольно много — 90 человек, а если включить еще и соцработу, всего нас было 120. На первом курсе народу было больше, так как добавились еще и «контрактники» — там был отдельный конкурс. Отчасти из-за такого количества бюджетных мест соцфак мыслился как факультет СпбГУ, куда относительно несложно поступить. Поэтому там оказались и те, для кого это был план «Б», в случае если не получилось поступить на приоритетное направление. Мне кажется, это отличает нас от западных вузов — у нас часто поступают, просто чтобы поступить. В Финляндии, по крайней мере, где мне довелось поучиться, немного по-другому подходят к вопросу, более осознанно,

можно сказать. Отчасти, наверное, потому, что решение принимают значительно позже. Нет там, как у нас, спешки – скорее учись, чтобы скорее пойти на работу. Но не об этом речь!

Базовые курсы читали, в основном, преподаватели кафедры теории и истории – очень почетные люди. Так, основы социологии преподавал Асалхан Ользонович Бороноев – первый декан факультета. Помимо непосредственно лекционной части, зачастую рассказывал нам истории о своей жизни в социологии. Было любопытно, но сейчас я их, думаю, уже не воспроизведу. Историю социальных учений вел Владимир Яковлевич Фетисов, погрузивший нас в самые основы общественной мысли. Было, особенно первое время, такое необычное ощущение – мы чувствовали себя особенными, обучаясь у докторов наук. Семинары, как правило вели молодые преподаватели – Марина Васильевна Ломоносова и Екатерина Александровна Орех. Это был совершенно другой формат, который учил нас уже не только внимать и слушать, но и стараться высказывать свои собственные мысли.

Были, разумеется, и курсы, лишь косвенно относящиеся к социологии, которые читали приглашенные преподаватели с других факультетов. В основном, идея первого курса – дать нам базу, на которую потом сможет лечь методология социологии, из чего по идее должно получиться масштабное исследование. Поскольку в АГ часть этой базы уже мне была дана, мне было немного легче, однако первый же свой экзамен (по истории!) я сдала на тройку. Красуется теперь в зачетке первым номером.

Несмотря на то что я поступила на определенный профиль («общая социология»), на первом курсе серьезного разделения не было – мы все находились в большой аудитории и слушали одни и те же курсы. Из-за размера аудитории, была битва за места – кто-то рвался, чтобы занять первые парты, а кто-то дрался за последние. Я любила сидеть в начале, но не на самом первом ряду.

Философия, история, математика, логика и основа социологии – вот самые первые предметы, которые мы изучали в вузе. Ну и, конечно, была физкультура (куда же без нее). Она с нашего года обучения вообще теперь все четыре года. Не сдадим физ-ру – не получим диплом.

Во втором семестре появилась уже методология и методика социологического исследования. Начинали, конечно с азов – что такое метод, что такое шкалы. Этот курс мне очень нравился. Объясняла Елена Эмильевна все наглядно и подробно, поэтому сдавать было несложно.

Как такового, одного единственного учебника на курс не было, но была гора рекомендованной литературы. Читали вырезки из работ классиков, ну и тогда еще было позволительно читать в переложении. Все любили «Социологию» Гидденса – хороший вариант перед, пожалуй, любым экзаменом. Особенно рекомендациями по поводу литературы славился Асалхан Ользонович Бороноев. Он же познакомил нас и с профессиональным праздником – Днем Социолога. На факультете мы его каждый год отмечаем – каждый курс придумывает свое выступление – с песнями, плясками и, разумеется, юмором. Участие в празднике очень приветствовалось. Как и в Ковалевских Чтениях – ежегодной конференции на нашем факультете, где нашлось место и студенческой секции. Так как у меня уже была работа, я решила, почему бы не выступить с ней сразу на первом

курсе. Это был интересный опыт. В конце того же года поехала на конференцию студентов МГУ, но моя тема там особым успехом не пользовалась. Правда, это не остановило меня от поездки туда же и на следующий год.

Вообще, когда я только поступила, я начала в полном объеме чувствовать эту университетскую жизнь. Со стороны учебы, помимо лекций и семинаров, это всевозможные публичные лекции, конференции — то, к чему меня давно тянуло. А с точки зрения внеучебной деятельности — разные школы студенческого актива и поездки на университетскую базу.

Когда и по какому направлению (кафедра?) Вы решили специализироваться? В силу каких причин?

Так как я поступила на профиль «общая социология», у меня был практически неограниченный выбор кафедр (кроме, пожалуй, соцработы). Выбрать кафедру и научного руководителя, который согласился бы нас взять, нам нужно было к октябрю второго курса. Так как меня интересовали гендерные исследования, я сразу начала спрашивать, кто, как и чем занимается. Так я вышла на Валентину Григорьевну Ушакову, которая занимает позицию на кафедре социологии политических и социальных процессов и изучает семейную и гендерную проблематику. Мне сказали сразу, что выбирать надо не по названию кафедры, а именно по научному руководителю и его/ее интересам, потому что от этой фигуры многое что зависит — от направления и фокуса исследования до различных дополнительных возможностей, типа участия в конкурсах, куда можно попасть только по рекомендации.

Так я оказалась на этой кафедре. С научным руководителем мы сразу решили все курсовые «привязывать» к диплому, до которого на тот момент было еще много времени. В рамках кафедральной курсовой я написала теоретический обзор по поводу различий между понятиями пола и гендера, а в рамках курса по количественным методам, который читала Яшина Мария Николаевна, сделала свое первое, пусть и мини, но исследование. Нам нужно было составить собственную анкету, собрать и проанализировать первичные данные. Опыт работы в колл-центре факультета мне в этом помог. Мне было неинтересно идти по простому пути и опрашивать своих же одноклассников, а так как я давно интересуюсь Финляндией, я решила продолжить начатое и писать уже на тему того, какие представления по поводу реализации политики гендерного равенства разделяют финские школьники и что они знают по этому поводу в целом (а я предполагала, что осведомлены они неплохо, что и подтвердилось). Доступ к полю я получила по воле случая. Как-то еще в 10-ом классе группа из трех учеников, включая меня, поехала в финский лицей в Хельсинки. Мы провели там три дня, а потом приняли финнов у себя. Эта поездка мне очень пригодилась — у меня остались все контакты той школы. Позвонив, я выяснила, что представители школы сейчас в Петербурге и посетят день встречи выпускников АГ, куда я, естественно, тоже собиралась. Там меня познакомили с главой комитета по образованию города Хельсинки, которая подсказала мне, как получить разрешение на исследование. По суровым финским правилам даже мне, простой студентке, с незамысловатым исследованием требовалось получить бумаги, разрешающие опрашивать

учеников образовательного учреждения. А так как они несовершеннолетние, нужно было еще и разрешение от родителей. Получилось, что по легкому пути я не пошла, но получила первый исследовательский опыт — все как положено.

В том же году в следующем семестре у нас начались качественные методы, обучение которым продолжилось и на следующий год, когда спецкурс нам читала Хохлова Ани́сья Михайловна. «Привязать» это к диплому уже бы не получилось, поскольку съездить в Финляндию и взять интервью было бы слишком трудоемко, да и дорого (никто же мне энтузиазм не оплачивал, приходилось немного подрабатывать, но без помощи мамы обходиться пока не могу).

Затем как-то внезапно для себя я обнаружила интерес к другой теме, которой занимаюсь и сейчас. Мне было интересно рассмотреть выбор родителями детской литературы для детей-дошкольников, да еще и применить сюда теорию практик. Идея такого исследования пришла в голову во время курса по качественным методам, но четко тема у меня сформулировалась в период практики, которую я проходила в Центре независимых социологических исследований под руководством Бредниковой Ольги Евгеньевны. Я посмотрела, как работает исследовательская некоммерческая организация, а с помощью одного из сотрудников попыталась сделать свое исследование. За период практики, правда, я успела только собрать интервью, сделать транскрипты и первые выводы. Но решила продолжать такую работу и дальше, не только в рамках ЦНСИ (хоть практика и закончилась, очень не хотелось пропадать), но уже и в рамках курсовой в университете. Тогда-то я и поняла, что стоит задуматься над сменой кафедры, поскольку тема явно не подходила для социологии политических и социальных процессов.

Смена кафедры — обычная практика на нашем факультете. Здесь приветствуется такая свобода перемещений. Так уже к концу третьего курса я оказалась на кафедре теории и истории социологии под руководством Богомягковой Елены Сергеевны. Сейчас формулируем точную тему и работаем над дипломом.

Вы мне писали, что год проучились в Тампере? Как Вы туда попали? Что вы там изучали? Мы тесно сотрудничали с Университетом Тампере, отделение журнализма. Дружили с профессором Каарле Нурдестренгом....

Да, я действительно училась в Тампере, но, к сожалению, всего один семестр — с конца августа по конец декабря. В конце третьего курса я поняла, что могу упустить такой замечательный шанс — поучиться за рубежом, в другом вузе и другой среде. Подавать заявку нужно было еще на третьем курсе, потому что 7 семестр — последний, когда можно было уехать. Потом уже только «госы» сдавать, да защищаться. В СПбГУ, надо сказать, довольно много возможностей, связанных с учебой за границей. Наш факультет, например, сотрудничает с университетом Билефельда в Германии, поэтому мне удалось посетить целых две школы в разных частях этой страны. Однако для полноценного обучения моего начального знания немецкого не хватало, нужно было рассматривать только англоязычные варианты, а их было немало. Из-за своей любви к Финляндии я сразу решила обратить на нее внимание. Опций было несколько, но меня интересовали только те, где была возможность получить стипендию — иначе поехать бы не удалось. Осталось два варианта — Тампере и Йоэнсуу. Оба были чудесные, но в Тампере оказалось больше предметов, которые меня привлекали. Дальше —

дело за малым. Оставалось всего лишь собрать кипу бумаг и подписей и ждать результата. Когда меня приняли, нужно было тоже решить массу «бумажно-подписных» проблем, но это не так страшно.

Упомянутого Вами профессора, к сожалению я не знаю, наверное потому, что там я была прикреплена к школе социальных и гуманитарных наук. Однако по гибкой финской системе, я могла брать курсы и с других факультетов. Я решила взять наиболее не похожие на наши курсы, иначе какой смысл был уезжать. Правда, все те курсы, которые я пропустила за время обучения в Тампере, мне еще предстоит сдавать. Сейчас готовится график моей индивидуальной сессии...

Помимо общих предметов по финскому языку и финской политической истории, которые я взяла «для общего развития», я изучала северные общества, политический дискурс анализ, социологию эмоций и феминистскую методологию. Там нам задавали много письменных работ, впрочем, как и у нас, но устроены они были по другому принципу. Письменные работы в финских университетах – это «лекционные дневники» (lecture diary или learning diary), цель которых – рефлексия над пройденным материалом, подкрепленная рекомендованной к прочтению литературой и собственными идеями и примерами. Очень, надо сказать, действенный способ выучить предмет. Экзамена при такой системе нет, а даже если бы и был, сдать его было бы очень легко, ведь ты буквально пропустил этот курс через себя, описав все своими словами. Смысл рефератов и курсовых работ по дисциплине, думаю, немного в другом. В Финляндии очень приветствуются свои мысли и критическое мышление. Было интересно этому научиться.

Знакомы ли Вы с Еленой Андреевной Здравомысловой и Анной Андриановной Темкиной? Они не только признанные специалисты по гендеру, Темкина защищала Ph.D. Финляндии.

Да, разумеется, я их знаю! Они вообще два моих кумира еще с 10-го класса. Когда только начала «копать» материал на тему гендера, сразу наткнулась на книгу «Гендер для чайников», ведь я тем самым «чайником» и была. Потом я вышла уже непосредственно на Елену Андреевну и Анну Андриановну, почитала их работы. К тому моменту уже стала студенткой и стала интересоваться, есть ли хоть какая-то возможность поучиться у них. Все курсы в Европейском университете рассчитаны на магистров, а я-то еще совсем «зеленая» была – на первый курс бакалавра поступила только. Несмотря на это, я решила написать Елене Андреевне электронное письмо, совершенно не ожидая, что мне на него ответят. После уже очной беседы она разрешила мне присутствовать на локальных семинарах. Они были какие-то полупубличные: информация в открытом доступе, но на деле там только «свои» (ну и я). К сожалению, из-за своего расписания посетить удалось далеко не все такие встречи. Но я смогла получить доступ к «гендерной рассылке» и узнавать обо всех мероприятиях в этой области. Это было очень ценно – с помощью этой рассылки я узнала о конференции студентов и аспирантов в Перми, куда и ездила два года подряд – на втором и третьем курсе. Это был уникальный опыт – встретить студентов разных направленностей, изучающих гендер с разных сторон, да еще и другой город России посмотреть!

Потом еще посещала различные открытые семинары в Европейском университете, где также встречала Елену Андреевну и Анну Андриановну. Они меня, конечно, вряд ли помнят и уж точно не знают, но я стараюсь следить за их деятельностью, в частности, и за Европейским Университетом, в общем.

Я так понимаю, что Вы завершаете бакалавриат летом, есть ли планы относительно дальнейшего обучения?

Да, закончу летом, если все пойдет по плану.

Насчет магистратуры у меня много идей, может даже слишком. Во-первых, после семестра в Тампере я поняла, насколько мне там все нравится — от, разумеется, самого университета до тихой и размеренной жизни. Есть там одна любопытная программа «Русские и Европейские исследования» в рамках направления по социологии или же по международным отношениям. Как и во многих университетах, подача документов туда происходит уже в январе. Я решила попробовать — попытка не пытка. Буквально два дня назад отправила все документы. Конечно, все не так просто. На социологию там всего пять мест, да и осложняет дело отсутствие стипендий. Даже если поступлю, еще нужно придумать, как себя финансировать... Поэтому не знаю, что будет, но иметь только один единственный вариант не в моем стиле.

Конечно, давно знаю про ЕУ. Там учатся мои друзья (на ПНИСе и на факультете антропологии), там преподают люди, которыми я восхищаюсь, его рекомендуют те, к мнению которых я прислушиваюсь. Буду подавать туда. Страшно немного — устное собеседование, вдруг все забуду из-за нервов, я ж могу...

Буду подавать и к нам. У нас есть очень любопытная англоязычная программа, которую курирует Анистья Михайловна Хохлова — «Studies in European Societies». Я со студентами этой программы ездила на Зимнюю школу в Германию. Слышала положительные отзывы. Правда, насколько я поняла, они в большей степени ориентируются на Германию, чем на другие европейские страны. В любом случае, экзамен по иностранному языку сдан, осталось дело за малым.

Рассматриваю также и Петербургский филиал Высшей Школы Экономики. О магистратуре там тоже слышала неплохие отзывы от знакомых социологов. Ее отличие в том, что обучение вечернее — после 18 часов. То есть можно было бы даже наконец устроиться на работу и начать более или менее самостоятельную жизнь. Но позволит ли это полноценно заниматься учебой? Пока не знаю!

Других вариантов особо нет, ну или я о них (еще) не знаю. Сейчас приоритет — собственно закончить бакалавриат — нужно еще две сессии закрыть. Год будет тот еще. Хотя, думаю, по нагрузке 11-ый класс все же займет почетное первое место. Брать перерыв в виде года между бакалавром и магистратурой не хотелось бы, но если не сложится с поступлением, постараюсь не пасть духом и продолжать штурмовать вузы на следующий год.

Если совсем о мечтах, очень бы хотелось потом и Ph.D. получить (ну или кандидатскую), но это совсем еще нескоро. С другой стороны, мечтать не вредно, ведь так?

Интервью с Татьяной Владимировной ГАВРИЛЮК

«ВСЕ СВОИ КУРСОВЫЕ РАБОТЫ, ДИПЛОМ И ДИССЕРТАЦИЮ Я ПОСВЯТИЛА СУБКУЛЬТУРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ»

Гаврилюк Т. В. — окончила факультет социологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва, 2007 г.), кандидат социологических наук (2010), доцент Тюменского государственного нефтегазового университета по кафедре «Социологии» (с 2008 г.) и по кафедре «Общей и экономической социологии» (с 2014 г.)

Основные области исследования: социология культуры, социология молодежи, социология искусства, молодёжные субкультуры.

Интервью состоялось: декабрь 2014 г. — январь 2015 г.

Во второй половине 2014 года я начал изучать путь в науку представителей седьмого поколения советских / российских социологов, тех, кто родился в интервале между 1983 и 1994 годами; это — первая когорта исследователей, которые не имеют опыта работы в советский период жизни нашего общества. Более того, социализация лишь самых старших из них проходила в период перестройки, а тех, кто младше, уже в ельцинские и путинские годы России. В их ранней жизни было все не так, как в детстве и юности социологов предыдущих поколений.

Интервью с Татьяной Владимировной Гаврилюк началось 10 января 2015 года, но могло начаться на три месяца раньше, когда стартовала моя беседа с ее мамой — профессором социологии Тюменского государственного нефтегазового университета Верой Владимировной Гаврилюк, с которой я знаком многие года. Я уже тогда искал молодых социологов, но не последовал совету Веры Гаврилюк провести интервью с ее дочерью. Первая причина заключается в том, что в историко-наукоеведческом плане мне казалось необходимым сначала побеседовать с В. В. Гаврилюк и лишь потом с Татьяной. Вторая причина — иного плана; так получилось, что в тот момент я вел два интервью с социологами седьмого поколения, родители которых были социологами, и мне не хотелось повторять такую схему отбора собеседников. Почему же я позже все же воспользовался советом В. В. Гаврилюк и начал интервью с Татьяной?

Прежде всего потому, что первая причина была устранена; интервью с Гаврилюк-мамой было завершено. Кроме того, к концу 2014 года богатая коллекция биографических данных позволила подойти к изучению одной из линий процесса формирования нашего профессионального сообщества – появлению социологических династий, или преемственности профессии «социолог» внутри семьи. И в этом плане разговор с Татьяной мне уже стал представляться нужным, полезным для понимания механизмов динамики нашей профессии.

Беседа с Татьяной Гаврилюк оказалась важной для меня еще в одном отношении; а я получил возможность еще раз задуматься над темой, о которой я размышляю несколько лет и в рамках которой стараюсь рассматривать накапливающийся эмпирический материал. Речь идет о биографичности социологического творчества, более широко – поведения в профессии. Само представление о детерминированности того, что и как делает социолог некоторыми макро и микро обстоятельствами его внепрофессиональной жизни, становится для меня все более естественным, биографичность обнаруживается во многих интервью с социологами всех поколений. Но проблематичными остаются другие аспекты, и среди них – формы биографичности.

Каждый согласится с тем, что подготовка кандидатской диссертации – один из ключевых моментов в жизни любого исследователя. Это время самостоятельного вхождения в новую проблематику, активного освоения методологии и технологии научной работы, это период, когда нередко определяются его долгосрочные научные интересы, завязываются профессиональные контакты и прочее.

Закончив школу, Татьяна поступила на социологической факультет Тюменского государственного университета, предполагая потом работать в сфере рекламы и маркетинга. Понимание того, что такое социология, заинтересованность, желание заниматься наукой появились у нее после третьего курса, когда в 2005 году она перевелась в Москву и продолжила обучение в Российском государственном гуманитарном университете.

В силу ряда обстоятельств она еще в Тюмени заинтересовалась готической субкультурой, но окончательно включилась в неё в Москве. Все свободное время она проводила с друзьями из этой среды. Во многом под их влиянием стали оформляться ее художественные вкусы и литературные пристрастия. Готика того периода в своем элитарном проявлении была новой формой декадентства, абсолютно интеллектуальной, эстетской субкультурой, замешанной на положениях экзистенциализма, художественного авангарда, ницшеанства и других интересных вещах. По мнению Татьяны, протеста во всем этом не было, скорее эскапизм и упадничество в оболочке эстетического выражения. Постепенно в ходе обучения ей удалось найти свою область научного интереса – молодёжная культура. С первого года обучения в Москве все свои курсовые работы, затем диплом и, наконец, диссертацию она посвятила субкультурной проблематике. Она знала эту среду изнутри, поэтому этнографическими методами, включённо, исследовала её сущность, состав, динамику.

А теперь приведу небольшой фрагмент рассказа Татьяны Гаврилюк:

На тот момент ещё никто не знал о том, что из себя представляет эта «dark-культура», конгломерат субкультур, объединённый общей мрачной эстетикой. В обществе, как водится, начались моральные паники, активно муссировались

страшные истории вроде «готы съели эмо», «готы-сатанисты занимаются сексом на надгробиях» и прочая ересь. Даже на законодательном уровне испугались — пытались продвинуть законопроект о запрете субкультурной атрибутики в учебных заведениях. Помню забавные митинги неформалов с транспарантами... При этом дискурс был исключительно запретительного толка — всё, что выбивается из общего культурного плана, необходимо принудительно лечить. Такая фукоистская карательная психиатрия, знаете ли... И мало кто понимал, что подталкивало молодёжь в стабильном обществе уходить во весь этот мрак, в чём причина такого безысходного эскапистского протеста. А я хотела понять, что движет не только мной, но и теми, кто меня окружал. И я написала диссертацию.

В октябре 2010 года, вскоре после исполнения ей 25-ти лет Татьяна успешно защитила кандидатскую диссертацию, но в последующем ее научные интересы сместились в область теоретической социологии и социология культуры. В субкультурной тематике ей стало тесно. Вместе с тем, ее заинтересовал набирающий всё большую популярность в России феномен фолк-культуры, в котором она прежде всего видит глобально распространившийся симулякр (т.е. семиотический знак, за которым нет реального объекта), демонстрирующий антимодернистские, консервативные тенденции в культуре.

Ну что же? В моем понимании биографичность исследовательских интересов Татьяны очевидна, и мне думается, она еще долго будет разрабатывать социологические и антропологические аспекты современной культуры, не обходя своим вниманием и субкультурные образования. Так это будет или не так (и почему) через много лет скажет сама Татьяна Владимировна Гаврилюк. Я так далеко отстоящие от сегодняшнего дня события вряд-ли увижу...

Гаврилюк Т. В.: «Все свои курсовые работы, диплом и диссертацию я посвятила субкультурной проблематике»

Таня, Вы относитесь к седьмому (в моей типологии) поколению советских / российских социологов, это те, чьи годы рождения заключены в интервале – 1983–1994. Ваша мама – профессор социологии Вера Владимировна Гаврилюк, так что Вы – второе поколение социологов в семье. Оба эти обстоятельства вызывают мой интерес к Вам и, думаю, многих читателей. Поскольку Ваша мама рассказала историю Вашей семьи, то по этой теме не буду Вас «пытать», хотя, сложно сказать, может быть, она сама себя проявит. Мой первый вопрос: по Вашим воспоминаниям слово «социология» и его содержание Вы стали узнавать до школы или уже учась в школе?

Слово «социология» я узнала совершенно точно до школы, т.к. оно содержалось в первой фразе, которую я прочитала в своей жизни. Это мне, правда, мама рассказывала, сама я не помню. А вот со смыслом этого понятия сложнее. Я никогда не фиксировалась на содержании профессии моей мамы, для меня в раннем детстве было гораздо важнее, что она преподаватель и учёный, нежели сама специфика её труда. Кроме того, у нас в доме было множество книг по философии, психологии, менеджменту, и мне тогда казалось, наверное, что мама занимается всем этим одновременно. Надо признать, что я совершенно не помню, когда для меня прояснилась суть социологической науки. В детстве меня как нормального ребёнка другие вещи занимали. В школе, конечно, на общественности я блистала и совершенно не могла понять, как у других могут быть сложности с таким простым предметом.

Ваши школьные годы прошли в Тюмени? Когда Вы пошли в школу? Как учились, что нравилось больше? Мама ведь не только социолог, но по базовому образованию – физик. Каковы были Ваши интересы вне школы? Мне особенно интересно, что в те годы читали Вы, Ваши ровесники?

Да, школьные годы я провела в Тюмени. Пошла в школу в 6 лет, т.к. день рождения у меня в октябре. Училась я в младших классах на «отлично», а потом начала съезжать помаленьку, т.к. пошли точные дисциплины, и к аттестату у меня уже была примерно половина четвёрок – по всем естественным наукам, кроме биологии, которая долгое время была моим любимым предметом наряду с литературой. Вообще я в школьные годы была в поиске своего призвания, много думала на тему того, кем быть. Больше всего в тот период мне, конечно, не хотелось быть социологом и работать в университете. Ничего скучнее обыденной преподавательской жизни я себе и представить не могла... Даже не знаю, почему мне тогда так казалось, ведь на самом деле всё с точностью до наоборот. Хотелось найти что-то для себя, а не идти по проторенному родительскому пути, поэтому я искала, сомневалась, пробовала, начинала и бросала... в общем, как все подростки. Моими любимыми предметами были биология, литература и русский язык. В классе 7–8 я хотела быть ветеринаром, очень любила животных и совершенно серьёзно ударилась в изучение биологической науки, это были

самые красивые и красочные тетради — как мы это всё строение тела перерисовывали... Но потом, когда началась химия, я поняла, что планам моим не суждено сбыться, т.к. этот предмет, к сожалению, мне не давался совсем. И я переключилась на литературу.

Читать я всегда любила и с дошкольного возраста являлась постоянным клиентом местной детской библиотеки. Так что от занятий в школе я истинное удовольствие получала, и многие обращались ко мне за помощью по этим предметам. Я читала всю школьную программу, даже «Войну и мир» целиком осилила... В тот период хотела поступать на филфак, на журналистику, но потом передумала. Мне кажется, вкусы литературе у меня начали формироваться уже в тот период, хотя читать что-то дополнительно я просто не успевала. В школьной программе, насколько помню, мне более всего был близок мрачный Достоевский, его «Униженные и оскорблённые», «Котлован» Платонова произвёл впечатление именно с формальной точки зрения — язык, символика! Чистый реализм в искусстве меня не привлекал уже тогда. Ну и стихи Маяковского. Что касается ровесников — я уже родилась в нечитающем поколении. Школьную программу все постигали в кратком изложении, а это, я считаю, издевательство над произведением! Хотя помню один случай — была у меня в гостях компания друзей, и один мальчик увидел у моей мамы на полке Шопенгауэра и попросил дать почитать. Я это на всю жизнь запомнила! Ну что там школьник поймёт, в Шопенгауэре? Хотя главное, конечно, общая направленность поиска. Но этот мальчик был уникальным, остальных, как правило, мало интересовали подобные вещи. Когда я училась в старших классах, уже повсюду был интернет, сначала в кафе, потом дома по карточкам... Медленный, дорогой, но это занимало людей целиком, все эти аськи, чаты, форумы и прочее. Я тоже активно всем этим пользовалась, конечно, но находила время и на другие, не менее интересные вещи.

По поводу занятий вне школы... Много всего было. Танцами занималась, помню, правда недолго, в младших и средних классах была «актрисой» школьной самодеятельности, мне это всё очень нравилось. Лет с 14-ти начались музыкальные увлечения, как и у всех подростков — это был первый период моей неформальной юности, я тогда слушала русский рок, была фанаткой группы «Мумий тролль», буквально вся комната была обклеена постерами. В старших классах пыталась учиться игре на гитаре, безуспешно, слуха у меня не обнаружилось. Зато где-то лет в 16-ть я начала активно заниматься спортом и продолжаю до сих пор, добилась уже неплохих результатов, хотя, конечно, занимаюсь исключительно для себя, не на соревновательном уровне.

И что же случилось, почему все же возникло желание поступать на социологический факультет? Беседы с мамой, какие-либо книги, участие в полевых работах?

Честно? На тот момент просто я уже окончательно запуталась и не знала, чего хочу. Поступила туда, куда было проще всего — в апреле у меня уже были сертификаты по тестированию, я прошла без проблем на бюджет в Тюменский государственный университет. Мама на меня не давила, просто на тот момент я сама решила, что так будет лучше, думала, может быть, буду потом работать

в сфере рекламы и маркетинга. Понимание того, что такое социология, заинтересованность, желание заниматься именно наукой появились уже во время учёбы, особенно после того, как я перевелась в Москву.

Совсем даже не уникальный случай. Но, получается, что через два-три года у Вас появился интерес к социологии, более того, Вы решили отправиться в незнакомую Москву, иную городскую и культурную атмосферу. Что же и почему внутри Вас произошло?

Да, интерес появился очень скоро, ещё в период обучения в Тюмени. Одним из любимых предметов сразу для меня стала философия, к которой я и сегодня испытываю особый интерес, кажется, даже научилась читать и понимать настоящую философскую литературу. Когда ты только знакомишься с наукой, решающее значение играет преподаватель – способ подачи материала, умение пробудить мысль, научить рассуждать... В ТГУ у меня были отличные учителя – по философии, истории социологии, социологии религии. В течение первых трёх лет эти предметы были для меня самыми увлекательными, хотя для большинства моих сокурсников они были как раз сложными – ввиду требовательности тех самых лучших преподавателей. Меня сразу заинтересовала именно теоретическая социология, концептуальный уровень, так сказать. Прикладные аспекты и количественные методы я изучала, потому что было нужно, особенного трепета при этом не испытывая. Вот и сегодня так получилось, что я преподаю историю и современную теорию социологии, поэтому действительно ощущаю, что занимаюсь своим делом.

Потом случилось событие, которое я считаю ключевым в своей жизни – представился шанс продолжить обучение в Москве, в ведущем вузе страны – Российском государственном гуманитарном университете, причём с переводом сразу с третьего на четвёртый курс, не теряя года. Правда, пришлось сдавать порядка 10–12 предметов в течение полугода из-за разницы в учебных планах, но меня это нисколько не испугало, даже не возникло мысли, что такую возможность можно упустить – просто собрала чемодан и поехала. Мне было страшновато, конечно – всё-таки мамина дочка, отличница, но я понимала, да и мама моя тоже, что это поможет мне обрести самостоятельность и определиться с дальнейшей жизненной стратегией.

Сначала – о Москве? Не было неуютно? Как Вы входили в атмосферу, ритм жизни столицы?

О, неуютно, – это не то слово!! У меня были проблемы с жильём, потому что общежитие мне дали далеко не сразу. Когда я приехала, то сняла койкоместо в комнате с ещё одной девушкой. В этой же квартире жили и хозяева, которые, как водится, не работали и любили приложиться к рюмке. Причём с моей соседкой они жили уже давно, в конечном итоге они меня начали изводить так, что я буквально боялась туда возвращаться. Пришлось съехать, искать другое жильё. Там оказалось ещё хуже, поселили буквально с запойными алкоголиками, я поняла это на второй день и тут же убежала оттуда. В конце концов, меня приютили мамы знакомые, и я пару недель жила у них, а потом мне дали

общежитие. Я человек домашний, люблю комфорт, и те условия были для меня адом, конечно... Мои соседки практически не спали — ложились часа в два ночи, вставали в семь.

Но жизнь в Москве стоила того, чтобы терпеть! Ритм жизни мне давался достаточно легко в виду молодости — я успевала всё, и учиться на отлично, и развлекаться на всю катушку. Театры, музеи и особенно вечеринки московские не давали заскучать. Уставала, конечно, несколько подорвала здоровье, но разве в 20 лет об этом задумываешься? Помню, что очень тосковала по дому, по маме, по друзьям — просто непрерывно... Мама всё время летала ко мне, я к ней ездила — в плацкартном вагоне. Иначе я бы просто не справилась, поддержки там ждать не от кого было. Тем не менее, мне удалось завести в Москве друзей, с которыми мы общаемся до сих пор, очень люблю и ценю этих людей. Вообще в Москве меня сразу привлекла именно возможность знакомства и общения с интересными, яркими людьми — и во время учёбы, и вне её. Провинциальная монотонность ушла в прошлое, в моей жизни за эти 2,5 года произошло столько событий! Я считаю, что становление моей личности в подлинном смысле началось именно с переезда в Москву, и, несмотря на то, что я всё-таки приняла решение вернуться, я вернулась другим человеком, мой стиль жизни и способ мышления изменились навсегда.

В каком году Вы перевелись в РГГУ? Какие яркие события тогда протекали в стране? Студенты, особенно будущие обществоведы, часто остро реагируют на происходящее вокруг них, обсуждают все на своих тусовках. В Ваши студенческие годы подобное было?

Я переехала в Москву в 2005 году. Время интересное, эта пресловутая «путинская стабильность», когда и мы, наконец, узнали, что такое «общество потребления»... Мне, правда, было на тот момент не до участия в дискуссиях о судьбах страны, начался переломный этап в жизни. До 19-ти лет я была оранжевым цветком, от всего меня ограждали, защищали... А потом вдруг начались одно за одним экзистенциальные события — первое расставание, первая смерть, переезд, страх, одиночество и прочие не очень приятные вещи. Середина 2000-х — время субкультурного бума, когда все новые веяния и течения в западной молодёжной культуре очень быстро появлялись и у нас. Ещё до отъезда я стала интересоваться готической субкультурой, но окончательно включилась в неё именно в Москве. Все свободное время я проводила с друзьями, так или иначе связанными с этой средой. Люди в тусовке были очень разные. Встречалась и общалась с арт-богемой, маргинального, конечно, толка... Во многом под их влиянием, а также как результат собственного поиска стали оформляться мои художественные вкусы, возник интерес к особому рода литературе, арту. Ведь готика того периода в своём элитарном, так скажем, проявлении была новой формой декадентства, абсолютно интеллектуальной, эстетской субкультурой, замешанной на положениях экзистенциализма, художественного авангарда, ницшеанства и других интересных вещах. Вот с такими людьми я и вела беседы, в основном, конечно, нонконформистского толка. Протеста не было, скорее эскапизм и упадничество в оболочке эстетического выражения. Помню, даже вечера устраивали литературные, читали стихи, устраивали дискуссии... Были, конечно, там и другие люди, в том числе абсолютно безбашенные фрики, обще-

ние с ними тоже давало пищу для размышления. Неудивительно, что у меня почти не было друзей среди сокурсников, хотя конфликтов у меня ни с кем не было, были приятели, но сблизиться ни с кем не получалось, да и не хотелось. Слишком уж я отличалась, внешняя атрибутика людей несколько шокировала. Тем не менее, учёба мне давалась достаточно легко, мне нравилось. Правда, специализацию я выбрала немного не ту — «социология маркетинга». Всё ещё надеялась, что буду работать для денег, а поэтические и философские изыски останутся для души... Тем не менее, я всё же нашла ту нишу, которая стала мне интересна — это молодёжная культура. С первого года обучения в Москве все свои курсовые работы, затем диплом и, наконец, диссертацию я посвятила субкультурной проблематике. Я знала эту среду изнутри, поэтому этнографическими методами, включённо, я исследовала её сущность, состав, динамику... На тот момент ещё никто не знал о том, что из себя представляет эта «dark-культура», конгломерат субкультур, объединённый общей мрачной эстетикой. В обществе, как водится, начались моральные паники, активно муссировались страшные истории вроде «готы съели эмо», «готы-сатанисты занимаются сексом на надгробиях» и прочая ересь. Даже на законодательном уровне испугались — пытались продвинуть законопроект о запрете субкультурной атрибутики в учебных заведениях. Помню забавные митинги неформалов с транспарантами... При этом дискурс был исключительно запретительного толка — всё, что выбивается из общего культурного плана, необходимо принудительно лечить. Такая фукоистская карательная психиатрия, знаете ли... И мало кто понимал, что подталкивало молодёжь в стабильном обществе уходить во весь этот мрак, в чём причина такого безысходного эскапистского протеста. А я хотела понять, что движет не только мной, но и теми, кто меня окружал. И я написала диссертацию.

Я знаю крайне мало о готской субкультуре, она возникла в России после моего отъезда. Пик этого движения уже преодолен или оно набирает силу? Как называлось Ваше диссертационное исследование? Что удалось показать?

Пик был как раз во второй половине 2000-х, когда я и писала свою работу. В 2010-е годы мода на готику в России прошла, эстетика окончательно инкорпорировалась в массовую культуру, а её новыми адептами становились те, кого интересовали, как мы тогда говорили, «музыка и шмотки». Пропала духовная составляющая, искусство, осталась лишь чистая визуализация, поверхностный пласт, маркетинговые стратегии продвижения субкультурной атрибутики и мероприятий задавили окончательно творческое начало. Поэтому людям действительно неординарным стало тесно в рамках этого движения, все пустились в свободное плавание, а с готикой произошли странные мутации. В общем-то, на Западе dark-культура давно уже стала взрослым движением, точнее даже досуговой практикой, на фестивали приедешь — кругом как минимум тридцатилетние. У нас сегодня сохранился костяк движения, но идентичность, в основном, фрагментарная — «взрослые люди собираются на тусовку», плюс, конечно, сохраняются определённое мировоззрение и интересы. Молодёжь сейчас такие вещи мало привлекают, вот и шутим на тему того, что хипстер с кедами за 500 долларов — лицо эпохи. Протестный потенциал в культурной сфере очень низок, даже если имеется в виду эскапистский протест...

Диссертация моя называлась «Молодёжные субкультуры: основания типологизации» и была связана с использованием метода типологического анализа в исследовании сложноорганизованных молодёжных сообществ. Ведь и в массовом сознании, и в научном сообществе, и в органах управления по-прежнему господствует мнение о том, что у представителей той или иной субкультуры больше общего, чем различий. Мне же удалось показать, что субкультурные объединения негомогенны, что происходит существенная трансформация идентичности включённых в такие сообщества молодых людей, меняется само содержание исследуемого феномена. Была разработана многоступенчатая теоретическая типология молодёжных субкультур в России и осуществлена эмпирическая типологизация представителей «dark-культуры» как одного из наиболее популярных на тот период движений.

Моим научным руководителем была Галина Галеевна Татарова – человек огромной харизмы, которого хочется слушать, не отрываясь!.. Мы с Галиной Галеевной в чём-то и по характеру похожи, темпераментные, прямолинейные, во многом бескомпромиссные... Так что иногда сталкивались наши индивидуальности, но всё это было в самом начале, когда её несколько смушил мой готический наряд, да и вся эта тематика. Но затем, когда у меня начало что-то получаться, работа пошла быстро. Галина Галеевна – прекрасный руководитель! Меня восхищает её ум, логика, стремление вникать в мельчайшие детали. Я считаю её своим главным учителем и очень надеюсь, что мы будем работать и далее вместе. А на тот момент главная задача была – использовать все возможности типологического анализа для исследования моей проблемы.

На теоретическом этапе необходимо было, во-первых, уточнить базовые понятия, используемые в исследовании (обнаружилось, что термины «молодёжная субкультура», «молодёжное движение», «неформальное молодёжное объединение» и «молодёжная организация» употребляют в различных значениях и часто путают); во-вторых, нужно было систематизировать тот имеющийся объём типологий молодёжных субкультур, подвергнув их конструктивной критике и выделив важнейшие основания. На финальной стадии я создала собственную априорную типологию. После того, как чётко был определён предмет, была создана двумерная типология на основании двух признаков – целевые установки и гендерная ориентированность представителей субкультур.

Эмпирическая глава была посвящена поиску «типологических синдромов» внутри готического движения. Начала я, однако, с анализа сущности и структуры объекта исследования – «dark-культуры», а точнее пяти основных субкультур, её составляющих (готика, индастриал, фрик-культура, субкультура тёмных стилей металла и J-рок). Интересовал, конечно, и социальный контекст её существования, российская специфика – для этого был проведён массовый опрос молодёжи об отношении к субкультурам в целом и к готике как наиболее узнаваемому типу в рамках «dark-культуры». Было опрошено свыше двух тысяч респондентов – студенты вузов из разных городов. Но главной целью, конечно, была эмпирическая типологизация готического движения. Это исследование носило поисковый характер, т.к. мало что было известно о численности и социально-демографической структуре сообщества – то есть примерно, по наблюдению, я представление имела, но оснований для жёсткого расчёта выборки не было. Поэтому мы выбрали метод онлайн-опроса. Удалось собрать 129 анкет

молодых людей и девушек, идентифицирующих себя с этим сообществом. Типообразующими признаками я определила ценностные установки и эстетические ориентации. В итоге на основании соотнесения двух классификаций была наглядно проиллюстрирована дифференциация сообщества – выявлены шесть групп респондентов, соответствующих базовым типологическим синдромам. Помимо указанного основания типологии, была также рассмотрена специфика нравственных, религиозных, политических установок представителей выделенных типов, творческий потенциал, особенности субкультурной идентичности и формы проявления девиантного поведения. Подобную модель анализа можно применить в исследовании любых негомогенных сообществ – она будет работать, и она может помочь в практике управления, при разработке стратегии молодёжной политики. Ознакомившись с результатами исследования, можно понять, в каком направлении организовывать работу с представителями субкультур, какие методы использовать в процессе социального контроля, воздействия на представителей той или части субкультурной молодёжи, какие группы лучше оставить в покое, а каким – помочь в реализации творческих инициатив. На сегодняшний день, например, власти всё ещё считают, что рэп – это круто, зовут их на различные официальные мероприятия, ещё пошла мода на фолк, что тоже объяснимо современной социально-политической ситуацией. Остальные же субкультурные стили по-прежнему отвергаются в силу сложившихся стереотипов, хотя влияние большинства из них на современную культуру сложно недооценить.

Защита моя прошла на удивление успешно! Дело в том, что в процессе учёбы в аспирантуре я всё же ощущала некоторое «особое» отношение к себе в силу нетрадиционности тематики исследования, да и моего стиля жизни в целом. Но на предзащиту и защиту, конечно, хватило ума переодеться... Отказ от готической атрибутики в повседневной жизни дался мне нелегко, и процесс был довольно длительный. На защите я была одна, проходила она достаточно долго, было очень много вопросов, тема вызвала очень живой интерес со стороны Совета. Тем не менее, я чувствовала себя уверенно, ощущала поддержку – всё-таки, родной вуз, родные стены... Да и мне было не стыдно за проделанную работу. Так что мы с Галиной Галеевной остались довольны тем, как всё прошло. Кроме того, я вышла на защиту на год раньше срока, что давало мне ещё один козырь. Это было в октябре 2010 года, почти сразу после моего 25-летия.

Таня, какие у Вас планы? Нет ли желания, возможности подучиться или пройти стажировку в Европе или США? Какие предметные, методологические области социологии Вас интересуют сейчас?

Начну с ответа на последний вопрос. Сфера моих научных интересов существенно изменилась и расширилась за то время, что прошло после защиты, сейчас меня в большей степени занимают теоретическое социологическое знание и социология культуры. В субкультурной тематике уже давно стало тесно, хочется заниматься исследованием более широких областей культуры. Хотя не могу сказать, что совсем утратила интерес к этой сфере. Недавно, например, написала статью о глобализации и глокализации молодёжных сообществ, также меня заинтересовал набирающий всё большую популярность в России феномен фолк-культуры. На мой взгляд, засилие фолка сегодня весьма симптоматично, ведь это не народная культура как таковая и даже не её часть, а лишь глобально

распространившийся симулякр, демонстрирующий антимодернистские, консервативные тенденции в культуре. И риски включения молодёжи в подобные сообщества тоже очевидны, опять же спасибо методу включённого наблюдения — националистическая пропаганда идёт там рука об руку с «патриотизмом» и «аутентичными культурными практиками». В общем, есть, что поисследовать, думаю продолжить копать в этом направлении.

Но всё же в большей степени я увлечена на сегодняшний день несколько иной проблематикой. Одна из важнейших составляющих моей жизни — это искусство, и в последнее время мне не даёт покоя вопрос — как подобрать нужную оптику, чтоб рассмотреть этот сложный предмет социологически и, в то же время, не удариться в редукционизм, которого в отечественной социологии культуры и так было предостаточно. На мой взгляд, эта сфера должна быть только междисциплинарной, исследуя художественную жизнь современного общества невозможно базироваться на позитивистской или структурно-функциональной методологии. Анкета с вопросами типа «Как часто вы ходите в театр?» не даст сегодня ровным счётом ничего! Ограничивать предметную область социологии искусства функционированием соответствующих институтов, на мой взгляд, непродуктивно. Я пока на стадии накопления материала, читаю много, пытаюсь свести воедино и переосмыслить идеи многих авторов, которые меня вдохновляют. Приоритеты сегодня — это постмодернизм и все разновидности конструкционизма — от его предтечи в виде классической феноменологической социологии до модной акторно-сетевой теории. Также стремлюсь постоянно расширять свои познания в области интересующего предмета — смотрю лекции ведущих искусствоведов в Интернете, читаю специальную литературу, посещаю театры и выставки — конечно, когда бываю в других городах или за границей, в Тюмени моим пристрастиям мало что соответствует.

Я уже достаточно давно читаю курсы истории социологии, современные социологические теории и социологию культуры, и стараюсь сделать их нескучными, постоянно перерабатываю задания для студентов и лекционный материал, открывая новые возможности как для них, так и для себя. Сегодня, как говорится, чтобы стоять на месте, надо очень быстро бежать... С этого года у меня ещё три новых курса, которые я читаю с огромным удовольствием — постмодернистские социальные теории, качественные методы в социологии и социология искусства. Так что можно сказать — в профессиональном отношении я счастливый человек! Занимаюсь тем, что нравится! Значительный интерес для меня представляет качественная методология, которую я и собираюсь применять в работе над докторской диссертацией. Больше всего меня интересуют возможности работы с текстами. Совместно с коллегой сейчас пишем статью об интеграции количественных и качественных методов.

По поводу заграничных стажировок — да, планы есть. Я уже стажировалась в Германии, в прошлом году выступала с докладом на Всемирном социологическом конгрессе в г.Йокогама, Япония. Впервые посетила столько значительное мероприятие, теперь знаю, к чему стоит стремиться! Сейчас подтягиваю язык, для того, чтобы иметь возможность и в дальнейшем претендовать на зарубежные стажировки.

Интервью с Дарьей Владимировной ДИМКЕ

«Исследования — одно из самых интересных занятий на свете»

Димке Д. В. — окончила Иркутский государственный университет, факультет филологии и журналистики (2004 г.), Иркутский государственный политехнический университет, факультет изобразительных искусств (2004), магистр антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (2006). Сотрудник исследовательского центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге с 1 апреля 2013 года по настоящее время.

Основные области научного интереса: История и социология советских педагогических практик, антропология советского детства, антропология городского пространства, антропология науки

Интервью состоялось: февраль 2015-февраль 2016 гг.

В силу разных обстоятельств беседа с Дарьей Димке оказалась одной из последних в серии проведенных мною, начиная с 2005 года, интервью с российскими социологами. Это позволяет, читая рассказанное ею, не только следить за развитием ее биографии, но постоянно соотносить траекторию ее жизни и процесс ее профессионализации с воспоминаниями большой группы (почти 140 человек) отечественных социологов разных поколений.

В развиваемой мною типологии советских/российских поколений социологов Дарья относится к младшему, седьмому, объединяющему тех, чьи годы рождения заключены в интервале 1983-1994. Специфика этой генерации наших коллег — очевидна. Первичная социализация старших из них проходила в СССР периода перестройки, а младших — уже в постсоветской России. Это поколение входило в социологию, когда она была признана в качестве самостоятельной науки, когда в стране складывалось социологическое образование. К этому времени их старшими коллегами было многое сделано в области теоретических, методологических и прикладных исследований.

Интервью с Дарьей Димке – одиннадцатое в серии бесед с представителями седьмого поколения социологов. Среди них есть исследователи с богатым опытом научных разработок и значительным стажем педагогической деятельности, есть – обладатели российских и зарубежных научных степеней. Однако было бы преждевременным говорить о «лице» этой профессиональной когорты; она все же лишь формируется, и скорее всего у нее будет множество лиц.

Для меня седьмое поколение – своего рода «знаковое», оно – последнее, которое входило в науку при жизни наиболее известных социологов первого поколения. Безусловно, лишь немногие молодые, прежде всего – учившиеся в Москве или участвовавшие в крупных социологических форумах, напрямую контактировали с А. Б. Грушиным, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомысловым, И. С. Коном, Ю. А. Левадой, В. А. Ядовым, слушали их лекции. Но все равно, и со временем многие из них это осознают, они были частью «того» сообщества, вышли из «той» атмосферы. Пройдут годы... и как интересно будет их студентам узнать, что их профессор, преподаватель слышал выступления тех, кто создавал российскую социологию. Так устанавливается связь времен, так складывается история науки и научного сообщества.

Дарья Димке мощно одарена общей жизненной энергетикой и особым пониманием мира, непосредственно наблюдаемого и узнаваемого ею из книг мира. Она эффективно все это синтезирует, потому, наверное, легко чувствует себя в разных средах, начиная с двух с отличием законченных одновременно университетов и кончая (на данный момент, не вообще) исследованиями в социологии, антропологии, педагогике. Предметно-объектные аспекты ее исследований весьма многообразны: от мостовых разных городов, до забытой богом Мишелевки в Восточной Сибири. Мне думается, что в анализе этих кейсов Дарья базируется не только на современных социологических и антропологических достижениях, но и на нравственных императивах русской классической литературы. Подобная установка возникла, зародилась в ней еще в ранней юности, вспоминая о своей учительнице, она пишет: «... для того, чтобы подготовить меня к участию в олимпиадах по литературе, моя учительница давала мне читать книги по литературоведению из своей библиотеки. Библиотека у нее была потрясающая. Именно этим путем мне в руки попал трехтомник М. Л. Гаспарова, огромная книга, посвященная анализу русской поэзии серебряного века, Е. Г. Эткинда и много чего еще. Мне хотелось понять, как «сделана “Шинель”» и все остальное (а заодно что и как делают с читателем и друг с другом художественные тексты). Далее она отметила, что на филологическом факультете Иркутского госуниверситета она рассчитывала встретить людей, с которыми сможет все это обсудить. Ей повезло: она встретила их. И это не только слова Дарьи, некоторых из них я знаю. Я знаю, в каком ключе они работают.

Дарье уже многое удалось сделать и в концептуальном, и в прикладном отношении. Мне бы хотелось, чтобы она продолжила свой путь и вывела бы на эту дорогу своих будущих учеников.

Димке Д. В.: «Исследования — одно из самых интересных занятий на свете»

СЕМЬЯ

Знаете ли Вы историю Вашей фамилии — Димке? Кто назвал Вас Дарьей? И вообще, насколько глубоко Вам известна история Вашей семьи?

Я не знаю историю своей фамилии. Думаю, она относится к тем немецким фамилиям, значение которых сейчас трудно прояснить.

Имя для меня выбрала мама. Этот выбор удивил всю нашу семью (которая на тот момент состояла из папы, его родителей и сестры и ее дочери). Дело в том, что наша семья была типично советской. В том смысле, о котором писал Сергей Гандлевский: «Такие социально чуждые друг другу люди могли породниться только благодаря историческому катаклизму». Моя бабушка (польская еврейка из большой достаточно состоятельной львовской семьи) и мой дедушка (одесский немец — плод классического неравного брака из тех, что описывались в приключенческих романах: юная и прекрасная девушка из богатой семьи сбегает с не менее юным и прекрасным слугой) познакомились на лагерной пересылке в Котласе. Им повезло (конечно, помимо удачи им помогло и то, что бабушка была врачом — профессия, ценящаяся везде, в том числе и лагере): на вечное поселение в Сибирь их отправили вместе. Сейчас происходит то, чего я опасалась, начиная отвечать на Ваш простой вопрос: одна нитка тянет за собой другую, и непосредственная угроза окончательно запутаться во всем этом клубке становится очевидной. Постараюсь вернуться к тому, как случилось, что девочку из немецко-еврейской семьи, где имена выбирались, в том числе, и с учетом того, существовал или не существовал немецкий аналог (так, моего дедушку звали Ойген, то есть в русском варианте — Евгений), назвали Дарья.

Семейная версия такова (вся наша семья склонна к рассказыванию историй, которые постоянно и постепенно трансформируются, поэтому вряд ли к этой версии, как и к любой другой, следует относиться серьезно, тем более что моя мама давно умерла, и ее вариант уже недоступен).

Дедушка очень хотел, чтобы меня назвали «Эльза». Но мама, обычно сговорчивая, проявила совершенно нехарактерное упрямство. Никакие просьбы, уговоры и доводы не действовали. («Не кажется ли Вам, Татьяна, — ядовито вопрошал дедушка маму, — что сочетание «Дарья Димке» звучит немного абсурдно?». «Нет, Евгений Карлович», — спокойно отвечала мама). Подозреваю, что недовольство дедушки было связано еще и с тем, что имя Дарья для моего поколения было довольно необычным. Нарочито русским. Впрочем, ничто не мешало дедушке называть меня «Эльза», а тетушке, которой имя Дарья казалось вычурным, — «Маруся».

История моей семьи мне почти не известна. Ни бабушка, ни дедушка не любили вспоминать свою довоенную и доссыльную жизнь, а я предпочитала их об этом не спрашивать. Конечно, кое-что я знаю, но это осколки и обломки, которые не сложить в целое.

Итак, Ваша бабушка по отцовской линии была врачом, кем был дедушка? А что Вы знаете о семье Вашей мамы? Кто по профессии, роду деятельности Ваши родители?

До войны дедушка был студентом математического факультета Одесского университета. После (уже в ссылке) работал учителем в селе. В реалистических романах конца девятнадцатого века можно встретить словосочетание «прислуга за все». Оно означает, что семья недостаточно богата, чтобы нанять несколько слуг, и вынуждена довольствоваться одной женщиной, которая выполняет функции кухарки, посудомойки и горничной. Дедушка был «учителем за все». Он учил математике и черчению, немецкому языку и рисованию. После, когда мой папа перешел в старшую школу, а тетушка поступила в университет, дедушка прошел по конкурсу и получил должность заведующего кафедрой романо-германских языков в Иркутском политехническом университете (позже он станет доцентом, кандидатом наук). Кроме того, дедушка относился к той разновидности людей, которые могут все: собрать из подручных материалов атомную подводную лодку и построить дом, собирать ягоды и выращивать овощи, вырезать надписи на памятниках готическим шрифтом и выстругивать свистульки из ивы, переводить с немецкого, выучить собаку охотиться и научить играть в шахматы кого угодно. В детстве и бабушка, и дедушка казались мне не совсем людьми, поскольку их отношения с окружающим миром (от дома до леса) были какого-то другого уровня, чем у прочих. Мир их слушался (это касалось как каши на плите, которую бабушка всегда варила по вторникам, так и проруби, в которой дедушка зимой ловил рыбу), и они могли договориться с ним о чем угодно.

Про семью мамы я знаю очень мало. Мама приехала в Иркутск из Ульяновска. Возможно, она выбрала этот город потому, что здесь уже училась ее старшая сестра. Поступила на филологический факультет университета, окончила его. Устроилась работать на только что открытую кафедру русского языка как иностранного (в политехническом университете; он нуждался в такой кафедре, поскольку в семидесятых-восемидесятых там училось довольно большое количество иностранцев) и поступила в аспирантуру в Ленинградский государственный университет (она писала диссертацию по лингвистике, посвященную языковым особенностям геологических терминов; как ни странно это звучит, но, кажется, это было увлекательно – мой папа, максимально далекий от науки человек, с большим интересом помогал маме составлять картотеку и мужественно продирался сквозь этимологические словари). Диссертацию дописать мама не успела, она умерла в командировке в Северобайкальске.

Папа окончил Кировоградское летное училище, довольно долго работал штурманом, потом поступил на авиационный факультет и немного преподавал. С мамой они познакомились на танцах, которые каждую неделю устраивали в общежитии политехнического университета, где маме, как молодому сотруднику, дали комнату. Папа попал туда совершенно случайно, общежитие, где жила мама было совсем недалеко от нашего дома. И, кажется, каким-то летним вечером папа просто зашел на звуки музыки.

Где все описываемые Вами события происходили?

В Иркутске.

Теперь вспомним Ваши школьные годы.

В школу меня отдали в шесть лет. Конечно, там было лучше, чем в детском саду (не нужно было, по крайней мере, спать днем), но совсем не так, как я себе представляла. Наша первая учительница имела множество наград и была старым опытным педагогом. Это значило, что к концу третьего класса все ее ученики аккуратным почерком писали диктанты, на зубок знали таблицу умножения и свободно ориентировались в биографии Ленина. Она была хорошей учительницей, мы все – так же, как и многие поколения до нас, – овладели этими навыками. Кроме того, большинство из нас любили читать, смотреть мультики и носиться по окрестным дворам, гаражам и улицам. Когда мы перешли пятый класс, большая часть наших девочек, по самым разным причинам, перешла в другие школы или классы. Так получилось, что на двадцать мальчиков нас осталось всего пять. Нашим классным руководителем стала преподавательница русского языка и литературы, немолодая, невысокая женщина, в которую мы все влюбились за первые десять минут первого урока. Это чувство было для нас совершенно новым, нашу первую учительницу можно было только бояться и уважать. Успеваемость по русскому и литературе невероятно возросла. Кроме того, мы ходили в походы и театры, устраивали общие праздники по поводу и без и, кажется, жили той самой школьной жизнью, которую живописали советские детские фильмы. Екатерина Степановна умерла в начале следующего учебного года. Она иногда болела, но мы не знали, что так серьезно. До этого мы почти не думали, о том, что кто-то, имеющий непосредственное отношение к нам, может умереть. Оказалось, очень даже может.

Как-то к нам в гости пришла наша тетушка (мамина сестра). Она не часто у нас бывала, мы с братом даже немного ее побаивались. Всю свою жизнь она работала в средней школе – сначала учителем, потом завучем. Речь зашла о моей дальнейшей судьбе, и тетушка предложила перевести меня в гуманитарный класс. На следующее утро она позвонила директору нашей школы, с которым была знакома, и вопрос был решен.

Новый класс поначалу казался не самым дружелюбным местом. Одноклассники были людьми умными, но их отношения, на фоне тех, что были у нас, казались мне чересчур взрослыми и сложными. Классной руководителем тоже была учительница русского и литературы. Молодая, красивая и очень холодно смотревшая на меня первые несколько недель (класс учился по особой программе, у них не было учебников литературы, все тексты читали в полном объеме, учительница опасалась, что я не справлюсь). Она оказалась блестящей учительницей, но совсем не такой, как Екатерина Степановна. Екатерину Степановну любили, ее обожали. Программа по литературе очень мне нравилась, учительница и одноклассники через некоторое время смирились с фактом моего существования. «Все не так плохо, – думала я, – когда слишком сильно скучала по прошлому году. Совсем не так плохо».

Кроме литературы, мне нравилась история и МХК¹. Я по-прежнему любила читать все подряд и бегать по гаражам. Время от времени меня записывали в какие-то кружки, но у меня лучше получалось танцевать дома, а не у станка, рисовать фломастерами, а не красками (и драконов, а не какие-то засушенные цветы), а к швейной машинке я предпочитала не подходить вообще. Разве что

¹ Мировая художественная культура – в некоторых школах в начале девяностых годов ввели такой предмет.

кружок мягкой игрушки мне нравился. Совершенно невероятным образом Галине Васильевне удалось научить меня аккуратно шить (это было поистине титаническая задача, поскольку у меня были проблемы с мелкой моторикой и усидчивостью одновременно). Шить игрушки было весело, к тому же мы во время этого процесса все время пели, а петь я очень любила.

К старшим классам школы обнаружилось, что я люблю только три предмета – литературу, немецкий и историю. Зато так сильно, что могу побеждать в олимпиадах по литературе. Моя учительница занималась со мной отдельно и за отстаивание чести школы мне прощали многое (в том числе и пропуск занятий, не говоря о ставших к старшим классам более чем прохладными отношениях со всеми остальными предметами).

И все же старшие классы... какие мысли о будущем?

Свои соображения по поводу моего будущего имели все члены моей семьи, кроме меня. Соображения эти были подчинены разной логике, характер которой определялся личными склонностями каждого. Дедушка хотел, чтобы я поступала на Восточный факультет и занималась языками, бабушка – чтобы попробовала поступить в медицинский, тетушка мечтала о том, что я стану искусствоведом, а брат полагал, что я буду прекрасным учителем. Единственным человеком, который ничего не думал по этому поводу, была я. Мне нравилась этология (случайно прочитанный Конрад Лоренц и Тинберген) и философия (не менее случайно встреченные Камю и Шопенгауэр), история (непреодолимая любовь к Вальтеру Скотту и первой попавшейся популярной литературе в самом широком диапазоне) и книжки по литературоведению. Медицина мне тоже нравилась, но здесь было два равно непреодолимых препятствия: необходимость что-то препарировать и курс химии, который нужно было освоить. Степень вероятности в обоих случаях стремилась к нулю. Я не слишком много времени посвящала размышлениям о будущем, потому что была слишком занята настоящим. Все изменилось сразу и навсегда 30 апреля 1999 года. Дедушка умер. В больнице, куда его отвезла скорая, от второго инфаркта. Нам всем было плохо, и это длилось очень долго. Тот май – мой последний школьный месяц – просто прошел мимо. Я поступила туда, куда меня как победителя областных олимпиад по литературе брали без экзаменов, – на филологический факультет Иркутского государственного университета. Тот самый, который когда-то заканчивала моя мама.

ФАКУЛЬТЕТЫ

Поле филологии – огромно, что Вас, если не сразу, то постепенно, привлекало?

Несколько вещей. Во-первых, то, что, насколько бы огромно поле филологии не было, туда не входили физика, химия и алгебра. Во-вторых, основное, что там нужно было делать (по крайней мере, так мне тогда казалось) – это читать. В-третьих, для того, чтобы подготовить меня к участию в олимпиадах по литературе, моя учительница давала мне читать книги по литературоведению из своей библиотеки. Библиотека у нее была потрясающая. Именно этим путем мне в руки попал трехтомник М. Л. Гаспарова, огромная книга, посвященная анализу русской поэзии серебряного века, Е. Г. Эткинда и много чего еще.

Мне хотелось понять, как «сделана “Шинель”» и все остальное (а заодно что и как делают с читателем и друг с другом² художественные тексты). В-четвертых, я совершенно не понимала, как устроен русский язык, но после книги «Слово о словах» Л. Успенского, жаждала это выяснить. И, наконец, в-пятых, я рассчитывала встретить людей, с которыми я смогу все это обсудить.

Если девушка уже при поступлении на филологический факультет в той или иной мере знает работы Гаспарова, Успенского, Эткинда и стремится все это обсуждать, то ей или очень легко учиться, или безумно сложно. Как оказалось на самом деле? Если Вам удалось понять, как «сделана “Шинель”», пожалуйста, расскажите, как.

Учиться было интересно. Я не очень хорошо понимаю, что имеют в виду, когда говорят «учиться будет сложно». Большое количество работы? Но если тебе что-то нравится, то ты сам себя и обеспечишь этим количеством. Уровень профессионализма преподавателей не всегда соответствует твоим ожиданиям? Но ведь, в сущности, университет – по большей части самообразование с незначительными (хотя и не всегда приятными) препятствиями в виде зачетов, экзаменов и курсовых. Правда, к третьему курсу число интересных преподавателей сократилось, но, во-первых, к этому времени я знала уже не только о том, «как сделана шинель», но и о многом другом, столь же увлекательном: исторических корнях волшебной сказки, структурной лингвистике, фонемном принципе русской орфографии... С обсуждением всех этих захватывающих материй было несколько хуже, но через некоторое время я познакомилась с людьми, которые компенсировали этот недостаток. Правда, большинство из них не имели никакого отношения к филологическому факультету, но это было неважно. К тому же к третьему курсу я обзавелась вторым университетом и тремя работами.

Мне хотелось узнать не только «как сделана «Шинель»», но и как сделана литература, каким образом определенные тексты заставляют читателя чувствовать определенные вещи или наталкивают на определенные мысли. А еще больше мне хотелось узнать, какие вещи из тех, что чувствует читатель современный, совпадали с теми, что чувствовали современники автора. Текст сам по себе интересовал меня больше, чем его восприятие мной. По той простой причине, что мое восприятие было явно обусловлено моим опытом. Но вот как этот текст читали те, для кого он был непосредственно написан, какие мысли вкладывал в него автор, как он работал в то время, когда был создан, – именно на эти вопросы мне хотелось получить ответы. Что касается собственно «Шинели», как раз к этой повести я была в то время достаточно равнодушна. Намного больше мне нравились «Мертвые души», а еще больше – «Господа Головлевы» и «Братья Карамазовы» (впрочем, здесь пора остановиться, поскольку мне слишком многие тексты нравились «намного больше»).

Во второй университет я поступила благодаря моей тетушке. Точнее не благодаря, а для. Тетушка очень хотела, чтобы я стала искусствоведом. Сама тетушка была химиком-ядерщиком, любительницей чтения и, в общем, относилась именно к тому типу женщин, которых принято называть «интеллигентными». Тетушка воспитывала нас. Вместе с бабушкой и дедушкой она была самым важным человеком в нашей с братом жизни. Поэтому, когда она узнала,

---

² Речь идет о литературных текстах как о замкнутой и саморегулирующейся системе: влияниях, отсылках, языковых играх, заимствованиях, взаимодействиях жанровых и стилистических канонов.

что на искусствоведческом отделении факультета изобразительных искусств открыли экстернат, моя судьба была решена. В то время я училась на третьем курсе университета. Предполагалось, что занятия во втором будут проходить по выходным и занимать целый день. Так что теперь мои выходные должны были быть посвящены прекрасному во всем его разнообразии.

Прекрасного, и правда, оказалось много. Помимо тех предметов, которым были посвящены лекции и семинары, прекрасное явило себя в виде моих сокурсников и преподавателей. Сокурсниками, вернее сокурсницами, были дамы за тридцать, сорок и далее. Большая часть из них преподавала в художественных школах в небольших городах и поселках, окружавших Иркутск. Их жизненный и профессиональный опыт наложил отпечаток как на их поведение, так и на их восприятие искусства. Мне было очень интересно с ними, они рассказывали про учеников и жизнь, про краски и погоду, про мужей и любимых художников. Они были увлеченными, усталыми, веселыми и иногда циничными. Они с подозрением относились к разному «авангарду и современному искусству», но у них всегда были с собой пирожки и они всегда подмечали совершенно неожиданные для меня вещи (вроде того, что Христа на французских миниатюрах всегда можно опознать по рубашке в цветочек и что блудного сына, конечно, изображали все, но только Рембрандт выбрал момент его возвращения). Преподаватели тоже обладали собственным родом «прекрасности»: некоторые (точнее, если честно, одна) были просто отличными специалистами с непередаваемо чудесной манерой повествования (если вы представите, что в Эрвина Панофского вселился дух Хармса, вы получите примерно представление об этой манере), некоторые были просто увлечены предметом своего исследования и поэтому им редко удавалось рассказать то, что мы должны были узнать в соответствии с учебным планом, зато уж об их предмете (например, об археологии) мы узнавали все. В общем, я проводила выходные с большой пользой и удовольствием, хотя вряд ли происходящее имело хоть какое-то отношение к высшему образованию.

В свободное от университетов время я занималась работой. Точнее работами. Еще точнее – тремя. Все они были в равной степени увлекательны, чреватые огромным количеством нелепых ситуаций и, кажется, связаны с тем, что принято называть «педагогическая деятельность». Самую большую часть моего времени занимал Тим. Тиму было семь, и он был хорошим человеком. Мы виделись каждый день (кроме выходных, хотя и в выходные иногда тоже). Собственно, наши дни были устроены следующим образом. Я возвращалась из университета, заходила за ним в школу, потом (в зависимости от времени года это занимало разное количество времени) мы шли домой. По дороге мы разговаривали о разных вещах. Иногда Тим поднимал очень сложные для меня темы. Например, однажды, после того, как накануне я познакомила его с адаптированной мной же версией «Божественной комедии» (вообще-то я этого не планировала, просто случайно оставила свою книжку у него в комнате), он спросил меня о том, чем его займут в аду. Дома мы бросали сумки-рюкзаки и начинали готовить обед. К этому занятию мы были не приспособлены практически в равной мере. Поэтому родители Тима оставляли нам пельмени, вареники или что-нибудь такое, что нужно было только разогреть. После обеда мы или делали уроки (он свои, я свои), или шли гулять, или читали вслух. Иногда мы читали то, что выбирал Тим, иногда то, что я, а иногда то, что мне все равно надо было прочитать для семинаров по

зарубежной литературе (так мы освоили древнегреческие мифы, ирландские саги, скандинавский эпос, «Энеиду», «Песнь о Нибелунгах» и «Божественную комедию»). Когда его родители возвращались, я отправлялась домой. Иногда мы проводили вместе и часть лета (если я уезжала вместе с Тимом на дачу). Дача стояла около берега Байкала. Мы купались, ходили в лес и торговали малиной. Вернее, малиной торговал Тим, потому что хотел купить себе игровую приставку, но ни я, ни родители не поддерживали этого начинания. Поэтому Тим собирал на участке малину, и мы вместе отправлялись на дорогу, где местные дети и взрослые продавали продукты сельского досуга проезжающим мимо.

Вторая моя работа занимала один (зато целый) день в неделю (конечно, не считая времени на подготовку) – я читала лекции по зарубежной литературе студентам художественного училища. Я была на третьем курсе университета, и большая часть студентов была старше меня на несколько лет. На моей первой лекции мы со студентами долго искали друг друга, поскольку они не знали, как я выгляжу, а аудиторию нам внезапно поменяли. У меня было три курса, каждый из которых остановился на своем историческом периоде (античность, возрождение, романтизм). Про каждого студента (благодаря подруге, которая учила их два года, а с некоторыми занималась еще на подготовительных курсах) я знала практически все. Так что, в отличие от них, была в выигрышном положении. Эта работа оказалась совершенно чудесной, мне нравилось все – готовиться к лекциям, придумывать семинары, курить в специальной потайной комнате на чердаке. Эта была захватывающая работа, потому что студенты задавали самые неожиданные на свете вопросы. Это была очень смешная работа, потому что я никогда не знала, что они сдадут в качестве эссе (комикс по мотивам «Царя-Эдипа», эскизы к «Щелкунчику», размышления о сходстве Брехта с Пелевиным или набор слов, в который можно вложить любой смысл).

Третьей работой была работа в школе. Пожалуй, она была самой сложной. Потому что в школе нужно было как-то взаимодействовать не только с детьми, но и с разного рода отчетностью и педагогическим составом. И отчетность, и педагогический состав вызывали у меня много вопросов. Боюсь, что я у них вызывала не меньше. Дети вопросов не вызывали, они их задавали. Причем вопросов было великое множество, и они были самыми разнообразными. Самые неожиданные были связаны со школьной программой по литературе. Я сама до сих пор искренне недоумеваю, кому пришло в голову в учебник по литературе для пятого класса вставить отрывок из «Руслана и Людмилы» с прекрасными и загадочными для пытливого десятилетнего ума строчками «падут ревнивые одежды на цареградские ковры», а также как этот человек планировал объяснить их значение любознательным пятиклассникам. Подозреваю, что это был тот же самый человек, который решил украсить жизнь шестиклассников чтением «Бежина луга». Если бы люди одиннадцати лет массово страдали бессонницей, то он бы получил нобелевскую премию за свое открытие. Жаль, что этого человека не было рядом со мной, поэтому мне приходилось выкручиваться самостоятельно. И, конечно, работа в школе не может ограничиться исключительно передачей знаний. То есть ты планировала научить людей правильно писать безударные гласные, однако уже месяца через три ты обнаруживаешь себя, возглавляющую поход пятиклассников за город, через пять – ты в курсе всех их

домашних проблем, через семь – готов убить некоторых из их родителей, а через десять – ты понимаешь, что обучение правописанию, оказывается, связано с такими вещами, как любовь, ответственность, ярость и бессилие.

Чем все это завершилось? Какое образование Вы в конце концов получили? По какой теме (каким темам) вы делали выпускное исследование (выпускные исследования)?

Все это завершилось двумя дипломами. Оба диплома я защитила в один год, оба были связаны с тем, как взрослые работают с детством, какие образы выстраивают, что считают для детей приемлемым, что нет и почему. Первый – филологический – назывался «Смерть как животворящее начало в детской литературе двадцатого века». Меня долгое время мучил вопрос, почему у детских писателей века двадцатого, принадлежащих разным культурам, герои-дети так часто умирают. Причем именно процесс переживания смерти/перехода/воскрешения становится центральным в книгах для детей. И почему этот процесс описывается таким образом, который, как выяснилось уже в процессе исследования, перекликается с определенными фольклорными жанрами. В фокусе дипломного исследования были две повести А. Линдгрэн – «Мио, мой Мио» и «Братья Львиное сердце» и несколько повестей В. Крапивина («Застава на Якорном поле», «Гуси-гуси, га-га-га» и что-то еще).

Тему второго исследования я помню смутно, она была связано с тем, как принято изображать «ужасное» и «страшное» в иллюстрациях к детским книгам. Так что я получила два образования – искусствоведческое и филологическое.

Даша, я провел уже свыше 130 интервью, но подобного у меня не встречалось; два образования – есть, но они были получены скорее последовательно, чем одновременно. Итак, если Вы поступили в университет в 1999 году, то в 2004 году с двумя высшими образованиями перед Вами стояла непростая задача: что дальше? Как Вы ее решали, как решили?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно вернуться на пять лет назад и написать о моем знакомстве с Михаилом Яковлевичем Рожанским. Я познакомилась с ним в старших классах, он вел у нас тренинги по философии. Ни до, ни после я не видела настоящего философа. Такого, для которого философия была бы образом повседневного существования, такого, которой мог показать, что значит думать и как это делать. То, что он показал нам, было, как я поняла после, совершенно сократическим способом мысли и диалога. Тем летом, когда умер дедушка и я поступила в университет, Михаил Яковлевич предложил мне работу. Работа казалась (и оказалась) невероятно увлекательной. Я стала гувернанткой его сына – прекрасного человека семилетнего возраста. Мы чудесно проводили вместе большую часть дня и года. И, конечно, мы очень тесно общались с Михаилом Яковлевичем. В 2002 году Михаил Яковлевич (под эгидой питерского ЦНСИИ) создал в Иркутске Центр Независимых Социальных Исследований и Образования (ЦНСИО). Он рассказывал о его работе, о тех исследовательских проектах, которые там появлялись. И в один прекрасный день предложил мне написать небольшую статью для сборника «Байкальская Сибирь. Фрагменты социокультурной карты». Статью мы написали вдвоем с моей под-

ругой Екатериной Боярских. Она называлась «Иркутские граффити. Война на стенах». Конечно, это была никакая не статья, а просто небольшое эссе. Писать оказалось страшно увлекательно.

Летом иркутский и питерский центры начали проект по изучению российско-монгольского пограничья. Основным полем стала Кяхта. Я приехала туда вместе с Тимом, но успевала участвовать в некоторых семинарах, общаться с питерскими коллегами и чудно проводить время. Питерские коллеги совершенно поразили меня следующим: я никогда не видела людей, настолько увлеченных своей работой. Кроме того, я никогда не видела, как люди работают в поле. Большинство из них закончили Европейский университет в Санкт-Петербурге. Кажется, Олег Паченков рассказал мне про факультет антропологии и посоветовал попробовать туда поступить. Я попробовала. И поступила.

Расскажите о годах учебы в ЕУ. Кто вам читал лекции? Какую тему, какое направление исследований Вы выбрали? Кто был Вашим консультантом?

На факультете антропологии было три направления – антропология, социолингвистика и фольклористика. Когда я поступала, то знала только две вещи. Первая – я хочу заниматься антропологией (то есть тем, что я тогда представляла под этим словом, представление мое было небогато, поскольку выросло из трех книг – «Взросление на Самоа» Маргарет Мид, «Хризантема и меч» Рут Бенедикт и трудов Кастанеды). Вторая – антропологией детства (а вот что я понимала под этим словосочетанием, вспомнить чрезвычайно трудно). На всякий случай я решила прослушать как можно больше курсов. Я выбрала практически все, что предлагали на факультете, исключив только связанные с фольклором, зато взяв несколько курсов на факультетах социологии и истории. Это было хорошее время – год, полностью проведенный в библиотеке, год, за который, благодаря курсам А. К. Байбурина и Ю. Е. Березкина, я прочитала практически всю антропологическую классику, узнала о социолингвистике, благодаря курсам Н. Б. Вахтина и Е. В. Головки, а кроме того, благодаря курсам И. В. Утехина, окончательно укрепила в мнении, что заниматься исследованиями – одно из самых интересных занятий на свете. С темой своего исследования я определилась примерно к середине первого года обучения. Меня интересовало несколько вещей – утопические проекты, практики воспитания в разных обществах, «оттепель» и советские педагогические эксперименты (от коммун Макаренко и Щацкого до «Каравеллы» Крапивина). Предмет исследования, который позволил бы думать обо всех этих вещах сразу и с разных сторон, нашелся довольно быстро – «Коммуна юных фрунзенцев» и «коммунарское движение». Руководить моим исследованием согласился И. В. Утехин. Сейчас я понимаю, что мой выбор был классической иллюстрацией положения, в котором оказываются многие – «достаточно острые зубы, чтобы отгрызть интересный кусок, но недостаточно крепкие, чтобы его прожевать». В тот счастливый момент, когда я придумала тему, я даже не подозревала, насколько увлекательные годы, полные тренировки зубов, ждут меня впереди.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Как дальше развивалась ваша профессиональная жизнь?

По классической схеме: библиотека, интервью, библиотека, архивы, библиотека, мемуары... И так на протяжении нескольких лет. Конечно, с перерывами на другие исследовательские проекты. Было очевидно, что, чтобы понять особенности коммунарского движения, нужно сравнить его с пионерским. Однако исследований, посвященных пионерскому движению, тогда (в начале двухтысячных) было мало. Это касалось не только практик пионерской организации, но и его истории. Другими словами, прежде чем заняться тем, что интересовало меня, мне предстояло выяснить все, что касалось контекста. После того как я сделала это, можно было приступить к сравнению с похожими практиками других обществ. Именно в тот момент я обнаружила, что помимо очевидных сходств с некоторыми пионерскими ритуалами (которые, в свою очередь, принято сравнивать с ритуалами гитлерюгенда), коммунарские практики были практически идентичны тем, что существовали в некоторых кибуцах и коммунистических (например, толстовских) общинах. И ответить на вопрос, каким образом это сходство могло возникнуть и что его объясняет, было гораздо сложнее, чем объяснить сходство пионерской и нацистской систем социализации. Для антропологического исследования, в отличие от социологического, сравнение разных обществ чрезвычайно важно именно в силу того, как в антропологии ставится вопрос и каким образом на него получается ответ. Антрополога интересуют некоторые константы, характерные для человеческих обществ, и антропология верит в существование этих констант. Является ли такой константой «переходный возраст»? Если является, то он должен быть характерен как для современного американского общества, так и для общества Самоа. Другими словами, как для общества простого, так и для общества сложного. Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, антрополог должен отправиться в экспедицию (как это сделала М. Мид, которую, в том числе, интересовал «переходный возраст»). В моем случае, поскольку речь шла о прошлом, — это была экспедиция в библиотеку. Общества, в которых возникали системы, напоминающие коммунарскую, объединяло то, что это были общества (или сообщества), которые пытались воплотить утопический проект. Обществам утопического проекта были присущи особые практики и технологии воспитания, особое отношение к ребенку к детству, которые отличались от характерных для обществ либерального проекта. Кроме того, есть еще один важный момент: то, как действовали члены обществ и сообществ утопического проекта, в корне отличалось как от действий, обычно концептуализируемых через понятие «ритуала», так и от действий, определяемых через понятие «практики». Так что следующий мой шаг был связан с тем, чтобы как-то разобраться с этими действиями — определить и концептуализировать их.

И Вы сделали это шаг? Что получилось? Я не очень хорошо знаю процесс подготовки специалистов в ЕУ: это было движение в сторону магистерской степени или кандидатской?

Магистерскую я защитила в Европейском несколько лет назад, в самом начале исследования. В Европейском нет совета, поэтому выпускники должны сами искать возможности для защиты кандидатских. Для меня это очень сложно,

потому, что я практически не способна собирать справки, переделывать текст под заданный формат и делать еще много всего, что необходимо для защиты кандидатской диссертации. Возможно, когда-нибудь я приобрету эту способность, но пока ничего не получается. Кроме того, очень жалко времени, которого никогда не хватает. Поэтому я предпочитаю просто работать дальше над своими исследованиями.

А до того шага, о котором шла речь выше, было еще несколько лет. Я его сделала. Получилось исследование, которое чрезвычайно трудно защитить как кандидатскую диссертацию по социологии в России. По множеству причин (об одной из которых я писала выше, а на прочих мне не хочется подробно останавливаться). В итоге у меня получилось что-то вроде рукописи книжки о воспитательных технологиях внутри утопических сообществ на примере Коммуны юных фрунзенцев. Я даже название придумала. Вернее, первую его часть мне подсказал после того, как прочел рукопись, мой друг Сергей Шмидт: «Незабываемое будущее: детство внутри утопии». Мне было очень интересно ее писать, не знаю, будет ли так же интересно ее читать.

Антропология детства осталась Вашей главной темой?

Нет, параллельно возникали другие исследовательские сюжеты. Думаю, что условно их можно разделить на три части. Первая связана с антропологией времени. В 2008 году мне предложили поучаствовать в проекте по исследованию бедности на постсоветском пространстве, и я согласилась. По двум совершенно ненаучным причинам. Во-первых, в этом проекте, который шел уже два года, участвовали мои друзья. Во-вторых, моя голова явно нуждалась в переключении. Когда информация собрана (а по моему проекту, связанному с детством и утопией, она была собрана), мне нужно время, чтобы дать мозаике сложиться. Так что летом 2008 года я отправилась в поселок городского типа Мишелевка, который расположен в Восточной Сибири, недалеко от города Усолье-Сибирское.

Теперь, спустя некоторое количество лет, научных статей и художественных текстов, исследовательских и практических проектов, работ и путешествий, я могу с уверенностью сказать: это было самое тяжелое поле в моей жизни. Поселкообразующее предприятие – фарфоровый завод, на котором работала большая часть жителей поселка и который обеспечивал всю инфраструктуру – закрылось еще в начале девяностых годов. Другой работы в поселке не было. Поселок медленно разрушался, но люди продолжали там жить. Я попала в другой мир со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этом мире были иные представления о долге и гигиене, о работе и воспитании детей, о пространстве и времени. Эти представления настолько не совпадали с привычными мне, что способность удивляться пропала почти сразу. Такого мира просто не могло быть, все в нем было перевернуто с ног на голову. Люди, годами сидящие без работы и денег, живущие на пенсии своих родителей, предпочитали не экономить, а сразу тратить полученное в ближайшем магазине на полуфабрикаты, а потом вместе с детьми сидеть на картошке. Молодежь при первой возможности покупала мобильные телефоны, на которые никогда не клали денег. Девочки одного за другим рожали детей, хотя ни у одной из них не было постоянного источника дохода (как не было его у их родителей), а у многих – мужа. Приусадебные участки мало кто обрабатывал, хотя, казалось бы, они могли стать важной частью

дохода семьи. Юноши, которых из-за слабого здоровья не брали в армию, время от времени кончали жизнь самоубийством. Соседи практически не общались друг с другом...

Для того чтобы узнать все это (и многое другое, настолько же неожиданное, но неочевидное), нужно было прожить в поселке достаточно долгое время. Нужно было гулять по улицам и наблюдать за тем, как изменилось пространство поселка, как бабушки конкурируют за место на лавочках с молодыми людьми, как дети захватывают улицы, сквер и все те места, которые когда-то принадлежали взрослым, а сейчас опустели, как люди на улицах едва здороваются друг с другом... Нужно было заходить в магазины и следить за тем, что, когда и как покупают. Нужно было пытаться брать интервью, что получалось далеко не всегда, не потому что люди не хотели разговаривать (хотя и это случалось), но потому что у них просто не получалось рассказать о своей жизни как о связной истории и они могли только отвечать на конкретные вопросы. Иногда нужно было пить чай, в котором плавали мухи, потому что тех, кто нас эти чаем угощал, ничего не смущало и они пили такой же... И много чего нужно было еще.

Одно из ключевых понятий как для антропологов, так и для социологов – сообщество. Мы часто забываем, что то, что собирает сообщество, – это время, общее время. Так вот, все, что мы наблюдали, совершенно недвусмысленно свидетельствовало – поселок утратил общий временной ритм, его жители живут в вечном настоящем (потому что утратили навык планирования) и вечном одиночестве (потому что событий, общих для всех – вроде утреннего подъема на работу – нет). Именно поэтому все действия, связанные с планированием времени – экономия денег, планы, касающиеся своей судьбы и судьбы своих детей, – им не удаются (или удаются совершенно особым образом). Они не могут справиться с одной из ипостасей времени, а именно с будущим. Бедность как постоянное состояние определенно оказалась связанной с категорией времени. После того как мы это поняли, оставалось ответить еще на один вопрос, каким образом это получилось? Если очень кратко, то наш ответ сводился к следующему: в Мишелевке время создавалось градообразующим предприятием, работа которого регламентировала повседневность (время подъема и рабочие часы, праздники и будни). Когда оно исчезло, люди остались не просто без средств к существованию, они остались без временного ритма и без навыков, которые позволили им со временем справиться. Совершенно имперская по своей сути советская модель освоения пространства страны и ее ресурсов строилась через создание особого времени сообщества, заданного производством. Что, во всех своих скорбных последствиях, стало очевидно, когда ее механизмы развалились. Эта модель производила не только сырье и ресурсы, она производила особого типа сообщества, которые после ее краха превратились в янтарные капсулы вечного настоящего.

Вторая часть моих исследовательских сюжетов расположилась где-то в условном пространстве между антропологией памяти и антропологией вещи. Встреча с этими сюжетами произошла при следующих обстоятельствах. Мой друг Виктор Вахштайн, кажется, в 2008 году пригласил нас, меня и Таню Гребенщикову, на летнюю школу, посвященную урбанистике. Школа была междисциплинарной (в ней участвовали социологи, архитекторы, антропологи и дизайнеры) и проходила в Одессе. Пожалуй, из всех школ, в которых я участво-

вала, эта была самой интересной. Возможно, потому, что эта была единственная школа, на которой нужно было писать. Участники должны были выбрать какую-нибудь тему, связанную с городом, и придумать дизайн исследования. Об нашу тему мы буквально споткнулись: нас заинтересовала мостовая и тот тип городского пространства, который это покрытие могло создавать. Кроме того, нас волновал ответ на вопрос, каким образом в советской (и постсоветской) культуре появилось представление о том, что именно мостовая, наряду с черепичными крышами, узкими улицами и старыми церквями, — обязательная часть старого европейского города. Ни одна туристическая брошюра и путеводитель, ни один отчет путешественников и путевой дневник не обходились без упоминания «об узких мощеных улочках». Через некоторое время фраза «узкие мощеные улочки» начала нам сниться. С этим нужно было срочно что-то сделать. Как мы знали по опыту, единственное, что может избавить нас от этого — ответ на вопрос, как это получилось.

Еще один удививший нас факт состоял в том, что именно вокруг мостовой в таких городах, как Львов, Одесса и Калининград, возникали скандалы. Время от времени в городских сообществах и местной прессе вспыхивала паника по поводу того, что старую мостовую продают по совершенно баснословным ценам на Запад, лишая город его памяти и наследия. Каким образом и почему мостовая превратилась в условный маркер европейского пространства, какую память в такой объект можно вписать и почему дорожное покрытие вдруг стало восприниматься как антикварный товар — ответы на эти вопросы требовали решения, которое мы и стали искать.

Начать явно следовало с попытки определения того, в чем состоит специфика мостовой как одного из объектов, который создают пространство «старого города». Если упрощать, то эта специфика сводилась к следующему: мостовую, в отличие, например, от дома, можно было перемещать (разобрать в одном месте и положить в другом); именно этим объяснялись слухи о том, что один город может купить мостовую у другого. Кроме того, мостовая была своего рода универсальным «местом памяти»: в отличие от зданий, она не отсылала ни к какому конкретному периоду истории города, а была знаком «истории» в целом. Не всегда точно известно, где был или не был конкретный исторический персонаж — однако при наличии мостовой вполне достаточно того, что он точно был в этом городе. Причем, поскольку мостовая, благодаря своим материальным свойствам, воспринималась как знак «истории в целом», то события и персонажи могли быть любыми. Мостовая оказалась идеальным предметом для конструирования любой идентичности, связанной с актуальным для конкретного человека или сообщества персонажем, событием или периодом европейской истории. Таким образом, нам предстояло понять, какая память при помощи мостовой актуализируется на постсоветском пространстве сегодня.

Проанализировав огромное количество русских путеводителей, туристических буклетов и отчетов о путешествиях, мы с удивлением обнаружили, что в том случае, если речь идет о европейском городе, мостовая упоминается в обязательном порядке. Другими словами, служит одним из основных маркеров европейского пространства как такового. Само по себе это не удивительно, в большинстве европейских городов мостовая действительно сохранилась и ее тщательно обе-

регают, удивительно было другое: мощение есть не только в европейских городах. При этом в русских материалах, которые были посвящены «восточным» городам, мостовая практически не упоминалась.

Особенность восприятия Европы советским человеком состояла в том, что он не мог сравнить культурно сформированный образ европейского города с собственными впечатлениями о нём. Визуальный образ «европейского города» для большинства советских граждан формировался, главным образом, кинематографом. При этом «Европу» играли, как правило, советские «западные» города – Рига, Вильнюс, Таллинн, Львов. Каждый из этих городов «играл» условное европейское пространство. В данном случае «европейское» означало максимально непохожее на привычное, то есть советское. Одной из важных визуальных доминант в архитектурном облике этих городов была мостовая. Мостовая стала в советском кинематографе одним из основных маркеров «европейского города», а поскольку советский человек не мог сравнить кинематографический образ Европы с Европой реальной, кинематографический образ стал восприниматься как реальный – его нечем было проверить, и ему не с чем было конкурировать. Так мостовая из неперменного кинематографического атрибута превратилась в неперменный атрибут «настоящей» Европы.

Когда у граждан бывшего Советского Союза появилась возможность увидеть Европу, образ Европы у них уже был. Причем этот был образ Европы в целом: они знали, как должен выглядеть европейский город, знали, что они должны там увидеть. Образ Европы, созданный советским кинематографом, стал призмой, через которую начала восприниматься Европа как таковая. Когда туристы в своих отчетах пишут о том, что Львов – это «настоящая Европа», потому что там есть «узкие мощеные улочки», они меняют местами причину и следствие. Львов – это «настоящая Европа» именно потому, что советский кинематограф когда-то был вынужден конструировать эту «настоящую Европу» на львовских (рижских и т. д.) реалиях. Так самый яркий визуальный маркер «инакости», «несоветскости» пространства, необходимый кинематографистам для создания образа Европы, стал восприниматься как обязательный маркер реального европейского пространства.

Третья тема, которая меня заинтересовала, некоторым образом пересекалась с моим интересом к утопии и утопическому мышлению. Миша Соколов в рамках своего проекта по изучению российской социологии предложил мне написать статью об особенностях советского социологического наследия. Когда я начала заниматься этой темой, то обнаружила следующий парадокс: в российском социологическом сообществе (по крайней мере, в некоторой его части) существует культ советских социологов и огромный интерес к их биографиям, однако этот интерес практически не распространяется на их научное наследие. Получалось, что у нас есть классики (то есть герои), но нет классиков (то есть текстов). Каким образом это получилось, чем была социология для самих советских социологов, в чем они видели ее задачи? Советская социология предлагала совершенно неочевидные (и тем интересные) ответы на эти вопросы. Одним из последствий выбранных ответов стало создание образа социологии, отличного от западного, но вполне объяснимого, если не забывать о том, что шестидеся-

тые (время, когда появилась советская социология) были последним всплеском советского утопического проекта, то есть искренней веры в него некоторой части интеллектуальной элиты.

Интервью – не место для дискуссий, и все же замечу, что «Человек и его работа», «Мир мнений и мнения о мире», «Человек после работы» – безусловная советская классика... по каким угодно критериям.

Меня она тоже очень волнует. И в случае «Человека и его работы» Вы правы, однако позволю себе привести следующий статический аргумент: современное цитирование работ трех признанных классиков советской социологии – Т. И. Заславской, Г. В. Осипова и В. А. Ядова. Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) практически не содержит публикаций, вышедших ранее 2004 года, так что распределение ссылок указывает на то, какие тексты советских социологов находятся в поле зрения их современных коллег³. Вот таблица, в которой приводится распределение цитируемых текстов по пятилетним периодам.

Распределение цитируемых в РИНЦ книг и статей классиков советской социологии по 5-летним периодам

	До 1969	1970–1974	1975–1979	1980–1984	1985–1989	1990–1994	1995–1999	2000–2004	После 2005
Заславская Т. И.	8	9	6	17	23	69	81	140	58
Осипов Г. В.	14	0	19	0	2	23	73	91	70
Ядов В. А.	40	6	9	13	3	30	59	78	47

Как видите, более двух третей всех цитирований приходится на тексты, опубликованные после 1995 года, при этом более половины всех ссылок – это ссылки на статьи и тексты докладов, а не на книги. Этот паттерн цитирования разительно отличается от того, который мы наблюдаем в зарубежной социологической классике двадцатого века. Там подавляющее большинство цитирований приходится на книгу (реже – статью), в которой автор впервые более или менее полно излагает свою теоретическую концепцию. Как правило, эта книга или статья пишется в начале академической карьеры, а вся дальнейшая работа рассматривается просто как комментарий к ней. Так, например, большинство социологов вряд ли смогут назвать хотя бы один текст П. Бергера и Т. Лукмана, кроме «Социального конструирования реальности», вышедшего, когда им обоим не исполнилось еще и сорока.

В случае советских классиков – за единственным исключением В. А. Ядова – их ранние работы были просто забыты. В центре внимания сегодня находятся не тексты, в которых они впервые очертили контуры какой-то концепции, или тексты, которые представляют собой образцы исследований, а актуаль-

³ Основной проблемой при таком подсчете становятся дополненные и исправленные переиздания – должны ли они учитываться под тем годом, под которым вышли в нынешнем виде, или под тем, под которым книга появилась впервые? Является ли «Человек и его работа» 1967 года и «Человек и его работа в СССР и после» 2003 года одной и той же или разными книгами? В этой таблице они считаются разными книгами. При этом надо иметь в виду то, что единственными переиздававшимися книгами трех рассматриваемых авторов помимо учебных и справочных являются «Человек и его работа» и старые работы Т.И. Заславской, вошедшие в трехтомник 2007 года. Переиздававшаяся учебная и справочная литература («Социологические исследования» В.А. Ядова, «Социологический словарь» Г.В. Осипова) дали лишь очень небольшую долю ссылок (около пяти процентов в случае В.А. Ядова, около десяти процентов в случае Г.В. Осипова).

ные комментарии к современному состоянию социологии и общества. Период «полужизни» публикации любого крупного российского социолога (стандартная мера в библиометрии, характеризующая период, в который текст собирает половину цитирований), судя по всему, составляет около пяти лет⁴. Исключениями являются «Человек и его работа» А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова и В. П. Рожина, а также последующие работы В.А. Ядова и его коллег по трудовой мотивации, которые продолжают активно цитироваться сегодня. Отметим, что тридцать пять ссылок из приходящихся на 2000–2005 годы являются ссылками на «Человека и его работу в СССР и после». За этим исключением советская социология не оставила ничего, хотя бы отдаленно напоминающего классику.

Какие еще проекты у Вас были?

Проектов было много. Я расскажу об одном из последних. Этот проект, который длится до сих пор, отличался от всех прочих в первую очередь тем, что был прикладным. В этот проект, идея которого принадлежала Олегу Хархордину, меня позвал Лев Шилов. Суть его состояла в следующем – опробовать новую форму участия горожан в распределении муниципального бюджета. Если демократические формы гражданского участия плохо работают, можно посмотреть, как будут работать формы альтернативной политической традиции – республиканской. Часть средств муниципального бюджета должна была распределить комиссия, состоящая из граждан, отобранных по жребию (по модели суда присяжных). Они должны были познакомиться с основами муниципального управления, получить консультации у чиновников и приглашенных экспертов, а затем прийти к общему решению, как и на что они хотят потратить выделенные средства.

Тогда, в 2012, году никакого проекта еще не было. Только смутное желание: делают же где-то такие отличные вещи, почему бы нам не попробовать. И мы стали пробовать: пытаться понять, каким мэрам мы можем это предложить, как отобрать те города, которые будут участвовать в пилотном эксперименте, какая партиципаторная модель подойдет для России. Для нас это стало таким же новым опытом, как и для всех участников проекта – чиновников, горожан, представителей НКО и депутатов. И, конечно, все этого бы не случилось без участия Фонда Алексея Кудрина по поддержке гражданских инициатив, мэрий Череповца, Соснового Бора (Ленинградская область) и нескольких муниципалитетов Кировской области. Не то чтобы, начиная проект, мы не верили в его успех (хотя его провал для нас, по крайней мере, как для ученых, тоже был бы показателен), просто не думали об этом. Мы хотели узнать, будут ли работать некоторые республиканские практики в России, потому что если представительная демократия переживает кризис по всему миру, то нужно найти какие-то новые формы гражданского участия. Если политика теперь воспринимается не просто как игра, но как игра скучная и фальшивая, то, возможно, зрителям самим пора выйти на сцену. Если мы хотим что-то изменить, то, возможно, начинать следует с того, что мы можем здесь и сейчас – в той стране, в которой мы живем, с ее социальными, культурными и институциональными условиями.

---

⁴ Это опровергает возможную альтернативную гипотезу о том, что советские социологи не имели возможности представить свое видение общества в условиях советской цензуры. Если бы цензурные ограничения были решающими, мы могли бы ждать публикаций книг, давно выношенных втайне, в районе 1990 года, когда партийный контроль ослаб. Как мы видим из таблицы, ничего подобного не произошло.

Все попытки сделать что-нибудь совместно, которые мы наблюдали (от собраний собственников жилья до заседаний координационного совета оппозиции), блокировались тем, что наши соотечественники не умеют договариваться друг с другом. Не обвинять и защищаться, не жаловаться и спорить, а именно договариваться. В России практически отсутствует то, что можно называть «публичным языком», который подразумевает диалог.

Партиципаторные формы участия, которые включают в себя взаимодействие между местной властью и гражданами, как мы убедились на собственном опыте, позволяют такой язык выработать. Возможно, это не самый простой и не самый быстрый способ, зато он работает. Когда мэр не боится выделить один процент бюджета, для того чтобы горожане сами решили, как его можно потратить, когда горожане готовы вкладывать свое время и идеи в решение проблем, которые непосредственно их касаются, а чиновники выслушивают их мнение, то можно изменить много важных для всех вещей. Причем сделать это сейчас. Конечно, не только в каждом новом городе, но на каждом заседании бюджетной комиссии мы сталкивались с новыми, совершенно неожиданными для нас трудностями и проблемами. Нам очень повезло, что модератором наших первых бюджетных комиссий стала Таня Гребенщикова, которая с блеском справлялась со своей задачей – сделать так, чтобы двадцать человек разного опыта, разного возраста и с разными идеями смогли договориться не только друг с другом, но и с чиновниками.

Есть ли у Вас интерес к преподаванию? Читаете ли Вы какие-либо спецкурсы?

Я практически не преподаю. Единственное исключение – курс по социальной антропологии в Шанинке. Я благодарна Виктору Вахштайну, который предложил мне его прочесть. Этот курс позволяет мне общаться с разными и чрезвычайно интересными людьми, не считая того, что дает возможность на вполне легитимных основаниях перечитывать любимых авторов. Я не знаю, насколько полезен и интересен этот курс слушателям (хотя очень надеюсь, что хоть на сколько-нибудь), но он точно очень важен для меня.

Интервью с Александрой Владимировной ДМИТРИЕВОЙ

«НИКАКАЯ СМЕНА НИШИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, МЕСТА РАБОТЫ НЕ СМОГУТ МЕНЯ СЕЙЧАС ПЕРЕУБЕДИТЬ В ТОМ, ЧТО Я СОЦИОЛОГ»

Дмитриева А. В. — окончила (2009 г.) кафедру издательского дела, рекламы и редактирования Северо-Западного Института печати (бывший филиал Московского Полиграфического университета); кандидат социологических наук, (2012 г.), преподавала на кафедре рекламы в Университете технологии и дизайна (2009 – 2012), на факультете социологии СПбГУ (2011 - 2014), была научным сотрудником Центра независимых социологических исследований (2012-2014). Социолог-консультант в нескольких российских и зарубежных организациях.

Основные области исследования: потребление наркотиков, социальная структуризация, биографические исследования.

Интервью состоялось: октябрь 2014 г. – январь 2015 г..

Хотя Александра Владимировна Дмитриева, все – в силу ее молодости и высокой расположенности к людям – называют ее Сашей, хорошо, четко пишет, наша с ней беседа получилась очень короткой. Я вижу в этом три причины.

Первая причина: Саша – реактивна, ее переполняет множество планов, она старается работать по многим направлениям. Потому интервью – как взрыв, в нем чувствуется импульсивность моего собеседника.

Вторая причина: время нашего интервью совпало с периодом, когда Саша завершала свою более, чем двухлетнюю деятельность избранного председателя правления Санкт-Петербургской Ассоциации социологов. Ей «доверили» эту должность в конце 2012 года, спустя всего два месяца после защиты ею кандидатской диссертации. Не знаю, есть ли еще в России руководители региональных социологических ассоциации, которым уже после сложения своих полномочий не было и 30 лет.

И третья причина, в профессиональной жизни Саши Дмитриевой наступает новая полоса – расширились география ее научных исследований и спектр профессиональной деятельности. Она закончила участие в московском проекте – «Уличные юристы», в котором документировала взаимодействия социальных работников, юристов и потребителей наркотиков, как правило, живущих на улице. В ближайшие два года Саша будет работать в исследовании по включению/исключению пожилых (грант РНФ), а также продолжать консультировать различные организации по вопросам осуществления проектной деятельности российскими НКО.

Дмитриева А. В. : «Никакая смена ниши деятельности, места работы не смогут меня сейчас переубедить в том, что я социолог»

Вы учились в обычной школе (обычных школах) или в нового типа (языковая школа, гимназия, лицей...)? Как (чем) запомнились Вам школьные годы?

Борис Зусманович, отличный вопрос для начала. Я училась в 4-х школах, все они были в среднем в 10 минутах ходьбы от нашего дома на Манежном переулке, на Чернышевской. Первая – обычная микрорайонная, ничем особо не запомнившаяся и ничем, наверное, не отличавшаяся от других подобных школ. Зато она находилась прямо напротив дома Мурузи, где жил Бродский, и очень многие петербургские фотографии с ним, как раз с этим домашним для меня видом – на Спасо-Преображенский собор, Манежный переулок, с которого начинается улица Пестеля, и как бы напротив моей первой школы (которой, однако, на этих фотографиях никогда не видно). Училась я в этой школе до пятого класса, запомнилось то, что до третьего класса не хотелось совсем ни с кем общаться, а потом все-таки пришлось начать. Социализация у меня происходила довольно-таки медленно и неохотно...

После окончания пятого класса, родители, как мне кажется, решили, что все-таки девочка из интеллигентной семьи должна учиться в школе «лучше». Более того, радикально лучше, начиная с шестого класса я училась в платной частной школе, которая находилась на шестом этаже Дома офицеров, т.е. фактически с другой стороны того же квартала (тогда еще угол Салтыкова-Щедрина и Литейного). Кстати, одна из причин доверия к этой непопулярной тогда форме обучения – директор школы, закончившая философский факультет и, если я не ошибаюсь, как и моя мама, защитившая кандидатский диссер по философии. В течение полутора лет я, можно сказать, «купалась» в обилии интереснейших предметов, не типичных для школьной программы (история философии, мифология, три иностранных языка, история искусств и пр.), и училась общаться с детьми самых разных людей, от мелких банкиров, бандитов до радиоведущих, продавцом недвижимости и т.д. Наверно, с этой школы начали формироваться мои первые представления о социальном разнообразии российского общества. Стоит сказать, что, несмотря на то, что полтора года я все-таки отучилась там, это было довольно дорого, а жили мы достаточно скромно, поэтому общение с детьми из сильно обеспеченных семей было необычным опытом для меня. Тем не менее, мы дружили, а родители моих друзей потом звонили маме и благодарили ее за то, что я «подтягиваю» их интеллектуально. Ни с кем из моих одноклассников из первой и второй школы я не общаюсь, и даже ничего не знаю о том, как сложились их судьбы.

В середине седьмого класса, благодаря «большой удаче», огромной коробке конфет (никогда ее не забуду, учитывая уровень тогдашнего товарного разнообразия) и шикарного букета цветов я попала в школу с углубленным изучением английского языка, которую закончил мой брат. Закономерный вопрос – почему родители не отдали меня туда сразу? Школа эта была бесплатной, но всегда славилась своей элитарностью. Например, я училась в одном классе с сыном глав-

ного на тот момент архитектора города и младшим племянником Гергиева, а мой брат учился с сыном главного художника и в параллельном классе с Милоновым (ха-ха!), а еще в какой-то момент там училась Ксюша Собчак. Все это накладывало специфический отпечаток на учителей, учеников и общую обстановку. Да, кстати, именно в этой школе я осознала существование евреев, в отличие от других классов, в которых я училась раньше, здесь этническая принадлежность была важным отличительным знаком, которым, как правило, гордились (если она была «правильной»). И, когда в 10-м классе, один из моих одноклассников с характерной фамилией произнес сакраментальную фразу: «Дмитриева, что-то у тебя нос какой-то еврейский!», я была счастлива. Но вообще-то просто интеллигентных людей там не очень любили, и у родителей остались очень тяжелые воспоминания о том периоде, когда в этой школе учился мой брат.

Поэтому попала я туда спустя столько лет. Первый школьный день начался с того, что одноклассник попытался смыть мой рюкзак в унитаз, но рюкзак для этого был слишком большим и надежным. Я не стала обижаться и ничего не стала делать в ответ, так вот мы и учились вместе все, как-то более-менее... А потом я стала подростком, от папы узнала кто такой «девиант», и осознала цель этого периода своей жизни как «борьбу с системой» и дело, не законченное моим братом. В 10-м классе меня выгнали с совершенно ужасными оценками практически по всем предметам, «тройки» согласились ставить только взамен на мой уход. Мне не нравилась школьная программа, поэтому в какой-то момент я стала отрицать все, что подавалось нам как правильное и важное. Это имело свои последствия, зато в риторическом жанре я определенно приобрела много навыков. Выгнали меня вместе с подругой, которую отчислили вообще как-то смешно – по причине того, что она пришла на экзамен с директором в футболке с какой-то неприличной надписью. Мы уже тогда были панками, поэтому понять эту тонкую грань между приличным и неприличным, если и могли, то точно не хотели.

После такого блистательного ухода нас согласились принять только в самую-самую обычную школу микрорайона. В ней не было совершенно ничего примечательного, кроме того, что, как мы выяснили позже, в кабинете истории был снят эпохальный порно-фильм «Школьница-2» (между прочим, выяснили мы это, разглядев на обложке видеокассеты знакомую школьную газету на заднем плане). Ну, и в этом классе я, как ни в одном другом тесном сообществе, осознала пропасть, которая существовала уже тогда между нами и нашими одноклассниками. Мы учились в 11-м классе, а они, наши ровесники, в большинстве своем не могли даже связно изложить свою мысль, что уж говорить о письменном жанре... Никто не читал книжек, не слушал музыку, не ходил в театр, не смотрел кино, им вообще ничего не было интересно. При этом пару раз меня не пустили в школу, потому что у меня были слишком старые оборванные джинсы (хотя я думала, что именно так нормальные джинсы и должны выглядеть). С горем пополам я окончила эту школу частично в ней, частично экстерном. Но 11-й класс это уже была совсем не школа, это была тусовка, первая работа, первые тексты, первая любовь...

Саша, нас объединяет и то, что мы росли в одном архитектурно-знаковом пространстве, я долго жил на улице Красной Конницы (теперь – Кавалергардская), мой старший друг, руководитель моей дипломной работы жил в той же парадной,

где и Бродский... О первой любви напишите, будет очень кстати, мы ведь беседуем о Вас, и она – часть Вас... а вот о первой работе и первых текстах – очень даже важно...

Первая любовь настигла меня на лестничной площадке моего дома. В квартире напротив все мое детство жила фармацевт тетя Света, к которой я иногда заходила посидеть на кухне, попить сладкий компотик. Потом тетя Света уехала в Штаты к сыну, а свою квартиру сдала его другу, который только что вернулся из Нью-Йорка. И тут, наверно, можно очень долго рассказывать про то, как я была влюблена в музыкального продюсера лет на десять старше себя, жившего в течение лет семи с другой женщиной, потом еще с одной, практически на расстоянии вытянутой руки... Не могу сказать, что это была безответная или несчастная любовь, это не так. Это было невероятно, я ценила каждый момент, проведенный вместе с ним, постоянно ждала и искала встречи, росла и развивалась за ним. Не будь этой любви, я бы не познакомилась с огромным количеством людей, не полюбила бы до такой степени музыку, не экспериментировала бы так часто, не была бы так восприимчива, не научилась бы смотреть людям в глаза так подолгу, не стала бы тем, кем я стала. У него был чертовски хороший вкус. Спустя много лет я поняла, что для меня это значило практически все, и мне тоже всегда хотелось обладать этим свойством. Мне было чему поучиться у этого человека. Вот так прагматично.

Если говорить о работе, то, пожалуй, стоит начать с того, что я – фанат самодисциплины, гиперответственный трудоголик и немного шиза по этой части. Последние годы я очень плохо сплю, потому что все время думаю о том, успела ли я что-то сделать, успею ли я это сделать завтра, стоит ли что-нибудь переделать, а может все переделать, ну и так и далее. И я бы была в этом абсолютно счастлива, если бы меня никто никогда не отвлекал и не напоминал о том, что нужно хотя бы есть. Хотя, наверно, я преувеличиваю. И точно не всегда была такой.

Когда я искала свою первую работу, мне хотелось заниматься журналистикой, писать музыкальные и кинообзоры, в общем, заниматься, такой около искусствоведческой деятельностью. Я заканчивала 11-й класс, не имея ни одного текста, но с кучей амбиций и заблуждений по поводу собственной оригинальности. И, в принципе, мне везло. В один прекрасный день я написала «рецензию на себя», сравнив себя с сочетанием красного и зеленого цветов, и отправила ее в только что открывшуюся в Петербурге редакцию журнала «Афиша». Меня пригласили на собеседование и там, гордо демонстрируя сумку собственного производства, я предложила взять меня хотя бы не в «штаб». Кстати, если проводить параллели с моей сегодняшней деятельностью, то, возможно, тогда, сидя в кабинете главного редактора, недавно прибывшего из Москвы, я впервые задумалась о том, как соотносится социальный статус человека с тем наркотиком, который он употребляет. В общем, да, мне предложили попробовать написать материал к 300-летию Петербурга. Я его написала, а потом увидела, как его порезали. После этого я писала еще в несколько журналов, но с каждым разом все больше приходила к выводу, что журналистика – все же не моё. В промежутке (в 2003 г.) я поступила в питерский филиал московского Полиграфа на вечернее, потом поступала на факультет социологии (чтобы мама отстала), и провалилась на первом же экзамене, потом во ВГИК. ВГИК меня надломил. Я поняла,

что иногда нужно все-таки более профессионально встраиваться в нормативную реальность, нужно читать то, что нужно отвечать на экзамене, и ни в коем случае нельзя приходить на экзамен в шлепках и с ногтями разного цвета. Но это был отличный опыт, я не сдала только последний экзамен (устную литературу, ну какая могла быть «Гроза?»), и только по собственной дурости. Зато посмотрела «Астенический синдром» Киры Муратовой на большом экране. Это того стоило.

Потом я на улице познакомилась с молодым человеком, который привел меня в документальное кино, в котором я проработала полтора года. И это был бесценный опыт! Не знаю, как это вышло, но почти сходу меня отправили изучать архивы, связанные с революцией 1917 г., потом разрабатывать вместе с режиссером-англичанином сценарий, потом искать экспертов, потом сопровождать съемки, брать интервью, транскрибировать, участвовать в переговорах с французскими продюсерами и т.д. Вероятно, там был проложен мой путь в социологию. Все было прекрасно за исключением «калачакры» — одного из ответвлений буддизма, или как-то так, к которому принуждало начальство. Кино — это всегда очень динамичная работа, а калачакра — медитация, сложно по четыре часа сидеть на месте, чтобы «почувствовать» какой документ должен возникнуть в середине фильма, а потом идти и долго искать его в архивах, основываясь на описаниях, увиденных кем-то в медитативном сне. Ну, правда, такая это была работа, одна из лучших, но всему есть предел. Но чему я за это время только не научилась...

Потом было игровое кино. Я работала директором кастингового агентства, которое искало только профессиональных актеров. За два месяца мы записали тысячу получасовых видео с петербургскими театральными актерами, я похудела на 10 кг, поругалась с режиссером и решила бросить кино.

Мне исполнилось 22 года, и спустя 9 дней умер папа. За день до 40 дней я упала с велосипеда и сломала колено. Год спустя я окончила Институт печати (или «печали», как мы его называли) и поступила в аспирантуру.

Саша, Ваша мама — профессор социологии, а кем был Ваш отец?

Папа был кандидатом экономических наук, сколько я его знала, занимался изучением коренных народов Севера, был президентом благотворительного фонда «Бесконфликтный Север», постоянно ездил в экспедиции далеко-далеко, много общался с шаманами... В молодости работал на телевидении. Всегда мечтал написать сценарий, но так и не написал. Тоже поступал во ВГИК, но по легенде не поступил из-за корявого почерка (папину работу просто не смогли прочитать). Вообще-то, папа приехал из Тюмени, а родился в Свердловске. Долго, очень долго нам говорили, что мы очень похожи, а мой брат называл нас «митьками». Папа был тонким, чувствительным, обаятельным человеком, умел произвести впечатление, любил философствовать. Когда я была маленькой, у нас была традиция по вечерам вместе выходить гулять с собакой и разговаривать о самых разных вещах. Я всегда ждала этой прогулки. Сейчас самое теплое последнее воспоминание о папе — как мы стоим на кухне возле мааленького окошка в стене глубиной 50 сантиметров, курим сигареты, болтаем и наблюдаем за тем, как по железнодорожному мосту идут поезда из Петербурга в Москву. Мне всегда жутко нравилась эта идея, что выезжая из Питера, если папа дома, то можно помахать ему из окна поезда, проезжая мимо его дома.

Кстати, именно папа сто лет тому назад рассказал мне о профессии социального антрополога и, аргументировано утверждая, что это одна из самых перспективных специальностей, объяснил, почему надо бы поступать на соответствующую кафедру. И хоть я не поступила, но дистанцированным уважением к этому делу прониклась навсегда.

Как Вы объясните то, что Вас потянуло в науку, в аспирантуру? «Бегство» от той полубогемной жизни?

Шли годы, нужна была новая форма, короткий жанр перестал удовлетворять, появилось стремление к фундаментализму. Возможно, это объяснение звучит несколько высокомерно, но отчасти оно точно правдивое. Мне хотелось попробовать сделать что-то, что было бы от и до мое, и заняло несколько лет. Авантюра, приключение, испытание с другими действующими лицами и в другой форме – в защите диссертации были все составляющие, которые всегда привлекали меня в жизни и в работе. К постоянным новым знакомствам я привыкла давно, почему не попробовать? К тому же эта идея лежала на поверхности и ничему не противоречила, напротив, я наконец-то могла сделать то, что от меня всегда ожидали, но уже «из» собственного опыта, со своими интересами и взглядом на жизнь.

Будет неправильно не сказать о том, что моя мама – профессор социологии на факультете социологии СПбГУ и, конечно, ей всегда хотелось, чтобы я все-таки пришла в науку. Только мне для того, чтобы осознать, что социология для меня интересна, понадобилось довольно много времени. С другой стороны, я как-то сама доросла до этого решения, и крайне благодарна маме за ее терпение до, а в процессе – за неоценимую поддержку. Кто бы еще смог читать все, что я пишу, да еще по стольку раз, да еще и обсуждать это со мной постоянно!

Да, Саша, Вы рано повзрослели, разные стороны мира узнали на собственном опыте. Куда Вы поступали в аспирантуру, к кому, по какой теме, как шла работа?

В аспирантуру я поступила в 2009 г. на факультет социологии СПбГУ к Владимиру Ивановичу Ильину. Если быть честной, в тот момент все это было довольно странным, на факультете я не училась, социологии не знала, социологов и подавно. Не знаю, как я поступила. Правда. Блат почему-то в моем отношении всегда плохо работал, наверное, потому что мама никогда не умела просить.

Поступала без четких идей, хотя диплом был в итоге про домашнее насилие в социальной рекламе, услышав это и другие биографические детали, прагматичный Владимир Иванович предложил мне ряд тем, среди которых, не поверите, были наркотики. Тут стоит сказать, что для меня социология – это любопытство, все, что вызывает вопрос – мне интересно, а если интересно мне, то, скорее всего, и еще кому-то, потому что должен быть тот, кто открывает закрытые поля. Я взялась за эту тему, потому что уже давно думала о том, почему потребление наркотиков считается настолько «аморальным». Среди моих знакомых была масса потребителей самых разных веществ самых возрастов, все они были успешны, «интуитивная стигматизация» была непонятна, но интересна. С этого и начался мой дивный новый путь в мир наркотиков, который Владимиру Ивановичу, конечно, было сложно контролировать.

Особенно после встречи с Гилинским. Якова Ильича я встретила в первый же год, по совету Владимира Ивановича написала ему письмо и поехала в гости. Ну и началось, наркотики легализовать, заключение упразднить, всех освободить и дать возможность дышать... Так я и живу с тех пор. Радуюсь каждой возможности приехать к ЯИ и НН, и наперед вдохновиться тем, чего нет даже в тех, кто младше 20. Но это вечная песня, для Якова Ильича я спою еще не раз, *be sure*. И вообще, Яков Ильич, конечно, этого не знает, но для меня, не имевшей дедушек, он стал кармическим дедушкой, если бы у меня был выбор...

Если говорить об аспирантуре в целом, то это было не просто, факт. Тема, в итоге она сформулировалась как «Потребление наркотиков в структуризации социальных отношений», многим не нравилась, содержание — тем более. Не было ни одной конференции, на которой меня не спрашивали о том, употребляла ли я с информантами. Меж тем, я изучала то, как потребление наркотиков производит/воспроизводит структуру общества, а общество — потребление наркотиков. Самым важным открытием этих трех лет стала биографическая конференция ESa, на которой я узнала, что все, что я делаю можно рассматривать через призму автобиографии, и в том самый смак. И в этом, кстати, сыграла определенную роль Е.А. Здравомыслова, с которой мы тогда познакомились и о которой она сейчас не вспомнит. С тех пор, да, у меня пошел небольшой переключник на автоэтнографию, мне очень нравится описывать мои приключения в поле. Я сама себя критикую за излишнюю включенность, но зато в этом есть жизнь, я бываю в разных местах и общаюсь с разными людьми, пытаюсь обобщить свой опыт в этом всем.

По итогу работы над диссертацией я пришла к выводу о том, что все взаимно конструируется: государством — проблема и соответствующее своим радикальным представлениям медицинско-правовое поле, потребителями — в зависимости от количества обладаемых ими ресурсов, разнообразные стили жизни и стили потребления. Потом одно накладывается на другое, и в результате получается слепая, недифференцированная политика, отрицающая всякую возможность различения во имя некогда сформулированных представлений о невозможности сосуществования тех, кто употребляет и всех остальных. Соответственно, за несоблюдение выставленной сверху нормы, «отклоняющиеся» должны быть наказаны и, по возможности, максимально дистанцированы и даже исключены из жизни «стабильного» нормативного большинства.

Что касается моего поля. Нет такой этической и социологической возможности, чтобы описать все чувства по этому поводу. Нет ничего лучше, чем разрушать собственные стереотипы и постоянно расширять спектр восприятия жизни. Я знаю, что это непрофессионально, но очень многие информанты стали для меня близкими людьми, которых я люблю и хочу поддерживать.

На предзащите я чувствовала себя маленьким котенком, у которого была пара козырей в рукаве — оппоненты — Гилинский и Мейлахс. Яков Ильич не мог прийти, но написал искрометную рецензию о том, что «Фуко был бы доволен», а Петр пришел и поддержал лично. В процессе было страшно, тучи сгущались, но меня спас Борис Николаевич Миронов, который сказал, что «диссертантка может сама решить, сможет ли она защищаться». Слово Бориса Николаевича вкуче с рецензиями моих дорогих оппонентов решили судьбу моего диссера. Пройдя предзащиту в международный день борьбы с наркотиками, я защища-

лась 11 сентября 2012-го... Это отдельная история, в которой «зеленый змий победил», а я «выбрала науку вместо диссертации», главное — защита состоялась, а два месяца спустя я стала председателем правления Санкт-Петербургской Ассоциации Социологов (СПАС).

Саша, только что Вы перестали быть председателем правления СПАС, Ваши коллеги положительно оценили Вашу деятельность на этом посту. Не могли бы Вы сказать, что удалось Вам сделать на этом посту, что «завещали» Вашему преемнику?

В этом случае я не могу быть оригинальной, всегда сложно самому оценить, что действительно удалось, а что кажется, что удалось, а на самом деле не совсем и т.д.... Вроде удалось сделать достаточно динамичный сайт, распространить знание о СПАС на более широкие интернет-аудитории через создание групп в социальных сетях, удалось поддерживать связь со многими членами СПАС, установить партнерские отношения, как на уровне отдельных людей, так и на уровне институций. Удалось организовать большую конференцию и школу для молодых ученых. Удалось несколько неплохих фуршетов, а Владимир Иванович (Ильин) всегда меня учил, что главное в науке — хороший фуршет, потому что люди вместе едят, пьют, а потом производят научное знание. Я с ним согласна.

Мне бы хотелось думать, что удалось отдать что-то теплое и сердечное, что не так ощутимо, как школа или конференция, но потом, может быть, кто-нибудь вспомнит, каким Дмитриева была душевным президентом — любила выкладывать иронические картинки на сайте и много улыбалась. Например, так.

Мы заканчиваем нашу беседу в момент, когда Вы перебрались в Москву. Вы думаете работать в социологии или меняете сферу, нишу деятельности?

Я пока не перебралась, это со стороны так многим кажется. Просто раньше мне никогда не нравилась Москва, но я часто там бывала. А последний год (2014) я стала ездить в Москву еще чаще, т.к. у меня там возникла работа, в том числе и полевая — проект «Уличные юристы». Это проект, основанный на взаимодействии социальных работников, юристов и потребителей наркотиков, как правило, живущих на улице. Я в нем работала социологом, документирующим кейсы правого/социального сопровождения, которые возникают в результате этих взаимодействий. Проект оказался настолько вдохновляющим, что я вдруг полюбила Москву, узнала ее совсем по-другому.

У меня уже было похожее ощущение, когда я писала диссертацию. В течение всех трех лет я работала с кейсом человека, который в возрасте 20 лет выпал из окна и с тех пор передвигается на коляске (сейчас ему 46). Кроме того, большую часть своей жизни он употреблял и продавал наркотики, которые в его биографии заняли совершенно особое место. Это как раз прекрасный пример двойственного характера структуризации: долгое время он сам виртуозно определял место наркотиков в своей жизни, но в какой-то момент наркотики (а точнее наркополитика) переопределили его место в социальном и физическом пространствах. Последние два года мой самый любимый информант, мой друг отсидживает срок в тюремной больнице, это строгий режим. Но за 3 года, что я документировала этот кейс, мое собственное отношение и способность к принятию самых разных вещей, кардинально изменились. Все начиналось с того, что я привыкала к человеку, не способному самостоятельно передвигаться. Потом к карательной

психиатрии, наказывающей человека за то, что он испытывает боль не от того, что ему отрезали ногу, а от того, что не знает, как теперь на коляске четко вписаться в угол, и поэтому просит отрезать вторую. Потом я восхищалась японскими автобусами с ручным управлением и алгоритмом жизни, придуманным обездвиженным человеком, но основанным на мобильности. И самое главное, этот человек изменил мое восприятие любой реальности, там, где принято демонизировать и ужасаться, я теперь вижу скрытую от большинства повседневность и способы адаптации к самым страшным условиям. Наблюдая за жизнью моих информантов, я пришла к выводу, что лучшее, что я могу для них сделать — видеть их «нормальными», достойными уважениями, такими, какими они хотели бы, чтобы я их видела, без всех этих стигматизирующих статусов, без этой грязи, которая на них постоянно льется. Не испытывать отвращения или жалости, не подчеркивать особенности, а просто относиться к ним, как к друзьям, близким, знакомым, прохожим. Люди, лишенные физических недостатков или болезней, заметных окружающим, зачастую лишены и целой палитры чувств, возникающих на фоне аккумуляции человеческого тепла в процессе даже обычного разговора. Я бы никогда не узнала, как много может быть в сочетании двух слогов «са» и «ша», если бы однажды не услышала их от человека, который был в отчаянии, но очень ждал меня. Я бы никогда не научилась видеть и ценить красоту, если бы не смотрела в глаза одноглазой девушки и не улыбалась бы в ответ на широкую улыбку без передних зубов. Я бы хоть чуточку не хотела стать революционером, если бы не оценила цитирование Джона Рида по памяти, трижды отсидевшим за хранение наркотиков интеллигента. И так далее...

Так вот, возвращаясь к Москве. Там очень интересное поле, в которое я погружалась сначала дистанционно — через переписку с участниками проекта, а потом непосредственно в Москве, в разных частях города, на улице, где сотрудники проекта общаются с потребителями и предлагают им помощь и поддержку, в процессе интервью и фокус-групп. И это целый ворох трагических историй, в которых вообще нет места человеческому отношению ни на каких уровнях взаимодействия, не только с государством, но и на уровне отдельных семей, отношений между детьми родителями, братьями и сестрами, женами и мужьями. Это то, о чем много писали классики на волне моды на глобализацию и общество потребления. Человеческие жизни перемалываются в этой бездушной мясорубке, производящей универсальную для всех нормативность, или оказываются выброшенными как мусор на обочину жизни. В этих выходах в вечернюю окраинную Москву, холодной зимой и в жаркое начало лета, я вновь открыла для себя столько разных чувств, от жуткого страха до прямо сакрального трепета по поводу желания одних людей помогать другим. Людям, которые на твоих глазах последовательно лишаются всего, а потом еще и оказываются за решеткой, очень сложно помочь, потому что система их выталкивает с невероятной силой и изощренностью. Но в этом проекте, каждый человек, который в нем работает, каждый юрист и соцработник, не просто отрабатывают свои профессиональные навыки на таких отчаянных случаях, но отдают такое количество сердечного тепла, что находясь рядом, ты сам неминуемо освобождаешься от любых предрассудков и стремишься действовать, следовать их примеру. Современные герои, молодые, красивые, умные, смелые. Так я полюбила этот город.

Во многом благодаря этому внезапно возникшему чувству, у меня появилась другая работа, которая чуть более тесно связана с Москвой, чем с Петербургом. Ниша деятельности осталась прежняя, просто теперь я «захожу» на социологию с другой стороны. Да и по правде, я надеюсь, что именно сейчас у меня появится возможность дописать книжку, частично собранную из материалов диссертации и тех текстов, которые я написала, работая с «уличными юристами», и в еще одном, более абстрактном, исследовании правоприменительных практик в отношении все той же группы. И уж точно никакая смена ниши деятельности, места работы или еще что-то не смогут меня сейчас переубедить в том, что я таки социолог.

Интервью с Александром Александровичем КОНДАКОВЫМ

«“ЗАПАДНАЯ” АКАДЕМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЦАРИЛА В КЛАССЕ»

Кондаков А. А. — окончил гуманитарный факультет ЛЭТИ (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет им. В. И. Ульянова (Ленина), СПбГЭТУ «ЛЭТИ») (2005 г.) и магистратуру Международного института социологии права в Оньяти (Испания); степень магистра с оценкой Magna cum laude (2011). С 2010 г. — научный сотрудник Центра независимых социологических исследований, с 2013 г. — ассистент профессора в Европейском университете в Санкт-Петербурге, с 2014 г. — заместитель главного редактора Журнала исследований социальной политики (Высшая школа экономики, Москва).

Основные области научного интереса: социология прав человека, социальное гражданство, сексуальность.

Интервью состоялось: сентябрь-ноябрь 2014 г.

Интервью с Александром Александровичем Кондаковым — второе с представителями седьмой когорты советских / российских социологов. К ним относятся те, кто родился в интервале между 1983 и 1994 годами. Социологи шестого поколения (годы рождения — 1971-1982) родились в последние годы развитого социализма, а свою социологическую карьеру начинали на заре перестройки или уже в новой России, а седьмого — знают СССР лишь по учебникам, рассказам взрослых, из фильмов, художественной литературы. Если для всех социологов первых шести поколений прибалтийские, закавказские страны, южные государства, даже Украина и Белорусия — часть большой Родины, то для седьмого — уже при рождении или вскоре после рождения — все это за граница. Они по своему опыту не знают, что такое КПСС и ВЛКСМ, коммунистическая идеология и социалистическое соревнование, что такое «выездные комиссии». Великая отечественная война удалена от них на четыре десятилетия. Это поколение формировалось совсем в ином мире, чем их родители, не говоря о дедушках и бабушках, у них — иные ценности, они говорят на «другом» русском, слушают другую музыку.

Принимая все сказанное, мы должны признать, что их социология с момента усвоения азов этой науки, иная, чем социология, с которой имели дело не только социологи первого и второго поколений, но даже третьего – пятого, иногда – шестого. Наука стала иной и принципы ее преподавания – иные. Седьмое поколение – не представляет, как можно заниматься наукой без компьютера, без использования электронной почты и Интернета. Уверенное знание английского языка, по крайней мере – чтение научной литературы стало обязательным. Представления большинства о Западных европейских странах и США базируются не на романах и фильмах, а на собственных коротких или достаточно продолжительных визитах, участиях в летних студенческих школах и семинарах, в совместных международных проектах.

То, что для старших было невозможным, для них – естественно. И что важно, это стало не в следствии какого-то «скачка», но как итог тренда, который возник в первые постперестроечные годы. Безусловно, студенты, обучающиеся в ведущих университетах Москвы и Петербурга, активнее пользуются плодами данного тренда, учащиеся региональных университетов имеют значительно меньшие возможности. Но многие из них включаются в этот тренд в период магистратуры и аспирантуры.

Так, Евдокия Романова, первый из моих респондентов седьмого поколения, в годы обучения в бакалавриате и специалитете Самарского государственного университета год училась по гранту в Миссури, а магистратуру проходит в одном из университетов Техаса.

Александр Кондаков после окончания гуманитарного факультета в Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете им. В. И. Ульянова (Ленина) и службы в армии стал учиться по магистерской программе в Международном институте социологии права в Бильбао (Испания). В 2011 году подготовленная им магистерская диссертация была защищена с оценкой *Magna cum laude*.

Нет оснований торопиться с выводами и даже гипотезами, но можно допустить, что российская социология уже второго-третьего десятилетий текущего столетия будет делаться российскими специалистами, обладающими домашним и зарубежным образованием.

А. А. Кондаков: «“Западная” академическая культура царила в классе»

Саша, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, Жан Терентьевич Тощенко раскрыл происхождение своего французского имени, Александр Филиппов рассказал, как возникло имя его отца — Фридрих, долгая история вела к имени Будимир Гвидонович Тукумцев, можно продолжить... Вы не пробовали найти корни Вашей фамилии? Это — география, какая-то профессиональная группа. Что вообще Вы знаете об истории родительской семьи?

После распада СССР тема родословных стала очень популярной и, безусловно, коснулась и моей семьи. Моя мама увлеклась поиском корней, восстановлением «фамильного древа». Она подошла к вопросу социологически — стала опрашивать наиболее старших родственников, бабушку и ее сестру. Результат был для нее плачевным. Правда состоит в том, что я происхожу из семьи рабочих. Мои родители, так же, как и их родители, трудились на заводе на разных трудовых специальностях. При этом женщинам чаще доставались офисные должности, хотя мама какое-то время работала и у станка, а мужчинам — работа в цехах. Город, в котором я родился, Соликамск, окружен заводами: металлургическими, горнодобывающими, военными, химическими. Мои родственники трудились и трудятся, прежде всего, там. Как, наверное, следует ожидать, они не вели родословных и ничего не знали уже о своих бабушках и дедушках. Кажется, они все были крестьянами, проживали в окрестных деревнях, а при советской власти были превращены в пролетариат. Но их память о роде ограничивалась лишь живущими, мертвые родственники забывались, поскольку жизнь диктовала фокус памяти на более насущных вопросах. Возможно, они являлись представителями каких-то локальных народов, проживающих на территории Пермской области, ведь каждый из них приехал в город из очень отдаленных, труднодоступных деревень в уральской глуши. Мои бабушки и дедушки — первые городские жители в семье. Но и эта память была стерта. Считается, что никаких локальных народов в Пермской области нет. Единственное, что нам с мамой удалось установить — это то, что бабушке по папиной линии советовали сохранить ее фамилию, Кондакова, и не брать фамилию мужа. Она так и поступила. В этой истории мне кажется любопытным не ее приверженность этой фамилии, а сама возможность осуществить свою волю для молодой женщины в 1940-е годы. Кажется, уже сегодня для многих это становится немыслимым. Так или иначе, я — человек без родословной, не представляющий даже отдаленно, откуда происходит носимая мной фамилия, неспособный прочувствовать весь непреодолимый романтизм древних родословных. Не поймите меня неправильно: я говорю это без какого-либо сожаления.

Саша, о чем речь? Половина россиян повторит Ваши слова применительно к себе. Что из себя представлял Соликамск в годы Вашей первичной социализации? Вы в школу ходили и кончали ее там?

Да, я ходил в школу в Соликамске. Такие периоды, которые маркировали мои переходы от одного института социализации к другому, обычно сопровождались серьезными структурными изменениями в нашем обществе. Я родился в 1983 году, накануне перестройки. В школу пошел в 1990 году, когда СССР разваливался буквально на глазах. Я помню, что это были очень тяжелые моменты для моего окружения. Мало того, что моим родителям перестали давать путевки на Черное море, так еще и из магазинов исчезли немногочисленные продукты, а те, которые все же остались, выдавали порционно. В продаже всегда были только маринованные арбузы в трехлитровых банках – продукт, который с тех пор я больше нигде никогда не видел. Я перешел из обычной средней школы в местную гуманитарную гимназию в 1998 году, когда случился дефолт. На моей семье он никак не отразился, но все же. А в 2000 году, когда российский трон захватывали силовые структуры, я поступил в вуз в Петербурге. Соликамск в то время представлял собой достаточно странную смесь старого купеческого города XVI века, советского индустриального проекта и поля боя для новых постсоветских «бизнесменов». Как и в любом купеческом городе, в Соликамске много церквей, которые купцы строили, чтобы продемонстрировать другим купцам свое финансовое состояние. В советское время они были превращены в разные светские учреждения или, например, одна из них – в пивной завод. Кроме того, в городе проходили бои за власть «новых русских», что осложнялось также расположением одной из важнейших для криминальных структур тюрем в Соликамске – там был и до сих пор остается «Белый лебедь». Меня напрямую это все не касалось, но, скорее всего, каким-то образом повлияло. Сложно сказать. Одно для меня ясно: я помню эти события лучше, чем школьную рутину, о которой не могу сказать ничего особенного.

В какой вуз Вы поступили? Почему в Петербург, а не поближе к дому?

Все это стечение обстоятельств, устройство постсоветского общества, давление сетей – все это результат этих структурных условий. Кажется, было бы логично либо вообще не поступать в вуз, а поискать работу или рабочую специальность, либо поступать в университет в Перми, где предложение, безусловно, достаточно большое, и в то же время к дому, как Вы говорите, поближе. Но пространство физическое не совпадало с пространством социальным в моем случае. Родители не видели в Соликамске того места, где они хотели бы будущего своим детям. Но не в плане города как такового, а в плане перспектив на достойную оплату труда, престиж, статусы. Уехать из Соликамска само по себе означало сделать прорыв, повыситься в социальном плане. Я помню, как соседи и друзья обсуждали, кто и куда отправился учиться или работать, распределяя в строгой иерархии места назначения: этот в Пермь, этот в Москву, а этот вообще больших успехов добился – он теперь живет в Тель-Авиве. Другое обстоятельство – это наличие связи с Петербургом. Как ни странно, в Перми у моей семьи никого не было, ни знакомых, ни родственников. Я не помню ни одного дня, проведенного в Перми, в моем детстве. Зато мой двоюродный брат жил и работал в Петербурге. Он закончил «Корабелку» и устроился инженером еще в советское время в местное конструкторское бюро. Его дочь – моя ровесница. Мы часто бывали у них

и в 80-е, и в 90-е годы, возили оттуда продукты и одежду, которых недоставало в Соликамске, наслаждались городом, а он, как Вы знаете, достоин восхищения, его можно открывать для себя заново всякий раз, когда выходишь на улицу.

Так, оказалось, что в социальном плане, Петербург был для нас ближе Перми или каких-то любых других городов в России и за ее пределами. Логика постсоветского человека была простой: только наличие связей может обеспечить успех какого-либо предприятия, вот и мое поступление в вуз предполагало, что эти связи будут задействованы. Это касается непосредственно каких-то процедур поступления, выбора вуза, но также и более бранных вещей — таких как место проживания на период поступления и прочее, что для человека или семьи, не обладающих финансовыми ресурсами, очень важно и фактически, собственно, определяет вообще начинаем мы или не начинаем какой-то проект. Эти отношения чем-то похожи на описываемые популярным ныне автором Брюно Латуром сетевые связи: определяющим для действий являются струны, натянутые между людьми и имеющие характеристики, не позволяющие действовать иначе.

Поэтому среди вузов, в которые я поступал, были исключительно технические: «Корабелка», «Техноложка», «Политех» и «ЛЭТИ». Это университеты, которые в системе координат моего двоюродного брата и его жены, тоже инженера, считались правильным местом для обучения, где они имели какие-то дружеские отношения. В 2000 году считалось, что нельзя никуда поступить, если заранее не ходишь на подготовительные курсы. По большому счету, эти курсы — это форма стыда, как мне кажется теперь: преподаватели, способствующие поступлению, не готовы были брать деньги в качестве взятки, им было стыдно. Зато можно было устроить либо официальные подготовительные курсы, от которых финансово выигрывали большие группы людей в университете, либо индивидуальные курсы, которые скорее всего приносили доход только конкретному преподавателю. Все лето я был в Петербурге и посещал эти курсы, о которых сумела договориться жена моего двоюродного брата. К сожалению, не нашлось преподавателей математики и литературы — все же для них лето было горячим сезоном. Я немного занимался английским, поскольку преподаватель тоже в основном была занята, но сделала одолжение. И много — историей. Следует сказать, что в «Корабелке» я получил очень низкие баллы по математике, и это закрыло мне дорогу туда, чему я несказанно был рад.

В остальных вузах я делал относительные успехи, хотя конкурс был большой — более 10 человек на место. Тут уже не было математики, что также определяло успех, в ней я ничего не понимал. Я поступал на гуманитарные специальности в технические университеты, еще не понимая, к каким формам маргинализации это обязательно приведет в будущем. Более того, я поступал на специальность, о которой никто в моем окружении не имел никакого представления: связи с общественностью. Я до сих пор не до конца знаю, что это такое. В описании этой специальности меня привлекло одно — там было написано что-то об актерском мастерстве. Конечно, воображение сразу нарисовало передо мной сцену и залы благодарных зрителей, оvation и международное признание. Насколько я знаю, это не имеет никакого отношения к связям с общественностью, но разве воображение зависит от этих глупых ограничений! В общем, я в итоге прошел по конкурсу в «ЛЭТИ» на гуманитарный факультет, где и отучился пять лет. Статистика, методы анализа, социология, политология,

иностранные языки, французская литература — нас обучали всем самым общим гуманитарным предметам и не только. Даже если я и не постиг прелестей связей с общественностью, я по крайней мере что-то вынес оттуда по поводу Бориса Виана и Мишеля Фуко. Да и актерское мастерство оказалось весьма веселым предметом для изучения.

На момент все же вернемся к, по Вашим словам, «школьной рутине». Возможно, в те годы Вы интересовались литературой, думали о писательстве или журналистике, любили театр, кино?

Я рос ребенком телевидения и голливудского киношного ширпотреба. Театр вообще видел лишь изредка, когда мы ездили в Петербург. К сожалению, это чаще всего был Театр комедии, что не может развить никаких особых эстетических чувств. В детстве я воображал себя телеведущим, у меня был собственный телеканал, для которого я составлял программу, я постоянно выходил в эфир. Правда, зрителей у меня не было. Зато ко мне постоянно приезжали звезды — от Аллы Пугачевой до некоего Сергея Минаева, сегодня его вряд ли кто-нибудь вспомнит. Конечно, они не воплощались физически в моих телепроектах, но все же каким-то образом давали интервью и пели. Позже появился видеомагнитофон. Это уже в 90-х. Мы с друзьями разыгрывали на улице основные сюжеты просмотренных фильмов. Я сейчас даже не вспомню их названий — какой-то стандартный набор боевиков с брюс-уиллисами и арнольдами-шварценеггерами. Наиболее популярной игрой была инсценировка телесериала «Спрут» об итальянской мафии. Все это влияло и на внешкольную активность — я был основным массовиком-затейником в младших и старших классах, проводил какие-то конкурсы, КВНы и прочие шоу для одноклассников вместе со своими друзьями, Андреем и Антоном.

А вот литература пришла в мою жизнь значительно позже. В школьные годы я ограничивался официальной программой — и то в том лишь случае, если мне нравилось, о чем там написано. Родители пытались привить любовь к книгам, но все — безуспешно. Как и в каждой советской семье, у нас было огромное количество собраний сочинений, а также подшивки «Нового мира», «Иностранки» и других журналов. На меня они производят впечатление скорее теперь, когда приезжаю к родителям, чем тогда. В 10–11 классе я перешел в другую школу, это была гуманитарная гимназия. Там среда оказалась гораздо более плодотворной для развития литературного вкуса. Кроме того, я, наконец, начал получать пятерки по литературе, мои сочинения как-то особо отмечались учительницей, что подстегивало к литературному творчеству. Ну, а в полной мере книга стала для меня ценностью уже в университете. Теперь она полностью заменила собой телевидение и кино — я не смогу вспомнить, когда я последний раз видел любую телепрограмму, а кино смотрю разве что в кинотеатрах. Когда-то тогда, в школьные годы я также начал писать — конечно, большие, масштабные вещи: романы, трилогии. Но дальше десятой страницы никогда не продвинулся. Было бы любопытно сейчас взглянуть на эти тексты.

Теперь в Вашем движении на гуманитарный факультет «ЛЭТИ» видна логика, а не просто игра случая. В каком году Вы закончили ЛЭТИ и что дальше? Было распределение или сами искали работу?

После окончания университета, в 2005 году, я сразу собрался в аспирантуру, в том же «ЛЭТИ». Там была кафедра политологии и социологии, предметы которой мне казались наиболее близкими моим интересам. У них можно было написать и диссертацию, что я и намеревался сделать. Мы обсуждали тему — кажется, как-то связанную с выборами и политическими процессами в целом — с возможным руководителем, Еленой Витальевной Строговецкой. Я стал узнавать правила поступления в аспирантуру. Однако мне в то же время нужно было начинать работать, потому что поступления от родителей, которые помогали мне финансово на протяжении всего обучения, прекратились. Никакого распределения не существовало, каждый должен был искать работу сам на «открытом» рынке труда. Связи моего двоюродного брата не смогли мне помочь, потому что его профессиональное предложение уже полностью зависело от образования — оно должно было быть техническим, инженерным. Я пробовал найти что-то близкое специальности, связям с общественностью, а также детским мечтам — стажировался на местном НТВ. Но все мои попытки сулили только малооплачиваемые или неоплачиваемые вовсе длительные испытательные сроки, что мне совсем не подходило. Поэтому однажды, повстречавшись лицом к лицу с реальностью, я отправился на работу в магазин розничной торговли видео- и аудиопродукции. Меня определили в отдел «лицензионных» DVD — в то время в даже в крупных сетях можно было официально купить либо дешевую пиратскую подделку, либо то же самое, но в несколько раз дороже от обладателя прав. Работы было много — я находился по 12 часов в магазине, часто брал дополнительные смены, чтобы выходила более-менее приличная месячная зарплата. Так, 5–7 выходных дней в месяц получалось вполне приемлемым соотношением заработка и усталости. В этой торговой сети я проработал более полутора лет, вскоре уже в ее офисе, вплоть до отправки в армию. Диссертации здесь места не нашлось.

... нормально, жизнь испытывала Вас, представляла возможности для ее познания... по собственному опыту знаю, главное — как ими распорядиться... Что Вам дала армия, какой опыт?

Надо, наверное, рассказать еще немного о том, что было до армии, чтобы ответить на этот вопрос. Потому что армия, прежде всего, сделала очевидным то, что уже давно беспокоило. В общем, после окончания университета, как я уже говорил, мне пришлось работать в этом магазине DVD. Мы уже жили вместе с моим партнером, Женей, и у нас появилась кошка, Муся. Мы перемещались периодически из моей коммуналки в его, перетаскивая с собой и кошку. Это давало хоть какое-то ощущение движения, в то время как работа и досуг такого ощущения не давали — первая из-за присущей ей монотонности, а второй — за его отсутствием. Но обманывать себя дольше было бесполезно, поэтому в какой-то момент стало необходимо поменять все более кардинально, чем просто перемещаясь из коммуналки в коммуналку. Так, Женя уехал жить в Испанию и ждал меня там. А я пошел в военкомат за справкой, которую нужно было получить, чтобы подать заявление на загранпаспорт. Это запустило процесс, результатом которого и стала моя двухлетняя служба. Сначала меня попросили купить 500 конвертов, чтобы получить эту самую справку. Я сделал это и справку получил. Но из-за работы не успел вовремя подать документы и в конечном итоге ее действие прошло. Мне кажется, что тогда я еще не осознавал полностью весь тот

кризис, в котором находился. Я еще не понимал тогда, что работа в этом магазине, отсутствие каких-либо перспектив и дорога, ведущая по сути в никуда, — все это может означать конец всяческих детских мечтаний, моих отношений с Женей, прощание с любыми амбициозными планами. Именно армия дала мне четкое представление о том, что самые худшие ожидания материализуются и что необходимо действовать, чтобы сменить направление ветра.

Я опасался просить справку в военкомате во второй раз, но они уже сами позвонили мне на телефон и уведомили о том, что через две недели я должен быть на космодроме «Плесецк». Мои попытки решить как-то эту ситуацию не увенчались успехом — предлагались слишком высокие цены. «Солдатские матери» вообще не понимали моего беспокойства, поскольку решали проблемы солдат-срочников, а я отправлялся служить в качестве офицера — переживания по поводу службы относительно. В «ЛЭТИ» у нас была военно-морская кафедра. Как гуманитарии мы все закончили эти курсы и стали лейтенантами запаса ВМФ по воспитательной работе. Однако призвали меня не на море, а в Космические войска, и не на должность воспитателя, а инженером. Как Вы знаете, мои математические и технические знания далеки от совершенных. Тем не менее, меня определили в войсковую часть, которая занималась запуском настоящей ракеты в космос. Я не участвовал в пуске (который за два года службы все же произошел), и, следовательно, мои скудные знания негодились, но риск быть задействованным оставался. В общем, в марте 2007 года я стал лейтенантом Космических войск.

Почти сразу на космодромегодились другие мои навыки — работа в разных программах на компьютере, причем в основном достаточно простых: Power Point, Word, Photoshop. В итоге благодаря знакомым и хоть каким-то знаниям в области компьютерных программ, я быстро оказался в научно-исследовательском отделе штаба космодрома. Там я занимался версткой буклетов, слайдов, организацией конференций, написанием текстов и прочими делами, которые, в отличие от запуска ракет, были мне по силам. Мне также не приходилось ездить каждый день на поезде в отдаленную войсковую часть в лесу, как мне пришлось бы, если бы я остался на пусковой площадке, поскольку штаб находился в городе. У меня не было солдат-подчиненных, с которыми я познакомился в части и которые не вызывали никаких чувств, кроме жалости до слез: это были маленькие, запуганные люди в одежде на несколько размеров больше подходящей им. Я перебрался в отдельный номер в офицерской гостинице, избавившись от недоброго соседства другого странного офицера, вымогавшего деньги из этих самых солдат. Иными словами, мне удалось создать достаточно непроницаемый пузырь вокруг себя, чтобы наблюдать за происходящим со стороны, хотя оно порой все равно пробивало бреши. Я не хочу драматизировать ситуацию — в конце концов, я действительно не успел испытать всех «прелестей» службы. Но я все равно буду помнить, какие формы принимает власть в армии — это унижение, насилие, эксплуатация, а также в качестве ответа на них — отчаяние, самоубийства, алкоголизм. Мне удалось абстрагироваться, взглянуть на окружающую действительность со стороны, чтобы понять, что унижение и гнет — это свойство не только армейских отношений, но и почти всех тех, в которые я был вовлечен до армии. Просто армия делала их настолько очевидными, что они бросались в глаза. Это включает слабых и корыстных людей, занимающих высокие должности, обман,

бесчестие, безответственность, уродливые формы власти, а самое главное — полное отсутствие рационального смысла происходящего. Все страдание, которое люди, безусловно, испытывают, не имеет никакого эффекта, все брэнно, все не нужно. Вот именно этому научила меня армия — ценить страдание, сопротивляться гнету власти и власти безответственности, но она научила меня этому не благодаря, а вопреки.

Была одна история, которая к армии не относится, хотя и произошла на космодроме «Плесецк». Эта история в особенности произвела на меня впечатление, поэтому я хочу ее рассказать. Я познакомился там с человеком, который хотел жить вечно. Он служил на космодроме, как и я, после университета. Он считал, что вечную жизнь может обеспечить забота о своем здоровье: ответственное отношение к еде, занятия спортом, тренировка выносливости. Так, он был вегетарианцем, подсчитывал достаточное количество калорий в пище, употреблял только здоровую еду. Он не использовал химические средства для мытья — никакого мыла и прочего. Постоянно бегал, плавал. Он задерживал дыхание под водой в бассейне космодрома в попытках все больше и больше времени провести без воздуха. В какой-то момент он задержал дыхание настолько, что уже больше никогда не вышел на поверхность. Его смерть стала для меня метафорой службы в армии, хотя она и не связана напрямую с отношениями внутри офицерского коллектива. Или даже именно поэтому — там все вокруг заражается бесполезностью, бессмысленностью, отчаянием и безысходностью, даже не относящиеся к службе вещи. Как-только человек начинает реализовывать осмысленный план — в данном случае стремление к здоровой и долгой жизни — запускается механизм, который приведет к прямо противоположному результату — отравленной и короткой жизни. Он умер в первый месяц подписания пятилетнего контракта на продолжение службы после двух лет по призыву. А я к тому времени уже паковал чемоданы для поездки в Испанию, получив звание старшего лейтенанта и долгожданное увольнение.

История с Вашим сослуживцем по «Плесецку» — метафора, притча. Испания состоялась или сорвалась? Мне кажется, скорее второе, чем первое.

Уже во время службы я стал готовиться к отъезду. В Бильбао Женя снимал комнату в квартире со студентом из Международного института социологии права. Именно он посоветовал магистерскую программу по социологии, на которую я решил поступать. Используя свободное от службы время, я написал свою первую статью — это был обзор наказаний за гомосексуальные отношения на Руси и в России. Статья была написана и опубликована на английском языке в журнале этого Института. Кроме того, я подготовил документы для поступления, заявку на грант, чтобы как-то оплатить учебу там. Как гражданину страны категории «В» мне дали грант на частичное покрытие платы за обучение и проживание. Студентам из Африки и Латинской Америки покрывали все расходы полностью. Людям из постсоветских стран покрывали половину. А гражданам Евросоюза и США ничего вообще не давали. Мне кажется, это не очень справедливо, поскольку из Африки, например, с нами учились принцы или дочери министров, которые могли бы спокойно оплачивать обучение, а европейцы, наоборот, были из бедных семей. Тем не менее, правила были таковы. Мне,

в частности, пришлось работать, чтобы как-то обеспечить оплату второй половины обучения, кроме того, Женя помогал материально — он к тому времени уже интегрировался в существующий там рынок труда.

Так или иначе, как Вы понимаете, я поступил в Институт: к моменту освобождения из армии я уже был принят на эту магистерскую программу. Я вернулся с космодрома в марте 2009 года, а в сентябре уже начиналась учеба. У меня был билет в один конец Санкт-Петербург—Бильбао, которым я с удовольствием воспользовался! То есть армия научила меня тому, что нужно срочно действовать, чтобы никогда больше в ней не очутиться, не попасть в такую же или подобную ей структуру, иначе все кончено, как в трагической истории моего армейского друга. Думаю, что даже если бы я не поступил в этот институт, я все равно уехал бы, все равно сделал бы что-то, что могло бы вытащить меня из этого топкого болота. Правда, я бы тогда не стал, наверное, социологом, но в тот момент это было неважно. У меня началась новая жизнь, в которой уже не было места никаким магазинам DVD, армии и всему поджидающему за углом прочему. Напротив, в этой новой жизни были добрые и веселые люди, продуктивный интеллектуальный обмен, открытия, самореализация.

Рад тому, что ошибся в ожидании... на фоне Вашего рассказа об армии это все вообще смотрится Рождественской сказкой... Преподавание велось на испанском или английском? Сколько времени Вы там учились? Каким был Ваш major?

Это и была сказка! Само место делало происходящее фантастическим. Факультет, который организовывал обучение на программе, располагался в здании старинного средневекового университета в небольшой баскской деревушке на вершине горы, в Оньяти. Добраться туда было непросто, в самой деревушке почти ничего не происходило, поэтому окружающее как нельзя лучше способствовало учебе. Конечно, на выходные я уезжал в Бильбао или Доности, другой крупный город, находящийся неподалеку. И все же большую часть времени я проводил среди холмов и многовековых стен. Студенческим общежитием служил особняк XIX века с большим количеством общих комнат для учебы и досуга, камином, бильярдом. Здесь же проживал научный директор института, вместе со студентами.

Что касается учебной программы, то Международный институт социологии права — это уникальное учебное заведение. Он международный по многим причинам. Во-первых, все обучающиеся были из совершенно разных стран, со всего мира: Аргентина, Италия, Бангладеш, США, Индонезия, Бразилия, Канада, Польша, Чад и другие. Нас было всего 18 человек. Во-вторых, нам все преподавали исключительно на английском — многие просто не знали испанского, поэтому преподавание на нем было исключено. В-третьих, профессора также были из разных стран. Конечно, из-за языка это были люди в основном из Британии, Канады, США и Австралии. Но также Италии, Испании, Германии, Мексики. В общем совершенно международная команда. Директор приехал руководить из Манчестера. Мы не могли выбирать курсы, которые мы бы хотели прослушать. Дело в том, что преподаватели не находились с нами постоянно — они приезжали на две-три недели, читали свой курс и возвращались в свои университеты. То есть мы полностью погружались в изучаемый предмет на некоторое время интенсива, а затем писали финальное эссе к воскресенью и начинали новый курс в понедель-

ник. Главным предметом была социология права, но все курсы были авторскими, поэтому подход к социально-правовым исследованиям постоянно менялся — от профессора к профессору. Это позволило показать объем и фактуру предмета, многогранность методологии и теории. Кроме того, было несколько дисциплин более общего характера — по количественным и качественным методам, например, по социологическим теориям. Директор вел аспирантский семинар на протяжении всего периода.

В общей сложности я провел около года в Испании. Затем нужно было выйти в поле — осуществить собственное эмпирическое исследование и написать на его основе магистерскую диссертацию. Тут уже не нужно было присутствовать в Оньяти, даже, наоборот, предполагалось, что каждый поедет в собственную страну, чтобы исследовать свою тему, а затем прибудет на защиту, где в мантии и чапелле — традиционном баскском головном уборе — получит сертификат Института и официальный диплом легитимирующего программу Университета Страны Басков. Так оно и вышло. В 2010 я вернулся в Россию полный совершенно новых знаний и впечатлений. В Испании все было по-другому — не просто хорошо или плохо, а иначе. Но теперь и в России все было для меня иначе.

Иначе, это как? Ясно, что не в замке, не в особняке XIX века... Ведь в России Вы в тот момент не работали... какую тему для магистерской диссертации Вы нашли? Какие результаты были получены? Как проходила собственно защита?

Иначе — то есть у меня появилась конкретная цель, появился интерес, перспектива, из которой можно было смотреть на окружающее, я смог выстроить логичную картину происходящего, чего не было прежде, все стало приобретать какой-то смысл. Я теперь знал, что я делаю, чем занимаюсь, от чего зависят мои собственные суждения, как я могу рассматривать складывающиеся обстоятельства, из какой перспективы осмыслять их. Все это мне было раньше неизвестно и потому, пожалуй, вызывало какие-то фрустрации. А теперь — нет!

По возвращении я сразу стал искать работу в социологии. Так я очутился в Центре независимых социологических исследований, параллельно завершая работу над магистерской диссертацией. Она касалась правовых стратегий российских ЛГБТ-организаций. Я проводил анализ решений Конституционного суда, дискуссий вокруг гомосексуальности в Думе, документов активистов, а также составил опросник и попросил экспертов из этих организаций ответить на него. Для анализа всех этих материалов я применил достаточно простую, но инновационную собственную методологию дискурсивного анализа, которая позволяла не только вскрывать смыслы высказываний и суждений, но и отыскивать невысказанные суждения среди произнесенных — то, что спрятано между строк. Для этого анализировался концептуальный аппарат, которым пользовались активисты, то есть та терминология, что применяется ими на уровне здравого смысла или автоматически. Затем термины группировались по устанавливаемому в контексте смыслу. Так, выяснилось, что все существующие на тот момент организации можно разделить на два лагеря, каждый из которых идет к разным целям и разными средствами. Одни — готовы на радикальные меры отстаивания прав, хотя и в рамках существующих правовых институтов, другие — только на использование подспудных тактических методов переговоров в рамках политических институтов, лоббирование. Соответственно, первые ратуют за равенство

и включение гомосексуалов в число равных граждан на общих основаниях. Вторые — за включение в общество на условиях мнимого большинства, за толерантность. Только первые, согласно моим результатам, могут добиться социальных изменений, то есть, например, склонить власть сбросить завесу молчания с вопроса гомосексуальности и вступить в открытую дискуссию на этот счет. Однако эффектом такой дискуссии не обязательно будет какой-то положительный с точки зрения правозащиты результат, что, собственно, и продемонстрировано более поздним развитием событий: вопрос о гомосексуальности спустя несколько лет после моего исследования был поднят на самом высоком уровне и решен правительством в дискриминационном ключе.

Тем временем, я защитил диссертацию: мне были представлены критические комментарии рецензентов, на которые я отвечал, руководитель также направила рецензию — это была Розмари Хантер из Университета Кента, затем я получил вопросы от директора Института, Сола Пичотто. Мы с ним очень плохо ладили, ему не очень нравилась тема моего исследования и слишком сложный теоретический заход, но он на самом деле очень многому меня научил и повлиял на меня. В конечном итоге защита состоялась, а работа была отмечена высокой оценкой — *Magna cum laude*, я получил диплом магистра в 2011 году. Из этого текста позже получились публикации — сама диссертация была опубликована в Институте в Оньяти, поскольку они обязательно публиковали лучшие работы, а вторая — это переработанный текст для журнала *Canadian Journal of Law and Society*. Она вышла совсем недавно, поскольку редакторский цикл работы западных журналов сильно протяжен во времени, к тому же журнал поменял издателя и стал выходить под маркой *Cambridge University Press* как раз в то время, когда моя рукопись лежала у них. Иными словами, я долго ждал всего этого, зато приобрел опыт, который до сих пор мне помогает в профессиональной деятельности. Эти тексты заметили, что меня тоже всегда радовало. Короткие двадцать страниц — продукт долгого труда, в процессе которого ты не знаешь, к каким результатам придешь, что из открытого будет важно опубликовать и заинтересуется ли кто-то еще тем, что у тебя получилось. Однако я увидел, что люди прочитали статью, позитивно высказались на ее счет, делают на нее ссылки в своих работах. Значит, уже не зря работал. Если сами активисты тоже воспользуются результатом моего труда — может, возникнут еще более любопытные эффекты работы социального ученого.

В любом случае, социальные науки вообще, социология права в частности, с тех пор меня сильно увлекли. Кроме того, в Оньяти я познакомился с совершенно нетривиальными текстами, которые прежде мне не доводилось читать. Я, может быть, не вспомню сейчас авторов, но это и не важно. Важно то, что я увидел — можно создавать научные тексты, которые читатель будет с удовольствием прочитывать. То есть в них может найтись место закрученной драматургии, стилистической отточенности, игре воображения, разрушению языковых конвенций, метафоричности, чувственности — целому калейдоскопу тропов и приемов, каждый из которых служит цели наиболее точно сформулировать центральный аргумент в той форме, что поможет читателю вместе с автором добраться до убедительного доказательства тезиса к концу статьи или книги. Я привык к другой науке в России — к набору несвязанных между собой морализаторских суждений или сухому изложению высказываний, представляемых

в качестве «фактов». Оньяти познакомил меня с другим типом научной работы. Но я увидел, что есть место, где такая наука локализуется и в России. Так, ЦНСИ стал мой рабочим пространством.

Очень интересная система магистратуры, действительно, без major. Но какие-либо курсы считались базовыми, основными? По какой отрасли Ваша диссертация? И потом, Вы обучались год, а собственно диссертацию Вы обязаны были сделать за год или ограничения по времени нет? Были ли у Вас курсы по подготовке текстов, эссе? Например, когда я учился в колледже, «брал» “Academic Writing” и “Critical Writing”?

Дело в том, что абсолютно все курсы фокусировались на проблематике социологии права. Не важно, был ли это курс по количественным методам или по социальным теориям в общем и целом — каждый преподаватель уделял внимание месту осмысления именно социально-правовых вопросов в рамках своей темы. Влияет ли гендер судьи на принятые решения — можно узнать об этом, выстроив достаточно простые регрессии. Как мэтры социологии представляли себе место преступности в общей социальной структуре — можно сравнить подходы Дюркгейма и Парсонса по этому вопросу. И так далее. Однако и авторы курса всегда демонстрировали собственное отношение к материалу, а также представляли результаты собственных исследований проблем, схожих с разбираемыми на занятиях. Большая часть преподавателей относилась к тому, что завуалировано называется критическим подходом, а по сути является разными версиями современного марксизма. Так что я впитал, пожалуй, наиболее полно именно это. Судя по тем исследованиям, которые публикуются в самых любопытных международных журналах сегодня, именно ангажированные и неомарксистские работы набирают все больше сторонников, хотя, конечно, им противостоит большая масса достаточно безликих структурно-функционалистских исследований, публикуемых основными дисциплинарными журналами. Все же я рад, что мое образование было скорее сосредоточено на критических теориях.

Каждый курс заканчивался написанием письменной работы. После первого же опыта я понял, что академическая культура, которую мне довелось впитывать до тех пор, кардинальным образом отличается от требований Института. Я не знал, что академическое письмо предполагает достаточно строгую и конвенционально понятную многим другим структуру, всегда подразумевает соблюдение некоторых правил производства и представления текста. Получив первую низкую оценку за финальное эссе по курсу, я об этом узнал! Тем самым начался процесс научения академическому письму через практику — каждое новое эссе по каждому новому курсу давалось мне с большим успехом, я выучивал новые академические нормы и стандарты на своих ошибках. Более того, «западная» академическая культура царила и в классе: постоянные дискуссии, обсуждение прочитанных к занятию статей, горячие споры — обо всем этом мне пришлось узнавать на практике, постепенно включаться в такой тип работы.

То есть формально у нас не было никаких специально организованных курсов по академическому письму или каким-либо особым его жанрам, зато каждые две недели мы все должны были учиться этому самому письму на практике, а каждый день — воспринимать и прочие правила академической коммуникации. Где-то в начале второго семестра большая часть студентов, включая меня, также

участвовали в своей первой крупной конференции — Конгрессе социологов Страны Басков в Бильбао. Все это и было той школой, которая лучше всего работала в моем случае: бросаешь котенка в воду и ждешь, когда тот научится плавать. Единственным исключением были семинары научного директора Института, на которых он систематизировал получаемые на практике знания, включая умение писать и делать презентации, задавать вопросы на конференциях или участвовать в воркшопе. Но нельзя сказать, что эти семинары были частыми и безусловно полезными — к тому времени, когда они начались, мы все написали уже множество эссе, включились в сложнейшие теоретические дискуссии и даже попробовали себя в качестве преподавателей на одном из курсов, вовлекающем студентов в общую работу. Так что это было что-то вроде закрепления пройденного.

Важно сказать, что директор уделял особое внимание способам написания магистерских диссертаций. Он настаивал на определенных рамках, а также пытался помочь в содержательном плане. Однако эта часть его помощи для меня оказалась достаточно бесполезной, зато мы провели некоторое время в ожесточенных академических спорах, в которых к тому времени я поднаторел. За это я безмерно благодарен директору. Так или иначе, диссертация должна была быть защищена в любое время на протяжении последующих трех лет. Подавляющее большинство студентов защитили диссертацию еще в 2010 году, но были и те, кто защищались годом позже или вообще не смогли защититься. Затем начался более сложный процесс легализации работы в Университете Страны Басков, но он проходил фактически без участия с моей стороны и закончился в 2011 году, как и предполагалось. Формальным результатом процесса обучения является степень магистра по социологии права, то есть социология права и является основным предметом, major'ом, таким образом.

Саша, в США и ряде европейских стран магистерская степень, особенно от известных университетов, котируется достаточно высоко. Возможно, я ошибаюсь, когда я уехал из России, у нас движение к магистратуре лишь начиналось, никто не знал, что это за «зверь». Допускаю, что ситуация несколько изменилась в пользу этой степени, но все же, пока в России действует двухстадийная система степеней (кандидатская и докторская), магистерская степень будет недооценена. Предполагаете ли Вы защищать кандидатскую диссертацию или Ph.D.?

С недавних пор в России внедряется трехступенчатая «болонская» система степеней, которая, правда, обзавелась собственными особенностями на нашей почве, как, впрочем, и в других странах Европы. У нас уже отменен специалитет, зато внедрены бакалавриат и магистратура, какое-то странное по форме движение намечается в сторону Ph.D. При этом, насколько я понимаю, докторские степени не отменяются, а кандидатские претерпевают какие-то изменения. В данный момент я нахожусь на втором курсе аспирантуры СПбГУ и постигаю все прелести реформ на собственном опыте, как обычно (то ли реформ у нас слишком много, то ли мне досталось все их испытать на себе). Я надеюсь, что в результате мне удастся защитить обычную кандидатскую диссертацию, но точных данных на этот счет пока у меня нет.

Я в принципе с самого своего возвращения искал возможности аспирантуры и защиты кандидатской, но пришлось достаточно долго одновременно осуществлять и поиски новой темы. Вот, в 2013 году поступил в аспирантуру

на социологический факультет «Большого» университета. Мне, конечно, сравнивать не с чем, но, поговаривают, что система обучения в значительной степени изменилась. На факультете есть занятия по отвлеченным от кандидатских экзаменов темам, предусмотрены другие типы экзаменов, чего не было раньше. Так, последние несколько месяцев я постоянно сдаю какие-то экзамены и зачеты — сначала «переводные» на следующий курс, потом зачетные по широкому разнообразию предметов, наконец — кандидатские минимумы уже сдал все. Остается требование написать три статьи для журналов из списка ВАК — с этим тоже уже разделался почти, нужно лишь сделать правки для последней и вернуть в редакцию. Таким образом, это относительно новая для меня и достаточно необычная работа, в новом культурном академическом контексте, в новой институции, правила которой пока для меня малоизвестны, но постепенно постигаются. Надеюсь, что вместе с научением этим правилами удастся корректировать их, а не себя.

Когда-то я рассматривал и возможности защиты диссертации в других странах, но пока решил это отложить. Мне интересно, что сейчас происходит в России, у меня есть несколько важных для меня жизненных проектов здесь, тут же находятся близкие мне люди, которых я не готов оставить ради PhD. При этом я стараюсь оставаться, прежде всего, международным исследователем — постоянно посещать конференции за границей, семинары, публиковать статьи в иностранных журналах, поддерживать коммуникацию с партнерами в Европе, Латинской Америке, США. Собственно, если честно, мне несколько удобнее и понятнее присутствовать на мероприятиях, которые организованы по знакомым мне стандартам, часто ассоциируемым с западными, чем на локальных научных конференциях — нередко смысл последних остается достаточно туманным, а сам факт проведения конференции (если он вообще имеет место) является самоценным, в отличие от содержания. Это любопытно, похоже на своеобразный ритуал — конечно, далеко не каждая конференция в России такая, но многие.

Что касается именно моей магистерской степени, то она имеет значение в некоторых пространствах и абсолютно игнорируется в других. Это тоже очень любопытно. Скажем, в Центре независимых социологических исследований или даже на собеседовании в Европейском университете в Санкт-Петербурге я чувствовал, что эта степень воспринималась всерьез. В то же время, когда я работал в Институте внешнеэкономических связей, экономики и права или когда я поступал в СПбГУ, степень магистра иностранного вуза полностью игнорировалась — в таких пространствах я считаю себя без этой степени. Собственно, мне лично это не приносит какого-либо существенного дискомфорта, поскольку ценность степени — в содержании обучения, а не в ее формальном признании, однако само по себе интересно с исследовательской точки зрения.

С 2010 года Вы живете в Питере, срок — немалый. Какую тему или какие темы Вы ведете в Центре? Вы связываете с работой по этой теме (этим темам) свое исследовательское будущее, пусть не на очень длительную перспективу?

Я оказался в ЦНСИ в очень удачное время. Как раз к концу 2010 года там оформлялось исследовательское направление по социологии права — «Общество и право». Я пришелся кстати в этой группе. Мы начали достаточно рьяно работать с коллегами, в особенности с Леной Богдановой. Так как исследовательское

направление только формировалось (хотя работа в этой сфере велась в Центре и до его институционализации), мы, прежде всего, принялись писать заявки на исследовательские гранты, а также культивировать продуктивную научную среду. Как минимум одна из таких заявок, направленных прицельно на социально-правовые исследования, была поддержана: мы стали исследовать условия ведения бизнеса иностранцами в России. Были и другие проекты: например, применение Закона о статусе жертв политических репрессий после его реформы или анализ современного миграционного законодательства для петербургского Красного креста.

Кроме того, я включался в проекты коллег из других исследовательских групп. Первым из них был проект по исследованию расходов средств норвежской благотворительной организации в северных регионах России. Они выделяли средства на бесплатные горячие обеды в школах для детей из бедных семей и хотели выяснить, нужна ли этим детям такая помощь, или же государство их обеспечивает тем же самым, а, значит, поддержка из других стран является излишней. Бедность существует еще много в каких местах, поэтому они могли бы улучшить состояние других людей. Как и в случае с моим дипломом, бедным оказалось возможно быть в одних местах и трудоемко — в других. Дома у тебя нет ничего, твои дети не всегда питаются ежедневно, огородное хозяйство невозможно в условиях крайнего севера — ты очевидно беден. Зато в школе для получения горячего обеда в качестве бедного необходима справка, выдача которой осуществлялась в райцентре на несколько месяцев в обмен на набор других не менее замысловатых справок. Путешествие в райцентр для некоторых регионов означало длительный вертолетный перелет, необходимость останавливаться где-то, нести расходы. И все же без этой бумаги, бедным человек не считался и, следовательно, не получал никаких «льгот». Это было сложное исследование в смысле получения эмпирического материала, демонстрирующего какую-то жуткую безысходность в конкретных ее проявлениях.

Я продолжал свой основной проект — исследование гомосексуальности в современной России. Сначала получил на него небольшую стипендию от Фонда Белля благодаря Виктору Воронкову и Анне Темкиной, а затем уже работал на собственном энтузиазме. Последний (энтузиазм) в итоге был реализован в форме двух больших проектов, серии публикаций, курса по квир-теории, многочисленных выступлений и прочая. Это та работа, которая продолжает быть для меня центральной и, наверное, рано или поздно может быть каким-то образом профинансирована. Я собираю биографические интервью с людьми, считающими себя гомосексуалами. Затем к этим интервью задаются разные исследовательские вопросы, связанные с законом, правом, правами, гражданством. В этих историях меня заинтересовал Советский Союз, поскольку его артефакты оказались разбросаны по нарративам моих собеседников в изобилии. Все это и двигает мой исследовательский и человеческий задор.

Доход в основном поступал от других исследовательских проектов. В какой-то момент это стали почти исключительно проекты, связанные с миграционными процессами. Частично эти исследовательские проекты послужили основой для диссертации. Я стараюсь при этом выдерживать единую теоретическую и методологическую рамку, чтобы не изучать новую тему всякий раз, когда берусь за очередное исследование.

Много усилий также ушло на организацию разнообразных мероприятий в ЦНСИ. Группа «Общество и право» несколько лет подряд принимала гостей из разных стран с выступлениями по социально-правовой тематике. У нас побывали действительно важные фигуры в этой области исследований, а теперь я готовлю книгу с их текстами. Большинство из них были моими преподавателями или как-то иначе участвовали в жизни Международного института по социологии права, где я учился до этого. Так что для меня это был важный проект по поддержанию знакомств и связей в профессиональной области. Я вместе с другими коллегами, Женей Шторном, Аней Ветровой, Аллой Митрофановой, принимал участие в регулярных «Феминистских средах» – междисциплинарном семинаре в ЦНСИ. Мы вместе с ЛГБТ-организацией делали и крупную конференцию по квир-исследованиям в 2013 году. Я организовывал школы – в общем много всего делалось за все это время.

Как видите, работа велась очень разнообразная и по темам, и по характеру. Однако, мне кажется, все постепенно приходит в какую-то непротиворечивую, логичную форму, чему я бесконечно рад.

В краткой справке о Вас на сайте ЦНСИ отмечено, что Вы являетесь ассистентом профессора в Европейском университете в Санкт-Петербурге и заместителем главного редактора «Журнала исследований социальной политики». Обе позиции весьма престижные и ответственные. Эта информация дает основания по крайней мере для двух вопросов.

Во-первых, в России теперь есть должность ассистента профессора, чему она соответствует в старой номенклатуре: «старший преподаватель», «доцент»? Какие курсы Вы ведете?

В 2013 году я уволился из Института внешнеэкономических связей, экономики и права, где работал на полставки в администрации. Эта работа мне не очень нравилась, потому что среда и круг задач были мне чужды. Однако я там несколько лет проработал, что позволяло сводить концы с концами в промежутки между проектами. В ЦНСИ у меня всегда была проектная работа – отсюда и большое разнообразие тем исследований, но и непостоянство занятости. В то же время в Европейском университете объявили вакансию на должность ассистента конкретного профессора, Михаила Соколова. Я знал о работе, которую он делал, поскольку что-то читал из его статей и поскольку участвовал в школе, организованной партнером ЕУСПб, Центром культурных исследований пост-социализма, который курировал Соколов. Круг задач ассистента был описан достаточно конкретно, с одной стороны, и достаточно широко, с другой. Это была преподавательская позиция, но также связанная с административной работой, которую выполнял конкретный профессор. Собеседование я проходил в несколько этапов, посылал статьи и документы, приходил лично, отвечал на какие-то дополнительные вопросы. Я так понимаю, что конкурс был достаточно большой, поэтому принятие решения заняло не один месяц. Но в конечном итоге я очутился в Европейском университете. Сначала я реально ассистировал Михаилу на занятиях – по истории социологии. То есть я там присутствовал, вел занятия в отсутствие самого Михаила, редактировал силлабусы, составлял УМК, копировал тексты к занятиям, читал эссе студентов и ставил оценки совместно с основным автором курса. Мне кажется, этот круг задач вообще не

соответствует ничему в старой номенклатуре, а больше похоже на research assistant в университетах США. В следующем семестре у меня появился свой курс, это был факультативный курс по современным теориям, «Квир-теория». Несмотря на его факультативный характер, собралась очень деятельная группа студентов, которые реально включились в работу и сделали очень хорошие мини-исследования в результате. Это уже несколько больше может походить на труд старшего преподавателя в старой номенклатуре, пожалуй. Параллельно я включался в административную работу по проекту Михаила — координация партнерской работы с другими вузами в России, среди которых наиболее важными для нашей программы были Томский, Пермский и Казанский университеты, где трудятся выпускники ЕУСПб. То есть в данный момент круг моих обязанностей распространяется и на преподавание, и на администрацию проекта, что опять же, как мне кажется, несколько размывает аналогии с любыми привычными университетскими позициями в России, но напоминает некоторые тенденции в характере труда в американских университетах. Я не думаю, что ассистент профессора — это какая-то позиция, похожая на другие преподавательские должности в России, но это нечто новое, которое постепенно само находит себя в процессе проявления. Видимо, одну из ключевых ролей здесь играют нестандартные, современные вузы, такие как ЕУСПб. Мне выпала возможность эту позицию в какой-то степени создавать совместными усилиями с другими ассистентами и другими профессорами, каждый из которых видит в своем ассистенте что-то свое. Так что это, как выходит, пластичная позиция, определяющаяся по ходу работы, в чем и состоит ее преимущество как для работодателя, так и для работника.

Должность заместителя главного редактора «Журнала исследований социальной политики» Вы заняли недавно. Уже определился круг Ваших дел?

Да, недавно. Сначала я готовил специальный выпуск журнала по связи между социальной политикой и коллективными действиями граждан по ее определению. Выпуск получился насыщенный и очень, как мне кажется, хороший. В нем были работы исследователей из разных дисциплин и разных стран — действительно серьезная география. Затем Елена Ростиславовна пригласила поработать вместе на более постоянной основе. Конечно, утрату П. В. Романова я не смогу восполнить своим присутствием в полной мере. Тем не менее, мы делаем вместе много работы. Я постоянно ищу новых авторов, стараюсь привлечь к публикациям иностранных ученых, российских исследователей, поддерживать исключительно высокий уровень работ, публикуемых в журнале. Затем, я вместе с Еленой Ярской-Смирновой редактирую тексты, а это большая работа, поскольку каждую рукопись нужно внимательно читать много раз, делать комментарии, которые помогут авторам лучше и понятнее сформулировать их мысли, соблюдая при этом жанровые конвенции научного текста, но не забывая и о литературной стилистике статей, поскольку читателям важно не только узнать что-то новое, но и получить удовольствие от чтения или хотя бы не заскучать. Большая часть работы в редакции — это поиск и коммуникация с рецензентами статей. Все рукописи проходят обязательное слепое рецензирование, то есть профессиональное научное сообщество имеет возможность оценить текст еще до его выхода, чтобы снизить потоки низкокачественных публикаций и указать авторам на возможные недочеты, а редакции — помочь сделать правильный

выбор, ведь редакторы не могут знать абсолютно всё. Иными словами, здесь множество направлений работы, которые актуализируются периодически, к каждому номеру.

Спасибо, Саша. Долгого и успешного Вам пути по жизни и в социологии.

Интервью с Ростиславом Вадимовичем КОНОНЕНКО

«ЭТНОГРАФИЯ, ФОЛЬКЛОР СТАЛИ МОЕЙ ЖИЗНЬЮ...»

Кононенко Р. В. — окончил кафедру социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета (2007 г.); кандидат социологических наук (2010 г.). Старший преподаватель факультета социальных наук Высшей школы экономики. Основные области исследования: автомобильность, профессионализация, социальная работа, национальная культура. Интервью состоялось: сентябрь 2014 г. — январь 2015 г..

Уверен, если бы мне не нравилось начинать каждую новую беседу и если бы я не испытывал радости-грусти, завершая очередной разговор «за жизнь и за профессию», то я не смог бы заниматься интервьюированием моих коллег десять лет. Каждая новая беседа — это новое знакомство с человеком, которого ранее знал меньше, более поверхностно или вовсе не знал. Завершение интервью — это радость, поскольку сделано дело. Иногда оно длилось годами, чаще — месяцами, бывало — неделями, но случалось и совсем быстро — два дня. Однако это и грусть; завершается разговор с человеком, который доверил мне очень многое — рассказ о себе, свою биографию. Конечно, он сам решал, что и как сказать, но ведь именно я моими вопросами заставлял его ворошить свое прошлое, просеивать его, делать его публичным. Позади — без малого 100 интервью, сотня встреч и столько же прощаний...

Беседа с Ростиславом Вадимовичем Кононенко началась в конце августа 2014 года, и у меня были основания предполагать, что пройдет она быстро. Но не получилось, наш разговор — конечно, с перерывами — продолжался пять месяцев. Во временном отношении — это совсем не долго, но неожиданно для меня этот период оказался значительным в пространстве развития данного историко-наукovedческого проекта.

Во-первых, тогда, после достаточно серьезных рассуждений я решился на проведение интервью с социологами седьмого поколения, теми, кто родился в интервале между 1983 и 1994 годами; сейчас, в начале февраля 2015 года, у меня уже шесть, включая и беседу с Ростиславом Кононенко, завершенных бесед с представителями данной когорты. Немного, тем не менее, уже это позволяет сформулировать некоторые гипотезы относительно путей вхождения в социологию социологов данного поколения и его функций как научного сообщества в целом.

Во-вторых, в тот момент, когда я обращался к Ростиславу с просьбой рассказать о своей жизни и работе, у меня было 64 законченных интервью, и я не думал о скором завершении процесса интервьюирования. Но осень-начало зимы 2014 года оказались настолько урожайными, что на исходе года достижение еще недавно мифических – «100 интервью» стало реальностью.

В силу указанных двух обстоятельств принципиально прояснилось общее направление дальнейших исследований – рассмотрение истории советской / российской социологии как процесса становления и смены поколений социологов. Таким образом, поколенческая типология нашего профессионального сообщества, введенная мною ряд лет назад как инструмент упорядочения накапливавшегося массива биографий, приобрела важное общеметодологическое значение. Соответственно, центральным направлением будущей аналитической, исследовательской деятельности является изучение всех сторон строения социологических поколений и каналов, способов взаимодействия между ними.

Безусловно, не первостепенной и не важнейшей, но привлекательной в науковедческом отношении является задача появления в нашем цехе социологических династий, или преемственности профессии «социолог» внутри семьи. Материалы настоящего проекта http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207 уже сейчас позволяют подойти к обсуждения этого явления, этой тенденции.

В собранной коллекции есть интервью с В. А. Ядовым и его сыном Н. В. Ядовым, к тому же есть в воспоминания Владимира Александровича о его покойной жене Л. Н. Лесохиной; есть портреты А. Г. Здравомыслова и его дочери Е. А. Здравомысловой, здесь же – интервью с ее мужем В. М. Воронковым. Есть беседа с А. В. Дмитриевой и, надеюсь, вскоре завершится интервью с ее мамой И. А. Григорьевой. Недавно проведено интервью с В. В. Гаврилюк, и скоро к нему присоединится рассказ ее дочери Т. В. Гаврилюк.

Мне также известно, что по стопам значительной части социологов, портреты которых представлены в нашей галерее, пошли их дети. Среди них: Е. И. Башкирова, Ю. Р. Вишневский, Р. С. Могилевский, Г. В. Осипов, Г. И. Саганенко, Б. Г. Тукумцев, Ф. Э. Шереги. Есть здесь и фотография Ф. Р. Филиппова, о его жизни и работе рассказал сын – А. Ф. Филиппов.

Но вот самый интересный и пока уникальный случай. Подряд две фотографии, мать и дочь – В. Н. Ярская-Смирнова и Е. Р. Ярская-Смирнова, в другой части галереи портрет ее покойного мужа П. В. Романова и на следующей фотографии его дочь – Е. П. Романова. И, наконец, интервью с сыном Е. Р. Ярской-Смирновой, Ростиславом Кононенко. Старшими в этой трехпоколенной социологической семье уже внесены значительный вклад в исследование ряда теоретических и прикладных задач, а также – в подготовку социологических кадров. Младшие – следуют этим путем.

Кононенко Р. В.: «Этнография, фольклор стали моей жизнью...»

Ростислав, можно сказать, что Ваше имя – семейное, на это указывает отчество Вашей мамы – Елены Ростиславовны Ярской-Смирновой. Вы не знаете, каково происхождение этого имени? Интервью с Вашими мамой и бабушкой – Валентиной Николаевной Ярской-Смирновой дают представление об одной (материнской) линии Вашей предбиогрфии. Что Вы знаете об отцовской семье?

Назвали меня в честь моего деда, Ростислава Дмитриевича Ярского-Смирнова – отца моей мамы. Он потомственный актер, сейчас живет в Краснодаре, играет в краевом драматическом театре. Я застал его уже именно в Краснодаре, он живет там со своей семьей, а мужа Валентины Николаевны зовут Маврин Константин Алексеевич. Он профессор, доктор геолого-минералогических наук. Вплоть до моего окончания университета, мы очень много времени проводили вместе именно с ним: я по возможности ездил с ним в экспедиции на Урал и по Саратовской области, мы вместе строили дачу и ухаживали за садом, обслуживали автомобиль. У деда Константина я научился работать руками со стройматериалами и заниматься на земле. Правда, конечно, его уровня я не достиг еще пока.

Отец мой – Кононенко Вадим Юрьевич – программист по профессии, живет в Саратове. Они с мамой давно в разводе, но мы постоянно общаемся как с ним, так и со многими родственниками с его стороны.

Папа родился в Саратове в семье инженеров-железнодорожников, Юрия Владимировича и Раисы Петровны Кононенко. Из-за профессии моих деда и бабушки и из-за того, что они жили вблизи железнодорожного вокзала, да и из-за частых путешествий на поезде, я подумывал о такой же карьере. Но бабушка Раиса меня отговорила тогда.

Профессия программиста меня не привлекала, так как на информатике в школе я никогда не был в числе первых, компьютеры не увлекали меня, и я считал, что это не мое. Поэтому я думал о других профессиях.

Родители оба, – и папа, и мама, – будучи по базовой специальности математиками, занимались фольклором: во времена студенческие и после окончания университета, в свободное от работы время ездили в экспедиции, записывали песни, изучали традиции – и участвовали в фольклорном ансамбле этнографического направления. Мама одно время руководила такими ансамблями, – детским – «Добрыня» и взрослым, который назывался «Оберег». Конечно, с родителями занимался и я. Этнография, фольклор стали моей жизнью, мне нравились эти песни, нравилось вращаться в кругах фольклористов, петь, общаться, участвовать в фестивалях, обладать знаниями о традиционной культуре. У нас сохранились фотографии, где я трехлетним ребенком отплясываю с мамой на фольклорном празднике, на улице. Так с малых лет я не боялся выступать на публике, что очень пригодилось мне в дальнейшей учебе и работе.

А после школы, в начале 2000-х, когда встала проблема выбора профессии, я ориентировался именно на сферу фольклора, этнографии. Но не в музыкальном плане, а именно в культурном. Кроме того, я иногда принимал участие в жизни кафедры, где работали Елена Ростиславовна, Павел Васильевич Романов и Валентина Николаевна Ярская, уже знал многих их коллег, помогал волонтером на научных мероприятиях и даже делал переводы текстов с английского на русский. Поэтому было принято решение, что я пойду на кафедру социальной антропологии и социальной работы в Саратовском государственном техническом университете. Уже во время обучения для меня открылось все разнообразие современного, социологического видения этнографии как подхода к изучению не только и не столько разных народов, сколько повседневности разнообразных сообществ и групп.

Меня вдохновляли и мама, и бабушка Валентина, и Павел. Особенно я признателен Павлу за то, что во время переломного момента после окончания университета он дал мне стимул для продолжения карьеры социолога. А еще раньше, когда мы познакомились, то много ездили — на летние школы, на Грушинский фестиваль, в Америку, где прожили почти год, — много интересных приключений и сложных испытаний пройдено вместе. Я думаю, Павел повлиял на меня как учитель и как наставник — и в карьере, и в семье, я всегда мог обратиться к нему за советом или посмотреть на его пример. Я очень ему благодарен...

Получив специальность на нашей кафедре, я стал социальным антропологом и направление моей карьеры повернулось в сторону качественных социологических исследований.

Вы хорошо написали, подсказали, о чем спрашивать. Давайте немного вернемся к школьным годам. Вы пошли в школу году в 93-ем или 94-ом, заканчивали в начале нового столетия. Вашим главным увлечением была фольклористика, а к каким школьным предметам душа лежала? Это была специальная школа, лицей, гимназия? Пионерии, комсомола уже не было, но какие-то формы общественной деятельности существовали?

В школу я пошел в 1992 году, закончил в 2002-ом. Да, еще до поступления в общеобразовательную школу, в 1990 году меня приняли в музыкальную школу в подготовительный класс на специальность «скрипка».

До седьмого класса я учился в школе-лицее №37 города Саратова, в «лицейском» классе с углубленным изучением немецкого языка. После седьмого класса нас перераспределяли по трем направлениям, — гуманитарный, физико-математический и естественно-математический классы. К этому времени любимыми предметами для меня стали география, история, обществознание. Была очень интересна физика, учителей по этому предмету я всегда слушал с открытым ртом, но не чувствовал себя полностью уверенно в этой дисциплине. Поэтому к восьмому классу я официально выбрал гуманитарное направление. Правда, учился потом уже в других школах, по ряду причин. После 37-й школы был Гуманитарно-экономический лицей, а окончил я гимназию №3 города Саратова, больше известную как «английская» школа №42. Но и в ней я учился в классе гуманитарного направления и своим предпочтениям в предметах не изменил. К истории я тяготел еще больше, чему способствовала наш любимый учитель,

Светлана Михайловна. Этот предмет она давала нам очень широко, читая расширенные, объемные и содержательные лекции и проводя семинары, — почти как в университете. Она же вела у меня и обществознание в старших классах.

Кроме того, в школе, особенно в старших классах, мне нравились иностранные языки. В 3-й гимназии (бывшая «английская школа» №42) мы изучали два языка, в моем случае — обязательный английский и, по выбору, немецкий. Плюс, были еще такие предметы, как «технический перевод» и «английская литература», которые давали опыт в работе с иностранными текстами. По окончании школы мы получили диплом переводчика научно-технической литературы.

Общественной деятельностью в школе я не занимался. Только выступал на музыкальных конкурсах от школ.

Параллельно со школой основной, я ходил в школу музыкальную — учился играть на скрипке. Потрясающий педагог Светлана Дмитриевна Желтко не только учила нас музыке, но и спланировала в команду, привлекая к участию в новогодних постановках, давая ученикам уже в детстве бесценный опыт сцены. На сцене мы играли на музыкальных инструментах и пели, разыгрывали постановки, которые сочиняла Светлана Дмитриевна. ...

Итак, школа завершена, не посещали ли Вас раздумья, верно ли делаю, что поступаю на кафедру социальной антропологии и социальной работы в Саратовском государственном техническом университете, не поехать ли в Москву? Подальше от родительского ока? Поясните пожалуйста, что такое «социальная антропология» и «социальная работа».

Социальная работа — дисциплина, ответственная за разработку помощи нуждающимся — людям с ограниченными возможностями, бедным, людям с отклонениями в психическом или физическом здоровье и всем тем, кому нужна помощь или поддержка, или как сейчас говорят, «социальные услуги». Социальная работа направлена на позитивные социальные изменения, поэтому она связана с социальной политикой, предполагает отстаивание прав и объединение людей для взаимопомощи. Эта специальность и ценностная система, философия, которой был пропитан дух кафедры, когда я там учился. Собственно, саратовская кафедра во многом остается такой и сейчас. Когда я был еще в школе, дома я часто слышал об этой специальности и всегда знал, что это доброе, новое и важное дело.

А социальная антропология — это дисциплина, изучающая человека в разных культурных контекстах. Наука эта тесно связана с социологией и этнографией и послужила мостиком от увлечения фольклором к моей нынешней профессии.

Уехать я не хотел никогда, Москва мне никогда особо не нравилась, об отъезде в другие города я и не думал, так как Саратов богат вузами. Сейчас я Москву люблю за тех коллег и друзей, что я здесь встретил, столица уже ассоциируется с интересной работой, которой я горжусь, с моей семьей, приятными моментами свободного времени, Москва стала своей.

Во время обучения в университете я ездил в Великобританию на год, в университет Бирмингема в департамент социологии, и потом с удовольствием вернулся домой на родную кафедру. В Бирмингеме я провел год, обучаясь на программах «Социология» и «Африкановедение» как наиболее близких к соци-

альной антропологии. Так Бирмингемский университет подстроился под мою специальность: социология+этнография. На социологии я что-то повторил, а что-то заново освоил, а на африкановедении узнал много интересного и специфического из культуры и литературы Африки, читал классиков антропологии и современную литературу на английском, писал рефераты и делал доклады. Были у нас и совместные работы с другими студентами, например, о культуре сигхов. И в моей повседневной жизни в течение года в Бирмингеме я многое для себя открыл. Это и студенческая независимая жизнь в общежитии, и мультикультурная социальная среда, и серьезная учебная нагрузка с большим объемом материала для прочтения и письменными заданиями. В Саратове у нас тоже была похожая система – нужно было много читать и писать массу эссе. Но в Англии пришлось работать еще интенсивнее.

Но это было уже потом, когда я проучился в Саратове на специальности «Социальная антропология» пару лет, а тогда, после школы, раздумывая при выборе вуза и специальности были, конечно, но все сводилось к тому, что этот вариант оптимальный. Сейчас можно было бы подать документы в несколько вузов и несколько специальностей, а тогда это было невозможно, и я сделал один выбор. Я ожидал, что учеба по этой программе будет интересной, но меня по-настоящему захватили некоторые предметы – конечно же, занятия по специальности – социальной антропологии (преподаватели Галина Карпова, которая давала нам азы нашей специальности, Вадим Михайлин, преподававший социальную антропологию на материалах античных текстов), смежные предметы – медицинская антропология и география Дмитрия Михеля, психология Олега Ежова и Анжелы Чернецкой и социально-психологическое моделирование Нины Григорьевой. Посчастливилось мне учиться и у Павла Романова, на его курсах по организационной и экономической антропологии. Позже я был также и ассистентом Павла в Вышке на его курсе по корпоративной социальной политике, учился у него преподаванию. Он был очень интересный ученый и преподаватель. На своих занятиях Павел Васильевич всегда заинтересовывал студентов и вовлекал их в дискуссии, в научный процесс, он задействовал и тексты классиков, и фильмы, и эмпирику, приглашал гостей из той сферы, которой посвящался курс.

А в Саратове на социальной антропологии было еще важно то, что кроме занятий в аудитории, у нас была полевая практика в деревне, в городе, а также желающие работали в Центре социальной политики и гендерных исследований на опросах и интервью. Это была хорошая школа. Я был подготовлен и к учебе в Бирмингеме, и к последующей работе в маркетинге, и к поступлению в аспирантуру.

Однако был готов я и к тому, что работать придется не по специальности из-за небольшой востребованности профессии. Хотя сейчас я вижу довольно интересные возможности для самореализации социолога и социального антрополога и в родном Саратове, куда очень хочу когда-нибудь вернуться: это и работа в университете, и в школе, и в музеях. Но пока остаюсь в Москве, в «Вышке».

В 2007 году Вы закончили университет. Какие пути открывались перед Вами, что Вы избрали?

Да, это был 2007 год. Я собирался поступать в аспирантуру, но был на распутье — остаться в Саратове или ехать в Москву. Выбрал — ехать в Москву в ВШЭ, и был доволен, что получилось туда поступить, ведь экзамены принимали очень жестко, и конкурс был высоким. Я собирался выучиться в аспирантуре, защититься, а одновременно найти работу в Москве, желательно ближе к специальности, чтобы потом со степенью кандидата и с московским опытом работы вернуться в Саратов в 2010 году. Однако получилось не совсем так: в 2010 году я остался в Москве по личным причинам и через год женился.

Пока учился в аспирантуре, в течение года работал в одной маркетинговой компании, где занимался качественными исследованиями, в том числе, в сфере автомобильного рынка. Это позволило набраться полевого опыта и получить необходимые данные для диссертации. Был еще опыт подработки в страховой компании, в самом начале моего московского пути. После защиты диссертации в 2010 году мне пришлось еще год поработать в другой маркетинговой фирме, параллельно с работой в университете: на кафедре было всего 0,25 ставки, приходилось крутиться. Но в 2011 году я уже смог устроиться в НИУ ВШЭ на полную ставку, чему я был очень рад, так как финансовая ситуация позволила оставить работу в коммерции и полностью переключиться на академическую деятельность. Кроме того, я полюбил преподавательскую деятельность. Я веду курсы по общей социологии у студентов различных направлений, и мне импонирует их заинтересованность, позитивная ответная реакция. Нередко мне удается вовлечь студентов в обсуждение актуальных проблем нашего общества, при этом они не просто формально выполняют задание, а включаются в творческую работу.

Все это было совсем недавно. Чему было посвящено Ваше кандидатское исследование? Пожалуйста, поподробнее о проблематике, методах сбора и анализа данных, самые общие выводы.

Мое исследование было продолжением работы над дипломом: писал я, в обоих случаях, об автомобильной культуре. Моя диссертация посвящена автомобилизации российского общества и раскрывает как ценностные характеристики социальных взаимодействий на уровне общества в целом, так и культурные аспекты на микроуровне — в повседневности автомобилистов. В своей работе я рассматривал автомобильное потребление, меня интересовало, каким образом материальные объекты, вещи в жизни человека существенно дополняют, а подчас даже заменяют контакты с другими людьми, группами и сообществами. Один из таких объектов — автомобиль. На материалах интервью, интернет-дискуссий, наблюдения и анализа данных массового опроса я анализировал те новые смыслы и символы, ценности и нормы, которые привносит в жизнь людей автомобилизация, те новые практики, которые она порождает. Такие исследования за рубежом проводил, например, Джон Урри, основы советской социальной истории автомобильности заложил своей книгой Льюис Зигельбаум, но современную российскую ситуацию никто в комплексе не рассматривал. Я изучал, как использование транспортных средств и сопутствующих элементов инфраструктуры, товаров и услуг меняет наши каждодневные привычки и социальные отношения. Речь идет о новых ощущениях и смыслах времени и пространства, об идеалах частной собственности, эмансипации и личной свободы. Тут меня

интересовали и гендерные аспекты автомобильности — причем как в советской истории, так и в современности. Получается, что автомобиль становится частью социальных изменений на разных уровнях социальных взаимодействий: одновременно расширяет и ограничивает то, что мы можем делать; меняет то, кем мы себя считаем. Автомобиль может быть фактором риска, знаком достижения или упадка, т.к. он маркирует социальный статус своего владельца и нередко становится средством самовыражения.

После защиты кандидатской я решил немного поменять фокус моих исследований. Хотелось чего-то нового и более актуального, на мой взгляд, на то время. И опять новый поворот был тесно связан с моей биографией. Еще с детства я занимался этнографическим фольклором, и проявление этого рода деятельности заинтересовало меня как социолога. С одной стороны, вести такую тему было легко и интересно, так как довольно хорошо разбираешься в предмете, а с другой стороны, тяжело переживаешь смену своего статуса и социальной роли по отношению к участникам фольклорного движения. Постоянно ощущаются этические дилеммы, нередко могут возникать и ролевые конфликты. Здесь необходимо прочувствовать и отрефлексировать этнографическую дистанцию, но это не одномоментный акт, а перманентный процесс, неотъемлемая часть качественного исследования.

В моих последующих работах народная культура рассматривается как многозначный феномен, который представляет собой поле властных отношений. «Народная культура» — это символический конструкт, который может использоваться в целях интеграции, а может выступать контраргументом социальной и политической идентификации. На материалах интервью с народными исполнителями и экспертами-фольклористами я рассматриваю, например, такие аспекты, как коммодификация фольклора (превращение в рыночный товар) и профессионализация народных исполнителей.

На почве своего увлечения фольклором я познакомился и со своей женой Ириной, которая является активным участником фольклорного движения, прекрасным организатором этнокультурных мероприятий. В 2010 году она поступила в магистратуру Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета и сейчас занимается исследованиями по тематике, которая мне тоже близка. Но сейчас мы оба немного снизили научную активность, так как воспитываем малыша и вплотную занимаемся жилищным вопросом.

Еще одно направление моих исследований обусловлено опытом обучения на саратовской кафедре социальной антропологии и социальной работы. Будучи студентами-антропологами, мы всегда были в курсе тематики параллельной специальности — социальной работы. Например, когда я примерно определился с направлением своего диплома специалиста, первая моя курсовая работа была посвящена теме на стыке социальной работы и антропологии: доступности и роли автомобилей в повседневной жизни людей с ограниченными возможностями. Проблематика социальной работы и социальной политики была мне близка еще и потому, что я сотрудничал с Центром социальной политики и гендерных исследований: участвовал как волонтер и как слушатель в летних школах, конференциях, был членом научных проектов. Цель нынешнего исследования, в котором я участвую с 2012 года, — рассмотреть становление новой помогающей

профессии в конфессиональной среде на примере социальной работы на приходе православного храма. В рамках проекта на материалах качественных интервью с социальными работниками РПЦ в разных регионах России мы с коллегами изучаем становление нового вида занятости, свойственные ему противоречия, особенности профессиональной культуры. В развитии приходской социальной работы как профессиональной деятельности я вижу несколько дилемм, или противоречий. Они отражают особенности современного контекста, в том числе, идеологию государственной социальной политики и уровень социальной защищенности граждан, статус социальной работы как профессии в российском обществе, характер взаимоотношений государства и церкви.

Среди названных противоречий отмечу и такое. С одной стороны, социальная работа может быть отнесена к профанному, поскольку наполнена мирским содержанием. С другой стороны, социальная работа и социальная деятельность на приходе должна помогать прихожанам проявлять свой христианский долг, а тем самым сплачивать сообщество. Следовательно, необходимо уточнять разделение труда между социальным работником и священнослужителем, однако, социальная работа неизбежно будет находиться в промежуточном пространстве между мирским и сакральным. Это, на мой взгляд, не только дилемма, но важный ресурс развития профессии. Вторая дилемма свойственна не только приходской социальной работе, а и другим помогающим профессиям, которые многие воспринимают как долг, душевный порыв, призвание, что входит в противоречие с разнообразными формальными требованиями. Конечно, формализации в социальной работе на приходе меньше, чем в муниципальной социальной службе. И все же, религиозная мораль сталкивается и переплетается с современными неолиберальными установками, например, в отношении контроля «нуждаемости». Эти и другие противоречия отражают сложность профессионализации социальной работы и особенности взаимоотношений между церковью, государством и гражданами на современном этапе.

Вообще говоря, в молодые годы работа по широкой предметной области — очень полезна, Вам открываются разные грани и пласты социальных отношений, Вы осваиваете разные методы, расширяется Ваше методологическое видение. И все же, Вы видите какую-либо проблематику, которой хотелось бы заниматься целенаправленно, несколько лет?

Такой проблематикой всегда остается помогающая профессия и все, что с ней связано: социальная работа, социальная политика. Кроме того, актуальной, на мой взгляд, является культурная политика государства и эволюция культуры в обществе. В связи с этим я пишу о фольклорном движении и его отношениях с обществом и государственными институтами. То, что объединяет интересующие меня темы, находится в предметной области, которую можно было бы назвать «Культура: традиции и модернизация». Я думаю, что исследование бытования элементов национальной культуры в современной российской повседневности — очень актуальная тема, она связана и с темой сплоченности, над которой мы сейчас с коллегами работаем в рамках одного из проектов. России нужна эта тема для поиска идентичности и для эффективного, но аккуратного ее использования.

То, что я перешел от автомобильности к социальной работе и фольклору, кажется некоторым коллегам чем-то странным и неожиданным. Но это далеко не редкая ситуация в социальных науках. Например, известный американский историк Льюис Зигельбаум в начале 90-х издал книгу об инвалидах в СССР (выступил ее редактором), потом в 2000-х написал монографию о советской автомобилизации, а вот только что вышел его совместный с супругой (она тоже историк) труд о миграции в России в XX в. Другой хорошо известный мне американский историк, наш друг профессор Дон Рали — исследователь российской истории, и в частности, знаток и автор книг о революции и гражданской войне в Саратове, недавно написал книгу беби-бумерах, представителях так называемого поколения «спутника». Так что, смена темы — это вполне принятая практика, тем более, что в моем «арсенале» — исследовательские темы, которые столь интересным образом связаны между собой.

Ростислав, волей судьбы Вы — член уникальной в нашей российской социологии семьи. Ваша бабушка — профессор социологии Валентина Николаевна Ярская-Смирнова, мама — профессор социологии Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова. На Ваше формирование как социолога не мог не оказать сильное влияния мамин муж Романов Павел Васильевич, тоже профессор социологии, дочь которого — Евдокия Романова становится российско-американским социологом. Получается, что можно говорить о «клане» Ярских-Романовых. Не могли бы Вы провести микро исследование и оценить общий вклад Вашей семьи в российскую социологию? В частности: какая совокупная предметная область разрабатывалась и разрабатывается кланом, сколько опубликовано книг, каков общий преподавательский стаж, сколько учеников членов семьи защитили кандидатские и докторские диссертации? Это может быть не только интересно для Вашей семьи, но представлять историко-научное значение.

Спасибо, за этот вопрос. Общая совокупность тем, которыми постоянно занимаются члены нашей семьи, — это социальное неравенство, социальная политика, профессии, нетипичность, социальная работа.

Любопытный вопрос об общем преподавательском стаже. Если Вы имеете ввиду с какого года преподает Валентина Николаевна? Она начала преподавательскую деятельность примерно 50 лет назад. Елена Ростиславовна — около 30. Павел Васильевич преподавал примерно с начала 1990-х, то есть, около 22 лет, а активная его преподавательская деятельность началась с 1999 года. Я же начал преподавать, будучи в аспирантуре, в начале 2008 года.

Общее количество публикаций членов нашей семьи — всего более пятиста, из них авторских — около двадцати, а книг, вышедших под редакцией — около пятидесяти.

Наверное, это не так уж и много. Но можно ли в «цифрах» представить этот вклад? Ведь иногда только одна книга или даже одна статья может повести за собой целые когорты исследователей. Тут, наверное, надо изучать аудитории этих книг, куда входят ученики, последователи, коллеги, которые разделяют и продолжают развивать накопленный потенциал. Наверное, плечи тех гигантов, на которых мы все стоим и растем, укрепляются и прирастают при этом.

Интервью с Айгуль Маратовной МАВЛЕТОВОЙ

«МЕЧТАЮ, ЧТО КОГДА-НИБУДЬ БУДЕТ ПОСТРОЕНА РЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ОНЛАЙН-ПАНЕЛЬ В РОССИИ»

Мавлетова А. М. – окончила социологический факультет Высшей школы экономики, Москва (2007 г.); кандидат социологических наук (2010 г.); старший преподаватель, кафедра анализа социальных институтов, департамент социологии; заместитель декана по науке, факультет социальных наук, Высшая Школа Экономики. Основные области научного интереса: количественные методы исследований; методология онлайн-исследований; новые технологии в социологических исследованиях.

Интервью состоялось: январь-февраль 2015 г.

Моя беседа с Айгуль Маратовной Мавлетовой началась в конце второй недели января 2015 года и завершилась в начале 20-х чисел февраля, т. е. продолжалась всего шесть недель. Если же иметь в виду ощущение моего времени общения с Айгуль, то его можно передать одним словом: «мгновение». Это был разговор со знакомым человеком, о давно известной и близкой мне теме и касался знакомых и уважаемых мною людей. Что может быть лучше?

В опоре на мнения специалистов и узнав из веб-сети, что Айгуль Мавлетова защитила кандидатскую диссертацию по онлайн-опросам, 7 января этого года я написал ей письмо. Сообщил в нем, что давно интересуюсь развитием онлайн-опросных технологий и свыше десяти лет занимаюсь историей советской/российской социологии на базе глубинных интервью, проводимых по электронной почте. И закончил мое письмо словами: «Буду рад, если Вы согласитесь рассказать мне о себе и своей работе».

На следующий день я получил ее ответ:

Уважаемый Борис Зусманович,

Очень радостно и волнительно получить от Вас письмо! Спасибо!

Да, конечно знаю Ваши работы. Вы мне даже книжку на Всероссийском социологическом конгрессе подарили (точнее я выпросила) «Реклама и опросы общественного мнения в США». По-моему, это был 2008 год. Я рассказала, что интересуюсь онлайн-опросами, попросила Вас подписать книгу, и Вы написали под своей фотографией «Айгуль, онлайн-опрос – есть!». Так-то вот.

Буду очень рада принять участие в проекте. Пожалуйста, напишите, что от меня необходимо.

С уважением, Айгуль

Так разве мы не знакомы с Айгуль давно?

Мои первые российские публикации о становлении и развитии онлайн-опросов в США относятся к 2000 году. Летом в питерском журнале «Телескоп» я отмечал: «Нет сомнений, что в ближайшие годы мы станем свидетелями бурного развития онлайн-технологий опроса в США и во многих странах. Социологические наблюдения за динамикой Рунета и развитием российской аудитории Интернета показывают, что тоже самое будет происходить и в России. Социологи и исследователи рынка не будут ждать, когда Интернет станет обыденностью в стране, они будут делать его обыденностью» [1]. Несколькими месяцами позже в статье, опубликованной в московском журнале «Broadcasting. Телевидение и радиовещание, журнал», я делал такой прогноз: «Трудно согласиться с утверждением о том, что в России рано начинать проведение сетевых опросов. Конечно, в стране мало компьютеров и невелика web-аудитория, слаба технологическая и финансовая база развития сети. Надо ли ждать, когда Интернет войдет в обиход большинства российских граждан, и лишь затем начинать проводить онлайн-опросы, или уже сейчас следует конструировать технологию опросов, учитывающую особенности общества, и по мере сил и возможностей содействовать развитию процесса “интернетизации”? Наблюдения за динамикой Рунета и изменениями российской web-аудитории показывают, что мировые процессы развития сети не минуют Россию. И скорее всего, социологи и маркетологи не должны и не станут ждать, пока Интернет станет в России обычным явлением. Они попросту будут способствовать его скорейшему внедрению» [2].

Если принять во внимание, что некоторые новейшие достижения в области американских веб-опросов анализировались мною в 2013 году [3] и даже позже, то оказывается, что их развитие находится в поле моего зрения уже полтора десятилетия.

Таким образом, оправданно утверждать, что данная тема давно известна и близка мне.

Среди социологов, повлиявших на ее профессиональное становление, Айгуль называет Светлану Баньковскую, Инну Девятко, Андрея Здравомыслова, Александра Крыштановского, Дмитрия Рогозина, Александра Филиппова, Владимира Ядова. Всех их я знаю или знал, причем со Здравомысловым и Ядовым я познакомился за много лет до рождения Айгуль. Безусловно, мне было приятно услышать от нее добрые слова в адрес всех этих исследователей.

Историко-социологические воспоминания нахлынули на меня, когда я прочел слова Айгуль: «... мы с Инной Феликсовной [Б.Д.: Девятко] организовали небольшой курс повышения квалификации в Вышке по онлайн-исследованиями, куда пригласили Мика Купера – профессора Мичиганского университета и известного эксперта в области онлайн-опросов. С тех пор мы с ним сдружились». Я сразу же подумал, а когда же я узнал о работах Мика Купера?

Обращение к компьютерному архиву показывает – давно это было, более десяти лет назад. Летом 2003 я основательно изучал Программу 58-ой Ежегодной конференции Американской ассоциации исследователей общественного мнения, состоявшейся 14–19 мая того года. Целью моего анализа было очерчивание пространства американских методических исследований в сфере опросных технологий, В частности в Программе отмечалось, что на секции по онлайн-методам опроса обсуждались темы участия в них респондентов и валидности измерения. Среди выступавших были представители мирового лидера онлайн-опросов того времени Harris Interactive, сотрудники известной фирмы Mathematica Policy Research, многие десятилетия проводящей опросы по гуманитарным проблемам, и был Мик Купер (Mick Couper), один из наиболее признанных современных специалистов по методике опросов, в том числе – сетевых.

Итоги моего контент-аналитического исследования сначала были распространены на Втором Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: Социальные вызовы и альтернативы», который проходил 30 сентября – 2 октября 2003 года в Москве, а в 2005 году они были опубликованы в журнале «Социология: 4М» [4].

Таким образом оправданно и мое утверждение о том, что беседа с Айгуль вернула меня в круг специалистов, за работами которых я с интересом слежу многие годы.

Вообще, в интервью с Айгуль обнаруживается многое, присущее представителям седьмого поколения советских / российских социологов, к ним относятся те, чьи годы рождения заключены в интервале между 1971 – 1982 (Таблица 1). Но наиболее интересным мне представляется ее рассказ о сотрудничестве с Миком Купером.

Таблица 1

**Главные функции первых семи поколений
советской / российской социологии**

Поколение	Годы рождения представителей поколения	Доминантная функция
I	1923 – 1934	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	Конец 1920-х – начало 1930-х	Расширение предметного поля исследований
III	1935 – 1946	Развитие эмпирических методов
IV	1947 – 1958	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959 – 1970	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971 – 1982	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983 – 1994	Вхождение в глобальное социологическое сообщество

Сказанное ею может принадлежать лишь социологам шестого поколения или самым молодым из седьмой когорты: «Я уехала на год в Германию. В Университете Бонна я получала стипендию от DAAD и могла проводить исследования. Это был 2011–2012 г. Тогда начался мобильный бум. <...> Я решила провести эксперименты в области мобильных веб-опросов. За время пребывания в Университете Бонна я провела два эксперимента, один из которых – вместе с М. Купером. Так, были опубликованы мои первые две статьи в международных рецензируемых журналах (Social Science Computer Review и Survey Research Methods). После возвращения в Вышку я продолжила сотрудничество с Купером в области мобильных веб-опросов. Мы опубликовали ещё одну статью в Journal of Survey Statistics and Methodology, а другая – скоро появится в Field Methods. Кроме того, мы также написали две главы по мобильным веб-опросам для книг, которые выйдут в 2015–2016 г. Одна из книг будет приурочена к довольно значимой конференции International Total Survey Error Conference: Improving Quality in the Era of Big Data».

Планы, которые намечает Айгуль, были невозможны для социологов первых поколений: работать над Ph.D. на Западе, начать сотрудничество с английским методологом Питером Линн (Peter Lynn) в Institute for Social and Economic Research. Все это согласуется с моим предположением о доминантной функции седьмого поколения – вхождение в глобальное социологическое сообщество.

Буду рад, если Айгуль Мавлетова сможет реализовать ее планы. Кроме всего прочего это будет одним из фактов, подтверждающих справедливость моей историко-научной гипотезы.

1. Докторов Б. Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000. №4. С. 16–31 http://www.pseudology.org/Gallup/On_line_Polls.htm
2. Докторов Б. Онлайн-опросы популярны в США. Готова ли к ним Россия? // Broadcasting. 2000. №6. С. 92–94.
3. Докторов Б. 3. Лекции по истории изучения общественного мнения: США и России: учебное пособие. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=340>
4. Докторов Б. 3. К попытке определения пространства американских методических исследований опросных технологий // Социология: 4М. 2005, №20. С. 10–31. <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/04/10/1271933384/Doktorov.pdf>

Мавлетова А. М.: «Мечтаю, что когда-нибудь будет построена репрезентативная онлайн-панель в России»

Айгуль, Вы напомнили мне, что мы встречались на Всероссийском социологическом конгрессе был в октябре 2008 года. Значит мы знакомы уже более шести лет. Тогда Вы, скорее всего, начинали входить в проблематику онлайн-опросов, а теперь – кандидат наук, защитившийся именно по этой теме. Мы непременно поговорим об этом, но сначала расскажите о себе.

Я прочитал, что Айгуль – это тюркское имя, переводимое как «Лунный цветок». Очень красивое, романтическое имя. Это имя есть в Вашем роду или Вы – первая? И вообще, насколько глубоко Вы знаете историю своей семьи?

Да, всё верно, так меня назвал дедушка по маминой линии, но я и не знаю, был ли кто-то в роду с таким именем. По крайней мере, мне никогда не говорили, что меня назвали в честь кого-то. Мои предки из западного Казахстана, Младшего жуза, из племени тама. Для казахов эта информация очень важная. Если ты из Младшего жуза, в Казахстане невозможно занять высокие государственные посты. Их можно получить только, если твои предки из Старшего жуза. При приёме на работе, в особенности в южной и центральной части Казахстана, твой жуз, племя и родственники – это и социальный и экономический и культурный капитал.

Мои предки – очень образованные люди. Мой прадед по папиной линии – Махмуд – закончил Астраханское медицинское училище в начале XX века и работал фельдшером. У него было четверо детей – двое мальчиков и две девочки. Мальчики умерли в раннем возрасте. Остались только две девочки – Белла и Рауза. Белла – моя бабушка. В школе её обзывали мальчишкой, т.к. Белла созвучно казахскому слову «бала» – мальчик. После этого она взяла себе имя Вера. Бабушка, ветеран войны и труда, более 25 лет проработала учителем истории и завучем в казахской школе-интернате. Сейчас она живёт в Астане и занимается орнаментальной вышивкой. Мужа у бабушки не было, поэтому моего папу усыновил муж сестры бабушки – Джанбул. Это мой дедушка. Он закончил Кооперативный институт в Москве. Прошёл войну. Потом работал председателем облпотребсоюза.

Моего прадеда по маминой линии раскулачили и сослали в лагерь. Он вернулся из лагеря, но жил со старшей женой (тогда двоежёнство запретили). А мой дед, Тенел, был от младшей жены. В общем, он рос без отца. Моего деда выгнали из университета, когда раскрыли информацию о его отце. И он уже намного позже смог получить образование. Прошел всю войну. Стал известным журналистом, а потом работал секретарём райкома. Вследствие того, что он довольно поздно смог завершить обучение в университете, образование было для него высшей ценностью. Даже когда он ослеп и был очень слаб, прежде всего, спрашивал меня об учёбе. Моя бабушка, Карима, не работала. Она росла в очень образованной семье: моя прабабушка была учительницей, а прадед – историком.

Айгуль, это все очень интересно, я Вас пораспрашиваю о семье, но сначала хочу чуть больше узнать о племенной (или как точнее сказать?) структуре Казахстана, я думаю, мало кто из наших будущих российских читателей ориентируется в этом сложном вопросе. Для средних веков и более отдаленных периодов такая стратификация обществ была обычной, естественной. Но как, в силу каких причин она сохранилась в Казахстане (только ли?). Что такое «жузы»? У них разные языковые диалекты, есть ли религиозные, культурные различия? А племя? Они первичны, т.е. до жуза? В чем различия племен? Какова история Вашего племени «тама»? Племенная принадлежность однозначно определяет вхождение в тот или иной жуз? Принадлежность к жузу, племени задается материнской или отцовской линией? А как дети от смешанных, скажем русско-казахский браков?

Да, по роду или племени определяется Жуз. Исторически племена Старшего Жуза проживали на юге, Среднего Жуза – в центре и на востоке, а Младшего Жуза – на западе Казахстана. В XVIII веке Жузы были самостоятельными административными единицами, имеющими своего хана.

Все мои предки из Западного Казахстана, т.е. принадлежат Младшему Жузу. Предки моего отца из племени тама. Есть несколько догадок про его возникновение. Скорее всего, это было монгольское племя.

Такая родоплеменная система живёт, хоть и неофициально, в Казахстане по сей день, отдавая приоритет родоплеменным и родственным отношениям. Очень много вопросов решается на этом уровне. Хотя принадлежность к племени и Жузу определяется по отцовской линии, любые родственные отношения (будь то по отцовской или материнской линии) – это семейный капитал. Сейчас родоплеменная система меньше проявлена на севере Казахстана, где много русских, больше – на Юге, но теперь и в Астане (в столице), т.к. это город чиновников.

Спасибо большое, Айгуль, теперь – о себе; где Вы родились, где заканчивали школу?

Я родилась на юге Казахстана в посёлке недалеко от Аральского моря. Это пустынная местность, где в качестве домашних животных жители держат не только баранов и лошадей, но и верблюдов.

Но выросла я на севере Казахстана в г. Рудном. Это русскоязычный город. Большинство – это русские, немцы и украинцы. В то время, когда я там училась, была только одна казахская школа. Но я училась в русской школе и всегда была окружена только русскими детьми. Школа была математической. В школе я сильно увлекалась шахматами, но мои успехи в математике и физике были очень даже средними по сравнению с моими одноклассниками.

Параллельно основной школе в 8–11 классах я заочно (по почтовой переписке) закончила физико-математическую Новосибирскую школу при НГУ. А в середине 11-го класса я уехала в Москву и получила аттестат уже в Москве, параллельно готовясь к поступлению в университет.

Да, у Вас – нестандартные школьные годы... и на какой факультет Вы решили поступать? Получилось с первого захода?

В школе в Казахстане я всегда была в середнячках, выделяясь только в шахматах и английском языке. По шахматам и английскому языку я регулярно представляла школу (а потом и город на областном уровне) и занимала призовые

места. С пятого класса я училась в математическом классе, а с восьмого класса поступила в так называемый «элитарный» класс. В этот класс пытались поступить сильнейшие ученики со всего города. Мои одноклассники были невероятно сильными в математике и физике. И я, поверьте, совсем-совсем не выделялась.

А когда я приехала в Москву, поступила в класс с экономическим уклоном. Школа была простой общеобразовательной. А класс был экспериментальным, и нас учили преподаватели МГУ. Невероятные преподаватели с экономического факультета МГУ. Мне, конечно, повезло. Я не выбирала ни школу, ни класс заранее. Просто так получилось. И в этом классе я стала одной из лучших. Впервые в жизни. Меня это так сильно потрясло, ведь тогда казалось, что в Москве образование намного лучше. В связи с моими успехами в учёбе меня выбрали старостой класса. И получилось так, что мне было очень легко окончить эту школу.

Самое главное в это время было определиться с поступлением. Конечно, изначально я думала только об МГУ, но не знала, какой факультет. Помню точно, что не рассматривала экономический. Выбор был либо математический факультет, либо какое-нибудь гуманитарное направление, где должно быть хорошее знание математики. Первый выбор был механико-математический факультет МГУ. Но я сходила на письменную олимпиаду, а потом и собеседование, и поняла, что мне будет очень сложно там учиться.

Нужно было искать гуманитарное направление, где важное место занимает математика. Так, посредством поиска предметов, которые необходимо было сдать при поступлении, была найдена «социология». Я, конечно, плохо представляла, что это такое, но мне тогда показалось, что это как раз то пересечение математики и гуманитарного направления, которое я искала. Основная проблема виделась в том, что в МГУ необходимо было сдавать историю России, которую нам в Казахстане не преподавали. Потом от одноклассников в Москве я узнала о Высшей Школе Экономики, о которой, конечно, до этого вообще не слышала. Там вместо истории нужно было сдавать обществознание, которое я, как и историю, тоже не знала. В общем, были определены два ВУЗа, один факультет и два предмета, на которых надо было сфокусироваться.

В год поступления я везде набрала полупроходные баллы. С полупроходными баллами брали медалистов. У меня не было медали, но был невероятный стресс от всего этого. В МГУ предложили бесплатно перейти на вечернее отделение в первый год, а потом либо перепоступать, либо попытаться перевестись на дневное отделение. Во ВШЭ предложили скидку в размере 75% (нужно было оплатить \$600 за год), а потом перепоступать. Я выбрала ВШЭ. Проучилась в Вышке год, а потом на следующий год перепоступила на бесплатное отделение.

Айгуль, в каком году Вы перепоступили и началась Ваша полноценная студенческая жизнь? Вы должны были сразу выбрать направление, факультет или поначалу все учились по общей программе? Как у вас пошло учение?

Перепоступила я в 2001 году. Поначалу направление было у всех одно, а выбирали мы специализацию на четвёртом курсе. С учебой всё было хорошо, но не блестяще. Какие-то предметы мне нравились, какие-то — совсем нет. Если предметы мне не нравились, я вообще могла на них не появляться.

На первом курсе меня поразила Симонова Ольга Александровна — она вела у нас семинары по «Истории социологии». Галина Кимовна Балашова научила нас работе на компьютере (Word, Excel, Internet). В то время я очень плохо печатала и Интернетом стала пользоваться только на первом курсе.

На втором курсе мы все трепетали перед Александром Олеговичем Крыштановским. Он был деканом факультета и вёл курс «Анализ социологических данных». Не знаю ни одного студента, который бы его не побаивался. Помню, я так сильно старалась написать хорошее эссе, что написала, по его словам, «слишком хорошо» для второго курса. Тогда Александр Олегович вызывал меня лично в его кабинет для разговора, чтобы убедиться, что автором работы была именно я.

В конце второго курса я начала работать и стала меньше уделять время учёбе. Поэтому на третьем курсе училась уже с меньшим интересом. Вместе с тем, третий курс запомнился знакомством с Андреем Григорьевичем Здравомысловым, который вёл «Социологию конфликта», и Владимиром Александровичем Ядовым, который вёл у нас курс по социальным трансформациям в России. Конечно, всех поражал Ядов, который и анекдоты мог рассказать, и ненормативную лексику употребить, и вести себя, как ему удобно. Для нас это был полный шок, ведь знали мы его только по книгам.

На четвертом курсе мы выбирали специализацию. Я выбрала — методы сбора и анализа социологических данных. Специализация длилась год, так как мы заканчивали бакалавриат, а значит, надо было писать диплом и готовиться к сдаче государственных экзаменов. Я подумала, что хочу писать диплом про риски. Посмотрела, кто из преподавателей интересуется (или заявляет, что интересуется) исследованием рисков и, таким образом, нашла Инну Феликсовну Девятко. В итоге Инна Феликсовна стала научным руководителем моего бакалаврского диплома, магистерской работы и кандидатской диссертации.

В чем дело, Айгуль? Я знал Крыштановского, никогда не возможно было подумать, что его будут побаиваться студенты. Вы не могли бы пояснить, почему... А нельзя ли полнее вспомнить о Здравомысловом и рассказать о лекциях Ядова. Оба этих ученых сыграли ведущую роль в становлении современного этапа российской социологии, и мне интересно мнение о них социолога вашего поколения.

Александра Олеговича мы и боялись, и уважали, и любили — всё одновременно. И везде можно добавить «очень». Он был такой единственный преподаватель на факультете. На его занятиях лекционный зал был всегда переполнен — приходил весь поток. Самые сложные вещи он объяснял очень просто и на пальцах. Вместе с тем, всегда относился с юмором и к нашей профессии и к тому, чем мы будем заниматься после обучения в университете (его любимый пример про «трусы» и «изучение рынка трусов»). Попасться у Крыштановского на списывании или на незнании было абсолютным позором. Светлая ему память...

Андрея Григорьевича я помню как очень рассудительного и спокойного человека. Курс по социологии конфликтов, который он читал, был очень коротким. Я написала эссе про этнические неравенства в экономическом поле, а далее его защищала. Помню, что процитировала Маркса почти на первой странице

работы и за это поплатилась. Андрей Григорьевич начал задавать много вопросов по работам Маркса и я, конечно, не смогла на них хорошо ответить, а финально мы ещё и не сошлись в траковке Бурдые. В общем, так я еле сдала его курс.

Владимир Александрович вёл у нас на третьем курсе «Социальные трансформации в России». Он – отличный лектор и с лёгкостью мог удерживать внимание аудитории. Ему всегда была интересна другая точка зрения, и он мог внимательно тебя выслушать. Мне он так сильно понравился, что на четвёртом курсе, даже будучи на другой специализации (я пошла на специализацию по методам), ходила на специализацию по теории, где он вел «Социологию идентичности».

Какие основные черты И. Ф. Девятко как ученого и профессора Вы бы отметили?

Инна Феликсовна очень для меня дорогой человек. Она поражает невероятной эрудицией и знанием работ из всех возможных областей. Думаете, она не знает последние научные достижения в физике или математике? Она очень поразится, если узнает, что вы не в курсе.

Инна Феликсовна сильна и в теоретической социологии и в методологии. Это абсолютно уникальный ученый. Она всегда следит за новыми работами в социологии, в том числе в области методологии количественных исследований (интересная для меня область): как можно использовать новые технологии для исследований, какие новые методики сбора и анализа данных можно применить, какие новые типы выборок можно построить и применить это в Интернете и т.д. Она всегда нацелена на поиск инноваций в области методологии.

Айгуль, Вы написали о своих преподавателях немного, но очень точно, узнаваемо. Спасибо. Как в целом проходили студенческие годы? Вам приходилось подрабатывать? Как проводили свободное время? Участвовали ли Вы в каких-либо студенческих научных обществах?

Да, студенческая жизнь была интересной. У меня была очень дружная группа. Во дворе рядом со зданием университета мы нередко отдыхали и выпивали разного рода напитки, за что прозвали его “drinking park”. Много тусовок проходило в социологическом стиле: помню, мы брали зубодробительные тексты, например, тексты Лумана или Хабермаса, и пели их под гитару (точнее, орали). В общем, находили себе развлечения. Вместе мы потом поступали в магистратуру, а потом уже и в аспирантуру. Многие из моих одноклассников сейчас тоже работают в Вышке.

Во время обучения в бакалавриате я ориентировалась на работу в области бизнеса. Поэтому сразу же на первом курсе поступила в школу предпринимателей в Вышке, или как-то так она называлась, где к нам приходили разные бизнесмены и бизнес-эксперты и рассказывали о специфике их бизнеса и работы в России (или в СССР и России). Помимо этого, я ходила ещё на ряд других бизнес-выступлений в Школе.

Со второго курса я со своей подругой устроилась на более или менее постоянной основе в компанию, которая занималась производством мебели и одежды. Компания была довольно крупной: в ней работали около тысячи сотрудников. Нам предоставили полную свободу в том, как мы проводили маркетинговые исследования, и в том, как мы представляли результаты. Помню, на наши пре-

зентации руководство обязало ходить почти всех, кто связан с продажами (в том числе и продавцов-консультантов), а мы всегда любили начинать с теории: например, до представления результатов мы говорили, что наши основания маркетинговых исследований – это теория Парсонса или теория постмодерна Гидденса или ещё что-нибудь. И рассказывали всем об этих теориях. И каким-то образом соединяли теорию и практические вопросы. Сейчас я не представляю, зачем и как мы это делали. Но нам всё было дозволено. В компании у нас был очень хороший начальник, директор по маркетингу, который создавал такую творческую для нас среду. Он проходил в то время курсы МВА в Вышке, а иногда приглашал лекторов прямо в наш офис. Так, например, мы слушали лекции Сергея Ростиславовича Филоновича (декана Высшей школы менеджмента ВШЭ) о менеджменте прямо у нас в офисе. Я потом так сильно втянулась в работу, что много занятий на третьем курсе пропустила, но вот к четвёртому курсу, когда нужно было всё сдавать, пришлось опять собраться.

Обучение шло к концу. Какую тему Вы избрали для дипломного проекта? Что Вам показалось в ней интересным, перспективным?

Да, на четвёртом курсе я пошла на специализацию по методам сбора и анализа данных социологических исследований. Многие начали выбирать темы дипломов, связанных с анализом данных: например, сравнение методов кластерного анализа, изучение нейронных сетей, многомерного шкалирования, анализа соответствий и т.п. Мне же хотелось чего-то содержательного. Я заинтересовалась на тот момент темой рисков, нашла Инну Феликсовну и сказала, что хочу писать у неё диплом. Она, к счастью, согласилась. Так, мы начали наше сотрудничество. Я приходила к Инне Феликсовне, и обычно это выглядело так: Инна Феликсовна перечисляла литературу, которую я, по её мнению, должна была знать; я округляла глаза и говорила, что ничего не знаю; она неподдельно удивлялась и отправляла меня в библиотеку. Очень много часов было проведено в ИНИОНе. Читала я на английском и немецком. Так, я осилила книгу Лумана по социологии рисков и ряд работ Ульриха Бека по-немецки. Тогда для меня это было достижением. В итоге моя работа была посвящена теме различий между обыденным и научным восприятием рисков. Цель исследования состояла в том, чтобы предложить научную классификацию рисков, которая будет строиться не на научных или вероятностно-обоснованных классификациях риска, а на основании обыденных и повседневных классификаций индивидов. Рецензентом моей работы выступил Кирилл Андреевич Гаврилов, который в то время только начал работать в Вышке, а сейчас ведёт курс по социологии рисков и является одним из известных исследователей в этой области в России.

Так, я успешно защитила дипломную работу и сдала экзамены в бакалавриате, а потом поступила в магистратуру на совместную программу Шанинки и Вышки (сейчас такой совместной программы уже нет).

Когда я уезжал в Америку, в России еще не было бакалавриатов и магистратур. Пожалуйста, поясните, что представляла Ваша магистерская программа. Сколько лет учиться? Все курсы по выбору или есть обязательные и по выбору? По какой специальности Вы специализировались?

Да, как раз когда я обучалась, ещё была возможность выбрать — идти на специалиста (5 лет) или бакалавра (4 года). Далее можно было пойти на магистра. Я решила пойти в магистратуру на комплексный социальный анализ, где первый год обучения проходил в Шанинке, а второй год — в Вышке. В Шанинке всё было по-другому. Там обучается очень мало студентов, поэтому всегда была такая тёплая и почти семейная атмосфера. Но больше всего меня поразила библиотека: она была создана, для того чтобы в ней можно было работать. В Вышке в библиотеку почти ничего нельзя приносить: все сумки нужно сдавать в раздевалку, чтобы было видно, что вы ничего не украли из библиотеки. Туда нельзя приходить с едой, напитками и т.д. Всё это можно было делать в Шанинке. Кроме того, там было очень много книг, которые невозможно было найти в Вышке. В общем, Шанинка подкупала многим.

В это время деканом социологического факультета в Шанинке был Д. М. Рогозин. Он читал у нас курс по методологии социологических исследований. Историю социологии, а также курс по социологии пространства вёл Александр Фридрихович Филиппов. Его лекции нравились мне больше всего. Он блестящий лектор. Там же я познакомилась со Светланой Петровной Баньковской, которая вела курс по социологии маргинальности. Год в Шанинке был, наверное, самым ярким и запоминающимся годом всего моего университетского обучения. На второй год мы перешли в Вышку. И на первом и на втором году обучения мы защищали магистерскую диссертацию (т.к. на первом году мы получали диплом Шанинки, а на втором году — диплом Вышки).

Что такое магистерское исследование или магистерская диссертация? Какой теме было посвящено Ваше исследование?

На первом году обучения моя магистерская диссертация была посвящена теоретическим аспектам восприятия рисков. Это был антропологический подход, и я опиралась на теорию разметки/группы Мери Дуглас. Интересно, что в то время как интерес большинства ученых к рискам связан с тем, что риски разрушают общественный порядок, выходя из-под контроля наук, Дуглас приходит к тому, что риски защищают и поддерживают социальный порядок. Они воспроизводят социальную структуру.

В работе я рассмотрела социальные факторы, которые определяют восприятие рисков на групповом уровне, такие как институт власти, восприятие пространства, степень открытости группы, а также восприятие времени. Например, в системах, проецирующих далёкое прошлое на далёкое будущее, основной риск связан с тем, что будущее может быть непохоже на прошлое. В схеме Мери Дуглас это иерархические общества. Здесь риски связаны, прежде всего, с невыполнением «заветов предков», ибо последнее означает успешное будущее. Наоборот, сообщества, которые планируют своё будущее на короткий период, не ориентируясь при этом на прошлое, более положительно относятся к неопределенностям. Подобные группы готовы идти на риски, ибо риски связаны с новыми возможностями получения высокой позиции или прибыли. Это индивидуалистские общества.

В теории Мери Дуглас также интересен ход по включению пространственной составляющей в определении риска. Как правило, риск определяют через временную категорию. Точнее, подчеркивают, что понятие начинает употре-

бляться в тех сферах, где признается, что будущее непостижимо и открыто для различных событий. Риск разделяет настоящее и будущее, это всегда последствия, непредсказуемые и неопределенные. Она же определяет риски через категорию пространства: это то, что не на своём месте. Определенные действия должны выполняться в определенном месте; определенные объекты должны располагаться в специально отведенном для этого месте. В противном случае они классифицируются как опасные. Рискованно то, что находится на пространственной границе (например, на границе между женской и мужской частью дома), или смешивает различные представления о пространстве. Например, опасен тот, кто, располагаясь в публичном пространстве, воспринимает его как частное. Если для человека, имеющего дом, улица — это нечто внешнее, то для бродяги улица — это место его обитания, внутреннее помещение. Его положение неопределенно, он подвергается опасностям, однако в то же время воспринимается другими как источник опасности. Несмотря на то, что антропологический подход к изучению восприятия рисков Мери Дуглас стал популярным в 80-х годах, он не породил множество эмпирических исследований. Основная проблема была в операционализации данного подхода.

Вторая моя магистерская диссертация была также связана с изучением рисков, а именно, я изучала поведение игроков в казино. Тогда ещё казино в Москве были разрешены. Я вела наблюдения в казино «Метелица» на Новом Арбате. До этого я никогда не была в казино. Первое моё посещение было для меня шоком. Какой-то совершенно другой мир. Я ходила туда на протяжении месяца 3–4 раза в неделю. При написании работы я опиралась на работы Гофмана (кстати, он был заядлым игроком) и описала вовлеченность людей в игру, когда они находятся в казино. Прежде всего, казино — это определенная пространственная организация (отсутствие окон, определенное размещение игровых залов). Пространство казино организовано таким образом, чтобы посетители, забывая серый и скучный мир повседневности, в котором нет эмоции и страстей, переносились в яркий мир казино, в котором индивид сам управляет своей судьбой, принимая рискованные решения. Пространство казино (игровые залы, объекты) направлено на полное увлечение и поглощение посетителей игрой. Подобная вовлечённость обеспечивается за счет эмоциональной составляющей: сильные эмоциональные переживания становятся основой, формирующей фрейм казино.

По-своему также организовано время. Казино вообще не предполагает существование космического времени, регулирующего повседневную деятельность. Оно намеренно пытается исключить категорию объективного времени: казино открыто всегда, 24 часа в сутки, 12 месяцев в году. В казино игрок не найдет никакого упоминания о времени: здесь принципиально нет календарей, нет часов, нет окон. Игрок не может узнать время у дилеров: дилерам запрещено носить часы. Здесь нет смены времени суток, нет смены времен года, здесь вообще нет времени, точнее время в казино приостановлено, а есть только игра и время игры. Основная составляющая игры в казино — невозможность игроков контролировать и укротить собственную вовлечённость. Почти что невозможно «вовремя» прекратить игру. Пока есть в кармане хоть какие-то деньги или пока их кто-то занимает, игрок сидит, ибо велика иллюзия быстрого выигрыша.

Все завершилось гладко, не «заболели» казино, в том смысле, не тянуло и дальше изучать риски, поведение в пространстве рисков? Итак, магистратуру Вы закончили, получили степень. Какие были планы на дальнейшее? Вы смогли их реализовать?

После завершения обучения в магистратуре я поступила в аспирантуру (опять же в вышке). К этому времени я уже работала в области маркетинговых онлайн-исследований. Сначала в международной компании GMI (Global Market Insight), а далее после того, как они закрыли офис в России, Александр Шашкин (тогда генеральный директор GMI в России) открыл собственную компанию Online Market Intelligence. Так что я перешла в Online Market Intelligence. Основа этого бизнеса – продажа выборок из больших неслучайных онлайн-панелей. Мне очень нравилась моя работа. Мотивация у меня зашкаливала, и вообще был такой драйв от всего происходящего. Ведь мы тогда продавали не услуги компании, а вообще идею перехода с личностных или телефонных опросов на онлайн-опросы: ходили в большие исследовательские компании и рассказывали о том, что такое онлайн-опросы и почему время для них пришло не только в Европе и США, но и в России тоже. Конечно, ко времени выбора темы я ничего другого не видела, кроме как связать тему диссертации с онлайн-исследованиями. Инна Феликсовна поначалу была против, т.к. в 2007 году казалось, что защищаться по онлайн-исследованиям пока ещё рано. Но, взвесив все за и против, я решила, что интерес будет большим, и в течение трёх лет многое изменится. Инна Феликсовна тогда же навела меня на работы про выборку respondent-driven sampling (RDS) – это такая сетевая выборка по типу снежного кома, но с помощью которой можно вычислить ошибку выборки. Разработал этот тип выборки Дуглас Хекаторн для изучения закрытых совокупностей (прежде всего, труднодоступных групп потребителей инъекционных наркотиков). Он также применил данный тип выборки в онлайн-среде для опроса студентов. Инне Феликсовне показалась интересной идеей апробировать данный тип выборки в онлайн-среде именно на закрытой совокупности. Мне понравилась эта идея, и я подумала, что можно использовать имеющиеся связи для опроса игроков казино через онлайн-опрос. Так, выстроилась моя диссертация: рассказать в целом о возможностях онлайн-исследований, представить типологию онлайн-исследований, а далее показать возможности на примере эмпирического исследования игроков казино через онлайн RDS выборку. Так что, можно сказать, что игроки в казино остались со мной и в кандидатской диссертации, но они уже не были в фокусе моего исследовательского интереса. Интерес был к методологии онлайн-исследований. В 2010 г. я защитилась.

Преимущество (и в это же, возможно, одновременно и недостаток) писать про онлайн-исследования – в этой области всё очень быстро меняется. Я часто говорю, что как только вы немного задержались с написанием работы (а тем более диссертации) по этой теме, то тут же можно добавлять к методологии онлайн-исследований слово «история». Распространение и популярность онлайн-исследований было столь стремительным, что если в 2007 г. ко мне было очень много вопросов, то в 2010 г. (на защите) вопросов к актуальности данной работы у членов диссертационного совета вообще не было.

Очень интересная история, как здорово соединились Ваши интересы. Не расскажите ли кратко суть RDS и результат изучения игроков казино.

RDS выборка — это выборка по типу снежного кома. Но если в стандартном снежном коме исследователи получают новые контакты от респондентов, то в RDS выборки сохраняется конфиденциальность, т. е. респонденты предоставляют своим знакомым купоны, а уже эти знакомые решают, принимать участие в исследовании или нет. За участие в исследовании и за приведение знакомых респондент получает определенное вознаграждение. Но это всё же не основа RDS выборки.

Если мы попытаемся механизм построения случайной выборки на основе снежного кома, то мы пойдём по принципу, который Лео Гудман описал в своей известной статье 1961 г.: выбираем k первых респондентов с применением принципа рандомизации, далее просим каждого респондента составить список своих знакомых, и опять же случайным образом выбираем n знакомых из составленного списка. Опрашиваем их и повторяем такую процедуру несколько раз. Вуаля, у нас случайная выборка с применением метода снежного кома.

Наибольшая проблема, с которой сталкивается исследователь, — это невозможность построения случайной выборки на первом этапе. Итак, если это невозможно, означает ли это, что невозможно репрезентировать группу и рассчитать ошибку выборки на основании опроса методом снежного кома? Вот Дуглас Хекаторн показывает, что в закрытых совокупностях можно начать с любых респондентов (RDS выборка может быть использована только для довольно закрытых совокупностей, т. к. изначально предполагается ненулевая вероятность отбора каждого). А прийти к выборке, которая не зависит от изначальных субъектов, с которых начался опрос. И такая выборка с определенной точностью (которую можно рассчитать) будет репрезентировать изучаемую закрытую группу. Посредством ввода ряда формальных предположений в модели можно рассчитать ошибку выборки. Ключевая идея состоит не в прямой оценке параметров генеральной совокупности на основе выборочных данных, а в первоначальной оценке параметров социальной сети, на основе которых уже оцениваются параметры генеральной совокупности. Базовым предположением, при этом, является представление цепочки опрашиваемых в виде цепи Маркова. Таким образом, предполагается, что процесс опроса (рекрутирования новых респондентов) — это последовательность случайных событий, где будущее (т. е. тот, кто будет опрошен в последующих волнах) не зависит от прошлого (т. е. от того, кто был опрошен ранее). Кроме того, предполагается, что респонденты рекрутируют людей из своей социальной сети случайным образом. Есть ещё ряд формальных предположений RDS выборки. Проблема, однако, состоит в том, что редко когда эти предположения соответствуют реальному ходу вещей. И не всегда (а даже, как показывают, ряд исследований, редко) смещения, которые могли быть вызваны изначально построенной выборкой, нивелируются при последующих волнах опроса.

В диссертации мне нужно было сравнить мои данные с репрезентативными данными. Основной проблемой, при этом, стало отсутствие репрезентативных данных об игроках казино. Я лишь смогла сравнить основные социально-демографические переменные на основании опроса ФОМа о тех, кто когда-либо играл в казино. В работе я показала различия между оценками онлайн RDS-опроса и оценками ФОМа.

Айгуль, чем Вы теперь занимаетесь? В какую сторону идете?

Ко времени защиты кандидатской диссертации я уже заняла в компании Online Market Intelligence позицию исполнительного директора (а до этого занимала позицию директора по исследованиям), и в течение трёх лет обучения в аспирантуре по факту наукой, конечно, не занималась. Лишь только выкраивала время для написания диссертации. Но после защиты я решила уволиться с работы и уехала на год в Германию для прохождения постдокторской стажировки в Университет Бонна у Йорга Блазиуса. Кроме того, как раз прямо перед моей поездкой в Германию мы с Инной Феликсовной организовали небольшой курс повышения квалификации в Вышке по онлайн-исследованиями, куда пригласили Мика Купера – профессора Мичиганского университета и известного эксперта в области онлайн-опросов. С тех пор мы с ним сдружились.

Я уехала на год в Германию. В Университете Бонна я получала стипендию от DAAD и могла проводить исследования. Это был 2011–2012 г. Тогда начался мобильный бум. Мобильный Интернет, мобильные устройства стали распространяться с невероятной скоростью: смартфоны, планшеты. Я решила провести эксперименты в области мобильных веб-опросов. За время пребывания в Университете Бонна я провела два эксперимента, один из которых – вместе с М. Купером. Так, были опубликованы мои первые две статьи в международных рецензируемых журналах (Social Science Computer Review и Survey Research Methods).

После возвращения в Вышку я продолжила сотрудничество с Купером в области мобильных веб-опросов. Мы опубликовали ещё одну статью в Journal of Survey Statistics and Methodology, а другая – скоро появится в Field Methods. Кроме того, мы также написали две главы по мобильным веб-опросам для книг, которые выйдут в 2015–2016 г. Одна из книг будет приурочена к довольно значимой конференции International Total Survey Error Conference: Improving Quality in the Era of Big Data.

Помимо исследований в области мобильных веб-опросов мне также интересна тема геймификации онлайн-исследований, т.е. возможности включения геймифицированных элементов в опросы. У меня вышла статья в Social Science Computer Review по геймификации онлайн-опросов для детей и подростков, и, надеюсь, в самое ближайшее время выйдет другая статья по геймификации в International Journal of Market Research.

Область онлайн-исследований быстро меняется: здесь технологии задают темп и тематику исследований. Поэтому данные и статьи быстро устаревают, как и в компьютерных науках. Не успели начать говорить об одном, как возникает что-то новое и уже все говорят только об этом. Здесь надо всё время держать руку на пульсе.

При столь глубоком изучении разных аспектов онлайн-опросов и активной публикации результатов исследований на Западе, не думаете ли Вы о подготовке Ph.D или/и докторской диссертации?

Да, я задумываюсь над написанием Ph.D. на Западе. В этом году у меня запланирована поездка в Эссекский университет на пару недель в Institute for Social and Economic Research к Питеру Линну – методологу, известному, прежде всего, работами в области лонгитюдных исследований. Когда я ему написала,

выяснилось, что он знает некоторые мои работы. Мою работу по геймификации онлайн-опросов для детей они обсуждали с коллегами в журнальном клубе. Конечно, мне было очень приятно это узнать. В общем, я планирую обсудить возможности написания диссертации там в Институте. Но пока эти планы очень туманные.

Вы следите за развитием и использованием веб-технологий лишь на Западе или и в России? Если Вы информированы о применении онлайн-опросных схем в России, как Вы оцените их уровень: примерно, как на Западе, или заметно ниже? Какие организации Вы назвали бы в качестве лидеров?

Если говорить о бизнесе и онлайн-панелях, основанных на невероятных выборках, то мы запаздываем ориентировочно на два-три года. В принципе, запаздывание можно значительно сократить, но здесь есть три препятствия. Первое препятствие связано с проникновением Интернета и другими технологиями. Это проникновение значительно ниже в России по сравнению с западными странами. Во-вторых, зачастую сами исследователи в России не готовы к изменениям и не видят преимущества в инновациях. В России, как правило, разработками новых исследовательских практик и методик, не занимаются. Зачастую получается так, что если определенная технология разработана или принята головным офисом, то локальный офис международной компании либо может о ней совсем не знать, либо начать использовать только потому, что решение об этом принято в головном офисе. Интернет технологии более выгодны головным офисам международных компаний. Так, много исследований можно проводить без включения локальных офисов. Например, централизованно для Кока-Колы провести онлайн фокус-группы во всех странах, а далее провести количественный онлайн-опрос, заключив, при этом, контракт с международным онлайн-провайдером. Это второе препятствие связано с третьим, а именно, с тем, что технологии в России стоят дороже, чем человеческий труд. Онлайн-опрос будет стоить дороже в России, чем телефонные интервью. Онлайн фокус-группа не дешевле (а то и дороже) традиционной фокус-группы. Конечно, это препятствует переходу на онлайн и развитию новых технологий в исследовательской области.

Мне кажется, что по-прежнему, лидер на рынке количественных онлайн-опросов является компания Online Market Intelligence. Хорошая позиция у компании Tiburon. Кроме того, есть ряд международных панельных провайдеров, которые либо имеют здесь представителей (например, Cint), либо не имеют, но продают российскую панель. Когда-то сильная позиция была у компании Масми, однако сейчас они сильно сдали. В целом, рынок очень подвижный и конкуренция усиливается. Есть ряд интересных компаний, которые занимаются мониторингом социальных медиа. Я бы здесь отметила компанию Wobot.

Уже на протяжении нескольких лет в бизнесе говорят о «вымирании» онлайн панелей. На Западе основная проблема состоит в очень низкой доле откликов среди членов онлайн-панелей. Это доля откликов может быть 2–3%. Там респондентам присылают десяток приглашений в день. В итоге через полгода-год панелисты перестают принимать участие в опросах. Преимущества российских онлайн-панелей состоит в том, что пока многим респондентам это

в новинку, хотя надо отметить, что ситуация уже несравнима с тем, что происходило на рынке, скажем, в 2007–2008 гг. Если в те время доля откликов была около 80%, то сейчас в лучшем случае она не превышает 30–40%.

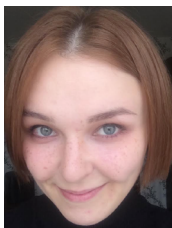
Если же говорить не о бизнесе, а об академических институтах или статистических организациях, то здесь отставание, боюсь, намного больше, хотя я здесь точно не могу сказать. Мы в прошлом году организовали с Инной Феликсовной круглый стол на тему «Онлайн-опросы как источник данных о населении РФ» и пригласили ряд исследователей и экспертов. Мероприятие также посетила Елена Фролова, начальник Управления статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Росстата. Однако, к нашему большому сожалению, на встрече она мало что вообще сказала. Складывается ощущение, что Росстат – это очень закрытая организация, которая боится раскрыть какие-то «секретные» данные о том, что же там происходит. На встрече она мельком заметила о планах частичного перевода переписи населения в Интернет-перепись и апробации этого подхода на микропереписи 2015 г. Я очень надеюсь, что Росстат потом опубликует подробный отчет о том, кто заполнил через Интернет, когда и т. д. Я также всё жду, когда RLMS будет тестировать переход на заполнение анкеты через Интернет. Не знаю, проводятся ли эксперименты М.С.Косолаповым, но, думаю, что есть в них смысл. И, конечно, мечтаю, что когда-нибудь будет построена репрезентативная онлайн-панель в России. Время для этого пришло.

Вы продолжаете работать в Вышке, какие курсы Вы читаете?

Да, я читаю курсы, в основном, для магистров. Курсы по онлайн-исследованиям и методологии социологических исследований. Кроме того, со Светланой Петровной Баньковской мы ведём научно-исследовательский семинар у магистров. У бакалавров я веду семинары по современной социологической теории. Курс по онлайн-исследованиям – практически ориентированный. В ходе курса студенты должны провести какое-то исследование или эксперимент, а далее подготовить постер и представить его на конференции памяти Левады. На протяжении последних нескольких лет мы организовываем постерную сессию по онлайн-исследованиям на этой конференции.

В сентябре 2014 г. произошли изменения в Вышке, а именно, произошло укрупнение факультетов. Так, факультет социологии стал департаментом факультета социальных наук. Многие перешло из центра на уровень факультетов. Кроме того, на факультете появилась новая позиция – зам.декана по науке. В декабре 2014 г. её на факультете заняла я. Пока точно не знаю, правильное это решение или нет, но я попробую. Сейчас очень много времени уходит на административную работу, но я надеюсь, что это будет только в начале, хотя не уверена. В связи с тем, что много времени сейчас уходит на административную работу, это интервью затянулось по времени. И я прошу Вас меня за это простить.

Айгуль, для меня наша беседа оказалась очень интересной, и мне грустно ее завершать...

Интервью с Марией Олеговной МАКУШЕВОЙ

«БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ МОИХ ПРОЕКТОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СВЯЗАНА С ЯМАЛОМ»

Макушева М. О. — окончила социологический факультет Российского государственного педагогического университета (2009 г.), кандидат социологических наук (2013 г.). Независимый исследователь и эксперт Департамента внутренней политики ЯНАО.

Основные области научного интереса: социально-политическая ситуация, этничность, территориальная идентичность, социология языка и семантика

Интервью состоялось: апрель-июнь 2015 г.

Первые дни июля 2015 года. Закончено интересное и порождающее множество вопросов историко-аналитического характера интервью с Марией Олеговной Макушевой.

В моей стратификации поколений советских / российских социологов Мария представляет VII когорту, сейчас — младшую в возрастной иерархии нашего профессионального сообщества. К этой страте я отношу тех, кто родился в промежутке 1983-1994 гг., это первое постперестроечное поколение отечественных социологов. Они не только вошли в социологию в постсоветское время, но и их ранняя социализация проходила уже в новой России. В конце года самым старшим из VII поколения будет 32 года, младшим — 21 год. Это означает, что столетний юбилей современной советской / российской социологии, который будет отмечаться в 2058 году, многие из них встретят полными сил и планов исследователями и преподавателями.

2 июля ушел из жизни один из самых ярких наших социологов — Владимир Александрович Ядов, стоявший у истоков отечественной социологии, — автор первого в СССР учебника по социологии. И с каким интересом в начале второй половины XXI века будут слушать молодые ученые воспоминания социологов VII поколения о том, что они слушали лекции Ядова или хотя бы видели его. Это будет памятный всем присутствующим момент связи многих поколений российских социологов...

Интервью с Марией — девятое с представителями ее поколения, пока — таких немного, но это число может быть и будет увеличено. Однако уже сейчас видно отличие VII поколения от старших когорт, особенно — первых четырех. Главное: молодые входят в социологию, официально признанную самостоятельной наукой, при желании они могут осваивать различные социологические парадигмы и разные исследовательские методы. Они с детства осваивали компьютер и правила поведения в сложном информационном мире. Готовя свои первые публикации, работая над текстом кандидатских диссертаций, они не думали о цензуре. Они рано, кто в студенческие годы, кто несколько позже посещали зарубежные научные центры, учились в Западных колледжах, многие из них чувствуют себя не только членами российского социологического сообщества, но — международного.

Рассказанное Марией дает нам пример раннего осознания своих интеллектуальных интересов и достаточно быстрого вхождения в пространство добротной российской и зарубежной литературы. Позже это вылилось в ее интерес к истории изучения социальной обусловленности языка, теме, лежащей на стыке философии, социологии и социальной психологии. Можно с высокой уверенностью утверждать, что исследование этой проблематики стало возможным лишь для социологов VII поколения.

И последнее. Так скучилось, что после окончания Российского государственного педагогического университета в Санкт-Петербурге, завершения там же аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации Мария сделала неожиданный для прошлых времен шаг — отправилась работать на Ямал. Там она включилась в анализ важных для региона социальных проблем, пробует свои силы как в исследовательской, так и консультативной деятельности. Возможно, мы встречаемся здесь с сигналом о зарождении нового тренда — расширение географии социологических исследований в России. Это может стать одной из функций социологов VII поколения.

Макушева М. О. «Большая часть моих проектов действительно связана с Ямалом»

Мария, Вы, насколько я понимаю, учились в Петербурге, а сейчас работаете на Севере, в Салехарде. Вы и родом из того северного края? Пожалуйста, расскажите о том, где Вы родились, кто Ваши родители, сколь глубоко Вы знаете историю своей родительской семье?

Большая часть моих проектов, действительно, связана с Ямалом. Я провожу здесь много времени. И это не только Салехард, а весь автономный округ — я беру интервью, модерую фокус-группы с городским и сельским населением, планирую количественные исследования и занимаюсь анализом данных, готовлю аналитические материалы. И с Ямалом, так уж получилось, оказались связаны мои собственные, не прикладные исследовательские интересы. Помимо автономного округа в прошлом году мне удалось поработать еще в нескольких регионах России. В силу специфики работы мне сложно сказать, где я живу. Могу говорить «здесь, у нас» и находясь в Петербурге, и на Ямале, и в Иркутске, где живут родители. Наверное, я, все-таки, живу в Петербурге, если можно назвать «живу» эти относительно регулярные визиты в собственную квартиру.

До того, как я начала работать с ямальцами, ничего меня с регионом не связывало. По окончании аспирантуры мне очень хотелось практического опыта, интересного и разнообразного. Оторваться от университета и от книг. При этом не хотелось идти на младшие позиции в исследовательское агентство. В Салехарде мне предложили большую ответственность, большую самостоятельность, свободу передвижений и, смущаюсь сказать, большие для вчерашнего аспиранта деньги. И вообще, на фоне других мест, Ямал звучал очень экзотично. Как говорит один мой знакомый, заниматься исследованиями в Москве и Петербурге — давно не интересно. А там действительно есть специфика. Очень вдохновляет, когда ты постоянно удивляешься. В итоге получается найти и описать то, что местным кажется настолько привычным, что они и не вглядываются. Я думала, и это вполне оправдалось, что получу более глубокую практическую подготовку, работая в регионе. После нескольких оговоренных первоначально проектов я поняла, что мне нравится и задержалась. Уже два года живу на два дома.

А родом я из другого, восточного региона — из Иркутска. В детстве немного жила в Магадане, так как мама работала там в институте ядерной геофизики. Смеется, что у меня травма детства и меня тянет в самые климатически-неблагополучные места — в Петербург, на Ямал.

Мама в начале 90-х сменила карьеру инженера на карьеру бухгалтера. Сейчас она занимается независимым аудитом. История её семьи почти не сохранилась. Бабушка и дедушка умерли рано, до моего рождения, когда маме было 19 лет. Мама наполовину еврейка, я — на четвертинку. Дедушка и папа — русские. Никаких традиций в семье не сохранилось, кашрута не придерживались ни раньше, ни теперь. Как минимум три поколения жили в Иркутске. В семье были врачи и инженеры. Больше ничего не знаю.

Папа занимается ремонтом и строительством. Он — из рабочих. Его семья родом из деревни в Забайкалье. После революции прабабушку, жену местного «богача», выгнали с пятерыми (если не ошибаюсь) детьми на улицу. Они нашли приют в какой-то соседней деревне, у родни. Более детально я знаю их историю с того момента, когда повзрослела бабушка и семья оказалась в строящемся городе Ангарске. Она работала на швейной фабрике вплоть до выхода на пенсию, ухаживала за своей мамой и растила папу. Мне посчастливилось пообщаться с прабабушкой, она умерла в 98 лет, когда я была уже подростком.

Родители развелись, когда мне было 11, с папой мы с тех пор общались мало.

Похоже, Ваша мама права, Вас тянет к «экстриму»... Где Вы провели свои школьные годы? В Иркутске? Чем они Вам запомнились? Что нравилось, что не очень? С 1994 года я живу в Америке, так что годы Вашего детства и юности мне мало известны...

Школьные годы прошли в Иркутске. Сложно отделить в подростковых воспоминаниях то, что связано с типичными для этого периода переживаниями (которые запоминаются больше всего) от контекста, примет времени, которые могут быть Вам интересны. Еще одна сложность — это большая разница между концом 90-х и началом 2000-х и 2002–04 годами.

Во второй половине 90-х, хоть меня финансовые вопросы семьи, конечно, не касались, я помню ужасное расслоение. Боязнь родителей задеть оказавшихся в трудном положении родных и знакомых своей помощью. Неловкость от постоянных напоминаний, что твой учитель живет на грани, если не за гранью бедности. И у нас были тяжелые времена, но, благодаря энергии, трудолюбию и таланту мамы, очень непродолжительные. Я понимаю, что было тяжелое время и очень нестабильное, непредсказуемое для биографий.

Среди сверстников — постоянные обсуждения того, у кого какая одежда, машина у родителей, ремонт в квартире (непреренно «евроремонт»), видеомагнитофон и компьютер. мода на все импортное и «фирменное». Однажды на уроке труда в младшей школе мы делали куклу-Машу по старым зарисовкам нашей учительницы. Моя подружка сказала, что шьет куклу чтобы у её Барби была горничная. Учительница была в шоке, думаю, от того, что дети всё вводили в какой-то непривычный и унижительный контекст. Конечно, тогда это выглядело естественным, только сейчас вызывает у меня раздражение. Все это характерно для младшей и средней школы, в старших классах у многих уже развилось чувство такта. Да и внешняя среда стала другой, это были уже 2002–04 годы.

Мы были детьми, когда в обиход вошел интернет. Нас с друзьями просто захватило общение в чатах и сетевые стратегии. Родители этого тоже не одобряли, но особенно не вмешивались. Сидение за компьютером давало некие гарантии, что ребенок не употребляет за углом наркотиков.

В городе в конце 90-х — начале 2000-х было беспокойно. На улице около мусорных контейнеров можно было увидеть валяющийся шприц, бродили дети, прятавшие под воротом грязных курток пакеты с клеем. Притом, жили мы не на окраине, а в самом центре. Родители очень переживали. Сейчас такого уже нет.

Написала я, в основном, про плохое и ужасное. На самом деле, общие ощущения очень светлые. Все подростковые вещи сейчас вспоминаются с улыбкой. Например, увлеченность субкультурами. К тому же, взрослые постоянно напоминали, что у нас масса возможностей, потребительских и образовательных, которых они были лишены.

Появился Интернет... наверное, читать книги уже не хотелось? Или все же... Какие у Вас интересы появились в старших классах?

Читать книги как раз и захотелось в старших классах. Не столько художественную литературу, сколько научную и научно-популярную. Наверное, это не только у меня, так как я помню, что на первом курсе мы с друзьями были широко, но бессистемно начитанны. В 10–11 классах я особенно увлеклась социальной психологией и философией. Еще помню, что зачитывалась классическим психоанализом. Даже хотела стать психоаналитиком, но недолго.

Художественной литературы я тоже читала много. В основном европейскую классику. Конечно, не прошли мы мимо «Generation П» и «Жизни насекомых». И мимо Коэльо и Мураками тоже не прошли, они тогда были очень популярны. Стихов я никогда не любила, но в 10 классе меня попросили написать на олимпиаду эссе и мы вместе с классным руководителем выбрали Бродского. Не знаю, какими соображениями руководствовалась она, но я влюбилась на всю жизнь.

Когда Вы впервые побывали в европейской части страны? Где?

Впервые побывала в Москве, проездом на юг, но помню эти визиты плохо. Первое сознательное путешествие — в Петербург. Школа организовала для нас 10-дневную экскурсию на новогодних каникулах.

Интересно, как, под влиянием чего, кого у Вас возникло желание читать книги по социальной психологии и философии? Наверное, Ваш классный руководитель знал, понимал Ваше увлечение, иначе не предложил бы Вам писать о поэзии Бродского...

Не могу вспомнить когда именно и в связи с чем я заинтересовалась социальной психологией. Может быть, это влияние школьного обществознания. У нас был прекрасный педагог. Увлеченная, с интересными современными примерами, дискуссионными вопросами. Помню, что дома быстро появились популярные вводные курсы по общей и социальной психологии Майерса, хрестоматия «Психология толп» с Лебоном и Тардом. Точно был Фрейд, «Тотем и табу», читать его было очень сложно.

Философией у меня увлекался старший брат. У него была неплохая библиотека. И он ужасно критиковал школу, учебники по литературе, истории и обществознанию. Говорил, что они бессодержательные и никакого нормального образования без первоисточников не бывает. Этот перфекционизм у него с юридического. Мы много разговаривали, я таскала его книги.

Точно помню, что одним из первых я прочитала сборник Жана де Лабрюйера. У него есть и типичные для моралистов рассуждения, но мне больше всего понравились бытовые наблюдения и анализ манер и привычек людей его круга. Очень социологические темы. Потом у меня в руках каким-то образом

оказался Макиавелли, «Рассуждения». Еще я помню «Похвалу глупости», её было здорово цитировать по поводу и без. Еще «Так говорил Заратустра», сквозь которого приходилось буквально продираться.

Сегодня я впервые попыталась восстановить последовательность своего чтения и не обнаружила никакой системы и связующего звена. Может быть, я бы выделила только тему массового сознания, но это больше относится к социально-психологическому и около социологическому кругу чтения. В основном же — скачки по популярным произведениям.

И вот Вы завершали школу... Какие были планы? С кем Вы их обсуждали?

Во-первых, хотелось в Петербург. Москву я, почему-то, не рассматривала. В последний год я собирала материалы о жизненных ориентациях, стратегиях молодых людей и девушек в регионах, где участвовала в исследованиях. И заметила, что Петербург во многих городах Урала, Сибири популярен значительно больше столицы. Здесь свою роль играют и старые связи предприятий и учебных заведений, как, например, в Красноярском крае; и страх перед Москвой, её ценами, доступными далеко не всем семьям, её социальным «климатом». У Петербурга при его столичности сформирован образ более теплый, человечный. Кажется, что здесь тебя лучше примут. Что здесь люди просто живут, не участвуют в погоне с жесткой конкуренцией. И что когда каждый камень имеет свою значительную историю, это придает значительности и твоей жизни. Пишу об этих ребятах и их мыслях, так как вижу в них себя в том возрасте.

Во-вторых, я хотела поступать на социальные науки. Металась между фундаментальным образованием и смежными прикладными направлениями (реклама, связи с общественностью). Мама с её прошлым физика и настоящим экономиста не очень понимала смысл подобных занятий, однако, не препятствовала. Даже устроила мне стажировку в рекламном отделе радиостанции, где мы писали тексты для роликов. Родственникам в целом это казалось довольно эфемерным, не настоящими профессиями.

Аттестат зрелости — в руках. И что, поехали в Петербург? Как Вас принял город? Удалось поступить?

Для нашей маленькой семьи год поступления выдался не самый легкий. Мама много болела, при этом не оставляла работы. Поэтому меня никто на подачу документов и на вступительные экзамены не сопровождал. В Петербурге я остановилась у друзей семьи, но, по большому счету, я была совершенно свободным от опеки 17-летним ребенком в большом городе. И с организационной точки зрения наделала глупостей. Подала документы в два вуза, о гуманитарном образовании которых слышала самые лучшие отзывы, но на разные факультеты. В СПбГУ на философию и в РГПУ на социологию. Поступила в оба. Потом пришлось выбирать и между вузами, и между специальностями. В Российском государственном педагогическом университете на факультете филологии преподавала наша знакомая. Она очень хорошо характеризовала факультет социальных наук, на который я подавала документы, и я решилась.

По случайности на зачислении познакомилась с другой иногородней девушкой, которая искала соседку в съемную квартиру. Она до сих пор мой лучший друг. Живет сейчас в Париже и Цюрихе.

Выбирали где поселиться, учитывая скромные бюджеты и эстетические запросы. Краины, например, Купчино, отгалкивали. Решили жить в Пушкине, недалеко от Екатерининского и Александровских парков. Дорога до университета занимала больше часа, зато место было чудесное.

Мы быстро перезнакомились и подружились с однокурсниками. Кто-то, помню, в качестве комплимента говорил моей подруге, что она совсем не похожа на костромичку. С той же интонацией, с какой в Европе можно услышать одобрительное «Вы совсем не похожи на русских». Но, в целом, я не помню особого снобизма местных сверстников. Город принял хорошо.

РГПУ – старое учебное заведение, с добрыми традициями, с интересной территорией в центре города... как пошло учение?

Интересно и легко. В первый год было много общеобразовательных курсов. Многих раздражали культурология, на которой мы готовили доклады о ведьмах в средневековой Европе, пиратах или дуэльном кодексе. Но мне нравилось. Никакого прагматического, утилитарного настроя на получение знаний, которые непременно можно будет использовать в работе, не было.

Первый профильный курс по общей социологии тоже очень увлек. Первое, что нам рекомендовали прочесть – это «Лодка на аллеях парка» Монсона, «Гуманистическая социология» Бергерова и «Введение» Баумана. Еще Гидденс и учебник, написанный заведующим кафедрой. Все это невероятно захватывало и казалось, что нет такого вопроса, на который социология не знает ответа. Магические слова «институт» и «практика» объясняли буквально все. Лектор была любимицей группы.

Уже поднимался вопрос о том, кем же студенты станут после и где будут работать. Но он еще не стоял так остро, скорее был поводом для шуток.

Территория университета располагала к общению и прогулкам. У нас было любимое место в одном из скверов. Рядом с университетом было много кофеен. Были и обычные молодежные разговоры о музыке, о клубах, о том, кто кому нравится; были и какие-то философские споры о допустимости смертной казни, сексизме, массовой культуре. За этим всем первый курс буквально пролетел.

Вы пишете: «Лектор была любимицей группы». Может назовете этого чудесного преподавателя? Что в его (её) подходе к предмету импонировало?

Это была Светлана Геннадьевна Кошкина. Сейчас она больше не работает в университете, насколько я знаю, уехала во Францию. Она была необходимым переходом от школьного учителя к университетскому преподавателю. Остальных стеснялись и побаивались, а к ней можно было прийти со своими сомнениями и глупыми вопросами. Не смотря даже на очень молодой возраст, мы называли её «мамой курса» (конечно, не лично). Этот переходный период крайне важен, мне кажется. В школе дети привыкают к иной модели взаимоотношений. Например, сказав что-то на семинаре, ждут одобрительного кивка, оценки, похвалы. Слова о том, что здесь не школа и вопросы, которые мы обсуждаем, правильного и не правильного ответа чаще всего не имеют, принимаются и становятся регулирующим принципом поведения далеко не сразу.

Кроме этого она прекрасно структурировала свои лекции, делала их легкими для восприятия вчерашнего школьника при этом не переходя грани с популизмом.

Как складывались Ваши собственные исследовательские интересы? Чем хотелось заниматься?

На первом курсе я хаотично читала. Если попытаться систематизировать, то меня занимало несколько вещей. Во-первых, летом перед поступлением благодаря родственной протекции я проработала несколько месяцев на радио в отделе, который пишет тексты для передач и рекламных роликов. Встречалась с клиентами и придумывала разные «Успех начинается с улыбки» для стоматологий. Поэтому меня интересовала реклама и то, в особенности, что практики в этой сфере должны основываться на знаниях социологов и психологов, а не только на озарениях. Но те несколько книг по социологии рекламы и социологическим исследованиям для специалистов в рекламной области, которые я нашла, мне совсем не понравились.

Во-вторых, я читала на темы, которые мне были интересны в школе — о массовом сознании, психологии толп. Снова Лебон, Тард, Юнг и другие.

Затем — современные мифологии. Я читала как современные книги, например, «Мифодизайн» Поцепцова, который создал в нашем университете лабораторию, так и классические — психоаналитический разбор мифа, морфологию сказки Проппа, открывала Леви-Стросса.

Кроме того, меня заинтересовала близкая тема — природа и механизм формирования общественного мнения, по которой я на втором году обучения писала курсовую работу. Еще на первом курсе я запаслась книгами Грушина, Липпмана, Цаллера, Гавры.

Вы писали по этой тематике курсовые, диплом? Или увлеклись другими сюжетами?

Писала курсовую о природе общественного мнения, которую, к сожалению, теперь не могу найти. В основе было три сюжета. Первый — мнение как оценочное суждение. Вокруг него строились рассуждения о том, откуда мы берем информацию, почему обращаем внимание на те или иные процессы, события и исходя из чего их оцениваем, как наши оценки опосредуются нашим окружением. Второй — субъект общественного мнения, где я пыталась не утонуть среди понятий массовое сознание, классовое сознание, габитус и других. Третий — общественное мнение как конструируемый феномен в соответствии с идеями П. Бурдьё и П. Шампаня. По сути, две разные темы. Даже не могу представить, как это все было организовано в связный текст.

Из-за чтения Бурдьё и его последователей сформировалось очень критическое отношение к опросной практике. Примерно в это время мы с однокурсниками участвовали в исследовании кафедры прикладной социологии по политической тематике. Я помню забавную дискуссию во время обсуждения результатов. Докладчик сказал нам, что молодежь в принципе аполитична, вопросы эти её не заботят, не привлекают внимания. При этом распределения в разрезе возрастных

групп комментировал: «молодежь в целом считает...». Как же так, интереса нет, а мнение есть? Судя по тому, что я слышу и читаю сегодня, наивные вопросы не остались на нашем втором курсе.

Темой я затем не занималась вплоть до последнего времени. Сейчас интерес уже больше вытекает из практики, из необходимости корректно комментировать данные и желания сделать некоторые обобщения на тему механизмов восприятия власти и не только. Тогда же я натолкнулась на множество ответвлений и связанных интересных сюжетов, философских и социологических, которые и увлекли.

Увлеклись... и что? что последовало?

Ни одна из тем, которые мне были интересны на первых курсах, не стала предметом долгосрочных исследований. Дальше были феноменология и курсовая о множественных реальностях Щюца. Интересы вырисовывались не сразу, четкой единой линии не было. Этому способствовало построение учебного плана: история социологии, социология международных отношений, гендерная социология, СМИ, общественное мнение, труд, этносоциология, социальная антропология ... Если ты начинал как ответственный студент читать литературу по курсу и готовиться ко всем семинарским занятиям, сосредоточиться на чем-то одном возможности не было. Но появлялись какие-то опорные точки. Коллективные представления, общее знание, повседневность и, прежде всего, её ментальные составляющие, групповая идентичность и практики. Из теоретиков – Бурдьё, Гидденс, феноменологически-ориентированная социология, структурализм.

Каждое из направлений затрагивает вопросы языка – Пьер Бурдьё с рынком символических ценностей и разбором официального языка, Энтони Гидденс с разделением дискурсивного и практического сознания, Ирвин Гофман, рассматривавший язык как один из классовых символов, идея фоновых практик и речевых практик как их разновидности в социологии повседневности, наконец, структурализм и лингвистический поворот. В итоге это привело к социолингвистике и социологии языка. Однажды глаз зацепился за небольшой абзац о теории развернутого и ограниченного кодов Базила Бернштайна. Имя было не знакомо по нашим курсам. Я выписала название работы. И чем больше я читала о социолингвистике, тем больше проникалась интересом и, возможно даже, сожалением, так как хотелось более солидной лингвистической базы. Дипломную и кандидатскую я писала по теории и истории социологического изучения языка.

В чем суть подхода Б.Бернштайна, какого рода проблемы позволяет исследовать его методология?

Базил Бернштайн в русскоязычных источниках, в основном, упоминается как создатель варианта теории языкового изоморфизма, который критикуется. Но его работы шире. В англоязычной традиции, насколько я могу судить, он известен как социолог образования.

Во-первых, развивая теорию образовательных неудач и неравенства шансов детей из рабочего и среднего класса, он переводит неравенство не только образовательное, но и любое, связанное с функционированием институтов, из плоскости разговоров о воспитанности и интеллекте даже не в языковую, а шире – в социокультурную плоскость. Язык как средство социального различия работает и как средство социальной селекции. Здесь он очень близок

к Пьеру Бурдьё. У последнего на эту же тему есть статья «Les categories de l'enlèvement professoral» (Категории профессорского понимания). Речь даже не о неравенстве, не о том, чтобы рассмотреть различия в одном измерении — выше/ниже, средний класс/рабочий класс. Речь о любом доминировании социальной группы, о том, что организации имеют не только утилитарное, но и конвенциональное экспрессивное измерение, о распознавании «своих» и «чужих» в разных средах.

Меня эта тема интересовала еще в одном приложении. В РГПУ я достаточно часто сталкивалась с педагогами. Не хочется навешивать ярлыки, но я рискну охарактеризовать их как блюстителей норм — многим было свойственно рассуждать в категориях должного и стигматизировать. Дистанция, отделяющая современного школьника от классической культуры, в том числе и языковой, воспринимается многими как проблема, с одной стороны, психологическая или социально-психологическая, связанная с «испорченностью» молодежи, с другой, как проблема самого общества. Школьники же рассматриваются как единая категория, без территориальных, социально-классовых и половых различий. О том, что эти практики функциональны в молодежной среде, или о том, что школьники совсем не однородны с точки зрения языковых практик, не говорится. В этой теории я увидела хороший критический потенциал.

Во-вторых, теория Бернштайна и других социологов языка дает понимание языка группы как функционального, имеющего генетическую связь с историей, актуальными потребностями, местом группы в «социальной топологии». Его работы помогают анализу социальных сред, логики их функционирования через анализ их языковых практик. Примеров масса — и приведенный с молодежным сленгом, и субкультурные практики, и, например, язык чиновничества и языковое сопротивление интеллигенции официальному языку.

Еще в практическом отношении этот подход позволяет анализировать ключевую лексику целевых групп, например. Но это уже разговор не только о Бернштайне, а о направлении в целом.

Какую тему вы избрали для дипломного исследования, как в ней использовались методология, выводы Бернштайна?

Диплом был посвящен истории изучения социальной обусловленности языка. По сути, я старалась собрать, систематизировать опыт изучения социальной дифференциации языка, терминологию и подходы, найдя им параллели в социологии. В центре внимания было направление, идущее от тезиса о вертикальном и горизонтальном членении языка Бодуэна де Куртене через российских социолингвистов начала века, американских исследователей 50, 60, 70-х годов — изучение социальных вариантов речи, источников вариативности и всего, что с ними связано (языковая общность, социальные функции языка, официальный/неофициальный языки, просторечье, социолекты и т. д.). Очень интересовали возможности применения к языку понятий социальная практика, социальный институт. О социолекте иногда говорят как о коде, но, в действительности, границ, подобных границам между национальными языками (когда можно сказать, например, что это французское слово, а это немецкое), между ними нет. Это — тенденции в речи, которые существуют, воспроизводятся, только по средством практик.

Дополнительно я пыталась связать все это с другим направлением, социосемантическим (Ролан Барт, например) и социальной феноменологией. Вообще, в ней интерес к языку в социологии проявился особенно остро. Например, в книге «Социальное конструирование реальности» впервые (возможно, я ошибаюсь) упомянуто название дисциплины — социология языка. Это направление сосредоточено на идеальных основаниях социальной жизни. Представление о социально-формируемой когнитивной структуре, лежащей в основе социального действия, приводит к размышлениям на тему: а как же лучше изучить эту структуру. Очевидно — с помощью языка. Язык имеет своим основанием те же категории, что лежат в основе восприятия, оценивания, действия, но проявляются в нем с большей для наблюдателя очевидностью.

Параллельно меня заставляли четко отделить социолингвистику от социологии языка, дать используемым в социолингвистике понятиям релевантные для социологии определения, в целом, интерпретировать социолингвистическую проблематику в социологическом ключе. Что сделать, на мой взгляд, сложно, да и не нужно. Социальные науки имеют общее проблемное поле, общих влиятельных интеллектуалов, общие методы. Не понятно, что и куда интерпретировать. А насчет границ — меня этот вопрос особенно ставил в тупик. Искусственно сочинять перегородки там, где их нет — занятие схоластическое. Разнятся только цели — узнать что-то новое о языке, изучив социальные условия его функционирования, или об обществе — заглянув в его языковое «отражение» (не дословно привожу слова Н. Б. Вахтина).

Маша, хотелось бы понять, в какие годы это все происходило... когда Вы поступили РГПУ и когда окончили? Какую профессию Вы получили и каким был Ваш следующий шаг?

Я поступила в 2004. Закончила университет с дипломом специалиста по социологии в 2009. Сразу же поступила в аспирантуру, на 22.00.01. Буквально не выходя с кафедры. Очень хотелось уехать, но здоровье и трусливость или трусливость и здоровье не дали. Друзья нашли мне курс на английском в Сорбонне (по-французски я могу только читать, да и то с трудом и словарём). Стипендию на эту программу я получить не могла, но на скромную жизнь мне бы хватило и так. Иногда жалею, что не уехала тогда хотя бы на год. Но это еще вопрос будущего.

Примерно те же проблемы, что и в дипломе, в более углубленном и структурированном виде перекочевали в диссертацию. Она не была до конца схоластической, я опиралась на вторичные источники и даже делала небольшой кейс-стади. Но определенный отрыв от практики был. Однако это не самое страшное, я читала несколько современных интереснейших и самодостаточных работ по истории и теории.

В начале и моя работа казалась мне довольно интересной. Потом мы её подгоняли под защиту, так как один из рецензентов на предзащите указал, что работа, в которой разбирается проблема произношения «th», не может считаться социологической и тому подобное. Он стоял за кафедрой, цитировал фрагменты, в которых приводились отсылки к эмпирическим исследованиям социолингвистов, а я заламывала руки под столом и бледнела. Пригласили лингвистов. Предложили защищаться по двум специальностям. Я подумала, что не переживу.

Наверное, целый год переписывали. Формулировали положения, выносимые на защиту. Они были довольно симпатичные, но там нечего было защищать. То есть в аудитории специалистов, которые знают корпус исследований, нечего. А в аудитории неспециалистов нужно было защищать саму возможность интереса к этому предмету и постановки вопроса о языковой практике. Собственно это и не дало изначально сосредоточиться на более узкой теме и делать эмпирическое исследование. И эта подгонка была для меня деструктивным занятием. Если бы не доброжелательность заведующего Алексея Васильевича Воронцова, не советы замечательного профессора кафедры Ольги Константиновны Крокинской, и, особенно, не мой научный руководитель с обширным филологическим бэкграундом, Алексей Владимирович Шевцов, я бы, возможно, бросила. Он меня много критиковал и смешил. Однажды сделал fogindex для главы моей диссертации. Он мне дал повод критически осмыслить стиль моего письма. Говорил, что усложненный строй – это «провинциальщина».

У меня на тот момент была семья. Было НКО, с которым мы делали проекты для общественных организаций и чиновников, работающих с молодежью и национальными объединениями, с мигрантами. В этот период я ездила в Амстердам, Роттердам и Гаагу на стажировки по организации социальной работы и помощи мигрантам. Но, к сожалению ли, к счастью ли, это не стало моей профессией.

Аспирантом я преподавала на факультете социальных наук в РГПУ и там же, на психолого-педагогическом факультете, читала курс общей социологии будущим социальным психологам. Преподавать мне нравилось и я иногда скупаю по студентам. Хотя не все было гладко. Я выглядела не очень серьезно в те годы, буквально как их сверстница, и у меня были проблемы с авторитетом. Были и конфликтные моменты, когда я не понимала, как вести себя, соблюдая этику и не отказываясь от своих принципов. Например, однажды студентка написала эссе, выдержанное в том ключе, что предназначение человека, все его особенности и склонности предопределены богом, современный ум порочен, так как пытается рассуждать о социальных условиях, культурах, делает женщин похожими на мужчин, а мужчин – на женщин и тому подобное. Я старалась отделить то, что обусловлено разностью наших мировоззрений от нарушений в логике аргументации и прочих моментов, о которых этично вести дискуссию. Но этот опыт я запомню навсегда.

Также в эти годы я часто самостоятельно путешествовала, в основном, по Европе.

Я защитилась в 2013. Текст был готов вовремя и даже раньше, но на момент моей предполагаемой защиты шла реструктуризация советов в СПбГУ и РГПУ и защищаться было просто негде.

Последние два года после защиты я занимаюсь прикладными эмпирическими исследованиями. Часто меня просят даже опустить теоретическую часть – она увеличивает объем, заказчикам её сложно и не нужно читать. Нужны выводы, нужно указание на риски и их источники, рекомендации. Поэтому проделанная в рамках дипломной и кандидатской работа кажется мне пустым теоретизированием. Настолько, что мне даже сложно сформулировать людям из других сфер, в чём была её суть. Поэтому я воспользуюсь характеристикой специалиста, к которому прислушивалась.

Е.В. Головки, один из ведущих социолингвистов в России, согласился прочесть текст, подготовленный на предзащиту, потом сам написал живой отзыв на защиту. И помимо критических замечаний сказал, что работа ему понравилась, что она представляет собой, по большей части, очень хороший анализ теоретических подходов, максимально широкое в истории российской лингвистики и социологии обобщение проблем связи языка и социального. Он даже был согласен выступить оппонентом, но кто-то у нас в совете сказал, что мы, социологи, ведь не ходим на защиты в Институт аэрокосмического приборостроения. Отдельные его замечания были не слабым «щелчком по носу», но, в целом, отзывы не дали разувериться в себе. И я искренне надеюсь, что сегодня это просто очередной перегиб, что интерес и уважение к чисто книжным занятиям ко мне вернется. Наверное, это дает самое большое удовлетворение.

Была мысль заново переписать текст и издать его, но пока не дошли руки, и я слишком занята в суматошной беготне от одного проекта к другому. Еще занимаюсь самообразованием.

Вернемся к началу... В какой организации Вы работаете на Ямале, пожалуйста, опишите это место.. кто там живет? чем эти люди занимаются?... и, собственно говоря, что Вы там исследуете?

На Ямале я работаю с Департаментом внутренней политики округа как эксперт (это формальное название, вошедшее в последнее время в моду, ни в коем случае, не характеристика уровня моего профессионализма) и еще провожу исследования по заказу других организаций. Я провожу фокус-группы, фокусированные индивидуальные интервью, планирую массовые опросы и анализирую данные, также — работаю совместно с узкими специалистами, привлеченными для исследований, например, с этносоциологами, этнографами. В прошлом году мы вместе с этносоциологом Игорем Михайловичем Кузнецовым занимались комплексным проектом по адаптации детей из семей мигрантов в школе. Моя часть состояла из серии интервью с детьми и школьными экспертами, совместной работы над количественной частью, совместным же написанием отчета. Для сложнейших интервью с подростками из семей мигрантов и родителями нам удалось привлечь опытного интервьюера, специалиста по миграции Светлану Боброву из Тюмени.

К сожалению, я пока мало общалась с тюменскими социологами. Очень надеюсь, что в будущем году исправлюсь. Различные проекты сталкивали нас с молодым и энергичным руководителем исследовательской компании Шамилем Фарахутдиновым. Его call-центр делает для нас поле в мониторинге кризисных проявлений и некоторых других опросах. Меня захватили его новаторские идеи о выборках, в которых я не являюсь специалистом. Я удивляюсь, как такие молодые люди успевают к тридцати с небольшим столько всего сделать.

Я не встречала лучшего организатора, чем директор другой компании, Виктор Викторович Пить. Он умудряется быть в нескольких местах одновременно — в Тюмени, Москве, Петербурге, ХМАО, Рио... Параллельно контролируя с десятков проектов и лично отвечая на все вопросы по работе своих интервьюеров. Я завидую.

Еще один человек, которого я не могу не упомянуть, — это Светлана Александровна Манохина, одна из немногих, кто развивал исследования на Ямале, ставил поле и поддерживает его. Без нее моя работа была бы невозможна. Если позвонить Светлане Александровне вечером и попросить организовать фокус-группу, скинуть требования и квоты, то на утро она уже дает результат. Немного всё утрирую, конечно, но меня поражают столь организованные люди. И не хотела бы я работать у нее интервьюером! Ужасно строгий руководитель, а в полевых документах комар носа не подточит. И это так важно, доверять коллегам, с которыми работаешь.

Тематика исследований широка. То, на чем специализируюсь я как аналитик, — социально-политическая ситуация в регионе и муниципальных образованиях, динамика проблемного фона, анализ рисков, напряженности, информационного поля и «отклика» на него населения. Это и анализ данных опросов, и индивидуальные и групповые интервью, и блогосфера.

Второй крупный блок на сегодня — изучение того, как люди воспринимают медийные образы людей и проектов, различные решения, которые придумывают дизайнеры и копирайтеры (слоганы, плакаты социальной и политической рекламы и т.д.). В таких вещах, например, в тестировании слоганов, я пока чувствую себя не очень уверенно, но это невероятно любопытно и максимально близко к тому, что меня интересовало прежде, социолингвистике и семантике.

Третье и, пожалуй, наименее интересное, — это опросы электорального цикла, рейтинги, прогнозы. Я не плохо знаю теорию, но не могу и не хочу привнести в эту область что-то новое и творческое, наверное, от этого и не интересно. Не интересно, так как тема, мне кажется, чужда и самим изучаемым, очень далека от сферы актуально- и потенциально-доступного для них.

Собственные интересы на сегодня концентрируются вокруг двух тем. Первая — это молодежь глубинки, ее стратегии, в том числе миграционные, понимание успеха и пути к нему. Сейчас мы с Владимиром Ивановичем Ильиным и его аспирантом Артемом Чернегой, специалистом по социологии туризма, готовим заявку по этой теме, и я очень надеюсь, что она будет поддержана.

Второе — территориальная идентичность и образ территории. Самое интересное из того, в чем мне удалось принять участие на Ямале, — это исследование территориальных идентификаций жителей двух очень непохожих друг на друга частей округа, восточной и западной. Мы работали над инструментарием и отчетом вместе с Надеждой Юрьевной Замятиной. Я буквально влюбилась в её работы и работы её супруга. Она очень интересно приложила идеи Бурдые о капитале к имиджу территории. Идея отчасти очевидная, но сформулированная с такой ясностью и красотой и, главное, нашедшая в её работе практическое применение. Отчасти на основе моей работы на Ямале был создан интересный информационный и имиджевый проект «Живем на Севере». Надеюсь, что скоро выйдет большая статья на эту тему. После этого проекта мне только и хотелось, что рассказывать всем о 70-ках, романтиках Арктики, отношении городских жителей к ненецкой культуре и обиду северян за то, что их в Москве считают богатыми простаками. Наверное, я порядком утомила всех друзей.

В последнее время практика сложилась так, что я провожу и, особенно, пишу очень много отчетов по фокус-группам. В прошлом году я делала аналитику по 7 регионам, включая Красноярский край, Калмыкию, Свердловскую область,

Московскую область. Побывать, правда, удалось не везде, но аудиозаписи и транскрипты дают возможность услышать живую речь, как люди, находящиеся за тысячи километров отвечают на твои вопросы. Это удивительно. И я никогда еще так много не бывала в России и, в особенности, в маленьких городах. И этот опыт можно сравнить со вторым высшим образованием. И еще не до конца ясно, что сделает меня в итоге хорошим специалистом — чтение книг или это постоянное общение и бесконечные выходы из зоны комфорта, привычного круга.

Но, несмотря на путешествия, Ямал — основное.

Сложно в двух словах ответить на Ваш вопрос и рассказать, кто там живет, в той же мере, в какой было бы сложно рассказать, кто живет в Петербурге, или в Иркутске, или в Париже. Начну я с нескольких людей, с которыми работаю.

Первый человек, с которым я познакомилась там, — это Алексей Валерьевич Ардышев, руководитель экспертно-аналитического управления в Правительстве. Он замечательный, на мой вкус, фотограф, блогер и увлекается экстремальным спортом — снегоходами, квадроциклами. Прежде чем приехать на Ямал в первый раз, я, конечно, нашла его харизматичный ЖЖ. Мне понравились и живые фотографии, и острые комментарии и показалось, что работать в такой компании должно быть интересно. Его работа — организовывать различные направления аналитики, получение информации, необходимой Правительству.

Второй важный человек в моей работе — это Оксана Владимировна Головешко, которая курирует проведение опросов в Правительстве. Она работает с исполнителями, принимает результаты.

Было бы странно, если бы исполнитель говорил о профессиональных качествах заказчика. Поэтому я расскажу одну небольшую историю, на мой взгляд, характерную, и буду надеяться, что Оксана Владимировна не будет на меня в обиде. Несколько лет назад, еще до нашего знакомства, у неё вызвало сомнение качество проведенного по заказу департамента поля. И она самостоятельно, по согласованию с проводившей исследование компанией, организовала повторный контроль. Со своими сотрудниками сделала контроль по телефону, собрала адресные планы поселений, чтобы сопоставить с маршрутными картами, организовала выезд в несколько поселков, чтобы провести самостоятельно адресный контроль, связалась в последствие с профессиональной ассоциацией, чтобы получить независимую экспертизу. Не знаю, насколько типичен такой подход для госслужащих, курирующих в регионах исследования.

Больше всего я бываю в Салехарде, административном центре округа. Удивительно, насколько мало люди знают о городе. И удивительно, насколько мало любят его местные-приезжие (я бы выделила такую отдельную группу, которые и не старожилы, и не мигранты последних лет). Стереотипы о северных городах, конечно, простительны жителям других регионов. Отчасти, оправданы их прошлым опытом — кто-то был в молодости в строящихся поселках, в которых работали почта, медпункт, два магазина. Но это и не так важно. Важно для атмосферы в городе, как относятся к нему сами горожане. Салехард — старый город. Не стану утомлять Вас историй, но она есть, есть и старожилы. Они любят родные места. Полюбили красивый, яркий, словно игрушка, маленький и уютный город и те, кто переехал в последние условно 5—7 лет. Но есть какая-то пока сложноопределимая для меня категория людей, которые и не местные, и не

приезжие, живут в городе больше 10–15 лет, но не любят его и постоянно сравнивают с «нормальными» городами. А у приезжих из Москвы или Петербурга спрашивают: «Как Вас сюда-то занесло?».

Вообще, Салехард – это Вашингтон местного значения. Серьезные, деловитые, но, в то же время, дружелюбные и открытые люди. По крайней мере, с такими я сталкиваюсь.

Города в восточной части округа – Ноябрьск, Новый Уренгой, Надым, – захватывающе тем, насколько коротка их история. Когда я бывала в действительно старых городах, я ощущала, что Санкт-Петербург – молодой. И это так странно, находиться в городе, который младше твоих родителей, сверстник некоторых твоих друзей. Специфическое отношение жителей к месту, которое выросло на их глазах, имеет и некоторые следствия, важные для моей работы, например, в восприятии миграции. Но это еще и просто удивительно, когда 40-летний человек возит тебя по городу, показывает современные здания, торговые и спортивные центры, больницы, школы и рассказывает, что здесь в его детстве еще почти ничего не было. Конечно, изначально многие люди приезжали туда работать, зарабатывать, обустраивать жизнь на «земле» себе и детям. Но сейчас видно, как некоторые стремятся переопределить возникшие вокруг добычи города как места постоянного жительства, в которых могут остаться их дети, внуки. Это создает особенно трепетное отношение к материализации истории, например, появлению памятных табличек на домах в честь первопроходцев, открытию скульптур. И, что удивительно, дети могут внятно объяснить, кто этот дядя, в честь которого названа улица, на которой он живет. Может, я немного идеализирую.

Можно ли понять Ваш рассказ так, что ближайшие годы Вы связываете с жизнью и работой на Севере?

Если честно, сейчас мне сложно ответить однозначно. Наверное, мне придется и дальше совмещать жизнь в двух местах. У меня много планов, незаконченных дел, много желаний и дружеских привязанностей в разных городах. На сегодня я могу сказать, что только набралась опыта и попробовала себя в разных сферах, поняла, что мне интересно и в чем я могу стать лучше. Моя мечта на ближайшие годы – совместить прикладную работу с более неутилитарными занятиями, серьезно заняться собственными интересами, публикациями, залезть, наконец, в папку «Наброски и идеи» на рабочем столе.

Из того, что мне бы хотелось начать и закончить – исследование жизненных стратегий молодежи глубинки, которое мы запланировали в четырех регионах – ЯНАО, Коми, центральной России и на Кубани, серию биографических интервью с северянами, демонстрирующих, как складывается территориальная идентичность, несколько частных тем, касающихся анализа социально-политической ситуации, так как у меня накопилось много наблюдений, наконец, тема, вытекающая из моей диссертации и связанная с анализом коммуникативных кодов в социальных сетях. Наверное, это выглядит разбрасыванием, но сконцентрироваться и двигаться вперед – это легко только в теории, в статьях разнообразных коучей, а в жизни сделать выбор отказаться от чего-то значительно сложнее.

Интервью с Евдокией Павловной РОМАНОВОЙ

«КОГДА МНЕ БЫЛО СЕМЬ ИЛИ ШЕСТЬ ЛЕТ, МОЙ ПАПА ПОСАДИЛ МЕНЯ НА СТОЛ И СКАЗАЛ: “ПООБЕЩАЙ МНЕ, ЧТО ТЫ СТАНЕШЬ СОЦИОЛОГОМ”»

Романова Е. П. — окончила социологический факультет Самарского государственного университета (2013 г., июнь); учится в магистратуре Университета в Эль Пасо, Техас (2014 г., январь). Основные области научного интереса: стигма, гендер, сексуальное и репродуктивное здоровье, социальная теория. Интервью состоялось: сентябрь-ноябрь 2014 г.

Всего несколько месяцев назад, летом 2014 года, я обсуждал направления развития данного историко-социологического проекта с заместителем редактора «Социологического журнала» Ларисой Козловой. В частности, она спросила меня, не собираюсь ли я спуститься еще на одну ступеньку ниже по «лестницы поколений» советских/российских социологов и, не прерывая серию интервью с нашими коллегами из первых шести поколений, начать беседы с представителями седьмой профессионально-возрастной когорты; теми, кто родился в интервале 1983-1994 гг. Хотя и с оговоркой «...никогда не говори никогда...», но я ответил, что пока даже «мягко» не планирую таких бесед. Объяснял я свою позицию тем что рановато, время не пришло. Даже старшим из этого поколения — лишь 30 лет с небольшим, среди них есть кандидаты наук или обладатели степени Ph.D от известных зарубежных университетов, но хотелось бы приступить к изучению представителей этой общности, лишь когда они приблизятся к 40-летию¹.

Что же произошло, что заставило меня не просто пересмотреть планы и задуматься о проведении интервью с самыми молодыми нашими коллегами, но сразу начать такие беседы. Прежде всего, анализ уже значительного числа завершенных интервью с социологами шестого поколения (1971-1982 гг. рождения) выявил ряд трендов в становлении этого сообщества и представляется же сейчас оценить последствия этих трендов. тве это были интервью с социологами пятого-шестого поколения, которые обозначили множество новых содержательных, методологических и инструментальных проблем.

¹ Докторов Б. Предисловие к «Биографические интервью с коллегами-социологами». 4-е издание. <http://socioprognoz-ru.lgb.ru/files/Fi> 1128 [tro.pdf](http://socioprognoz-ru.lgb.ru/files/Fi_tro.pdf)

В частности, оказалось желательным обращение к социологом седьмого поколения. Появился и третий фактор, обусловивший «открытие сезона» бесед с этой новой общностью: организационный. Процесс интервьюирования продолжается уже десять лет, и хотя собранный материал отражен в более, чем сотне статей, блогов, «бумажных» и электронных изданий, необходимо сосредоточиться на его анализе и подготовке обобщающего типа публикаций. Поэтому я решил завершить сбор информации к середине 2015 года, а это значит, что нельзя откладывать начало бесед с входящим в социологию новым поколением.

В моем проекте первой из седьмой когорты в силу серия объективных и субъективных обстоятельств стала Дуня (Евдокия Павловна) Романова. С определенными пояснениями ее можно считать членом трехпоколенной социологической семьи. Ее отец — недавно скончавшийся социолог, профессор Павел Васильевич Романов. После его развода в воспитании Дуни участвовали, кроме ее матери Татьяны, сам Павел, а также его вторая жена Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова, профессор социологии и дочь профессора социологии Валентины Николаевны Ярской-Смирновой. В таком плотном социологическом поле Дуня, скорее всего, должна была двигаться в сторону социологии. Вот один из ключевых моментов нашего интервью: «Когда мне было семь (а может даже и шесть) лет, мой дорогой папа посадил меня на стол в нашей квартире... и сказал: “Пообещай мне, что ты станешь социологом”. Само собой я согласилась, всегда было сложно возражать папе, да и он всегда хотел для меня самого лучшего».

Поскольку я живу в Америке, я часто называю мои интервью с российскими социологами, проводимые по электронной почте, «беседами через Океан», но в данном случае это не так. Дуня, окончившая Самарский государственный университет и проучившаяся год в одном из университетов штата Миссури, сейчас учится в социологической магистратуре университета штата Техас в Эль Пасо, одном из самых больших двуязычных (английский и испанский) городов страны, расположенном вблизи границы с Мексикой. Она отмечает: «Университет — достаточно большой, около 28000 студентов. Архитектура выполнена в стиле пирамид Мая, и когда идешь по кампусу, то складывается ощущение, что ты учишься в Латинской Америке, так как повсюду испанская речь».

Дуня родилась в 1990 году и успела многое. Можно допустить, что значительная часть ее ровесников лишь определяется в своей профессиональной деятельности, она же уже обладает значительным исследовательским и преподавательским опытом в сфере социологии, а также практическим опытом работы в акционистских проектах, которые она называет «социальной работой». Важно и то, что Дуня не только знает российскую и американскую области своей профессиональной деятельности, но и, по ее мнению, глубоко вовлечена в мексиканскую культуру.

У Дуни много возможностей роста в сфере исследований и обучения социальных работников, у нее множество планов, еще не известно в какой стране (или каких странах) она будет жить и работать. Ничего подобного не могло случиться с социологами первых четырех поколений, мало вероятно — в сообществе следующей когорты, возможно — для социологов шестого поколения — и будет совсем не редким в поколении Евдокии Павловны Романовой.

**Романова Е. П. : «Когда мне было семь или шесть лет,
мой папа посадил меня на стол и сказал:
“пообещай мне, что ты станешь социологом”»**

Дуня, у вас такое чудесное, редкое, литературное имя (конечно, мне известно, что Ваше полное имя Евдокия), Вы не знаете, почему родители дали Вам такое имя?

Честно говоря, не знаю. Вернее знаю, но проблема в том, что я получала совсем разные ответы по поводу моего имени от мамы и от папы.

Начну с маминого варианта. Мама всегда рассказывала, что нашла это имя в календаре имен. Она рассказывала, как этот календарь висел на стене нашей квартиры, когда она была беременна, и ей очень понравилось имя Евдокия, вот она и решила его выбрать.

Папин вариант совсем отличный. Он рассказывал о прабабушке Евдокии, и что меня назвали в ее честь. К сожалению, я очень мало что знаю или помню о ней, помимо того, что мое имя мне досталось от нее.

Мама не соглашается с папой, папа не соглашался с мамой. Я склонна верить, что оба эти варианта являются правдой, и оба имеют место на существование.

Вообще мне очень нравится мое имя, хотя ребенком я его стеснялась. В детском садике и начальных классах школы меня всегда дразнили и у меня могли бы развиваться жуткие комплексы по поводу одной из самых важных вещей в жизни любого человека, его имени. Но, к большому счастью, вскоре я поняла, что это не минус, а скорее плюс. Редкое имя помогает выделяться, а в современном обществе индивидуалистов это большой выигрыш и помогает другим легче запоминать тебя.

Уже много позже, когда я стала ездить на разные международные встречи по работе и завела много международных друзей, оказалось, что «Дуня» означает мир на арабском языке. Это еще один плюс моего имени, который сразу сближает меня с людьми другой культуры и помогает преодолевать границы.

Я успел провести интервью с Вашим отцом, Павлом Васильевичем Романовым поэтому немного знаю Вашу генеалогию с этой стороны, а что Вам известно о материнской линии?

Очень стыдно осознавать, что у меня достаточно ограниченные знания об истории моей семьи. Поскольку я росла отдельно от папы и от бабушки, то в моем детстве были лишь редкие встречи с папиной мамой. Когда я подросла, то эти встречи стали еще реже, но минимум раз в месяц я старалась навещать свою бабушку.

В девичестве ее фамилия была Лебедева. Бабушкин папа погиб во время войны и захоронен под Киевом в братской могиле. Совсем недавно она показывала мне фотографии себя и своей мамы. По рассказам бабушки, раньше они всегда старались навещать это место, но потом стало уже сложнее. С дедушкой они познакомились в заводском общежитии на танцах. Стали гулять вместе, потом она поступила в институт, а он нет. Поэтому на один год им пришлось

расстаться, так как дедушка уехал на работу по распределению. Но на следующий год, с бабушкиной помощью, дедушка смог поступить в университет, а уже много позже стал одним из начальников завода Металлург. Знакомство с дедушкой я не помню, но есть фотография, где он держит меня у себя на руках, когда мне еще и не было годика. Теперь эта фотография висит у меня на стене в моей комнате в Самаре, как и фотография молодой бабушки. Сейчас, прочитав папино интервью, я знаю побольше об истории семьи по этой линии.

Намного больше я знаю о семье по маминой линии. Моя бабушка по материнской линии имеет украинское происхождение, она родилась в небольшом поселке под Донецком и была старшей из девяти детей в семье. По бабушкиным рассказам, она часто выполняла роль няни для своих братьев и сестер (часть которых была оставлена с ее отцом в Украине, а часть переехала с прабабушкой Мотей в Россию), что закалило ее характер и сделало очень сильным и строгим человеком. В 16 лет бабушка Лена переехала в Россию (в то время это еще была одна страна, Советский Союз), и поступила в техникум, где удачно выучилась на библиотекаря. По распределению была отправлена работать в Куйбышев на завод Прогресс, где и познакомилась с моим дедушкой Витей, инженером на том же заводе.

Бабушка и дедушка в целом были счастливы и очень меня баловали и любили. Мы с мамой жили с ними, когда я была маленькой. Мама тогда пропала на работе, иногда ей приходилось работать по выходным. На автоответчике ее офисного телефона была записана реклама голосом мамы, описывающая товары и услуги компании (они занимались продажей труб), дедушка часто набирал рабочей телефон мамы, чтобы я могла послушать ее голос и скучать чуть меньше.

В семье по маминой линии двое детей — мама и ее брат дядя Сережа, человек огромных размеров. В детстве я всегда боялась дядю Сережу и пряталась в шкаф, когда он приходил в гости. А один раз он решил взять меня в парк на прогулку... как мне потом рассказывали я плакала целый день и была безумно напугана.

Я была самой маленькой из своих двоюродных братьев и сестер, меня много баловали, покупали мне каждый день мороженое и шоколад, а мои кузены и кузины любили играть со мной и называли меня глупенькой и маленькой. С моим братом Виталиком мы любили устраивать охоту на мою кошку Глашу. Как правило, это происходило по праздникам, когда вся семья была в сборе. Мы прятались под столом и кидали в нее разные предметы, выслеживая несчастное животное, не давая ей покоя. Глаша — это очень заслуженная кошка, она была мамой пять раз и произвела на свет 28 котят. Все они были розданы нашим друзьям и знакомым.

Прекрасно, Дуня, есть начало... я и сам немного не в «своей тарелке», Вы — первая из седьмого поколения российских социологов, с кем я беседую... а поскольку с 1994 года я живу в Америке, то у меня нет опыта контакта с вашей когортой. Вы — мой проводник в мир сегодняшних 20-и летних. Сразу прошу прощения за вопросы, которые Вам покажутся наивными...

Вспомним о Вашей школе. Вы учились в обычной или какой-нибудь специальной, теперь в России существует множество форм школьного обучения.

Какие предметы Вам в первую очередь нравились?

Я окончила школу с углубленным изучением английского языка. Можно было взять второй язык на выбор, для меня это стал французский. К сожалению, уже несколько лет спустя, когда я стала частью мексиканской культуры, все мое знание французского испарилось, и его заменил испанский язык. Сейчас есть планы возобновлять изучение французского, так как у меня появилось много франкоязычных друзей, и несколько коллег, которые занимаются развитием социального театра во франкоязычной части Канады.

Воспоминания о школе у меня, к сожалению, остались не самые яркие. Это была строгая система, в которой нужно было расти и развиваться в рамках этой системы по соответствующим критериям.

Много лучше у меня получается вспоминать первые классы, в которых у меня был очень хороший учитель, первый учитель, очень мягкий и добрый человек. Было несколько хороших друзей. На данный момент у меня осталась только одна хорошая подруга, мы вместе с ней занимались волонтерством в молодежном театре Лайт.

И еще мне интересно знать, что Вы, Ваши друзья читали в старших классах.

Почти всю ту классику, которую нам давали в старших классах, мне пришлось перечитывать, когда я уже выросла и выпустилась со школы. Видимо, в школе я была еще не готова понимать столь сложные темы, которые раскрываются Достоевским, Толстым, Чеховым. Пожалуй, любимым писателем в то время был Набоков, а еще мне всегда нравилась, да и до сих пор нравится, научная фантастика. К сожалению, сейчас редко удается читать художественные произведения, так как нужно осваивать горы академической литературы по университетским предметам, а когда появляется время, то по личным научным интересам.

Вы понимаете, меня интересует, повлияла ли каким-либо образом школа на выбор Вами профессии или основной детерминантой была семья? Когда Вы решили стать социологом?

Пожалуй, я не считала себя социологом вплоть до последней недели, когда я прочитала книгу, мы проходим ее на занятиях, Liberation Sociology (но об этом чуть позже). Всегда больше ассоциировала себя с социальной работой. Мне казалось, что, учитывая прикладной и мультидисциплинарный характер моей деятельности, социальная работа больше подходит мне как самоопределение. К тому же, часто доводилось сотрудничать с социальными работниками, как в России, так и в других странах. Многие из них по настоящему уникальные люди, посвящают себя другим, зачастую за очень маленькую зарплату и слабую ответную реакцию от людей, с которыми они работают.

Но вернусь к социологии. Когда мне было семь (а может даже и шесть) лет, мой дорогой папа посадил меня на стол в нашей квартире «Огонек» и сказал: «Пообещай мне, что ты станешь социологом». Само собой я согласилась, всегда было сложно возражать папе, да и он всегда хотел для меня самого лучшего. Именно от него я научилась огромной силе воли, умению ставить перед собой цели и идти до конца. Спасибо ему за это огромное.

Уже лет с восьми я начала ездить на летние школы и конференции, организованные папой и его спутником жизни – Леной. Зачастую мне было непонятно то, что происходило на данных событиях, хотя само собой они сильно повлияли на мое мировосприятие. В то время социологи казались мне красиво одетыми и умно говорящими людьми, которые много шутят и всегда очень вежливые в общении со всеми.

Сейчас в памяти всплывает воспоминание, как мой папа навещал меня в Самаре (мне тогда было лет десять, может чуть меньше) и взял меня с собой на какое-то собрание профессоров в Самарском государственном университете. На стене висел портрет Карла Маркса. Конечно же тогда я слабо представляла, кто такой Карл Маркс и о каких теориях он писал, но во время чаепития, последовавшего после долгих социологических переговоров, меня спросили, знаю ли я кого-либо из известных социологов. Соединив в голове портрет Маркса на стене и социологические обсуждения в кабинете, я тут же ответила: «Карл Маркс!». Мой ответ вызвал волну одобрения и даже высказывания типа: «Вот он сидит, будущий социолог». Кто бы знал, что я абсолютно случайно попала прямо в точку. Добавлю, что сейчас я очень уважаю Маркса, на занятиях в предыдущем семестре мы очень много его читали и обсуждали. К тому же он воодушевил на деятельность моих любимых ученых-деятелей: Пауло Фрейре и Агусто Боалья.

Пауло Фрейре, бразильский педагог, философ и общественный деятель, основывал свою философию на марксизме, в работе фермерским с населением в сельских областях. Он был основоположником новых образовательных методик, которые можно использовать для работы с угнетенными группами населения. Боаль, воодушевленный идеями Фрейре, писал о необходимости использовать театр как практику сопротивления властям. Согласно Боалю любое театральное представление носит политический характер. Но театр, как и любой политический режим, и сам находится в постоянном преобразовании, и может влиять на изменение консервативных устоев. Так, театр который мы привыкли видеть, в большинстве случаев, это театр буржуазии, но проблемы и переживания буржуазии, уже никому не интересны, а что интересно, так это проблемы угнетенных групп населения, с которыми нужно работать, которых нужно выводить на сцену и показывать их жизнь и их переживания. В целом – это очень марксистский подход к театральному искусству.

В школе у нас был предмет Обществознание, очень отдаленно напоминающий социологию. Хотя мне и нравилось обществознание, но информация, которую нам сообщали, не была для меня каким-то открытием. Да и в школе мне зачастую было скучно и не интересно, ходила туда только потому, что меня заставляли. Сейчас вспоминаю это как период подросткового кризиса.

Изначально, мне не хотелось поступать на социологию, думала поступать на туристоведение, хотелось путешествовать. Но потом почему-то передумала. То, что я хотела оставаться в Самаре, было для меня очевидно, там мама и друзья. Я была слишком привязана к этому городу и своей жизни там. В конце концов, решила последовать совету папы и поступать на социологический факультет, параллельно подала документы на английскую филологию, куда так же удалось поступить на бюджетное отделение, но учиться там я не стала, остановила выбор на социологии.

Папа был очень рад, а я была очень довольна, что он рад; наверное, с тех пор его радость моим успехам, как и его переживания, мудрые советы и профессиональные наставления стали для меня важной и необходимой частью жизни.

В университете было интересно, хотя я и не сразу полюбила учебу и занятия. Скорее всего, мое сердце открылось социологии курсе на втором, когда я решила сделать свое мини-исследование, посвященное татуировкам. Второй курс стал в чем-то переходным, так как я начала искать себя и находила себя во многих вещах. Так я стала волонтером в клубе Союз Миров при Самарской организации инвалидов колясочников «Десница», оказывающей поддержку детям с инвалидностью. Чуть позже появилась другая организация, Молодежный театр Лайт, где я стала волонтером-актером и тренером в сфере профилактики ВИЧ-инфекции. В театр Лайт меня привел мой хороший друг Сережа, теперь он такой же иммигрант как и я, живет в Швеции. Поначалу я думала, что это просто коллектив любителей театра, не подозревая, что цели этой организации намного глубже и интереснее. Постепенно я стала разбираться в темах, обсуждаемых в театре Лайт, участвовала в образовательных программах для молодежи. Почти все тренинги мы проводили по методике «равный равному», что означало небольшую разницу в возрасте с теми, кого мы обучали. По сути, мы просто делились важной информацией, которую необходимо знать любому молодому человеку, но о которой часто забывают рассказать родители или не разрешают говорить в школах. Став социальным активистом, я стала меньше уважать театр, так как думала, что это несерьезный подход... но со временем, я поняла всю глубину передачи необходимой информации посредством театра, влюбилась в это направление и хочу им заниматься по жизни.

Как ни странно, многочисленные занятия стали положительно сказываться на моей учебе, я начала лучше концентрироваться, увлекаться тем, что нам рассказывали профессора в университете. И вот, когда большинство моих однокурсников начали жалеть, что поступили на социологию, я нашла свое маленькое счастье в любви к этой науке.

Дуня, я не понял, Вы учились на двух факультетах? И оба закончили?

Наверное вы неправильно меня поняли, я училась на социологическом факультете (который и закончила). Но когда было время поступать и выбрать специальность, я также поступила на филологический в педагогическом университете (ныне САМГУПС).

Пять лет я проучилась в Самарском государственном университете, при этом окончила бакалавриат и специалитет. Всего вышло шесть лет учебы, так как я по гранту училась год в Миссури, США.

Поясните пожалуйста, что такое «социальная работа»? Именно для Вас это организационная работа или Вы анализируете ее, исследуете?

Я поясню. Я не теоретик-социолог, не считаю себя таковым. Мне интересно заниматься социальными проектами, вовлекать в них исследуемую группу и позже делать анализ влияния и значимости, возможно, выводить новые технологии для работы с населением.

Сейчас на Западе это достаточно популярная тема в социологии, которая называется партисипаторные акционистские исследования (PAR). В России такие исследования называются социальной работой.

Здесь, Дуня, надо чуть потоньше, все же и в России используются термины партисипаторные исследования и партисипаторные акционистские исследования; Ваш папа и Лена Ярская работали именно в этой нише. Соцработой, похоже, в России называют помощь нуждающимся (более или менее профессиональную), различные социальные и социально-психологические услуги, профессию и образовательную специальность, и вовсе не все, а меньшинство соцработников занимаются исследованиями, и практически никто из них не занимается PAR.

Я не согласна с тем, что в России широко используются эти термины. Лишь один профессор моего университета слышал этот термин (А. С. Готлиб), а то, что папа и Лена занимались данными практиками, скорее исключение, из правил, нежели общепринятая норма. И, кстати, мы с ними много об этом говорили. Кроме их публикаций, пожалуй практически нет других академических источников на русском языке о практиках PAR.

Так же не согласна с тем, что мало кто из социальных работников занимаются социологическими исследованиями. На данном этапе, это становится все более и более популярно, многие мои коллеги проводят социологические исследования (являясь при этом социальными работниками). К тому же, тут я позиционирую свою точку зрения и хотела бы ее оставить.

Да, замечу, в России почти не существует текстов переведенных с английского языка по данной тематике, возможно именно по этому, данные типы исследований не пользуются популярностью. Хотя они носят весьма неоднозначный характер, многие оспаривают научность данного типа исследований в социологии. В США, так же как и в России, существует разделение между учеными на «качественников» и «количественников», постоянные споры в научных кругах о том, какой тип исследования наиболее необходим. Парадигма акционистских исследований (зачастую они и партисипаторные) скорее относится к качественным методам, но несет в себе еще более радикально новые действия социолога, а именно нацеленность на социальные изменения после проекта-исследования.

Пожалуй, это я и называю социальной работой, так как социальная работа нацелена на общественные изменения. Хотя, конечно, Вы правы, в современной России социальной работой в первую очередь считается помощь людям, а вот таких проектов, вовлекающих обычных людей в качестве исследователей проблем своих сообществ, пока немного. Но они есть.

Дуня, я думаю, что все станет яснее, если Вы опишете, пусть схематично, один из опытов Вашей деятельности, можно законченный кейс, можно то, что Вы предполагаете сделать...

Да, конечно, могу описать примерно, какое исследование я хочу провести в рамках своей магистерской диссертации.

В сотрудничестве с сообществом людей, живущих с ВИЧ инфекцией в Эль Пасо (Техас, США), мы хотим разработать сценарий и представить его зрителю в качестве театральной постановки. Моя роль тут будет следующей: сбор интервью для постановки, написание сценария, режиссура, разработка социологи-

ческих инструментов для правильного мониторинга и оценки, и проведение либо фокус групп, либо небольшого анкетирования со зрителем, которые будут посетителями на представлениях. Все этапы исследования будут проводиться в сотрудничестве с ЛЖВ (люди живущие с ВИЧ) сообществом, они будут корректировать сценарий, выступать в постановке (кто захочет), помогать оценивать полученные результаты.

Такой тип исследований называется акционистский партисипаторный, а если коротко и по-английски, то будет PAR (participatory action research). Что мне более всего интересно, и чем я хочу заниматься, это внедрять механизмы социального театра как инструмента для продвижения прав общественности, а возможно и как терапевтический эффект для людей, принимающих участие в деятельности социального театра. Я надеюсь, что проведение научного исследования, поможет показать возможности данного метода и внедрить его в социальную работу.

Кроме того, как практик, я провожу мастер-классы по социальному театру. Этим летом мне довелось провести свой первый международный мастер-класс в Братиславе, с социальными работниками, которые создают социальный театр для людей с психологическими расстройствами. Пришлось адаптироваться под ситуацию, так как обычная аудитория моих тренингов – это подростки или молодые люди. Но вместе со словацкими социальными работниками мы смогли адаптировать многие упражнения под их деятельность.

Недавно я начала вести блог-сайт <http://www.social-theater.org/> по разным типам социального театра, где стараюсь как-то теоретически описать это понятие, привести разные примеры. Так как на Западе достаточно много разных типов и разновидностей, но в России, к сожалению, нет такого разнообразия и почти отсутствует доступ к данной информации на русском языке. Поэтому решила вести этот ресурс на русском языке, чтобы было доступно русскоязычному населению (что включает в себя не только Россию). Мне кажется, что организация, на которую я работала, была одним из немногих ресурсов в сфере социального театра. Но теперь наша организация закрыта, так что нужно искать другие каналы, по которым я смогу внедрять данные технологии.

Пожалуй, для меня, моя практическая деятельность – это больше, чем просто работа, учеба, это то, чем я живу и дышу, от чего получаю вдохновение и чувствую себя самым счастливым человеком.

Дуня, Вы знаете, что раньше, до перестройки в СССР/России не было социологического образования, тем более трудно было представить, чтобы после завершения университета люди ездили в другие страны для продолжения своего образования. Вашим ровесникам, не только будущим социологам, такая возможность открывается. В каком Университете Вы учитесь? Какой у вас major? Как организован учебный процесс?

Да, я понимаю, что раньше были совсем другие времена. Мне очень повезло родиться в последние месяцы СССР, когда открылись границы, появилась возможность путешествовать, получать гранты, ездить на конференции и на тренинги.

Сейчас я учусь в магистратуре университета штата Техас в Эль Пасо (коротко UTEP), на специальности социология. Там же я и работаю ассистентом профессора (teaching assistant); насколько я знаю, у нас в Самаре не было такой должности, тут ее дают как финансовую поддержку некоторым магистрантам и докторантам. Именно благодаря своей работе я получаю финансовую поддержку для обучения.

Мне сложно сравнить учебный процесс магистратуры с Россией, но в целом в UTEP нас держат в тисках постоянного напряжения. Занятия проходят по вечерам, с шести до девяти вечера. Как правило, к каждому занятию (т.е. еженедельно!) нужно читать порядка 200–300 страниц научного текста и писать эссе (минимальный объем около двух-трех страниц). Все занятия проходят по типу семинара, обсуждения, где мы, под руководством нашего профессора обсуждаем прочитанный текст, спорим, делимся опытом, ищем прикладной характер описываемых теорий, критикуем авторов.

Что мне больше всего нравится в этой системе, это то, что мы сами можем выбирать, какие предметы мы хотим изучать. Допустим, в этом семестре я выбрала «Глобальные неравенства в сфере здоровья» (Global health disparities) с профессором, которая теперь является моим научным руководителем, но могла выбрать и любой другой предмет. Мы можем выбирать дисциплины с других кафедр и специальностей. К примеру, в следующем семестре я хочу взять класс по режиссуре, это поможет мне с моим финальным проектом – выпускной работой. Однако есть обязательные набор дисциплин, которые мы должны освоить, чтобы получить магистерскую степень: социальная теория, качественные методы, количественные методы, профессиональное развитие в социологии, статистика.

Учеба занимает намного больше времени, чем раньше. Для подготовки к каждому занятию у меня уходит около 15–20 часов в неделю. Поскольку я не носитель языка, то допускаю ошибки, особенно у меня их много с употреблением артиклей (a, the), это считается наиболее часто встречаемой ошибкой среди иностранцев, даже если у них очень хороший уровень английского языка. Для проверки каждой работы я хожу в специальный отдел в библиотеке, который помогает мне в работе над текстами: они читают мои эссе и правят их, помогают в углубленном изучении грамматики. Но живя в Эль Пасо, я могу сказать, что ошибаюсь намного меньше, чем мои студенты, так как около 80% студентов – граждане латиноамериканского происхождения, либо иностранцы, приезжающие из соседнего города Сиюдад Хуарес. От Сиюдада Хуарес до Эль Пасо ехать около десяти минут, но с прохождением контроля и пробками выходит около часа.

У меня есть свой небольшой офис при университете. На мои обязательства ассистента профессора у меня уходит порядка 20 часов в неделю (иногда больше, иногда меньше). В этом году мне повезло, так как я работаю только на одного преподавателя, и у меня всего лишь 250 студентов. В прошлом году их было 500. Дополнительно к собственным заданиям – чтению и написанию эссе, я еще проверяю письменные работы студентов, которые сдают их мне дважды в неделю

Университет — достаточно большой, около 28000 студентов. Архитектура выполнена в стиле пирамид Мая, и когда идешь по кампусу, то складывается ощущение, что ты учишься в Латинской Америке, так как повсюду испанская речь. Когда я покупаю кофе, то зачастую ко мне обращаются на испанском языке, так как за время жизни в пустыне приобрела бронзовый загар.

Выше Вы заметили: «...когда я стала частью мексиканской культуры...». Как понимать эти слова?

В 2010 году, когда я училась студентом по обмену в штате Миссури, то я начала встречаться с игроком в американский футбол Норманом, американцем мексиканского происхождения. Через несколько недель проведенных вместе, он познакомил меня со своей мамой Беатрис, на тот момент она жила в Эль Пасо, и мы поехали провести День Благодарения вместе с его семьей.

А Рождество мы провели в Мексике, в Тапачулле (штат Чиapas — это город на границе с Гватемалой), так как вся его семья живет там. На тот момент я еще ни слова не говорила и не понимала по-испански, и у меня был культурный шок от знакомства с громкоговорящей толпой семьи моего друга.

Каждый год, 29 декабря, семья со стороны мамы Норми собирается в Аррьяге (это в том же штате, что и Тапачулла). Приезжает порядка 60–80 членов семьи и устраивают огромную вечеринку на ранчо (мексиканская ферма). Молодежь устраивает игры, катается на лошадях. Малыши разбивают пиньяту — это фигура, сделанная из папье-маше. Пустоту внутри пиньяты наполняют конфетами и подвешивают на веревку на дерево. Основная цель — разбить пиньяту, чтобы тебя окатило волной конфет. Старшее поколение располагается на веранде, распивают спиртные напитки и ведут долгие разговоры.

Под вечер мы все собираемся для совместного фото под деревом (вид дерева я не знаю, но в охват около трех метров). А когда темнеет, то разводим костер и поем песни.

В этой семье есть поверье, что если ты на фото — ты часть семьи. Я была на фото три раза, три года подряд (кроме последнего Рождества, его мы встречали в Эль Пасо с друзьями).

Мы встречаемся с Норми уже четыре года и теперь живем вместе. Дома говорим на трех языках (с русским у него туговато, но старается). Теперь его мексиканская семья стала моей, а моя русская — его. Я всегда очень рада, когда мы приезжаем в Мексику, ставшую третьей страной-домом.

А наше знакомство с Норми случилось на одном из классов в университете с его фразы: «А ты знаешь, моя тетья, живущая в Мехико Сити, русская».

И что, действительно одна из его теток — русская? Есть ли среди студентов, знакомых Вам, русские?

Да, его тетья — Наташа. Она живет в Мехико Сити, и она стала первым (после его мамы) членом семьи, с кем я познакомилась. В 2010 году, в мою первую поездку в Мексику, я летела одна, а Норми ждал меня в Тапачулле. Но мне нужно было переночевать где-то в Мексике, и я остановилась у Наташи.

Она встретила меня в аэропорту с табличкой Evdokia, и поначалу я не знала на каком языке с ней говорить. Но мы достаточно быстро перешли на русский язык.

Наташа — преподаватель балета в Национальной балетной компании. Даже если мы на несколько дней приезжаем в Мексику, то она всегда нас ведет посмотреть балет, и я совсем не против. Двое ее детей, Санти и Мелиса — кузены Норми, стали моими очень хорошими друзьями, нам вчетвером всегда очень весело, к тому же мы с ними ровесники.

До сих пор, когда я приезжаю в Мехико Сити, я с нетерпением жду утра, когда все еще спят, а Наташа уже встала, и тогда я иду на кухню пить с ней кофе и вести долгие разговоры.

В Эль Пасо у меня также есть знакомые русские, но нет русских друзей. Возможно это потому, что многие русские в основном концентрируются в православных церквях, что не является моей средой.

А приходится ли Вам использовать в эссе, работах, которые Вы делаете, знания и опыт, приобретенные в России?

Конечно, я думаю мы все используем свой опыт в любой нашей деятельности, тем более такой креативной, как написание научного эссе. Почти в каждой моей работе мелькает слова Россия или в России.

Как и любой мигрант, я начала чувствовать свою русскую идентичность, лишь когда покинула страну и увидела все различия, с которыми пришлось столкнуться.

Но, тут важно понимать еще и то, что мой опыт складывался не только в России. Когда я училась в Самаре, я прошла через две важные школы: Университет и сотрудник НКО. Мне сложно сказать, что из этих двух школ было важнее, но могу с уверенностью заявить, что опыт сотрудника НКО преломил границы моего понимания реальности и вырастил меня очень быстро.

Повлиял на меня в моем профессиональном становлении и мой папа. Он был очень творческим, передовым в науке человеком и не раз поддерживал меня и давал очень важные советы, в каком направлении двигаться в профессии и в жизни. А еще он владел всеми нужными социологу умениями. Папа на первых порах помог мне осваивать основы обработки данных в программе SPSS. Сейчас в американской магистратуре я прошла серьезный курс по этому предмету, и помню, что папа мной очень гордился, когда я рассказывала о своих новых достижениях.

Ко всему прочему можно добавить мой опыт работы на международном уровне, который был тогда и есть сейчас, в качестве активиста за гражданские права в организации Молодежная Коалиция за сексуальные и репродуктивные права (YCSRR). Друзья из самых разных стран этого мира перевернули мое представление о глобальном, а их личные истории стали для меня немаловажными уроками.

И все это теперь складывается в единое целое, понимание социологии как качественного явления, мира, населенного людьми с неповторимым опытом и необычными историями. Конечно, статистика необходима и важна (особенно при общении с политиками), но важно понимать, как часто мы упускаем, что за ответом на один вопрос, может стоять целая история, которая привела человека к его личному ответу.

С другой стороны, как Вам кажется, в какой мере теоретические знания и практические навыки, которые Вы приобретете в США, могут найти применение в России?

Пожалуй, самое важное, что я вынесла из местного образования, это критика. Причем критика не ради критики, а насыщенная аргументами и полезными идеями. Что еще важнее, это критика классиков. Я даже и представить себе не могла, чтобы кто-то осмелился критиковать Парсонса, Дюркгейма и Вебера. Они же классики! Боги социологии, фундамент наших идей и мыслей, нашего видения реальности.

Самая скучная лекция в моем родном университете была история социологии. Где лектор «читал» (здесь это слово особенно важно) нам возникновение социологии и основные мысли ученых классиков. Кто бы мог подумать, что в магистратуре это станет моим самым любимым предметом, переполнившим меня идеями, вдохновением, мыслями классиков, а затем за две последние пары, перевернув все мое понимание их теорий и идей. Все это произошло благодаря книге одного австралийского ученого Райвин Коннел «Южная Теория» (Raewynn Connell “Southern Theory”). Она осмелилась раскритиковать (причем подкрепляя всю критику мощными аргументами) наших «отцов», демонстрируя нам всю закрытость нашего мышления. Поставив самим себе рамки того, чьи мысли более важные, а чьи мысли менее важные, мы закрываем свое мышление от новых идей и новых типов исследования. Само собой, Коннел – постмодернистка, а постмодернистов в моем университете не изучали.

Было бы очень здорово, если бы все те тексты, которые я читаю здесь в магистратуре, были переведены на русский язык. До сих пор языковой барьер является немаловажной проблемой для молодых социологов, хотя сейчас уже многие понимают эту проблему и стараются ее решить.

Чтение текстов не только русских и западных социологов, а ученых Латинской Америки, Африки, Азии поможет нам расширить нашу реальность, увидеть совсем другие направления теоретических мыслей.

Но, в то же время я понимаю, что многие ученые не будут известны в России. Допустим та же Коннел, мужчина, ставшая женщиной. В связи с новыми законодательствами и гомофобными представлениями, многие государственные учреждения вряд ли бы осмелились использовать ее тексты в учебных программах.

Поддерживаете ли Вы контакты с кем-либо из российских социологов – ваших ровесников? И вообще, каков Ваши планы... поработать здесь, а там видно будет? Или вернуться в Россию и максимально использовать Ваши многообразные знания?

Из российских социологов – да, конечно, моя семья – сплошные социологи, а вот касательно ровесников-социологов, я не уверена.

Если говорить о ровесниках в социологии, то это ребята, которые со мной заканчивали Самарский государственный университет, мои хорошие друзья с которыми я постоянно на связи по интернету. Но насколько они себя видят в роли социологов, мне сказать сложно. Большинство окончивших социологический факультет разбежались по разным направлениям, не связанным с социологией.

логией, но социологическое мышление при этом в них осталось (на мой взгляд), и мы часто ведем разговоры о внешней и внутренней политике, обстановке в России и в США, оценивая и критикуя деятельность обоих государств.

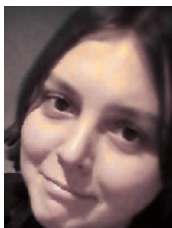
Пока что планов очень много, хочется развивать деятельность по социальному театру, расти как тренер и как исследователь в этой области.

В данный момент, в России общепринято употреблять выражение тренер в основном в бизнес-сфере, но также и в сфере общественной деятельности. Есть принципиальная разница между словами тренер и инструктор, поэтому мы и употребляем тренинг и тренер, как привитие определенных навыков, а не просто передачу информации.

Очень бы хотелось организовать III Международный фестиваль социальных театров, первые два были потрясающими событиями. Но на данный момент я очень занята по работе в магистратуре, и в организации деятельности с местной НКО (International AIDS Empowerment), мы с ними провели уже несколько занятий по театральным технологиям, а также я преподаю им йогу.

Есть несколько PhD программ, куда мне было бы интересно попасть, и несколько организаций, где мне было бы интересно поработать. Но на планирование этой деятельности и последующие шаги я отвела себе время в следующем семестре, когда до выпуска останется один год, и нужно будет серьезно размышлять, что же делать дальше.

Самое главное, что у меня много идей и вдохновения на деятельность. Я безумно люблю то, что я делаю и считаю это очень важным.

Интервью с Еленой Валерьевной ТЫКАНОВОЙ

«...МОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «КАЧНУЛОСЬ» ОТ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ЛЕГИТИМАЦИЙ УЧАСТНИКОВ КОНФЛИКТОВ К РАССМОТРЕНИЮ ИХ ПРАКТИК...»

Тыканова Е. В. – окончила факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета (2010 г.), кандидат социологических наук (2013 г.). Старший научный сотрудник, ученый секретарь диссертационного совета Социологического института РАН, ассистент кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии СПбГУ, доцент, НИУ Высшая школа экономики (СПб филиал).

Основные области исследования: городские исследования, культуральные исследования, исследования сообществ, оспаривание городского пространства, социология общественных движений, креативные индустрии, креативные сообщества и культурное потребление в большом городе.

Интервью состоялось: апрель – июль 2015 г.

Конец июля 2015 года, в галерее респондентов почти 130 портретов; первые интервью состоялись в 2005 году, десять лет назад. И, по крайней мере, половину этого времени я ожидал такую беседу, которая состоялась с Еленой Валерьевной Тыкановой. Это стало ясно мне уже в самом начале нашего общения.

Не позже 2009 года я обратил внимание на «социологическую карту» Ленинграда-Петербурга и увидел, что зарождение «ленинградской социологической школы» и ее развитие происходило и происходит в буквальном смысле «на берегах Невы». Сначала был философский факультет ЛГУ, где учились А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов и их коллеги по первой в стране социологической лаборатории.

Факультет — как и сейчас — располагался на Стрелке Васильевского острова, а лаборатория исходно размещалась в разваливавшемся тогда Меншиковском Дворце на набережной Невы. Потом коллектив Ядова работал в родившемся в 1965 году Научно-исследовательском институте комплексных социальных исследований, который многие годы занимал Дворец Бобринских, в конце Галерной улицы. Пропущу некоторый события, с 1974 года академическая социология была «прописана» в Институте социально-экономических проблем РАН на Шпалерной (тогда Воинова) улице, это тоже — на берегу Невы.

На той же улице находится величественное здание Таврического Дворца, в нем с 1944 по 1971 гг. работала Ленинградская высшая партийная школа. В середине 1960-х кафедру марксистско-ленинской философии возглавил А.Г. Здравомыслов, и при ней была небольшая социологическая группа, решавшая проблемы партийной социологии.

И вот уже четверть века социологический факультет Санкт-Петербургского университета располагается в комплексе зданий Смольного, в непосредственной близости от Невы.

Из истории науки и культуры известно, что многие черты науки и особенности творчества ученых является продолжением, следствием культурной среды, в которой работают исследователи. Следовательно, в ленинградской социологии оправданно искать дух старого Петербурга, архитектура которого, равно как и ленинградцы, пережившие блокаду и жившие в нем в середине прошлого века, определяли многие черты городской среды и повседневного общения горожан. Конечно, здесь, прежде всего, речь идет о методологической установке, о парадигматике поиска, но не только. Вещное наполнение, содержание городской среды послевоенного Ленинграда может быть найдено на фотографиях, сделанных в те годы, более того, опытный наблюдатель и сейчас многое увидит в структуре старых районов города, в фасадах и дворах домов и т.д. Быт и тип общения ленинградцев предстает в прозе и стихах ленинградских литераторов, в воспоминаниях жителей города. Особенно ценны в этом плане биографические воспоминания ленинградских / петербургских социологов старших поколений. Приятно констатировать, что в нашей текущей жизни обнаруживается немало следов прошлого, еще не все потеряно, еще о многом можно узнать...

Некоторые весьма предварительные, общие соображения о корнях «ленинградской социологической школы» обсуждались мною с несколько лет назад умершим философом, эстетиком и социологом, профессором Тартуского университета Леонидом Столовичем [1], [2]. Ленинградец по-рождению, он учился на философском факультете ЛГУ одновременно со Здравомысловым, Ядовым, А.В. Барановым, А.А. Русалиновой и В.Я. Ельмеевым.

Когда я прочел ответ Лены Тыкановой, родившейся и живущей в Петербурге, на мой вопрос о том, в какой части города прошло ее детство и где она пошла в школу, я увидел или почувствовал в нем нечто, позволившее допустить, что в ее миропонимании и деятельности Петербург — больше, чем просто среда обитания. Вот фрагменты ее ответа:

Все мое детство неразрывно связано с центром Ленинграда и Санкт-Петербурга. С самого рождения и до сих пор я живу буквально в двух шагах от Староневского проспекта — на Исполкомской улице в доме в стиле модерн, построенном в 1914 году для церковного клира из Александро-Невской Лавры.

Все эти места очень дороги мне, наполнены воспоминаниями, запахами, мелодиями и значимыми жизненными событиями. <...> Интересно, что дорогими и значимыми становятся те элементы городского пространства, которые, кажется, не могут иметь какой-либо ценности, разве что только – субъективной. Так, окна моей квартиры на втором этаже выходят в классический питерской двор-колодец. Жильцы нижних этажей практически лишены дневного света. <...>

Болезненно вспоминаю уплотнительную застройку, когда на месте сквера, в котором прошло мое детство, возвели новое жилое здание. Никто из жильцов соседних домов не стал защищать это зеленое пространство. Думаю, в том числе и это событие, впоследствии, оказало влияние на мои исследовательские интересы.

В 7 лет я пошла в гимназию на Невском проспекте и доучилась в ней до 11 класса. Исторически, точнее – биографически, так сложилось, что и вся моя дальнейшая жизнь была связана с Центральным районом. После окончания школы с медалью я поступила на факультет социологии СПбГУ, который расположен на площади Растрелли и нынешние места моей работы преимущественно расположены именно в центре города.

Внесу ясность, в моей типологии поколений советских / российских социологов Тыканова принадлежит к младшей, седьмой страте (это те, кто родился в интервале – 1983–1994 гг.), она окончила университет лишь в начале 2010 года.

Лене повезло с преподавателем, Анисьей Михайловной Хохловой, у которой она прослушала курсы по социологии повседневности, по социологии города и по социологии культуры. После лекций, вечером Лена (она училась на вечернем отделении) с подругой и этим преподавателем шли к станции метро «Чернышевская» по улицам старого Петербурга, расположенным рядом с Невой.

Далее, Тыканова вспоминает: «На третьем курсе мы с моей коллегой по обучению Еленой Петровой прогуливались дворам в районе Удельной на пути к парку Сосновка. И вдруг у нас возникла идея изучать дворы. <...> именно в тот день возник искренний интерес к городским исследованиям, которыми я пытаюсь заниматься до сих пор. <...> мы делали с коллегой попытки своеобразным образом «подцепить» атмосферу и причудливое обустройство петербургских дворов методом визуальной антропологии, но, как оказалось, эти попытки были очень наивными. Однако с большим интересом изучали старые и новые фотографии Петербургских дворов. <...> По итогам нашего дрейфа по дворам мы написали первую свою публицистическую статью в журнале ЛЭТИ «Метроном Аптекарского острова»».

Летом 2010 года Елена Тыканова поступила в аспирантуру и поступила на кафедру социологии культуры и коммуникации, где ее научным руководителем стал профессор Владимир Иванович Ильин, специалист по изучению повседневности и опытный фотохудожник.

В аспирантуре ее внимание было сфокусировано на анализе участников конфликтов, возникающей практике процессов оспаривания городского пространства и широкого социально-политического и социально-экономического контекста, в котором действуют конфликтующие стороны. И опять в поле ее зрения – уже как исследователя – было при-Невское пространство, так называемый Сергиевский квартал. Это – элитная часть города, ограниченная набе-

режной реки Фонтанки, Кутузовской набережной, проходящей над Невой, ул. Чайковского и Гагаринской улицей. В 2013 году Тыканова успешно защитила кандидатскую диссертацию.

Итак, исторический центр Петербурга вошел в сознание и в личностный мир Елены Тыкановой в детстве и ранней юности, и довольно быстро Петербург стал темой ее научных интересов. Это означает, что в своей научной и педагогической деятельности она будет тяготеть к рассмотрению проблем города и населения не с абстрактных, технократических, бюрократических позиций, но с пониманием истории города, его культуры. Будет стремиться слышать «голос города».

1. Столович Л. Я могу говорить о «петербургском духе» социологии // Телескоп. 2010. №6. С. 13–15 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1328194692116213file.pdf

2. Докторов Б. К социокультурным корням «Ленинградской социологической школы». Там же. С. 15–16.

Тыканова Е.В.: «...мое исследование «качнулось» от изучения дискурсивных легитимаций участников конфликтов к рассмотрению их практик...»

Лена, мне кажется, что я никогда не слышал Вашей фамилии — Тыканова. Что Вы знаете о ее происхождении, что вообще Вы знаете об истории Вашей семьи?

Борис Зусманович, большое спасибо за предложение принять участие в Вашем проекте. Для меня возможность рассказать о себе и, тем самым, своеобразным образом вплести свою все же еще только начинающуюся социологическую биографию, в ту коллекцию «голосов», которая уже собрана, представляет одновременно и предмет гордости, но, в то же время, и — определенного душевного волнения.

Действительно, Вы правы, фамилия Тыканова — достаточно редка. При этом, к сожалению, я не могу так подробно рассказать об истории моей семьи, как бы этого хотелось, а желанию «держаться корней» или хотя бы знать о ней больше помешали советская коллективизация и раскулачивание, которые унесли за собой и людей, и их память.

Мои прабабушка и прадедушка жили в Архангельской области в том месте, где сейчас находится город Северодвинск. Они были свободными крестьянами, и со временем своим упорным трудом им удалось разбогатеть. Это была достаточно большая семья: шесть или семь детей, у них был трехэтажный деревянный дом, они имели сколько-то голов крупного и мелкого скота, нанимали работников для сельскохозяйственных забот, и сами трудились с ними с утра до позднего вечера. В начале тридцатых годов начался процесс «раскулачивания», который коснулся и моих предков — на тот момент зажиточных крестьян. Мне известна легенда, что прабабушку и прадедушку предупредили, что на утро их придут забирать. Они собрали все то ценное, что у них было, и закопали в неизвестном месте в надежде вернуться и отыскать свой тайник. К несчастью, этого не произошло. Поскольку обратно они вернуться уже не смогли. На утро приехали люди, которые разрешили им взять с собой только что-то из одежды, посадили в телегу, и дальнейшая судьба моих родственников была связана с дорогой в Сибирь. Большая часть детей погибли в пути... В том доме, который большевики освободили, долгое время находилась администрация местного поселения. В моем доме мы бережно храним уцелевшие старые фотографии нашей семьи, сделанные в начале XX века.

Фамилия досталась мне от моей мамы, маме — от моей бабушки. Моя мама, Тыканова София Николаевна, закончила среднюю школу в Мурманской области и приехала поступать в Ленинград в Ленинградский экономический институт им. Вознесенского. После окончания института по распределению она работала инспектором-аудитором в банке в городе Багратионовске Калининградской области, но мысль о Ленинграде не покидала и мучила ее, и мама нашла возможность снова вернуться в этот город. Всю жизнь мама проработала инженером-конструктором на судостроительном предприятии «Аврора», которое выпускает аппаратуру для подводных лодок. Интересно, что это предприятие активно сотрудничало с заводом «Севмаш» в Северодвинске, где и сегодня живут мои

тетя, двоюродные братья и двоюродные племянники, которые уже не носят мою фамилию. Один из них работает на «Севмаше». Из истории моей семьи известно, что мамин дядя Александр Тыканов уехал в Магаданскую область, там влюбился в местную якутку, у них было множество детей с монголоидным фенотипом и моей фамилией, а место, где они жили, и до сих пор живут мои родственники, получило неформальный топоним — Тыкановка.

Мой отец — Валерий Павлов, доктор физических наук, работает там же, где и я — в Санкт-Петербургском государственном университете, на физическом факультете. Никакого участия в моем воспитании он не принимал, поэтому рассказать о нем мне практически нечего.

Мы с мамой активно интересовались историей семьи и тем, что же случилось с нашими родными после того, как прабабушку и прадедушку увезли в Сибирь, искали родственников по только появившемуся тогда Интернету... Удивительно, но нам удалось найти в Санкт-Петербурге родственницу по фамилии Тыканова. Она как-то легко и без подозрений согласилась прийти к нам в гости, принесла с собой семейные фотографии и рассказала много всего увлекательного. Например, что представители нашего семейного древа жили не только в Архангельской, но и в Вологодской и Новгородской областях, а на одной из наших родственниц женился известный живописец и театральный художник — Константин Коровин.

К сожалению, наша новая родственница уехала к сыну в Германию и связь с ней на сегодняшний момент утеряна...

Я — из семьи художника, с детства знаю работы Коровина, только что прочел книгу социолога-театроведа В. Н. Дмитриевского (с ним я летом провел интервью) «Шалапин», в ней — очевидно — присутствует и Коровин.

Так что Вы — ленинградка. В какой части города Вы прошло Ваше детство, где пошли в школу?

Все мое детство неразрывно связано с центром Ленинграда и Санкт-Петербурга. С самого рождения и до сих пор я живу буквально в двух шагах от Староневского проспекта — на Исполкомской улице в доме в стиле модерн, построенном в 1914 году для церковного клира из Александро-Невской Лавры. Все эти места очень дороги мне, наполнены воспоминаниями, запахами, мелодиями и значимыми жизненными событиями. Порой я себя чувствую как те бабушки, случайно встреченные в транспорте, которые с умилением рассказывают о местах своей памяти, о том, где здесь раньше была булочная, а где — можно было купить мороженое в железных креманках. Интересно, что дорогими и значимыми становятся те элементы городского пространства, которые, кажется, не могут иметь какой-либо ценности, разве что только — субъективной. Так, окна моей квартиры на втором этаже выходят в классический питерской двороколодец. Жильцы нижних этажей практически лишены дневного света.

Напротив одного из окон квартиры находится арка, ведущая на улицу, под сводами которой в дождливую погоду набиралась лужа. Отражаясь в ней ранним утром и на закате, солнце озаряло одну из комнат, а одним из способов моего познания «законой» уличной жизни — было наблюдение того, как

в этой замечательной луже отражаются перевернутые, торопливо шагающие по Исполкомской улице фигуры. К сожалению, при очередной смене покрытия, лужа больше не собирается под аркой, а я все меньше смотрю в окно.

Болезненно вспоминаю уплотнительную застройку, когда на месте сквера, в котором прошло мое детство, возвели новое жилое здание. Никто из жильцов соседних домов не стал защищать это зеленое пространство. Думаю, в том числе и это событие, впоследствии, оказало влияние на мои исследовательские интересы.

В 7 лет я пошла в гимназию на Невском проспекте и доучилась в ней до 11 класса. Исторически, точнее — биографически, так сложилось, что и вся моя дальнейшая жизнь была связана с Центральным районом. После окончания школы с медалью я поступила на факультет социологии СПбГУ, который расположен на площади Растрелли и нынешние места моей работы преимущественно расположены именно в центре города.

Пожалуйста, вспомните школу... ясно, учились Вы — отлично; что больше нравилось, чем занимались за стенами школы? Что читали Вы и Ваши ровесники (друзья) в старших классах?

Я училась в математическом классе, но, к своему удивлению, не сразу смогу вспомнить, что означает, скажем, логарифм или интеграл... У меня были дополнительные занятия по литературе, отечественной истории и спорту, которые в школьные годы доставляли мне самую большую радость и воодушевление.

Сейчас, оборачиваясь в сторону школьных воспоминаний, у меня в первую очередь возникают перед глазами прочитанные книги. С большим теплом вспоминаю моего учителя по литературе в 11 классе Стецкую Ирину Викторовну (недавно пыталась отыскать ее в Интернете), которая очень много и нетривиально с нами работала, раздвинула, насколько это было возможно, границы нашего воображения и чувствования, понимания художественного текста, развила наши критические способности и искусство аргументации. До сих пор помню ее: «В самых трудных жизненных ситуациях зачастую только сильная книга сможет вас спасти». В памяти вертится эпизод, когда мой одноклассник на вопрос Ирины Викторовны: «Что такое поэзия Блока?», — ответил: «Поэзия Блока — это космос».

В процессе моего погружения в литературу глубокое влияние на меня оказали семья Ганбергов-Плошко, которые в 10–11 классах часто разрешали мне брать книги из своей богатой библиотеки и с удовольствием обсуждали со мной прочитанное. Помню, как Миша Ганберг, который был старше меня в два раза, уверенно сказал, что «Степного волка» Гессе лучше всего читать в 30 лет, потому что многое просто не доступно подростковому жизненному опыту. Меня, тогда шестнадцатилетнюю, это сильно (по-хорошему) разозлило. Книга произвела острое впечатление и сегодня стала своеобразным цитатником в тех ситуациях, когда мне нужно как-то объяснить моим друзьям-несоциологам, что такое социальная феноменология. Я очень благодарна моему школьному другу Марии Вертилецкой, которая по-новому раскрыла для меня поэзию Манделштама, за долгие литературные разговоры по телефону, формат которых, наверное, в нынешних социальных условиях уже, в принципе, сложно представим. Кажется, мы в старших классах читали все, что только попадало нам в руки.

Наверное, можно сказать, что все это было не системно и беспорядочно, но я очень счастлива за то, что у меня был период беззаботного упоительного чтения: Татьяна Толстая и Сергей Довлатов, Франц Кафка и Махабхарата, Александр Солженицын и Густав Майринк, Анна Ахматова и Владимир Сорокин, Исаак Бабель и Андрей Платонов, Виктор Пелевин и Антуан де Сент-Экзюпери, Федор Достоевский и Эрих Мария Ремарк, Герман Гессе и Эрнест Хемингуэй, Владимир Набоков и Иосиф Бродский, Надежда Мандельштам и Илья Эренбург, Даниил Хармс и Оскар Уальд — это не все те, кого мне удалось прочесть за 11 класс.

К сожалению, сейчас все сложнее позволить себе хорошую художественную литературу, но отказываться от этого невозможно: чувствую, что без нее можно зачерстветь и с книгой не так страшно то, что порой происходит вокруг.

Мне, Лена, очень приятны Ваши замечания о значимости для Вас архитектуры, духа центра Петербурга. Когда-то я обращал внимание В. А. Ядова на то, что «вся социология» города тяготела и тяготеет к Неве. Первая социологическая лаборатория Ядова располагалась в Меншиковском Дворце, а философской факультет ЛГУ — на стрелке Васильевского острова. Одно время Ленинградские сектора Института социологии были на Ломоносовской улице, за Гостинным двором — самый центр старого Петербурга. Потом — ИСЭП АН СССР, на Шпалерной ул., куда уж ближе к Неве? Социологический ф-т СПб Университета — на Неве, Европейский Университет — на Неве... для меня во всем этом есть какой-то знак, требующий разгадки...

В каком же году Вы поступили в социологический факультет? Как пошло учение? К чему больше душа лежала? Чьи курсы Вас наиболее привлекали?

Я подала документы в приемную комиссию в июне 2004 года. Параллельно я отнесла документы в РГПУ им. Герцена и ФИНЭК. Цель была одна, и она была ясна — только Университет. Если честно признаться, то я с трудом себе представляла, что такое социология. В школе мне очень нравились география и история, но образ геолога в длительном дождливом походе и «человека с линейкой» (геодезиста) отпугивал, а тяга историков к изучению источников и некоторое невнимание к актуальным проблемам живых людей поспособствовали тому, что я выбрала что-то «комплексное», но при этом не менее для меня в тот момент «туманное». Помню, мы с мамой долго шли по коридору до приемной комиссии на философском факультете СПбГУ, на стенде я бегло просмотрела описания специальностей и как-то очень быстро остановилась на «социальной антропологии». Вот она — сила рекламного объявления, которая потом во многом определяет твою жизненную траекторию... У меня была серебряная медаль и было бы достаточно сдать первый экзамен — историю — на «отлично». До поступления я неистово готовилась к истории, посвящая этому все послешкольное время. Экзамен состоял из трех частей: две — тестовые задания и одна — письменный развернутый ответ. Оценка выставлялась по наихудшему сценарию: выбиралась самая низкая оценка из трех — она и была итоговой. При ответе 5—5—3 оценка была бы — 3, при 5—4—5 — 4 и так далее... Меня «погубило» восстание Декабристов. Единственной ошибкой в моем вступительном экзаменационном задании были перепутанные «Южный союз» и «Северный союз» с «Южным обществом» и «Северным обществом». Моя итоговая оценка, а после

объявления результатов по истории многие в списках поступающих, что называется, «посыпались» — была 4. Далее я сдала иностранный язык и была зачислена на специальность «социальная антропология» на вечернее отделение. Сначала я сильно расстроилась. Помню, при индивидуальной беседе перед зачислением декан факультета социологии Николай Генрихович Скворцов (он до сих пор занимает этот пост) сказал мне, что не стоит горевать и вечернее — ничем не отличается от дневного отделения, сказал, что сам он закончил вечернее и вот он передо мной — декан. В РГПУ я поступила без проблем на дневное отделение при конкурсе 8 человек на место, но выбор был уже predetermined заранее и сомнений не было никаких — Университет. В дальнейшем, мне очень помогло вечернее отделение, потому что моя семья весь период моего обучения была в довольно стесненных финансовых обстоятельствах и свободное время днем позволило мне работать. Сильное впечатление на первом году обучения оказали курсы по логике доц. Ладушкина, социолингвистика и введение в специальность Александра Владимировича Тавровского. Александр Владимирович ездил на филфак и привозил нам в аудиторию большие карты, отражающие ареал распространения диалектных слов. Например, отчетливо помню карту, на которой были помечены диалектные версии слова «огурцы»: «огурки», «огуронки» и т.д. Требовательность и высокий профессионализм Александра Владимировича очень привлекали и, впоследствии, мне посчастливилось поработать с ним как с научным руководителем и считаю, что мне в этом выборе очень, очень повезло.

В целом, на первом курсе было много общих специальностей: высшая математика, экономика, история... На дальнейших курсах были замечательные лекции Марины Степановны Куропятник по антропологии родства, Веры Игнатьевны Бочкаревой — по теоретической социологии, Виталия Евгеньевича Григорьева — по методологии количественных исследований, Вадима Евгеньевича Семенкова — по социологии культуры, Марии Владимировны Рубцовой — по управлению и планированию, Ирины Крецер — по межкультурной коммуникации. К 4 курсу я была студенткой-отличницей, но, если честно, с трудом себе представляла свое будущее в качестве социолога и, хоть вступительный туман и иллюзии рассеялись, появились новые. Вадим Евгеньевич говорил нам: «Вы все очень хорошие, и Вы мне нравитесь. Но я не вижу, чтобы Вы были готовы на серьезную научную работу». Хотя это звучало и горько, но было на тот момент — справедливо. На 4 курсе моего обучения произошло знакомство с преподавателем, которое я считаю для себя во многом, не побоюсь этих слов, определившим мою дальнейшую судьбу.

Дело было таким образом: во втором семестре 4 курса я не успела выбрать спецкурс. Оставался только один у какого-то неизвестного нового преподавателя. Я пропустила первое занятие по этому курсу и потом узнала у одногруппников, что для того, чтобы его посещать, преподаватель просит к каждому занятию делать письменную работу. Делать было нечего, я без особого старания написала первое эссе, посвященное сравнению качественной и количественной методологии социологического исследования, и пришла на второе занятие. В тот период моей жизни (20—21 год) я была очень скептически и критично ко всему настроена. Видимо, во мне играл мой юношеский максимализм. Помню, что я как-то очень дерзко ответила на какой-то вопрос Анисьи Михайловны Хохловой в начале ее занятия, но уже через несколько минут я поняла, что это тот человек, у которого

стоит и нужно учиться. Тот спецкурс назывался «Методология исследования культуры и конфликтов» и, по большому счету, был посвящен качественной методологии социологического исследования. Занятия Анисьи были блестящи: они сочетались с ее педагогическим талантом, великолепной теоретической эрудицией и богатым эмпирическим опытом. При этом Анисья всегда имела персональный подход к каждому студенту. В ту весну я начала по-настоящему гореть социологией, искать, читать, думать. Социология началась для меня с Анисьи. На следующий год Анисья прочитала нам великолепный курс по социологии повседневности (на мой вкус, самый сильный из всех тех курсов, которые вообще преподают на факультете), и по социологии города, а через год, на шестом курсе — по социологии культуры. В тот момент я занималась исследованием в русле социологии города, и лекции занятия Анисьи еще больше разожгли мой интерес. Я тщательно готовилась к ее занятиям, наперед читала все ридеры и больше, поскольку в споре с Анисьей никогда не хватало пустых аналитических способностей — нужно было владеть текстами. К каждому занятию, помимо чтения литературы, нужно было писать эссе, и уже вечером после занятий перед сном я горячо чувствовала образы, которые потом и становились ответами в этих письменных работах. Та ответственность, с которой Анисья преподавала нам, не давали возможности безынициативно подходить к поставленным задачам. Я рада, что она, как преподаватель, ценила мои работы и даже при случае показала одну из них Петру Штомпке.

После лекций вечером мы с моей подругой Еленой ходили вместе с Анисьей по Шпалерной и Фурштатской улицам (как правило, шел снег), до метро Чернышевская и разговаривали по пути домой. Наши разговоры потом перешли в формат личной переписки, и таким образом, мы с Анисьей стали друзьями. Это было и есть предметом моей огромной гордости — быть другом Анисьи Хохловой. Сегодня мы работаем бок-о-бок на одной кафедре, вовлечены в разнообразные научные проекты, вместе пишем статьи и выступаем на конференциях, я с удовольствием замещаю Анисьины лекции в период ее командировок.

Недавно, готовясь к семинару в Высшей школе экономике, я нашла и пролистала тетрадь с того курса по качественным методам, который нам преподавала Анисья и почувствовала, что эти и последующие лекции были одними из самых ярких и эмоциональных моментов в моей научно-ученической жизни.

Что же, Лена, далеко не всем так везет... по какой теме Вы писали дипломный проект?

На третьем курсе мы с моей коллегой по обучению Еленой Петровой прогуливались дворами в районе Удельной на пути к парку Сосновка. И вдруг у нас возникла идея изучать дворы. Кажется, то, что мы тогда делали вместе с Еленой и научным руководителем на третьем курсе, было достаточно наивно и не выдержало бы сейчас критики. Однако именно в тот день возник искренний интерес к городским исследованиям, которыми я пытаюсь заниматься до сих пор. Мои промежуточные работы были посвящены в большей степени так называемым «сообществам — «за»: тем соседским группам, которые занимаются не протестной деятельностью, а созданием чего-то нового, самостоятельным решением каких-либо локальных проблем, например, благоустройством. Между тем, с течением времени и погружением в перипетии жилищных сообществ, их

внутреннюю структуру, динамику и т.д. пришло осознание, что не существует в чистом виде сообществ — за и сообществ — против. Соседское, локальное сообщество, в американском варианте — neighborhood — это всегда сложносочиненное социальное явление, которое на разных этапах своего развития, а порой и одновременно, может включать как акции по благоустройству, так и деятельность по оспариванию городского пространства от агрессивного, по мнению горожан, вмешательства сильных групп интересов (городские или муниципальные власти, девелоперы, инвесторы, строительные компании) в виде уничтожения скверов и других зеленых насаждений, уплотнительной застройки или же сноса зданий и строений. Именно подобное вмешательство в пространства повседневного, каждодневного пользования горожан, а также те инструменты, к которым прибегают участники градостроительных конфликтов в процессе оспаривания городских территорий и стало, в итоге, моим центральным научным интересом. Стоит отдельно подчеркнуть, что те теоретические основания, к которым мы пришли с моим научным руководителем Александром Владимировичем Тавровским еще в моем студенчестве, до сих пор являются для меня актуальными: его предложение попытаться проинтерпретировать дискурсы и действия локальных активистов сквозь призму прагматической социологии Лорана Тевено отразилось и в диссертационном проекте.

А не пробовали изучать методами фотосоциологии старые Петербургские дворы? Эта реальность вскоре совсем исчезнет. Они (дворы) — еще (чуть-чуть) хранят дух дореволюционного Петербурга...

Действительно, мы делали с коллегой попытки своеобразным образом «подцепить» атмосферу и причудливое обустройство петербургских дворов методом визуальной антропологии, но, как оказалось, эти попытки были очень наивными. Однако с большим интересом изучали старые и новые фотографии Петербургских дворов. Особенно большое впечатление производили альбомы Владимира Антощенко. По итогам нашего дрейфа по дворам мы написали первую свою публицистическую статью в журнале ЛЭТИ «Метроном Аптекарского острова»...

Да, конечно, дворы, мосты, фонари, решетки, фигуры львов, отдельные лестницы еще хранят прошлое... но нужно желание и умение это увидеть. Более полувека назад моя мама, работавшая в Театральной библиотеке, вместе с Евгением Павловичем Злобиным (недавно умершим телережиссером, а тогда, по-моему, студентом Театрального института), он был прекрасным фотографом, много ходили по Ленинграду и делали черно-белые снимки всего, в чем можно было увидеть Петербург. Интересно, сохранилась ли эта коллекция...

Когда Вы окончили университет, по какой теме делали дипломное исследование?

Моя выпускная квалификационная работа как раз и была посвящена тому, как жильцы пытаются обосновать свое «право на город» посредством защиты той территории, которую они в силу различных обстоятельств воспринимают в качестве своей или же путем ее улучшения в виде благоустройства. Непопулярные среди горожан решения городских властей и строительных компаний по трансформации пространства и его редевелопмента: в виде уплотнительной застройки

или сноса зданий, а также уничтожения зеленых насаждений в пользу более коммерчески выгодного использования территорий приводят в мобилизации горожан и поиску возможных решений, которые опосредованы узкой структурой возможностей оспаривания пространства в нашем городе, а также предыдущим опытом самоорганизации. Помимо протестных инициатив, в своем дипломном проекте я рассмотрела и случаи самоорганизации жильцов с целью благоустройства городского пространства и сравнила эти два механизма — динамику локальных сообществ, вовлеченных как в дело по улучшению места своего повседневного использования, так и в протестную мобилизацию. Уже в диссертационном исследовании я сосредоточилась только на случаях сопротивления горожан агрессивному девелопменту и планированию со стороны так называемых сильных групп интересов — инвесторов, строительных фирм и разного уровня властных структур.

Лена, это какой год был? И Вы сразу поступили в аспирантуру? Направление диссертационного исследования Вы обозначили, но не могли бы Вы теперь указать какие-либо конкретности, детали Вашей работы? Приведите несколько примеров «сопротивления горожан».

Поскольку я училась на вечернем отделении (которого, кстати, больше не существует в СПбГУ, что весьма сокращает шансы на поступление таких, как я), то мое студенчество продлилось не классических 5 лет, а 5 с половиной. Дипломы мы защищали в морозном феврале 2010-го года. По своему внутреннему самоощущению и парадигмальным предпочтениям я поняла, что хотела бы скорее заниматься социологией, а не антропологией, хотя версия антропологии и полевые исследования, которые мы проводили в рамках этой дисциплины, очень пересекалась с микросоциологией. Летом 2010 года я успешно сдала экзамены в аспирантуру и поступила на кафедру социологии культуры и коммуникации под научное руководство Владимира Ивановича Ильина.

В аспирантуре мое исследование «качнулось» от изучения дискурсивных легитимаций участников конфликтов к рассмотрению их практик, а также более широкого социально-политического и социально-экономического контекста, который опосредует действия всех сторон процесса оспаривания городского пространства. Например, среди жильцов Сергиевского квартала (квартал, ограниченный наб. реки Фонтанки, Кутузовской наб., ул. Чайковского и Гагаринской улицей) стала распространяться информация о том, что здания будут снесены, а на их месте застройщики возведут новые коммерческие и жилые постройки. На митинге, посвященном обсуждению возникшей ситуации и способов ее решения, жильцы демонстрировали друг другу предварительный план застройки квартала, который им удалось каким-то хитрым способом добыть у местной администрации. Как правило, риторика представителей локального сообщества обращается вокруг тех «ресурсов», которые они имеют, либо же которые есть у оспариваемой территории. Часть жильцов ратовала за сохранение квартала, обращаясь к его исторической и архитектурной ценности, тогда как другая группа жильцов стала стигматизировать подобный аргумент в пользу рационального подхода: срочной приватизации квартир, создания ТСЖ, которое позволило бы оградить территорию от внешнего вмешательства. Получается, что у обеспокоенных горожан было две возможности сохранить свою территорию от трансфор-

мации — это публичный протест и так называемая стратегия «выхода» — смены субъекта, который принимает решение в отношении оспариваемого участка городского пространства. В иных же случаях, к примеру, данная опция либо заблокирована: как произошло с владельцами снесенных гаражей (несколько лет назад «гаражники» имели возможность приватизации гаража, но не пользовались ей, так как собственность на постройку не проблематизировалась), либо попросту не существует: как, например, в ситуации оспаривания такого публичного пространства как площадь. Например, площадь Мужества. В таких ситуациях горожане вынуждены прибегать к самому изощренному репертуару сопротивления: автопробегам, созданию локального фольклора вокруг конфликтных курьезов, сбору подписей, перекрытию улиц, физическому сопротивлению, захвату территории и установки на ней палаток с круглосуточным дежурством, виртуализации сообщества, а также, что стало характерно для последних лет, к выстраиванию сетевых альянсов с другими локальными протестными группами, градозащитными организациями, что иногда ведет локальных активистов к политизации и осознанию ответственности не только за «свою» территорию, но и за весь город. Примечательно, что не только жильцы прибегают к гибким и скрытым маневрам — своеобразным тактикам сопротивления, но и те, кто исполняют решения властей, также не чужды подобным действиям. Например, в ходе «гаражных войн» — сноса боксов, владельцы запирались в своих гаражах и тем самым препятствовали их сносу, в то время как работники подгоняли к гаражу грузовики и буквально оттуда «выкуривали» гаражников выхлопными газами!

Так, сложная тема: и по замыслу, и по методам изучения. К каким же основным выводам вы пришли?

В результате проведенного исследования я пришла к множеству выводов. Во-первых, процесс оспаривания городского пространства в России происходит в условиях неопределенности, порождаемой сосуществованием множественных режимов прав собственности, постоянными корректировками законодательных баз, непрозрачностью решений и действий городских властей и инвесторов, отсутствием своевременного и полного информирования населения о проектах городского развития, и, в целом, общей правовой неграмотностью горожан и отсутствием устойчивой традиции гражданского участия, сколько бы не говорили о возрастающем количестве протестов. Поэтому все стороны конфликтов, включая даже и городских властей и инвесторов, сталкиваются с неожиданными для себя опытами, с различного рода новыми и неизведанными заранее «прагматическими испытаниями». Тот факт, что часть решений властей все же принимается в пользу горожан и свидетельствует об этой структурной множественной неопределенности. Во-вторых, классики социологии города уверенно утверждают, что сильным публикам характерны пространственные рациональные стратегии, тогда как слабым (горожанам) — пространственные гибкие и неявные тактики и практики. Оказалось, что и те, и другие прибегают и к стратегиям, и к тактикам. В-третьих, среди российских социологов существует устойчивое утверждение, что горожане поддерживают патерналистские отношения с городскими и федеральными властями. Однако оно не нашло подтверждения на материале изученных эмпирических случаев. Напротив, слабые группы интересов на начальных

стадиях оспаривания городского пространства прибегают к легальным способам борьбы, которые, ввиду сложившейся структуры политических возможностей в Санкт-Петербурге, оказываются малоэффективными, что ведет к персонифицированному обращению к высокопоставленным чиновникам. Проще говоря, горожане пытаются добиться чего-то через суд, но постоянно проигрывают, поэтому далее в ход идут все иные возможные инструменты. Выбор стратегий оспаривания городского пространства локальными активистами коррелирует с уровнем организации и степенью институционализации локальных сообществ. Локальные сообщества, имеющие форму организованной группы, проявляют большую склонность к созданию сетевых альянсов с другими инициативными группами, а также к сотрудничеству с градозащитными организациями города, нежели чем группы, находящиеся на латентной стадии групповой динамики. Как я уже показала на примере Сергиевского квартала и других случаев, различия в репертуаре инструментов оспаривания городского пространства локальных активистов зависят от возможности сменить делегированного субъекта принятия решений по отношению к территории. Данная возможность, свою очередь, зависит от типа городского пространства – в случае защиты площади или улицы эта опция просто не существует или маловероятна: для этого нужно сменить губернатора и городское, а порой – и федеральное, законодательство. И именно при таком условии отсутствия возможности выбрать по своей воле организацию, ответственную за принятие решений о судьбе оспариваемой территории, локальные сообщества для эффективной защиты городского пространства обращаются к публичным протестным действиям. Вообще, стоит заметить, что существенной проблемой коммуникативного взаимодействия членов локальных сообществ, властей и девелоперов выступает отсутствие посредников, которые могли бы переводить зачастую эмоциональные требования местных активистов на понятный административно-бюрократический язык сильных групп интересов, так и, в принципе, осуществлять обратную связь. Вообще же часть локальных протестов может произойти и вовсе при отсутствии реальной угрозы городскому пространству, что происходит вследствие низкой информированности горожан о градостроительных планах сильных групп интересов и их последствий. Диссертационное исследование содержало множество других выводов, приведение в полном виде которых здесь не представляется возможным.

Лена, Вы много преподаете, в разных университетах... какие курсы Вы читаете?

Поскольку моя должность в СПбГУ – ассистент, то я не могу вести лекции по обязательным дисциплинам. Поэтому в Университете я веду семинары по социологии коммуникации, коммуникационному менеджменту и социологии конфликта. Нередко мне приходится замещать Анисью Хохлову и читать за нее лекции по курсу «Социология культуры» на философском факультете, факультетах искусств и социологии. В следующем учебном году совместно с Карин Клеман – ведущим специалистом в области изучения общественных движений, будем вести в университете спецкурс «Социология общественных движений». В Высшей школе экономики мне выпала удача взаимодействовать со студентами во всех тех контекстах, которые касаются исследований города: я веду курсы «Социология города» и «Урбанистика», совместно с Маргаритой Кулевой –

научно-исследовательский семинар «Культура. Город. Потребление», а также вместе с Даниилом Александровичем Александровым, Яной Крупец, Надеждой Нартовой и Ксенией Тенишевой принимаю участие в курировании городской полевой практики студентов. В этом году мы изучали телесность, локальную занятость, безопасность, школы и практики самоорганизации жильцов левобережной части Невского района. У меня довольно широкий опыт публичных выступлений, связанный, в том числе, и с преподаванием на школах СПбГУ и НИУ ВШЭ.

Вы многое знаете, многое успели, недавно защитили кандидатскую диссертацию. У Вас нет планов поучиться или поработать недолго на Западе в одном из университетов? Для представителей Вашего поколения это достаточно распространенная практика...

Борис Зусманович, действительно, Вы правы, что работа на Западе является для многих молодых социологов очень желанной. Мне очень повезло в том, что после защиты диссертации мне предложили работу несколько петербургских университетов и научных организаций. В данный момент мне бы хотелось сосредоточиться на работе в Санкт-Петербурге. Однако у меня был опыт сотрудничества с иностранными учебными заведениями: при содействии ЦНСИ вместе с грузинскими преподавателями и студентами Тбилисского государственного университета у нас была прекрасная школа по методам полевого исследования города, при поддержке DAAD я стажировалась в Собронне в Париже, у меня было сотрудничество с социологами из университетов Лозанны и Женевы: в сентябре прошлого года они пригласили меня в Швейцарию для работы над подготовкой совместной научной заявки, и, если все получится, в январе следующего года я бы хотела пройти стажировку в Парижской EHEES (Высшей школе социальных наук).

Научное издание

Докторов Борис Зуسمанович

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОИСКИ

В 9-ти томах

ТОМ 8

БЕСЕДЫ С СОЦИОЛОГАМИ

V-VII ПОКОЛЕНИЙ

Часть 1

Так начиналась российская постсоветская социология

Макет издания Елена Григорьева

Издатель: Центр социального прогнозирования и маркетинга

127106, Москва, ул. гостиничная, 9.

Тел. (495) 481-18-38, 482-18-47

E-mail: info@sheregi.ru

Подготовка электронного издания:
IT центр Института социологии РАН

E-mail: delo@isras.ru

Тираж: 500 экз.